П.В. Мультатули

Свидетельствуя о Христе до смерти...

Екатеринбургское злодеяние 1918 г.: новое расследование

П. В. Мультатули

Свидетельствуя о Христе до смерти...

Екатеринбургское злодеяние 1918 г.: новое расследование

Издание третье, исправленное и дополненное

Москва - Екатеринбург
Фонд «Русский предприниматель»
(Екатеринбург)
2008

ББК 63.3 (2 Рос)
М90

Автор выражает глубокую благодарность президенту Фонда «Русский предприниматель» (Екатеринбург) Сергею Владимировичу Писареву, а также В.В. Аверьянову, Л.А. Лыковой, А.В. Рачинскому, Ю.А. Рябову, А.Л. Сысоеву, В.А. Журавлеву, Е.Н. Чавчавадзе, оказавшим неоценимую помощь в издании этой книги.

Мультатули П.В.

М90 Свидетельствуя о Христе до смерти... Екатеринбургское злодеяние 1918 г.: новое расследование / П.В. Мультатули. — Москва – Екатеринбург: Фонд «Русский предприниматель» (Екатеринбург), 2008. — 800 с. Илл.

ISBN 978-5-89747-066-2

Эта книга — новое расследование убийства последнего русского Императора Николая II и Его Семьи, проведенное профессиональным историком, правнуком повара И.М. Харитонова, мученически погибшего вместе с Царской Семьей в Ипатьевском доме.

П.В. Мультатули анализирует материалы российских и иностранных архивов, критически рассматривает многие выдвигавшиеся ранее разными исследователями версии совершения преступления и приходит к выводам, которые до него не делал никто из авторов, писавших на эту тему.

В центре внимания П.В. Мультатули находится личность Императора Николая II, которую автор считает ключевой для понимания новейшей русской истории.

ISBN 978-5-89747-066-2

Патриарх
Московский
и всея Руси

119034 Москва, Чистый пер., 5

Г-ну П.В. МУЛЬТАТУЛИ

Уважаемый Петр Валентинович!

Благодарю Вас за Вашу книгу под названием «СВИДЕТЕЛЬСТВУЯ О ХРИСТЕ ДО СМЕРТИ... Екатеринбургское злодеяние 1918 года: новое исследование».

Отрадно получить такой труд от Вас правнука Ивана Михайловича Харитонова, который был одним из преданных слуг государя св. страстотерпца Николая II.

Надеюсь, Ваше исследование станет еще одним шагом на пути установления исторической правды и восстановления памяти нашего народа о трагических событиях лихолетия, а также и послужит оживлению интереса к духовной сути подвига императора, его семьи и близких ему людей.

Поздравляю Вас с Великим Постом - духовной весной православных христиан.

Желаю Вам бодрости духа и крепости сил.

ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Прошло 88 лет с тех пор, как в полуподвальном помещении дома Ипатьева в городе Екатеринбурге были убиты свергнутый с престола Император Николай Александрович, Императрица Александра Федоровна, Наследник Цесаревич Алексей Николаевич, Великая Княжна Ольга Николаевна, Великая Княжна Татьяна Николаевна, Великая Княжна Мария Николаевна, Великая Княжна Анастасия Николаевна и четверо верноподданных (доктор Е.С. Боткин, комнатная девушка А.С. Демидова, лакей А.Е. Трупп, повар И.М. Харитонов), добровольно принявших смерть за своего Царя. Тогда же, 88 лет тому назад, белым следствием была открыты первая страница уголовного дела по факту этого убийства. В течение нескольких месяцев 1918–19 годов сменились три следователя, расследовавших это дело. Работа первых двух (Наметкина и Сергеева) была признана властями неудовлетворительной, и в начале 1919 года дело принял к своему производству следователь Н.А. Соколов. Волею обстоятельств это уголовное дело стало для Соколова тяжким крестом, который он пронес через всю оставшуюся жизнь. Прообраз этого креста возвышается теперь над его могилой на кладбище маленького французского городка Сальбри с надписью: «Правда Твоя — Правда во веки».

Чем больше Соколов вникал в материалы уголовного дела, чем тщательнее он исследовал вещественные доказательства, чем больше он знакомился с показаниями свидетелей и обвиняемых, тем больше открывалась перед ним картина чудовищного изуверского преступления, жертвой которого стала Царская Семья. Допросив свидетелей и обвиняемых, проведя осмотр дома Ипатьева, пройдя пешком шаг за шагом 20 верст от Екатеринбурга до урочища «Четырех Братьев» на Старой Коптяковский дороге, осмотрев местность вокруг этого урочища, проведя необходимые криминалистические экспертизы — Соколов пришел к однозначному выводу, что Царская Семья была убита, трупы ее расчленены и сожжены при помощи бензина, а обугленные останки уничтожены серной кислотой. Свое представление о том, как произошло само убийство Царской Семьи, Соколов строил, исходя из показаний обвиняемых П. Медведева, А. Якимова, Ф. Проскурякова. Те утверждали, что Царская Семья была расстреляна в полуподвальной комнате дома Ипатьева ночью 17-го июля командой «латышей» под руководством коменданта Дома Особого Назначения Янкеля Юровского, лично убившего Государя. В пользу этой версии говорили и многочисленные следы от пуль в стенах и полу комнаты нижнего этажа, на

которую указывали свидетели, и следы замывки крови. Но Соколову было не суждено довести расследование до конца. Неудача белых привела к окончанию его следовательской работы в России. Увозя с собой материалы следствия, Соколов покинул пределы России и продолжал свое расследование в эмиграции. Но при всей тщательности расследования Соколов не мог до конца восстановить картину преступления, так как не были арестованы и допрошены главные организаторы и исполнители убийства: Свердлов, Юровский, Голощекин, Сафаров, Войков и другие. Не были до конца изучены их заграничные связи с тайными организациями, сыгравшими, по целому ряду свидетельств, важную, а, может быть, и решающую роль в организации преступления. Соколов умер, лишь подойдя к изучению этой таинственной стороны Екатеринбургского злодеяния.

Сами организаторы преступления сделали все, чтобы скрыть истинные обстоятельства убийства Царской Семьи. В первые же часы после убийства они организовали целую кампанию лжи и дезинформации, многие элементы которой в ходу до сих пор. Долгое время нас пытались уверить, что Царская Семья была расстреляна по постановлению Уральского Совета, принявшего решение, так сказать, по собственному почину, без согласия Москвы. Эта набившая оскомину ложь привела к тому, что в годы перестройки, да и в сегодняшней историографии возобладало другое, не менее ошибочное мнение, что Царская Семья была убита по воле большевистского правительства, которое руководствовалось политическими соображениями. Иные даже уверяют, что убийство Царской Семьи было осуществлено по личному приказу Ленина, который тем самым «мстил за брата».

Между тем, по нашему мнению, гибель Императора Николая II и его Семьи была обусловлена всей жизнью и деятельностью последнего Самодержца и тем нравственным выбором, который он сделал в начале своего царствования и которому был верен всю жизнь: верности Христу, России и долгу царского служения.

В условиях невозможности одоления духовного кризиса обыкновенными материальными способами Николаю II оставался только один путь: **мученичества на престоле и принесения себя в жертву во имя спасения России.** Но между ним, Царем, и Россией в силу различных обстоятельств, главным из которых было отступление России от верности заповедям Христовым, образовалась огромная пропасть. И у Царя было два выхода: поддаться соблазнам лукавого века и рухнуть в эту пропасть вместе с Россией или ценой принесения себя в жертву попытаться спасти Россию если не для этого века, то для будущего, дать ей возможность оправдаться на Страшном Судище Христовом. Николай II выбрал последнее: «*Может быть, для спасения России необходима жертва — я готов стать этой жертвой*».

Только поверхностный и схоластический, материалистический ум назовет эту цель Царя химерической. Православный же человек поймет и преклонится перед неземным ее величием.

Это хорошо понимал такой Светильник Земли Русской, как преподобный Иоанн Кронштадтский: «*Царь у нас праведной и благочестивой жизни. Богом послан ему тяжелый крест страданий, как своему избраннику и любимому чаду, как сказано тайновидцем судеб Божиих: "Кого Я люблю, тех обличаю и наказываю (Откр. 3, 19). Если не будет покаяния у русского народа, конец мира близок. Бог отнимет у него благочестивого Царя и пошлет бич в лице нечестивых, жестоких, самозваных правителей, которые зальют всю землю кровью и слезами"*».[1]

Именно эти нечестивые, жестокие и самозванные силы, воспользовавшись все большим отступничеством от христианской веры европейского общества, его безответственностью и легкомысленностью, а также алчностью и неразборчивостью в средствах буржуазии — в начале XX века повели мощное наступление на сами основы христианской цивилизации и христианской государственности. Эти силы стремились к мировому господству, хотя и тщательно скрывали это. Главным препятствием на пути к их мировому господству была Православная Россия и Православный Царь. Николай II вел всю свою жизнь непримиримую войну. Эти силы рядились в одеяния различных политических партий и движений, прикрывались различной идеологией и даже прятались под маской религии. Но несмотря на разноцветье политического и идеологического камуфляжа, все эти силы были объединены одним служением — служением злу.

XX век, как никакой другой, явил собой наступление сил зла, и исторический подвиг Императора Николая II как раз заключался в том, что все свое царствование он вел непримиримую войну с мировым злом, с идеологией зла, которое год от года все более преобладало в истории государств и народов. Между тем, вопросы добра и зла почему-то считаются подавляющей массой современных историков «не историческими». Они склонны относить их богословию, литературе, философии, к фольклору, к чему-либо другому — только не к истории. Результатом этой колоссальной ошибки становится секуляризация исторической науки, ее огрубление и примитивизация. В самом деле, отбрасывая влияние борьбы добра и зла на жизнь как отдельного человека, так и на судьбу государств и народов, мы неминуемо скатимся к изучению мертвых терминов, в чем так преуспели как советская, так и современная западная историография. В свое время писатель А.И. Солженицын сказал: «Люди забыли Бога». Эта «забывчивость» привела не только к Соловкам и Освенциму, но и к вытравливанию христианской морали из душ людей, а также из науки, культуры и искусства. В результате в исторической

---

[1] Николай Второй: венец земной и небесный. М., 1999. С. 88.

научной и околонаучной среде появилось такое понятие, как «объективность» историка, под которой подразумевается, что историк не должен принимать ничью сторону, а со спокойствием статиста приводить факты, давая возможность читателю самому делать выводы. Такой «объективистский» подход, говорят нам, дает историку единственную возможность быть свободным от идеологии. Нечего и говорить, что такая позиция неприемлема для историка-христианина. Спаситель призывает нас не к «объективности», но к следованию за Истиной. «*Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо великая ваша награда на небесах*» (Мф. 5, 10–12). Мы открыто говорим, что у нас есть Учение, которому мы следуем, есть идеология — это Учение Христово, это учение нашей Православной Церкви. И это Учение вовсе не мешает нам пытаться правильно видеть исторические события, наоборот, оно помогает нам, открывает нам глаза там, где ни одна наука, ни один «объективизм» ничего поделать не могут. Только православный взгляд на исторический процесс способен показать его объективно, отметая все человеческие условные «измы».

Таким образом, историк-христианин должен не уподобляться патологоанатому, равнодушно констатирующему увиденное, а быть борцом за правду Христову. Конечно, это вовсе не означает, что он должен упрощать историю, искажать исторические факты или подгонять их под свои выводы. Но то, что в этих выводах он должен руководствоваться учением Спасителя, любовью к своему земному Отечеству, стремлением к исторической правде — бесспорно. Другими словами, труд историка-христианина — это своего рода православное служение, целью которого, как и всякого христианского служения, есть прославление Христа и посрамление Его врагов. Пропускать через призму христианства оценку исторических деятелей и исторических событий — вот в чем суть православного историзма.

Это православное виденье истории позволяет нам полнее и объективнее взглянуть на те исторические процессы, которые развернулись в мире в начале XX века. Мы не будем сейчас касаться всех социальных, экономических, военных и культурных аспектов, ставших причиной колоссальных потрясений начала XX века. Одно бесспорно: в XX веке впервые в таких масштабах влияние на мировую историю получили тайные силы, ставившие своей целью уничтожение христианства и основанной на нем европейской цивилизации. Эти силы получили название «мировой закулисы». Мы понимаем, что это название весьма условное, но иного, наиболее точно отображающего суть этих сил определения на сегодняшний день не существует. Многие исследователи, стоящие на так называемых «патриотических» позициях, склонны называть эти силы «еврейскими» или «иудо-масонскими». На наш взгляд, это определение весьма упрощенное и в своей упрощенности опасное, так как непременно

связывает эту мировую закулису только с именем евреев или только с именем масонов, тогда как ни те, ни другие не определяли сами по себе подлинную суть этой силы. Сила эта представляла собой подлинный антихристианский интернационал, на который работали и масоны, и всякого рода оккультные ордена, и еврейские, русские, английские, немецкие, американские изуверские секты, и часть мирового капитала, и военные стратеги, и определенная часть деятелей культуры и искусства. Все крупные потрясения XX века были вызваны этой мировой закулисой, которая использовала для достижения своих целей финансовый шантаж, политические амбиции, геополитические противоречия, националистические предрассудки и тому подобное. Средством для прихода к власти этой силы во всем мире была провозглашена «мировая революция». Причем этот термин вовсе не был образным выражением. Мировая революция началась в 1917 году и продолжается до сих пор и главной ее целью является полное изменение человечества, которое путем глобализации и секуляризации должно быть лишено своей неповторимой личностной сути, превращено в единую безликую массу, служащую целям небольшой кучки тайных владык.

Император Николай II и в силу своих личных свойств, и в силу того, что он был Русским Православным Царем, не мог не стать главным врагом сил мировой революции. **Его уничтожение и как монарха, и как человека стало необходимым условием для победы этой мировой революции**, и вследствие этого Император Николай II и его Семья, составляющая с ним единое духовное целое, в сложившихся исторических условиях начала XX века неминуемо должны были быть уничтожены силами зла**. При этом гибель Николая II не должна была просто означать смерть коронованного властителя: нет, она была призвана уничтожить Россию как страну, стоявшую на пути этих сил, как страну, бывшую в начале XX века наиболее христианской.** Кроме того Россия, а, следовательно, и ее Царь стояли на пути мирового владычества тайного духовного агрессора. Не случайно убийство Императора Николая II, «Белого Царя», вызвало чувство глубокого горя у многих людей иноверческого вероисповедания. Историк С. Илюшин писал, что «*Русский Государь воспринимался носителями традиционного мировоззрения, независимо от их конфессиональной принадлежности, как полностью соответствующий определенным священным понятиям Миродержец*», вот почему один палестинский араб-мусульманин сказал после убийства Царя: «*Не думайте, что русский Царь был только русский. Нет, он был также и арабский. Пока он жил, миллионы арабов жили в мире и безопасности*».[1]

[1] Россия перед вторым пришествием: в 2 т. Т. 2. С. 194.

Характерны также слова двух татарских мулл Тобольска, сказанные ими в марте 1917 года, когда стало известно об «отречении» Императора Николая II: «*Погибла Русь. Прогневали Бога*».[1]

Пьер Жильяр очень точно выразил это мировое значение жертвы Царской Семьи: «*Государь и Государыня верили, что умирают мучениками за свою Родину — **они умерли мучениками за все человечество***».[2]

Русский Царь Николай II интуитивно воспринимался многими духовными авторитетами разных вероисповеданий как главное препятствие на пути зла, или, говоря словами праведного Иоанна Кронштадтского, Русский Царь, в силу своего Помазания, был Удерживающим, то есть удерживал мир от падения в пропасть апостасии.

Следует сказать, что роль Удерживающего русская монархия играла на протяжении всей своей истории. При этом русские цари вполне осознавали ее. Так, еще Император Александр Благословенный писал в письме княгине Мещерской: «*Мы заняты здесь важнейшей заботой, но и труднейшей также. Дело идет об изыскании средств против владычества зла, распространяющегося с быстротою при помощи всех тайных сил, которыми владеет сатанинский дух, управляющий ими. Это средство, которое мы ищем, находится, увы, вне наших слабых человеческих сил. Один только Спаситель может доставить это средство Своим Божественным словом. Воззовем же к Нему от всей полноты, от всей глубины наших сердец, да сподобит Он послать Духа Своего Святого на нас и направит нас по угодному Ему пути, который один только может привести нас к спасению*».[3]

Таким образом, русские цари противопоставляли себя не какой-либо отдельной стране или политическому деятелю, а всей совокупности сил мирового зла, стремившегося восторжествовать в человечестве.

В связи с этим убийство Императора Николая II и его Семьи не было вызвано интересами какой-нибудь одной политической партии или группировки, не было оно и последствием личных амбиций и эмоций. Хотя убийство Царской Семьи пришлось на время господства большевиков, замышлялось и планировалось оно еще до их прихода и было подготовлено всеми предыдущими постфевральскими событиями. Мученический путь Царской Семьи был поэтапным, причем каждый этап был заранее подготовлен и спланирован ее палачами.

Поэтому убийство Царской Семьи, происшедшее ночью 17 июля 1918 года в Ипатьевском доме Екатеринбурга, является не просто преступлением, не просто умышленным убийством, но **величайшим злодеянием**, оказавшим

---

[1] *Ордовский-Танаевский Н.А.* Воспоминания: жизнеописание мое. Simbach-am-Caracas, 1948–1993. М., СПб.: С. 447–448

[2] *Жильяр П.* Император Николай II и его Семья. Вена, 1921.

[3] Русский дом. 2004. № 11. С. 5.

огромное влияние на судьбы мира. Убийство Царской Семьи стало той нравственной границей, которая символически разделила историю человечества на христианский и антихристовый периоды.

На пути этого мученичества Царская Семья явила величайший нравственный подвиг самопожертвования во имя Правды, во имя России. Как писал тот же Пьер Жильяр: «*Их истинное величие не проистекало от их царственного сана, а от удивительной нравственной высоты, до которой они постепенно поднялись. Они сделались идеальной силой. И в самом своем уничтожении они были поразительным проявлением той удивительной ясности души, против которой бессильны всякое насилие и всякая ярость и которая торжествует в самой смерти*».

Кровь Царственных Мучеников тяжким грехом легла не только на русский народ, но и на весь мир, ибо весь мир не сделал ничего, чтобы их спасти. Ипатьевский подвал стал прообразом подвалов ЧК, а дым от коптяковских костров предшествовал крематориям Освенцима и Дахау. Коренным образом изменилось лицо власти. Если раньше это были поставленные Богом монархи, главная цель которых — благо их народов и процветание их стран, то теперь их место заняли бездушные марионетки, выполняющие чужую волю и ставящие во главу угла алчные интересы международных олигархических кланов, которые исповедуют человеконенавистническую философию. Эти кланы во имя мирового своего господства не останавливаются ни перед какими преступлениями. Невинные жертвы, принесенные новому Молоху, вопиют в Косово, Белграде, Багдаде, Беслане, Палестине и Иерусалиме. При этом властители не несут никакой — ни моральной, ни юридической ответственности ни за свои поступки, ни за свое бездействие. Наступило время «пиджаков», чей образ гениально вывел М.А. Булгаков в «Мастере и Маргарите».

Но, конечно, в первую очередь, убийство Царской Семьи тяжким наказанием легло на голову Русского Народа. За преступное попустительство этому злодеянию, за предание своих Природных Царя и Царицы в руки наемных убийц, за загубленные жизни 13-летнего больного ребенка и четырех девушек наш народ заплатил расказачиванием, голодом в Поволжье, коллективизацией, ГУЛАГом, миллионными жертвами во Второй мiровой войне, «перестройкой», новым разорением Отечества, а самое главное — почти полной потерей того, что ныне принято называть самоидентификацией. Сегодня наш народ все более утрачивает свои природные черты свойственные Русской нации. Исчезают сострадание, целомудрие, нестяжательство, любовь к Отечеству. Вместо этого появляются равнодушие, жестокость, алчность, распутство, предательство. Чудовищным образом коверкается русский язык, который, словно ржавчиной, поражен сквернословием и иностранными неологизмами. С экранов телевизоров и со страниц желтой прессы и разных дешевых романчиков в искаженном виде предстает вся отечественная история, в которой все опошляется, предается клевете, ставится «с ног на голову». На

этих исторических «сагах» воспитываются новые поколения, воспринимающие родную историю как один сплошной ГУЛАг. Православие все более приобретает черты обрядности, а порой сводится многими к удовлетворению своих эгоистических потребностей, связанных не с покаянием и стремлением к спасению, не с болью за судьбы Народа и Родины, а со страхом за свое земное существование (ограждение от сглаза, порчи, освящение автомобиля и так далее). В 1917 и 1918 годах многие из Русского Народа хорошо понимали, что наступившие и грядущие несчастья связаны с предательством и убиением Царя и его Семьи.

От осознания всей высоты подвига Царской Семьи русским народом во многом зависит и воскрешение самой России. Святейший Патриарх Алексий II говорил о необходимости истинного всенародного покаяния русского народа за грех цареубийства: «*Грех цареубийства,* — сказал Патриарх, — *происшедшего при равнодушии граждан России, народом нашим не раскаян. Будучи преступлением и Божеского, и человеческого закона, этот грех лежит тяжелейшим грузом на душе народа, на его нравственном сознании. Несколько поколений за это время успело сменить друг друга, но память о совершенном беззаконии, чувство вины за его нераскаянность не изгладились в народе нашем. Убийство Царской Семьи — тяжкое бремя на народной совести, которая хранит сознание того, что многие наши предки посредством прямого участия, одобрения и безгласного попустительства — в этом грехе повинны. Покаяние же в нем должно стать знамением единства наших людей не по форме, а по духу. И сегодня мы от лица всей Церкви, от лица всех ее чад, усопших и ныне живущих, приносим пред Богом и людьми покаяние за этот грех. Прости нас, Господи! Мы призываем к покаянию весь наш народ...*».

Но это покаяние должно заключаться не только во внешнем почитании Царственных Мучеников. Оно не должно заключаться в биении себя в грудь или создании лубочных повествований. Нет покаяния и в пустых и праздных спорах, как именовать Святого Царя — «Мучеником» или «Искупителем». Такие споры создают еще больший раскол в и без того расколотом народе. Истинное покаяние перед Царской Семьей заключается в том, чтобы жить и поступать так, как жила и поступала она, так же быть верным Христу, так же беззаветно любить Россию, так же ставить служение Истине выше личностных амбиций, быть таким же целомудренным и чистым сердцем. Покаяние перед Царской Семьей заключается в неприятии всей той мерзости запустения, которая царит ныне в мире и в нашей России. Покаяние это означает отказ от клеветы не только на Царскую Семью, но и на всю русскую историю, на русский народ, на Православную Церковь, отказ от смакования этой клеветы и повторения ее.

Незримую связь между убиенной Царской Семьей и русским народом, между ее прославлением и воскрешением России понимают не только верные сыны России, но и ее враги. Ибо, как хорошо сказал следователь Н.А. Соколов: «*Страдания Царя — страдание России*». Сокрытие правды о Царской Семье и в особенности об обстоятельствах ее убийства до сих пор является одной из главных целей сил зла по отношению к России. Вот почему нам так необходимо изучать и исследовать обстоятельства Екатеринбургского злодеяния 1918 года.

В связи с этим наш труд преследует несколько иные задачи, чем большинство других исследований, написанных об этом событии в большом количестве. Предыдущие авторы (Н.А. Соколов, М.К. Дитерихс, Р. Вильтон, П. Пагануци, П. Булыгин, В. Александров, Г.З. Иоффе, Ю.А. Буранов и В.М. Хрусталев, В.И. Прищеп и А.Н. Александров, Н. Росс, С.В. Фомин, О.А. Платонов, И.Ф. Плотников и другие), чей вклад в изучение темы Екатеринбургского злодеяния колоссален, ставили своей задачей доказать сам факт убийства Царской Семьи, восстановить картину убийства и его детали.[1] При этом за аксиому принималось утверждение, что Царская Семья была убита с использованием огнестрельного оружия, то есть расстреляна. В основе этой аксиомы лежали выводы следствия и воспоминания людей, считавшихся участниками убийства. В связи с этим задача последних работ об убийстве Царской Семьи сводилась к дискуссиям об организаторах преступления, уточнении и детализации обстоятельств убийства и уничтожении (сокрытии) тел. При этом большинство работ сводилось к тому, что убийство Царской Семьи носило политический характер и было осуществлено большевиками по политическим мотивам. Споры в основном ведутся вокруг того, кто принял решение об убийстве: Москва или Екатеринбург.

Мы открыто заявляем, что нам до конца не известны ни обстоятельства убийства Царской Семьи, ни его исполнители. Слова большевика П. Войкова «*мир никогда не узнает, что мы с ними сделали*» до сих пор не утратили своей актуальности. Поэтому наш труд следует рассматривать как одну из версий преступления.

Цель нашего труда — показать, что убийство Царской Семьи было давно и тщательно спланированным актом, причем спланированным силами, по сути не относящимися ни к одному политическому движению России, хотя они в данных движениях и присутствовали. Характер этих сил до сих пор остается малоизученным, но сам факт их существования — бесспорен. **Убийство Царской Семьи не носило характера политического или уголовного акта, оно имело сакральные и духовные причины, подлинная суть которых остается в тайне.** Именно с этих позиций мы рас-

---

[1] Псевдонаучные произведения, утверждающие, что Царская Семья была «спасена» и «похищена», мы не считаем нужным упоминать.

сматриваем версию ритуального убийства. Тема ритуального убийства Царской Семьи у многих исследователей, да и у обывателей, вызывает чувство отторжения, хотя сам факт существования ритуальных убийств признается сегодня и правоохранительными органами, и общественностью. Причины такого отторжения заключаются, с одной стороны, в навязывании отрицательных стереотипов, определяющих любые попытки исследования темы ритуального убийства Царской Семьи как «ненаучные» домыслы, вызванные «антисемитскими» предрассудками, так и, с другой стороны, в упрощении темы, сведению ее к «еврейскому ритуальному убийству».

В своей работе мы стараемся уйти как от первой, так и от второй крайностей. Не стоит даже и говорить, что изучение версии ритуального убийства не имеет ничего общего с «антисемитизмом» и любыми примитивными формами объяснения таких страшных и сложных преступлений.

В своем исследовании мы стараемся руководствоваться только фактами и анализом имеющихся источников. Естественно, что из-за специфики исследуемого вопроса некоторые источники, а также выводы автора могут показаться читателю необычными. Но при внимательном прочтении нашей книги читатель сможет убедиться, что эта необычность вызвана лишь тем, что ни сами источники, ни их анализ долгое время не принимались во внимание большинством исследователей. До сих пор никто не задавался вопросом: а могла ли существовать в реальности та картина преступления, которая до сих пор считается единственно верной? Ведь до сих пор версия убийства Царской Семьи основывалась исключительно на показаниях и воспоминаниях соучастников преступления. Между тем любой правовед знает, что показания соучастников преступления даже против друг друга не могут считаться доказательствами, если они не подкреплены показаниями других свидетелей или наличием вещественных доказательств. Проведенный нами анализ этих показаний и воспоминаний соучастников преступления позволил нам сильно усомниться в их правдивости. Надеемся, что сможем убедить в этом и читателя.

Мы считаем также своим долгом обозначить еще одно обстоятельство, с которым читатель столкнется, читая нашу книгу: в своем повествовании мы будем придерживаться версии следователя Н.А. Соколова, а не версии Правительственной Комиссии РФ. И дело здесь не в безоговорочном неприятии всей той большой работы, которую проделала эта комиссия, и не в желании в очередной раз затеять спор о подлинности «екатеринбургских останков». Просто та версия убийства Царской Семьи, которую мы излагаем, имеет право на существование только в рамках выводов следствия Соколова. Что же касается «мостика под шпалами» и найденных там останков девяти человек, то дело это весьма сложное и запутанное, намного сложнее, чем представляется многим как со стороны сторонников, так и противников отождеств-

ления этих останков с мощами Царственных Мучеников. Обстоятельства этого захоронения, равно как и его обнаружения, требуют большой и кропотливой, а главное доброжелательной работы. Сегодня же мы имеем жесткое противостояние двух сторон. Причем со стороны тех, кто является сторонником подлинности останков, мы встречаем особо враждебную позицию к мнению противоположной стороны и отказ от хотя бы попытки объяснить или доказать свою точку зрения. Характерным примером такой позиции могут служить слова профессора С.Л. Фирсова, написанные им в предисловии к книге И.Ф. Плотникова: «*Многие, к сожалению, уже сформировали свое окончательное представление о "екатеринбургских останках". Переубеждать их — дело бесперспективное, но исторической правде "бесперспективность" не страшна*».[1]

Если следовать такой логике, то мы можем с тем же успехом применить эти слова к сторонникам «Записки Юровского». Чем они доказывают подлинность останков? «Запиской Юровского»? Прочитав книгу, вы сможете сами убедиться, насколько ей можно доверять. Проведенными экспертизами? Но мы прекрасно знаем, как при большевиках умели проводить «экспертизы». Проведенной «независимой» экспертизой в Англии и США? Недавние «экспертизы» американцев по поискам оружия массового уничтожения в Ираке, сначала «нашедших», а потом «потерявших» это самое оружие, в результате чего под бомбами и танками оказался целый народ, прекрасно иллюстрируют «независимость» американских «экспертиз». Сравнительный анализ ДНК с останками Великого Князя Георгия Александровича? Но мы даже не знаем, существуют ли эти останки, а если существуют, являются ли они останками брата Государя? Ведь до сих пор нет отчета о вскрытии гробниц Петропавловского собора в годы большевистского правления и сведений о судьбах находившихся в соборе захоронений. Мы уже не говорим о той массе противоречий, явных несуразиц, ошибок, которые были допущены в выводах и решениях правительственной комиссии. Нам говорят, что похороны останков были признаны высшей властью Российской Федерации, но те, кто жил в России 90-х годов, хорошо знает, каков был нравственный уровень этой власти, особенно в свете сегодняшних разоблачений.

Несмотря на многие серьезные доводы в пользу ошибочности признания найденных останков за Царские мощи, некоторые сторонники такого признания вместо научных доказательств в лучших традициях инквизиции объявляют сомневающихся «еретиками».

---

[1] *Плотников И.Ф.* Правда истории. Гибель Царской Семьи / предисл. докт. ист. наук, проф. Санкт-Петербургского Государственного Университета Фирсова С. Екатеринбург–М., 2003. С. 11.

И все же, отметив вышеизложенное, мы не делаем однозначных выводов ни о деятельности комиссии, ни о происхождении «мостика под шпалами». Это предмет огромной и длительной работы.

В заключение мы просим прощения у читателя за несколько длинное цитирование отдельных документов, юридических определений, оккультно-сатанинских источников,[1] которые были нужны автору исключительно для исследования выдвигаемой им версии.

[1] Чтобы не создавать впечатления рекламы сатанизма, адреса сайтов сатанинских организаций приводятся автором с искажением.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КРЕСТНЫЙ ПУТЬ

Глава 1
Псковская Гефсимания

Авва Отче! Все возможно Тебе;
пронеси чашу сию мимо Меня;
но не чего Я хочу, а чего Ты.
Евангелие от Марка. 14, 36.

Обстоятельства, при которых Император Николай Александрович подписал так называемое «отречение» от престола, до сих пор покрыты завесой тайны. До сих пор недоброжелатели Николая II и даже многие ему сочувствующие ставят в вину последнему Царю сам факт «отречения». Так, например, О.А. Платонов, открыто симпатизирующий Николаю II, пишет об «отречении»: «*Жертва Царя оказалась для России напрасной и, более того, гибельной, ибо само государство стало жертвой измены*».[1]

До сих пор бытует и другая лживая версия происшедшего, суть которой выразил А.А. Блок, сказавший: «*Отрекся, как будто эскадрон сдал*». Таким образом «отречение» вырывается из общего контекста всех предшествующих событий и превращается в личный почин «слабого» Царя. «*Все разговоры*, — справедливо пишет А.Н. Боханов, — *"правильно" или "неправильно" поступил Николай II, когда отрекался от престола, возможны лишь в том случае, если эту тему вырвать из конкретных исторических обстоятельств времени и места*».[2]

Мы, в силу рамок темы настоящего труда, не можем подробно рассматривать это событие. Нас оно интересует только в силу того обстоятельства, что произошедшее в Пскове 2 марта 1917 года стало началом Крестного Пути Царя-Мученика, закончившегося в Екатеринбурге.

Чем ближе приближался роковой 1917 год, тем мрачнее становились тучи над Царем и Россией, тем больше было знамений, предсказывающих скорое мученичество Царя за Россию. Еще в 1915 году с Государем произошел потрясающий по своей глубине случай. Это было во время посещения Императором Николаем II Севастополя. Царь внезапно захотел посетить Георгиевский монастырь, находившийся на скале. Граф Д.С. Шереметьев вспоминал: «*Мы вошли в церковь, и начался молебен. Стройные голоса монахов сразу изменили настроение, словно мы вошли после бури в*

[1] *Платонов О.А.* Терновый венец России. История цареубийства. М., 2001. С. 205.
[2] *Боханов А.Н.* Николай II // ЖЗЛ. М.: Молодая гвардия, 1997. С. 359.

тихий залив, как говорится в словах молитвы — в тихое пристанище. Все было так молитвенно проникновенно и тихо…

Вдруг за дверьми храма весьма небольших размеров раздался необычный шум, громкие разговоры и странная суматоха — одним словом, что-то совершенно не отвечавшее ни серьезности момента, ни обычному чинному распорядку. Государь удивленно повернул голову, недовольно насупил брови и, подозвав меня к себе жестом, послал узнать, что такое произошло и откуда это непонятное волнение и перешептывание.

Я вышел из храма, и вот что я узнал от стоявших монахов: в правых и левых скалах, в утесах, живут два схимника, которых никто из монахов не видел. Где они живут, в точности неизвестно, и о том, что они живы, известно только потому, что пища, которая им кладется на узкой тропинке в скалах над морем, к утру бывает взята чьей-то невидимой рукой. Никто с ними ни в каких сношениях не бывает, и зимой, и летом они живут в тех же пещерах.

И вот произошло невероятное событие, потрясшее и взволновавшее всех монахов монастыря: два старца в одеждах схимников тихо подымались по крутой лестнице, ведущей со стороны моря. О прибытии Государя в монастырь им ничего не могло быть известно, ибо и сам игумен, и братия — никто не знал о посещении Государя, совершить которое было решено внезапно, в последнюю минуту. Вот откуда волнение среди братии. Я доложил Государю и видел, что это произвело на него впечатление, но он ничего не сказал, и молебен продолжался.

Когда кончился молебен, Государь и Императрица приложились ко кресту, потом побеседовали некоторое время с игуменом и затем вышли из храма на площадку, которая идет вроде бульвара с резко обрывающимся скатом к морю.

Там, где кончалась деревянная лестница, стояли два древних старца. У одного была длинная белая борода, другой был с небольшой бородкой, с худым строгим лицом. Когда Государь поравнялся с ними, они оба молча поклонились ему в землю. Государь, видимо, смутился, но ничего не сказал и, медленно склонив голову, им поклонился.

(…) Меня, как всегда, поразило его поистине изумительное спокойствие и как-то невольно кольнула мысль, что означает этот странный молчаливый поклон в ноги.

Теперь, после всего происшедшего, думается, не провидели ли схимники своими мысленными очами судьбу России и Царской Семьи и не поклонились ли они в ноги Государю Николаю II как Великому Страдальцу земли русской».[1]

---

[1] Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных. С. 55–56.

В декабре 1916 года Императрица Александра Федоровна посетила Новгород. При посещении города она выразила желание осмотреть Десятинный монастырь. Там она посетила 107-летннюю старицу Марию Михайловну. Увидев Императрицу, старица несколько раз повторила ей: «*Ты красавица, тяжкого креста не страшись…*»[1]

Говоря о мартовских событиях 1917 года, следует сказать, что они стали заключительным этапом заговора, который созрел против Императора Николая II в недрах «Прогрессивного блока» Государственной Думы, определенных кругов высшего генералитета, масонских лож и представителей правящих кругов стран Антанты. Заговор этот стал результатом долгих лет противостояния русских общественных, либеральных и революционных сил Царской власти. Начиная со второй половины 1916 года, вокруг Царя, полностью поглощенного руководством войсками и стремлением выиграть войну, собирается окружение, которое либо ему откровенно враждебно, либо равнодушно. «*Государь чувствовал, что может доверять лишь немногим из своего окружения*», — писал Великий Князь Кирилл Владимирович.[2] По существу Царь мог доверять только самому верному и бескорыстному человеку — Императрице Александре Федоровне. Когда Великий Князь Александр Михайлович в очередной раз начал советовать Николаю II пойти на уступки думской оппозиции и провести «либеральные» преобразования, он заметил, что в глазах Царя «*появились недоверие и холодность. За всю нашу сорокаоднолетнюю дружбу я еще никогда не видел такого взгляда. – Ты, кажется, больше не доверяешь своим друзьям, Ники? — спросил я его полушутливо. – Я никому не доверяю, кроме жены, — ответил он холодно, смотря мимо меня в окно*».[3]

Тот же Великий Князь Александр Михайлович совершенно верно писал о той атмосфере политиканства, которая царила в русском обществе: «*Политиканы мечтали о революции и смотрели с неудовольствием на постоянные успехи наших войск. Мне приходилось по моей должности часто бывать в Петербурге, и я каждый раз возвращался на фронт с подорванными моральными силами и отравленным слухами умом. “Правда ли, что Царь запил?” “А вы слышали, что Государя пользует какой-то бурят, и он прописал ему монгольское лекарство, которое разрушает мозг?” “Известно ли вам, что Штюрмер, которого поставили во главе нашего правительства, регулярно общается с германскими агентами в*

---

1 *Платонов О.А.* Терновый венец России. Николай II в секретной переписке. М.: 1996. С. 633.

2 *Кирилл Владимирович, Великий Князь.* Моя жизнь на службе России / Лики России. М., 1996. С. 234.

3 *Александр Михайлович, Великий Князь.* Воспоминания. М.: Захаров–АСТ. С. 260.

Стокгольме?" "А вам рассказали о последней выходке Распутина?" И никогда ни одного вопроса об армии! И ни слова радости о победе Брусилова! Ничего, кроме лжи и сплетен, выдаваемых за истину только потому, что их распускают высшие придворные чины».[1]

Возмущение Великого Князя понятно, не понятно только, почему он, вместо того, чтобы решительно пресечь подобную зловредную болтовню и немедленно организовать ей противодействие, отправляется на фронт «*с подорванными моральными силами и отравленным слухами умом*».

«*В целом ситуация создавала ощущение*, — писал Великий Князь Кирилл Владимирович, — *будто балансируешь на краю пропасти или стоишь среди трясины. Страна напоминала тонущий корабль с мятежным экипажем. Государь отдавал приказы, а гражданские власти выполняли их несвоевременно или не давали им хода, и иногда и вовсе игнорировали их. Самое печальное, пока наши солдаты воевали, не жалея себя, люди в чиновничьих креслах, казалось, не пытались прекратить растущий беспорядок и предотвратить крах; между тем агенты революции использовали все средства для разжигания недовольства*».[2]

В обществе, в оппозиции и даже в армии открыто обсуждали возможность Цареубийства. Профессор Ю.В. Ломоносов, бывший во время войны высоким железнодорожным чиновником и по совместительству сторонником революции, писал в своих воспоминаниях: «*Удивительно то, что, насколько я слышал, это недовольство было направлено почти исключительно против Царя, и особенно Царицы. В штабах и в Ставке Царицу ругали нещадно, поговаривали не только о ее заточении, но даже о низложении Николая. Говорили об этом даже за генеральскими столами. Но всегда, при всех разговорах этого рода, наиболее вероятным исходом казалась революция чисто дворцовая, вроде убийства Павла*».[3]

То же самое пишет Мельгунов: «*Речь шла о заговоре в стиле дворцовых переворотов XVIII столетия, при которых не исключалась возможность и Цареубийства*».[4]

Милюков говорил «*о принудительном отречении Царя и даже более сильных мерах*».[5]

С конца 1916 года до Императора начинают доходить все усиливающиеся слухи о готовящемся против него заговоре. Одним из главных деятелей этого заговора был А.И. Гучков. «*Из показаний А.И. Гучкова*

---

[1] *Александр Михайлович, Великий Князь.* Указ. соч. С. 259–260.
[2] *Кирилл Владимирович Великий Князь.* Указ. соч. С. 234.
[3] *Ломоносов Ю.В.* Воспоминания о мартовской революции 1917 года. Стокгольм–Берлин, 1921. С. 1.
[4] *Мельгунов С.П.* На путях к дворцовому перевороту. Заговоры перед революцией 1917 года. Париж: Родина, 1931. С. 102.
[5] Там же. С. 94–102.

ЧСК, — пишет С. П. Мельгунов, — *стало известно о заговоре, который перед революцией организовал Гучков. По его словам, план был таков: "Захватить по дороге между Ставкой и Царским Селом Императорский поезд, вынудить отречение, затем, одновременно, при посредстве воинских частей, на которые в Петрограде можно было бы рассчитывать, арестовать существующее правительство и затем уже объявить как о перевороте, так и о лицах, которые возглавят правительство"*».[1] Как мы видим, сценарий переворота совпал с реальными событиями.

Об участии Гучкова в заговоре пишет и Милюков: «*Рядом стояли люди — и число их быстро увеличивалось, — которые надеялись предупредить стихийную революцию дворцовым переворотом с низложением Царской четы. Из них я уже указывал Гучкова*».[2] «Прогрессивный блок» согласился с планом Гучкова. Тот же Милюков пишет: «*Блок исходил из предположения, что при перевороте так или иначе Николай II будет устранен с престола. Блок соглашался на передачу власти монарха к законному наследнику Алексею и на регентство до его совершеннолетия — великому князю Михаилу Александровичу. Мягкий характер великого князя и малолетство наследника казались лучшей гарантией перехода к конституционному строю (...) Говорилось в частном порядке, что судьба Императора и Императрицы остается при этом нерешенной — вплоть до вмешательства "лейб-гвардейцев", как это было в 18 в.; что у Гучкова есть связи с офицерами гвардейских полков, расквартированных в столице и т.д. Мы ушли в полной уверенности, что переворот состоится*».[3]

Разумеется, «заговор Гучкова» не был плодом исключительно его инициативы, как он пытался это представить в эмиграции, когда он утверждал, что другие лидеры оппозиции, такие как Родзянко и Милюков, говорили о «*"безнравственности" организации государственного переворота в военное время*». Эти утверждения Гучкова расходятся с высказываниями последних.

Вот что, например, писал впоследствии Милюков: «*Конечно, мы должны признать, что ответственность за совершающееся лежит на нас, то есть на блоке Государственной Думы. Вы знаете, что твердое решение воспользоваться войной для производства переворота принято нами вскоре после начала этой войны, знаете также, что ждать мы больше не могли, ибо знали, что в конце апреля или начале мая наша армия должна перейти в наступление, результаты коего сразу в корне прекратили бы всякие намеки на недо-*

---

[1] Там же. С. 6.
[2] *Милюков П.Н. Воспоминания.* М.: ИПЛ, 1991. С. 404.
[3] Там же. С. 450.

вольство, вызвали б в стране взрыв патриотизма и ликования. История проклянет пролетариев, но она проклянет и нас, вызвавших бурю».[1]

За Гучковым и его сподвижниками незримо стоял масонский «Великий Восток Народов России» (ВВНР) — дочерняя ложа «Великого Востока Франции». Меньшевик и член Верховного совета ВВНР Н.С. Чхеидзе писал: «*Переворот мыслился руководящими кругами в форме дворцового переворота; говорили о необходимости отречения Николая II и замены его. Кем именно, прямо не называли, но думаю, что имели в виду Михаила. В этот период Верховным советом был сделан ряд шагов к подготовке общественного мнения к перевороту. Помню агитационные поездки Керенского и других в провинцию, которые осуществлялись по прямому поручению Верховного совета. Помню сборы денег для такого переворота*».[2]

«*В результате ряда организованных единым масонским центром совещаний оппозиционных деятелей*, — пишет В. С. Брачев, — *был разработан общий план захвата царского поезда во время одной из поездок Николая II из Петербурга* (так в тексте — *П. М.*) *в Ставку или обратно. Арестовав Царя, предполагалось тут же принудить его к отречению от престола в пользу Царевича Алексея при регентстве Михаила Александровича и введения в стране конституционного строя*».[3]

О ведущей роли масонов в кадетско-либеральном заговоре пишет и Г.М. Катков: «*Подготовка государственного переворота, имеющего целью устранение Николая II, — вот та область, в которой масоны сыграли наиболее заметную роль*».[4]

Особую опасность для Императора представлял тот факт, что с середины 1916 года думско-масонские заговорщики устанавливают тесные связи с высшим генералитетом Ставки, в частности, с генералами Алексеевым, Брусиловым и Крымовым, и вовлекают последних в свои планы. Впрочем, участие некоторых представителей генералитета в думской деятельности наблюдалось давно. «*Связь Думы с офицерством*, — писал генерал А.И. Деникин, — *существовала давно. Работа комиссии государственной обороны в период воссоздания флота и реорганизации армии после японской войны протекала при деятельном негласном участии офицерской молодежи. А.И. Гучков образовал кружок, в состав которого вошли Савич, Крупенский, граф Бобринский и представители офицерства во главе с генералом Гурко. По-видимому, к*

---

[1] *Смирнов А.Ф.* Государственная Дума Российской империи 1906–1917. Историко-правовой очерк. М.: Книга и бизнес, 1998. С. 582.
[2] *Брачев В.С.* Русское масонство XVIII–XX веков. СПб.: Стома, 2000. С. 297.
[3] Там же. С. 298.
[4] *Катков Г.М.* Февральская революция. Париж: ИМКА-ПРЕСС, 1984. С. 182.

кружку примыкал и генерал Поливанов, сыгравший впоследствии такую крупную роль в развале армии».[1]

Один из самых главных и активных врагов Императора Николая II А.И. Гучков хорошо понимал всю необходимость установления контроля над армейской верхушкой для успеха государственного переворота. Гучков открыто заявил об этом еще до войны, во время своего пребывания во Франции: «*В 1905 году революция не удалась потому, что войско было за Государя... В случае наступления новой революции необходимо, чтобы войско было на нашей стороне; поэтому я исключительно занимаюсь военными вопросами и военными делами, желая, чтобы в случае нужды войско поддерживало более нас, чем Царский Дом*».[2]

Слова Гучкова не были пустым звуком. Им и его единомышленниками была проделана огромная работа по вовлечению армейской верхушки в антицарский заговор. «*Незадолго до Февральской революции*, — писал Н.В. Некрасов в своих показаниях НКВД СССР, — *начались и росли связи с военными кругами. Была нащупана группа оппозиционных царскому правительству генералов и офицеров, сплотившихся вокруг А.И. Гучкова (Крымов, Маниковский и ряд других), и с нею завязалась организационная связь*».[3]

Не случайно Февральскую революцию иногда называют «революцией генерал-адъютантов», намекая на ту решающую роль, которую сыграл генералитет в государственном перевороте зимы 1917 года. Адмирал Бубнов писал: «*Верховное командование, несомненно, знало о нарастании революционного настроения в столице. Об этом его постоянно осведомляли тревожные донесения Охранного отделения, в которых прямо говорилось, что близится революция. То, что генерал Алексеев не предусмотрел столь очевидной опасности, как революция, которая угрожала его оперативному замыслу, и не принял против этого соответствующих мер, значительно умаляет его полководческие способности и лежит на его ответственности*».[4]

Правящие круги Антанты фактически поддерживали этот объединенный заговор. В мае 1916 года Европу посетила русская парламентская делегация во главе с Милюковым. Жандармский генерал А.И. Спиридович сообщал, что им получены оперативные данные о том, что «*во время посещения некоторых стран кое-кто из депутатов получил руководящие указания от масонского*

---

[1] *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль–сентябрь 1917 г. М.: Наука, 1991. С. 106.
[2] *Кобылин В.* Анатомия измены. Император Николай II и генерал-адъютант М.В. Алексеев. Истоки антимонархического заговора. СПб.: Царское Дело, 1998. С. 74.
[3] *Брачев В.С.* Указ. соч. С. 300.
[4] *Кобылин В.* Указ. соч. С. 182.

центра с обещанием моральной поддержки в борьбе с правительством». Это, по мнению Спиридовича, и определило начало активной борьбы с ним левой оппозиции в конце 1916 года.[1]

Начиная с конца декабря 1916 года, Император все больше узнает о поддержке правящими кругами Англии и Франции думских и великокняжеских оппозиционеров.

Правящие круги Англии и Франции были крайне недовольны и обеспокоены тем, что Императорская Россия, которая, как им казалось, была настолько ослаблена в 1915 году, что только и была пригодна служить Антанте пушечным мясом и оттягивать с Западного фронта германские дивизии, оправилась от поражений и в кампании 1916 года взяла инициативу в свои руки. Становилось ясно, что 1917 год станет годом новых русских побед. А это в свою очередь означало конец войны, в которой главным победителем станет Россия. Главным гарантом этой победы был Император Николай II, не очень обольщавшийся относительно истинных намерений своих союзников. Еще в 1914 году на призывы Англии и Франции воевать до «последней капли крови», Государь заметил в близком кругу: «*Они не кончают своей угрозы: прибавили бы — до последней капли русской крови. Они, по-видимому, так понимают эту войну*».[2]

Воейков вспоминает о своем впечатлении, которое произвела на него встреча с английским и французским послами во время новогоднего приема 1917 года в Царском Селе: «*На этом приеме послы — Бьюкенен и Палеолог — были неразлучны. На их вопрос о вероятном сроке окончания войны я ответил, что, на мой взгляд, состояние армии настолько поднялось и улучшилось, что, если ничего непредвиденного не произойдет, то с началом военных операций можно ожидать скорого и благополучного исхода кампании. Они мне ничего на это не ответили; но обменялись взглядами, которые на меня произвели неприятное впечатление*».[3]

Генерал Спиридович вспоминал, что во время новогоднего высочайшего приема «*принимая поздравления дипломатов, Государь очень милостиво разговаривал с французским послом Палеологом, но, подойдя к английскому послу Бьюкенену, сказал ему, видимо, что-то очень неприятное. Близстоящие заметили, что Бьюкенен был весьма смущен и даже сильно покраснел. На обратном пути в Петроград Бьюкенен пригласил к себе в купе Мориса Палеолога и, будучи крайне расстроенным, рассказал ему, что произошло во время приема. Государь заметил ему, что он, посол английского короля, не оправдал ожиданий Его Величества, что в прошлый раз на аудиенции Государь упрекал его в том, что он посещает врагов*

---

[1] *Соловьев О.Ф.* Обреченный альянс. М.: Мысль, 1986. С. 125.
[2] *Винберг Ф.* Крестный путь. Корни зла. Мюнхен, 1922. С. 164.
[3] *Воейков В.Н.* Указ. соч. С. 116.

монархии. Теперь Государь исправляет свою неточность: Бьюкенен не посещает их, а сам принимает их у себя в посольстве. Бьюкенен был и сконфужен, и обескуражен. Было ясно, что Его Величеству стала известна закулисная игра Бьюкенена и его связи с лидерами оппозиции».[1]

А.А. Вырубова пишет: «*Государь заявил мне, что он знает из верного источника, что английский посол сэр Бьюкенен принимает деятельное участие в интригах против Их Величеств и что у него в посольстве чуть ли не заседания с великими князьями по этому поводу*»[2]

В январе 1917 года в Петроград на открывавшуюся здесь союзническую конференцию прибыла комиссия в лице представителей Англии, Франции и Италии. Английскую делегацию возглавлял лорд А. Мильнер. Премьер-министр Великобритании Д. Ллойд-Джордж не скрывал своих надежд касательно этой конференции, которая «*может привести к какому-нибудь соглашению, которое поможет выслать Николая и его жену из России и возложить управление страной на регента*».[3]

Говоря об участии Запада в свержении монархии в России было бы неправильно представлять его, как результат деятельности национальных правительств Англии, Франции и США. Хотя представители этих правительств и приняли живейшее участие в организации государственного переворота, они представляли в первую очередь не интересы своих стран, а интересы межнациональных финансовых групп. Руководящий центр этих финансовых групп находился в Соединённых Штатах Америки. Главная резиденция этого центра находилась в Нью-Йорке на Бродвее 120, в 35-этажном небоскрёбе. Кстати, в строительстве этого небоскрёба принимал участие Вильям Шахт, отец будущего главного финансиста Адольфа Гитлера — Ялмара Горация Шахта.[4] На 35-м этаже располагался Клуб банкиров, где собирались Морган, Шифф, Барух, Лоёб и другие «киты» финансового мира Америки. В том же здании находились кабинеты и директоров Федеральной резервной системы США, руководителем которой был банкир Варбург, родственник Якова Шиффа. Кроме того, в небоскрёбе находился офис компании «Америкен Интернешнл Корпорейшен». Главным акционером этой компании был банк того же Шиффа «Кун и Лоёб». По адресу Бродвей-120 располагался офис Джона Мак-Грегора Гранта, который представлял в США петроградского банкира Д. Г. Рубинштейна. Военной разведкой

---

[1] *Спиридович А.И.* Великая война и февральская революция (1914–1917). Минск: Харвест, 2004. С. 449.

[2] Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных. М.: Сретенский монастырь, Новая книга, Ковчег, 1999. С. 228.

[3] *Ллойд-Джордж Д.* Военные мемуары. Т. 3. М., 1935. С. 359.

[4] R. Carlyle Buley. The Equitable Life Assurance Society of the United States (New York: Applelon-Century-Crofts. n.d.).

США Грант был внесён в список подозрительных лиц. Грант в свою очередь был тесно связан с банком «Гран траст» банкира Моргана. Все эти организации приняли активное участие в Февральской, а потом и в большевистской революциях.

В том же здании Бродвея постоянно бывали лица тесно связанные с будущими главарями революционных правительств. На Бродвее-120 находилась банковская контора Беньямина Свердлова, родного брата большевика Якова Свердлова. Обосновался в небоскрёбе и известный английский агент Сидней Рейли, главное связующее звено между Троцким, Свердловым и американскими финансовыми группами. Рейли находился в тесных дружеских отношениях с банкиром Абрамом Животовским, родным дядей Льва Троцкого. На Бродвее-120 вёл свой бизнес Александр Вайнштейн, тоже хороший знакомый Рейли. Брат Вайнштейна, Григорий Вайнштейн, был владельцем газеты «Новый мир». Интересен состав редколлегии этой газеты: Бухарин, Володарский, Чудновский, Урицкий, Коллонтай — все будущие руководители большевистского правительства.

14 февраля 1916 года Вайнштейн организовал в восточной части Нью-Йорка крупное собрание так называемых русских революционеров. Присутствовало 62 делегата, из которых 50 являлось боевиками революции 1905 года. Обсуждалась возможность «совершения великой революции в России». Когда некоторые делегаты высказали сомнения, что недостаточно для этого средств, их тут же заверили, что с финансами проблем не будет, нужные суммы поступят *«от лиц, симпатизирующих движению за освобождение русского народа»*. В связи с этим неоднократно упоминалось имя Якова Шиффа.

Сидней Рейли был главным резидентом английского разведчика Вильяма Вайсмана. Именно через Рейли Вайсманн вышел на серого кардинала американской политики полковника Хауса. Хаус задолго до Збигнева Бжезинского высказал мысль, что *«остальной мир будет жить спокойнее, если вместо огромной России в мире будут четыре России. Одна – Сибирь, а остальные – поделенная Европейская часть страны»*. Полковник Хаус нашёл в Вайсмане родственную душу, через короткое время между ними *«перестали существовать политические тайны»*. Вскоре Вайсман стал передавать информацию, полученную от Хауса своим непосредственным начальникам в Лондон, минуя английского посла.

Вскоре в подготовку заговора против императора Николая II активно втянулись английские политические деятели. Прежде всего, это лорд Альфред Мильнер, премьер-министр Британии Д. Ллойд-Джордж и английский посол в Петрограде сэр Джордж Бьюкенен. Мильнер поддерживал тесные связи Вайсманом, а значит и с американскими банкирами, обитателями Бродвея-120.

Что же объединяло таких разных людей, как английские лорды, американские финансисты, русские революционеры и английские разведчики? При внимательном изучении этих людей, выясняется, что они были причастным тайным обществам, члены которых зачастую находились друг с другом в кровном родстве.

В 1891 г. в Лондоне было создано тайное общество под названием «Круглый стол». Это общество стало одной из самых влиятельных сил в формировании и осуществлении британской имперской и внешней политики начала XX века.[1] Среди членов-основателей общества были, например, Стед, лорд Эшер, лорд Альфред Мильнер, лорд Ротшильд, лорд Артур Бальфур и сэр Джордж Бьюкенен, будущий английский посол в России[2]. Председателем общества был Сесиль Родес, обязанный своим богатством клану английских Ротшильдов. Основной задачей группы было распространение британского господства на весь мир, а также введение английского в качестве всемирного языка.

В 1904 году во главе «Круглого стола» встал Альфред Мильнер. Он учредил стипендию Родеса, которая давала возможность избранным студентам со всех континентов учиться в Оксфордском университете. Каждому из этих студентам в самый восприимчивый период его жизни внушали мечту основателя — единое мировое правительство.

С «Круглым столом» был тесно связан полковник Мандель Хаус, он хорошо знал Мильнера. Сотрудничал с «Круглым столом» и Ллойд-Джордж. Впоследствии, во время Версальской конференции, ближайшими советниками Ллойд Джорджа были члены «Круглого стола». Через Ротшильда «Круглый стол» имеет связи в США с семействами Шифф, Варбург, Гуггенхайм, Рокфеллер и Карнеги. Шифф, Варбурги, Ашберг щедро финансировали кайзеровскую Германию в её подрывной деятельности направленной против России. Начиная с 1914 года немцы субсидировали русскую революцию через международный банк Варбургов в Гамбурге. Этот банк обеспечивал деньгами революционеров в России через свои представительства в Швеции.[3] На эти же деньги германские агенты организовывали забастовки и беспорядки в России в 1915 и 1916 годах. Кстати, главным врагом России в германском руководстве был канцлер Теобальд Бетман-Гольвег, находившийся в дальнем родстве с Яковом Шиффом. Именно, Бетман-Гольвег, не поставив в известность Вильгельма II, дал согласие германского правительства на проезд Ленина через Германию весной 1917 года.[4]

---

[1] Caroll Quigley. *The Anglo-American Establishment*. New York 1981.

[2] Epiphanius. Maçonnerie et sectes secrètes : le côté caché de l'Histoire. Publications du « Courrier de Rome ». Nouvelle édition 2005. P. 229

[3] Virion Pierre. *Bientôt un gouvernement mondial ? Une super et contre-église*. Saint-Céneré 1967. P. 135-136

[4] Саттон Энтони. Уолл-Стрит и большевистская революция.

Таким образом, мы видим, что круг замкнулся: американские и английские участники заговора против царя были объединены с немцами. Поэтому главной причиной участия западных сил в свержении императора Николая II были не национальные интересы тех или иных стран, а стремление наднациональной тайной организации установить в мире Новый мировой порядок. Более того, те силы на Западе, которые стремились уничтожить царскую монархию, выступали против национальных интересов своих стран. В связи с этим представляется весьма загадочной смерть британского военного лорда Китченера. В июне 1916 года он направлялся в Россию на борту крейсера «Хэмпшир», который по официальной версии подорвался на немецкой мине. И хотя версия эта вполне убедительна, представляется странным то обстоятельство, что Китченер был убеждённым сторонником и патриотом, нет, ни России — Англии! Но именно английский патриотизм заставлял лорда изо всех сил желать победы России в Мировой войне. Ещё более странным представляется тот факт, что Китченера на посту военного министра сменил лорд Мильнер, глава «Круглого Стола» и сторонник Нового мирового порядка.

Цель визита Мильнера состояла в том, чтобы заставить Императора Николая II допустить к власти подконтрольную Антанте оппозицию и своих прямых агентов в Ставку. В случае, если Император откажется выполнять эти требования, Мильнер должен был скоординировать действия масонских заговорщиков Думы. Уже после февральского мятежа ирландский представитель палаты общин прямо указывал на Мильнера как на организатора русской революции: «*Наши лидеры поздравляют кого? Преуспевших мятежников! Они послали лорда Мильнера в Петроград, чтобы подготовить революцию, которая уничтожила самодержавие в стране-союзнице*».[1]

Во время своего визита Мильнер встретился с председателем Военно-промышленного комитета Думы А.И. Гучковым, князем Г.Е. Львовым, председателем Государственной Думы М.В. Родзянко, генералом А.А. Поливановым, бывшим министром иностранных дел С.Д. Сазоновым, английским послом Дж. Бьюкененом, лидером кадетов П.Н. Милюковым. В результате Царю были предъявлены следующие требования:

1. Введение в Штаб Верховного Главнокомандующего союзных представителей с правом решающего голоса.

2. Обновление командного состава армии в согласовании с державами Антанты.

3. Введение ответственного министерства.

На эти требования Император ответил отказом по пунктам.

---

[1] *Алексеева И.В.* Агония Сердечного Согласия. Царизм, буржуазия и их союзники по Антанте. 1914–1917. Л., 1990. С. 243.

По пункту 1: «*Излишне введение союзных представительств, ибо Своих представителей в союзные армии с правом решающего голоса вводить не предполагаю*».

По пункту 2: «*Тоже излишне. Мои армии сражаются с большим успехом, чем армии Моих союзников*».

По пункту 3: «*Акт внутреннего управления подлежит усмотрению Монарха и не требует указаний союзников*».[1]

В том же духе был выдержан ответ Государя и английскому послу Бьюкенену, который во время аудиенции позволил себе обсуждать дела внутреннего устройства Российской империи. Причем, Бьюкенен недвусмысленно дал понять, что если Император не пойдет на английские требования, его ждет революция и даже, возможно, гибель. Бьюкенен сказал, что «*за неделю до убийства Распутина я слышал о предстоящем покушении на его жизнь. Я счел эти слухи пустой сплетней, но, тем не менее, они оказались верными. Поэтому я и сейчас не могу оставаться глухим к доходящим до меня слухам об убийствах, замышляемых, как говорят, некоторыми экзальтированными личностями. А раз такие убийства начнутся, то нельзя сказать, где они кончатся*».[2]

Отрицательный ответ Николая II на фактический ультиматум союзников привел к тому, что в правящих кругах Антанты было решено оставить путь дипломатического давления и перейти к открытой поддержке заговора против Царя.

В конце декабря 1916 года к Николаю II явился герцог А.Г. Лейхтенбергский и умолял его потребовать от членов Дома Романовых вторичной присяги. В то же время Н.Н. Тиханович-Савицкий, член Союза Русского Народа из Астрахани, через Вырубову добился аудиенции у Императрицы Александры Федоровны, на которой уверял ее, что у него есть неопровержимые доказательства об «*опасной пропаганде, которая ведется союзами земств и городов с помощью Гучкова и Родзянко и других в целях свержения с престола Государя*».[3]

В ноябре 1916 года кружок сенатора А.А. Римского-Корсакова через князя Н.Д. Голицына подал Императору Николаю II «Записку», в которой предупреждал о грозящей Государю опасности государственного переворота. «Записка» начиналась следующими словами: «*Так как в настоящее время уже не представляется сомнений в том, что Государственная дума при поддержке так называемых общественных организаций вступает на явно революционный путь, ближайшим последствием чего по возобновлении ее сессии явится искание ею содействия мятежно настроенных*

---

[1] *Винберг Ф.* Указ. соч. С. 170.

[2] *Бьюкенен Дж.* Мемуары дипломата. М.–Минск, 2001. С. 220.

[3] Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных. С. 226.

масс, а затем ряд активных выступлений в сторону государственного, а весьма вероятно, и династического переворота, надлежит теперь же подготовить, а в нужный момент незамедлительно осуществить ряд определенных и решительных мероприятий, клонящихся к подавлению мятежа».[1]

Правые предлагали осуществить ряд решительных мер: распустить Государственную Думу без указания ее созыва, назначить в правительство только верных самодержавию лиц, ввести военное положение в столице, закрыть все органы левой печати, провести милитаризацию всех заводов, работающих на оборону.[2] Император Николай II написал на полях этой записки: «*Записка, достойная внимания*».[3]

Поступали предупреждения и от простого люда. Как-то в конце 1916 года к Александровскому дворцу подошел один старик-крестьянин и попросил встречи с Государем. Его провели к дежурному флигель-адъютанту, и крестьянин рассказал, что против Царя готовится заговор. «*Задумалось дурное дело,* — говорил он. — *Хотят погубить Царя-Батюшку, а Царицу-Матушку и деток спрятать в монастырь. Сговаривались давно, а только решено это начать сегодня. Схватят сначала Царя и посадят в тюрьму, и вас, кто возле Царя, и главное начальство тоже посадят в тюрьму. Только пусть Царь-Батюшка не беспокоится. Мы его выручим. Нас много*».[4]

О старике было доложено Государю. Тот принял крестьянина, обласкал, успокоил и отпустил.

Таким образом, Император был хорошо осведомлен о готовящемся перевороте, хотя и не знал о готовности военной верхушки поддержать переворот. Царь полагал, что государственный переворот невозможен, так как ему верна армия. Следует признать, что тактика Царя имела свою логику: балансируя на тонкой дорожке над пропастью революции, Николай II надеялся пройти по ней осторожными и медленными шагами, ставя главной целью победу в войне. Н.Н. Яковлев, в творчестве которого интересные открытия сочетаются с сильным влиянием большевистской агитации, писал в своей книге: «*А Царь? Что же он? Почему не следует советам Императрицы, да не ее одной? Что он так "кроток"? (...) Почему он медлил на рубеже 1916–1917 годов? Частично, вероятно, потому, что не верил в близкую революцию, да и не ставил высоко "революционеров" поневоле, типа Милюкова, с которым звала расправиться*

---

[1] Архив Русской Революции (далее АРР). Т. 3–4. М.: Терра, 1991.

[2] Правые партии. 1905–1917. Сборник документов и материалов. Т.2. М., 1998. С. 586.

[3] Дневники и документы из личного архива Николая II. Минск: Харвест, 2003. С. 365.

[4] *Спиридович А.И.* Указ. соч. С. 447.

Царица. Главное заключалось в том, что Самодержец полагал, — время подтвердить его волю еще не настало. Он видел, что столкновение с оппозицией неизбежно, знал о ее настроениях (служба охранки не давала осечки и подробно информировала Царя), но ожидал того момента, когда схватка с лидерами буржуазии произойдет в иных, более благоприятных условиях для царизма. Николай II перед доверенными людьми, — бывшим губернатором Могилева (где была Ставка) Пильцем и Щегловитовым говорил: нужно повременить до начала весеннего наступления русских армий. Новые победы на фронтах немедленно изменят соотношение сил внутри страны и оппозицию можно будет сокрушить без труда. С чисто военной точки зрения надежды Царя не были необоснованны. Как боевой инструмент русская армия не имела себе равных, Брусиловский прорыв мог рассматриваться как пролог к победоносному 1917 году».[1]

Собственно это подтверждают и строчки Императрицы Александры Федоровны, которая в письме мужу от 16 декабря 1916 года писала: «*Многие будут вычеркнуты из будущих придворных списков — они узнают по заключении мира, что значило во время войны не стоять за своего Государя!*».[2]

Но неправильно было бы полагать, что Император Николай II предполагал только пассивное сопротивление.

«*Целый ряд признаков*, — пишет А. Степанов, — *свидетельствует о том, что Император Николай II не только реагировал на обращения правых государственных и общественных деятелей, но у Государя был конкретный план переустройства государственного механизма на началах Неограниченного Самодержавия. Но для осуществления контрреволюционных мер Государю нужно было время. Не стоит забывать, что Он был еще и Верховным Главнокомандующим и основное время уделял решению военных вопросов*».[3]

Трудно согласиться со Степановым, что Николай II собирался проводить в условиях войны контрреформу государственной власти, да еще в смысле возвращения к неограниченному самодержавию, но то, что он собирался сокрушить революцию и заговорщиков — несомненно. Среди мер, которые предполагал осуществить Император, были: 1) формирование однородно правого правительства, 2) роспуск Государственной Думы до окончания войны. Видимо этим было вызвано его возвращение в Царское Село из Ставки 19 декабря 1916 года. Поводом для возвращения Государя послужило зверское убийство Г.Е. Распутина, совершенное представителями высшей аристократии. Но

---

[1] *Яковлев Н.Н.* 1 августа 1914. М.: Москвитянин, 1993. С. 248.
[2] Николай II в секретной переписке. С. 643.
[3] http://www.rusk.ru.

приезд Государя был вызван не только стремлением разобраться в этом преступлении.

Убийство Распутина было первой ступенью государственного переворота, и Николай II это хорошо понял. Глеб Боткин вспоминал, что после убийства Распутина Государыня говорила его отцу, лейб-медику Е.С. Боткину: «*Я совершенно одна. Его Величество на фронте, а здесь у меня нет никого, кому я могла бы доверять. Что самое ужасное в этом известии, которое я получила от полиции, это то, что после убийства нашего Друга выяснилось, что это только начало. После него они планируют убить Анну Вырубову и меня. Я не могу утешаться. Дмитрий, которого я любила, как своего сына, покушается на мою жизнь. И Юсупов, несмотря на то, что получил столько добра от императора! Это — ужасно!*».[1]

Тот же Г.Е. Боткин приводит еще один разговор отца с офицером Генштаба капитаном Сухотиным, родным братом поручика С.М. Сухотина, одного из убийц Распутина: «*Сухотин, указывая пальцем на портрет Императора, стоявшего на бюро моего отца, сказал: "Что я хочу знать, так это о том, о чем думает этот человек! Это он ответственен за все, что происходит! Что касается меня, то я успокоюсь только тогда, когда увижу Царя, ведомого народом, чтобы казнить на торговой площади!". — "Вы считаете, что революция возможна? — спросил я его". Сухотин зловеще ухмыльнулся: "Вы хотите, чтобы я занялся предсказаниями? — спросил он". Я сказал, что да. "Ну, хорошо. Революция произойдет в феврале 1917 года", — ответил он*».[2]

Весьма интересно, что в тот же день, 17 декабря 1916 года, на имя Царя из Самары поступило анонимное письмо, текст которого говорит сам за себя: «*Его Императорскому Величеству Государю Императору Николаю Второму в г. Могилеве — в Ставке — очень нужное, передать скорее. Самодержцу, кровопийце, царю хулигану, извергу народному, царишке Николаю II. Мерзавец ты, Николушка, паршивый царишка. Знай, хулиган царишка Николушка, что гибель будет тебе, кровопийце, виновнику всемирного пожара — войны, губителю народов, смерть и уничтожение твоему семейству. Твое государство будет разрушено, покорено, уничтожено, а ты сам со своим иродовым семейством будете растерзаны, уничтожены твоим же страждущим народом. Смерть и гибель тебе, царишка Николай Второй*».[3]

Хотя письмо было анонимным, но его содержание, дышащее сатанинской злобой и в деталях предрекающее будущее Екатеринбургское злодеяние, без труда указывает нам на подлинных авторов этого письма.

---

[1] *Botkin Gleb.* Grandeur et Misere des Romanovs. Paris: Edition siècle, 1932. P. 117.
[2] *Botkin Gleb.* Op. cit. P. 159.
[3] *Березов П.* Свержение двуглавого орла. М.: Мысль, 1967. С. 48.

В тот день, когда тело Распутина доставали из Невы, царский поезд остановился на перроне Императорского железнодорожного павильона в Царском Селе. Здесь, в Царском Селе, Государь собирался остаться надолго, вплоть до весеннего наступления на фронте, и всю свою деятельность сосредоточил на организации подавления заговора. Император удалил из правительства целый ряд министров, которые были связаны с думской оппозицией. «*Государь взял на Себя руководство общим положением,* — пишет С. С. Ольденбург. — *Прежде всего необходимо было составить правительство из людей, которым Государь считал возможным лично доверять. Опасность была реальной. Убийство Распутина показало, что от мятежных толков начинают переходить к действиям. Оценка людей поневоле становилась иной. Люди энергичные и талантливые могли оказаться не на месте, могли принести вред, если бы они оказались ненадежными*».[1]

В правительство пришли люди правого толка и, как полагал Государь, ему лично преданные: председатель Совета Министров князь Н.Д. Голицын, министр юстиции Н.А. Добровицкий, военный министр генерал М.А. Беляев, народного просвещения сенатор Н.К. Кульчицкий, внутренних дел А.Д. Протопопов и другие.

Особенно сложным представлялся для Николая II роспуск Государственной Думы. Царь понимал, что любые репрессивные превентивные действия по отношению к Думе без коренных изменений на фронте вызовут такую волну негодования, что могут привести к серьезным потрясениям, которые недопустимы во время тяжелой войны. Роспуск Думы мог привести к недовольству и протестам со стороны демократических союзников России по Антанте, к бойкоту царского решения со стороны промышленных кругов, чьи представители входили в различные думские комитеты, а это уже могло больно ударить по обороноспособности России. Перед Николаем II вставала дилемма: либо поставить на первое место укрепление власти путем резких и раздражающих действий и тем самым мешать войне с внешним врагом, либо несмотря ни на что стремиться в первую очередь к победе над внешним врагом, как бы не обращая внимания на врагов из Думы.

Тем не менее Император твердо шел к роспуску Государственной Думы и полному отстранению думской оппозиции от власти. Николай II берет под полный контроль Государственный Совет, во главе которого становится верный Царю человек — И. Г. Щегловитов. «*Может сложиться впечатление,* — пишет А. Степанов, — *что попытки предотвратить революцию были запоздалыми. Однако, если попытаться представить себе ту*

---

[1] *Ольденбург С.С.* Царствование Императора Николая II. СПб.: Петрополь, 1991. С. 614.

ситуацию изнутри, то можно смело утверждать, что Государь начал действовать своевременно, план Его действий весьма удачно вписывался в предполагаемый ход развития событий. Дело в том, что по прогнозам военных стратегов міровая война должна была завершиться в 1917 году капитуляцией Германии и ее союзников. Победа, несомненно, привела бы к подъему народного духа, одушевила бы общество, которое, несомненно, увязало бы ее с личностью Монарха, что привело бы к подъему монархических чувств. На этом фоне реформа государственного устройства прошла бы без сучка без задоринки».[1]

Большая доля ответственности за нерешительность и дезинформацию Государя лежит на министре внутренних дел Протопопове. Изучение мотивов его деятельности еще предстоит провести будущим исследователям. Но несомненен факт, что Протопопов вольно или невольно способствовал революции. 27 января 1917 года начальник корпуса жандармов генерал-майор Глобачев докладывал Протопопову, что Гучков и Коновалов готовят государственный переворот. При этом ему был известен состав предполагаемого мятежного правительства, который, за исключением Керенского, полностью совпал с будущим составом Временного правительства. Глобачев докладывал, что авангардом гучковского заговора является так называемая рабочая группа Военно-промышленного комитета Государственной Думы, которая ведет подрывную работу среди рабочих и напрямую призывает к мятежам. Глобачев настаивал на том, что следует немедленно арестовать Гучкова, Коновалова и представителей рабочей группы. Но Протопопов, не хотевший портить отношения с Государственной Думой, дал приказ арестовать только членов рабочей группы. Совершенные при их аресте обыски явно доказывали связь этой группы с Гучковым. Протопопов громогласно объявлял на каждом шагу, что он раздавил революцию, то же самое он сообщил Государю. Между тем головка заговора, Гучков и его сторонники, не были арестованы. Протопопов уверял Царя, что этого делать не надо, так как опасность миновала, а аресты видных думских деятелей только осложнят отношения власти и Думы.

Тем не менее 8 февраля 1917 года Император Николай II поручает Н.А. Маклакову подготовить проект указа о роспуске Государственной Думы. 9 февраля Маклаков пишет Государю: «*Надо, не теряя ни минуты, крепко обдумать весь план дальнейших действий правительственной власти, для того чтобы встретить все современные осложнения, на которые Дума и союзы, несомненно, толкнут часть населения в связи с роспуском Государственной Думы, подготовленным, уверенным в себе, спокойным и неколеблющимся. Власть больше, чем когда-либо, должна быть сосредоточена, убеждена, скована единой целью восстановить государственный порядок чего бы то ни стоило и быть уверен-*

[1] http://www.rusk.ru.

ной в победе над внутренним врагом, который давно становится и опаснее, и ожесточеннее, и наглее врага внешнего».[1]

Маклаков выступает в Государственной Думе и обличает либералов в подготовке государственного переворота. Общество, заявил он, «*делает все для войны, но для войны с порядком, все для победы, но для победы над властью*».[2]

Царь оставил главе правительства князю Голицыну приготовленные указы Сенату о роспуске Государственной Думы. В них только не была проставлена дата. Текст указа гласил: «*На основании статьи 105 Основных Государственных Законов Повелеваем: Государственную думу распустить с назначением времени созыва вновь избранной Думы на (пропуск числа, месяца и года). О времени числа производства новых выборов в Государственную думу последуют от нас особые указания. Правительствующий сенат не оставит учинить к исполнению сего надлежащего распоряжения. НИКОЛАЙ*».[3]

10 февраля 1917 года Император Николай II получает прямую угрозу от председателя Государственной думы М.В. Родзянко. В разговоре с Царем тот заявил: «*Ваше Величество, спасайте себя. Мы накануне огромных событий, исхода которых предвидеть нельзя. То, что делает Ваше правительство и Вы сами, до такой степени раздражает население, что все возможно*».[4]

Таким образом, заговорщики со своей стороны, а Император Николай II со своей готовились к решительной схватке. При этом мощное наступление русской армии в апреле 1917 года и большая победа должны были сочетаться, по мысли Государя, с разгромом думской оппозиции. Царь приказывает перевести в Петроград надежные воинские части, заменив ими запасных солдат. Мятежу готовился сокрушительный удар.

Видимо, уже тогда Государь, не доверяя командующему Северным фронтом генералу Н.В. Рузскому, выделил Петроград из его подчинения в особый военный округ, во главе которого по совету военного министра Беляева был назначен генерал С.С. Хабалов.

Почему же тогда заговорщикам удалось осуществить свой заговор? Причин этому множество, но одной из самых главных является то доверие, которое Император Николай II испытывал к своему генералитету. Он не мог допустить, что генералы смогут поддержать мятежников, которые не только собирались отстранить Царя от престола, но и покушались на его жизнь. Как верно писал И.Л. Солоневич: «*Государь Император был перегру-*

---

[1] Дневники и документы из личного архива Николая II. Минск, 2003. С. 192.
[2] *Ольденбург С. С.* Указ. соч. С. 607–608.
[3] АРР. Т. 3–4. С. 24
[4] Там же. С. 22.

жен сверх всяческой человеческой возможности. И помощников у Него не было. Он заботился и о потерях в армии, и о бездымном порохе, и о самолетах И. Сикорского, и о производстве ядовитых газов, и о защите от еще более ядовитых салонов. На нем лежало и командование армией, и дипломатические отношения, и тяжелая борьба с нашим недоношенным парламентом, и Бог знает что еще. И вот тут-то Государь Император допустил роковой недосмотр: поверил генералам Балку, Гурко и Хабалову. Именно этот роковой недосмотр и стал исходным пунктом Февральского дворцового переворота. (...) Это предательство можно было бы поставить в укор Государю Императору: зачем Он не предусмотрел? С совершенно такой же степенью логичности можно было бы поставить в упрек Цезарю: зачем он не предусмотрел Брута с его кинжалом?»[1]

У заговорщиков не было никаких надежд на успех без поддержки армейской верхушки. Поэтому им необходимо было сделать все, чтобы перетянуть генералитет на свою сторону и вместе с ним совершить государственный переворот. К стыду и позору русских генералов они дали себя втянуть в грязные игры политиков и предали своего Государя.

Император твердо вел народ и армию к победе, он был преисполнен верой в победу и был убежден, что и его генералы преисполнены подобной же верой. Но на самом деле высший генералитет был преисполнен политических амбиций и интриганства. Это полностью устраивало заговорщиков, которые стремились к совершенно другой победе, нежели Николай II. При этом они хорошо понимали, что победа Царя на фронте приведет к поражению их заговора. О том, что заговорщики торопились с переворотом и понимали, что успешные действия на фронте сделают его невозможным, говорят их собственные высказывания. Милюков говорил, что новые успехи на фронте «*сразу в корне прекратили бы всякие намеки на недовольство*», Терещенко и генерал Крымов всячески торопили с переворотом, говоря, что иначе будет поздно.

Первое, что было необходимо сделать заговорщикам, — это выманить Царя из столицы, так как в противном случае никакая революция бы не удалась. А.А. Вырубова пишет, что заговорщики «*стали торопить Государя уехать на фронт, чтобы совершить потом величайшее злодеяние*».[2] Казалось бы, давая возможность Царю уехать в армию, заговорщики как бы сами давали в его руки грозный механизм подавления этого самого заговора и любого бунта. Но в том-то и дело, что к февралю 1917 года верхушка армии была уже против Царя. Приказы Императора молча саботировались высшим генералитетом. Так, Николай II приказал перевести в Петроград с фронта Гвардейский Экипаж. Но

[1] Наша Страна. № 119. 1952. Март.
[2] Фрейлина Ее Величества. Дневник и воспоминания Анны Врубовой. М.: Советский писатель, 1991. С. 196.

этот приказ был саботирован генералом Гурко, который отдал контрприказ и оставил Экипаж на фронте. Император Николай II вторично отдал приказ о переводе Гвардейского Экипажа в Петроград, и Гурко вторично, под предлогом карантина, задержал его неподалеку от Царского Села. Только после третьего приказа Императора Гвардейский Экипаж прибыл в Царское Село. То же самое произошло и с Уланами Его Величества.[1]

Колоссальную помощь заговорщикам оказал начальник Штаба генерал-адъютант М.В. Алексеев. Алексеев, который находился в это время на излечении в Крыму, внезапно 18 февраля 1917 года вернулся в Могилев. Не успел он приехать в Могилев, как немедленно направил Императору телеграмму с просьбой срочно прибыть в Ставку. Какая была необходимость для Николая II ехать в Ставку? Никакого наступления в ближайшие дни не планировалось, обстановка была спокойной. Сейчас трудно сказать, чем мотивировал Алексеев необходимость для Государя срочного возвращения в Ставку, но можно с уверенностью сказать, что эта мотивировка была убедительной, так как Николай II, осознавая всю необходимость своего личного присутствия в столице, принял неожиданное решение ехать в Могилев. «*Из имеющихся источников*, — пишет Г.М. Катков, — *неясно, почему Алексеев настаивал на личном присутствии Верховного Главнокомандующего. Баронесса Буксгевден, в то время фрейлина Императрицы, в своих мемуарах совершенно определенно говорит, что Государь выехал по телеграфной просьбе генерала Алексеева, не зная, в чем именно заключается спешное дело, требующее его присутствия. Это обстоятельство обретает известное значение в связи с показаниями Гучкова Муравьевской комиссии, что дворцовый переворот намечался на март и что для осуществления его предполагалось захватить Императорский поезд по дороге между Петроградом и Могилевом. Была ли просьба Алексеева (он мог и не знать, что эта просьба передана Царю) частью подготовки к перевороту? Во всяком случае в этот момент никаких особо важных решений в Ставке как будто не принимали, и, судя по письмам Николая II жене, он надеялся скоро закончить текущие дела и вернуться в Петроград. (...) В свете последующих событий отъезд Императора в Могилев, предпринятый по настоянию Алексеева, представляется фактом, имевшим следствием величайшее бедствие*».[2]

Подруга императрицы Александры Федоровны Лили Ден вспоминала: «*Однажды вечером перед обедом тетушка (которую всегда приводили в ярость сплетни, порочившие Государыню Императрицу) позвонила мне и попросила тотчас же приехать к ней. Я застала ее в чрезвычайно возбужденном состоянии.*

---

[1] Там же. С. 196.
[2] *Катков Г. М.* Указ. соч. С. 245–246.

— Рассказывают ужасные вещи, Лили, — воскликнула она. — Вот что я должна тебе сказать. Ты должна предупредить Ее Величество.

Затем, уже более спокойным тоном, продолжала:

— Вчера я была у Коцебу. Среди гостей было множество офицеров, и они открыто заявляли, что Его Величество больше не вернется со Ставки».[1]

Полковник Мордвинов писал: «*Во вторник 21 февраля 1917 года вечером (...) я получил от командующего Императорской главной квартиры, графа Фредерикса, извещение, что согласно высочайшему повелению, я назначен сопровождать Государя в путешествии в Ставку (...) Отбытие Императорского поезда из Царского Села было назначено около трех часов дня, в среду 22 февраля. Это уведомление было для меня неожиданным. Я накануне только что вернулся из Царского Села с дежурства по военно-походной канцелярии, и тогда еще не было никаких разговоров об отъезде. Внутреннее политическое положение было в те дни особенно бурно и сложно, ввиду чего Государь все рождественские праздники, весь январь и большую часть февраля находился в Царском Селе и медлил с отбытием в Ставку*».[2]

Дворцовый комендант Воейков свидетельствовал: «*В 5 часов был кинематограф в Круглом зале Александровского дворца (...) Когда кончился сеанс, я проводил Государя в его кабинет. По пути Его Величество обратился ко мне со словами: "Воейков, я решил в среду ехать на Ставку". Я знал, что Государь имел намерение ехать, но думал, что момент этот — не подходящий для его отъезда, и поэтому спросил, почему он именно теперь принял такое решение, когда на фронте, по-видимому, все спокойно, тогда как здесь, по моим сведениям, спокойствия мало и его присутствие в Петрограде было бы весьма важно. Государь на это ответил, что на днях из Крыма вернулся генерал Алексеев, желающий с ним повидаться и переговорить по некоторым вопросам; касательно же здешнего положения Его Величество находил, что по имеющимся у министра внутренних дел Протопопова сведениям нет никакой причины ожидать чего-нибудь особенного*».[3]

Вырубова: «*Государь пришел очень расстроенный (...) Пили чай в новой комнате за круглым столом. На другой день утром, придя к Государыне, я застала ее в слезах. Она сообщила мне, что Государь уезжает. Простились с ним по обыкновению в зеленой гостиной Государыни. Императрица была страшно расстроена. На мои замечания о тяжелом положении и готовя-*

---

[1] *Ден Ю.* Подлинная Царица. Воспоминания близкой подруги Императрицы Александры Федоровны: пер. с анг. Кузнецова В.В. СПб., 1999. С. 120.

[2] Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев. Л.: Красная Газета, 1927. С. 85.

[3] *Воейков В.Н.* Указ. соч. С. 120.

щихся беспорядках Государь мне ответил, что прощается ненадолго, что через несколько дней вернется».[1]

То же самое пишет другая подруга Императрицы Александры Федоровны, Юлия Ден: «*Государь намеревался остаться с семьей, но однажды утром, после аудиенции генералу Гурко, он неожиданно заявил:*

— Завтра я уезжаю в Ставку.

Ее Величество удивленно спросила:

— Неужели ты не можешь остаться с нами?

— Нет, — ответил Государь. — Я должен ехать».[2]

Таким образом, мы видим, что на срочный отъезд Царя в Ставку повлияли два человека — генералы Алексеев и Гурко, то есть фактически два главнокомандующих. Чем они мотивировали необходимость такого скорого отъезда — до сих пор остается загадкой, но то, что этот отъезд был частью какого-то большого общего плана, не оставляет сомнений. Здесь хочется привести слова генерала Н.И. Иванова об Алексееве: «*Алексеев — человек с малой волей, и величайшее его преступление перед Россией — его участие в совершенном перевороте. Откажись Алексеев осуществлять планы Государственной Думы Родзянко, Гучкова и других, я глубоко убежден, что побороть революцию было бы можно, тем более, что войска на фронте стояли спокойно и никаких брожений не было. Да и главнокомандующие не могли бы и не решились бы согласиться с Думой без Алексеева*».[3]

Около 19-го–20-го февраля Великий Князь Михаил Александрович приехал к Царю и убеждал его уехать в Ставку, так как «*в армии растет большое неудовольствие по поводу того, что Государь живет в Царском и так долго отсутствует в Ставке*».[4]

Конечно, Николай II знал, насколько его брат подвержен различным влияниям, чтобы прислушиваться к его советам, но сам факт того, что Великий Князь озвучивал чьи-то мысли с такой настойчивостью, внушая Царю мысль об отъезде, говорит о многом.

Интересны действия министра внутренних дел А.Д. Протопопова, когда он узнал об отъезде Государя. Воейков вспоминал, что после того, как услышал от Царя решение ехать в Ставку, он связался по телефону с Протопоповым.

«Александр Дмитриевич, — сказал я ему, — Государь решил в среду ехать на Ставку. Как ваше мнение? Все ли спокойно, и не является ли этот отъезд несвоевременным?» На это Протопопов, по обыкновению по

---

[1] Царственные мученики, в воспоминаниях верноподданных. С. 229.
[2] *Ден Ю.* Указ. соч. С. 120.
[3] Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных. С. 458.
[4] Там же. С. 228.

телефону говоривший со мной на английском языке, стал мне объяснять, что я напрасно волнуюсь, так как все вполне благополучно. При этом он добавил, что в понедельник или во вторник после доклада у Государя заедет ко мне и подробно расскажет о происходящем, чтобы меня окончательно успокоить. После этого телефона я поехал к графу Фредериксу, вполне разделяющему мое мнение о несвоевременности отъезда Государя из Петрограда. В понедельник А.Д. Протопопов в Царском Селе не был, приехал во вторник вечером. Заехав после Дворца ко мне, он клялся, что все обстоит прекрасно и нет решительно никаких оснований для беспокойства, причем обещал в случае появления каких-либо новых данных немедленно известить меня. На этом мы расстались. Оказалось, что А.Д. Протопопов, ручавшийся Государю, Императрице и мне за полное спокойствие в столице, вернувшись из Царского Села, в тот же вечер якобы рассказывал окружавшим его о том, сколько энергии он потратил на уговоры Государя не уезжать на фронт. Он рассказывал даже подробности доклада Его Величеству, подкрепляя свои слова изображением жестов, которыми Государь встречал его мольбы. Он говорил, что умолял Императрицу повлиять на Его Величество и уговорить его не ехать на Ставку. Для меня этот факт остается загадкой, так как Государь мне подтвердил сам, что министр внутренних дел Протопопов не видел никакого основания считать его отъезд несвоевременным. Где говорил А. Д. Протопопов правду — в Царском Селе или в Петрограде?»[1]

Действия министра внутренних дел наталкивают на мысль, что он вольно или невольно подыгрывал тем, кто любой ценой хотел отъезда Императора из Петрограда.

Император уезжал в Ставку ненадолго и собирался вскоре вернуться. А.А. Блок писал, что он собирался вернуться к 1 марта.[2]

21 февраля 1917 года Император Николай II осмотрел только что отстроенную в русском стиле трапезную в Федоровском городке. «*Ему показали древние иконы и иконостасы из подмосковной церкви Царя Алексея Михайловича, настенную живопись трапезной и несколько сводчатых палат. Царь несколько раз повторял: "Прямо сон наяву — не знаю, где я: в Царском Селе или в Москве, в Кремле". Потом он прошел в остальные комнаты. В гостиной он сел в мягкое кресло, долго рассматривал картину, на которой был изображен старый паровоз и несколько вагонов, показавшихся*

---

[1] *Воейков В.Н., дворцовый комендант Государя Императора.* С Царем и без Царя. М., 1994. С. 120–121.

[2] АРР. Т. 2–3. С. 25

из-за поворота. «Так бы и сидел в этом уютном кресле, забыв о всех делах, да, к сожалению, они все время о себе напоминают».[1]

Старый паровоз и несколько вагонов! Они уже показались из-за поворота. Какое мрачное предзнаменование в свете всего последующего! Через день голубые вагоны Императорского поезда унесут Императора Николая II в Могилев, чтобы через две недели привезти его обратно уже узником, обреченным на крестный путь и мученическую смерть. 22 февраля на перроне Царскосельского вокзала, под звон Федоровского Государева собора, Император Николай II простился с Императрицей Александрой Федоровной и отправился в Ставку. Все было как обычно: собственный Его Императорского Величества конвой, застывший в почетном карауле, торжественные звуки марша. При отъезде, как всегда, составлено «*Дело о путешествии Его Величества в действующую армию*»[2]. В нем «список лиц, сопровождавших Его Величество». Идут имена: министр двора граф Фредерикс, адмирал Нилов, дворцовый комендант Воейков, свиты генерал-майор Граббе, свиты генерал-майор граф Нарышкин, флигель-адъютант Мордвинов, герцог Лейхтенбергский, лейб-хирург Федоров и так далее. На деле стоит дата: «*начато 22.02. 1917*». Это дело не имеет даты окончания.

23 февраля 1917 года Император Николай II прибыл в Ставку. «*Для встречи Государя на вокзал Могилева прибыли: генерал-адъютант Алексеев, генерал-адъютант Иванов, адмирал Русин, генерал Клембовский, генерал Кондзеровский, генерал-лейтенант Лукомский, генерал-лейтенант Егоров, состоящий при штабе Походного Атамана генерал от кавалерии Смегин, протопресвитер о. Шавельский, губернатор и высшие начальствующие лица штаба Верховного Главнокомандующего*», — говорится в книге пребывания Его Величества в армии за февраль 1917 года.[3] Император отправился в штаб для очередного доклада о положении на фронте. Распорядок работы Императора по приезде в Ставку ничем не отличался от обычного. Об этом свидетельствуют записи камер-фурьерского журнала: «***23.02. 1917. Четверг.*** *В 3. 15 м. дня Его Величество в сопровождении министра Императорского Двора и особ Свиты отбыл на проживание в Губернаторский дом. В 3. 30 м. дня Его Величество изволил посетить Свой Штаб, возвратился в 4 ч. 40 мин. дня;* ***24. 02. 1917. Пятница****. Государь посетил Свой Штаб и по возвращении от 12 ч. 15 м. принимал Начальника Бельгийской миссии генерала барона де Риккель;* ***25.02. 1917. Суббота****. От 10 $^1/_2$ утра Его Величество изволил посетить Свой Штаб. От 2 $^1/_2$ Го-*

[1] *Ломан Ю.Д.* Воспоминания крестника Императрицы. Автобиографические записки. СПб., 1994. С. 73.
[2] РГИА, ф. 476. Оп.1, д. 1921.
[3] РГИА, ф. 516. Оп.1/241/2890, д. 9.

сударь в сопровождении Особ Свиты прогуливались на моторах. В 18-00 Государь отбыл ко всенощной в церковь Штаба».[1]

Началась обычная жизнь Ставки. Тем временем в Петрограде во всю уже шли беспорядки. Об этих беспорядках Царь узнал 24 февраля из разговора по прямому проводу с Императрицей. «*Телефонист мне передал*, — пишет Дубенский, — *что только что окончился разговор Государя (из его кабинета) с Императрицей в Царском, длившийся около получаса. По телефону узнал, что сегодня, 24-го февраля, в Петрограде были волнения на Выборгской стороне*».[2]

О телефонном разговоре по прямому проводу пишет и генерал Лукомский. Он пишет, что Царь «*более часа разговаривал с Царским Селом*». С.П. Мельгунов, впрочем, бездоказательно считает, что Лукомский ошибался и что на самом деле телефонного разговора не было, а был обмен телеграммами.[3]

Здесь начинаются первые загадки. 24-го Государь разговаривает с Государыней по прямому проводу и узнает про беспорядки. А если верить переписке «*Николая и Александры Романовых*», изданной большевиком М.Н. Покровским и частично переизданной О.А. Платоновым под названием «*Николай II в секретной переписке*», получается, что 24 февраля 1917 года Императрица пишет письмо Государю, в котором подробно описывает начавшиеся волнения в Петрограде. Получается абсурд: зачем писать Царю письмо с сообщением о том, что уже было обсуждено в прямом разговоре по телефону? При этом ни в письме Императрицы Александры Федоровны, ни в ответных письмах Императора нет ни слова о состоявшемся разговоре! Наоборот, из переписки создается впечатление, что Царь с Царицей общаются только письмами. Так, 26 февраля 1917 года Императрица пишет: «*Дорогой мой возлюбленный! Какая радость! В 9 часов получила твое письмо от 23–24-го. Подумай, как долго оно шло!*»[4]

В дневнике Императора Николая II за 24 февраля также нет упоминания о разговоре с Государыней по телефону.

Как бы там ни было, но ни Государь, ни Государыня не могли с самого начала оценить ни характер, ни серьезность начавшихся в Петрограде выступлений. 24 февраля Императрица высылает Государю письмо в Ставку: «*Вчера были беспорядки на Васильевском острове и на Невском, потому, что бедняки брали приступом булочные. Они вдребезги разбили Филиппова, и против них вызывали казаков. Все это я узнала неофициально*». То же самое она писала в письме 25 февраля: «*Это*

---

[1] РГИА, ф. 516. Оп.1/241/2890, д. 9.

[2] Отречение Николая II. С. 42.

[3] *Мельгунов С. П.* Мартовские дни 1917 года. Париж, 1961. С. 153.

[4] Николай II в секретной переписке. С. 655

хулиганское движение, мальчишки и девчонки бегают и кричат, что у них нет хлеба, — просто для того, чтобы создать возбуждение, и рабочие, которые мешают другим работать».[1] Из писем видно, что Государыня также не была проинформирована о подлинных событиях. Иначе почему она, Императрица Всероссийская, узнает о них «неофициально»?

Николай II также не придавал большого значения петроградским событиям, полагая их незначительными и неорганизованными. «*Государь, вероятно, не все знал, так как он был совершенно спокоен и никаких указаний не давал*», — пишет Дубенский. Император был целиком поглощен событиями на фронте: «*Государь внимательно следил за сведениями, полученными с фронта за истекшие сутки, и удивлял всех своей памятливостью и вниманием к делам*».[2] 25 февраля Император совершил прогулку на автомобиле. «*В субботу 25 февраля,* — пишет Мордвинов, — *была наша последняя продолжительная прогулка с Государем по живописному могилевскому шоссе к часовне, выстроенной в память сражения в 1812 году, бывшего между нашими и Наполеоновскими войсками. Был очень морозный день, с сильным леденящим ветром, но Государь по обыкновению был лишь в одной защитной рубашке, как и все мы его сопровождавшие. Его Величество был спокоен и ровен, как всегда, хотя и очень задумчив, как все последнее время*».[3]

Таким образом, мы видим, что, несмотря на создавшуюся в Петрограде опасную обстановку, ни Николай II, ни окружавшие его люди свиты почти ничего о ней не знали, вернее, они не знали о масштабах волнений. За все первые дни событий ни одной официальной телеграммы о масштабах происходящего Государь не получил. 25 февраля в Петрограде пролилась первая кровь: на Знаменской площади был убит полицейский поручик Крылов, пытавшийся вырвать флаг у демонстранта, казаки отказывались разгонять мятежную толпу, провокаторы кидали бомбы в мирных людей и кричали, что это дело рук полиции, уже были выброшены лозунги «Долой Самодержавие!», а Государь обо всем этом ничего не знал.

Как верно пишет О.А. Платонов: «*В это последнее пребывание Государя в Ставке было много странного: в Петрограде творились страшные дела, а здесь царила какая-то безмятежная тишина, спокойствие более обычного. Информация, которая поступала Государю, шла через руки Алексеева. Сейчас невозможно сказать, в какой степени Алексеев задерживал информацию, а в какой степени эта информация поступала искаженной из Петрограда.*

[1] Николай II в секретной переписке. С. 653.
[2] Отречение Николая II. С. 45.
[3] Отречение Николая II. С. 90.

Факт тот, что фактически до 27 числа Государь имел искаженное представление о происходившем в Петрограде».[1]

Постепенно, однако, Царя начинают волновать происходящие в столице события. 25 февраля вечером он посылает командующему Петроградским военным округом генералу С.С. Хабалову телеграмму: «*Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны с Германией и Австрией. НИКОЛАЙ*». Генерал Хабалов, то ли из-за растерянности, то ли из-за того, что боялся вверенных ему частей, то ли по каким-то другим причинам не предпринял ничего, чтобы исполнить недвусмысленный приказ Царя. Как говорил сам Хабалов: «*Эта телеграмма, как бы вам сказать? — чтобы быть откровенным и правдивым: она меня хватила обухом... Как прекратить "завтра же"...*»

26 февраля, в воскресенье, в Петрограде наступило затишье, и Хабалов отправил Царю телеграмму, что беспорядки прекратились. Но не успела эта телеграмма дойти до адресата, как они возобновились с новой силой. Между тем Царь получил известие, что в городе все спокойно. Одновременно до Царя дошли сведения, что «забастовкой пекарей», как поначалу воспринимались события в Петрограде, воспользовалась Государственная Дума и ее председатель Родзянко, которые, как писал Воейков, «*открыто вынесла свою революционную деятельность из стен Таврического дворца*». 26 февраля в камер-фурьерском журнале появляется запись: «***26.02. 1917, воскресение***. *Сего числа в «Собрании указаний и распоряжений Правительства» был опубликован Высочайший указ «О роспуске Государственной Думы и Совета с назначением срока их созыва не позднее апреля 1917 года, в зависимости от чрезвычайных обстоятельств». Совет Старейшин Государственной Думы постановил не расходиться и всем оставаться на своих местах*».[2]

Налицо был уже не просто бунт толпы, но государственный переворот. Между тем до Царя доходили совершенно иные сведения. Министр внутренних дел Протопопов продолжал дезинформацию Николая II. В.Н. Воейков пишет: «*На следующий день,* (т.е. 25 февраля — *П. М.*) *в субботу, я получил от А.Д. Протопопова телеграмму с извещением, что в городе беспорядки, но все клонится к их подавлению*». В тот же день генерал А.И. Спиридович, находившийся в Царском Селе, отправил Воейкову полученные сведения из департамента полиции: «*Ничего грозного во всем происходящем усмотреть нельзя; департамент полиции прекрасно обо всем осведомлен, а потому не нужно сомневаться, что выступление это будет ликвидировано в самое ближайшее время*».[3] Думается, что деятельность

---

[1] *Платонов О.А.* Николай II. СПб., 1999. С. 413.
[2] РГИА, ф. 516. Оп.1/241/ 2890, д. 9
[3] *Воейков В.Н.* Указ. соч. С. 124.

Родзянко по умалчиванию событий и телеграммы Протопопова, их искажающие, имели под собой одну цель — ввести Государя в заблуждение, дезориентировать его и дать возможность революционному процессу принять такие широкие масштабы, которые позволили бы Государственной Думе начать шантаж Царя с требованием Ответственного министерства. Во всяком случае таковы были планы Родзянко. Что же касается Гучкова, Милюкова, с одной стороны, и Керенского и Чхеидзе — с другой, то те преследовали свои, хотя и разные, но далеко идущие цели.

Государь, не имея достоверных сведений о ситуации в столице, с болью в сердце ощущал надвигающуюся на Россию опасность. Причем слова о сердце имеют здесь не только образное значение. 26 февраля, когда Государь находился в могилевской церкви, с ним случился сердечный приступ. Он почувствовал мучительную боль в середине груди, которая продолжалась пятнадцать минут. «*Я едва выстоял,* — писал он Императрице, — *и лоб мой покрылся каплями пота. Я не помню, что это было, потому что сердцебиения у меня не было, но потом оно появилось и прошло сразу, когда я встал на колени пред образом Пречистой Девы*».

Родзянко начал забрасывать Ставку своими тревожными телеграммами лишь 27 февраля, и в этих телеграммах уже слышится шантаж. Телеграммы он почему-то посылал на имя командующего Северным фронтом генерала Рузского. «*Волнения, начавшиеся в Петрограде, принимают стихийный характер и угрожающие размеры. Основы их: недостаток печеного хлеба и слабый подвоз муки, внушающий панику; но главным образом полное недоверие к власти, неспособной вывести страну из тяжелого положения. (...) Правительственная власть находится в полном параличе и совершенно беспомощна восстановить нарушенный порядок. России грозит унижение и позор, ибо война при таких условиях не может быть победоносно окончена. Считаю единственным и необходимым выходом из создавшегося положения безотлагательное призвание лица, которому может верить вся страна и которому будет поручено составить правительство, пользующееся доверием всего населения*».[1] Ясно, что этим «доверенным лицом» должен был быть либо сам Родзянко, либо князь Г.Е. Львов. Тот же самый шантаж и в телеграмме, посланной в Могилев: «*Положение серьезное. В столице анархия. Правительство парализовано. Транспорт, продовольствие и топливо пришли в полное расстройство. Растет общее недовольство. На улицах происходит беспорядочная стрельба. Части войск стреляют друг в друга. Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся доверием, составить новое правительство. Медлить нельзя. Всякое промедление смерти подобно. Молю Бога, чтобы этот час ответст-*

[1] АРР., т.3–4. С. 248.

венности не пал на Венценосца».[1] (К слову сказать, в глазах Царя Родзянко посылал свои телеграммы будучи уже не председателем Государственной Думы, которая была к тому времени распущена, а бунтовщиком, отказавшимся исполнить Высочайшую волю. Государь не ответил ему на телеграмму).

Телеграммы Родзянко кричали о революции и об угрозе династии. Естественно, что Николай II не верил Родзянко, а верил генералу Алексееву. А что же Алексеев и другие генералы? Фактически они поддержали шантаж Родзянко. Рузский в начале посетовал: «*Очень жаль, что с 24 по 27 февраля не удосужились сообщить о том, что делается в Петрограде. Надо думать, что и до 24 были признаки нарождающегося недовольства, грозящего волнениями, а также и об агитации среди рабочих и гарнизона Петрограда. Обо всем этом тоже не потрудились, может быть и с целью, сообщить на фронт*».[2] В последнем Рузский был абсолютно прав. Но как действовал он сам — генерал Рузский? Он посылает Царю телеграмму, в которой говорится: «*Ставка. Его Императорскому Величеству Государю Императору. Почитаю долгом представить на благовоззрение Вашего Величества полученную мною от председателя Государственной Думы телеграмму, указывающую на грозное положение в столице и внутри Государства, вызывающее тревогу за судьбу Родины. (…) Ныне армия заключает в своих рядах представителей всех классов, профессий и убеждений, почему она не может не отразить в себе настроения страны. Поэтому дерзаю всеподданнейше доложить Вашему Величеству о крайней необходимости принять срочные меры, которые могли бы успокоить население, вселить в него доверие и бодрость духа, веру в себя и в свое будущее. Эти меры, принятые теперь, накануне предстоящего оживления боевой деятельности на фронте, вольют новые силы в армию и народ для проявления дальнейшего упорства в борьбе с врагом; позволяю себе думать, что при существующих условиях репрессивные меры могут скорее обострить положение, чем дать необходимое, длительное удовлетворение*».[3]

Фактически это была полная поддержка требований Родзянко. Алексеев же пока своего мнения не высказывал. Во всяком случае это мнение нигде не отражено. Но бесспорно, что Алексеев вел самые тесные переговоры с Родзянко и тот в своих планах опирался именно на него. Главной же целью Родзянко было — «Ответственное министерство». Скорее всего, нажимая на Рузского и Алексеева, Родзянко рассчитывал, что они смогут вырвать у Царя именно это решение.

---

[1] *Воейков В.Н.* Указ. соч. С. 124.
[2] АРР. Т. 3–4. С. 248.
[3] Там же.

Полковник Лейб-гвардии Стрелкового полка И.А. Артабалевский вспоминал о февральских событиях: «*Стрелки и все прочие воинские чины постановили и утвердили лозунг, с которым они выступили против старого правительства: “Царь, новое правительство, война до победы”. С этим пошли в Государственную Думу. С трудом пробрались в Екатерининский зал. Все битком набито самой разношерстной публикой. К нам сейчас же вышел Родзянко и сказал короткую речь с призывом к порядку, на которую ответили ”ура!” и здравицей “первому гражданину России”. Узнав от меня лозунг, с каким мы пришли, он заметно просветлел лицом. Я пробрался в комнату рядом с той, в которой заседал Исполнительный комитет Государственной Думы. Тут ко мне подошел один из членов Думы, высокий, с черной бородой, изысканно одетый. Кто это был, мне узнать не удалось. Он мне сказал, что Император Николай II, вероятно, будет принужден передать престол своему сыну — Цесаревичу Алексею, а за его малолетством опекуншей будет Императрица Александра Федоровна, а регентом — великий князь Михаил Александрович. В этот момент в разговор вмешался Милюков. Не думал, что он произведет на меня такое отталкивающее впечатление — хитрой, двуличной лисы. Бегающие за стеклами pince-nez глаза не внушали мне никакого доверия. Хитро поглядывая то на меня, то по сторонам, он интересовался узнать у меня об отношении стрелков к великому князю Михаилу Александровичу. Я ему ответил, что не понимаю его вопроса. Ежели Государь найдет нужным передать престол другому, то наш долг служить новому Государю. На это Милюков ничего не ответил и, неприятно-хитро улыбнувшись, отошел от меня*».[1]

Из этих дневниковых записей Артабалевского хорошо видно, что лозунг, с каким вышла на улицы армия (“Царь, новое правительство, война до победы”), а он в целом принимался и другими воинскими частями, был аналогичен требованиям Родзянко и Думы. Именно внешний монархизм последних обманул войска, которые считали, что выступают за Царя и народ против изменников старого правительства. Но из этого же отрывка видно, как думская оппозиция, в данном случае в лице Милюкова, была готова сменить монархические лозунги, которые использовались с целью обмана армии, когда они стали уже не нужны.

Главной целью думских и военных организаторов переворота был шантаж Императора (угрожая массовыми беспорядками, заставить его передать власть думскому правительству). Но Николай II на шантаж не поддался. Родзянко через перепуганного князя Голицына, последнего председателя Императорского правительства, пытается выбить у Царя назначение «независимого» главы правительства. В ответ Николай II телеграфирует князю Голицыну: «*О главном на-*

---

[1] Памятные дни. С. 40–41.

чальнике для Петрограда мной дано повеление начальнику моего штаба с указанием немедленно прибыть в столицу. То же относительно войск. Лично вам предоставляю все необходимые права по гражданскому управлению. Перемены в личном составе при данных обстоятельствах считаю недопустимыми. НИКОЛАЙ».[1]

Одновременно Император принял решение вернуться в Царское Село, так как почувствовал ненадежность генералитета. Заговорщики прекрасно понимали, что если Царь вернется в Петроград, революция будет подавлена. С их стороны начинается обработка Великого Князя Михаила Александровича. Ему, брату Императора, Родзянко и Голицын (председатель правительства!) внушают идею объявить себя регентом и, приняв командование над всеми войсками, назначить князя Львова главой правительства. Великий Князь Михаил Александрович не был человеком государственного ума, не имел выдающихся государственных способностей, но предателем своего Царя он тоже не был. Он отказался выполнять предложения Родзянко. Но одну вещь последний все же убедил сделать Великого Князя. По наущению Родзянко Великий Князь Михаил Александрович направляет Императору телеграмму с предложением освободить нынешний состав Совета министров и назначить председателем нового совета Львова. В конце телеграммы Великий Князь убеждает Царя, опять-таки по наущению Родзянко, не приезжать в Царское Село.

Между тем генерал Алексеев фактически молчаливо поддерживал Родзянко и проявлял полную пассивность в организации подавления мятежа. «“*Я только что говорил Государю,* — сказал Алексеев полковнику А.А. Мордвинову. — *Теперь остается лишь одно: собрать порядочный отряд где-нибудь примерно около Царского и наступать на бунтующий Петроград. Все распоряжения мною уже сделаны, но конечно, нужно время, пройдет не менее пяти-шести дней. Пока все части смогут собраться. До этого малыми силами ничего не стоит и предпринимать*”. *Генерал Алексеев говорил все это таким утомленным голосом, что мне показалось, что он лично сам не особенно верит в успешность и надежность предложенной меры*».[2]

Видя, что Алексеев пребывает в пассивном и странном бездействии, Император Николай II начинает организовывать подавление мятежа. 27 февраля в 10 часов 25 минут вечера генерал Алексеев отправил телеграмму генералу Данилову: «*Государь Император повелел генерал-адъютанта Иванова назначить Главнокомандующим Петроградским Военным округом; в его распоряжение возможно скорее отправить от войск Северного фронта в Петроград два кавалерийских полка по возможности из находящейся в резерве 15-й кавалерийской дивизии, два пехотных полка из самых прочных и надежных, одну пулеметную команду Кольта для Георгиевского батальона,*

---

[1] *Кобылин В.* Указ. соч. С. 259.
[2] Отречение Николая II.

который едет из Ставки. Нужно назначить прочных генералов, так как, по-видимому, генерал Хабалов растерялся, и в распоряжение генерала Иванова нужно дать надежных, распорядительных и смелых помощников. (...)Такой же силы отряд последует с Западного фронта, о чем иду говорить с генералом Квецинским. Минута грозная, и нужно сделать все для ускорения прибытия прочных войск. В этом заключается вопрос нашего дальнейшего будущего».[1]

Как видим, Николай II, посылая генерала Н.И. Иванова, прекрасно оценивал сложившуюся обстановку и хорошо осознавал ее опасность. Генерал Иванов получил широчайшие полномочия, ему до прибытия Государя были обязаны подчиняться все министры правительства.

Но Император понимал, что решающим этапом в водворении порядка станет его личное присутствие в столице. Этим объясняется его решение, принятое 27 февраля, выехать в Петроград. «*Решение Царя ехать в Царское Село*, — пишет В. Криворотов, — *при создавшемся положении было отчаянным шагом. Но Государь чувствовал, что он остался один, что никто не предпринимал ничего, и оставалось решать ему самому — быть или не быть. Было ошибкой его окружения думать, что Царь спешил в Царское Село исключительно из боязни за свою семью, жену и детей. Государь должен был сознавать, что его появление там, в центре пылающих страстей, не могло никоим образом защитить семью от распоясывавшейся толпы. Своим решением отправиться туда Царь хотел разрубить узел всеобщего трусливого бездействия*».[2]

Генерал-адъютант Алексеев пытался уговорить Царя не покидать Ставку, но тот остался верен своему решению. 27 февраля Император объявил В.Н. Воейкову, что уезжает и приказал сделать все распоряжения для отъезда. Исполнив приказ, Воейков «*доложил Государю, что он может сейчас же ехать ночевать в поезд, что все приготовлен, и что поезд может через несколько часов идти в Царское Село. Затем я прошел к генералу Алексееву предупредить о предстоящем отъезде. Я его застал уже в кровати. Как только я сообщил ему о решении Государя безотлагательно ехать в Царское Село, его хитрое лицо приняло еще более хитрое выражение, и он с ехидной улыбкой слащавым голосом спросил у меня: "А как же он поедет? Разве впереди поезда будет следовать целый батальон, чтобы очищать путь?" Хотя я никогда не считал генерала Алексеева образцом преданности Царю, но был ошеломлен как сутью, так и тоном данного им в такую минуту ответа. На мои слова: "Если вы считаете опасным ехать, ваш прямой долг мне об этом заявить", генерал Алексеев ответил: "Нет, я ничего не знаю; это я так говорю"*.

---

[1] АРР. Т.3–4. С. 249.

[2] *Криворотов В.* На страшном пути до Уральской Голгофы. Страшное иго. Мадрид, 1975. С. 39.

Я его вторично спросил: "После того, что я от вас только что слышал, вы должны мне ясно и определенно сказать: считаете вы опасным Государю ехать или нет?" — на что генерал Алексеев дал поразивший меня ответ: "Отчего же? Пускай Государь едет… ничего". После этих слов я сказал генералу Алексееву, что он должен немедленно сам лично пойти и выяснить Государю положение дел: я думал, что если Алексеев кривит душой передо мной, у него проснется совесть и не хватит сил лукавить перед лицом самого Царя, от которого он видел так много добра».[1]

Но Воейков ошибался. Совесть позволила Алексееву спокойно смотреть, как поезд унесет Императора в расставленную западню, откуда уже Государю было не выбраться. Все было просчитано и разыграно на уровне образцового начальника штаба. В 2 часа 10 минут ночи Николай II принял в своем поезде генерала Иванова и дал ему последние указания. «*Генерал Иванов вошел в вагон вместе с Государем и оставался долго у Его Величества*», — вспоминал Мордвинов.[2] «*До свидания,* — сказал на прощание Царь Иванову. — *Вероятно, в Царском Селе завтра увидимся*».[3]

В 5 часов утра 28 февраля царский поезд вышел из Могилева в Царское Село.[4] «*Императорские поезда ушли,* — писал Спиридович. — *На путях станции Могилев спокойно оставались вагоны с генерал-адъютантом Ивановым и с его отрядом Георгиевского батальона. Этот поезд двинулся по назначению лишь в час дня 28 февраля, через семнадцать часов после того, как Государь отдал свое распоряжение. Ставка не торопилась*».[5]

Таким образом, Император Николай II был оставлен в пути своей Ставкой фактически безо всякой охраны.

Покинув Могилев, Император Николай II двинулся на Петроград двумя литерными поездами «А» и «Б». Эти поезда двигались вслед за поездами с воинскими частями генерала Иванова и частями Северного и Западного фронтов, снятых для наведения порядка в Петрограде. Чтобы не мешать продвижению воинских эшелонов, царские поезда были вынуждены идти не прямой дорогой на Петроград, а окружным путем через Смоленск, Вязьму, Лихославль, к Николаевской железной дороге, а оттуда через Тосно на Царское Село. Движение царского поезда не вызывало никаких трудностей. На ближайшей станции ехавшие на фронт солдаты встречали Государя громким «ура!». В каждом губернском городе Император принимал губернаторов, которые докладывали ему обстановку в Петрограде. Таким образом, Царь был прекрасно осведомлен

---

[1] *Воейков В.Н.* Указ. соч. С. 126.
[2] Отречение Николая II. С. 95.
[3] *Спиридович А.И.* Указ. соч. С. 588
[4] РГИА, ф.516, о.1 /241/ 2890, д.9.
[5] *Спиридович А.И.* Указ. соч. С. 589

о том, что происходит в столице. Когда на следующий день в Пскове Николай II разговаривал с Рузским, то удивил последнего знанием положения в столице.[1]

Таким образом, поезд беспрепятственно шел на Царское Село. Известие о приближающемся царском поезде вызвало в среде бунтовщиков настоящую панику. В ГАРФ имеется текст телеграммы, написанный рукой какого-то революционного главаря, скорее всего Бубликова. «*По сведениям в 6 часов утра прибывает Николай II в Царское Село. Поезд идёт через Тосно, Гатчино и Царское Село. Нельзя ли задержать поезд? Нужно спешить*».[2]

Из этого текста мы видим, что царский поезд беспрепятственно шёл на Царское Село и у мятежников не было сил его задержать.

Страх перед «безвольным и ненавистным» Царем настолько обуял «друзей народа», что они просто потеряли голову. Один из самых трусливых и омерзительных типов революции С. Мстиславский, признавался позднее: «*Можно сказать с уверенностью: если бы в ночь с 27-го на 28-е противник мог бы подойти к Таврическому дворцу даже незначительными, но сохранившими строй и дисциплину силами, он взял бы Таврический с удара — наверняка, защищаться нам было нечем. Правительство не смогло, однако, этого сделать: оно было дезорганизовано*».[3]

Решающую роль в февральских событиях сыграла верхушка армии. Если бы она сохранила верность Государю, нет никаких сомнений, что мятеж был бы подавлен. Между тем Государь почувствовал именно нелояльность ближайшего военного окружения, и его отъезд в Псков был вызван стремлением опереться на фронтового генерала Н.В. Рузского.

Генерал Лукомский писал: «*Что, собственно, побудило Государя направиться в Псков, где находился штаб Главнокомандующего Северного фронта генерала Рузского, а не вернуться в Ставку в Могилев? Объясняют это тем, что в бытность в Могилеве при начале революции — он не чувствовал твердой опоры в своем начальнике штаба генерале Алексееве и решил ехать к армии на Северный фронт, где надеялся найти более твердую опору в лице генерала Рузского*».[4] Полковник Мордвинов возражает против этого утверждения: «*К генералу Рузскому и его прежнему, до генерала Данилова, начальнику штаба генералу Бонч-Бруевичу Его Величество, как и все мы, относились с безусловно меньшим доверием, чем к своему начальнику штаба, и наше прибытие в Псков явилось вынужденным и совершенно непредвиденным при отъезде. Государь, стремясь возможно скорее*

---

[1] *Катков Г.М.* Указ. соч. С. 311.

[2] ГАРФ. Ф. 1779, оп. 1, д. 1722

[3] *Мстиславский С.* Гибель царизма. Л.: Прибой, 1927. С. 78

[4] АРР. Т. 1–2. С. 20.

соединиться с семьей, вместе с тем стремился быть ближе к центру управления страной, удаленному от Могилева».[1]

Тем не менее Николай II рассчитывал на Рузского. Рузский командовал войсками огромного фронта, и Царь, если Рузский был бы верен присяге, оказался бы не только в полной безопасности, но и получил бы мощное средство для подавления мятежа. Таким образом, Государь прибыл в Псков, стремясь продолжать борьбу с мятежом. Советский исследователь Г.З. Иоффе пишет: «*Если верить белоэмигрантским мемуарам, то создается впечатление, что Николай II прибыл в Псков уже с созревшим решением пойти на уступки и согласиться на ответственное министерство. Но подобные утверждения — либо намеренное искажение, либо результат бессознательного смещения калейдоскопически развертывающихся событий*».[2] Нет, Государь хотел опереться на генерал-адъютанта Рузского, чтобы продолжать борьбу.

«*Когда «блуждающий поезд» приближался к Пскову*, — пишет Г.М. Катков, — *пассажиры его надеялись, что приближаются к тихой гавани и что личное присутствие Императора произведет магическое действие. Государь был вправе ждать, что главнокомандующий Северным фронтом первым делом спросит, какие будут приказания. Однако произошло совсем другое*».[3]

Псков встретил Государя мрачно. «*Будучи дежурным флигель-адъютантом*, — пишет полковник А.А. Мордвинов, — *я стоял у открытой двери площадки вагона и смотрел на приближающуюся платформу. Она была почти не освещена и совершенно пустынна. Ни военного, ни гражданского начальства (за исключением, кажется, губернатора), всегда задолго и в большом числе собирающегося для встречи Государя, на ней не было. Где-то посередине платформы находился, вероятно, дежурный помощник начальника станции, а на отдаленном конце виднелся силуэт караульного солдата. Поезд остановился. Прошло несколько минут. На платформу вышел какой-то офицер, посмотрел на наш поезд и скрылся. Еще прошло несколько минут, и я увидел, наконец, генерала Рузского, переходящего рельсы и направляющегося в нашу сторону. Рузский шел медленно, как бы нехотя, и, как нам всем показалось, нарочно не спеша. Голова его, видимо, в раздумье была низко опущена. За ним, немного отступя, шли генерал Данилов и еще два-три офицера из его штаба*».[4]

Что же сказал генерал Рузский, оказавшись в вагоне? Поддержал ли он своего Государя, подтвердил ли свою готовность исполнить свой долг пе-

---

[1] Отречение Николая II. С. 96.
[2] *Иоффе Г. З.* Крах Российской монархической контрреволюции. М., 1977. С. 35.
[3] Катков Г.М. Указ. соч. С. 418.
[4] Отречение Николая II. С. 104.

ред ним? Ничего подобного. «*Генерал Рузский*, — вспоминал позже Император Николай II, — *был первым, кто начал разговор о необходимости моего отречения*».[1]

«*Теперь уже трудно что-нибудь сделать*, — с раздраженной досадой говорил Рузский, — *давно настаивали на реформах, которые вся страна требовала ...не слушались ...теперь придется, быть может, сдаваться на милость победителя*», — недовольно сказал он членам свиты. Встретившись с Императором, Рузский высказал соображение, что надо соглашаться на «Ответственное министерство». Можно себе представить горечь Николая II: вместо опоры встретил в лице Рузского очередного своего противника. Николай II высказал мысль, что он не может пойти на этот шаг, что он хранит не самодержавие, а Россию. В ответ он услышал почти требование Рузского «сдаваться на милость победителя». Только теперь перед Царем стала проясняться вся глубина заговора. «*Когда же мог произойти весь этот переворот*?», — спросил он Рузского. Тот отвечал, что «*это готовилось давно, но осуществлялось после 27-го февраля, т.е. после отъезда Государя из Ставки*».[2] «*Перед Царем встала картина полного разрушения его власти и престижа, полная его обособленность, и у него пропала всякая уверенность в поддержке со стороны армии, если главы ее в несколько дней перешли на сторону врага*», — пишет генерал Дубенский.[3]

С этого момента Император окончательно понял, что он в ловушке и что он ничего не может предпринять. Д.С. Боткин, брат расстрелянного с Царской Семьей в Екатеринбурге лейб-медика Царской Семьи, писал в 1925 году: «*Революция началась задолго до того дня, когда А.И. Гучков и Шульгин добивались в Пскове отречения Государя. Как теперь установлено, Государь фактически был узником заговорщиков еще до подписания отречения. Когда Царский поезд остановился на станции Псков, Государь уже не был его хозяином. Он не мог направлять свой поезд согласно его желанию и усмотрению, и самая остановка в Пскове не была им намечена. Генерал Радко-Дмитриев говорил впоследствии, что если бы Государь вместо того, чтобы ожидать в своем вагоне думских делегатов из Петербурга, сошел бы на станции Псков и поехал в автомобиле по направлению расположений войск вверенной ему армии, события приняли бы совсем иной оборот. Несомненно, что прием Государем г.г. Гучкова и Шульгина в штабе Радко-Дмитриева носил бы иной характер и имел бы совершенно иные последствия; но остается под вопросом: мог ли Государь осуществить свой отъезд на автомобиле со станции Псков?*

---

[1] *Ден Ю.* Указ. соч. С. 163.
[2] Отречение Николая II. С. 62.
[3] Отречение Николая II. С. 62.

Мы не должны забывать, что вся поездная прислуга, вплоть до последнего механика на Царском поезде, была причастна к революции».[1]

Когда читаешь воспоминания членов Царской свиты о событиях февраля 1917 года, то невольно поражаешься какой-то их беспомощности и обреченности. Никто из них и не пытался действенно помочь монарху, хотя бы морально поддержать его, а все надеялись на «*авось*», на «*чуточную мечту*». В этих условиях единственным, кто продолжал сопротивляться и отстаивать монархию, был сам Николай II. В 1927 году вышла цитируемая нами книга «*Отречение Николая II*» со вступительной статьей М. Кольцова. Кольцов был тогда в стане победителей, тех, кто истреблял Романовых «как класс», кто всячески клеветал и унижал память последнего Царя. Тем более для нас интересен тот неожиданный вывод Кольцова, когда он пишет о Николае II: «*Где тряпка? Где сосулька? Где слабовольное ничтожество? В перепуганной толпе защитников трона мы видим только одного верного себе человека — самого Николая. Нет сомнения, единственным человеком, пытавшимся упорствовать в сохранении монархического режима, был сам монарх. Спасал, отстаивал Царя один Царь. Не он погубил, его погубили*».[2]

Лишь после того, как Великий Князь Николай Николаевич и все командующие фронтами — генералы Алексеев, Брусилов, Эверт, Сахаров, Рузский, адмирал Колчак — прислали ему телеграммы или передали их устно «со слезными» просьбами отречься, он понял: все — круг замкнулся. Архимандрит Константин (Зайцев) писал: «*Государь внезапно оказался без рук: он ощутил вокруг себя пустоту. Вместо честных и добросовестных исполнителей своих предначертаний он уже раньше все чаще видел «советников» и «подсказчиков», в глазах которых «Он» мешал им «спасти» Россию!*»[3]

Здесь необходимо сказать несколько слов о юридических, нравственных и исторических аспектах так называемого «отречения».

Это «отречение» произошло в условиях организованного заговора военных и думцев. В результате этого заговора Император Николай Александрович оказался в полной изоляции. Он был окружен либо врагами, либо теми, кто не был в состоянии по разным причинам предпринять какие-либо действия в защиту Государя. В этих условиях от Царя первоначально требовали «ответственного» министерства. Само по себе это требование было далеко не новым: его уже выдвигала думская оппозиция в 1915, 1916 годах. Но в феврале 1917 года это требование получило новое дополнение:

---

[1] *Боткин С.Д.* Что было сделано для спасения Императора Николая II// Русская Летопись: кн. 7. Париж, 1925. С. 208,

[2] Отречение Николая II. С. 22.

[3] *Архимандрит Константин (Зайцев).* Чудо русской истории. М., 2000. С. 470.

после его принятия Царь, по мысли заговорщиков, должен был отречься от престола. То есть таким образом Император должен был освятить новую масонскую власть. Николай II на это не пошел, так как отлично понимал, в чьи руки будет передана судьба России. Уже находясь под арестом в Царском Селе, он сказал Юлии Ден, указывая на министров Временного правительства: *«Вы только взгляните, Лили. Посмотрите на эти лица… Это же настоящие уголовники. А между тем от меня требовали одобрить такой состав кабинета и даровать конституцию».*[1]

Царь предпочел отойти от власти, но не освящать своим именем преступное богоборческое правительство. Он — единственный из представителей высшей власти, кто отказался поддерживать власть разрушителей русской государственности. Все остальные: верхи армии, общества, буржуазии и даже церкви выразили полную лояльность к февральским преступникам. Своим отказом признавать мятежное правительство Царь, вслед за Спасителем, которого нечистый дух соблазнял поклониться ему, обещая все царства міра, отвечал сатане: «*Изыди от Мене сатано: писано бо есть: Господу Богу твоему поклонишися и тому единому послужиши*» (Мт. Гл. 4–9).

В этом отказе есть великий духовный подвиг Государя перед Богом и Россией.

Император Николай II был поставлен мятежниками в такое положение, когда ему приходилось думать прежде всего о спасении России и самодержавной монархии. Что есть самодержавная монархия? «*Самодержавная монархия,* — писала газета «Царь-Колокол» в 1990 году, — *есть форма земной власти, установленная во образ власти Небесной, то есть царство, над скоропроходящим земным благополучием подданных поставляющее заботу об их конечном спасении. Отсюда тенденция к видимому самоуничижению, саморазрушению царства внешнего ради торжества правды внутреннего — Крест Царский, не раз явленный миру православными князьями и царями русскими. Вспомним Государя Николая Александровича, на предложение террором власти остановить разраставшееся отступление ответившего отказом*».[2]

Суть подвига Николая II очень точно подметил архимандрит Константин (Зайцев): «*Царь, оставаясь Русским Царем, не мог себя ограничить западной конституцией, не мог сделать этого не потому, что судорожно держался за свою власть, а потому сама власть эта, по существу своему, не поддавалась ограничению. Ограничить ее — значило изменить не ее, а изменить ей. Русский Царь — не просто Царь-Помазанник, которому вручена Промыслом судьба великого народа. Он — тот единственный Царь на земле,*

[1] *Ден Ю.* Указ. соч. С. 165.
[2] Царь-Колокол. №1. 1990.

которому вручена от Бога задача охранять Святую Церковь и нести высокое царское послушание до второго пришествия Христова. Русский Царь — тот Богом поставленный носитель земной власти, действием которого до времени сдерживается сила Врага».[1]

Все события «отречения» — это поединок Царя и «февралистов» 1917 года. Царь до последнего момента надеялся отстоять свои священные права, а значит отстоять законную власть. Он надеялся получить в этом поддержку от окружавших его людей, он ждал от них исполнения их долга верноподданных. Но тщетно. Кругом царили «измена, и трусость, и обман». *«Подавить открыто революцию Николай II уже не мог,* — пишет Г. З. Иоффе. — *В Пскове он был “крепко” зажат своими генерал-адъютантами. Прямое противодействие им в условиях Пскова, где положение контролировал один из главных изменников Рузский, было практически невозможно. В белоэмигрантской среде можно найти утверждение, что если бы Николай II, находясь в Пскове, обратился к войскам, среди них нашлись бы воинские части верные царской власти. Однако практически он не имел такой возможности, хотя бы потому, что связь осуществлялась через штаб генерала Рузского. В соответствии с показаниями А.И. Гучкова Рузский прямо заявил Николаю II, что никаких воинских частей послать в Петроград не сможет».*[2]

Тогда, поняв, что мятежники царствовать ему все равно не дадут и что беззаконие должно свершиться, Император начал мучительно думать, как ослабить это беззаконие и как отвести от России тяжкий грех отступничества. Мятежники требовали от него передать престол сыну — Цесаревичу Алексею. Они прекрасно понимали, что передача престола Цесаревичу будет воспринята как законная передача власти от отца к сыну, то есть будет сохранена иллюзия законного престолонаследования. То есть Император Николай II по плану мятежников должен был своим именем и именем своего сына освящать узурпацию власти. Отречься в пользу сына означало бы сделать больного Наследника царем родзянок, гучковых, львовых, керенских и им подобных, означало бы узаконить их беззаконие.

Но кроме этого, было ещё одно обстоятельство, о котором Государь либо знал, либо которое он прозрел находясь в Пскове. Дело в том, что заговорщики заранее планировали передачу престола неизлечимо больному подростку Наследнику Алексею Николаевичу. При этом 16 декабря 1916 года ими был убит Григорий Ефимович Распутин, по молитвам которого Наследник неоднократно возвращался к жизни после тяжёлых приступов гемофилии. Таким образом, был уничтожен главный лекарь Цесаревича Алексея. В тот же день убийства Распутина, А. Ф.

[1] *Архимандрит Константин (Зайцев).* Указ. соч. С. 457.
[2] *Иоффе Г.З.* Указ. соч. С. 52.

Керенский назначается главой русского масонства. Именно Керенский, а не Гучков и Родзянко, становится главным действующим звеном февральского переворота. Логика тех, кто стоял за Керенским предельно проста: возвести на престол смертельно больного ребёнка, с тем, чтобы можно было вести Россию по масонскому пути.

Государь пойти на этот не мог. На беззаконные требования Государь отвечает беззаконным актом — он передает «Наследие Наше» великому князю Михаилу Александровичу. Этим шагом, Император Николай II ломает Керенскому и его заграничным хозяевам всю игру. В своём интервью журналу «Орион», которое он дал в 1919 году, Керенский сообщал: *«2-го был отъезд Гучкова и Шульгина. Мы ждали Алексея. В наши планы не входил проект Михаила. Эта комбинация была для нас неприемлема».*[1]

Этим признанием, Керенский подтвердил две вещи: 1) что он знал ещё до переворота, что престол должен перейти именно к Цесаревичу Алексею и 2) что закулисе нужен был во главе России обязательно малолетний и не самостоятельный Царь.

Передача престола великому князю Михаилу Александровичу происходит с нарушением всех законов Российской империи, всего правового оформления таких судьбоносных документов. Но кроме нарушения юридических норм «отречение» было заранее невозможно еще и потому, что Великий Князь Михаил Александрович к февралю 1917 года не имел прав наследовать престол. На листке бумаги обыкновенной печатной машинкой пишется странный текст, который начинается словами: «Ставка. Начальнику Штаба». Хотя вышел ли этот документ из-под пера Государя или он был сфабрикован Гучковым и присными, неизвестно. Игумен Серафим Кузнецов писал: *«Невольно закрадывается в душу сомнение: “А действительно ли подписан Государем акт отречения?” Это сомнение можно выгнать из тайников душевных только тогда, когда беспристрастная экспертиза докажет, что акт отречения действительно подписан Императором Николаем II. Такие первостепенной важности акты совершаются не при двух-трех свидетелях, а при составе представителей всех сословий и учреждений. Не было также подтверждено Государем кому-либо при жизни, что им подписан акт отречения от власти, и никто к нему допущен не был из лиц нейтральной стороны и даже из числа иностранных представителей, при которых бы Государь подтвердил акт своего отречения, и что он сделан не под угрозой насилия, а добровольно».*[2]

---

[1] Ж.: Клио, Санкт-Петербург, № 3(26), 2004 //Николаев А. Б. А. Ф. Керенский о февральской революции»//.

[2] *Серафим (игумен).* Православный Царь-Мученик. М.:Хризостом, 1996. С. 151.

М. Сафонов в своей интереснейшей статье «Гибель богов» хорошо показывает те вопиющие разногласия в тексте документа с иными источниками, которые выявились в ходе его исследования. Так, совершенно непонятно, почему так называемый «манифест об отречении» не имеет обязательной для такого документа шапки: «Божьей поспешествующей Милостию Мы, Николай Второй, Император и Самодержец Всероссийский...» и так далее. То есть из документа «Начальнику Штаба» непонятно, к кому конкретно обращается Император. Более того, этот документ совершенно не характерен для телеграмм Николая II. «*Николай II,* — пишет Сафонов, — *по-иному оформлял свои телеграммы. Это хорошо видно из собственноручно написанных им между 15 и 16 часами 2 марта телеграмм Родзянко и Алексееву. Вначале он указывал, кому адресована телеграмма, потом — куда она направляется. Например, как это отчетливо видно на факсимиле: "Председателю Гос. Думы. Птгр", то есть "Петрограда". Соответственно телеграмма Алексееву выглядела так: "Наштаверх. Ставка". "Наштаверх" — это означало "начальнику штаба верховного главнокомандующего". Поэтому слова: "Ставка. Начальнику штаба", который мы видим на фотокопиях, были написаны людьми недостаточно компетентными, ибо просто "начальнику штаба" Царь никогда бы не написал. Далее безграмотно поставлена дата телеграммы. Действительно, телеграммы, которые отсылал Данилов из штаба Северного фронта, заканчивались так: "Псков. Число, месяц. Час. Минута". Потом обязательно следовал номер телеграммы. Потом следовала подпись. Нетрудно заметить, что на фотокопиях нет номера телеграммы, который обязательно должен был здесь находиться, если бы она действительно была подготовлена к отправке. Да и сама дата выглядит несколько странно: "2-го Марта 15 час. 5 мин. 1917 г.". Как правило, год в телеграммах не обозначался, а если обозначался, то цифры должны были следовать после написания месяца, например, "2 марта 1917 г.", а отнюдь не после указания точного времени*».[1]

М. Сафонов считает, что текст «отречения» был вписан на бланк царской телеграммы с уже имевшейся подписью Царя и министра Двора графа Фредерикса. О каком же «историческом документе» может тогда идти речь? И что было сказано в подлинном тесте манифеста, который Император Николай II передал в двух экземплярах Гучкову и Шульгину, о чем имеется запись в дневнике Царя, если только, конечно, и дневник не подвергся фальсификации? «*Если "составители" Акта отречения так свободно манипулировали его формой,* — вопрошает Сафонов, — *не отнеслись ли они с той же свободой к самому тексту, который Николай II пе-*

---

[1] *Сафонов М.* Гибель богов. Ложь и правда об отречении Николая II //Секретные материалы. № 4 (74), 5 (75). 2002.

редал им? Другими словами, не внесли ли Шульгин и Гучков в текст Николая II принципиальных изменений?»

Однозначных ответов на эти вопросы сегодня дать нельзя. Но так же совершенно невозможно говорить о каком-то «отречении» Николая II от престола, тем более о «легкости» этого «отречения». Совершенно понятно, что ни с юридической, ни с моральной, ни с религиозной токи зрения никакого отречения от престола со стороны Царя не было. **События в феврале–марте 1917 года были ничем иным, как свержением Императора Николая II с прародительского престола; незаконное, совершенное преступным путем, против воли и желания Самодержца лишение его власти**. «*Мир не слыхал ничего подобного этому правонарушению. Ничего иного после этого, кроме большевизма, не могло и не должно было быть*».[1]

Поставленный перед лицом измены генералитета, который почти в полном составе перешел на сторону заговора, Николай II оказался перед двумя путями. Первый путь был следующим: обратиться к армии, защитить его от собственных генералов. Но что это означало на деле? Это означало, что Царь должен был приказать расстрелять практически весь свой штаб. Но, во-первых, это было немыслимо по соображениям государственной безопасности: перед судьбоносным наступлением разгромить собственную Ставку было равносильно военному крушению русской армии. Не говоря уже о том, что подобные действия оказали бы сильное деморализующее действие на войска.[2] Во-вторых, не надо забывать, что Царь был фактически пленен собственными генералами. Царский поезд охранялся часовыми генерала Рузского, который один решал, кого допускать к Царю, а кого — нет. Вся корреспонденция, направляемая Императору, контролировалась генералом Алексеевым. «*Хотя реально*, — пишет О.А. Платонов, — *связь между Государем и Ставкой армии потеряна не была, генерал Алексеев по сути отстранил Царя от контроля над армией и захватил власть в свои руки*».[3]

---

[1] *Кобылин В.* Указ. соч. С. 309.

[2] Общеизвестно, что репрессии 30-х годов против руководящего состава РККА, проведенные Сталиным, оказали деморализующее влияние на советскую армию, хотя репрессированные военачальники (Тухачевский, Якир, Блюхер) были заменены более выдающимися (Тимошенко, Жуковым, Рокоссовским). Но сам факт расстрела армейского верховного командования, даже обличенного в заговоре и планах государственного переворота, произвел удручающее впечатление на военные массы, особенно на командный состав. Если репрессии против красного командного состава, проведенные за четыре года до войны, встретили у определенной части офицерства неприятие и даже противодействие, что не преминуло сказаться на ходе боевых действий в 1941 году, то легко себе представить, что произошло бы в марте 1917 года, пойди Николай II в разгар боевых действий на подобные репрессии.

[3] *Платонов О.А.* Терновый венец России. История цареубийства. М., 2001. С. 201.

Понятно, что в таких условиях генералы не дали бы Царю предпринять против себя никаких репрессивных действий. Император, «*соединявший в себе двойную и могущественную власть Самодержца и Верховного Главнокомандующего, ясно сознавал, что генерал Рузский не подчинится его приказу, если Он велит подавить мятеж, бушующий в столице. Он чувствовал, что тайная измена опутывала его, как липкая паутина*».[1]

Можно было послать войска в Петроград. Но против кого? Царь ясно понимал, что беснующиеся праздношатающиеся толпы так называемого «народа» легко разгоняются двумя верными батальонами. Но в том-то и дело, что главные заговорщики были не на улицах Петрограда, а в кабинетах Таврического дворца и, что самое главное, в собственной Его Величества Ставке. Армия в лице ее высших генералов предала своего Царя и Верховного Главнокомандующего. Лев Троцкий впоследствии злорадно, но справедливо писал: «*Среди командного состава не нашлось никого, кто вступился бы за своего Царя. Все торопились пересесть на корабль революции в твердом расчете найти там уютные каюты. Генералы и адмиралы снимали царские вензеля и надевали красные банты. Каждый спасался, как мог*».[2]

Таким образом, насильственное разрешение создавшегося положения в условиях изоляции в Пскове для Царя было невозможно. «*Фактически Царя свергли. Монарх делал этот судьбоносный выбор в условиях, когда выбора-то по-существу у него не было. Пистолет был нацелен, и на мушке была не только его жизнь (это его занимало мало), но и будущее страны. Ну а если бы не отрекся, проявил "твердость", тогда все могло бы быть по-другому? Не могло. Теперь это можно констатировать со всей определенностью*».[3]

Оставался второй путь: жертвуя собой и своей властью, спасти Россию от анархии и гражданской войны. Для этого надо было любой ценой сохранить монархию. Царь понимал, что от власти его отрешат при любом раскладе. Отдавать своего сына в цари мятежникам Царь не хотел. Оставалось одно: передать престол своему брату — Великому Князю Михаилу Александровичу. Этим шагом, с одной стороны, Царь показывал всю незаконность происходящего, а с другой — выказывал надежду, что новому императору из Петрограда будет легче и справиться с крамолой, и возглавить новый курс руководства страной. То, что это было твердо принятое решение, говорит телеграмма Государя на имя Михаила Александровича: «*Его Императорскому Величеству Михаилу. Петроград. События последних дней вынудили меня решиться бесповоротно на этот шаг. Прости меня, если огорчил Тебя и не успел предупре-*

---

[1] *Кобылин В.* Указ. соч. С. 309.
[2] *Троцкий Л.* История русской революции: Т. 1. Берлин, 1931. С. 112–113.
[3] *Боханов А.Н.* Николай II. С. 359.

дить». Кстати, эта телеграмма не была передана Великому Князю Михаилу Александровичу.

Но Великий Князь совершил поступок, совершенно неожиданный для Николая II: вместо организации отпора мятежу он передал всю полноту власти в руки мятежников. «*Бог знает, кто надоумил его подписать такую гадость!*», — записал Государь в своем дневнике 3-го марта.[1] «*Государь выразил Свое глубокое огорчение как отказом Августейшего Брата взойти на престол, так и формой, в которую он был облечен*» (В.Н. Воейков).[2]

Узнав о поступке брата, Император Николай II пошел на еще большую жертву во имя России: он был готов отдать ей своего Сына. Уже по пути в Могилев Николай II вызвал к себе генерала Алексеева и сказал ему: «*Я передумал. Прошу Вас послать эту телеграмму в Петроград*».

«*На листке бумаги*, — писал генерал А. И. Деникин, — *отчетливым почерком Государь писал собственноручно о своем согласии на вступлении на престол сына своего Алексея.*

Алексеев унес эту телеграмму и не послал. Было слишком поздно: стране и армии объявили уже два манифеста».[3]

Здесь генерал Деникин, сам склонный к непостоянству и интригам, безусловно, лукавит. Ничего было не поздно. Никаких манифестов еще не было, да и к тому же Царь обладал правом исправить законодательную «ошибку» о передаче престола своему брату и никто был не вправе помешать ему это сделать. Просто генерал Алексеев в очередной раз предал. Правда, теперь не только лично Императора Николая Александровича, которому на святом Евангелии клялся служить «верно и нелицемерно», но и дело Русской Монархии в целом.

Сегодня бытует мнение, что Николай II планировал вырваться из Пскова и, обратившись к войскам, дезавуировать «отречение». В доказательство приводится поездка Царя из Пскова в Могилев. Так, один современный исследователь пишет: «*Государь оказался в ловушке у террористов, и по отношению к нему были применены хорошо известные нам сегодня методы террора. Подписывать официальный юридический документ об отречении ему не позволяла совесть христианина, ответственность правителя и профессионализм юриста, а не подписывать его он не мог, так как заговорщики грозили немедленно устроить братоубийственную бойню. Государь избрал оптимальный, на его взгляд, выход, с возможностью изменить ситуацию, вырвавшись из псковского плена. Он не учел только одного — предательство и измена среди высших государственных и военных чинов России оказалась гло-*

---

[1] Дневники Императора Николая II. С. 625.

[2] *Воейков В.Н.* Указ. соч. С. 150.

[3] *Деникин А.И.* Очерки Русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль–сентябрь 1917 г. М.: Наука, 1991. С. 54.

бальной. Государь был уверен, что большинство тех, кто давал ему присягу на верность, останутся верны ей. Он сам был человеком совести и предполагал ее наличие у своих верноподданных. Его чистое сердце было просто не способно предусмотреть всеобщей измены».[1]

Думается, что подобные мнения, с одной стороны, недооценивают Государя, а с другой — ставят под сомнение его искренность. Императору общая измена стала понятна тогда, когда пришли «коленопреклоненные» телеграммы от Великого Князя Николая Николаевича и всех командующих фронтов. *«Все мне изменили. Первый Николаша»,* — сказал Государь Воейкову. Точно так же известная фраза «кругом измена, и трусость, и обман» появилась в дневнике 2-го марта, а не после поездки в Ставку. Нет, Царь все понял. Он понял, что царствовать больше он не может, ибо ему не дадут этого. Ему оставалось одно: пожертвовав собой, спасти монархию. Бытует мнение, что он не должен был «отрекаться» даже ценой собственной жизни, как Император Павел. Но такие мнения опять-таки не берут во внимание то обстоятельство, что заговор проходил в условиях тяжелейшей войны. Можно себе представить, как сказалось бы на ее ходе убийство Монарха в собственной Ставке своими генералами. Результатом цареубийства вновь стала бы гражданская смута, грозившая поражением в войне. В тех условиях от Царя требовалось больше, чем отдать жизнь, — от него требовалась жертва во имя России. И он эту жертву принес.

«Нет той жертвы, которую я не принес бы во имя действительного блага и для спасения Родной Матушки России», — объявлял он Родзянко в своей телеграмме. Он отрекся, не поставив никаких условий лично для себя и своей семьи, отрекся жертвенно. *«Когда в силу страшных обстоятельств ("кругом измена, и трусость, и обман") стало ясно, что он не может исполнять долг Царского служения по всем требованиям христианской совести, он безропотно, как Христос в Гефсимании, принял волю Божию о себе и России. Нам иногда кажется, что в активности проявляется воля, характер человека. Но требуется несравненно большее мужество, чтобы тот, кто «не напрасно носит меч», принял повеление Божие «не противиться злому», когда Бог открывает, что иного пути нет. А политик, которым движет только инстинкт власти и жажда ее сохранить во что бы то ни стало, по природе очень слабый человек. Заслуга Государя Николая II в том, что он осуществил смысл истории как тайны воли Божией»,* — пишет протоиерей Александр Шаргунов.[2]

Это же понимание смысла истории как воли Божьей руководило Государем, когда он отказался от политической борьбы за власть. Его решение не бороться за нее было взвешенным и окончательным. Здесь невозможно вновь не сказать

---

[1] http://www.blagoslovenie.ru.
[2] *Протоиерей Александр Шаргунов.* Указ. соч. С. 12.

о христоподражательности подвига Государя. Вспомним обстоятельства Гефсиманского Моления о Чаше Спасителя и то, что произошло позже. Господь тяжко страдает перед началом Крестного Пути. Ему тяжко быть одному. Он просит учеников бодрствовать вместе с Ним в эти минуты. Но ученики, не понимающие величия момента, засыпают. Спаситель в кровавом поту молит Отца, чтобы Чаша сия Его миновала. «В*прочем не как Я хочу, но как Ты*», — смиренно говорит Он. Но вот пришли первосвященники, солдаты и Иуда «с предательским лобзаньем на устах». Спасителя хватают. И в этот момент апостол Петр, охваченный праведным гневом, достает меч и отсекает ухо рабу по имени Малх, что, к слову, в переводе означает «царь». Господь останавливает Петра со словами: «*Вложи меч свой в ножны; неужели Мне не пить чаши, которую дал Мне Отец?*», после чего исцеляет раба. Господь Иисус дает понять Петру: помогать Мне следовало тогда, когда Я просил об этом, то есть не спать, а поддержать Меня в Моей душевной муке. Нынче же пробил час Сына Человеческого, и единственное, в чем Ему можно помочь, так это в несении Им креста. Петр, совершая насильственное действие в отношении раба, то есть невольного в своих действиях человека, совершает бессмысленный поступок, который только мешает Господу в Его вселенской миссии.

«*В критическую для всей вселенной минуту, когда победа в Великой войне была так близка, Константинополь, проливы, преобладание в Европе отходили к России, оставленный Государь после целонощной молитвы перед образом Спасителя, "преодолев искушение в пустыне", принял решение об отречении от Престола, со всей своей Августейшей Семьей ступив на предназначенный ему от рождения путь смирения и скорби. Тем же, чем для искушаемого в пустыне Господа было предложение всех царств мира из рук сатанинских, тем явился для Государя конституционный соблазн. Согласившись на конституцию, Государь безусловно сохранил бы себе и своей Семье жизнь, но время и сроки мира, попавшего под власть антихриста, были бы сокращены. Отказом помазанника Божия, Государя Императора Николая Александровича, от перемены источника власти, отказом от дьявольского послушания и верностью своему Владыке Господу Иисусу Христу пришествие антихриста откладывалось на неопределенный срок, вселенная который раз была избавлена от надвигавшейся катастрофы*».[1]

Поведение Николая II удивительно точно повторяет евангельские события. Об этом прямо пишет С. Позднышев: «*На Гучкова с ненавистью смотрел стоявший у дверей молодой офицер Лейб-гвардии Московского полка. Вот он схватил шашку, может, сейчас блеснет сталь. Государь заметил движение руки, быстро сказал: "Соловьев, успокойся, выйди в соседнее помещение. Я не хочу ничьей крови..." Как будто в глу-*

---

[1] Царь-Колокол. №1. 1990.

бине двух тысячелетий возникла другая картина, и ветер веков донес из тьмы Гефсиманского сада: “Петр, вложи меч твой...”».[1]

Не менее христоподражательным является поведение Царя с Алексеевым: «*Алексеев чувствовал неловкость и смущение перед Государем. Его совесть тревожило упорное молчание Царя. Во время доклада о последних событиях в Петрограде, он не выдержал и сказал ему: “Ваше Величество, я действовал в эти дни, руководствуясь моей любовью к Родине и желанием уберечь и оградить армию от развала. Россия тяжка больна; для ее спасения надо было идти на жертвы...” Государь пристально посмотрел на него и ничего не отвечал*».[2]

Не так ли аргументировал свое предательство Иуда, и не так ли молчал перед Пилатом Спаситель?

В 1927 году в монархическом журнале «Двуглавый орел», издававшемся в Париже, были помещены стихи никому не известного В. Шелехова. Мы не беремся судить об их поэтическом достоинстве. Да оно и не важно. Важно то, что Шелехов очень точно отобразил в них смысл Царского Подвига:

Наш Батюшка-Царь в могилевской палате
Трудился над планом последних боев.
Вот близка победа, но злые кинжалы
Уж в Царскую спину направил кагал:
В столице мятеж, смущены генералы,
А в Пскове Иуда-предатель предстал.
Не думая вовсе о личном спасеньи,
Престольную клятву России храня,
Великий Страдалец в христианском смиреньи
Сказал им: «Я Царь ваш — возьмите меня».
И поднялись злые нечистые руки
И в грязном кощунстве легли на Царя,
И в царских очах отразилися муки,
Безмерной любовью Отчизну даря.
И началось шествье Царя Николая,
То скорбное шествье с тяжелым крестом...[3]

Приведенные выше примеры, вся логика поведения Императора Николая II как христианского государя свидетельствуют, что Царь приносил жертву во имя России, а не отрекался от нее. Далек был Николай II и от политического трюкачества и интриг.

---

[1] *Позднышев С.* Распни Его. Париж, б/д. С. 336.
[2] *Позднышев С.* Указ. соч. С. 349.
[3] Двуглавый орел. Вестник Высшего Монархического совета. Париж. № 7. 1927.

Поездка Царя в Могилев была ничем иным, как прощальной поездкой. 3 марта 1917 года Император прибыл в Могилев. «*Государь вернулся в Могилев из Пскова для того, чтобы проститься со своей Ставкой, в которой Его Величество так много трудился, столь положил в великое дело в борьбе с нашим упорным и могущественным врагом души, сердца и ума и необычайного напряжения всех своих моральных и физических сил. Только те, кто имел высокую честь видеть ежедневно эту непрерывную деятельность в течение полутора лет, с августа 1915 по март 1917, непосредственного командования Императором Николаем II своей многомиллионной армией, растянувшейся от Балтийского моря через всю Россию до Трапезунда и вплоть до Малой Азии, только те могут сказать, какой это был труд и каковы были нужны нравственные силы, дабы переносить эту каждодневную работу, не оставляя при этом громадных общегосударственных забот по всей империи, где уже широко зрели измена и предательство. И как совершалась эта работа Русским Царем! Без малейшей аффектации, безо всякой рекламы, спокойно и глубоко-вдумчиво трудился Государь*», — писал летописец пребывания Царя в армии во время Міровой войны генерал Д.Н. Дубенский.[1]

Могилев встретил отрекшегося Царя «марсельезой» и красными полотнищами, и это новое лицо враз изменившегося города, наверное, подействовало на Государя более удручающе, чем обстоятельства самого отречения. «*4 марта,* — писал полковник Пронин, — *подходя сегодня утром к Штабу, мне бросились в глаза два огромных красных флага, примерно в две сажени длиной, висевшие по обе стороны главного входа в здание городской Думы. Вензеля Государя и Государыни из разноцветных электрических лампочек уже были сняты. Государь со вчерашнего дня «во дворце», и Он может из окошек круглой комнаты, в которой обыкновенно играл наследник, видеть этот новый "русский флаг".*

Около 10 часов утра я был свидетелем проявления "радости" Георгиевским батальоном по случаю провозглашения нового режима в России. Сначала издалека, а затем все ближе и ближе стали доноситься звуки военного оркестра, нестройно игравшего марсельезу. Мы все, находившиеся в это время в оперативном отделении, подошли к окнам. Георгиевский батальон в полном составе, с музыкой впереди, направляясь в город, проходил мимо Штаба. Толпа, главным образом мальчишки, сопровождала его. Государь, стоя у окна, мог наблюдать, как лучшие солдаты армии, герои из героев, имеющие не менее двух георгиевских крестов, так недавно составлявшие надежную охрану Императора, демонстративно шествуют мимо Него, проявляя радость по случаю свержения Императора... Не-

[1] Ставка Верховного Главнокомандующего. Рассказ очевидца // Русская Летопись: кн. 7. Париж, 1925. С. 156–172.

что в том же духе сделал и Конвой Его Величества. Начальник Конвоя, генерал граф Граббе явился к Алексееву с просьбой разрешить снять вензеля и переименовать Конвой Его Величества в Конвой Ставки Верховного Главнокомандования.

И вспомнились мне швейцарцы — наемная гвардия Людовика XVI, вся, до единого солдата погибшая, защищая короля».[1]

Сам Император вспоминал об этой своей последней поездке в Могилев, в который приехала также Вдовствующая Императрица Мария Федоровна повидаться с сыном: «*Некоторые эпизоды были исключительно неприятными. Мама возила меня на моторе по городу, который был украшен красными флагами и кумачом. Моя бедная мама не могла видеть эти флаги. Но я на них не обращал никакого внимания; мне все это показалось таким глупым и бессмысленным! Поведение толпы, странное дело, противоречило этой демонстрации революционерами своей власти. Когда наш автомобиль проезжал по улицам, люди, как и прежде, опускались на колени».*[2]

6 марта Николай II простился со Ставкой. Н.А. Павлов в своей книге писал: «*Государь все время спокоен. Одному Богу известно, что стоит Ему это спокойствие. Лишь 3-го марта, привезенный обратно в Ставку, Он проявляет волнение. Сдерживаясь, стараясь быть даже веселым, Он вышел из поезда, бодро здороваясь с великими князьями и генералитетом. Видели, как Он вздрогнул, увидав шеренгу штаб-офицеров. Государь всех обходит, подавая руку. Но вот конец этой шеренге... Крупные слезы текли по Его лицу, и, закрыв лицо рукой, Он быстро вошел в вагон... Прощание со Ставкой и армией. Государь, видимо, сдерживает волнение. У иных офицеров на глазах слезы. Наступила еще и последняя минута... Где-то тут должны нахлынуть тени Сусанина, Бульбы, Минина, Гермогена, Кутузова, Суворова и тысяч былых верных. Здесь и гвардия, военное дворянство, народ... Слезы офицеров — не сила... Здесь тысячи вооруженных. И ни одна рука не вцепилась в эфес, ни одного крика "не позволим", ни одна шашка не обнажилась, никто не кинулся вперед, и в армии не нашлось никого: ни одной части, полка корпуса, который в этот час ринулся бы, сломя голову, на выручку Царя, России... Было мертвое молчание».*[3]

Чего стоили Николаю II эти псковские и могилевские дни, хорошо видно из воспоминаний Юлии Ден, которая была поражена тем, как изменился Император: «*Когда мы вошли в красный салон, и свет упал на лицо Императора, я вздрогнула. В спальне, где освещение было тусклое, я его не сумела разглядеть, но сейчас увидела, насколько он изменился. Смертельно*

---

[1] *Пронин В.М.* Последние дни Царской Ставки. Белград, 1930. С. 50–51.
[2] *Ден Ю.* Указ. соч. С. 163.
[3] *Павлов Н.А.* Его Величество Государь Николай II. Париж, 1927. С. 153.

бледное лицо покрыто множеством морщинок, виски совершенно седые, вокруг глаз синие круги. Он походил на старика».[1]

8 марта 1917 года Император Николай II отдал свой последний приказ по армии: «*В последний раз обращаюсь к вам, горячо любимые мною войска. После отречения мною за себя и за сына моего от Престола Российского власть передана Временному правительству, по почину Государственной Думы возникшему. Да поможет ему Бог вести Россию по пути славы и благоденствия. Да поможет Бог и вам, доблестные войска, отстоять нашу Родину от злого врага. В продолжении двух с половиной лет вы несли ежечасно тяжелую боевую службу, много пролито крови, много сделано усилий, и уже близок час, когда Россия, связанная со своими доблестными союзниками одним общим стремлением к победе, сломит последнее усилие противника. Эта небывалая война должна быть доведена до полной победы.*

Кто думает теперь о мире, кто желает его, тот — изменник Отечества, его предатель. Знаю, что каждый честный воин так мыслит. Исполняйте же ваш долг, защищайте доблестно нашу великую Родину, повинуйтесь Временному правительству, слушайтесь ваших начальников, помните, что всякое ослабление порядка службы только на руку врагу.

Твердо верю, что не угасла в ваших сердцах беспредельная любовь к нашей великой Родине. Да благословит вас Господь Бог и да ведет вас к победе святой великомученик и победоносец Георгий. НИКОЛАЙ. 8 марта 1917 года. Ставка. Подписал: начальник штаба, генерал Алексеев».

«*Трудно встретить более благородное, более сердечное и великое в своей простоте прощальное слово Царя, который говорит только о счастье оставленного им народа и благополучии Родины. В этом прощальном слове сказалась вся душа Государя и весь его чистый образ*», — писал генерал Дубенский.[2] Об этом же пишет и С.П. Мельгунов: «*Может ли кто-нибудь, прочитав приказ, написанный в ту минуту, когда утратив свое высокое положение, он был арестован, поверить, что Император был лицемерен?!*»[3]

«Демократическое» Временное правительство побоялось довести последний приказ Царя до армии. Специальной телеграммой Гучкова на имя Алексеева категорически запрещалось передавать приказ в войска. Алексеев, столь недавно рыдавшей при прощании с Государем, немедленно ис-

---

[1] *Ден Ю.* Указ. соч. С. 160.

[2] Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных. С. 461.

8 марта 1917 года Временное правительство объявило Николая II «лишенным свободы».

[3] *Мельгунов С.П.* Судьба Императора Николая II после отречения. Нью-Йорк: Телекс, 1991. С. 39.

полнил этот приказ, хотя он не был даже в подчинении военного министра. «*До Государя,* — пишет Дубенский, — *на другой день дошло известие о запрещении распубликовывать его прощальное слово войскам, и Его Величество был глубоко опечален и оскорблен этим непозволительным распоряжением».*[1]

Почему же Временное правительство так испугалось этого спокойного и внешне ему совершенно не опасного приказа свергнутого Царя? «*Почему?* — вопрошает Мельгунов. — *Не потому ли, что прощальное слово вступало в резкую коллизию с настроением либеральной общественности, воспринимавшей и оправдывавшей переворот как неизбежную реакцию на антипатриотическую позицию старой власти? Не потому ли, что впечатление, полученное Бьюкененом,*[2] *могло совпасть с аналогичным в армии, которое не могло бы оправдать ни ареста бывшего Императора, ни юридического расследования его прикосновенности к воображаемой "измене?"* »[3]

Свержение Николая II означало не только военное поражение России. С уходом русского Царя человечество лишилось нравственного начала в политике, из нее исчезли бескорыстие, верность слову, благородство и искренность, то есть те качества, которые последний русский Царь возвел в основы своей государственной деятельности и которые были свойственны вообще русскому самодержавию. «*Получилось так,* — писал Г.М. Катков, — *что самодержавие как институт дает самые благоприятные условия для воспитания личности, совершенно чуждой стяжательству и низким инстинктам, той личности, о которой думал Достоевский, создавая своих положительных героев*».

Флигель-адъютант Николая II полковник А.А. Мордвинов писал: «*Он был, быть может, не властным Царем, но был большим человеком, что важнее, человеком, что бы там ни говорили, с большой волей, с волей не напоказ, и с большим сердцем; человеком, умевшим сдерживать себя, не думать о себе, подчинять свои собственные побуждения чувству долга, не заискивать перед другими и не примиряться с тем, чему противилась его совесть. Ни перед кем наша Родина не должна себя чувствовать такой виноватой, как перед ним. У нее даже нет оправдания, что он «сам подставил себя под удары рока». Не рок, а люди — русские люди, которых он так любил, в которых верил, которыми гордился, сделали его жизнь в конце столь несправедливо несчастной и столь захватывающе великой в этом несчастии, какое когда-либо видел свет.*

---

[1] Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных. С. 462.

[2] Узнав о приказе Николая II, Бьюкенен писал: «Государь показал себя с самой благородной стороны. Все личные соображения были им отброшены, и все его мысли были направлены на благо Родины».

[3] *Мельгунов С.П.* Судьба Императора Николая II после отречения. С. 40.

Но каким несчастьем сказался его уход для нашего «великого просвещенного века», когда короли, под давлением парламентов, вынуждены пожимать руки палачам и ворам и не имеют возможности удержать своих министров от тесных соглашений с убийцами и грабителями. Эти властные веления текущих дней, подкрепленные волей даже парламентов всего мира, не смутили бы ушедшего «безвольного» Царя. Они бы нашли у него достойный ответ. Их, может быть, и не было вовсе, если бы он продолжал царствовать, как и раньше, не только на страх врагам человеческой совести, не мирящейся с жадностью к золоту, обагренной кровью невинных людей...Его, вдохновителя и создателя первой конференции мира, проникнутого любовью к человечеству, верившего в необходимость и в политике заветов Христа, уже больше нет на виду у всех... Великой, нравственной, сдерживающей силы стало меньше на свете. Остались только царствующие, но не управляющие короли, пугливо подчиняющиеся велениям парламентов, да и сами парламенты, громкие слова которых прикрывают лишь низменные побуждения выгод минуты. Остались, правда, во всех странах еще несколько благородных людей, взывающих к разуму и человеческой совести. Их голос еще изредка звучит довольно громко, но для толпы, в которую превратились народы, их призывы не убедительны — она имеет возможность и желание их не исполнять при молчаливом согласии призрачных правительств. Сознают ли те, кто вызвал отречение русского Царя, какой неизменной, благодетельной силой этот Царь был и мог бы быть для народов и какое преступление совершено ими перед Богом и всеми людьми? Я чувствую, что такого сознания нет даже у многих русских, но хочу верить и уже верю, что оно наконец к ним придет.

Без такой веры стоит ли даже мечтать о крепкой, христианской России, а без крепкой России кто может спокойно жить на свете!»

8-го марта 1917 года Николай II, уже лишенный свободы, отбыл из Могилева в Царское Село. Когда Государь сел в поезд, то заметил несколько гимназисток, которые стояли на платформе, пытаясь увидеть Императора. Государь подошел к окну. Заметив Императора, гимназистки заплакали и стали показывать знаками, чтобы Государь им что-нибудь написал. Николай II написал на бумаге свое имя и передал девочкам, которые продолжали стоять на перроне, несмотря на сильный мороз, до самого отправления поезда.[1]

Одна женщина со слезами на глазах обратилась к Императору со словами: «*Не уезжай, Батюшка! Ты — слава и надежда нашей Родины. Ты еще поведешь наши войска к победе!*»[2]

Утром 9-го марта 1917 года царский поезд в последний раз доставил Государя в Царское Село. Император в поезде простился с членами свиты. После остановки состава многие члены свиты поспешно покинули его, стремясь как

[1] *Ден Ю.* Указ соч. С. 163.
[2] *Alexandrov (Victor).* La fin des Romanovs. Paris: Edition Alsatia, 1968. P. 99.

можно быстрее оставить свергнутого Монарха, пребывание возле которого становилась небезопасным для их благополучия. Государь, в черкеске 6-го Кубанского Казачьего батальона с орденом св. Георгия на груди, молча вышел из вагона и поспешно сел в автомобиль в сопровождении князя В.А. Долгорукова. Через некоторое время автомобиль с Государем и сопровождавший его конвой остановились перед воротами Александровского дворца. Ворота были заперты. Часовые не пропускали царский автомобиль. Через несколько минут к воротам вышел какой-то прапорщик и громким голосом произнес: «Открыть ворота бывшему Царю!». Часовые раскрыли ворота, автомобиль въехал и ворота захлопнулись. Царствование Императора Николая II кончилось — начался Крестный Путь Царя-Мученика.

Глава 2
Керенский и судьба Царской Семьи

Какую цель преследовал Керенский, отправляя Царскую Семью в Тобольск, и почему местом ссылки был выбран далекий сибирский город?

Долгое время многие исследователи как в эмигрантской, так и в советской историографии пытались навязать представление, что Керенский был просто ничтожеством, не способным ни к какой работе. Когда же речь шла о судьбе Царской Семьи, то и советская и большая часть западной историографии утверждали, что Керенский хотел ее вывести из России. При этом советские авторы утверждали, что Керенский это делал по причине своей «контрреволюционности», а западные — из-за своей «гуманности». Объективные исторические факты опровергают вышеназванные положения.

Характер Керенского безусловно способствовал той роли, какую он играл на российской исторической сцене с февраля по ноябрь 1917 года — роли революционного трибуна. Керенский от природы был одарен артистически и с молодых лет склонен к лицедейству. Свои гимназические письма к родителям он неизменно подписывал: «*Будущий Артист Императорских Театров А. Керенский*».[1] Керенский много выступал на сцене, «*где его бесспорной актерской удачей по общему признанию была роль Хлестакова, написанная как будто исключительно для него*».[2] Собственно, он им и был — Хлестаковым от революции и, так же как и гоголевский персонаж, Керенский все время выдавал себя за другого, все время играл чью-то роль.

Его взлет в 1917 году не раз вызывал удивление своей «внезапностью». Казалось, Керенский мало подходил на роль «вождя великой и бескровной». Соратник Керенского по Временному правительству В.Д. Набоков писал: «*Ни в нем самом, ни в том, что приходилось о нем слышать, не только не было ничего дающего хотя бы отдаленную возможность предполагать будущую его роль, но вообще не было никаких данных, останавливающих внимание. Один из многих политических защитников, далеко не первого разряда. Трудно даже себе представить, как должна была отразиться на психике Керенского та головокружительная высота, на которую он был вознесен в первые дни и месяцы революции. В душе своей он все-таки не*

[1] Источник. Документы русской истории. Приложение к российскому историко-публицистическому ж-лу «Родина». № 3 (10). 1994. С. 7.
[2] Источник. С. 5.

мог не сознавать, что все это преклонение, идолизация его — не что иное, как психоз толпы, что за ним, Керенским, нет никаких заслуг и умственных или нравственных качеств, которые бы оправдывали такое истерически-восторженное отношение».[1]

Безусловно, во Временном правительстве были люди куда более рассудительные и способные, чем Керенский. Но у Керенского было одно преимущество: он возглавлял масонскую ложу «Великий Восток Народов России» (ВВНР), главного представителя «Великого Востока Франции» в России. Об этой принадлежности Керенского к высоким масонским должностям никогда не следует забывать.

Масонство, чья первая попытка придти к власти в России в декабре 1825 года была пресечена железной рукой Императора Николая Павловича, в начале XX века вновь набирает силу. К началу Первой міровой войны масонские агенты влияния проникли практически во все институты государственной власти, общественные организации и политические партии. Членами различных лож числились многие генералы, губернаторы, руководители дворянства и даже Великие Князья. В настоящей работе нет возможности подробно останавливаться на причинах этого явления. Скажем только, что русское общество было заражено масонским духом. Крупнейший масон князь Д.И. Бебутов писал: «*Сила масонства в том, что в него входят люди различных слоев, различных положений и таким образом масонство в целом имеет возможность действовать на все отрасли государственной жизни*».[2] Во время революции 1905 года в полной мере выявилось глубокое проникновение масонства в самые высшие сферы власти. Так, например, масоны, состоявшие членами военно-полевых судов, специально выносили мягкие и оправдательные приговоры террористам. Видный масон А.И. Браудо получал от высшего чиновничества сведения о секретных совещаниях у Государя, а также секретные документы.[3]

При этом русское масонство никогда не было самостоятельным явлением. Оно было производным от масонства западного. Ничего своего, нового русские масоны не изобрели, а лишь слепо копировали уставы и обряды многочисленных лож Западной Европы, добавляя к ним свойственные русской интеллигенции несобранность и болтливость. Для западного масонства русские «братья» были нужны только в

---

[1] АРР. Т. 3–4. С. 59.

[2] *Берберова Н.* Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. Russica Publishers, INC. New York, 1986. С. 185-186.

[3] *Старцев В.И.* Тайны русских масонов. СПб., 2004. С. 283.

качестве «пятой колонны», той силы, которая должна была расшатать русский императорский строй и сделать возможным масонскую революцию. Как писал видный масон В.П. Обнинский в 1909 году: «*Почти столетие мирно спавшее в гробу русское масонство показалось воскресшим к новой жизни. Оставив там, в гробу этом, внешние доказательства, в виде орудий ритуала и мистических книг, оно выступило в эмансипированном виде политических организаций, под девизом которых "свобода, равенство, братство", могли соединиться чуть ли не все политические группы и партии, соединиться для того, что свергнуть существующий строй*».[1]

Русское масонство выполнило поставленную перед ним старшими иностранными ложами задачу, сыграв огромную роль в свержении Императора Николая II и уничтожении монархии в России. Среди активных масонских деятелей этой эпохи, безусловно, был А.Ф. Керенский.

Керенский стал масоном в 1912 году. Сам он об этом пишет следующее: «*Предложение о вступлении в масоны я получил в 1912 году, сразу же после избрания в IV Думу. После серьезных размышлений я пришел к выводу, что мои собственные цели совпадают с целями общества, и я принял это предложение. Следует подчеркнуть, что общество, в которое я вступил, было не совсем обычной масонской организацией (...) был ликвидирован сложный ритуал и масонская система степеней; была сохранена лишь непременная внутренняя дисциплина, гарантировавшая высокие моральные качества членов их и их способность хранить тайну. Не велись никакие письменные отчеты, не составлялись списки членов ложи. Такое поддержание секретности не приводило к утечке информации о целях и задачах общества*».[2]

Что же это была за такая таинственная организация, куда в 1912 году вступил Керенский, и какие она преследовала цели? Организация эта называлась ложа «Полярная звезда». Возникла она 15 января 1906 года в Петербурге и была дочерней ложей «Великого Востока» Франции. На ее открытии присутствовали видные представители «Великого Востока» барон Бертран Сеншоль и Гастон Буле.[3] В 1908 году «Полярная звезда» получила из Парижа право самостоятельно открывать новые ложи в России. К концу 1909 года масонские ложи были созданы в Киеве, Одессе, Харькове, Екатеринославле и ряде других крупных городов Российской империи. В 1909 году «Полярная звезда» создает так называемую «Военную ложу», куда вошли некоторые русские генералы и старшие офицеры (М.В. Алексеев, Н.В. Рузский, А.А. Брусилов, А.И. Деникин, А.В. Колчак и другие). В 1917 году «Военная ложа» сыграет одну из решающих ролей в заговоре против Императора Николая II. Ма-

---

[1] *Берберова Н.* Указ. соч. С. 145.
[2] *Керенский А.Ф.* Россия на историческом повороте. Мемуары. М., 1993. С. 62–63.
[3] Дуэль. 2003. 28 октября.

сонский автор Г. Орлов пишет: «*В 1912 году масонская деятельность возобновилась, но на новых началах. (...) Эти ложи носили исключительно политическо-революционный характер, строго конспиративный, члены одной ложи не могли посещать другие*».[1]

Вся деятельность русских масонов происходила под неусыпным наблюдением масонов французских. «*Вся работа,* — пишет И.Р. Шафаревич, — *проводилась в тесном сотрудничестве с французским масонством. Направлялись "братские" миссии из России во Францию и из Франции в Россию*».[2]

Насколько «Полярная звезда» была зависима от французского «Великого Востока» хорошо видно по тому факту, что после большевистской революции, оказавшись в эмиграции, руководство ложи возобновило свою деятельность на rue Cadet 16 в Париже, то есть в том же здании, где располагается до сих пор «Великая Ложа Великого Востока». «Венераблем» «Полярной звезды», то есть ее главой, стал Н.Д. Авксентьев, будущий министр и товарищ Керенского.[3]

Таким образом, деятельность «Полярной звезды» изначально носила ярко антиправительственный характер и была нацелена на свержение русского самодержавия. Достаточно сказать, что среди ее членов был такой ненавистник русской государственности как украинский националист Симон Петлюра.

К 1913 году масонство становится реальной антицарской и антирусской силой, и «Великий Восток» решает соединить все масонские организации в один кулак. В 1913 году, накануне Мiровой войны, создается «Великий Восток Народов России», во главе которого стоял Верховный Совет.

По поводу целей этого масонского ордена недвусмысленно заявили сами масоны на международной конференции Высших Советов 33^{00}, состоявшегося в Париже в 1929 году: «*В период, который предшествовал Первой мировой войне, масонами в России была основана организация, под названием Великий Восток Народов России. Масонского в этой организации было лишь название: ни ритуалов, ни связей с иностранным масонством. Её цель была исключительно политической: свержение самодержавного режима. Когда эта я цель была достигнута эта организация также быстро исчезла, как и возникла*».[4]

---

1 *Орлов Г.* Галерея масонских портретов.

2 Московский журнал. № 10. 2003.

3 Двуглавый орел. Вестник Высшего Монархического Совета. №9. Париж, 1927. С. 44.

4 Epiphanius. Maçonnerie et sectes secrètes : le côté caché de l'Histoire. Publications du « Courrier de Rome ». Nouvelle édition 2005. p. 227

16 декабря 1916 года Керенский занял должность Генерального секретаря ВВНР. Интересно, что в ночь с 16 на 17 декабря 1916 года в Петрограде был злодейски убит Г.Е. Распутин, чье убийство стало первым выстрелом революции.

Вся политическая карьера Керенского творилась и направлялась западными масонами. Большевик В.Д. Бонч-Бруевич писал, что Керенский был «*вспоен и вскормлен масонами, еще когда он был членом Государственной Думы и был специально воспитываем ими*».[1]

«*В течение всего 1916-го и в начале 1917 года,* — пишет современный историк В. Ерофеев, — *Керенский стремительно усиливает свое влияние в кулуарах Российской политики. Именно руководящей ролью в тайной масонской организации можно объяснить тот факт, что при формировании Временного правительства 2 марта 1917 года Керенского сразу выдвинули на пост министра юстиции. Уже с 30 апреля он стал военным министром, а с 8 июля занял кресло главы (министра-председателя) Временного правительства*».[2]

«*А.Ф. Керенский,* — писал А. Демьянов, — *в составе кабинета с самого начала стал играть первенствующую роль. Это сказалось и в том, что в то время, когда искали людей для назначения на различные ответственные должности, кандидаты, указанные Керенским, почти все проходили. Популярным Керенский оказался и среди иностранных представителей, которые по различным вопросам считали нужным заходить к нему, хотя дело относилось к ведению других министров*».[3]

Эта принадлежность к масонству делала из Керенского человека, неспособного на самостоятельную политику, вернее его политика преследовала сначала интересы Великого Востока Франции и только потом — интересы российского правительства.

Сам того не желая, Керенский раскрывал свою подневольную сущность, когда говорил о своих ощущениях во время выступлений перед аудиторией: «*Что скажу — не знаю. Повеление, приказ, что сказать, идет откуда-то, из глубины. Такой приказ, которого ослушаться нельзя, — строгий настойчивый приказ. Слова подбираю только в начале, перед тем, как начать. Ведь приказ должен быть передан точным и ясным языком*».[4]

Эти слова, которые сами по себе удивительно похожи на масонские тексты, точно определяют суть Керенского как политического деятеля — исполнителя чужих приказов.

---

[1] *Брачев В.С.* Указ. соч. С. 314.

[2] Секретные материалы 20 века. Международная газета. № 21 (123). 2003, октябрь. С.10.

[3] АРР. Т. 3–4. С. 59.

[4] Отечественная история. № 5. 1992. С. 65.

Эту сущность Керенского хорошо понял великий русский физиолог И.П. Павлов, когда говорил: «*О, паршивый адвокатишка, такая сопля во главе государства — он же загубит все!*»[1]

«Душа Керенского была "ушиблена" той ролью, которую история ему — случайному, маленькому человеку — навязала, и в которой ему суждено было так бесславно и бесследно провалиться»[2] (Набоков).

Это утверждение Набокова верно лишь отчасти. Керенский, конечно, не обладал никакими государственными или политическими талантами, был мелкой и слабовольной личностью. Но ошибочно было бы думать, что Керенский определял события. Поставившая его у власти масонская сила эгоистично требовала от него продолжения войны во что бы то ни стало и тем самым готовила Керенскому политическое самоубийство. Не Керенский «бесславно и бездарно провалился», а его бездарно и бесславно провалил «Великий Восток». «*Временное правительство*, — писал Ф. Дан, — *слепо шло на поводу у дипломатов Антанты и вело и армию, и народ к катастрофе*».[3]

Н.Н. Берберова пишет: «*Между январем и августом 1917 года в Россию приезжали члены французской радикальной социалистической партии, которая во Франции в это время быстрым шагом шла к власти. Эти люди приезжали напомнить ему* (Керенскому — *П. М.*) *о клятве, данной им при принятии его в члены тайного общества в 1912 году, в случае войны никогда не бросать союзников и братьев по Великому Востоку, тем самым не давая ему возможности не только стать соучастником тех, кто желал сепаратного мира, но и обещать его. (...) Чтобы скрыть свою связь с масонами и сдержать клятву, данную Великому Востоку, Керенский говорил после 1918 года в Лондоне, что он потому хотел продолжать войну, что считает, что царский режим хотел сепаратного мира. Мельгунов считает, что царский режим этого никогда не хотел, но выдумка Керенского очень удобно помогла ему скрыть действительную причину желания продолжить войну во что бы то ни стало: связь с масонами Франции и Англии и масонская клятва*».[4]

Полная подконтрольность Керенского масонской власти отнюдь не означает, что Керенский не обладал вообще никакой властью. Наоборот, в рамках масонского ставленника, в рамках исполнителя, Керенский должен был обладать огромной властью. В первые постфевральские месяцы газеты, журналы, митинги — все кричало о «великом народном вожде». Вот что, например,

---

[1] *Орбели Л.А.* Воспоминания. М.–Л., 1966. С. 83–84.
[2] АРР. Т.1–2. С. 392.
[3] *Дан Ф.* К истории последних дней Временного правительства. Летопись революции: кн.1. 1923. С. 169.
[4] *Берберова Н.* Указ. соч. С. 223–224.

писал в «Ниве» о Керенском некий В.В. Кирьянов: «*Кому неизвестно теперь имя Александра Федоровича Керенского — первого гражданина свободной России, первого народного трибуна-социалиста, первого министра юстиции, министра правды и справедливости? Изо дня в день пишут теперь об А.Ф. Керенском в газетах и журналах всего мира: десятки приветственных телеграмм летят к нему изо всех концов России и Европы; сотни депутаций от русских и иностранцев приветствуют в его лице революционный русский народ, создавший «улыбающуюся», справедливую, благородную революцию. Словом, нет теперь популярнее человека, нет известнее имени Александра Федоровича Керенского…*»[1]

Этот панегирик можно было продолжать без конца. В 1917 году Временное правительство выпускает памятный жетон, посвященный Керенскому. Этот жетон имел на аверсе портрет Керенского, а на реверсе надпись: «*Славный, мудрый, честный и любимый вождь свободного народа*». Это повсеместное славословие Керенского, изображение его как «друга народа», «народного вождя» было призвано оправдать установление в его лице диктатуры масонства, прикрытой словесной «демократической» завесой. Другое дело, что на нужного западному масонству диктатора Керенский не подходил. Он был выдающийся демагог и ниспровергатель, но бездарный руководитель. Это хорошо понимали даже его коллеги из Временного правительства. Адвокат Н.П. Карабчевский приводит слова председателя Временного правительства князя Г.Е. Львова, сказанные им о Керенском: «*Вы хорошо его знаете, ведь он из вашего адвокатского круга… Вы, верно, судите: он был на месте со своим истерическим пафосом, только пока нужно было разрушать. Теперь задача куда труднее. Одного истерического пафоса ненадолго хватит. Теперь и без того кругом истерика, ее врачевать надо, а не разжигать!*»[2]

Но именно такой «истеричный ниспровергатель» в качестве «демократического» диктатора и был нужен западным союзникам. Он был управляем, предсказуем, а главное покорен. Берберова пишет о «*требованиях, почти приказаниях*», которые Керенский получал от западных союзников. Таким образом, можно с уверенностью сказать, что действия Керенского и возглавляемого им Временного правительства есть, в большей своей части, действия «Великого Востока» Франции, а так как большинство государственных и политических деятелей Французской республики того времени были членами того же «Великого Востока», то и в значительной степени — действиями французского правительства. По действиям Керенского во многом можно судить о той политике, какую западные державы проводили в

---

[1] Нива. № 19. 1917. С. 287.

[2] Страна гибнет сегодня. Воспоминания о февральской революции 1917 года. М.: Книга, 1991. С. 168.

России после февральского переворота. Несомненно, это касается и Царской Семьи.

Керенский был одним из первых, кто открыто, в циничной и вызывающей манере высказался за убийство Императора Николая II. Это было сделано в преддверии Февральской революции, с трибуны Государственной Думы. 27 февраля 1917 года он громогласно заявил: «*Министры — это не что иное, как мимолетные призраки. Для того чтобы предотвратить катастрофу, необходимо устранить самого Царя, не останавливаясь, если не будет другого выхода, перед террористическими насильственными действиями*».

Керенский сыграл одну из решающих ролей в отказе Великого Князя Михаила Александровича восприять престол. Керенский неоднократно во время своих выступлений говорил, что он республиканец и враг монархии. При этом Керенский позднее уверял, что ни его, ни других членов Временного Правительства вовсе не волновала поначалу судьба Царя. «*В первые дни революции*, — утверждал он, — *не было принято решительно никаких мер ни в отношении самого Николая II, ни в отношении Александры Федоровны. Это объяснялось теми настроениями, какие были тогда в отношении Их у Временного правительства. Старый строй рухнул столь решительно, факт этот был столь быстро общепринят всей страной, без малейшей попытки со стороны кого бы то ни было защищать его, что личность Николая II совершенно не внушала каких-либо опасений Временному правительству. Он настолько был кончен, что Его личность как политическая величина совершенно не существовала, и Временное правительство не интересовалось Им. Ему было разрешено выехать в Могилев проститься с войсками, как Он желал*».[1]

Это утверждение Керенского ложно изначально. Во-первых, необходимо помнить, что Император Николай II формально отрекся от престола добровольно, представители Государственной Думы благодарили его за этот «жертвенный шаг во имя России», заверяли в гарантиях личной безопасности его и его Семьи. В.Д. Набоков писал: «*В сущности говоря, не было никаких оснований — ни формальных, ни по существу — объявлять Николая II лишенным свободы. Отречение его не было формально вынужденным. Подвергать его ответственности за те или иные поступки его в качестве императора было бы бессмыслицей и противоречило бы аксиомам государственного права. При таких условиях правительство имело, конечно, право к обезвреживанию Николая II, оно могло войти с ним в соглаше-*

[1] *Соколов Н.А.* Предварительное следствие 1919–1922 // Русскій Архивъ: т. XVIII. /сост. Лыкова Л.А. М., 1998. С.231.

ние об установлении для него определенного местожительства и установить охрану его личности».[1]

Свергнутый Император передал Временному правительству собственноручно написанные следующие требования:

«1) *О беспрепятственном проезде моем с лицами, меня сопровождающими, в Царское Село.*

2) О безопасном пребывании в Царском Селе до выздоровления детей с теми же лицами.

3) О беспрепятственном проезде до Романова на Мурмане с теми же лицами.

4) О приезде по окончании войны в Россию для постоянного жительства в Крыму — в Ливадии».[2]

Здесь необходимо отметить следующее: Государь не требовал отъезда заграницу. Даже будучи заключенным в Царском Селе, он не выдвигал этого требования. Подруга Императрицы Александры Федоровны Ю.А. Ден писала: «*Государь и Императрица не желали оставлять Россию. "Я лучше поеду в самый дальний конец Сибири", — заявлял Император. Ни ему самому, ни Государыне была неприемлема мысль о том, что придется странствовать по всему континенту, жить в швейцарских гостиницах в качестве бывших Их Величеств, попадать в объективы фотоаппаратов репортеров иллюстрированных изданий и давать интервью шустрым американцам. Их натурам претила всякая дешевая реклама и популярность; оба полагали, что долг каждого русского оставаться в России и вместе смотреть в лицо опасности».*[3]

Императрица Александра Федоровна говорила графине А.В. Гендриковой: «*Меня угнетает мысль о нашем скором отъезде заграницу. Покинуть Россию мне будет бесконечно тяжело. Хоть я не русской родилась, но сделалась ею. За двадцать три года царствования, когда все интересы, вся жизнь России были так неразрывно близки и дороги, я забыла и думать о том, что по рождению я — не русская. Даже теперь, несмотря на все, что мы испытываем, я Русский народ не виню и продолжаю всею душой любить и жалеть. Он обманут, этот несчастный народ, и сам страдает, и сколько еще будет страдать.*

Чем жить где-нибудь в Англии, в королевском замке, на положении почетных изгнанников, я предпочла бы, чтобы нам дали какой-нибудь маленький, безвестный уголок земли, но здесь, у нас в России».[4]

---

[1] АРР. С. 32.

[2] *Буранов Ю.А., Хрусталев В.М.* Убийцы царя, уничтожение династии. М.: Терра, 1997. С. 71.

[3] *Ден Ю.* Указ. соч. С. 167.

[4] *Винберг Ф.* Крестный путь. Корни зла. СПб., 1997. С. 190.

Когда ей предложили написать письмо английской королеве с просьбой о помощи, Государыня ответила: «*Мне нечего просить у английской королевы*», а на аналогичное предложение англичанина мистера А. Стопфорда написать письмо Георгу V Императрица сказала: «*Я не могу этого сделать. Что я могу сказать в этом письме? Я слишком обижена и оскорблена поведением моей страны. Но и в этом я не могу осуждать Россию. Кроме того Государь особенно встревожен. Он очень опасается, что его отречение и наступившая смута могут сорвать великое наступление. Нет, мы не можем сноситься с нашими родственниками*».[1]

Император Николай II, обращаясь к Временному правительству, говорил, что хочет остаться в России, а если его принудят уехать заграницу, он будет воспринимать это как изгнание. К слову сказать, и в ответе Временного правительства от 6 марта 1917 года, сделанном князем Г.Е. Львововым, не было упоминания о выезде Царя заграницу: «*Его Императорскому Величеству. (...) Временное правительство разрешает все три вопроса утвердительно; примет все меры, имеющиеся в его распоряжении: обеспечить беспрепятственный приезд в Царское Село, пребывание в Царском Селе и проезд до Романова на Мурмане. Министр-председатель князь Львов*».[2]

Тем не менее, безусловно, немедленная отправка Царя либо заграницу, либо в безопасный регион России, например, в Крым, отвечала не только интересам безопасности Царской Семьи, но и интересам Временного правительства. Но Временное правительство не выполнило полностью ни одного условия Царя. Более того, Временное правительство изначально стремилось к пленению Николая II.

Государь еще находился в Ставке, а по отношению нему начинают предприниматься действия, ограничивающие его свободу. Причем эти действия были задуманы заранее и делались преднамеренно. 7-го марта 1917 года в Москве новый министр юстиции Керенский на заседании Совета выступил с речью. Позднее, в своих воспоминаниях в русском и во французском изданиях Керенский по-разному описывал это заседание. С.П. Мельгунов дает хороший анализ этих разночтений: «*Отвечая на яростные крики — "смерть Царю, казните Царя", Керенский сказал: "Этого никогда не будет, пока мы у власти. Временное правительство взяло на себя ответственность за личную безопасность Царя и его семьи. Это обязательство мы выполним до конца. Царь с семьей будет отправлен заграницу, в Англию, я сам довезу его до Мурманска". Так написано в русском тексте воспоминаний Керенского. В иностранном издании автор подчеркивает, что он вынужден был сделать намек и разоблачить правительственный секрет в силу настойчивых требований Московско-*

---

[1] *Ден Ю*. Указ. соч. С. 166.
[2] Там же. С. 72.

го Совета. “Вся атмосфера изменилась, словно под ударом хлыста”, когда был поднят вопрос о судьбе Царя. Ответ Керенского вызвал, по его словам, в советских кругах величайшее негодование против Временного правительства.

Московские газеты того времени несколько по-иному освещают характер собрания — не только буржуазные “Русские Ведомости”, но и социалистическо-меньшевицкий “Вперед”. “На эстраде стоит петербургский гость с широкой красной лентой, весь бледный, красный букет в его руках дрожит. (...) Затем на вопросы, заданные из среды собрания: “Где Романовы?”, Керенский отвечает: “Николай II покинут всеми и просил покровительства у Временного Правительства... Я, как генерал-прокурор, держу судьбу его и всей династии в своих руках. Но наша удивительная революция была начата бескровно, и я не хочу быть Маратом русской революции... В особом поезде я отвезу Николая II в определенную гавань и отправлю его в Англию... Дайте мне на это власть и полномочия”. Новые овации, и Керенский покидает собрание».[1]

Эсер Гедеоновский, присутствовавший на собрании, позднее вспоминал, что последние слова Керенского «*вызвали целую овацию*».[2] Таким образом, Совет, реакцией которого впоследствии Керенский и другие члены Временного правительства будут объяснять ссылку Царской Семьи в Тобольск, тогда, в марте 1917 года, своей овацией дал Керенскому «права и полномочия» на увоз Государя в Англию, а не на его арест. Воспользовался ли этим Керенский? Совершенно нет. Его действия были прямо противоположны его высказываниям. В тот же день в Москве на совете присяжных поверенных Керенский на вопрос «на свободе ли Романовы?» ответил: «*Романовы в надежном месте под надежной охраной. Все надлежащие меры приняты*».[3]

Это была ложь, так как ни Государь, ни Государыня, ни вообще кто-либо из Царской Семьи к этому времени арестован не был. При этом, как справедливо замечает С.П. Мельгунов: «*Никаких кровавых лозунгов в смысле расправы с династией никто (разве только отдельные, больше безымянные демагоги) в первые дни в массу не бросал*».[4]

Тем не менее на следующий день 8 (21) марта 1917 года Государь, опять-таки обманным путем, был арестован. В Могилев прибыли члены Государственной Думы Бубликов, Вершинин, Грибунин и Калинин. В Ставке «*ждали их, думая, что они командированы Временным Правительством “со-*

---

[1] *Мельгунов С.П.* Судьба Император Николая II после отречения. Нью-Йорк, 1991. С. 17–18.

[2] *Мельгунов С.П.* Указ. соч. С. 18.

[3] Там же.

[4] Там же.

провождать" Императора в Царское. Но когда Государь сел в поезд, эти лица объявили ему через генерала Алексеева, что он арестован».[1] В тот же день другой генерал — Л.Г. Корнилов — в Фиолетовой гостиной Александровского Царскосельского дворца объявил Императрице Александре Федоровне, что она арестована. Таким образом, не прошло и суток после того, как Керенский громогласно заверял, что он не желает быть «Маратом русской революции» и что он «отвезет Царя в Мурманск», как Царская Семья была лишена свободы. Слова Керенского, что «надлежащие меры приняты», стали понятны. Повторим при этом, что лишение свободы было незаконным со всех точек зрения и внешне абсолютно бессмысленным: ведь по собственным заверениям Керенского: «*Никакой опасности для нового строя члены династии не представляют*». Если же они такую опасность все же представляли, то тем более — зачем было их задерживать в России, когда у Керенского был готов «специальный поезд», а путь на Мурманск открыт? Когда Карабчевский прямо спросил Керенского: «*Отчего Временное правительство не препроводит немедленно Его с семьей заграницу, чтобы раз навсегда оградить Его от унизительных мытарств?*», то тот не сразу ему ответил: «*Промолчав, он как-то нехотя процедил: «Это очень сложно, сложнее, нежели вы думаете»*.[2] Эти слова означают очень многое.

Итак, вместо отправки в г. Романов на Мурмане, как гарантировало Временное правительство Императору Николаю II, Царская Семья была заключена под стражу в Царском Селе. Когда же и кем было принято решение об аресте Императора и его семьи и чем руководствовались люди, это решение принимавшие?

Давая показания следователю Н.А. Соколову 14–20 августа 1920 года в г. Париже, Керенский заявил: «*Николай II и Александра Федоровна были лишены свободы по постановлению Временного правительства, состоявшемуся 7-го марта. Были две категории причин, которые действовали в этом направлении. Крайне возбужденное настроение солдатских тыловых масс и рабочих Петроградского и Московского районов было крайне враждебно к Николаю. Вспомните мое выступление 7 марта в пленуме Московского совета. Там раздались требования Его казни, прямо ко мне обращенные (...) Я говорил, что вину Николая перед Россией рассмотрит беспристрастный суд. Самая сила злобы рабочих масс лежала глубоко в их настроении. Я понимал, что здесь дело гораздо больше не в самой личности Николая II, а в идее "царизма", пробуждавшей злобу и чувство мести. Протестуя, я, за свой страх, вынужден тогда был искать выхода этим чувствам и сказал про Англию: если суд не найдет Его вины, Временное правительство вышлет Его в Англию, и я сам, если нужно будет,*

---

[1] *Соколов Н.А.* Убийство Царской Семьи. М.: Сирин, 1990. С. 15.
[2] Страна гибнет сегодня. С. 172.

буду сопровождать Его до границы России. Никаких оснований в действительности в то время у меня не было полагать, что этот вопрос будет фактически разрешен в этом смысле, так как к этому времени он еще не поднимался во Временном правительстве и никаких переговоров с правительством Англии в это время не велось. Не полагая, что возможен в этом отношении отказ Англии, я высказал эту мысль, борясь со злобой рабочих масс и не желая допустить пролития крови. Вот первая причина, побудившая Временное правительство лишить свободы Царя и Александру Федоровну. Правительство, лишая Их свободы, создавало этим охрану Их личности. Вторая группа причин лежала в настроениях иных общественных масс. Если рабоче-крестьянские массы были равнодушны к направлению внешней политики Царя и Его правительства, то интеллигентно-буржуазные массы, и в частности высшее офицерство, определенно усматривали во всей внутренней и внешней политики Царя, и в особенности в действиях Александры Федоровны и Ее кружка, ярко выраженную тенденцию развала страны, имевшего в конце концов целью сепаратный мир и содружество с Германией. Временное правительство было обязано обследовать действия Царя, Александры Федоровны и Ее кружка в этом направлении. Постановлением Временного правительства от 4-го марта была учреждена Верховная Чрезвычайная следственная комиссия, которая должна была обследовать деятельность носителей высшей власти старого строя (...). Для того чтобы эта комиссия могла выполнить ее обязанности, необходимо было принять известные меры пресечения в отношении Николая и Александры Федоровны. Эта необходимость и была второй причиной лишения Их свободы».[1]

Таким образом, первое, чем объясняет Керенский арест Государя, это его собственная, Государя, безопасность перед угрозами расправы со стороны Совета. Это заявление Керенского — ложно. Мы видели, что никаких «требований» казни Царя на пленуме Совета не раздавалось, никакого «возбужденного настроения» против Государя не было. В показаниях Керенского 1920 года появляется очень интересное дополнение: если в речи 1917 года он говорит, что просто увезет Императора Николая II на «специальном поезде» в Мурманск, а потом в Англию, то в показаниях 1920 года этот отъезд уже возможен только после суда над Царем. Эта версия отправки в Англию через суд очень любопытна: в 1918 году этой же ложью комиссар Яковлев и его подручные будут объяснять вывоз Государя из Тобольска. Интересно, что другой видный деятель Временного правительства, министр иностранных дел П.Н. Милюков, в показаниях Соколову от 12 июля 1921 года отрицал инициативу Керенского в отправке Царя в Англию: «*Вряд ли,* — говорил он, — *прав Керенский, приписывая самому себе инициативу мысли об отъезде Царя в Англию, высказанную*

[1] Русскій Архивъ. С. 231–232.

им 7-го марта в Москве. К этому моменту вопрос об отъезде Царя в Англию был уже решен во Временном правительстве».[1]

Запомним это признание Милюкова: к 7-му марта Временное правительство имело четкое решение об отправке Царской Семьи в Англию. Таким образом, утверждая, что у него не было «*никаких оснований полагать»,* что ему удастся положительно решить вопрос об отправке Царской Семьи в Англию и что этот вопрос *«еще не поднимался во Временном правительстве и никаких переговоров с правительством Англии в это время не велось»,* Керенский в очередной раз лгал. Выступая на пленуме Советов 7-го марта, Керенский знал, что получено согласие английской стороны на отправку Государя в Англию. Но вместо этого 8-го марта Царская Семья была арестована.

Но вернемся к аргументам Керенского. Керенский, да и не только он, а и Г.Е. Львов, П.Н. Милюков, Дж. Бьюкенен утверждали, что причиной невозможности вывоза Царской Семьи заграницу стало противодействие Временному правительству со стороны Петроградского Совета. Совет — вот та почти демоническая сила, которая, по утверждению Керенского и других, мешала Временному правительству спасти Царскую Семью. Что же представлял собой Петроградский Совет в марте 1917 года? Совет образовался 27 февраля 1917 года на основе Союза петроградских рабочих кооперативов, который действовал заодно с социал-демократической фракцией Государственной Думы. Полное его именование было «Временный Исполнительный Комитет Петроградского Совета рабочих депутатов». По своей сути этот совет был меньшевистским. 27 февраля на съезд советов собралось 125–250 депутатов.[2] В состав президиума вошли депутаты Государственной Думы: меньшевик Н.С. Чхеидзе, трудовик А.Ф. Керенский и меньшевик Н.Д. Соколов. Таким образом, мы видим, что Керенский первоначально был членом президиума Совета и соратником Чхеидзе. Правда, вскоре между Керенским и Чхеидзе произошел конфликт: Чхеидзе категорически отказался поддерживать образованное Думой Временное правительство и отказался от предложенного портфеля министра юстиции, а Керенский не только поддержал Временное правительство, но и вошел в него, согласившись на должность того самого министра юстиции, от которой отказался Чхеидзе. Большинство историков при этом утверждают, впрочем, со слов того же Керенского или Львова, что между Советом и Временным правительством сразу же образовалась вражда. Однако это далеко не соответствует истине. «*Совет в первое время своего существования*, — пишет А.А. Демьянов, — *всегда поддерживал Временное правительство*».[3]

---

[1] Русскій Архивъ. С. 357.
[2] *Катков Г.М.* Указ. соч. С. 356–357.
[3] АРР. Т.1–2. С. 56.

Здесь необходимо осветить еще один важнейший вопрос, без которого взаимоотношения между Временным правительством и Советом будут непонятны. Временное правительство, как и Петроградский Совет, находились под сильнейшим влиянием масонской ложи «Великого Востока Народов России». В.С. Брачев пишет: «*Особо важное значение придавало руководство Верховного Совета Великого Востока Народов России взаимодействию с Петроградским Советом, руководящая роль в котором, как и во Временном правительстве, принадлежала "братьям-масонам": Н.С. Чхеидзе (председатель), М.И. Скобелев, Н.Д. Соколов, К.А. Гвоздьев. "Тот факт, что Чхеидзе был "братом", — отмечал впоследствии А.Я. Гальперин,*[1] *— сильно облегчал мою задачу. Я мог говорить с ним совсем просто: чего кочевряжитесь, ведь все же наши считают это неправильным, надо исправить и сделать по-нашему". С учетом существования тайного единого масонского центра (кадеты, меньшевики, трудовики, прогрессисты, эсеры), цепко державшего под своим негласным контролем и Временное правительство, и Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов, традиционное ленинское представление о периоде с марта по июль 1917 года как периоде двоевластия нуждается в серьезной корректировке. Власть-то, оказывается, была у нас все-таки одна*».[2]

То же самое пишет и В.В. Кожинов: «*В тогдашней "второй власти" — ЦИК Петроградского Совета — масонами были все три члена президиума — А.Ф. Керенский, М.И. Скобелев и Н.С. Чхеидзе — и два из четверых членов Секретариата К.А. Гвоздев и Н.Д. Соколов. Поэтому так называемое двоевластие после Февраля было весьма относительным, в сущности, даже показным: и в правительстве, и в Совете заправляли люди "одной команды"*».[3]

В подтверждение этого достаточно сказать, что в состав Верховного Совета ВВНР Керенский и Чхеидзе были избраны одновременно на общем заседании![4]

Таким образом, Керенский знал Чхеидзе, да и всю головку Совета, давно по работе в ВВНР и имел с ними тесные отношения. С самого начала февральского переворота все члены ВВНР действовали вместе и сообща. «*В момент начала Февральской революции,* — писал масон Н.В. Некрасов, — *всем масонам был дан приказ немедленно встать в ряды защитников нового правительства: сперва Временного Комитета Государственной Думы, а затем и Временного правительства. Во всех переговорах масоны играли закулисную, но видную роль*».[5]

---

[1] Один из руководителей ВВНР.
[2] *Брачев В.С.* Указ. соч. С. 317.
[3] *Кожинов В.В.* «Черносотенцы» и Революция. М., 1998. С. 140.
[4] *Старцев В.И.* Указ. соч. С. 89.
[5] Там же. С. 129.

Да, между руководством ВВНР и Чхеидзе могли быть определенные разногласия. (Чхеидзе после февральского переворота считал роль «братства» выполненной), но, безусловно, все главные вопросы решались масонским Верховным Советом, и никакой Петроградский Совет не мог ему противостоять.

Учитывая вышеизложенное, можно с полным основанием сказать, что так называемые разногласия между Временным правительством и Исполкомом Совета носили в марте 1917 года непринципиальный характер и легко могли быть улажены руководством ВВНР. Тем более это утверждение верно, когда дело касалось такого важного вопроса, как судьба свергнутого Императора и членов его семьи. Член временного правительства Суханов фактически подтвердил это, когда говорил, что «*не стоило большого труда, чтобы смягчить решение Исполн. Ком.*».[1]

При этом Керенский все время стремился продемонстрировать Совету верховенство власти Временного правительства. «*Чрезвычайно любопытно было отношение Керенского к исполнительному Комитету Совета раб. и солд. депутатов. Он искренно считал, что Вр. Правительство обладает верховной властью и что Испол. Комитет не вправе вмешиваться в его деятельность*»[2] (Набоков). Все вместе взятое позволяет утверждать, что пресловутое «давление» и «влияние» Петроградского Совета на Временное правительство, вплоть до его большевизации, было колоссальным и сознательным преувеличением, устраивавшим обе стороны и их зарубежных покровителей.

Любопытно, что англичане воспринимали Керенского именно как представителя Совета во Временном правительстве! «*Для Бьюкенена,* — пишет Мельгунов, — *имя Керенского было синонимом только “заложника демократии” в правительстве, своего рода советским представителем в этом правительстве; это было имя лица, которое может в создавшейся обстановке воздействовать на Советы и “заставить Россию воевать”* ».[3]

Теперь вернемся к объяснениям Керенского, касающимся судьбы свергнутого Императора и Его Семьи. Керенский утверждал, что вывоз Николая II в Англию состоялся бы после суда в том случае, «*если суд не найдет Его вины, Временное правительство вышлет Его в Англию*». А что будет с Царем, если «суд найдет вину»? Керенский об этом умалчивает. Так же, как он умалчивает о том, как возможен «беспристрастный суд», когда верховодить на нем будут заклятые враги Николая II, эсеры, кадеты, бундовцы и так далее? Разве не понятно, что они в любом случае найдут «вину» Царя? И, наконец, следующий момент, говорящий обо всей лжи Керенского: если арест Государя и Го-

---

[1] *Мельгунов С.П.* Указ. соч. С. 21.
[2] АРР. Т.1–2. С. 36.
[3] *Мельгунов С.П.* Указ соч. С. 164.

сударыни он смог хоть как-нибудь объяснить «злобой масс», стремлением «их безопасности», стремлением «беспристрастного суда» и так далее, то объяснить арест четырех молодых девушек, больного 13-летнего мальчика и людей из Царского окружения, добровольно оставшихся со своим Государем, он объяснить не мог никак, и этот вопрос просто игнорировал. Если бы Керенский думал о благе Царской Семьи, он, конечно, вел бы себя совершенно не так. Лишив Царскую Семью свободы, он обрек ее на мученический путь, окончившийся подвалом Ипатьевского дома. Собственно, об этом же пишет и Набоков: «*Я лично убежден, что это "битье лежачего", арест бывшего Императора, сыграло свою роль и имело более глубокое влияние в смысле разжигания бунтарских страстей. Он придавал "отречению" характер "низложения", так как никаких мотивов к этому аресту не было указано. (...) После прибытия Николая II в Царское Село всякий дальнейший путь оказался фактически отрезанным — увезти бывшего Императора заграницу в ближайшие же дни стало совершенно невозможным. Актом о лишении свободы завязан был узел. 16 июля в Екатеринбурге этот узел был разрублен "товарищем" Белобородовым*».[1]

Таким образом, следует признать, что мотивы, которыми руководствовалось Временное правительство в отношении Царской Семьи, были далеки от стремления облегчения ее участи. Чем же руководствовалось Временное правительство, подвергая аресту Царскую Семью?

В отличие от Керенского, официальный глава Временного правительства князь Г.Е. Львов был более откровенен. Говоря о причинах ареста Царской Семьи, он показал: «*Временное правительство не могло, конечно, не принять некоторых мер в отношении главы государства, только что потерявшего власть. Эта мера, принятая в отношении Императора и его супруги по постановлению Временного правительства, состояла в лишении их свободы. Я бы сказал, что принятие ее в тот момент было психологически неизбежным, вызываясь всем ходом событий. (...) Временное правительство было обязано, ввиду определенного общественного мнения, тщательно и беспристрастно обследовать поступки бывшего Царя и Царицы, в которых общественное мнение видело вред национальным интересам страны, как с точки зрения интересов внутренних, так и внешних, ввиду войны с Германией*».[2]

Как мы видим, у Львова нет даже и намека на противодействие Совета, на отказ английского правительства предоставить убежище Царской Семье. «*Временное правительство не могло не арестовать Царскую Семью. Оно было обязано это сделать*», — вот смысл слов Львова. Кто же обязывал Временное правительство лишать свободы Царскую Семью?

---

[1] АРР. Т. 1–2. С. 32.

[2] *Соколов Н.А.* Убийство Царской Семьи. С. 20.

Велика вероятность того, что, принимая, это решение, революционные власти руководствовались не внутрироссийским фактором. Решение об аресте Царской Семьи было принято под давлением или даже по прямому приказу из-за границы. Милюков в своих показаниях говорит, что решение об отправке Царской Семьи заграницу было принято на секретном заседании, и протоколы этого заседания не велись. Он фактически подтверждает, что решение о высылке Царской Семьи было принято в согласии с английским послом сэром Дж. Бьюкененом: «*Что касается меня лично как министра иностранных дел, то я счел себя обязанным в силу решения Временного правительства, признавшего необходимым отъезд Царя заграницу, переговорить по этому вопросу с послом Великобритании Бьюкененом. Бьюкенен на словах мне сказал, что необходимые меры будут приняты. Я припоминанию, что, обсуждая со мной этот вопрос, он говорил о практических шагах, какие могло предпринять правительство Англии в этом вопросе, и, в частности, о присылке английского крейсера, на котором могла бы уехать Царская Семья. Я помню, что Бьюкененом сущность сказанного им была после нашего разговора подтверждена письмом, как это обыкновенно было принято при дипломатических сношениях. (...) Спустя некоторое время я опять поднял в беседе с Бьюкененом вопрос об отъезде Царской Семьи в Англию. Своим словесным ответом он дал мне определенно понять, что правительство Англии "больше не настаивает" на отъезде Семьи в Англию*».[1]

Бьюкенен, в свою очередь, опровергает Милюкова и пишет: «*Мы со своей стороны немедленно согласились на эту просьбу* (о предоставлении Императору убежища в Англии – *П.М.*) *и в то же время побуждали его сделать необходимые приготовления для путешествия в порт Романов. (...) Наше предложение оставалось открытым и никогда не было взято назад. Если им не воспользовались, то это произошло потому, что Временному правительству не удалось преодолеть противодействие Совета*».[2]

При этом следует сказать, что в своих мемуарах Милюков писал, что в те дни Бьюкенен имел колоссальное влияние на Керенского: «*Кто же стоял тут за Керенским и придавал ему смелость?* — пишет он. — *Тогда я не мог знать об этом, но воспоминания Бьюкенена заставили меня прийти к заключению, что источником этим были переговоры в английском посольстве. Бьюкенен устраивал у себя ряд совещаний с Керенским, Львовым, Церетели, Терещенко*».[3]

Исследователь О.А. Платонов считает, что Временное правительство сознательно затягивало отправку Царской Семьи в Англию, обманывая англичан. Мы же полагаем, что все было с точностью наоборот: определен-

---

[1] Русскій Архивъ. С. 356.
[2] *Бьюкенен Дж.* Мемуары дипломата. Москва–Минск, 2001. С. 269.
[3] *Милюков П.Н.* Воспоминания. М.: ИПЛ, 1991. С. 491.

ные, очень влиятельные силы в английском правительстве противодействовали отправке Царя в Великобританию и предоставили Временному правительству самому придумывать причины, объясняющие содержание Царской Семьи под стражей. Временное правительство и Керенский, в частности, объясняли невозможность вывоза Царской Семьи противодействием Исполнительного Комитета. Действительно, уже 6-го марта председатель Исполкома Н.С. Чхеидзе провел переговоры с Временным правительством относительно ареста Дома Романовых. Временное правительство тянуло с ответом. Часть исследователей полагает, что это было вызвано тем, что Временное правительство стремилось вывести Царскую Семью в Англию и поэтому пыталось противодействовать Исполкому. Нам же представляется, что Временное правительство ждало ответа и конкретных шагов из Лондона и получило в конце концов оттуда отказ и, скорее всего, рекомендации, что делать с Царской Семьей дальше.

При этом не надо забывать, что послы Англии и Франции имели на Временное правительство огромное влияние. Кстати, велико было их влияние и на многих членов Исполкома.

Главным же доказательством решающей роли в аресте Императора Николая II именно союзников, а не Временного правительства служит признание генерала М. Жанена, возглавлявшего в 1916–1917 годах французскую военную миссию при русской Императорской Ставке. Признание это было сделано Жаненом в 1920 году, в телеграмме французскому верховному комиссару Сибири Могра по поводу обстоятельств гибели адмирала А.В. Колчака. Объясняя Могра, почему он, Жанен, фактически способствовал выдаче «верховного правителя» пробольшевистскому «временному иркутскому правительству», обрекая адмирала на неминуемую гибель, Жанен пишет: «*Адмирал был передан комиссарам временного правительства*, ***так же, как это было сделано с Царем, которого французский посол мне персонально запретил защищать»*** (выделено нами – *П. М.*).[1]

То есть Жанен недвусмысленно дает понять, что в марте 1917 года именно французская сторона сыграла решающую роль в выдаче Императора Николая II Временному правительству.

То, что французские правящие круги немедленно отстранились от судьбы свергнутого Императора, видно и из бумаг самого французского посла той поры М. Палеолога. В его бумагах мы находим следующее сообщение в Париж: «*Секретно. 21 марта 1917 года. Руководители военных миссий при русской ставке заявили о готовности сопровождать Императора в Цар-*

---

[1] Documents Diplomatiques français (далее DDF) 1920, tome 1 (10 janvier–18 mai). Paris, 1997. P. 66.

ское Село, желая оказать ему тем самым услугу и защиту. Я приказал генералу Жанену не покидать Могилева».[1]

Что же касается правящих кругов Соединенных Штатов, то в данном случае мы видим не просто отстраненность их от судьбы свергнутого Императора, но крайне враждебное к нему отношение, как и ко всем представителям Дома Романовых. 19 марта 1917 года, то есть в тоже самое время, когда Палеолог запрещал своим подчиненным, всякую поддержку свергнутому Государю, посол США в России Фрэнсис отправил государственному секретарю своей страны следующую телеграмму:

«Государственному секретарю (телеграмма) Петроград, 19 марта 1917 года, 8 часов вечера (получена в 6 часов вечера).

Порядок сохраняется по-прежнему. Приняты все меры, чтобы не допустить никаких претензий на трон, как со стороны Великого Князя Михаила, представляющего прямое наследование после отречения Царя и Царевича, так и сделать тщетной всякую попытку сохранить имперскую преемственность вплоть до "people act" ».[2]

Это последнее выражение *"people act"* означает ничто иное, как физическое устранение любого потенциального претендента на русский трон, если тот выразит готовность его занять.

Таким образом, мы видим, что действия Англии, Франции и Соединенных Штатов Америки в отношении Царской Семьи носили слаженный характер и отличались сознательной враждебностью в отношении нее.

При этом следует добавить, что за действиями этой власти постоянно наблюдали ее истинные руководители: западные масоны. В Петрограде действовал эмиссар военного министра Франции и крупного масона А. Тома член «Великого Востока» капитан Ж. Садуль. Кроме того, между Керенским и Альбером Тома в 1917 году был агент связи Эжен Пети.[3] Английское масонство действовало напрямую через Бьюкенена. В Париже и Лондоне были прекрасно осведомлены о призывах радикалов «убить Романовых» и о требованиях Исполкома заключить их в Петропавловскую крепость. Более того, западным правительствам поступали сигналы из разных источников о смертельной опасности, угрожающей Царской Семье. В следственном деле Соколова имеется несколько писем посланника России в Португалии П.С. Боткина послу Франции в этой стране Ж. Камбони и французскому министру иностранных дел Стефену Пешо, а также одному частному лицу с из-

---

[1] Archives Ministère des Affaires étrangères (MAE). Papiers d'Agents. Maurice Paleologue. Correspondences politique, 1917. P. 200.

[2] Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1918. Russia. Volume 1. Washington 1931, p.7

[3] *Берберова Н.Н.* Указ. соч. С. 33.

ложением своего разговора с послом Камбони. Эти письма датированы июлем 1917 – июлем 1918 года. Смысл этих писем один: просьба к французскому правительству спасти Императора и его семью. В письме от 25 июля 1917 года Боткин пишет: «*Хорошо зная те чувства симпатии и преданности, которые правительство республики питало к Его Величеству Императору Николаю II, верному союзнику Франции, я позволил себе в совершенно частном разговоре с послом обратить его внимание на исключительную важность вопроса о сохранении жизни бывшего монарха.*

Я полагаю, что можно было бы найти возможность сговориться по этому вопросу с Временным правительством России. Этому последнему, быть может, было бы даже удобнее согласиться на коллективное выступление великих держав, союзниц России, в вопросе, который Временному правительству трудно разрешить по собственной инициативе».

В другом письме к Ж. Камбони от 5 августа 1917 года Боткин пишет: «*Господин посол, я позволяю себе вновь вернуться к вопросу, который такой тяжестью лежит у меня на душе: освобождению Его Величества Императора из заключения. Надеюсь, Ваше Превосходительство, простите мою настойчивость. Меня толкают на это вполне естественные чувства преданности подданного к своему бывшему Монарху, и в то же время мне кажется, что я выражаю точку зрения искреннего друга Франции, который заботится о сохранении неприкосновенности уз, связывающих наши две страны.*

Короче говоря, я смею надеяться быть выслушанным Вами с доверием. Поверьте мне, господин посол, в интересах нашего союза необходимо, чтобы Франция взяла на себя почин в освобождении Императора из Его тюрьмы.

Вспомните, что Франция заключила союз с Царской Россией. Точно так же Император Николай II оставил трон, твердо держа в своих руках знамя нашего союза. Ведь это Императорская армия пошла в Танненберг и, оставшись теперь без своего Верховного Вождя, потеряла свою былую удаль. Согласитесь, что Царская Россия со времени заключения союза не причиняла Вам столько забот, как новая Россия за время своего короткого существования. Вы поспешили приветствовать русскую революцию, закрыв глаза на прошлое, но это прошлое не умерло и может в один день предстать пред Вами как живой упрек. Вспомните, что русский народ остается перед историей непонятной загадкой, которая готовит нам еще много неожиданностей.

Вы послали выдающихся государственных деятелей для поддерживания нового порядка вещей в России, но среди этих многочисленных случаев вмешательства во внутренние дела нашей страны, что было сделано для облегчения участи несчастного Монарха, которому Франция все-таки кое-чем обязана? (Выделено нами — *П. М.*)

Можно спасти Императора и необходимо сделать это без промедления».[1]

Выделенные нами словами чрезвычайно любопытны и важны. Они лишний раз доказывают нашу мысль: западные союзники имели все возможности для вывоза из России Царской Семьи, так как имели колоссальное, если не решающее влияние на политическую власть пост-февральской России, но они этого не хотели делать. Абсолютно ясно, что если бы англичане или французы дали четкое указание Временному правительству выслать Царскую Семью из страны или отправить ее туда, куда она захочет, то Временное правительство немедленно выполнило бы этот приказ старших «братьев», и никакой бы Исполком ему в этом бы не помешал.

Джордж Бьюкенен, оправдывая себя и свое правительство в отказе Императору Николаю II выехать в Англию, так же, как и Керенский, ссылается на Исполнительный Комитет: «*Я выразил Милюкову надежду, что приготовления к путешествию Их Величеств в порт Романов будут сделаны без проволочки. Мы полагаемся, сказал я, на то, что Временное правительство примет необходимые меры к охране Императорской Семьи и предупредил его, что, если с нею случится какое-нибудь несчастье, то правительство будет дискредитировано в глазах цивилизованного мира. 26 марта Милюков сказал мне, что они еще не сообщали об этом проектируемом путешествии Императору, так как необходимо предварительно преодолеть сопротивление Совета, и что Их Величества ни в коем случае не могут выехать прежде, чем их дети оправятся.*

Я не раз получал заверения в том, что нет никаких оснований беспокоиться за Императора, и нам не оставалось ничего более предпринимать. Мы предложили убежище Императору согласно просьбе Временного правительства, но так как противодействие Совета, которое оно напрасно надеялось преодолеть, становилось все сильнее, то оно не отважилось принять на себя ответственность за отъезд Императора и отступило от своей первоначальной позиции. И мы должны были считаться с нашими экстремистами, и для нас было невозможно взять на себя инициативу, не будучи заподозренными в побочных мотивах. Сверх того нам было бесполезно настаивать на разрешении Императору выехать в Англию, когда рабочие угрожали разобрать рельсы впереди его поезда. Мы не могли предпринять никаких мер к его охране по пути в порт Романов. Эта обязанность лежала на Временном правительстве. Но так как оно не было хозяином в собственном доме, то весь проект в конце концов отпал».[2]

---

[1] Русскій Архивъ. С. 277–278.
[2] *Бьюкенен Дж.* Указ. соч. С. 268–269.

Приведенная выше ложь Бьюкенена идет в общей канве с ложью Керенского и главная цель этой лжи — доказать, что Царя и его Семью в Англию не пустил Совет. Для того, чтобы придать этому утверждению более убедительный вид, Керенский рисует кровожадную толпу, требующую немедленной казни Царя, а Бьюкенен — рабочих, готовых разобрать рельсы перед его поездом, и английских экстремистов, не позволяющих (!) королю спасти своего брата и союзника. При этом Временному правительству снова была предложена роль козла отпущения: Англия так хотела спасти Царя, а безвольные Керенский и Милюков не смогли ей в этом помочь! Характерны слова Бьюкенена о том, что если с Царской Семьей случится какое-нибудь несчастье, то Временное правительство дискредитирует себя в глазах «цивилизованного мира». Ниже мы увидим, как в точности по такому же сценарию будут развиваться события летом 1918 года: немцы будут также грозить большевикам «осуждением всего цивилизованного мира», требовать сохранения жизней «принцессам германской крови», а большевики, обязанные всем германскому правительству, немцев слушаться не будут.

Истинные мотивы ареста Государя и силу, сыгравшую в этом решающую роль, осветил недавно скончавшийся в США профессор князь А.П. Щербатов, который хорошо знал Керенского. В своем интереснейшем интервью он привел свои беседы с Керенским. «*Меня*, — говорил он, — *в первую очередь интересовало, как принималось решение об аресте Государя и членов Царской Семьи, и была ли хоть какая-то возможность избавить их от того страшного пути, который завершился подвалом Ипатьевского дома в Екатеринбурге. (...) Керенский в наших беседах долго избегал обсуждать тему о том, кому же принадлежала инициатива взять под стражу "гражданина Романова". Наконец я спросил его об этом прямо. (...) Внимательно посмотрев на меня, Александр Федорович произнес: "Решение об аресте Царской Семьи вынесла наша Ложа". Речь шла о могущественной масонской ложе Петербурга "Полярная звезда", членом которой состоял и Керенский*».[1]

Итак, если показания Щербатова истинны, а у нас нет оснований сомневаться в их точности и правдивости, истинные причины ареста Государя и невозможности его выезда за пределы России заключаются не во внутриполитической ситуации в России, а в определенных масонских планах в отношении Императора и его Семьи. Учитывая все вышеизложенное, можно сделать вывод, что весной-летом 1917 года определенные влиятельные силы Запада, в первую очередь Англии и Франции, руками своих ставленников из Временного правительства и

---

[1] http://www.romanov-center.ural.org/.

Петроградского Совета сознательно создали обстановку, при которой выезд Царя и его Семьи из России был невозможен.

Получив карт-бланш для решения участи Царской Семьи от Лондона и Парижа, революционные власти, как мы уже видели, лишили ее свободы. Это лишение свободы было обставлено целым рядом демаршей в виде постановлений и митингов, на которых звучали призывы к расправе с Царской Семьей, а также оголтелой клеветой на Государя и Государыню, развязанной в прессе. Все чаще появляются требования «трудового народа» заключить «*Николая Кровавого в Петропавловскую крепость*». С новой силой зазвучали призывы к цареубийству. В этой канве особым эпизодом является приезд в Александровский дворец полковника Масловского.

9 марта в Александровский дворец прибыл левый эсер Мстиславский (псевдоним Сергея Дмитриевича Масловского). Масловский был видным деятелем «Великого Востока народов России». Именно он составил и написал его устав.[1] Масловский был одним из организаторов так называемой «Военной ложи»[2] и был тесным образом связан с генералом М.В. Алексеевым. Будучи полковником Генерального штаба, в 1915 году Масловский предлагал своим «братьям» убить Царя. Осуществить это убийство, по словам Масловского, было не так трудно, так как «*имеется возможность найти нужных людей среди молодого офицерства*».[3] Масловский был частым гостем религиозно-философских собраний у Мережковских, имел тесные контакты с февральскими заговорщиками и сыграл заметную роль в февральских событиях 1917 года,[4] когда он возглавил Военную комиссию Исполнительного комитета Совета. Масловский хорошо знал Керенского и активно сотрудничал с ним в ходе переворота в Петрограде.

Согласно версии самого Масловского, он прибыл в Александровский дворец во главе отряда 2-го стрелкового полка с целью: «*...любой ценой обезопасить революцию от возможности реставрации. Смотря по обстоятельствам, или вывести арестованных в Петербург, в Петропавловскую крепость, или ликвидировать вопрос здесь же, в Царском*».[5] При этом он, Масловский, выполнял поручение Петроградского совета и имел мандат, подписанный Чхеидзе. Но цель, о которой говорит Масловский, была заранее невыпол-

---

[1] *Старцев В.И.* Указ. соч. С. 101.
[2] *Берберова Н.Н.* Указ. соч. С. 143.
[3] *Брачев В.С.* Указ. соч. С. 296.
[4] Эхо планеты. № 24. 1998.
Примечательно, что отец Масловского, Масловский-старший, был профессором военного искусства Петербургской военной академии, у него в молодости слушал лекции Император Николай II.
[5] *Буранов Ю.А., Хрусталев В.М.* Указ. соч. С. 87.

нимой. Было совершенно ясно, что охранявший Царскую Семью в Александровском дворце отряд во главе с полковником П.П. Коцебу, подчинявшийся напрямую генералу Л.Г. Корнилову и Временному правительству, не даст без санкции вывести Царя из дворца, не говоря уже о его убийстве. Масловский этого не мог не понимать. Кроме того, солдаты его отряда были настроены совсем не против Царя, наоборот, испытывали смущение от того дела, которое им приходилось делать. «*Чем ближе было к Царскому,* — вспоминал Мстиславский, — *тем больше мрачнели лица солдат. Среди жуткой напряженной тишины подъехали мы к вокзалу. Солдаты крестились*».[1]

Понятно, что от такого отряда никаких «революционных подвигов» ждать не приходилось. Собственно, на них Масловский и не рассчитывал, так как, по его собственным словам, он оставил солдат на станции, а сам поехал в Александровский дворец вместе со своим помощником Тарасовым-Родионовым. Здесь возникает вопрос: зачем, если Масловский преследовал своей целью арест и сопровождение Государя в Петропавловскую крепость или тем более его убийство, он оставил свой отряд на станции, а не приказал солдатам следовать вместе с собой в Александровский дворец? Ведь Масловский даже по меркам беззаконного Временного правительства совершал противозаконный поступок, который мог и должен был вызвать противодействие со стороны охраны дворца.

Но в том-то и дело, что у Мстиславского, по всей видимости, была совсем другая цель. В чем же она заключалась? Ответ на это дает сам Мстиславский. Здесь следует заметить, что Мстиславский писал свои мемуары уже в 20-х годах и дал волю своей фантазии. По воспоминаниям других участников этих событий (полковника Кобылинского, Бенкендорфа, Волкова и других), события происходили совершенно иначе, чем их описывает Мстиславский. Но совершенно точно, что те слова и действия, которые Мстиславский приписывает себе, полностью отражают его истинные намерения. По версии Мстиславского, он прибыл во дворец в неподобающем для приличного человека виде. «*Вид у меня был «разинский»,* — писал Мстиславский. — *Небритый, в тулупе с приставшей к нему соломой, в папахе, из которой выбивались слежавшиеся всклокоченные волосы... И браунинг, торчавший из кармана*».[2]

Со слов Мстиславского, он потребовал от офицеров предъявить ему Царя. Офицеры просили не оскорблять таким действием Государя, но Мстиславский настаивал и грозил применить силу. Мстиславский ясно осознавал, что этот «***акт унижения — да, унижения, необходим, что даже не в аресте, а именно в нем существо посланничества. Ни арест, ни даже эшафот не могут убить самодержавия.*** (Выделено нами – *П. М.*). *Пусть действитель-*

[1] *Мельгунов С.П.* Указ. соч. С. 42.
[2] *Мельгунов С.П.* Указ. соч. С. 44.

но он пройдет передо мной, простым эмиссаром рабочих и солдат. Он, Император, как арестованный в его былых тюрьмах».[1]

Вот смысл приезда Мстиславского в Александровский дворец: масон Мстиславский унижает православного Царя, унйжает по поручению остальных «братьев». Не случайно, что Мстиславский называет эти свои действия «устанавливаемым ритуалом». Не случайно он угрожает убийством. Визит Мстиславского — это попытка повторить с Николаем II то, что сделали победившие якобинцы с королем Людовиком XVI, когда они заставили его одеть фригийский колпак и пройти под скрещенными шпагами, символами торжества масонства.

Далее Мстиславский рисует картину, как он заставил охрану показать ему Царя, и тот появился перед ним: «*Послышались быстрые шаги, на перекрестке появился Царь с измученным лицом, он остановился и постоял, словно в нерешительности, затем двинулся к нашей группе. Казалось, он сейчас заговорит. Мы смотрели в упор, в глаза друг другу, сближаясь с каждым его шагом... Была мертвая тишина*». Далее Масловский прочел в глазах Императора «*огнем колыхнувшуюся, яркую смертельную злобу. Николай приостановился, круто повернувшись, быстро пошел назад*».

Это описания Мстиславского-Масловского. Главная их линия: Масловский заставил Царя выйти к нему, народному комиссару, и тем самым унизил Монарха, показав всем силу новой власти. Реальные события отличались от того, что описал Мстиславский.

Генерал М.К. Дитерихс, возглавлявший весь ход следствия по убийству Царской Семьи и наряду со следователем Соколовым владевший всей полнотой добытой в ходе следствия информации, пишет, что после полученного отпора от Кобылинского Масловский «*направился все-таки во дворец. Там его встретил командир I-го полка капитан Аксюта, которому он предъявил свои бумаги Исполнительного Комитета. Однако, заметив, что Аксюта встретил его не особенно дружелюбно, а к бумагам его отнесся с подозрением, он не решился уже повторить ему о цели своей командировки, которую указал Кобылинскому, а заявил, что он желает лишь увидеть своими глазами, здесь ли Государь. Тогда капитан Аксюта обыскал карманы полковника Масловского и, убедившись, что при нем нет никакого оружия, показал ему Государя, проходившего в это время в конце коридора, так, что Масловский Государя видел, а Государь показа не заметил*».[2]

Обратим внимание, что Дитерихс сознательно называет воинские звания Масловского и Аксюты: капитан Аксюта обыскал полковника Масловского! Пытавшийся унизить свергнутого Императора, Масловский

---

[1] Там же.

[2] *Дитерихс М.К.* Убийство Царской Семьи и членов Дома Романовых на Урале: Т. 2. М.: Скифы, 1991. С. 169.

был унижен сам: его обыскал офицер ниже по званию, после чего выпроводил вон.

Принимая во внимание все вышеизложенные свидетельства, нельзя не согласиться с коротким, но точным выводом Н.А. Соколова по поводу приезда Масловского: «*К Кобылинскому являлся какой-то неизвестный человек, одетый в форму полковника и называвший себя Масловским. Он предъявил Кобылинскому требование от названного учреждения (Петроградского совета – П. М.), подписанного г-ном Чхеидзе, коим этот Масловский уполномочивался взять Государя Императора из дворца и перевезти Его в Петропавловскую крепость, и требовал исполнения этого требования, грозя пролитием крови. Получив должный отпор, он удалился*».[1]

Примечательно, что на Царскую Семью визит Масловского не произвел никакого сильного впечатления: ни в дневниках Государя, ни в дневниках Императрицы мы не находим даже упоминания об этом посещении.

Цель Масловского была двоякой: с одной стороны, унизить Царя, а с другой, произвести как можно больше шума, чтобы показать решительность и бескомпромиссность Исполкома, дабы облегчить Временному правительству возможность лгать о неспособности его к вывозу Семьи из России и одновременно ужесточать режим содержания Августейших узников.

Безусловно, первой скрипкой в этой тактике Временного правительства был Керенский. Он называет визит Масловского ответом Исполнительного Комитета на его речь 7-го марта: «*Мое упоминание 7-го марта,* — показывал он Соколову, — *в Москве про возможный отъезд Царской Семьи из Царского вызвал "налет" на Царское со стороны Петроградского Совета. Совет тут же отдал распоряжение по линиям не выпускать никаких поездов из Царского, а потом в Царское явился с бронированными машинами член военной секции совета Масловский (левый эсер, библиотекарь Академии Генерального Штаба) и пытался взять Царя. Он не исполнил этого только потому, что в последнюю минуту Масловский растерялся*».[2]

Как видим, Керенский снова хочет все объяснить действиями Совета, который в его устах превращается во всемогущий и повелевающий орган власти. Для того, чтобы убедить всех в этом, Керенский снова лжет. Неизвестно откуда появляются бронированные машины, на которых приезжает Масловский. Совершенно невразумительно звучат слова Керенского о том, что Масловский не исполнил приказание Совета, потому что «растерялся». Мы видим, что никакой растерянности Масловского не было, просто

---

[1] Крестный путь Царской Семьи. Полный текст доклада судебного следователя Н.А. Соколова вдовствующей Императрице Марии Феодоровне. СПб.: Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 1998. С. 14.

[2] Русскій Архивъ. С. 234.

изначально якобы поставленная перед ним задача об аресте и вывозе Императора из Александровского дворца была невыполнима и в силу позиции охраны дворца, и в силу чисто физических причин: арестовать и вывести Царя одному, или даже, допустим, с горсткой солдат Масловский просто бы не смог.

Интересно, что глава тогдашнего Временного правительства Львов, который по идее должен быть осведомленным не менее Керенского об эпизоде с Масловским, на допросе у Соколова даже не смог вспомнить, о ком и о чем идет речь: «*Нажим на правительство со стороны советов делался все сильнее. Я удостоверяю, что он был со стороны Петроградского совета и в отношении Царской Семьи. Я совершенно не помню, как это было, но я помню, что именно отсюда исходило желание заключить Царя в Петропавловскую крепость. Делались ли в этом отношении реальные попытки, я положительно не помню и про полковника Масловского я ничего не слышал*».[1]

Странные эти слова Львова: он ничего конкретно не помнит, ни о каких реальных попытках освобождения Царской Семьи не говорит, а между тем Керенский рассказывает о попытке бронированных автомобилей прорваться к Александровскому дворцу и увезти Царя! Даже по тем смутным дням это было событие из ряда вон выходящее, но глава правительства об этом не помнит! Объяснение этому может быть только одно: никакого налета на дворец не было, а был частный визит полковника Масловского, сыгравшего в Александровском дворце дурной моноспектакль. В словах Львова характерна одна особенность: будучи не в состоянии привести ни одного примера, князь убежденно говорит о сильном давлении советов на Временное правительство в отношении Царской Семьи, рисуя, вслед за Керенским, беспомощность Временного правительства. Таким образом, в истории должна была остаться следующая аксиома: беспомощное, но благородное Временное правительство, делавшее все возможное, чтобы спасти Царскую Семью, и злобный, жаждущий царской крови Петроградский совет. Однако подлинная история не оставляет камня на камне от этой «аксиомы».

Когда Масловский был выпровожен из Александровского дворца, он отправился в местный совдеп и там пытался агитировать среди солдат охраны, но солдаты 4-го полка отказались его слушать, заявив, что подчиняются только Временному правительству.

Таким образом, подводя итоги всему случаю с приездом Масловского, можно сделать следующие выводы:

1. Если бы у Петроградского совета была бы цель захватить или убить Императора Николая II, то он должен был снарядить для этой цели мощный вооруженный отряд, способный вступить в бой с охра-

---

[1] Русскій Архивъ. С. 208.

ной Александровского дворца. Таких сил у Петроградского совета не было, но даже если бы они и были, то попытка захватить Александровский дворец штурмом означала бы вооруженный мятеж против Временного правительства. Готов ли бы Петроградский совет в те дни к такому мятежу? Конечно, нет. Таким образом, реальной возможности противодействовать Временному правительству у Петроградского совета в те дни не было, а значит, весь визит Масловского был не что иное, как провокация.

2. Эта провокация, как мы увидим ниже, дала возможность Временному правительству еще больше затянуть петлю вокруг Царской Семьи. Под видом принятия мер по ее безопасности, с одной стороны, и под предлогом необходимости удовлетворять кровожадные требования Совета, с другой, Временное правительство полностью лишило Царскую Семью возможности какого-либо свободного передвижения, не говоря уже о выезде за пределы России.

3. Не исключено, что акция с Масловским была организована с ведома министра юстиции Временного правительства Керенского либо при его попустительстве.

4. Визит Масловского был своеобразной проверкой: как отнесутся солдаты, охрана и вообще общественность к возможности ужесточения условий содержания Царя или даже к его убийству. Выяснив, что их реакция будет скорее негативной, чем положительной, определенные силы приступили к усилению антицарской агитации, используя для этого все возможные средства.

Примером этому может служить подстрекательская и попустительская политика революционных властей к разгулу хулиганства и глумления по отношению к Царской Семье.

Ю.М. Ломан вспоминал, что в первые же дни после ареста Государя он возле дворцовой ограды «*увидел убитую собаку — колли. Раньше я видел, как Царь гулял с этой собакой по парку. Убитая собака произвела на меня большее впечатление, чем все вместе взятые события последних дней*»[1]

А.А. Вырубова: «*В первый вечер, после перехода дворца в руки революционных солдат, мы услышали стрельбу под окнами. Камердинер Волков пришел с докладом, что солдаты забавляются охотой в парке на любимых коз Государя*».[2]

В начале Царскосельского заключения Император свободно гулял по парку, занимался физическими упражнениями, чистил снег, колол лед. Часто с

---

[1] *Ломан Ю.Д.* Воспоминания крестника Императрицы. Автобиографические записи. СПб., 1994. С. 75.

[2] Фрейлина Ее Величества. С. 202.

Государем были его дети. Собиравшаяся возле ограды толпа наблюдала за ними. Отношение к Государю и его Семье было в целом доброжелательное. Для Временного правительства создавалась опасная ситуация, когда в глазах простого народа Царская Семья все более приобретала ореол мучеников. Особенно такое отношение усиливалось по мере углубления «великой и бескровной» с ее безобразиями и анархией. «*Нормально толпа,* — пишет Дитерихс, — *смотрела, делала свои замечания, делилась между собою мыслями и впечатлениями, совершенно не повышая голоса, не хулигальничая и не стремясь, чтобы ее слова долетали до Арестованных. К этому через некоторое время все привыкли, и присутствие толпы не вызывало ни у кого беспокойства. Но однажды, когда Государь рубил на прудке лед, толпа за решеткой как-то сильно выросла, и из ее среды стали раздаваться отдельные выкрики в виде угроз по адресу продолжавшего работать Царя. В толпе появились шныряющие типы, старавшиеся незаметно перебегать от одной группы собравшихся «товарищей» к другой и подстрекавшие их на производство насилия над Государем. Постепенно шум в толпе разрастался, и отдельные элементы наиболее хулиганского вида стали лезть на ограду, пытаясь проникнуть в парк. Хотя большая часть толпы, по-видимому, не примыкала к демонстрантам и агитаторам, тем не менее, охрана, всегда сопровождавшая Арестованных на прогулке, всполошилась и поспешила к ограде, где, угрожая штыками и прикладами, стала сгонять чрезмерно разгорячившихся «товарищей» с ограды. Возбужденных агитаторами лиц, было, однако, такое значительное количество, что комендант, из-за опасения осложнений и не вполне уверенный за стойкость и повиновение ему охраны, просил Государя уйти с прудка, расположенного слишком близко к ограде. Только тогда Государь повернулся к толпе и, окинув ее спокойным взором, ответил: "Я не боюсь их. Эти честные люди Меня совсем не стесняют". Но комендант настаивал, и тогда Государь, не желая причинять лишней заботы Его охране, покорился и ушел. (...) Последствием этого эпизода было то, что район прогулок Царской Семьи в парке был ограничен, дабы Их не было видно с улицы*».[1]

Обратим внимание: как важно революционной власти было скрыть Царскую Семью от глаз народа. Так же она будет скрывать ее в Тобольске, а потом в доме Ипатьева.

Безусловно, те «*шныряющие в толпе элементы*», о которых пишет Дитерихс, были подстрекателями и провокаторами. Кто поручил им подстрекать толпу? Керенский вновь обвиняет в этом членов совета: «*Они вели сильнейшую агитацию против Временного правительства и лично против меня, обвиняя нас в контрреволюционности*».[2] Но мы уже достаточно

---

[1] *Дитерихс М.К.* Указ. соч. Т. 2. С. 169–170.
[2] Русскій Архивъ. С. 235.

писали о несостоятельности подобной демонизации Совета со стороны Керенского.

А как же вел себя сам Керенский по отношению к Царской Семье? Может быть, он лично делал все зависящее от него, чтобы облегчить ее жизнь и пребывание в Царском Селе?

«*Лишение свободы Их Величеств*, — пишет Н.А. Соколов, — *создало особый уклад их жизни. Кто установил его*?»[1]

Из имеющихся фактов на этот вопрос можно ответить однозначно: этот уклад был установлен Керенским.

«*Согласно воле Временного правительства*, — свидетельствует сам Керенский, — *я выработал инструкцию, которая устанавливала режим в Царском, и передал ее для руководства Коровиченко.*[2] *Инструкция, устанавливаемая мной, не касаясь подробностей, вводила:*

а) полную изоляцию Царской Семьи и всех, кто пожелал остаться с Нею от внешнего міра;

б) полное запрещение свиданий со всеми заключенными без моего согласия;

в) цензуру переписки.

Установлена была двойная охрана и наблюдение: внешняя, принадлежавшая начальнику гарнизона полковнику Кобылинскому, и внутренняя, лежавшая на полковнике Коровиченко. (...) Вводя указанный режим, я установил в то же время, как руководящее начало полное невмешательство во внутренний уклад жизни Семьи. Они в этом отношении были совершенно свободны. Я заявляю, что с того момента, когда Государь отдал Себя и Свою Семью под покровительство Временного правительства, я считал себя по долгу чести обязанным перед Временным правительством оградить неприкосновенность Семьи и гарантировать Ей проявление в обращении с нею черт джентльменства».[3]

Последние слова являются очередной ложью Керенского. С самых первых дней в отношении свергнутого Царя последовательно проводилась линия на его притеснение и унижение. «*Я бы охотно поверил в джентльменство Керенского,* — писал Н.А. Соколов, — *если бы не существовало иных фактов*».[4]

«*Режим заключения*, — пишет исследователь А. Крылов-Толстикович, — *разработанный лично Керенским, полностью изолировал аресто-*

---

[1] *Соколов Н.А.* Убийство Царской Семьи. С. 21.

[2] Полковник П.А. Коровиченко по приказу Керенского сменил полковника Коцебу на посту начальника караула по охране Царской Семьи в Александровском дворце.

[3] Русскій Архивъ. С. 232.

[4] *Соколов Н.А.* Убийство Царской Семьи. С. 33.

ванных от внешнего міра. Кроме дворца, тесный мирок отныне был ограничен внутренним двором, за прогулками бывшего Царя пристально наблюдал конвой. Свидания с заключенными допускались лишь по личному разрешению ставшего всесильным министра юстиции. Переписка Николая и Александры тщательно перлюстрировалась».[1]

Разработанная Керенским инструкция носила оскорбительный для Государя характер. «*Указывая, какие блюда может кушать семья, Керенский требовал, чтобы заключенный Царь был скромен, чтобы Семья впредь "впредь воздерживалась употреблять горячие закуски". Своей инструкцией, чуждой, конечно, и тени джентльменства, начал Керенский общение с Царем*» (Н.А. Соколов).[2]

Некоторые офицеры и солдаты охраны вели себя по отношению к Государю нагло и оскорбительно. С первых же дней его стали ограничивать в прогулках по парку, демонстративно курить в его присутствии, называть «полковником» и так далее. Ю. Ден вспоминает, как Государь в первый день своего пребывания в Александровском дворце вышел погулять в парк: «*Глаза наши были прикованы к Государю, который к этому времени вышел из дворца. Быстрым шагом он направился к Большой аллее. Вдруг словно из-под земли появился часовой и заявил Императору, что ему нельзя идти в этом направлении. Государь махнул рукой, но повиновался и пошел назад. Но тут произошло то же самое: другой часовой преградил ему путь, а какой-то "офицер" стал объяснять Государю, что поскольку он находится на положении арестанта, то и прогулка должна быть такой же, как в тюремном дворе!*»[3]

То же самое описывает и П. Жильяр: «*Каждый раз, что мы выходим, нас окружают несколько солдат с винтовками с примкнутыми штыками под командой офицера и следуют за нами по пятам. Мы точно каторжане среди караульных. Распоряжения меняются ежедневно или, может быть, офицеры понимают их каждый на свой лад! Когда мы возвращались сегодня днем во дворец после нашей прогулки, часовой перед дверью остановил Государя словами: — "Господин полковник, здесь проходить нельзя"*».[4]

На это обращение Государь говорил: «*Это ведь глупо, полагать, что их поведение покалечит мне душу. До чего же это мелко — они пытают-*

---

[1] *Крылов-Толстикович А.* Быть русской императрицей. М.: Гала-Пресс, 2003. С. 358.
[2] *Соколов Н.А.* Убийство Царской Семьи. С. 33.
[3] *Ден Ю.* Указ. соч. С. 160.
[4] *Жильяр П.* Император Николай II и его Семья. Вена, 1921. С. 213.

ся унизить меня, называя "полковником". В конце концов, это очень почетная должность».[1]

Постоянно делались попытки морального и психологического давления на Царскую Семью. В апреле 1917 года, на пересечении двух аллей, хорошо просматриваемом из Александровского дворца, революционеры устроили похороны солдат, погибших в февральские дни. Примечательно, что похороны были устроены Временным правительством в Страстную Пятницу, и Государь просил их перенести на другой день, но ему было в этом отказано. Возле этой могилы постоянно проходили митинги и шествия революционных толп, сопровождавшиеся траурными мелодиями. Император Николай II писал уже из Тобольска своей сестре, Великой Княгине Ксении Александровне: «*В марте и апреле по праздникам на улицах проходили процессии (демонстрации) с музыкой, игравшей Марсельезу и всегда один и тот же похоронный марш Шопена. Шествия эти неизменно кончались в нашем парке у могилы «Жертв Революции», которые вырыли на аллее против круглого балкона. Из-за этих церемоний нас выпускали гулять позже обыкновенного, пока они не покидали парк. Этот несносный Похор. Марш преследовал нас потом долго и невольно мы посвистывали и попевали его до полного одурения. Солдаты говорили нам, что и им надоели сильно эти демонстрации, кончавшиеся обыкновенно скверной погодой и снегом*».[2]

Когда Великой Княжне Марии Николаевне понадобилась медицинская помощь и был приглашен врач со стороны, то руководство охраны потребовало, чтобы на осмотре присутствовали офицер и двое солдат.[3] Государь об этом пишет в уже цитированном выше письме сестре: «*Когда я приехал из Могилева, то, как Ты знаешь, застал всех детей очень больными, в особенности Марию и Анастасию. Проводил, разумеется, весь день с ними, одетый в белый халат. Доктора приходили к ним утром и вечером, первое время, в сопровождении караульного офицера. Некоторые из них входили в спальню и присутствовали при осмотре врачей*».[4]

Режим, установленный Керенским, проводился в жизнь полковником П.А. Коровиченко, сменившим Коцебу и лично знавшим Керенского еще до революции. Дочь лейб-медика Е.С. Боткина Т.Е. Мельник-Боткина писала о Коровиченко: «*Комендантом после Коцебу был назначен полковник Коровиченко, друг Керенского, впоследствии командующий войсками сперва Казанского, потом Ташкентского округов, где он был большевиками разорван на части. (...) Это был очень образованный и неглупый, но чрезвычайно нетактичный и грубый человек. Он позволял себе, получив и*

[1] *Ден Ю.* Указ. соч. С. 170.
[2] Письма Святых Царственных Мучеников из заточения. СПб.: Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 1996. С. 118–119.
[3] *Ден Ю.* Указ. соч. С. 161.
[4] Письма Святых Царственных Мучеников из заточения С.118.

прочитав письма, носить их в кармане и не выдавать их адресату, рассказывая в то же время в посторонних разговорах содержание этих писем. Затем, подметив некоторые любимые выражения Их Высочеств, как, например, употребление слова "аппетитно" не для одних съедобных вещей, вдруг говорил которой-нибудь из Великих Княжон: "Какая у Вас аппетитная книга, так и хочется скушать".

Конечно, подобные выходки не могли к нему расположить арестованных».[1]

Одной перлюстрацией писем Царской Семьи Керенский не ограничился. Императору было запрещено писать матери, Вдовствующей Императрице Марии Федоровне, и своим сестрам и брату, а также вести переписку с английским королем.

Еще одним моральным воздействием на Царскую Семью стало надругательство над останками Друга Царской Семьи Г.Е. Распутина, произведенное по личному приказу Керенского. Тело Распутина было извлечено из могилы в Александровском парке, вывезено на Пискаревское кладбище и там сожжено.[2]

С первых же дней началось оскорбительное вмешательство в личную жизнь Царской Четы. Происходило это по личному почину Керенского.

Все эти притеснения были оформлены Временным правительством в юридическую оболочку. 17 марта 1917 года решением Временного правительства была учреждена Верховная Чрезвычайная Следственная Комиссия (ВЧСК), первая ЧК. Через с год с небольшим одноименная организация станет главной исполнительной силой Екатеринбургского злодеяния. Случайное ли это совпадение? Исследователь Л. Болотин уверен, что нет. «*Надо отметить*, — пишет он, — что название *города скотобоен — "Чикаго" и тайный смысл наименования спецслужбы — "чека" — восходят к одному общему корню в особом воровском жаргоне — "чик" и "чек", обозначающему забойщиков скота*».[3] Как мы увидим ниже, это предположение Болотина, кажущееся на первый взгляд невероятным, при более детальном изучении становится вполне правдоподобным. Во всяком случае, в судьбах Царской Семьи обе «ЧК» были призваны сыграть кровавую роль.

Первая «ЧК» была создана с целью «исследователь» деятельность Царя и Царицы и других видных деятелей «старого режима» чтобы установить, был ли в их действиях в период войны с Германией «состав преступления». Именно необходимостью «тщательного расследования» объяснял Керенский причины оставления Царской Семьи под арестом. Известный

---

[1] *Мельник (урожденная Боткина) Т.* Воспоминания о Царской Семье и ее жизни до и после революции. М., 1993. С. 59.

[2] Подробнее см.: *Фомин С.В.* Как они его жгли //Русский Вестник.

[3] http://oprichnina.pycckie.com/.

западный историк В. Александров, который лично встречался с Керенским в Нью-Йорке, приводит ответ последнего на вопрос о его намерениях, касающихся Царской Семьи:

— *У меня были совершенно точные намерения в отношении уготованной участи Николая II и Александры Федоровны,* — *счел он нужным мне ответить.*

— *Вы хотели их выслать из страны или расстрелять?*

— *Ни то, ни другое. Я более всего хотел, чтобы был пролит весь свет на последние годы царизма, отмеченные господством клики Распутина.*[1]

Примечательно, что даже в этих словах, сказанных по прошествии многих лет, Керенский невольно выдает свой замысел: зачем же нужно проливать свет, если уже есть уверенность в том, что последние годы были отмечены «господством клики Распутина»? То есть задачей Керенского было не установление истины, а подтверждение выдвинутых лживых обвинений в адрес Царя и Царицы. Оклеветать и унизить Императора Николая II и Императрицу Александру Федоровну — вот истинная цель Комиссии Керенского.

Естественно, по словам Керенского, что эта Комиссия должна была быть «справедливой и беспристрастной», так же как и суд, перед которым должен был предстать свергнутый Государь. Однако с первых же дней все в деятельности этой Комиссии было прямо противоположно заявленным Керенским принципам и вообще уголовно-процессуальному праву. Во главе Комиссии был поставлен известный адвокат по политическим процессам, присяжный поверенный, хороший знакомый Керенского, масон Н.К. Муравьев. Муравьев был не только знакомым Керенского, но и официальным его помощником, которого министр юстиции назначил по своему личному выбору в марте 1917 года.[2] *«Председателем этой комиссии я решил назначить московского присяжного поверенного Е.К. Муравьева, — продолжал Керенский. — Он как раз подходящий. Докопается, не отстанет, пока не выскребет яйца до скорлупы»* (Карабчевский).[3]

Поэтому изначально действия Муравьева направлялись и руководились Керенским, и «Комиссию Муравьева» можно с тем же успехом назвать «Комиссией Керенского».

Заступив на должность председателя ЧСК с благословения Керенского, Муравьев принялся с усердием «*выскребать яйца до скорлупы*». Будучи обязанным по должности быть образцом нейтральности и объективности, Муравьев открыто признавался в ненависти к Царской Семье, занимался «обличительством» подследственных (Штюрмера, Вырубовой и других) в недока-

---

[1] *Alexandrov Victor.* La fin des Romanovs. Edition Alsatia, Paris, 1968. P. 115–116.

[2] *Берберова Н.* Указ. соч. С. 225.

[3] Страна гибнет сегодня. С. 165.

занных преступлениях, кричал на некоторых из них на допросах, откровенно клеветал и лгал. В этой позиции Муравьев имел изначально постоянную негласную поддержку со стороны Керенского. «*Разоблачительной позиции твердо придерживались глава Комиссии Муравьев и его покровитель Керенский*» (А.Н. Боханов).[1]

Заместитель председателя Комиссии сенатор С.В. Завадский вспоминал: «*Муравьев считал правдоподобными все глупые сплетни, которые ходили о том, что Царь готов был отдать фронт немцам, а Царица сообщала Вильгельму II о движении русских войск*».[2]

Комиссия, несмотря на все старания, не могла найти никаких компрометирующих сведений о Царской Чете. Тем не менее Муравьев заявлял журналистам, что «*обнаружено множество документов, изобличающих бывших Царя и Царицу*».[3]

Для подтверждения этой лжи Керенский и Муравьев прибегали к прямым фальсификациям. Об этих фальсификациях пишет А.Н. Боханов: «*Для документирования этих "истин" использовались самые сомнительные приемы. В одной бульварной газете было опубликовано несколько якобы тайных телеграмм, которые отправлялись в Германию через нейтральные страны и где содержались указания на переправку секретных сведений германскому командованию. Сии послания были подписаны "Алиса", и ни у кого не должно было возникнуть сомнения, что эти депеши исходили от Царицы. Увидав эти "документы", Керенский немедленно потребовал провести "тщательное расследование", а Муравьев просто сиял от радости. Вот они, факты! Вот она, измена! Несколько дней глава Комиссии только и вел разговоров об этих "неопровержимых уликах". Расследование же окончилось грандиозным конфузом. Выяснилось, что один молодой, начинающий журналист очень хотел прославиться и "сделать сенсацию". С этой целью он очаровал телеграфистку с городского телеграфа и попросил помочь найти интересные материалы, обещая в награду коробку конфет. Молодая барышня, не долго думая, составила несколько таких телеграмм, передала своему поклоннику и получила сладости. Когда началось следствие, немедленно призвали журналиста, затем телеграфистку, и та, расплакавшись, сразу же призналась в фабрикации. Подделка была установлена с несомненностью, но Муравьев все никак не мог успокоиться и даже хотел уговорить телеграфистку взять признания назад. Его все-таки убедили не покрывать Комиссию позором, так как грубость подделки бросалась в глаза.*

Такого же "высшего качества" были и прочие "изобличающие сведения": несколько недель изучали версию о шпионском телефонном кабеле

---

[1] *Боханов А.Н.* Распутин. Анатомия мифа. М., 2000. С. 20.
[2] Там же. С. 22.
[3] *Крылов-Толстикович А.* Указ. соч. С. 362.

между Царским Селом и Берлином, искали подтверждение слухам о тайных визитах эмиссаров кайзера в Петроград, разыскивали царские приказы об установке на чердаках домов тысячи пулеметов, из которых "расстреливали народ". В итоге не только не обнаружили никакого приказа, но даже ни одного пулемета не нашли. Однако правду не оглашали. Хоронили версии тихо, мирно, "по-семейному". Сначала в течение нескольких дней или недель та или иная сенсация раскручивалась в прессе, затем, когда выяснялась ее очевидная лживость, "факт" просто исчезал из обращения, и на сцену выскакивал новый абсурд. Публично же никогда ничего не опровергали».[1]

Хорошим примером «объективности», профессионализма и истинных намерений адвоката Муравьева служит следующий эпизод: «*Когда военный следователь полковник С.А. Коренев после подробного ознакомления с делом бывшего военного министра генерала М.А. Беляева доложил Комиссии, что "ничего сугубо преступного найти не смог" и предложил его освободить из-под ареста, то разыгралась скандальная сцена. "Как освободить? — взорвался бывший адвокат Муравьев. — Да вы хотите навлечь на нас негодование народа. Да если бы Беляевы даже и совсем были бы невиновны, то теперь нужны жертвы для удовлетворения справедливого негодования общества против прошлого"*».[2]

Вот они ключевые слова: нужны жертвы! Вот истинная цель созданной ЧК — выбрать и принести жертву молоху революции! А для этого были хороши все средства.

Содержание арестованных представителей «старого режима» в Петропавловской крепости было ужасным: побои, измывательства, лишение прогулок, отказ в предоставлении медицинской помощи — вот в каких условиях находились люди, чья вина не была никем доказана. Бывший председатель Совета Министров Б.В. Штюрмер был замучен до смерти в Петропавловской крепости: «*Больной истощенный старик, страдающий хронической болезнью почек, Штюрмер попал в сырую, холодную камеру Трубецкого бастиона, где в полном одиночестве, терпя постоянный, мучительный голод, в самых отвратительных условиях лишения элементарнейших требований комфорта, он был обречен неизбежно на мучительную долгую агонию, при которой оставалось только мечтать о смерти, надеяться на нее и ждать ее, как желательную избавительницу. Обращение с заключенным было ужасное: ему приходилось переносить не только самые грубые издевательства и оскорбления, но и побои.*

Об ужасном положении Штюрмера знал и тогдашний министр юстиции Керенский, и последующие за ним министры того же ведомства, и все вообще

---

[1] *Боханов А.Н.* Распутин. Анатомия мифа. С. 22–23.
[2] Там же. С. 21.

“начальствующие лица”: родственники и друзья заключенных осаждали их всех просьбами умилостивиться и оказать содействие к облегчению страданий их жертв злобного торжества, но на все просьбы они отвечали злорадными отговорками, а то и прямо насмешками. Но все приедается быстро: развлечение, доставленное глумлением и издевательством над умиравшим, находившимся в полной их власти стариком, на которого сыпались площадные ругательства, толчки, пинки и побои (его много били по щекам), все это удовольствие надоело — хотелось чего-либо более пикантного. И вот люди, одетые в мундиры бывших доблестных русских воинов (...) придумали новый способ развлечения: поочередно “справа по одному”, они стали подходить к Штюрмеру и мочиться на его лицо. Когда он был уже в агонии и умирал, жена и другие хотели войти в комнату, их задержали караульные и объявили, что никого не пропустят. “Никого не пропустим! Пускай околевает при нас и только при нас. Много чести ему прощаться с родственниками” ».[1]

Заметим, что в приведенном выше отрывке, речь идет не о «большевистских застенках», не о «сталинском ГУЛАГе», а о тюрьме «самого демократического правительства свободной России»! Обо всем этом был прекрасно осведомлен Керенский. Да что там Керенский! Знали об этом князь Г.Е. Львов, просвещенный поборник свободы профессор П.Н. Милюков, почтенные члены ЧСК, редактором стенографических отчетов которой был поэт А.А. Блок. Поэт не побрезговал соучаствовать в постыдном судилище над беззащитными людьми и даже отобразил свои впечатления в записках: «Последние дни императорского режима».

О том, что Блок хорошо знал, как содержатся заключенные ЧСК в камерах Петропавловской крепости, известно из его письма к матери от 18 мая 1917 года. В нем Блок пишет, что после допросов в помещении ЧСК, Муравьев взял его с собой в крепость: «*Муравьев взял меня, под предлогом секретарствования, в камеры. Пошли в гости — сначала к Воейкову (я сейчас буду работать над ним); это — ничтожное довольно существо (...) Потом пришли к Вырубовой (я только что сдал ее допрос); эта блаженная потаскушка и дура сидела со своими костылями на кровати*» и так далее.[2]

Главное, что пытались выбить из арестованных следователи ЧСК, были доказательства «измены» Императора и, в особенности, Императрицы. Узни-

---

[1] *Кобылин В.* Указ. соч. 1998. С. 355–356.

[2] *Блок А.* Сочинения в одном томе. М.–Л., 1946. С. 566.

В этих строчках Блока низко все: и издевательское описание костылей – Вырубова была инвалидом после железнодорожной катастрофы – и то, что певец «прекрасных незнакомок» опускается до оскорблений слабой, больной, одинокой женщины, да еще и находящейся в тюрьме. Но кроме этого, условия содержания А.А. Вырубовой в Петропавловской крепости ничем не отличались от содержания Штюрмера и других (это хорошо видно по ее воспоминаниям). На полу и стенах ее камеры проступала влага, и фактически не попадал дневной свет. Блок этого не мог не заметить.

ки Петропавловской крепости страдали за свою преданность Царю. Собственно, этого и не скрывали организаторы судилища. Ю. Ден вспоминает, что когда она была по своей просьбе доставлена к Керенскому и просила его выпустить ее из тюрьмы, между ними состоялся следующий разговор: «*Я: Хочу спросить у Вас, почему меня арестовали. Политикой я никогда не занималась, она меня совершенно не интересует. (...)*

Керенский: Послушайте... Во-первых, Вас обвиняют в том, что Вы добровольно остались с Их Величествами, хотя не имели никакого официального положения при Дворе».[1]

Затем Керенский сказал Ден еще одну вещь, которая проливает свет на истинные цели его «правосудия»: «*Послушайте, госпожа Ден.* ***Вы знаете слишком много.*** *С самого начала революции Вы неизменно находились в обществе Императрицы. Если захотите, то сможете совершенно иначе осветить недавние события, относительно которых мы придерживаемся иного мнения.* ***Вы — опасны***».[2]

В этих словах Керенский искренен: он пришел к власти преступным путем, путем государственного переворота. Этот переворот объяснялся интересами Родины, тем, что правящий режим ее предал и так далее. При этом наивно было бы полагать, как думают некоторые, будто бы Керенский и ему подобные искрение верили во все, что они говорили. В большей части своих речей они сознательно лгали. Поэтому после захвата власти временщики боялись, что их ложь будет обнаружена, и тогда встанет вопрос об их ответственности за совершенные преступления. В условиях, когда был жив единственно законный представитель власти, Император Николай II, и его сын, Наследник Цесаревич Алексей Николаевич, мог бы встать вопрос о призвании одного из них на царство. Временное правительство делало все, чтобы не допустить этого. А поэтому все те, кто знал правду о реальных событиях и кто был предан Государю, должны были быть устранены и оклеветаны, точно так же, как и сам Государь.

Таким образом, мы видим, что реальные цели и задачи ЧСК были прямо противоположны «беспристрастности» и «справедливости». Главными целями ЧСК были вовсе не объективные доказательства, добытые в ходе подлинного следствия. Главная задача ЧСК состояла в том, чтобы ложь о «слабоумии» Царя, об «измене» Императрицы, о «гнилости» царского режима, о «распутинской клике» — вошла бы в плоть и кровь общественного мнения, захватила широкие массы народа. Утверждение этой лжи означало бы утверждение законности самого существования Временного правительства. Как откровенно говорил Муравьев: «*В результате наших расследований (...) получается документальное доказательство одной тезы, что русской революции не могло не быть, что русская революция неиз-*

---

[1] *Ден Ю.* Указ. соч. С. 189.
[2] Там же.

бежно должна была победить. Наш материал, когда он будет опубликован всецело, покажет и перед вами, и перед всем міром, что нет возврата к прошлому, что мечты о прошлом, если забредают в отдельные головы, разбиваются о тот материал, который стекался в нашу Комиссию».[1]

Но, на наш взгляд, была еще одна, скрытая цель в «расследовании» ЧСК: добиться, чтобы к Императору в народе возникло бы равнодушие или, еще лучше, стремление его убить. Тогда бы насильственная смерть Николая II по решению ли «справедливого» суда, или от рук депутата Совета, типа Масловского, или самосуд «народа» были восприняты в народе и обществе спокойно или с воодушевлением, как, например, во Франции, когда король был казнен под улюлюканье революционной толпы.

То, что эта цель была у временных правителей, видно из эпизода, рассказанного Карабчевским. Во время разговора Карабчевского с Керенским последний предложил ему должность сенатора:

— Нет, А.Ф., разрешите мне остаться тем, что я есть, адвокатом, — поспешил я ответить. — Я еще пригожусь в качестве защитника...

— Кому? — с улыбкой спросил Керенский, — Николаю Романову?..

— О, его я охотно буду защищать, если вы затеете его судить.

Керенский откинулся на спинку кресла, на секунду призадумался и, проведя указательным пальцем левой руки по шее, сделал им энергичный жест вверх. Я и все поняли, что намек на повешение.

— Две, три жертвы, пожалуй, необходимы! — сказал Керенский, обводя нас своим не то загадочным, не то подслеповатым взглядом, благодаря тяжело нависшим на глаза верхним векам».[2]

Керенский впоследствии эти слова Карабчевского яростно опровергал, называя последнего «выжившим из ума» (synille), а его слова «бреднями».[3] Делал он это настолько яростно, что невольно заставлял сомневаться в том, что Карабчевский говорил неправду. Скорее неправду говорит все же Керенский.

И дело было не в его кровожадности, а в том, что он никогда не был самим собой, он был орудием в чужих руках и должен был разыгрывать из себя то великодушного победителя, то мстителя за народ, а то и то, и другое вместе. Но вся логика поведения Керенского по отношению к Царской Семье убеждает нас в том, что он вполне мог стать ее палачом. Причем это не был бы личный почин Керенского. Он был заложником масонской ложи, невольником их игры, а правила этой игры требовали смерти русского Царя точно так же, как они требовали смерти английского короля Карла I, шведского короля Густава, французского короля Людовика XVI, русского Им-

---

[1] *Мельгунов С.П.* Судьба Императора Николая II после отречения. С. 99.
[2] Страна гибнет сегодня. С. 164.
[3] *Керенский А.Ф.* Издалека. Сборник статей (1920–1921). Париж, 1922. С. 188.

ператора Павла I. То, что убийство Императора Николая II произошло не при Керенском, вовсе не опровергает вышесказанное. Просто Керенский был заменен более радикальными и более зловещими силами, которые, по мнению их тайных руководителей, были более надежны в осуществлении плана уничтожения России.

Несмотря на все старания, деятельность ЧСК в обвинительной части полностью провалилась. Причин здесь было несколько: во-первых, полная невиновность Государя и Государыни и всех арестованных лиц, а во-вторых, как ни странно, деятельность членов самой Комиссии. Дело в том, что в 1917 году русское общество, в целом, еще оставалось «дореволюционным» и не могло быть переделано в один день. А то, дореволюционное общество при «проклятом царизме» строилось на строгом соблюдении норм права и действующего законодательства. Люди в своем большинстве дорожили своей репутацией, гордились своей профессией. Такие личности, как Муравьев, были отщепенцами даже среди адвокатуры, не говоря уже о прокуратуре и судах. Несмотря на то, что Керенский формировал свою Комиссию из личностей, подобных ее председателю, все же не все в ней оказались таковыми. Среди последних, безусловно, порядочным человеком был товарищ прокурора В.М. Руднев. Его объективность выделяет и Вырубова. «*Меня привели на первый допрос, — вспоминает она. — За большим столом сидела вся Чрезвычайная Комиссия — все старые и седые; председательствовал Муравьев. Вся процедура напоминала мне дешевое представление комической оперетки. Из всех их один Руднев оказался честным и беспристрастным*».[1]

Но, конечно, Руднев был не одним порядочным профессионалом Комиссии. Эти порядочные профессионалы своей принципиальностью способствовали тому, что планы Керенского и Муравьева были сорваны. Они констатировали, что не находят в действиях подследственных никакого состава преступления, а когда Муравьев пытался их заставить изменить свое мнение, некоторые из них, например Руднев, подали в отставку. Тем не менее летом 1917 года Керенский был вынужден признать, что в действиях «Николая II и его супруги не нашлось состава преступления по ст. 108 Уг. Ул.» (то есть измены). То же самое Керенский подтвердил английскому послу Бьюкенену: «*Не найдено ни одного компрометирующего документа, подтверждающего, что Царица и Царь когда-либо собирались заключить сепаратный мир с Германией*».[2]

Казалось бы, нормы права, уголовно-процессуальное законодательство Российской империи, просто здравый смысл требовали немедленного освобождения Царской Семьи из заточения. Но ничего подобного не произошло. Все осталось по-прежнему. Более того, антицарская вакханалия в прессе продол-

---

[1] Фрейлина Ее Величества. С. 222.

[2] *Мельгунов С.П.* Судьба Императора Николая II после отречения. С. 160.

жалась с прежней силой, никто не собирался опровергать всю ложь и клевету, излитую на Царскую Семью на ее страницах. «*Улик не было*, — пишет Мельгунов, — *но презумпция возможной виновности оставалась*».[1] Это лишний раз доказывает, что истинное предназначение ЧСК было прямо противоположно утверждению истины.

Трудно представить всю степень глумления, клеветы, оскорблений и лжи, которыми пестрела петербургская пресса. Государь знал о ней, так как ежедневно получал столичные газеты. «*Полюбуйтесь-ка, что они тут пишут, Лили, — с побелевшим от гнева лицом воскликнул как-то Государь, обращаясь к Лили Ден после прочтения очередной газеты. — Как они смеют заявлять такое! На свой аршин мерят!*

— Ах, Ваше Величество, — ответила Ден, сильно встревоженная. — И охота Вам читать такие гадости.

— Я должен, должен, Лили. Мне нужно знать все, — возразил Государь».[2]

Императрица, сначала сердившаяся на клеветнические статьи в прессе, затем с усмешкой говорила Вырубовой: «*Собирай их для своей коллекции*».[3]

Керенский лично контролировал все, что было связано с Царской Семьей, не допуская никого, в том числе и главу правительства Львова, к этому вопросу. «*Из всех лиц в составе правительства бывал в Царском и имел общение с Царской Семьей только один Керенский. Один раз выезжал в Царское Гучков*» (Г.Е. Львов).[4] Это тоже характерно и, скорее всего, также объясняется руководящей ролью Керенского в «Великом Востоке Народов России».

Впервые с Государем и его Семьей Керенский встретился 21-го марта 1917 года. Официально Керенский прибыл в Царское Село «*с целью ознакомиться на месте с порядком как внутренней, так и внешней охраны и порядком содержания под стражей бывшего Императора и его Семьи*».[5] Прибыл Керенский в Царское Село на одном из личных автомобилей Государя с шофером из Императорского гаража.[6]

Керенский подъехал ко дворцу через главные ворота, которые были поспешно распахнуты казаками Государева конвоя, теми самыми, что еще совсем недавно распахивали эти ворота перед Императором. Любопытная толпа, как обычно, смотрела, что происходит во дворе. «*Какая красивая машина у Керенского*», — сказал кто-то из толпы. В этот момент рядом с ворота-

---

[1] Там же.
[2] *Ден Ю.* Указ. соч. С. 167.
[3] Фрейлина Ее Величества. С. 208.
[4] Русскій Архивъ. С. 207.
[5] *Буранов Ю.А., Хрусталев В.М.* Указ. соч. С. 102.
[6] *Жильяр П.* Император Николай II и его Семья. С. 210.

ми находился Цесаревич Алексей Николаевич. Услышав эти слова, он ответил: «*Зачем вы так говорите? Это машина Папа*».[1]

Сам Керенский об этой своей первой встрече вспоминал так: «*Я видел тогда Царя, Александру Федоровну и детей, познакомился с ними. Я был принят в одной из комнат детской половины. Свидание на этот раз было коротким. После обычных слов знакомства, я спросил их, не имеют ли они сделать мне, как представителю власти, каких-либо заявлений, передав им привет от английской королевской семьи и сказав несколько общих фраз успокоительного характера*».[2]

До нас дошла только одна из таких «успокоительных фраз» Керенского: «*Вы знаете*, — сказал он Государю, — *что мне удалось провести отмену смертной казни? Я это сделал, несмотря на то, что многие мои товарищи погибли жертвами своих убеждений*».[3]

«Не хотел ли он, — отмечает Жильяр, — *выставить напоказ свое великодушие и намекнуть, что спасает жизнь Государя, хотя он этого не заслужил?»*

А вот еще одно свидетельство о поведении «утешителя» Керенского. Придя в очередной раз в царский дворец и желая видеть Государыню, Керенский был ею принят у себя в кабинете. Камердинер Императрицы вспоминал, что он слышал, как Керенский говорил Императрице «*что-то очень громко, оживленно и весело; было слышно, как он много и раскатисто хохотал. Государыня потом рассказывала, что Керенский, балагуря, передал ей о дебатах, происходивших в петроградских совдепских кругах по поводу необходимости перевести Царскую Семью в Петропавловскую крепость*».[4]

Таким образом, «утешения» Керенского сводились к напоминанию о возможности смертной казни и о возможности заключения Царской Семьи в тюрьму. Своеобразные, прямо скажем, «утешения»!

Приближенные Царской Семьи оставили свои воспоминания о первом визите Керенского.

А.А. Теглева, няня Царских детей: «*Я была невольной свидетельницей первого прибытия к нам Керенского и его приема Государем. Он был принят тогда Их Величествами в классной комнате в присутствии Алексея Николаевича, Ольги Николаевны, Татьяны Николаевны. Я как раз застряла в ванной, и мне нельзя было пройти в первое время. Я видела лицо Керенского, когда он один шел к Их Величествам, препротивное лицо, бледно-зеленое, надменное.*

---

[1] *Grèce (E.) de*. Le Tsarévitch enfant martyr. Avec son journal inédit. Paris, Perrin, 1990. P. 176.

[2] *Соколов Н.А*. Убийство Царской Семьи.

[3] *Жильяр П*. Император Николай II и его Семья. С. 210.

[4] *Дитерихс М.К.* Убийство Царской Семьи и членов Дома Романовых на Урале: Т. 2. М.: Скифы, 1991. С. 181.

Голос искусственный, металлический. Государь ему сказал первый: "Вот моя Семья. Вот мой Сын и две старшие Дочери. Остальные больны, в постели. Если Вы хотите, Их можно видеть." Керенский ответил: "Нет, нет. Я не хочу беспокоить". До меня донеслась сказанная дальше им фраза: "Английская королева справляется о здоровье бывшей Государыни"».[1]

Е.Н. Эрсберг, помощница Теглевой: «*Относительно Керенского я могу сказать следующее. Я видела его или в первый раз, когда он приезжал во дворец, или в одно из первых его посещений дворца. Лицо у него было надменное, голос громкий, деланый. Одет он был неприлично: в тужурку, без крахмаленого белья*».[2]

Ю.А. Ден: «*В коридоре раздались тяжелые шаги. (…) Дверь распахнулась, и вошел какой-то человек, за ним еще двое. Я тотчас встала и взглянула на вошедшего — это был сам Керенский! Низенький, бледное лицо, тонике губы, бегающие глаза с тяжелыми верхними веками, бесформенный нос. Неухоженный вид. Худощавый, с вытянутой шеей. В тужурке обыкновенного мастерового*».[3]

А.А. Волков: «*Первым приехал Керенский, небрежно одетый, в куртке. Об его приезде доложили Государю. Государь приказал пригласить к себе Керенского. У Государя Керенский пробыл недолго. Государь представил его Императрице.*

Керенского ожидали хотевшие его видеть служащие дворца. Один из них обратился к Керенскому со следующим:

— Александр Федорович, мы обращаемся к вам с просьбой об урегулировании квартирного вопроса. (…)

— Хорошо, все устрою. До свидания, — сказал Керенский и тотчас уехал. По-видимому, он чувствовал себя не вполне уверенно и казался смущенным.

Вышел Государь и обратился ко мне:

— Знаешь, кто это был?

— Керенский.

— Знаешь, как он ко мне обращался: то Ваше Величество, то Николай Александрович. И все время был нервен».[4]

Сидней Гиббс: «*Государь мне немножко рассказывал про Керенского. Он мне говорил, что Керенский очень нервничал, когда бывал с Государем. Его нервозность однажды дошла до того, что он схватил со стены нож столовой (так!) кости для разрезания книг и так его стал вертеть, что Государь побоялся, что он его сломает, и взял его из рук Керенского*».[5]

---

[1] Русскій Архивъ. С. 119–120.
[2] Там же. С. 137.
[3] *Ден Ю.* Указ. соч. С. 175.
[4] *Волков А.А.* Около Царской Семьи. М., 1993. С. 70.
[5] Русскій Архивъ. С. 104.

Какое впечатление произвела на Керенского встреча с Императором Николаем II?

Все очевидцы свидетельствуют, что Керенский был взволнован, смущен и растерян. «*Я видела лицо Керенского, когда он уходил, важности нет, сконфуженный, красный; он шел и вытирал пот с лица*» (Теглева).[1] «*Он чувствовал себя не вполне уверенно и казался смущенным*» (Волков).[2]

Одним из офицеров-тюремщиков был гвардейский поручик С.С. Гноинский. Этот Гноинский занимался подлым и постыдным делом — читал чужие письма, а именно письма Царской Семьи, отправляемые ею разным адресатам. Однако сам Гноинский этой своей деятельности не стыдился и даже охотно вспоминал и о ней и о своем пребывании в Царском Селе. В 1952 году газета «Русская мысль» опубликовала некоторые его воспоминания. Среди прочего Гноинский пишет, что «*во время одного из посещений дворца тогда председателем совета министров Временного Правительства Керенским последний во время беседы с Царем заметил уроненный Царем носовой платок и невольно потянулся рукой вниз, поднял платок и подал его Царю. Очевидно, и Керенский подпал под действие странного влияния, исходившего от этого скромного на вид человека*».[3]

По воспоминаниям других лиц, имеются сведения, что Керенский был покорен личностью Государя и испытывал угрызения совести. Жена арестованного царского министра юстиции Н.А. Добровольского Добровольская, к которой Керенский, с ее слов, испытывал доверие, вспоминала, что в марте 1917 года она была вызвана к Керенскому. Она застала его нервно бегающим по кабинету. «*Простите, что Вас побеспокоил, — сказал Керенский, — но мне необходимо было поделиться с Вами только что пережитыми впечатлениями, глубоко меня взволновавшими. Знаете ли, откуда я только что приехал? Из Царского Села, где я только что видел Императора и разговаривал с Ним. Какое несчастье случилось! Что мы наделали... Как могли, Его не зная, сделать то, что мы совершили. Понимаете ли, что я совершенно не того человека ожидал увидеть, какого увидел.. Я уже давно приготовился к тому, как начну мой разговор с Царем: я собирался, прежде всего, назвать его "Николай Романов"... Но я увидел, Его, Он на меня посмотрел своими чудными глазами, и я вытянулся и сказал: "Ваше Императорское Величество"... Потом он долго говорил со мной... Что за разговор был! Какие у Него одновременно и царственная простота и царственное величие! И как мудро и проникновенно Он говорил... И какая кротость, какая доброта, какая любовь и жалость к людям... Понимаете ли, что это есть идеал народного Правителя! И Его-то*

---

[1] Русскій Архивъ. С. 120.
[2] *Волков А.А.* Указ. соч. С. 71.
[3] Русская мысль. 1952. № 440. С. 3.

мы свергли, его-то окрутили своим заговором! Мы оказались величайшими преступниками" .

Долго еще Керенский, в истерических восклицаниях, изливал свое отчаяние и свое раскаяние».[1]

Князь А.П. Щербатов свидетельствует: «*Керенский страшно мучился. Он, безусловно, не желал смерти Государя и считал все происшедшее с Государем, с Россией своим неискупаемым грехом. В ноябре 1967 года, в полувековой юбилей большевистской революции, его хватил удар. Я пришел навестить его в больнице. Александр Федорович был совсем слаб (ему тогда было 86 лет). "Князь, вы должны ненавидеть меня, — произнес он. — За все, что я сделал, а еще больше не сделал, будучи российским премьером. Прощайте и забудьте меня. Я погубил Россию! Но видит Бог, я желал ей свободы!"* »[2]

Сейчас трудно судить, насколько все эти слова Керенского были искренни и не разыгрывал ли он очередную роль. Вполне возможно, что не все было загублено в душе его и он, особенно под влиянием светлой души Государя, мучился угрызениями совести. Впрочем, все это имеет значение для посмертной участи души Керенского, да для исследователей его личности. Для нас же важно, что все эти угрызения совести, даже если они и имели место, никак не отразились на участи заключенного Императора и его Семьи.

В первый же свой визит, несмотря на смущение и растерянность, Керенский в самой грубой форме арестовал и отправил в Петропавловскую крепость двух подруг Императрицы, Анну Вырубову и Юлию Ден. «*С гордо поднятой головой,* — писал Н.А. Соколов, — *вошел в жилище Царя Керенский. Он нес в себе уверенность в виновности Царя перед Россией*».[3]

С. Гиббс: «*Государь мне рассказывал, что Керенский думал про Государя, что Он хочет заключить мирный сепаратный договор с Германией, и об этом с Государем говорил. Государь это отрицал, и Керенский сердился и нервничал. (...) Государь мне говорил, что Керенский думал, что у Государя есть такие бумаги, из которых было бы видно, что Он хочет заключить мир с Германией. Я знаю Государя и я понимал и видел, что, когда Он рассказывал, у Него в душе было чувство презрения к Керенскому за то, что Керенский смел так думать*».[4]

8 апреля Керенский заявил Императору Николаю II, что до окончания работы Следственной Комиссии он не должен видеться с Императрицей. Примечательно, что сделано это было накануне Св. Пасхи. Жильяр занес в свой днев-

---

[1] *Винберг Ф.*, Указ. соч. С. 195.
[2] http://www.romanov-center.ural.org.
[3] *Соколов Н.А.* Убийство Царской Семьи. С. 33.
[4] Русскій Архивъ. С. 104.

ник: «*После обедни Керенский объявил Государю, что принужден разлучить с Государыней, что он должен будет жить отдельно и видеться с Ее Величеством только за столом и под условием, что они будут разговаривать исключительно по-русски. Чай они также могут пить вместе, но в присутствии офицера, так как прислуги при этом не бывает.*

Немного позднее подошла ко мне сильно взволнованная Государыня и сказала: "Поступать так с Государем, сделать ему эту гадость после того, что он принес себя в жертву и отрекся, чтобы избежать гражданской войны, как это низко, как это мелочно! Государь не пожелал, чтобы кровь хотя бы одного русского была пролита за него. Он всегда был готов от всего отказаться, если бы имел уверенность, что это на благо России".

Через минуту она продолжала: "Да, надо перенести еще и эту горькую обиду"».[1]

Это ограничение продолжалось очень недолго и вскоре было снято.

В начале июня Керенский изъял переписку Государя и его личные бумаги. Сам Керенский отрицал свое участие в этом. Он показывал следователю Соколову: «*Переписка действительно была отобрана у Царя в Царском. Этот факт, мне известный, прошел мимо меня. (...) Распоряжение об отобрании бумаг, я думаю, исходило непосредственно от председателя следственной Комиссии Муравьева и было выполнено, вероятно, Коровиченко*».[2] В целом слова Керенского подтверждаются показаниями очевидцев.

Император Николай II в своем дневнике оставил следующую запись: «*После утреннего чая неожиданно приехал Керенский на моторе из города. Остался у меня недолго, попросил послать Следственной Комиссии какие-то бумаги или письма, имеющие отношения к внутренней политике. После прогулки и до завтрака помогал Коровиченко в разборе этих бумаг. Днем он продолжал это вместе с Кобылинским*».[3]

Кобылинский: «*Бумаг было очень много; все они были разложены по отдельным группам в порядке. Указывая на бумаги и на группы, по которым они были уложены, Государь взял одно письмо, лежавшее на ящике со словами: "Это письмо частного характера". Он вовсе не хотел изъять это письмо от выемки, а просто взял его, как отдельно лежащее, и хотел его бросить в ящик. Но Коровиченко порывисто ухватился за письмо, и получилась такая вещь: Государь тянет к себе письмо, а Коровиченко — к себе. Тогда Государь, как это заметно было, рассердился, махнул рукой со словами: "Ну, в таком случае, я не нужен. Я иду гулять." Он ушел, Корови-*

---

[1] *Жильяр П.* Император Николай II и его Семья. С. 211.

[2] Русскій Архивъ. С. 234.

[3] Дневники Императора Николая II. С. 638.

ченко отобрал бумаги, какие счел нужным отобрать, и доставил их к Керенскому».[1]

Граф Бенкендорф: «*Государь принял Керенского в своем кабинете. Разговор шел, как и в первый раз, о показаниях бывших министров, ссылавшихся часто на Высочайшие повеления, которые они получали от Его Величества. Государь позволил. Взяты из шкафов все бумаги, в которых являлась бы необходимость для Верховной следственной власти».*[2]

При ознакомлении членов Временного правительства с личной перепиской Государя «*не обошлось без курьеза: Переверзеву и Керенскому в числе телеграмм Государя к Государыне попалась одна с частью зашифрованного в ней текста. Долго бились над секретом шифра; были собраны все самые искусные в Петрограде специалисты и, наконец, после больших усилий, дешифровали — Государь зашифровал следующие слова: "целую крепко, здоров"».*[3]

Все приведенные выше последствия инструкции Керенского, касающиеся содержания Царской Семьи под арестом, проходили в Александровском дворце, в «золотой тюрьме», как назвал его С.П. Мельгунов. Это пребывание в стенах родного дома (Император Николай II родился в Александровском дворце, где все было знакомо до мелочей, где все напоминало о счастливых днях) было для Императорской Семьи особенно мучительно. Керенский ставил себе в заслугу, что де свергнутый Царь жил у себя дома и в отношении Его и его Семьи соблюдался полностью «установленный этикет Высочайшего Двора», но на самом деле именно это было очередной попыткой унизить и оскорбить Государя. Как верно писал Мельгунов: «*Вероятно, для Царской Семьи было бы гораздо лучше, если бы она с самого начала была помещена в более скромные условия быта (что, по-видимому, даже вообще соответствовало личным вкусам Царской Четы), ибо вызывающий внешний этикет, на каждом шагу входивший в коллизию с действительностью тюремного обихода, с одной стороны, подчеркивал специфичность изоляции "лишенных свободы", а с другой, раздражал "революционное чувство" тех, которые должны были охранять "виновника невыносимого гнета", который с таким трудом сбросил с себя "народ". Все это вело к неизбежным конфликтам».*[4]

Таким образом, мы выяснили, что заключение Керенским Царской Семьи в Александровский дворец, притеснения и ограничения в отношении нее со стороны руководства Временного правительства и лично Керенского, весь разработанный Керенским режим содержания под стражей Цар-

---

[1] *Мельгунов С.П.* Судьба Императора Николая II после отречения. С. 84.
[2] *Буранов Ю.А., Хрусталев В.М.* Указ. соч. С. 106.
[3] *Дитерихс М.К.* Указ. соч. Т. 2. С. 179.
[4] *Мельгунов С.П.* Судьба Императора Николая II после отречения. С. 86.

ской Семьи — все это было вызвано единственной задачей революционной власти: унизить свергнутого Императора Николая II, показать ему могущество новой власти. Царь должен был чувствовать себя именно арестантом, оставленным. «*Все эти эпизоды,* — писал генерал М.К. Дитерихс об эксцессах Царскосельского периода, — *явились лишь теми последовательными этапами по пути Царской Семьи к Своей Голгофе, которые логически и неизбежно вытекали из всей предыдущей фальшивой, искусственной и непоследовательной работы руководителей Государственной Думы и общественности по созданию "народной революции"*».[1]

Где-то во второй половине июля революционными властями было принято решение об отправке Царской Семьи в г. Тобольск. Как, кем и при каких обстоятельствах было принято это решение и почему в качестве места новой ссылки был выбран именно Тобольск? Давая свои показания следователю Соколову, Керенский заявил: «*Причиной, побудившей Временное правительство перевезти Царскую Семью из Царского в Тобольск, была все более и более обострявшаяся борьба с большевиками*».[2]

Жильяр приводит слова Керенского: «*Временное правительство решило принять энергичные меры против большевиков; это должно было повлечь за собой полосу смуты и вооруженных столкновений, первой жертвой которых могла сделаться Царская Семья*».[3]

То же самое говорил и князь Львов: «*Летом в первой половине июля правительство пришло к убеждению, что нахождение Царской Семьи около Петрограда стало абсолютно невозможным. Страна явно шла под уклон. Нажим на правительство со стороны Советов становился все сильнее. Я удостоверяю, что он был со стороны Петроградского Совета и в отношении Царской Семьи*».[4]

Итак, главной причиной Тобольской ссылки руководство Временным правительством называет большевистскую опасность. Но так ли это было на самом деле?

7 июля 1917 года английский посол Бьюкенен направил телеграмму Бальфуру, в которой сообщал о своей встрече с министром иностранных дел Временного правительства П.Н. Милюковым. Суть этой встречи была следующей: «*Министр иностранных дел сообщил мне сегодня конфиденциально, что Императора хотят отправить в Сибирь, по всей вероятности в Тобольск или в ...ск, где они будут жить и будут пользоваться большей личной свободой. Причиной, побудившей правительство сделать этот шаг, было опасение, что в случае немецкого наступления или какой-*

---

[1] *Дитерихс М.К.* Указ. соч. Т. 2. С. 180.
[2] Русскій Архивъ. С. 234.
[3] *Жильяр П.* Указ. соч. С. 221.
[4] Русскій Архивъ. С. 208.

нибудь контрреволюционной попытки их жизнь может подвергнуться опасности».[1]

Как мы видим, в приведенной выше телеграмме нет ни слова о большевистской опасности. Речь идет о германском наступлении или о «контрреволюционной опасности».

Но уже в своих воспоминаниях, написанных после большевистского переворота, Бьюкенен пишет совсем другое: «*Перевод Его Величества в Тобольск был, главным образом, вызван желанием защиты их от опасности, которой они могли подвергнуться в случае успешности большевистского восстания и, конечно, нет никакого сомнения, что если бы они остались в Царском, они не намного пережили бы Октябрьскую революцию*».[2]

Для того, чтобы установить правомочность утверждений Керенского и прочих об опасности большевизма как главной причины Тобольской ссылки, надо обратиться к историческим событиям июля 1917 года. 4 июля правительственными войсками была расстреляна мощная советская демонстрация, тон в которой задавали большевики. Есть предположения, что эта демонстрация была попыткой большевистского государственного переворота, инспирированного немцами. 6 июля была разгромлена редакция газеты «Правда», десятки большевистских деятелей были арестованы. Сам Ленин перешел на нелегальное положение. 7 июля, то есть в тот день, когда Милюков довел до сведения Бьюкенена решение о переводе Царской Семьи в Тобольск, Временное правительство издало приказы об аресте Ленина и других лидеров партии и преданию их суду как «германских шпионов». Главнокомандующим русской армии был назначен генерал Л.Г. Корнилов, восстановивший в армии смертную казнь и делавший ставку на военную силу.[3] Общие настроения, особенно среди солдат-фронтовиков, прибывших с фронта на защиту Временного правительства, тогда были скорее антибольшевистскими, так как большевиков воспринимали как «германских шпионов». Князь Львов в беседе с журналистами заявил в те дни: «*Особенно укрепляют мой оптимизм события последних дней внутри страны. Наш "глубокий прорыв" на фронте Ленина имеет, по моему убеждению, несравненно большее значение, чем прорыв немцев на нашем Юго-Западном фронте*».[4]

В этих условиях говорить об «опасности большевизма» для Временного правительства в июле 1917 года можно с лишь с большими натяжками. Тем более невероятно предполагать, что большевики в июле 1917 года пред-

---

[1] *Мельгунов С.П.* Судьба Императора Николая II после отречения. С. 179.

[2] *Бьюкенен Дж.* Моя миссия в России. Воспоминания дипломата. Т. 2. Берлин: Обелиск, 1924. С.114.

[3] *Грунт А.Я., Старцев В.И.* Петроград–Москва. Июль–ноябрь 1917. М.: ИПЛ, 1984. С.19.

[4] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 18.

ставляли реальную опасность для Царской Семьи. Большевикам явно в те дни было не до Царской Семьи: они готовились к новому витку борьбы с Временным правительством, причем в условиях предполагаемого подполья. К тому же большевики в те дни были сильно зависимы от кайзеровского правительства, а предполагать, что в июле 1917 года это правительство при всей его моральной нечистоплотности дало бы свое разрешение на убийство свергнутого Монарха, не приходится.

Таким образом, большевистская угроза Царской Семье в июле 1917 года в устах Керенского есть не что иное, как новый вариант старого жупела: Петроградского совета. Ясно, что большевики не были причиной отправки Царской Семьи в Тобольск.

Но, может быть, Керенский стремился удалить Царскую Семью из неспокойного Петрограда в более спокойное место и исходил при этом из интересов Царской Семьи? К сожалению, приходится опровергнуть и это предположение. Если бы Керенский исходил из интересов Царской Семьи, он отправил бы Императора и его близких в такое место, которое было бы связано с внешним миром путями сообщений, чтобы в случае истинной опасности немедленно вывезти Царскую Семью в еще более надежное убежище. Таким местом мог бы стать, например, Крым, куда просил его отправить Государь и где находились уже Вдовствующая Императрица Мария Федоровна, Великий Князь Николай Николаевич, Великий Князь Александр Михайлович, Великая Княгиня Ольга Александровна и другие члены Императорской фамилии. Керенский вначале обещал Императору отправить Царскую Семью именно в Крым, и Государь до последнего момента был уверен, что их отправят именно в Ливадию. Старшая камер-юнгфера М.Ф. Занотти показывала следователю Соколову, что члены Царской Семьи «*надеялись, что их из Царского отправят в Крым, и им этого хотелось*».[1] Но Керенский изменил свое решение и выбрал Тобольск. Почему он сделал это? Сам Керенский пишет: «*Было решено изыскать для переселения Царской Семьи какое-либо другое место, и все разрешение этого вопроса было целиком поручено мне. Я стал выяснять эту возможность. Предполагал я увезти Их куда-нибудь в центр России, останавливаясь на имениях Михаила Александровича и Николая Михайловича. Выяснилась полная невозможность сделать это. Просто немыслим был сам факт перевоза Царя в эти места через рабоче-крестьянскую Россию. Немыслимо было увезти Их и на юг. Там уже проживали некоторые из Великих Князей и Мария Федоровна, и поэтому поводу там уже шли недоразумения. В конце концов я остановился на Тобольске*».[2]

То же самое показал и Львов: «*Было решено перевезти Царскую Семью в Тобольск. Сибирь была тогда покойна, удалена от политической борьбы,*

---

[1] *Соколов Н.А.* Убийство Царской Семьи. С. 38.
[2] Русскій Архивъ. С. 235.

и условия в жизни в Тобольске были хорошие. Юг не мог быть тогда таким местом: там уже шла борьба».[1]

Эти утверждения Керенского и Львова в очередной раз лживы: отправляя Царскую Семью в Тобольск поездом, они неминуемо провозили ее через всю «рабоче-крестьянскую» Россию и еще более «рабоче-крестьянский» Урал. Князь А.П. Щербатов писал по этому поводу: «*Приютить Царскую Семью предлагали испанцы. Для этого можно было бы отправить Государя в Крым. (...) Не участвовавшая в войне Испания легко могла бы прислать в Черном море корабль. Но Керенский сказал мне, что везти Царя через бурлившую Украину было опасно. Тут он явно лукавил. Моя семья покинула Петроград в конце июня 1917 года и совершенно спокойно добралась до Симферополя, а оттуда в Ялту*».[2]

Таким образом, Керенский мог отправить Царя и его Семью в Крым, но почему-то отправил их в Тобольск.

Большевик П.М. Быков в своей книге «Последние дни Романовых» пишет, что решение Временного правительства было принято под влиянием епископа Гермогена, незадолго до того назначенного главой Тобольской епархии.[3] Якобы владыка Гермоген завязал переписку с Временным правительством и предложил перевезти Романовых в Тобольск. Эта идея настолько абсурдная, что не имеет смысла ее особо комментировать. Скажем только, что, если бы даже Гермоген и писал какие-либо письма Временному правительству, его просьбы не могли бы играть никакой важной роли в принятии Керенским решения о ссылке Царской Семьи в Тобольск.

Набоков пишет, что решение отправить Царскую Семью в Тобольск «*было обставлено очень конспиративно, — настолько, что, кажется, о ней даже не все члены Вр. Правительства были осведомлены*».[4] Полностью скрывалось место новой ссылки и от Августейших Узников. Занотти: «*Они не знали потом, куда именно их отправляют. Им этого не было известно даже в тот момент, когда они в самый отъезд были еще в доме. Я знаю, что Государя этот раздражало: что ему не говорят, куда именно их везут, и он выражал неудовольствие по этому поводу*».[5]

Сам Государь 28 июля записал в свой дневник: «*После завтрака узнали от гр. Бенкендорфа, что нас отправляют не в Крым, а в один из дальних губернских городов в трех или четырех днях пути на восток! Но куда именно, не говорят — даже комендант не знает. А мы-то все так рассчитывали на долгое пребывание в Ливадии!*»[6]

---

[1] Русскій Архивъ. С. 208.
[2] http://www.romanov-center.ural.org/.
[3] *Быков П.М.* Последние дни Романовых. Свердловск, 1926.
[4] АРР. Т.1. С. 32.
[5] *Соколов Н.А.* Убийство Царской Семьи. С. 38.
[6] Дневники Императора Николая II. С. 645.

Однако, создавая видимость «секретности» увоза Царской Семьи, Керенский сделал все от него зависящее, чтобы это обстоятельство стало известно широкому кругу лиц, особенно среди распропагандированных солдат — членов советов. Командир 2-го Гвардейского стрелкового резервного полка полковник Н.А. Артабалевский вспоминал, что 31 июля около 8 $^{1}/_{2}$ утра он был вызван полковником Кобылинским в Александровский дворец. При этом Кобылинский распорядился захватить с собой одного из членов исполнительного комитета 2-го Гвардейского стрелкового полка. С этой целью комитет выделил стрелка Игнатова. «*Полковник Кобылинский,* — продолжает Артабалевский, — *принял нас в рабочем кабинете своей квартиры в Лицейском флигеле Большого дворца. Поздоровавшись и предложив нам сесть, он сказал, что вызвал нас по очень важному и экстренному делу, которое до его выполнения нужно держать в тайне.*

К большому удивлению полковника Кобылинского и моего стрелок Игнатов с едва заметной усмешкой заявил, что ему это секретное дело хорошо известно и что вопрос о нем уже разрешен в исполнительном комитете Совета рабочих и солдатских депутатов Петрограда.

Как всегда спокойно и выдержанно, но не скрывая своего недоумения на лице, полковник Кобылинский ответил, что о решении Петроградского Совета ему ничего не известно, но что он имеет особое на этот случай распоряжение от министра-председателя Керенского. Игнатов снова усмехнулся. Тогда полковник Кобылинский добавил, что если дело, по которому он нас вызвал, известно стрелку Игнатову, то оно неизвестно мне, командиру части, а обоим нам — его распоряжения, которые он сейчас даст. После этих слов полковник Кобылинский сообщил, что министр Керенский ему передал решение Временного Правительства о немедленном перевозе Царской Семьи в другое, более благонадежное место, называть которое ему временно запрещено.

— Я знаю куда, — сказал Игнатов.

— Куда?

— Или в Архангельск, или в Вологду.

— Пусть будет так, — спокойно проговорил полковник Кобылинский и пристально посмотрел на меня.

— Но этого не будет. Совдеп этого не допустит, — заметил Игнатов.

— Почему?

— Потому что Вологда близка к Архангельску, где стоят англичане. В Архангельск же ни под каким видом. Их увезут из России.

— Англия отказалась Их принять, — сказал полковник Кобылинский.

— Это буржуазная уловка, — с усмешкой возразил Игнатов.

На возражения Игнатова полковник Кобылинский сказал, что говорить об этом сейчас не время, а что надо немедленно приступить к исполнению рас-

поряжения Керенского и приказал сейчас же по нашем возвращении в полк сформировать полного состава мирного времени роту. (...)

Отдав приказания, полковник Кобылинский еще немного позондировал Игнатова относительно решения Петроградского Совета, но последний отвечал уклончиво, глядя на него с усмешкой исподлобья.

По дороге в полк Игнатов сказал мне, что вопрос о перевозе Царской Семьи (он назвал Романовых) — вопрос давнишний и почему-то Временным Правительством всегда откладываемый разрешением. Петроградский Совдеп настойчиво требовал увоза Царской Семьи из Царского Села в более надежное место. Официальной причиной этого требования выставлялась боязнь проявления нежелательного эксцесса по отношению Царской Семьи, а в действительности опасение за Ее бегство за границу России.

На мой вопрос, куда же намечено Ее перевести, Игнатов ответил, что уже точно не в Архангельск. Вероятнее всего повезут в Сибирь, в один из городов, наименование которого начинается на букву Т.

— Тюмень? Тобольск?

— В последний, — перебил меня Игнатов».[1]

Приведенный выше отрывок убеждает нас в том, что «тайна» вывоза Царской Семьи в Тобольск была «секретом Полишинеля», если даже какой-то рядовой Игнатов знал об этом. Полностью разоблачается и ложь о том, что причиной увоза в Тобольск было якобы опасение Временного Правительства в возможном «эксцессе» в отношении Царской Семьи.

В своем сборнике статей, изданном в Париже в 1922 году, который мы уже цитировали, Керенский яростно доказывает, что он сделал все от него зависящее, чтобы отправить Царскую Семью заграницу, но этого ему не дали сделать англичане. Он на 6 страницах защищается от нападок «реакционеров» и обвинителей его в гибели Царской Семьи. И вдруг на самой последней странице он пишет загадочную фразу, которая выделена у него иным, чем весь остальной текст, шрифтом: «*Летом 1917 года б. Император и его семья остались в пределах России по обстоятельствам от воли Вр. Пр. не зависевшим*».[2]

Что это были за причины, которые не зависели от Временного правительства? В чем была причина той конспиративности, с какой было принято решение об отправке Царской Семьи в Тобольск? Щербатов приводит следующие слова Керенского, объясняющие эту причину: «*Керенский сказал, что Тобольск тоже был выбран Ложей*».[3]

---

[1] Памятные дни. Из воспоминаний гвардейских стрелков. Таллин, 1937. С.83–86.

[2] *Керенский А.Ф.* Издалека. С. 193.

[3] http://www.romanov-center.ural.org.

Итак, причина снова была в масонском факторе. Именно этот фактор делает понятными и несуразные объяснения Керенского по поводу «недоразумений» в Крыму, и по поводу бурлящей «рабоче-крестьянской» России, и та конспиративность, с какой принималось решение о высылке в Тобольск, и то, что, согласившись с просьбой Государя отправить их в Крым, Керенский внезапно изменил свое решение в пользу Тобольска. Именно в масонских планах в отношении судьбы Государя следует искать объяснения действий «временных», а не в политических или иных аспектах их деятельности. Но почему именно Тобольск был выбран масонами для ссылки Императора Николая II и его Семьи? «*Если я и выбрал Тобольск*, — писал Керенский, — *то исключительно потому, что это было место исключительно изолированное, с маленьким гарнизоном, без промышленного пролетариата и с населением благоденствующим и довольным своей участью*».[1]

Но у Керенского все противоречит одно другому: если хотел спасти Царскую Семью, зачем повез ее в далекий Тобольск, если боялся реставрации, то зачем отправил в город, с населением, настроенным в целом монархически и с маленьким гарнизоном, если хотел понравиться Советам, то почему не заключил хотя бы Императора Николая II в Петропавловскую крепость?

Вероятно, ближе всех подошел к истине Н.А. Соколов, когда писал: «*Был только один мотив перевоза Царской Семьи в Тобольск. Это тот именно, который остался в одиночестве от всех других, указанных князем Львовым и Керенским: далекая, холодная Сибирь, тот край, куда некогда ссылались другие*».[2]

Здесь необходимо вспомнить, что до революции Сибирь была местом ссылки политических и уголовных преступников. Среди первых самыми значительными были старообрядцы и декабристы, продолжатели дела которых пришли к власти в феврале 1917 года. Вспомним также, что практически все руководители декабризма были масонами, точно так же, как и члены Временного правительства. Масонско-старообрядческая месть Русскому Царю — вот главная причина ссылки Царской Семьи в далекий сибирский город. Все остальные причины — заискивание перед крайне левыми, опасение возникновения движения в пользу свергнутого Государя и так далее, даже если они и имели место, были вторичными. В действиях Керенского нет никакой логики, кроме логики масонской мести. В эту логику входила мученическая смерть Царя, и отправка в Тобольск был одним из этапов этого пути.

---

[1] *Мельгунов С.П.* Судьба Императора Николая II после отречения. С. 190.
[2] *Соколов Н.А.* Убийство Царской Семьи. С. 39.

«*Тобольская ссылка Царской Семьи,* — писал сын лейб-медика Е.С. Боткина Г.Е. Боткин, — *для меня была равнозначна вынесению ей смертного приговора. Было ясно, что революционное правительство не сможет долго охранять свергнутого Царя. Все революции в истории заканчивались для свергнутых государей изгнанием или смертью. Ссылка в Тобольск делала отъезд заграницу невозможным, а из этого следовало, что рано или поздно члены Царской Семьи будут убиты*».[1]

Перед отправкой Царской Семьи в Тобольск гофмаршал П. Бенкендорф спросил Керенского, как долго Царская Семья останется в Тобольске. В ответ Керенский доверительно сообщил, что сразу же после Учредительного собрания, которое соберется в ноябре, Император Николай II и его Семья смогут вернуться в Царское Село или жить там, где они сочтут нужным.[2] Но Керенский лгал, когда говорил эти слова.

Поехать с Государем в далекую ссылку решились немногие. Когда-то облагодетельствованные Николаем II многие представители и знати, и челяди спешили покинуть свергнутого Государя. Апраксин, Граббе, Саблин, Бенкендорф, профессор Федоров — ссылаясь на самые различные обстоятельства, бросили Царскую Семью в беде. Один из поваров, Н.Н. Сясин, на предложение Государя следовать вместе с ним в Тобольск ответил: «*Ваше Величество, у меня же семья!*»

Такие же семьи были и у графа Татищева, и у князя Долгорукова, и у доктора Боткина, и у повара Харитонова. Но чувство высшего долга, чувство любви к Царской Семье заставляло их пренебрегать личным счастьем. «*Татищев,* — вспоминала княгиня Вера Голицына, — *в Петрограде оставил старую 80-летнюю мать, которая не чаяла его вновь увидеть. Это старая женщина всеми силами поддерживала сына исполнить свой долг. Когда я посетила ее несколько дней спустя, она с нежной гордостью говорила о своем дорогом сыне. Гордая им, она подавляла свою печаль. Но ее старое сердце не смогло пережить разлуки. Оно перестало биться 22 августа*».[3]

Керенский назначил отъезд в Тобольск на час ночи с 31 июля на 1 августа 1917 года. Перед отъездом 30 июля, в день рождения Наследника Цесаревича, Царская Семья совершила молебен, который отслужил отец Афанасий Беляев. Вместе с Царской Семьей на молебне присутствовали все люди, отправляющиеся вместе с ней в ссылку. Семья молилась горячо, со слезами на глазах.

---

[1] *Botkin Gleb.* Op. cit. P. 140.
[2] *Benkendorf P.* Last Days at Tsarskoe Selo. London, 1927. P. 117.
[3] *Calitzine Véra, princesse.* Réminiscences d'une émigrée (1865–1920). Paris, Plon, 1925. P. 214–215.

После молитвы Царская Семья и присутствующие приложились к кресту. Впереди был тяжкий и длинный путь.[1]

Государь записал в своем дневнике: «*Сегодня дорогому Алексею минуло 13 лет. Да даст ему Господь здоровье, терпение, крепость духа и тела в нынешние тяжелые времена! Ходили к обедне, а после завтрака к молебну, к которому принесли икону Знаменской Божьей Матери. Как-то особенно тепло было молиться Ее святому лику вместе со всеми нашими людьми*».[2]

Особо хочется остановиться на той иконе, перед которой молилась Царская Семья — Знаменская икона Божьей Матери. История этой чудотворной иконы такова. Икона явилась в XIII веке в лесу близ Курска. Много раз ее уносили оттуда, но она чудесным образом возвращалась. Враги России и веры православной жгли икону, рубили на части, подкладывали под нее бомбу, но она каждый раз оставалась целой. По заступничеству Божьей Матери русские войска одерживали множество побед, притекающие к ней верующие исцелялись. Не являлась ли эта икона Знаменской Божьей Матери, явленной Царской Семье накануне ее Крестного Пути, предвестником ее мученической гибели и последующего прославления всей Россией?

В тот же день Император Николай II встретился с Великим Князем Михаилом Александровичем. Встреча двух братьев, которой было суждено стать последней, проходила в присутствии Керенского, что являлось очередной оскорбительной демонстрацией со стороны последнего. Никто больше из Августейшей Семьи на встречу с Великим Князем Михаилом Александровичем допущен не был. Правда, полковник Артабалевский уверяет, что Керенский дал две-три минуты побыть Августейшим братьям наедине.

Наследник Цесаревич упросил полковника Кобылинского встать за дверью и в последний раз увидеть своего дядю, которого очень любил.[3] Император Николай II описывал в дневнике встречу с братом: «*После обеда ждали назначения часа отъезда, который все время откладывался. Неожиданно приехал Керенский и объявил, что Миша скоро явится. Действительно, около 10 $^{1}/_{2}$ милый Миша вошел в сопровождении Керенского и караульного начальника. Очень приятно было встретиться, но разговаривать при посторонних было неудобно*».[4]

Весь день 31-го июля шли приготовления к отъезду. «*Последний день нашего пребывания в Царском Селе,* — писал Государь в дневнике. — *Погода*

---

[1] *Серафим (Кузнецов), игумен*. Православный Царь-Мученик, М.: Паломник, 2000. С. 247.

[2] Дневники Императора Николая II. С. 646.

[3] *Серафим (Кузнецов), игумен*. Указ. соч. С. 247.

[4] Дневники Императора Николая II. С. 646.

стояла чудная. Днем работали на том же месте; срубили три дерева и распилили вчерашние. (...) Стрелки из состава караула начали таскать наш багаж в круглую залу. Там же сидели Бенкендорфы, фрейлины, девушки и люди. Мы ходили взад и вперед, ожидая подачи грузовиков. Секрет о нашем отъезде соблюдался до того, что и моторы, и поезд были заказаны после назначенного часа отъезда. Извод получился колоссальный! Алексею хотелось спать — он то ложился, то вставал. Несколько раз происходила фальшивая тревога, надевали пальто, выходили на балкон и снова возвращались в залы. Совсем рассвело. Выпили чаю, и, наконец, в 5 $^1/_4$ появился Керенский и сказал, что можно ехать. Сели в наши два мотора и поехали к Александровской станции. Вошли в поезд у переезда. Какая-то кавалерийская часть скакала за нами от самого парка. У поезда встретили И. Татищева и двух комиссаров от правительства для сопровождения нас в Тобольск. Красив был восход солнца, при котором мы тронулись в путь на Петроград и по соединительной ветке вышли на Северную ж. д. линию. Покинули Ц. С. в 6.10 утра».[1]

Перед тем, как покинуть Александровский дворец, Царская Семья прощалась с наиболее преданными офицерами. Капитан Матвеев, который пользовался особым расположением Царской Семьи, был приглашен в библиотеку, где его ждали Император Николай II, Императрица, Цесаревич и Великие Княжны. Поблагодарив за службу, Государь передал Матвееву свою фотографию с надписью: «Николай, 1917 г.» и сказал: «*Я думаю, что вы не откажитесь принять на память мою фотографию. Карточка эта случайная, которая оказалась у меня под рукой. Я нарочно не написал числа, чтобы вам, в случае чего, не было лишних неприятностей*». Затем Государь обнял и поцеловал Матвеева.[2]

В той же библиотеке Царская Семья простилась с остающейся во дворце прислугой.

В эти роковые часы на прощание с Государем не пришел ни один служитель церкви. «*Как ни странно*, — писал полковник Артабалевский, — *в эти минуты никто из служителей церкви не пришел благословить крестом Того, кто был ее миропомазанным Главою. И никто из них не пошел разделить тяжелые последние дни земной жизни Царя и Его Семьи, так глубоко и полно хранившими в своих душах нашу православную веру»*.[3]

В 5 часов утра Царскую Семью, наконец, посадили в машину и повезли к поезду. Когда Императрица вышла к машине, то полковник Кобылинский и капитан Матвеев по взаимной договоренности поднесли ей букет из роз, заранее приготовленный по приказу Кобылинского.[4]

---

[1] Дневники Императора Николая II. С. 646.
[2] Памятные дни. С. 97.
[3] Там же. С. 98.
[4] Там же. С. 17.

Несмотря на ранний час на станции собрался народ. Внезапно к станции подъехал броневик с развевающимся красным флагом. К нему торопливо вышел начальник станции. «Подавать состав», — послышалась сухая и резкая команда. Вдруг, словно ответом на эту команду, раздался полный отчаяния женский крик: какая-та женщина упала на колени и голосила в голос как по покойнику. Ее поспешили увести в глубь вокзала. В этот момент на станцию приехал Керенский. «*Мрачный, сгорбившийся, он исподлобья оглядел состав и толпу. Видимо, о чем-то думал, что-то соображал, что-то силился решить в течение нескольких минут. Потом, отдав распоряжение командиру броневика, рассеял толпу, быстро сел в автомобиль и понесся в Петроград*» (Артабалевский).[1]

По другим сведениям, Керенский попрощался с Царской Семьей и сказал Императору Николаю II: «*До свидания, Ваше Величество... Я придерживаюсь пока старого титула*».[2]

Когда Царская Семья прибыла на станцию, поезда на перроне не оказалось, он стоял далеко на путях. Минут десять Царская Семья шла до своего вагона по песку. «*Вся Царская Семья медленно перешла пути и двинулась по шпалам к своему вагону, спальному Восточно-Китайской железной дороги. Поддерживаемая Государем, Императрица видимо делала большие усилия, ступая по шпалам. Государь смотрел ей под ноги и вел, поддерживая под локоть, Свою Августейшую верную Спутницу жизни*».[3]

Когда Царская Семья дошла до вагона, то оказалось, что между ступенькой вагона и землей было большое расстояние. Поэтому Царской Семье пришлось карабкаться, чтобы попасть в вагон. Тяжелее всех пришлось Государыне. «*После больших усилий*, — пишет княгиня О. Палей, — *бедная женщина взобралась и, бессильная, всей своей тяжестью упала на площадку вагона*».[4] Безусловно, что эти издевательства исходили от «гуманного» и «благородного» Временного правительства.

Толпа народа молча, без единого слова провожала Царскую Семью. «*Царская Семья начала свой страдный путь, и толпа русских людей, их подданных, свидетельствовала его своим священным молчанием и тишиной*» (Артабалевский).[5]

Полковник Артабалевский и офицер Кушелев поднялись на площадку вагона, чтобы попрощаться с Государем. Кушелев упал на колени перед Государем, но тот поднял его, обнял и поцеловал. Потом Император подо-

---

[1] Памятные дни. С. 99.

[2] Русскій Архивъ. С.

[3] Памятные дни. С. 99.

[4] *Платонов О.А.* Николай II. Жизнь и царствование. СПб., 1999. С. 423.

[5] Памятные дни. С. 99.

шел к Артабалевскому и протянул к нему руку: «*Я до сих пор помню теплоту Его руки, Ее пожатие, когда я припал к Ней губами, целуя. Бледное лицо Государя и Его незабвенный взор навсегда останутся у меня в памяти. Я не в силах передать словами Его взор, но поведаю, что этот взор Государя проникал в самую тайную глубину души с лаской, бодростью и вместе с тем озарял душу Царской милостью. Государь привлек меня к Себе, обнял и поцеловал. В необъяснимом порыве я припал лицом к Его плечу. Государь позволил мне побыть так несколько мгновений, а потом осторожно отнял мою голову от Своего плеча и сказал нам:*

— Идите, иначе может быть для вас большая неприятность. Спасибо вам за службу, за преданность… за все… за любовь к Нам… от Меня, Императрицы и Моих детей… Служите России так же, как служили Мне… Верная служба Родине ценнее в дни ее падения, чем в дни ее величия… Храни вас Бог. Идите скорее.

Еще раз Государь одарил нас Своим незабываемым взглядом и скрылся в вагоне.

С трудом сдерживая волнение, мы сошли с площадки вагона и прошли через пути на свое прежнее место против вагона Царской Семьи. Молчаливая серая толпа смотрела на нас и точно чего-то ждала. В окне снова показались Государь и Цесаревич. Государыня взглянула в окно и улыбнулась нам. Государь приложил руку к фуражке. Цесаревич кивал головой. Тоже кивали головой Царевны, собравшиеся в соседнем окне. Мы отдали честь, потом сняли фуражки и склонили головы. Когда мы их подняли, то все окна вагона оказались наглухо задернуты шторами.

Поезд медленно тронулся. Серая людская толпа вдруг всколыхнулась и замахала руками, платками и шапками. Замахала молча, без одного возгласа, без одного всхлипывания. Видел ли Государь и Его Августейшая Семья этот молчаливый жест народа, преданного, как и Они, на Голгофское мучение иудами России. Жест, полный мистической священной тишины, безусловной любви, последнее “прости”. Жест единения в предстоящих муках»[1]

Тяжка ответственность Керенского перед Богом, Царем и Россией. Но надо при этом помнить, что его преступная деятельность в отношении Царской Семьи проходила при полном одобрении большей части русского общества и почти полном бездействии монархических кругов, прямого попустительства «временщикам» со стороны английских и французских правящих кругов. Русский Царь был оставлен всеми, и судьба его интересовала в те дни единицы. Примечательны слова Великого Князя Сергея Михайловича, сказанные им в письме другому Великому Князю, Николаю Михайловичу, при известии об отправке Императора с Семьей в Тобольск: «*Са-*

[1] Памятные дни. С. 100–101.

мая сенсационная новость — это отправление полковника со всей семьей в Сибирь. Считаю, что это очень опасный шаг правительства — теперь проснутся все реакционные силы и сделают из него мученика. На этой почве может произойти много беспорядков».[1] Примечательны и тот недопустимый тон, в котором Великий Князь говорит о своем Государе, и то полное равнодушие к его судьбе, и то почти подобострастное беспокойство о судьбах революционного правительства. Через год в далеком Алапаевске за сосланными туда членами династии, в том числе и за Великим Князем, придут те самые «прогрессивные силы», за судьбу которых так беспокоился Сергей Михайлович. К тому времени Великий Князь представлял собой психически расстроенного человека. «*Он почти ничего не ел, ложился в постель, затем вскакивал, вглядывался в окно, нервно ходил по комнате и, сидя на кровати, плакал. Остальные пытались его утешить и успокоить. Елизавета Федоровна вынула Евангелие и начала вслух читать. Немного позже 10 часов, когда заключенные уже спали, к школе подъехали тележки. В комнату к ним вошел один из членов Алапаевского совдепа и приказал всем вставать и выходить на улицу. Великий князь Сергей Михайлович почуял, вероятно, что-то недоброе и всеми силами старался не выходить из комнаты. Он цеплялся руками за разные вещи, благодаря чему караульным пришлось его выталкивать, почему у него оказались содранными ногти и ссадины на руках, кроме того на полировке шкафа ясно сохранились следы пальцев и ногтей от его рук, судорожно схватывавшихся за него.*

Великий князь Сергей Михайлович, физически очень сильный, так крепко держался за этот шкаф, что ногти почти впились в дерево, и он не чувствовал той сильной боли, которую ему причиняли злодеи. Усадив всех на повозки, конные красногвардейцы частью ехали вперед, а частью следовали по сторонам повозок. К шахтам двинулись рысью. Великий князь Сергей Михайлович разнервничался еще больше, что надоело сопровождавшему его красноармейцу, и тогда он вынул револьвер и выстрелом сверху в голову убил Сергея Михайловича».[2]

Так закончил свою жизнь Великий Князь Сергей Михайлович.

Общее отступничество, предательство, равнодушие, истеричная расслабленность — вот что характерно для определения отношения к Царю со стороны подавляющей части русского общества. Поэтому нельзя не согласиться с Керенским, когда он, уже в эмиграции, отвечая на многочисленные нападки со стороны представителей того самого общества, сказал в 1936 году: «*Если вы теперь, господа, разыгрываете рыцарей, верных*

---

[1] *Кобылин В.* Указ. соч. С. 254.

[2] *В. и Л.* Убийство Императора Николая II и его Семьи. Заживо погребенные. Алапаевское убийство Великих Князей. Харбин: Рассвет, 1920. С. 39.

долгу, то поздно спохватились... Монархисты предали своего Монарха. Если бы нашелся хоть один верный долгу полк, ведь от нас тогда ничего бы не осталось. Государь остался совершенно без верноподданных. Процарствовав двадцать три года, Он очутился в жутком, нечеловеческом одиночестве».[1]

---

[1] *Позднышев С.* Немеркнущий свет. Сан-Пауло, 1949. С. 63.

Глава 3
Тобольск

Прибытие Царской Семьи в Тобольск. «Дом Свободы»

6 (19) августа 1917 года, в праздник Преображения Господня, в 6 часов 15 минут пароход «Русь» причалил к пристани сибирского города Тобольска. На борту парохода находились свергнутый с престола Император Николай Александрович, Императрица Александра Федоровна, их дети: Наследник Цесаревич Великий Князь Алексей Николаевич, Великие Княжны Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия Николаевны, а также добровольно сопровождавшие их лица:

1) генерал-адъютант граф И.Л. Татищев,
2) гофмаршал князь В.А. Долгоруков,
3) графиня А.В. Гендрикова,
4) лейб-медик Е.С. Боткин,
5) наставник Наследника Цесаревича француз П. Жильяр,
6) гоф-лектрисса Е. А. Шнейдер,
7) воспитательница графини Гендриковой В.В. Николаева,
8) няня А.А. Теглева,
9) помощница Теглевой Е.Н. Эрсберг,
10) камер-юнгфера М.Г. Тутельберг,
11) комнатная девушка Императрицы А.С. Демидова,
12) камердинер Государя Т.И. Чемодуров,
13) помощник Чемодурова С. Макаров,
14) камердинер Государыни А.А. Волков,
15) лакей наследника Цесаревича С.И. Иванов,
16) детский лакей И.Д. Седнев,
17) дядька Наследника Цесаревича К.Г. Нагорный,
18) лакей А.Е. Трупп,
19) лакей Тютин,
20) лакей Дормидонтов,
21) лакей Киселев,
22) лакей Е. Гусев,
23) официант Ф. Журавский,
24) старший повар И.М. Харитонов,

25) повар Кокичев,
26) повар И. Верещагин,
27) поварской ученик Л. Седнев,
28) служитель М. Карпов,
29) кухонный служитель С. Михайлов,
30) кухонный служитель Ф. Пюрковский,
31) кухонный служитель Терехов,
32) служитель Смирнов,
33) писарь А. Кирпичников,
34) парикмахер А.Н. Дмитриев,
35) гардеробщик Ступель,
36) заведующий погребом Рожков,
37) прислуга графини Гендриковой П. Межанец,
38) прислуга госпожи Шнейдер Е. Живая,
39) прислуга госпожи Шнейдер Мария (фамилия неизвестна).

Позднее в Тобольск прибыли: 1) преподаватель английского языка англичанин С. Гиббс, 2) доктор медицины В.Н. Деревенко, 3) фрейлина баронесса С.К. Буксгевден, 4) камер-юнгфера М.Ф. Занотти, 5) комнатная девушка А.Я. Уткина, 6) комнатная девушка А.П. Романова. (Буксгевден, Занотти, Уткина и Романова не были допущены к Царской Семье).[1]

Путь из Царского Села до Тюмени узники проделали на специальном поезде, а из Тюмени до Тобольска на пароходе. В пути Царскую Семью сопровождал от Временного правительства комиссар П.М. Макаров, член масонского ордена «Великий Восток народов России». Именно Макарову Керенский на первых порах поручил содержать в Тобольске Царскую Семью.

По пути следования Царской Семье несколько раз пришлось столкнуться с предзнаменованиями их грядущего мученичества. 4-го (17 августа) Император Николай II занес в свой дневник: «*Перевалив Урал, почувствовали значительную прохладу. Екатеринбург проехали рано утром*».[2] В это раннее утро поезд, на котором следовала Царская Семья, сделал остановку в городе, в котором меньше чем через год она будет злодейски убита.

5-го (18-го) августа пароход «Русь» проследовал мимо села Покровского — родины убитого 17 декабря 1916 года Г.Е. Распутина. Когда пароход проходил мимо Покровского, Император, Императрица и Царские дети стояли на палубе и смотрели на высящейся над берегом Туры дом Распутина. Пьер Жильяр писал в своих воспомина-

[1] Письма Святых Царственных Мучеников из заточения. СПб.: Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 1996. С.86.
[2] Дневники Императора Николая II. М.: ORBITA, 1991. С. 647.

ниях: «*Мы плыли мимо деревни — родины Распутина, и Семья, собравшаяся на мостике, могла созерцать дом старца, ясно выделявшийся среди изб. В этом для Царской Семьи не было ничего удивительного, потому что Распутин это предсказал, и стечение обстоятельств в очередной раз могло подтвердить его пророческие слова*».[1]

Другой пассажир парохода, камердинер А.А. Волков, вспоминал: «*Когда пароход проходил мимо села Покровского — родины Распутина, Императрица, указав мне на село, сказала: "Здесь жил Григорий Ефимович. В этой реке он ловил рыбу и привозил ее нам в Царское Село". На глазах Императрицы стояли слезы*».[2]

«*Вчера перед обедом проходили мимо села Покровского — родина Григория*», — занес Император Николай II в свой дневник.[3]

По прибытии Царской Семьи в Тобольск оказалось, что дом губернатора, куда должна была быть помещена Царская Семья, не готов к ее приему. С началом февральских событий резиденция тобольского губернатора Н.А. Ордовского-Танаевского, вынужденного скрыться из Тобольска, превратилась в «Дом Свободы». Это сопровождалось расхищением и разгромом имущества. «*Жить в "Доме Свободы", — пишет А.Н. Боханов, — было нельзя: все затоптано, загажено, мебель почти вся растащена, а система водоснабжения полностью разрушена*».[4]

В ожидании, пока власти сделают ремонт и приведут дом в порядок, Царская Семья и ее свита жили на пароходе «Русь». «*Как только пароход пристал, начали выгружать наш багаж. Валя, комиссар и комендант отправились осматривать дома, назначенные для нас и свиты. По возвращении первого узнали, что помещения пустые, безо всякой мебели, грязны и переезжать в них нельзя. Поэтому остались на пароходе и стали ожидать обратного привоза багажа для спанья. Поужинали, пошутили насчет удивительной неспособности людей устраивать даже помещения и легли спать рано*», — записал Государь в дневнике.[5]

Между тем революционные власти Тобольска были обеспокоены пребыванием Царской Семьи на главном причале города. Тоболяки собирались на пристани большими толпами и искали возможности увидеть Государя или кого-нибудь из Царской Семьи. Толпа явно сочувствовала свергнутому Царю. По приказу местных властей «Русь» отогнали на несколько верст вверх по реке и там причалили к пустынному берегу, где пароход и про-

---

[1] *Gilliard Pierre*. Le Tragique destin de Nicolas II et de sa famille. Payot, Paris, 1929. P. 193–194.
[2] *Волков А.А.* Около Царской Семьи. М., 1993. С.76.
[3] Дневники Императора Николая II. С. 647.
[4] *Боханов А.* Николай II. //ЖЗЛ. М., 1997. С. 416.
[5] Дневники Императора Николая II. С. 647.

стоял неделю. Для Царской Семьи это были редкие дни отдыха, когда она могла свободно гулять по живописному берегу Тобола, наслаждаясь относительным уединением и красивой природой Сибири.

«*Милая Вера Георгиевна,* — писала В.Г. Карповой Великая Княжна Анастасия Николаевна. — *Приехали мы сюда благополучно. Живем пока на пароходе, т. к. дом не готов. Пока пишу, идет дождь и сыро. М(ария) лежит, т. к. простудилась, но теперь уже ей лучше*».[1]

Наконец, 13-го августа Царская Семья получила разрешение на въезд в губернаторский дом. Путь от пристани до «Дома Свободы» все проделали пешком, за исключением Императрицы Александры Федоровны, Цесаревича Алексея Николаевича и Великой Княжны Татьяны Николаевны, которым был выделен хороший экипаж на резиновом ходу. Царская Семья следовала к губернаторскому дому через большие скопления тоболян. Иногда из толпы раздавались возгласы приветствия в адрес Государя: «*Здорово, Батюшка! Добро пожаловать*!»[2]

Губернаторский дом был каменным двухэтажным особняком. В губернаторский дом вместе с Царской Семьей были допущены Чемодуров, Демидова, Теглева, Эрсберг и Тутельберг. Остальные лица свиты были поселены в доме купца Корнилова. (Впоследствии Буксгевден была перемещена в частную квартиру.)[3]

После въезда в губернаторский дом по просьбе Государя был отслужен благодарственный молебен с водосвятием по случаю благополучного окончания путешествия.

Год тому назад из этого самого дома, в котором разместилась арестованная Царская Семья, от имени губернатора Тобольска в Царскую Ставку по случаю победы русской армии в Турции ушла следующая телеграмма:

«*Действующая Армия. Его Императорскому Величеству. Вознеся по поводу Эрзерумской победы горячие благодарственные и о здравии Вашего Императорского Величества молитвы в храме, где покоятся мощи Святителя Иоанна Максимовича, население Тобольска повергает к стопам Вашим, Государь, чувства любви беспредельной и преданности*».[4]

Обстановка в губернаторском доме была хорошая. «*По окончании в губернаторском доме работ,* — свидетельствовал камердинер Чемодуров, — *все поселившиеся в нем члены Государевой Семьи разместились достаточно удобно; доставленная из Царского Села обстановка*

---

[1] Письма Царственных Мучеников из заточения. С. 89.
[2] *Alexandrov V.* La fin des Romanov. Édition Alsaita, Paris, 1968. P. 147.
[3] *Соколов Н.А.* Предварительное следствие 1919–1922. //Русскій Архивъ. Т. 8. М., 1998. С. 123.
[4] ГАРФ, Ф.601, оп.1, д. 2279

дала возможность устроить некоторый комфорт, и жизнь Царской семьи протекала в Тобольске почти в таких же условиях, как и в Царском селе».[1]

«*Дом оказался довольно обширным и прилично обставленным. В нем удобно и хорошо разместились. В доме жила Царская Семья и служащие*» (А.А. Волков).[2]

«*Здравствуй, дорогая моя!* — писала А. Вырубовой Великая Княжна Мария Николаевна. — *Как давно Тебе не писала, милая, так рада была получить Твою записочку. Грустно очень, что не видимся, но, Бог даст, опять встретимся, и тогда такая радость будет. Живем в доме, где Ты была. Помнишь комнаты? Они очень уютные, в особенности когда кругом вещи. Гуляем каждый день два раза. Есть милые люди и здесь. Вспоминаю Тебя, душку, ежедневно и очень люблю. М. Гибс дал нам твои карточки, так приятно было их иметь*».[3]

Еда была хорошей и разнообразной. «*Завтрак и обед был хорошим. За завтраком было в первые дни суп, рыба, мясо и сладкое. После завтрака наверху был кофе. Обед был такой же, как завтрак, но подавались еще и фрукты*» (Сидней Гиббс).[4]

Обед для Царской Семьи готовил повар И.М. Харитонов, которому Император один раз сказал: «*Хорошо меня кормишь, Иван, совсем как в Царском*».[5]

Вначале местному населению разрешалось в большом количестве приносить Царской Семье продовольствие. «*Население относилось к Ним хо-*

---

[1] Гибель Царской Семьи. Материалы следствия по делу об убийстве Царской Семьи. (Август 1918–февраль 1920) /сост. Росс Н. Посев, 1987. С. 60–61.

[2] *Волков А.А.* Указ. соч. С. 77.

[3] Письма Царственных Мучеников из заточения. С. 157.

Примечательно, что В. Александров, цитируя это письмо, ошибочно полагает, что оно написано в Екатеринбурге. «Из этого письма, — пишет он, — мы узнаем одну деталь, которая до сегодняшнего дня была не известна: Вырубова некогда находилась в Доме Ипатьева! Вероятнее всего, по случаю своих поездок в Покровское во время одного из «бегств» Распутина в свое родное село!» (Alexandrov V. La fin des Romanov. P. 190). При этом Александров пишет, что письмо не имеет точной даты.

Однако совершенно очевидно, что обстоятельства жизни Царской Семьи, изложенные в письме (прогулка два раза в день, возможность общения с посторонними людьми, общение с Гиббсом и так далее) относятся к тобольскому, а не екатеринбургскому периоду, во время которого Царская Семья была полностью изолирована от окружающего мира. То, что это письма было написано Великой Княжной Марией Николаевной из Тобольска, полностью доказывается приводимым в «Русской Летописи» (в кн. 4, с. 242–243) его подлинником с указанием: «Тобольск, декабрь 1917 года». Странно, что Александров, работая с «Русской Летописью», этого не заметил.

[4] Русскій Архивъ. С. 107.

[5] Из устных воспоминаний Е.И. Харитоновой (Мультатули).

рошо, — вспоминала Е.Н. Эрсберг. — Много разных приношений из провизии присылалось Им. Многие продукты присылал монастырь».[1]

Это был Ивановский женский монастырь. В первое время существовал даже план размещения Царской Семьи в этом монастыре. С этой целью по просьбе Государя и Государыни к игуменье ездил А.А. Волков и осматривал помещения. Сама игуменья была очень рада возможности размещения Царской Семьи у нее в монастыре и показала Волкову тот дом, в котором намечалось проживание Царской Семьи. Дом был большим и светлым и имел свою церковь. Но приезд в Тобольск эмиссара Временного правительства Панкратова перечеркнул все планы переезда.[2]

До приезда вышеназванного лица режим содержания Царской Семьи также был вполне сносным.

«*Режим был такой же, как в Царском, даже свободней,* — показывал на допросе следователю Н.А. Соколову начальник охраны полковник Е.С. Кобылинский. — *Никто не вмешивался во внутреннюю жизнь Семьи. Ни один солдат не смел входить в покои. Все лица свиты и вся прислуга свободно выходили, куда хотели».*[3]

Однако такой режим был вызван, в первую очередь, хорошим отношением к Царской Семье со стороны полковника Кобылинского, и он сразу стал меняться, как только Временное правительство взяло под контроль содержание Царственных узников в «Доме Свободы».

«*Уклад жизни в Тобольске был таким же, как и в Царском Селе. Мария Николаевна, Татьяна Николаевна и Анастасия Николаевна вставали в 8 часов. И Алексей Николаевич вставал в это же время. Ольга Николаевна вставала в 9. Государь тоже вставал в 9. Императрица просыпалась рано, но обыкновенно Она до завтрака оставалась в кровати, занимаясь чем-либо. Государь пил чай у себя в кабинете с Ольгой Николаевной. Императрица пила утренний кофе всегда в постели. Все остальные пили чай в общей столовой. После чая Государь обыкновенно читал у себя в кабинете. Дети, кроме Ольги Николаевны, имели уроки до 11 часов. С 11 до 12 у них была перемена. В 12 часов им подвались бутерброды и молоко. В это время к Детям всегда приходил закусывать и Император. От 12 до 1 часа тоже были уроки. В час был завтрак.*[4] *После завтрака Дети и Государь шли гулять. Очень редко выходила гулять Императрица, сидевшая иногда на балконе. В 5 часов был вечерний чай, который Семья пила всегда в кабинете у Государя. После чая Дети занимались опять. Если же не было уроков, занимались чем-либо: рисовали, вышивали. В*

---

[1] Русскiй Архивъ. С. 139.
[2] *Волков А.А.* Указ. соч. С. 78.
[3] Гибель Царской Семьи. С. 294.
[4] Так до революции в России называли современный обед.

8 часов был обед. После обеда Дети играли или вообще свободно проводили время. В 11 часов был чай в гостиной Императрицы»[1] (Е.Н. Эрсберг).

На первых порах Царская Семья чувствовала себя в Тобольске даже лучше чем, в Царском Селе. Не было клеветнической кампании столичных газет, злобных выходок охранников, оскорбительных визитов революционных властей.

Государь много физически работал, особенно он любил пилить дрова. *«Для Государя Императора, воспитанного на привычке к физическому труду, для Августейших Детей единственным местом физической работы и физических развлечений был двор, где Государь Император, при участии Великих Княжон Ольги Николаевны, Татьяны Николаевны и Марии Николаевны пилил дрова»* [2](Н.А. Соколов).

При помощи Жильяра и других Император устроил на оранжерее площадку, куда вела сделанная общими усилиями лестница. На этой площадке вся Царская Семья любила посидеть на солнце.[3]

Дети усиленно занимались. Единственно, кто был освобожден от занятий, была Великая Княжна Ольга Николаевна, закончившая в 1914 году полный курс обучения. Императрица преподавала детям богословие и немецкий язык Великой Княжне Татьяне Николаевне. Государь преподавал историю Цесаревичу. Учительница К.П. Битнер преподавала детям математику, графиня Гендрикова — историю Татьяне Николаевне. Гиббс преподавал всем детям английский, а Жильяр — французский язык.

В свободное время ставили маленькие домашние спектакли. Играли чеховского «Медведя», французские пьесы.

Главной отдушиной были прогулки, а главной радостью — богослужения. Вначале, когда Царской Семье еще не разрешали ходить в церковь, богослужения совершались в зале губернаторского дома. Государь оставил в своем дневнике множество записей об этих молебнах. «*15-го августа. Вторник. Так как нас не выпускают на улицу и попасть в церковь мы пока не можем, в 11 часов в зале была отслужена обедница*»; «*20-го августа. Воскресенье. В 11 час. в зале была отслужена обедница»; «27-го августа. Воскресенье. В 11 час. была отслужена обедница. Нам всем очень нравится священник, кот. служит у нас; поют четыре монахини»; 29-го августа. Вторник. В 11*

---

[1] Русскій Архивъ. С. 138.

[2] Последние дневники императрицы Александры Федоровны Романовой. Февраль 1917 г. – июль 1918 г. /под ред. Козлова В.А. и. Хрусталева В.М. Новосибирск, 1999. С. 326.

[3] Совсем недавно, уже в 2000-х годах, эта площадка, как и сама оранжерея, были сломаны по приказу нынешних тобольских властей.

час. была отслужена обедница»; «30 августа. Среда. В 11 час. была отслужена обедница» и так далее.[1]

К богослужению Семья готовилась очень тщательно. Особенно Государыня. Комиссар В.С. Панкратов вспоминал: «*Всю работу по обстановке и приготовлению зала к богослужению брала на себя Александра Федоровна. В зале она устанавливала икону Спасителя, покрывала аналой, украшала их своим шитьем и пр. В 8 часов вечера приходил священник Благовещенской церкви и четыре монашенки из Ивановского монастыря. В зал собиралась свита, располагалась по рангам в определенном порядке, сбоку выстраивались служащие, тоже по рангам. Когда бывший Царь с Семьей выходил из боковой двери, то и они располагались всегда в одном и том же порядке: справа Николай II, рядом Александра Федоровна, затем Алексей и далее княжны. Все присутствующие встречали их поясным поклоном. Священник и монашенки тоже. Вокруг аналоя зажигались свечи. Начиналось богослужение. Вся Семья набожно крестилась, свита и служащие следовали движениям своих бывших повелителей. Помню, на меня вся эта обстановка произвела сильное первое впечатление. Священник в ризе, черные монашки, мерцающие свечи, жидкий хор монашенок, видимая религиозность молящихся, образ Спасителя. (…) Монашенки запели: „Слава в Вышних Богу, и на земли мир и в человеках благоволение…“. Вся семья Николая II становится на колени и усердно крестится, за нею падают на колени и все остальные».*[2]

Не сразу, но Панкратов дал разрешение Царской Семье время от времени посещать церковь.

«*По воскресеньям Их Величествам разрешали ходить к ранней обедне в храм Благовещения, находившийся в нескольких шагах, и в который можно было пройти через городской сад, почти прилегавший к загородке около губернаторского дома. По всему саду расставлялись в две шеренги солдаты, между которыми проходили Их Величества и свита».*[3] [Мельник (Боткина)].

Эта радость иногда омрачалась огромным стечением народа, стремившегося увидеть Царскую Семью. Государь в своем дневнике 8-го (21-го) сентября писал: «*Первый раз побывали в церкви Благовещения, в которой служит давно наш священник. Но удовольствие было испорчено для меня той дурацкой обстановкой, при которой совершилось наше шествие туда. Вдоль*

---

[1] Дневники Императора Николая II. С. 549, 650, 651.

[2] *Панкратов В.С.* С царем в Тобольске. Из воспоминаний. Л., 1990. С. 14.

[3] *Мельник (рожденная Боткина) Т.* Воспоминания о Царской Семье. М., 1993. С. 71.

дорожки городского сада, где никого не было, стояли стрелки, а у самой церкви была большая толпа! Это меня глубоко извело».[1]

Священник, о котором упомянул в дневнике Император, был отец Алексей Васильев, назначенный, по выбору епископа Гермогена, духовником Царской Семьи. Отец Алексей очень нравился Государю и Государыне, но его действия по отношению к Царской Семье нельзя назвать мудрыми. Позже его имя будет ассоциироваться с именем зятя Распутина Б.Н. Соловьевым и деятельностью последнего (мнимой или действительной) по организации спасения Царской Семьи. Отношение к этому священнику со стороны многих из окружения Царской Семьи было отрицательным.

Издаваемый русскими монархистами в Париже журнал «Двуглавый орел» приводит свидетельство П. Шабельского-Борка, который зимой 1918 года был в Тобольске и разговаривал с одним местным ямщиком: «*Разговорились. Речь ямщика раскрывала дебри народной души.*

— С Ними в Тобольске, сказывают, такое случилось, что в народе теперь по деревням бабы ревмя ревут. Дядя наш Микита Самойлов в то время в городу был и случаю этому самовидец был.

Северное сияние разгоралось, столбы поднимались все выше.

— Ишь, сполохи-то как разгораются, а потом сгинут и нету их. Так и страсти Нашему гостю Сибирскому от Господа положены. Как Христос от жидов безверных — так и Он... В соборе Он, вишь, был у обедни со всем Домом. Известно, Царь Богопомазанный — ни одной службы церковной пропущать не хочет. Народ, конечно, в Собор валом валил. Хоша его стреляй, хоша в огонь кидай, хоша в воде топи. Ну, точно мощам святым поклонение.

Стоят Они в Храме все рядышком, молятся, а кругом люди слезы льют — душа разрывается. Да... Херувимскую запели. Он, Праведник-то царственный, на колени опустился, крестное знамение на себя положил. А стража тут кругом окаянная, и Силантьев над ними старшой самый — вредный социалист-большевик. Стоит он за Батюшкой нашим и гадится. Уж такой идол. Злобился он, злобился, да как толкнет Молитвенника нашего в саму спину. Пошатнулся Государь. Народ так и ахнул. А Он поднял глаза к Пречистой, слова не сказал, только широко так перекрестился. Ропот пошел по собору. Что же это такое делается? Надвинулся, было, народ на караульных, да вовремя опамятовался: караульные тут же наганы свои повынули, да на пленных в упор наставили. Чуть было чистые душеньки не загубили. Заплакали люди. Тут открылись Врата Царские, воздвиглась Чаша с Дарами Святыми. Вдруг как заревет Силантьев истошным голосом:

---

[1] Дневники Императора Николая II. С. 652.

— Ай, ай! Сама Богородица! Глазами меня жгет! О, силушки нет... Сгинь! Сгинь, уйди! Сама к Нему идет. Сама Его приобщает. Сгинь! Сгинь! Бейте, товарищи! Ой, боюсь Ее, боюсь! Бейте Их, товарищи...

А сам корчится в судорогах, на полу валяется, хулит Господа, чертыхается. Насилу его из собора вытащили. Засуетились товарищи, заторопились. Стеною окружили Батюшку государя и всю Фамилию и сторожко так повели Их из храма. А Они, как Агнцы Божии, светлые-пресветлые среди этой своры кромешной по святому храму шествуют.

Сказывают, Силантьев этот на паперти из рук вырвался и с криком страшенным и ругательствами от товарищей прочь убежал. С той поры, слышно, все по деревням бегает, места, значит, себе не находит, все о Богородице с Чашей золотой бормочет».[1]

Отношение к заключенной Царской Семье со стороны тоболяков было разным. Были сочувствующие, были равнодушные, были преданные и люто ненавидевшие. Впрочем, Царской Семье писали и в Александровский дворец, и в «Дом Свободы», и потом в Ипатьевский дом со всей России. С.В. Фомин в своем замечательном исследовании этих писем делает упор прежде всего на письма верноподданных людей, и лишь слегка касается писем, дышащих ненавистью. Конечно, для нас важнее мужество и благородство русских людей, которые с риском для себя продолжали в эти тяжелые дни писать Царской Семье письма, полные любви и сочувствия. Письма самые разные, начиная от графа Келлера на имя Керенского с просьбой разрешить ему быть с Государем до конца, и заканчивая простыми крестьянами. Вот что писал, например, 12-летний мальчик, некий Георгий: «*Всемилостивейший Государь Николай Александрович! Если Вам тяжко переносить заключение свое, то верьте и знайте, что миллионы русских сердец оплакивают Вас, как страдальца за святую Русь. На нашей планете, начиная Спасителем, немало было страдальцев; и на Вашу долю выпала эта горькая чаша. Люди злы, но миллионы русских сердец возносят мольбы к Богу об утешении Вас. Молитесь же и бодрствуйте! Верный и неизменный Вам 12-летний Георгий*».[2]

Но, говоря об этих письмах, полных самоотвержения и любви, мы не можем не коснуться, в силу темы нашего труда, тех посланий, которые были полны злобы и ненависти. Естественно, мы вслед за С.В. Фоминым не будем цитировать эти примеры «политической порнографии». Но остановимся на характере одного из таких посланий, так как в нем отчетливо виден след той злой силы, с которой вел духовную брань Государь. Среди писем

[1]Двуглавый Орел. Вестник Высшего Монархического Совета. L'aigle russe. Париж. №17. 1927, 25 апреля (10 марта). С. 8–9.
[2] И даны будут жене два крыла. Сборник к 50-летию Сергея Фомина. Паломник, 2002. С. 641.

к Царской Семье имеются конверты, в которые были вложены фотографии Царя и Царицы с множественными прижиганиями сигаретами, причем у Царя были выжжены глаза, а у Государыни, которая была сфотографирована в платье сестры милосердия, прожжено все тело. Как здесь не вспомнить коптяковское кострище, расчленение тел, соляную кислоту!

Все время пребывания в Тобольске Царя и Царицы отмечено тяжелыми душевными переживаниями. Главной причиной этих переживаний была боль за судьбы Родины и русского народа. Как только какие-либо сведения доходили до Императора о событиях в Петрограде или на фронте, он сразу же заносит их в свой дневник. «*5-го сентября. Вторник. Телеграммы приходят сюда два раза в день; многие составлены так неясно, что верить им трудно. Видимо, в Петрограде неразбериха большая, опять перемена в составе пр-ва. По-видимому, из предприятия ген. Корнилова ничего не вышло, он сам и примкнувшие генералы и офицеры большей частью арестованы, а части войск, шедшие на Петроград, отправляются обратно*»; «*20-го октября. Пятница. Сегодня уже 23-я годовщина кончины дорогого Папа и вот при таких обстоятельствах приходится ее переживать! Боже, как тяжело за бедную Россию!»; «17-го ноября. Пятница. Тошно читать описания в газетах того, что произошло две недели тому назад в Петрограде и в Москве! Гораздо хуже и позорнее Смутного времени»;* после прихода сведений о начале переговоров большевиков с немцами: «*18-го ноября. Суббота. Получил невероятнейшее известие о том, что какие-то трое парламентеров нашей 5-й армии ездили к германцам впереди Двинска и подписали предварительные с ними условия перемирия! Подобного кошмара я никак не ожидал. Как у этих подлецов большевиков хватило нахальства исполнить их заветную мечту — предложить неприятелю заключить мир, не спрашивая мнение народа, и в то время, что противником занята большая полоса страны?*»[1]

Конечно, тяжелее всего переживал за происходящее Император Николай II. Глеб Боткин писал: «*У меня создалось впечатление, что в течение этого* (тобольского — *П.М.*) *периода Император страдал более, чем остальные*».[2]

Дети и Государыня, как могли, старались помочь ему переносить эти душевные страдания. Доктор Боткин рассказывал своему сыну Глебу: «*Каждый раз, когда Император входит в столовую с грустным лицом, Великие Княжны говорят тихо: "Папа сегодня грустный, надо поднять ему настроение". И они это делают, рассказывая смешные истории, смеясь, и в конце концов лицо Его Величества озаряется улыбкой*».[3]

---

[1] Дневники Императора Николая II. С. 651, 656, 658.
[2] *Botkin (Gleb).* Op. cit. P. 153.
[3] *Botkin (Gleb).* Op. cit. P. 181.

Самое главное, что ни в дневниках, ни в письмах Императора Николая II и Императрицы Александры Федоровны, ни в воспоминаниях о них очевидцев нет ни одной строчки, ни одного свидетельства об их беспокойстве за собственную судьбу, жалоб, упреков, осуждения в чей бы ни было адрес: только волнение за судьбу России, народа и дорогих им людей. Это ярко видно из писем Государыни А.А. Вырубовой. 20-го декабря 1917-года она пишет: «*Он (Государь) прямо поразителен — такая крепость духа, хотя бесконечно страдает за страну, но поражаюсь, глядя на него. (...) Полная надежда и вера, что все будет хорошо, что это худшее и вскоре воссияет солнце. Но сколько еще крови и невинных жертв?! (...) О Боже, спаси Россию! Это крик души и днем и ночью — все в этом для меня (...) Чувствую себя матерью этой страны и страдаю, как за своего ребенка и люблю мою родину, несмотря на все ужасы теперь и все согрешения. Ты знаешь, что нельзя вырвать любовь из моего сердца и Россию тоже, несмотря на черную неблагодарность к Государю, которая разрывает мое сердце, но ведь это не вся страна. Болезнь, после которой она окрепнет. Господи, смилуйся и спаси Россию!*»[1]

Из письма Государыни А.В. Сыробоярскому 29 ноября 1917 года: «*Могу себе представить, как ужасно все то, что там пережили. Тяжело неимоверно, грустно, обидно, стыдно, но не теряйте веру в Божию милость, Он не оставит Родину погибнуть. Надо перенести все эти унижения, гадости, ужасы с покорностью (раз не в наших силах помочь). И Он спасет, долготерпелив и милостив — не прогневается до конца. Знаю, что Вы этому не верите, и это больно, грустно. Без этой веры невозможно было бы жить...*

Многие уже сознаются, что все было — утопия, химера... Их идеалы рухнули, покрыты грязью и позором, ни одной хорошей вещи не сделали для Родины — свобода — разруха — анархия полная, вот до чего дошли, жаль мне даже этих идеалистов (когда они добрые), но поблагодарю Бога, когда у них глаза откроются. Лишь о себе думали, Родину забыли — все слова и шум. Но проснутся многие, ложь откроется, вся фальшь, а весь народ не испорчен, заблудились, соблазнились. Некультурный, дикий народ, но Господь не оставит, и святая Богородица заступится за Русь бедную нашу».[2]

Из письма Императрицы Александры Федоровны А.В. Сыробоярскому от 10 декабря 1917 года: «*(...) Бог выше всех, и все Ему возможно, доступно. Люди ничего не могут. Один Он спасет, оттого надо беспрестанно Его просить, умолять спасти Родину дорогую, многострадальную.*

---

[1] Письма Святых Царственных Мучеников из заточения. С. 169.
[2] Там же. С. 132.

Как я счастлива, что мы не заграницей, а с ней все это переживаем. Как хочется с любимым больным человеком все разделить, вместе пережить и с любовью и волнением за ним следовать, так и с Родиной.

Чувствовала себя слишком долго ее матерью, чтобы потерять это чувство — мы одно составляем и делим горе и счастье».[1]

И это написано Императрицей после долгих лет самой черной клеветы, оскорблений, ненависти, изливавшихся на нее в России!

Великий пример мужества являла вся Царская Семья. Как верно писала Т.Е. Боткина: «*Несомненно, что из всех заключенных больше всего выдержки, наибольшее присутствие духа было у тех, кто должен был больше всего страдать, — у Царской Семьи*».[2]

Никому не дано познать, какие душеные муки должен был переживать Император Николай II. Та легкая литература, какую он читал в Тобольске, те домашние спектакли, пилка дров и так далее были вызваны потребностью хоть как-то смягчить давящий нечеловеческий груз того предвидения событий, которое открывалось Государю в тех молитвах «до кровавого поту», какими он молился в те тобольские дни. Примечательно, что весь советский период чтение легкой литературы выставлялось врагами Государя в качестве примера примитивности его личности. К великому прискорбию эта клевета ведется и сегодня, причем занимаются ею иногда и отдельные представители церкви. Так, диакон Андрей Кураев в своей книге «О нашем поражении» пытается опровергнуть то, что Николай II предвидел свою мученическую кончину. В качестве доказательства Кураев, совершенно в духе материализма, особо подчеркивает, что Николай II играл в карты и читал детективы, а затем пишет: «*В “Дневнике” Государя времени ареста не указывается ни одной духовной книги в круге его чтения — лишь дважды упоминается Библия*».[3]

Эти заявления Кураева уже сами по себе довольно примитивны, так как человек по разным причинам может в своем дневнике не упоминать о чтении духовных книг и быть при этом глубоко духовным и верующим человеком. Но в случае с заключениями Кураева о дневнике Государя мы имеем дело с прямым искажением фактов, а поэтому остановимся на этом вопросе подробно.

Что касается детективов, то, действительно, в дневнике Николая II имеются об этом записи. Но еще больше имеется свидетельств о чтении Царем серьезной литературы. За время ареста он прочел: «Историю Византийской империи» Успенского, «Россия на Дунае» Кассо, «Задачи Русской армии» генерала Куропаткина, «Морская идея в русской земле» ст. лейтенанта Квашни-

---

[1] Там же. С. 152.
[2] *Мельник (Боткина) Т.* Указ. соч. С. 81.
[3] *Кураев Андрей, диакон.* О нашем поражении. СПб., 1999. С. 321.

на-Самарина, «Всеобщую историю» Иегера, «Тобольск и его окрестности» Голодникова, «Близ есть при дверех» Нилуса, «Историю Великобритании» Грена, «Император Павел I» Шильдера. Кроме того Николай II читал русскую классику: Лермонтова, Гоголя, Толстого, Тургенева, Салтыкова-Щедрина, Лескова, Апухтина, Мельникова-Печерского, Данилевского, а также произведения Мережковского, Соловьева, Виктора Гюго, Метерлинка. Что же касается детективов (в основном это произведения А. Конан Дойля) и легкой литературы, то, как правило, Император читал их вслух вечером детям.

Теперь о духовной литературе. Действительно, Библия упоминается Государем в дневнике не часто. Правда, не два раза, как пишет Кураев, а четыре (11 марта, 13 марта, 19 апреля и 20 апреля 1918 года). Но Кураев совершенно не пишет о том, как читал Николай II Библию. Мы вынуждены сделать это за него. 11 марта Николай II пишет: «*На первой неделе начал читать Библию* ***с начала***»; 13 марта: «*Так как нельзя читать* ***все время*** *Библию, я начал так же…*» (далее идет название книги); 19 апреля: «*Продолжал чтение Библии*»; 20 апреля: «***По утрам и вечерам, как все эти дни здесь****, читал соответствующие Св. Евангелия вслух в спальне*»[1] (выделено нами — *П. М.*).

Какой вывод мы можем сделать из этих записей? Вывод один: Государь постоянно, ежедневно читал Священное Писание, причем как для себя лично, так и вслух для своей семьи. В Екатеринбурге чтение Библии становится ежедневным — два раза в день. Свидетельства об этом мы можем найти и в дневниках Императрицы: «*19 апреля. Н. читал Евангелие на сегодняшний день. Н. читал мне Иова. Мы все сидели вместе, а Н. и Е.С. (Боткин), сменяя друг друга, читали 12 Евангелий*»; «*21 апреля. Н. читал Евангелие*»; «*23 апреля. Н. читал нам Евангелие*»; «*24 апреля. Н. читал нам Евангелие*»; «*25 апреля. Н.,* ***как и ежедневно****, читал нам Евангелие*»; «*26 апреля. Н. читал нам Евангелие и отрывок из Библии на сегодняшний день»; «28 апреля. Н. читал нам отрывок из Евангелия»; «2 мая. Н. читал,* ***как обычно****, Евангелие, Деяния нам двоим*»[2] (выделено нами — *П.М.*).

Чтение духовной литературы было для Императора Николая II насущной потребностью и естественным состоянием души. Этим чтением он занимался постоянно в течение всей своей жизни, и поэтому он и говорит о нем редко, как о само собой разумеющемся явлении. Лишь по отдельным моментам воспоминаний мы можем судить, какие предвидения даровал ему Бог в последний год жизни. Все предсказания предыдущих лет, огненный шар над головой в детстве, «гатчинское письмо» монаха Авеля, письмо святого Серафима, два отшельника-молчальника, поклонившиеся ему в пояс в монастыре в 1916 году, — все становилось для Николая II как бы в одну

---

[1] Дневники Императора Николая II. С. 670, 676.

[2] Последние дневники Императрицы Александры Федоровны. С. 198–214.

логическую линию. Бывший губернатор Тобольска Н.А. Ордовский-Танаевский писал в своих воспоминаниях: «*Опишу то, что мне было известно по письмам Шуры, детей и иными путями о жизни в Тобольске Царственной Семьи, Мучеников! Как-то, уже 10-летний Алексей Берегрюк прибегает домой вечером в темноте, сидит у нас доктор Боткин. Алексей рассказывает:*

— Только что меня нагнал бывший начальник сыскного отделения и говорит: “Не знаете, когда приедет Его Превосходительство?” (имеется ввиду губернатор Ордовский-Танаевский — *П.М.*).

— Да вы шутите!

— Нет, нет. В Петербурге переворот. Воссстанавливается монархия. Едет Николай Александрович (губернатор — *П.М.*) *вызволять Царскую Семью. Услышал Бог молитвы верных сынов!*

— Я его уверил, что все это — слухи.

Боткин говорит:

— Конечно слухи, но радостные для мучеников. Вечером расскажу за чаем. Будет приятно услышать чаяния народа. Но если бы даже допустить чудо, Государь никогда не примет власть, и свое отречение за себя и за сына обратно не возьмет.

В следующее посещение Семьи доктор рассказал:

— Знаете, что вышло прошлый раз? Я рассказал. Вся Семья, кроме Наследника, была за чаем. Государыня и дочери приняли, как я и предполагал, сообщение как радостные чаяния народа. Государыня сказала: “Нам было известно еще в 1916 году настроения Тобольской губернии из доклада Губернатора, Николая Александровича”. Потом обернулась к Государю: “Ведь помнишь?” Молчание. Государь, облокотившись о стол, углубился в свои мысли. “Да, помню, — наконец сказал он. — Да, да, да, Николай Александрович вернется, но не скоро и не как губернатор, а глубоким старцем. Монахом. Империя будет, но нас всех не будет. И как все это верно!” Встал и медленно начал ходить. Я понял, что пора их покинуть».[1]

Нам не дано узнать, как пришли к Государю эти слова: повторял ли он чье-то пророчество (монаха Авеля, Серафима Саровского, монаха Кукши, Иоанна Кронштадтского, Распутина?) или озарение снизошло на него самого, но когда через десятки лет ставший архимандритом бывший губернатор Тобольска, глубокий 90-летний старик, приехал в Тобольск в составе православной духовной делегации, то пораженный свершившимся, он воскликнул: «*Государь стал провидцем*!»[2]

---

[1] *Ордовский-Танаевский Н.А.* Воспоминания: жизнеописание мое. Simbach-am-Caracas–Москва–СПб, 1948–1993. С. 468–469.

[2] *Ордовский-Танаевский Н.А.* Указ. соч. С. 468.

Еще большим предвиденьем стали самые известные слова Императора Николая II, переданные из Тобольска его старшей Дочерью Великой Княжной Ольгой Николаевной, которые звучат сегодня, как завещание для всех христиан мира: «*Отец просил передать всем тем, кто Ему остался предан, и тем, на кого они могут иметь влияние, чтобы они не мстили за Него, так как Он всех простил и за всех молится, и чтобы не мстили за себя, и чтобы помнили, что то зло, которое сейчас в мире, будет еще сильнее, но что не зло победит зло, а только любовь*».

27 марта 1918 года Государь принялся читать книгу С.А. Нилуса «Близ есть при дверех…». По этому поводу Государь записал в свой дневник: «*Вчера начал читать вслух книгу Нилуса об Антихристе, куда прибавлены "протоколы" евреев и масонов — весьма современное чтение*».[1]

Читая Нилуса, Государь не мог пройти мимо таких строк: «*Царствующие заслонены своими представителями, которые дурят, увлекают своей бесконтрольной и безответственной властью. Не имея доступа к своему народу, в саму его среду, Царствующие уже не могут сговориться с ним и укрепиться против властолюбцев. Разделенные нами зрячая царская сила и слепая сила народа потеряли всякое значение, ибо отдельно, как слепец без палки, они немощны*».[2]

С приходом к власти большевиков материальное положение Царской Семьи еще более ухудшилось. По приказу Ленина вся Семья была переведена на солдатский паек. На содержание Семьи, свиты и прислуги выделялось всего 4 000 рублей в месяц, что в условиях революционной инфляции было катастрофически маленькой суммой. При этом большевиками было ограничено число лиц, могущих прислуживать Царской Семье. Остальных пришлось уволить. Для того, чтобы уволенные не остались без средств к существованию, Государыня в течение трех месяцев из своих личных средств выплачивала им жалование, но так как отпускаемых денег не хватало, Царица приказала выплачивать оставшимся слугам две трети их жалования, а оставшиеся деньги передавала уволенным слугам.[3]

К концу 1917 года Царская Семья обжилась в Тобольске. Более того, ей нравился его здоровый сибирский климат. Уже 4/17 октября 1917 года Государь записал в своем дневнике: «*Было теплее, чем бывало иногда в Крыму в этот день. Ай да Тобольск!*»[4]

Император и Императрица часто страдали зубами, и им требовалась стоматологическая помощь. Одним из лучших врачей Тобольска была госпожа Рендель, по национальности еврейка. Государь часто отмечал в своих дневниках,

---

[1] Дневники Императора Николая II. С. 672.
[2] *Нилус С.А.* Близ есть при дверех… СПб.: Сатисъ, 2002. С. 130–131.
[3] *Мельник (Боткина) Т.* Указ. соч. С. 87.
[4] Дневники Императора Николая II. С. 654.

что Рендель лечила ему зубы. Интересно, что Рендель, под влиянием революционной пропаганды, была настроена крайне негативно к Николаю II. Однако после общения с Царем Рендель была настолько очарована им, что открыто говорила об этом и комиссару Панкратову, и Кобылинскому, чем вызывала немалое удивление последних.

В целом физическое здоровье Царской Семьи в Тобольске улучшилось, сказывался здоровый климат. Государь, обладавший железным здоровьем, привыкший к активному, спортивному образу жизни, и в Тобольске продолжал заниматься физическими упражнениями, которые ему заменили пилка и колка дров. С самого приезда Император устроил себе в саду висячий турник. Однако тяжелые моральные страдания за судьбы Родины сказались на внешнем облике Государя: он сильно поседел, лицо еще больше покрылось морщинами.

Государыня также сильно изменилась: она похудела и сделалась «*совсем седая*», как писала она Вырубовой.

Великие Княжны и Наследник, наоборот, повзрослели и оправились от тяжелой формы кори, которая была у них в Царском Селе. Однако к концу тобольского заточения Великие Княжны заболели легкой формой краснухи, которой они заразились от сына доктора Деревенько, а затем 30 марта у Цесаревича Алексея Николаевича случился тяжелый приступ его болезни — кровоизлияние в паху. «*У Алексея от кашля заболело в паху*, — записал Государь в своем дневнике, — *и он пролежал день*». 31 марта болезнь усилилась, и Император Николай II записывает: «*Он* (Алексей Николаевич — *П.М.*) *ночь совсем не спал и днем сильно страдал, бедный*».[1]

1 апреля состояние мальчика не улучшилось: «*Алексей пролежал весь день; боли продолжались, но с большими перерывами*».

Татьяна Мельник-Боткина писала: «*Вдруг слег Алексей Николаевич. Это было для всех большое несчастье, так как он очень страдал; у него появилось также внутреннее кровоизлияние от ушиба, уже так измучившее его в Спале. Страшно живой и веселый, он постоянно прыгал, скакал и устраивал очень бурные игры. Одна из них — катание вниз по ступенькам лестницы в деревянной лодке на полозьях, другая — какие-то импровизированные качели из бревен. Не знаю, во время которой из них, но Алексей Николаевич ушибся и опять слег*».[2]

Пьер Жильяр писал 2/15 апреля: «*Алексей Николаевич очень страдал вчера и сегодня. Это один из его сильных припадков гемофилии*».[3]

---

[1] Дневники Императора Николая II. 672–673.
[2] *Мельник (Боткина) Т.* Указ. соч. С. 90.
[3] *Жильяр П.* Указ. соч. С. 240.

Приступы продолжались и дальше, с небольшими перерывами. Наследник обессилел, лежал целыми днями в постели. В этот тяжелый для Царской Семьи момент в Тобольск приехал комиссар Яковлев.

Комиссар В.С. Панкратов и охрана Царской Семьи в Тобольске

Охрана заключенной Царской Семьи осуществлялась 330-ю солдатами и 7-ю офицерами, отобранными из 1-го, 2-го и 4-го гвардейских полков. Этот отряд назывался «Отрядом Особого Назначения». Позднее в Екатеринбурге дом Ипатьева, где будет заключена Царская Семья и где она примет мученическую смерть, также будет называться «Домом Особого Назначения». Это «совпадение» лишний раз свидетельствует о том, что у Временного правительства и правительства большевиков по отношению к Царской Семье существовали общие цели и задачи.

Многие из солдат охраны имели Георгиевские кресты.[1] Командовал охраной полковник Лейб-гвардии Петроградского полка Е.С. Кобылинский.
Из его письма комиссару Панкратову мы знаем некоторые фамилии офицеров Отряда Особого Назначения. Это капитан Аксюта и подпоручик Мундель.[2]

По мистическому стечению обстоятельств Кобылинский был дальний потомок Андрея Кобылы — предка Романовых.[3] В руках Кобылинского была сосредоточена вся полнота власти, местным властям он не подчинялся, эмиссаров Временного правительства в Тобольске пока еще не было. «*Первое время*, — пишет следователь Соколов, — *приблизительно месяца 1 $^{1}/_{2}$, было едва ли не лучшим в заключении Семьи. Жизнь сразу вошла в спокойное, ровное русло*».[4] Безусловно, что главной причиной этого спокойствия было отношение к Царской Семье полковника Кобылинского.

Судьба этого человека глубоко трагична. Герой Германской войны, Кобылинский был тяжело ранен под Лодзью, вернулся в строй, был вторично ранен и потерял боеспособность. Волею судьбы Кобылинский оказался в составе караула, несшего охрану арестованной Царской Семьи в Александровском дворце. Тем не менее несмотря на то, что он оказался в позорной для русского офицера роли тюремщика своего Царя, Кобылинский, по словам следователя Соколова, «*в исключительно трудном положении до конца проявил исключительную преданность Царю*».[5]

---

[1] *Платонов О.А.* История цареубийства. С. 223.
[2] ГАРФ, Ф.601, оп.2, д. 106
[3] *Botkin (Gleb).* Op. cit. P. 156.
[4] *Соколов Н.А.* Убийство Царской Семьи. С. 42.
[5] Там же. С. 50.

Кобылинскому приходилось очень тяжело. С одной стороны, он был проводником политики Временного правительства в отношении Царской Семьи, с другой — командиром все более наглевших солдат, с третьей — человеком, глубоко любившим Царскую Семью. Это последнее и стало тем главным фактором, которое определило всю его дальнейшую жизнь. Кобылинский пресекал хулиганские выходки отдельных солдат, препятствовал «революционным» инициативам прибывших комиссара Панкратова и его помощника Никольского, занимался поисками денег на содержание Царской Семьи, как мог пытался скрасить ее однообразную жизнь в заключении. В тяжелейших условиях Кобылинский сумел до конца сохранить контроль над ситуацией, и можно с уверенностью сказать, что пока Царская Семья была под его охраной, с ней бы не случилось ничего плохого. Все это стоило Кобылинскому огромных моральных усилий. В какой-то момент, после прихода к власти большевиков, перед лицом невероятных трудностей Кобылинский упал духом и обратился к Государю с просьбой его отпустить. Это случилось после того, как солдатский комитет постановил обязать Николая II, Наследника Цесаревича и всех офицеров снять погоны. Это было тягчайшим оскорблением для них. Государь записал в дневнике 8 апреля 1918 года: «*Кобылинский показал мне телеграмму из Москвы, в которой подтверждается постановление отрядного комитета о снятии мною и Алексеем погон! Поэтому я решил на прогулки их не надевать, а носить только дома. Этого свинства я им никогда не забуду!*»[1]

Кобылинский вспоминал: «*Все эти истории были мне тяжелы. Это была не жизнь, а сущий ад. Нервы были натянуты до крайности. (...) Когда солдаты вынесли постановление о снятии нами, офицерами, погон, я не выдержал. Я понял, что больше у меня нет власти, и почувствовал свое полное бессилие. Я пошел в дом и попросил Теглеву доложить Государю, что мне нужно его видеть. Государь принял меня в ее комнате. Я сказал ему: "Ваше Величество, власть ускользает из моих рук. С нас сняли погоны. Я не могу больше Вам быть полезным. Если вы мне разрешите, я хочу уйти. Нервы у меня совершенно растрепались. Я больше не могу". Государь обнял меня одной рукой. Он сказал мне: "Евгений Степанович, от себя, от жены и детей, я Вас прошу остаться. Вы видите, что мы все терпим. Надо и Вам потерпеть". Потом он обнял меня, и мы поцеловались. Я остался и решил терпеть*».[2]

Кобылинский был по-настоящему предан Царю и претерпел моральные, а потом и физические муки за эту верность. «*Что он выносит от них,* —

---

[1] Дневники Императора Николая II. С. 674.
[2] *Соколов Н.А.* Убийство Царской Семьи. С. 52.

говорил один старый солдат из охраны, знавший Кобылинского до революции, — как с ним обращаются, ругают прямо, а он терпит».[1]

«Я отдал Царю самое дорогое, что было у меня — свою честь», — скажет позже полковник Кобылинский.

Но именно ему, Кобылинскому, как мы увидим ниже, было суждено, будучи обманутым, передать его в руки большевиков.

После убийства Царской Семьи Кобылинский оказался отвергнут белогвардейским офицерством. Примечательно, что так называемое «белое воинство», состоявшее в основном из антимонархически настроенных людей и возглавляемое февральскими клятвопреступниками (такими, как Алексеев, Корнилов), не могло «простить» Кобылинскому «предательство» Царя! После разгрома белые не дали Кобылинскому возможности уехать заграницу, и он остался в Советской России. Тем не менее в 1920 году ему удалось уехать в Китай. В 1927 году его обманом выманили в СССР, где он был схвачен ГПУ и после истязаний расстрелян.

Доставленная в город Тобольск и помещенная в бывший губернаторский дом Царская Семья продолжала находиться на положении арестантов, хотя и при первоначальном внешним благополучии. Губернаторский дом был окружен выстроенным забором, вдоль которого постоянно прохаживались часовые. Макаров недолго пробыл в качестве комиссара Временного правительства. Вскоре он был сменен старым революционером В.С. Панкратовым. Панкратов был членом «Народной Воли», в свое время отсидел 14 лет в Шлиссельбургской крепости за убийство (он, будучи молодым человеком, убил полицейского, который, по собственным словам Панкратова, грубо обошелся с его возлюбленной). Освободившись, Панкратов проживал в Петербурге, где в 1912 году вступил в масонский орден «Великий Восток народов России».[2]

Свой приезд в Тобольск Панкратов ознаменовал выступлениями на множестве митингов, на которых произносил следующие речи: «*Посмотрите на меня! — восклицал он на высоких тонах, как истеричная женщина, — царь разрушил мою жизнь! Я никогда не совершал никаких преступлений. Все, что я сделал — убил агента полиции, потому что он грубо разговаривал с моей близкой подругой. Мне было тогда 18 лет. Но царь не знал жалости; он держал меня 12 лет в тюрьме, потом сослал в Сибирь».*[3]

Эти слова весьма характерны и свойственны морали «вечно воспаленных» борцов «за народное счастье». Для Панкратова убийство полицейского не есть преступление, это подвиг, а его за этот подвиг Царь посадил в тюрьму! То есть Панкратов являл собой очередной пример морального

---

[1] *Мельник (Боткина) Т.* Указ. соч. С. 78.
[2] *Старцев В.И.* Указ. соч. С. 99.
[3] *Botkin (Gleb).* Op. cit. P. 156.

уродства, которым оказалась заражена большая часть русского образованного общества.

Естественно, что странно было бы ожидать от подобного человека хорошего отношения к Царской Семье. Между тем имеется множество свидетельств, в том числе и людей, находившихся в тобольской ссылке вместе с Царской Семьей, в которых Панкратов предстает в положительном свете.

А.А. Теглева: «*Про Панкратова я должна по совести сказать, что он был человек по душе хороший. Он был социалист и был в ссылке где-то в Сибири. Он был человек добрый и сердечный. К Семье, в особенности к Княжнам, и особенно к Марии Николаевне, он относился хорошо. Панкратов проявлял заботу о Семье, как мог*».[1]

Е.Н. Эрсберг: «*Панкратов был хороший, честный, добрый человек. Он хорошо относился к Ним и, как заметно, жалел Их*».[2]

С. Гиббс: «*Панкратов был неплохой, но он был слабый. Панкратов не делал нам никаких стеснений*».[3]

П. Жильяр: «*Панкратов был сектантом, насквозь пропитанным гуманитарными началами: он не был дурным человеком*».[4]

Мы готовы согласиться с тем, что по житейским меркам Панкратов, может быть, и был «неплохим человеком». То есть он не был прирожденным злодеем типа Юровского. Но ведь и Юровский, как мы увидим, давал рекомендации, как надо перебинтовывать ногу больному Наследнику и справлялся о его здоровье, уже зная наперед, что в ближайшее время мальчик будет убит со своими родителями. Панкратов, конечно, не был Юровским. Это был слабый полуинтеллигент, человек с неустойчивой нервной системой, напичканный «гуманитарными началами». Но именно эти начала позволили ему в юности убить человека, и даже спустя десяток лет искренне не понимать, в чем была его вина. Кто даст гарантию, что когда этому человеку во имя тех же «начал» был бы отдан приказ убить Царскую Семью, то он бы этот приказ не выполнил? В личностном плане Панкратов был не злым и не добрым. Но именно такие люди являются прекрасными исполнителями чужих злодеяний.

К слову сказать, Государь и относился к Панкратову с иронией и называл его «маленьким человеком».[5]

Во всяком случае, объективные свидетельства не дают никаких данных для того, чтобы полагать, что Панкратов «любил Царскую Семью» и делал все для облегчения ее жизни. Все обстояло в точности наоборот.

---

[1] Русскiй Архивъ. С. 125.
[2] Там же. С. 140.
[3] Там же. С. 108.
[4] *Жильяр П.* Указ. соч. С. 230.
[5] Русскiй Архивъ. С. 108.

Это хорошо видно из дневников Государя о Панкратове за 1917–18 гг. «*5-го октября. В день именин Алексея не попали в церковь к обедне из-за упрямства г-на Панкратова*»; «*21-го ноября. Праздник Введения во храм пришлось провести без службы, потому что Панкратову неугодно было разрешить ее нам!*»; «*26-го декабря. На днях приехала Иза Буксгевден, но не допущена к нам по капризу Панкратова*!»

Государыня записала в своем дневнике за 23 сентября 1917 г.: «*Всенощная. Панкратов не разрешил монашкам пить чай ни в одном из этих двух домов*».[1]

Мы уже писали выше, что приезд Панкратова в Тобольск стал как раз причиной ужесточения режима содержания Царской Семьи. Именно Панкратов изменил этот режим, сделав его арестантским, и именно Панкратов не допустил перевода Августейших Узников для местожительства в Ивановский монастырь.

Панкратов в своих письмах постоянно докладывал Керенскому о том, как и почему он нарушает распоряжения Временного правительства об условиях содержания Царской Семьи. 30 сентября 1917 года он писал главе Временного правительства: «*В присланной мне бумаге от 15 сент. с/г предлагается разрешить б. царю и его семье загородные прогулки и посещение церкви. Последнее уже делается. Что касается прогулок, то в настоящее тревожное время и при отсутствии соответствующих средств передвижения — автомобилей или карет пришлось бы это делать при помощи извозчиков. Для этого потребуется целая кавалькада, так как и для стрелков тоже понадобятся извозчики, что слишком шумно и сложно. Так я отказал в этих загородных прогулках б. ц. (бывшему Царю — П. М.) который живёт с достаточными удобствами. Двор, где он и его семья гуляют, достаточно большой, воздуху более чем нужно. (...) Бывший царь просил моего разрешения допустить в качестве законоучителя к его младшей дочери священника Благовещенской церкви отца Алексея. Я ему ответил, что закон божий (так у Панкратова, с маленькой буквы — П. М.) может преподавать и госпожа Битнер, о которой я уже сообщал Министру Председателю. Бывший царь заявил, что для него это неприемлемо. Я же со своей стороны нашёл невозможным допускать священника, как законоучителя, мотивируя отказ тем, что всякие посторонние лица, посещающие помещение б. ц. осложняют обстановку. Преданный Панкратов*».[2]

Так, «преданный Панкратов» спешил похвалиться перед своими хозяевами о том, как он преуспел в издевательствах над арестованной Царской Семьёй.

---

[1] Последние дневники Императрицы Александры Федоровны. С. 90.
[2] ГАРФ. Ф. 601. оп.2. д.20. л. 3-4

Прибыв в Тобольск, Панкратов первым делом начал вести среди солдат «просветительные» речи. Понятно, что речи эти были направлены против Царя. Спрашивается: если Панкратов действовал, исходя из интересов Царской Семьи, то зачем он произносил подобные речи? Ведь именно под влиянием панкратовских речей солдаты стали настраиваться против Царской Семьи. «*Панкратов стал вести среди солдат охраны пропаганду крайних политических взглядов. С солдатами Государь и дети имели непосредственное общение, ходили в помещение охраны, играли с солдатами в лото. Теперь же солдаты с каждым днем становились грубее*» (А.А. Волков).[1]

Теглева вспоминает, что после появления Панкратова и Никольского «*солдаты стали распускаться. Это происходило из-за того, что Панкратов и Никольский "просвещали" их разговорами о политике*».[2]

Находясь в эмиграции, куда он сбежал от своих товарищей по революционной борьбе — большевиков, Панкратов написал книгу воспоминаний «С Царем в Тобольске». В этой книге бывший комиссар «Дома Свободы» излил всю свою «любовь» к Царской Семье. Она де была и плохо образована, и недалека, и скупа. Особенно отвратительно у Панкратова последнее утверждение. В качестве доказательства Панкратов приводит факт, когда он обратился к Царской Семье с просьбой о пожертвовании на нужды фронта. «*О скупости семьи Николая II,* — продолжает Панкратов, — *мне много приходилось слышать, но я не придавал этому значения и даже не верил. Но вот возвращают мне подписной лист, и на нем пожертвование всей бывшей царской семьи всего только триста рублей. Меня, признаться, поразила эта скупость. Семья в семь человек жертвует только 300 рублей, имея только в русских банках свыше ста миллионов*».[3]

Мы, конечно, не должны ни на секунду верить Панкратову и принимать за чистую монету его сведения. Может быть, Царская Семья давала 300 рублей на нужды фронта, может быть, давала больше, а может быть, такого факта не было вообще, никто к Царской Семье с такой просьбой не обращался и все это — выдумки Панкратова. (К слову сказать, ни в дневнике Государя, ни в дневнике Государыни это событие не упоминается.) Но примечательно другое: все это смел писать человек, ни дня не пробывший на фронте, в адрес Семьи, которая посвятила все свои силы и средства для победы русского оружия. Ведь с началом Міровой войны все свои средства Государь перевел в русские банки. После же революции эти средства Царской Семьи были взяты под контроль Временным правительст-

---

[1] *Волков А.А.* Указ. соч. С. 79.

[2] Русскій Архивъ. С. 125.

[3] *Панкратов В.С.* Указ. соч. С. 41–42.

вом. Царская Семья была фактически лишена своих сбережений. «*Фактически эти деньги были недоступны для Царской Семьи*, — писал Н. А. Соколов. — *Она жила на средства Правительства*».[1] Продукты закупались для Царской Семьи в долг. Повар Харитонов ходил к зажиточным людям Тобольска и просил в долг. Примечательно, что ни одному из этих зажиточных людей, обязанных, к слову сказать, своим богатством императорскому строю, а значит и Государю Императору, не пришла в голову мысль о безвозмездной помощи Царской Семье. «*Свершились позорнейшие для чести русского народа события: ходили по городу Тобольску и выпрашивали деньги у частных лиц на содержание Царской Семьи*, — писали очевидцы. — *Один из купцов дал денег под вексель, к великому бесчестью всех буржуазно-интеллигентных слоев русского общества, столь легко отказавшихся от святых исторических идеалов — придти бескорыстно на помощь своему Императору*».[2]

Кобылинский показывал на следствии: «*Деньги уходили, а пополнений мы не получали. Пришлось жить в кредит. Наконец, повар Харитонов стал мне говорить, что больше "не верят", что скоро и отпускать в кредит больше не будут*».[3]

Впоследствии Царская Семья была вынуждена отказаться от прислуги, многие из которой добровольно остались с нею.

В таких условиях даже триста рублей были для Царской Семьи значительной суммой. В свете всего вышеизложенного возникает вопрос: мог ли представитель правительства, кем являлся Панкратов, не знать об обстоятельствах финансового положения арестованной Царской Семьи? Конечно, нет. Он отлично знал о нем, но клеветал.

Эта клевета приобретает особо отвратительную форму, когда комиссар пишет о «скупости» Императрицы Александры Федоровны: «*Она не была скупа во всех случаях, нет. Известны ее пожертвования на германский Красный Крест уже во время войны. Известны ее дары Григорию Распутину. Да, Алиса была скупа для России. Она могла бы быть с людьми, которые готовы были жертвовать Россией*».[4]

Примечательно, что эти гнусности написаны Панкратовым уже после убийства Царской Семьи. Мы оставляем читателю самому судить, насколько комиссар Панкратов «любил» Царскую Семью и насколько это был «добрый и порядочный человек».

Вместе с Панкратовым в Тобольск прибыл и его помощник А.В. Никольский. Если о Панкратове общее мнение было скорее положительным, то о

---

[1] *Соколов Н.А.* Убийство Царской Семьи. С. 51.
[2] *В. и Л.* Указ. соч. С. 19.
[3] *Соколов Н.А.* Убийство Царской Семьи. С. 51.
[4] *Панкратов В.С.* Указ. соч. С. 42.

Никольском полностью отрицательным. Государь, который вообще всегда был очень сдержан в оценке людей, о Никольском оставил следующие записи в дневнике: «*Прибыл новый комиссар от Врем. Прав. Панкратов и поселился в свитском доме с помощником своим каким-то растрепанным прапорщиком. На вид — рабочий или бедный учитель*».[1] В другом месте Николай II называет Никольского «поганым».[2]

Лица близкие к Царской Семье также резко отрицательно отзывались о Никольском: «*Никольский был груб и непорядочен. (...) Не будь около нас Кобылинского, Никольский бы, пользуясь слабохарактерностью Панкратова, наделал бы нам много плохого*».

Е.Н. Эрсберг: «*Никольский был страшно грубый и недалекий. Он худо относился не только к Ним, но и к нам. Нам с разрешения правительства было прислано в ящиках из Царского лекарственное вино: "Сан-Рафаэль". Никольский, как увидал это, вскочил на ящики давай их рубить и все вино уничтожил*».

С. Гиббс: «*Никольский был грубый. Они его не любили*».

При этом во всех воспоминаниях приводится утверждение, что Никольский имел более сильную волю, чем Панкратов, и все антицарские выходки были его инициативой. «*Оба они, Панкратов и Никольский, были ссыльные и были партийные люди*, — вспоминала Эрсберг. — *Никольский, кажется, был с более сильным характером, чем Панкратов. Вероятно, он влиял на него, и они стали читать солдатам "лекции". После этого солдаты стали разлагаться, и худые из них стали вести себя хуже с нами*».

Думается, что версия «о добром и мягком Панкратове» и «злом Никольском» есть не что иное, как реализация преднамеренного плана тех сил, которые послали в качестве надсмотрщиков Панкратова с Никольским. «Мягкий и добрый» Панкратов должен был специально играть свою роль, так же как и Никольский. Первый, притесняя Царскую семью, всякий раз мог развести руками и сослаться на «злого» Никольского, «недовольных солдат», гнев народа и прочее, а Никольский должен был продемонстрировать, как революционное правительство строго стережет «тирана». То есть повторялся спектакль с «добрым» Керенским, который ничего не мог поделать со «злым» Чхеидзе. Но эти спектакли вовсе не отрицают того факта, что и Панкратов, и Никольский понастоящему не любили Царскую Семью и желали ей зла. Политика Панкратова и Никольского по отношению к Царской Семье была политикой Временного правительства и стоявших за ним сил — она заключалась во всяческом мучительстве, учиняемом над Царственными Узниками.

Отношения между Царской Семьей и солдатами охраны было неоднозначными. Солдаты, по словам Теглевой, «*разделялись на две партии. Одна*

---

[1] Дневники Императора Николая II. С. 651.
[2] Там же. С. 653.

партия относилась к Семье хорошо, другая худо. Когда дежурили хорошие солдаты, Государь ходил к ним в караульное помещение, где помещались дежурные солдаты, разговаривал с ними, играл в шашки. Ходил туда к ним и Алексей Николаевич, и Княжны тоже ходили с Государем. Плохие — хулигальничали. Однажды они вырезали какие-то нехорошие слова на доске качелей, которыми пользовались Княжны. Однажды они перерыли широчайшей канавой ледяную гору, которую собственноручно делала Августейшая Семья при помощи свиты и прислуги. Этим они лишили ее, в сущности, единственного развлечения на воздухе».[1]

Но даже многие солдаты, настроенные против Николая II, под влиянием его личности меняли свое отношению к нему. В. Криворотов в своем романе «*На страшном пути до Уральской Голгофы*» приводит один разговор, состоявшийся между Императором Николаем II и одним унтер-офицером отряда. Вообще, мы стараемся не приводить цитаты из художественных произведений в качестве тех или иных доказательств. Но с Криворотовым дело обстоит несколько иначе. Его книгу трудно назвать чисто художественным произведением. Скорее, это историческое повествование, облеченное в некоторую художественную форму. Все факты, приводимые Криворотовым, имеют реальную историческую основу. Поэтому мы и осмеливаемся процитировать этого автора. Так как у Криворотова этот разговор довольно длинен, то мы изложим его собственными словами. Однажды Государь с Цесаревичем и двумя Великими Княжнами, Марией и Анастасией, зашел в караульное помещение и поприветствовал солдат. Солдаты ответили на его приветствие, а один унтер-офицер —разводящий по фамилии Челябин — его проигнорировал. Государь заинтересовался этим унтер-офицером и принялся с ним разговаривать. Тот сначала отвечал Царю враждебно, называя «гражданин Романов». Выяснилось, что этот унтер-офицер из студентов, был призван Временным правительством в армию, прошел какие-то учебные курсы и произведен в унтер-офицеры. Он рассматривался новой властью как благонадежный элемент, способный влиять на солдатскую массу в нужном для нее русле. В ходе беседы выяснилось, что его родители были учителями гимназии и убежденными монархистами. Своим умным и спокойным разговором Государь полностью обезоружил собеседника: тот был смущен и растроган. Закончился разговор тем, что Челябин, прощаясь с Государем, вытянулся в струнку и называл Императора не иначе, как «Ваше Императорское Величество».[2]

Находясь в заключении под охранной солдат, Царь и Царица попрежнему воспринимали их, как своих солдат, которых они всегда любили и о которых заботились. «*Во время чая — до 5 час. — пошли с Аликс в караульное помещение*, — читаем мы в дневнике Государя за 24-е декабря

---

[1] Русскій Архивъ. С. 124.
[2] *Криворотов В.* Указ. соч. С. 124–126.

1917 года, — *и устроили елку для 1-го взвода 4-го полка. Посидели со стрелками, со всеми сменами до 5 $^{1}/_{2}$».*[1]

Примечательно, что отношение к Царской Семье среди солдат определялось, как правило, длительностью их пребывания на фронте. Вопреки бесконечной лжи о «ненависти солдатской массы к Царю, который заставлял ее гнить в окопах», старослужащие уважительно и даже любовно относились к личности Государя Императора. И наоборот, дезертиры и молодежь, не побывавшая на фронте или побывавшая очень мало, относились к Императору с враждой и неприязнью. В этой связи примечательна сцена, произошедшая возле «Дома Свободы» между старым солдатом-часовым и молодым нижним чином, описанная бывшим губернатором Тобольска Н.А. Ордовским-Танаевским со слов своего сына Всеволода: «*Проходя мимо Дома Свободы, Всеволод замедлил шаги, может, пошлет Бог счастье увидеть если не Государя, то хотя кого-либо из Них. По другой стороне, вдоль дома, за забором идет пожилой часовой. Всеволода обгоняет красноармеец из вновь прибывших с фронта.*

— Товарищ! Эй, товарищ! Покажи мне Николку Кровавого!

Ответ часового и жест винтовкой выразительный:

— Я тебе не товарищ, трус, сбежал с фронта? Счастье твое, что стоишь далеко. Я бы показал тебе Николку, даже Кровавого! Здесь бывший Император, ныне полковник Николай Александрович Романов и его Семья! От таких сволочей, как ты, мы их и охраняем! Кого он окровавил? Кровавите вот такие, как ты. Беги мимо — застрелю!»[2]

Один стрелок 1-го полка особенно хорошо относился к Царской Семье, старался, как мог, облегчить ей ее жизнь в неволе. Когда истек срок службы, этот стрелок не хотел покидать Царя, считая, что его долг и дальше служить ему. Но молодые солдаты не дали этому стрелку остаться.[3]

Естественно, что революционные власти стремились в первую очередь отдалить от Царя именно старых, верных ему солдат. В январе 1918 года большевики отправили их по домам. Уходившие солдаты потихоньку шли в кабинет к Государю, прощались с ним и лобызались.

«*Во время утренней прогулки* — писал Николай II в дневнике, — *прощались с уходящими на родину лучшими нашими знакомыми стрелками. Они очень неохотно уезжают теперь зимой и с удовольствием остались бы до открытия навигации*».[4]

---

[1] Дневники Императора Николая II. С. 662.

[2] *Ордовский-Танаевский Н.А.* Указ. соч. С. 469.

[3] *Соколов Н.А.* Убийство Царской Семьи. С. 48.

[4] Дневники Императора Николая II. С. 666.

Провожая этих солдат, Государь и Государыня поднялись на ледяную горку и долго смотрели вслед уходящим. Сразу же после этого оставшиеся молодые солдаты срыли горку.

Как мы уже говорили, отношение солдат к Царской Семье стало меняться в худшую сторону с момента приезда в Тобольск Панкратова и Никольского. Панкратов был поражен, когда увидел, как запросто общается Государь с солдатами, играет с ними в шашки, шутит и так далее. Естественно, что все это не устраивало Панкратова. Именно в результате его «просветительских» бесед с солдатами стали происходить все бесчинства и хулиганские выходки с их стороны в отношении Царской Семьи. Образовавшийся солдатский комитет, состоявший именно из молодых солдат и дезертиров, все больше брал власть в свои руки.

Один раз Государь надел черкеску, на которой у него был кинжал. Солдаты увидели этот кинжал и стали требовать у Кобылинского провести обыск у членов Царской Семьи на наличие у них оружия. Кобылинскому с трудом удалось убедить солдат не делать обыска.

В другой раз солдат Дорофеев, присутствующий на богослужении в качестве наблюдателя за Царской Семьей, поднял скандал на основании того, что дьякон упомянул во время службы «Святую Царицу Александру». По своему невежеству Дорофеев решил, что речь идет об Императрице Александре Федоровне.

После того, как о. Алексей Васильев упомянул имена Их Величеств с полным титулом, солдаты запретили Царской Семье ходить в храм, а самого священника хотели убить.

Солдатский комитет безо всякого повода выселил прислугу из отдельного дома купца Корнилова и поселил ее вместе с Царской Семьей, создав Ей дополнительные неудобства.

Раздражение солдат особенно усилилось, когда большевики перестали платить им жалование. Это раздражение перекинулось на Царскую Семью, которая воспринималась главной виновницей солдатских неустройств, и Кобылинскому все труднее приходилось его сдерживать.

Но, несмотря на все свои бесчинства, солдаты не имели никаких законченных злонамеренных целей в отношении Царской Семьи. Более того, несмотря на всю свою внешнею злобу, они не решались открыто не подчиняться Кобылинскому. Даже когда по их решению после большевистского переворота комиссар Временного правительства Панкратов и его помощник Никольский были изгнаны солдатами, Кобылинский остался и продолжал командовать отрядом, хотя никакой легитимной власти у него больше не было.

Солдаты отряда при всей нелепости подобной ситуации осознавали себя зависимыми от тех, кого они содержали под стражей. Во-первых, сол-

даты считали, что пока Царская Семья находится в их руках, это является лучшей гарантией, что им выплатят жалование. Во-вторых, подспудно солдаты, при всей своей распропагандированности и серости, не были убежденными большевиками, они сами по себе не хотели зла Царской Семье, тем более не хотели ее убийства. В начале 1918 года еще было совершенно неясно, куда качнется маятник истории. Опять-таки подспудно солдаты боялись ответственности, если с Царской Семьей что-нибудь случится. Эти обстоятельства и стали главной причиной того, что солдаты являлись главным препятствием для большевиков в их планах по вывозу Царской Семьи из Тобольска.

Глава 4
Попытки освободить Царскую Семью: миф или реальность?

Поспешный вывоз Императора Николая II и его Семьи из Тобольска большевики объясняли наличием «белогвардейского заговора», ставившего своей целью освобождение Царя. В эмиграции многие русские монархисты уверяли, что ими предпринимались неоднократные попытки вырвать Царскую Семью из рук большевиков. При этом и большевики, и белые обвиняли друг друга в связях с заграничными силами, якобы пытавшимися освободить Царскую Семью. Ниже мы рассмотрим, существовали ли подобные попытки и насколько реальны они были. Для этого мы проанализируем несколько возможных версий, связанных с предполагаемыми планами освобождения Императора, которые могли бы заставить большевиков вывезти Царскую Семью в Екатеринбург.

Версия первая
Стремление кайзера Вильгельма II спасти Царскую Семью

Первой вероятной причиной вывоза Царской Семьи из Тобольска могло быть личное стремление кайзера Вильгельма II спасти Императора Николая II и его Семью, которые, хотя и стали из-за войны врагами Германии, все же были его родственниками. Английский автор Энтони Саммерс в своей книге «Досье на Царя» приводит слова Вильгельма II, сказанные им в 1935 году, уже в изгнании, английскому генералу Уотерсу: «*Я отдал приказ своему канцлеру попытаться установить контакт с правительством Керенского и сообщить ему, что в случае, если даже волос упадет с головы русского Императора, я возложу всю вину на него*».[1]

Неизвестно, как реагировал Керенский на грозные слова кайзера, скорее всего никак, ибо от немцев не зависел. Но вот пришедшие в октябре 1918 года к власти большевики от немцев зависели очень сильно. Вильгельму II не доставляло никакого труда отдать ясный и прямой приказ на выдачу ему Царской Семьи. Большевики не смогли бы ему в этом отказать. Ничего подобного ни кайзер, ни германское руководство не сделали. Более того, германцы отвергали любые попытки монархистов вмешаться в дело спасения Царской Семьи. Генерал А.А. Мосолов, один из тех, кто пы-

---

[1] *Summers (Anthony), Mangold (Tom).* Le dossier Romanov Albin Michel. Paris, 1980. P. 278.

тался добиться спасения Царской Семьи, вспоминал: «*Нашей единственной мыслью было спасти Государя и его Семью. Я знал, что Государь не согласиться променять заточение у большевиков на плен в Германии. Чтобы уточнить создавшееся положение, я написал Вильгельму II письмо, которое передал графу Альвенслебену, причисленному к особе гетмана. Граф должен был в тот же день выехать в германскую главную квартиру. В этом письме я просил германского императора заверить Государя, что ему и его Семье будет дан свободный пропуск до Крыма, где он не будет считаться военнопленным Германии. Можно себе представить, с каким лихорадочным нетерпением ждали мы возвращения графа Альвенслебена.*

Приехав обратно в Киев, он не подал мне ни одного признака жизни. Тогда я сам пошел к нему. Граф Альвенслебен сконфуженно объяснил, что кайзер не мог дать никакого ответа, не посоветовавшись со своими министрами. Он рекомендовал мне повидать графа Мумма, дипломатического представителя Германии при гетмане. Граф Мумм категорически отказался помогать нам. По его словам, он был поражен, узнав, что военная власть нам обещала свою помощь. Впредь мы не должны рассчитывать на помощь Германии.

В течение двух часов я делал всяческие усилия переубедить его. На мое предложение еще раз обратиться к императору Вильгельму Мумм дал мне понять, что в данное время мнение кайзера в делах иностранной политики уже не имеет прежнего значения, и не соглашался с тем, что для Германии важен вопрос о спасении Царя».[1]

Представитель германского командования при посольстве в Москве, майор Ботмер, писал в своем дневнике, что монархисты буквально не давали прохода немецким дипломатам и военным, стремясь «*излить сердце*» и уговорить Германию «*ввести в игру немецкие штыки*», так же как это было сделано на Украине.[2] Но немцы оставались глухи к их мольбам. Они в первое время рассматривали большевиков исключительно как своих ставленников и помогать собирались только им. Прибывший в Москву 4 апреля 1918 года новый немецкий посол граф В. фон Мирбах докладывал рейхсканцлеру Гертлингу, что среди представителей старого режима «*большей частью господствует представление, будто произведенные за последние годы во всех областях огромные разрушения как бы одним взмахом волшебной палочки могут быть вдруг восстановлены вместе с реставрацией старого режима. Особенно сильное смятение царит в умах буржуазных русских кругов, которые совершенно неправильно воспринимают характер нашей миссии, большин-*

---

[1] *Мосолов А.А., генерал.* При дворе последнего Императора. СПб.: Наука, 1992. С. 246–247.

[2] *Иоффе Г.З.* Крах Российской монархической контрреволюции. С. 108.

ство из них рассматривает нас как своих союзников в борьбе против большевиков».[1]

Все доклады Мирбаха внимательно изучались высшим германским руководством и лично императором Вильгельмом II. Поля этих донесений насчитывали не одну помету монарха, и ни в одной из них последний не высказал никакого неприятия большевиков или их внутренней политики. Единственно, чем был обеспокоен кайзер, так это тем, удержатся или нет большевики у власти. Нет в этих пометах и ни одного упоминания о Царской Семье, а ведь Мирбах делал свои доклады в течение апреля-июня месяца, то есть в самом конце ее тобольского и начале екатеринбургского заточения.

Правда, династия Гогенцоллернов в Германии хотя и была правящей, но не единственной. Многочисленные представители королевских и курфюрстских родов могли относиться с большим сочувствием к свергнутой Царской Семье и пытаться организовать ей посильную помощь своими силами. Особенно это было возможно со стороны великого герцога Эрнста-Людвига Гессен-Дармштадтского, который являлся родным братом Императрицы Александры Федоровны.

Никаких иных достоверных и доказанных фактов, свидетельствующих о реальных попытках германских военных спасти Царскую Семью, на сегодняшний день не имеется. Таким образом, планы спасения Царской Семьи со стороны некой германской третьей силы можно предположить лишь гипотетически, хотя отрицать их полностью невозможно.

В 1918 году, после убийства Царской Семьи, генерал Леонтьев, бывший командир 85-го Выборгского полка, носившего до войны 1914 года имя германского императора Вильгельма II, писал кайзеру в открытом письме: «*Скажите, Ваше Величество, что Вы сделали для спасения этой семьи? Ведь не может быть сомнения, что если бы Вы только захотели, одного слова Вашего Мирбаха было достаточно, чтобы семья бывшего Царя охранялась большевиками пуще своего глаза, ибо ведь собственная жизнь для большевистских главарей тоже дорога. И где же могли бы они надеяться получить спасение в недалеком будущем, как не под Вашей защитой, на Вашей земле? Вы могли спасти и не спасли!*

Вы не только не спасли гибнущих, но с Ваших уст не слетело и ни одного слова протеста или осуждения!

Ни Вы, ни Ваши министры, ни ваши послы не нашли в своем немецком лексиконе подходящих выражений. Вы на веки связали свое имя с именами представителей позорнейшего периода русской истории — Лениным и Троцким».[2]

Конечно, обвинения Вильгельма II в личном стремлении к убийству Царской Семьи или даже в подготовке такого убийства не имеют под собой ни-

[1] Вопросы истории. №9. М., 1971. С. 123.
[2] *Леонтьев, генерал*. Открытое письмо Императору Вильгельму. Paris, 1918.

каких доказательств. Тем более что Вильгельм II к началу 1918 года сам уже не обладал всей полнотой власти. Во всяком случае кайзер в изгнании пытался оправдаться в обвинениях в потворстве екатеринбургскому злодеянию и писал: «*На моих руках нет крови несчастного Царя*».[1]

Однако эти слова являются неправдой, даже если Вильгельм II и верил в их искренность. 15 марта 1918 года датский король Христиан X телеграфировал императору Вильгельму с просьбой вмешаться в разрешение судьбы низвергнутого монарха и его Семьи. «*Можешь ли ты что-либо сделать, чтобы облегчить судьбу этих таких близких мне людей?*» — спрашивал в телеграмме датский король. Вильгельм II ответил немедленно. По словам германского императора, он понимает озабоченность короля Христиана судьбой «этой такой близкой ему Царской Семьи», и хотя он, кайзер, и его народ страдают от несправедливости некогда благожелательной России, ему бы хотелось обеспечить Царской Семье более достойное и надежное будущее. Однако тут же Вильгельм II указывает, что соображения реальной политики отодвигают соображения о человеколюбии. Его, Вильгельма, вмешательство невозможно, ибо оно может быть истолковано как стремление восстановить Романовых, что в данный момент нежелательно для Германии.[2] Кайзер предлагал датскому королю направить общее обращение скандинавских королей советскому правительству. Таким образом, германский император сознательно обрекал Царскую Семью на полную зависимость от большевиков. «*Конечно, шла игра*, — пишет датский историк Бент Енсен. — *Вильгельм явно уклонялся от участия в помощи царской семье. Это было связано, вероятно, и с тем, что он опасался реакции немецких социалистических партий на вмешательство в защиту русского царя. Идея кайзера о чисто гуманитарных призывах (если он вообще всерьез так думал, а не использовал это как повод не предпринимать что-либо самому) показывает, что он не имел никакого понятия о том, что за люди были в Кремле. <...> Датский король был разочарован уклончивым ответом Вильгельма. Если уж Германия не желала оказать давления на большевиков, то никто не мог бы этого сделать*».[3]

Германский министр иностранных дел К. Ягов в 1935 году писал, что немецкая дипломатия устранилась от вопроса о судьбе бывшего Царя, и все ее усилия ограничились лишь несколькими строго официальными представлениями о «принцессах германской крови». На эти запросы приходили успокоительные ответы наркома Чичерина, и германская сторона не очень стремилась к большей определенности.[4]

Современное уголовное право, определяя понятие вины и умысла, среди прочего говорит о том, что вина за совершенное преступление наступа-

---

[1] *Summers*. Op. cit.
[2] *Енсен Б.* Среди цареубийц. М., 2001. С. 69.
[3] Там же. С. 70.
[4] *Иоффе Г.З.* Революция и судьба Романовых. С. 140.

ет тогда, когда виновное лицо не знало о готовящемся преступлении, но могло и должно было его предвидеть. В таком случае умысел в совершении преступления виновного лица является косвенным. Эта норма уголовного права в деле об убийстве Царской Семьи полностью относится к Вильгельму II, на котором лежит огромная моральная ответственность за это злодеяние. Говоря сегодняшним юридическим языком, его действия могут квалифицироваться как оставление в опасности и косвенное соучастие в преступлении. Таким образом, Божьей милостью германский император, повелитель могущественной страны, родственник Императора Николая II и Императрицы Александры Федоровны, человек, столь много заверявший Царя в своей личной дружбе, разрешил своему правительству войти в контакт с самыми темными силами мировой истории, оказал им покровительство и помощь в разрушении России, позволял им мучить и держать в темнице Царскую Семью, ничего не сделал для ее спасения и, в конечном счете, став игрушкой в руках этой силы, погубил не только Царя и Россию, но и собственную страну. Леонтьев абсолютно прав, когда обвиняет императора Вильгельма в том, что после 17 июля 1918 года с его уст не слетело ни одного обвинения в адрес большевиков, не говоря уже о стремлении их покарать. Наоборот, в своем последнем выступлении перед рабочими завода Круппа 11 сентября 1918 года Вильгельм II так отозвался о большевистском режиме: «*Вы читали, что произошло в Москве: огромный английский заговор против нынешнего русского правительства.*[1] *Демократический английский народ, управляемый парламентом, пробовал свергнуть ультра-демократическое правительство, которое русский народ признал, так как оно, это правительство, взяло за основу интересы своей родины, добилось мира, к которому оно призывало, между тем, как англосаксы не хотят еще мира*».[2]

Напомним, что эти слова были сказаны германским императором спустя три месяца после злодейского убийства Царской Семьи.

Версия вторая
Стремление германского политического руководства восстановить в России монархию и желание германских правящих кругов использовать Царскую Семью в своих политических целях

Второй версией может быть наличие у германского руководства в отношении Царской Семьи целей политического характера. Немцы понимали, что заключенный с большевиками зимой 1918 года Брестский мир не принес им желаемого результата. Они понимали, что большевики — это не русское правительство и что брест-литовский пакт есть в глазах всего мира пустая бумажка. Зинаида Гиппиус довольно точно почувствовала эти герман-

---

[1] Имеется в виду т. н. «заговор Локкарта» против большевиков.
[2] Les discours de Guillaume II pendant la guerre. Paris, 1918. P. 48.

ские устремления. В своем дневнике за 14 апреля 1918 года она писала: *«Мирбах не очень доволен “услуживающими”* (т.е. большевиками – *П.М.*); *он понимает, что они — не Россия; Германии хочется другого. Услуживающие по мановению германского пальца разорвали с союзниками окончательно и готовы на дальнейшие знаки преданности. А Германии мало. Мирбах уже закидывает удочки, обещая всякой приличной части России помочь создать власть, растерев большевиков в порошок, лишь бы только эта власть их и Брестский мир признавала. Даже в Брестском мире обещают уступочки! Но с большевиками им чрезвычайно неуютно»*.[1]

Нужно было каким-то образом легализовать в глазах русского народа и мирового сообщества брестский сговор с большевиками. Эту легализацию могла обеспечить только законная русская власть, то есть Царь.

Но немцы прекрасно знали непримиримую позицию Государя Николая II по вопросу Брестского мира. Знали они также, что Государь считал для России жизненно важным победоносное завершение войны. Того же мнения придерживалась и Государыня. В своем письме Вырубовой от 2/15 марта 1918 года она писала: «*Боже, как родина страдает! Знаешь, я гораздо сильнее и нежнее Тебя ее люблю. Бедная родина, измучали внутри, а немцы искалечили снаружи, отдали громадный кусок, как во времена Алексея Михайловича, и без боя во время революции. Если они будут делать порядок в нашей стране, что может обиднее и унизительнее, чем быть обязанным врагу — Боже спаси. Только они не смели бы разговаривать с Папой и Мамой* (т.е. с Императором и Императрицей – *П. М.*)».[2]

Поэтому восстановление на престоле Императора Николая II было для немцев неприемлемым. Хотя имеются сведения, что немцы не оставляли надежду договориться с Государем и убедить его пойти на сепаратное соглашение с Германией, шантажируя его угрозой гибели его Семьи. Издаваемый русскими монархистами журнал «Двуглавый орел» писал в 1927 году: «*Незадолго до ужасного конца Государя ожидало великое испытание, испытание соблазном спастись изменою Родине. В Тобольск два раза приезжали под видом организации Красного Креста члены германской миссии и предлагали Государю подписать договор о сепаратном соглашении с Германией, обещая за это спасение Его и всей Его Семьи. Кто другой устоял бы перед таким соблазном?! “Скорее отрежут мне руку, чем подпишу позор России”, — отвечал Государь*».[3]

---

[1] *Гиппиус З.* Живые лица. Воспоминания. Т. 3–4. Тбилиси: Мерани, 1991. С. 363.
[2] Письма Святых Царственных Мучеников. С. 259.
[3] Двуглавый орел. Вестник Высшего Монархического Совета. Париж. №11. 1927, 15 (28) августа. С. 5.

Другое дело, если бы на престоле оказался малолетний сын Николая II Цесаревич Алексей Николаевич. Сформированное вокруг него прогерманское правительство стало бы лучшим гарантом соблюдения германских интересов в России. Н.А. Соколов считал, что именно так и воспринимал Государь причины его увоза из Тобольска: «*Наблюдая из своего заключения ход событий в России и считая главарей большевизма платными агентами немцев, Царь думал, что немцы, желая создать нужный им самим порядок в России, чтобы, пользуясь ее ресурсами, продолжать борьбу с союзниками, хотят через него дать возможность его сыну воспринять власть и путем измены перед союзниками заключить с ними соглашение. Такова была его мысль. Я думаю, что для всякого, кто пожелает вспомнить, в каких условиях произошел самый большевистский переворот в России, кто пожелает вспомнить, что весной 1918 года на ее территории гремели еще немецкие пушки, а генерал Гоффман угрожал Петрограду, — мысль Царя родит не насмешку, а вызовет к себе серьезное отношение*».[1]

Кстати, эти устремления немцев в пользу Алексея Николаевича подтверждает Р. Вильтон: «*Меры к восстановлению царской власти были приняты скоро после заключения Брест-Литовского договора; в апреле Свердлову было поручено устроить возвращение Государя и Цесаревича Алексея в Москву. Чтобы народ принял восстановление Династии, требовалось облечь таковое в торжественную обстановку. Кандидатом германцев был юный Алексей, который был бы более податлив их влиянию*».[2]

В пользу этого утверждения говорят и некоторые советские источники. Так, журнал «Красная Нива» в 1927 году называл автором возведения на престол Наследника Цесаревича при регентстве великого князя Павла Александровича генерала фон Гоффмана: «*Гоффман,* — писала «Красная Нива», — *ведя с нами переговоры, разрабатывал план реставрации монархии в России. Проект свержения советского правительства заключался в движении немецких войск на Смоленск–Москву–Петроград, причем с занятием этих пунктов предполагалось возведение на трон царевича при регентстве великого князя Павла Александровича, с которым немецкое командование находилось в постоянных сношениях. Этот замысел Гоффмана совпадал с планом Людендорфа, подготовившего короткий удар на Петроград*».[3]

Эти строки подтверждаются заметкой в газете «Вечерний час» от 29 ноября 1917 года. В этой заметке говорится, что бывший Великий Князь Павел Александрович был задержан петроградским военно-революционным комитетом и доставлен в Смольный. В Смольном Великий Князь провел четыре дня

---

[1] *Соколов Н.А.* Убийство Царской Семьи. С. 72–73

[2] *Вильтон Р.* Последние дни Романовых. М., 1999.

[3] Красная Нива. № 31. 1927. С. 20.

и был затем отпущен. «*Как рассказывает один из постоянных посетителей Смольного,* — говорилось в заметке, — *б. вел. кн. за все время пребывания своего в Смольном пользовался не только исключительным вниманием, но и особенным, странным для того места почетом. Его все без исключения, начиная с главы народных комиссаров Ленина, называли не иначе как "ваше императорское высочество". В распоряжении б. вел. кн. был свой штат, ему было предоставлено лучшее в Смольном помещение и подавалась лучшая пища. Ни о каких допросах не было и речи. В самой почтительной форме главари большевиков испрашивали у него аудиенции, причем аудиенции эти носили строго конституционный характер и продолжались очень долго. Павел Александрович не был лишен свободы, и из Смольного несколько раз выезжал, причем ему подавался лучший из автомобилей или великолепный открытый экипаж*».[1]

С.П. Мельгунов пишет, что «*слухи о подготовляющейся реставрации были распространены повсюду в самых разнообразных кругах <...> Даже в большевистских концепциях монархическая реставрация становилась выходом из тогдашнего критического положения, в которое попала новая власть. Ей самой казалось, что она находится почти в тупике, и подчас вожди в интимных беседах не скрывали своего разочарования и своего пессимизма в будущем. Мой современник, подневными записями которого я пользуюсь постоянно для характеристики настроений эпохи революции, занес в свою летопись не сплетни, не стоустую молву, а подлинные разговоры близких Ленину людей о целесообразности, в случае необходимости со стороны большевиков сдачи власти, восстановления в России монархии. Такая запись моим современником сделана в Москве 2-го декабря. А за несколько дней перед этим в дневник занесены слова знаменитого теоретика анархизма Кропоткина, что он слышал, что "большевики собираются посадить Алексея, а регентом Генриха Прусского"*».[2]

Зинаида Гиппиус приводит следующий эпизод: «*1917, ноября 18. Сегодня в крепости Манухин при комиссаре Подвойском разговаривал с матросами и солдатами. Матрос прямо заявил:*

— А мы уж Царя хотим.

— Матрос! — воскликнул бедный Ив. Ив. — Да вы за какой список голосовали?

— За четвертый (большевистский).

— Так как же??..

Солдат невинно подтвердил:

— Конечно, мы Царя хотим…

---

[1] Царь-Колокол. №1. 1990.

[2] *Мельгунов С.П.* Судьба Императора Николая II после отречения. С. 298–299.

И когда начальствующий большевик крупно стал ругаться — солдат вдруг удивился с прежней невинностью:

— А мы думали, вы это одобрите...»[1]

Естественно, что слова «царя хотим», которые произнес этот матрос, отражали не просто его личные настроения, но и определенные настроения в большевистской верхушке. Недаром солдат говорит с удивлением: «*А мы думали, вы это одобрите*».

Здесь необходимо отметить, что надежда представителей русских монархических кругов и правой интеллигенции на то, что большевики могут восстановить монархию, свидетельствовала об их полном непонимании происходящего. В этой связи замечательно предвидение одного из идеологов черносотенства, Б.В. Никольского, который тоже полагал, что большевики приведут Россию к монархии: «*Царствовавшая династия кончена*, — писал он. — *Та монархия, к которой мы летим, должна быть цесаризмом, т.е. таким же отрицанием монархической идеи, как революция. До настоящей же монархии, неизбежной, благодатной и воскресной далеко, и путь наш тернист, ужасен и мучителен, а наша ночь так темна, что утра мне даже не снится*».[2]

Безусловно, что среди германского руководства не было единого мнения по поводу возможности восстановления царского престола в России. В первую очередь это касалось военных. П.Н. Милюков писал в 1920 году: «*В самой Германии не было единства по этим основным вопросам* (т. е. вопросам будущего русской государственности – *П.М.*). *Большинство в рейхстаге не шло навстречу русским требованиям и, защищая немецкие требования, конечно тем самым желало опираться на большевиков. Меньшинство, т.е. военная партия, смотрело на эти вопросы иначе, и, быть может, его точка зрения могла быть соглашена с русской. Но восторжествовала у них первая*».[3]

В 1920 году следователь Соколов допросил в Париже бывшего офицера Генерального Штаба Б.В. Свистунова. Свистунов в 1918 году был направлен в командировку в Берлин правительством гетмана Скоропадского. Скорее всего командировка эта была связана с разведзаданием. Свистунов прожил целый год в Берлине до 1920 года и общался с высокопоставленными немецкими политиками. Далее в своих показаниях Свистунов сообщал: «*После Брест-Литовского мира, в котором сами немцы вовсе не видели чего-либо постоянного, твердого, определенного, не подлежащего никаким изменениям, они скоро поняли, какую опасность для самой же Германии представляет большевизм как социальное осуществление известных начал. Военные круги, руково-*

---

[1] *Гиппиус З.* Указ. соч. С. 354.
[2] *Кожинов В.* «Черносотенцы» и революция. М., 1998. С. 158.
[3] Россійскій Архивъ. С. 263.

дившие борьбой с Антантой, стали опасаться, что для продолжения войны на Западе большевизм в России опасен для самих немцев в Германии как социальная зараза, способная обессилить их собственный тыл. Тогда у немцев возник план, имевший сторонников в среде их высших военных чинов. Он предполагал быстрое наступление внутрь России значительными силами, чтобы в короткий срок свергнуть большевиков, помочь возникновению в России нового правительства и заключить с ним в отмену Брестского новый мир, который бы удовлетворил обе стороны. Они ожидали от такого плана следующих выгод: возникшее при их содействии правительство России заняло бы в их борьбе с державами Согласия благоприятный для них нейтралитет, а это дало бы им возможность взять все их силы с русского фронта, где они все же продолжали держать войска, и бросить их исключительно на Запад; кроме того это дало бы им возможность получить в России неисчерпаемый источник всяких материальных ресурсов, столь нужных им для продолжения борьбы на Западе. В результате такое положение сулило им если не победу, то хороший мир с союзниками.

План уничтожения большевиков вооруженной силой, как мне кажется, не оставался у немцев только в стадии предположений. Я слышал от многих лиц из их среды, что для похода в Россию у них было готово определенное число дивизий. Этим наступлением должна была открыться летняя кампания 1918 года. Следовательно, обсуждение такого плана, вообще разработка его, вероятно, имела место в конце зимы — начале весны 1918 года. Я не знаю, каким именно немцы видели себе будущее правительство России, которое должно было при их помощи заменить большевистскую власть. Но, учитывая их психологию того момента, я думаю, что вряд ли они его представляли себе республиканским.

Но план этот не был принят цивильными элементами, стоявшими у власти. Они сумели убедить императора отвергнуть его, и было принято решение оставить Россию в том виде, в каком она была, и кончать войну за Западе сильным ударом».[1]

Обратим внимание на время, когда, по мнению Свистунова, военные круги Германии разрабатывали свой план: весна 1918 года, то есть в самом преддверии вывоза Императора Николая II из Тобольска. Это обстоятельство чрезвычайно важно для нашего исследования.

К середине весны 1918 года немцы все более опасались за политическое будущее большевиков, чье положение становилось все более и более ненадежным. Немцы не могли не просчитывать вариант падения большевистской власти. Мирбах начинает предлагать Берлину налаживать связи с оппозиционными большевикам кругами правого «монархического» направления: «*Мы уже сейчас постепенно,* — пишет он, — *с должными мерами предосто-*

[1] Россійскій Архивъ. С. 256–257.

рожности и, соответственно, замаскировано начали бы с предоставления этим кругам желательных денежных средств. (Вопрос о поставках оружия, которого они ждут, по ряду причин отпадает). Тем самым был бы установлен какой-то контакт с ними на случай, если они в один прекрасный день заменят нынешний режим. Тем самым, мы имели бы в своих руках, если даже опять не на очень долгий срок, элементы для установления новых германо-русских отношений, на которые можно было бы более или менее серьезно опереться и которые охотно соглашаются на сотрудничество с нами».[1]

Из этих строк германского посла видно, что ни о каком стремлении с немецкой стороны восстановить русскую монархию речи не идет. Предложения Мирбаха — это разумная тактика дипломата и политика, ставящего на разные не враждебные его стране силы, чтобы при любом раскладе не остаться в проигрыше.

То же самое стремление просматривается и в письме в Берлин генерала фон Людендорфа: «*Хотя мы теперь официально ведем переговоры только с советским правительством, мы в тоже время должны поддерживать отношения с другими движениями в России, для того чтобы вдруг не обнаружить себя опоздавшими. Мы не можем полагаться на сторонников Керенского, так как ими руководит Антанта. Мы должны установить контакты с правыми монархическими группами и влиять на них так, чтобы монархическое движение соответствовало нашим желаниям и намерениям».*[2]

Германское руководство не могло не опасаться, что кучка политических экстремистов с темным и неясным прошлым и не менее неясным будущим, готовая на любые преступления и мошенничества ради своей выгоды, в определенный момент может предать своих германских попутчиков. Вильгельм II писал на полях донесений Мирбаха, что Ленин «*не сумеет выполнить условия Брестского мира. У него нет людей для управления, нет исполнителей — он стоит на краю пропасти».*[3]

Немцы все чаще начинали задумываться, что будет, если большевизм падет, а также о том, какие силы придут к власти в случае его падения и в какой степени немцы смогут на них опираться. Немцы стали искать возможную замену Ленину. Эта замена должна была не только продолжить большевистскую политику Брестского мира, но и узаконить ее в глазах мирового сообщества. В противном случае германцы рисковали восстановить Россию в составе Антанты, что, безусловно, было бы с германской точки зрения безумием.

---

[1] Вопросы Истории. №9. 1971. С. 125.

[2] *Иоффе Г.З.* Крах Российской монархической контрреволюции. С. 108.

[3] Вопросы истории. №9. 1971. С. 124.

Казалось бы, наиболее предпочтительным для немцев было восстановление подконтрольной им монархии. Это, с одной стороны, легализовало бы немецкие завоевания по Брестскому миру, а с другой — гарантировало установление в России прочного и законного порядка. К этому решению склонялось германское военное командование.

Однако политические правящие круги Германии относились к восстановлению монархии в России отрицательно. 25 июня 1918 года Мирбах писал в Берлин министру иностранных дел Кюльману: «*Сегодня, после более чем 2-х месячного внимательного наблюдения, я не могу более поставить благоприятного диагноза большевизму: мы, бесспорно, находимся у постели тяжелобольного; и хотя возможны моменты кажущегося улучшения, но в конечном счете он обречен. <...> Большевизм должен вскоре сам погибнуть в результате внутреннего разложения. Если согласиться с фактом, что силы большевизма и без того иссякли, то я полагаю, что нам следует позаботиться о том, чтобы сразу же заполнить вакуум, который образуется здесь после ухода большевиков, режимом, соответствующим нашим* (подчеркнуто Мирбахом – *П.М.*) *пожеланиям и интересам. Может быть, даже не обязательно будет сразу же восстанавливать монархию. Необходимые предпосылки для этого уже имеются; пока эти силы еще частично находятся в скрытом состоянии, но в любое время могут быть использованы для активной деятельности. Многие заинтересованные группы разнообразных направлений оказались бы в нашем распоряжении, в первую очередь монархисты в узком смысле слова, которые заслуживают внимания, но которых нельзя рекомендовать как главную опору для наших возможных комбинаций: уж очень они бестолковые, ненадежные и равнодушные люди и, в общем, стремятся к тому, чтобы с нашей помощью восстановить свои старые, обеспеченные условия существования и личные удобства. Наше основное ядро должно состоять из умеренных правых октябристов и кадетов (по возможности с привлечением даже самых левых элементов). Благодаря этому мы прежде всего сумеем использовать большой процент промышленных и финансово-банковских групп для наших безбрежных экономических интересов. В случае, если эти новые возможности осуществятся, у нас не будет даже необходимости применять слишком большое насилие; кроме того, мы сможем до последнего момента сохранять видимость лояльных отношений с большевиками. Длительный развал экономики и постоянное тяжелейшее ущемление наших интересов могут в любое время и в удобный для нас момент быть использованы как предлог для военного выступления. Любое крупное наше выступление сразу же автоматически приведет к падению большевизма*».[1]

---

[1] Вопросы истории. №9. 1971. С. 129.

Приведенный выше отрывок из письма Мирбаха показывает, что немцы не были склонны к немедленному восстановлению монархии в России. Октябристы, кадеты и крайние левые элементы — вот кто должен был стать новыми союзниками императорского германского правительства. С другой стороны, этот же отрывок показывает, что политики Германии не были согласны с планами Гофмана и Людендорфа по военному свержению большевиков.

Окончательно иллюзии русских монархистов о возможности скорого восстановления монархии на германских штыках были развеяны с самой вершины германской власти. Один из германских сановников донес до них слова императора Вильгельма II, сказанные им в начале лета 1918 года, то есть за полтора месяца до екатеринбургского злодеяния: «*Сейчас не следует добиваться свержения большевистского правительства, а необходимо установить тесные связи с монархистами, чтобы быть подготовленными на будущее. При условии, что последние станут на платформу Брестского мирного договора, им можно оставить надежду на будущее восстановление великой России. Его величество рекомендует объединить в Киеве сторонников порядка*»[1].

Русским монархистам при условии, что они были бы готовы стать немецкими вассалами, кайзер был готов «оставить надежду». Вот и вся реальная помощь, какую германское императорское правительство было готово оказать монархической партии в России. Таким образом, в противостоянии между германскими военными, стремившимися к восстановлению монархии в России, и политическими кругами, выступавшими за сохранение большевистского или другого республиканского правительства, ориентированного на Германию, победили последние. Сегодня можно сделать однозначный вывод: официальный Берлин, хотя и рассматривал чисто гипотетически возможность восстановления подконтрольной Германии русской монархии, никакого четкого решения по этому вопросу не имел. Таким образом, вероятность того, что Царская Семья вывозилась из Тобольска по приказу немцев с целью возвращения ее к власти, практически исключается.

Но нежелание германских политических кругов восстанавливать монархию вовсе не означает их безразличного отношения к тому, в чьих руках будет находиться Император Николай II и Наследник Цесаревич. Немцы были заинтересованы в том, чтобы они находились в поле их досягаемости. Германские высшие круги не могли не понимать, что даже свергнутый Император Николай II продолжал оставаться истинным Хозяином Земли Русской. Перевод Императорской Семьи, например, в Германию в качестве почетных пленных, с одной стороны, означал окончательную по-

---

[1] *Иоффе Г.З.* Крах Российской монархической контрреволюции. С. 115.

беду Германии над Россией, а с другой — давал германцам возможность политических интриг и манипуляций вокруг русского Царя и его Наследника. «*Поскольку “германофильские” взгляды Николая II и Александры Федоровны были немцам хорошо известны, требовалось либо убрать Николая II или вывезти его из ставшего опасным, не контролируемого немцами района*», — пишут в своей книге Хрусталев и Буранов.[1] Интереснейшие сведения приводятся в книге доктора исторических наук Л. А. Лыковой. Она цитирует, впервые введённый в научный оборот, текст следственного постановления Н. А. Соколова от 1922 года. В этом постановлении Соколов пишет: «*Принимая во внимание общую политическую обстановку, в коей находилась Россия со времён переворота 25 октября 1917 года, нельзя не признать, что возможность со стороны немецкой власти, представленной в России в 1918 году послом Германии графом В. Мирбахом, попытки увоза из г. Тобольска Государя Императора путём требования, предъявленного к названному Я. М. Свердлову, могла иметь место*».[2]

В. Л. Бурцев передал следователю Соколову свои показания, в которых к утверждал, что из его беседы с одним из высокопоставленных сотрудников германского посольства в Москве, ему, Бурцеву, известно, что «*Мирбах обращался с категорическим требованием к Свердлову о привозе Государя Императора в Петроград*».[3]

Таким образом, более чем вероятно предположение, что высшая германская власть, включая императора Вильгельма II, дала тайный приказ большевикам вывезти Царскую Семью из Тобольска в Германию, скорее всего через Москву.

В этой связи трудно не согласиться с историками Ю.А. Бурановым и В.М. Хрусталевым, которые утверждают: «*В настоящее время, с открытием архивов, историки так или иначе обречены получить новую, возможно сенсационную информацию, в том числе и о позиции немецкого правительства в отношении судьбы Романовых*».[4]

Объективные данные свидетельствуют о том, что немцы знали о подготовке вывоза Царской Семьи из Тобольска, **но для них было полной неожиданностью, что она оказалась в Екатеринбурге.**

Один из членов «Правого Центра», Д.Б. Нейдгарт, о котором мы будем еще говорить, свидетельствовал, что «*в виду того положения, которое занимали немцы с весны 1918 года в России, наша группа, в целях улучшения положения Царской Семьи, пыталась сделать все возможное в этом от-*

---

[1] *Буранов Ю.А., Хрусталев В.М.* Указ. соч. С. 134.

[2] Лыкова Л. А. *Следствие по делу об убийстве Российской Императорской семьи.* М.: РОССПЭН, 2007. с. 196

[3] ГАРФ. Ф. 1837.оп.1, д.3.

[4] Там же.

ношении через немецкого посла графа Мирбаха. По этому вопросу я сам лично обращался к Мирбаху раза три. В первый раз я был у него еще тогда, когда мы ничего не знали об отъезде Царской Семьи из Тобольска. В общей форме я просил Мирбаха сделать все возможное для улучшения Ее положения. Мирбах обещал мне оказать его содействие в этом направлении и, если не ошибаюсь, он употребил выражение "потребую". Когда мы узнали об увозе Семьи, я снова был у Мирбаха и говорил с ним об этом. Он успокаивал меня общими фразами. ***На меня произвело впечатление, что остановка Царской Семьи в Екатеринбурге имела место помимо его воли****. Исходило ли от него приказание о самом увозе Семьи из Тобольска в целях Ее спасения, я сказать не могу. Обещая мне сделать все возможное для улучшения положения Царской Семьи, граф Мирбах сказал мне приблизительно так: "Я не только от них (большевиков) потребовал, но и сопроводил требование угрозой"* »[1] (подчеркивания наши – *П. М.*).

Следователь Соколов воспринимал эти слова Мирбаха как циничный ход покровителя большевистских палачей. Нам же представляется, что для Мирбаха остановка Императора и его близких в Екатеринбурге действительно была полной неожиданностью.

Таким образом, версия о том, что поспешный вывоз комиссаром Яковлевым Императора Николая II из Тобольска был связан с немецким на то указанием, более чем вероятна. Но это лишь половина подлинной цели миссии комиссара Яковлева.

Версия третья
Угроза освобождения Царской Семьи и восстановления монархии в России со стороны Антанты

Царская Семья могла быть вывезена немцами либо большевиками из Тобольска из-за угрозы захвата ее проантантовскими силами. Германцы и большевики опасались, что в случае победы в Сибири антибольшевистских сил Царь станет их знаменем. Царь, опираясь на помощь Антанты и казаков, поведет русскую рать на Москву освобождать святую столицу от иноземных захватчиков по примеру 1612 года, так как, несмотря на то, что официально в Москве регулярных германских частей не было, на самом деле они присутствовали переодетыми в красногвардейскую форму. Такие опасения, казалось, отчасти могли иметь для немцев основание. Так, Людендорф сообщал, что представители Антанты через французского посла Жозефа Нуланса ведут переговоры с русскими правыми кругами о восстановлении конституционной монархии. Неизвестно, откуда черпал свои сведения Людендорф, но сам Нуланс в своих воспоминаниях ни слова не пишет ни о своих встречах с монар-

---

[1] Россійскій Архивъ. С. 265.

хистами, ни о своем согласии на восстановление монархии. Нуланс, находясь во главе французской миссии в Вологде, действительно контактировал с русскими оппозиционными большевикам силами, но исключительно либеральными или антимонархическими. Он переписывался с бывшим председателем Государственной думы кадетом князем Трубецким, имел контакты с так называемым «Комитетом возрождения России», в руководстве которого состояли эсер Авксеньтьев, бывший министр внутренних дел Керенского, и эсер-террорист Борис Савинков. Однако Нуланс отказался встречаться с прибывшим в Вологду Авксеньтьевым и не выказал открытой поддержки в письме к Трубецкому. Ни о каком восстановлении монархии ни с первыми, ни со вторыми Нуланс речи не вел. Правда, находясь в Вологде, французский посол имел в начале мая 1918 года встречу с сосланными Великими Князьями Николаем и Георгием Михайловичами. Кроме них в Вологде проживал еще также сосланный большевиками Великий Князь Дмитрий Константинович. Но из воспоминаний Нуланса не видно не только никаких намеков на возможность французской помощи в реставрации монархии, но и никакого стремления к возможной реставрации со стороны этих Романовых. Вот что пишет Нуланс: «*Во время моего пребывания в Вологде я имел возможность встретиться с великим князем Николаем Михайловичем, членом-корреспондентом Французской Академии, который при прежнем режиме был известен как человек наиболее либеральный в царской фамилии. Мои отношения с ним были полны симпатии. Великого князя изгнали из его дворца на набережной Невы, находившегося недалеко от французского посольства, и ему определили местожительство в маленькой усадьбе в Вологде, где он жил жизнью простого горожанина. Я нанес ему визит в первых числах мая. Это был человек большого роста и силы, с величественной, но немного тяжелой осанкой. У него был повелительный и спокойный романовский взгляд. Я его увидел таким, каким я его знал Петрограде.*

Он переживал события спокойно и воздерживался от каких-либо сильных выражений в адрес руководителей своей страны. Это объяснялось не только соображениями безопасности. Он искренне верил во временное заблуждение масс и надеялся на их здравый смысл, который заставит их вернуться к прежним прекрасным временам. "Наш народ столь добр, — говорил он, — наши крестьяне столь умны! Они не замедлят пожалеть о тех безобразиях, в какие их вовлекли. Они доверятся тогда людям, которые смогут восстановить порядок на либеральной основе".

Врожденная доброта русского народа была аксиомой для многих русских аристократов и мещан. Они ждали чуда, полностью уверовав в лучшее, безо всякого усилия с их стороны.

Великий князь Георгий жил свободно в Вологде. Он был женат на английской принцессе. Он мне неоднократно говорил, и я не сомневаюсь в искренности его слов, что ни он, ни его близкие ничего не ждут от реставв-

рации, и единственное его желание, после того, как он подпишет все обязательства, какие большевики от него потребуют, соединиться со своей женой и детьми в Англии, чтобы иметь возможность жить жизнью частного человека!»[1]

Тем не менее, Г.З. Иоффе, пытаясь доказать, что Антанта планировала освобождение вышеупомянутых Великих Князей, пишет: «*В Мурманске еще в марте 1918 года высадились английский, французский и американский десанты. Расширяя занятый плацдарм, они постепенно продвигались в глубь страны, повсюду оживляя и активизируя антисоветские, контрреволюционные силы. Ударную роль в них играли белогвардейские, монархически настроенные офицеры, которые при помощи союзнической агентуры тайно перебрасывались в район Архангельска из Петрограда и других городов. Когда один из их руководителей, капитан Г.Е. Чаплин, в конце мая прибыл в Вологду, его первым намерением было переправить в Мурманск под опеку союзников проживавших здесь великих князей Георгия Михайловича и Дмитрия Константиновича*».[2]

По Иоффе получается, что Великие Князья просто так, по своей воле «проживали» в Вологде, а монархист Чаплин собирался их во что бы то ни стало доставить к союзникам с целью, конечно же, реставрации монархии. Как будто Иоффе было непонятно, что единственной целью русского офицера и патриота Чаплина было спасти обреченных Великих Князей, которые, как мы видели, не помышляли ни о какой политической деятельности, от неминуемой смерти в большевистском застенке. (Впрочем, когда Иоффе писал свой труд, понимать это было запрещено.) Но даже этого Чаплину сделать не удалось. Как пишет сам Иоффе: «*По тактическим соображениям власть в Архангельске была передана Верховному управлению Северной области, в большинстве своем состоявшему из эсеров. Это, сетовал один из белогвардейцев, впоследствии колчаковский генерал В.А. Кислицын, "убивало в офицерском составе белой армии дух и веру в будущее. Для офицеров не было дорогих лозунгов — за Веру, Царя и Отечество!"*»[3]

Французы и англичане действительно имели несколько встреч с представителями так называемого «Правого центра», якобы монархической организации, якобы ставившей своей целью спасение Царской Семьи и восстановление монархии в России. Среди членов «Правого центра» было много бывших кадетов и октябристов, которых в друзья монархии никак занести было нельзя. К тому же нам теперь известно, какую роль сыграла Антанта в

---

[1] *Noulens (J.)* Mon Ambassade en Russie soviétique 1917–1919. Plon, Paris, 1933. V. second. P. 133–134.
[2] *Иоффе Г.З.* Крах Российской монархической контрреволюции. С. 124–125.
[3] Там же. С. 125.

свержении Императора Николая II. Зачем же ее правящим кругам было восстанавливать на престоле того Государя, которого они с таким трудом свергли? Тем не менее их контакты встревожили немцев, которые, по словам Г.З. Иоффе, боялись, что подобные контакты «*в случае их успеха приведут к тому, что Германия вновь могла оказаться в состоянии войны на два фронта и утратить свои позиции на Востоке*».[1]

Однако вполне возможно, что большевики сознательно преувеличивали степень серьезности контактов «вождей» «Правого центра» с Антантой, чтобы заставить немцев ускорить перевоз Царской Семьи в подконтрольный им город. Точно так же вполне возможно, что и далее, когда Царская Семья была заточена в Ипатьевском доме, большевики продолжали пугать немцев имевшимися якобы у Антанты планами вернуть Царя на престол, теперь уже с целью смягчения германской реакции на предстоящее убийство Царской Семьи. Во всяком случае, германский посол Мирбах писал в июне 1918 года: «*Чехословаков поддерживают объединившиеся с ними Временные правительства в Омске, Харбине и Владивостоке. Всех их признала на сегодняшний день Антанта, которая на сегодняшний день является чуть ли не владычицей Сибири. Но державы Антанты ориентируются не на сибиряков, а на Россию. Она опирается на казачьи войска и собирается поднять на щит самого Царя либо кого-нибудь из членов Царской фамилии*».[2]

Принимая это во внимание, немцы вполне могли стремиться перевести Царя в подвластный большевикам, а значит и им, город. Таким городом могла быть Москва, столица большевизма. Но при ближайшем рассмотрении Москва не была для германцев таким уж выгодным местонахождением свергнутого Императора. Москва не была спокойна. Большая часть населения ненавидела большевиков, им не забыли ни поругание Кремля, ни сотни расстрелянных юнкеров, ни их жадное посягательство на чужую собственность, ни их откровенно прогерманскую политику. В случае всеобщего антибольшевистского восстания Царь или его сын в Москве делались еще более опасными, чем в Тобольске.

Еще более опасным было пребывание Царя в Москве для большевиков. Безусловно, большевики были ярыми врагами любой монархии, а православной тем более. Но большевистскую политику первых месяцев их пребывания у власти лишь с очень большой натяжкой можно назвать самостоятельной. Во всех главных вопросах она полностью зависела от позиции германского руководства. Эта зависимость определялась не тем, что большевики были немецкими «шпионами», они ими никогда не были, а сложившейся реальностью. Связав себя временным союзом с императорской Германией, полностью ей обя-

---

[1] Там же. С. 115.
[2] *Иоффе Г.З.* Крах Российской монархической контрреволюции. С. 110.

занные своим существованием на политической арене, большевики были вынуждены идти на поводу германского генштаба. В этих условиях, если бы от немцев поступил приказ о восстановлении монархии, большевикам пришлось бы на это пойти. В противном случае их просто бы смела германская военная машина. Тем более что, выполняя приказ немцев о восстановлении в России престола, большевики могли быть полностью уверены в своей безопасности. Приход же проантантовски настроенных сил грозил большевикам смертью, причем как в политическом, так и в физическом плане.

В связи с этим тем более неожиданно звучит мнение В. Александрова, что комиссар Яковлев был английским агентом! *«Нам кажется,* — пишет он, — *что Яковлев был замаскированным английским шпионом. Чрезвычайный комиссар со специальной миссией, не был ли он также и канадским гражданином и подданным, возможно весьма верным, короля Георга V?»*[1]

Далее Александров ссылается на английского журналиста Стандфорда, писавшего под псевдонимом Вильяма Ле Куека, который играл заметную роль в Интеллидженс Сервис. Этот журналист оставил после себя множество весьма сомнительных книг о России, в частности, «Трагическая Царица», в которой повторил всю собранную до него клевету на Государыню. Этот Стандфорд писал о неком английском агенте, который был внедрен английской разведкой в высшие большевистские структуры. Этот агент, по Стандфорду, прибыл в Россию из Канады, стал членом ВЦИКа, участвовал в брест-литовских переговорах, был замешан в убийстве графа Мирбаха эсерами в июле 1918 года. Следы этого агента теряются, как утверждает Стандфорд, несколько месяцев спустя после эсеровского мятежа во время боев на Волге. *«Этот агент,* — пишет Александров, — *имеет много схожего с Яковлевым, это минимум, что мы можем сказать».*[2]

Мы же минимум, что можем сказать, это то, что Александров совершенно не знал жизни подлинного Яковлева-Мячина и выдавал за сенсацию вымыслы какого-то англичанина. Это не вызывает, впрочем, никакого удивления. Книга Александрова изобилует такими «открытиями», неточностями и нелепостями. Во-первых, Яковлев никогда не был в Канаде, он жил в Берлине, никогда не был членом ВЦИКа, а членом ВЧК. Во-вторых, почему вышеназванный «агент» является именно Яковлевым? Разве мало было у Советской власти людей, членов ВЦИка, живших заграницей и активно участвующих в политической жизни большевистского режима? Но главный вопрос, на который не дает ответа Александров: с какой целью английская разведка засылала своего агента в Тобольск? Ответа на этот вопрос нет и быть не может, так как вся эта «английская версия» построена на песке и, на наш взгляд, является не более чем

---

[1] *Alexandrov V.* Op. cit. P. 184–185.
[2] Там же.

журналистской лже-сенсацией Александрова. Другое дело, что Яковлев был человеком Свердлова, а связи этого человека были окутаны мраком.

Еще об одной косвенной попытке со стороны Антанты спасти Царскую Семью можно прочитать у американского историка Г. Кинга. Он пишет, что весной 1918 года норвежский предприниматель Джонсон Лайд, получивший в 1913 году по указу Императора Николая II почетное гражданство за создание Сибирской судоходной и промышленной компании, выполняя поручение английской разведки, составил план действий по вызволению Царской Семьи из рук большевиков. Лайд предложил направить корабль «для того, чтобы вырвать Царскую Семью из Тобольска, в Карское море, где ее будет ждать торпедоносец британского ВМФ». Король Георг V якобы одобрил этот план, но встретил активное противодействие со стороны премьер-министра Ллойд Джорджа.[1]

Из приведенного выше отрывка совершенно непонятно, каким образом англичане собирались освобождать Царскую Семью из губернаторского дома, как собирались доставить ее на корабль и беспрепятственно довести до Карского моря? Вся эта попытка, если она действительно имела место, похожа на очередной «мыльный пузырь» благих пожеланий, а не на реальную операцию.

На такой же «мыльный пузырь» похож и план короля Георга V, о котором писал его сын, несостоявшийся король Эдуард VIII, герцог Виндзорский: «*Хорошо помню, что прямо перед тем, как большевики арестовали Царя* (видимо, имеется в виду перевоз Государя в Екатеринбург – *П.М.*), *отец лично разработал план его спасения на борту британского крейсера, но по какой-то причине этот план сорвался. Во всяком случае, отец очень переживал оттого, что Англия и пальцем не пошевельнула, чтобы спасти его кузена Ники*».[2]

Эти переживания английского короля очень напоминают «муки совести» Вильгельма II по поводу его «бессилия» спасти «кузена Ники» и «принцесс германской крови».

При детальном рассмотрении мы не можем найти ни одного точного доказательства в подтверждение того, что Антанта собиралась восстанавливать в России монархию, тем более свергнутого ею же Николая II или его сына, а также попыток спасти Царскую Семью. Русские же ставленники Антанты — и руководители Комуча, и впоследствии адмирал Колчак, относились либо откровенно враждебно к какой-либо реставрации монархии, либо, на словах высказывая симпатию к монархии как форме правления в России, тут же уверяли в невозможности ее реставрации. Главной причиной такого отношения к монархии со стороны белых

---

[1] *Кинг Г.* Александра Федоровна. Биография. М., 2000. С. 392–392.
[2] Там же. С. 393.

была именно антимонархическая установка Антанты. Генерал-лейтенант К.В. Сахаров, близкий соратник адмирала Колчака, приводит такой с ним разговор:

— Не может Русский народ, — продолжал адмирал, — остановиться ни на ком, не удовлетвориться никем.

— Как вы представляете себе, Ваше Высокопревосходительство, будущее?

— Так же, как и каждый честный русский. Вы же знаете не хуже меня настроения армии и народа. Это — сплошная тоска по старой, прежней России, тоска и стыд за то, что с ней сделали. В России возможна жизнь государства, порядок и законность только на таких основаниях, которых желает весь народ, его массы. А все слои русского народа, начиная с крестьян, думают только о восстановлении монархии, о призвании на престол своего народного Вождя — законного Царя. Только это движение имеет успех.

— Так почему же не объявить теперь же о том, что Омское правительство понимает народные желания и пойдет этим путем?

Адмирал саркастически рассмеялся.

— А что скажут ***наши иностранцы, союзники****? Что скажут наши министры?*

Верховный правитель развил мне свою мысль, что необходимо идти путем компромиссов, и он, местами противореча сам себе, защищал точку зрения, что временное соглашение с эсерами найти нужно, так как их ***поддерживают все союзные армии***».[1] (Подчеркивания наши – *П.М.*)

Тот же смысл слышится и в словах чешского генерала Гайды: «*Русский народ совсем не может иметь теперь, немедленно, парламентаризма. Я в этом убедился, пройдя всю Россию и Сибирь до конца. И от революций все устали, хотят только порядка. По моему мнению, России нужна только монархия и хорошая демократическая конституция. Но теперь нельзя. Надо скорее военную диктатуру. Я поддержу своими полками, если найдется русский генерал, который возьмет власть на себя*».[2]

Наиболее откровенно демократический характер режима Колчака раскрыл глава «Архангельского правительства», эсер Н.В. Чайковский. В 1919 году он был вызван в Версаль на конференцию «держав-победительниц», где у него 9 мая состоялся разговор, весьма напоминавший допрос, с президентом США Вильсоном и премьер-министром Англии Ллойд Джорджем. Речь шла о правительстве Колчака. Вот краткий смысл этого разговора: «***Президент Вильсон****: Мы очень хотим услышать от вас и посоветоваться с вами о будущей*

---

[1] *Сахаров К.В., генерал-лейтенант.* Белая Сибирь. Внутренняя война 1918–1920. Мюнхен, 1933. С. 148.

[2] *Сахаров К.В.* Указ. соч. С. 26.

политике России. Сведения, которыми мы располагаем, говорят о том, что власть большевиков под угрозой: возможно, что адмиралу Колчаку удастся их свергнуть и занять их место. Каков будет его режим? Мы хотим предоставлять нашу поддержку только такому режиму, который утвердит в России подлинную демократию.

***Чайковский**: Правительство адмирала Колчака рисуется некоторыми как правительство реакционное. Но не надо забывать, что оно опирается на сибирский народ, а Сибирь есть страна демократическая, потому что там нет большой собственности, и настоящая власть находится в руках крестьян. Вот почему правительство Колчака, даже если бы оно имело другие тенденции, будет обязано следовать демократической политике.*

***Ллойд Джордж**: Я должен вам сказать, что у меня есть беспокойство по поводу правительства Колчака: оно заключается в полученных последних сведениях о политике некоего Рынова, направленной против институтов народного представительства.*

***Чайковский**: Я не знаю этого Рынова. Но я могу сказать, что сам Колчак весьма симпатизирует земствам и народному представительству вообще. Я знаю, кто поддерживает Колчака: как я вам уже сказал, это — демократические силы».*[1]

Слова народника, эсера и масона Чайковского, которому, безусловно, доверяли правители Антанты, не были пустым звуком: он знал, что говорил. Он знал, что Антанта больше всего на свете боится реставрации «старого режима» и хочет быть полностью уверенной в своей ставке на Колчака. Поэтому говорить о каком-либо монархизме Антанты и самого Колчака просто не приходится. Франция и Англия хотели видеть во главе России своего ставленника типа Колчака, полностью ей подконтрольного, а не помазанного Богом Царя, перед которым, кстати, пришлось бы держать ответ за февраль 1917 года. Антанта отлично понимала, что Николай II не будет ей подконтролен точно так же, как не будет он подконтролен и немцам.

Большевики это прекрасно знали, как знали это и немцы. Тем более что, вывозя Царя в Екатеринбург, они не снимали опасности его захвата со стороны Антанты, так как расстояние между Тобольском и Екатеринбургом не столь большое и быстро преодолеваемое в случае стремительного наступления. Если бы германское правительство стремилось обезопасить себя от захвата Царя Антантой, то лучшего места, чем какой-нибудь германский Ингольштадт или Кенигсберг, найти было невозможно.

---

[1] *Mantoux Paul.* Les délibération du conseil des Quatre. 24 mars–28 juin 1919. Paris, 1955, v. 2. P. 27–31.

Учитывая все вышеизложенное, версию о вывозе Царской Семьи из Тобольска из-за опасения ее захвата Антантой можно считать несостоятельной.

Версия четвертая
Угроза освобождения Царской Семьи монархистами

Но, может быть, вывоз Императора Николая II и его Семьи был обусловлен тем, что большевики всерьез опасались их освобождения со стороны русских монархистов?

Как утверждают в своих воспоминаниях некоторые политические деятели, именующие себя русскими монархистами, ими было предпринято несколько попыток спасти Царскую Семью. На эту тему имеется множество книг, публикаций и расследований. В нашем труде нет возможности подробно останавливаться на этой чрезвычайно интересной теме. Мы не будем рассуждать о том, был ли зять Распутина, Б.Н. Соловьев, большевистским провокатором или не был, не будем подробно описывать все настоящие и мнимые попытки освободить Царскую Семью. Это тема другого, отдельного исследования, для которого потребовалась бы целая книга. Нас же интересует два вопроса: 1) были ли предприняты со стороны русских монархистов реальные попытки освободить Царскую Семью и 2) могли ли эти попытки привести к вывозу Царской Семьи из Тобольска в Екатеринбург?

Для того, чтобы ответить на эти вопросы, надо посмотреть, какие монархические силы могли бы организовать вызволение из плена Царской Семьи и какие действия они для этого предпринимали или не предпринимали.

Февральский переворот, совершенный кучкой заговорщиков, конечно, не мог быть воспринят в широкой массе русского народа как событие законное и желанное. В отличие от истеричной «пьяной» радости Петрограда, Россия в феврале 1917 года хранила глубокое молчание. Все последующие сочинения советской официальной историографии, что «крестьянство никак не отреагировало» на свержение Царя, а значит приветствовало это свержение, традиционно лживы. После февраля 1917 года деревня и большая часть солдатской массы находились в состоянии глубокого шока. Несмотря на то, что народ смертельно устал от войны, что он был постоянно соблазняем различными радетелями за его, народа, счастье, тем не менее для огромной массы простого русского народа имя Царское было свято. Известие о том, что Царя больше нет, повергло простой люд в совершенное смятение. Чувство того, что народ опять обманули, не покидало людей. «*Как же так, не спросясь народа, Помазанника Божия свергли?*» — недоумевал один крестьянин. Когда-то Достоевский сказал: «Если Бога нет, то все позволено». Перефразируя его слова в применении к февралю 1917 года, можно сказать, что народ пришел к выводу,

что если Царя нет, то все позволено. Появилась возможность брать землю. Начались грабежи в деревне, поджоги усадеб, дезертирство с фронта, убийства офицеров и так далее, но все равно, народ в глубине своего сердца знал, что все это неправильно, не по-Божески. «Вот вернется Царь-Батюшка, ужо он спросит за ваши безобразия», — говорили старики молодым буянам, и буяны эти в душе знали, что старики — правы.

Постепенно и в городах наступало прозрение. Чем дальше уходили в прошлое дни «великой бескровной», чем дольше пребывало у власти болтливое Временное правительство, которое много обещало и ничего не выполняло, чем стремительнее ухудшался уровень жизни, чем больше росла преступность, чем сильнее становились анархия и полная безответственность властей, чем меньше ценилась человеческая жизнь, тем больше люди самых разных взглядов и убеждений, многие из которых ждали и славили революцию, начинали прозревать. Так, знаменитый либерал, кадет П.Б. Струве, столь много сделавший для революции, летом 1918 года открыто сыпал проклятия на головы Львова и Керенского. И когда ему напоминали о его оптимизме в первые послефевральские дни, он отвечал злой репликой: «*Дурак был!*»[1]

Простой народ выражался в том же духе. «*Я всегда был далек от политики,* — говорил один рабочий, — *но скажу откровенно, что при Николае II жилось спокойно, справедливее, устойчивее. Берите назад вашу свободу с революцией! Нам лучше жилось прежде, без свободы и без товарищей!*»[2]

Летом 1917 года в Петрограде и в Москве состоялись манифестации с портретами Наследника Цесаревича Великого Князя Алексея Николаевича и Великого Князя Михаила Александровича.

Но все же говорить, что монархическое чувство охватывало весь народ, нельзя. Долгие годы пропаганды врагов монархии, неразрешенность многих социальных проблем, кровавая война, стремление крестьян к легкому разрешению земельного вопроса путем простого передела, наконец, вакханалия февральских дней сделали свое дело. В народе произошло расслоение, которое самым пагубным образом влияло на народное монархическое самосознание. Тем не менее можно с уверенностью сказать, что если бы в 1917 году простому народу предоставили выбор между республикой Керенского и Милюкова, совдепией Ленина и Троцкого или Православной Монархией, то народ в своем подавляющем большинстве выбрал бы последнюю. И дело здесь не в том, что народ был осознанно за монархическую форму правления, он в своей массе даже не знал, что такое «форма правления», а в том, что народ не умел и не хотел жить по-иному, кроме как под властью Право-

---

[1] *Иоффе Г.З.* Указ. соч. С. 72.
[2] Там же. С. 68.

славного Царя. То есть самодержавие являлось формой русской демократии, насильственно уничтоженной в феврале 1917 года.

Но эта русская демократия, самодержавие, предполагала неучастие народа в активной политической жизни страны. То есть народ сознательно устранялся, говоря словами Пушкина, «от сладкой участи оспаривать налоги или мешать царям друг с другом воевать», ибо ему, народу, как и поэту, были дороги иные права и иная свобода. Русский народ, осознанно и неосознанно, считал своим главным делом — «дело Божье», а не дело мирское. Говоря сегодняшним языком, русский народ всегда был верен своей исторической миссии, которая заключалась в спасении России на Страшном Суде, в стремлении жить по Христу и со Христом. «Святая Русь» была для народа не отвлеченным поэтическим названием, а руководством к действию. В этой связи понятия политической и личной свободы, столь важные для Запада, отходили у русского народа на второй план. Царствовать — было делом Царя, народ мог ему только в этом помогать, исполняя его волю. «За народом мнение, за Царем — решение», — эта поговорка как нельзя лучше отражает суть русского народного восприятия.

Материалистическое, схоластическое представление о народе как только об особой социальной и этнической группе является поверхностным и крайне упрощенным представлением. Любой народ, а в данном случае Русский Народ, есть понятие не только этническое, религиозное и культурное. Народ представляет собой единый человеческий организм, и как в любом человеческом организме есть, согласно Православию, тело, душа и дух, то и народ имеет материальные и духовные свойства. У каждого народа есть свой взгляд на добро и зло, свое представление о правде и чести, об окружающем мире и отношении к нему. У народа есть совесть, то есть возможность общаться с Богом и слышать Его внутренний глас в самом себе. И эта народная совесть играет в жизни нации не меньшую роль, чем все остальные материальные и культурные свойства. Когда же в народе по тем или иным причинам голос совести заглушается, то народ становится бессовестным, что в конце концов приводит его к перерождению и к гибели.

Для того чтобы подняться на защиту Царя и Родины, народ должен был услышать призыв самого Царя. Так было в 1812 году, когда манифест Императора Александра I призвал всю Русь восстать против «нашествия иноплеменных», так было и в 1905 году, когда Император Николай II в годину тяжкой и кровавой смуты обратился к народу с простыми и ясными словами: «*Помогите мне, русские люди, одолеть крамолу!*» Всякий раз Народ Русский, слыша глас Царский, призывающий его подняться на защиту православного царства, считал своим долгом на этот глас откликнуться. И всякий раз эта духовная смычка Царя и Народа спасала Россию от бед.

Но в феврале 1917 года не стало Царя. Причем не только конкретного Царя Николая Александровича, но и вообще — русского природного Царя. Народ, в основном крестьянский народ, пребывал в полной растерянности. В сознании народа это противоестественное состояние должно было скоро кончиться, и истинный Царь должен был вновь воцариться на престоле. Вопреки революционной и большевистской лжи о равнодушии крестьянства в отношении судьбы свергнутого Государя, крестьяне в своей основной массе ждали возвращения Царя и сочувствовали ему. Примеров этому мы увидим множество. Но, испытывая сочувствие к свергнутому Царю, народ ждал, что его призовут «господа», и вот тогда-то народ поддержит их со всей силой.

Князь Н.Д. Жевахов вспоминал, что во время Февральской революции он разговорился с двумя революционными солдатами, которые на поверку оказались простыми русскими крестьянами, верующими в Бога и любящими Царя. На вопрос этих солдат, что же им теперь делать, Жевахов отвечал: «*Идите в Думу и требуйте назад Царя, ибо без Царя не будет порядка, и враги передавят нас*». Реплика одного из солдат на эти слова Жевахова чрезвычайно показательна: «*Оно-то так,* — сказал солдат, — *да как бы нам зацепиться за когонибудь старшего, кто, значит, повел бы нас; а мы хоть и сейчас пойдем вызволять Царя и прогоним нечистую силу*».[1]

В этой связи весьма показательно и то разочарование, с каким крестьянский люд встретил Белую армию в 1918–19 годах. Генерал Сахаров вспоминал: «*Встала русская земля. За что же готовы они отдать свою кровь, сложить свои головы, пожертвовать своими семьями? Не за партии, не за дешевые лозунги социалистов идут они в смертный бой с интернационалом. Нет, не за это несут они великие жертвы свои. Послушайте, что говорят эти казаки-крестьяне в своих семьях и на своих сходах: “Надо кончать с этим делом. Как разрушили нашу землю! А все от того, что Царя им не надо стало. Вишь, сами власти захотели. Всех врагов Царских истребить надобно.”* <...>

Сильно была распространена в народе версия, что белая армия идет со священниками в полном облачении, с хоругвями и поют «Христос Воскресе». Эта легенда распространялась в глубь России; спустя два месяца еще нам рассказывали пробиравшиеся через красный фронт на нашу сторону из Заволжья: народ там радостно крестился, вздыхал и просветленным взором смотрел на восток, откуда в его мечтах шла уже его родная, близкая Русь.

Спустя пять недель, когда я прибыл на фронт, мне передавали свои думы крестьяне при объезде мною наших боевых частей западнее Уфы:

---

[1] *Жевахов Н.Д., князь, товарищ обер-прокурора Св. Синода.* Воспоминания. Т.1. М., 1993. С. 327.

— Вишь ты, Ваше Превосходительство, какое дело вышло, незадача. А то ведь народ совсем размечтался, конец мукам, думали. Слышим, с белой армией сам Михаил Ляксандрыч идет, снова Царем объявился, всех милует, землю дарит. Ну, народ православный и ожил, осмелел, значит, комиссаров даже избивать стали. Все ждали, вот наши придут, потерпеть немного осталось. А на поверку-то вышло не то».[1]

Именно этим чувством, что «вышло не то», и объясняется главная причина народной пассивности. Если «господа» не шли под знаменем Царя, не подымали его стяга, не стремились видеть его на престоле, то народ не знал, что ему и думать. В народе началось расслоение: кто поддался красной агитации и пошел с большевиками, кто — белой и пошел с генералами, хотя и тех и других в душе своей народ почитал за узурпаторов. Отношение же к свергнутому Императору и его Семье в народе было либо сочувственным, либо внешне равнодушным, либо яростно отрицательным, но все эти чувства скрывали общую народную растерянность. Не в силах объяснить и понять происшедшее, народ начинал искать выход из этого состояния и зачастую находил его в той или иной идеологии или той или иной личности, вера в которых делала жизнь этого народа хоть немного осмысленной. Народ искал то, что могло ему заменить Царя. (В этом, безусловно, кроется тайна феномена Сталина, когда народ воплотил свои чаяния и надежды на лучшую жизнь в этом человеке.) Русский Народ не нашел в себе силы самому встать на защиту своего Царя, его совесть все больше смирялась с пленением Царя. Так Русский Народ все больше и больше подпадал под анафему 1613 года, которой подвергался всякий, кто отступит или предаст Дом Романовых.

Таким образом, мощных стихийных народных выступлений в защиту Царя не было, так как, с одной стороны, не было ни одной организующей народ силы, способной его поднять под царским знаменем, а с другой, — совесть народная все больше смирялась с отсутствием и пленением Царя. Поэтому ни для большевиков, ни для немцев народные выступления не представляли опасности (в смысле их возможности освободить Царскую Семью) до тех пор, пока у этих выступлений не появился бы вождь. Но вождя, который бы открыто призывал народ подняться за восстановление на престоле Императора Николая Александровича, ни в 1917, ни в 1918 годах не было.[2]

---

[1] *Сахаров К.В.* Указ. соч. С. 73–118.

[2] Исключение представляет прославленный генерал граф Ф.А. Келлер, отказавшийся сотрудничать с белогвардейскими генералами, считая их предателями Царя и Родины, и пытавшийся организовать в Киеве монархическую армию, которая бы подняла «над Кремлем Императорский штандарт». Но, во-первых, Келлер был трагически одинок в своих намерениях, а во-вторых, он стал организовывать мо-

Исходя из этого, нельзя не придти к выводу, что вызволить Царскую Семью из плена можно было только с помощью организованного похищения, которому предшествовала бы тщательная подготовка, проводимая в полной конспирации. Посмотрим, существовали ли такие попытки и насколько реальны они были.

А) Действия группы Н.Е. Маркова

Безусловно, наиболее активные и наиболее известные попытки по вызволению Царской Семьи из плена принадлежат организации бывшего правого депутата Государственной Думы, члена «Союза Русского Народа» Н.Е. Маркова, более известного под именем Марков-2-й. Марков-2-й был ярким и талантливым правым оратором в Государственной Думе и, что важнее, талантливым правым политиком, которых в России насчитывались единицы. Н.В. Муратов писал о Маркове-2-м: «*Это был, несомненно, умный, даже очень умный человек, с большим характером, твердой волей, убежденный, искренний, упорный в достижениях цели, но не добрый, не мягкий, а напротив, злобный и мстительный. Политически развитый, с достаточной эрудицией, доктринер, как всякий парламентский деятель, но не сухой, а с большой способностью к концепции, хороший оратор, с иронией в речах, всегда умных, тонких, порой очень остроумных и всегда интересных, Марков был политическим бойцом первого сорта*».[1]

В своих выступлениях Марков-2-й не боялся обличать все левые и либеральные партии и их фракции в преднамеренном расшатывании государственного строя и даже в попытках государственного переворота. Он глубоко и убежденно защищал Самодержавие и доказывал всю опасность его ослабления. Февральскую революцию он не только не принял, но и открыто заявил, что будет бороться с новой властью. «*Я в республику запросов вносить не буду*, — говорил Марков-2-й, — *это безнадежное дело. Я буду бороться с ней настоящими средствами*».[2]

В первые дни революции, когда все организации «Союза Русского Народа» были разгромлены, а его лидеры либо арестованы, либо убиты, Марков-2-й был тоже схвачен новой властью. Однако его положение было намного лучше тех деятелей СРН, которые не были депутатами Государственной Думы. В отличие от них Марков-2-й находился не в тюрьме, а в комфортабельных покоях дворца Великого Князя Владимира Александровича «*под присмотром трех любезнейших, но вооруженных офицеров ре-*

нархическую армию только в конце 1918 года, незадолго до того, как был убит петлюровцами.

[1] *Марков Н.* Война темных сил. /пред. Смолина М.Б. М., 2002. С. 16.

[2] Там же. С. 18.

волюции». Затем Марков предстал перед Чрезвычайной Следственной Комиссией, которая не нашла в его действиях никакого состава преступления и отпустила. Оказавшись на свободе, Марков-2-й принялся немедленно участвовать в деятельности всех правых монархических и антиреволюционных организаций. Уже летом 1917 года он организует в Петрограде подпольную организацию «Великая единая Россия». Первоначальная цель организации была — спасение Императора Николая II. Для конспирации она действовала под видом рабочих артелей. В эту организацию вошли монархически настроенные офицеры Г.Г. Замысловский, Н.Д. Тальберг и другие. Одновременно Марков-2-й руководил конспиративной организацией «Объединенная офицерская организация», которую непосредственно возглавлял генерал Е.К. Артемьев. Также при этом Марков-2-й входил в состав «Комитета Петроградской антибольшевистской организации», которая была филиалом так называемого «Правого Центра», образовавшегося в марте 1918 года.[1]

Это пребывание Маркова-2-го одновременно в нескольких вышеперечисленных организациях вызывает определенное недоумение. Если Марков-2-й ставил своей целью освобождение Царской Семьи, то зачем было входить, скажем, в «Правый центр», руководство которого, как мы увидим ниже, было исключительно кадетско-октябристским, то есть возглавлялось бывшими, мягко говоря, оппонентами Маркова-2-го и занималось в основном политической антибольшевистской деятельностью. Не лучше ли было объединить все свои усилия для создания крепкой боеспособной группы офицеров, способной вырвать Царскую Семью из заключения? Сам Марков-2-й неохотно говорит об этом. Он лишь пишет, что «*вопрос о насильственном освобождении Государя и Его Семьи до сентября 1917 года серьезно у нас не поднимался. И всякий здравомыслящий человек понимает, что в тогдашней обстановке войны и революции подобное освобождение, если бы оно даже удалось в Царском Селе, неизбежно бы привело к новому и опаснейшему пленению, ибо вывезти Их из России без прямого содействия Англии было бы невозможно*».[2]

Но если вопрос об «освобождении Царской семьи не поднимался», то к чему было создавать организации, «ставившие своей целью спасти Царя»? И на что были направлены усилия создаваемых Мароквым-2-м организаций и каково было его участие во всем монархическом антибольшевистском движении?

Из воспоминаний самого Маркова следует, что его действия ограничились следующим:

---

[1] *Марков Н.* Указ. соч. С. 18.
[2] Двуглавый орел. №29. 1929.

1) собиранием денег для освобождения Царской Семьи. «*Приходилось обращаться за помощью к знатным и богатым, среди которых после революции оказалось так много неожиданных революционеров и нечаянных врагов добрейшего из Царей. Зубы скрипят от бешенства, когда вспоминаешь эти неизбывные поиски помощи своему государю, эти просьбы подачек — Царя ради, эти наглые лица недавних царских блюдолизов, всем благосостоянием, всем существованием своим исключительно обязанных Царской власти и так подло ей изменивших. Не могу забыть этих гнусных сцен, когда титулованные и сановные предатели со смаком лягали ослиными копытами лик поверженного царственного Льва. Целые месяцы уходили, пока удавалось наскрести сколько-нибудь заметную сумму, но и эти небольшие суммы собирались отнюдь не среди богатых, не среди купцов 1-й гильдии, не среди владельцев фабрик, не среди русской аристократии. Иные звездоносные "монархисты" не только ничего не давали на дело спасения нашего Государя, но даже отказывались меня видеть из боязни общения с подпольным деятелем скомпрометировать свою репутацию. Большинство таких вместо помощи посылало нам упреки, зачем мы вмешиваемся не в свое дело, стараясь спасти Царскую Семью*».[1]

Эти строки Маркова-2-го снова вызывают недоумение. Во-первых, каким же безрассудством было со стороны Маркова неоднократно идти к «революционерам и врагам» Царя, да еще не скрывая своей принадлежности к антиреволюционному подполью! Ведь любой из тех, кого Марков просил о помощи, мог сдать его большевикам. (Любопытно, что ни один из них этого не сделал). Во-вторых, если бы речь шла о спасении Царской Семьи любой ценой, то созданная боевая группировка офицеров могла бы насильственно завладеть денежными средствами (ограбить банк, инкассаторскую карету, и так далее, что в условиях революционной смуты было сделать не так уж сложно).[2] Ведь речь шла, по Маркову, о войне с режимом, а на войне все методы хороши. В-третьих, и это, пожалуй, самое главное: Марков-2-й не говорит, куда и на что должны были пойти получаемые суммы. Иными словами, каким образом полученные деньги должны были послужить делу спасения Царской Семьи? Простой сбор денег без какого-либо плана, естественно, не мог привести ни к чему.

2) Второй целью Маркова 2-го был сбор монархически настроенных офицеров и создание монархической организации с целью спасения Царской Семьи. С.В. Марков («маленький Марков») вспоминал, что весной 1917 года он встретился с Ю.А. Ден, которая, «сияющая и радостная», сообщила ему, что «*она на одной конспиративной квартире виделась с Н.Е.* (Марковым-2-м –

---

[1] Там же. №26. 1927.

[2] Ведь совершали же эсеры и большевики «эксы» во время первой русской революции, когда они объявили войну императорскому правительству.

П.М.) и его деятельным помощником В.П. Соколовым, известным петербургским деятелем "Союза Русского Народа". Ю.А. (Ден – *П. М.*) *была посвящена в детали организации и была довольна всем ею слышанным. Она рассказала мне, что в данный момент идет тайная мобилизация всех сочувствующих восстановлению монархии и верных присяге людей. Организован военный отдел, который вербует офицеров. Организация построена на самых конспиративных началах, причем проводится в жизнь система троек, где каждый член знает только трех человек, а те, в свою очередь, знают тоже только трех членов организации и т. д.»*[1]

Эти строки «маленького Маркова» не могут не вызвать сомнения в серьезности и эффективности создаваемой Марковым-2-м организации. В самом деле, «глубоко законспирированная» организация легко открывает перед Ю.А. Ден, которая, при всем к ней уважении, не обладала опытом проверенного подпольщика, самые сокровенные секреты структуры организации и методы ее работы. Ден, в свою очередь, радостно сообщает о них мало известному корнету Маркову. В таких условиях существование организации Маркова-2-го неминуемо должно было стать «секретом Полишинеля».

Что же предпринимала конкретно организация Маркова-2-го для спасения Царской Семьи? Марков-2-й пишет: «*К концу июня 1917 года удалось найти ход сообщения с пленным Государем Императором. В коробке папирос была папироска с свернутой под табак запиской. Мы спрашивали Государя, разрешает ли Он начинать дело восстановления империи. Если разрешает, пусть благословит дело св. иконой. В ответ была прислана икона св. Николая Мирликийского Чудотворца с инициалами Государя и Государыни. Вопрос о спасении из плена тогда не ставился, ибо нам было дано знать, что Государь на это не рискнет. Видимо, что тогда Он считал свою жизнь в безопасности*».[2]

Очень странные, мягко говоря, строки. Не хочется проводить подобные сравнения, но с «записочками на бумажках», завернутых и свернутых, мы еще будем встречаться в Ипатьевском доме, когда провокаторы Родзинский и Войков будут доставлять Царственным Узникам крынки молока, закрытые сверху бумагой, на которой будут написаны «письма офицера» Государю с предложением «побега». Еще более странным кажется и вопрос Маркова-2-го Николаю II: его отношение к восстановлению империи. И уж совсем странным кажется ответ Государя, «благословившего» это восстановление. Как будто Император после всего пережитого, после того, как ему изменили практически все верхи русского общества, после того, как он осознал всю апокалипсическую суть происходящего, мог всерьез благословлять

---

[1] *Марков С.В.* Покинутая Царская Семья. М., 2002. С. 204.
[2] Двуглавый орел. №26. 1927.

какую-то маленькую подпольную группу Маркова-2-го «восстанавливать империю». Это настолько непохоже на Императора Николая II, что даже Г.З. Иоффе, вначале склонный подозревать и выискивать в Царе всяческие попытки реванша, был вынужден в своей книге 1992 года написать: «*Вряд ли отсюда следует делать вывод, что отрекшийся Царь, получив запрос Маркова-2-го, решил "переиграть" события февраля 1917 года и призвать к борьбе за восстановление монархии. Важно отметить, что в то время, когда Марков-2-й вспоминал о своей инициативе лета 1917 года, он, находясь в Берлине, возглавлял Высший Монархический Совет, и его воспоминания могли иметь определенное политически-целевое значение*».[1]

С этими строками Г.З. Иоффе трудно не согласиться, как в том смысле, что приводимый Марковым-2-м ответ Государя мало соответствует внутреннему состоянию Императора после событий февраля 1917 года, так и в том смысле, что Марков-2-й и до революции, и после был одержим в первую очередь политической борьбой с врагами самодержавной монархии. Судьба самого носителя этой монархии отходила у Маркова на второй план.

Примечательно, что в показаниях следователю Соколову, данных Марковым-2-ым в 1921 году, о «восстановлении Империи» нет ни слова: «*В период царскосельского заключения Августейшей Семьи,* — свидетельствовал Марков, — *я пытался вступить в обращение с Государем Императором. Я хотел что-нибудь делать в целях благополучия Царской Семьи, и в записке, которую я послал при посредстве жены морского офицера Юлии Александровны Ден, очень преданной Государыне Императрице, и одного из дворцовых служителей (кажется, Чемодурова) я извещал Государя о желании послужить Царской Семье, сделать все возможное для облегчения Ее участи, прося Государя дать мне знать через Ден, одобряет ли Он мои намерения, условно: посылкой иконы. Государь одобрил мое желание: Он прислал через Ден образ Николая Угодника*».[2]

Различия в показаниях Маркова-2-го Соколову и сведениями, приводимыми им в «Двуглавом орле», скорее всего объясняются политической конъюнктурой: в разговоре с Соколовым, расследовавшим Екатеринбургское злодеяние, Марков-2-й делал акцент на попытках спасения именно Царской Семьи, а перед политическими монархистами выступал в качестве борца за восстановление Империи.

При этом странными кажутся нам слова Маркова о том, что «*вопрос о спасении из плена тогда не стоял*» из-за того, что Государь отказался от освобождения, полагая, что его жизни не угрожает опасность. Как мы знаем, Николай II и в Тобольске, и даже в Екатеринбурге отказывался от планов насильственного похищения себя и своих близких, и вовсе не потому, что

---

[1] *Иоффе Г.З.* Революция и судьба Романовых. С. 94.
[2] Россійскій Архивъ. С. 298.

считал, что его жизни и жизни его Семьи не угрожает опасность. Жильяр вспоминал: «*Мы неоднократно настаивали перед Государем, чтобы держаться наготове на случай всяких возможностей. Он ставит два условия, которые сильно осложняют дело: он не допускает ни того, чтобы семья была разлучена, ни того, чтобы покинули территорию Российской Империи*».[1]

По логике Маркова-2-го, если бы он руководствовался только волей Государя, не было никакой необходимости спасать Царскую Семью ни в Тобольске, ни в Екатеринбурге, однако же, по словам Маркова, такие попытки им предприняты были. При этом непонятно, неужели Марков не понимал и не чувствовал, что даже в Александровском дворце Царской Семье угрожает опасность? Если же он действительно так полагал, то должен был быть кто-то, кто убедил Маркова в этом. Кто это был? Марков не говорит. Также Марков-2-й не называет и тот источник, через который он сносился с Императором. Можно было бы предположить, что в то время как Марков-2-й писал свои записки, тот источник мог находиться в Советской России, и ему могла грозить опасность, назови Марков-2-й его имя. Но в том-то и дело, что Марков в своих статьях упоминает людей, которые помогали ему в деле спасения Царской Семьи, но не раскрывает их полных имен. Например, «группа генерала Z», или «молодой офицер X» и так далее. Впоследствии, когда ситуация изменилась и опасность для упоминаемых людей миновала, Марков предал гласности их имена. Но ничего подобного не было сделано с таинственным «источником», доставлявшим в Александровский дворец марковские записки.

Как пишет сам Марков-2-й, начало деятельности его организации по освобождению Царской Семьи было положено после высылки ее в Тобольск. «*Только с этого времени,* — пишет Марков-2-й, — *с осени 1917 года, задача спасения из плена была поставлена во всей ее широте*».[2] Кстати, осознание Марковым того, что ссылка Царской Семьи в Тобольск является событием, угрожающим ее жизни, также вызывает удивление. Первые месяцы тобольского периода, как мы видели, были для Царской Семьи довольно благополучными и, во всяком случае, не шли ни в какое сравнение с царскосельским периодом.

Что же конкретно предприняла его организация для того, чтобы освободить Царскую Семью из заточения? Первым делом Марков-2-й попытался установить связь с Тобольском. Эта попытка совпала с приездом из Петрограда в Тобольск молодой фрейлины М.С. Хитрово, который был представлен Временным правительством как часть большого заговора с целью освобождения Царской Семьи.

---

[1] *Жильяр П.* Указ. соч.
[2] Двуглавый орел. №26. 1927.

На самом деле Хитрово приехала в Тобольск на свой страх и риск с одной целью — быть ближе к Царской Семье. Сама Хитрово писала: *«Поехала я в Тобольск не по поручению какой-либо организации, а по собственной инициативе и исключительного желания быть ближе к арестованной Царской Семье»*.[1]

Приехав в Тобольск, Хитрово, ни от кого не скрываясь, остановилась в гостинце и хотела следовать в «Дом Свободы» к Кобылинскому, которого лично знала и который еще в Царском Селе обещал ей устроить ее вместе с Царской Семьей. Однако она встретилась с графиней А.В. Гендриковой у нее в «корниловском» доме, куда вскоре пришел и полковник Кобылинский. Кобылинский, *«встретив меня приветливо, попенял лишь, что я поторопилась, так как он собирался выхлопотать мне у Керенского разрешение на вход в дом к Их Величествам»*.[2]

С балкона «корниловского» дома Хитрово видела всю Царскую Семью, которая также вышла на балкон, так как кто-то из нее увидел Хитрово в окно. Хитрово оставила свои впечатления от этого своего последнего свидания с Царской Семьей: *«Государь постарел и выглядел плохо, Императрица показалась мне очень похудевшей, так же как и Великие Княжны. Наследник заметно вырос и выглядел хорошо. Он был в солдатской форме, а Его Величество в форме стрелков Императорской Фамилии»*.[3]

Вернувшись к себе в гостиницу, Хитрово была арестована по телеграфному распоряжению Керенского. Хитрово полагала, что причиной ее ареста стало то обстоятельство, что *«революционные власти напали на следы действительно существовавшей организации, имевшей целью освобождение Царской Семьи и возникшей еще во время пребывания Царской Семьи в Александровском дворце. Обнаружением в глухой провинции воззваний о сборе денег это было раскрыто, и были произведены аресты в Петрограде и в Москве. Обыск в родственном мне доме обнаружил мою поездку, и, поставивши ее в связь с заговором, послали телеграмму о моем аресте»*.[4]

Сегодня известно, что Керенский знал заранее о приезде Хитрово в Тобольск. Он выслал властям города следующую телеграмму: *«Исключительное внимание обратите на приезд Маргариты Сергеевны Хитрово, молодой светской девушки, которую немедленно на пароходе арестовать, обыскать, отобрать все письма, паспорта и печатные произведения, все вещи, не составляющие личного дорожного багажа ... немедленно под надежной*

---

[1] Двуглавый орел. № 30. 1922, 1/14 мая.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же.

охраной доставить в Москву прокулату (т. е. прокурору судебной палаты)»[1]

Известие об аресте и высылке Хитрово было известно Государю. В своем дневнике за 18 августа он записал: «*Утром на улице появилась Рита Хитрово, приехавшая из Петрограда, и побывала у Настеньки Гендриковой. Этого было достаточно, чтобы вечером у нее* (Гендриковой) *произвели обыск*».[2] На другой день, 19 августа, он пишет: «*Вследствие вчерашнего происшествия Настенька лишена права прогулок по улицам в течение нескольких дней, а бедная Рита Хитрово должна была выехать обратно с вечерним пароходом*».[3]

Немедленно прессой была поднята страшная шумиха по поводу попытки освобождения Царской Семьи «контрреволюционной организацией».

Мы знаем, что на конец лета 1917 года единственной более-менее серьезной организацией такого рода была организация Маркова-2-го. Однако никаких репрессий в отношении этой организации в то время со стороны Временного правительства предпринято не было. Кроме того ни Марков-2-й, ни сама Хитрово в своих воспоминаниях не упоминают друг о друге, хотя оба уже были в эмиграции, и им ничего не грозило. Значит, речь шла о другой организации. Причем организации, которая имела свои филиалы в столицах и в провинции. Революционные власти стали активно пропагандировать версию о наличии монархического заговора. Прокурор А.Ф. Сталь, к которому в Москву была доставлена Хитрово, заявил 23 августа, что «*цель заговора — чисто политическая, она заключалась в осуществлении государственного переворота в России*». В печати стали раздуваться сенсационные слухи, что нити заговора тянутся чуть ли не в разные города, что в него вовлечены некоторые Великие Князья.[4]

В начале августа, в преддверии корниловского выступления, режим Керенского балансировал над пропастью и лихорадочно искал способы удержаться у власти. В этой связи февралисты всюду видели монархические заговоры. Говорили о заговоре с целью реставрации с Великим Князем Павлом Александровичем во главе, о том, что его поддерживает Ставка. Тогда же прокурор Сталь «нащупал» заговор в казачьей среде. Им была арестована группа офицеров, у одного из которых, офицера Б. Скакуна, была обнаружена печать «Союза Казачьих войск». «Союз Казачьих войск» действительно существовал. Это была при Временном правительстве легальная организация, штаб-квартира которой располагалась на Знаменской улице г. Петрограда. Однако именем

---

[1] *Соколов Н.А.* Убийство Царской Семьи. С. 23.
[2] Дневники Императора Николая II.
[3] Там же.
[4] *Иоффе Г.З.* Революция и судьба Романовых. С. 111.

«Союза Казачьих войск» пользовались некоторые офицерские объединения самой различной направленности.[1] Сейчас трудно сказать, действительно ли Скакун принадлежал к какому-нибудь объединению или действовал самостоятельно. Важно другое: Скакун, по-видимому, действительно дал какие-то показания о наличии заговора против Временного правительства, так как газета «Известия» 22 августа объявила о *«раскрытии заговора против республиканской власти в России»*. В качестве своей сообщницы Скакун назвал Хитрово. Однако на деле «заговор» оказался не более чем очередным «мыльным пузырем», а Хитрово не имела никакого отношения к какой-либо организации. Выяснилось, что Скакун был связан с Хитрово финансовыми обязательствами, а именно взял у нее деньги в сумме 1000 рублей и не вернул, несмотря на настоятельные требования Хитрово. Скорее всего организацией, о которой пишет Хитрово, была «организация» Скакуна, сведения о которой исчерпываются только наличием печати и мифическими прокламациями. Скорее всего Скакун рассказывал Хитрово о существовании такой организации, а та, будучи молодой девушкой, принимала его рассказы за чистую монету. Во всяком случае, Хитрово писала, что она *«знала и раньше об этой организации, но вследствие моих отношений с Дворцом, а впоследствии намерения поехать в Тобольск я, боясь навлечь подозрение на Царскую Семью, не принимала в ней активного участия, полагая, что находясь вблизи Царской Семьи, я всегда смогу ориентироваться, сообщать нужные сведения и вообще в решительную минуту оказать действенную помощь. Вследствие выяснившегося отсутствия связи между моей поездкой и обнаруженной организацией я была отпущена, тогда как некоторым арестованным удалось освободиться лишь благодаря большевистскому перевороту»*.[2]

С.В. Марков считает, что причиной ареста Хитрово было необдуманное поведение ее и ее матери Л.В. Хитрово. Он пишет: *«В самом конце августа уехала в Тобольск М.С. Хитрово, взявшая с собой, кроме вещей для Их Величеств, целую массу писем. Ее поездка окончилась печально. Ее в самый день приезда арестовал Кобылинский и отправил под конвоем в Петербург.*[3] *Бедная М.С. вела себя во время поездки весьма необдуманно, посылая своей матери с дороги письма, в которых весьма прозрачно писала о своих мыслях и обо всем увиденном по дороге. Письма эти, видимо, попали в цензуру, а, кроме того, ее мать где-то в поезде совершенно недопустимо откровенно говорила о поездке своей дочери, что случайно и бы-*

[1] Флот в Белой борьбе. М., 2002.
[2] Двуглавый орел. № 30. 1922.
[3] Ошибка. Хитрово, как мы уже писали, была арестована не Кобылинским, а прокурором и отправлена не в Петроград, а в Москву. Из этого отрывка «Маркова-Маленького» видно, что он пользовался воспоминаниями Т.Мельник-Боткиной, а не собственными сведениями.

ло услышано одним из пассажиров, оказавшимся чуть ли не приятелем Керенского, которому было немедленно доложено обо всем услышанном».[1]

Совершенно безобидная поездка Хитрово в Тобольск привела к ужесточению режима содержания Царской Семьи. Комиссар Кобылинский был отозван и на его место назначен комиссар Панкратов и его помощник Никольский, с приходом которых время относительной свободы для Царственных Узников закончилось. В этой связи напрашивается вопрос: не являлась ли вся история с Хитрово и «контрреволюционным заговором» очередной провокацией Керенского, направленной для оправдания притеснительных мер против Императора Николая II и его Семьи? Сам Керенский уже в эмиграции называл поездку Хитрово «*детским заговором. Можно думать, что это была группа неопытных, наивно увлеченных молодых людей. Следствие не обнаружило ничего опасного, и дело было быстро ликвидировано».*[2]

В этой связи С.П. Мельгунов резонно замечает: «*Правительство само создало это смехотворное политическое дело, о котором в общественных кругах никто не знал».*[3]

Как бы там ни было, можно с уверенностью сказать, что поездка М.С. Хитрово не имела никакого отношения к деятельности Маркова-2-го, как и к деятельности какой-либо другой организации.

Что же касается непосредственно деятельности организации Маркова-2-го, то ею в Тобольск был послан «*молодой офицер Х., хорошо известный всей Семье и беспредельно Им преданный*», для установления связи. Ни целей, ни задач, ни конкретных людей, с кем «Х.» должен был войти в контакт для установления связи, ни с кем конкретно эта связь должна была быть установлена, Марков-2-й не сообщает. Уехав в Сибирь, «Х.», пропал и не подавал никаких сигналов всю зиму 1917–1918 годов, так что марковцы его сочли погибшим. Однако, «Х.» не погиб. Как выяснилось позже, он «*попал в провокаторскую организацию некоего Соловьева, женившегося уже во время революции на дочери Распутина. Соловьев сумел убедить Х. в том, что дело спасения Семьи уже налажено его организацией, что все с согласия Государя подготовлено и что всякое постороннее вмешательство только повредит успеху. Внешняя обстановка и несомненные для Х. сношения Соловьева с заточенными, а также намеки в письмах Тобольских Узников к Вырубовой и другим близким лицам о необходимости согласованности в действиях сбили с толку не только Х., но и нас самих. Второй офицер У. был послан в Тобольск с приказанием действовать совместно с Соловьевым. Неуди-*

[1] *Марков С.В.* Указ. соч. С. 225.
[2] *Мельгунов С.П.* Судьба Императора Николая II после отречения. С. 203.
[3] Там же. С. 204.

вительно, что он также попал под влияние Соловьева, стал в подчиненное к нему положение и не раскрыл вовремя печальной действительности».[1]

Эти строки Маркова-2-го также вызывают недоумение. Во-первых, странно поведение «Х.». Почему, встретившись с Соловьевым и выслушав от него новые указания, «Х.» не сообщил немедленно своей организации в Петроград? Сделать это не представляло для «Х.» большой сложности, позже он сообщение послал, но спустя несколько месяцев. Почему он не сделал этого сразу? Во-вторых, почему Маркова-2-го не насторожило долгое отсутствие «Х.» и он не послал незамедлительно другого эмиссара, скажем «офицера У.», чтобы он прояснил ситуацию? Марков-2-й не сделал этого. Он терпеливо ждал сигнала от «Х.», а затем, когда получил от последнего весьма подозрительное письмо, слепо поверил ему и полностью доверился Соловьеву. Марков-2-й объясняет это тем, что по получении сведений от «Х.» он связался с Вырубовой и получил от нее подтверждения в пользу Соловьева. То есть получается, что Марков-2-й полностью доверял мнению Вырубовой и ее интуиции. Однако это не так. «*Г-жа Вырубова,* — писал Марков-2-й в 1929 году, — *действовала вполне самостоятельно, связей с нашей монархической организацией не поддерживала и слишком доверяла Соловьеву. Этот Соловьев казался нам весьма подозрительным, образ же действий самой А.А. Вырубовой достаточно неосторожным».*[2]

Это же подтверждает и сама Вырубова: «*Маркова 2-го я видела всего один раз в жизни. Никаких "организаций" я не имела и потому логично не могла о них говорить с ним».*[3]

Но если Вырубова, по словам Маркова-2-го, была неосторожна и не поддерживала связей с марковской организацией, то как же можно было сразу довериться ее мнению о Соловьеве и тем более доверить Соловьеву все дело спасения Царской Семьи? Здесь возникает еще один вопрос. Марков-2-й пишет, что в письмах «*Тобольских Узников Вырубовой и другим близким лицам*» имеются намеки о «*необходимости согласованности в действиях*». Получается, что Вырубова и «близкие лица» показывали Маркову-2-му эти письма, что неминуемо опровергает утверждения Маркова-2-го о том, что Вырубова не поддерживала связей с его организацией. Со стороны Вырубовой также было странно показывать интимные письма Царской Семьи малознакомому человеку. Есть и другое предположение: Марков-2-й ознакомился с этими письмами не тогда, в 1918 году, а значительно позже, уже в эмиграции, когда они были частично опубликованы впервые в «Русской Летописи», и по стратегическим политическим соображениям

[1] Двуглавый орел. № 26. 1927.
[2] Там же. № 29. 1929.
[3] Заповедь Новая. Архивные материалы и исторические зарисовки к духовному портрету блаженной памяти монахини Марии — в миру Анны Александровны Танеевой (Вырубовой) / сост. Рассулин Ю.Ю. М., 2003. С. 127.

слукавил. К тому же внимательное изучение писем Государыни к Вырубовой не дает никаких сведений о «*необходимости согласования в действиях*».

Самым большим делом своей организации Марков-2-й считал посылку в Тобольск штабс-ротмистра Н.Я. Седова. Однако она закончилась безрезультатно. Прибыв в Тюмень, Седов тяжело заболел и не давал о себе никаких вестей. Затем он присоединился к группе Соловьева — «маленького Маркова». К тому времени Седов был в очень плохой физической и моральной форме. Как писал «маленький Марков», «*вместо вылощенного штабс-ротмистра, всегда безукоризненно выбритого, с милым, располагавшим к себе лицом, я увидел форменного оборванца, в засаленной ватной куртке, в серо-синих латаных брюках, в смазных сапогах. Дырявый картуз еле-еле прикрывал всклокоченную шевелюру, и давно не стриженные усы заканчивались бородкой козликом*».[1] Соловьев, «маленький Марков» и Седов были вынуждены ждать известий от Маркова-2-го, которые так и не поступили.

Однако сам Марков-2-й пишет: «*В течение зимы подготовлялся план освобождения. Нашелся опытный и верный шкипер дальнего плавания, который брался войти со своей шхуной в начале лета в устье Оби и в условленном месте ожидать прибытие Беглецов. Разработан был план прекращения на время бегства телеграфной связи вдоль Оби и морского побережья. Постепенно к местам действия стягивались отдельные группы офицеров из Сибири и с Урала. В Петрограде образована была офицерская группа генерала Z., которая должна была явиться на месте ядром спасательного отряда. Провокаторская деятельность Соловьева, неудачи в деле налаживания связи, а главное недостаточность необходимых денежных средств привели к тому, что несколько месяцев было утрачено бесполезно, и к весне 1918 года подготовка операции была далеко не закончена*».[2]

Приведенные выше строки Маркова-2-го совершенно не похожи на серьезный план воинской операции, каковой, без сомнения, должно было стать освобождение Царской Семьи. Если Марков полностью доверял Соловьеву, то к чему и шкипер, и группа офицеров, и петроградская группа? Логично было бы продолжать доверять Соловьеву освобождать Царскую Семью. Если же Марков-2-й не доверял Соловьеву, то тогда кто должен был осуществить непосредственно побег Царской Семьи из Тобольска? То есть каким образом, по Маркову, Царская Семья должна была оказаться на шхуне? Марков об этом ничего не говорит. Дальше: каким образом и кто должен был прекращать телеграфную связь вдоль Оби и морского побережья? При этом надо учесть, что для такой операции понадобилось бы большое количество людей, так как обрывать провода на таком большом расстоянии достаточно сложно, ведь местные совет-

[1] *Марков С.В.* Указ. соч. С. 335–336.
[2] Двуглавый орел. №26. 1927.

ские власти, обнаружив разрыв сети, конечно же направили бы туда связистов. Поэтому надо было либо рвать провода каждые 4–5 километров, либо захватить в ближайшем от места предполагаемого пути следования спасенных телеграф и прекратить его деятельность, что вряд ли было под силу отрядам Маркова-2-го. Наконец, Марков не говорит главного: а куда бы он повез спасенную Царскую Семью? Если Марков-2-й хотел ее спасти, то лучшим действием стало бы укрытие Царской Семьи под надежной охраной в каком-нибудь укромном месте в России, в ожидании, когда политическая обстановка изменится. Увозить Царскую Семью на какой-то шхуне в неизвестном направлении было безумием. Ведь шхуна была бы быстро обнаружена и в лучшем случае захвачена, а в худшем уничтожена. К тому же, судя по воспоминаниям находившейся в то время в Тобольске большевички Наумовой, большевикам было известно, что для освобождения Царской Семьи приготовлена шхуна «Святая Мария».[1] Если это так, то можно судить, на каком уровне находилась конспиративность в организации Маркова-2-го.[2] Но даже если допустить, что шхуна с членами Царской Семьи на борту ушла бы из российских территориальных вод, то в какой стране и на каких условиях ее бы приняли?

Между тем существовали возможности спасения Царской Семьи гораздо более легкие и менее затратные, чем планы со шхунами. В первые месяцы прихода большевиков к власти ситуация вокруг «Дома Свободы» контролировалась исключительно «отрядом особого назначения». При этом многие из этого отряда были сочувственно настроены по отношению к Царской Семье. Т.Е. Мельник-Боткина пишет, что *«целый взвод стрелков во главе со своим командиром поручиком Малышевым передавал полковнику Кобылинскому, что в их дежурство они дадут Их Величествам безопасно уехать».*[3]

Понятно, что если бы в Тобольске появились эмиссары такого известного монархиста, как Марков-2-й, прошедшие войну офицеры, то им не составило труда найти общий язык с такими же офицерами «отряда особого назначения». Но ничего подобного люди Маркова-2-го не предприняли. Вместо того, чтобы войти в контакт с Кобылинским, вместо того, чтобы организовать похищение Царской Семьи и послать для этого в то время нейтральный Тобольск вооруженных людей, вместо того, чтобы войти в контакт с солдатами и офицерами «отряда особого назначения» — вместо всего этого

---

[1] *Иоффе Г.З.* Крах российской монархической контрреволюции. С. 58.

[2] Хотя не исключено, что Наумова, писавшая свои мемуары в конце 20-х годов и, возможно, читавшая записки Маркова-2-го, сознательно подлаживала свои воспоминания «о шхуне» к текстам Маркова, так как существование «белогвардейского заговора» вокруг Царской Семьи, которого при всех усилиях большевистским фальсификаторам обнаружить не удалось, было чрезвычайно нужно последним для оправдания екатеринбургского злодеяния.

[3] *Мельник Т.* Указ. соч.

Марков-2-й готовит шхуны, создает отряды вдали от Тобольска и ждет, пока кто-то освободит Царскую Семью, и тогда он, Марков-2-й, поможет ей скрыться.

Тем не менее Марков-2-й считал проделанную им работу большой подготовкой к спасению Царской Семьи. В 1929 году он пишет: «*Большая подготовительная работа была произведена, и спасение Царской Семьи из Тобольска становилось реально выполнимым. Перевоз в Екатеринбург нанес страшный удар по всем нашим планам*».[1]

В чем же заключалась эта работа, если марковцы даже не организовали в Тобольске ни одной своей ячейки, не встретились ни с одним человеком, могущим помочь им в содействии по спасению Царской Семьи, не установили связи с «Домом Свободы», короче говоря, не предприняли ничего конкретного, чтобы «*спасение Царской Семьи из Тобольска стало реально выполнимо*»? Каким образом это спасение могло стать реально выполнимым, если люди Маркова-2-го сидели далеко от Тобольска, поджидая шхуну с опытным шкипером и формируя опять-таки далеко от Тобольска вооруженные отряды, главной целью которых, если следовать логике Маркова, было уничтожение телеграфной связи?

Эти вопиющие разночтения, отсутствие логики, очень похожи либо на авантюру, либо на безумие. Между тем Марков-2-й не был ни авантюристом, ни умалишенным. Возникает вопрос: в чем заключалась причина подобных действий, а точнее подобного бездействия со стороны Маркова-2-го? Мы далеки от того, чтобы обвинять Маркова-2-го в злой воле. Нет, он был убежденным монархистом и по-своему верен Царской Семье. Но Марков-2-й был больше политиком, чем монархистом, он больше был погружен в политические баталии, комбинации и интриги, чем в конкретный план освобождения Царственных Узников. Он пытался «обмануть дьявола», использовать дьявола в своих благих намерениях. При этом он забыл слова Псалмопевца: «Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых и на пути грешных не ста». Марков-2-й, по всем признакам, пошел на этот совет. В воспоминаниях С.В. Маркова («маленького Маркова») мы читаем, что в организации Маркова-2-го «*вся работа направлена к тому, чтобы создать мощный аппарат, который сможет совершить в Петербурге переворот, освободив Государя, и восстановит Его на Прародительском Престоле, а в случае Его отказа обеспечит трон Наследнику*».[2]

Эти строки «маленького Маркова» относятся к весне–лету 1917 года. Но можно с уверенностью сказать, что подобные же цели Марков-2-й ставил во главу угла и в тобольский, и в екатеринбургский период. То есть Марков-2-й ставил перед собой прежде всего политические цели (восстановление

---

[1] Двуглавый орел. №29. 1929.
[2] *Марков С.В.* Указ. соч. С. 204.

монархии), а не цели спасения Царской Семьи. Марков-2-й до конца не понял всей опасности, которая угрожает Императору Николаю II и его Семье. Он искал союзников не в целях спасения Царской Семьи, а в целях осуществления своих политических планов, в которых Царская Семья была средством, а не целью. В поисках этих союзников Марков-2-й почти наверняка нашел контакт с большевиками. «Маленький Марков»: «*К большевистскому выступлению и движению Марков относился сочувственно, придерживаясь пословицы: чем хуже, тем — лучше. Я отчетливо и как сейчас помню, что Ю.А. говорила мне, что предполагается отчасти использовать большевиков в том смысле, чтобы дать им возможность свергнуть Временное Правительство, а потом придушить и их самих. Во всяком случае, среди большевиков Марков-2-й имеет большое количество своих приверженцев, умышленно пошедших на службу к ним, и стремится к тому, чтобы во всех учреждениях и во всех партийных и внепартийных организациях иметь побольше своих надежных людей, дабы быть все время в курсе общего положения дел из первых источников*».[1]

Находясь в эмиграции, Марков-2-й категорически отрицал эти утверждения «маленького Маркова», обвиняя в свою очередь последнего, и не без основания, в связях с большевиками. Но объективные данные, а также вышеупомянутые большевистские игры с реставрацией монархии дают нам возможность поверить в правдивость показаний «маленького Маркова». Безусловно, Марков-2-й находился в контактах с какой-то мощной политической силой, скорее всего большевиками, которая убеждала его в своих промонархических симпатиях и заверила его в том, что безопасность Царской Семьи находится в надежных руках. Вот почему Марков-2-й так терпеливо ждал и так долго бездействовал, все время оставаясь под наблюдением этой политической силы. Когда же выяснилось, что она, эта политическая сила, самым циничным образом обманула Маркова-2-го, было уже поздно. «Дьявол обещает золото, а дарит разбитые черепки». Марков-2-й забыл об этом.

Подводя итог всему изложенному, зададимся вопросом: могла ли реально организация Маркова-2-го, с теми силами и планами, о которых мы говорили, освободить Царскую Семью из Тобольска или, тем более, из Екатеринбурга? Ответ очевиден: нет, не могла. Представляла ли организация Маркова-2-го опасность для большевиков и могла ли ее деятельность стать причиной, побудившей большевиков перевезти Царскую Семью из Тобольска в Екатеринбург? Ответ также очевиден: нет, не могла.

В этом плане трудно не согласиться с Б.Н. Соловьевым, который говорил об организации Маркова-2-го незадолго до вывоза Императора и Императрицы в Екатеринбург: «*Организация зародилась, чуть ли не с мая месяца 1917 года, то есть почти год без малого, и за этот промежуток*

---

[1] *Марков С.В.* Указ. соч. С. 204.

времени Марков-2-й не мог собрать достаточных средств и смог выслать в эти места только одного Седова!»[1]

Планы организации Маркова-2-го так и остались «*лишь планами, а, скорее всего, благими намерениями*».[2]

Б) Действия «кружка А.А. Вырубовой»

Наряду с Марковым-2-м наиболее часто упоминаемым именем в связи с попытками освободить Царскую Семью, является имя А.А. Вырубовой.

А.А. Вырубова, близкая подруга Императрицы и всей Царской Семьи, прожившая бок о бок с нею ни один десяток лет, разделявшая с ней все ее радости и горести, конечно, не могла остаться равнодушной к судьбе Царственных Узников. После ареста Временным правительством, пережитого ужаса в подвалах Петропавловки и Свеаборгской тюрьмы, Вырубова, выйдя на свободу, не только не затаилась, не скрылась, но и стала активно искать возможности оказать помощь Царской Семье. Она установила переписку с Царской Семьей, в основном с Императрицей, организовала доставку в Тобольск книг, теплых вещей и денег для Царской Семьи. Сделать это ей удалось только в конце 1917 года, то есть в основном при большевиках. Вообще отношения Вырубовой и большевиков не так просты, как может показаться. Вырубова в своих воспоминаниях отмечает, что чем крепче становилось влияние большевиков в Петрограде, тем легче становилось ее пребывание в тюрьме. Это было не случайно. Используя непонятные до сих пор связи, Вырубова через доктора Манухина обратилась за помощью к Л.Д. Троцкому. Тот выслал телеграмму о переводе Вырубовой из Свеаборга в Петроград.[3] «*27-го сентября*, — пишет Вырубова, — *Шейман вернулся из Петрограда, зашел к нам и, придя в мою камеру, сказал, что Луначарский и Троцкий приказали освободить заключенных Временного Правительства. С Шейманом также говорил доктор Манухин, что сегодня вечером будет закрытое заседание президиума Областного Комитета, и они предложат вопрос о нашем освобождении, но что он решил лично меня перевезти в лазарет. Вечером мы пили чай в дежурной комнате офицеров; позвонил телефон, позвали меня, сказали, что президиум постановил меня отпустить*».[4]

Так и случилось. Вырубова была переведена в Петроград и вышла на свободу 30 сентября 1917 года. Причем перед освобождением ее в Смольном лично принял Л.Б. Каменев. «*Вскоре пришел Каменев и его жена*, — вспоминает Вырубова, — *поздоровавшись со всеми нами, он сказал, что, вероятно, мы голодные; приказал принести нам обед. Каменев же сказал, что лично он от-*

---

[1] *Марков С.В.* Указ. соч. С. 295.
[2] *Иоффе Г.З.* Революция и судьба Романовых. С. 144.
[3] *Мельгунов С.П.* Судьба Императора Николая II после отречения. С. 207.
[4] Фрейлина Ее Величества. С. 244.

пускает нас на все четыре стороны. Поблагодарили Каменевых за их сердечное отношение после всех наших мытарств».[1]

Заметим, что речь идет о конце сентября, то есть до большевистского переворота остается еще почти месяц, но решение об освобождении Вырубовой принимает большевистское руководство (Троцкий, Луначарский, Каменев).

Именно при большевиках разворачивается активная деятельность Вырубовой по оказанию помощи Царской Семье. Вообще о первых месяцах большевистской власти Вырубова вспоминает скорее положительно, чем отрицательно. По сравнению с ужасом керенщины, *«зима 1917—1918 гг. и лето 1918 г. были сравнительно спокойными, хотя столица и находилась в руках большевиков».*[2]

Эти слова Вырубовой, конечно, для нас покажутся странными, так как именно весна–лето 1918 года было периодом большевистского геноцида против русского народа, массовых убийств целых слоев населения, массовых грабежей имущества, периодом развязывания гражданской войны. Этот же период стал кульминацией мученичества Царской Семьи, началом ее последнего екатеринбургского периода. Но для Вырубовой все это вроде как отходит на второй план. По всей вероятности, большевики поначалу ей казались куда предпочтительней, чем февралисты. Для нас важны именно эти настроения Вырубовой. Безусловно, как и в случае с Марковым-2-м, они не были связаны с «большевизмом» Вырубовой, и тем более не с ее «злыми намерениями» в отношении Царской Семьи.

В первую очередь, надо отметить, что, при всем сочувствии к личности А.А. Вырубовой, назвать ее человеком выдающегося и глубокого ума не представляется возможным. Как писал В.М. Руднев: «*После первых же бесед с госпожой Вырубовой я убедился в том, что она, в силу своих индивидуальных качеств, не могла иметь абсолютно никакого влияния не только на внешнюю, но и на внутреннюю политику государства. С одной стороны, вследствие чисто женского отношения ко всем тем политическим событиям, о которых мне приходилось с ней беседовать, а с другой, вследствие чрезмерной ее словоохотливости и полной неспособности удерживать в секрете даже такие эпизоды, которые вне достаточного анализа, при поверхностной оценке, могли бы набросать тень на нее самое. В дальнейших беседах я убедился, что просьба, обращенная к госпоже Вырубовой, удержать что-либо в секрете, была равносильна просьбе об этом секрете объявить всенародно, так как она, узнав что-либо та-*

---

[1] Там же. С. 246.
[2] Там же. С. 247.

кое, чему она придавала значение, тотчас рассказывала об этом не только своим близким, но даже малознакомым людям».[1]

Человек с добрым сердцем, безусловно, преданная до самопожертвования Царской Семье, отзывчивая на чужую боль, бессребреница, Вырубова в то же время была эгоистична, капризна, легкомысленна и легко попадала под разные влияния. Об этом свидетельствовали люди, глубоко любившие ее, в том числе и Императрица Александра Федоровна. В письмах своему мужу Императору Николаю II она не раз писала об этих недостатках Вырубовой: «*Есть многое, чего Аня, благодаря своему воспитанию и принадлежности к другому кругу, не понимает, и многими заботами я с ней никогда не могла бы поделиться».*[2]

Вырубова, конечно, не обладала ни тем великодушием, ни той широтой души, ни тем смирением, какими обладала ее подруга — Государыня Императрица. Особенно это видно по совершенно разному отношению к России и революции. Вырубова после всего с нею происшедшего озлобилась не только на революционеров, но и на всю Россию. «*Я должна сознаться,* — пишет она, — *что относилась хладнокровно к судьбе России: я была убеждена, что все несчастья, постигшие родину, были вполне заслуженными после той участи, которая постигла Государя».*[3]

По всей видимости, эти чувства Вырубова выразила в письме к Императрице Александре Федоровне, и каким же высшим благородством был исполнен ответ Государыни! «*Боже, как родина страдает! Знаешь, я гораздо сильнее и нежнее Тебя ее люблю. Бедная родина ... Боже спаси».*[4]

Но Вырубова не могла подняться до уровня Императрицы. Ее одолевали эмоции, среди которых преобладали: любовь к Царской Семье и ненависть к февралистам. Кроме того Вырубова смертельно боялась снова очутиться в сырых казематах и испытать весь ужас тюрьмы, сопряженный с постоянной смертельной угрозой. Будучи больной, одинокой и слабой женщиной, Вырубова, естественно, стремилась найти опору и покровительство, всегда ей оказываемые Государем и в особенности Государыней. Эту опору и это покровительство Вырубова неожиданно нашла в большевистских и околобольшевистских кругах. Выпущенная, как она считала, по доброй воле большевиков, Вырубова вскоре нашла покровительство у писателя Максима Горького, который в то время был личным другом Ленина. «*Писатель Горький, вероятно, ради любопытства, хотел меня видеть. Я надеялась спасти Их Величества и кидалась ко всем. Я говорила более двух часов с этим странным человеком, который как будто стоял за большевиков и в то же время*

---

[1] *Руднев В.* Правда о Царской Семье и «темных силах» / пред. Гаранина Б. Берлин, 1920. С. 22.

[2] Николай II в секретной переписке. С. 398.

[3] Фрейлина Ее Величества. С. 247.

[4] Письма Святых Царственных Мучеников. С. 259.

выражал отвращение и открыто осуждал их политику, террор и их тиранство. Он высказывал свое глубокое разочарование в революции и в том, как себя показали русские рабочие, получившие давно желанную свободу. То, что он говорил о Государе и Государыне, наполнило мое сердце радостной надеждой. По его словам, они были жертвой фанатизма этого времени, и после тщательного осмотра помещений Царской Семьи во Дворце они казались ему даже не аристократической, а просто буржуазной семьей безупречной жизни. Он говорил мне, что на мне лежит ответственная задача — написать правду об Их Величествах "для примирения Царя с народом". Мне же советовал жить тише, о себе не напоминать».[1]

Вырубова, в силу своей некомпетентности в политических вопросах и в силу своей легкомысленности, не знала, кто такой Горький. Вернее, она знала, что он — известный писатель. То, что Горький был старый и заклятый враг русской монархии и лично Императора Николая II, находящийся в дружбе и помогавший практически всем известным революционерам, что именно он, Горький, через еврейские американские и старообрядческие круги собирал деньги на первую русскую революцию, что Горький был тесно связан с мировым масонством, — всего этого Вырубова не знала. Она также не знала и не понимала, что даже если сочувственные слова Горького о Царской Семье были искренни, то никакого решающего значения они играть не могли, и та сила, которая полностью завладела Горьким, господствует над ним и определяет его конечные поступки. Кроме того в свете той тонкой игры, какую вели в те дни большевики с «реставрацией» монархии, слова Горького могли быть частью их плана. Понятно, что Вырубова об этой игре также ничего не знала.

Вырубова не понимала, что своим сочувствием Горький вольно или невольно вовлекал ее в политические игры, делал всю ее деятельность по оказанию помощи Царской Семье подконтрольной большевикам. Практически не подлежит сомнению, что большевики знали о деятельности Вырубовой и ее «кружка» по оказанию помощи Царской Семье. Причем, велика вероятность, что об этой деятельности знали и немцы. Большевики или немцы, или и те, и другие использовали деятельность Вырубовой в своих целях, подсылая к ней либо своих провокаторов, либо таких же одураченных ими людей. В пользу этого предположения говорит многое. В первую очередь, это касается деятельности «маленького Маркова», имевшего, несомненно, тесные контакты как с большевиками, так и с немцами. Безусловно, искреннее стремление помочь Царской Семье втягивало Вырубову все больше и больше в большевистские планы под сладкие речи Горького.

---

[1] Фрейлина Ее Величества. С. 249.

Но то, чего не понимала Вырубова, прекрасно понимала Государыня. 22 января 1918 года она пишет ей: «*Что Ты познакомилась с Горьким, меня так удивило — ужасный он был раньше, неморальный, ужасные, противные книги и пьесы писал — неужели это тот? Как он против папы* (Государя) *и России все воевал, когда он в Италии жил. Будь осторожна, дорогая*».[1]

В письме к Вырубовой от 23 января 1918 года она снова предупреждала: «*Будь осторожна со всеми, кто приходит к Тебе. Я очень беспокоюсь о "Bitter" (Максим Горький), — он издает ужасную газету и писал столько гадких пьес — грязных и книг. Ничего серьезного при нем не говори. Люди будут стараться, как прежде, окружать Тебя, но из своих личных выгод будут пользоваться Тобою и опять прятаться за Твою спину. Тогда услышат о Твоем имени и начнут Тебя преследовать. "Bitter" настоящий большевик*».[2]

Но, судя по всему, Вырубова мало прислушивалась к советам Государыни. Примечательно, что не сохранилось ни одного письма Вырубовой к Царице, зато имеется множество писем Царицы к Вырубовой. Объясняется это просто: Государыня уничтожала все письма Вырубовой и просила ее делать то же самое со своими письмами. «*Ни одного твоего письма не оставляю*, — писала Императрица, — *все сожжено — прошедшее как сон!*».[3] К счастью для потомков, Вырубова не вняла этому совету Императрицы, и письма ее сохранила. Но эта объективная заслуга Вырубовой перед будущими поколениями могла обернуться тяжелыми последствиями как для Царской Семьи, так и для самой Вырубовой. Вряд ли Вырубова, сохраняя письма, задумывалась о будущих поколениях. Вряд ли также она готова была подвергнуться новым репрессиям из-за тобольских писем. Тем не менее она их сохраняла. Напрашивается один вывод: значит, Вырубова не боялась их сохранять, а это, в свою очередь, означает, что у нее был на тот момент надежный защитник. Кто же это мог быть? Скорее всего этим защитником был Максим Горький. Хотя Вырубова в своих воспоминаниях и отрицает свои тесные контакты с Горьким, они все же заметно прослеживаются. Так, Вырубова пишет, что показывала Горькому начало своих мемуаров, и Горький их высоко оценил. Если Вырубова показывала Горькому свои воспоминания, которые, если только они соответствовали тем, которые она выпустила в эмиграции, в чем сомневаться, впрочем, нет никаких оснований, были исполнены горячей любви к Царской Семье и опять-таки грозили Вырубовой серьезными неприятностями, то мы смело можем предположить, что Вырубова показывала Горькому и письма Императрицы. А если предположить, что Горький передавал содержание этих писем своим

[1] Письма Святых Царственных Мучеников. С. 209.
[2] Там же. С. 217.
[3] Там же. С. 169.

большевистским друзьям, то нечего и говорить, что последние были в полном курсе дел в «Доме Свободы» и могли смело контролировать положение. О том, что Вырубова предавала гласности письма Государыни, свидетельствует и М.Г. Распутина: «*Вырубова через какую-то сестру милосердия, служившую ей, получала от Государыни письма. (…) Я эти письма читала сама. Таких писем было много*».[1]

Таким образом, все действия Вырубовой скорее всего изначально контролировались большевиками, делая освобождение Царской Семьи невозможным.

Но здесь встает вопрос: а ставила ли Вырубова перед собой цель именно освободить Царскую Семью? Судя по словам самой Вырубовой, она такой цели себе не ставила, да и ставить не могла, так как ей эта цель была просто не под силу. Все домыслы о «громадном влиянии» Вырубовой на государственные дела в годы царствования Императора Николая II оказались таким же лживым мифом, как и миф о влиянии Распутина. Вырубова не поддерживала тесных контактов ни с одним представителем Двора и знати, более того, у большинства представителей последних имя Вырубовой вызывало неприятие. Во время ее единственной встречи с Марковым-2-ым тот призвал Вырубову обратиться к представителям высшей аристократии, чтобы они оказали помощь Царской Семье. Вырубова на это ответила Маркову, «*что она жертвует своим последним для Императорской Семьи, но что она никогда не была близка с большинством придворных лиц и поэтому не может иметь на них какого-либо влияния в этом отношении*».[2]

Главное, к чему стремилась лично Вырубова, было оказать посильную помощь Царской Семье деньгами, вещами, сладостями, духовной литературой. В этом ей помогали преданные Царской Семье люди, имена которых она не называет: «*Единственными светлыми минутами, — вспоминала Вырубова, — последующих дней была довольно правильная переписка, которая установилась с моими друзьями в Сибири. И теперь, даже вдалеке от России, я не могу назвать имена тех храбрых и преданных лиц, которые проносили письма в Тобольск и отправляли их на почту или привозили в Петроград и обратно. Двое из них были из прислуги Их Величеств. Они рисковали жизнью и свободой, чтобы только доставить Помазанникам Божьим радость переписки со своими друзьями*».[3]

Но вскоре вокруг Вырубовой начинает образовываться круг людей, которые высказывали свое непреклонное желание освободить Царскую Семью. Именно этот круг и принято называть «кружком Вырубовой». Собственно, этот «кружок» был в основном представлен двумя людьми: это С.В. Марков и

[1] Россiйскiй Архивъ. С. 185.
[2] *Марков С.В.* Указ. соч. С. 248.
[3] Фрейлина Ее Величества. С. 250.

Б.Н. Соловьев. О них, особенно о Соловьеве, имеется множество самых противоречивых сведений. В основном, однако, принято полагать, что и Марков, и Соловьев были агентами большевиков или немцев. Как мы уже говорили, в нашем труде мы не будем выяснять правдивость или ложность этих утверждений. Для нас важно, сколь эффективно действовали эти люди в деле освобождения Царской Семьи и каковы были их реальные шансы ее освободить.

С.В. Марков, или, как его принято называть, чтобы отличать от Маркова-2-го, «маленький Марков», был пасынком генерал-губернатора Ялты И.А. Думбадзе. В 1914 году Марков совсем молодым человеком ушел на фронт. Из-за молодого возраста его не хотели призывать, но он при помощи своего отца на фронт все-таки ушел. В сентябре 1914 года он был ранен, получил орден Св. Георгия 4-й степени, а в январе 1915 был зачислен в Елизаветградское Кавалерийское училище, которое закончил по ускоренному курсу в 1916 году и направлен для дальнейшего прохождения службы сначала в 5-й, а затем в Крымский Ее Императорского Величества полки. Летом 1916 года Марков вновь получает контузию, которая дала тяжелые осложнения на уши, и направляется для лечения в Царскосельский госпиталь. Марков несколько раз видел Императрицу Александру Федоровну и Великих Княжон, но длительная беседа между ними произошла лишь однажды, во время февральских событий 1917 года. Тогда-то, по словам Маркова, Государыня и назвала его «мой маленький Марков».[1]

Февральская революция стала для «маленького Маркова» ужасным бедствием. С крушением монархии для него рушилось все. Еще недавно рвущийся вопреки мнениям врачей на фронт, он после февраля отказывается идти на войну и заявляет, что в «*такой армии служить не будет*». Комиссия признает его негодным к воинской службе. Марков остается в революционном Петрограде. Его мысли были все время в Царском Селе, он горит желанием вырвать Царственных Узников из «золотой клетки». При этом его проекты освобождения поражают авантюрностью, если не сказать безумием. Графиня Е. Нарышкина занесла в свой дневник 4/17 июля 1917 года: *«Только что ушла княгиня Палей. Сообщила по секрету, что партия молодых офицеров составила безумный проект: увезти Царскую Семью ночью на автомобиле в один из портов, где их будет ждать английский пароход»*.[2]

Имеются очень веские предположения, что «группа молодых офицеров», о которой говорит княгиня Палей, была представлена одним «маленьким Марковым». Никаких сподвижников, ни тем более автомобилей и английских пароходов, у него не было в помине.

---

[1] Марков-2-й сомневается в подлинности этого прозвища, уверяя, что С.В. Марков сам его придумал, но для нас это не имеет никакого значения.

[2] *Иоффе Г.З.* Революция и судьба Романовых. С. 95.

Горячее желание молодого Маркова вывезти Царскую Семью из Александровского дворца привело его сначала к А.А. Вырубовой, а затем к Н.Е. Маркову. Последний, сначала с воодушевлением встретивший молодого корнета, вскоре быстро в нем разочаровался, когда услышал его очередной план похищения Царской Семьи. По рассказу самого «маленького Маркова», «*я привел Н.Е. свои соображения, почему я считаю положение Императорской Семьи в Царском Селе, как окруженной весьма сомнительной охраной, к тому же в городе, который переполнен деморализованными солдатами зап. стрелковых полков, далеко не безопасным и думаю, что нам необходимо вырвать Их оттуда.*

— Каким путем, считаете вы, возможно Их вырвать из Царского, и как вы думаете Их скрыть? — обратился ко мне с вопросом М.

Я ответил, что, по моим соображениям, Их Величеств сравнительно легко выкрасть из Дворца вооруженным путем и переодетыми скрыть сначала в Финляндии, а потом переправить в Швецию.

Тут я рассказал Н.Е. о привлечении к моему плану спасения Царской Семьи 12 надежных офицеров и нескольких солдат, готовых по первому зову приехать к нам, дабы принять участие в предполагаемом освобождении. Подробности моего плана заключались в следующем:

В Петрограде создается офицерская группа человек в 30 из людей, готовых в любую минуту пожертвовать своей жизнью ради Их Величеств, и в эту группу можно влить и моих офицеров. Попутно детально выясняется система охраны Царской Семьи. Группа снабжается штатским платьем, совершенно безупречными документами, а семь человек из наиболее способных, кроме того, соответствующими документами на каждого члена Императорской Семьи в отдельности. Каждому члену группы, кроме хорошего автоматического ружья, выдаются толовые патроны, которые легко спрятать на себе. Таким образом, группа будет иметь при себе 120 фунтов, или три пуда, взрывчатого вещества огромной силы. Заранее в конспиративной типографии печатаются несколько сотен прокламаций самого крайнего анархического большевистского содержания, содержащие в себе смертный приговор всей Императорской Семье, подписанный от имени боевой группы анархистов-террористов, и на Дворец производится в выбранную ночь налет. Остается выяснить, как наиболее удачно произвести его. Мне кажется, что можно привлечь на свою сторону, в помощь нападающим извне, дворцовую прислугу, которая, безусловно, осталась преданной Их Величествам и которым подлежит предупредить Их Величества в точности о ночи, в которую предполагается Их освободить. Что же касается снятия наружных часовых, то это не представляет особой трудности. Их можно бесшумно снять при помощи сильно бьющих духовых ружей, стреляющих стальными стрелками, которые предварительно нужно смазать каким-либо сильно действующим ядом, убивающим человека на месте. После снятия часо-

вых группа врывается во Дворец. Думать о переодевании Их Величеств не приходится, так как Государь в своем гардеробе имеет много штатского платья. Единственно, что Его Величество должен сделать, это сбрить свою бороду, и тогда можно быть уверенным, что Его никто не узнает. Их Величества и Их Высочества немедленно выводятся из Дворца, а в зеленой гостиной, под роялью сваливается все наличное вещество и зажигается трехминутный фитиль. На боковых улицах в различных местах предварительно располагаются несколько автомобилей с верными шоферами.

Я полагаю, что от взрыва рухнет не только первый подъезд Дворца. Можно представить, какой переполох произведет он в патриархальном Царском Селе, и мало вероятно, что при существующем порядке могла быть быстро организована погоня за беглецами, тем более что будут найдены разбросанные вокруг Дворца прокламации вышеупомянутого мной содержания. Само собой понятно, что это предприятие сопряжено с большим риском, но все же, я думаю, что при хорошей подготовке оно может иметь девяносто шансов на успех».[1]

Нетрудно себе представить, что должен был думать Н.Е. Марков, человек серьезный и умный, когда слушал этот горячечный план, исходящий по меткому выражению капитана В.П. Соколова от «*мальчика школьного возраста, начитавшегося Жюль Верна*».[2] Примечательно другое: «маленький Марков», столь обожавший Царскую Семью, совершенно не знал образа мысли и душевных качеств своих Повелителей. Разве мог Государь, жертвенно отрекшийся от престола, не хотевший «ничьей крови», отказавшийся от насилия тогда, когда он легко мог его применить, разве мог Государь бежать заграницу, переодевшись в гражданское платье и сбрив бороду? Разве мог Государь спасать свою жизнь ценой жизни несчастных солдат, своих подданных, волею судьбы ставших его тюремщиками, но многие из которых по-прежнему любили его? Ведь «маленький Марков» собирался убивать своими «отравленными стрелками» всех солдат без разбора. Разве мог Государь пойти на то, чтобы его побег был оформлен «анархистским заговором» и разрушением своего отчего дома — Александровского дворца, что планировал «маленький Марков»? Нечего и говорить, что ни Государь, ни Государыня никогда бы не пошли на такое «освобождение». Кроме этого поражает та абсолютная небрежность, с какой «маленький Марков» относится к судьбе Царской Семьи в случае неудачи освобождения. «*При хорошей подготовке дело может иметь девяносто процентов шансов на успех*», — со спокойствием математика подсчитывает «Маленький-Марков». Что будет с Царской Семьей в случае 10 процентов, Марков не думает, как и не думает он о том, какой подарок преподнесет провал операции революционерам и

---

1 *Марков С.В.* Указ. соч. С. 206–208.
2 *Мельгунов С.П.* Судьба Императора Николая II после отречения. С. 254.

всем врагам Царя. Впрочем, у «маленького Маркова» есть оправдание — ему шел девятнадцатый год.

Реакция Н.Е. Маркова была справедливой и однозначной:

«Это, дорогой, невозможно, мы не имеем права подвергать Их Величеств такому риску, и потом, этот план фантастичен. Это вы по молодости лет думаете, что все это так легко исполнимо, и поэтому так рассуждаете. Этот вопрос нужно решать иначе».[1]

После такого ответа «маленький Марков» разочаровался в Маркове-2-м и стал часто бывать у А.А. Вырубовой, «*принимаемый, как родной и близкий*», в которой он нашел благодарную слушательницу. У Вырубовой часто бывала другая подруга Государыни англичанка Ю.Ден, с которой «маленький Марков» был уже знаком. Ден была осторожней Вырубовой, а главное, она имела связи с организацией Маркова-2-го и во влиятельных английских кругах. Там же, у Вырубовой, Марков познакомился с зятем Г.Е. Распутина Б.Н. Соловьевым. По словам «маленького Маркова», после отправки Царской Семьи в Тобольск Марков-2-й принял решение послать его в Сибирь в качестве связного своей организации. Сам Марков-2-й категорически отрицал это. «*В Петербурге*, — писал он, — *«маленький» Марков «разочаровался» в способностях Маркова-2-го, с трудом достававшего деньги и не хотевшего их растрачивать помимо прямого их назначения. Разочаровавшись, корнет стал часто бывать у А.А. Вырубовой. Мы вели свою работу отдельно и посылку г-жей Вырубовой корнета С. Маркова использовали лишь в том отношении, что поручили ему отыскать под Тобольском и восстановить связь с нами посланного нами еще в сентябре 1917 года офицера Н. Я. Седова*».[2]

Имеются веские основания полагать, что «маленький Марков» был связан с немцами, а конкретно с великим герцогом Эрнстом-Людвигом Гессенским. Великий Князь Андрей Владимирович, находясь в эмиграции, утверждал, что корнет Марков при отъезде из Петрограда в Тобольск имел с собой письма великого герцога, которые он должен был передать Царю. В поездке в Тобольск Маркову помогали два агента германской разведки, благодаря которым его путешествие и закончилось благополучно.[3] Кстати, сам «маленький Марков» не скрывал, что выехал из Советской России благодаря покровительству великого герцога.

Как бы там ни было, но 1 марта 1918 года «маленький Марков» с поддельными документами на имя Соловьева отправился в Тобольск. Он должен был доставить Царской Семье книги и вещи от Вырубовой и выполнить распоряжение Маркова-2-го: найти штабс-ротмистра Седова. В каче-

---

[1] *Марков С.В.* Указ. соч. С. 208.
[2] Двуглавый орел. 1927.
[3] *Summers A., Mangold Tom.* Op. cit. P. 283.

стве доверенного лица Вырубова назвала Маркову имя о. Алексея Васильева, того самого, который на литургии назвал полным титулом Императора и Императрицу.

Прибыв в Тобольск и встретившись с о. Алексеем Васильевым, «маленький Марков» выяснил, что никто об организации Маркова-2-го в Тобольске не знает, а Соловьев недавно был в Тобольске, куда он привез теплые вещи и белье, но затем уехал в Покровское. Через о. Алексея «маленький Марков» передал Царской Семье свой пакет и длинное письмо, в котором он призывал Государыню «мужаться» и уверял, что в скором времени Их Величества увидят в Тобольске не только его. В ответ, снова через о. Алексея, Марков получил от Государыни икону Абалакской Божьей Матери и мундштук из слоновой кости, а также открытку для Вырубовой работы самой Императрицы Александры Федоровны. При этом о. Алексей сказал, что Их Величества хотели бы увидеть Маркова, поэтому он просит его при выходе из церкви пройти вслед за ним, чтобы Царская Семья смогла узнать «маленького Маркова». Марков поступил так, как его просил о. Алексей, и смог в последний раз в своей жизни видеть всю Царскую Семью, вышедшую на балкон. *«Еще издали я увидел Их Величеств и Их Высочеств в находившихся рядом с балконом окнах второго этажа. Государь стоял рядом с балконной дверью, рядом в окне на подоконнике сидел Наследник. За ним, обняв его за талию, стояла Ее Величество. Рядом с Наследником сидела Великая Княжна Анастасия Николаевна. Рядом с Государыней стояла Великая Княжна Мария Николаевна, а за Государыней и Великой Княжной Марией стояли, вероятно, на чем-то высоком, Великие Княжны Ольга и Татьяна»*.[1]

О. Алексей сказал Маркову, что Императрица просила его покинуть Тобольск, так как здесь опасно, и перебраться в Покровское. *«Стиснув зубы, с тупым отчаянием, выполняя волю Их Величеств»*, Марков отправился в Покровское. Там он прибыл в дом Распутина и познакомился с его вдовой и младшими дочерьми. От них же он узнал, что Соловьев арестован. Опасаясь собственного ареста в случае красногвардейской облавы, Марков уехал в Тюмень. Там он принял решение вернуться в Петроград, но вместо этого оказался в рядах Красной Армии в качестве командира, и снова под своей фамилией. Причины этой метаморфозы остаются до сих пор неясными. Марков-2-й недвусмысленно обвинял «маленького Маркова» в двурушничестве. Действительно, в действиях «маленького Маркова» много непонятного и странного, но обвинять его в предательстве все же нет никаких веских оснований.

Не менее запутанно обстоит дело и с Б.Н. Соловьевым.

---

[1] *Марков С.В.* Указ. соч. С. 273.

Б.Н. Соловьев был сыном казначея Святейшего Синода Н.В. Соловьева, который был большим почитателем Г.Е. Распутина. До Мировой войны Соловьев собирался поступать в Духовную Семинарию и готовился к поступлению. Но началась война, и Соловьев добровольцем ушел на фронт. Во время отступления 1915 года он был ранен и эвакуирован в Петроград. Там он поступил в офицерскую стрелковую школу и по ее окончании зачислен во 2-й пулеметный полк. Там он встретил февральскую революцию.[1]

О.А. Платонов утверждает, что во время февральского мятежа Императрица Александра Федоровна якобы через Соловьева передавала Государю письма.[2] Это, впрочем, весьма сомнительно, ибо по множеству свидетельств Императрица до революции лично не знала Соловьева. В письме Императрицы Александры Федоровны Государю от 2 марта 1917 года действительно встречается фраза: «*Грамотин и Соловьев едут к тебе с двумя письмами*».[3] Однако речь здесь идет о другом Соловьеве, офицере Собственного Его Императорского Величества Конвое, посланном Императрицей на помощь к Государю. К тому же, по словам самого Соловьева, он был арестован 26 или 27 февраля мятежными солдатами и препровожден в Государственную Думу.

В пользу того, что Царская Семья не знала Соловьева, говорят показания Е.Н. Эрсберг следователю Соколову: «*Никогда я не слышала от Детей,* — свидетельствовала она, — *ни одного слова о семье Распутина и в частности о женихе или муже одной из дочерей Распутина*».[4]

Находясь арестованным в Думе, Соловьев неожиданно становится, с его слов, обер-офицером и адъютантом А.И. Гучкова, который тогда был председателем военной и морской комиссии Государственной Думы. Если этот факт действительно имел место, то непонятно, как он мог произойти. Сам Соловьев объяснял это свое перевоплощение следующим: «*Вы спрашиваете, почему так вышло? Потому что я, получив воспитание в консервативно-патриархальной среде, никогда не интересовался и никогда не занимался никакой политикой, будучи проникнут с самого детства религиозными началами, занимавшими меня почти всецело. Все вокруг опрокидывалось, рушилась святая святых. Хотелось не молчать, протестовать, но что же можно было сделать? Не тащили больше никуда из думы, куда меня притащили солдаты — вот и сидел*».[5]

---

[1] Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С.495.
[2] *Платонов О.А.* Николай II в секретной переписке. С. 785.
[3] Там же. С. 659.
[4] РГАСПИ, ф. 588. Оп. 3, д. 7.
[5] Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 496.

Все это в высшей степени подозрительно. С одной стороны, офицер, монархист, исполненный религиозным чувством, далекий от политики, которому хотелось «*не молчать и протестовать*», вдруг становится помощником злейшего врага Императора, мятежника и заговорщика Гучкова. С другой стороны, Гучков берет к себе в адъютанты арестованного монархиста! Правда, надо сказать, что сам Гучков нигде не упоминал о своем знакомстве с Соловьевым. Но в данном случае лгать Соловьеву не было никакого смысла, так что, по всей вероятности, он говорил правду. Объяснением этой странной близости врага Императора Николая II и монархиста Соловьева может служить предполагаемое масонство последнего, так как масонство Гучкова общеизвестно. Имеются сведения, что Соловьев был оккультистом, путешествовал и жил в Индии, был учеником Гурджиева, занимался черной магией, выдавливал «капли из карандашей» и т.п. Все эти утверждения не имеют под собой убедительных доказательств. О.А. Платонов утверждает, что Соловьев был масоном, так как состоял секретарем при банкире К.И. Ярошинском, который, по утверждению Платонова, тоже был масоном. Но последнее само по себе, конечно, не может также являться доказательством.

При этом странно, что, допрашивая Гучкова, следователь Соколов не задал ему вопроса о Соловьеве. Однако жена Соловьева Мария в своих показаниях, данных следствию, подтверждала тот факт, что ее муж был адъютантом Гучкова: «*Я не знаю, какое участие он принимал во власти во время после переворота, но, знаю, что он был адъютантом Гучкова. После ухода Гучкова ушел и он*».[1]

Но здесь следует заметить, что в показаниях Матрены Распутиной, данных следователю Соколову, много сомнительного. Чего стоят ее слова, что Распутин «*позволял себе иногда кричать на Государя, а в горячности иногда даже топал на него ногами. Был один случай, когда отец, накричав на Государя, ушел, не простившись с ним*».[2]

Для тех, кто имеет подлинное представление о личности Императора Николая II, сразу будет понятна вся лживость и невозможность подобных утверждений. Понятно, что если бы такой факт имел место, Распутин был бы на следующий же день изгнан из царского окружения. При этом следует отметить, что, по словам той же Матрены, она до смерти отца никогда не была во дворце и ни разу не видела ни Государя, ни Государыни. Ясно, что такие небылицы мог ей рассказывать либо сам Распутин, либо, что скорее всего, его «доброжелатели», либо данная фраза была занесена кем-то в показания Матрены без ее ведома, либо Матрена по чьему-то наущению сказала то, что от нее хотели услышать.

---

[1] Россійскій Архивъ. С. 185.
[2] Россійскій Архивъ. С. 182.

Но это не единственное противоречие у Матрены. Так, приводя содержание писем Императрицы, которые ей читала Вырубова, Матрена свидетельствует: «*Государыня писала Вырубовой, что жизнь Их в Тобольске — ужасна, что Они ходят в тряпье, так как Их дорогой, когда Они ехали в Тобольск, обокрали. Таких писем было много. Государыня просила помощи деньгами и вещами. Она, зная, что я вышла за Соловьева, о чем Ей писала Вырубова, указывала в письмах, что просимое лучше всего доставит Соловьев*».[1]

Все, что приведено выше, является ложью. Ничего подобного в своих письмах Государыня не писала. Ее письма были совершенно противоположного содержания. В доказательство этому мы приведем отрывки из этих писем: «*Мы далеко от всех поселились: тихо живем, читаем о всех ужасах, но не будем об этом говорить. Вы во всем этом ужасе живете, достаточно этого. <...> Не надо так мрачно смотреть — голову наверх — бодрее всем в глаза смотреть. Никогда надежду не терять. Господь испытывает, а потом облегчит, полечит все ужасные раны. <...> Надеюсь, ты получила немного съестного, которое я Тебе послала через Лоткаревых и г-жу Краруп? <...> Скажи, получила ли ты разные посылки через знакомых с колбасой, мукой, кофе, чаем и лапшой, и подарки, письма и снимки? <...> Мне нелегко, но я так благодарна за то, что имела <...> Носишь ли Ты серый шарф, с горячей любовью вязала его. <...> Не унывай, родимая, скорбящая сестра. <...> Связала пару чулок и посылаю Тебе <...> Страшно тронуты, что Х. привез деньги, но, правда, не надо больше — все пока у нас есть. <...> Милая не надо белья, достаточно совершенно у всех, все имеем <...> Как Тебя за деньги благодарить? Несказанно тронута. Берегу, чтобы тебе вернуть потом; пока нет нужды. <...> Не стоит так баловать: вам трудно во всех отношениях, а у нас нет лишений, правда. <...> Ужасно тяжело Вам всем живется — бедные — больно думать — все, что вы переживаете. А нам лучше всех живется <...> Хорошо живем — ни в чем не нуждаемся*».[2]

Как видим, Императрица Александра Федоровна не только никого ни о чем не просила, не только не жаловалась, но наоборот, старалась приободрить своих друзей, в меру возможностей заботилась о них, заверяя, что она и вся Семья ни в чем не нуждаются. Не мыслями о суетном, о преходящем наполнены письма Государыни, но тревогой о любимой России, смирением перед волей Божьей, заботой и любовью о ближнем. «*Несмотря на то,* — пишут составители "Писем Святых Царственных Мучеников из заточения", — *что Царственные узники испытывали крайнюю нужду не только в денежных средствах, но и в продуктах питания, Царская Семья продолжала самоот-*

[1] Там же. С. 185–186.
[2] Письма Святых Царственных Мучеников из заточения. С. 290.

верженно оказывать широкую помощь всем нуждающимся, которые имели счастье с ней соприкасаться».[1]

Е.Н. Эрсберг прямо свидетельствовала Соколову, что М. Распутина говорит неправду. «*Я слышу прочтенные мне Вами, в частности, показания Матрены Григорьевны Соловьевой. Это не правда, что она говорит о нужде, которую будто бы испытывала Августейшая Семья по прибытии в Тобольск».*[2]

Имя Соловьева упоминается Императрицей всего один раз, если не считать ее письма Соловьеву, подлинность которого не очевидна, и это упоминание ни в коем случае не относится к просьбе о посредничестве Соловьева.

Таким образом, Мария Распутина либо лжет в своих показаниях, либо ее показания фальсифицированы. Мы не знаем, что лежит в основе этой лжи, но совершенно ясно, что доверять показаниям жены Соловьева в полной мере нельзя: если она солгала единожды, она могла это сделать второй и третий раз.

Соловьев женился на дочери Распутина Марии (Матрене) Григорьевне Распутиной 22 сентября 1917 года. Императрица узнала об этом уже в Тобольском заточении: «*Матреша вышла замуж,* — писала она, — *они сейчас в Петрограде».*[3] Одни объясняют этот шаг Соловьева благородной верностью слову, он якобы обещал Распутину жениться на его дочери, другие стремлением втереться в доверие к Государыне с целью недопущения спасения Царской Семьи. Со слов Матрены Распутиной, Императрица Александра Федоровна знала Соловьева со слов самого Г. Распутина и также заочно относилась к нему хорошо. Практически все, кто дал показания следователю Н.А. Соколову, отзывались о Соловьеве крайне отрицательно. Причем порой эти свидетельства настолько демонизируют Соловьева, что невольно начинаешь сомневаться в их полной достоверности. Так, поручик Логинов сообщал, что Соловьев гипнотизирует свою жену «*ежедневно, ежечасно, ежеминутно. В его присутствии она ничего не может говорить что-либо нежелательное ему. Соловьев носит на себе икону Распутина, подаренную Императрицей, его рубашку и белье. 1 марта 1917 года Соловьев привел к Государственной Думе 15 тысяч войска Петроградского гарнизона. Был назначен адъютантом операционного отдела военно-революционного штаба в Петрограде до октября месяца 1917 года».*[4]

В этих утверждениях много подозрительного: начиная от «ежеминутного» гипнотизирования Матрены Распутиной и заканчивая 15-тысячным войском. Скорее всего, этот рассказ — плод фантазии Логинова, который перенес лживый миф о «Распутине-гипнотезере» на его зятя.

[1] Там же.
[2] РГАСПИ, ф. 588. Оп.3, д. 7.
[3] Письма Святых Царственных Мучеников из заточения. С. 131.
[4] Россiйскiй Архивъ. С. 169.

Также непонятно, каким образом малоизвестный поручик мог привезти такую военную силу, и тем более непонятно, почему это событие огромной важности не нашло отражения ни в одном из воспоминаний и исторических документов.

В начале 1918 года Соловьев, с его слов, поступает на службу к банкиру Ярошинскому. Причиной этого Соловьев называет денежные затруднения: «*Я лично стал испытывать к этому времени затруднения в материальном отношении и, чтобы их поправить, я поступил на службу к банкиру Ярошинскому Карлу Иосифовичу*».[1]

К.И. Ярошинский был одним из тех немногих богатых людей, который передавал деньги Царской Семье в Тобольск. Правда, Соловьев уверял, что Ярошинский пошел на оказание финансовой помощи Царской Семье «*с большой неохотой*». В своем письме Вырубовой Императрица Александра Федоровна заочно благодарит Ярошинского за помощь: «*Нежно благодарим, несказанно тронуты Ярошинским. Правда, ужасно трогательно и мило, что и теперь нас не забывает*».[2] Платонов уверяет, что в своих действиях Ярошинский был неискренен и стремился добиться еще большого доверия Царской Семьи с провокационной зловредной целью. Платонов даже договаривается до того, что называет Ярошинского «*одним из главных виновников того, что Царскую Семью не удалось спасти*».[3] Впрочем, у О.А. Платонова многих таких эмоциональных недоказанных пассажей, а его ссылки на «архивные данные» без приведения источника вообще не серьезны, когда речь идет о таком важном деле, как доказательства виновности Ярошинского в зловредной для Царской Семьи деятельности. Кроме того, обвиняя Ярошинского и Соловьева, О.А. Платонов почему-то считает их товарища и помощника «маленького Маркова» человеком, «участвовавшим в попытке спасения Царской Семьи». Так как эта «попытка» осуществлялась под руководством Соловьева и субсидировалась Ярошинским, то высказывания Платонова лишены всякой логики.

Многие обвиняли Ярошинского в сотрудничестве с немцами и большевиками. Об этом как будто свидетельствует то обстоятельство, что после Октябрьского переворота Ярошинский был одним из немногих банкиров, чьи дела продолжали идти очень хорошо. По его инициативе в 1917 году планировалось слияние трех крупнейших банков — Петербургского Международного, Русского для внешней торговли и Русского торгово-промышленного, фактическим хозяином которого должен был стать Ярошинский. Однако, как мы уже успели заметить, в то время многие монархисты и даже люди, близкие к Царской Семье, как, например, Вырубова, не считали зазорным общаться с большевиками. Не вдаваясь в оценку личности ни Ярошинского, ни Соловьева, хочется все-таки предостеречь от таких однозначных выводов, к

[1] Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 497.
[2] Письма Святых Царственных Мучеников из заточения. С. 209.
[3] *Платонов О.А.* Николай II в секретной переписке. С. 794.

каким приходит Платонов. Даже следователь Соколов, который не всегда доказательно считал Соловьева агентом немцев, был осторожен в оценке Ярошинского: «*На чьи деньги работала Вырубова*? — пишет он. — *Многим, вероятно, известно имя банкира и сахарозаводчика К.И. Ярошинского. Поручик Логинов, наблюдавший за Соловьевым, показывает, что Ярошинский был агент немцев; что в войну он имел от них громадные денежные суммы и на них вел по директивам врага борьбу с Россией, что на эти деньги и работала в Сибири Вырубова. Как судья, я по совести должен сказать, что роль Ярошинского осталась для меня темной. Мой долг указать строгие факты. Ярошинский был известен Императрице. Он финансировал лазарет имени Великих Княжон Марии Николаевны и Анастасии Николаевны и в то же время был помощником коменданта личного санитарного поезда Императрицы. Нет сомнений, что он имел связи с кружком Распутина и был близок и с Манасевичем-Мануйловым, и с Вырубовой. Ярошинский показал мне при допросе, что он давал деньги Вырубовой для царской семьи, когда она была в Тобольске, и израсходовал на это дело 175 000 рублей. В то же время он категорически отверг всякую связь, даже простое знакомство с Соловьевым*».[1]

Сам Ярошинский в своих показаниях Соколову заявил следующее: «*Во время войны я финансировал лазарет имени Великих Княжон Марии Николаевны и Анастасии Николаевны, находившийся в Царском, и заведовал им. Кроме того в санитарном поезде ее Величества Государыни Императрицы я был помощником заведующего (коменданта) поезда. В силу этих обстоятельств я был Государю Императору и Его Семье лично известен.*

Когда произошел переворот и Царская Семья находилась в Царском, я не хотел уезжать из Царского, не простившись с Семьей. Я знаю, что никто, даже из самых приближенных к Ней лиц, не хотел идти к Ней, кроме одного священника, который был в составе названного мною поезда.

Во время пребывания Царской Семьи в Тобольске в Петрограде была группа лиц, которая поставила себе целью помочь Царской Семье в целях облегчения Ее материального положения и спасения Ее, как это удастся на месте. Я не помню, кто именно обратился ко мне от этой группы. Я сам имел общение в ней с членом одного из государственных учреждений Лошкаревым, не знаю, членом думы или же совета. Я знаю только, что с Лошкаревым была связана и Анна Александровна Вырубова. Я дал этой группе в два раза 75 000 рублей: в первый раз 25 000 и во второй 50 000 рублей. Эти обе суммы я передал, как я помню, в квартире Лошкарева в закрытых пакетах двум курьерам. Оба они, вероятно, были офицерами. Фамилий их я не знал и не знаю, знаком с ними я не был. Один из них был среднего роста, блондин, другой — низенький, черноватый. Кроме того я передал Вырубовой в разное время для этих же целей сумму свыше ста тысяч рублей. Я заказывал у придворного портного

---

[1] *Соколов Н.А.* Убийство Царской Семьи.

Нольдштерма и костюмы для Императора. Вырубова, как мне известно, заказывала для Семьи дамские вещи. Я имею сведения, что первая из указанных мною сумм была доставлена Царской Семье. О судьбе второй суммы я не осведомлен.

Через тех же, вероятно, курьеров я получил от Вырубовой два письма от Императрицы и одно от Марии Николаевны. Ничего особенного в этих письмах не было: они, конечно, могли быть только осторожными. Вырубова передавала мне, что Царская Семья думала, что деньги я сам привез ей: об этом писала Вырубовой в письме Императрице. А деньги курьер передал Им, кажется, через одну из горничных. Семья и попросила, чтобы этот курьер прошел с горничной мимо окон дома, Вырубова мне передавала, что Семья была удивлена, увидев не меня. Я не знал лично Распутина. Не знал я и семьи его. Может быть, фамилии офицеров-курьеров и были Соловьев и Марков; я не знал их лично и фамилий их тогда не знал».[1]

Эти показания Ярошинского интересны тем, что, во-первых, он лично отрицает свое знакомство с Соловьевым, а во-вторых, называет нам новое имя — Лошкарева. Точных сведений об этом Лошкареве найти не удалось, но тот факт, что он был депутатом Государственной Думы или совета, лишний раз доказывает, что революционные власти так или иначе были причастны к мероприятиям «спасателей» Царской Семьи.

Слова Ярошинского о том, что он не знал Соловьева, находят подтверждение в показаниях дочери Манасевича-Мануйлова В.И. Барковой, которая показала на следствии: «*Я знала давно банкира Карла Иосифовича Ярошинского. Он был известный банкир, богатый человек. Он был хорош с моим отцом. (...) За все время моего знакомства с Распутиным я ни разу не слышала там фамилии Соловьева и офицера Соловьева не знала и не знаю*».[2]

А ведь Мария Распутина показывала на следствии, что Соловьев был близок к ее отцу, который очень хотел, чтобы она вышла за Соловьева замуж. Правда, к показаниям самой Барковой надо относиться с большой долей недоверия.

Вполне возможно, что Ярошинский, оказывая помощь Царской Семье, руководствовался гуманными или иными личными соображениями, но и вполне возможно, что он выполнял указание масонов, большевиков или немцев, используя так же, как это делал Горький, доверчивую Вырубову для полного контроля над ситуацией вокруг Царской Семьи. Точно так же трудно однозначно оценивать и деятельность Соловьева.

Еще раз повторимся: мы не даем оценки личности Соловьева. Нас интересует одно: собирался ли он освободить Царскую Семью и если собирался, то были ли его планы реальны? Дадим слово самому Соловьеву: «*В Тобольске*

---

[1] Россійскій Архивъ. С. 248–249.
[2] Там же.

при проживании Императорской Фамилии — там я был два раза, и оба раза по поручению банкира Ярошинского Карла Иосифовича, а равно и моему желанию. К банкиру Ярошинскому я поступил для того, чтобы улучшить свое материальное положение, которое пошатнулось при большевиках. Обе поездки в Тобольск, первая в январе 1918 года и вторая в феврале того же года, были совершены для обследования жизненных условий и материального положения Государя. Первую поездку я получил на дорожные расходы 25 000 рублей и которые были переданы мной ввиду необходимости Семье Государя. Во вторую поездку от Ярошинского же получил около четырех-восьми тысяч в счет моего содержания и в Тобольске я передал личных своих денег Государю двадцать тысяч, из которых 10 000 чеком с моего текущего счета на имя епископа Гермогена. Оба раза сношения велись через прислугу Царской Семьи Романову Анну Павловну, которая передавала их камердинеру Волкову. (...) Говорить с Государем я не мог оба раза, равно как и с членами Царской Семьи. С отрядом, охранявшим Государя, я никаких отношений не имел, т.к. не был уверен в их благожелательном отношении к Государю».[1]

По словам Соловьева, которые до нас донес С.В. Марков, между ним и Императрицей произошел обмен письмами. Издатели «Писем Святых Царственных Мучников», не сомневаясь, верят в их достоверность. Мы же все-таки отнесемся к этим письмам с некой долей скепсиса, так как их достоверность доказывается лишь словами Соловьева, который, по его же словам, сжег подлинники этих писем, предварительно их переписав. Но даже если эти письма подлинные, они свидетельствуют о том, что Соловьев не готовил никаких серьезных действий по освобождению Царской Семьи. В своем первом письме Императрица пишет Соловьеву: «*По вашему костюму торговца вижу, что сношения с нами не безопасны. Я благодарна Богу за исполнение отцовского и моего личного желания: Вы муж Матреши. Господь да благословит ваш брак и пошлет вам обоим счастья. Я верю, что вы сбережете Матрешу и оградите от злых людей в злое время! Сообщите нам, что вы думаете о нашем положении. Наше общее желание — это достигнуть возможности спокойно жить, как обыкновенная семья, вне политики, борьбы и интриг. Пишите откровенно, так я с верой в вашу искренность приму ваше письмо. Я особенно рада, что это именно вы приехали к нам. Обязательно познакомьтесь с о. Васильевым, это глубоко преданный нам человек. А сколько времени намерены пробыть здесь? Заранее предупредите об отъезде*».[2]

Что настораживает в этом письме? Во-первых, вступление. Императрица как будто специально еще раз напоминает, что это она и Распутин хотели видеть мужем Матрены именно Соловьева. Для Соловьева это вступление

---

[1] Россійскій Архивъ. С. 232.
[2] *Марков С.В.* Указ. соч. С. 314.

крайне важно, ибо лишний раз делает легитимным все его действия в Тобольске. Во-вторых, в письме упоминается «о. Васильев», то есть отец Алексей Васильев. Именование этого батюшки «о. Васильев», как, впрочем, и вообще именование любого священника по фамилии, было совершенно не характерно для Царской Семьи. Если мы посмотрим дневники Императора Николая II и Императрицы Александры Федоровны, то мы увидим, что они всюду называют его отцом Алексеем, а не отцом Васильевым. Последнее же именование характерно для «маленького Маркова» и самого Соловьева. Весьма сомнительно, чтобы Императрица Александра Федоровна вдруг изменила своей привычке и стала бы называть священника по фамилии.

Но еще более поразителен ответ «спасателя» Царской Семьи Соловьева: «*Глубоко признателен за выраженные чувства и доверие. Приложу все силы исполнить Вашу волю сделать Мару счастливой. Вообще, положение очень* ***тяжелое, может стать критическим****. Уверен, что нужна помощь преданных друзей или* ***чудо,*** *чтобы все обошлось благополучно и исполнить ваше желание о покойной жизни. Искренне преданный Вам Б.*».[1] (Подчеркивания наши – *П. М.*)

Это письмо настолько поражает равнодушием к адресату, что невольно задумываешься, а писал ли его Соловьев? В самом деле, в январе 1918 года мало кто мог себе представить, что большевики осмелятся пойти на то чудовищное злодеяние, которое они совершили в июле 1918 года. По нашему мнению, именно это неверие оказывало парализующее действие на тех людей, кто был в состоянии оказать действенную помощь Царской Семье. Но Соловьев говорит уверенно о том, что «*положение очень тяжелое, может стать критическим*», что для Царской Семьи могло означать одно — смерть. Далее Соловьев, еще более сгущает краски и фактически говорит Императрице, что Царская Семья брошена всеми и спасти ее может только чудо. Даже если Соловьев действительно обладал подобной информацией о дальнейшей судьбе Царственных Узников (кстати, откуда и от кого?) то, поступая таким образом, он приносил им новые тяжелые моральные мучения, причем, прежде всего Государыне. Интересно, что в письме Соловьев говорит, что «*приложит все усилия, чтобы сделать Мару счастливой*», но ни слова не говорит о том, какие усилия он собирается прилагать, чтобы помочь Царской Семье. Таким образом, если Соловьев действительно писал это письмо в январе 1918 года, то он действовал как провокатор и подлец. Но велика вероятность, что Соловьев выдумал эту переписку с Царицей или изменил ее вставками нужных ему кусков, чтобы оправдаться в глазах русской монархической эмиграции, да и в глазах потомков. В ситуации конца 1920-х годов его переписка с Императрицей получала иной смысл: исходя из нее по-

---

[1] Там же. С. 318.

лучалось, что Соловьев, действуя в полном одиночестве, пытается предупредить Царскую Семью об опасности и встречает понимание и благодарность Императрицы: «*Вы подтвердили мое опасение*, — якобы пишет она. — *Благодарю за искренность и мужество. Друзья или в неизвестном отсутствии, или их вообще нет, и я неустанно молю Господа, на Него Единого и возлагаю надежду. Вы говорите о чуде, но разве уже не чудо, что Господь послал сюда к нам вас? Храни Вас Бог. Благодарная А.*».[1]

Если представить, что эти письма сфальсифицированы Соловьевым, то он ими достигал две цели: показывал полное бездействие и равнодушие «друзей» Царской Семьи к ее судьбе, в первую очередь главного оппонента Соловьева Маркова-2-го, а во-вторых, оправдывал себя в глазах монархистов, которые после последних фраз из письма Императрицы вообще не могли ничего сказать против Соловьева.

Как бы там ни было, но переписка Соловьева и Императрицы Александры Федоровны, истинная или ложная, доказывает, что в цели Соловьева **не входило освобождение Царской Семьи.** Все остальные рассуждения, как-то: был ли Соловьев германо-большевистским шпионом или искренним почитателем Царской Семьи, — не имеют большого значения в рассматриваемом вопросе.

Таким образом, так называемый «кружок» Вырубовой, состоявший из Соловьева и «маленького Маркова», не мог освободить Царскую Семью и не ставил себе такой задачи. Получая деньги от Ярошинского, связанного, по всей вероятности, с немецким капиталом, и находясь, судя по всему, под контролем большевиков, этот «кружок» был совершенно не опасен Советской власти и не мог стать причиной поспешного вывоза Царской Семьи из Тобольска.

В) Действия «Военной организации», штабс-ротмистра К. Соколова и митрополита Камчатского Нестора (Анисимова)

Если организация Маркова-2-го и «кружок Вырубовой» в своих действиях не пошли дальше оказания материальной помощи Царской Семье и общих лишенных конкретики планов по ее освобождению, то командир 2-го Сумского гусарского эскадрона 1-й кавалерийской дивизии Стрелкового полка штабс-ротмистр К. Соколов возглавил группу офицеров, предпринявших реальную попытку вырвать Царскую Семью из рук ее тюремщиков. При этом К. Соколов выполнял задание так называемой «Военной Организации» и митрополита Камчатского Нестора (в миру Николая Александровича Анисимова), выдающегося русского архипастыря и монархиста. Имела ли эта попытка шанс на успех? С.П. Мельгунов полагает, что имела, и называет действия К. Соколова

[1] *Марков С.В.* Указ. соч. С. 322.

«единственной, если не серьезной, то реальной попыткой организовать побег Николая II и его Семьи».[1] Так ли это?

Идейным вдохновителем освобождения Царской Семьи был митрополит Нестор. Митрополит Нестор лично знал Государя, который в 1909 году сыграл решающую роль в создании благотворительного Камчатского братства, чего долгое время добивался Нестор, еще будучи простым иеромонахом, безуспешно обивая пороги кабинетов многочисленных чиновников. Император Николай II не только лично принял отца Нестора, не только дал свое согласие на создание благотворительного Камчатского общества и утвердил его знак, но и выразил иеромонаху свое желание, чтобы тот *«приезжал периодически в Петербург и здесь с нами решал все наболевшие вопросы»*. При этом отец Нестор по указу Императора был обеспечен бесплатным билетом по всем дорогам Российской империи.[2]

После февраля 1917 года владыка Нестор мучительно переживал за Царскую Семью и стремился ей помочь. Митрополит Нестор был одним из главных вдохновителей монархической «Военной Организации», которая поставила целью спасти Царскую Семью. Известно, что помимо митрополита Нестора в нее входили ротмистр Сумского полка М.С. Лопухин, князья В.С. и А.Е. Трубецкие, московский присяжный поверенный В.С. Полянский.[3] Возможно, Полянский был связан с Антантой, так ему обещал денежную поддержку, по его собственному признанию, французский посол Нуланс. Имеются также сведения, что Полянский был провокатором.[4]

Позже к организации примкнули офицеры Сумского полка Головин, Моравский и штабс-ротмистр К. Соколов. Последний оставил воспоминания о деятельности этой организации в Тобольске, поэтому сведения штабс-ротмистра Соколова являются единственным подробным свидетельством этой попытки освободить Царскую Семью.[5] Правда, в журнале «Новая Юность» № 4 за 2000 год были опубликованы воспоминания некоего полковника А.А. Созоновича, который якобы был тоже участником «Военной Организации».[6]

При этом журнал делает ссылку на машинописное издание без указания места, якобы напечатанное в 1940 году и найденное недавно в Мадриде на книжном развале. Машинописная брошюра называлась *«Воспоминания полковника А.А. Созоновича»*. Эти воспоминания, за исключением не-

---

[1] *Мельгунов С.П.* Судьба Императора Николая II после отречения. С. 250.

[2] Божией Милостию Архиерей Русской Церкви. Три жизни митрополита Нестора Камчатского. М., 2002. С. 328.

[3] Русский Вестник. 2003. 15 июля.

[4] Взыскующие града. М. 1997.

[5] Воспоминания К. Соколова были опубликованы в АРР, т. 17–18. С. 280–292.

[6] Новая Юность. №4 (43). 2000.

которых биографических сведений, в принципе полностью повторяют воспоминания К. Соколова. Интересно, что при этом имя Соколова не упоминается вовсе, а все руководство операцией приписывается самому Созоновичу. Журнал приводит биографическую справку на Созоновича: «*Полковник Александр Александрович Глебко-Созонович родился 5 апреля 1872 года. Закончив Виленское военное училище в 1895 году, прошел путь от поручика до полковника русской армии. В первую мировую командовал 292-м запасным пехотным полком, в гражданскую — с 3 января 1919 года — воевал в рядах Добровольческой армии. Тяжело раненый, был эвакуирован из Новороссийска в Сербию, где следы его пребывания можно проследить до середины двадцатых годов. Найденная тетрадь позволяет предположить, что полковник был жив еще в начале Второй мировой войны и переехал из Сербии в одну из стран Западной Европы*».

Здесь необходимо отметить, что по поводу этой публикации возможны три варианта: 1) «воспоминания Созоновича» являются абсолютной фальшивкой, написанной третьим лицом, хорошо знакомым с воспоминаниями Соколова; 2) «воспоминания Созоновича» являются компиляцией из подлинных воспоминаний Созоновича и воспоминаний К. Соколова; 3) «воспоминания Созоновича» являются выдумкой самого журнала, который в погоне за сенсацией выдал малознакомые российскому массовому читателю воспоминания К. Соколова за воспоминания Созоновича.

Как бы там ни было, но «воспоминания Созоновича» не внушают никакого доверия и не могут рассматриваться, во всяком случае до выяснения обстоятельств их написания, в качестве источника. Поэтому мы будем опираться на воспоминания К. Соколова.

Штабс-ротмистр К. Соколов, покинув разложившийся фронт, в ноябре 1917 года прибыл в Москву. Будучи кадровым офицером, он не мог найти себе занятия в большевистской реальности. Страдая от безделья, К. Соколов находился в компании таких же, как и он, офицеров-фронтовиков, тяготившихся своим новым положением полугражданских лиц. Жажда действий и неприятие большевизма привели К. Соколова в одну антибольшевистскую организацию, которых тогда было в столицах множество. В середине декабря К. Соколов был вызван к руководителю организации Полянскому, которого Соколов называет «П.», для важного задания. Ранее Полянского Соколов никогда нее видел и лично не знал. Прибыв к Полянскому на квартиру, Соколов обнаружил там самого Полянского и митрополита Нестора. После благословения митрополит Нестор вышел. Немного помолчав, Полянский сказал К. Соколову: «*Надо спасать Царя, медлить нельзя; он в опасности*». После чего Полянский заявил, что спасение Царя и есть важная задача для Соколова. «*Признаюсь*, — писал К. Соколов, — *что его слова ошеломили меня. Много мыслей промелькнули у меня в голове. Кто этот П.? При-*

сутствие у него Нестора! Я, исполняющий эту задачу! Дальнейшее! Думать было некогда. П. вопросительно смотрел на меня. Я отвечал, что готов сделать все, что от меня потребуется».

Для начала от Соколова потребовалось отправиться в один монастырь, доставить туда прокламации для некоего «Союза хоругвеносцев», а заодно войти в контакт с якобы проживавшими там офицерами в количестве трехсот и командой выздоравливающих солдат из ста человек. Именно эти силы и должны были стать костяком спасательной операции.

У себя дома К. Соколов ознакомился с текстом прокламаций. В нем говорилось о созыве будущего Всероссийского Земского Собора. Отправившись на следующий день в указанный монастырь, К. Соколов нашел там совершенно другую ситуацию, чем та, о которой говорил Полянский. Вместо 300 офицеров и 100 выздоравливающих воинов в монастыре было 7 калек, один из которых был безрукий. Глава «хоругвеносцев» совсем не обрадовался принесенным К. Соколовым прокламациям, а наоборот, чуть ли не со слезами на глазах спрашивал Соколова, «*что он с ними будет делать*?»

На К. Соколова эта картина подействовала удручающе, но тем не менее, прибыв из монастыря, он встретился со своими друзьями офицерами и предложил им принять участие в предстоящей операции. Те, не задумываясь, согласились.

К. Соколов отправился к Полянскому и доложил ему о своих действиях и о готовности отправиться в Тобольск. Полянский произвел на Соколова неприятное впечатление своей нервностью и недостаточной серьезностью. Надо сказать, что этого же мнения придерживался и другой член «Военной Организации» князь А.Е. Трубецкой: «*В.С. Полянский*, — писал он, — *произвел на меня крайне легкомысленное впечатление. Я не подозревал его в провокации, но очень боялся, чтобы он не погубил Государя, а также и участников заговора легкомысленной подготовкой»*[1]

К. Соколов продолжил подготовку к операции по освобождению Царской Семьи только потому, что в ней принимал участие митрополит Нестор, который вызывал у Соколова большое уважение: «*Он был с нами, и я был спокоен*», — писал он.

До самого Рождества по юлианскому календарю руководство «Военной Организации» практически ничего не предпринимало. Среди офицеров-соратников К. Соколова стало раздаваться недовольство. Наконец, 2-го января 1918 года Полянский собрал группу освобождения у себя на квартире. Там же присутствовал митрополит Нестор и какой-то полковник с орденами св. Георгия и Почетного Легиона на груди. Этот полковник был пред-

---

[1] Минувшее. М., 1991.

ставлен Полянским как руководитель всей операции. «*Это был наш начальник*, — свидетельствовал Соколов, — *командир пехотного полка, полковник Н.*». Последнее свидетельство крайне любопытно и любопытно вдвойне. Вполне возможно, что «полковник Н.» был не кто иной, как полковник А.А. Созонович. Наличие у него на груди французского ордена Почетного Легиона говорит о его близости к Антанте, так как Почетный Легион является самым главным орденом Франции. Иностранцев этим орденом награждают редко и только за особые заслуги перед Францией. При этом мы помним, как были готовы «спасать» Царскую Семью представители Антанты.

Вместе с «полковником Н.» в Москву из Тобольска прибыл поручик Лейб-Гвардии Московского полка Раевский, «совсем мальчик», которого Соколов называет «поручиком Р.». «Поручик Р.» рассказал, что он и его брат были отправлены в Тобольск В.М. Пуришкевичем, бывшим депутатом Государственной Думы, членом «Союза Русского Народа», одним из убийц Распутина. Появление в этой истории Пуришкевича очень настораживает. Пуришкевич — одна из самых отталкивающих и темных личностей предреволюционной России. Пуришкевич был типичным провокатором, своего рода Азефом от черносотенства. Его монархизм и оголтелая юдофобия не мешали ему одновременно участвовать в кампании по дискредитации Императора Николая Александровича. Сегодня уже не является секретом, что в убийстве Распутина деятельное участие приняла английская разведка или масоны из английской разведки.[1] Таким образом, нет сомнений, что Пуришкевич был тесно связан с определенными силами в Англии и Франции. Итак, «полковник Н.», украшенный Почетным Легионом, и Пуришкевич, сотрудничавший со спецслужбами Великобритании. Похоже, что руководство «Военной Организации» изначально контролировалось силами из лагеря Антанты.

Молодой Раевский сообщил собравшимся, что в Тобольске среди населения монархическое настроение, что в городе много монархических организаций, готовых помочь. Освободить Царскую Семью, по Раевскому, не представляло никаких трудов. В общем, Раевский сказал руководству «Военной Организации» и митрополиту Нестору заведомую неправду. Во-первых, настроения в Тобольске не были абсолютно монархическими. Да, большинство тоболян сочувствовало Царской Семье, но так, в принципе, почти без всяких внешних проявлений. Главное, что выдвигалось на первый план для мирного населения, были его собственные насущные проблемы. По большому счету его мало беспокоила судьба Царской Семьи. О «мно-

---

[1] См., например, блестящую статью С.В. Фомина в «Русском Вестнике» — «Как они ЕГО жгли» (№№ 21–23. 2002) об уничтожении останков Г.Е. Распутина и книгу О. Шишкина «Распутин. История преступления». М., 2004.

жестве монархических организаций» г. Тобольска и говорить не приходится, их просто не было. Освобождение Царской Семьи могло стать возможным лишь в двух случаях: либо в результате крупного военного нападения на «Дом Свободы», либо, что было бы гораздо продуктивнее, вступлением в контакт с Отрядом особого назначения. Офицеры этого отряда в своей массе были готовы дать возможность Царской Семье скрыться просто так, солдаты частично последовали бы их примеру, частично легко бы дали себя подкупить.

Вместо этого Раевский предложил совершенно абсурдный план: освободители должны были собраться в алтаре городской церкви, куда Царская Семья иногда в воскресенье ходила молиться, и оттуда броситься на караул.

«*Меня удивил такой план*, — вспоминал Соколов, — *пахло романами Дюма*».

Соколов настолько рассердился на эту авантюру, что хотел немедленно покинуть собрание. Однако в этот момент слово взял «полковник Н.», который заговорил четко и разумно. Полковник сказал, что подробный план будет разработан на месте. Для начала в Тобольск следуют штабс-ротмистр К. Соколов с двумя товарищами и молодым Раевским. Общая задача: наблюдение, вхождение в связь с местными монархическими организациями, выяснение их численности и боеспособности. Здесь же «полковник Н.» изложил цель операции: освободить Царскую Семью из плена и доставить ее в Троицк, уже занятый казаками генерала Дутова. В окрестности для разведки будут посланы 30 человек, для окончательного выполнения задания в Тобольск прибудут 100 гардемаринов во главе с самим «полковником Н.».

6-го января 1918 года группа в составе четырех человек (самого К. Соколова, «поручика М.», «поручика Г.» и поручика Раевского), получив благословение митрополита Нестора, выехала в Тобольск. Чем ближе группа приближалась к цели поездки, тем больше становилось ясно, что Раевский абсолютно не владеет ситуацией. Добравшись до Тюмени, группа пересела в конные повозки и направилась в Тобольск, который она достигла 14-го января.

Изучение обстановки еще больше выявило недостоверность доклада Раевского, сделанного им на квартире Полянского. Никаких серьезных монархических организаций не было, не считая группы «бойскаутов» из 30 человек, состоявшей из детей и юношей от 10 до 17 лет. Настроение населения по отношению к Царю было равнодушное, но не враждебное. Кроме того Тобольск кишел анархистскими и пробольшевистски настроенными элементами, основу которого составляли бывшие дезертиры. Оставаться в городе группе К. Соколова было опасно. Соколов стал думать, куда им можно скрыться из города. В один из вечеров, проходя мимо «Дома Сво-

боды», К. Соколов и его товарищи видели Великую Княжну Татьяну Николаевну и Наследника, которые, в свою очередь, видели Соколова и его спутников.

Между тем Раевский и два спутника Соколова проводили время в пустых занятиях. «*Я застал их сидящими у стола*, — вспоминал Соколов, — *и что-то рисующими. Не открыл я еще рта, как они показали свои рисунки, изображавшие людей в одеждах времен Иоанна Грозного и объяснили, что это будущая форма конвоя Государя, спасшего Его, т.е. нас. Тут же добавили, что они решили везти Семью не в Троицк, а на север в Обдорск, лежащий на Обской губе. Я вышел из себя, наговорил им дерзостей*».[1]

Шли дни, а никаких обещанных гардемаринов в Тобольск не приезжало. На все вопросы Раевский отвечал, что гардемарины прибудут вот-вот, а для их размещения нужно подобрать помещение, в качестве которого Раевский предлагал женский монастырь в 7 верстах от города. Соколов выразил сомнение в целесообразности размещения отряда в монастыре, однако ему пришлось его осмотреть. Долгое пребывание группы Соколова в Тобольске не могло не вызвать подозрения революционных властей, и вскоре она была арестована, под предлогом подозрения в ограблении ею монастыря. Арест был осуществлен солдатами охраны Государя, которые заметили Соколова и его спутников, когда они делали вечерний обход. Во время допроса следователь прямо обвинил Соколова в намерении похитить Царя. Соколов и его товарищи категорически это отрицали и были отпущены. При этом за ними было приставлено наружное наблюдение, которое скоро было замечено Соколовым.

Через четыре дня в столовой «Россия» Соколов встретился с посланником из Москвы, который ему сообщил приказ из Центра: из-за отсутствия денег предприятие невыполнимо и что нужно возвращаться. На следующий день пришло предписание местных властей покинуть город в 24 часа. Пока группа Соколова раздумывала, что ей делать, она была вторично арестована, причем вновь командой Отряда Особого Назначения. Примечательно, что за несколько часов до этого таинственно исчез Раевский.

Пробыв больше недели в тюрьме, К. Соколов и его спутники были освобождены и покинули город.

На этом, собственно, операция «Военной Организации» по освобождению Царской Семьи закончилась. Собственно, говорить о ней серьезно не приходится. Безусловно одно: штабс-ротмистр К. Соколов и его товарищи стали жертвами какого-то большого спектакля, целью которого, скорее всего, было не дать митрополиту Нестору и другим монархистам опереться на реальную силу в целях освобождения Царской Семьи. Но, с другой стороны, и сам митрополит Нестор не проявил должной серьезно-

---

[1] АРР. Т. 17–18. С. 286.

сти в таком великом вопросе, как освобождение своего Государя. Он доверился Полянскому и иже с ними и устранился от дел. Конечно, обвинять его в этом было бы несправедливо, ибо он был пастырь Божий, его дело было духовно поддерживать и направлять великое дело освобождение Царя. Не его вина, что люди, одетые в русскую форму, люди, числившие себя монархистами, могли вести двойную игру, ставя на кон Царскую жизнь. Но совесть беспокоила владыку, и даже через много лет, «*отвечая на вопросы очень близких ему людей о Царственных мучениках и попытках их спасти, говорил прерывающимся от волнения голосом: "Все они святые, ибо претерпели ужас, особенно дети. Что мы только не предпринимали, чтобы вызволить их. Ничто не получалось"* ».[1]

Г) Действия «Правого Центра»

Наиболее парадоксальной организацией, имя которой ассоциируется с попытками освободить Царскую Семью, являлся так называемый «Правый Центр». Парадоксальность этой организации заключается в том, что ее руководители в прошлом, мягко говоря, не были хорошими верноподданными. Почти каждый из них был повинен в той или иной степени в том, что произошло с Россией в феврале 1917 года. Почти каждый из них свои личные амбиции и цели ставил выше интересов Царя и России. Почти каждый из них был готов ради достижения своих целей и амбиций вступать в соглашения с силами, стремившимися умалить либо даже уничтожить власть Императора. Могли ли такие люди искренне стремиться к освобождению Царской Семьи и если могли, сколь реальны были их возможности? Попытаемся ответить на этот вопрос.

Еще в августе 1917-го в Петрограде возникла организация «Совещание общественных деятелей». Его руководителями были бывший член Государственного Совета В.И. Гурко, бывший министр земледелия императорского правительства А.В. Кривошеин, Н.И. Астров, П.Б. Струве и другие. Первым руководителем «Совещания» стал бывший председатель Государственной Думы М.В. Родзянко. По своей политической окраске «Совещание» было кадетско-октябристским. Никаких монархических симпатий и устремлений оно до октября 1917 года не обнаруживало. Все изменилось с приходом к власти большевиков. Неспособность кадетского Временного правительства действенно бороться с большевизмом привела многих членов «Совещания» к разочарованию в «демократической» республике. Все больше «Совещание» начинало склоняться к конституционной монархии.

---

[1] Божией Милостию архиерей Русской Церкви. С. 39.

1 марта 1918 года совет «Совещания» пришел к выводу, что «*единственно приемлемой формой правления в России может быть наследственная монархия*».[1]

Этот вывод из уст вышеназванных людей, как мы уже писали, звучал несколько странно, ибо все они немало способствовали крушению этой самой монархии. В том же марте 1918 года «Совещание общественных деятелей» было преобразовано в «Правый Центр». Один из руководителей «Совещания» В.И. Гурко так объяснял причину появления «Правого Центра»: «*Убедившись, что Совет общественных деятелей бессилен, некоторые из его членов решили образовать весьма ограниченную по числу входивших в нее лиц группу, поставившую себе целью связаться с военными кругами и при их помощи создать силу, могущую свергнуть большевиков*».

Во главе «Правого Центра» встала «девятка», в которую вошло по трое представителей от «Совещания общественных деятелей», партии кадетов и Торгово-промышленного комитета. Затем «девятка» была расширена. «Совещание общественных деятелей» было представлено Д.М. Щепкиным, С.М. Леонтьевым, Белоруссовым (Белевским), С.Д. Урусовым; Партия кадетов — профессором П.И. Новгородцевым, Н.И. Астровым, Степановым, Червен-Водали. Торгово-промышленный комитет С.А. Морозовым, А.И. Бурышкиным, А.М. Невядомским и М.М. Федоровым. «Союз земельных собственников» — А.В. Кривошеиным, М.А. Ершовым, И.Б. Мейснером. Крайне правые — Л.Л. Кисловским. Кроме того, персонально в руководство «Правого Центра» вошли П.Б. Струве, Г.Н. и Е.Н. Трубецкие. Группа бывших членов Государственного Совета — В.И. Гурко, А.П. Роговичем и Д.Б. Нейгартом.

Председателем «Правого центра» был избран П.И. Новгородцев, но главную роль играл А.В. Кривошеин. Значительные суммы на осуществление своей деятельности «Правый Центр» получал от Морозова.

«Правоцентристы» выступали против Учредительного Собрания, за восстановление конституционной монархии. Руководство «Правого Центра» предлагало обратиться к Патриарху Тихону и провозгласить Царем Великого Князя Михаила Александровича. Генерал А.И. Деникин уверяет, что «правоцентристы» хотели видеть на престоле вновь Императора Николая II.

Во внешней сфере «Правым Центром» была взята ориентировка на Германию. Эта переориентация далась руководству «Правого Центра» непросто: в большинстве своем оно симпатизировало Франции. Поначалу «Правый Центр» пытался договориться с Антантой, с французскими представителями которой велись упорные переговоры. Об этих переговорах с французской миссией В.И. Гурко пишет: «*Переговоры с французскими пред-*

---

[1] *Иоффе Г.З.* Крах российской монархической революции. С. 101.

ставителями велись в течение некоторого времени отдельными членами "Правого центра". Велись они на квартире кн. Е.Н. Трубецкого, а участвовали в них, кроме хозяина квартиры, АВ. Кривошеин, П.Б. Струве, В.И. Гурко и однажды Н.И. Астров».[1] Французы настаивали, чтобы «Правый Центр» придерживался ценностей западной демократии и ориентировался на сближение с другими левыми партиями. Эта французская близорукость и нежелание замечать никаких интересов, кроме своих собственных, возмутили руководство «Правого Центра». «*На самоуверенные и легкомысленные убеждения французов,* — писал Гурко, — *переоценивавших силу и значение русских социалистических кругов, объединиться всем русским политическим партиям, некоторые из нас возражали, что это не только невозможно, но и бесцельно. Социал-демократы, меньшевики и эсеры нам столь же чужды и представляются нам столь же вредоносными для русского государственного бытия, как и большевики».*[2]

Именно тогда руководители «Правого Центра» приняли решение начать переговоры с немцами. Об этих переговорах Гурко пишет: «*Как раз в то время, когда велись переговоры с французами об образовании уральского фронта, некоторые представители германского правительства завязали сношение с группой политических деятелей умеренно правого направления в Петрограде. Со стороны этой группы наиболее деятельное участие принимали В.Ф. Трепов и барон Б.Э. Нольде. Об этих переговорах был осведомлен московский "Правый Центр", и тут впервые возник вопрос о возможности опереться на германцев в деле свержения большевиков».*

«Правый Центр» полагал, что с немцами можно договориться о свержении большевиков. Переговоры велись с советником германского посольства Рицлером.

Главной фигурой на переговорах с немцами становится Кривошеин, который, благодаря своему влиянию и связям, устраивал и монархистов, и кадетов, и октябристов. Для немцев «Правый блок» был все же лишь одной из многочисленных организаций, которые толпились в приемной германского посольства, исполненные желания поделиться своими политическими прожектами с могущественным победителем. Тем не менее Мирбах выделил «Правый Центр» из этой общей массы именно благодаря Кривошеину. После одной из встреч с ним германский посол граф Мирбах докладывал в Берлин 13 июня 1918 года: «*Наиболее серьезная из этих попыток зондирования исходила от имени блока, который образовался еще при Временном пр-ве и состоит из членов монархистских организаций, помещиков, представителей земств, кадетской партии и в особенности торгово-*

---

[1] АРР. Т. 15.
[2] АРР. Т. 15.

промышленных кругов. Ныне они, как передают, решились выступить, ориентируясь на Германию. Ведущее лицо этого объединения — бывший министр земледелия Кривошеин, который в настоящее время является директором Морозовских текстильных предприятий. По единодушному мнению, он сумел внушить к себе доверие и надежды буржуазных слоев, за исключением крайне правых. В особенности он пользуется авторитетом в банковских и промышленных кругах. Кривошеин, который, по высказываниям некоторых представителей крайне правых кругов, рассматривается этими последними как в некотором роде отщепенец, в настоящее время, по-видимому, близко связан с кадетами и даже поддерживает хорошие отношения с отдельными представителями правых эсеров».[1]

Встречи Кривошеина с немцами становятся регулярными. На них Кривошеин пытается убедить Рицлера и официальный Берлин в лояльности «Правого Центра» Германии. Мирбах писал в Берлин 20 июня 1918 года: «*Во время бесед, проведенных советником посольства Рицлером с представителями «Правого Центра» Кривошеина и его группы, состоящей из кадет, они высказали убеждение в том, что Антанта не стремится к восстановлению России, а лишь собирается вовлечь ее в новую несчастливую войну*».[2]

Мирбах советовал Берлину использовать «Правый Центр»: «*Мы*, — писал он, — *должны установить контакты с правыми монархическими группами и влиять на них так, чтобы монархическое движение соответствовало нашим желаниям и намерениям*».[3]

«Правый Центр» предполагал, опираясь на германские штыки, совершить в России государственный переворот и сбросить большевиков. Немцы, совершенно не собираясь помогать «Правому Центру», тем не менее всячески поддерживали в нем надежду на германскую помощь. Гурко писал, что «*немцы говорили о возможности прибытия в Москву из Смоленска, где они находились, некоторых немецких воинских частей для непосредственного участия в перевороте. Но после они заявили, что непосредственного участия в перевороте принять не могут, и лишь усиленно убеждали представителей "Правого Центра" произвести его собственными силами, говоря, что они со своей стороны лишь помогут косвенно, дав возможность русским контрреволюционным силам проникнуть в склады оружия, а также заставив к ним примкнуть будто бы всецело от них зависящий один из латышских батальонов*».

---

[1] Вопросы истории, М., 1971. № 9.
[2] Там же.
[3] Там же.

На просьбу «Правого Центра» к германскому посольству занять своими войсками Москву Рицлер категорически ответил, что *«этого спектакля мы русской буржуазии не дадим»*.

Когда осенью 1918 года стало ясно, что Германия находится на грани катастрофы, многие лидеры «Правого Центра» стали снова склоняться в сторону Антанты и обвинили верхушку организации в германофилии. Тогда же деятельность «Правого Центра» и закончилась. Он распался на «Национальный Центр», организацию Савинкова и так далее. Таким образом, кроме заявлений о желании восстановить монархию, руководство «Правого Центра» ничего конкретно не предприняло ни для освобождения Императора Николая II, ни для освобождения Великого Князя Михаила Александровича.

Однако мы имеем свидетельства некоторых членов «Правого Центра», что ими такие действия предпринимались. Член «Правого Центра» Д.Б. Нейдгарт, будучи допрошенным в Париже следователем Соколовым, показал, что в руководстве «Правого Центра» существовала группа людей, стремившихся помочь Царской Семье: «*Наша группа*, — свидетельствовал он, — *беспокоилась о благополучии Царской Семьи и решила узнать, в каких условиях Она пребывала в своем заключении в г. Тобольске. В этих целях я постарался, если не ошибаюсь, в январе месяце видеть в Петрограде обергофмаршала Высочайшего Двора графа Бенкендорфа. Он высказывал беспокойство о судьбе Царской Семьи, но никаких сведений о Ней он мне дать не мог. Тогда наша группа решила послать верного человека в Тобольск, чтобы получить верные и точные сведения о жизни Царской Семьи, о Ее нуждах и т. п. Таким человеком мы избрали Владимира Николаевича Штейна, бывшего воронежского вице-губернатора. Он поехал в Тобольск в первый раз, как мне кажется, в январе месяце и скоро вернулся назад. Ему удалось увидеться с князем Долгоруким и Татищевым. Он привез нам сведения безотрадные: часть отряда, находившегося при Царской Семье в Тобольске, была, очевидно, сильно развращена и отравляла покой Семьи; в денежном отношении Августейшая Семья испытывала недостаток. Тогда наша группа решила прийти на помощь Царской Семье и послать ей денежную сумму. Ввиду моих добрых отношений к Александру Васильевичу Кривошеину, возглавлявшему тогда "Правый Центр", я обратился к нему. Кривошеин довольно скоро после моего разговора с ним вручил мне денежную сумму в 100 000 рублей. Тогда наша группа собрала еще 150 000 рублей, и Штейн снова отправился в Тобольск.*

Я помню, он приехал в Тобольск во второй раз как раз тогда, когда Государь постился. Это было, безусловно, на первой неделе Великого Поста.

Целью поездки Штейна во второй раз было вручение денежной суммы. Больше мы никакой помощи оказать реально не могли».[1]

Далее Нейгардт свидетельствовал, что группой в Тобольск были посланы два офицера, Мандрыка и Борзенко, которые должны были наблюдать за положением Царской Семьи. Это наблюдение продолжалось вплоть до вывоза Царской Семьи в Екатеринбург.

Таким образом, согласно Нейдгарту, в цели «Правого Центра» не входила задача освобождения Царской Семьи. Это же находит подтверждение и у фактического руководителя «Правого Центра» А.В. Кривошеина: «*Посылая Штейна в Тобольск, мы не преследовали политических целей. Главная задача была обеспечить возможность быть в курсе того, что делается с Царской Семьей, облегчить в той или иной степени и форме условия Ее жизни и в этих целях установить способы постоянного общения с Ней на будущее время*».[2]

Собственно, только этим и занимался так называемый «Правый Центр», представлявший собой странную смесь из монархистов и либералов, сотрудничавших с германским генштабом и строивших планы о восстановлении монархии. Никакой серьезной силы «Правый Центр» не представлял. Мирбах писал Гертлингу 2 июня 1918 года: «*Группа кадетов, преимущественно правой ориентации, известная сейчас под названием «монархистов», могла бы быть присоединена к тем элементам, которые, возможно, составят ядро будущего нового порядка. Надо все же иметь в виду, что не очень-то можно доверять их организационному таланту, а тем более их боеспособности*».[3]

Как мы помним, в другом письме Мирбах еще более скептически оценивал способности русских монархистов: «*Уж очень они бестолковые, ненадежные и равнодушные люди и, в общем, стремятся к тому, чтобы с нашей помощью восстановить свои старые, обеспеченные условия существования и личные удобства*».

Подводя итог описанию действий русских монархистов в их попытках освободить Императора Николая II и его Семью из Тобольского плена, мы можем сделать следующие выводы.

1) В России не было ни одной серьезной конспиративной организации, способной освободить Царскую Семью.

2) Ни одна из существующих монархических организаций не ставила перед собой всерьез задачи освободить Царскую Семью.

---

[1] Россiйскiй Архивъ. С. 264.
[2] Там же. С. 272.
[3] Вопросы истории. М., 1971. № 9.

3) Вся деятельность этих организаций в той или иной степени контролировалась большевиками или какими-то силами, сотрудничавшими с большевиками.

4) Деятельность этих монархических организаций ни в коей мере не была опасна большевикам, а значит, не могла быть причиной поспешного вывоза ими Царской Семьи из Тобольска в Екатеринбург.

Глава 5
Миссия комиссара Яковлева

Личность комиссара Яковлева

Личность комиссара Яковлева долгое время была окутана тайной. В. Александров так и назвал соответствующую главу своей книги: «Таинственный Яковлев». О самом комиссаре и о цели его миссии ходили разные легенды. Самой первой была версия, выдвинутая следователем Н.А. Соколовым, что Яковлев был посланником немцев и его целью был вывоз Царя в Москву для осуществления планов германского правительства по использованию России в своих интересах.

В своем расследовании личности Яковлева и обстоятельств его приезда в Тобольск в апреле 1918 года Соколов допускает ряд неточностей, что впрочем, вполне понятно: ему приходилось опираться лишь на косвенные свидетельства, полученные в ходе следствия. Соколов не знал и не мог знать, кто скрывался за фамилией Яковлева.

Вслед за Соколовым и В. Александров считал Яковлева иностранным агентом. «*Кем был Василий Яковлев?* — вопрошает Александров. — *Хотел ли он действительно, как это утверждали как в среде монархистов в изгнании, так и среди большевиков, "бежать" Царя и Царицу? Был ли Яковлев секретным агентом западной державы, желающей спасти Царя?*»[1] На эти вопросы Александров отвечает категорично: Яковлев был иностранным агентом, но скорее не германским, а английским.

Даже современные авторы продолжают считать Яковлева ставленником германцев. «*Силой, стоявшей за Яковлевым,* — пишет А. Уткин, — *был Мирбах*».[2]

Большевики о личности Яковлева упорно молчали, привсдя о нем только одно свидетельство — предатель. Одним из первых о Яковлеве заговорил бывший член Уральского Областного Совета П.М. Быков. Быков, хотя и признает, что Яковлев был посланцем ВЦИКа, пишет, что Яковлев вел двойную игру и на самом деле был предателем.

Известный советский фальсификатор М.К. Касвинов в своей книге «Двадцать три ступени вниз» пишет о Яковлеве: «*Личность последнего*

---

[1] *Alexandrov V.* Op. cit. P. 176.
[2] Версия. № 29. 2003.

остается неясной до сих пор. Туманны, противоречивы данные и о его жизни, и о его конце».[1] Касвинов выдвигает несколько версий, касающихся личности Яковлева, не подтверждая ни одной из них. По первой версии Касвинова, комиссар Яковлев — это уфимец Константин Мячин, бывший участник ряда известных в России начала XX века экспроприаций государственной казны. По второй, Яковлев — якобы сын некоего киевского торговца Москвина, который лишь волею судьбы был втянут в серьезнейшие события Октября и гражданской войны в России. Третья версия: Яковлев — прибалт, уроженец Риги, сын инженера Зарина (или Заринякин).

Касвинов пытается представить действия Яковлева как авантюру. О том, что он был послан в Тобольск по личному приказу Свердлова, Касвинов не упоминает вовсе. Наоборот, он подбрасывает версию, что на назначение Яковлева уполномоченным ВЦИК оказала влияние партия левых эсеров! При этом не будем забывать, что Касвинов выполнял политический заказ, когда писал свое псевдоисторическое исследование. Значит, его заказчикам, а ими могли быть только высокопоставленные люди советского руководства, было необходимо, чтобы в широком сознании утвердилась именно эта версия о действиях Яковлева.

В советское время о Яковлеве больше всего сообщил Г.З. Иоффе. Он же впервые утвердительно дал его подлинное имя — Константин Мячин.[2] В своей второй книге о судьбе Царской Семьи, вышедшей в 1992 году, Иоффе дал еще более подробные сведения о Яковлеве-Мячине.[3]

Но наиболее полно биография Мячина изложена в книге А.Н. Авдонина «В жерновах революции». Эта работа окончательно признала, что за именем комиссара Яковлева скрывался большевик-подпольщик Константин Алексеевич Мячин.[4]

---

[1] *Касвинов М.К.* Двадцать три ступени вниз. Ташкент, 1990. С. 342.

[2] *Иоффе Г.З.* Крах Российской монархической контрреволюции. С. 149.

[3] *Иоффе Г.З.* Революция и судьба Романовых. М., 1992.

[4] Хотя все-таки в вопросе идентичности личности Яковлева, как и Мячина, продолжают оставаться неясности. Так, жена Мячина О.И. Алексеева, вспоминая о своем знакомстве с будущим мужем, так описывала его внешность: «Познакомилась я с Мячиным К.А. весной 1917 года. По внешности он был высоким. Волосы русые с сединой, хотя ему и было в то время 32 года». (Авдонин А.Н. В жерновах революции. С. 57). Сравним эти воспоминания с показаниями Кобылинского: «Наружность Яковлева такова: ему на вид 32–33 года, жгучий брюнет, волосы на голове большие, косые рядом, причем он имеет привычку встряхивать головой и рукой поправлять волосы спереди назад. Усы черные, подстриженные по-английски, борода бритая, глаза черные, нос прямой, тонкий, лицо белое, но со смугловатым оттенком, длинное, чистое. Лоб прямой, средний, подбородок острый, уши средние, не торчащие, глаза черные, жгучие, южного типа». (Гибель Царской Семьи. С. 300). Как видим, разница между русым седым человеком и «жгучим брюнетом» разительная.

Мячин вступил в РСДРП в 1904 году и был членом Боевой Дружины, действовавшей на Урале. На счету этих дружин десятки убитых и ограбленных людей, терактов, «эксов» и других насилий. О том, какими методами пользовался Мячин и ему подобные в борьбе «за светлое будущее народа», хорошо видно из собственных слов самого Мячина: «*По отношению к врагу все средства были хороши и беспощадны, и его мнение о нас было безразличным*».[1]

Возглавлял эту террористическую деятельность Я.М. Свердлов, известный под псевдонимом «товарищ Андрей». Таким образом, Мячин и Свердлов знали друг друга с давних пор, причем первый выполнял прямые приказы второго. Для нашей темы это обстоятельство имеет крайне важное значение.

После подавления революции 1905–07 годов Мячин переходит на нелегальное положение и живет по поддельному паспорту на имя Василия Васильевича Яковлева. По этому паспорту в 1908 году Яковлев ездил в Женеву, где участвовал в совещании боевиков.

В 1910 году Яковлев организует и осуществляет ограбление почтового отделения в г. Миассе. В ходе вооруженного налета было убито несколько полицейских, похищены ценности на десятки тысяч рублей. Яковлева усиленно ищет полиция. Сам Яковлев в это время встречается с ангажированным адвокатом А.Ф. Керенским, и тот обещает ему всяческое содействие в случае ареста. Этот факт также для нас чрезвычайно важен.

Кроме того, Яковлев по фальшивому паспорту едет на Капри к Максиму Горькому и вместе с ним участвует в подготовке обращения «прогрессивных» писателей, в том числе и самого Горького, «*к честным людям мира*», в котором речь идет о защите революционеров. Факт личного знакомства Яковлева и Горького также имеет большое значение для нашего повествования.

После февральского переворота Яковлев оказывается в Петрограде и участвует в поездке Масловского в Царское Село! Яковлев принимает активное участие во всех акциях большевиков. Он выполняет важные и ответственные поручения во время Октябрьского переворота. 25 октября 1917 года Троцкий дает ему следующее поручение: «*Тов. Комиссару Яковлеву. Военно-Революционный Комитет приказывает вам немедленно занять центральную станцию Штаба воздушной обороны и принять меры к контролю и распоряжению средствами связи этой станции. Председатель Троцкий*».[2]

---

[1] *Авдонин А.Н.* В жерновах революции. Документальный очерк о комиссаре В.В. Яковлеве. Екатеринбург, 1995. С. 8.

[2] ГАРФ, ф.601, оп. 2, д. 31

После создания ВЧК Яковлев — член ее президиума, один из ближайших помощников Ф. Э. Дзержинского. В его удостоверении ВЧК за №21 говорится: «*Предъявитель сего Яковлев Василий Васильевич, товарищ Председателя Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем. Председатель Комиссии Дзержинский*»[1].

Л.Д. Троцкий, когда пишет про переговоры с немцами в Брест-Литовске, упоминает, что в составе советской делегации был некто Яковлев. Велика вероятность, что это был именно Мячин. Сам Яковлев пишет о своем участии в организации переговоров в Брест-Литовске.

Яковлев и дальше продолжал находиться в личном подчинении Троцкого. Это видно из следующего удостоверения, выданного Троцкого Яковлеву: «*Предъявитель сего тов. Яковлев назначен командующим всеми вооружёнными силами действующими против банд Дутова /…/ В выполнении им чисто оперативных заданий тов. Яковлев подчиняется непосредственно народному комиссару по военным делам. Народный комиссар Л. Троцкий*».[2]

Но дальше происходит нечто непонятное, и Яковлев при невыясненных обстоятельствах был снят с должности командующего войсками против Дутова.

Впоследствии его направляют на Урал, который он хорошо знал. Но затем снова вызывают в Петроград; по другим сведениям, он поехал туда за оружием, и Свердлов лично дает ему поручение особой государственной важности — вывезти Царя из Тобольска.

Таким образом, личность Мячина-Яковлева вполне определенна: это был террорист, убежденный большевик, никогда не изменявший движению, личный знакомый Свердлова, человек, находившийся если не в большевистском руководстве, то, во всяком случае, очень к нему близкий. При этом Яковлев так или иначе соприкасался со многими людьми, которые сыграли в судьбе Императора Николая II зловещую роль. Мог ли такой человек стремиться спасти Царскую Семью? Ответ на этот вопрос очевиден: он мог это сделать только в том случае, если такую задачу ему поставили бы в центре. Но центр ставил Яковлеву совершенно противоположные задачи.

Задание Свердлова

Как Яковлев оказался на приеме у Свердлова? Бытует версия, поддерживаемая рядом историков, что Яковлев оказался у Свердлова случайно, так сказать проездом. Вот что пишет в своей книге уральский историк И.Ф. Плотников:

---

[1] ГАРФ, ф. 601, оп. 2, д. 31

[2] ГАРФ. Ф. 601. оп.2. д.31.

«С начала 1918 года Мячин работал в Уфимской губернии. В начале апреля 1918 года, будучи в Москве (возвращался из служебной командировки по поручению руководства Уфимской губернии в Петроград), зашел к Свердлову, старому революционному сподвижнику. От него и получил неожиданное задание, связанное с судьбой Семьи Николая Романова».[1]

Но в так называемом «Перечне эпизодов моей жизни», который Яковлев написал в Соловецком лагере в 1931 году для своих партийных товарищей, Яковлев указывал: «*Перевозка 25 миллионов руб. из Петрограда в Уфимский банк.* ***Вызов*** *тов. Свердловым в Москву. Поручение Совнаркома и ВЦИКа перевезти Романовых из Тобольска в Екатеринбург*»[2] (выделено нами — *П.М.*). То есть Яковлев вернулся в Уфу и был специально вызван Свердловым в Москву, чтобы дать ему задание о перевозке Царской Семьи.

Яковлев вспоминал, что при встрече Свердлов задал Яковлеву шутливый вопрос: «*Ну что много людей перестрелял*?», а затем сообщил о задании государственной важности. Любопытно, хотя это не относится напрямую к нашей теме, что в своих мемуарах и отчетах, Яковлев приводит этот вопрос Свердлова именно как шуточный и многие авторы тут же делают вывод о кровожадном настроении Свердлова уже при этой первой встречи с Яковлевым. Однако в своих черновиках, Яковлев более подробно останавливается на причинах этого вопроса Свердлова о «пострелянных людях». Итак, в своих черновиках Яковлев пишет, что во время доставки хлеба из Уфимской губернии в Петроград, он по-существу настолько превысил свои полномочия и действовал настолько свирепо, что на него было подано множество жалоб на имя Свердлова. Поэтому, писал Яковлев: «*Свердлов бросил мне фразу: «Ну, Антон, сознайся, сколько перестрелял народу за скорость доставки хлеба?» Я сразу понял, что все перипетии нашей скачки и столкновения с самостийными отрядами, ему хорошо известны»*.[3]

Из приведенного выше отрывка видно, что на самом деле ничего «кроваво»-шутливого в вопросе Свердлова не было. И Яковлев со всей серьезностью воспринял его. Яковлев готовился оправдываться за свои действия, и только важное задание, которое Свердлов собирался дать Яковлеву избавили его от этих оправданий.

Запомним эти слова Свердлова, они очень важны для понимания миссии Яковлева.

Куда приказал Свердлов перевезти Царскую Семью? Сам Яковлев на этот вопрос отвечает категорично: Свердлов приказал отвезти Царскую Семью в Екатеринбург. Яковлев приводит слова Свердлова: «*Совет На-*

---

[1] *Плотников И.Ф.* Правда истории. Гибель Царской Семьи. Екатеринбург–Москва, 2003. С. 38.

[2] *Авдонин А.Н.* В жерновах революции. С. 170.

[3] ГАРФ, ф. 601, оп.2, д. 31

родных Комиссаров постановил вывезти Романовых из Тобольска пока на Урал». Об этом же пишет и Быков: «*ВЦИКом было решено перевезти Романовых из Тобольска в Екатеринбург»*.[1]

Зачем? А.Н. Авдонин пишет: «*В записках Яковлева отсутствует причина вывоза Царской Семьи из Тобольска. Может, Свердлов ему этого не раскрыл, но, вероятнее всего, Яковлев вынужден был умолчать об этом. Даже сейчас, когда документы, связанные с этой перевозкой, стали известны, причина перевозки по-прежнему остается неясной»*.[2]

Мы все-таки постараемся осветить эти неясные причины. Наиболее вероятной из них нам представляется желание германского руководства забрать у большевиков контроль за Царской Семьей в свои руки. По-видимому, в германских военных кругах, которые к концу войны играли все большую роль в правительстве Германии, пришли к выводу, что независимо от будущего государственного устройства России нахождение Императора и Наследника в их руках будет соответствовать интересам Германии. Генерал М.К. Дитерихс писал: «*Во второй половине 1917 года и первой половине 1918-го политика Германии почти всецело сосредотачивается в руках "Верховного Командования". В министерстве иностранных дел порой совершенно не было известно о тех политических задачах, которые задумывались и приводились в жизнь командованием»*.[3]

Кроме того здравомыслящая часть германского генералитета могла начать действовать в отношении вывоза Царской Семьи самостоятельно, без оглядки на правящую верхушку. Тем более что к концу войны германский генералитет становился все более самостоятельным. Генерал Мосолов в цитированных выше мемуарах пишет, что именно германские военные пытались содействовать ему и другим русским монархистам в организации помощи Царской Семье. «*Герцог Лейхтенбергский*, — пишет Мосолов, — *был нашим посредником в сношениях с германскими властями. Двоюродный брат баварского кронпринца, он имел свободный доступ к генералу Эйхгорну, начальнику оккупационных войск, и к генералу Гренеру, начальнику штаба.*

Немцы оказались очень предупредительными. Открыли нам кредиты и обещали предоставить в наше распоряжение пулеметы, ружья и автомобили».[4]

Как мы помним, намерения германских военных вошли в противоречие с планами германской дипломатии, которая в лице графа Мумма отказала Мосолову в какой-либо помощи.

---

[1] *Быков П.М.* Указ. соч. С. 67.
[2] *Авдонин А.Н.* В жерновах революции. С. 18.
[3] *Дитерихс М.К.* Указ. соч. Т. 1. С. 352.
[4] *Мосолов А.А.* Указ. соч. С. 245.

В начале 1918 года никто не знал, куда качнется маятник истории. Немецкие военные, скорее всего, располагали, какой-то весьма важной информацией об иностранных связях части большевиков, в том числе и на территории рейха, которые делали их крайне опасными для императорского строя в Германии. Допрошенный Соколовым в Париже А.И. Гучков показал, что в 1919 году в Берлине он встречался с рядом лиц, «*принадлежавших к числу высших военных начальников Германии и, между прочим, с генералами Людендорфом, Гофманом и адмиралом Гопманом. Как известно, генерал Людендорф играл у немцев выдающуюся роль как непосредственный помощник главнокомандующего всеми вооруженными силами Германии; генерал Гофман был начальник штаба командующего русским фронтом Леопольда Баварского и главным представителем Германии при заключении Брест-Литовского мира; адмирал Гопман командовал германской эскадрой в Черном море. В беседах со мной все названные мной лица высказывались, что* ***к весне 1918 года****, увидев воочию характер деятельности большевиков в России, они ясно поняли опасность, угрожающую самой Германии, если большевики останутся далее у власти. Они настаивали перед своим правительством на необходимости свержения большевиков и создания в России правительства порядка, не враждебного Германии*».[1] (Подчеркивания наши – *П. М.*)

Заметим время выработки этого плана германских военных — весна 1918 года, т.е. время экспедиции комиссара Яковлева. О том, что подобный план мог существовать у военных, подтверждает и генерал Дитерихс: «*Конечно, если такой план существовал, то он исходил исключительно из недр различных политиканствующих бюро германского военного командования*».[2]

К этому же времени относится еще одно весьма важное показание П.Н. Милюкова: «*Я не могу Вам сказать ничего по поводу того, что у немцев было определенное лицо, кандидатуру которого они желали бы видеть на русском Престоле. Но в результате всех обсуждений, всех переговоров с ними и в результате бесед моих с Гурко у меня отложилось тогда в памяти, что немцы или желали, или даже пытались реально спасти Царя и Наследника, причем я лично усматривал тогда в этом и политическое значение — их нежелание, чтобы какие-либо иные элементы, враждебные им, воспользовались личностью Николая Александровича и Его Сына. (…) Припоминаю, тогда говорилось, что с таким “требованием” обращался к большевикам или должен был обратиться Мирбах. (...) Слухи о желании Мирбаха спасти Царя и Наследника шли из Москвы*».[3]

---

[1] Россійскій Архивъ. С. 259–260.
[2] *Дитерихс М.К.* Указ. соч. Т. 1. С. 353.
[3] Россійскій Архивъ. С. 263.

Упоминание Москвы в данном контексте чрезвычайно важно. Именно отправкой в Москву будет объяснять Яковлев вывоз Царской Семьи из Тобольска.

В этой связи интересны также показания члена «Союза Русского Народа», одного из соратников Маркова-2-го В.П. Соколова, сделанные им своему однофамильцу, следователю Соколову, в 1921 году. В.П. Соколов рассказывал, что летом 1918 года в Киев прибыл посланник императора Вильгельма граф Альвенслебен, на которого было возложено спасение Царской Семьи.[1] Мы еще будем говорить о миссии этого Альвенслебена, здесь же отметим, что германский граф был в Киеве давно, с момента образования гетманства Скоропадского, и сочувствовал русской монархии. Альвенслебен уже весной 1918 года, то есть в тот момент, когда Яковлев выехал из Тобольска, был обеспокоен судьбой Царской Семьи.

Принимая во внимание все вышеизложенное, можно сделать следующий вывод: большевики поспешно вывозили Царскую Семью не из-за пресловутой опасности ее «побега» или освобождения «монархистами» — и то, и другое было невозможно, но по чьему-то приказу. Единственной силой, способной приказывать большевистскому руководству в 1918 году, были немцы.

Здесь следует еще раз сказать, что понятие «немцы» очень общее. Необходимо помнить, что 1918 год был последним годом существования кайзеровской Германии, внутри которой революционные подпольщики готовили такой же переворот, что и в России в феврале 1917 года. В Германии сильно активизировалась деятельность масонских лож. Сам Вильгельм II уже в эмиграции писал: «*Мне сообщали, что большую роль в подготовке направленных против монархических центральных держав мировой войны и революций сыграла политика, какую в течение долгих лет сознательно вели международные “Ложи Великого Востока”*».[2] По словам кайзера, две крупные немецкие ложи «*втайне поддерживались "Великим Востоком" в Париже*». С масонством самым тесным образом было связано германское социал-демократическое движение в лице Августа Бебеля, Клары Цеткин, Карла Либкнехта, Розы Люксембург и других. У революционеров были свои влиятельные союзники как в рейхстаге, так и в правительственных кругах. Скорее всего масонство проникло и в германскую армию.

Безусловно, что между германскими монархистами и германскими революционерами шло противостояние. В этих условиях и те, и другие пытались найти себе союзников в России. Наиболее монархически настроенными в Германии были военные. Последние были крайне недовольны

---

[1] Там же. С. 303.

[2] *Вильгельм II, император*. События и образы. Берлин: Слово, 1923. С. 202–203.

политиками, заключившими союз с большевиками, которые, по мнению военных, представляли собой огромную опасность для германской монархии. Между военными и политическими кругами Германии шла настоящая борьба по вопросу будущего России. Этот видно из приведенных выше сведений. Совершенно очевидно, что германские военные хотели бы видеть в России союзника монархической Германии. Восстановление в России порядка воспринималось военными и монархическими немецкими кругами как чрезвычайно важная задача. В таких условиях для этих кругов было небезразлично, в чьих руках останется русский Император и его Сын. Вот почему представляется более чем вероятным, что весной 1918 года большевистское правительство получило от германского командования, имевшего в Москве огромное влияние, приказ вывезти Императора Николая II и Цесаревича Алексея Николаевича в Москву, с последующей, вероятно, целью вывезти их в Германию.

В принципе для большевистского правительства с точки зрения политической выгоды передача Царской Семьи в руки немцев не представляла большой опасности. Мы уже писали о том, что большевики были готовы восстановить в России карикатурную монархию и, воспользовавшись этим, спокойно скрыться с награбленным. Как говорил Лев Троцкий, «*если мы кому и сдадим власть, то только монархистам*».

Сомневаться в том, что СНК, получив от немцев приказ перевезти Царскую Семью в Москву, выполнил бы его, практически не приходится.

Если предположить, что немцы отдали приказ о перевозе Царя в Москву, то, скорее всего, они бы адресовали его Ленину как главе Совета Народных Комиссаров, так как, во-первых, из всех большевистских руководителей Ленин был наиболее тесно связан с немцами и имел хорошие личные отношения с Мирбахом, а во-вторых, Ленин представлял исполнительную власть, то есть силу, способную к действию. Если предположить, что Ленин получил такое распоряжение от немцев, он должен был создать отряд для перевозки Императора под руководством надежного человека и снабдить его мандатом.

Здесь мы вынуждены остановиться и сказать два слова о мандате комиссара Яковлева. До сих пор неизвестно, что было написано в этом мандате и кем он был подписан. История об этом умалчивает, не понятно существует ли сегодня сам подлинник этого документа. Сам Яковлев утверждал, что оригинал мандата был им «*своевременно возвращен лично тов. Свердлову*» по окончании операции по перевозу Царя в Екатеринбург.[1]

Что же касается текста мандата, то в черновиках своих воспоминаний Яковлев писал, что «*в мандате в виду конспирации не упоминалось ни о*

[1] ГАРФ, ф. 601, оп. 2, д. 31 (дело В. В. Яковлева).

бывшем царе, ни о Тобольске».[1] Яковлев пишет, что в мандате говорилось, что «*товарищ В. В. Яковлев назначается Совнаркомом и ВЦИКом чрезвычайным комиссаром на время специального поручения. Все обязаны исполнять его распоряжения. За неисполнение приказаний — расстрел».*[2]

По поводу подписей в мандате Яковлева вообще много непонятного. Так, сам Яковлев в своих черновиках пишет, что когда он пришел к Свердлову за бумагами, то тот позвонил Аванесову и спросил: «*Как бумаги Яковлева? Готово? Хорошо. Подпись Ильича? Сам пойду»*. Потом, обращаясь к Яковлеву, сказал: «*Пока посиди, сейчас вернусь». «Минут через двадцать*, — продолжает Яковлев, — *он вернулся обратно*: «*Иди к товарищу Аванесову и закончи остальное». У товарища Аванесова я должен был зарегистрировать бумаги не выпуская из рук. Товарищ Свердлов поставил свою подпись и вручил мне мандат».*[3]

В письме к И.В. Сталину 15 марта 1928 года Яковлев писал, что мандат был подписан «*товарищем Лениным*»[4], а в перечне необходимых документов без даты, но не позднее того же 1928 года, Яковлев пишет об имеющейся у него копии мандата «*за подписью Ленина, Свердлова и Аванесова*»[5]; полковник Е.С. Кобылинский свидетельствует, что мандат Яковлева был подписан Свердловым и Аванесовым.[6] Можно предположить, что Кобылинский не помнил всех обстоятельств предъявления Яковлевым своих мандатов. Но странно, что Кобылинский забыл фамилию председателя Совнаркома Ленина, но запомнил фамилию секретаря ВЦИК Аванесова.

Тем временем главной действующей фигурой в перевозке Царской Семьи в Екатеринбург стал не Ленин, а Свердлов. Весьма интересные сведения приводятся в книге австрийского исследователя Э. Хереш «Николай II». Несмотря на то, что труд Хереш изобилует ошибками и неточностями, касающимися русской истории, ее работа весьма ценна своими находками в архивах Германии и Австрии. Поэтому для нас особенно ценно утверждение Хереш, что весной 1918 года граф Мирбах имел встречу со Свердловым. Мирбах заявил Свердлову, что «*хочет увидеться с бывшим Царем*». Далее Хереш начинает рассуждать за Мирбаха, почему тот хотел встретиться с Государем, якобы кайзер Вильгельм хотел, чтобы Николай II поставил свою дополнительную подпись под Брестским миром. Но нам важен сам факт: Мирбах требовал встречи с Императором Николаем II, и притом в Москве, так как Хереш дальше продолжает: «*Свердлов пошел на-*

---

[1] ГАРФ, ф. 601, оп. 2, д. 31 (дело В. В. Яковлева).
[2] ГАРФ, ф. 601, оп. 2, д. 31 (дело В. В. Яковлева)
[3] ГАРФ, ф. 601, оп. 2, д. 31 (дело В. В. Яковлева)
[4] *Авдонин А.Н.* В жерновах революции. С. 155.
[5] Там же. С. 164.
[6] Гибель Царской Семьи. С. 301.

встречу желанию Мирбаха и сказал, что распорядится доставить Николая II в Москву».[1]

Таким образом, по Хереш, получается, что Ленин и Свердлов выполняли приказание Мирбаха, когда ставили перед Яковлевым задачу отвезти Императора и его Семью в Москву или в Петроград. Но здесь есть неточность. Мирбах прибыл в Москву 29 апреля 1918 года, то есть когда Николай II, Государыня и Великая Княжна Мария подъезжали к Екатеринбургу. Поэтому Мирбах мог требовать доставить Государя в Москву уже из Екатеринбурга. Но это вовсе не исключает той возможности, что и из Тобольска Царская Семья перевозилась по приказу германской стороны.

Тем не менее вместо Москвы и Петрограда Царская Семья была доставлена в Екатеринбург, где была убита. Более того, Свердлов изначально приказывал Яковлеву везти Императора в Екатеринбург. В чем же заключается причина этого противоречия?

Говоря о вынужденной подчиненности большевиков германскому генштабу, было бы наивно предполагать, что они слепо шли у последнего на поводу. Нет, внешне выполняя все германские требования, большевики вели свою собственную игру, используя, в свою очередь, немцев в собственных целях. Безусловно, это касалось и судьбы Царской Семьи. Среди самих большевиков также не было единства. Здесь были свои группы и течения, опиравшиеся на различные, не всегда полностью друг с другом согласные заграничные силы. Безусловно, особняком в большевистскому руководстве стоял Я.М. Свердлов. О нем еще будет отдельный разговор. По нашему глубокому убеждению, Свердлов был представителем интересов тайного заграничного сообщества или сообществ, чьи структура и роль в русской революции до конца не известны. В своей деятельности Свердлов руководствовался в первую очередь не интересами большевистского правительства, а интересами тех сил, которые поставили его у власти. Передача немцам Царской Семьи была даже в какой-то степени выгодна для большевиков, так как делала из них «гуманных спасителей» Царской Семьи и давала им прекрасную возможность после своего поражения скрыться в той же Германии, да и в любой другой стране.

Но то, что было выгодно для большевиков как правительства, было совершенно противно той части большевиков во главе со Свердловым, которую можно условно назвать «сектантами». Для «сектантов» главной целью было не удержаться у власти любой ценой, а нанести любой ценой максимальный вред православной России. Россия издавна рассматривалась «сектантами» как самый ненавистный и опасный враг. Главой этой России был Царь. Поэтому передача его в руки германцев, которая, безусловно, означала

[1] *Хереш Э.* Николай II. Феникс, 1998. С. 352.

бы сохранение ему жизни, вовсе не входила в планы «сектантов» и их иностранных руководителей.

Как мы увидим ниже, стремления части большевистского руководства убить Царскую Семью существовали изначально. Именно поэтому перевод Царя в Москву был крайне невыгоден Свердлову. Ведь одно дело убить Царя в каком-нибудь отдаленном городе, а другое — в центре Первопрестольной. Последнее становилось практически невозможным, ибо Царь и его Сын оказывались в центре внимания всей России, да и всего міра.

Между тем Свердлов давно стремился перевезти Императора Николая II из Тобольска в какой-нибудь подконтрольный ему город. Первые пробные шары были запущены большевиками еще до прихода к власти. 2-го ноября 1917 года Петроградский Военно-Революционный Комитет заслушал сообщение Э.К. Дрезена «*о содержании семьи Романовых в Тобольске*». Вскоре по Петрограду с явно провокационной целью стали распространяться слухи о том, что «*Николай Романов бежал из Тобольска*». Большевикам пришлось даже давать опровержение этим слухам, в частности, опровержение давал В.Д. Бонч-Бруевич.[1]

В феврале 1918 года, когда в ответ на отказ Троцкого согласиться на первые германские условия мира немецкие войска начали свободное наступление в сторону Петрограда, газета «Известия» писала: «*Германский император идет походом на русскую революцию. Сердца Романовых в Тобольске радостно бьются при известиях о продвижении немецких войск. Мы говорим: необходимы экстренные меры. Необходимо перевезти Романова в надежное место. Необходимо целиком лишить его свободы сношений с кем бы то ни было. Необходимо заключить его в тюрьму и немедленно назначить суд над ним*».[2]

Напомним, что «Известия» являлись органом Советов, то есть подчинялись ВЦИКу, главой которого был Свердлов.

Почти не приходится сомневаться, что, получив немецкое приказание перевезти Императора Николая II в Москву, Свердлов задумался, как это приказание не выполнить. Для этого надо было не довезти Царскую Семью до Москвы, спрятав ее в одном из российских городов.

Безусловно, что из всех городов для Свердлова более всего подходил Екатеринбург.

Екатеринбург был вотчиной Свердлова еще со времен революции 1905–07 годов и находился под полным контролем его ставленников. Поэтому понятно, почему Свердлов выбрал именно Екатеринбург для перевоза в него Царской Семьи.

---

[1] Гражданская война и иностранная интервенция на Урале. Свердловск, 1969.
[2] *Иоффе Г.З.* Революция и судьба Романовых. С. 144.

Таким образом, если следовать дальше нашей версии, дав Мирбаху свое согласие на перевоз Императора Николая II в Москву, Свердлов приступил к немедленной подготовке своего плана, целью которого было недопущение перевоза Императора именно в Москву. А.Г. Белобородов писал в своих воспоминаниях: «*Насколько я помню теперь, мы, уральцы, представляли дело таким образом: Николай и его семья должны быть перевезены на Урал. Этим совершенно устраняется возможность к побегу. Кроме того, если бы друзья Николая с германской стороны захотели его от нас оторвать, у нас остаются тысячи возможностей его ликвидировать в процессе отправки*».[1]

Эти слова Белобородова лишний раз доказывают связь между перевозом Царской Семьи на Урал и немецкими планами ее перевоза в Москву. Стремясь не допустить этого, Свердлов был вынужден пойти на хитроумный ход.

Вполне вероятно, что, понимая всю опасность того, что Государь и его Семья могут оказаться в руках другой силы, и он, Свердлов, будет лишен возможности исполнить в отношении них свои преступные намерения, Свердлов задумал вывезти Царскую Семью силами уральских отрядов, списав всю ответственность за случившееся на их «самостоятельность».

В Тобольск был отправлен екатеринбургский отряд. Кроме того туда же из Омска вышел омский отряд, а из Тюмени — тюменский. Появление этих отрядов, больше похожих на банды, было обставлено таким шумом, что известие об их появлении дошло даже до Государя, который записал в своем дневнике 22 марта: «*Утром слышали, как уезжали из Тобольска тюменские разбойники-большевики на 15 тройках, с бубенцами, со свистом и с гиканьем. Их отсюда выгнал омский отряд!*»[2]

Яковлев пишет в своих воспоминаниях, что «*екатеринбургские комиссары пытались войти в соглашение с охраной Романовых и перевезти их в местную тобольскую тюрьму. Однако охрана категорически отказалась исполнить просьбу Уральского и Тобольского Советов*».[3]

На самом деле на позицию «отряда особого назначения» повлиял полковник Кобылинский, который заявил, что в случае перевода Царской Семьи в тюрьму всему отряду придется отправляться нести службу туда же. Эта перспектива не обрадовала солдат охраны, и они выступили против совета. Между тем, екатеринбургский, омский и тюменский отряды враждовали друг с другом. Свердлову становилось понятно, что над его планами нависла серьезная опасность. Нужно было срочно брать ситуацию в свои руки.

---

[1] *Авдонин А.Н.* В жерновах революции. С. 203.

[2] Дневники Императора Николая II. С. 671.

[3] Последние дни Романовых. Документы, материалы следствия, дневники, версии. Свердловск, 1991. С.48.

9 апреля власть в Тобольске сосредотачивается в руках П.Д. Хохрякова. Кто такой был П.Д. Хохряков? Хохряков родился в 1893 году в Вятской губернии в деревне Хохряки. В 1915 году был призван на Императорский флот и оказался на броненосце «Император Александр II», который после февральского мятежа был переименован в «Зарю Свободы». Корабль, на котором нес службу Хохряков, был старым и всю войну простоял в Кронштадте — тыловой базе Балтийского флота. Хохряков был на броненосце кочегаром. Будучи от природы примитивным, невежественным и жестоким, Хохряков при этом обладал неукротимой энергией и жаждой действий. Он легко попал под влияние большевистской пропаганды и в 1916 году тайно вступил в РСДРП. События февраля 1917 годы выдвинули Хохрякова на руководящие должности: он становится председателем партийного комитета «Зари Свободы». Он сумел распропагандировать и втянуть в большевистскую партию множество матросов, из которых он создавал отряды Красной гвардии. Хохряков принял активное и непосредственное участие в массовых убийствах офицеров броненосца, в частности, командира корабля капитана I-го ранга Н.И. Повалишина. Постоянно выступая на митингах, ораторствуя на собраниях, расправляясь с офицерами, Хохряков вскоре обратил на себя внимание большевистских вождей, и прежде всего Свердлова. Свердлов, который хорошо разбирался в людях, увидел в Хохрякове ревностного, энергичного и при этом недалекого и беспощадного исполнителя. Именно такие люди и были нужны Свердлову. По личному распоряжению Свердлова Хохряков во главе отряда матросов направляется в Екатеринбург. «*Центральный Комитет партии,* — пишет биограф Хохрякова М.А. Столяренко, — *направил Хохрякова на Урал по рекомендации секретаря ЦК Я.М. Свердлова*».[1] Хохряков встретил Октябрьский переворот, будучи представителем Петроградского ВРК и начальником Центрального Штаба Красной гвардии г. Екатеринбурга. Член Облчека, возглавлял отдел по борьбе с контрреволюцией. В Екатеринбурге Хохряков тесно сошелся с другими свердловским ставленником, Я.М. Юровским, вместе с которым совершал грабежи и насилия над мирным населением Екатеринбурга. «*В частных руках,* — вспоминал Юровский, — *оказалось много золота и других ценностей. Однажды Хохряков всю ночь безрезультатно обыскивал дом одного буржуя. Красногвардейцы уже потеряли надежду найти что-либо. Но Хохряков упорно продолжал поиски, подбадривая при этом товарищей. Что-то заставляло его быть уверенным в успехе. Павел не ошибся: в стене было найдено около 10 пудов золота*».[2]

Весной 1918 года Хохряков был послан в г. Тобольск. Кем он был послан и зачем? И.Ф. Плотников пишет, что Хохряков был послан в Тобольск Голощекиным «*для контроля над положением в городе, губернии и овладения Царской Семьей*».[3]

---

[1] *Столяренко М.А.* Матрос с «Зари Свободы» (о П. Д. Хохрякове). М., 1965. С. 27.
[2] Там же. С. 49.
[3] *Плотников И.Ф.* Указ. соч. С. 482.

Помощник Хохрякова и будущий первый комендант «Дома Ипатьева» А.Д. Авдеев вспоминал: «*Меня срочно вызвал к себе т. Голощекин. Я от него совершенно секретно получил, примерно, следующую информацию и задание: находящийся в Тобольске б. царь Романов собирается куда-то бежать. Этому побегу способствует та меньшевистско-эсеровская власть, которая до сих пор существует в Тобольске. По имеющимся в партийном комитете сведениям, побег бывшего царя готовят черносотенцы, съезжающиеся в Тобольск и вокруг Тобольска. Уральский обком партии решил во что бы то ни стало предотвратить побег бывшего царя, организовав в Тобольске подлинно революционный Совет рабочих и солдатских депутатов, поставив к бывшему царю надежную охрану. Для выполнения этой важной и ответственной задачи обком партии командирует ряд товарищей и групп. Для руководства ее выполнения назначаются 3 товарища: 1) т. Павел Хохряков, 2) Семен Заславский и 3) Александр Авдеев*».[1]

Из воспоминаний Авдеева ясно следующее: большевистское руководство опасалось какой-то силы, которую она именует «черносотенцами», способной взять судьбу Царской Семьи в свои руки. Большевистское руководство опасалось, что слабый тобольский Совет не сможет воспрепятствовать этой силе, а потому и направило в Тобольск Хохрякова со товарищами с задачами утвердить в Тобольске большевистскую власть и создать обстановку, при которой вывоз Царской Семьи будет произведен именно людьми Свердлова. «*Комиссар из центра*, — пишет С.П. Мельгунов, — *мог появиться лишь тогда, когда власть в Тобольске была фактически захвачена большевиками*».[2]

Было бы смешно думать, что Кобылинский отдаст Царскую Семью в руки таких людей, как Хохряков или Заславский, не скрывавших в отношении нее своих намерений. Но их приезд в Тобольск, по нашему мнению, был призван сыграть как раз совершенно противоположную роль: а именно встревожить руководство «отряда особого назначения», что им вполне удалось сделать. Яковлев позднее писал: «*Атмосфера в городе создалась самая напряженная. Отряды Омский и Екатеринбургский оспаривали друг у друга права на бывшего царя и в то же время продолжали вымогательства, пускаясь на всевозможные средства. У отряда особой охраны составилось впечатление, что Николая Романова хотят завоевать, готовились к обороне*».[3]

В этом докладе Яковлев лишний раз подтверждает наши предположения о характере и сущности действий «самостоятельных» уральских отрядов: они создали в Тобольске «самую напряженную атмосферу».

---

[1] *Быков П.М.* Указ. соч. С. 121.
[2] *Мельгунов С.П.* Судьба Императора Николая II после отречения. С. 213.
[3] *Авдонин А.Н.* В жерновах революции. С. 147.

Между тем наряду со взятием под контроль ситуации в Тобольске Свердлов в Москве продолжал вести двойную игру: на словах уверяя немцев, что им предпринимается все для перевозки Царя в Москву, он на самом деле готовил ее перевоз в Екатеринбург.

О том, что Царя должны были перевезти в Москву, видно из отчета о заседании Президиума ВЦИК, состоявшегося 1 апреля 1918 года, по поводу положения дел в «отряде особого назначения». Во 2-й части постановления говорилось: «*II. Поручить Комиссару по военным делам немедленно сформировать отряд в 200 человек (из них 30 чел. из партизанского отряда ЦИК, 20 чел. из отряда левых с.-р.) и отправить их в Тобольск для подкрепления караула и в случае возможности* ***немедленно перевезти всех арестованных в Москву****. (Настоящее постановление не подлежит оглашению в печати)*». (Подчеркивание наше – *П. М.*)[1]

Но уже 6 апреля 1918 года состоялось новое заседание ВЦИК, на котором рассматривался вопрос «о бывшем царе Николае Романове». Президиум ВЦИК вынес решение: «*В дополнение к ранее принятому постановлению поручить т. Свердлову снестись по прямому проводу с Екатеринбургом и Омском о назначении подкрепления отряду, охраняющему Николая Романова и* ***о переводе всех арестованных на Урал***».[2]

Что же произошло такого за эти пять дней, что Президиум ВЦИК на словах дополняет, а на деле в корне изменяет предыдущее решение? Ответ на этот вопрос надо искать в составе первого и второго заседания. На первом заседании, кроме Свердлова, присутствовали: депутат «отряда особого назначения» солдат-большевик Лукин, большевик М.Н. Покровский, большевик М.Ф. Владимирский, один из главных руководителей партии левых эсеров М.А. Спиридонова, левый эсер П.П. Прошьян, большевик В.А. Аванесов. То есть, на первом заседании Президиума ВЦИК большевики присутствовали вместе с руководителями партии левых эсеров и рядовым членом большевистской партии солдатом Лукиным. В присутствии и эсеров и Лукина Свердлов не мог говорить о своих истинных намерениях. Более того, ему было выгодно, чтобы, с одной стороны, Лукин, прибыв в Тобольск, сообщил всем, что скоро Царя повезут в Москву, и тем самым дезориентировал возможных противников, а с другой — чтобы левые эсеры, среди которых также имелась немецкая агентура, лишний раз подтвердили намерение Свердлова выполнить приказ Мирбаха. Заметим также и то, какие силы якобы собирался привлечь Свердлов для составления большого отряда, посылаемого в Тобольск: отряд ЦИК и отряд левых эсеров. Между тем нам из-

[1] *Алексеев В.* Гибель Царской Семьи. Мифы и реальность. Екатеринбург, 1993. С. 52.
[2] Там же. С. 53.

вестно, что на самом деле Свердлов собирался отправить в Тобольск свой собственный отряд под командованием Яковлева.

Но уже на втором заседании, где присутствовали только свои, большевики М.Н. Покровский, М.Ф. Владимирский, А.И. Окулов, В.А. Аванесов, Г.И. Теодорович и А.С. Енукидзе, для Свердлова надобность в дезинформации отпала. Вместо московского и эсеровского отрядов в Тобольск должны быть посланы отряды екатеринбуржцев и омичей, то есть силы ставленников Свердлова; вместо перевоза Царской Семьи в Москву появляется приказ везти ее на Урал. Кстати, сведения о посылке Екатеринбургского и Омского отрядов Свердловым лишний раз свидетельствует, что он полностью контролировал ситуацию на Урале и все действия тамошних властей предпринимались только с его ведома.

Отметим здесь еще одну особенность: постановление о перевозе Царя в Москву не подлежало оглашению, а вот о перевозе его в Екатеринбург на Урале знали все. Таким образом, Свердловым изначально создавалась конфликтная ситуация.

Внешне же советское руководство делало все, чтобы создать видимость выполнения приказа Мирбаха. Еще зимой 1918 года начинается кампания о вывозе «Николая Романова» из Тобольска для предания его суду. 29 января 1918 года Совнарком рассматривает вопрос «*О передаче Николая Романова в Петроград для предания его суду*». 20 февраля 1918 года Совнарком вновь возвращается к этому вопросу: «*Поручить Комиссариату Юстиции и двум представителям Крестьянского съезда подготовить следственный материал по делу Николая Романова. Вопрос о переводе Николая Романова отложить до пересмотра этого вопроса в Совете Народных Комиссаров. Место съезда не предсказывать пока*».[1]

Если следовать версии о германском приказе в деле вывоза Царской Семьи, то перевод Царя из Тобольска в одну из столиц для суда над ним должен был оправдать действия большевиков в глазах своей партии. Вопрос о месте суда над Императором Николаем II также весьма интересен и имеет, по нашему мнению, прямую связь с планами Свердлова. Изначально суд над Императором Николаем II предполагалось провести в Петрограде, затем суд увязывался с созывавшимся V съездом Советов без указания места его проведения, затем в апреле Свердлов официально заявлял, что Императора должны доставить в Москву для суда над ним.

Одновременно Свердлов изначально создавал миф о якобы самостоятельных действиях уральских властей в отношении Царской Семьи. Эта ложь о своеволии уральцев будет объяснением и злодеяния 17 июля 1918 года. Вот что говорил Свердлов Яковлеву: «*Мы, большевики, в правительстве никогда не забываем о Тобольске и придаем наиважнейшее значение извлечению*

---

[1] *Буранов Ю.А., Хрусталев В.М.* Указ. соч. С. 127.

царской семьи из Тобольска без особого шума. Но там сложилась нездоровая атмосфера, потому что чекистские военные отряды наперебой стремятся оторвать царскую семью от охраны, без всяких полномочий и указаний со стороны правительства Советской России. Из-за этой возни Николай II уходит из поля зрения Москвы. Нужен большой такт, чтобы наладить хотя бы кажущиеся хорошие отношения с царским охранением и добиться их добровольного согласия увезти царскую семью в наше распоряжение». На вопрос Яковлева, почему уральцы не совершат перевозку Семьи сами, Свердлов ответил: «*Они испортили все дело своей бестактностью, и теперь, кто бы от них ни приехал, это только вызовет в охране озлобление и недовольство. Нужно нейтральное лицо, не связанное с Екатеринбургом*».[1]

Эти слова, по нашему убеждению, являются ключевыми в объяснении действий уральских отрядов и цели поездки в Тобольск именно Яковлева. Мы уже говорили (и поговорим подробно об этом еще ниже), что к апрелю 1918 года Свердлов полностью контролировал ситуацию на Урале. Никаких самостоятельных действий без его ведома ни Голощекин, ни Белобородов, ни тем более Хохряков с Заславским предпринимать не могли. Говоря о том, что уральские отряды действуют по «своей инициативе», Свердлов лгал. Организуя и посылая в Тобольск банды «самостоятельных уральцев», он преследовал цель создать вокруг Царской Семьи тревожную обстановку, вызвать у охраны «Дома Свободы» страх за судьбу Царственных Узников.

На этом фоне приезд вежливого интеллигентного официального представителя правительства комиссара Яковлева, имевшего мандаты от первых лиц большевистского руководства и, безусловно, их предписание перевезти Царскую Семью в Москву или Петроград, должен был дезориентировать и Кобылинского, и «отряд особого назначения» и облегчить им выдачу Царской Семьи только Яковлеву, а не кому-то другому.

Именно для этого Свердлов срочно вызвал к себе Яковлева и дал ему соответствующие указания. В чем же они заключались, эти указания? По нашему мнению, отправляя Яковлева в Тобольск, Сверлов объяснил ему немецкие требования. Он также сказал Яковлеву, что официально тот должен придавать всей операции особую таинственность, но при этом сделать так, чтобы до Царской Семьи и ее окружения дошла бы информация, что Государя собираются увезти в Москву, а затем заграницу. Однако при этом Яковлев должен был знать, что на самом деле Император должен быть доставлен в Екатеринбург и сдан местным властям. При этом Яковлев наверняка был предупрежден и о том, что вокруг его экспедиции будут различные провокации, вплоть до угрозы нападения. **При этом Яковлев должен был играть роль человека, всеми силами стремившегося выполнить задание**

---

[1] *Авдонин А.Н.* В жерновах революции. С. 18.

Свердлова, но не сумевшего этого из-за противодействия «своевольных» уральцев.

Именно этим вызваны слова Свердлова «*говорить должно не то, что можно, а то, что нужно*».

Состоявшийся между Свердловым и Яковлевым разговор чрезвычайно важен, поэтому мы приведем его практически полностью.

«Во время остановки в Москве я явился к Председателю ВЦИК тов. Свердлову, с которым работал вместе еще в дореволюционное время в подполье на Урале и в Петрограде.

— У меня к тебе секретный разговор. Сейчас мне некогда. Ты пойди пока на заседание ВЦИКа, а после приходи ко мне в кабинет, и я тебе скажу, в чем дело. Да, кстати, ты заветы уральских боевиков не забыл еще? Говорить должно не то, что можно, а то, что нужно, — заграница из тебя это еще не вытравила? Это я спрашиваю потому, что я буду говорить с тобой — знаем ты да я, понял?

И он ушел.

После я узнал, что в это время у него происходило совещание по этому вопросу с тов. Лениным.

— Ну, дело вот в чем, — прямо и решительно приступил к делу Свердлов.— Совет Народных Комиссаров постановил вывезти Романовых из Тобольска пока на Урал.

— Каковы будут мои полномочия?

— Полная инициатива. Отряд набираешь по своему личному усмотрению. Поезд специального назначения. Мандат получишь за подписью товарища Ленина и моей, с правами до расстрела, кто не исполнит твоих распоряжений. Только... уральцы уже потерпели поражение. Как только были получены сведения о подготовке побега Романовых, Екатеринбургский Совет отозвал туда свой отряд и хотел увезти Романовых — ничего не вышло, охрана не дала. Омский Совет со своим отрядом тоже ничего не смог сделать. Там теперь несколько отрядов, и может произойти кровопролитие.

— А как велики силы уральских отрядов и охраны царя? — прервал я Свердлова.

— Приблизительно около 2000 человек. Охрана около 250 человек. Там такая каша, надо ее скорее расхлебать. В Москве у нас недавно был представитель охраны, некто Матвеев. Жаловался на положение, на безденежье, на враждебное к ним отношение некоторых отрядов. Тебе предстоит это все уладить. А самое главное — это то, что ты должен выполнить свою миссию чрезвычайно быстро. Скоро будет распутица, и если тронется лед, тогда придется отложить перевозку до установки пароходного сообщения с Тюменью, а это ни в коем случае нежелательно. Понял теперь, в чем твоя задача?

— А разве охрана отказалась выдать Романовых? — спросил я.

— И да, и нет, — сказал Свердлов. — Там, во всяком случае, положение очень серьезное. Верить охране нельзя. Большинство — из офицерского состава. Мне удалось убедить Матвеева, что Романовых нужно вывезти оттуда, и я сказал ему, что мы немедленно командируем туда своего чрезвычайного комиссара. Матвеев уехал и предупредит об этом охрану. Уральскому Совету я сообщу о твоем назначении. В Омский Совет я дам тебе письмо, и ты его немедленно и с верным курьером отправишь в Омск к председателю тов. Косареву. Все уральские и омские отряды будут в твоем распоряжении, а также и Тобольский гарнизон. В Тобольск я дам специальную телеграмму, а приедешь, предъявишь свой мандат. Все это тебе пригодится. В Тобольске, говорят, скопилось в большом количестве белое офицерство. Имей это в виду. С солдатами охраны нужно рассчитаться. А деньги у тебя есть?

— Пять миллионов.

— Хорошо, — продолжал Свердлов, — возьмешь с собой, сколько нужно. Итак, запомни твердо: Совет Народных Комиссаров назначает тебя чрезвычайным комиссаром и поручает тебе в самый кратчайший срок вывезти Романовых из Тобольска на Урал. Тебе даются самые широкие полномочия — остальное должен выполнить самостоятельно. По всем вопросам, касающимся перевозок, обращайся исключительно лично ко мне. Вызывай по прямому проводу: Москва, Кремль, Свердлов. Одновременно с мандатом тов. Свердлов вручил мне несколько писем: председателю Омского Совета тов. Косареву, Уральскому Совету и Тобольскому (в мандате ввиду конспирации не упоминалось ни о царе, ни о Тобольске).

—Теперь все, — обратился ко мне Свердлов. — Действуй. Когда едешь? Сейчас? Хорошо. Ну, помни, что я тебе сказал. Действуй быстро, энергично, иначе опоздаешь.

Чтобы окончательно убедиться в правильности понятых мною инструкций, я спросил:

— Груз должен быть доставлен живым?

Тов. Свердлов взял мою руку, крепко пожал ее и резко отчеканил:

— Живым. Надеюсь, выполнишь мои инструкции в точности. Все нужные телеграммы уже отправлены. Действуй конспиративно. Ну, прощай».[1]

Какие выводы мы можем сделать из этого разговора Яковлева со Свердловым, хотя наверняка Яковлев привел его не полностью и утаил какие-то очень важные его детали?

---

[1] Последние дни Романовых. Документы, материалы следствия, дневники, версии. С. 45–46.

Первое — это то, что Свердлов рисует заранее лживую обстановку в Тобольске. Слова Свердлова: «*Верить охране нельзя. Большинство из офицерского состава*» всерьез воспринимать нельзя. Так же, как нельзя принимать всерьез информацию Свердлова «о попытке Романова бежать». Никакого сосредоточения в Тобольске «белого офицерства» не было. Вообще миф о «побеге» Царской Семьи и «заговоре» вокруг нее нагнетался уральскими большевиками, и можно быть абсолютно уверенным, что они это делали с ведома Свердлова. Так, 24 апреля 1918 года заместитель председателя Уральского облсовета Б.В. Дидковский послал Свердлову телеграмму, в которой почти дословно повторял собственные слова Свердлова, сказанные за две недели до этого Яковлеву: «*Все в руках офицеров*».[1] Мы рассматривали выше состав «отряда особого назначения» и видели, что офицеров там было немного, а большинство оставшихся солдат были настроены равнодушно, а иногда и враждебно к Царской Семье. Причем сам Яковлев в отчете о перевозе Царя, сделанном им в мае 1918 года, сообщал: «*Николай Романов находился* (в Тобольске – *П. М.*) *под охраной особого отряда, состоявшего из наиболее надежных, опытных в боевом деле солдат. Отряд особой охраны имел распоряжение ЦИК не выдавать Николая Романова никому без его разрешения*».[2] И тем не менее определенная опасность того, что Кобылинский может не выдать Царскую Семью, а солдаты его в этом поддержат, у Свердлова была. Но не она, как нам кажется, была главной причиной беспокойства Свердлова.

Главной причиной его беспокойства было то, что кто-то может помешать его планам о вывозе Императора из Тобольска. Вывоз Царской Семьи из Тобольска представлялся Свердлову делом настолько сложным, что он направляет для этого своего проверенного подручного Яковлева. При этом Свердлов торопит Яковлева: «*Действуй быстро и энергично, иначе опоздаешь*», — говорит он ему. Опоздать с чем или куда? Ответ на этот вопрос может быть только один: какая-то сила могла опередить Яковлева и захватить Царскую Семью раньше, чем это сделает Яковлев. Что это была за сила? Объективные факты говорят, что этой силой могли быть только немцы и их русские сторонники. Немцы могли почувствовать или подозревать, что Свердлов ведет какую-то свою игру, и послать своих людей в Тобольск. Вполне возможно, что немцы посылали отряды русских монархистов, выполнявших их задания и раньше, и вполне возможно, что какие-то прогерманские силы были сосредоточены недалеко от Тобольска и ждали немецких приказов по поводу Царской Семьи. Татьяна Мельник-Боткина вспоминает, что зимой 1918 года в Тобольск вошел «красноармейский» отряд: «*Однажды мы все были свидетелями появления многих троек с бубенцами, в которых сидели по двое-трое человек солдат. В тот же день страшная*

[1] *Плотников И.Ф.* Указ. соч. С. 40.
[2] *Авдонин А.Н.* В жерновах революции. С. 146.

весть разнеслась по Тобольску: "Красноармейцы". Действительно, это был отряд из 50 человек. Начальниками их были два молодых офицера, местные жители, хорошо известные в Тобольске: один Демьянов, выгнанный из семинарии, про которого говорили, что он был мальчишкой скверного поведения, другой — корнет Дегтярев, появление которого в числе красноармейцев всех страшно поразило. Дегтярев был сирота, чуть ли не родственник одного из Тобольских губернаторов и известный с гимназической скамьи своим монархическим направлением. При поступлении в Петроградский университет он был членом Союза Михаила Архангела и вдруг появился в роли красногвардейца. Но по его поведению было видно, что он такой же красногвардеец, каким был прежде.

За все время пребывания в Тобольске этот отряд красногвардейцев не произвел ни одного обыска, не сделал ни одного расстрела, не замешался ни в одну скандальную историю. Когда же приехал какой-то особенно грозный отряд из Тюмени, приступивший кормить себя в этом клубе даром, то Дегтярев со своим отрядом потребовал их удаления, а так как дегтяревский отряд поддержал отряд особого назначения, то те на другой же день покинул Тобольск.

Наш знаменитый организатор говорил, что Дегтярев, в их кругу, совершенно открыто говорил о своем монархическом направлении, показывая даже какие-то бумаги от омских монархических организаций; по словам того же организатора, был какой-то случай в Тобольске, когда Дегтяреву удалось благодаря своему высокому положению начальника красногвардейцев спасти жизнь Царской Семье».[1]

Действия и состав этого отряда удивительно напоминают методы действий Б.Н. Соловьева и «маленького Маркова». Вполне возможно, что и они выполняли немецкие задания.

Таким образом, для Свердлова отряды, руководимые немцами, могли представлять серьезную и единственную опасность. Именно этим можно объяснить слова Свердлова, сказанные Яковлеву, об особой сложности данного ему задания.

Однако задание Яковлева, данное ему Свердловым, носило изначально двойственный характер: одна часть задания была ложной и предназначалась для немцев и, может быть, части большевистского руководства, другая была подлинной, абсолютно секретной и касалась только Свердлова лично. По первому заданию Яковлев якобы должен был везти Царя в Москву, а на самом деле он должен был вывезти всю Царскую Семью в Екатеринбург. При этом уральские большевики были ознакомлены только с постановлением президиума ВЦИК от 6 апреля 1918 года, то есть о том, что Император Николай II должен содержаться в Екатеринбурге. По-видимому, только Голощекин знал о

---

[1] *Мельник Т.* Указ. соч. С. 89–90.

существовании постановления от 1 апреля, то есть о том, что Императора следует отвезти в Москву. В этой двусмысленности изначально была заложена конфликтная ситуация между Яковлевым и уральцами, которую сознательно создал Свердлов. Ниже мы увидим, как он воспользовался ею.

Эта двусмысленность стала причиной того, что действия и личность Яковлева вызвали глубокую подозрительность Уральского Совета и командиров уральских отрядов, которые заподозрили Яковлева в предательстве революции. Этому способствовал также и мандат, выданный Яковлеву, где «в целях конспирации» не сообщалось ничего «ни о царе, ни о Тобольске». Конспирация была настолько полной, что Яковлев, набирая людей в свой отряд, «*не только красноармейцам, но даже своим помощникам не говорил ни о месте, ни о цели поездки*». А ведь это были в основном его бывшие товарищи по террористическим группам 1905 года, то есть люди хорошо Яковлеву известные и проверенные.

Свердлов чрезвычайно спешил с выполнением задания. Причину этого Свердлов называет сам: начнется распутица, и придется ждать пароходного сообщения до Тюмени, что очень нежелательно. Почему? Потому что при варианте сухопутного перевоза Царской Семьи Свердлов мог объяснить остановку Царя в Екатеринбурге «своеволием» уральцев, которые остановили поезд, перевели стрелки, захватили состав и т.д. и не дали ему проехать в Москву, а объяснить аналогичное при речной перевозке — намного труднее. Кроме того дальнейшее пребывание Царской Семьи в далеком Тобольске при совершенно неясном будущем для большевиков и угрозе отпадения Сибири от Советов грозило провалом планам Свердлова.

Особого внимания заслуживает то обстоятельство, что Свердлов предупреждает Яковлева о том, что о сути яковлевской миссии знают лишь Свердлов и он. В этой связи упоминание Яковлевым, что Свердлов перед началом разговора с ним беседовал с Лениным по поводу перевозки Царя, вызывает большие сомнения. Яковлев словно хочет убедить читателя, что это было не личное задание Свердлова, а задание советского правительства, главой которого был Ленин. Почему же тогда, если, по словам Свердлова, задание Яковлеву дал СНК, с ним беседовал не Ленин, а Свердлов и почему информацию о ходе выполнения этого задания Яковлев должен был предоставлять не Ленину, а лично и только Свердлову?

И.Ф. Плотников считает, что разговор Яковлева со Свердловым оставляет впечатление четкой инструкции по убийству Царской Семьи: «*Не были ли это достаточно прозрачные намеки на то, что крови бояться не следует, Семью бывшего Царя можно не довозить? Не случайно из двух довольно длительных бесед Мячин так и не понял, чего же от него хотят Свердлов*

и Ленин? Уже перед уходом он решил все же уточнить задание: живым ли Царя привозить или не бояться крови?»[1]

Вполне возможно, что Яковлев действительно получил от Свердлова информацию, что Царская Семья будет впоследствии убита и что именно с этой целью ее вывозят из Тобольска в Екатеринбург. Но эта информация была сугубо секретная, и о ней не знал никто. Время и место убийства будут решены позже, а главная цель Яковлева — вывезти Царскую Семью в Екатеринбург. «*Что я буду говорить с тобой — знаем ты да я, понял?*» — спросил Свердлов Яковлева. Эти слова могли относится только к тайным намерениям Свердлова, а не к перевозке вообще, так как он ней знали и Ленин и многие члены ВЦИК.

Для подготовки миссии Яковлева в Тобольск прибыл тайно Хохряков вместе с некой большевичкой Татьяной Наумовой, которая была уроженкой Тобольска. «*Павел с Наумовой*, — пишет Столяренко, — *прибыли в Тобольск. Решено было действовать хитростью. Всем знакомым Таня сообщала, что привезла жениха. Постепенно с помощью друзей Наумовой удалось установить необходимые связи. Только после этого из Екатеринбурга прибыла группа красногвардейцев во главе с комиссаром А.Д. Авдеевым и трое рабочих Надеждинского завода*».[2]

Официально целью Хохрякова было установление контроля над Тобольском. Казалось бы, это ему вполне удалось: он был избран председателем городского Совета. Это обстоятельство еще раз доказывает всю несостоятельность утверждений, будто бы вся власть в Тобольске находилась в руках меньшевиков и эсеров. Будь это так, оголтелый большевик Хохряков никогда бы не стал главой Совета. Но вот что странно: как только Яковлеву удалось организовать вывоз Царя из Тобольска, Хохряков немедленно оставил свой пост и покинул Тобольск! Значит, истинная цель его приезда в город была не установление контроля над городом, а организация вывоза из него Царской Семьи. Как только Свердлов получил известие о том, что Хохряков стал председателем Совета, он посылает в Екатеринбург телеграмму: «*Дорогие товарищи! Сегодня по прямому проводу предупреждал Вас о поездке к вам т. Яковлева. Мы поручили ему перевезти Николая на Урал. Наше мнение: пока поселите его в Екатеринбурге. Решайте сами, устроить его в тюрьме или же приспособить какой-либо особняк. Без нашего прямого указания из Екатеринбурга никуда не увозите. Задача Яковлева — доставить Николая в Екатеринбург и сдать Пред. Белобородову или Голощекину. Яковлеву даны самые точные и подробные инструкции. Если что необходимо, сделайте. Сговоритесь о деталях с Яковлевым. С товар. прив. Я. Свердлов*».[3]

---

[1] *Плотников И.Ф.* Указ. соч. С. 40.
[2] *Столяренко М.А.* Указ. соч. С. 51.
[3] ГАРФ. Ф.601.оп.2.д.33

Таким образом, в тексте телеграммы ясно сказано, что Государь должен быть доставлен в Екатеринбург живым. (Заметим, что речь идет только об Императоре Николае II и ни слова о его Семье). И.Ф. Плотников утверждает, что, давая вышеприведенную телеграмму, Свердлов лгал, так как хотел, чтобы Царь был убит по дороге уральцами, а вся ответственность при этом легла бы на Яковлева. «*Обратим внимание на то*, — пишет он, — *что, согласно телеграмме, миссия Яковлева сводилась к доставке бывшего Царя в Екатеринбург. На деле задание и полномочия, данные ему в Москве на словах и по мандату, были куда обширней. В такой противоречивости в официальном определении роли уральского руководства, с одной стороны, и уполномоченного кремлевских руководителей Яковлева — с другой, был явный источник возможного конфликта между ними. А это могло привести к вооруженным стычкам, гибели Царской Семьи, и вину за эту гибель можно было возложить на одну из сторон. Скорее всего виновным признали бы Яковлева как не сумевшего выполнить поручение — "довести груз живым"* ».[1]

На наш взгляд, подобные объяснения Плотникова абсолютно надуманные. Во-первых, откуда Плотникову известно, что задание и полномочия Яковлева были «куда обширней»? Ведь ни текста мандата, ни полного содержания разговора Свердлова и Яковлева у нас нет. А судя по отрывкам этого разговора и по посланной Свердловым телеграмме, задачи Яковлева заключались именно в перевозке Царя в Екатеринбург.

Во-вторых, безусловно, Свердлов был злодеем, но привычки разбрасываться верными ему людьми, а Яковлев был, несомненно, предан Свердлову, за ним не водилось. Напомним, что ни Белобородов, ни Голощекин, ни другие исполнители екатеринбургского злодеяния не только не понесли никакого наказания за свою «самостоятельность», но наоборот, были открыто поддержаны Свердловым и ВЦИКом. Представляется весьма сомнительным, чтобы Свердлов, отправляя Яковлева в Тобольск, вынашивал планы последующей его «подставы». Во-вторых, почему, если Яковлев должен был перевезти в Екатеринбург только Царя, по дороге должна была погибнуть, по Плотникову, вся Царская Семья?

По Плотникову получается следующее: Свердлов дает приказ Яковлеву довезти «*груз живым*» в Екатеринбург, а сам одновременно дает тайное распоряжение уральским отрядам убить Царя по дороге. При этом Яковлев ничего не знает об этом двурушничестве Свердлова и ценой собственной жизни изо всех сил пробивается в Екатеринбург. Подобная версия не выдерживает никакой критики. В самом деле, зачем Свердлову был нужен этот сложный и запутанный гамбит? Он мог совершенно спокойно дать четкие указания Яковлеву уничтожить самому

[1] Там же.

«груз по дороге» или не препятствовать сделать это уральцам. Скрывать в таком случае цель убийства от Яковлева и давать при этом ему мощную охрану было просто нелепо. Или И.Ф. Плотников сомневается, что кровавый террорист Яковлев, на совести которого были десятки человеческих жизней, испугался бы пролить кровь Царскую? Очевидно, что нет. Если Свердлову было бы необходимо, чтобы Государь был убит по дороге, то можно не сомневаться: Яковлев выполнил бы этот приказ, и никакие уральцы в этом случае ему бы не понадобились. Так почему же Яковлев так упорно защищает Царя? Ответ очевиден: потому что он имел четкий приказ Свердлова довезти «груз живым» в Екатеринбург. Об этом же свидетельствует и четкая инструкция Свердлова, переданная Яковлевым всем членам своего отряда: *«Жизнь заключенных гарантируется головами всех, кто и не сумеет уберечь и всех кто сделает покушение на жизнь семьи бывшего царя или попытку увоза, перевода без распоряжения тов. Яковлева».*[1]

Яковлев выехал из Москвы, имея на руках мандаты, подписанные Свердловым и, вероятно, Лениным. Его сопровождал отряд, состоявший из 15 кавалеристов, около 100 пехотинцев при 4 пулеметах, 2-х телеграфистов и сестры милосердия. Позже его догнали незначительные подкрепления.[2] Яковлев прибыл в Уфу, где продолжил формирование своего отряда, а оттуда выехал в Екатеринбург.

В Екатеринбурге Яковлев имел долгую беседу с военным комиссаром Уральского облвоенкомата Ш.Ф. Голощекиным и с зам. председателя исполкома Уральского областного совета Б.В. Дидковским. Яковлев вспоминал об этой встрече: «*В Екатеринбурге меня встретили на вокзале тов. Дидковский и тов. Голощекин. Они уже имели точные сведения от тов. Свердлова, куда я еду и зачем. Тов. Дидковский поставил меня в известность о только что подошедшем к Тобольску новом омском отряде, у которого в пути происходили стычки с крестьянами. В Тобольске положение чрезвычайно натянутое. <...> Из разговоров с Дидковским я заключил, что в Екатеринбурге очень обескуражены создавшимся положением в Тобольске и весьма недовольны действиями своих представителей, сумевших своим поведением лишь вызвать злобу охраны Романовых и тем самым дать им козырь оправдывать свой отказ выдачи Романовых. Тов. Дидковский пытался было навязать мне свой план действий и стал доказывать, что нужно сделать и как лучше сделать. В ответ на это я спросил его, не он ли был главным инициатором инструктирования своих посланцев в Тобольск? Я сердечно поблагодарил его за советы и заявил ему,*

---

[1] ГАРФ, Ф.601, оп. 2, д.33 (Материалы о перемещении императорской семьи из Тобольска в Екатеринбург)

[2] *Иоффе Г.З.* Революция и судьба Романовых. С. 178.

что уже прекрасно инструктирован центральным правительством, а мои широкие полномочия дают возможность действовать сообразно с местными условиями. А посему никакой, даже небольшой возможности нет заранее предрешить, что можно, а чего нельзя будет сделать. За то, что "груз" привезу, и притом привезу живым, я ручаюсь головой. И как это будет сделано, об этом я извещу центр по возвращении в Москву. Прошу только немедленно инструктировать представителей в Тобольске и отряды, что с момента моего приезда все они находятся в моем распоряжении, а чтобы не вызывать никаких в дальнейшем трений, должны исполнять мои распоряжения безусловно. Мой ответ очень не понравился Дидковскому. Это еще больше усилило его недовольство тем, что правительство не дало возможности довести начатое несколько месяцев тому назад дело: увезти Романовых из Тобольска».[1]

И.Ф. Плотников, вырывая слова Яковлева о «*грузе*» из общего контекста, утверждает, что Дидковскому очень не понравились слова Яковлева, что «*груз довезу живым*», между тем как очевидно, что Дидковский был недоволен общим командным тоном Яковлева, тем, что он делал ему замечания и ставил на место. У Яковлева нет и намека на то, что уральцы ставили себе в те дни своей целью убить Царя. Он лишь говорит, что они хотели увезти «*Романовых из Тобольска*».

Конечно, это вовсе не исключает преступных намерений Голощекина, Дидковского и Белобородова. Наличие таких намерений вышеназванные полностью подтвердили в ходе своей кровавой деятельности. Но Уральский Совет подчинялся Свердлову, и совершенно очевидно, что если Свердлов требовал довезти Царя до Екатеринбурга живым, никто из уральской верхушки не осмелился бы не исполнить его приказа. Действия Голощекина полностью подтверждают это. Он распорядился подчинить Яковлеву всех уральских красногвардейцев, уже находившихся в Тобольске или следовавших туда. При этом Яковлеву были выданы соответствующие документы Уральского Комитета большевистской партии.

Интересно, что пока Яковлев ехал в Тобольск, в Москву, как по команде, направляются одна за другой телеграммы: одна из Тобольска от комиссара И. Демьянова с просьбой заменить «отряд особого назначения» красногвардейским отрядом, и другая от Б.В. Дидковского о переводе «*Николая Романова в более надежное место*». Все это объяснялось ненадежностью «солдат Керенского».[2] Телеграммы отправлялись на имя Ленина и Троцкого.

---

[1] Последние дни Романовых. Документы, материалы следствия, дневники, версии. С. 48–49.

[2] *Буранов Ю.А., Хрусталев В.М.* Указ. соч. С. 149.

В самом Тобольске уже знали о приезде Яковлева. Однако о цели его прибытия сообщали явную дезинформацию в духе запросов Демьянова и Дидковского: «*Из Москвы едет посланный Советом Народных Комиссаров комиссар Яковлев,* — сообщала газета «Сибирский листок» 10/23 апреля, т.е. тогда, когда Яковлев уже прибыл в Тобольск, — *которому поручено выяснить положение дел, создавшееся в Тобольске в связи с пребыванием здесь Николая. Едет также отряд для подкрепления охраны Николая*».[1]

Обратим внимание: приезд Яковлева прочно увязывался с большевистским правительством, т.е. с Лениным, а не с ВЦИКом и не со Свердловым. Это еще раз доказывает: Свердлов предпочитал оставаться в тени, перекладывая миссию Яковлева на СНК, в то время как истинной движущей силой этой миссии был он. Примечательно также, что о предстоящем вывозе Царя из Тобольска не говорится ни слова. Наоборот, из газет создавалось впечатление, что цель Яковлева усилить охрану заточенного Императора в самом Тобольске.

Между тем отряд Яковлева приближался к Тобольску. Яковлев, выполняя распоряжения Свердлова, торопился изо всех сил. Он вспоминал:

«*Распутица была в полном ходу. Вот-вот вскроются реки, а самая главная работа еще впереди. Как бы из-за этого не застрять с Романовыми в Тобольске — вот опасность, которая мне угрожала. Поэтому мы прилагали все усилия к тому, чтобы нам обеспечить не только свободное и быстрое продвижение к Тобольску, но и главное обратное возвращение должно было совершиться самым быстрым темпом и без всяких внешних помех. Опыты уральских и омских боевых отрядов, которые крестьяне нередко встречали огнем, мы должны были учесть. За каждую остановку, ямщикам мы щедро платили и очень часто давали на водку за быструю езду. Кулаки-ямщики задетые за самое больное место, за машину, наперерыв предлагали своих лошадей. Стоило лишь нам показаться в село и более 20 тарантасов стояли и ожидали нашего приезда. Лишь только мужики пронюхали, что комиссар Яковлев платит наличными, да еще свежими, хрустящими романовскими кредитками (я специально взял романовские деньги — керенок у меня не было), а если быстро промчишь, то дает на водку — это было достаточно, чтобы мы нигде, никогда не получали отказа в квартирах и лучших тарантасах. Вот почему не смотря на распутицу, на непролазную грязь — мы летели так, как ездили, вероятно, в старину фельдъегеря*».[2]

Чем-то жутким веет от этих строк Яковлева! Сибирские мужики, за царские деньги делают все, чтобы выслужиться перед тем, кто ставит

---

[1] *Авдонин А.Н.* Указ. соч. С. 20.

[2] ГАРФ, Ф. 601, оп. 2, д. 33

своей целью как можно быстрее доставить Царя на место его мученической гибели!

По воспоминаниям Яковлева, недалеко от Тюмени он встретил отряд Авдеева. Авдеев, по его поздним воспоминаниям, также уверяет, что ехал из Тобольска в Екатеринбург якобы для того, чтобы добиться там «*директив по вопросу об увозе бывшего царя в такое место, где побег ему был бы невозможен*».

Таким образом, получается, что Яковлев и Авдеев впервые встретились по дороге в Тобольск. Эту же версию можно прочесть и у других авторов. «*По пути в Тюмень*, — пишет М.А. Столяренко, — *Авдеев встретил выгружавшуюся из эшелона кавалерийскую часть. Выяснилось, что отряд под командованием уполномоченного Всероссийского Центрального и Исполнительного Комитета В.В. Яковлева направлен в Тобольск, чтобы вывезти оттуда Романовых. В доказательство своих слов уполномоченный предъявил Авдееву мандат, подписанный председателем ВЦИК Я.М. Свердловым. Он показал также предписание Уральского Комитета партии, в котором говорилось, что красногвардейские отряды Хохрякова, Авдеева и Заславского отныне должны выполнять приказания Яковлева. Авдееву Яковлев предложил немедленно возвращаться в Тобольск*».[1]

Однако это не вяжется с теми же воспоминаниями Яковлева. По ним Авдеев присутствовал на встрече Яковлева с Голощекиным и Дидковским в Екатеринбурге. «*В заключение наших переговоров Дидковский заявил мне, что они посылают со мной своего нового представителя, "чтобы связать меня с находившимися в Тобольске уральцами". Я поглядел на стоящего подле Дидковского товарища с его лисьей вытянутой физиономией и сразу оценил, что в роли соглядатая за мной он будет для екатеринбуржцев неоценимым помощником. Мне представили товарища Авдеева*».[2]

Таким образом, получается, что Авдеев с самого начала был в подчинении у Яковлева. При этом Яковлев заявил Авдееву, что Император будет немедленно вывезен из Тобольска туда, куда ему будет указано Москвой по прямому проводу из Тобольска.

Далее Яковлев подчинил себе еще один отряд, Бусяцкого (в воспоминаниях Яковлева эта фамилия пишется как «Гусяцкий»), который нагнал в верстах 80–90 от Тобольска.

Наконец, 22 апреля 1918 года отряд Яковлева вошел в Тобольск, где ему предстояла нелегкая задача выполнить первую часть личного приказа Свердлова.

---

[1] *Столяренко М.А.* Указ. соч. С. 56.

[2] Последние дни Романовых. Документы, материалы следствия, дневники, версии. С. 49.

Таким образом, учитывая все вышеизложенное, можно сделать следующие выводы.

1. Вывоз Царской Семьи из Тобольска был инициирован определенными германскими кругами. В этом смысле следователь Соколов был прав, когда писал, что это немецкое намерение было вызвано не заботой о благополучии Царской Семьи, «*а обслуживанием немецких интересов*».

2. Свердлов и большевистское руководство в целом, не будучи в состоянии напрямую отказать немцам, было вынуждено согласиться на перевоз Царской Семьи в Москву или иное подконтрольное немцам место. Но Свердлов при этом имел свои собственные намерения в отношении Царской Семьи и, воспользовавшись германским указанием, решил перевезти Царскую Семью в подконтрольный именно ему город.

3. Яковлев выполнял особое задание Свердлова, состоящее в том, что он должен был, создав видимость отправки Царской Семьи в Москву, на самом деле перевезти ее в Екатеринбург и сдать местным властям. Таким образом, нельзя не признать, что следователь Соколов ошибался, когда считал, что «*Яковлев пытался увезти Царскую Семью далее Екатеринбурга, выполняя возложенное на него поручение*».

Вывоз из Тобольска Императора Николая II, Императрицы Александры Федоровны и Великой Княжны Марии Николаевны в Екатеринбург

Яковлев прибыл в Тобольск 22 апреля 1918 года. В тот же день о его приезде узнали Царская Семья и ее окружение. Государь записал в своем дневнике: «*9 апреля. Понедельник. Узнали о приезде чрезвычайного уполномоченного Яковлева из Москвы; он поселился в Корниловском доме. Дети вообразили, что он сегодня придет делать обыск, и сожгли все письма, а Мария и Анастасия даже свои дневники*».[1]

Императрица Александра Федоровна, не называя фамилии Яковлева, пишет в дневнике за 9/22 апреля: «*Жгла письма, приводила в порядок документы*».[2] А 10/23 апреля она писала в письме Вырубовой: «*Новый комиссар из Москвы приехал, какой-то Яковлев. Ваши друзья сегодня с ним познакомятся*».[3]

А.А. Теглева в показаниях Соколову сообщала: «*Первый комиссар, который появился у нас после большевистского переворота, был Яковлев.*

---

[1] Дневники Императора Николая II. С. 674.
[2] Последние дневники Императрицы Александры Федоровны. С. 189.
[3] Письма Святых Царственных Мучеников из заточения. С. 302.

Его приезда ждали. Об этом говорили солдаты, ездившие зачем-то в Москву до приезда к нам Яковлева».[1]

Полковник Е.С. Кобылинский: «*Приехал комиссар Яковлев. Он прибыл в Тобольск 9 апреля вечером и остановился в Корниловском доме. Вместе с ним прибыл какой-то Авдеев (его помощник, как я его считал), телеграфист, через которого Яковлев сносился по телеграфу с Москвой и Екатеринбургом, и какой-то молоденький мальчишка.*

Одет он был в матроску, а под ней вязанную фуфайку, черные суконные брюки и высокие сапоги. Он производит впечатление интеллигентного человека и, во всяком случае, если не вполне интеллигентного, то "бывалого" и долго жившего заграницей».[2]

Пьер Жильяр записал в свой дневник: «*Понедельник, 22-го апреля. Московский комиссар прибыл сегодня с маленьким отрядом; его фамилия — Яковлев. Вчера я пил чай у Их Величеств. Все обеспокоены и ужасно встревожены. В приезде комиссара чувствуется неопределенная, но очень действенная угроза».*[3]

Таким образом, Узники «Дома Свободы» интуитивно почувствовали в приезде Яковлева для себя скрытую угрозу. Яковлев это понял и попытался эти опасения развеять. 10/23 апреля он вместе с Кобылинским посетил губернаторский дом. «*10 (23) апреля. Вторник*, — записал Император Николай II в свой дневник. — *В 10 $^1/_2$ часов утра явились Кобылинский с Яковлевым и его свитой. Принял его в зале с дочерьми. Мы ожидали его к 11 часам, поэтому Аликс не была еще готова. Он вошел, бритое лицо, улыбаясь и смущаясь, спросил, доволен ли я охраной и помещением. Затем почти бегом зашел к Алексею, не останавливаясь, осмотрел остальные комнаты и, извиняясь за беспокойство, ушел вниз. Так же спешно он заходил к другим в остальных этажах. Через полчаса он снова явился, чтобы представиться Аликс, опять поспешил к Алексею и ушел вниз. Этим пока ограничился осмотр дома».*[4]

Секретарь Яковлева С.Т. Галкин составил отчет о посещении Комиссией «Дома Свободы».[5] В этом документе, в котором, естественно, смущенным и растерянным представлен не Яковлев, а Государь, говорится: «*Комиссия в составе комиссара Совнаркома Яковлева, его секретаря Галки-*

---

[1] Россійскій Архивъ. С. 126.
[2] Гибель Царской Семьи. С. 300.
[3] *Жильяр П.* Император Николай II и его Семья. С. 240.
[4] Дневники Императора Николая II. С. 674.
[5] Кстати, И.Ф. Плотников, приводя отчет Галкина в своей книге на с. 42, уверяет, что этот документ «ранее не публиковался». Однако это очевидная ошибка. Отчет Галкина был опубликован Бурановым и Хрусталевым в 1997 году. (См. *Буранов Ю.А., Хрусталев В.М.* Указ. соч. С. 155). Это не единственная неточность И.Ф. Плотникова.

на, коменданта дома Кобылинского, председателя комитета охраны Матвеева, представителя Екатеринбургского Исполкома Авдеева и дежурного офицера по наружному входу (...) Николая вместе с тремя дочерьми встретила в зале. Тов. Яковлев со всеми поздоровался и спросил Романова:

— Довольны ли вы охраной? Нет ли претензий?

На что Николай, потирая руки и глупо улыбаясь, ответил:

— Очень доволен, очень доволен.

Комиссар изъявил желание посмотреть Алексея. Николай замялся.

— Алексей Николаевич очень болен.

— Мне необходимо видеть его, — упорствовал комиссар.

— Хорошо, только разве вы один, — согласился Романов.

Тов. Яковлев и тов. Авдеев ушли в комнату Алексея. Дочери с любопытством разглядывали во время разговора представителя коммунистического правительства.

Алексей действительно оказался сильно больным от кровоподтека наследственной болезни рода Гессенов.

Желтый испитый мальчик казался уходящим из жизни.

Бывшая царица на этот раз не была готова к посещению. Тов. Яковлев посещал ее после один: Александра, выступая по-царски, с величием встретила его, любезно отвечая на вопросы и часто улыбаясь. Алексея еще раз посетили».

Надо учитывать, что этот свой отчет Галкин писал для своих революционных товарищей, поэтому у него Яковлев такой решительный и революционный, а Император слабый и безвольный. При этом, как бы мимоходом, Галкин сообщает, что Цесаревич Алексей Николаевич «казался уходящим из жизни», как будто специально готовил общество, чтобы оно не удивлялось, если Цесаревич вдруг действительно «уйдет из жизни».

На самом деле Яковлев изо всех сил старался быть не просто любезным и предупредительным, а почтительно преклоняющимся перед Государем. Яковлев продолжал играть свою роль — роль делегата какой-то могущественной силы, стремящейся освободить Царя. Сын доктора Е.С. Боткина Г.Е. Боткин писал в своих воспоминаниях: «*22 апреля в полдень мы узнали ошеломляющую новость: прибыл комиссар из Москвы Яковлев. Это был человек высокого роста, физически развитый, одетый в форму матроса и вооруженный до зубов. После завтрака он посетил Царскую Семью.*

— Я поражен состоявшимся разговором Яковлева с Императором, — рассказывал мой отец. — Этот человек, Яковлев, одет в форму простого матроса, но это скорее всего маскарад. Он выглядит как человек культурный. Что еще более потрясающе, что он разговаривал с Императором, стоя во время всего разговора по стойке "смирно" и несколько раз повторил: "Ваше Величество". Можешь ли ты себе представить, чтобы

Панкратов говорил Императору “Ваше Величество”? Я не знаю, но, быть может, Яковлев закамуфлированный германский агент».[1]

Последние слова доктора Боткина говорят о том, что Яковлев прекрасно справился со своей ролью. В «Доме Свободы» его восприняли не как большевика, а как представителя иностранной силы, или, по меньшей мере, интеллигентного человека. Этим Яковлев чрезвычайно озадачил недалекого Авдеева. «*Николай подошел к Яковлеву*, — вспоминал тот, — *протянул ему руку, и, к нашему удивлению, тот подал ему в свою очередь руку, и они обменялись приветствиями*».[2]

Вежливость и интеллигентность Яковлева запомнилась всем обитателям «Дома Свободы». Правда, наблюдательная Государыня заметила еще и страшную нервозность Яковлева: «*10/23 апреля*, — записала она в свой дневник. — *Вторник. Утром новый комиссар Яковлев пришел посмотреть нас (впечатление интеллигентного, крайне нервного работающего инженера)*».[3]

Камердинер А.А. Волков вспоминал: «*22 апреля явился комиссар Яковлев. Он приехал со своей пехотной охраной, с 17 конными солдатами и со своим телеграфистом. По приезде Яковлев тотчас же отправился к солдатам, потом прошелся по помещению, занимаемому Царской Семьей. Побывал у Государя и у Императрицы. Был очень учтив. После его ухода я спросил, кто это такой. Императрица назвала его. Я спросил, образован ли он. Государыня сказала, что он не столько образован, сколько начитан, но очень вежлив*».[4]

Пьер Жильяр: «*В одиннадцать часов приехал комиссар Яковлев. Он осмотрел весь дом, затем прошел к Государю и вместе с ним направился к Алексею Николаевичу, который лежит в постели. Так как ему нельзя было видеть Государыню, которая еще не была готова, он вернулся немного позже со своим помощником и вторично посетил Алексея Николаевича. Он хотел, чтобы и его помощник удостоверился, что ребенок болен*»[5].

А.А. Теглева: «*Яковлева я видела потом, когда он приходил в детскую, где находился Алексей Николаевич, тогда болевший. Около Алексея Николаевича в то же время находилась и Императрица. Пришел он (Яковлев) в сопровождении какого-то блондина в солдатском платье, неинтеллигентного, видимо, человека. Сам Яковлев производил впечатление человека полуинтеллигентного. Он держал себя с Государыней вполне прилично.*

---

[1] *Botkin (G.)* Op. cit. P. 189.
[2] *Авдонин А.Н.* В жерновах революции. С. 20.
[3] Последние дневники Императрицы Александры Федоровны. С. 190.
[4] *Волков А.А.* Указ. соч. С. 80.
[5] *Жильяр П.* Император Николай II и его Семья. С. 240.

<...> *Ее Величество Яковлеву подавала руку. Руки Ее Величеству он, конечно, не целовал, но все-таки он был приличен с Ней».*[1]

Е.Н. Эрсберг: *«Я видела Яковлева, когда он шел с Государем по дому. Он был вежлив с Государем и производил впечатление человека сравнительно интеллигентного. Такое же впечатление он производил, как мне известно, и на других».*[2]

Итак, прибыв в Тобольск, Яковлев первым делом скоординировал действия всех отрядов, четко обозначив свое единоначалие, и установил контакт с Царской Семьей.

Теперь перед ним встала следующая задача: объявить Государю о его предстоящем отъезде. Этому сообщению предшествовала весьма интересная беседа по телеграфу между Яковлевым и Москвой. Произошла она после того, как Яковлев посетил «Дом Свободы» и обнаружил, что Цесаревич Алексей Николаевич серьезно болен. В связи с этим Яковлев вызывает к аппарату Москву: *«Народному комиссару Свердлову. Москву. А, что, Свердлов у аппарата? Передайте от моего имени следующее. Мой сын опасно болен. Точка. Распутица мешает взять весь багаж. Точка. Вы меня понимаете? Точка. Если понимаете, то отвечайте, правильно ли поступаю, если, не дожидаясь хорошей дороги, пущусь только с частью багажа. Точка. Пусть Невский даст телеграмму на ст. Тюмень, чтобы мой поезд немедленно не задерживали экстренным без стоянок и дали в состав вагон первого или второго класса. Яковлев».*[3]

Интересно, что сведения о том, что из Тобольска будет вывезена вся Царская Семья, предавались Свердловым и Яковлевым гласности только в узком кругу. Официально же из Тобольска должен был быть вывезен только Император Николай II. Между тем из телеграфного разговора Яковлева с Москвой, состоявшегося 22 апреля 1918 года, видно, что цель вывоза всей Царской Семьи ставилась перед Яковлевым изначально. От имени Свердлова Теодорович отвечал Яковлеву: *«Возможность, что придется везти только одну главную часть, **предвиделось вами и товарищем Свердловым еще и раньше**. Он вполне одобряет ваше намерение. Вывозите главную часть».* (Подчеркивания наши – *П. М.*).

Почему же Свердлову и Яковлеву понадобилось вплоть до приезда в Тобольск последнего скрывать от большей части даже посвященных в операцию людей предстоящий вывоз всей Семьи, а не только одного Государя? Да потому, что, скорее всего, немцам требовался в первую очередь лично Государь, во вторую Наследник и только в последнюю — *«принцессы немецкой крови»*. А Свердлову, готовившему убийство всей Царской Семьи, требова-

---

[1] Россійскій Архивъ. С. 126.

[2] Там же. С. 141.

[3] *Буранов Ю.А., Хрусталев В.М.* Указ. соч. С. 160.

лось, наоборот, вывезти ее из Тобольска всю, в полном составе. Но сделанное заранее объявление, что из Тобольска вывозится вся Царская Семья, могло приоткрыть занавес над преступными истинными намерениями Свердлова в отношении нее.

12/25 апреля Яковлев во второй половине дня явился в «Дом Свободы» и первым делом отправился к Кобылинскому для того, чтобы сообщить ему о предстоящем вывозе Императора из Тобольска. Состоявшийся между ними разговор известен нам со слов доктора Боткина, в пересказе его сына. Этот разговор чрезвычайно важен и полностью свидетельствует в пользу нашей версии. «*25 апреля, после обеда,* — пишет Г.Е. Боткин, — *мой отец пришел заметно взволнованный:*

— Яковлев нам, наконец, объявил, что он приехал отвезти нас в Москву. Он имел длинный разговор с Кобылинским, который ему объявил, что пока он жив, он не даст никуда отвезти Царскую Семью, если он не будет уверен, что ей не сделают ничего плохого. Но Яковлев ему показал все свои документы, мандаты и ***секретные инструкции.*** *Совершенно ясно, что Советы обещали германцам освободить Царскую Семью, но немцы проявили тактичность и просили ее не жить у них в стране. Нас, таким образом, отправят в Англию. Одновременно, чтобы успокоить народные массы, мы должны проследовать через Москву, где будет иметь место короткий суд над Императором. Он будет признан виновным во всем, в чем захотят революционеры, и его приговорят к высылке в Англию*».[1] (Подчеркивания наши. – *П. М.*).

Таким образом, если верить Г. Боткину, у Яковлева, оказывается, с собой был не только мандат, а еще и какие-то секретные инструкции. Нет сомнения, что в этих инструкциях, если они существовали, было написано о вывозе Царской Семьи из Тобольска в Москву и заграницу по настоянию немцев. Конечно, разговоры про Англию, скорее всего, были придуманы самим Яковлевым: вряд ли немцы позволили бы Царской Семье оказаться в руках своих злейших врагов, англичан. Но все остальное не вызывает никаких сомнений: Яковлев был воспринят Кобылинским не как большевик, а как посланец Германии, присланный спасти Царскую Семью. Это, а также гарантии Яковлева в личной безопасности Царской Семьи и упоминание союзной Англии, сделали свое дело: Кобылинский отправился вместе с Яковлевым к Государю убежденным в необходимости его отъезда.

Правда, сам Кобылинский в своих показаниях следствию не говорит ни о каких секретных инструкциях. «*10-го утром,* — показывал он, — *Яковлев пришел ко мне с Матвеевым и отрекомендовался мне "чрезвычайным комиссаром". У него на руках было три документа. Все эти документы имели*

---

[1] *Botkin (G.)* Op. cit. P. 189.

бланк "Российская Федеративная Советская Республика". Документы имели подписи Свердлова и Ованесова (или Аванесова). Первый документ был на мое имя. В нем мне предписывалось исполнять беспрекословно все требования чрезвычайного комиссара товарища Яковлева, на которого возложено поручение особой важности. Неисполнение мною его требований влекло за собой расстрел на месте. Второй документ был на имя нашего отряда. Он аналогичен по содержанию с первым. Санкция была в нем такова: суд революционного трибунала и также расстрел. Третий документ был удостоверение в том, что предъявитель удостоверения есть такой-то, на которого возложено поручение особой важности. О сущности же поручения в документах не говорилось».[1]

Думается, однако, что Кобылинский в своих показаниях был не до конца искренен. Воспоминания Г. Боткина вызывают большее доверие. Их также подтверждает и его сестра Т.Е. Мельник-Боткина: «*На второй день пребывания Яковлева мой отец сообщил нам важную новость: Яковлев приехал сюда, чтобы повезти, по приказанию Ленина, Их Величества на суд в Москву, и вопрос в том, отпустит ли их отряд беспрепятственно. Несмотря на страшное слово "суд", все приняли это известие скорее с радостью, так как были убеждены, что это вовсе не суд, а просто отъезд заграницу. Наверное, сам Яковлев говорил об этом, так как Кобылинский ходил бодрый и веселый и сам сказал мне, уже после отъезда: "Какой там суд, никакого суда не будет, а их прямо из Москвы повезут на Петроград, Финляндию, Швецию и Норвегию"* ».[2]

В самом деле, если бы Кобылинский увидел бы в мандатах Яковлева только одно слово: «расстрел», то вряд ли он бы так спокойно выдал ему Царскую Семью. Да и все другие свидетельства подтверждают, что Яковлев смог каким-то очень серьезным аргументом убедить Кобылинского в особой важности его миссии и в том, что она не направлена против Государя. Кобылинский на допросе следователя мог скрыть наличие у Яковлева секретных инструкций по понятным причинам: правительство адмирала Колчака было проантантовским и кадетско-эсеровским, и Кобылинскому было бы трудно объяснить следствию свое сотрудничество с предполагаемым германским агентом Яковлевым. Кроме того получалось, что фактически Кобылинский отдал Царя и его Семью на смерть именно из-за того, что Яковлев предъявил ему какие-то серьезные документы, говорящие о вмешательстве в судьбу Царской Семьи руки Берлина. В этих условиях для Кобылинского лучше было промолчать о секретных инструкциях и представить ситуацию так, чтобы она выглядела как насильственный увоз Царя в неизвестном направлении без участия Кобылинского.

---

[1] Гибель Царской Семьи. С. 301.
[2] *Мельник Т.* Указ. соч. С. 91.

В том, что Государя собираются вести в Москву, были уверены практически все жители губернаторского дома. Е.Н. Эрсберг свидетельствовала: «*Все тогда знали, что Яковлев приехал из Москвы и распоряжается по уполномочию Москвы. Княжны передавали мне со слов, конечно, Родителей, что Яковлев везет Государя в Москву. И Государь, и Государыня, по словам Княжон, думали, что большевики хотят перевезти Его в Москву, чтобы Он заключил мирный договор с немцами*».[1]

Гоф-лектрисса Э. Шнейдер в своем дневнике от 12-го апреля писала: «*Комиссар Яковлев пришел в 2 ч. объявить, что Государь должен уехать с ними в 4 часа утра; он не может сказать куда. (Вероятно, по догадкам, в Москву и потом м. б. заграницу)*».[2]

А.А. Теглева: «*Дети передавали мне как Их убеждение, что Яковлев увозит Их в Москву. Ни слова тогда не говорилось про Екатеринбург*».[3]

У нас есть и прямое свидетельство того, что Яковлев прямо сказал Государю и Государыне, что их увезут в Москву. Председатель солдатского комитета П.М. Матвеев вспоминал: «*Александра Федоровна высказала сомнение, повезут ли Романова в Москву и спросила т. Яковлева, окончательно ли решен вопрос, что их нужно перевезти в Центр. Последнее т. Яковлев подтвердил*».[4]

Таким образом, Император Николай II и Императрица Александра Федоровна также были убеждены в том, что Яковлев выполняет германские требования. «*Государь правильно понял Яковлева*, — писал Н.А. Соколов, — *Скрываясь под маской большевика, он пытался увезти Царя и Наследника, выполняя немецкую волю. Но не Царя спасали немцы, а свои интересы*».[5]

Однако и Государь, и Соколов ошибались: не немецкую волю выполнял Яковлев, но волю Якова Свердлова, который, используя в своих целях немцев с их узко-национальными хищническими и политически близорукими целями, подготавливал истребление Царской Семьи. Заранее зная, что Царская Семья будет отправлена в Екатеринбург, Яковлев лгал ей и ее окружению про Москву и скорое освобождение.

Предполагая в Яковлеве германского агента, Государь встретил Яковлева настороженно и вначале категорически отказался куда-либо ехать. Полковник Кобылинский вспоминал: «*В 2 часа мы вошли с Яковлевым в зал. Посредине зала рядом стояли Государь и Государыня. Остановившись на некотором отдалении и поклонившись им, Яковлев сказал: “Я должен сказать Вам (он говорил, собственно, по адресу одного Государя),*

---

[1] Россійскій Архивъ. С. 141–142.
[2] АРР. Т.17–18. С. 304.
[3] Россійскій Архивъ. С. 126.
[4] Последние дни Романовых. С. 245.
[5] *Соколов Н.А.* Убийство Царской Семьи. С. 139.

что я чрезвычайный уполномоченный из Москвы от Центрального комитета, и мои полномочия заключаются в том, что я должен увезти отсюда всю семью, но так как Алексей Николаевич болен, то я получил вторичный приказ выехать с одними Вами". Государь ответил Яковлеву: "Я никуда не поеду". Тогда Яковлев продолжал: "Прошу этого не делать. Я должен исполнить приказание. Если Вы отказываетесь ехать, я должен или воспользоваться силой, или отказаться от возложенного на меня поручения. Тогда могут прислать вместо меня другого, менее гуманного человека. Вы можете быть спокойны. За Вашу жизнь я отвечаю головой. Если Вы не хотите ехать один, можете ехать с кем хотите. Будьте готовы. Завтра в 4 часа мы выезжаем". Яковлев при этом снова поклонился Государю и Государыне и вышел. Одновременно и Государь, ничего не сказав Яковлеву на его последние слова, круто повернулся, и они оба с Государыней пошли из зала. Яковлев направлялся вниз. Я шел за ним. Но Государь, когда мы выходили с Яковлевым, сделал мне жест остаться. Я спустился с Яковлевым вниз и, когда он ушел, поднялся наверх. Я вошел в зал, где были Государь, Государыня, Татищев и Долгорукий. Они стояли около круглого стола в углу зала. Государь спросил меня, куда его хотят везти. Я доложил Государю, что это мне самому неизвестно, но из некоторых намеков Яковлева можно понять, что Государя увозят в Москву. <...> Тогда Государь сказал: "Ну, это они хотят, чтобы я подписался под Брестским договором. Но я лучше дам себе отсечь руку, чем сделаю это"».[1]

Вскоре весть о предстоящем отъезде Государя облетела «Дом Свободы». Она произвела на всех гнетущее впечатление. Пьер Жильяр уже накануне сообщения Яковлева писал в своем дневнике 11/24 апреля: «*Мы все ужасно встревожены. У нас чувство, что мы всеми забыты, предоставлены самим себе, во власти этого человека. Неужели возможно, чтобы никто не сделал ни малейшей попытки спасти Царскую Семью? Где же, наконец, те, которые остались верными Государю? Зачем они медлят?*»

12/25 апреля Жильяр сообщает в своем дневнике: «*Около 3 часов, проходя по коридору, я встретил двух лакеев, которые рыдали. Они сообщили мне, что Яковлев объявил Императору, что Его увозят. Что же происходит, наконец?*»[2]

Весть о предстоящем отъезде оказалась тяжелым ударом в первую очередь для Государыни. Для нее встала диллема: либо оставаться с серьезно больным сыном, либо следовать за мужем. Императрица буквально не находила себе места. Ее ужасное состояние хорошо описал Жильяр: «*Минуту спустя Татьяна Николаевна постучала ко мне в дверь. Она была в слезах и сказала, что Ее Величество просит меня к себе. Я следую за ней. Она*

---

[1] Гибель Царской Семьи. С. 302–303.
[2] *Жильяр П.* Указ. соч. С. 242.

подтверждает, что Яковлев был послан из Москвы, чтобы отвезти Государя, и что отъезд состоится сегодня ночью.

"Комиссар уверяет, что с Государем не случится ничего дурного и что, если кто-нибудь пожелает его сопровождать, этому не будут противиться. Я не могу отпустить Государя одного. Его хотят, как тогда, разлучить с семьей. Хотят постараться склонить его на что-нибудь дурное, внушая ему беспокойство за жизнь его близких. Царь им необходим; они хорошо чувствуют, что один он воплощает в себе Россию. Вдвоем мы будем сильнее сопротивляться, и я должна быть рядом с ним в этом испытании. Но мальчик еще так болен! Вдруг произойдет осложнение… Боже мой, какая ужасная пытка!… В первый раз в жизни я не знаю, что мне делать. Каждый раз, как я должна бывала принять решение, я всегда чувствовала, что оно внушалось мне свыше, а теперь я этого не чувствую" <...> В разговор вмешалась в эту минуту Татьяна Николаевна: "Но, мама, если папа все-таки придется уехать, нужно, однако, что-нибудь решить!"

Я поддержал Татьяну Николаевну, говоря, что Алексею Николаевичу лучше, и что мы за ним будем очень хорошо ухаживать.

Государыню видимо терзали сомнения; она ходила взад и вперед по комнате и продолжала говорить, но обращалась больше к самой себе, нежели к нам. Наконец она подошла ко мне и сказала: "Да, так лучше; я уеду с Государем; я вверяю вам Алексея".

Через минуту вернулся Государь; Государыня бросилась к нему со словами:

"Это решено — я поеду с тобой, и с тобой поедет Мария".

Государь сказал: "Хорошо, если ты этого хочешь"».[1]

В этом случае Императрица Александра Федоровна в который раз явила необычайную силу духа и чувство долга. В мучительной борьбе, происходившей в душе ее, борьбе между чувством долга матери и чувством долга Русской Царицы, долга Супруги Русского Царя — победило второе. Но только Бог ведает, какими душевными страданиями далось ей это решение! В ее дневнике за 12/25 апреля записано: «*После обеда пришел ком. Яковлев, так как я хотела организовать походы в церковь в Страстную неделю. Вместо этого он объявил по приказу своего правительства (большевиков), что должен увезти всех нас (куда?). Увидев, что Бэби очень болен, пожелал увезти Н. одного (если не хочет, то он вынужден будет применить силу). Мне пришлось решать, оставаться ли с больным Бэби или сопровождать его. Решила сопровождать его, т.к. я могу быть нужнее и слишком рискованно не знать, где и куда (мы представляли себе Москву). Ужасные страдания*».[2]

[1] Там же. С. 242–243.
[2] Последние дневники Императрицы Александры Федоровны. С. 191.

Несмотря на эти страдания, все поражались выдержке духа Императрицы. «*При этом отъезде,* — вспоминала Т. Мельник-Боткина, — *еще раз можно было наблюдать выдержку и силу духа Царской Семьи. Ее Величество лежала у себя на кушетке, и слезы градом катились по Ее лицу, но когда Она вышла прощаться, то выражение ее было доброе и ласковое, действующее на всех ободряюще*».[1]

Запись Императора Николая II в его дневнике за 1/12 апреля также отражает душевную муку Царя: «*После завтрака Яковлев пришел с Кобылинским и объявил, что получил приказание увезти меня, не говоря, куда? Аликс решила ехать со мной и взять Марию; протестовать не стоило. Оставлять остальных детей и Алексея — больного, да при нынешних обстоятельствах — было более чем тяжело!*»[2]

Свое пожелание ехать вместе с Государем, Государыней и Великой Княжной Марией Николаевной выразили князь Долгорукий, доктор Боткин, камердинер Чемодуров, лакей Седнев и комнатная девушка Демидова. Когда Кобылинский доложил об этом списке Яковлеву, тот ответил: «*Мне это все равно*». «*У Яковлева,* — считал Кобылинский, — *я уверен в этом, была в то время мысль: как можно скорее уехать, как можно скорее увезти. <...> Он страшно торопился*».[3]

В чем была причина подобной спешки Яковлева? Боялся ли он появления другой силы, способной перехватить у него Царскую Семью, или он опасался действий своих соперников из уральских отрядов? На этот вопрос до сих пор невозможно дать ясного ответа. Ясно одно: Яковлев чего-то сильно опасался и потому спешил с отъездом.

Последнюю ночь перед отъездом никто из Царской Семьи и ее окружения не спал. «*Грустно провели вечер,* — пишет в дневнике Император Николай II, — *ночью, конечно, никто не спал*».[4]

«*Вечером, в 10 $^{1}/_{2}$ часов, мы пошли наверх пить чай. Государыня сидела на диване, имея рядом с собой двух дочерей. Они так много плакали, что их лица опухли. Все мы скрывали свои мучения и старались казаться спокойными. У всех у нас было чувство, что если кто-нибудь из нас не выдержит, не выдержат и все остальные. Государь и Государыня были серьезны и сосредоточены. Чувствовалось, что они готовы всем пожертвовать, в том числе и жизнью, если Господь, в неисповедимых путях Своих, потребует этого для спасения страны. Никогда они не проявляли по отношению к нам больше теплоты и забот-*

---

[1] *Мельник (Боткина) Т.* Указ. соч. С. 93.
[2] Дневники Императора Николая II. С. 674.
[3] Гибель Царской Семьи. С. 303.
[4] Дневники Императора Николая II. С. 674.

ливости.[1] *Та великая духовная ясность и поразительная вера, которой они проникнуты, передаются и нам. В одиннадцать часов с половиной слуги собираются в большой зале. Их Величества и Мария Николаевна прощаются с ними. Государь обнимает и целует всех мужчин, Государыня всех женщин. Почти все плачут. Их Величества уходят».*[2]

Подобные же чувства самопожертвования испытывали и отъезжающие с Августейшей четой лица. Т.Е. Мельник-Боткина вспоминала: «*О докторах не было никаких распоряжений, но еще в самом начале, услыхав, что Их Величества едут, мой отец объявил, что поедет с Ними. — А как же Ваши дети? — спросила Ее Величество, зная наши отношения и те ужасные беспокойства, который мой отец переносил в разлуке с нами. На это мой отец ответил, что на первом месте для него всегда стоят интересы Их Величеств. Ее Величество до слез была этим тронута и особенно сердечно благодарила*».[3]

По свидетельству своего сына, доктор Боткин предвидел свою судьбу. Незадолго до отъезда он сказал своим детям: «*"В этот час я должен быть с Их Величествами". Он остановился, с видимым усилием подавляя чувства. Потом продолжил: "Может быть, мы больше никогда не увидимся... Да благословит вас Бог, дети мои!"*».[4]

На рассвете, в 4 часа утра, 13/26 апреля к «Дому Свободы» были поданы сибирские «кошевы» — плетенные тележки на длинных дрожинах, одна из которых была крытая. Сиденья у этих тележек были сделаны из соломы, которая держалась при помощи веревок. Слуги и солдаты загрузили вещи. Доктор Боткин был одет в тулуп князя Долгорукова, так как свою длинную меховую шубу, доху, он отдал Государыне и Великой Княжне Марии Николаевне, которые имели только легкие шубки. В пять часов утра на крыльце появились Государь с Государыней, Великие Княжны и вся свита. Комиссар Яковлев что-то почтительно говорил Государю, часто прикладывая руку к папахе. Стали садиться. «*Несмотря на холодную погоду*, — вспоминал А.А. Волков, — *Государь был одет легко. Яковлев спросил: "Разве вы так и поедете?" — "Да, мне тепло", — ответил Государь. — "Это невозможно", — сказал Яковлев, соскочил с повозки, вбежал в подъезд, снял с вешалки пальто и положил его в тележку. — "Если сейчас не нужно, то пригодится в дороге", — сказал он*».[5]

---

[1] По воспоминаниям Т. Боткиной, перед отъездом Государыня «разослала в город уволенным по распоряжению Ленина слугам по одной или две тысячи рублей».

[2] *Жильяр П.* Указ. соч. С. 244.

[3] *Мельник (Боткина) Т.* Указ. соч. С. 92.

[4] *Botkin (G.)* Op. cit. P. 169.

[5] *Волков А.А.* Указ. соч. С. 82.

Государь подошел к каждой из своих дочерей и перекрестил их. Затем он простился с Кобылинским, обнял и поцеловал его. Яковлев сел в одну повозку с Государем. Государыня села в одну с повозку с Великой Княжной Марией Николаевной. Долгорукий сел с Боткиным, Чемодуров — с Седневым, Демидова — с Матвеевым. Император, прощаясь, сказал Волкову: «*Надеюсь, до скорого свидания*», Императрица произнесла: «*Берегите Алексея*».

Повозки тронулись, выехали за ворота «Дома свободы», которые с шумом захлопнулись.

«*Уехали,* — вспоминал Волков. — *Стало скучно, как будто при потере. Прежде в доме было некоторое оживление, теперь же мертвая тишина*».[1]

Интересно, что те же чувства переживал Кобылинский: «*Уехали, и создалось чувство какой-то тоски, уныния, грусти. Это чувство замечалось и у солдат. Они сразу стали много сердечнее относиться к детям*».[2]

Несмотря на секретность отправления Царской Семьи в столь ранний час, несколько десятков тобольчан собралось возле губернаторского дома, чтобы проводить уезжающего Царя, но по чьей-то команде они были рассеяны.[3]

Словно и Волков, и Кобылинский, и солдаты, и эти неизвестные тоболяки чувствовали, что сибирские «кошевы» только что навсегда отняли у них их Природного Царя, отняли что-то очень дорогое, важное, то, чему они служили, во имя чего умирали, что подсознательно определяло смысл жизни, мысли, чувства их прадедов и отцов в течение веков и чего больше никогда не увидят ни они, ни их дети.

По пути в Екатеринбург

Насколько логичны и понятны действия комиссара Яковлева в его стремлении как можно более легко и безболезненно забрать Царскую Семью из-под «отряда особого назначения» и вывезти ее из Тобольска, настолько нелогичны, подозрительны и странны его действия по обеспечению безопасности перевозки Царской Четы из Тобольска в Тюмень и его взаимоотношения с уральскими отрядами. С одной стороны, Яковлев всеми силами старался как можно быстрее доставить перевозимых в Екатеринбург, с другой, он сделал все, чтобы этот путь был полон опасностей и неожиданностей.

---

[1] Там же. С. 83.
[2] Гибель Царской Семьи. С. 304.
[3] *Буранов Ю.А., Хрусталев В.М.* Указ. соч. С. 162.

Выполнение важнейшего и секретного задания Центра требовало от Яковлева особого такта и умения идти на компромиссы не только с Царской Семьей, не только с «отрядом особого назначения», но и с отрядами уральцев. Мы видели, как Яковлев умел мастерски находить компромиссы с первыми, как умел разговаривать с толпой, которую, по словам Кобылинского, он «зажигал». Яковлев нашел нужный тон и в общении с Кобылинским, и в общении с Государем, и в общении с солдатами. Но вот в общении с командирами уральских отрядов он как будто специально делал все, чтобы с ними войти в конфликт.

Яковлев, а вслед за ним и практически все исследователи этот конфликт объясняют стремлением командиров уральских отрядов во что бы то ни стало убить по дороге Царя. Посмотрим, так ли это.

Яковлев уверяет, что, прибыв в Тобольск 22 апреля, он сразу столкнулся со стремлением представителя Уральского Совета С.С. Заславского убить Государя. Яковлев пишет, что при первой же встрече Заславский ему сказал:

— Ну, товарищ Яковлев, нам надо с этим делом кончать.

— С каким? — спросил я.

— С Романовыми!

Я насторожился. Значит, все слухи о том, что есть отдельные попытки покончить на месте с Николаем II, имеют под собой почву!

— Товарищ Заславский, я имею определенные инструкции нашего правительства и приму все меры, чтобы их выполнить в точности.

— Ничего у вас, товарищ Яковлев, не выйдет, вам не выдадут Романовых. Мы уже пытались это сделать. Остается единственное средство — воспользоваться вашими полномочиями и силой напасть на охрану, разоружить ее. Мы уже сконцентрировали достаточное количество сил и вполне справимся с ними. Не забывайте, что среди охраны много офицеров. В город понаехало много белогвардейцев, и у нас есть определенные сведения, что, как только тронутся реки, будет совершена попытка похитить Романовых. Есть еще несколько дней — и начнется ледоход. Вам придется здесь застрять.

— Товарищ Заславский, вы возглавляете уральские отряды и, по-моему, совершенно неправильно толкуете полученные вами от Уральского Совета инструкции. <...> Здесь какое-то недоразумение или какая-то личная злая воля, преследующая свои цели. Я пока могу только одно вам сказать: все ваши отряды и вы лично должны подчиняться мне.[1]

Из этого разговора совершенно непонятно, почему Яковлев решил, что Заславский собирается убить Царя. Очевидно, что слова Заславского «*нам надо с этим делом кончать*» подразумевают не убийство Нико-

---

[1] Последние дни Романовых. С. 55.

лая II, а его захват. Но Яковлев сразу, даже не задав никаких вопросов Заславскому, приходит к выводу, что тот стремится именно к убийству. Между тем дальнейший разговор все больше подтверждает стремление Заславского к похищению. Заславский говорит, что охрана не выдаст Царя, и поэтому надо ее разоружить. Заметим, даже охрану Заславский предлагает не перебить, а разоружить. Дальнейшие слова Заславского про белых офицеров и скором начале ледохода как-то подозрительно похожи на слова Свердлова, сказанные Яковлеву перед отъездом. Они настолько похожи, если не идентичны, что напрашивается мысль, а не приписал ли их Яковлев Заславскому?

Примечательно также, что Яковлев даже не пытается добиться какого-то компромисса с Заславским или общего языка с ним, что было бы абсолютно необходимо перед началом опасного переезда. Наоборот, Яковлев делает все, что настроить Заславского против себя.

Интересно, что при разговоре Яковлева с Заславским присутствует Хохряков, который, по словам Яковлева, «не разделял мнения Заславского о Романовых и надеялся, что конфликт можно решить мирным путем». Пройдет несколько дней после этого разговора, и Яковлев причислит Хохрякова к «екатеринбургским заговорщикам», стремившимся убить Императора.

Особый интерес представляет подтасовка фактов со стороны Яковлева, когда речь идет о совещаниях в Тобольске. По воспоминаниям Яковлева, он, прибыв в Тобольск 22 апреля, встретился с Хохряковым и Заславским, с которым у него произошел описываемый выше разговор. Далее, согласно воспоминаниям, Яковлев 22 апреля собрал также солдатский комитет охраны Царя, на котором решался вопрос о денежном содержании «отряда особого назначения», а 23 апреля он провел общее собрание с представителями отряда и с участием Заславского и Хохрякова, на котором ничего серьезного не произошло.

Однако в «*Подготовительных материалах для книги о перевозке Романовых из Тобольска в Екатеринбург*» Яковлев пишет, что 22 апреля он провел одно общее расширенное заседание с представителями от входящих в отряд частей, коменданта охраны, т.е. Кобылинского, представителями командного состава. Далее Яковлев пишет: «*Выступали Дуцман, представитель Тобольска, затем Демьянов, за ним Заславский. Все требовали выдачи царя. После отказа дали срок 36 часов, после чего собрались вступать в бой. Охрана сидит без денег. Обещаны суточные по три рубля — больше нет. Не выплачивается жалование, жалование по званию и за кресты. Предложил всем вступить в армию*».[1]

---

[1] *Авдонин А.Н.* В жерновах революции. С. 162.

Таким образом, Яковлев в «подготовительных материалах» соединяет совещания с солдатами «отряда особого назначения» и совещание с уральцами в одно, рисуя полную драматизма и опасности картину.

Между тем ряд других свидетельств опровергают Яковлева.

Так, по воспоминаниям Авдеева, первая встреча Яковлева состоялась 22 апреля. «*По приезде в Тобольск Яковлев созвал совещание. Присутствовали: Павел Хохряков, Семен Заславский, Гузаков, Зенцов, Авдеев и другие. На этом совещании Яковлев попросил Хохрякова сделать информацию о положении дел в Тобольске, после которой, со своей стороны, Яковлев изложил свой план действий, вернее сказать — план выполнения возложенной на него задачи и то, что он должен увезти бывш. царя из Тобольска, в чем должны ему все помочь, а куда он с ним поедет — об этом рассуждать не следует.*

Несмотря на то, что на этом совещании было принято наше предложение о вывозе бывш. царя, все же мы, уральцы, решили в ту же ночь собраться отдельно, так как поведение Яковлева показалось нам подозрительным. На наше совещание в числе других товарищей был приглашен товарищ Бусяцкий — начальник отряда пехоты, прибывшего к нам в Тобольск из Екатеринбурга.

На этом совещании тов. Заславский предложил организовать по дороге в Тюмень близ села Ивлева засады вооруженных групп, которые на "на всякий случай" могли бы служить подкреплением. Некоторые предложили еще, чтобы вблизи Яковлева и бывш. царя всегда были уральцы, чтобы вовремя принять решительные меры. Также было решено при увозе из Тобольска бывш. царя вместе с Яковлевым направить Заславского, Авдеева и отряд Бусяцкого, а Хохрякова оставить в Тобольске».[1]

Эти воспоминания Авдеева весьма интересны. Во-первых, по словам Авдеева, на совещании 22 апреля присутствовал Петр Гузаков, который, по Яковлеву, был им вызван из Екатеринбурга в Тобольск только 23 апреля.

Во-вторых, никакого жесткого противостояния между Яковлевым и уральцами на этом совещании не было. Определенное недоверие Яковлеву было высказано на внутреннем совещании уральцев, но и оно не предусматривало никаких «боев» и ультиматумов Яковлеву. Авдееву, конечно, можно не верить, тем более, что для него ложь была не менее естественной, чем для Яковлева, с той лишь разницей, что, намного уступая Яковлеву в интеллекте и образовании, Авдеев лгал более примитивно и топорно. Но в данном случае слова Авдеева ближе к истине, чем слова Яковлева, но и в них далеко не все является правдой, что подтверждается показаниями еще одного, в данном случае незаинтересованного свидетеля, полковника Е.С. Кобылинского, данные им следователю Н.А. Соколову. Так как, по-

---

[1] *Буранов Ю.А., Хрусталев В.М.* Указ. соч. С. 157.

вторяем еще раз, Кобылинский был меньше всех заинтересован в искажении правды про совещания Яковлева с уральцами, то они и наиболее правдивы.

Кобылинский вспоминал, что Яковлев пришел к нему 10/23 апреля вместе с председателем отрядного комитета «отряда особого назначения» П.М. Матвеевым. «*Яковлев заявил мне, что желает говорить с отрядом. К 12 часам я собрал отряд. Яковлев с первых же слов заявил солдатам, что вот-де их представитель товарищ Лукин был в Москве и хлопотал о суточных деньгах, что деньги он привез, причем каждому будет выдано по три рубля суточных. Затем он предъявил свое удостоверение, содержание которого было оглашено Матвеевым. Солдаты стали осматривать удостоверение, стали особо подробно рассматривать печать на нем, видимо, питая некоторое сомнение к личности Яковлева. Он это сразу же понял и снова начал говорить о суточных, что вот-де теперь они все отпускаются и т.д. <...> Тут он отправился осматривать со мной дом. <...> 11 апреля Яковлев опять потребовал собрать отряд. На собрание от совета явились: Заславский и студент Дегтярев, бывший тобольский комиссар юстиции. <...> Студент начал держать к солдатам речь, все содержание которой сводилось к обвинениям Заславского в том, что он искусственно нервировал отряд, создавая ложные слухи о том, что Семье угрожает опасность, что под дом ведутся подкопы (слухи такие действительно были, и одна ночь была очень тревожная). Идея речи заключалась именно в этом. Заславский защищался, но бесполезно. Его ошикали, и он удалился*».[1]

Таким образом, получается, что первое совещание с отрядом состоялось 10/23 апреля, а расширенное совещание 11/24 апреля. На первом совещании речь шла только о денежном довольствии солдат. При этом Яковлев делал все, чтобы завоевать их доверие. Он просто-напросто «купил» солдат деньгами. Яковлев стремился заручиться поддержкой тобольского отряда в беспрепятственном вывозе Императора Николая II из «Дома Свободы». Для этого он привез солдатам деньги и объявил об их демобилизации. «*Кто желает остаться служить — останется. Всякий, кто не желает, уйдет. Каждый в этом волен*».[2] Последние слова опровергают лживые воспоминания Яковлева, что он «*предложил всем солдатам вступать в армию*».

На последнем совещании Заславский потерпел полное поражение и был вынужден удалиться. Это, впрочем, не опровергает утверждения Яковлева о его совещании 22 апреля с Заславским и Хохряковым, только оно проходило без представителя «отряда особого назначения», без Кобылинского и не носило того ультимативного характера, о котором писал

[1] Гибель Царской Семьи. С. 302.

[2] *Буранов Ю.А., Хрусталев В.М.* Указ. соч. С. 160.

Яковлев. Вполне возможно, что на своем внутреннем совещании уральцы могли выразить недоумение по поводу подозрительного поведения Яковлева. А оснований для подозрений в действиях Яковлева у уральцев было достаточно.

На состоявшейся встрече с солдатами охраны Яковлев сказал то же самое, что и на совещании с уральцами: «*Что касается вопроса, почему и куда пожелала Москва вывезти Романовых, то на это я вам отвечу так, как начальник отвечает своему подчиненному: вы должны делать то, что вам приказывают*».[1]

Однако при этом Яковлев постарался сделать так, чтобы сведения о том, что он собирается увезти Царя в Москву, стали известны широкому кругу лиц. Он прямо об этом сообщил председателю отрядного комитета «отряда особого назначения» П.М. Матвееву, который впоследствии вспоминал: «*Тов. Яковлев побыл несколько времени в Тобольске, ознакомился с положением. Дней через пять вызывает меня к себе и задает вопрос, приходилось ли мне выполнять секретные поручения. Получив от меня утвердительный ответ, т. Яковлев сообщил, что ему* ***дано задание перевести бывш. Царя в Москву***».[2] (подчеркивания наши – *П.М.*)

Как мы видели, ту же информацию Яковлев прямо или иносказательно довел до Кобылинского. На встрече с солдатами отряда перед самым отъездом, 12/25 апреля, Яковлев сказал солдатам, что должен увезти Государя, но просил их держать все в секрете.

Что должны были думать после всего этого уральцы о Яковлеве? Только одно: он хочет увезти Царя неизвестно куда. Естественно, они стали принимать меры по недопущению этого. Понятно, что эти их действия были вызваны тем, что они просто не могли себе представить, что Яковлев ведет двойную игру по сценарию самого Свердлова. При этом сами уральцы были в трудном положении: с одной стороны, у Яковлева был мандат, подписанный Свердловым, а с другой, Яковлев вел себя, по их мнению, крайне подозрительно.

Однако ни из воспоминаний самого Яковлева, ни из объективных источников не наблюдается решительно никакого серьезного сопротивления Яковлеву со стороны уральцев.

Мы видели, что заседание 11 апреля закончилось полным поражением Заславского.

Тем не менее, как пишет Яковлев, «*анархистские действия Заславского сильно тревожили меня, и я никак не мог уяснить себе, как он может дей-*

---

[1] Последние дни Романовых. С. 58.
[2] Там же. С. 244.

ствовать вопреки инструкции Екатеринбурга, которые, как заверил меня Дидковский, ни в коем случае не расходятся с инструкциями центра».[1]

Заметим, как тонко Яковлев намекает на то, что Заславский действовал с подачи Екатеринбурга, то есть намекает, что уже тогда Уральский Совет действовал самостоятельно.

Хотя объективные факты свидетельствуют об обратном: Екатеринбург, в лице Голощекина, полностью поддерживал Яковлева. Еще 21 апреля, когда Яковлев только следовал в Тобольск, Голощекин направил Хохрякову телеграмму следующего содержания: «*Посылаю Гузакова. Общая численность войск тысяча человек. Всему городу: за неисполнение распоряжений Яковлева разнесу город*».[2] (Это подтверждает слова Авдеева, что на первом совещании присутствовал Гузаков).

Таким образом, по дороге Яковлев должен был располагать огромной воинской силой. Не говоря уже о том, что члены его отряда, «товарищи Касьяны и Фадеевы», были профессиональными боевиками, своего рода террористическим спецназом.

В то же время Яковлев решил поручить Заславскому, тому самому, который «собирался убить царя» и чьих «анархистских действий» он так опасался, задание особой важности: «*Отобрать лучших боевиков; подготовить 15 троек; расставить патрули; взять Романова с места в карьер, пока не остыло произведенное моим приездом впечатление*».[3]

После посещения губернаторского дома Яковлев решил поговорить с Заславским о предстоящей операции и пришел к нему. Заславский встретил его очень сухо и сказал, что не верит в дальнейший успех миссии Яковлева. «*Дадут ли вам его* (т.е. Государя – *П.М.*) *увезти — вот вопрос. А, кроме того, товарищ Яковлев, если его и повезете, то дорогой, может быть, что-нибудь случится.*

Я весь обратился во внимание. Заславский невольно, очевидно в порыве злобы, выдал свой план.

— Товарищ Заславский, говорите яснее, — заявил я ему, — вопрос слишком серьезный.

— Я ничего не знаю. Ведь за других людей нельзя отвечать. Только могу сказать определенно, если повезете Романовых, то не садитесь рядом с царем.

— Вы хотите сказать, что и меня могут убить?!

Заславский смолчал и только как-то криво усмехнулся. Я вынул документ.

— Товарищ Заславский, вы уже однажды ознакомились с этим документом. Но вам очень полезно прочесть его еще раз, и прочесть внима-

---

[1] Последние дни Романовых. С. 61.

[2] *Авдонин А.Н.* В жерновах революции. С. 162.

[3] Последние дни Романовых. С. 61.

тельно. <...> Я вам заявляю, что ваш отряд будет охранять мой поезд от Тобольска до Иевлево. В тарантасе с Романовым я буду находиться самолично. И если найдутся сумасшедшие головы наперекор инструкциям Москвы поступать по-своему, то они жестоко поплатятся».[1]

После этого разговора Яковлев вспоминает, что он отправил телеграмму П. Гузакову с просьбой как можно скорее выехать в Тобольск. Но мы знаем, что Гузакова в Тобольск уже послал Голощекин.

По словам Яковлева, Заславский решил действовать самостоятельно и покинуть Тобольск. Яковлев утверждал, что Заславский поехал организовывать убийство Николая II и самого Яковлева. В письме к Сталину от 15 марта 1928 года Яковлев пишет: «*По приезде в Тобольск я встретил там противодействие со стороны т. Заславского, который сам хотел вывезти Романовых, но, несмотря на долгое там пребывание, сделать этого не смог. Через несколько дней (4–5, точно не помню) мне удалось заставить охрану подчиниться мне, и я увез Николая, его жену, дочь и часть прислуги. Заславский срочно выехал в Екатеринбург, оставив своему отряду приказ меня дальше Иртыша не пропускать*».[2]

Из этого отрывка непонятно, когда уехал Заславский, до или после отъезда Яковлева. Судя по телеграмме Яковлева Голощекину от 27 апреля 1918 года, Заславский уехал до отъезда Яковлева: «*Заславский перед моим выездом за день скрылся*».[3]

Это же подтверждает Кобылинский: «*Заславский приехал в Тобольск за неделю, приблизительно, до прибытия Яковлева и уехал из Тобольска часов за 6, приблизительно, до отъезда Яковлева*».

Странно, почему, если Яковлев подозревал Заславского в «анархистских намерениях», он в течение дня, когда ему стало известно об исчезновении Заславского, не послал хотя бы немедленную телеграмму в Екатеринбург, а сделал это только 27 апреля, когда находился в безопасной Тюмени?

Ответ на эти «загадки» прост. Все это время «мятежный» Заславский в точности исполнял задания Яковлева. 24-го апреля 1918 года, он не «скрылся» из Тобольска в неизвестном направлении, а поехал предварять в жизнь распоряжения чрезвычайного комиссара. Об этом свидетельствует его записка Яковлеву от 24-го апреля: «*Тов. Яковлев! Сегодня получил телеграмму Екатеринбурга выехать. План В/будет приведен в исполнение 25-го утром в 8 часов утра с/м единовременно во всех местах. Выполнять поручено тов. Щетину /Уфимский отряд/ и т.*

[1] Последние дни Романовых. С. 63.
[2] *Авдонин А.Н.* В жерновах революции. С. 155.
[3] *Алексеев В.* Указ. соч. С. 60.

Пронину (Омский отряд). Привет, счастливо выполнить поручение. Заславский».[1]

Что это за план «В», который должен быть «приведен в исполнение единовременно»? А это тот спектакль под названием «самоуправство уральцев», который Заславский и его «уральцы» должны были организовать по дороге в Тюмень, и который должен был, в конце концов, стать оправданием остановки Государя в Екатеринбурге. Яковлев не только знал о действиях Заславского, но и руководил ими. Одновременно он лгал, создавая из Заславского «мятежника» и «самоуправца».

Причем, лгал уже и в 1918 году, и позже в своих многочисленных «воспоминаниях». В своем «*Отчете о перевозке Романовых*» от 3 мая 1918 года Яковлев утверждал: «*В Омске скрылся Заславский, он прислал тов. Яковлеву записку, в которой объяснил причину своего внезапного отъезда тем, что его потребовали явиться немедленно в Екатеринбург*».[2] Но мы видели, что в действительности Яковлев прекрасно был осведомлен от самого Заславского, что тот поехал в Екатеринбург. Яковлев делает все, что создать вокруг отъезда Царя обстановку нервозности и неразберихи. На состоявшейся встрече с солдатами охраны Яковлева сказал то же самое, что и на совещании с уральцами: «*Что касается вопроса, почему и куда пожелала Москва вывезти Романовых, то на это я вам отвечу так, как начальник отвечает своему подчиненному: вы должны делать то, что вам приказывают».*[3]

Однако при этом же, Яковлев постарался сделать так, чтобы сведения о том, что он собирается увезти Царя в Москву, стали бы известны широкому кругу лиц. Он прямо об этом сообщил председателю отрядного комитета «отряда особого назначения» П. М. Матвееву, который впоследствии вспоминал: «*Тов. Яковлев побыл несколько времени в Тобольске, ознакомился с положением. Дней через пять вызывает меня к себе и задет вопрос, приходилось ли мне выполнять секретные поручения. Получив от меня утвердительный ответ, т. Яковлев сообщил, что ему* ***дано задание перевести бывш. Царя в Москву***».[4] (подчеркивания наши – П. М.)

Как мы видели ту же информацию Яковлев прямо, или иносказательно довел Кобылинскому. На встрече с солдатами отряда перед самым отъездом, 12/25 апреля, Яковлев сказал солдатам, что должен увезти Государя, но просил их держать все в секрете.

Что должны были думать после всего этого уральцы о Яковлеве? Только одно: он хочет увезти Царя неизвестно куда. Естественно они

---

[1] ГАРФ, ф. 601, оп. 2, д. 31

[2] Авдонин А. Н. *В жерновах революции*, с. 148

[3] *Последние дни Романовых*, с. 58

[4] *Последние дни Романовых*, с. 244

стали принимать меры по недопущению этого. Понятно, что эти их действия были вызваны тем, что они просто не могли себе представить, что Яковлев ведет двойную игру по сценарию самого Свердлова. При этом сами уральцы были в трудном положении: с одной стороны у Яковлева был мандат, подписанный Свердловым, а с другой, Яковлев вел себя, по их мнению, крайне подозрительно. Оснований для подозрений на счет действий Яковлева у уральцев было достаточно.

Между тем, Екатеринбург, в лице Голощекина, полностью поддерживал Яковлева. Еще 21 апреля, когда Яковлев только следовал в Тобольск, Голощекин направил Хохрякову телеграмму следующего содержания: ««*Тобольск из Екатеринбурга. № 2608/А 21/IV. 9 ч.30 м. Председателю Хохрякову. Узнал о вчерашнем вашем разговоре с Дидковским. Ваша беспечность не позволительна. Точка. Высылаю три отряда, запятая, один под командой Гузакова. Общая численность войск тысяча человек. Объявите всему городу за малейшее сопротивление и не подчинение распоряжениям Яковлева направить артиллерию и беспощадно снести гнездо контр-революции. Уральский Областной Военный Комиссар Голощекин».*[1] (Это подтверждает слова Авдеева, что на первом совещании присутствовал Гузаков).

Таким образом, по дороге Яковлев должен был располагать огромной воинской силой. Не говоря уже о том, что члены его отряда, «товарищи Касьяны и Фадеевы», были профессиональными боевиками, своего рода террористическим спецназом. Вот лишь маленький штрих «подвигов» боевика П. В. Гузакова, который был послан Голощекиным на помощь Яковлеву. Свою преступную деятельность Гузаков начал в 1906 году, когда при вооруженном ограблении, открыл стрельбу по полиции, убив полицейского. .[2] Дальше были митинги, убийства, насилия, но между ними и Италия, куда Гузаков нелегально выезжает для учебы в нелегально школе в Болонье.[3]

В 1911 году в Уфе Гузаков был арестован и при нем были обнаружены зашифрованные письма. Так выяснилось, что Гузаков был видным большевистским шифровальщиком.[4]

После этого разговора, Яковлев вспоминает, что он отправил телеграмму Гузакову с просьбой как можно скорее выехать в Тобольск. Но мы знаем, что Гузакова в Тобольск уже послал Голощекин.

Между тем, по воспоминаниям Яковлева, хотя он все время и подозревал Заславского в «анархистских намерениях», тот выполнял поручения Яковлева вовремя и в срок. Так, Заславский выполнил

---

[1] ГАРФ, Ф.601, оп.2, д. 33

[2] ГАРФ, ф. 601, оп. 2, д. 31

[3] Газета «Курская правда» № 380 (240221), 20 декабря 2006 года, среда

[4] . www.cryptography.ru Синельников А. В. *Шифры и революционеры России.*

распоряжение Яковлева и прислал к нему Бусяцкого, которого Яковлев называет Гусяцким. Яковлев сразу обрушивает на Бусяцкого грозные предупреждения.

Бусяцкий произвел на Яковлева впечатление милого интеллигентного и смущенного человека. Яковлев сказал ему: «*Слушайте и запоминайте хорошенько, что я вам скажу. Вы должны немедленно вместе со своим отрядом выступить из Тобольска. Я возлагаю на вас охрану дороги от Тобольска до Иевлево. Главные посты расставьте в следующих местах. Там имеются мои патрули. На вашей обязанности лежит только охрана моего проезда. Вы и ваш отряд отвечаете мне головой за безопасность, и если что-нибудь случится, вы будете расстреляны первым.*

Гусяцкий стоял передо мною бледный как полотно. Он тут только, вероятно, понял, что мне известно значительно больше, чем он думает.

— Сегодня снимаюсь с отрядом и выступлю из Тобольска и постараюсь точно выполнить свою задачу, — ответил Гусяцкий, и мы расстались»[1].

Не вяжется как-то образ Бусяцкого с образом кровожадного и отчаянного мятежника.

В 1928 году Яковлев утверждал, что Заславский был под Екатеринбургом, где готовил против него нападение.

Из всего выше приведенного, можно сделать один вывод: Яковлев сознательно преувеличивал грозившую ему опасность. Яковлев сознательно нагнетал обстановку вокруг перевозки Государя. Яковлев в Тобольске и по пути следования, совместно с Голощекиным в Екатеринбурге, сознательно скрывали от уральцев, куда Яковлев должен везти Царя. Несомненно, что уральцы были убеждены, что Яковлев везет Императора Николая II в Москву, а затем за границу. Между тем, как они знали, что имеется постановление ВЦИК о перевозке Государя в Екатеринбург.

В этом же был уверен и Бусяцкий. Один из солдат его отряда, А.И. Неволин, уже после окончания яковлевской экспедиции 3 мая 1918 года сообщил, что Бусяцкий еще в Тобольске собрал своих бойцов и сказал им: *«Вот сюда приехал комиссар Яковлев и* ***хочет увезти Романова в Москву, а потом у них, кажется, решено отправить его заграницу****. А нам предстоит такая задача: во что бы то ни стало предоставить его в Екатеринбург».*[2] (Подчеркивания наши – *П. М.*)

---

[1] *Последние дни Романовых*, с. 65

[2] *Буранов Ю.А., Хрусталев В.М.* Указ. соч. С. 159.

Отсюда можно сделать вывод, что активность отдельных командиров типа Бусяцкого могла быть вызвана только одной мотивацией: не допустить отъезда Императора Николая II заграницу. Если бы Заславский и Бусяцкий знали, что Яковлеву поручено везти Царя в Екатеринбург, то, конечно, они бы такой активности не проявляли.

Сам Бусяцкий, а вслед за ним и Белобородов, спустя много лет вспоминали, что якобы Голощекин ставил им задачу убить Николая II еще по дороге. И.Ф. Плотников безоговорочно верит Бусяцкому, Белобородову, Голощекину и пишет: «*Это ответ на вопрос, ставило ли уральское руководство непременную цель убить Николая Александровича Романова по пути в Екатеринбург? Да, ставило. Осуществить намерение помешали лишь непредвиденные обстоятельства*».[1]

А ведь И.Ф. Плотников, столь долго изучавший личности и нравы большевистских руководителей, должен был бы знать, что для них ложь была обыденным явлением. Надо было, они лгали одно, надо — другое. В 20-х, 30-х годах им выгодно было сочинять версии о предполагаемом убийстве Государя по дороге, так как это оправдывало позднейшие действия «самостоятельного» Уральского Комитета 17 июля 1918 года. Тем более это хорошо совпадало с образом «предателя» Яковлева, который «задумал спасти Романовых» и отвезти их за границу.

Но пусть читатель сам вдумается во внешнюю абсурдность этой ситуации! Свердлов дает Яковлеву задание перевезти Императора Николая II из Тобольска в Екатеринбург, посылает телеграмму об этом уральскому руководству, подтверждая в ней задание Яковлева, а тем временем сам Яковлев ни слова не говорит командирам уральских отрядов о задании Москвы, не сообщает, что везет Царя в Екатеринбург, сознательно вызывает у подозрительных Заславского и Бусяцкого еще большую подозрительность и добивается того, что эти отряды начинают активно ему мешать выполнить московское задание, преследуя при этом ту же самую цель, что и Яковлев: во что бы то ни стало доставить Царя в Екатеринбург! При этом Голощекин, вопреки воле и указаниям своего непосредственного начальника Свердлова, отдает приказ об убийстве «по дороге Царя», словно так речь идет о каком-то безымянном уголовнике.

Между тем, как видно из документов и воспоминаний того же Яковлева, Голощекин всегда был на стороне Яковлева. Мы помним про телеграмму Голощекина Хохрякову с угрозой разнести город в случае неповиновения Яковлеву. Странная телеграмма для человека, задумавшего убить Царя по дороге! Но может быть Голощекин снова лгал Яковлеву, а сам дал негласный приказ своим людям убить Государя? Но когда Яковлев получает известие, что Заславский замышляет убить Царя по дороге и с этой целью скрылся, при-

---

[1] *Плотников И.Ф.* Указ. соч. С. 37.

слав Яковлеву письмо, что его вызвали в Екатеринбург, Яковлев решил проверить правдивость слов Заславского и связался не с кем-нибудь, а с Голощекиным. Яковлев задал ему вопрос: вызывал ли он Заславского в Екатеринбург или нет? По логике, если Голощекин уже задумал бы убийство Государя при помощи Заславского, он бы ответил утвердительно, что да, вызывал. При этом ему не надо было искать никаких объяснений: мало ли для чего понадобилось Голощекину вызывать Заславского! Но Голощекин отвечает Яковлеву: «*Надобности вызывать Заславского у меня не было*». Тем самым Голощекин разоблачает Заславского и дает Яковлеву возможность подготовится к отражению его действий. Белобородов при этом пишет, что «*Заславский, очевидно, вел себя так, что его намерения были разгаданы Яковлевым*». Из приведенных выше сведений понятно, что поведение Заславского Яковлев разгадал в первую очередь благодаря ответу Голощекина. Хочется также заметить, что в своей телеграмме Свердлову из Тюмени Яковлев пишет: «*У Екатеринбурга, **за исключением Голощекина,** одно желание — покончить, во что бы то ни стало с багажом*».[1] (Подчеркивания наши – *П.М.*)

Если говорить о воспоминаниях Белобородова, то в них он демонстрирует свое полное незнание пути следования Яковлева. В частности, он пишет: «*Яковлев поехал в Тобольск, взял там Николая, усадил на пароход, на пароходе довез до Тюмени, а из Тюмени повез дальше на Екатеринбург*».[2]

На самом деле отлично известно, что никакого парохода не существовало, а были тележки на колесах. Как мог человек, серьезно планировавший убийство Царя по пути следования, забыть такие вещи?

Нет никаких сомнений, что командиры и бойцы уральских отрядов были дезинформированы об истинных целях Яковлева. Нет также сомнений, что в этой дезинформации принимали участие Свердлов, Голощекин, Дидковский и сам Яковлев. Зачем это было сделано? Ответ напрашивается сам собой: действия «самостоятельных» уральских отрядов должны были «заставить» Яковлева, который официально вез Государя в Москву, «изменить» свой план и доставить его в Екатеринбург, после чего Свердлов мог со спокойной совестью сказать тем, кто хотел доставить Царя в Москву, что из-за революционной анархии выполнить их задание не удалось и что Император задержан в Екатеринбурге.

Теперь два слова о планах Бусяцкого. Многие исследователи считают, что Бусяцкий маниакально хотел убить Царя во что бы то ни стало, и Яковлев был вынужден предпринимать титанические усилия, чтобы этого не допустить. Однако объективная картина мало соответствует этим утверждениям. Послушаем, что рассказывали об этом боец отряда Бусяцкого А.И. Неволин и сам Яковлев, делая при этом скидку на то, что оба по тем

---

[1] *Авдонин А. Н.* В жерновах революции. С. 137.
[2] Там же. С. 205.

или иным причинам были заинтересованы в приписывании Бусяцкому намерений убить Царя.[1] Неволин сообщает, что Бусяцкий, сказав своим бойцам, что Яковлев хочет увезти Царя в Москву и что им нужно любой ценой не допустить этого, а доставить Николая II в Екатеринбург, стал развивать план, как это нужно сделать: «*У Яковлева девять пулеметов, а пулеметчиков двое. Я рекомендую ему пулеметчиков своих, к его пулеметам, и поедем вместе. По известному сигналу вы должны напасть на них,* ***отобрать*** *у них все оружие и Романова*».[2] (подчеркивание наше — *П.М.*)

Заметим, Бусяцкий ставит цель не убить Императора, а «отобрать» его у Яковлева. Однако Неволину удалось организовать противодействие Бусяцкому, и его план провалился. «*Через два или три часа слышу, опять делают собрание. Я, конечно, пришел. Слышу, помощник инструктора Пономарев и инструктор Богданов начинают.*

— Мы уж этот план бросили, теперь решили так: на пороге к Тюмени сделать засаду. Когда Яковлев последует с Романовым, как только сравняются с нами, вы должны из пулеметов и винтовок весь отряд Яковлева ссечь до основания. И никому ничего не говорить. Если кто станет спрашивать, какого вы отряда, то говорите, что московского, и не сказывайте, кто у вас начальник, потому что нужно это сделать помимо областного и вообще всех советов.

Я тогда ему задал вопрос.

Разбойничками, значит, быть. Я лично с вашими планами не согласен. Если вам нужно, чтоб Романова убить, так пущай единолично кто-нибудь решится, а такой мысли я и в голову не допускаю, имея в виду, что вся наша вооруженная сила стоит на страже защиты Советской власти, а не для единоличных выгод и людей; если комиссар Яковлев командирован за ним от Совета Народных комиссаров, так он и должен его представить туда, куда ему велено, а мы разбойничками не были и быть не можем, чтоб из одного Романова расстрелять таких же товарищей красноармейцев, как и мы. Они, конечно, заспорили, что ты, Неволин, всегда суешься везде и расстраиваешь всех, ну все-таки я товарищей убедил, что мы не можем так поступать, и некоторые даже стали спорить и все ихние планы ни к каким результатам не привели.

После собрания Бусяцкий, Богданов, Пономарев сделали мне серьезное замечание и все время пуще и пуще меня стали притеснять».[3]

Заметим, что план нападения на яковлевский отряд исходил не от Бусяцкого, а от двух инструкторов. Но даже в этом плане речь идет не об

---

[1] Неволин, скорее всего, был завербован Яковлевым и был его «человеком» в отряде Бусяцкого.

[2] *Буранов Ю.А., Хрусталев В.М.* Указ. соч. С. 158.

[3] *Буранов Ю.А., Хрусталев В.М.* Указ. соч. С. 159.

убийстве Царя, а об уничтожении отряда Яковлева. О Царе нет ни слова. Почему же Неволин сразу же полагает, что речь идет о цареубийстве? Не потому ли, что в мае 1918 года Яковлев, заставив Неволина выступать перед обвинявшими Яковлева в предательстве уральцами, поставил перед ним задачу убедить всех, что уральские отряды ставили своей задачей убить Царя и тем самым мешали Яковлеву выполнять задание Москвы?

Неясна также и суть замечаний Бусяцкого и его товарищей к Неволину. Вполне возможно, что обвиняли они его как раз в том, что он мешает им отбить Царя у Яковлева.

Поэтому скорее всего главной целью Бусяцкого было не убийство Царя «по дороге», а заставить Яковлева следовать в Екатеринбург, тогда как он, по мнению Бусяцкого, вез его заграницу. Когда этот план провалился, Бусяцкий попробовал подбить свой отряд на задержание Царя возле самого Екатеринбурга: «*Ну, если в Екатеринбурге пятая и шестая роты его не задержат, то, значит, Романов ушел*».

Кстати, это подтверждает и телеграмма самого Яковлева, посланная из села Иевлево в Екатеринбург на имя Голощекина: «*Мною получены сведения, что ваши люди во главе с Заславским, начальником отрядов, Хохряковым и другими хотят нас обезоружить, чтобы* ***взять наш багаж****. Примите меры, иначе произойдет кровопролитие*».[1] (Подчеркивания наши – *П.М.*)

Заметим, что эта телеграмма, полученная уже после сообщения Неволина, свидетельствует, что уральцы хотели не расстрелять отряд Яковлева, а лишь его обезоружить и «взять багаж». Это полностью противоречит тому, что говорили впоследствии и Неволин, и сам Яковлев.

Таким образом, можно с большей степенью вероятности утверждать, что все действия Заславского, Бусяцкого и других были вызваны не их маниакальным желанием во что бы то ни стало убить Царя, а стремлением не дать ему возможности уехать заграницу, что, по их мнению, предпринимал Яковлев. При этом екатеринбургское руководство в лице Голощекина было точно осведомлено об истинной цели поездки Яковлева и что последний должен был доставить Императора в Екатеринбург. Поэтому оно контролировало ситуацию, поддерживая Яковлева и ведя совместно со Свердловым тонкую игру, главная цель которой — создать представление, что Николай II оказался в Екатеринбурге вопреки воле Яковлева и Москвы.

Между тем путь Царственных Узников от Тобольска до Тюмени проходил в тяжелых условиях. Яковлев чрезвычайно спешил. Впереди шла конная разведка. От Тобольска до Тюмени, где ожидал поезд, нужно было пройти в распутицу около 300 километров. Император Николай II писал в своем днев-

---

[1] *Алексеев В*. Указ. соч. С.61.

нике 13/26 апреля: «*Погода была холодная с неприятным ветром, дорога очень тяжелая и страшно тряская от подмерзшей колеи. Переехали Иртыш через довольно глубокую воду. Имели четыре перепряжки, сделав в первый день 130 верст. На ночлег приехали в село Иевлево. Поместили в большом чистом доме; спали на своих койках крепко*».[1]

Государь физически сильный и выносливый, в отличие от всех остальных, дорогу переносил легко. По дороге он часто беседовал с Яковлевым, причем, как вспоминал кучер, правивший повозкой, «*Государь с Яковлевым вели беседы на политические темы, спорили между собой, и Государь не бранил большевиков. Кучер говорил, что Яковлев "вертел" Царя, а Царь ему "не поддавался"*».[2]

Яковлев вспоминал, что в дороге, проезжая мимо какой-нибудь церкви, Император Николай II «*очень богомольный, всегда в таких случаях крестился*».[3]

Но другие пассажиры переносили дорогу нелегко. Особенно тяжело было Государыне. 13/26 апреля она описывала в своем дневнике условия переезда: «*Мария и я в тарантасе. Н. с комиссаром Яковлевым. Холодно, пасмурно и ветрено, переехали Иртыш. После перемены лошадей в 8 и в 12 останавливались в деревне и пили чай с нашей холодной провизией. Дорога совершенно отвратительная, сплошная замерзшая земля, грязь, снег; вода лошадям по брюхо, страшная тряска, боль все время. После 4 перемен пересадка, чека соскочила, и мы должны были пересесть в другую повозку (корзину). Переменили лошадей в 5.00 и пересели в другую корзину. Другие меняли экипажи постоянно. В 8.00 достигли Иевлево, где мы переночевали в доме, где был сельский магазин раньше. Мы втроем спали в одной комнате, на наших кроватях, Мария на полу — на ее матрасе. <...> Смертельная усталость, боль во всем теле. Никто не говорит нам, куда мы собираемся после Тюмени — некоторые предполагают Москву. Маленький последует за нами, как только освободится река и Бэби станет лучше. С каждым поворотом каждый экипаж теряет колесо или что-то разбивается. Душевная боль растет — написать письмо детям с первым встречным ямщиком*».[4]

«*Сама почти не спала,* — писала Императрица детям из Иевлево, — *сердце и все болит*».[5]

Однако, как всегда, Императрица ни единым жестом не показывала свою усталость и свои страдания. Яковлев вспоминал: «*Александра Федоровна утоми-*

---

[1] Дневники Императора Николая II. С. 674.
[2] *Жильяр П.* Указ. соч.
[3] *Плотников И.Ф.* Указ. соч. С. 51.
[4] Последние дневники Императрицы Александры Федоровны. С. 194.
[5] Письма святых Царственных Мучеников из заточения.

лась значительно больше (чем Государь – *П.М.*), *но старалась не показывать этого. Вообще она пыталась держаться гордо и замкнуто*».[1]

В дороге в полной мере проявилась трогательная любовь русского крестьянина, особенно сибирского крестьянина, к своему Царю, любовь, которую не смогла поколебать никакая революционная ложь. Для нас самое ценное, что свидетельства об этой крестьянской любви к Царю исходят из уст большевиков, командиров отряда Яковлева. Д.М. Чудинов, командир отряда, обеспечивающего перевоз Царской Четы, вспоминал, как отряд вошел в одну из сибирских деревень: «*Пока перепрягали лошадей, минут 5–7, вокруг меня собралась вся деревня и стар, и млад. Один старик с большой седой бородой особенно пристал ко мне:*

— Паря, ты уж, будь добр, скажи Бога ради, куда это Царя-Батюшку везут? В Москву што ль?

— В Москву, дедушка, в Москву.

Отъезжая, слышу слова старика:

— Ну, слава Тебе Господи, теперь будет порядок.

Не доезжая к станку, сразу видно, что крестьяне откуда-то уже знают, что везут Романовых. На улицу вышли почти все жители. Опять летим вперед».[2]

Заметим, кстати, что в том, что Царя везут в Москву, были уверены не только члены отрядов Яковлева, но и крестьяне.

14/27 апреля отряд вошел в село Покровское — родину Г.Е. Распутина и остановился прямо возле его дома. Вся семья Распутина, его вдова, младшая дочь Варвара и сын Дмитрий, а также другие жители Покровского, пришедшие встретить Царя и Царицу, стали махать из окон белыми платками, приветствуя Государыню, которая в ответ кивала им. Матвеев послал двух вооруженных людей, которые под угрозой оружия заставили людей отойти от окон.

Государь по этому поводу записал в дневнике: «*В с. Покровском была перепряжка, долго стояли как раз против дома Григория и видели всю его семью*».[3]

В том же Покровском Государь вышел из повозки, пока перепрягали лошадей. В этот момент, вспоминал Матвеев, крестьянин, везший Царя, только сейчас понял, кого он вез. Государь обратился к нему: «“*Что же, дядя, лошадки-то эти твои?” Тот снял шапку и низко поклонился, а на глазах у него были слезы. Он ответил: “Да, Царь-Батюшка, это лошадки-то мои, вот Господь привел провезти вас на моих родных”*». Государь поблагодарил крестьянина и пошел садиться на другую подводу. Матвеев подошел к крестьянину, который

---

[1] *Плотников И.Ф.*, Указ. соч. С. 51.

[2] *Авдонин А.Н.* В жерновах революции. С. 211.

[3] Дневники Императора Николая II. С. 675.

не прекращал плакать, и спросил его: «“*Что же ты, старый, плачешь-то?” Он ответил мне: “Что как же, батюшка, мне не плакать, ведь смотри, вот Господь привел провезти на моих-то лошадках самого Царя-Батюшку”*».[1]

По дороге в Тюмень, в селе Борки, у Е.С. Боткина случился приступ мочекаменной болезни, и на полтора часа выезд был задержан. Наконец, в 20 часов 15 минут 14/27 апреля Царская Чета и сопровождающие ее лица, окруженные кавалеристами Яковлева, при полной луне въехали в г. Тюмень. Утомленные нелегкой дорогой путники вошли в уже подготовленный для них поезд. «*Приятно было попасть в поезд*, — писал Государь в дневнике, — *хотя и не очень чистый. Сами мы и наши вещи имели отчаянно грязный вид. Легли спать в 10 часов не раздеваясь*».[2]

Здесь мы должны вернуться к действиям комиссара Яковлева. С его слов, он строго предупредил Бусяцкого и Заславского об их ответственности в случае любой самодеятельности с их стороны. Но тем не менее он был предупрежден Неволиным, что против его отряда готовится нападение. «*Гузаков сообщил мне*, — вспоминал Яковлев, — *очень тревожные известия, полученные им от перебежчика из отряда Гусяцкого. Нам по пути угрожала большая опасность. Гузаков обрисовал мне в общих чертах, какая создалась в связи с перевозкой Романовых обстановка, и предложил мне расспросить Неволина. Выслушав Неволина, мы стали обсуждать с Гузаковым дальнейший план действий. У него на станции Тюмень имелся отряд в 250 человек хорошо вооруженных рабочих. Таким образом, с момента прибытия в Тюмень мы будем в полной безопасности. Подъезд к Екатеринбургу мы тоже сумели обеспечить. Самое серьезное — это добраться до Тюмени*».[3]

Здесь ясно, что слова Яковлева не сходятся со словами Неволина. Вспомним, что Неволин говорил, что ему удалось отговорить красноармейцев Бусяцкого, и тот был вынужден отступить, сказав только, «*что если вы ничего не сможете сделать, то ничего не говорите*» Яковлеву. Но Неволин тут же побежал доносить Яковлеву о случившемся. Если он говорил то, что было изложено им 3 марта 1918 года, то Яковлеву нечего было беспокоиться: Бусяцкий явно был в меньшинстве и нечего не мог поделать по дороге в Тюмень. Единственно, где он мог оказать какое-то противодействие, это возле Екатеринбурга, и то чисто гипотетически, судя по его же словам («*если в Екатеринбурге 5-я и 6-я роты его не задержат, то, значит, Романов ушел*»). Но как раз, по словам Яковлева, подъезд к Екатеринбургу был для него безопасен, правда, неизвестно, как и почему. Таким об-

---

[1] Последние дни Романовых. С. 245–246.
[2] Дневники Императора Николая II. С. 675.
[3] Последние дни Романовых. С. 68.

разом, выходит, что никакой серьезной опасности у Яковлева по дороге в Тюмень не было.

Но Яковлеву зачем-то обязательно нужно было придумать эту мнимую опасность. Для этого он рисует следующую картину ночлега 14/26 апреля в селе Иевлево: «*В Иевлево мы приехали вечером. Гузаков принял особенно тщательные меры охраны и окружил арестованных тройным кольцом. Несколько красноармейцев с ручными гранатами все время находились начеку. Гузаков, Касьян, Зенцов и я дежурили беспрерывно. Ночь прошла спокойно*».[1]

Но мы имеем другие свидетельства об этой ночи в Иевлево. Наутро 27 апреля Государь пишет в своем дневнике: «*Встали в 4 ч., т.к. должны были ехать в 5 ч., но вышла задержка, пот. что Яковлев разоспался и, кроме того, он ожидал потерянный пакет*».[2]

Что это был за потерянный пакет, остается загадкой, сам Яковлев об этом ничего не говорит. Но вот поведение самого Яковлева, «разоспавшегося» во время самого опасного момента переезда, говорит о многом и в первую очередь о том, а была ли реальной эта самая опасность?

Об этом метко заметил французский историк Пьер Лоррен: «*Курьезная ситуация*, — писал он, — *Яковлев опасался нападения по дороге, но проспал час отъезда и затем целый день шел таким медленным темпом, что прибыл в Тюмень ночью*».[3]

В уже упоминаемой нами телеграмме Яковлева из Иевлево на имя Голощекина вновь говорится о попытках уральцев «взять багаж» именно на переезде Иевлево — Тюмень.

Однако в тот же день из Тюмени Яковлев посылает Голощекину еще одну телеграмму: «*В ваших отрядах одно желание — уничтожить тот багаж, за которым я послан. Вдохновители: Заславский, Хохряков и Кусяцкий* (опечатка, правильно Бусяцкий – *П.М.*). *Они предприняли ряд мер, чтобы добиться в Тобольске, а также в дороге, но мои отряды довольно еще сильны, и у них ничего не вышло. У меня есть один арестованный из отряда Бусяцкого, который во всем сознается.*

Не буду говорить все, а лишь предстоящее. Оно заключается в следующем. Заславский перед моим выездом за день скрылся, сказав, что вы его вызвали в Екатеринбург. Выехал он, чтобы приготовить около Екатеринбурга пятую и шестую роту и напасть на мой поезд. Это их план. Осведомлены ли вы в этом? Мне кажется, что вас обманывают, и их постоянные усмешки при разговорах о вас наводят меня на подозрение, что вас

---

[1] Там же.

[2] Дневники Императора Николая II. С. 674.

[3] *Lorrain Pierre*. La nuit de l'Oural. L'assassinat des Romanov. Bartillat, 1996. P. 285.

обманывают. Они решили, что если я не выдам им багажа, то они перебьют весь наш багаж вместе со мной.

Я, конечно, уверен, что отучу этих мальчишек от их пакостных намерений. Но у вас в Екатеринбурге течение среди отрядов сильное, чтобы уничтожить багаж. Ручаетесь ли вы охранить этот багаж? Помните, что Совет Народных Комиссаров клялся меня сохранить. Отвечайте подробности лично. Я сижу на станции с главной частью багажа и как только получу ответ, то выезжаю. Готовьте место».[1]

Эта телеграмма Яковлева очень интересна. Во-первых, она полностью опровергает мысль Радзинского, что Яковлев считал, что везет Царя в Москву. «*Готовьте место*», — телеграфирует он Голощекину, явно имея в виду Екатеринбург. Единственно, чем был обеспокоен Яковлев, это сохранение жизни перевозимых, так как он имел по этому поводу четкий приказ Свердлова, и своей собственной судьбой: «*Совет Народных Комиссаров клялся меня сохранить*». Заметим также, что Неволин, который в воспоминаниях Яковлева называется «перебежчиком», в телеграмме уже назван «арестованным».

Но здесь интересно еще и другое. Яковлев достиг Тюмени. Здесь он чувствовал себя, по его же словам, в полной безопасности. Самый опасный этап, согласно его воспоминаниям, пройден. На посланную им из Иевлево телеграмму председатель Тюменского Совета Немцов выслал навстречу яковлевскому отряду тюменские воинские части. Отряд пополнился и представлял определенную силу. Мы помним, что Яковлев в тот же день, когда он достиг Тюмени, то есть 27 апреля, выслал Голощекину телеграмму из Иевлево, где он говорит об опасности переезда Иевлево — Тюмень и не слова не говорит о Екатеринбурге. Мы помним также, что в своих воспоминаниях Яковлев считал Екатеринбург безопасным для себя местом. И вдруг он посылает подобную телеграмму Голощекину. При этом, как мы видели, утверждения, что екатеринбуржцы только и озабочены тем, как убить Императора, не соответствовали действительности.

Кстати, в письме к Сталину 1928 года Яковлев вновь утверждает, что опасность подстерегала его в Екатеринбурге: «*На полпути из Тобольска в Тюмень меня встретил с остальной частью моего отряда тов. Гузаков и сообщил мне, что нужно быть осторожным, ибо на пути в Екатеринбург готовится нападение*».[2]

Ясно, что Яковлев где-то лжет, но где и зачем?

Определенный ответ дают на это действия Яковлева в Тюмени. В своих воспоминаниях Яковлев пишет, что, прибыв в Тюмень, он немедленно отправился на телеграф «*для переговоров со Свердловым. Мы вызвали*

---

[1] *Алексеев В.* Указ. соч. С. 60.
[2] *Авдонин А.Н.* В жерновах революции. С. 155.

Кремль. У аппарата был сам Свердлов. Я подробно изложил ему создавшуюся обстановку и просил дальнейших указаний. Свердлов обещал немедленно вступить в переговоры с Уральским Советом».

Здесь мы на время прервем Яковлева и зададимся вопросом: о чем Свердлов должен был переговариваться с уральцами? О безопасности Яковлева и Государя? Но от кого, если на тот момент Заславский уже в Екатеринбурге в подчинении Голощекина? Или он был настолько «анархистом» и так хотел убить Царя, что уже был готов бунтовать и против Голощекина, и против Свердлова, рискуя быть немедленно расстрелянным? Свердлову было достаточно послать телеграмму Голощекину с приказом приструнить Заславского и обеспечить нормальное прибытие поезда Яковлева. Но вместо этого начинаются длинные телеграфные переговоры между Москвой и Екатеринбургом, длившиеся целых 5 часов! В этот период, пока шли переговоры, Яковлев, не дождавшись их окончания, зачем-то посылает Голощекину телеграмму, которую мы приводили выше. После пяти часов переговоров всесильный на Урале Свердлов ничего не смог добиться от Голощекина и зачем-то отдает Яковлеву приказ ехать в Омск! Причем Яковлев предупреждает начальника станции «о самой строгой конспирации» при отъезде и при этом приказывает сначала двинуться в сторону Екатеринбурга, а затем свернуть на Омск. Словно Яковлев сознательно стремился к тому, чтобы его на Урале заподозрили в измене!

Собственно, так оно и было. По нашему глубокому убеждению, все это: и постоянные попытки уральцев «убить Царя», и телеграммы Голощекину, и переговоры со Свердловым, — все это было частью единого плана, который был разработан Свердловым, осуществлялся Яковлевым и поддерживался Голощекиным.

Попробуем обосновать наше мнение.

Когда Яковлев в своих воспоминаниях утверждал, что, прибыв в Тюмень, он «немедленно пошел на телеграф для переговоров со Свердловым», он говорил лишь часть правды. Яковлев действительно пошел на телеграф, но не для того, чтобы начать переговоры по аппарату со Свердловым, а для того, чтобы послать ему телеграмму.

Здесь надо сказать об одной загадке, на которую почему-то не обращают внимание такие видные исследователи как Ю.А. Буранов, В.М. Хрусталев, В.В. Алексеев и другие. В ГАРФ имеется телеграфный запрос чрезвычайного комиссара В.В. Яковлева из Тюмени председателю ВЦИК Я.М. Свердлову и ответная телеграмма Свердлова Яковлеву. Обе они датированы по графе «принята» 26 апреля 1918 года в 20 часов 50 минут. Эта дата соответствует 13 апреля по Юлианскому календарю. Но дело в том, что в это время отряд Яковлева находился еще в Иевлево, и Яковлев никак не мог посылать эту телеграмму из Тюмени. Это подтверждается и дневни-

ком Николая II, и дневником Императрицы, и письмами Государя и Государыни Детям, и другими телеграммами Яковлева. Значит, либо Яковлев не посылал этих телеграмм, либо произошла ошибка, что очень маловероятно, так как ошибиться оба раза принимавший запрос по телефону некий Фишман вряд ли мог.

Но, возможно, ошибка кроется в другом: телеграмма могла быть послана не из Тюмени, а из Иевлево, и тогда она укладывается в общую схему развития событий.

Яковлев запрашивал Свердлова: «*Маршрут остается старый, или ты его изменил? Сообщи немедленно в Тюмень. Еду по старому маршруту. Ответ необходим немедленно. Яковлев*».[1]

В тот же день Свердлов отвечает Яковлеву: «*Маршрут старый, сообщи: груз везешь или нет. Свердлов*».[2] (Правда непонятно, почему, если Яковлев находился в Иевлево, то он просит прислать немедленно ответ в Тюмень?)

Эти телеграммы могут означать следующее. Перед отъездом Яковлев со Свердловым могли оговорить возможность изменения маршрута в том случае, если бы верх взяли те силы, которые настаивали на перевозе Царя в Москву. Ведь Свердлов, при всем своем личном влиянии и влиянии тех сил, какие он представлял, не мог быть абсолютно уверен, что его план по тайному перевозу Императора в Екатеринбург наверняка удастся. Возможно, между ним и Яковлевым было оговорено, что, добравшись до Тюмени, Яковлев должен узнать, не изменился ли маршрут его следования. Если Свердлов подтверждал прежний маршрут, то это означало, что Яковлев должен продолжать делать все, чтобы доставить Государя в Екатеринбург. Для Свердлова телеграмма Яковлева стала первой от него весточкой после Тобольска. Поэтому он подтверждает маршрут и интересуется, везет ли Яковлев «груз»?

Яковлев отвечает Свердлову только на следующий день, уже из Тюмени. Он посылает ему телеграмму, что противоречит его воспоминаниям, в которых он пишет, что, прибыв в Тюмень, он сразу начал разговаривать по аппарату со Свердловым. Эта телеграмма очень любопытна, так как вскрывает механизмы той игры, которую вел Свердлов. В своей телеграмме Яковлев сообщал Свердлову: «*Только что привез часть багажа. Маршрут хочу изменить по следующим чрезвычайно важным обстоятельствам. Из Екатеринбурга в Тобольск до меня прибыли специальные люди для уничтожения багажа. Отряд особого назначения дал отпор — едва не дошло до кровопролития.*

---

[1] *Алексеев В.* Указ. соч. С. 57.
[2] Там же.

Когда я приехал — екатеринбуржцы дали мне намек, что багаж довозить до места не надо. У меня они также встретили отпор. Я принял ряд мер, и они там вырвать у меня его не решились. Они просили меня, чтобы я не сел рядом с багажом. Это было прямым предупреждением, что меня могут тоже уничтожить. Я, конечно, преследуя цель свою, чтобы доставить все в целости, сел рядом с багажом.

Зная, что все екатеринбургские отряды добиваются одной лишь цели — уничтожить багаж, я вызвал Гузакова с отрядом. Вся дорога от Тобольска до Тюмени охранялась моими отрядами. Не добившись своей цели в Тобольске, ни в дороге, ни в Тюмени, екатеринбургские отряды решили устроить мне засаду под Екатеринбургом. Они решили, если я им не выдам без боя багажа, то решили перебить нас.

Все это я, а также Гузаков и весь мой отряд знаем из показаний арестованного нами бойца одного из отряда екатеринбуржцев. А также по тем действиям и фактам, с которыми мне пришлось столкнуться. У Екатеринбурга, за исключением Голощекина, одно желание — покончить с багажом. Четвертая, пятая и шестая рота красноармейцев готовят нам засаду.

Если это расходится с центральным мнением, то безумие везти багаж в Екатеринбург. Гузаков, а также и я, предлагаем все это перевезти в Симский горный округ, где мы его сохраним как от правого крыла, так и от левого. Предлагаю свои услуги в качестве постоянного комиссара по охране багажа, вплоть до ликвидации. Заявляю от моего имени, а также от имени Гузакова, что за Екатеринбург мы не ручаемся ни в коем случае. Отправить туда под охрану тех отрядов, которые добивались одной цели и не могли добиться, ибо я принял достаточно суровые меры — это безумие. Я вас предупредил и теперь решайте: или я сейчас же везу багаж в Симский горный округ, где в горах есть хорошие места, точно нарочно для этого устроенные, или я отправляюсь в Екатеринбург. Теперь за вами слово. (Эту фразу Яковлев зачеркнул – *П. М.*) *И за последствия я не ручаюсь. Если багаж попадет в руки, то он будет уничтожен. Раз они шли на то, что если придется погубить меня и мой отряд, то, конечно, результат будет один. Итак, отвечай: ехать мне в Екатеринбург, или через Омск в Симский горный округ. Жду ответа. Стою на станции с багажом».*[1]

Эта телеграмма Яковлева лжива от начала до конца. Мы видели, что никаких серьезных инцидентов между «отрядом особого назначения» и прибывшими в Тобольск уральскими отрядами не было, если не считать попыток перевезти Царскую Семью в тюрьму. Но и эта попытка даже близко не приближалась к кровопролитию. Никаких серьезных попыток

---

[1] *Алексеев В.* Указ. соч. С. 58–59.

отбить «багаж» по дороге уральцами так предпринято и не было, и все эти попытки оказались не более чем возможными намерениями. Никаких серьезных мер против «мятежников» Яковлев не предпринимал. Ситуация с Неволиным вообще непонятна: то он арестованный, дающий показания, которого, впрочем, сразу же Яковлев отпустил, то он перебежчик, предупреждающий Яковлева, и главный его союзник в отряде Бусяцкого.

В этой телеграмме Свердлову есть одна очень странная фраза: «*Предлагаю свои услуги по охране багажа вплоть до ликвидации*». О какой ликвидации идет речь? Первой приходит мысль о физическом убийстве Царской Семьи. То есть получается, что Яковлев заранее знал о предстоящем ее убийстве, которое должно было произойти не раньше установленного срока. Но, может быть, слово «ликвидировать» в устах Яковлева имело какой-то иной смысл? Действительно, на профессиональном языке жандармов, который, безусловно, знали и революционеры, слово «ликвидировать» означало — арестовать. То есть, возможно, Яковлев предлагает свои услуги по охране Царской Семьи, вплоть до ее ареста большевиками. И все-таки это слово представляется очень странным.

По нашему мнению, посланная Яковлевым телеграмма написана на условном языке. Скорее всего, она или ей подобная была предусмотрена Свердловым и Яковлевым еще в Москве. Главный ее смысл — дать понять Свердлову, что все идет по плану и одновременно дать ему возможность продолжать игру. Эта телеграмма предназначалась не только Свердлову, но и тем, кто ждал появления Императора в Москве. Она открыла счет ряду обоюдных дезинформационных действий Яковлева и Свердлова, главным смыслом которых было создание впечатления захвата Царя уральцами, в связи с чем его продвижение на Москву невозможно. Казалось бы, что текст телеграммы не соответствует этим нашим предположениям: ведь Яковлев, наоборот, говорит о невозможности следовать в Екатеринбург из-за угрозы убийства в нем Государя. Но если представить, что телеграмма предназначалась не только Свердлову, но еще кому-то, кого надо было убедить в невозможности следования Императора в Москву, то текст Яковлева полностью соответствовал началу этой дезинформационной игры. В самом деле, получив яковлевскую телеграмму, Свердлов мог показать ее тем, кто ждал Царя в Москве, и сказать, что возникли трудности с проездом. Сейчас делается все, чтобы обезопасить Царя и доставить его в Москву другим путем, возможно, через Омск. Кстати, заметим, что Омск предложил Свердлову сам Яковлев. Впоследствии Яковлев всюду будет писать, что Омск был предложен Свердловым без объяснения причин. «*На телеграфе я пробыл около 5 часов, пока определенно не сговорился со*

Свердловым, который дал мне инструкцию немедленно ехать в сторону Омска».[1]

Зачем Яковлеву понадобилось скрывать то обстоятельство, что Омск был предложен им, а не Свердловым? Да потому, что в конце 20-х годов его действия по перевозу Государя в Екатеринбург были определены официальной советской «историографией» предательскими, и Яковлеву было необходимо подчеркнуть, что это Свердлов, а не он сам решил везти Царя в Омск. Кроме того, в случае оглашения яковлевской инициативы по Омску пришлось бы оглашать и сведения про Симский горный округ, где Яковлев намеревался укрывать Царя «вплоть до ликвидации», а это, в свою очередь, вызывало вопрос: а зачем это было нужно, если был дан приказ везти Царя в Екатеринбург? Для чего комиссар Свердлова собирался спасать Царя? Ясно, что вразумительных ответов Яковлев дать бы не смог, а потому предпочел отдать всю инициативу Свердлову.

Отправив телеграмму Свердлову, Яковлев, по его словам, в ожидании ответа, отправил другую телеграмму Голощекину, которую мы приводили выше. В ней Яковлев фактически повторил все то же самое, что и в телеграмме Свердлову, за исключением Омска и Симского горного округа. В телеграммах Свердлову и Голощекину нет времени их отправки и получения. Нет времени и в телеграфных переговорах Яковлева со Свердловым из Тюмени. А они имеют важное значение.

При отсутствии времени на телеграммах нам придется руководствоваться воспоминаниями Яковлева, хотя мы уже могли удостовериться, какой из него правдивый свидетель. Яковлев в своих воспоминаниях пишет, что телеграмму Голощекину он отправил после того, как связался со Свердловым.

Если это так, и телеграмма Голощекину была послана после телеграммы Свердлову, то совершенно непонятно, почему, не дождавшись ответа Свердлова, то есть высшей инстанции Советской власти, Яковлев посылает телеграмму нижестоящей с прямо-таки паническими нотками и с просьбами обеспечить сохранность «багажа» и его самого? При этом Яковлев даже не упоминает, что послал телеграмму Свердлову с полным отчетом о мятежных действиях екатеринбуржцев, а ведь упоминание этого по логике вещей было бы ему большой поддержкой. Вместо Свердлова Яковлев упоминает Совет Народных Комиссаров, который «*клялся меня сохранить*». Все это можно было объяснить конспирацией, если бы речь шла о ком-либо другом, кроме Голощекина. Но Голощекин, доверенное лицо Свердлова, хорошо знал все детали проводимой операции. Рассказывать ему про Совет Народных Комиссаров не имело никакого смысла. С учетом посланной телеграммы Свердлову тем более непонятными выгля-

[1] Последние дни Романовых. С. 69.

дят вопрос Яковлева Голощекину о гарантиях и последние слова: «*Я сижу на станции с главной частью багажа и, как только получу ответ, то выезжаю. Готовьте место*». Как мог Яковлев, не получив ответа от Свердлова, ставить свою дальнейшую поездку в зависимость от ответа Голощекина? И как мог Яковлев, не получив гарантий Голощекина, говорить — «*как только получу ответ, выезжаю. Готовьте место*»?

Создается такое впечатление, что и телеграмма Голощекину предназначалась не только для него самого. Вся первая часть телеграммы есть дезинформация для ничего не знающих членов Уральского Совета. Огульные обвинения их в мятеже, в попытках противопоставить их Голощекину («*мне кажется, вас обманывают*»), пренебрежительное именование их «*мальчишками с пакостными намерениями*» — все это должно было крайне возмутить уральцев. При этом Яковлев еще больше подливает масла в огонь и соединяет свое имя с Совнаркомом. Для уральцев, ставленников Свердлова, такое упоминание могло привести к еще большему озлоблению. Для чего это надо было Яковлеву? Все для той же цели: сделать все, чтобы Царская Семья оказалась в Екатеринбурге. Это кажется абсурдным, но при дальнейшем описании событий этот «абсурд» становится абсолютно логичной и рациональной схемой.

В телеграмме есть только одна фраза, предназначенная для Голощекина: «*Я сижу на станции с главной частью багажа и, как только получу ответ, то выезжаю. Готовьте место*». Эта фраза могла означать только одно: «багаж» доставлен в Тюмень; как только придет условленный или какой-либо ответ, я выезжаю; приготовьте место для заключенных.

В ходе труда над настоящей книгой автор обнаружил совпадение в выводах по поводу этой телеграммы Яковлева у Пьера Лоррена: «*Относится ли последняя фраза "подготовьте место" к дому Ипатьева? Если это так, то эта фраза ясно означает, что целью комиссара Яковлева, конечно, был Екатеринбург*».[1]

У нас не имеется сведений, сохранился ли ответ Голощекина и был ли он. Но Яковлев в своих «подготовительных материалах» пишет, что он вел переговоры с Голощекиным, в которых сообщил ему, «*что Заславский бежал подготовить против меня 5 и 6 роты для нападения на поезд*». В ответ на это, по словам Яковлева, Голощекин и Дидковский прислали ему телеграмму, в которой сообщали, что «*они* (т.е. роты – *П.М.*) *должны мне подчиняться*».[2]

Эта телеграмма нигде, кроме как у Яковлева, больше не приводится, но если она была, то тем более непонятно, зачем Яковлеву и Свердлову при-

---

[1] *Lorrain Pierre*. Op. cit. P. 281.
[2] *Авдонин А.Н.* В жерновах революции С. 163.

шлось срочно менять курс и ехать на Омск. Объяснение этому видится только в дальнейшем развитии событий.

Итак, через пять часов ожидания Яковлев дождался телеграфного разговора со Свердловым. Напомним, что в посланной телеграмме Яковлев ставил острые вопросы, на которые требовал незамедлительного ответа. Главное, что хотел узнать из телеграммы Яковлев, должен ли он следовать в Екатеринбург или в Омск. Однако в своих воспоминаниях Яковлев говорит, что он просил у Свердлова дальнейших указаний, и тот обещал немедленно вступить в переговоры с Уральским Советом. Но из телеграфного разговора Яковлева со Свердловым совершенно не видно, чтобы Свердлов вел с кем-либо какие-нибудь переговоры, тем более в течение пяти часов. Вот содержание этих переговоров:

«*У аппарата Свердлов. У аппарата ли Яковлев? Сообщи, не слишком ли нервничаешь, быть может, опасения преувеличены, и можно сохранить прежний маршрут, жду ответа. (интервал) Да, да читал. (интервал) Довольно понятно. (интервал маленький) Считаешь ли возможным ехать в Омск и там ждать дальнейших указаний? (интервал)* ***Поезжай в Омск*** (выделено Свердловым – *П. М.*). *Явись к председателю совдепа Косареву Владимиру, вези все конспиративно, дальнейшие указания дам в Омске. Двигай. Ушел. (интервал) Будет сделано. Все распоряжения будут даны. Ушел. До свидания*».[1]

Заметим, вместо четкого ответа о разговоре с Уралом Свердлов начинает задавать риторические вопросы, не слишком ли Яковлев нервничает и может ли он продолжать прежний маршрут. Это были вопросы, на которые Яковлев уже в своей телеграмме дал ответы. Дальше, почему Свердлов выделил: «езжай в Омск»? Не потому ли, что Омск был одним из возможных, заранее проговоренных с Яковлевым вариантов развития событий в нужном им ключе? Отсюда и указание: «езжай конспиративно. Двигай». И Яковлев начал «двигать».

С точки зрения здравого смысла действия Свердлова и Яковлева продолжают выглядеть абсурдно: они делали все, чтобы осложнить выполнение яковлевской миссии. В самом деле, зачем Яковлеву было ехать в Омск, когда в Тюмени он был окружен своим отрядом и отрядами полностью ему лояльного Немцова. Почему было бы не отсидеться в Тюмени, пока Свердлов не решил бы вопросы с Уралом? Зачем так была необходима дальнейшая конспирация, и даже не сама конспирация, а то, каким образом она была приведена в действие? Ведь то, что дальше предпринял Яковлев, не укладывается ни в какие рамки здравого смысла. Если бы Свердлов и Яковлев хотели действительно обеспечить доставку Государя в Екатеринбург, то Свердлову нужно было бы срочно из Москвы отпра-

---

[1] *Алексеев В.* Указ. соч. С. 59.

вить в Екатеринбург телеграмму, выдержанную в большевистских тонах, смысл содержания которой сводился бы к тому, что своими действиями уральцы срывают выполнение особо важного правительственного задания, которое выполняет комиссар Яковлев, что в случае продолжения подобных действий виновные будут самым суровым образом наказаны, что комиссар Яковлев по приказу председателя ВЦИК направился в Омск или находится в Тюмени до тех пор, пока Уралсовет не даст четких гарантий безопасности Яковлева и препровождаемых им лиц.

Можно не сомневаться, что, получив подобную телеграмму, Голощекин «разнес» бы Екатеринбург так же, как он грозился разнести Тобольск в случае неповиновения Яковлеву.

Но вместо этого Яковлев совершает внешне совершенно безумный шаг: «*Вернувшись на вокзал, я вызвал к себе начальника станции и спросил его, свободны ли пути Омск — Екатеринбург и готов ли наш поезд к отправке. Начальник ответил утвердительно. Предупредив начальника о необходимости соблюдения самой строгой конспирации, я сообщил ему, что мы меняем направление, но должны скрыть от всех, что поедем в сторону Омска. Для этого надо первоначально пустить наш поезд с соблюдением всех правил в сторону Екатеринбурга. На второй станции от Тюмени прицепить новый паровоз и затем без остановки с потушенными огнями быстро пропустить поезд через Тюмень в сторону Омска. Начальник станции выполнил распоряжение в точности. Велико было удивление всех наших пассажиров, когда на следующий день утром они узнали, что ехали в Екатеринбург, а оказались под Омском. Особенно растерянный вид имел Авдеев*».[1]

Между тем дежурный по Уральскому Совету ждал телеграфного подтверждения выхода поезда из Тюмени на Екатеринбург. Но сообщения об этом не поступало. По приказу Белобородова в Тюмень послали телеграфный запрос. Только в 10 часов утра уральцам стало известно, что поезд ушел в омском направлении. Легко себе представить, какое удивление и возмущение было у Уральского Совета, когда он узнал, что поезд с Царем ушел в Омск! Вначале Уралсовет попытался выяснить у Ленина и Свердлова, что происходит. 28 апреля в 18 часов 50 минут в Москву была послана следующая телеграмма: «*Секретно. Совнарком. тов. Ленину и Свердлову. Ваш комиссар Яковлев привез Романова в Тюмень, посадил его на поезд, направился в Екатеринбург. Отъехав один перегон, изменил направление. Поехал обратно. Теперь поезд с Николаем находится около Омска. С какой целью это сделано — нам неизвестно. Мы считаем такой поступок изменческим. Согласно Вашего письма от 9 апреля Николай должен быть в Екатеринбурге. Что это значит? Согласно принятому Облсо-*

---

[1] Последние дни Романовых. С. 69.

ветом и областным Комитетом партии решению, сейчас отдано распоряжение задержать Яковлева и поезд во что бы то ни стало, арестовать и доставить вместе с Николаем в Екатеринбург. Ждем у аппаратов ответа».[1]

Интересно, что эта телеграмма еще не ушла в Москву, а оттуда в Екатеринбург в 18-00 звонил Ленин и разговаривал с кем-то целых 50 минут. Белобородов в своих воспоминаниях говорил, что это разговор был с ним, Голощекиным, Сафаровым, Толмачевым и другими. Как раз в конце разговора была получена телеграмма от Уралсовета. В 21 час 30 минут в Екатеринбург звонят Свердлов и Ленин и разговаривают до 23 часов 50 минут.[2] Не явилась ли первая телеграмма Уралсовета результатом разговора с Лениным и не стал ли их дальнейший разговор с Екатеринбургом результатом каких-то недомолвок между ними и даже разногласий по вопросам миссии Яковлева?

Теперь зададимся вопросом: зачем все это нужно было Яковлеву? Зачем ему понадобилось, чтобы у всех создалась иллюзия, что он едет в Екатеринбург, а самому затем «*с потушенными огнями*» уйти на Омск? Почему он не мог уйти на Омск сразу, без каких-либо обманных действий? Ведь внешне это не могло не напоминать похищение Императора Николая II перед носом уральцев. Вывод один: Яковлев и добивался именно такого впечатления. Он стремился довести ситуацию вокруг своей миссии до пика накала, что и произошло.

28 апреля 1918 года председатель Уралоблсовета А.Г. Белобородов разослал по крупным населенным пунктам Сибири телеграмму, в которой предписывал немедленно арестовать Яковлева: «*28 апреля с разъезда железной дороги отправился экстренный поезд номер два под начальством комиссара Яковлева, конвоирующего бывшего царя Николая Романова. Комиссар Яковлев имел поручение Всероссийского Совнаркома доставить бывшего царя из Тобольска в Екатеринбург, сдать его в распоряжение областного Совета РКС депутатов Урала. Согласно письму Председателя ЦИК Свердлова 9 апреля без прямого приказа "центра" бывший царь не должен был никуда увозиться в другое место, мы таких указаний не получали.*

Увозя Николая Романова из Тобольска, комиссар Яковлев посадил его в Тюменский поезд, направив его в Екатеринбург, но на ближайшем разъезде изменил направление, направил поезд в противоположном направлении — на восток к Омску. Областной Совет рабочих, крестьян, солдат Урала, обсудив поведение Яковлева, единогласным решением видит в нем прямую измену революции, стремление с неизвестной целью вывезти царя из

---

[1] *Буранов Ю.А., Хрусталев В.М.* Указ. соч. С. 169–170.
[2] Там же. С. 170.

пределов революционного Урала вопреки точному письменному указанию Председателя ЦИК, это является актом, ставящим комиссара Яковлева вне рядов революционеров. Областной Совет Урала предлагает всем советским революционным организациям, в особенности Омскому совдепу, принять самые решительные экстренные меры включительно до применения вооруженной силы для остановки поезда бывшего царя. Комиссар Яковлев должен быть арестован вместе с лицами его отряда, которые будут сопротивляться. <...> Арестованные вместе с Николаем Романовым должны быть доставлены в Екатеринбург и сданы облсовету».[1]

Телеграмму с аналогичным текстом Белобородов в тот же день отправил Свердлову. Яковлев называет действия Белобородова «головотяпством уральских мудрецов», но объективный исследователь не может не признать, что в тех условиях поведение Белобородова с точки зрения уральцев было абсолютно оправданным. Большевики расстреливали людей сплошь и рядом за самые невинные провинности, а здесь в неизвестном направлении ушел поезд со свергнутым Императором! И при этом никаких предупреждений, известий из Москвы не поступало. Что же должен был делать Белобородов?

Из телеграммы Белобородова следует, что Свердлов не сказал заранее ни слова о действиях Яковлева, никак не попытался предупредить реакцию Уральского Совета. Но как только он получил телеграммы Белобородова, он посылает в Екатеринбург телеграмму следующего содержания: «*Москва, 29 апреля. Все, что делается Яковлевым, является прямым выполнением данного мною приказа. Сообщу подробности специальным курьером. Никаких распоряжений относительно Яковлева не делайте, он действует согласно полученным от меня сегодня в 4 часа утра указаниям. Ничего абсолютно не предпринимайте без нашего согласия. Яковлеву полное доверие. Еще раз — никакого вмешательства. Свердлов*».[2]

Появляется закономерный вопрос: почему Свердлов не послал эту телеграмму раньше, не предупредил события, почему он столько ждал после разговора с Яковлевым, чтобы послать в Екатеринбург телеграмму? Яковлев в своих «подготовительных материалах», в которых он предполагал создать свою фальсифицированную версию перевозки Государя в Екатеринбург, сообщает, что Свердлов послал Белобородову телеграмму с предупреждением о действиях Яковлева и в качестве таковой называет вы-

---

[1] *Алексеев В.* Указ. соч. С. 62.

[2] *Алексеев В.* Указ. соч. С. 63.

ше нами приведенную телеграмму.[1] Однако в этом есть большие сомнения.

В приведенной телеграмме отмечено, что она выслана 29 апреля, а Свердлов указывает, что свой приказ Яковлеву он отдал в 4 часа утра того же 29 апреля. С учетом того, что екатеринбургское время отличается от московского на два часа вперед, выясняется, что в Екатеринбурге было 6 часов утра 29-го апреля. Но переговоры Свердлова и Яковлева на вокзале состоялись вечером 27 апреля, по приезде Яковлева в Тюмень, а телеграмма Белобородова, об измене Яковлева, помечена 28 апреля, что вполне логично. Как же Свердлов мог сообщать о приказе Яковлеву следовать в Омск 29 апреля? Отсюда можно сделать вывод: либо в своей телеграмме уральцам от 29 апреля Свердлов говорит о другом приказе Яковлеву, который он ему дал, когда тот находился в Омске, либо Свердлов сознательно задержал телеграмму Уральскому Совету на сутки. В любом случае, Свердлов делал перед уральцами вид, что произошло что-то непредвиденное, о чем он сообщит отдельным курьером. Ниже мы увидим, что это будет за сообщение. Хотя здесь возможно и другое. Все, что нужно, могло быть сказано Свердловым по телефону, а телеграммы были им посланы для оформления этих телефонных переговоров.

Между тем, Яковлев прибыл в Омск. В своих воспоминаниях он пишет, что, несмотря на то, что они с Гузаковым ничего не знали о телеграмме Белобородова, они тем не менее приняли меры предосторожности и сообщили в Омск, что подъезжают к городу. А в «подготовительных материалах» Яковлев вообще уверяет, что Свердлов предупредил Косарева. В любом случае получается, что Косарев знал о прибытии Яковлева. Яковлев же описывает встречу с Косаревым как совершенно для последнего неожиданную. Живописав, как весь город встречал его пулеметами и вооруженными патрулями, Яковлев пишет: «*"Против кого это", — подумал я, но загадка скоро разрешилась. Как только вагон остановился, мы вышли на перрон. Нас окружила густая масса, и первое время мы удивленно смотрели друг на друга.*

— Я чрезвычайный комиссар ВЦИКа Яковлев. Мне нужно видеться с председателем Омского Совета товарищем Косаревым, — обратился я к окружающим.

— Здесь он, здесь, — послышалось несколько голосов. Кто-то направился в мою сторону. Толпа расступилась.

*— Антон (*одна из кличек Яковлева – *П.М.*), *ты ли это?! — воскликнул от удивления подошедший Косарев.*

---

[1] *Авдонин А.Н.* В жерновах революции. С. 163.

— Здорово, Владимир! Так это ты председатель Омского Совета, — узнал я, наконец, своего старого товарища, с которым мы были вместе в партийной школе у Максима Горького на Капри.

— Скажи, дружище, чего это вы так ощетинились и даже пушки выкатили на платформу, — обратился я к нему за разъяснением.

— А это против тебя, контрреволюционер, — захохотал Косарев. И тут я впервые узнал от него, что Уральский Совет объявил меня за увоз Романовых изменником революции. Я был ошеломлен».[1]

Этот отрывок Яковлева настолько фальшив, что это видно невооруженным глазом. Во-первых, невозможно, чтобы Яковлев, будучи одним из видных деятелей большевистского правительства, не знал, что Косарев является председателем Омского Совета.

Во-вторых, странно и поведение Косарева. Он тоже не знает, что чрезвычайный комиссар — это именно его старый партийный товарищ Яковлев, хотя его об этом лично предупреждал Свердлов в письме, которое должен был отправить Яковлев особым курьером, когда он только начинал свою поездку в Тобольск (кстати, сведения об этом приведены в тех же воспоминаниях Яковлева).

Но, кроме этого, Косарев, если бы он руководствовался только телеграммой Белобородова, был бы обязан арестовать Яковлева, а не «хохотать» вместе с ним, потому что дружба дружбой, а обвинение в контрреволюционном заговоре — вещь серьезная. А «хохотать» он мог только в том случае, если бы получил предварительно телеграмму Свердлова, разъясняющую ему, в чем дело. И такая телеграмма была им от Свердлова получена: «*Владимиру Косареву, председателю Омского Совета. Яковлев, о чьих полномочиях я вам уже сообщал, должен прибыть в Омск вместе с багажом: окажите ему полное доверие. Следуйте только нашим приказам и ничьим иным. Яковлев выполняет наши прямые приказы. Пошлите приказ по линии Омск–Тюмень: помогать Яковлеву всеми средствами*».[2]

Комментарии, как говорится, излишни.

Пока Яковлев находился в Омске, Свердлов продолжал свой спектакль с уральцами. 29 апреля 1918 года Уральский Областной Совет посылает телеграмму Свердлову следующего содержания: «*Москва, ВЦИК, Свердлову. Областной Совет, обсудив Ваш ответ, констатирует, что Президиум ЦИК предпринял ответственное решение, не уведомив предварительно Областной Совет, совершил тем самым акт, явно дискредитирующий Облсовет. Изменяя свое решение, ЦИК преднамеренно или нет, но все-таки третирует Облсовет, ставя нас в невозможное ложное положение. Аннулировать отданные Омску и по всей Сибирской магист-*

---

[1] Последние дни Романовых. С. 70.

[2] *Lorrain Pierre*. Op. cit. P. 289.

рали распоряжения задержать Яковлева мы не можем. Единственным выходом создавшегося положения считаем отдачу Вами распоряжения возвращения поезда в Екатеринбург. Ваш ответ и вся история обсуждаются проходящей Областной партийной конференцией».[1]

Это телеграмма чрезвычайно важна. Она является коренным переломом в миссии комиссара Яковлева. Что же мы узнаем из этой телеграммы? Что 28–29 апреля между Уралсоветом и Свердловым состоялся обмен телеграммами. В своей телеграмме Свердлов сообщил Уралсовету о каком-то важном решении ВЦИК. Что же это могло быть за решение? Ответ на этот вопрос может быть один: в телеграмме Свердлова говорилось, что ВЦИК изменил свое решение и постановил везти Императора Николая II вместо Екатеринбурга в Москву. Естественно, Свердлов не стал вдаваться в подробности, что такое решение существовало с 1 апреля и действовало параллельно с принятым позже решением о Екатеринбурге. Кстати, вышеизложенное подтверждают и слова Я.Х. Юровского, сказанные им 1 февраля 1934 года на встрече со старыми большевиками: *«Яковлев, пользуясь доверием Центра, так информировал Центр, что в результате Центром, был санкционирован привоз Николая* ***в Москву****».*[2] (Выделено нами – *П.М.*)

То же самое подтверждает проводник поезда, на котором везли Узников. Он свидетельствовал, что из Екатеринбурга *«Яковлевым была получена телеграмма о нежелании пропустить Государя в* ***Москву*** *и с требованием сдать Государя Екатеринбургскому Совету»*[3]. (Выделено нами – *П.М.*)

Безусловно, Уралсовет выразил всеобщее возмущение таким неуважением к себе, а узкий посвященный круг лиц, может быть, даже один Голощекин, отправил Свердлову ту телеграмму, которую он ждал, а именно, что Уралсовет не может отменить своего решения по Яковлеву и единственный выход видит в возвращении поезда в Екатеринбург. То, чего так хотел и добивался Янкель Свердлов, свершилось. Теперь он мог со спокойной душой направлять поезд с Государем в Екатеринбург, мотивируя это решением Уралсовета, против которого он бессилен. Конечно, все это было писано вилами по воде, — и то, что Свердлов ничего не мог сделать с уральцами, и то, что сами уральцы были не в состоянии отменить свое решение по Яковлеву. В тот же день 29 апреля в 12 часов 35 минут Белобородов послал Косареву телеграмму, снимающую с Яковлева все обвинения.

---

[1] *Авдонин А.Н.* В жерновах революции. С. 139.
[2] Россійскій Архивъ. С. 422.
[3] Расследование цареубийства. Секретные документы. М., 1993. С. 22.

Получив долгожданную телеграмму из Екатеринбурга, Свердлов немедленно направился к телеграфному аппарату и передал уральцам следующий вопрос: «*Будете ли удовлетворены следующим приказом Яковлеву:* ***Немедленно двигаться в Тюмень. С уральцами сговорились — приняли меры, дали гарантии. Передай весь груз в Тюмени представителю Облисполкома Уральского. Так необходимо. Поезжай вместе, оказывай полное содействие представителю. Задача прежняя.*** *Я полагаю, при таких условиях Вы можете взять на себя всю ответственность. Что скажете?*» (выделено Свердловым – *П.М.*)[1]

Белобородов, Сафаров, Дидковский, Хотимский и Преображенский ответили согласием.

После этого Свердлов посылает Яковлеву телеграмму в Омск, где повторяет слово в слово изложенный выше текст, но добавляет одну важную приписку: «*Ты выполнил самое главное*».

В ответной телеграмме Яковлев еще выдерживает условия игры, еще раз упоминает про Симский горный район и Москву: «*Несомненно, я подчиняюсь всем приказаниям центра. Я отвезу багаж туда, куда скажете. Но считаю своим долгом еще раз предупредить Совет Нар. Комиссаров, что опасность вполне основательная (...) Если вы отправите багаж в Симский округ, то вы всегда и свободно можете увезти в Москву или куда хотите. Если же багаж будет отвезен по первому маршруту, то сомневаюсь, удастся ли вам его оттуда вытащить. В этом ни я, ни Гузаков, ни екатеринбуржец Авдеев — никто из нас не сомневается; так же как не сомневаемся в том, что багаж всегда в полной опасности. Итак, предупредивши вас о последствии, снимаем с себя всякую моральную ответственность. Едем по первому маршруту. Сейчас же выезжаем*».[2]

В этой телеграмме примечательно то, что Яковлев упоминает в качестве своего союзника Авдеева, того самого, который был ему поставлен уральцами в качестве соглядатая и который в яковлевских воспоминаниях предстает как один из его врагов. Скорее всего Яковлеву удалось склонить трусоватого Авдеева на свою сторону, и для него была предназначена роль Неволина. Смысл телеграммы Яковлева, в общем, ясен и вписывается в общую картину дезинформации, которой обменивались Свердлов с Яковлевым. Смысл этот заключается в том, что Яковлев, делая акцент на том, что в Екатеринбурге «багаж будет в постоянной опасности», как бы заранее готовит объяснение будущему злодеянию. Особенно показательна фраза: «*Предупредив вас о последствии, снимаем с себя всякую моральную*

---

[1] *Алексеев В.* Указ. соч. С. 67.
[2] *Буранов Ю.А., Хрусталев В.М.* Указ. соч. С. 173.

ответственность». Слова о «моральной ответственности» из уст хладнокровного террориста Яковлева звучат особенно дико.

То, что эта телеграмма была частью большой дезинформации, косвенно свидетельствует то обстоятельство, что ей, как и прошлым телеграммам, предшествовал долгий разговор Яковлева по телефону со Свердловым из Омска. Мы это знаем из расшифровки лент разговора В.М. Косарева с Г.И. Сафаровым, состоявшегося 29 апреля 1918 года в 00 час. 20 минут. Суть разговора была следующей:

«*Косарев: — Я Косарев.*

Сафаров: — Говорит Сафаров. Где поезд № 2?

Косарев: — Яковлев со своим добром прибыл в Омск. Сейчас разговаривает с Москвой.

Сафаров: — Мы тоже говорили уже с Москвой. Вопрос выяснен. Яковлев должен ехать обратно сюда со всем своим добром. Таков приказ председателя ВЦИК и председателя Совнаркома.

Косарев: — Яковлев оказался моим старым знакомым. Мы с ним быстро сговорились и пошли говорить с Москвой. Столкновений не было. От имени Западно-Сибирского комитета Советов прошу вас — уральских работников не делать сепаратных выступлений и в данном случае точно выполнять наказ Москвы.

Сафаров: — Мы с Москвой уже сговорились. Не мы, а Яковлев обязан немедленно по приказу Москвы повернуть поезд обратно».[1]

Спрашивается, зачем Яковлеву понадобилась телеграмма Свердлову с разъяснениями по поводу опасности для Узников в Екатеринбурге, если он мог все свои соображения высказать Свердлову в телефонном разговоре из Омска?

Как бы там ни было, получив новый приказ Свердлова, Яковлев попрощался с Косаревым и немедленно вернулся в поезд. Ночью 29 апреля поезд с Царской Четой и сопровождающими ее лицами двинулся на Тюмень. В Тюмени его встретил посланный из Екатеринбурга отряд Бусяцкого, а представителем Уральского Совета по сопровождению состава до Екатеринбурга был назначен Заславский. То есть в Тюмени Яковлева встречали именно те люди, которые, по его словам, должны были «уничтожить багаж» на подходе к городу! Но Яковлева это уже не беспокоило. Спектакль был закончен, и поезд неумолимо двигался на Екатеринбург.

Царь с Царицей и их спутники, конечно, не знали о тех маневрах, что предпринимал комиссар Яковлев. Усталые от тяжелой дороги из Тобольска в Тюмень, они легли спать, не раздеваясь, и проснулись поздним ут-

---

[1] *Алексеев В.* Указ. соч. С. 64–65.

ром.[1] К своему удивлению они поняли, что состав двигается не в Екатеринбург, а в Омск. Государь понял это по названиям станций. Узники терялись в догадках о причине этого изменения маршрута. «*Начали догадываться,* — писал Государь в дневнике, — *куда нас повезут после Омска? На Москву или на Владивосток? Комиссары, конечно, ничего не говорили*».[2]

Утром 29 апреля стало понятно, что поезд идет вновь в обратном направлении. На этот раз Яковлеву пришлось как-то объяснять Государю, что происходит. Как всегда, он солгал ему, заявив, что Омск отказался пропускать поезд, а затем, видимо решив, что это выглядит недостаточно убедительно, сказал Императрице, что Омский совдеп отказался пропускать поезд из-за опасения, что кто-то хочет похитить Царскую Чету и увезти ее в Японию.

По пути следования у одного из вагонов загорелась ось. Поезд пришлось остановить, и, пока заменяли колеса, Император, Императрица и все пассажиры гуляли довольно далеко в поле в сопровождении комиссара Яковлева.

Наутро следующего дня, то есть 30 апреля 1918 года в 8 часов 40 минут утра поезд прибыл в Екатеринбург, где прошли последние этапы задания комиссара Яковлева. Яковлев вспоминал: «*30 апреля, утром, безо всяких приключений мы прибыли в Екатеринбург. Несмотря на раннее наше прибытие, екатеринбургские платформы были запружены народом. Как это вышло, что население узнало о нашем предстоящем приезде, мы не знали. Особенно большие толпы любопытных были сосредоточены на товарных платформах, куда продвинули и наш состав.*

Поезд стоял на пятой линии от платформы. Когда нас увидели, стали требовать вывести Николая и показать им. В воздухе стоял шум, то и дело раздавались угрожающие крики: "Задушить их надо! Наконец-то они в наших руках!" Стоявшая на платформе охрана весьма слабо сдерживала натиск народа, и беспорядочные толпы начали двигаться на мой состав. Я быстро выставил свой отряд вокруг поезда и для острастки приготовил пулеметы. К великому моему удивлению, я увидел, что во главе толпы каким-то образом очутился сам вокзальный комиссар. Он еще издали громко закричал мне:

— Яковлев! Выведи Романова из вагона. Дай я ему в рожу плюну!

---

[1] Хотя это не однозначно. Если в дневнике Государя за 15/28 апреля записано: «..все выспались основательно», то у Государыни за то же число имеется запись совершенно противоположного содержания: «Выехали из Тюмени. Почти не спали». Предположения по поводу этих разночтений читайте в конце книги в приложении, посвященном оценке некоторых источников.

[2] Дневники Императора Николая II. С. 675.

Положение становилось чрезвычайно опасным. Толпа напирала и все ближе подходила к поезду. Необходимо было принять решительные меры. Я отправил к начальнику станции Касьяна с требованием немедленно поставить между платформой и составом какой-нибудь товарняк, а наш поезд отправить на станцию Екатеринбург-2.

Крики становились все более грозными. Чтобы на время, пока придет Касьян, образумить толпу, я как можно громче крикнул своему отряду:

— Не боимся мы твоих пулеметов! У нас против тебя пушки приготовлены! Вот, видишь, стоят на платформе!

Я посмотрел в указанную им сторону. Действительно, там шевелились жерла трехдюймовок и кто-то около них копошился. Пока я таким образом обменивался любезностями, стараясь так или иначе выиграть время, вернулся Касьян, который, несмотря на всю происходящую суматоху, добился от начальника станции исполнения нашего требования. Тут же вскоре за приходом Касьяна мы увидели: в нашу сторону движется поезд. Через несколько минут мы были уже отделены от бушующей толпы стеной вагонов. Послышались крики и ругань по адресу машиниста товарного поезда, и, пока толпа перебиралась в нашу сторону через буфер товарняка, мы, имея уже прицепленный паровоз, снялись с места и исчезли в бесчисленных путях Екатеринбургской станции, а через 15 минут были в полной безопасности на Екатеринбурге-2».[1]

В том, что екатеринбуржцы знали о прибытии в их город Государя, нет ничего удивительного. Еще за неделю до его прибытия слушателей Академии Генштаба, которая находилась тогда в Екатеринбурге, предупреждали о скором прибытии специального поезда с Царской Четой.[2] Это обстоятельство, кстати, лишний раз опровергает предположение И.Ф. Плотникова, что в Екатеринбурге не делали никаких приготовлений для приема Царской Семьи, так как надеялись, что она погибнет по дороге. В качестве доказательства последнего Плотников также приводит то обстоятельство, что до самого последнего момента уральские власти не могли определится с местом будущего пребывания Императора, так как они опять-таки ожидали, что он будет убит во время переезда из Тобольска. Но это утверждение снова не может быть названо серьезным. Владелец дома Н.Н. Ипатьев получил от комиссара А.Н. Жилинского приказ очистить дом 27 апреля, когда гужевой поезд вез Царскую Чету из Иевлево в Тюмень, то есть в самый пик предполагаемого убийства. Если бы уральские власти действительно планировали убийство Царя по дороге, то они бы не стали очищать Ипатьевский дом до получения сведений о смерти Царя. К тому же Жи-

---

[1] Последние дни Романовых. С. 71–72.

[2] *Зайцев Г.* Романовы в Екатеринбурге. Екатеринбург: Сократ, 1998. С. 12.

линский не мог решить вопрос о размещении Царя в Ипатьевском доме спонтанно, в один день — 27 апреля. Наверняка для этого понадобился не один день. Поэтому, скорее всего, выбор помещения для проживания Царской Семьи начался не позже 25 апреля, то есть в тот день, когда Яковлев только объявил Государю о предстоящем отъезде.

Но, скорее всего, вышеописанная Яковлевым сцена сильно им искажена и преувеличена. Авдеев, например, в своих воспоминаниях пишет: «*Поезд наш был остановлен на товарной станции Екатеринбург-3-й,*[1] *не доезжая 2 верст до главного вокзала. Нас уже ожидали там т.т. Белобородов, Голощекин и Дидковский — руководители Уральского Совета. Вся территория станции была оцеплена кордоном красногвардейцев.*

Тов. Белобородов объявил нам, что отсюда высадятся и поедут на автомобиле Николай, его жена и дочь, а остальные спутники и охрана, а также багаж проследуют до главного вокзала, где сойдут и выгрузят багаж. Это было сделано, чтобы отвлечь внимание публики, ожидавшей на главном вокзале».[2]

Слова Авдеева намного больше похожи на истину, чем слова Яковлева. Зачем уральским властям было допускать подобные сцены, с толпой и пушками, когда Государь был уже в их руках? Почему никто из представителей Уральского Совета не прибыл встречать Яковлева? И уж особенно странно, что Яковлеву после омского «побега» дали возможность опять куда-то увозить по своему усмотрению состав. Разъяренная толпа опять-таки очень неправдоподобна. Эту толпу надо было специально организовать и привести на вокзал, на что вряд ли имели время и желание уральские власти.

Между тем действия уральцев в изложении Авдеева намного более логичны: оцепленный красноармейцами поезд, представители Уральского Совета, четкое распределение автотранспорта. Все это намного больше напоминает подлинные обстоятельства приезда. В пользу авдеевских воспоминаний говорят и его слова о причине остановки не на центральном вокзале: там была «*публика*», то есть люди, пришедшие посмотреть на Государя. Именно желанием не допустить встречи Царя с екатеринбуржцами, пусть даже мимолетной, была вызвана отправка поезда на другой, не центральный вокзал, а вовсе не «грозной толпой».[3]

---

[1] Г.Б. Зайцев уверен, что Авдеев прав, называя станцию, на которой высадили Царскую Чету, Екатеринбург–III, а не Екатеринбург–II как это делал Яковлев и другие.

[2] Красная новь. № 5. 1928.

[3] Это утаивание Царя от своего народа весьма характерно для революционных властей, будь то «февралисты» или большевики. Даже арестованный, Он был для них опасен. Ведь в любой момент народ мог вспомнить, что это их Царь, подлин-

Это же подтверждает и П.М. Быков: «*Уралсовет перевод Романовых в Екатеринбург держал в тайне. Однако сведения о приезде Романовых распространились по городу, и на ст. Екатеринбург-1, где остановился поезд, и к дому, куда должны были поместить бывшего царя, начали стекаться* ***любопытные.*** *Тогда поезд передвинули вновь на ст. Екатеринбург-2*». (выделено нами – *П. М.*)[1]

«Любопытные» — это не «разъяренная толпа» во главе с комиссаром.

Но какие-то отголоски истинных событий у Яковлева есть, так как в дневниках Государя и Государыни имеются сведения о долгом стоянии на станции Екатеринбурга и о каких-то пререканиях между Яковлевым и местными комиссарами. Вот что говорится в дневнике Государя: «*В 8.40 прибыли в Екатеринбург. Часа три стояли у одной станции. Происходило сильное брожение между здешними и нашими комиссарами. В конце концов одолели первые, и поезд перешел к другой — товарной станции. После полуторачасового стояния вышли из поезда. Яковлев передал нас здешнему областному комиссару, с которым мы втроем сели в мотор*».[2]

Эти записи совпадают с записями Императрицы: «*В 8 часов 40 минут. Екатеринбург. Стояли целую вечность и вместе с поездом двигались то назад, то вперед, пока наши 2 комиссара, Яковлев и Гузаков, вели с Совдепом переговоры о здешних обстоятельствах*».[3]

Быков объясняет, в чем была сущность этих «трений»: «*Приехавшие за Романовыми уполномоченные Уралсовета Белобородов, Дидковский и Авдеев встретили вновь недоверие со стороны Яковлева, не желавшего выдать заключенных без охраны и не допустившего уполномоченных в вагон к Романовым, мотивируя тем, что они "готовятся к выходу и не стоит их беспокоить"*».[4]

Конечно, Быков здесь тоже лжет. Скорее всего, поведение Яковлева было вызвано не заботой о Царской Чете, а стремлением сохранить за собой и в Екатеринбурге руководящее положение в осуществлении надзора за ней. Может быть, именно этим были вызваны его слова в телеграмме Голощекину: «Совет Народных Комиссаров обещал меня сохранить», т.е. в смысле оставить его на посту чрезвычайного комиссара в Екатеринбурге.

Правда, Матвеев объясняет «трения» по-другому: «*Через короткий промежуток времени является железнодорожная комиссия по проверке*

ный Хозяин Земли Русской, по сравнению с которым особенно жалко выглядели революционные узурпаторы.

[1] Рабочая революция на Урале: Эпизоды и факты. Екатеринбург, 1921.

[2] Дневники Императора Николая II. С. 675.

[3] Последние дневники Императрицы Александры Федоровны. С. 199.

[4] Рабочая революция на Урале: Эпизоды и факты.

прибывших в Екатеринбург поездов с требованием допустить осмотреть весь состав нашего поезда. На это тов. Яковлев категорически заявил, что он не только никого не допустит в поезд, но и отказывается давать какие бы то ни было справки. Комиссия настаивала, но ничего не добилась, в поезд ее не пустили».[1]

Для Государя остановка в Екатеринбурге оказалась полной неожиданностью. До самого последнего момента он был убежден, что его везут в Москву. Граф Б.М. Капнист рассказывал следователю Н.А. Соколову, что со слов проводника вагона, в котором следовал Государь, «*Яковлев был почтителен к государю, часто входил к нему в купе и вел с ним долгие разговоры. Чех определенно говорил, что Государя везли в Москву, чтобы отправить его заграницу».*[2]

Но когда Государю стало известно, что конечная остановка будет в Екатеринбурге, он понял, что это — ловушка. Видимо, тогда он начал понимать всю подоплеку поступков Яковлева. Екатеринбург представлялся Государю небезопасным местом. Матвеев вспоминал: «*Очевидно, что Романов догадывался, что везут его уже не в Москву. Поезд замедлил ход. Романов вдруг меня спрашивает: "Петр Матвеевич, этот вопрос определенно решен, что я останусь в Екатеринбурге?" Получив от меня утвердительный ответ, он сказал: "Я бы поехал куда угодно, только не на Урал". Я ему тогда задал вопрос: "А что же, Николай Александрович, не все ли равно, ведь в России везде Советская власть?" На это он мне сказал, что все-таки остаться на Урале ему очень не хочется и, судя по газетам, издающимися на Урале, как, например, по "Уральской рабочей газете", Урал настроен резко против него».*[3]

Около 15-ти часов в вагон вошел Белобородов и передал Яковлеву расписку: «*Расписка. 1918 г. апреля 30 дня, я нижеподписавшийся Председатель Уральского Областного Совета Раб. Кр. и Солд. Депутатов Александр Григорьевич Белобородов получил от комиссара Всероссийского Центрального комитета Василия Васильевича Яковлева доставленных им из Тобольска: 1) бывшего царя Николая Александровича Романова, 2) бывшую царицу Александру Федоровну Романову и 3) бывшую великую княгиню Марию Николаевну Романову для содержания под стражей в г. Екатеринбурге. А. Белобородов, член Обл. Исполн. Комитета Б. Дидковский».*[4]

Сам Белобородов писал по поводу этой расписки: «*Помню, что когда я перечислял переданных лиц, то сделал ошибку: вместо "великая княжна",*

---

[1] Последние дни Романовых. С. 248.
[2] *Соколов Н.А.* Убийство Царской Семьи. С. 70.
[3] Последние дни Романовых. С. 247.
[4] Там же.

написал "великая княгиня", хотел исправить, но Дидковский остановил, сказав, "пусть так и останется"».[1]

Затем Яковлев сказал Государю и Государыне, что надо покинуть вагон. Государь вышел из вагона, подал руку Государыне, потом Великой Княжне Марии Николаевне. Было серое весеннее уральское утро. Шел мелкий дождик. На станции, кроме Белобородова, прибывших ожидали Дидковский и Голощекин. Присутствовал также Авдеев. Яковлев подошел к Белобородову и назвал по именам Государя, Государыню и Великую Княжну Марию Николаевну, которых посадили в первый автомобиль. Вместе с ними на первое сиденье сел Дидковский. Во второй автомобиль сели Белобородов, Голощекин и Авдеев. Белобородов утверждает, что он вместе с Голощекиным, Дидковским и Авдеевым представляли собой весь конвой, сопровождающий Узников до дома Ипатьева. «*Чтобы отбить их,* — писал Белобородов, имея в виду Узников, — *достаточно было устроить нападение 4–5 человек, вооружены мы были: Дидковский — наганом, Авдеев — маузером, я — браунингом. Голощекин приготовил для конвоирования грузовик с солдатами (красногвардейцами), но он почему-то остался на станции около поезда*».[2]

Однако это утверждение опровергается записями в дневнике Императрицы Александры Федоровны: «*Их начальник посадил нас 3-х в открытый автомобиль, нас сопровождал грузовик с вооруженными до зубов солдатами*».[3]

Эта ложь Белобородова довольно примечательна. Именно безалаберностью, какими-то странными случайностями типа «забытого» на вокзале грузовика с красногвардейцами будут объясняться и порой объясняются до сих пор многие моменты Екатеринбургского злодеяния.

Автомобили поехали по тихим нелюдным улицам и по Вознесенскому проспекту подъехали к Ипатьевскому дому. Дом уже был обнесен высоким забором. Голощекин вышел из автомобиля, затем из первого автомобиля вышли Царь, Царица и Великая Княжна. Голощекин заявил Государю: «Гражданин Романов, Вы можете войти». Император Николай II зашел в дом, за ним таким же порядком были пропущены Императрица Александра Федоровна, Великая Княжна Мария Николаевна, доктор Е.С. Боткин, комнатная девушка А.С. Демидова и камердинер Императора Т.И. Чемодуров. Князь В.А. Долгоруков в Ипатьевский дом допущен не был, а немедленно заключен в Екатеринбургскую тюрьму.

[1] ГАРФ, ф. 601. Оп. 2, д. 56.
[2] Там же.
[3] Последние дневники Императрицы Александры Федоровны. С. 199.

Вокруг дома все больше собиралась толпа. Голощекин раздраженно крикнул: «Чрезвычайка, чего вы смотрите?» Народ был разогнан.

На этом была закончена миссия комиссара Яковлева. С его помощью русский Царь был обманом доставлен в Дом Особого Назначения, где через два с половиной месяца он и его Семья будут злодейски убиты. История не донесла до нас, как попрощались Император Николай II и комиссар Яковлев, что они говорили друг другу. Наверняка вежливый Яковлев пожелал Государю всего самого хорошего и выразил убежденность в его «*полной безопасности*», наверняка говорил, что возмущен своеволием уральцев, что «*он так этого не оставит, что немедленно едет в Москву и обязательно вернется в Екатеринбург*». Но все эти слова уже не имели никакого значения. «*Ты сделал самое главное*», — радостно сообщал ему его начальник Свердлов. По приезде в Москву Яковлев был вновь удостоен самой высокой оценки Свердлова: «*Наша встреча со Свердловым носила очень дружественный характер. Я сделал подробный доклад о перевозке, представил расписку Уральского Совета и вернул обратно свой мандат*».[1]

Свердлов имел все основания для торжества. Его зловещая операция удалась полностью: Царь был на Урале, а не в Москве, и при этом ему, Свердлову, никто не мог предъявить никаких претензий — вся ответственность лежала на «самостоятельном» Урале! Теперь ею, этой «самостоятельностью», можно будет объяснить и предстоящее убийство Царской Семьи. Как верно писал следователь Н.А. Соколов: «*Нельзя думать, что Екатеринбург самовольно не подчинился Москве и сам задержал Государя. Подписывая одной рукой полномочия Яковлева, Свердлов другой рукой подписывал иное. Задержала Царя в Екатеринбурге, конечно, Москва. Свердлов обманывал немцев, ссылаясь на мнимый предлог неповиновения Екатеринбурга*».[2]

То же самое писал и другой русский патриот, офицер П. Булыгин: «*Большевики перехитрили немцев, и Свердлов, одной рукой исполняя требование графа Мирбаха о вывозе из Тобольска Государя, другой делал свое заранее решенное дело — отправляя Войкова и Сафарова для подготовки Екатеринбурга к задержанию вывозимого немцами Государя*».[3]

По-видимому, для немцев остановка Царя в Екатеринбурге была полной неожиданностью. Д. Б. Нейдгарт из разговора с графом Мирбахом в конце мая 1918 года сделал четкий вывод, что для Мирбаха

---

[1] Последние дни Романовых. С. 74.
[2] *Соколов Н.А.* Убийство Царской Семьи. С. 141.
[3] *Bulygin P. Kerensky A.* The murder of the Romanovs. London, 1935. P. 45.

«остановка Царской Семьи в Екатеринбурге имела место помимо его воли».[1]

Впрочем, немцы не очень беспокоились по поводу вынужденной остановки Царя. У Свердлова были веские аргументы, чтобы убедить германцев, что Екатеринбург в качестве места пребывания Царской Семьи более выгоден для них, чем какой-либо другой город. На начало 1918 года в городе находилось 22 тысячи бывших германо-австро-венгерских военнопленных, 4 тысячи из которых по приказу германского командования были включены в состав Красной Армии, причем немецкими солдатами командовали немецкие офицеры.[2] Опираясь на такую мощную по тем временам силу, немцы могли быть совершенно спокойны за сохранение своего полного контроля над Императором Николаем II и Наследником Цесаревичем Алексеем Николаевичем. Так что немцы, во всяком случае на время, прекратили свои требования о доставке Царя именно в Москву.

Примечательно, что как только Царь оказался в Екатеринбурге и надобность во всякого рода камуфляжах отпала, все встало на свои места, и Уральский Совет покорно спрашивает у Свердлова: *«Сегодня 30 апреля в 11 часов Петроградского времени я принял от комиссара Яковлева бывшего царя Николая Романова, бывшую царицу Александру и их дочь Марию Николаевну. Все они помещены в особняке, охраняемом караулом. Ваши запросы и разъяснения телеграфируйте нам. Председатель Уральского облсовета Белобородов»*.[3]

«Разъяснения» не заставили себя долго ждать: *«Екатеринбург. 3 мая 1918 г. 23 ч. 50 м. Предлагаю содержать Николая самым строгим порядком. Яковлеву поручается перевозка остальных членов семьи. Предлагаю прислать смету всех расходов, считая караул. Сообщите подробности условий нового содержания. Председатель ЦИК Свердлов»*.[4]

Между тем Яковлев стремился вовсю попользоваться «славой» конвоира Царя. Он дает большое пространное интервью «Известиям», где, отбросив всю свою притворную вежливость, глумится над обреченным Царем, выпячивая свои революционные заслуги и пренебрежительно посмеиваясь над своими «уральскими товарищами». До конца своих дней он будет гордиться своей ролью в этом черном и постыдном деле, которое он так успешно провел в жизнь в апреле 1918 года.

То, что Яковлев блестяще, с точки зрения интересов большевиков, выполнил свердловское поручение, говорят следующие слова полковника Кобылинского, сказанные им следователю Соколову, из которых видно,

---

[1] Россійскій Архивъ. С. 265.
[2] *Noulens (J.)* Op. cit., v. 2. P. 190.
[3] *Алексеев В.* Указ. соч. С. 71.
[4] Там же.

что он так и не понял подлинных намерений Яковлева: «*В чем же дело? Почему, в самом деле, Яковлев не мог доехать до Москвы (солдаты говорили мне, что он "бросил" их в конце концов и один укатил в Москву)? Я объясняю себе это таким образом. В Екатеринбурге был свой центр большевизма. Здесь была своя столица всего "Урала" — "красный Екатеринбург". Я слышал от кого-то, что Москва упрекала екатеринбургских большевиков в том, что они "много тратят денег" и грозила им не давать больше денег. Вот преследуя свои, местные, уральские (конечно, в конце концов "личные") интересы, большевики екатеринбургские и задержали Августейших особ в Екатеринбурге как "заложников", чтобы разговаривать с Москвой им было свободнее, чтобы Москва была более податлива их требованиям*».[1]

Как мы видим, Кобылинский поверил именно в ту картину событий, которую рисовал Свердлов при помощи Яковлева: Москва не причастна к задержанию Государя в Екатеринбурге, это результат действий «самостоятельных» уральцев.

На этом можно было бы и закончить рассказ о миссии комиссара Яковлева. Но все же придется сказать два слова о его дальнейшей судьбе, так как она, по роковому стечению обстоятельств, будет всегда связана с «делом его жизни».

Яковлеву было не суждено снова отправиться в Тобольск за второй партией обреченных. То ли Свердлов посчитал нецелесообразным вновь посылать Яковлева в Тобольск через настроенный против него Урал, то ли, что вероятнее, готовил для него более важное задание. Яковлев вступил в руководство Самаро-Оренбургским фронтом против казаков атамана Дутова.

Пока он добирался до своего нового места службы, Самары, обстановка в Сибири, на Дальнем Востоке и в части Поволжья резко изменилась: восстал чехословацкий корпус, во многих городах начались восстания эсеров и анархистов. В результате большевистская власть была свергнута в целом ряде больших регионов. Более того, у антибольшевистского движения появился координирующий орган — Комитет членов Учредительного собрания (Комуч), сформировавшийся в конце июня 1918 г.

В этот момент Яковлев активно борется с мятежами: арестовывает, разгоняет, расстреливает — в общем, занимается своим привычным делом. Чехословаки наступают, красным приходится отходить, сдана Самара, штаб перебирается в Уфу. Одним словом, самый напряженный момент. И вот в этот момент Яковлева снимают с фронта. В чем причина? Плохо справлялся со своими обязанностями? Не хуже других, тем более что заменил Яковлева эсер Муравьев, которого Ленин называл «*талантливым,*

---

[1] Гибель Царской Семьи. С. 305.

но ненадежным». Зачем же было заменять верного Яковлева ненадежным эсером? Далее смещенного Яковлева переводят командующим 2-й армии, в должности которого он пробыл всего шесть дней, а затем в штаб фронта. 5 июля пала Уфа, чему немало способствовало бегство на сторону Комуча одного за другим двух командующих: Харченко и Махина. В это же время Яковлев просит Уфимский Совет освободить его от всякой работы, и Совет, что поразительно, учитывая ситуацию на фронте, дает разрешение. Яковлев объясняет свои поступки насмешками и травлей, которыми он подвергался со стороны своих товарищей. При этом Яковлев не объясняет, в чем заключались эти насмешки и травля.

Все это выглядит крайне неубедительно. Большевистская власть не была «институтом благородных девиц» и граничащие с истерикой выпады Яковлева безусловно пресекла бы самым жестким образом, но почему-то этого не сделала.

Яковлева оставляют в Бирске, переведя на нелегальное положение, а в первых числах июля он перешел на сторону Комуча. Появилось обращение к красноармейцам, якобы подписанное Яковлевым. В нем он призывал переходить на сторону Комуча, говорил, что разочаровался в большевизме. Позже, уже находясь под следствием НКВД, Яковлев категорически отрицал написание им воззвания, а свой переход к учредиловцам объяснял тем, что «*потерял всякую надежду в победе Советской власти*». А.Н. Авдонин приводит довольно курьезный довод причины ухода Яковлева к учредиловцам: якобы Яковлев ужаснулся жестокостью большевиков и лично Ленина и Свердлова. Но мы позволим себе усомниться в этом.

Не стоит забывать, что Яковлев был профессиональным разведчиком большевистской партии, прекрасно знавшим конспиративную работу. Внедрения, спецзадания, нелегальное положение — все это было для него естественным состоянием. Яковлев всегда выполнял особо ответственные задания большевиков, самым важным из которых стал перевоз Царской Четы из Тобольска в Екатеринбург. Мы глубоко убеждены, что и в 1918 году, переходя на сторону Комуча, Яковлев снова выполнял задание партии. И.Ф. Плотников это отрицает, но отрицает необоснованно и неубедительно. Сам Яковлев фактически признавал, что действовал в интересах партии: «*Чтобы не быть еще раз оскорбленным недоверием — я пошел по пути наименьших моральных страданий и взял на себя "усталость, разочарование". Я спрашиваю вас всех, верите ли в эти "усталость", "разочарование", зная меня, и можно ли себе представить, чтобы я добровольно прибыл в СССР, если бы не чувствовал своей правды*?»[1]

Челябинский исследователь А. Моисеев в одной из своих публикаций приводит свидетельство чекиста И. Булыкина, знавшего Яковлева по со-

---

[1] *Авдонин А.Н.* В жерновах революции. С. 196.

бытиям 1917–1918 годов. Булыкин рассказывал: «*В 1929 году, когда Мячина судили как Стояновича, под таким именем он вернулся из Китая, меня послали на высшие курсы в Москву. По закордонной работе занятия вел Артузов, один из ее руководителей. На лекции как-то зашел спор, что можно и чего нельзя делать разведчику. Как он должен вести себя среди врагов, может ли под них подделываться. Артузов и привел такой пример: "В гражданскую войну были разведчики, которые на пользу дела порочили свое имя изменой. Некто Костя Мячин, например, ушел на сторону с согласия чека, отступил в Китай, где многое сделал как Стоянович. Об этом пока говорить не время. Он был образцовым разведчиком. К нему стали подбираться, и Стоянович был вынужден вернуться. Он за такую измену заслуживает не наказания, а поощрения. Сейчас он осужден, но так вскоре оправдаем и наградим!"*»[1]

Так что для нас в принципе нет сомнений, что Яковлев перешел к учредиловцам с особым заданием. Впрочем, само задание нас интересует гораздо больше, чем шпионская деятельность Яковлева. Есть веское основание считать, что не последнее место в нем играли сведения о перевозе Царя в Екатеринбург. Для начала посмотрим на время, когда Яковлев перешел на сторону Комуча — начало июля 1918 года, то есть меньше чем за две недели до убийства Царской Семьи. Примечательно, что он перешел на сторону Комуча, имея на руках все ленты переговоров со Свердловым и с Голощекиным во время перевоза Царя, а также ряд других документов, касающихся этой темы. А.Н. Авдонин считает, что «*Яковлев никогда не расставался с важными документами, которые, как он предвидел, еще будут необходимы в будущем при установлении исторической правды секретных и важных дел, которыми он занимался в 1918 году. Он был в этом абсолютно уверен и поэтому не расставался с телеграфными лентами переговоров со Свердловым и другими ответственными лицами при перевозке Романовых, военными приказами, записками и т.п.*»[2]

Этот образ Яковлева как борца за историческую правду, конечно, умилителен, но абсолютно неправдоподобен. В условиях гражданской войны и тем более, когда Царская Семья была еще в заточении в доме Ипатьева, а все обстоятельства, связанные с ней, полностью засекречивались, носить с собой те документы, которые носил Яковлев, было смертельно опасным. Возя с собой эти документы, Яковлев вместо благодарности за заботу об исторической правде рисковал получить из-за них пулю. Да к тому же все документы он был обязан сдать Свердлову, что, кстати, он и сделал по приезде в Москву после тобольской эпопеи.

---

[1] http://www.rus-oboz.ru.
[2] *Авдонин А.Н.* В жерновах революции. С. 56.

Нет сомнений, что возить с собой такие опасные документы Яковлев мог только с разрешения самого высокого советского руководства. Для Яковлева таким руководством мог быть только Свердлов. Зачем же Свердлову понадобилось передавать важнейшие и, заметим, обличающие его документы в руки Яковлева, зная о том, что они могут оказаться в руках Комуча?

Мы уже писали о том, что большевики в 1918 году не были сплоченной и единой командой. Да, будучи поставленными у власти после октябрьского переворота, большевики были вынуждены действовать в целом сообща. Но это не отменяло того, что между ними были большие разногласия и по общим, и по частным вопросам, а также того, что многие из них были представителями разных течений и групп. Для Свердлова и ему подобных октябрьский переворот был важным, но всего лишь этапом того огромного дела, которое они затевали, а именно мировой революции. Многие до сих пор воспринимают мировую революцию только в социально-политическом понимании. На самом деле мировая революция заключалась еще и в плане духовно-идеологическом, и эта вторая сторона имела для «мировых революционеров» не меньшее значение, чем первая. Более того, социально-политические изменения должны были следовать за духовно-идеологическими, обслуживая их.

«Церкви и тюрьмы сравняем с землей» — были вовсе не просто словами из песни. Уничтожение христианской цивилизации и христианского государства, которое именовалось «тюрьмой», ставилось этими силами на первое место. Уничтожив историческую власть в России, силы «мировой революции» стремились заменить ее своей властью. При этом то, как она будет называться — «диктатурой пролетариата» или «диктатурой генерала» не имело принципиального значения. В 1918 году еще было неясно, куда качнется маятник истории, но силы мировой закулисы должны были быть уверены, что они останутся хозяевами в захваченной ими России. Первостепенное значение эти силы, которые представлял в России Свердлов, уделяли судьбе русского Царя. Они понимали, что пока жив он либо память о нем, о полном господстве над русским народом говорить было невозможно. Поэтому эти силы готовили не только физическое, но и духовное убийство Царя. Для этого им было необходимо держать под контролем все этапы этого убийства. Летом 1918 года стало казаться, что большевистская власть вот-вот падет. Силам «мировой революции» необходимо было, чтобы все обстоятельства, связанные с судьбой Царской Семьи, не выскользнули из их рук. Именно этим, по нашему мнению, объясняется переход Яковлева на сторону Комуча с материалами о перевозе Царя из Тобольска в Екатеринбург.

Кому же должен был передать Яковлев эти материалы? По странному стечению обстоятельств в тот момент в Сибири находился прибывший ту-

да через США, Японию и Китай не кто-нибудь, а родной брат Свердлова — Завель Мовшович Свердлов, носивший имя Зиновия Алексеевича Пешкова.

Зиновий Свердлов (Пешков) был очень непростой фигурой. Мы еще будем говорить о нем, когда поведем речь о его младшем брате. Здесь же приведем данные французского справочника "*Who's who in France*" за 1955–1956 годы: «*Зиновий Пешков, дипломат и генерал. Родился 16 октября 1884 г. в г. Нижнем Новгороде (Россия). Доброволец во французской армии (1914). Участвовал в миссиях:* ***в США — 1917 г.,*** *Китай, Япония,* ***Манчжурия и Сибирь — 1918–****1920 гг.*»[1] (выделено нами – *П.М.*).

Пешков с юности включился в революционное движение, но быстро отошел от него. Однако в этом поступке Зиновий руководствовался не идейными соображениями, а какими-то гораздо более тонкими причинами. Принадлежность к тайным обществам и близкие связи с Горьким позволяли Зиновию Пешкову поддерживать связи с самыми влиятельными людьми революционного и масонского лагеря. В 1906 году Зиновий совместно с Горьким осуществил длительную поездку в США, где они собирали деньги для поддержки революции. Любопытно, что Зиновий находился в дружественных отношениях с вдовой и дочерьми великого русского врача С.П. Боткина, отца Е.С. Боткина, лейб-медика Государя Николая II.

В 1911 году Зиновий Свердлов снова уезжает в США, где он, безусловно, поддерживал тесные связи с братом Вениамином и почти наверняка с Я. Шиффом. Интересно, что после тяжелого ранения Зиновия на фронте во время Мировой войны «*его многочисленные друзья и покровители во французских «высших сферах» вдруг вспомнили, что Зиновий долго жил в Америке, говорил по-английски и имел там большие знакомства. В это время Франция прилагала все усилия, чтобы вовлечь в войну США на своей стороне. Было решено использовать Зиновия для послания его в США для пропаганды вступления в войну на стороне союзников. Зиновий сделал все, чтобы этому способствовать*».[2] Каким образом рядовой офицер французской армии мог способствовать такому грандиозному событию, как вступление в войну США, непонятно, если не учитывать связи Зиновия с еврейскими американскими финансовыми кругами.

Безусловно, Зиновий всегда поддерживал связи и со своим братом Янкелем, несмотря на то, что между ними якобы существовала вражда. Его приемный отец Максим Горький (он же Алексей Максимович Пешков)

---

[1] Who's who in France. Recueil de notices biographiques 1955–1956. Paris. P. 1275.

[2] *Пархомовский М.* Сын России, генерал Франции. Об удивительной жизни Зиновия Алексеевича Пешкова и необыкновенных людях, с которыми он встречался. М., 1989. С. 156.

принимал видное участие в подготовке государственного переворота против Царя. Очевидно, что и Зиновий Пешков принимал в этом перевороте непосредственное участие: он был посредником между масонскими кругами Франции и революционными кругами в России. Не случайно летом 1917 года капитан французской армии Зиновий Пешков был назначен представителем Франции при правительстве Керенского. Керенский даже наградил его орденом св. Владимира 4-й степени.

Во время большевистского переворота Зиновий Пешков находился в Петрограде и внешне выступил против прогерманской политики большевиков. Он написал письмо названному отцу Горькому, в котором убеждал того переменить свою пацифистскую позицию: «*Чем больше Германия захватывает территорий*, — писал он, — *тем меньше мы сможем заключить мир без аннексий. В этой решающей битве, которую ведут лучшие силы человечества со зверскими силами, может ли Россия оставаться мирной?*»[1]

Тем не менее, когда большевики пришли к власти, французы послали в Москву именно Зиновия, и он имел встречу «по служебным делам» со своим братом Яковом.[2] О чем шла речь между ними, неизвестно, но летом 1918 года Пешков направляется в Сибирь. Впрочем, дадим слово самому Пешкову. В анкете 30-х годов, перечисляя этапы своей военной службы, он пишет: «*16 января 1918 года Военное министерство вызвало меня в Париж, чтобы направить в Россию Северным путем. 7 марта 1918 года я получил приказ Генерального штаба отправиться в Восточную Сибирь, через Америку и Японию. При этом у меня имелось особое задание в Вашингтоне от Министерства Иностранных дел. 1 июня 1918 года я прибыл в Токио, потом в Пекин, в конце июля я был в Сибири*».[3]

Таким образом, для нас интересным представляется тот факт, что Пешков прибывает в Сибирь именно в тот момент, когда Яковлев переходит на сторону учредиловки. При этом Пешков проследовал через США, где имел какое-то задание от французского МИДа.

Пешков встречает в Сибири в сентябре приход к власти адмирала Колчака. При Колчаке Зиновий Свердлов играл очень важную роль. Амфитеатров писал о нем: «*Неся свою военно-дипломатическую службу во французском мундире, он был деятельным агентом связи между французским*

[1] *Noulens (J.).* Op. cit. V. 2. P. 113–114.

[2] *Назаров М.* Вождю Третьего Рима. М.: Русская Идея, 2004. С. 217.

Примечательный и многозначительный факт: З. Свердлов (Пешков) до конца своих дней высоко ценил, что в Советском Союзе два города носят дорогие ему имена: Горький (Нижний Новгород) и Свердловск (Екатеринбург). «Это совпадение он бесконечно ценил» (*Пархомовский М.* Указ. соч. С. 258).

[3] Archives Ministire de la Guerre (MG). Личные бумаги генерала З. Пешкова. Gca 14Y^{d}672.

правительством и командованием армии. Акт признания Францией Колчака верховным правителем был доставлен в Омск Зиновием Пешковым».[1]

Странным стечением обстоятельств родной брат одного из главных врагов Колчака становится военным советником при французском представителе при колчаковском правительстве генерале Морисе Жанене. Не будем забывать, что Жанен, крупный масон, был куратором от французских правительственных кругов, читай масонских, дела об убийстве Царской Семьи.

«При Колчаке, — пишет В.В. Кожинов, — *постоянно находились британский генерал Нокс и французский генерал Жанен со своим главным советником — капитаном Зиновием Пешковым (младшим братом Я.М. Свердлова). Перед нами поистине поразительная ситуация: в красной Москве тогда исключительно важную — вторую после Ленина — роль играет Яков Свердлов, а в белом Омске в качестве влиятельнейшего советника пребывает его родной брат Зиновий!»*[2]

Поэтому вполне вероятно, что, переходя летом 1918 года на сторону Учредиловки, Яковлев выполнял личное задание Свердлова: он должен был передать Зиновию Свердлову всю полноту информации об обстоятельствах перевоза Императора Николая II в Екатеринбург и об условиях его содержания там. Не исключено также, что именно Зиновий Свердлов-Пешков был главным посредником между большевиками и тайными заграничными организациями в подготовке и осуществлении убийства Царской Семьи в июле 1918 года. Не исключено также, что Пешков был в Екатеринбурге в июле 1918 года. Во всяком случае, заслуги Пешкова в Сибири были весьма оценены французским командованием. Жанен называл его действия весьма успешными. По настоянию генерала Пешкову была назначена высокая пенсия в 1 500 франков ежемесячно и 5 000 франков единовременно[3].

Таким образом, роль Зиновия Свердлова в Гражданской войне в России в целом и в Екатеринбургском злодеянии в частности требует дополнительного и самого тщательного изучения. Не исключено, что убийство Царской Семьи курировалось определенными закулисными силами своими представителями как в «красном», так и в «белом» лагерях. В обоих случаях представителями этих тайных сил были Свердловы — Яков и Зиновий. Если предположить вышеизложенное, то не исключено, что сокрытие следов Екатеринбургского злодеяния велось не только со стороны большевиков, но и со стороны так называемых «белых» после взятия ими

---

[1] *Пархомовский М.* Указ. соч. С. 163.
[2] *Кожинов В.* Указ. соч. С. 165.
[3] DDF. P.94.

Екатеринбурга. Не случайно, что с приходом к власти в Сибири адмирала А.В. Колчака все руководство расследования было передано генералу М.К. Дитерихсу и следователю Н.А. Соколову, известным своим неприятием революции и революционеров.

Также весьма интересно, что, перебравшись в январе 1919 года в Китай, Яковлев, ставший к тому времени К.А. Стояновичем, мог часто видеться с З. Свердловым, который представлял интересы французской военной разведки в Китае в 20-х годах.

Вернувшись в СССР из Китая, Яковлев не мог предавать гласности истинную причину своего перехода в армию Комуча. Поэтому он придумывал легенды «о хронической усталости, стремлении жить по-человечески» и т.д. При этом он должен был терпеть те ушаты помоев, которые изливали не него его товарищи по партии. Ко всему прочему 28 июня 1928 года его арестовали. Этот арест был вполне логичен: Яковлев был «человеком» умершего в 1919 году Свердлова, а почти все «люди» Свердлова оказались в троцкистской оппозиции, смертельного врага И.В. Сталина. То, что для Свердлова было заслугой, для Сталина — подозрительным, если не враждебным действом. Поэтому Яковлев-Стоянович отправился в Соловки и на строительство Беломорканала. Там у Яковлева проявилась особенность почти всех большевистских заправил: создав чудовищную систему тюрем и лагерей, в которой «перевоспитывались» сотни тысяч людей, они сами там «перевоспитываться» страшно не любили. Оказавшись в тюрьме или в лагере, эти «верные ленинцы» начинали писать слезливые и униженные послания «дорогому Иосифу Виссарионовичу», в которых они бесконечно каялись «в совершенных преступлениях», клялись в «верности партии» и обязались искупить свою вину «ударным трудом». Ни один из них искренне не покаялся в своих преступлениях перед народом, ни один не выразил хотя бы сожаления о бесчисленном количестве погубленных жизней. Нет, в каждой строчке чувствовались совсем другие чувства: у одних страх и безумное желание жить, у других обида и недоумение. Не был исключением и Яковлев. В своих письмах он признает только ошибки перед партией, уверяет, что готов искупить свою вину и вновь «*с головой бросится в кипучую революционную деятельность*». Свои слова Яковлев пытался доказать делом: работал он ударно и в 1933 году был освобожден. Выйдя на свободу, он был назначен начальником исправительно-трудового лагеря. В это же время Яковлев-Стоянович упорно пытается вернуть себе «славу» революционера, организовавшего «последний рейс Романова». Он готовится писать об этом книгу, ищет свидетелей и участников тобольской экспедиции. Яковлев явно гордится своей ролью, своим умением подпольщика, то есть умением лгать, изворачиваться, путать следы. Ни в одной строчке его воспоминаний не чувствуется ни раскаяния, ни мук совести перед убитыми с его помощью людьми. При этом Яковлев не хочет оставаться

в тени: он пишет письма, записки, воспоминания. Здесь хочется привести слова из книги князя Жевахова, сказанные им по поводу одного либерала, угодившего в большевистский застенок, чудом в нем выжившего, но продолжавшего при выходе на свободу поносить имя Государево. Этот человек был вскоре вторично арестован и расстрелян. «*Слепой!* — писал о нем Жевахов, — *Он не понял, что Господь чудесно выпустил его из тюрьмы на свободу для того, чтобы он одумался, покаялся и очистился*».[1]

Эти слова как нельзя лучше относятся и к Яковлеву. Не осознав всю тяжесть совершенного им преступления перед Богом и Россией, он по-прежнему считал, что виноват только перед Советской властью, и то только потому, что не может раскрыть во всеуслышание, что выполнял ее же задание. В сентябре 1938 года, в ответ на свои многочисленные письма-требования, Яковлев-Стоянович был арестован вновь. Ему предъявили те же обвинения, что и 10 лет назад: переход на сторону белых, работу на иностранную разведку. Его приговорили к расстрелу, и 16 сентября 1938 года этот несправедливый с точки зрения закона, но в высшей мере справедливый, исходя из Божьего суда, приговор был приведен в исполнение. В день расстрела Яковлеву исполнилось 52 года.

На протяжении долгих лет было принято говорить о «таинственном Яковлеве». При этом и следователь Соколов, и советские авторы считали его противником большевиков («предателем»). Ему приписывали стремление увезти куда-то Царскую Семью, скрыть ее от большевиков и так далее. Наиболее нелепым представляется высказывание о Мячине-Яковлеве-Стояновиче, сделанное И.Ф. Плотниковым: «*Мячин искренне стремился к свободе трудящихся, демократии и счастью, но не нашел их*».[2]

Сегодня пришло время опровергнуть этот нелепый миф. За личностью комиссара Яковлева скрывался не «таинственный посланник немцев», не «агент английской разведки», не «тайный монархист» и не «враг Советской власти», а кровавый боевик, подпольщик и чекист, для которого убийство и обман были неотъемлемой частью натуры. Вспомним яковлевские слова: «*У нас, старых боевиков-уральцев, по отношению к врагу все средства были хороши и беспощадны*». Везя Государя в Екатеринбург, ведя с ним вежливые разговоры, заверяя его в гарантиях личной безопасности, Яковлев знал, что недалек тот день, когда Царь и его Семья будут изуверски убиты.

Перевоз Наследника Цесаревича Алексея Николаевича, Великих Княжон Ольги Николаевны, Татьяны Николаевны, Анастасии Николаевны и сопровождающих их лиц из Тобольска в Екатеринбург

---

[1] *Жевахов Н.Д.* Указ. соч. Т. 2. С. 31.
[2] *Плотников И.Ф.* Указ. соч. С. 467.

Отъезд Родителей тяжело переживался оставшимися в Тобольске Детьми, да и всем окружением. «*Папа, дорогой мой Ангел,* — писала Государю в Екатеринбург Великая Княжна Татьяна Николаевна. — *Ты сам знаешь и поймешь, что нам стоит расставаться сейчас с Тобой и с Мамой? Никогда это не было легко, а теперь это больше, чем я могу сказать, один Бог знает и поможет нам всем перенести все это*».[1]

22 апреля/5 мая 1918 года Семья впервые не вместе встречала Светлое Христово Воскресение. Окружение и прислуга пытались хоть как-то скрасить Царским Детям их одиночество. Были испечены куличи, покрашены яйца, приготовлена пасха. Великая Княжна Ольга Николаевна всех поблагодарила за заботу, но праздничного настроения за столом все равно не было. Во время обеда кто-то из Царских детей сказал: «*Все есть, а Папа с Мама — нет*».

Между тем остановка Царской Четы в Екатеринбурге вызвала у всех большое недоумение и чувство глубокого беспокойства за судьбу Царя и Царицы. *«Это нас всех страшно удивило. Ясно было, что произошло какое-нибудь недоразумение, только не на пользу Их Величествам. Все наши помыслы были сосредоточены на Екатеринбурге, и все стремились скорее туда попасть»,* — вспоминала Т.Е. Боткина.[2]

То же самое чувствовал Кобылинский: «*20 апреля отрядным комитетом была получена от Матвеева телеграмма, извещавшая о приезде в Екатеринбург. Точных выражений этой телеграммы я не помню. Нас же всех эта телеграмма огорошила: что такое случилось? Почему в Екатеринбурге? Все были этим поражены, так как все были уверены, что Государя с Государыней везут в Москву*».[3]

Незадолго до вывоза Царских Детей из Тобольска, 17 мая, охрана «Дома свободы» полностью поменялась. От имени командования отряда на имя Свердлова поступила телеграмма, подписанная полковником Кобылинским и Матвеевым: «*17 мая оставшиеся члены семьи Романова переданы уполномоченному Хохрякову. Наш отряд заменен уральцами. Кобылинский, Матвеев*».[4]

Новое руководство охраны представляли два человека: П.Д. Хохряков и Я.М. Родионов. Они привели с собой новую охрану, состоявшую полностью из нерусских людей. Их называли «латышами». Об истинном значении этого слова мы поговорим ниже, а пока укажем, что фамилии новых охранников были мало похожи на латышские: Зен, Неброчник, Прус,

---

[1] Шестые Романовские чтения. 15–16 июля 2000. Екатеринбург, 2001. С. 155.
[2] *Мельник (Боткина) Т.* Указ. соч. С. 94.
[3] Гибель Царской Семьи. С. 304.
[4] *Алексеев В.* Указ. соч. С. 71.

Эгель, Фруль, Оявер, Рольман, Пурин, Альшкин, Блуме, Гаусман, Табак, Цалит и тому подобные.[1]

О Хохрякове мы уже говорили, да он и не играл ведущей роли в Тобольске. «*Главным считался Хохряков,* — вспоминала Е.Н. Эрсберг. — *Но он ничем себя не проявлял. Он был похож на простого матроса*».[2]

«*Про Хохрякова я не могу сказать ничего плохого. Он не играл значительной роли*» (А.А. Теглева).[3]

Фактическим руководителем новой красногвардейской охраны «Дома Свободы» был Родионов, который был назначен его комендантом. О Родионове надо сказать несколько слов. Настоящее его имя было Ян Мартынович Свикке. Вначале Свикке был латышским националистом, ратующим за отделение Латвии от Российской империи. При этом его национализм легко сочетался с социал-демократией. Он был членом Латышской Социал-демократической партии, а затем с 1904 года членом РСДРП. По мнению О.А. Платонова, Свикке был внедрен партией в полицию, где выполнял ее задания. Так или иначе, но Свикке одно время служил в жандармерии и жил в Берлине. Родионов был «*жандармом в Вержблолове: баронесса Буксгевден запомнила его лицо. Татищев тоже видел его раньше, и Родионов не отрицал, что тоже знает Татищева*», — вспоминала Татьяна Боткина.[4]

Камердинер Волков показывал: «*Родионов, увидев Татищева, сказал ему: "Я вас знаю". Татищев его спросил, откуда он его знает, где он его видел. Родионов не ответил ему. Тогда Татищев спросил его: "Где же вы меня могли видеть? Ведь я же жил в Берлине". Тогда Родионов ответил ему: "И я был в Берлине". Татищев попытался подробнее узнать, где же именно в Берлине видел его Родионов, но он уклонился от ответа, и разговор остался у них неоконченным*».[5]

Сейчас трудно сказать, чьим «человеком» был Свикке. Позднее он вспоминал, что имел постоянную связь с Лениным, причем для обмена зашифрованными заданиями между Лениным и Свикке использовалась книга Лермонтова «Демон».[6] Но это будет относиться уже к Екатеринбургскому периоду мученичества Царской Семьи.

По общим воспоминаниям обитателей «Дома свободы», Свикке-Родионов был отталкивающей личностью.

---

[1] *Соколов Н.А.* Убийство Царской Семьи. С. 142–143.
[2] Россійскій Архивъ. С. 142.
[3] Там же. С. 128.
[4] *Мельник (Боткина) Т.* Указ. соч. С. 97.
[5] *Соколов Н.А.* Убийство Царской Семьи. С. 143.
[6] *Платонов О.А.* История цареубийства. С. 244.

Кобылинский: «*Человек он неинтеллигентный и производил отталкивающее впечатление. Морда у него какая-то "бабская", с ехидной улыбочкой. В нем чувствовался "жандарм", но не хороший солдат-жандарм, а кровожадный, жестокий человек с некоторыми приемами и манерами жандармского сыщика. Родионов, как только появился у нас, пришел в дом и устроил всем форменную перекличку. Это поразило меня и всех других. Хам, грубый зверь сразу же показал себя*».[1]

Мундель: «*Сам Родионов производил впечатление наглого, в высшей степени нахального человека, с язвительной улыбочкой*».[2]

«*Это был гад, злобный гад, которому видимо доставляло удовольствие мучить нас. Он это делал с удовольствием. Он явился к нам и всех нас пересчитал, как вещи. Он держал себя грубо и нагло с Детьми. Он запретил на ночь запирать комнаты, даже Княжон, объясняя, что он имеет право во всякое время входить к ним. Волков что-то сказал ему по этому поводу: девушки, неловко. Он сейчас же помчался и в грубой форме повторил свой приказ Ольге Николаевне. Он тщательно обыскивал монахинь, когда они приходили к нам петь при Богослужении, и поставил своего красноармейца у престола следить за священником*».[3]

Родионов и Хохряков постоянно стремились всеми силами унизить Царских Детей, ухудшить условия их жизни. Камердинер Волков вспоминал: «*Однажды Родионов пришел ко мне с таким заявлением:*

— Скажите барышням, чтобы они ночью не затворяли двери спальной.

Я отвечал:

— Этого сделать никак нельзя.

— Я вас прошу так сделать.

— Сделать это никак нельзя: ведь ваши солдаты будут ходить мимо открытых дверей комнаты, в которой спят барышни.

— Мои солдаты ходить не будут мимо открытых дверей. Но если не исполните моего требования, есть полномочия расстреливать на месте. — Родионов вынул револьвер. — Я поставлю часового у дверей спальни.

— Но это же безбожно.

— Это мое дело.

Часовой поставлен не был, но двери спальни Великих Княжон пришлось оставлять открытыми настежь».[4]

В связи с этим приказом примечателен курьез, который вышел у Родионова с Великими Княжнами и с еще не смененными солдатами «от-

---

[1] Гибель Царской Семьи. С. 306.

[2] *Соколов Н.А.* Убийство Царской Семьи. С. 144.

[3] Россiйскiй Архивъ. С. 128.

[4] *Волков А.А.* Указ. соч. С. 83.

ряда особого назначения». Помимо того, что Родионов запретил Великим Княжнам запирать двери своих спален, он также запретил им спускаться без его разрешения на первый этаж. «*Но часовые,* — вспоминала Т.Е. Боткина, — *были не очень точны в исполнении этих приказаний.*

Однажды Родионов встретил Их Высочеств внизу:

— Как вы смели прийти сюда без моего разрешения? — накинулся он на них.

— Часовые нас пропустили, — ответили они.

— Ну, посмотрим, как они вас пропустят сейчас, — злобно сказал он.

Но нижний часовой с безмолвной улыбкой дал пройти Их Высочествам мимо себя беспрепятственно и, несмотря на грозные крики Родионова, что "товарищи" позорят свое звание революционного солдата, верхний часовой последовал примеру нижнего. Крикам Родионова не было конца, и Их Высочества со смехом ушли к себе».[1]

Как только Наследнику Цесаревичу Алексею Николаевичу стало лучше, Родионов начал готовиться к отъезду. Характерно, что торопился он так же, как в свое время торопился Яковлев с отъездом Государя. Разница была лишь в том, что Свикке-Родионов не скрывал конечный пункт доставки — Екатеринбург.

Незадолго до отъезда А.А. Теглева получила из Екатеринбурга от Демидовой письмо, в котором та писала: «*Уложи, пожалуйста, хорошенько аптеку и посоветуйся об этом с Татищевым и Жильяром, потому что у нас некоторые вещи пострадали*».[2]

По этой условной фразе Теглева поняла, что Государыня просит позаботиться о драгоценностях. Указание Императрицы было выполнено: Великие Княжны зашили в детали своего туалета бриллианты и другие драгоценности.

Чем ближе приближался отъезд Царских Детей, тем свирепее становился режим их содержания. При этом режим стал теперь полностью распространяться и на окружение. Свита и прислуга полностью разделяли положение арестантов. Когда Теглева задремала на стуле, Родионов злорадно сказал ей: «*Вам полезно привыкать спать так, там у вас будет совсем другой режим, чем здесь*».

Вообще Родионов незадолго до отъезда не скрывал преступных планов большевиков в отношении Царской Семьи и тем самым выдавал их изначальный замысел ее убийства. Глеб Боткин приводит следующий разговор между его сестрой Татьяной и Родионовым, когда они пришли просить у него разрешения следовать в Екатеринбург вместе с Детьми:

— Что я могу сделать для Вас? — спросил Родионов.

---

[1] *Мельник (Боткина) Т.* Указ. соч. С. 97–98.
[2] Россійскій Архивъ. С. 127.

Мы ему объяснили, что мы хотим быть отправлены вместе с Цесаревичем и Великими Княжнами в Екатеринбург.

— Правда? Ну, так мы вас не отправим в Екатеринбург, — ответил он.

— Но комиссар Яковлев мне обещал, что мы уедем вместе с ними.

— Я не знаю об этом, — сказал Родионов. — Во всяком случае, почему вы хотите ехать? — Он повернулся к моей сестре. — Почему такая красивая девушка, как вы, хочет провести всю свою жизнь в тюрьме, или даже быть расстрелянной?

— Но Царская Семья не может быть отправлена в тюрьму, — сказала Татьяна с ужасом.

— Может быть, и нет, — ответил Родионов, пожав плечами. — По всей вероятности, она будет расстреляна.

— Правда? — сказала моя сестра саркастически, так как она все еще верила про миф отправки в Англию. — Я очень сомневаюсь. Вы не в курсе ситуации. Но, во всяком случае, что вы скажете, если мы хотим умереть со своими государями?

— Ничего не скажу, кроме того, что вы не будете убиты с ними, — поморщился Родионов. — Если вы мне не верите, вы можете поехать со мной вплоть до вокзала Екатеринбурга. Проезд в город запрещен для всех, кто не имеет специального разрешения. Все, что произойдет с вами, так это то, что вас арестуют на вокзале и возвратят в Тобольск. И ни под каким видом вам не дадут сопровождать Царскую Семью».[1]

Из этого разговора очевидно, что разработчики убийства прекрасно знали заранее не только о предстоящем убийстве Царской Семьи, но и о деталях этого преступления, в том числе и о конкретных именах лиц, которые будут убиты вместе с ней. Это полностью опровергает мнения о том, что Царя и Царицу уральцы хотели убить «по дороге». Нет, в планы убийц не входило простое убийство Царя. Император Николай II, Императрица Александра Федоровна и их Дети должны были быть убиты именно в Екатеринбурге, в определенный день и в определенное время.

Отъезд был назначен на 7/20 мая. Его с одинаковым нетерпением, хотя и по разным причинам, ожидали как тюремщики, так и Узники. 4/17 мая Жильяр заносил в свой дневник: «*У нас с генералом Татищевым чувство, что мы должны задержать наш отъезд; но Великие Княжны так торопятся увидать своих Родителей, что у нас нет нравственного права противодействовать Их пламенному желанию*».[2]

Царских Детей в Екатеринбург сопровождали следующие лица: 1) генерал-адъютант граф И.Л. Татищев, 2) доктор В.Н. Деревенко, 3) на-

---

[1] *Botkin (G.)* Op. cit. P. 189–190.

[2] *Жильяр П.* Указ. соч. С.

ставник Цесаревича П. Жильяр, 4) преподаватель английского языка С. Гиббс, 5) фрейлина графиня А.В. Гендрикова, 6) фрейлина баронесса С.К. Буксгевден, 7) гоф-лектриса Е.А. Шнейдер, 8) няня А.А. Теглева, 9) ее помощница Е.Н. Эрсберг, 10) камер-юнгфера М.К. Тутельберг, 11) камердинер Государя А.А. Волков, 12) лакей Наследника Цесаревича С.А. Иванов, 13) дядька Наследника Цесаревича К.Г. Нагорный, 14) лакей А.Е. Трупп, 15) лакей Тютин, 16) официант Ф. Журавский, 17) старший повар И.М. Харитонов, 18) повар Кокичев, 19) поварской ученик Л. Седнев, 20) кухонный служитель Ф. Пюрковский, 21) кухонный служитель Терехов, 22) служитель Смирнов, 23) писец А. Кирпичников, 24) парикмахер А.Н. Дмитриев, 25) прислуга графини Гендриковой П. Межанц, 26) прислуга Шнейдер Е. Живая и Мария (фамилия неизвестна).[1]

Кобылинский также хотел сопровождать Царских Детей в Екатеринбург, но незадолго до их отъезда он слег в постель с высокой температурой.

Многим из этих людей не суждено будет вернуться живыми из этой поездки. Некоторые догадывались об этом и в тоже время сохраняли высшее чувство духа и высшее самопожертвование. Так, князь Татищев сказал незадолго до отъезда в Екатеринбург: «*Я прибыл сюда, отлично зная, что я не вернусь живым. Все, что я прошу, это возможность умереть с моим Императором*».[2]

К повару Харитонову перед самым отъездом подошел камердинер Волков и сказал ему: «*Иван Михайлович, отдайте семье Ваши золотые часы, мало ли что может случиться*». Харитонов ответил отрицательно, со словами: «*Что бы ни случилось, надо до конца надеяться на лучшее*».[3]

6/19 мая к губернаторскому дому стали приходить люди, чтобы попрощаться с отъезжающими. Татьяна Боткина вспоминала: «*Утром накануне отъезда Их Высочеств мы пошли к губернаторскому дому. Под его окнами стояли жена и дочь повара Харитонова, пришедшие проститься с мужем перед отъездом. Родионов, размахивая руками, неистово кричал: “Нельзя перед окнами останавливаться, нельзя, говорят вам: расстрелять велю”*».[4]

Родионов и Хохряков приказали собрать и приготовить к вывозу всю обстановку губернаторского дома. При этом он произнес странную фразу: «*Это в наших интересах*».[5]

---

[1] Письма святых Царственных Мучеников из заточения. С. 326.
[2] *Botkin (G.)* Op. cit. P. 175.
[3] Из личных воспоминаний Е.И. Мультатули (Харитоновой).
[4] *Мельник (Боткина) Т.* Указ. соч. С. 98.
[5] Там же.

Во время выноса мебели Наследник Цесаревич спросил Свикке:

— *Зачем вы берете эти вещи? Они не наши, а чужие.*

— *Раз нет хозяина, все будет наше, — ответил Родионов.*[1]

В этом коротком монологе наиболее наглядно столкнулись две морали: христианская и революционная, безбожная. То, что было безусловно для 13-летнего подростка, воспитанного на евангельских заповедях, абсолютно противоречило воровской антиморали Свикке.

В 12 часов дня 7/20 мая к «Дому Свободы» был подан один только экипаж. В него был помещен Наследник. Все остальные, включая Великих Княжон, шли до пристани пешком. Семьи отъезжающих членов свиты и прислуги провожали своих близких до самой пристани. На самой пристани стоял пароход «Русь», тот самый, что год назад привез в Тобольск Царскую Семью. Отъезжающие вошли на пароход. Через несколько минут он загудел и медленно отошел от пристани. На палубе стояли Великие Княжны и Наследник. Они махали всем находившимся на берегу. Особенно долго махал Наследник, до тех пор, пока корабль не скрылся за поворотом реки. Через сутки Царская Семья соединится в Ипатьевском доме, с тем чтобы уже никогда не разлучаться.

---

[1] *Волков А.А.* Указ. соч. С. 84.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ОРГАНИЗАТОРЫ УБИЙСТВА ЦАРСКОЙ СЕМЬИ: КТО ОНИ?

Глава 1
Двуликий Янус «русской» революции

В исторической традиции XX века принято разделять февральскую и октябрьскую революции, противопоставлять Керенского Ленину, а Временное правительство — большевикам. Советская официальная историография говорила о «перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую». Однако, на наш взгляд, разница между революцией «Керенского» и революцией «Ленина» заключается в масштабе деятельности, но не в главной стратегической цели. Большевики, несмотря на всю свою антибуружазную патетику, лишь углубили и дисциплинировали революцию «февралистов». Тем более между революциями февраля и октября нет разницы в методах.

Нет сомнений, что и февральская, и октябрьская революции были разработаны и осуществлены под незримым руководством мировой закулисы.

Крупный русский юрист П.И. Новгородцев хорошо писал по этому поводу: «*Кн. Львов, Керенский и Ленин связаны между собой неразрывной связью. Кн. Львов так же повинен в Керенском, как Керенский в Ленине. Если сравнивать этих трех деятелей революции, последовательно возглавлявших революционную власть, по характеру их отношения к злому началу гражданской войны и внутреннего распада, то это отношение можно представить в следующем виде. Система бесхитростного непротивления злу, примененная кн. Львовым в качестве системы управления государством, у Керенского обратилась в систему потворства злу, прикрытого фразами о “сказке революции” и о благе государства, а у Ленина — в систему открытого служения злу, облеченную в форму беспощадной классовой борьбы и истребления всех, не угодных властвующим. У всех трех указанных лиц были свои утопические мечты, и со всеми ими история поступила одинаково: она обратила в ничто их мечты и сделала из них игралища слепой стихии. Прочнее всех овладел массами тот, кто более всего взывал к массовым инстинктам и страстям. В условиях общей анархии путь к власти и к деспотизму всего более открыт для наихудшей демагогии. Отсюда и вышло, что легализованная анархия кн. Львова и Керенского с естественной неизбежностью уступила место демагогическому деспотизму Ленина*».[1]

[1] *Новгородцев П.И.* Об общественном идеале. М.: Пресса, 1991. С. 562–564.

Здесь необходимо отметить, что между Керенским и Лениным было много общего. Оба родились в г. Симбирске, где их родители хорошо знали друг друга, оба получили профессию адвоката и оба ушли в революцию. «*Отец Керенского, Федор Михайлович*, — пишет Г. Иоффе, — *хорошо знал отца Ленина, Илью Николаевича Ульянова, и всю его семью (оба они трудились, как тогда говорили, на ниве народного просвещения; отец Ленина был директором народных училищ, Федор Михайлович — директором мужской гимназии, в которой учился Ленин). В трагическое для семьи Ульяновых время (смерть отца и казнь в 1887 году старшего сына Александра) перепуганное симбирское общество отвернулось от нее. Но не Федор Михайлович, проявивший высокую порядочность и благородство. Всем, чем мог, он помогал Ульяновым. А в год окончания гимназии Владимиром Ульяновым не поколебался поставить свою подпись на его золотом аттестате*».

И хотя их пути не пересеклись на революционном поприще, они следили за жизненным путем друг друга. Казалось, что между Керенским и Лениным существовала какая-то взаимная договоренность, какой-то «пакт о ненападении». Когда Ленин прибыл в Россию после долгой эмиграции и когда были вскрыты его связи с германским генштабом, а сам он объявлен в розыск, Керенский как будто специально делает все, чтобы «не поймать» Ленина.

«*"Бабушка русской революции", эсерка Е. Брешко-Брешковская, позднее вспоминала: "Сколько раз я говорила Керенскому: "Саша! Возьми Ленина!" А он не хотел. Все хотел по закону... А надо бы посадить их на баржи с пробками, вывезти в море — и пробки открыть... Страшное это дело, но необходимое и неизбежное". Тем не менее, в июне 1917 года министр юстиции Переверзев выдал распоряжение об аресте Ленина, который скрылся. Странным образом в начале 20-х годов Ленин просил комиссию московских адвокатов содействовать Переверзеву в устройстве на работу*».

Слова Брешки о том, что «Керенский все хотел по закону», конечно, не могут не вызывать ничего, кроме иронии, но тот факт, что Ленин оставался во время всего своего «подполья» в Разливе фактически в безопасности, не вызывает никаких сомнений.

Также не представляется случайным и тот факт, что Керенский до революции был адвокатом многих будущих лидеров большевизма, в частности, Л.Д. Троцкого.[1]

Февраль и Октябрь были звеньями одной цепи, имели общих покровителей и кредиторов. В настоящей работе у нас нет возможности подробно останавливаться на этой теме. Но заявить о ней несколькими словами нам придется, так как эта тема имеет прямое отношение к судьбе Царской Се-

---

[1] Новое слово. 1918 года, 26 марта.

мьи. Керенский изначально был поставлен на свою должность временно и, по замыслу заграничных организаторов русской революции, должен был быть позднее заменен более радикальными элементами.

Для того чтобы убедиться в этом, необходимо определить те силы, какие привели к власти Керенского, а затем Ленина. Мы уже говорили о масонском характере Временного правительства. Безусловно, решающую роль в том, что это правительство и лично Керенский оказались у власти, сыграл «Великий Восток Франции». Именно он вскармливал, обучал, финансировал и готовил будущих «февралистов» к осуществлению государственного переворота и к свержению русской монархии. При этом в условиях мировой войны от Керенского требовали ее продолжения «до победного конца» в интересах Антанты.

Казалось бы, что между Керенским и Лениным нет ничего общего: Ленин, как принято считать, пришел к власти на «немецкие деньги», выступал с пацифистских позиций и действовал в интересах Германии, а не в интересах Антанты. К тому же большевики, опять-таки по распространенному мнению, не были в своем большинстве масонами, а значит, не могли получать помощи от масонских организаций. Последнее мнение поддерживается даже таким глубоким исследователем, как В.В. Кожинов. Он пишет: «*Ныне весьма популярно представление, согласно которому в "красной" России власть захватили "иудомасоны" или, быть может, правильно выражаясь "иудеомасны" (огрубленный вариант — "жидомасоны"). Но это словечко, если основываться на действительном, реальном положении вещей, приходится разделить надвое. В составе "красной" власти в самом деле было исключительно много иудеев, точнее евреев. Но что касается масонов, они-то как раз находились в составе "белой", а вовсе не "красной" власти*».[1]

Так как «белая» власть была наследницей Февраля, то все, что сказано выше Кожиновым, распространяется, по его мнению, и на режим Керенского. Однако, как мы увидим, это было далеко не так.

Керенский и «февралисты» действительно получали деньги от «Великого Востока». Но являлся ли он единственным их финансистом?

Так называемая «Февральская революция» вынашивалась и зрела не только в парижской «Великой Ложе». М. Назаров писал, что русская революция финансировалась «*по нескольким каналам: еврейским, масонским, немецким*».[2]

При этом штаб этой революции находился не только и не столько в Париже, а скорее в Нью-Йорке.

---

[1] *Кожинов В.В.* Указ. соч. С. 178.
[2] *Назаров М.* Тайна России. М.: Русская идея, 1999.

Безусловно, главную роль в финансировании февралистского режима сыграли американо-еврейские финансовые круги. Еще до революции в России существовала американская фирма «Вестингауз», дочерняя фирма «Крейн Компании». Эти фирмы принадлежали крупному американскому финансисту Чарльзу Ричарду Крейну и его сыну Ричарду. Крейны были крупными фигурами не только в бизнесе, но и в политике. Чарльз Крейн был председателем финансового комитета Демократической партии США, а Ричард — доверенным помощником государственного секретаря Роберта Лансинга.[1]

По словам американского посла Уильяма Додда, Крейн *«много сделал, чтобы вызвать революцию Керенского, которая уступит дорогу коммунизму».*[2]

После прихода Керенского к власти тот же Крейн не скрывал того, что *«революция находится лишь в своей первой фазе, что она должна расти».*[3]

Любопытно, что «временность» Керенского понимали даже кадеты. 20 августа 1917 года видная кадетка Ариадна Тыркова говорила в узком кругу однопартийцев о том, что *«как это ни тяжело, но диктатуру нам придется отдать больше, чем Керенскому. Другого выхода нет — только через кровь».*[4]

Временное правительство регулярно финансировалось американскими банкирами. При этом примечательно то обстоятельство, что эти банкиры предпочитали оплачивать эсеров и меньшевиков, являвшихся социалистами, а не, к примеру, буржуазно-демократических кадетов. Американские финансисты революции исходили из того, что левые элементы быстрее разрушат Россию, чем их умеренные союзники.

13 ноября 1918 года в Государственном департаменте США был подготовлен доклад, озаглавленный «Большевизм и иудаизм». В этом докладе указывалось на прямую роль, которую сыграли ведущие еврейские банкирские дома Америки в организации русской революции. В докладе говорилось, что революция была задумана в феврале 1916 года и было установлено, что в ней приняли участие следующие банкиры: Яков Шифф, Феликс Варбург, Отто X. Канн, Мортимер Шифф, Макс Брейтунг и другие. Уже 19 марта 1918 года крупнейший американо-еврейский банкир — директор банкирского дома «Кун, Лейб и К°» Яков Шифф[5] направил министру ино-

---

[1] *Саттон Э.* Уолл-Стрит и большевистская революция. М.: Русская идея, 1998. С. 20.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] *Константинов С.* Ленин как зеркало русской интеллигенции // Независимая газета. №74. 2000, 22 апреля.
[5] Подробнее о Якове Шиффе см. ниже.

странных дел Временного правительства П.Н. Милюкову следующую телеграмму: «*Позвольте мне в качестве непримиримого врага тиранической автократии, которая безжалостно преследовала наших единоверцев, поздравить через ваше посредничество русский народ с деянием, только что им так блестяще совершенным, и пожелать вашим товарищам по новому правительству и вам лично полного успеха в великом деле, которое вы начали с таким патриотизмом. Бог да благословит вас*».[1]

Ответ Милюкова был выдержан в тех же тонах: «*Мы едины с вами в нашей ненависти и антипатии к старому режиму, ныне сверженному (...) Примите нашу живейшую благодарность за ваши поздравления, которые свидетельствуют о перемене, произведенной благодетельным переворотом во взаимных отношениях наших двух стран*».

Посол Временного правительства в США Б.А. Бахметьев сообщал в своей телеграмме в Петроград о своих впечатлениях о посещении еврейской диаспоры Нью-Йорка: «*Особое внимание следует уделить приему, оказанному нам еврейским населением Нью-Йорка. Не только русские евреи, составляющие несколько сот тысяч человек, но и виднейшие американские представители еврейства, из которых Маршалл и Яков Шифф пользуются громадным влиянием и авторитетом, стремились единодушно выразить нам свое сочувствие и желание помочь*».[2]

В апреле 1917 года Шифф открыто заявил, что именно из-за его финансового влияния русская революция была успешно завершена.[3]

Финансирование «февралистов» осуществлялось Шиффом, в частности, через те германские банки, владельцами которых были его родственники, в частности банк Ротшильда. Эти деньги впоследствии назывались «германскими деньгами». Милюков открыто говорил, «*что ни для кого не тайна, что германские деньги сыграли роль в Февральской революции*».

О том, что американские и германские деньги, получаемые русскими — и Керенским, и большевиками, были одного происхождения, говорит записка первого секретаря русского посольства в Вашингтоне графа И.Г. Лорис-Меликова от 17/30 марта 1916 года: «*Никакая иностранная нация не имеет в Америке столько банков, сколько Германия. Чтобы перечислить только крупнейшие из них, достаточно упомянуть о фирмах: "Кун, Лейб и К°", "Ляденбург, Тальман и К°", "Селигман и К°" и прочие. Эти банки всецело немецкие по происхождению, и если в настоящее время они и счита-*

---

[1] *Шульгин В.В.* Что нам в них не нравится. Об антисемитизме в России. М.: Русская книга, 1994. С. 353.

[2] Россия и США: дипломатические отношения 1900–1917. Документы. М., 1999. С. 687.

[3] *Саттон Э.* Указ. соч. С. 224.

ются американскими, то не подлежит сомнению, что интересами своими они все еще тесно связаны с Германией. Они имеют огромное положение и силу в Нью-Йорке. Во главе одного из них "Кун, Лейб и К°" стоит отъявленный враг России немецкий еврей Яков Шифф».[1]

Однако Я. Шифф пользовался не только германскими деньгами, но и средствами Антанты. У него были хорошие отношения со многими из западных банкиров. Объяснялось это тем, что во время войны Шифф финансировал как союзников по Антанте, за исключением, конечно, России, так и Германию. Суммы, данные Шиффом на русскую революцию, составили огромную цифру: 20 млн долларов.[2]

Горячо приветствовалась февральская революция и масонскими кругами. Высший совет «Великого Востока» направил Временному правительству следующую телеграмму: «*У вас теперь, как и у нас,* — говорилось в ней, — *Свобода, Равенство и Братство. Мужайтесь, братья!*»[3]

Масонские деньги, безусловно, также направлялись на нужды новой масонской власти в России.

Однако щедро выдавая деньги Керенскому и его режиму, Шифф вместе с тем делал все, чтобы они максимально истощили Россию, а затем уступили место другим. В тот момент, когда лишь выход России из войны мог спасти режим Керенского, Шифф и ведущие американо-еврейские банкиры посылают последнему через посла в России Д. Френсиса строгое предупреждение. 6/19 апреля 1917 года Френсис вручил Милюкову следующую ноту: «*Телеграмма, полученная сегодня по каналам моего правительства, заставляет меня передать Вашему Превосходительству следующее сообщение: "Американское еврейство встревожено сведениями о том, что определенные элементы требуют заключения сепаратного мира между Россией и Центральными державами. Сепаратный мир может, по нашему мнению, привести к полному восстановлению автократического правительства и еще большему ухудшению положения российских евреев, даже по сравнению с их прежним угнетенным состоянием"*».[4]

Между тем режим Керенского воспринимался американо-еврейской закулисой только прелюдией к настоящей революции. Д. Рид называет время правления Керенского «*восьмимесячным междуцарствием, подготовившим переход власти от масона Керенского к чисто еврейскому режиму Ленина и К°*».[5]

---

[1] Россия и США: дипломатические отношения 1900–1917. С. 628.

[2] *Саттон Э.* Указ. соч. С. 321

[3] Compte rendu de travaux du Grand Orient de France Suprême conseil. Paris, 1917.

[4] Россия и США: дипломатические отношения 1900–917. С. 660.

[5] *Рид Д.* Спор о Сионе. М.: Витязь, 2000. С. 275.

Уже не является секретом, что Ленин, Троцкий и другие большевики получали деньги от тех же американских и американо-еврейских банкиров, в частности от того же Якова Шиффа, который финансировал Керенского. В декабре 1917 года американский миллионер У.-Б. Томпсон направил в Петроград на нужды большевистского правительства 1 миллион долларов.[1]

Английское посольство в Вашингтоне завело специальное досье, в котором содержались сведения о помощи еврейских организаций большевикам. 16 октября 1919 года в этом досье появились следующие сведения: «*Финансовая помощь большевизму и большевицкой революции в России от видных американских евреев: Якоба Шиффа, Феликса Варбурга, Отто Канна, Менделя Шиффа, Джерома Ханауэра, Макса Брейтунга и одного из Гугенгеймов. Соответствующие документы в распоряжении полиции от французских источников*».[2]

И это при том, что Яков Шифф на словах был крайне недоволен большевистской пацифистской политикой и их экспроприациями. Он даже возмущался ими, но на деле оказывал большевикам деятельную помощь. И это вовсе не обязательно говорит о лицемерии Шиффа. Как человеку ему могла искренне не нравиться деятельность большевиков по тем или иным вопросам, но как часть огромной силы, которой он подчинялся, Шифф должен был сотрудничать и помогать большевикам. Точно так же как и Ленину мог не нравиться Троцкий или Парвус, но так как Ленин зависел и от Шиффа, и от Троцкого, и частично от Парвуса, он вынужден был принимать правила их игры.

Помощь большевикам со стороны американских еврейских банкиров началась еще до большевистского переворота. Весной 1917 года они начали финансировать Троцкого, и именно благодаря их помощи последний свободно прибыл в Россию. М. Назаров пишет, что «*какая-то закулисная заграничная координация была и причиной объединения Троцкого с Лениным*».[3]

В этой связи весьма интересен предполагаемый протокол допроса видного члена большевистской партии троцкиста Х.Г. Раковского (Хаима Рейковера), проведенного в здании НКВД на Лубянской площади 26 января 1938 года. Подлинность происхождения этого документа далеко не очевидна и, скорее всего, он апокрифичен, но изложенные в этом документе факты тем не менее весьма близки к истине. Согласно этому документу, Раковского допрашивал некто Гавриил Гавриилович Кузьмин, он же советский заграничный агент Ренэ Дюваль, фигурировавший в протоколе

---

[1] *Саттон Э.* Указ. соч. С. 92.
[2] Там же. С. 224.
[3] *Назаров М.* Указ. соч.

под агентурной кличкой «Габриэль». Разговор почему-то шел на французском языке (может быть, потому, что Раковский, польский еврей из Болгарии, русский знал плохо), а стенографировал его, а потом и переводил врач-фармацевт НКВД И. Ландовский, владевший французским свободно. Тайком от Кузьмина и начальства он сделал для себя третий экземпляр документа. Зимой 1942 года Ландовский погиб под Ленинградом, а его дневник вместе с копией протокола допроса Раковского попал в руки друга Ландовского, добровольца из Испании. Позднее он вернулся на родину и опубликовал в Барселоне отдельной книгой под названием «Красная симфония» материалы Ландовского, в том числе и упомянутый протокол. В 1968 году книга вышла на русском языке в Буэнос-Айресе.

Раковский был непримиримым врагом Сталина и не скрывал этого. Он ненавидел Сталина именно за то, что, по его словам, Сталин возродил русский национализм и «изменил делу мировой революции». Будучи арестован, он понял, что ему не миновать смертного приговора. Тогда он предложил в обмен на жизнь открыть Сталину тайны русской революции.[1] Во время допроса Раковский сообщил о подлинной сути революции в России, о том, что главную роль в финансировании как Керенского, так и большевиков сыграли американо-еврейские банкиры, которых Раковский называет «они» или «спинозисты», по имени средневекового философа Б. Спинозы.

«Р.: Керенский ускорил революцию максимальным пролитием крови на фронте. Он создает такие условия, что дальше уже некуда. Более того, Керенский просто вручает государство большевикам. Троцкий тут же получает шанс и «незаметно» занимает весь государственный аппарат своими людьми. Что за странная слепота! Это реальность хвалебной Октябрьской революции. Большевики взяли только то, что «Они» дали им.

К.: Вы осмеливаетесь утверждать, что Керенский был сообщником Ленина?

Р.: Ленина — нет, но Троцкого — да!

К.: Абсурд.

Р.: Вы никак не поймете. Это меня удивляет.

Если вы были агентом, и, пряча свое истинное лицо, вы становитесь командиром вражеской крепости, что, вы разве не откроете ворота для атакующих сил, которым вы в действительности служите? Что, вы не станете пленником вместе со всеми? Что, вы не будете подвер-

---

[1] Раковский добился своего: смертный приговор ему был заменен 20-летним сроком заключения. Однако в 1941 году, при приближении вермахта к Москве, он был расстрелян по приказу Л.П. Берия. К слову сказать, в то же время были расстреляны такие видные участники Екатеринбургского злодеяния, как Голощекин и Белобородов.

гаться вместе со всеми опасности во время штурма своих же? Поверьте мне: без всяких памятников и мавзолеев революция намного больше обязана Керенскому, чем Ленину.

К.: Вы хотите сказать, что Керенский был сознательный и действительный агент врага?

Р.: Для меня этот факт не подлежит сомнению. Прошу учесть, что я лично принимал участие во всем этом. Я даже более вам скажу. Вы знаете, кто финансировал Октябрьскую революцию? «Они» финансировали ее. В особенности те, кто финансировал японцев, то есть Яков Шифф с братьями Варбургами. Это означает довольно большое созвездие: через один из пяти банков, которые члены Федерального резерва. Через «Кюн, Леб и К°». Через американских и европейских банкиров: Hanauer, Breitung, Aschberg, Nya Banken of Stockholm.

Якобы случайно я там был в это время, в Стокгольме, и принимал участие в передаче фондов. До того, как приехал Троцкий, я был единственным представителем получателя с революционной стороны. Наконец приехал Троцкий. Я должен подчеркнуть, что Франция изгнала его со своей территории именно за пораженчество. И в то же самое время именно союзники обеспечили доставку Троцкого в Россию, чтобы он был пораженцем там, у себя.

Что, опять случайное совпадение? Кто это все устроил? Те же самые люди, которые обеспечили поезд Ленину через линию фронта. Да — «Они» вытащили Троцкого из канадского концлагеря и доставили его в Англию, а затем в целости и сохранности доставили его в Россию. При этом пораженец Троцкий свободно прошел все пограничные пункты стран – союзников России.

Один их «Них», конкретно еврей Вальтер Ратенау, обеспечил Ленину проезд через вражескую Германию.

И если вы посмотрите на историю революций и гражданских войн без всяких предрассудков и изучите информацию в ее целостности, то вы ничего не обнаружите в них, кроме таких вот «восхитительных случайностей».

К.: Хорошо, примем, что случайностей нет. Что это нам дает?

Р.: Дайте мне закончить эту маленькую историю, и мы оба придем к заключению.

Прямо со времени прибытия в Петроград Троцкий открыто был принят Лениным. Но, как вы должны знать, между революциями 1905–1917 годов отношения между ними были сильно натянутыми.

И вот все сразу забыто, и Троцкий появляется во всей славе триумфа революции, хочет этого сейчас Сталин или нет.

Почему? Секрет знает жена Ленина Крупская. Она прекрасно знает, кто такой Троцкий в действительности, и она убеждает Ленина при-

нять Троцкого. Если бы Ленин не принял Троцкого, то он сидел бы в своей Швейцарии до сих пор.

Это была веская причина принять Троцкого, который на тот момент не был даже членом партии. Кроме того Ленин знал, что за Троцким стоят огромные деньги и огромная международная помощь. Доказательство этого Ленин получил в виде запломбированного поезда, который устроил Троцкий. Более того, именно Троцкий, а отнюдь не железная решительность Ленина, устроил так, что все левое крыло революционных партий, включая эсеров и анархистов, сплотилось вокруг никому не известной фракции большевиков. И это не просто так, что настоящей партией беспартийного Троцкого была старая еврейская партия «Бунд», из которой отпочковались все московские революционные партии и который дал 90% всех революционных лидеров. Я говорю не об официальном, всем хорошо известном Бунде, а о секретном Бунде (сионистах), которые инфильтрировали все социалистические партии и лидеры которых были полностью под их контролем.

К.: И Керенский тоже?

Р.: Керенский тоже, но также и некоторые лидеры и буржуазных партий, которые не были социалистами. Лидеры буржуазных фракций.

К.: Как это так?

Р.: Вы забываете роль масонства на первой фазе демократическо-буржуазной революции.

К.: Они тоже контролировались Бундом?

Р.: Приблизительно — да, а в действительности больше «Ими».

К.: Несмотря на то, что коммунисты угрожали их привилегиям и жизням?

Р.: Несмотря на это. Очевидно, что они не чувствовали опасности. Вы учтите, что каждый масон втайне надеялся на большее, чем было в действительности. Они же видели, что все большее число масонов появляется в правительствах. Тогда все политические лидеры союзников были масонами, с очень небольшим исключением. Поэтому каждый из них надеялся, что ему-то как раз повезет больше других. Они все почему-то верили, что революция остановится на буржуазно-демократической форме типа Англии.

К.: При той политической картине, которая была в 1917 году в России, надеяться на это было по крайне мере наивно.

Р.: Так они и были наивными. Масоны абсолютно не извлекли никакого урока из Великой Французской революции, где они играли выдающуюся роль. Эта революция поглотила большинство масонов, начиная с самого Грандмастера Орлеанской ложи его величества масона Людовика XVI, а затем поглотила и жирондистов, гебертистов, якобинцев и так далее; и если кто и выжил, то это только благодаря наступившему месяцу Брюмера.

К.: Вы хотите сказать, что масоны обязательно должны были умереть от революции, которая была им обязана своим возникновением?

Р.: Совершенно точно. Вы сейчас сформулировали принцип революции, который окружен большой тайной. Каждый масон должен умереть. Я масон, вы знаете об этом, не так ли? Я сейчас скажу вам масонский секрет, который они обещают, но не раскроют ни на 25-ой, ни на 33-ей, ни на 93-ей степени, ни на какой степени никакого ритуала. Ясно, что я знаю об этом не как масон, а как один из людей, принадлежащих к «Ним».

К.: И что это?

Р.: Каждая масонская организация создает все необходимые предпосылки коммунистической революции. Это очевидная цель масонства. Очевидно, что это делается под разными предлогами. Они все прячут за широко известным лозунгом: Свобода, Равенство, Братство. Вы понимаете? Но, поскольку коммунистическая революция имеет в виду уничтожение всего среднего класса общества, то это на самом деле самоубийство любого и каждого масона. Вы, конечно, понимаете, что вся эта помпа секретности, окружающая масонство, на самом деле нужна, чтобы скрыть реальные секреты масонства, тем более их последующее уничтожение. Если бы вы на машине времени попали бы в далекое будущее, то обратите внимание на то, какие глупые лица будут у масонов, которые будут умирать от рук настоящих революционеров. Как они кричат, какие у них заслуги перед революцией! Это зрелище, когда можно умереть,.. но от смеха».[1]

Если эти показания Раковского истинны, а они очень похожи на правду, то они рисуют точную картину единства двух так называемых революций: февральской и октябрьской, а также подчиненности революционеров и масонов всех мастей, при всем их внешнем разногласии, единому центру. Поэтому и «февралисты» и большевики могли сотрудничать и с еврейскими банкирами, и с германским генштабом, и с Антантой, и с масонами.

Масонская принадлежность большевиков — тема особая, во многом до конца не ясная, но то, что большевизм был тесно связан с масонством — несомненно. Сам Ленин еще на заре XX века читал лекции в парижской Русской высшей школе общественных наук, которая была создана под эгидой и контролем масонской ложи «Космос».[2] Членами масонских лож являлись большевики Л.Б. Красин, И.И. Скворцов-Степанов, Л.В. Луначарский и Г.И. Петровский. (Кстати, последний еще в марте 1914 года брал с согласия Ленина деньги на революционные нужды у «братьев» П.П. Рябушинского и А.И. Коновалова.) В 1936 году Н.И. Бухарин, находясь в

---

[1] http://www.zarubezhom.com/.
[2] *Брачев В.* С. Указ. соч. С. 244.

Праге, на одном из эмигрантских собраний перед собравшейся аудиторией сделал масонский знак, давая понять аудитории, что есть связь между нею и им.[1]

Л. Хасс уверяет, что Троцкий, находясь во Франции после своей сибирской ссылки, вступил там в масонскую ложу и получил степень подмастерья.[2] Правда и Хасс, и Берберова уверяют, что потом Троцкий вышел из масонства, и даже приводят его обличающие масонство слова, но общеизвестно, что из масонства так легко не выходят.

То, что Ленин и его окружение активно сотрудничали с масонами, видно из протоколов заседаний масонского Совета «Великого Востока Франции», опубликованных в парижской газете « Libre parole » Луи Тернаком в октябре 1920 года. «*Брат Карно*, — говорилось в протоколе, — *председатель, признает крайне доброжелательное отношение большевиков в Великому Востоку, указывая все-таки причины крайней обоюдной осторожности при ведении переговоров. Брат Миле высказывает от чистого сердца приветствие большевикам и, со своей стороны, как председатель общества недвижимости Великого Востока, высказывает им особую признательность за их великодушие, которое дало возможность восстановить храм на rue Cadet. Но общее мнение, что Великий Восток не должен заходить слишком далеко и компрометировать себя, а должен считаться и с отрицательным отношением к большевизму связанных с масонством купцов и мелких промышленников. Брат Гюарт признает, что большевистское движение в франк-масонстве оказало значительные услуги ордену в критические моменты ликвидации войны. Брат Лаи предполагает послать приветственную телеграмму зависящим от Великого Востока масонским ложам в России. Составление телеграммы поручается ему*».[3]

Обратим внимание, в России царят голод, разруха и нищета, а «самый человечный человек» направляет миллионы русских рублей на восстановление масонского храма!

После большевистского переворота в 1918 году в Петрограде была основана ложа из 40 членов под руководством канцлера императорского генерального консульства в Петрограде некоего Германа и русского чиновника министерства иностранных дел Беренса, которая стояла в непосредственном подчинении в качестве «полевой» ложи у великой германской ложи «Трех глобусов». Это была первая русская ложа, подчиненная германской, в которой говорили на двух языках. В качестве связующих звеньев между германской и русской группами были: отставной генерал Беклемишев и гласный городской думы П.А. Веретенников. Еще один ма-

---

[1] *Берберова Н.* Указ. соч. С. 98.
[2] *Иванов А.М.* Логика кошмара. М., 1993. С. 25.
[3] Двуглавый орел. 1926.

сонский журнал, «Латомия», утверждает, что в 1918 году в Петрограде возникло масонское общество «Восходящего солнца на берегу Невы», в которое входили братья из Франции, Англии и Голландии. Эта ложа находилась под покровительством той же прусской ложи «Трех глобусов».[1]

В общем, Ленин сотрудничал со всеми, кто мог ему помочь в его революционных планах: и с американскими капиталистами, и с еврейскими банкирами, и с масонами, и с германским Генштабом. В связи с последним часто называется имя А.И. Гельфанда-Парвуса. Однако, как нам кажется, роль Парвуса сильно преувеличивается. Существует мнение, что до июльских событий основным каналом для перевода «немецких денег» большевикам в Петроград служила экспортно-импортная фирма Парвуса, директором-распорядителем которой был М.Ю. Козловский, одним из основных партнеров — Воровский. Тем не менее нет фактов, подтверждающих это. Основным посредником между Лениным и германским генштабом был Карл Моор, человек, по некоторым сведениям, «*немецко-еврейского происхождения*». Моор был двойным агентом германской и австро-венгерской разведок, работавшим под псевдонимом «Байер» и во многом помогшим Ленину в получении права на жительство в Швейцарии, а затем в организации выезда в Россию через территорию Германии. При этом примечательно, что посредником между Моором и Лениным в передаче германских денег был Я.С. Ганецкий (Фюрстенберг). Ганецкий был долгое время личным казначеем Ленина и при этом прекрасно знал Парвуса и Троцкого. В этой связи утверждения о том, что Ганецкий являлся агентом германской разведки, звучат особенно странно. Для Ганецкого связь с германским генштабом являлась только ширмой, за которой прятались его связи с еврейскими международными финансовыми кругами, и точно такой же ширмой являлся большевизм Троцкого.[2]

«*Доказано, что “немецкие” деньги Ленина и “американские деньги” Троцкого в значительной мере происходили из одного источника. Немцы легко получали у еврейских банкиров в США (у Шиффа и др.) кредиты на революцию в России (причем выдавались они в нарушение американских законов и международного права — “не оказывать военных займов воюющим странам”). Эти деньги даже не всегда попадали в Германию, а переправлялись через "нейтральные" еврейские банки (Варбурга и др.) в скандинавские страны Парвусу и далее революционерам. И о странной истории с прекращением Керенским расследования “немецких денег Ленина” видный масонский политик Т. Масарик писал в своих воспоминаниях: “В это дело был запутан один американский гражданин, занимавший очень высокое положение. В наших интересах было не*

[1] Двуглавый орел. № 11. 1927.
[2] Отечественная история. № 2. 1993.

компрометировать американцев" . Керенский же, не имея опоры в народе, послушно подчинялся "братским" указаниям из-за границы».[1]

29 декабря 1915 года Гамбургское отделение еврейского «Федерального Резервного Банка» Пауля Варбурга выдало первый миллион золотых рублей «на организацию революции в России».

В апреле 1917 года Ленин и 32 его соратника вернулись в Россию из Швейцарии в опломбированном немцами бронированном вагоне за деньги опять-таки банкирского дома Варбургов.

Одновременно с пломбированным вагоном, вышедшим из Германии в Россию, в том же направлении из США вышел «пломбированный» пароход, доставивший в Россию группу евреев-революционеров во главе с Львом Троцким. Корабль сопровождало несколько американских финансистов. «*Пароход был задержан в апреле канадскими военными службами в Галифаксе, где «русских революционеров» интернировали, справедливо считая их планы выгодными Германии и мешающими успешному для Антанты завершению войны. Но вскоре все они уже тогда были отпущены и прибыли в Россию. Произошло это после заступничества российского Временного правительства (Милюков) с участием некоторых влиятельных фигур в Англии, Канаде и США (достаточно отметить, что паспорт Троцкому выдал президент США Вильсон)*».[2]

Таким образом, мы можем констатировать, что заговорщики 1917 года, как февральские, так и октябрьские, имели одних кредиторов и одних руководителей. Это делает идеологические различия между ними не решающими. Мы видим, что идеологические убеждения «февралистов» и большевиков, даже если они и были искренними, вовсе не определяли ход событий. Мотивы прихода в революцию Керенского и Ленина могли быть разными, но действовали они согласно единому разработанному сценарию, причем сценарию, разработанному не ими. Керенский мог сколько угодно мечтать «о демократической России», а Ленин «о всемирной революции пролетариата», но без американо-еврейских денег, без помощи европейского масонства, без заинтересованности германского генштаба, без поддержки Антанты они так бы и остались мечтателями. Могущественные силы дали им шанс ворваться в историю «с черного хода». Нисколько не задумываясь о последствиях, они воспользовались этим шансом, думая, что смогут руководить ситуацией, но оказалось, что играть они должны по чужим правилам, которые предусматривают в конце игры политическую или физическую смерть для обоих. При этом Яков Шифф и ему подобные были готовы оплачивать услуги любой силы, которая будет враждебна исторической России, будь то Керенский, Ленин, Колчак или Петлюра.

---

[1] Русский Дом. № 4. 2002.
[2] Там же.

Все эти силы получали субсидии, в том числе и от американо-еврейского капитала.

Понятно, что если Керенский и Ленин были во многом заложниками своих союзников и тайных руководителей, то они были вынуждены подчиняться им. При этом, несмотря на кажущуюся вражду, смена власти от «февралистов» к большевикам прошла почти бескровно и организованно. Мы уже отмечали выше, что Троцкий как председатель Петроградского Совета еще до Октябрьского переворота имел власть большую, чем власть Временного правительства. Вспомним, как именно Троцкий освобождал из тюрем врагов Временного правительства, и никто ему не мог в этом помешать. С другой стороны, во время большевистского переворота Керенский почти открыто выехал из Петрограда и, в отличие от советских басен, не в женском платье, а в автомобиле **американского (!)** посольства, который беспрепятственно пропускался через красные патрули.

Зачем же закулисе понадобилось заменять Керенского на Ленина? Вопрос этот, конечно, неоднозначный, но главной причиной нам представляется неспособность Керенского расправиться с захваченной Россией. И дело было здесь не в гуманности Керенского. Просто у Керенского была другая роль: роль демократического руководителя. Играя эту роль, Керенский не мог увлечь за собой большие массы, не мог отдавать приказы о массовых расстрелах заложников, о физическом уничтожении целых классов населения, о тотальном грабеже народа и тому подобное, что с успехом делал потом Ленин. Пока Керенский кричал о «гуманности революции», о «свободе, равенстве и братстве», пока он был противником смертной казни, мировая закулиса понимала — окончательного и бесповоротного умерщвления России не произошло. Нужен был другой лидер, другая сила, способная разжечь гражданскую войну, отмести, как ненужный хлам, все понятия о совести, морали, вере, залить Россию кровью, отобрать у людей их имущество, сделать их подневольными рабами, уничтожить православную церковь, предоставить миллионы золотых рублей и миллионы солдат на службу мировой революции и двинуть эти миллионы в Европу. Для этой задачи как нельзя лучше подходили Ленин, Троцкий и им подобные.

Ленин, Троцкий, Свердлов опирались далеко не только на одни еврейские, масонские и германские силы. Поистине все силы, ненавидевшие Самодержавную Православную Россию, как внутри ее, так и за ее пределами, были союзниками большевиков. Десятки многочисленных раскольничьих, старообрядческих и изуверских сект и еретиков немедленно заявили о полной поддержке и лояльности Ленину и Советской власти. Как верно писал К. Михайлюк: «*Массовое сектантское движение сыграло выдающуюся роль в революции 1917 года как в феврале, так и в октябре*».[1]

---

[1] НГ Религии. 2004, 12 мая.

Здесь необходимо вспомнить, что в подготовке и осуществлении февральской революции большую роль также сыграли старообрядческие секты и их представители в Государственной Думе: Гучков, Коновалов, Авксентьев, Рябушинский и так далее. Среди тех, кто в октябре 1917 года активно поддержали Ленина, были «толстовцы», «трезвенники», «адвентисты седьмого дня», «баптисты», «хлысты», «скопцы», «духоборы», «новоизраильтяне», «молокане» и другие. «Адвентисты седьмого дня» даже заявили, что на Ленине «*почивает благодать божья»,* а сам Ленин, принимая в 1918 году приехавшего к нему из Новгородской губернии сектанта-баптиста Петрова, сказал ему: «*Да поможет вам ваш Бог, в которого вы так твердо верите, во всех ваших начинаниях по созданию той коммуны, к которой рвется ваша христианская душа, а советская власть в этих начинаниях вам всегда окажет содействие*».[1]

Понятно, что Ленин говорил подобные слова вовсе не из-за своей «веротерпимости». Главными причинами поддержки им сектантов и раскольников были стремления уничтожить православную церковь и получить финансовую поддержку со стороны старообрядческого капитала, а то, что этот капитал был весьма значителен, видно из той роли, какую он сыграл в свержении православной монархии в России.

Безусловно, необходимым условием для уничтожения России было для мировой закулисы убийство Русского Царя. Этому убийству изначально уделялось первостепенное значение, и в нем как нельзя лучше видна преемственность между режимом «Февраля» и режимом большевиков. Мы уже видели, что схемы затягивания петли вокруг Царской Семьи, бывшие во времена Керенского, нисколько не изменились во времена большевиков. Если Керенский оправдывал ужесточение режима содержания в отношении Царской Семьи Петроградским Советом и большевиками, то Свердлов — опасностью «белогвардейского заговора» и «своеволием» уральцев. И те, и другие использовали для осуществления своих планов одни и те же низменные средства: ложь, шантаж, клевету; и те, и другие действовали по указке заграничных сил.

Если мы начнем внимательно присматриваться к этим заграничным силам, то убедимся в их общности. Важнейшим иностранным наблюдателем за судьбой Царской Семьи как при Керенском, так и при большевиках были различные миссии «Красного Креста», и в частности, американская миссия, которую возглавлял американский кадровый разведчик полковник Р. Робинс. Организация «Красного Креста», созданная швейцарским масоном А. Дюнаном в 1863 году, являлась легальным прикрытием разведчиков разных государств, и за ее вывеской скрывалась не одна секретная операция.[2] В частности, миллионы долларов шли большевикам от аме-

[1] НГ Религии. 2004, 12 мая.
[2] *Саттон* Э. Указ. соч. С. 96.

риканских капиталистов через счета «Красного Креста» в Петрограде. Американский «Красный Крест» начал свою деятельность еще в 1916 году, когда члены его миссии были посланы в Петроград и работали в Царскосельском госпитале. Мы помним, что летом 1917 года Царская Семья была тайно доставлена в Тобольск под знаком миссии «Красного Креста», одни говорят японской, другие американской. Также по имеющейся информации в Екатеринбурге в Ипатьевском доме Государя посетили неизвестные сотрудники «Красного Креста», которые якобы были немцами.

Имеются также сведения, что в 1917 году была организована некая тайная англо-американская миссия в Россию, якобы «для спасения Царской семьи», для чего правительства США и Англии предоставили по 75 000 долларов банку «Кун, Леб и К°», руководимому Шиффом.[1]

Таким образом, Царская Семья была все время под неусыпным оком заграничной закулисы. Примечательно, что почти все ее тюремщики либо были масонами, либо самым тесным образом связаны с заграничными силами. Эти силы держали под контролем ситуацию вокруг Царской Семьи от ареста в Александровском дворце до убийства в подвале Ипатьевского дома. В России сменялись режимы и вожди, но положение Царской Семьи оставалось прежним. Окруженная всеобщим заговором, находясь в руках смертельных врагов православной России и христианства в целом, Царская Семья неминуемо должна была быть убита, и убийство это должно было символизировать собой окончательную смерть России.

---

[1] Русь Православная. № 4. 1998.

Глава 2
Кто был организатором Екатеринбургского злодеяния?

Обычно ответ на вопрос, кто убил Царскую Семью, звучит одинаково: большевики. Но нас такой ответ не может удовлетворить. Мы знаем, что большевики были неоднородным явлением. Условно руководство Российской Социал-демократической партии (большевиков) делилось на «заграничное», в основном находившееся заграницей, и «российское», в основном территорию России не покидавшее. К первым относились Ленин, Зиновьев, Раковский, Сафаров, Шляпников, Радек, Иоффе, Мануильский, ко вторым — Сталин, Дзержинский, Каменев, Калинин и другие. Особняком среди этих людей стояли Свердлов и Троцкий. Как первый, так и второй примкнули к большевизму непосредственно перед Октябрьским переворотом.

Некоторые исследователи, деля большевиков на вышеуказанные две группы, считают «заграничных» сторонниками мировой революции, для которых Россия была лишь плацдармом для ее осуществления, а «российских» — сторонниками «построения социализма в одной взятой стране». Однако такое деление весьма условно, ибо среди «российских» большевиков был Свердлов, один из самых главных представителей интересов заграничной закулисы, а среди «заграничных» — Ленин, который в конце концов и стал идеологом построения социализма в России.

Не вызывает никаких сомнений, что большевики не представляли собой однородную силу. Ясно, что цели, планы и политическое видение Сталина или Шляпникова отличались от целей, планов и политического виденья Свердлова или Троцкого. Понятно, что и силы, стоящие за большевиками, были не всегда одинаковыми. Кроме того, многие большевистские лидеры, будучи незаурядными личностями, обладали собственными амбициями и стремлениями, которые также порой входили в противоречие с амбициями и стремлениями их товарищей по партии.

Мы знаем, сколь разными были позиции членов большевистской верхушки по поводу многих политических вопросов внешней и внутренней политики: по Брестскому миру, по продразверстке и продналогу, по устройству будущего СССР, по вопросам НЭПа, наконец, по стратегическим вопросам развития страны в 30-е годы. Мы также знаем, сколь важное значение играло в большевистской политике влияние заграничных закулисных сил.

Учитывая все это, мы вправе задать следующие вопросы.

1. Все ли большевистское руководство было причастно к организации убийства Царской Семьи?

2. Если не все, то кто именно был причастен к этому злодеянию?

3. Участвовали ли другие силы в этом преступлении и если да, то какие именно?

Так как ответы на эти вопросы могут претендовать на отдельное исследование, чего мы, разумеется, не можем позволить в рамках настоящего труда, то мы ограничимся кратким исследованием вопроса о причастности к Екатеринбургскому злодеянию нескольких лиц, наиболее часто упоминаемых в связи с этим событием. При этом мы полагаем, что это короткое исследование даст нам возможность хотя бы в общих чертах прояснить вышепоставленные вопросы.

Ленин

Вопрос о причастности к убийству Царской Семьи Владимира Ильича Ульянова (Ленина) стал рассматриваться в отечественной историографии лишь недавно. В советское время, когда Ленин был превращен в сказочный лубок и лже-икону, говорить всерьез об изучении жизни Ленина вообще, а тем более об его участии в гибели Царской Семьи не приходилось. Весь советский период в весьма малочисленной литературе, посвященной убийству Царской Семьи, безраздельно господствовала легенда Свердлова образца 1918 года о «своевольных уральцах». В таких условиях вопрос о причастности Ленина к убийству Царской Семьи отпадал сам собой.

После распада СССР картина, хотя не сразу и постепенно, но изменилась с точностью до наоборот. Уже считается само собой разумеющимся утверждение, что «Ленин и большевики приказали убить Царскую Семью». Из поздних исторических работ наиболее безапелляционно это убеждение проводится в книге И.Ф. Плотникова «Гибель Царской Семьи». Плотников всеми силами стремится доказать ведущую роль Ленина в организации Екатеринбургского злодеяния. «*Над Николаем II*, — пишет И.Ф. Плотников, — *да и вообще над Романовыми могла быть учинена внесудебная расправа, она определенно провоцировалась с зимы 1918 года, тщательно готовилась и была неизбежна. Этот исход предопределялся главой большевистской партии и правительства В.И. Лениным. Изучение совокупности источников той эпохи, большевизма, деятельности Ленина позволяет уверенно утверждать, что с Романовыми должны поступить так, как хотел ОН — Ленин, и не иначе*».[1]

---

[1] *Плотников И.Ф.* Указ. соч. С. 30.

В доказательство своих мыслей Плотников приводит множество кровожадных ленинских высказываний, из которых следует, что он, Ленин, планировал «*отрубить головы по меньше мере сотне Романовых*» чуть ли не с детства. В результате личность Ленина у Плотникова демонизируется, становится единственно решающей фигурой на советском политическом Олимпе. Все остальные — Свердлов, Троцкий — отходят на второй план, становятся лишь исполнителями ленинской воли. Такая постановка вопроса так же не соответствует истине, как и советский лубок «о самом человечном человеке».

Плотников также ссылается в качестве доказательства причастности Ленина к убийству Царской Семьи на слова видного советского деятеля В.М. Молотова из книги писателя Ф. Чуева «Молотов. Полудержавный властелин». Вот как, по Чуеву, ответил Молотов на вопрос писателя: «*Говорят, Ленин не имел отношения к расстрелу Царской Семьи в 1918 году, что на это решилась местная власть при наступлении Колчака. А некоторые говорят — месть за брата?*

— Тогда Ленина изображают чудаком. Это мелкотравчатые обыватели. А тут даже думать не надо. Это настолько ясно, что иначе быть не может. Не будьте наивным.

Мы гуляем по дачному поселку, Молотов вдруг остановился, ткнул палку в асфальт и посмотрел на меня:

— Думаю, что без Ленина никто на себя не взял бы такое решение».[1]

Что следует из этого свидетельства Молотова? Во-первых, оно передано в изложении Чуева, а это все-таки не прямое свидетельство. К слову сказать, по словам внука Молотова В. Никонова, Чуев проводил свои записи нелегально, тайно записывая разговоры с Молотовым на диктофон. Во-вторых, Молотов долгие годы был главой советской дипломатии, а дипломатам, как известно, верить на слово нельзя. Наконец, в-третьих, в словах Молотова присутствует неуверенность по поводу им же сказанного: «*думаю, без Ленина никто бы не взял на себя такое решение*». «Думаю» — значит «не уверен». А, как говорится, все сомнения в пользу обвиняемого. Поэтому свидетельство Чуева-Молотова никак нельзя считать убедительным.

Не менее «убедительными» являются сведения из воспоминаний сына Л.П. Берии Серго, который пишет: «*Николай II и его Семья были расстреляны. Инициатором расстрела был Владимир Ильич Ленин. Свердлов? Он тоже настаивал на расстреле, хотя никакой опасности, что Царскую Семью захватят, не было. Все это придумано уже было потом. Я говорю лишь то, что узнал от своего отца. Отец, в свою очередь, рассказал мне со слов Сталина. Ленин, повторяю, настоял на расстреле.*

---

[1] *Чуев Ф.* Молотов. Полудержавный властелин. М.: Олма-Пресс, 1999. С. 244.

Вот вам еще одно подтверждение причастности Ленина к гибели Царской Семьи!»[1]

Но нам все же так и непонятно, в чем заключается это «подтверждение»? В словах Сталина, переданных Берии, который в свою очередь передал их сыну? Весьма сомнительное подтверждение! Нам не известны ни точные слова Сталина, ни точный их пересказ Берии. К тому же представляется весьма странным, чтобы Сталин делился с Берия, с которым он никогда не был близок, вопросами, прямо никаким образом не относящимися к непосредственным обязанностям Берии. Еще раз повторяем, Сталин и Берия не были близкими друзьями, их отношения строились по принципу начальник — подчиненный, и сталинская откровенность с подчиненным в таком щепетильном для большевиков деле, как убийство Царской Семьи, представляется весьма странной. Вообще доверять воспоминаниям Серго Берия следует с большой осторожностью, так как в них полным полно всякого рода небылиц и неточностей. Чего стоят повествования С. Берия о «выжившей» великой княжне Анастасии Николаевне, которая содержалась большевиками в психиатрической лечебнице и которую такие же «высокопоставленные» больные поздравляли с «тезоименитством» и в присутствии медперсонала целовали руки! Совершенно очевидно, что Серго Берия не владеет темой убийства Царской Семьи, в его книге есть совершенно нелепые ошибки, когда он, приводя слова Юровского «*в шесть часов увезли мальчика, что очень обеспокоило Романовых*», принимает этого мальчика, на самом деле — поваренка Л. Седнева, за Наследника Цесаревича и на этом основании строит гипотезы о его «спасении».[2]

Ясно, что строить серьезные выводы на таких «подтверждениях» нельзя.

Между тем, изучение той самой «*совокупности источников и деятельности Ленина»,* о которых пишет И.Ф. Плотников, приводят нас к очень сложной и запутанной ситуации, в которой роль Ленина не представляется такой решающей и определяющей. Причем это касается не только убийства Царской Семьи, но и вообще первых лет Советской власти. При этом следует отметить, что И.Ф. Плотников, чья книга называется «Правда истории», упускает из вида целый ряд важных свидетельств и документов, которые не подтверждают его выводы. Нам не ясна причина подобного поведения И.Ф. Плотникова, происходящего то ли от незнания им этих документов, то ли от сознательного их умалчивания, но факт остается фактом.

Прежде чем мы начнем разговор об участии или неучастии Ленина в организации убийства Царской Семьи, мы считаем нужным сказать несколько слов о нашем отношении к личности Ленина. Все, что мы будем говорить ниже, вовсе не продиктовано стремлением оправдать Ленина. Для нас Ленин как духовное объективное явление есть предтеча Антихри-

---

[1] *Берия С.* Мой отец — Лаврентий Берия. М.: Современник, 1994. С. 314.
[2] Там же. С. 323.

ста, один из самых чудовищных «аполлеонов-губителей», какие только знала мировая история.

Как историческое явление Ленин был одним из главных разрушителей Российской империи, организатором геноцида ее народов, прежде всего русского народа, организатором чудовищного грабежа русского имущества и национального богатства, яростным богоборцем и врагом Православия, и в то же время незаурядным организатором, хорошим тактиком и аналитиком, умеющим просчитывать многоходовые политические комбинации и интриги. Кроме того, Ленин был одержим своими идеями, вне осуществления которых он не видел смысла жизни. При этом Ленин под влиянием событий мог быть довольно гибким и уступчивым политиком, оставаясь одновременно хладнокровным и расчетливым. Ленин был готов идти на любые уступки и компромиссы в тех вопросах, которые казались ему малозначительными, как, например, государственная целостность России, если он считал, что этим он сохранит свою власть. Ленин был абсолютно лишен таких качеств, необходимых политику и государственному деятелю, как патриотизм, знание национальных особенностей своей страны и народного характера. Ленин не смог создать ни своего государства, ни своей литературы, ни своего искусства, ни своего архитектурного стиля, ни своего театра, ничего, что создавали до него все русские цари. Ленин превратил Россию в огромный полигон для сомнительных кровавых экспериментов различных политических сектантов и авантюристов. Ленин был великим разрушителем и бездарным созидателем.

В плане личностном Ленин был удивительно узконаправленным, малоинтересным и при этом глубоко несчастным человеком. Уверовав в догматы марксизма как в религию, Ленин, говоря сталинским языком, словно «начетчик и талмудист», следовал этой религии, губя себя и страну.

Хорошо и очень точно обрисовал образ Ленина писатель А. Куприн: «*Ленин не вождь: в нем нет пламени, легендарности и обаяния героя; он холоден, прозаичен и прост, как геометрический рисунок... Идя по следам Маркса, он рабски доводит его жесткое, каменное учение до пределов абсурда и неустанно ломится еще дальше. В его личном, интимном характере нет ни одной яркой черты, — все они стерлись, сгладились в политической борьбе, полемике и односторонней мысли, но в своей идеологии он – русский сектант. Для Ленина Маркс – непререкаем. Нет речи, где бы он не оперся на своего Мессию, как на неподвижный центр мироздания. Но, несомненно, если бы Маркс мог поглядеть оттуда на Ленина и на русский сектантский, азиатский большевизм – он повторил бы свою знаменитую фразу: "Pardon, mensieurs, je ne suis pas marxiste".*[1]

Красные газетчики делают изредка попытки создать из Ленина нечто вроде отца народа, этакого доброго, лысого, милого, своего "Ильича". Но попыт-

---

[1] «Простите, господа, но я не — марксист!» (фр.)

ки не удаются. Никого лысый Ильич не любит и ни в чьей дружбе не нуждается. По заданию ему нужна – через ненависть, убийство и разрушение – власть пролетариата. Но ему решительно все равно: сколько миллионов этих "товарищев-пролетариев" погибнет в кровавом месиве. Если даже в конце концов половина пролетариата погибнет, разбив свои головы о великую скалу, по которой в течение сотен веков миллиарды людей так тяжко подымались вверх, а другая половина упадет в новое неслыханное рабство, он спокойно оботрет хирургический нож о фартук и скажет: "Диагноз был поставлен верно, операция произведена блестяще, но вскрытие показало, что она была преждевременна. Подождем еще лет триста..."

Ленин нечто вроде камня, вроде утеса, который оторвался от горного кряжа и стремительно катится вниз, уничтожая все на своем пути. И при том — подумайте! — камень, в силу какого-то волшебства — мыслящий!. Нет у него ни чувства, ни желаний, ни инстинктов. Одна острая, сухая, непобедимая мысль: падая – уничтожаю».[1]

Все творения искусства, человеческой мысли и духа, все нормы морали не значили для Ленина ровным счетом ничего, если они не попадали в прокрустово ложе марксизма, а вернее сказать, его собственной интерпретации марксизма.

Мы обозначали нашу позицию по поводу Ленина, чтобы заявить, что мы решительно против того, чтобы объяснять такое чудовищное злодеяние, каким является убийство Царской Семьи, волей одного или даже нескольких человек. Такая позиция как раз очень удобна для тех, кто хочет скрыть главных злодеев и главные причины злодейства. Мы глубоко уверены, что Ленин, несмотря на свою патологическую жестокость, не являлся организатором убийства Царской Семьи и более того — боялся такого развития событий. Однако это не означает, что Ленин не приветствовал или осуждал это преступление.

Проведя большую часть жизни заграницей и вернувшись в Россию лишь после Февральского переворота, Ленин не знал всех тонкостей российской политической обстановки, как не был он осведомлен о реальной расстановке сил в собственной партии. Со многими из ее «российских» руководителей, как, например, со Свердловым, он виделся впервые. При этом надо помнить, что «российские» большевики считали победителями в первую очередь себя, а не своих «заграничных» товарищей. Ведь это они, «российские» большевики, шли на каторгу и в ссылку, пока «заграничные» поводили время на уютном и комфортном Западе. Поэтому оголтелое устремление Ленина на новую революцию и нежелание его прислушиваться к чьему-либо мнению вызывало недовольство среди части «российского» партийного руководства.

---

[1] Голос оттуда. М.: Согласие, 1999.

Между тем у Ленина были свои разногласия и с другой «заграничной» частью большевиков, особенно с Троцким. С последним Ленин вообще находился в натянутых отношениях. О причинах их сближения перед Октябрем мы уже писали: двоих вождей революции сблизили большие суммы еврейских денег, которые привез с собой Троцкий. Но это объединение было возможно только на время организации и осуществления октябрьского переворота. Но уже сразу после него проявились коренные различия между Лениным и сторонниками Троцкого. Особенно это проявилось во время Брестского мира, когда Ленину с большим трудом удалось отстоять необходимость заключения «похабного» мира с Германией. При этом большая часть партийных противников этого мира исходила вовсе не из патриотических соображений и не из того, что огромные территории отторгаются от России. Мир с «империалистической» Германией мешал делу «мировой революции», отодвигал «освободительный» поход в Германию! Часто позицию Троцкого «ни мира, ни войны, а армию распустить» считают признаком его авантюризма. Но на самом деле, если учесть тесную связь Троцкого с международным масонством и американо-еврейскими финансистами, то можно себе представить, что троцкистские планы имели определенные шансы на успех. Троцкий вполне мог надеяться, что большевистская революция распространится на Германию, где имелись схожие с большевиками революционные силы. Но в данном случае в Ленине сказался больше расчетливый политик, чем революционный стратег. Революционная война с немцами не давала ему никаких преимуществ, так как, во-первых, он сильно зависел от кайзеровского правительства, а во-вторых, сам уже не очень верил в возможность мировой революции в настоящих условиях. Для Ленина гораздо большей реальностью, чем германская революция, были германские штыки. При этом Ленин понимал, что в случае неудачи Троцкий вернется туда, откуда он приехал, то есть в США, а вот Ленину деваться было некуда: его ожидала политическая и, вполне вероятно, физическая смерть.

В общем, идя на Брестский мир, он отказывался от попытки разжечь пожар мировой революции в пользу сохранения большевистской власти в России, что ставило его в оппозицию сначала к Троцкому и его сторонникам, а затем и к его заграничным покровителям. В «Красной Симфонии» арестованному Раковскому приписывают следующие слова: «*революция совершилась, власть захвачена. И тут возникает первая проблема: мир. И вот тут возникает первый раскол внутри победителей. Вы, должно быть, прекрасно знаете о той борьбе, которая велась между сторонниками и противниками мира в Брест-Литовске. Я только вам напомню, что троцкисты были против подписания Брест-Литовского мира. Этот мир был роковой ошибкой и неосознанным предательством Лениным мировой революции. Если бы не этот мир, то большевики пришли бы на Версальскую мирную конференцию, в Лигу Наций. Красная Армия, вооруженная до зубов союзниками, вошла бы в Германию. Красная Армия не позволила бы пропасть Германской революции. Это была бы уже*

совершенно другая карта Европы. Но Ленин, в упоении властью, поддержанный национальным крылом партии, настоял на своем. Таким образом и был рожден тезис о «построении социализма в одной стране», а на самом деле махровый национал-коммунизм, который теперь и достиг своего расцвета при Сталине. Команды Ленина и Троцкого вели упорнейшую борьбу. Только одно условие соблюдалось: коммунистическое государство не должно было быть разрушено».[1]

Спор по Брестскому миру внес очередной разлад в руководство большевистской партии, в котором причудливо сплелись интересы самых разных политических и экономических сил и группировок. Ленин, безусловно, должен был их учитывать, точно так же, как должен он был учитывать интересы и немцев, и масонов, и американских евреев, и русских сектантов-раскольников. Но более всего, конечно, он зависел от немцев. После прихода большевиков к власти и заключения Брестского мира влияние Германии в Советской России чрезвычайно усилилось. К июлю 1918 года ежемесячные расходы немцев на пропаганду в России, то есть, читай, на пропаганду большевизма, уже достигли 3 миллионов марок. Одновременно и Ленин неизменно выполнял практически все германские требования. Через «Дейчебанк» Мендельсона большевиками в Германию было отправлено в счет репараций 2, 5 млрд. золотых рублей по курсу 1913 года, вывезено 2 млн. пудов сахара, 9132 вагона хлеба, 2 млн. пудов льноволокна, 1218 вагонов мяса, 294 вагона пушнины.[2]

Ленин делает все, чтобы расположить к себе германское правительство. И немцы выделяют его из общего числа большевистских руководителей. 16 мая 1918 года у Ленина состоялась встреча с германским послом Мирбахом, отчет о которой тот направил в Берлин. Мирбах писал: «*Сегодня я имел продолжительную беседу с Лениным об общем положении. Надо сказать, что Ленин твердо верит в свою звезду и продолжает неизменно сохранять неисчерпаемый оптимизм. Все же и он признает, что, хотя его система остается непоколебимой, количество нападающих на нее элементов увеличилось и положение требует более напряженного внимания, чем месяц назад. Свою уверенность он обосновывает прежде всего тем, что правящая партия является единственной партией, опирающейся на организованную власть, в то время как все другие партии сходятся только на отрицании существующей власти. Ленин говорил, отнюдь не жалуясь на судьбу и без каких-либо упреков. Он избегал также всяких намеков на то, что при дальнейшем затягивании нынешнего положения он мог бы оказаться вынужденным возобновить контакты с другой группировкой держав*».[3]

---

1 http://www.zarubezhom.com.

2 *Поцелуев В.* Указ. соч. С. 416.

3 Вопросы истории. С. 124.

Но Ленин пытался заручиться поддержкой не только Германии, еще 5 марта 1918 года он встречался с резидентом американской разведки Р. Робинсом и вел с ним переговоры о поддержке советского правительства со стороны США и Антанты.[1]

Спросим себя: мог ли Ленин в таких условиях быть полностью независимой фигурой, наделенной всей полнотой власти? Ответ очевиден: нет, не мог. Уже потом, после падения кайзеровского режима, в ходе победы в Гражданской войне, когда авторитет его в обществе и народе стал весомым, Ленин сумел сосредоточить в своих руках большую власть, но до конца своих дней Ленин не был полновластным властителем государства, никогда не был единодержавным правителем. Что же касается лета 1918 года, когда решалась судьба Царской Семьи, Ленин был одним из самых известных и уважаемых в партийном руководстве лидеров, но, тем не менее, равным среди равных. При этом среди большевистской верхушки были люди, обладавшие гораздо большей властью, чем Ленин.

Безусловно, что главным врагом для Ленина было русское Самодержавие. В этом играли роль также и личные мотивы Ленина: в 1887 году за подготовку покушения на жизнь Императора Александра III был казнен его старший брат А.И. Ульянов. Однако не стоит преувеличивать эти мотивы и считать, что Царская Семья была убита по причине мести Ленина, как это делают некоторые исследователи. Личные мотивы никогда не играли у Ленина ведущую роль, да к тому же, вопреки легендам советских времен, у него никогда не было теплых отношений со старшим братом.

Царская династия была ненавидима Лениным не столько по причине гибели брата, сколько потому, что она мешала осуществлению его идей о мировой революции. Эта мировая революция у Ленина не сводилась к простому установлению диктатуры пролетариата. Нет, это должна была быть революция против всего традиционного миропорядка, война против государства, религии, морали, в конечном счете, война против Бога. Неслучайно одним из самых любимых ленинских произведений был лермонтовский «Демон». Интересно, что первым делом в недолгой трудовой практике Ленина в качестве адвоката была защита крестьянина, обвиняемого в богохульстве и оскорблении Царского имени.[2]

Естественно, что в этой войне Царь становится первым врагом. Примечательно, что когда во время Мировой войны Ленин, находившийся в Австро-Венгрии,[3] был арестован местными властями, то депутат-социалист

---

[1] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 585.

[2] *Березов П.* Свержение двуглавого орла. М., 1967. С. 13.

[3] Примечательный штрих к личности Ленина: во время тяжелейшей войны, которую вела Россия, он скрывался не где-нибудь, а во вражеской стране — Австро-Венгрии! Откуда продолжал, как мог, вредить своей бывшей Родине.

австро-венгерского рейхстага В. Адлер обратился к главе императорского правительства графу К. фон Штюргу с просьбой освободить Ульянова как заклятого врага русского правительства.

— А уверены ли вы, — спросил Штюрг, — что Ульянов — враг русского правительства?

— О да! Вполне! — ответил Адлер. — Он более заклятый враг, чем даже вы, ваше превосходительство.[1]

Ленин ненавидел любого монарха, но Государь Николай II ему был ненавистен особо. В своих работах и письмах Ленин прямо-таки изрыгает хулу на Царя, не скупится на самые кровавые обещания расправы над ним и его родом. Он любил приводить в пример террориста Нечаева. «*Совершенно забывают,* — говорил Ленин, — *что Нечаев обладал особым талантом организатора, уменьем всюду устанавливать навыки конспиративной работы, умел свои мысли обличать в такие потрясающие формулировки, которые оставались памятными на всю жизнь. Достаточно вспомнить его ответ в одной листовке, когда на вопрос — “Кого же надо уничтожить из Царствующего Дома?” — Нечаев дал точный ответ: “Всю великую ектинию”. Ведь это сформулировано так просто и ясно, что понятно для каждого человека, жившего в то время в России, когда православие господствовало, когда огромное большинство так или иначе, по тем или иным причинам бывало в церкви, и все знали, что на великой, на большой ектинии, вспоминается весь Царский Дом, все члены Дома Романовых. Кого же уничтожить из них? — спросит самый простой читатель. — Да весь Дом Романовых — должен он был дать себе ответ. Ведь это просто до гениальности!*»[2]

В 1911 году в своей работе «*О лозунгах и о постановке думской и внедумской социал-демократической работы*» Ленин писал: «*Либеральные дурачки болтают о примере конституционной монархии вроде Англии. Да если в такой культурной стране, как Англия, не знавшей никогда ни монгольского ига, ни гнета бюрократии, ни разгула военщины, если в такой стране понадобилось отрубить голову одному коронованному разбойнику, чтобы обучить королей быть “конституционными” монархами, то в России надо отрубить головы, по меньшей мере, сотне Романовых, чтобы*

---

[1] *Березов П.* Указ. соч. С. 14.

К слову сказать, граф Штюрг дорого заплатил за заигрывания с «врагами русского правительства» и за сотрудничество с подобными личностями типа Адлера. 16 октября 1916 года Штюрг будет убит сыном того самого В. Адлера Фридрихом в одном из венских ресторанов.

[2] *Бонч-Бруевич В.Д.* В.И. Ленин о художественной литературе. М., 1934. С. 18.

отучить их преемников от организации черносотенных убийств и еврейских погромов».[1]

Выступая на I съезде Советов Ленин указывал, что «*Николай Романов содержится на льготных условиях».*[2]

21 апреля/4 мая 1917 года Ленин в резолюции ЦК РСДРП(б) указывает: «*Мы считаем Вильгельма II таким же коронованным разбойником,* ***достойным казни****, как и Николая II*». (Выделено нами. – *П.М.*)[3]

В сентябре 1919 года в статье «*Как буржуазия использует ренегатов*» Ленин вспоминал: «*На II съезде нашей партии, в 1903 году, возник большевизм, создавалась программа партии, и в протоколах съезда значится, что мысль вставить в программу отмену смертной казни вызвала только насмешливые возгласы: "и для Николая II?" Даже меньшевики в 1903 году не посмели поставить на голоса предложения об отмене смертной казни для Царя».*[4]

Уже после убийства Царской Семьи Ленин с одобрением говорит об этом преступлении: «*Мы выкинули всю монархическую нечисть как никто, как никогда».*[5]

Ненависть к Императору Николаю II настолько наполняет ленинские творения, что некоторые исследователи склонны даже объяснять происхождение псевдонима Ульянова его стремлением к цареубийству. Так, авторы документального фильма «Николай II. Плаха», показанного по 1 каналу ЦТ в конце 2003 года, считают, что псевдоним «Ленин» был взят Ульяновым по названию маленького городка в Германии — Ленин. Об этом городке написано в 34 томе энциклопедии Брокгауза и Ефрона в статье под названием «Ленинское пророчество». Вот что там говорится: «*Ленинское пророчество — обратившее на себя большое внимание стихотворение, приписывавшееся монаху Герману, XIII в., но сделавшееся известным лишь около 1693 г. Местечко Ленин, где оно, по сказанию, возникло, незначительно. В "Пророчестве" оплакивается гибель дома Асканиев в Бранденбурге и возвышение Гогенцоллернов, из которых описывается каждый правитель, до одиннадцатого включительно; предрекая гибель и этого дома, за которой должно следовать объединение Германии и восстановление католицизма. Лишь для времени до смерти великого курфюрста Л. Пр. совпадает с действительностью; все дальнейшее не имеет никакого сходства с совершившимися событиями».*[6]

---

[1] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 21. С. 17.
[2] Там же. С. 268.
[3] Там же. С. 310.
[4] Там же. С. 183.
[5] Там же. С. 145.
[6] Энциклопедический словарь. Изд. Брокгауз и Ефрон. СПб., 1896. Т. 34. С. 533.

Поясним, что из рода Асканиев произошла немецкая династия Ангальт-Цербстских, одна из представительниц которых стала русской Императрицей под именем Екатерины Великой. Авторы фильма считают, что Ульянов взял себе псевдоним «Ленин», потому что стремился уничтожить весь Дом Романовых, так как именно этот город является символом грядущей гибели царствующей династии. В пользу этого предположения говорит так же и то обстоятельство, что предсказание касается 11 представителей рода Гогенцоллернов, точно столько же, сколько было убито людей в подвале дома Ипатьева. Правда, в «Ленинском пророчестве» речь идет не только об уничтожении дома Асканиев, но и о гибели их врагов — дома Гогенцоллернов. Далее говорится об объединении Германии и о восстановлении в ней католичества. Какое это имеет отношение к цареубийству — не понятно.

И.Ф. Плотников считает ленинские высказывания первым и самым важным доказательством того, что Ленин является главным организатором убийства Царской Семьи. Он повторяет это упорно, по многу раз на протяжении своей книги: «*Как мы видели (и это оспаривать никто не берется), Ленин задолго до революционных событий 1917 года в России, равно, как и в их ходе, совершенно определенно высказывался за истребление не только Царя, но и членов Дома Романовых. И здесь не было гипотетичности, революционной запальчивости. Это было продиктовано политической заданностью, посылкой экстремиста*».[1]

Мы все же попробуем оспорить «неоспариваемые» утверждения Плотникова. Сами по себе высказывания, какие бы жестокие и чудовищные они бы ни были, еще не говорят о том, что произносящий их человек стремится воплотить их в жизнь. Особенно это касается политического деятеля, а тем более такого деятеля, каким был Ленин, то есть политического трибуна, агитатора и демагога. Иногда политик, делая какое-нибудь резкое заявление для широкой аудитории, на деле совершенно не стремится его исполнить.

Говоря современным юридическим языком, закон «*не предусматривает преследования за так называемый "голый умысел", абстрактную угрозу, не подкрепленную никакими действиями виновного*».[2]

Поэтому, исследуя причастность Ленина к организации убийства Царской Семьи, мы должны будем искать доказательства с его стороны таких действий.

Мы не можем согласиться с мнением И.Ф. Плотникова, что Ленин «*все и вся подмял под себя и стал фактическим диктатором. Он забрал дело о*

---

[1] *Плотников И.Ф.* Указ. соч. С. 254.

[2] Комментарий к уголовному кодексу Российской Федерации. Ростов-на-Дону– Москва, 1996. С. 294.

Царской Семье в ведение непосредственно им руководимого исполнительного аппарата власти — Совнаркома, в свое личное ведение. По вопросу, который взял под свой контроль Ленин, никто, даже Я.М. Свердлов, не посмел бы действовать "помимо и вопреки"».[1]

Все это, мягко говоря, не соответствует действительности. Как мы могли убедиться в предыдущей части настоящего труда, именно Свердлов изначально держал дело о Царской Семье в своих руках. Именно ВЦИК выносил все главные постановления, касающиеся свергнутого Государя. Что же касается Совнаркома, то скорее он как раз являлся ширмой для деятельности Свердлова, а не наоборот.

Не соответствуют действительности и утверждения Плотникова, что Ленин всячески препятствовал переводу Царя в столицу, «на суд». Плотников пишет, что *«Ленин напрочь "заморозил" это решение»*.[2]

Однако из документов не видно, что Ленин всегда был настроен против перевоза Царя в одну из столиц. Действительно, Ленин был противником перевода Царя в столицы, будь-то Петроград (Кронштадтская тюрьма) или Москва, до марта 1918 года. Так, 11 февраля 1918 года Ленин председательствует на заседании Совнаркома, на котором обсуждался вопрос «О передаче Николая Романова в Петроград для предания его суду». Было принято решение: *«Поручить Н. Алексееву представить в Совет Народных Комиссаров к среде все резолюции Крестьянского съезда по этому вопросу»*.

Через три недели, 20 февраля, Совнарком под председательством Ленина вновь возвращается к этому вопросу и постановляет: *«Поручить комиссару юстиции и двум представителям Крестьянского съезда подготовить следственный материал по делу Николая Романова. Вопрос о переводе Николая Романова отложить до пересмотра этого вопроса в Совете народных комиссаров. Место суда не предуказывать пока»*.[3]

Тогдашний нарком юстиции левый эсер И.З. Штейнберг резко выступил против организации суда и нашел в этом поддержку у Ленина: *«Ленин со мной согласился. Он также сказал, что сомневается в своевременности этого процесса, что массы заняты другими проблемами и что было бы хорошо отложить его. В подходящее время наркомату юстиции будут даны указания подготовить соответствующие документы для последующего рассмотрения. Нет сомнения, что у Ленина были свои политические расчеты, учитывающие его положение. Этим вечером, однако, вопрос был отложен на неопределенное время и на этой стадии так и остался. Наркомат юстиции никогда не получал "задания" подготовить документы»*.[4]

---

[1] *Плотников И.Ф.* Указ. соч. С. 254.
[2] Там же. С. 255.
[3] *Латышев А.Г.* Рассекреченный Ленин. М., 1996. С. 120.
[4] *Латышев А.Г.* Указ. соч. С. 121.

Вскоре после этого была назначена «Главная следственная комиссия» по расследованию «дела» Николая II, председателем которой был член коллегии Наркомюста Н.В. Крыленко. Тот сделал заявление, что Царь будет обвинен в нарушении изданного им манифеста 17 октября 1905 года. Однако немедленно последовало опровержение этих слов Крыленко, и его самого чуть не отдали под суд как провокатора.[1]

Плотников считает, что нежелание Ленина проводить суд над Императором Николаем II было вызвано его стремлением убить Государя и его Семью в далекой Сибири или на Урале. При этом Плотников пишет, что «*на наш взгляд, отказ от проведения суда решительно никакими обстоятельствами исторического момента не обуславливается и объясненным в таком духе быть не может*».[2]

Позволим себе не согласиться с И.Ф. Плотниковым. Описываемое нами время, когда обсуждалась возможность суда, это январь-февраль 1918 года. То есть весьма опасное время для большевиков. Немецкие войска нависли над Петроградом, грозя в любой момент захватить его. Доставленный в столицу Император мог оказаться в их руках. Это совершенно не было нужно большевикам, но это так же было не нужно в тот момент и немцам. Мы помним, что до весны 1918 года немцы были против возвращения Государя в большую политику и были даже против восстановления монархии в России. Появление Императора Николая II в центре Петрограда или Москвы, да еще шумный процесс над Царем, который выявил бы полную несостоятельность революционеров хоть в чем-то обвинить его, грозили крахом не только большевистскому престижу, но и утрачиванию немцами контроля за ситуацией в России. Поэтому в данном случае Ленин как раз действовал, исходя из германских интересов.

Однако в марте 1918 года позиция немцев меняется. Из Берлина приходит приказ перевезти Императора в Москву. Мы уже говорили о причинах этой германской инициативы. Она была вызвана, по нашему мнению, не стремлением восстановить Императора Николая II на престоле и не желанием, чтобы он поставил свою подпись под Брест-Литовским договором, а необходимостью взять под контроль ситуацию вокруг Царской Семьи, не дать ею воспользоваться своим противникам как внутри России, так и за ее пределами. Мы уже знаем, что Свердлов, на словах выполняя приказ Мирбаха о перевозе Царя в Москву, делал все от него зависящее, чтобы задержать его в Екатеринбурге. Резонно возникает вопрос: а знал ли Ленин об этой игре Свердлова? Ответить на него крайне сложно, и при отсутствии достоверных фактов мы не будем этого делать, отметим только, что, судя по отдельным признакам, велика вероятность того, что он тоже был введен Свердловым в заблуждение или, во всяком случае, не знал всех обстоятельств свердловской иг-

---

[1] *Плотников И.Ф.* Указ. соч. С. 30.
[2] Там же. С. 30.

ры. Вспомним разговор Свердлова с Яковлевым перед отправкой того в Тобольск, когда Свердлов требует от Яковлева сообщать подробности о перевозке Царя в Екатеринбург исключительно ему. «*То, что я сейчас тебе скажу, знаем только ты да я»,* — ведь это были не просто слова. Как мы видели, Яковлев и был подотчетен исключительно Свердлову, а не Ленину. Правда, Яковлев пишет, что перед началом разговора с ним Свердлов о чем-то беседовал с Лениным, но о чем шла беседа между ними, неизвестно до сих пор. Также нам неизвестно, под каким текстом мандата Яковлева поставил свою подпись Ленин, если он вообще ее под ним ставил. Плотников и здесь находит возможность объяснить все это коварством Ленина: «*Полностью уяснить роль Ленина,* — признает И.Ф. Плотников, — *гораздо сложнее, ибо он прилагал максимум усилий к тому, что бы не оставить следов для истории*».[1]

А собственно, откуда это известно И.Ф. Плотникову? Во-первых, если Ленин ставил свою подпись под мандатом Яковлева, то, как минимум, один «след для истории» он уже оставил. Во-вторых, почему Ленин скрывал свои «следы для истории», а Свердлов — нет? Что, разве Свердлов был такой наивный человек, чтобы становиться ради Ленина «козлом отпущения»? Плотников своеобразно объясняет это: дескать, Свердлов, которого даже близкие друзья звали «Яшка-Хулиган», с радостью «*взял на себя роль основного прикрытия волевых действий Ленина по уничтожению екатеринбургскими большевиками Семьи Романовых*».[2] Последнее утверждение настолько нелепо и настолько не соответствует истине, настолько опровергается всем нами вышеизложенным, что не требует комментариев. Такое представление о Свердлове демонстрирует полное незнание или сознательное искажение личности Свердлова, его истинного положения в структуре большевистской власти.

Между тем, мы помним, что когда Свердлов выстраивал свою сложную игру с «самоуправством самостоятельных уральцев», Ленин два часа о чем-то разговаривал с Екатеринбургом, сначала один, а потом — со Свердловым. В РЦХИДНИ хранится телеграфная лента, где зафиксированы переговоры членов Екатеринбургского областного совета с Совнаркомом о пути следования поезда с Императором Николаем II. Любопытно, что уральцы, обращаясь в СНК, жалуются на позицию Свердлова.[3] Это очень важное сведение: значит, определенные силы в Екатеринбурге были недовольны Свердловым и жаловались на него Ленину!

Исходя из этого, вполне можно предположить, что для Ленина была неожиданностью складывающаяся ситуация вокруг перевоза Царя, и он пытался выяснить подробности у уральцев сам, а потом привлек к разговору Свердлова.

---

[1] *Плотников И.Ф.* Указ. соч. С. 37.
[2] Там же. С. 255.
[3] http://imperator.spbnews.ru/.

Во всяком случае, Ленин воспринял задержание Царя в Екатеринбурге как данность, перед которой его поставил Свердлов. Существует протокол заседания Совета Народных Комиссаров, под председательством Ленина от 2 мая 1918 года. В нем говорится: «*Слушали: Внеочередное сообщение Свердлова. Постановили: Дать в печать следующее сообщение Свердлова: В ноябре, как и в декабре прошлого года, в Президиуме Центрального Исполнительного Комитета ставился вопрос о бывшем царе. Вопрос этот был отсрочен, ввиду целого ряда событий. Месяц тому назад в Президиум ЦИК явился делегат от охраны бывшего царя и сообщил, что с охраной обстоит далеко не все благополучно, часть охраны разбежалась, окрестные крестьяне подкуплены. По всем сообщениям, доходившим до Тобольска, не могло быть уверенности, что Николай Романов не получит возможности скрыться из Тобольска. Были получены различные сообщения, что некоторые подготовительные шаги в этом направлении отдельными группами монархистов затеваются. Исходя из всех указанных сообщений Президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов сделал распоряжение о переводе бывшего царя Николая Романова в более надежный пункт, что и было выполнено. В настоящее время Николай Романов с женой и одной из дочерей находятся в Екатеринбурге, Пермской губернии, надзор за ним поручен областному совдепу Урала*».[1]

Примечательно, что этот документ, хранящийся в ГАРФе в виде копии, не имеет сведений ни об одной подписи под ним, хотя обычно даже в копиях такие сведения имеются. Это не единственный, касающийся дела Царской Семьи, документ такого рода. Это постановление для нас важно тем, что в его написании и в его публикации главную роль играет Свердлов, а не Ленин.

Еще больше нерешительность Ленина в отношении Царской Семьи и даже какой-то страх, связанный с ее дальнейшей судьбой, проявились летом 1918 года, когда Свердлов вплотную приступил к подготовке екатеринбургского злодеяния.

К лету 1918 года до германских военных и части монархических правящих кругов, видимо, доходит определенная информация о приготовляемом большевиками убийстве Царской Семьи. Во всяком случае, почти наверняка Царскую Семью из Тобольска вывезли по настоянию определенных германских правящих кругов. Другое дело, что Свердлов при этом обманул немцев, преследуя свои собственные цели в отношении Царской Семьи. 29 апреля 1918 года в Москву прибыл граф Мирбах и, что примечательно, его приезд совпал с доставлением Государя, Государыни и Великой Княжны Марии в Екатеринбург и с началом весьма странной кампании в определенных советских кругах, которая находит отражение и в иностранной прессе. Так, 30 апреля

---

[1] *Алексеев В.* Указ. соч. С. 83.

1918 года французская газета «Le Matin» пишет со ссылкой на некие советские источники: «*На улицах Петрограда идут ожесточенные бои между монархистами и красной гвардией. Этим утром в Петрограде Наследник Престола Алексей Николаевич провозглашен Царем, а великий князь Михаил Александрович — регентом. Генерал Алексеев, так же как и лидер кадетов Милюков, находятся в Петрограде*».[1]

А русская газета «Новое Слово» 19 мая 1918 года так живописала перевоз Царской Семьи из Тобольска в Екатеринбург: «*Инициатива перевоза семьи Романовых из Тобольска принадлежит Омскому Совету, который неоднократно указывал центральной власти, что с открытием навигации Романовым легко может быть устроен побег в Англию по реке Оби и потом на английском катере по Северному морскому пути.*

Опасаясь возможного побега Романовых в пути, советская власть приняла все меры. По всем направлениям уральской ж/д были расставлены эшелоны с красногвардейцами. По направлению к Тоболу по пермской дороге двигались 4 эшелона, каждый численностью в 200 человек, вооруженных до зубов».[2]

Кому понадобилось распространять эту заведомую ложь? Не была ли эта ложь указана большевикам немцами для подготовки общественного мнения к возможному восстановлению монархии? А с другой стороны, не стремились ли, в свою очередь, сами большевики заверить немцев, что Царская Семья находится в полной безопасности под надежной охраной?

Прибыв в Москву, Мирбах занял, видимо, довольно твердую позицию по отношению к перевозу Царской Семьи в Москву и во всяком случае к обеспечению ее безопасности. По словам Нейдгарта, Мирбах его заверил, что он не только потребовал от большевиков не предпринимать в отношении Нее никаких насильственных действий, но и «*сопроводил требование угрозой*».[3]

Но немцы уже начинали терять свое бесконтрольное влияние на большевиков. Нейдгарт даже спросил Мирбаха: «*Что он собой представляет в Москве: диктатора, посла или просто пленника большевиков?*»[4]

Тем не менее имеются сведения, что немцы начали переговоры с большевистским правительством об освобождении Царской Семьи. Входивший в состав германского посольства в России доктор Рицлер показывал следователю Соколову в 1921 году в Берлине «*ряд документов на немец-*

[1] Le Maten. 1918, 30 avril.
[2] Новое Слово. 1918, 19 (6 мая).
[3] Россійскій Архивъ. С. 265.
[4] Там же. С. 265.

ком языке, из содержаний которых видно: 1) что между Кюльманом и Рицлером, с одной стороны, Чичериным и Иоффе и иногда Радеком, с другой, велись переговоры, причем германское правительство настаивало на ограждении жизни Царской Семьи; 2) что эти переговоры велись в июне и июле месяцах 1918 года».[1]

Одновременно с этими переговорами, по всей вероятности, большевики начинают следующий этап дезинформации немцев. По характеру эта дезинформация очень напоминает стиль Свердлова. Теперь ее главная цель была уверить немцев в том, что Государь будет вывезен из Екатеринбурга на территорию, подконтрольную немцам. Большевики распускают в прессе слухи, что Царь вот-вот должен появиться в Москве, где над ним будет совершен «суд», а вероятнее всего никакого суда вообще не будет, а Царскую Семью вышлют заграницу. То есть именно то, что говорил Яковлев в Тобольске. Вот лишь два сообщения на эту тему из газеты «Новое Слово». 29 мая 1918 года газета пишет: «*Дело бывшего Царя. В заседании коллегии обвинителей обсуждался вопрос о порядке возбуждения судебного следствия против Царя Николая Романова. После разработки этого вопроса коллегия обвинителей представит свой доклад на заключение ЦИК, от которого зависит окончательное разрешения вопроса о предании суду Романова*».[2]

19 июня 1918 года, то есть меньше чем за месяц до убийства Царской Семьи, «Новое Слово» сообщает: «*Обвинения против Николая Романова. В свое время сообщалось в печати, что в компетентных кругах был поднят вопрос о предании суду Николая Романова. В настоящее время определенно передают, что вопрос о предании суду Николая Романова отпал. /.../ В настоящее время в компетентных кругах определенно передают, что по соображениям политического характера Николай Романов вряд ли престанет перед судом революционного трибунала. Ни в одном из учреждений не ведется следствия о действиях Николая Романова и, вероятнее всего, предстоящий Всероссийский съезд рабочих и солдатских депутатов вынесет постановление подвергнуть остракизму семью Романовых и выслать их из пределов Российской Федеративной республики заграницу*».[3]

Эти слухи должны были успокоить немцев. Но одновременно им же было сообщено, что в целях спасения Императора неоднократно будет пускаться слух об его убийстве, но этому слуху верить не надо. Слухи о готовящемся убийстве Государя появляются один за другим. То же «Новое Слово» буквально на следующий день после сообщения о предстоящей высылке Царской Семьи заграницу, 20 июня сообщает: «*Слухи о Николае Романове. Как переда-*

[1] Там же. С. 307.

[2] Новое Слово. № 29. 1918, 29 мая.

[3] Новое Слово. № 48. 1918, 19 июня.

ют, слухи об убийстве Николая Романова возникли следующим образом: из Екатеринбурга в советских кругах была получена телеграмма, сообщавшая об убийстве Николая Романова. Телеграмма эта была никем не подписана и вызвала, естественно, сомнение. Однако слухи о телеграмме распространялись по городу и стали сообщать об убийстве уже как о факте. Вчера из Екатеринбурга было получено несколько телеграмм, свидетельствующих, что в городе не произошло ничего удивительного».[1]

На следующий день, 21 июня, слухи об убийстве Государя приобретают в «Нашем Слове» все более подробный характер: «*Слухи о Николае Романове. Несмотря на то, что слухи об убийстве Николая Романова не получили до сих пор официального подтверждения, они продолжают циркулировать в Москве. Вчера, со слов лица, прибывшего из Екатеринбурга, передавалась следующая версия о случившимся: когда Екатеринбургу стало угрожать движение чехословаков, по распоряжению местного совдепа, отряд красногвардейцев отправился в бывший губернаторский дом, где жили Романовы, и предложил Царской Семье одеться и собраться в путь. Был подан специальный поезд в составе трех вагонов. Красноармейцы усадили Романовых в вагон, а сами разместились на площадках. По дороге будто бы Николай Романов вступил в пререкание с красноармейцами и протестовал, что его увозят в неизвестном направлении, то в результате этой перебранки, красноармейцы, якобы, закололи Николая Романова. Тот же источник передает, что великие княжны и бывшая Императрица остались живы и увезены в безопасное место. Что же касается бывшего наследника, то он тоже увезен, отдельно от остальных членов семьи. Все эти сведения, однако, не находят подтверждения в советских кругах»*.[2]

Любопытно, что в этом сообщении «Нового Слова» почти дословно была приведена та самая ложь, которую после 17 июля 1918 года большевики будут распространять про убийство Царской Семьи.

Одновременно с ложными слухами об убийстве распространяются сведения о том, что Царская Семья перевезена из Екатеринбурга в другое место. 3 июля 1918 года, то есть за две недели до убийства, французская «Maten» со ссылкой на русские источники сообщает: «*Семья Романовых переведена в Котельнич, маленький город Вятской губернии. Тем временем невозможно проверить, находится ли там же сам Царь. Имеются сообщения, что кайзер хочет восстановить Царя на его престоле»*.[3]

---

[1] Там же. № 49.
[2] Там же. № 50.
[3] Le Maten. 1918, 3 juillet.

4 июля 1918 года «Новое Слово» публикует следующую маленькую заметку: «*В церковных кругах Петрограда передают, что бывшая императрица Александра Федоровна желает принять монашество*».[1]

Эти ложные слухи должны были подготовить общественное мнение, а также и немцев к возможному «исчезновению» Царской Семьи таким образом, чтобы это «исчезновение» воспринималось либо как очередная «утка», либо как продолжение осуществления германского плана вывоза Царской Семьи из пределов России.

Для большей убедительности неоднократно публиковались советские «опровержения» подобных «слухов». 26 июня 1918 года «Известия ВЦИК» публикуют следующее опровержение, которое распространяется всеми ведущими газетами: «*Екатеринбург, 24, 06. Слух об убийстве бывшего Царя Николая Романова есть очередная провокационная ложь. Тов. Председателя исполкома Затвоск. Секретарь Короболкин*».[2]

Скорее всего Свердлову удалось ввести немцев в заблуждение и в этом вопросе. Вот что сообщал по этому поводу князь А.Н. Долгоруков: «*Летом 1918 года в Киеве проживал член Государственного Совета киевский губернский предводитель Федор Николаевич Безак. Мы оба с ним входили в одну и ту же монархическую группу. Я хорошо помню, 5 или 6 июля по новому стилю Безак позвонил мне по телефону и сказал, что сейчас ему звонил граф Альвенслебен и сообщил ему, что сейчас он будет у Безака и передаст ему какое-то важное известие. Этот Альвенслебен — бывший дипломатический чиновник германского министерства иностранных дел. В эпоху гетманства он, будучи призван по мобилизации, состоял при главнокомандующем Эйхгорне, а затем — Кирбахе. Бабушка его была русская, как он сам говорил, кажется, графиня Киселева. Он был вхож в русские круги и считался монархистом и русофилом.*

Я отправился к Безаку, куда вскоре приехал Альвенслебен. Разговор наш шел с ним в присутствии четырех лиц. Альвенслебен сообщил нам, что император Вильгельм желает во что бы то ни стало спасти Государя Императора Николая II и принимает к этому меры; что в целях спасения Государя он куда-то перевозится, но что в настоящий момент немцы потеряли его след. Альвенслебен предложил нам с Безаком прийти на помощь этому делу спасения Государя в следующей форме…», далее Альвенслебен предложил создать и послать на поиски Государя три группы офицеров в Котельнич, Москву и Екатеринбург. Офицеры должны были быть снабжены немецкими паспортами, которые Альвенслебен обязался предоставить, и деньгами, которые должны были собрать монархисты в Киеве. «*Альвенслебен,* — продолжает Долгоруков, — *в разговоре с нами*

---

[1] Новое Слово. № 61. 1918, 4 июля.
[2] Новое Слово. № 54. 1918, 26 июня.

уверял нас, что нам следует вполне положиться на них, немцев, определенно давая нам понять, что император Вильгельм желает спасти Государя и что меры, которые он предлагает, необходимы именно в целях его спасти.

Во время этого разговора Альвенслебен предупредил нас, что между 16 и 20 июля (по новому стилю) распространится слух или известие об убийстве Государя; что слух этот или известие не должен будет нас беспокоить: как и слух, имевший место в июне, он будет ложный, но что он необходим в каких-то целях именно Его спасения. В то же время он просил нас держать разговор с ним в секрете, делая наружно вид, что мы верим известию о смерти Государя».[1]

Этот разговор весьма примечателен. Он проходил 5–6 июля, то есть накануне или даже в самый день убийства в Москве германского посла графа Мирбаха. Убийство было крайне опасным для правительства Ленина, так как немцы немедленно потребовали ввести в Москву свой батальон для охраны посольства, что на деле могло означать свержение советской власти. 15 июля 1918 года, то есть за два дня до убийства Царской Семьи, Ленин обращается ко всем рабочим, крестьянам и солдатам Красной Армии. Это воззвание было одобрено и подписано также Свердловым. В нем большевики в самых решительных тонах отказывают немцам в праве введения в Москву германских солдат и угрожают началом тотальной войны с немцами. В этом обращении, между прочим, говорится: *«Если война, вопреки всем нашим усилиям, станет фактом <…> мы почерпнем новые силы из беспощадного подавления как безумно-авантюристических (лево-эсеровских), так и сознательно-классовых (помещичьих, капиталистических, кулацких) деятелей контрреволюции».*[2] Напомним, что до убийства Царской Семьи оставалось два дня.

Официально Мирбаха убил левый эсер Я. Блюмкин. Однако за этот крайне опасный для большевиков поступок он не только не был никак наказан, но впоследствии принят в большевистскую партию и направлялся на особо секретные партийные задания. Скорее всего убийство Мирбаха было непосредственно связано с подготовкой убийства Царской Семьи. Вероятно, требование Мирбаха о переводе Государя в Москву стало категоричным, и большевикам нужно было немедленно что-то делать. Скорее всего ими для немцев была состряпана ложь о перевозе Царя опять в Москву с вариантом новых «самостоятельных» местных властей. Одновременно они, видимо, заранее ввели немцев в заблуждение, открыв им дату убийства Царя, но под таким видом, чтобы они не поверили в это убийство и не

---

[1] Россійскій Архивъ. С. 269.

[2] Обращение товарища Ленина к рабочим, крестьянам и солдатам Красной Армии, одобренное на заседании ВЦИК от 15 июля 1918 года. Афиша.

предприняли никаких враждебных большевикам демаршей. Все это совершенно укладывается в общую схему большевистской тактики.

Но что примечательно, так это позиция в этом вопросе Ленина. Троцкий писал, что летом 1918 года он предлагал организовать над Государем «*открытый судебный процесс, который должен был развернуть картину всего царствования (крестьянская политика, рабочая, национальная, культурная, две войны и проч.), по радио ход процесса должен был передаваться по всей стране; в волостях отчеты о процессе должны были читаться и комментироваться каждый день. Ленин откликнулся в том смысле, что это было бы очень хорошо, если бы было осуществимо, но времени может не хватить*».[1]

Уже намного позднее, 10 апреля 1935 года, находясь в эмиграции, Троцкий развил эту мысль и выставил Ленина главным виновником убийства Царской Семьи: «*Сегодня во время прогулки в горы с Наташей (день почти летний) я продумывал разговор с Лениным по поводу суда над царем. Возможно, что у Ленина, помимо соображений о времени ("не успеем" довести большой процесс до конца, решающие события на фронте могут наступить раньше) было и другое соображение, касавшееся царской семьи. В судебном порядке расправа над семьей была бы, конечно, невозможна. Царская семья была жертвой того принципа, который составляет ось монархии: династической наследственности*».[2]

Таким образом, Троцкий тонко подводит читателя к мысли, что Ленин был противником суда над Царем, так как он уже знал о предстоящем убийстве его и его близких. Однако эта мысль Троцкого опровергается другими историческими свидетельствами.

Один из соучастников екатеринбургского злодеяния, М.А. Медведев (Кудрин), вспоминал в декабре 1963 года, что он 16 июля 1918 года присутствовал на заседании Областного Совета Урала. На этом заседании присутствовал Голощекин, который рассказал о своей поездке в Москву к Свердлову, когда решалась участь Царской Семьи. «*Санкции на расстрел семьи Романовых Голощекину получить не удалось. Свердлов советовался с В.И. Лениным, который высказался за привоз царской семьи в Москву и открытый суд над Николаем II и его женой Александрой Федоровной, предательство которой дорого обошлось России.*

— Именно всероссийский суд! — доказывал Ленин Свердлову, — с публикацией в газетах. Подсчитать, какой людской и материальный урон нанес самодержец стране за годы царствования. Сколько повешено революционеров, сколько погибло на каторге, на никому не нужной войне! Чтобы ответил перед всем народом! Вы думаете, только темный мужичок ве-

---

[1] *Троцкий Л.* Дневники и письма. М.: Эрмитаж, 1994. С. 118–119.
[2] Там же. С. 120.

рит у нас в "доброго" батюшку-царя? Не только, дорогой мой Яков Михайлович! Давно ли передовой наш питерский рабочий шел к Зимнему дворцу с хоругвями? Всего каких-нибудь 13 лет назад! Вот эту-то непостижимую "рассейскую" доверчивость и должен развеять в дым открытый процесс над Николаем Романовым…

Я.М. Свердлов пытался приводить доводы Голощекина об опасностях провоза поездом царской семьи через Россию, где то и дело вспыхивали контрреволюционные восстания в городах, о тяжелом положении на фронтах под Екатеринбургом, но Ленин стоял на своем:

— Ну и что ж, что фронт отходит. Москва теперь — глубокий тыл, вот и эвакуируйте их в тыл! А мы уж тут устроим им суд на весь мир.

На прощанье Свердлов сказал Голощекину:

— Так и скажи, Филипп, товарищам — ВЦИК официальной санкции на расстрел не дает».[1]

Что следует из этого рассказа, если отбросить весь словесный блуд Медведева? А следует только одно: Ленин всеми силами пытается не допустить расправы над Царем и доставить его «на суд» в Москву, а Свердлов добивается именно противоположного решения. Что же случилось с Лениным, который в начале 1918 года был убежденным противником суда? Ведь военная ситуация не стала стабильней, наоборот, она ухудшилась, чехословаки и армия Комуча успешно наступали в Сибири и на Урале, поднимался юг России, на севере шла английская интервенция. Понятно, что никакой «суд» над Царем был невозможен, но, тем не менее, Ленин его упорно добивается. Вывод из этого можно сделать только один: Ленин боялся убийства Царской Семьи, так как имел перед кем-то какие-то обязательства в отношении Нее и этими «кем-то» могли быть только немцы. Конечно, можно предположить, что Медведев или Голощекин просто-напросто выдумали этот разговор, и никаких указаний Ленина на самом деле не существовало. Что ж, может быть и так, лгуны они были известные. Но в такой же степени лгуном был и Троцкий, слова которого И.Ф. Плотников постоянно приводит в качестве доказательств своих мыслей, хотя и оговаривается, что «*верить Троцкому во всем нельзя*».

Между тем, участившиеся слухи об убийстве Царя беспокоили Ленина. Генерал М.К. Дитерихс в своей книге пишет, что в июне 1918 года «*в Москве, в обществе и среди некоторых кругов советских деятелей распространялись упорные и тревожные сведения и слухи, что где-то и кем-то совершено убийство Царя. Переполох в определенных советских сферах, вызванный распространением этих сведений, по-видимому, был большой. Слухи, все нарастая и нарастая, достигли такой степени реальности, что*

[1] *Алексеев В.* Указ. соч. С. 120.

20 июня Председатель Екатеринбургского совдепа получил из Москвы такой официальный запрос:

“В Москве распространяются сведения, что будто бы убит бывший император Николай Второй. Сообщите имеющиеся у вас сведения. Управляющий делами Совдепа народных комиссаров Владимир Бонч-Бруевич”.

Кажется, особенного беспокойства этот запрос у екатеринбургских деятелей не вызвал; на запрос была положена своеобразная для существа запроса резолюция: “Копию телеграммы сообщить Известиям и Уральскому Рабочему”. (...)

Но волнение в Москве, видимо, серьезно охватило официальные общественные советские сферы: вслед за указанным запросом Бонч-Бруевича 21 июня Старк шлет телеграмму:

“Екатеринбургскому Президенту Совдепа, комиссар ПТА товарищ Старк. Срочно сообщите достоверность слухов об убийстве Николая Романова вестнику”.

Резолюция: "Ответ посл.” и “К делу о жильцах д. Ипатьева”.

Но или ответа не было, или таковой задерживался, и 24 июня тот же Старк шлет в Екатеринбург комиссару советского органа “Известия”, товарищу Воробьеву, новую телеграмму:

“Прошу срочно сообщить слухи об убийстве Николая Романова, очень важно”.

Однако нельзя не обратить внимания, что интересуется правдивостью слухов об убийстве бывшего Императора не Янкель Свердлов, с которым, как видно из брошенных бумаг и дел, почти исключительно сносились главари Екатеринбургского президиума по всяким политическим делам, а или российский полоумный негодяй Бонч-Бруевич, или немецко-шведский сотрудник советов — Старк.

При расследовании дела были косвенные указания на то, что именно в этот период произошел разговор по прямому проводу между Лениным и командующим армией Берзиным, сущность которого будто бы сводилась к тому, что Ленин возлагал ответственность за безопасность бывшего Царя на Берзина. Происходил ли такой разговор в действительности — неизвестно, но нижеприводимый документ позволяет думать, что что-нибудь подобное было. Мало того, документ этот, во-первых, объясняет, почему Ленин мог иметь разговор и именно с командующим армией, а, во-вторых, дает определенный ответ: какого убийства опасались и ожидали в Москве? Откуда, по московской молве, скорее всего можно было ожидать опасности? И, наконец, кто распускал в Москве сведения об убийстве?

Вот этот документ:

“Три адреса. Москва, Совнаркому, Наром. Воен., бюро печати, ЦИК.

Мною полученных Московских газет отпечатано сообщение об убийстве Николая Романова на каком-то разъезде от Екатеринбурга красноармейцами. Официально сообщаю, что 21 июня мною с участниками членов В. военной инспекции и военного комиссара Ур. Военного округа и члена всеросс. след. Комиссии был произведен осмотр помещений как содержится Николай Романов с семьей и проверке караула и охраны. Все члены семьи и сам Николай жив и все сведения об его убийстве и т.д. провокация. 27 июня 1918 года 0 часов 5 минут. Главнокомандующий Североуралосибирским фронтом Берзин".

Так вот откуда в некоторых московских сферах и в массе населения, вероятнее всего, допускался заговор, ожидалась возможность опасности: не о белогвардейском освобождении думала масса, не на нем строилась молва, а росли слухи, вытекая из хорошего знания своих сотрудников, своих деятелей — советского воинства — красноармейцев. Это — глас народа, а не "публикации" Янкеля Свердлова. Вот почему мог иметь место и разговор Ленина с Берзиным; с командующим этими красноармейцами; а возлагал ли Ленин при этом ответственность за жизнь бывшего Царя на Берзина — не все ли равно. Склонность Ленина к тактическим маневрам слишком хорошо известна, чтобы можно было придавать серьезное значение такому обязательству Берзина».[1]

И.Ф. Плотников считает распространяемые в Москве известия об убийстве Государя и реакцию на них Ленина результатом «просто досужих слухов». При этом он считает, что задание о проверке этих слухов давалось Лениным Берзину для отвода глаз, так как Ленин и «так все знал».

Вдумаемся в эти факты: в течение минимум недели Москва, в лице Бонч-Бруевича и Старка, шлет телеграмму за телеграммой с просьбой подтвердить или опровергнуть сведения о гибели Государя, а Екатеринбург — молчит! Наконец Ленин посылает в Ипатьевский дом командующего Берзина, чтобы он лично сообщил ему правдивые данные. В материалах соколовского следствия имеется следующая «Сводка сведений на Царскую Семью»: «*Почтово-телеграфные чиновники штаба Северо-Урало-Сибирского фронта в бытность большевиков, коим командовал Берзин, кои сейчас состоят на службе в почтово-телеграфной конторе города Екатеринбурга, Сибирев, Бородин и Ленковский, могут засвидетельствовать разговор по прямому проводу Ленина с Берзиным, в котором первый приказывал Берзину взять под свою охрану всю Царскую Семью и не допустить каких бы то ни было насилий над ней, отвечая в данном случае своей (т. е. Берзина) собственной жизнью*».[2] Кстати, о посещении Берзина есть запись в дневнике Государя.

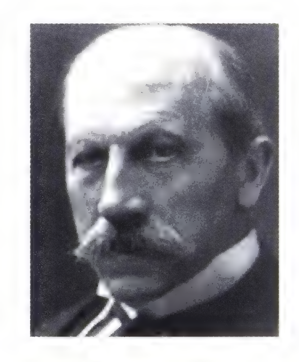
[1] *Дитерихс М.К.* Указ. соч. Т. 1. С. 45–46.

[2] Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 240.

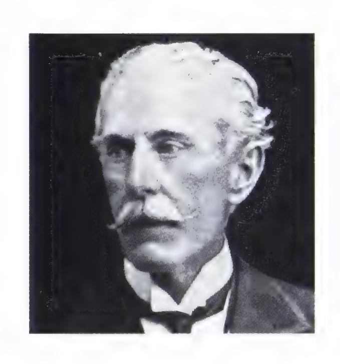

Верховный Главнокомандующий Русской Армией Император Николай II.
Конец 1916 года

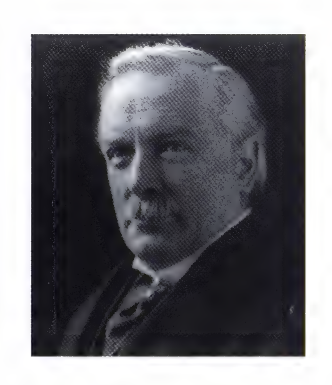
ФЕВРАЛИСТЫ 1917 ГОДА: ОРГАНИЗАТОРЫ

Лорд Альфред Мильнер

Лорд Джордж Бьюкенен

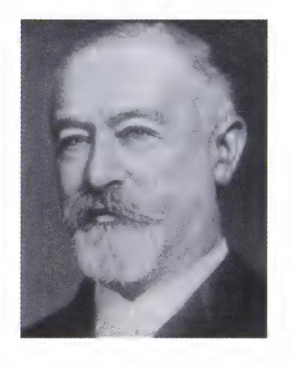
Дэвид Ллойд-Джордж

Полковник Манделл Хауз

Сидней Рейли

Яков Шифф

....И ИСПОЛНИТЕЛИ

А. Ф. Керенский

Генерал-адъютант М. В. Алексеев

Член Государственного Совета
А. И. Гучков

Великий князь
Николай Николаевич

генерал-адъютанты
А. А. Брусилов и
Н. В. Рузский

ЦАРСКОСЕЛЬСКОЕ ЗАТОЧЕНИЕ

Александровский дворец в Царском Селе. В нем находилась в заточении Царская Семья с марта по июль 1917 года

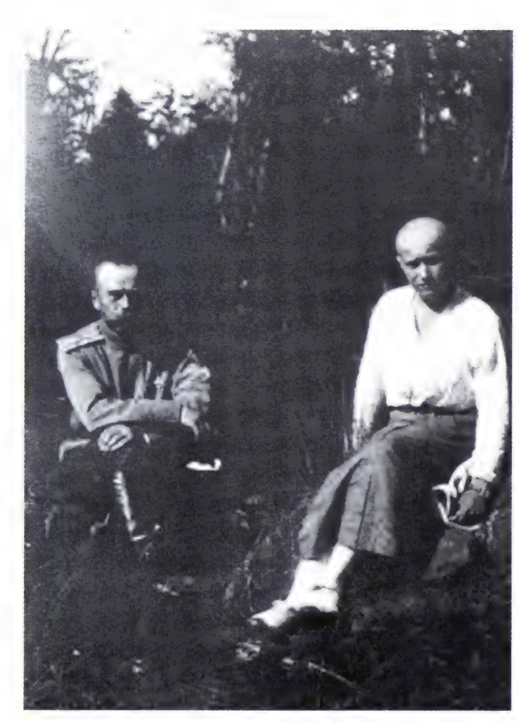
Государь, князь В. А. Долгорукий и офицеры охраны. Царское Село. Весна 1917 г.

Государь и официант Ф. Журавский за пилкой дров

Император Николай II под арестом в Царском Селе

Государь и Великая Княжна Анастасия Николаевна, Царское Село, 1917 г.

Наследник
со своими
любимцами

Государь и Государыня
в Царском Селе.
Лето 1917 г.

Император Николай II
и Великая Княжна
Ольга Николаевна
в Царском Селе.
Лето 1917 г.

Лица свиты, бывшие с Царской Семьей в Александровском дворце. Слева направо за сидящей в центре графиней Е.Д. Бенкендорф: князь В.А. Долгоруков, П. Жильяр, графиня А.В. Гендрикова, баронесса С.К. Буксгевден, Е.А. Шнейдер, граф П.К. Бенкендорф, доктор В.Н. Деревенко

Последняя фотография Наследника Цесаревича в Царском Селе

ТОБОЛЬСК

Губернаторский дом («Дом свободы») в г. Тобольске.
Здесь находилась в заточении Царская Семья

Прибытие Царской Семьи в Тобольск

Царственные мученики и их верные слуги в
столовой губернаторского дома

Император с детьми на крыше оранжереи губернаторского дома

Наследник стреляет из лука во дворе губернаторского дома

Государь и Пьер Жильяр
за пилкой дров. Тобольск, 1917

Государь и Великая Княжна
Татьяна Николаевна во дворе
губернаторского дома. Зима, 1918 г.

Государь и Наследник за пилкой бревна.
Тобольск, зима 1918 года.

ГЕРМАНСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ВОЕННЫЕ ДЕЯТЕЛИ, ПРИЧАСТНЫЕ К СУДЬБЕ ЦАРСКОЙ СЕМЬИ

Император Вильгельм II

Граф В. фон Мирбах

Ген.-фельд.
Э. фон Людендорф

Граф Ф. фон Альвенслебен

ЛИЦА, ХОТЕВШИЕ ОСВОБОДИТЬ ЦАРСКУЮ СЕМЬЮ

А.А. Вырубова

Митрополит Нестор (Анисимов)

Н.Е. Марков (Марков 2-й)

ТЮРЕМЩИКИ ЦАРСКОЙ СЕМЬИ

Комиссар С. В. Панкратов

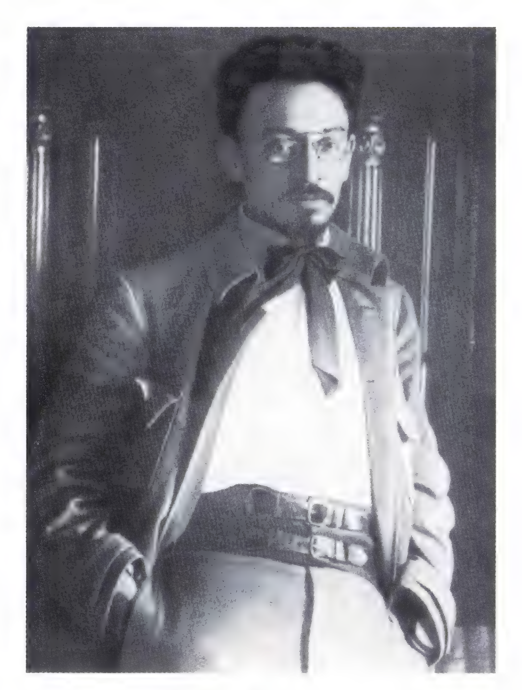

комиссар В. В. Яковлев

Начальник Отряда Особого
Назначения полковник
Е. С. Кобылинский

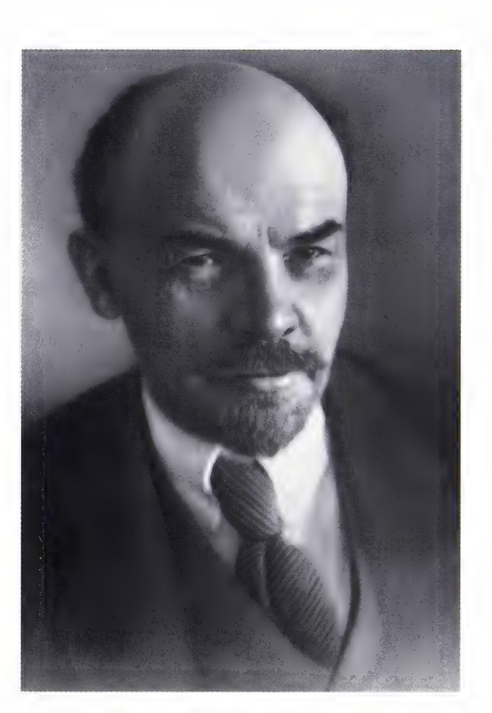
ЛИЦА ПРИЧАСТНЫЕ К ОРГАНИЗАЦИИ УБИЙСТВА ЦАРСКОЙ СЕМЬИ

Я. М. Свердлов

Яков Шифф

В. И. Ленин (Ульянов)

Г. Е. Зиновьев (Апфельбаум)

ЯКОВ СВЕРДЛОВ – КЛЮЧЕВОЕ ЗВЕНО ЕКАТЕРИНБУРГСКОГО ЗЛОДЕЯНИЯ

Гимназия Нижнего Новгорода, конец 90-х годов XIX века.
Под портретом Государя в группе гимназистов
(в центре первого нижнего ряда) сидит Яков Свердлов,
будущий организатор убийства Царя и его Семьи.

Яков Свердлов - организатор боевых формирований Урала в 1905-1908 годах

Вокзал города Екатеринбурга

«Передача Романовых Уралсовету». Картина В.Н. Пчелкина, написанная к 10-летию убийства Царской Семьи. Это полотно предназначалось для «торжественной экспозиции». Однако Сталин запретил экспонировать эту работу

ТАИНСТВЕННЫЕ КУРАТОРЫ ЗЛОДЕЯНИЯ

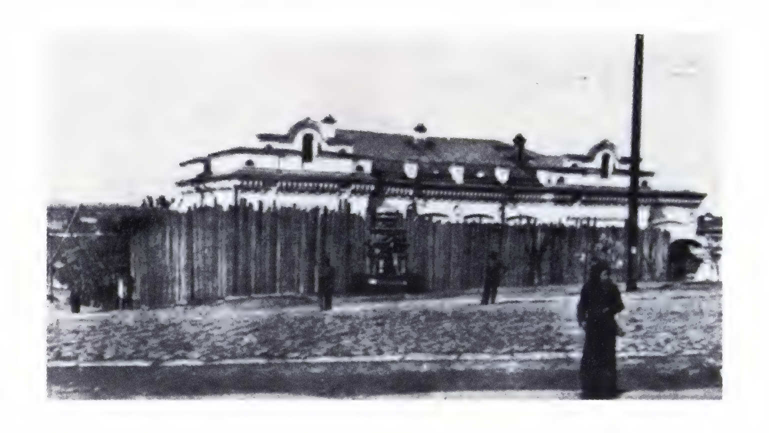

Французский генерал Морис Жанен

«Правая рука» Жанена, брат Якова Свердлова, Завель Свердлов, он же капитан французской армии Зиновий Пешков

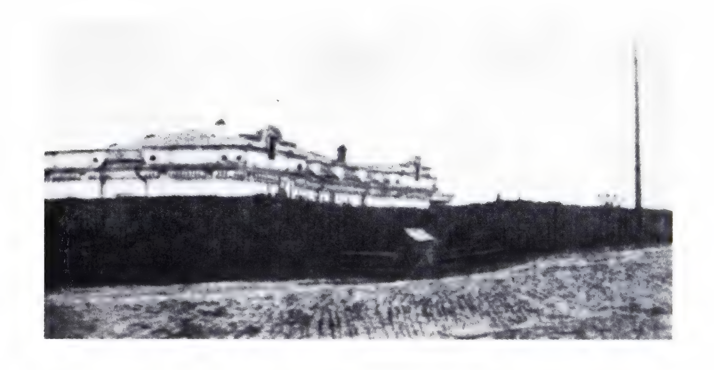
ДОМ ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ В ЕКАТЕРИНБУРГЕ

Человек давший имя особняку, где свершилось убийство Царской Семьи – инженер Н. Н. Ипатьев

ПАМЯТЬ ИХ В РОД И РОД....

ЛИЦА, УБИТЫЕ С ЦАРСКОЙ СЕМЬЁЙ НОЧЬЮ 17-ГО ИЮЛЯ 1918 ГОДА В ПОДВАЛЕ ИПАТЬЕВСКОГО ДОМА

Лейб-медик
Евгений Сергеевич Боткин

Комнатная девушка
Анна Степановна Демидова

Лакей
Алоизий Егорович Трупп

Повар
Иван Михайлович Харитонов

Лица свиты, последовавшей за Царской Семьей в Екатеринбург: граф И.Л. Татищев, П. Жильяр, князь В.А. Долгоруков, графиня А. Шнейдер, графиня А.В. Гендрикова. Все они, кроме Жильяра, были убиты в Екатеринбурге большевиками

Матрос К.Г. Нагорный с Наследником на руках. Нагорный сохранил верность Царской Семье до конца и был расстрелян в 1918 г. в Екатеринбурге

ОБЩНОСТЬ ОККУЛЬТНО-КАББАЛИСТИЧЕСКОЙ СИМВОЛИКИ

Пентаграмма на лбу идола тамплиеров

Эту же пентаграмму, только перевернутую, а также молоток и букву «гамма» мы видим на масонском запоне

На штандарте Временного правительства мы вновь видим молоток и букву «гамма», преобразованную в серп

Один из проектов мавзолея Ленина: православный храм под сатанинскими пентаграммами

Французский король Людовик XVI, заключенный якобинцами в замок Тампль – бывшую резиденцию ордена тамплиеров. По левую руку короля хорошо видны бойницы башни, закрытые по приказу революционеров железными жалюзи

Ипатьевский дом, наглухо закрытый от окружающего мира двойным забором. Сходство большевиков с якобинцами видно налицо

ОРГАНИЗАТОРЫ И ИСПОЛНИТЕЛИ ЗЛОДЕЯНИЯ

Я.Х. Юровский

Ш.И. Голощекин

П.Л. Войков

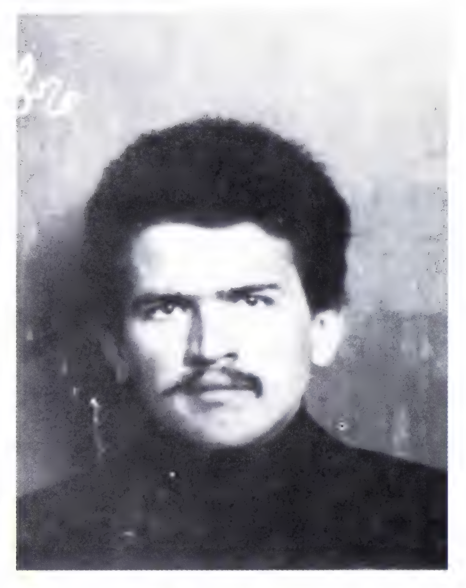
СОУЧАСТНИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ИЛИ ЛЖЕСВИДЕТЕЛИ?

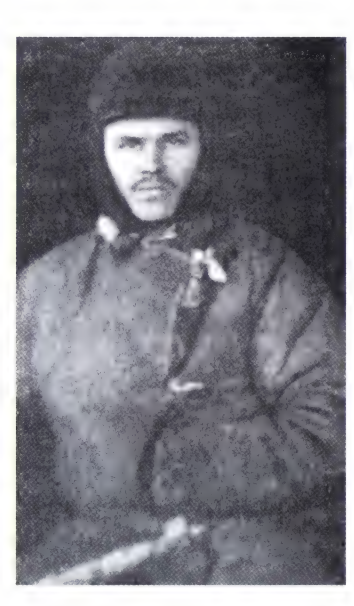
П.С. Медведев

Г.П. Никулин

П.З. Ермаков

М.А.Медведев
(Кудрин)

ПРЕДОЛАГАЕМОЕ ОРУЖИЕ УБИЙСТВА ЦАРСКОЙ СЕМЬИ

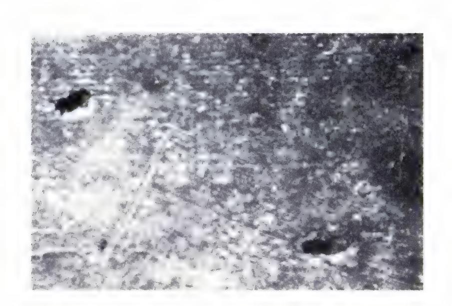
Огнестрельное оружие:
«маузер», «наган», «браунинг»

Штык от американской
винтовки «винчестер»

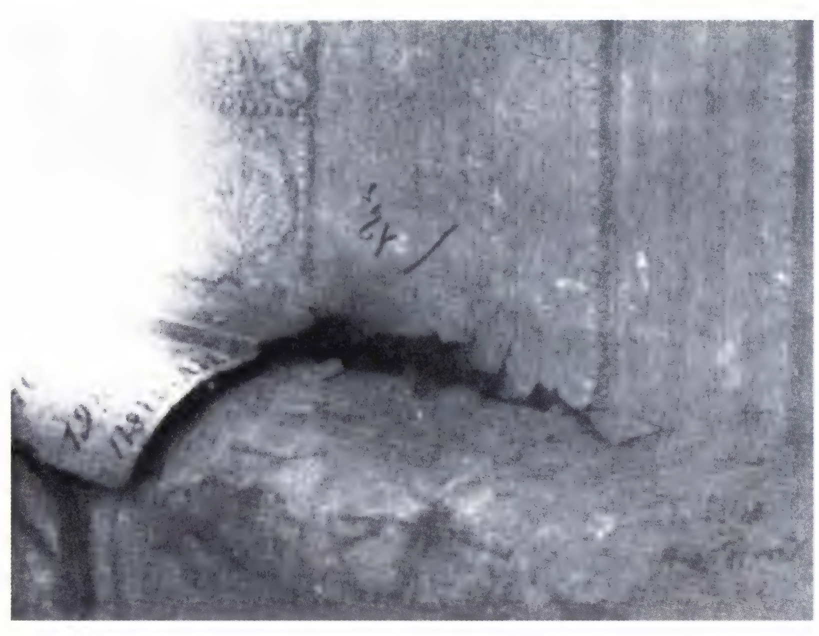
Пули, обнаруженные
на месте убийства

Пулевые отверстия в
полу комнаты

КОМНАТА НИЖНЕГО ЭТАЖА ДОМА ИПАТЬЕВА, ГДЕ ПРОИЗОШЛО УБИЙСТВО ЦАРСКОЙ СЕМЬИ

Восточная стена

Четыре знака и цифры, обнаруженные на южной стене комнаты убийства

Яков Юровский - палач Царской Семьи

Яков Юровский с сыном Александром. 1917 г.

1919 год. Я. Юровский. Лицо меняется почти до неузнаваемости

МЕСТО ПРЕСТУПЛЕНИЯ – ДОМ ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ

Комната, где жили Император, Императрица и Наследник

Лестница, по которой Царскую Семью вели на убийство

Открытка начала XX века,
изображающая
раввина, держащего в руках
ритуального петуха с головой Николая II

Рисунок 1905 года из французской
сатирической газеты «Assiet au beurre»,
изображающий отрезанную голову
Николая II. Надпись сверху:
«Святая Русь!»

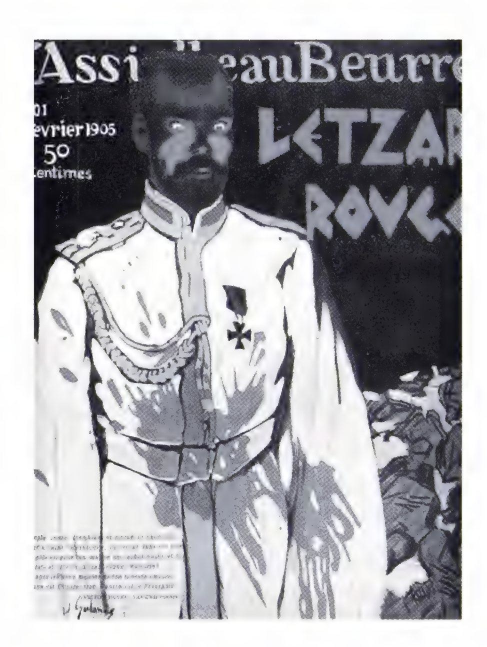

Рисунок из той же газеты, под названием
«Красный царь». Внизу отрывок из поэмы В. Гюго
«Возмездие» и подпись художника, несколько букв
которой удивительным образом напоминают
каббалистическую надпись в Ипатьевском доме

Плакат времён французской революции,
посвящённый убийству короля
Людовика XVI. Надпись сверху рисунка:
«Пища для размышлений всем
коронованным шарлатанам»

Г. Зиновьев и уральские большевики во главе с Голощекиным (крайний справа). Когда произошла эта встреча, при каких обстоятельствах, и не Зиновьева ли имел в виду генерал Жанен, когда писал о неком Апфельбауме, который увез отчлененные головы Царственных Мучеников?

Ф.Э. Дзержинский со своей женой и сыном. Швейцария, осень 1918 года. Зачем Дзержинский ездил в Швейцарию? Не исключено, что его поездка была связана с передачей на Запад главного «доказательства» Екатеринбургского злодеяния: отчлененных голов Царя и Царицы

В 2003 году в Екатеринбурге был освящен Храм-на-Крови, возведенный на том месте, где произошло убийство Царской Семьи и верных ей людей

При этом, как верно замечает Дитерихс, Свердлов не проявляет никакой заинтересованности в этом вопросе!

Не является ли все это доказательством того, что между Свердловым и Лениным шла тайная борьба и что Ленин находился в определенной информационной блокаде?

Не менее поразительным и загадочным является планомерное истребление на Урале родственников Ленина, проводимое местным ЧК. В январе 1918 года в Верхотурье был арестован двоюродный брат Ленина кадет В.А. Ардашев. Он был доставлен в Екатеринбург, где был допрошен лично Я. Юровским. После долго допроса Виктор Ардашев был отправлен в поселок Верх-Исетский завод, но по дороге туда был расстрелян якобы при попытке к бегству.[1] По факту убийства Ардашева Голощекиным была назначена проверка, которая, как и следовало ожидать, закончилась ничем. При этом из следственного дела пропал протокол допроса конвоира, застрелившего Ардашева. Ленин ничего не знал ни об аресте В.А. Ардашева, ни о его расстреле. И.Ф. Плотников пишет, что накануне трагической смерти В.А. Ардашева к Ленину в Петроград приехал его родной брат, А.А. Ардашев. Прощаясь с ним, Ленин просил передать Виктору Ардашеву привет, не предполагая, что того нет уже в живых.[2]

В июне 1918 года в Екатеринбурге был арестован двоюродный племянник Ленина Г.А. Ардашев, командир красногвардейского эскадрона. Ему была вменена в вину измена революции, и он был немедленно расстрелян.

Спустя три недели, в самом преддверии убийства Царской Семьи, по приказу опять-таки Юровского был арестован отец расстрелянного Г.А. Ардашева, другой двоюродный брат Ленина А.А. Ардашев со всей семьей, включая малолетних детей. Их участь была решена Юровским в том же смысле, что и судьба предыдущих Ардашевых, но кто-то из Екатеринбурга сообщил Ленину об этом аресте. Ленин немедленно посылает в Екатеринбург телеграмму: «*Прошу расследовать и сообщить мне причины обыска и ареста Ардашевых, особенно детей в Перми. Предсовнаркома, Ленин*».[3]

Лишь чудом Ленину удалось вырвать семью Ардашевых из лап Юровского. Мы видим, что убийства родственников Ленина проводились теми же людьми, которые убили Царскую Семью. Это были люди Свердлова. Они действовали явно вопреки Ленину и втайне от Ленина. Заметим, что Ленин лишь чудом узнал о готовящемся убийстве всей семьи его двоюродного

---

[1] *Штейн М.Г.* Ульяновы и Ленины. Семейные тайны. СПб.: Издательский дом «Нева», 2004. С. 131.

[2] *Плотников И.Ф.* Двоюродные братья В.И. Ленина (Ульянова) Ардашевы и их родословная. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2005.

[3] *Штейн М.Г.* Указ. соч. С. 133.

брата! Если люди, уничтожавшие родственников Ленина, делали это в тайне от главы советского правительства Ульянова (Ленина), то они могли точно также скрывать от него подготовку убийства Царской Семьи.

Во всяком случае, если принять за предположение вышесказанное, по-другому воспринимается телеграфный ответ Ленина редакции датской газеты «National Tidente». Редакция этой газеты 16 июля 1917 года, то есть за несколько часов до убийства Царской Семьи, послала на имя Ленина следующий запрос: «*Ходят слухи, что бывший царь убит. Пожалуйста, сообщите факты. National Tidente*».

В тот же день в 16 часов по московскому времени в Данию была подготовлена к отправке следующая телеграмма Ленина на английском языке, которая, правда, не имеет на своем бланке его подписи: «*National Tidente. Копенгаген. Слухи неверны, бывший царь жив. Все слухи только ложь капиталистической прессы. Ленин 16/7-16 ч.*»[1]

Примечательно, что эта телеграмма так и не была отправлена, она вернулась с телеграфа с подозрительной пометкой: «*Вернули с телеграфа. Не имеют связи*».

Часто эту телеграмму приводят как доказательство коварства Ленина, который, заранее зная о предстоящем убийстве Царской Семьи, со спокойной совестью лгал миру. Но почему-то никто не пытается предположить иную версию этой телеграммы. Ведь за датской редакцией «*National Tidente*» стоял датский король Христиан, а за его спиной сам император Вильгельм, и Ленин отлично знал, кто его респонденты. Представить себе, чтобы Ленин так нагло лгал все еще очень опасному для него германскому императору, невозможно. И не был ли вызван ответ Ленина, изложенный в телеграмме, его уверенностью в том, что Император Николай II жив, а приостановка посылки телеграммы не была ли вызвана дошедшей до Ленина информацией о событиях в Екатеринбурге?

В опубликованной недавно в журнале «Мегаполис» статье английского журналиста Майкла Перье, который комментирует совсем недавно вышедшую в Англии книгу двух авторов, Грега Кинга и Пенни Уилсона, «Решение судьбы Романовых», ознакомиться с которой нам пока не представилось возможным, отмечает следующее: «*По мнению британских историков, Ленин никогда не собирался убивать Царскую Семью — наоборот, Романовы были ему нужны живыми. (...) Ленин все еще не забыл о своих связях с немцами и не хотел окончательно испортить отношения с Германией — все же Императрица Александра была немецкой аристократкой. Смерть ее вместе с детьми могла катастрофически сказаться на отношениях с Берлином, с которым Ленин старался сохранить хотя бы условный мир в борьбе с Белой гвардией. (...) Ленин был против убийства Царских Детей еще и из-за опасений, что в*

[1] *Алексеев В.* Указ. соч. С. 103.

России усилится настрой против большевиков. Да и заграницей на него после такого злодеяния будут смотреть как на монстра, а Ленин собирался править долго. Между тем с наступлением лета 1918 года обстановка на фронтах продолжала ухудшаться. Фронт подкатывал к Екатеринбургу. Именно тогда и заговорили о том, что с Царской Семьей пора кончать. Ленин забеспокоился и отправил в Екатеринбург своего представителя, который должен был информировать местных вождей о планах суда над Царем и еще раз напомнить о необходимости сберечь Царское Семейство в целости и сохранности. (…) Самым простым и менее хлопотным делом представлялось посадить Романовых в поезд, как того требовал Ленин, и отправить его подальше, то есть в Москву. До сих пор точно не известно, какие силы вмешались в судьбу Романовых в тот момент. Британцы все валят на обезумевших от крови уральских большевиков, которые в своем желании убить Царя не пошли на попятную. Однако есть предположения, что они действовали с подсказки соперничавших с Лениным деятелей революции. Им не нужно было никакого суда и окончательного возвышения Ленина. Убийство всей Царской Семьи наносило сильный удар по имиджу вождя, даже если учесть все остальные кровавые злодейства красного террора.

Спасти Романовых мог бы направленный Лениным в Екатеринбург вооруженный отряд верных ему людей».[1]

В этих строках Перье много неточностей и небрежностей, которые вообще свойственны западным исследователям, когда они пишут о России, но доля истины в них есть. Многие косвенные данные свидетельствуют о том, что Ленин действительно посылал своих людей в Екатеринбург с приказом доносить ему о положении дел в Ипатьевском доме. Документы, хранящиеся в Российском центре хранения и изучения документов новейшей истории, показывают, что Ленин в течение ряда месяцев вел переговоры с Уралоблсоветом о судьбе Царской Семьи, начиная с момента проживания их в Тобольске, перевода в Екатеринбург и заточения их в доме Ипатьева.[2] В биографической хронике Ленина опубликованы его запросы об условиях жизни бывшего Царя, переговоры с Екатеринбургом. Особенно примечательна телеграмма от 28 июня 1918 года, отправленная Ленину А.Г. Белобородовым. В биографической хронике Ленина по этому поводу говорится: «*28 июня. Ленин читает (позднее 20 час. 13 мин.) телеграмму из Екатеринбурга председателя Уральского областного Совета А.Г. Белобородова с просьбой о разговоре по прямому проводу в виду чрезвычайной важности дел*». 7 июля, то есть за 10 дней до убийства Царской Семьи, Ленин посылает в Екатеринбург телеграмму с весьма странной просьбой: «*...предоставить*

[1] Мегаполис. № 6 (359). 2004, 11–17 февраля.

[2] http://imperator.spbnews.ru/.

возможность председателю Уральского областного Совета А.Г. Белобородову связаться с Кремлем по прямому проводу».[1]

Возникает резонный вопрос: что хотел сообщить Белобородов Ленину, и кто не допускал его к прямому проводу?

В связи с этим мы беремся с осторожностью предполагать, что Свердлов, приготавливая убийство, дезинформировал не только немцев, но и Ленина. Особенно любопытна в связи с этим фраза Перье о том, что «*убийство Царской Семьи наносило сильный удар по имиджу вождя*», то есть Ленина. Если учитывать все последующие события, мятеж левых эсеров и покушение на жизнь Ленина, эти строки покажутся более чем правдоподобными. Думается, что по невыясненным пока точным причинам, убийство Мирбаха, убийство Царской Семьи и покушение на жизнь Ленина стоят в одной цепочке и приготовлялись одной и той же силой.

Наконец, у нас есть еще одно очень ценное свидетельство о позиции Ленина в деле Царской Семьи. 10 июня 1921 года в Берлине следователь Соколов провел беседу с Бартельсом, который был в июле 1918 года консулом в Москве. Вот что записал об этой встрече Соколов: «*Он, Бартельс, со времени возникновения большевистской власти в России находился сначала в Петрограде, а потом в Москве в качестве германского консула. Ему положительно известно, что за несколько времени до убийства Мирбаха между королем Испании и императором Вильгельмом происходили через специальных курьеров совершенно секретные переговоры, имевшие в виду спасение русского Царя и Его Семьи. В результате этих переговоров через графа Мирбаха последовало требование к Ленину об освобождении Государя Императора и Его Семьи. Ему, Бартельсу, положительно известно, что Лениным было собрано специальное заседание "комиссаров", в котором большинство комиссаров примкнуло к точке зрения Ленина о возможности освобождения Государя Императора и Его Семьи. Такому решению большинства воспротивилась другая партия во главе со Свердловым, причем Бартельс, называя ее, употребил выражение: "еврейская" партия. Г. Бартельсу известно, что после того, как состоялось решение комиссаров, враждебная этому решению партия тайно отправила своих людей в Екатеринбург, и там произошло убийство Царя и Его Семьи*».[2]

Не менее интересной является телеграмма, посланная из Екатеринбурга на имя Ленина и Свердлова и полученная 17 июля 1918 года в 01 час 30 минут ночи, почему-то через Петроград, от Зиновьева. Телеграмма эта гласила: «*Из Петрограда. Смольного. В Москву, Кремль, Свердлову, копия Ленину. Из Екатеринбурга по прямому проводу передают следующее: сообщите [в] Москву, что условленного с Филипповым суда по военным об-*

---

[1] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч.
[2] Россійскій Архивъ. С. 306.

стоятельствам не терпит отлагательства. Ждать не можем. Если ваши мнения ***противоположны*** (подчеркнуто автором – *П.М.*) *сейчас же вне всякой очереди сообщить. Голощекин, Сафаров. Снеситесь по этому поводу сами с Екатеринбургом. Зиновьев*».[1]

Эту телеграмму часто приводят в качестве доказательства прямого санкционирования Лениным убийства Царской Семьи. Так, известный исследователь О.А. Платонов пишет: «*"Суд" — кодовое обозначение намеченного злодейского убийства. Из телеграммы ясно, что оно готовилось с участием Ленина и Свердлова, и было одобрено всем большевистским синедрионом*».[2]

Однако представляется, что смысл этой телеграммы был двоякий: скорее всего, Ленин и Свердлов поняли из нее разное. Главный ключ к разгадке этой телеграммы лежит в слове «суд». Мы помним, что в ходе разговора Голощекина со Свердловым и Лениным в Москве, по показаниям Медведева, Ленин настоял на перевозе Царской Семьи в Москву для «суда» над Императором Николаем II. В данном случае смысл телеграммы для Ленина должен был читаться следующим образом: не затягивайте с принятием решения по организации в Москве суда, то есть немедленно решайте вывозить Царскую Семью из Екатеринбурга или — нет. В то же время Свердлов должен был прочитать из этой телеграммы только одно: все готово для убийства.

Между тем, большевистский уральский деятель П.М. Быков сделал ряд важных сообщений в своей книге «*Последние дни Романовых*». При этом следует заметить, что издания книги Быкова 1926 и 1931 годов имеют свои различия и нюансы. Так, в 1926 году Быков пишет, что над Царской Семьей планировался суд, хотя «*в отношении Романовых у большевиков суд ни в коей мере не имел значения органа, выясняющего истинную виновность этой "святой семейки". Если суд и имел какой-либо смысл, то лишь как весьма хорошее агитационное средство для политического просвещения масс — и не больше. С этой целью Советской властью даже предполагалось организовать в Екатеринбурге нечто вроде показательного суда над Романовыми с участием в качестве обвинителя Л. Троцкого*».[3]

Итак, в своей книге Быков не только открыто говорит, что над Царской Семьей готовилась расправа, так как всем хорошо понятно, чем бы закончился «*показательный суд над "святой семейкой"*», чью вину к тому же не надо было даже доказывать, но и сообщает нам интересные сведения о том, что суд якобы должен был состояться в Екатеринбурге.

В другом издании своей книги, в 1930 году, Быков сообщает нам еще большие подробности: «*Когда Голощекин в первый же день явился в пре-*

---

[1] *Алексеев В.* Указ. соч. С. 110.
[2] *Платонов О.А.* История Цареубийства. С. 292.
[3] *Быков П.М.* Последние дни Романовых. Свердловск, 1926. С. 15.

зидиум ВЦИК, то он, между прочим, встретил у Свердлова представительницу ЦК партии эсеров М. Спиридонову, настаивавшую на выдаче Романовых эсерам для расправы с ними.

Президиум ВЦИК склонялся к необходимости назначения над Николаем Романовым открытого суда. В это время созывался V Всероссийский съезд Советов. Предполагалось поставить вопрос о судьбе Романовых на съезде — о том, чтобы провести на нем решение о назначении над Романовым открытого суда в Екатеринбурге.

Однако по докладу Голощекина о военных действиях на Урале, где в связи с выступлением чехословаков положение не было прочно и можно было ожидать скорого падения Екатеринбурга, вопрос был перерешен. Постановлено было вопроса на съезде не поднимать, который мог затянуться, не ставить. Голощекину предложено было ехать в Екатеринбург и к концу июля подготовить сессию над Романовыми».[1]

Как видим, в варианте 1930 года у Быкова появляется несколько новых деталей. Видимо, кровожадное словоблудие Быкова образца 1926 года в 1930-м уже не устраивало власти. Поэтому, во-первых, инициатива суда приписывается ВЦИК, то есть Свердлову, во-вторых, исчезает кровавая предсказуемость суда, который уже должен был проводиться не над всей Царской Семьей, а только над Государем. Наконец, полностью исчезает Троцкий, и вся инициатива по проведению суда в Екатеринбурге отдается Голощекину (это вполне понятно, так как к 1930 году имя Троцкого было уже окончательно вычеркнуто из советской истории). Понятно, что Быков лжет как в первом, так и во втором случае. Ясно, что никакого суда в Екатеринбурге состояться не могло, и никто этого всерьез не обсуждал. Характерно, что о «суде» в Екатеринбурге, насколько это известно, больше никто из советского руководства свидетельств не оставил. Зачем же понадобилась Быкову эта ложь? А затем, чтобы убийство Царской Семьи воспринималось читающими логично и естественно. Ведь если суд был назначен в Екатеринбурге, то Царскую Семью никуда не надо было вывозить, «белые» приближались, и с ней надо было что-то решать, центр молчал, вот уральцы и «решили» вопреки воле Москвы. Примечательно, что по «техническим причинам» важнейшая телеграмма из Екатеринбурга не смогла быть выслана напрямую в Москву, а послана Зиновьеву в Петроград и, пролежав там некоторое время, отправлена в Москву. После получения телеграммы в Москве надобность обратного ответа через Петроград отпадает, и Зиновьев рекомендует Москве связаться с Екатеринбургом самой.

Но из последнего отрывка Быкова можно сделать интересное предположение: а не была ли телеграмма из Екатеринбурга «*о невозможности*» суда оговорена Свердловым и Голощекиным заранее, в качестве, с одной сто-

[1] *Быков П.М.* Последние дни Романовых. М.–Л., 1930. С. 87.

роны, сообщения о готовности к убийству, а с другой — оправдания уральского «самосуда»?

Подводя итог всему вышеизложенному, мы можем сделать осторожный, но все-таки достаточно определенный вывод, что между Лениным и частью большевистского руководства существовали серьезные разногласия по поводу судьбы Царской Семьи. Судя по всему, Ленин пытался выполнить, во всяком случае до какого-то момента, возложенное на него германскими правящими кругами поручение вывезти Царскую Семью из Екатеринбурга. Означает ли это, что Ленин не был виновен в Екатеринбургском злодеянии? Конечно, нет! Вся его позиция была вызвана не желанием спасти Царя и его Семью, а страхом перед могущественными германцами и опасностью возвышения Свердлова и Троцкого, то есть полного захвата власти мировой закулисой. Кроме того, Ленин, судя по всем свойствам его натуры, был сторонником цареубийства, и понятно, что само по себе оно не могло его опечалить. Как только стало понятно, что кровавое преступление оставило равнодушным все европейские страны, включая Германию, и что никакой расплаты за содеянное его не ждет, Ленин тотчас и немедленно принял сторону цареубийц и стал причислять себя к их числу. Более того, в дальнейшем он взял на вооружение палаческие методы Свердлова, рано умершего в 1919 году, и с успехом их применял. Нет сомнений, что расстрелы в Петропавловской крепости Великих Князей, массовые убийства православного духовенства, жестокие казни пленных кронштадтских матросов, расстрелы православных, не желавших выходить на работу в дни религиозных праздников, и сотни других преступлений были проведены с явного одобрения Ленина.

Позиция Ленина в деле об убийстве Царской Семьи имела особые частные причины и была вызвана полной, с точки зрения Ленина, политической нецелесообразностью и даже опасностью для текущего момента этого убийства, а вовсе не его принципиальным неприятием злодейства.

Но для подлинных организаторов Екатеринбургского злодеяния было очень выгодным свалить всю ответственность на Ленина. Во-первых, Ленин был русским, а значит, нити, ведущие к зарубежным организаторам, скрывались в его тени. Во-вторых, роль таких изуверов, как Свердлов и Троцкий, становилась как бы второстепенной, малозначимой, то есть сводилась к роли «Яшки-Хулигана» и «Пламенного Льва», слепо выполнявших приказы «всесильного» вождя мировой революции.

Именно этим были вызваны лживые строки Троцкого, которые тем не менее любят приводить многие исследователи в качестве доказательства решающей роли Ленина в убийстве Царской Семьи:

«*Следующий мой приезд в Москву выпал уже после падения Екатеринбурга. В разговоре со Свердловым я спросил мимоходом:*

—Да, а где царь?

—Конечно, — ответил он, — расстрелян.

— А семья где?

— И семья с ним.

— Все? — спросил я, по-видимому, с оттенком удивления.

— Все! — ответил Свердлов. — А что?

Он ждал моей реакции. Я ничего не ответил.

— А кто решал? — спросил я.

— Мы здесь решали. Ильич считал, что нельзя оставлять нам им живого знамени , особенно в нынешних трудных условиях.

Больше я никаких вопросов не задавал, поставив на деле крест. По существу, решение было не только целесообразно, но и необходимо».[1]

А.Г. Латышев, комментируя эти строки Троцкого, справедливо пишет: «*Обманывал он — ибо, как свидетельствуют документы, накануне екатеринбургской трагедии из Москвы почти не выезжал и даже присутствовал на заседании Совнаркома 18 июля 1918 года, на котором было принято решение "принять к сведению" "внеочередное сообщение" Свердлова*».[2]

Это «внеочередное сообщение» было оглашено вначале на Президиуме ВЦИК: «*18 июля 1918 г. Слушали: Сообщение об расстреле Николая Романова (Телеграмма из Екатеринбурга).*

Постановили: По обсуждению принимается следующая резолюция: ВЦИК, в лице своего президиума, признает решение Уральского областного Совета правильным. Поручить тт. Свердлову, Сосновскому и Аванесову составить соответствующее извещение для печати. Опубликовать об имеющихся в ЦИК документах (дневник, письма и т.д.) бывшего царя Николая Романова. Поручить тов. Свердлову составить особую комиссию для разбора этих бумаг и их публикации. Председатель ВЦИК: подпись отсутствует. Секретарь ВЦИК: В. Аванесов. Помета на документе: "тов. Свердлову" ».[3]

Того же 18 июля состоялось заседание СНК: «*18 июля 1918 г. Председательствует: тов. Владимир Ильич Ульянов (Ленин). Присутствуют: Гуковский, В.М. Бонч-Бруевич, Петровский, Семашко, Винокуров, Соловьев, Козловский, Галкин, Смирнов, Дауге, Свидерский, Правдин, Троцкий, Попов, Альфатер, Стучка, Рыков, Ноги, Склянский, Пестковский, Невский, Середа, Подбельский, Скорняков, Юрьев, Брюханов, Николаев, Милютин, Попов (статистик), профессор Сиринов, Чичерин, Карахан.*

Слушали: внеочередное заявление Председателя ЦИК тов. Свердлова о казни бывшего царя Николая II по приговору Екатеринбургского Совета и о

---

[1] *Троцкий Л.* Дневники и письма.

[2] *Латышев А.Г.* Указ. соч. С. 131.

[3] *Алексеев В.* Указ. соч. С. 105.

состоявшемся утверждении этого приговора Президиумом ЦИК. Постановили: Принять к сведению».[1]

Интересно, что если на своем заседании ВЦИК «решение» Уральского Совета одобрил, то Совнарком — только принял его к сведению. Это еще одно косвенное подтверждение страха и сомнений Ленина в целесообразности упорного стремления Свердлова истребить Царскую Семью.

Таким образом, сам собой напрашивается вывод о том, что не Ленин играл в организации убийства Царской Семьи решающую и главенствующую роль, не он был «главным вершителем судьбы Романовых». «*В июле-августе 1918 года, резче, чем когда-либо, проступила угроза личной власти Ленина. На политическом горизонте вырисовывалась фигура нового партийного руководителя: не оратора и идеолога, каким был Троцкий, и не авторитетного вождя, кем был Ленин; а незаметного партаппаратчика, функционера, известного лишь в узких кругах партии — фигура Свердлова*».[2]

Свердлов

В организации и осуществлении Екатеринбургского злодеяния одной из самых главных фигур большевистской верхушки является, безусловно, фигура Свердлова. Свердлова вообще можно отнести к гениальным инфернальным личностям, если только к сторонникам преисподней можно отнести такой термин. Прожив очень короткую жизнь (на момент смерти ему не было 34 года), Свердлов столько успел сделать для победы мировой революции, задать такие темпы массового кровопускания, на какие ни до, ни после не оказался способным ни один мировой злодей. Троцкий очень любил, и ему льстило, когда его называли «демоном революции». Но надо сказать, что по сравнению со Свердловым фразер и демагог Троцкий явно проигрывал. Имя «демона революции» по праву заслужил не он, а Свердлов. В отличие от Ленина и Троцкого, Свердлов не произносил истеричных и пафосных речей, не объезжал фронты в бывших царских вагонах, не давал интервью иностранной прессе и почти не мелькал на страницах газет и журналов. Он, занимая высший пост в Советском государстве, все время оставался как бы в тени, предпочитая руководить из-за занавеса. Его речь, всегда спокойная и рассудительная, его интеллигентный внешний облик с неизменным пенсне и бородкой клинышком, его миндалевидные, всегда чуть печальные глаза, скорее наводили на мысль о земском враче, чем о главаре одного из самых кровавых режимов мировой истории. А.В. Луначарский писал о Свердлове: «*Внутреннего огня в нем, конечно, было много, но внешне это был человек абсолютно ледяной. Когда он был не на*

[1] Там же. С. 105–106.
[2] Кубань. № 2. 1991.

трибуне, он говорил неизменно тихим голосом, тихо ходил, все его жесты были медленны».[1]

Но тот, кто близко знал Свердлова, знал и как обманчив этот облик интеллигентного доктора. В Свердлове чувствовалась такая мощная сила, такая железная убежденность в совершаемом им деле, что поневоле его признавали негласным лидером всей партии. Тихий голос Свердлова внушал ужас во много раз больший, чем истошные крики Ленина. Именно этот человек передал приказ об убийстве Царской Семьи, именно он развязал чудовищный красный террор, именно он стал инициатором так называемого «расказачивания», когда было зверски убито, в том числе закопано заживо, 400 000 тысяч донских казаков, включая женщин и грудных детей. До марта 1919 года не было ни одной кровавой глобальной акции большевиков, инициатором который не был бы Свердлов. Недаром его называли «мозгом партии». «*У нас нет никаких сомнений,* — писал П. Пагануци, — *что чудовищные преступления большевиков* (в 1918 году — *П.М.*), *превзошедшие все меры жестокости, были совершены по приказанию из центра, Москвы, и главная ответственность за них лежала на Свердлове*».[2]

Роль Свердлова в организации убийства Царской Семьи столь значима, что нам придется остановиться на его личности чуть подробнее.

Яков Михайлович Свердлов родился 22 мая 1885 года в г. Нижнем Новгороде в семье владельца граверной мастерской. На идиш его полное имя звучало как Янкель Мовшевич Свердлов. В некоторых исследованиях уверяется, что его настоящая фамилия была Розенфельд, но источник этих утверждений не приводится. М. Пархомовский пишет, что прадед Свердлова, мещанин из города Полоцка, был искусным сверловщиком. «*По-видимому,* — считает Пархомовский, — *от белорусского слова "свердло" и произошла фамилия*».[3] Так что, вполне возможно, настоящая фамилия Свердловых была Розенфельд.

У его отца, Мовшы Израилевича, было три сына: Завей (Зиновий), Яков, Вениамин, а также две дочери: Сарра и Софья. Кроме того, у Мовшы Свердлова было два сына от второго брака — Герман и Александр. В начале XX века Мовша взял себе в качестве ученика гравера молодого человека по имени Гершель Гершелевич Иегуда, превратившегося впоследствии в Генриха Генриховича Ягоду, будущего кровавого начальника ОГПУ. Ягода, несмотря на то, что дважды обворовывал своего мастера, умудрился породниться с семейством Свердловых, женившись на племяннице Янкеля — Иде Авербах.

---

[1] Я. М. Свердлов в высказываниях соратников.
[2] *Пагануци П.* Правда об убийстве Царской Семьи. Нью-Йорк, 1981. С. 143.
[3] *Пархомовский М.* Указ. соч. С. 14.

Бывший помощник Сталина Б. Бажанов, бежавший от него заграницу, писал о семействе Свердловых: «*Это очень интересное семейство. Старик Свердлов жил в Нижнем Новгороде и был гравером. Он был очень революционно настроен, связан с революционными организациями, и его работа гравера заключалась главным образом в изготовлении фальшивых печатей, при помощи которых революционные подпольщики фабриковали себе подложные документы. Атмосфера в доме была революционная. Но старший сын Зиновий в результате каких-то сложных душевных процессов пришел к глубокому внутреннему кризису, порвал с революционными кругами и с семьей, и с иудаизмом. Отец его проклял торжественным еврейским ритуальным проклятием. Его усыновил Максим Горький, и Зиновий стал Зиновием Пешковым. Но, продолжая свой душевный путь, он отошел и от революционного окружения Горького, уехал во Францию и поступил в Иностранный легион для полного разрыва с прошлой жизнью. Когда через некоторое время пришло известие, что он потерял в боях руку, старик Свердлов страшно разволновался: "какую руку?", и когда оказалось, что правую, торжеству его не было предела: по формуле еврейского ритуального проклятия, когда отец проклинает сына, тот должен потерять именно правую руку*».[1]

В этом отрывке Бажанова нас интересует то свидетельство, что семья Свердловых была крайне религиозна и что основой этой религиозности был радикальный иудаизм, сопряженный с такими проявлениями, как ритуальные проклятия. Для нас это обстоятельство имеет весьма важное значение. Известно также, что Мовша Свердлов прекрасно знал Талмуд и Тору, которые ежедневно читал и даже любил их толковать. Последнее вообще не свойственно традиционному еврейству и больше похоже на хасидизм. Хотя, безусловно, данных о том, что отец Свердлова был хасидом, у нас нет.

За свою помощь революционерам Мовша Свердлов находился под надзором Нижегородского жандармского управления.

Мы уже говорили о косвенной причастности Зиновия Свердлова (Пешкова) к делу об убийстве Царской Семьи. Что же касается второго брата, Вениамина Свердлова, то и он так же косвенно был близок к кругам, имеющим прямое отношение к судьбе Императора Николая II. Вениамин Свердлов еще до революции уехал в США и открыл там банк. Имеются сведения, что Вениамин был знаком и поддерживал деловые отношения с банком «Кун, Лейб и К°» и его ведущей силой — банкиром Я. Шиффом. После Октября 1917 г. Яков вызвал брата в Россию, где тот был назначен наркомом путей сообщений, но проявил себя на этом посту неудачно. В 1937 г. во время «великой чистки» он был расстрелян.

---

[1] *Бажанов Б.* Воспоминания бывшего секретаря Сталина. СПб., 1992. С. 88.

Свердлов не любил говорить о себе и своей семье. «*Яков Михайлович*, — вспоминала его жена К.Т. Новгородцева, — *никогда не любил говорить о себе*».[1] И это вполне понятно: семья Свердловых таила много тайн. Одна из них — это то обстоятельство, что, будучи совершенно незначимой в социальном, культурном и финансовом плане, семья Свердловых была знакома и поддерживала тесные отношения с очень многими влиятельными и известными людьми своей эпохи. В первую очередь это касается Максима Горького. Горький близко знал Свердловых еще в то время, когда Янкель и его братья были совсем юными. «*Нередким гостем Свердловых*, — писала Новгородцева, — *был живущий в те годы в Нижнем Новгороде Горький, знавший и ценивший эту дружную, интересную семью*».[2]

Кто, как и при каких обстоятельствах свел известного русского писателя с «интересной и дружной семьей» неизвестно, но Горький с самого начала проявлял к ней живейшее участие. Когда весной 1902 года Янкель и Вениамин Свердловы в очередной раз попали в тюрьму за хранение и распространение запрещенной революционной литературы, Горький выступил в их защиту, написав письмо-памфлет, в котором он иронизировал над Императорским правительством: «*В Нижнем*, — писал он, — *ужасные творятся вещи! Страшные дела! Пойманы и посажены в тюрьму отвратительные преступники, политические агитаторы, ррреволюционеры, числом в двое, сыновья гравера Свердлова — наконец-то! Теперь порядок в России восторжествует!*»[3]

Благодаря заступничеству Горького братья были вскоре освобождены из-под стражи.

В дальнейшем, как мы знаем, Горький принял живейшее участие в судьбе старшего брата Свердлова Зиновия, усыновив его. При этом он одновременно был и его крестным отцом, что, безусловно, являлось святотатством, так как, согласно православию, отец и крестный не могут быть одним и тем же лицом. «Крещение» было осуществлено в 1902 году в Арзамасе священником Федором Владимирским, другом Горького и тайным революционером. (К слову сказать, сын этого священника М.Ф. Владимирский стал в 1931 году наркомом здравоохранения). Биограф Горького П.П. Плетнев писал: «*Конечно, никакого "таинства" на самом деле не было, а было лишь все это формально устроено "крамольным" попом Васильевым*».[4] Вообще ненависть к христианству была в крови что Горького, что его «нареченного сына». М. Пархомовский приводит сведения о «шуточных», по его понятиям, сценах, кото-

---

[1] *Новгородцева К.Т.* Яков Михайлович Свердлов. М.: Молодая гвардия, 1957. С. 71.

[2] Там же. С. 74.

[3] *Городецкий Е., Шарапов Ю.* Свердлов // ЖЗЛ. М.: Молодая гвардия, 1971. С. 20.

[4] *Пархомовский Михаил.* Указ. соч. С. 44.

рые разыгрывались Горьким, З. Пешковым-Свердловым и другими, а затем снимались на фотопленку. «*На одном снимке,* — пишет Пархомовский, — *библейская сцена под названием "Брак в Канне Галилейской". На первом плане — Христос — В.А. Десницкий, коленопреклоненный раб — Зиновий и дева Мария — Мария Федоровна, на заднем плане: первосвященник с поднятыми руками — Горький, жених — Юрий Желябужский, невеста Е.Ф. Павлова-Асильванская, прислужницы — Катя Желябужская и М.С. Боткина, центурион — Амфитеатров. Вся серия этих фотографий названа "Священная история в лицах"».*[1]

Любопытно, что роли распределены со смыслом, сознательно преследуют цель глумления над Спасителем и Его Пречистой Матерью. Заметим, крупный масон Горький изображен иудейским первосвященником, предавшим Господа на муки и казнь, святотатец Пешков — в роли лукавого раба, любовница Горького М.Ф. Андреева — в роли Пресвятой Богородицы.

Цель «крещения», кроме надругательства над Православием, была очевидной: спрятать за фамилией Пешкова свою связь с Янкелем Свердловым, имя которого становилось все более печально известным. Власти поняли это, и в 1903 году Императорским Указом причту Троицкой церкви города Арзамаса было предписано вернуть Зиновию его настоящую фамилию: Свердлов. То, что и «крещение» и «усыновление» Зиновия Горьким были чистой воды фикцией, свидетельствует сам Горький, который писал в 1921 году Ленину: «*На днях вызвал сюда из Парижа Зиновия Пешкова,* ***так называемого приемного сына*** *моего*»[2] (выделено нами – *П.М.*).

Обширными связями Горького пользовался не только Зиновий, но и Яков Свердлов. Так, в 1903 году Яков получил при помощи Горького большую денежную помощь от Ф.И. Шаляпина, который лично передал деньги Якову для покупки печатного агрегата.[3]

Но Горький был не единственным из известных людей, чьею помощью пользовался Яков. Во время революционной смуты, когда Якова разыскивала полиция за организацию массовых беспорядков, сопряженных с убийствами и грабежами, Свердлов прятался не где-нибудь, а на квартире гласного городской думы Екатеринбурга С.А. Бибикова, который близко знал всю местную городскую власть.

Окончив только четыре класса начальной школы, побыв недолго помощником аптекаря, в 15 лет Свердлов ушел в революцию. Причины, приведшие Свердлова в революцию, смутны. Набившая оскомину ложь об «официальном русском антисемитизме» опровергается самим Свердловым, который писал в одном из писем: «*Я лично никогда не знал национального гнета, не*

---

[1] Там же. С. 118.

[2] *Пархомовский М.*, Указ. соч. С. 45.

[3] *Шаляпин Ф.И.* Литературное наследство. Письма. Т.1. М., 1976. С. 321.

подвергался гонениям в качестве еврея».[1] Нет, причина революционности Свердлова имела под собой ненависть, причем ненависть глубокую и древнюю, чувство, которое, без сомнения, культивировал в молодом Якове его отец. К каким революционным организациям примыкал Свердлов? Этот вопрос весьма запутанный и таинственный, как, впрочем, и вся жизнь Свердлова. Согласно официальной советской канонической биографии Свердлова, он с самого начала действует как член большевистской партии. Однако никаких свидетельств о том, что Свердлов состоял в рядах РСДРП до 1917 года, не имеется. В своих листовках он подписывался как «социал-демократ» или «группа социал-демократов». Скорее всего, в те годы Свердлов никакого отношения к большевикам не имел. Вполне возможно, что он представлял интересы еврейской американской диаспоры (все тех же Шиффа, Лейба и так далее), которая организовывала в России целые вооруженные группы своих боевиков. На одной из фотографий периода так называемой «первой русской революции», когда Свердлов руководил на Урале формированиями боевиков, Свердлов изображен в белой косоворотке, полувоенных брюках и сапогах. При этом на пряжке его ремня отчетливо виден знак черепа с двумя перекрещивающимися костями. Такие же знаки видны на снимках и у некоторых других боевиков. Что это за знак? Мы знаем, что «мертвая голова» издавна была масонским знаком, «знаком Хирама», которая противопоставлялась христианскому символу Голгофы. Характерны слова Свердлова, изложенные им в письме к своей знакомой Кире Бессер 17 января 1914 года: «*Теперь лишь слепые могут не видеть или же те, кто умышленно не хочет видеть, как вырастает сила, которой предстоит играть главную роль в последнем действии трагедии. И так много прекрасного в росте этой силы, так много бодрости придает этот рост, что право же, хорошо жить на свете*».[2]

Что это была за сила, которой так радовался Свердлов? Советские историки, конечно, уверяли, что он имел в виду пролетариат, но мы позволим себе в этом усомниться.

Еще одной загадкой является причина отъезда Свердлова на Урал, где у него не было ни родственников, ни знакомых. Там, на Урале, накануне революции 1905 года Свердлов создает организацию под названием «Боевой отряд народного вооружения» (БОНВ), ставшую одной из самых преступных и кровавых организаций революции 1905–07 годов. Эта организация формально подчинялась боевому центру, куда входили М. Лурье, Э.С. Кадомцев, М.И. Губельман (Ярославский). Но фактически полновластным хозяином в ней был Свердлов, который действовал под кличками «товарищ Андрей» и «Михайлович». В БОНВ, «*как в классической мафии или в масонских орденах, были созданы несколько уровней посвящения в тайну организа-*

---

[1] *Городецкий Е., Шарапов Ю.* Указ. соч. С. 23.
[2] *Городецкий Е., Шарапов Ю.* Указ. соч. С. 120.

ции. Полной информацией обладал только тот, кто находился наверху пирамиды, он согласовывал свои действия с боевым центром» (О.А. Платонов).[1] Один из активных боевиков БОНВа К.А. Мячин (он же В.В. Яковлев) так определял царившие в ней правила: «*Правило: один знает — никто не знает, двое — хуже, трое знают — все знают*».[2]

Свердлов являлся руководителем всех антиправительственных акций на Урале. Начальник Пермского охранного отделения писал начальству, что «товарищ Андрей», или «Михайлович», «*после объявления Всемилостивейшего Манифеста 17 октября 1905 года руководил всеми происходившими в Екатеринбурге беспорядками и постоянно председательствовал и ораторствовал на всех происходивших там митингах революционного характера...*»[3] В руководстве боевиками Свердлов опирался на чудовищную жестокость. Когда один из членов организации, Иван Бушенов, высказал неодобрение методами Свердлова, тот зловеще спокойным голосом произнес: «*Ты что же, Ванюша, революцию в белых перчатках хочешь делать? Без крови, без выстрелов, без поражений?*»[4]

Все члены Екатеринбургской организации РСДРП, не согласные с кровавыми методами Свердлова, были так или иначе оттеснены от дел. Будущий палач Царской Семьи Свердлов уже тогда главной своей задачей ставил цареубийство. 6/19 мая 1905 года, в день рождения Государя, Свердлов пишет листовку, в которой говорилось: «*Пробил твой час, последний час тебе и всем твоим! То страшный суд, то революция грядет!*»[5]

Как сильно отличается тон листовки Свердлова от истеричных криков Ленина! Не поток ругательств, не пустые разговоры «об отрубленных головах сотен Романовых», а прямая, явная угроза, произнесенная торжественным, но спокойным тоном: «*Пробил твой последний час, тебе и всем твоим*»! Какой нечеловеческой вековой злобой дышат эти строки, словно Свердлов только озвучивает, передает послание кого-то другого, более могущественного, чем он.

Многие соучастники Екатеринбургского злодеяния 1918 года прошли через свердловскую школу. В свои ряды он с радостью привлекал уголовников и любой антисоциальный элемент. О.А. Платонов приводит воспоминания социал-демократа Н.А. Чедынцева, который сидел в тюрьме вместе со Свердловым: «*Свердлов не гнушается вступать в дружеские отношения*

---

[1] *Платонов О.А.* История цареубийства. С. 177.

[2] *Авдонин А.Н.* В жерновах революции. С. 7.

[3] Литературная Россия. № 11. 2002, март.

[4] *Городецкий Е., Шарапов* Ю. Указ. соч. С. 46.

[5] *Новгородцева К.Т.* Указ. соч. С. 29.

с отпетыми уголовниками. Шепчется с ними. О чем-то договаривается».[1]

«*Отчаянные уркаганы*, — пишет Э. Хлысталов, — *с бубновыми тузами на спине опасались тщедушного очкарика Свердлова. Он оскорблений не прощал. На сохранившемся фотоснимке Свердлов сидит в тюремной камере на нарах впереди "воров в законе", сложив по воровской традиции ноги по-турецки*».[2]

В ходе революции подготовленные Свердловым кадры проявят себя во всей «красе». Один из соучастников убийства Царской Семьи, уголовник П.З. Ермаков, по заданию партии в 1907 г. убил полицейского и отрезал ему голову; в том же году он совершил вооруженное ограбление транспорта с деньгами; другой уголовник, Илюша Глухарь, специализировался на убийстве полицейских, которых убивал «своим способом» — выстрелом между глаз; большевик Смирнов, заподозрив свою жену в том, что она его выдала, собственноручно расстрелял ее.

Безусловно, что в это время Свердлов действуют самостоятельно, не опираясь ни на какие большевистские структуры, которых на Урале в то время фактически и не было. Кто же финансировал и снабжал оружием Янкеля Свердлова и его бандитов? Ведь боевики получали весьма неплохое «жалование». «*Каждый дружинник*, — писал один из боевиков, И. Подшивалов, — *получал ежемесячно 150 рублей на полном содержании*».[3]

Точного ответа на этот вопрос нет, но какие-то предположения сделать можно. 28 сентября 1905 года Свердлов сходится с К.Т. Новгородцевой, которая была дочерью зажиточного екатеринбургского купца. Между тем Екатеринбург был местом концентрации большого количества старообрядческого купечества, потомков ссыльных старообрядцев. Нам же известно, что старообрядческое купечество активно помогало всем революционерам, и большевикам в частности, причем немалую роль в этом играл Максим Горький.

Второе наиболее вероятное предположение связано с еврейскими деньгами, которые могли идти к Свердлову через брата Вениамина из США, опять-таки при посредничестве того же Горького, который в революцию 1905–07 годов объезжал США и собирал деньги на помощь русским революционерам.

Как бы там ни было, но именно в годы первой русской смуты Свердлов создает и организует на Урале свои собственные силы, которые будут играть важную роль в организации убийства Царской Семьи.

---

[1] *Платонов О.А.* История цареубийства. С. 176.

[2] Литературная Россия. № 11. 2002, март.

[3] *Подшивалов И.* Гражданская борьба на Урале. 1917–1918 гг. М., 1925.

После разгрома революции, в 1906 году, Свердлов был арестован и осужден на два года тюрьмы. В марте 1910 года Свердлов ссылается в Нарымский край сроком на три года. В том же году он пишет прошение о замене ему срока пребывания в ссылке высылкой заграницу, что очень похоже на возвращение к своим после выполненного задания. В этом Свердлову было отказано, и он был выслан в Нарым, где познакомился с Ш.И. Голощекиным, ставшим впоследствии ближайшим подельником Свердлова в организации Екатеринбургского злодеяния. В июле того же 1910 года Свердлов бежит из ссылки, его ловят, возвращают обратно, он снова бежит, его опять ловят и ссылают на пять лет в Туруханский край, где он знакомится с И.В. Сталиным. К слову сказать, между Свердловым и Сталиным сразу возникло взаимное неприятие. В Туруханском крае Свердлова и застала Февральская революция.

В марте 1917 года он уезжает из Туруханска в Красноярск. Там, согласно официальной советской биографии Свердлова, он «*разоблачает меньшевистско-эсеровский соглашателей*». По этому поводу очень верно пишет исследователь Герман Назаров: «*Кто же из большевиков в Красноярске знал Свердлова, пробывшего в ссылке с небольшими перерывами около семи лет? Известно, что в большевистской фракции РСДРП в дни Февральской революции насчитывалось 14 тыс. рабочих, почти 6200 служащих, немногим более 1800 крестьян и 1500 представителей других социальных прослоек. В ряде городов и районов страны, особенно непромышленных центрах, большевики состояли в общих с меньшевиками, объединенных организациях. А в Красноярске их почти не было*».[1]

Побыв очень небольшое время в Красноярке, Свердлов выезжает в Петроград, а затем в Екатеринбург. Пробыв в городе всего две недели, Свердлов организует там единую партийную организацию. Со слов самого Свердлова, он проявил в Екатеринбурге кипучую энергию, и большевистская партийная организация выросла в течение апреля с нескольких сот до 14 тысяч членов.[2] Это вызывает большие сомнения. Во-первых, с чего это рабочие так массово ринулись в ряды большевиков, организации более чем малочисленной и непопулярной в те дни? Во-вторых, из документов той эпохи нигде не видно, чтобы Свердлов идентифицировал себя как большевика-ленинца. Его даже на Всероссийскую Апрельскую конференцию РСДРП (б) избирают не как большевика, а как «любимца уральских рабочих». Похоже, Свердлов прибыл в Екатеринбург, чтобы объединить своих бандитов по 1905 году в легальную организацию.

Таким образом, всей своей деятельностью Свердлов оказал революции огромное содействие. При этом, находясь под знаменем социал-демократии, Свердлов преследовал свои, известные только небольшому круг лиц далеко

---

[1] Кубань. № 2. 1991.
[2] *Городецкий Е., Шарапов Ю.* Указ. соч. С. 145.

идущие цели. Для этого он воспользовался большевистской вывеской. Советские биографы Свердлова Городецкий и Шарапов сами, видимо, того не подозревая, очень метко охарактеризовали эту деятельность Свердлова: «*Полтора десятка лет до октября 1917 года Свердлов работал в России. Ему не довелось побывать ни на одном партийном съезде, хотя он и был работником всероссийского масштаба. Работа его до революции была незримой, по меткому определению Луначарского. Это был именно тот повседневный труд, который исподволь готовил революцию*».[1]

Вернувшись вновь в Петроград, Свердлов участвует в 7-й Апрельской конференции РСДРП (б), где он впервые встречается с Лениным. На конференции Свердлов избирается секретарем ЦК, что вызвало резкое противодействие Ленина. Троцкий пишет, что впоследствии, когда Ленин «оценил» Свердлова, то говорил: «*А ведь мы были вначале против его введения в Центральный Комитет, до такой степени недооценивали человека! На этот счет были изрядные споры, но снизу нас на Съезде поправили и оказались целиком правы*».[2]

На самом деле, до сих пор неясно, кто «поправил» Ленина и убедил его или заставил включить Свердлова в партийное руководство. Но именно с этого момента начинается стремительный карьерный рост Янкеля Свердлова. Не будучи ни крупным организатором-теоретиком партии, ни выдающимся оратором, тридцатидвухлетний Свердлов сразу же и прочно выдвигается в первые ряды большевистского руководства. Хотя из его доклада VI съезду партии очевидно, что он плохо разбирался в партийной расстановке сил и даже плохо знал, кто такие большевики — это слова ни разу не встречается в докладе Свердлова. Свердлов больше ориентировался на так называемых «межрайонцев», среди которых были Троцкий, Луначарский, Иоффе, Мануильский.

Свердлова явно продвигала какая-то сила, к которой ни Ленин, ни большая часть большевиков не имели прямого отношения.

С самого начала проявляются диктаторские замашки Свердлова. Он явно ставил себе задачу стать первым человеком в партии. Дело доходило до того, что Свердлов игнорировал Ленина. Так, когда Зиновьев и Каменев выступили против Октябрьского переворота и опубликовали сведения о его подготовке в газете «Новая Жизнь», Свердлов и некоторые другие члены ЦК никак не информируют находившегося в то время в «подполье» в Разливе Ленина о ходе партийного расследования. Возмущенный Ленин пишет письмо Свердлову, которое стало первым упоминанием его имени в Полном собрании сочинений Ленина: «*Тов. Свердлову. Только вчера вечером узнал, что Зиновьев письменно отрицает свое участие в*

---

[1] Там же. С. 7.

[2] Яков Михайлович Свердлов. Сборник воспоминаний и статей. М., 1926.

выступлении Каменева в “Новой жизни” . Как же это Вы ничего мне не присылаете???

Все письма о Каменеве и Зиновьеве я посылал только членам ЦК. Вы это знаете; не странно ли после этого, что Вы точно сомневаетесь в этом. По делу Зиновьева и Каменева, если вы (+ Сталин, Сокольников и Дзержинский) требуете компромисса, внесите против меня предложение о сдаче дела в партийный суд (...) это будет отсрочкой. “Отставка Каменева принята” ? Из ЦК? Пришлите текст его заявления».[1]

Записка Ленина Свердлову была им проигнорирована.

Сразу после Октябрьского переворота лидеры большевизма находились в прострации от свалившейся на их голову власти. Ж. Медведев пишет, что «*Ленин после переворота 25 октября 1917 года не мог присутствовать на первом заседании Съезда Советов. Переволновавшись, он и Троцкий “лежали прямо на полу в одной из пустых комнат Смольного на разостланных одеялах. У Ленина кружилась голова”. Основные декреты Советской власти принимались без Ленина*».[2]

Встает вопрос, кто же руководил подготовкой декретов ВЦИК, если Ленин и Троцкий были неработоспособны? Ответ напрашивается сам собой: конечно, Свердлов.

27 октября (9 ноября) 1917 года, на второй день после переворота, на первом заседании ВЦИК Председателем был избран Л.В. Каменев (Розенфельд). Но на этой должности Каменев пробыл очень недолго. Через одиннадцать дней он был смещен со своего поста в связи «*с дезорганизаторской политикой и неподчинением ЦК*». 8/21 ноября 1917 года Ленин неожиданно для всех предлагает на пост председателя ВЦИК кандидатуру Свердлова.

С этого момента Свердлов приобретает фактически равное положение с Лениным, а в каких-то вопросах, безусловно, он обладал большей, чем Ленин, властью. Карл Радек (Собельсон) вспоминал: «*Когда я, приехав в Петроград в ноябре 1917 года и переговорив с Владимиром Ильичем о положении дел заграницей, спросил его: с кем переговорить насчет всей работы, он ответил мне просто: “Со Свердловым”*».[3]

Обратим внимание, Радек говорит о заграничной работе, то есть о связях с заграничными силами, и вот всю эту работу вел единолично Свердлов!

Не случайно Ленин, произнося речь, посвященную памяти Свердлова 18 марта 1919 года, сказал следующее: «*Никто из близко знавших, наблюдавших постоянную работу Якова Михайловича, не может сомневаться в том, что в этом смысле Яков Михайлович незаменим. Та работа, которую он*

---

[1] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 434.

[2] *Медведев Ж.* Сталин и еврейская проблема. Новый анализ. М., 2003. С. 218.

[3] Яков Михайлович Свердлов. Сборник воспоминаний и статей. Л., 1926. С. 106.

делал ***один*** *в области организации, выбора людей, назначения их на ответственные посты по всем разнообразным специальностям, — эта работа будет теперь под силу нам лишь в том случае, если на каждую из крупных отраслей, которыми* ***единолично*** *ведал тов. Свердлов, вы выдвинете целые группы людей, которые, идя по его стопам, сумели бы приблизиться к тому, что делал один человек*»[1] (выделено нами – *П.М.*).

Как же не похоже это ленинское определение Свердлова на образ «Яшки-хулигана», всецело подконтрольного «Ильичу», тот образ, что рисует нам И.Ф. Плотников!

Интересно, что именно Свердлов воспринимался многими иностранными кругами как самое влиятельное лицо в советской иерархии. И это было вызвано вовсе не тем, что он и официально занимал пост главы советского государства. Практически все ведущие державы мира, за исключением Германии, Австро-Венгрии и Турции, не признавали большевистский режим. Но тем не менее некоторые из них сразу же после Октябрьского переворота спешили заверить главарей этого режима в своем почтении.

В марте 1918 года президент США Вильсон послал на имя Свердлова приветственную телеграмму открывшемуся в Москве съезду Советов. Французский дипломат Нуланс пишет: «*14 марта 1918 года в Москве открылся IV съезд Советов. Президент Вильсон, чьи инициативы не всегда были удачными, почел за благо обратиться к съезду с приветственной телеграммой, о которой Свердлов поставил в известность собрание. Вот текст этого документа: “Пользуясь собравшимся съездом Советов, я хочу выразить, от имени народа Соединенных Штатов, искренние симпатии, которые он испытывает к русскому народу, особенно в тот момент, когда Германия углубила свое вторжение в глубь страны. Несмотря на то, что, к сожалению, правительство Соединенных Штатов не имеет возможности в настоящий момент дать России ту быструю и достаточную поддержку, какую бы она хотела, я заверяю, что правительство Соединенных Штатов использует все возможности, чтобы гарантировать суверенитет и полную независимость России в делах внутреннего управления, так же как и ее роль в жизни Европы и современного человечества. Народ Соединенных Штатов выражает свои самые сердечные симпатии русскому народу, в надежде, что он навсегда освободился от самодержавия и стал хозяином своей собственной судьбы. Подписано: Вильсон”* ».[2]

По существу это было признание правительством США большевистского режима в качестве законной русской власти. Но то, что француз Нуланс принял за «неудачную инициативу» президента Вильсона, на самом деле было

---

[1] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 38. С. 78.
[2] *Noulens (J.).* Op. cit., v. 2. P. 34.

выражением через американского президента поддержки со стороны еврейского капитала своим ставленникам в России.

Свердлов отвечал Вильсону тоном настоящего главы государства: «*Съезд Советов выражает всю свою благодарность американскому народу, и в первую очередь трудящимся и эксплуатируемым классам, за выраженную президентом Вильсоном, в лице съезда Советов, симпатию России, в тот час, когда Российская Советская Социалистическая Республика переживает трудный момент*».[1]

Но не только американский президент выделял Свердлова из общего числа советских деятелей. Германский посол, несмотря на то, что креатурой Германии был Ленин, а не Свердлов, тем не менее «*вел важнейшие дела преимущественно со Свердловым, а не с Лениным. Мирбаху ежедневно предоставляли подробный доклад Чрезвычайной Комиссии, который давал ей полную картину происходящего в стране*».[2]

Вспомним, что именно Свердлову Мирбах поручил вывезти Царя из Тобольска в Москву.

Несмотря на это Свердлов вел себя даже с Мирбахом как властный правитель. Сам Мирбах писал в Берлин о своем впечатление от встречи со Свердловым во время вручения ему верительных грамот: «*Вручение моих верительных грамот происходило не только в самой простой, но и в самой холодной обстановке. В своей ответной речи председатель выразил ожидание, что я "сумею устранить препятствия, которые все еще мешают установлению подлинного мира". В этих словах явно чувствовалось негодование. По окончании официальной церемонии он не предложил мне присесть и не удостоил меня личной беседы*».[3]

«*С каждым месяцем* — пишет Ю. Г. Фельштинский, — *власть Свердлова все крепла. Председатель ВЦИК, член ЦК, секретарь ЦК, Свердлов постепенно сосредотачивает в своих руках всю партийную работу. Его подпись чаще других мелькает под документами. С июля 1918 года он подписывается титулами: секретарь ЦК РКП(б) или даже просто "секретарь"; "за секретаря" подписывается К. Новгородцева — жена Свердлова; все чаще и чаще на места идут письма от имени "Секретариата ЦК" (а не ЦК, как это было принято до августа 1918 и после сентября 1918 г.)*».[4]

При этом деятельность Свердлова носила крайне антирусский характер и к лету-осени 1918 года приобрела характер организованного геноцида русского населения. 8 апреля 1918 года Свердлов фактически единолично упраздняет национальный русский бело-сине-красный флаг, ут-

---

[1] Там же.

[2] *Вильтон Р.* Указ. соч.

[3] Вопросы истории. 1978. С. 124.

[4] *Фельштинский Ю.Г.* Вожди в Законе. М.: Терра, 1999.

вержденный в качестве государственного Императором Николаем II в начале Первой мировой войны, и утверждает в качестве нового красное полотнище с масонско-кабалистическими символами: пентаграммой и молотом. Интересно, что крупнейший сатанист XX века Э. Леви писал по поводу пентаграммы: «*Все тайны магии, символы гностицизма, фигуры оккультизма, все ключи каббалы — все это заключено в знаке пентаграммы. Знак этот самый великий, самый могущественный из всех знаков. Кто не признает знамение креста, тот трепещет при виде звезды микрокосма*».[1]

Так называемый «серп», по всей видимости, является стилизованной интерпретацией латинской буквы «гэ», которая рассматривается масонами, как заместительница еврейской буквы у (iod), символа «Принципа или Единства».

Именно Свердлов вводит и наводящую ужас чекистскую кожаную форму. Сам Свердлов, по словам Троцкого, «*ходил в коже с головы до ног, т.е. от сапог до кожаной фуражки*».

6 июля при самых таинственных обстоятельствах был убит немецкий посол граф Мирбах, а в ночь на 17 июля — Царская Семья. В самый канун убийства, в июле 1918 года, Свердлов выступил с разъяснением своей позиции по поводу смертной казни: «*Я хочу остановиться на вопросе о смертной казни. Я должен указать, что Революционный трибунал первым своим постановлением о смертной казни, по моему глубокому убеждению, показал, что он правильно учитывает данный момент, который мы переживаем в данное время.*

Я позволю себе напомнить товарищам левым эсерам, что вначале их аргументация сосредоточилась на вопросе формальном, на том, что II съезд Советов отменил смертную казнь вообще, а посему-де вводить смертную казнь никто ни в коем случае без специального постановления съезда не может. Я должен сказать, что нас этот формальный момент, если бы он даже и был, нисколько не связывает».[2]

В мае 1918 года Свердлов инициирует начало братоубийственной войны в деревне. В своем докладе «О задачах Советов в деревне» Свердлов говорит: «*Мы должны самым серьезным образом поставить перед собой вопрос о расслоении в деревне, вопрос о создании в деревне двух противоположных враждебных сил, поставить перед собой задачу противопоставления в деревне беднейших слоев населения кулацким элементам. Только в том случае, если мы сможем расколоть деревню на два непримиримо враждебных лагеря, если мы сможем разжечь там ту же гражданскую войну, которая шла не так давно в городах, если нам удастся восстановить деревенскую бедноту про-*

---

[1] http://www.sotnia.ru.

[2] *Свердлов Я.М.* Избранные произведения. М., 1976. С. 20–21, 196–198.

тив деревенской буржуазии, только в том случае мы сможем сказать, что мы и по отношению к деревне делаем то, что смогли сделать для городов. (...) Я нисколько не сомневаюсь в том, что мы сможем поставить работу в деревне на должную высоту».[1]

И работа «на должную высоту» была поставлена: в деревнях начались сцены невиданного произвола и насилия.

Свердлов явно стремился к захвату власти. Он явно становился главным ставленником мировой закулисы, тем человеком, который должен был стать лидером нового государственного образования, возникнувшего бы на месте России, «второй Хазарии», как называют его некоторые исследователи.

Убийство Царской Семьи словно дало Свердлову «зеленый свет» к подготовке нового и, как он предполагал, окончательно-победоносного витка борьбы за власть.

26 августа 1918 года Свердлов направляет письмо Вологодскому комитету РКП(б), подписав его новым титулом: «*Председатель ЦК РКП Я. Свердлов*».[2] Это было время, когда именно Свердлова, а не Ленина называли «красным царем».

Но все же на самом деле до полного «восшествия на престол» Свердлову не хватало устранения Ленина, так как его авторитет был несравненно выше. В этой связи весьма таинственным выглядит покушение на Ленина 30 августа 1918 года. Интересный русский исследователь В.Е. Шамбаров прямо указывает на попытку Свердлова убить Ленина с целью полного захвата власти. «*Если посмотреть, кому в тот момент было выгодно устранить Ленина, то больше всех выигрывал Свердлов. После покушения Свердлов первым прибыл в Кремль. Жена Свердлова сообщает, что в тот же вечер он занял ленинский кабинет, подмяв под себя и Совнарком, и ЦК, и ВЦИК*».[3]

То же самое пишет в своей статье и Р. Медведев: «*Когда Ленин был тяжело ранен эсеркой Каплан, Свердлов стал на несколько недель фактическим главой Советского государства*».[4]

И даже И.Ф. Плотников в том же 1987 году, а в те годы Свердлов был для Плотникова не «Яшкой-Хулиганом», а «героем революционной борьбы», пишет, что к лету 1918 года Свердлов «*по существу стал секретарем, первым секретарем ЦК в современном смысле*».[5]

---

[1] Там же. С. 175–181.

[2] Известия ЦК КПСС. № 5. 1989. С. 155.

[3] http://www.pkr.ru/.

[4] Ленинское знамя. 1989, 12 ноября.

[5] Вечерний Свердловск. 1987, 3 августа.

Именно Свердлов проводит спешное расследование по «делу» Ф. Каплан, и именно по его приказу Каплан быстро расстреливают и на территории Кремля сжигают в бочке. Кстати, этот метод заметания следов по-свердловски, то есть сожжение трупов, невольно приводит нас к Ганиной Яме. О том же свидетельствует и имя человека, руководившего «расследованием» дела Каплан — Янкель Юровский.

Еще одним любопытным фактом является то обстоятельство, что к делу о покушении на Ленина был причастен, согласно чекистскому расследованию, английский посол Б. Локкарт. Локкарт был членом тайного масонского общества «Совет трехсот», к которому также относились и Шифф, и Ротшильд. С «Советом трехсот» были также связаны Ленин и Троцкий.[1] Многие исследователи считают, что ВЧК возвела напраслину на английского дипломата, так как хотела связать покушение на Ленина с «заговором Локкарта». Однако вполне возможно, что Локкарт действовал по указке «Совета трехсот», который делал ставку на Свердлова и стремился отстранить от власти Ленина самым радикальным способом. Интересно, что Ф. Каплан не скрывала своей ненависти именно к Ленину, а не к большевикам в целом. «*Чем дольше живет он,* — говорила она, — *тем больше удаляет идею социализма на десятки лет*». При этом она несколько раз называла Ленина «предателем революции».[2]

Безусловно, что действовать в одиночку Свердлов был не в состоянии. Его заговор опирался на мощную поддержку части большевистской верхушки, в которую, по-видимому, входили Троцкий, Дзержинский и Зиновьев.

Именно в те дни Свердловым был развязан чудовищный террор против русского народа, названный им «красным террором», и именно при господстве Свердлова было осуществлено уже упоминаемое нами расказачивание.

Свердлов был очень близок от «красной коронации». Еще шаг — и в Кремле на троне русских Царей воссел бы предтеча Антихриста, вместо Помазанника Божьего измазанный в Его крови ставленник дьявола. Но «красная коронация» Свердлова не должна была означать сохранение в России какого-либо подобия национального государства. Эта «коронация» должна была лишь означать гибель России, полный захват ее сатанинскими силами. К этому шла полная подготовка. В г. Свияжске была установлена статуя Иуды Искариота с протянутым к небу кулаком. Присутствовавший при открытии памятника датский писатель X. Келер писал, что хотели поставить памятник Люциферу, но, в конце концов, его признали «*не вполне разделявшим принципы коммунизма*». Массово осквернялись православные храмы, впрочем, подобные акции

---

[1] *Боголюбов Н.* Тайные общества XX века. СПб., 1997. С. 49.
[2] Источник. 1993. № 2. С. 69.

проводились и в отношении храмов других конфессий, включая синагоги, но православие было особо ненавистно богоборцам. Христианство должно было быть заменено «красной библией», которую бы даровал «красный царь» Янкель Свердлов и его ближайшие «апостолы» Троцкий, Дзержинский и прочие.

О том, что именно Свердлов должен был стать главой «новой Хазарии», открыто говорил такой известный еврейский коммунист, как Луи Арагон: «*Яков Михайлович Свердлов,* — писал он, — *самый верный товарищ Ленина, который стал первым председателем Центрального Исполнительного Комитета, то есть первым главой нового Советского государства, и который, к несчастью всего мира, должен был умереть от испанки в тридцать четыре года. Я сказал "к несчастью всего мира", потому что, безусловно, если бы он остался в живых, Свердлов, а не Сталин, наследовал бы Ленину*».[1]

Заметим, Арагон ни разу не употребляет слово «Россия». Речь идет исключительно о судьбах «всего мира», причем понятно, какого мира и под чьим управлением.

В случае неудачи все вышеназванные были готовы в любой момент исчезнуть из залитой кровью страны. Вполне возможно, что это входило в планы их заграничных хозяев. Уничтожив Царскую Семью, вырезав практически всех представителей рода Романовых, ослабив невиданными кровопусканиями все классы русского общества, подорвав православие, до нитки ограбив богатейшую страну, кабалисты вполне могли привести к власти «демократическое» правительство какого-нибудь своего генерала-ставленника, которое позволяло бы мировой закулисе, с одной стороны, иметь дело с «законным русским правительством», а с другой — продолжать держать под контролем Россию, выкачивая из нее ее природные и материальные ресурсы. Это было более чем необходимо мировой закулисе, так как в противном случае большевизм мог бы быть свергнут подлинно национальной русской властью, что грозило крушением всех замыслов каббалистов. Во всяком случае, намеки на такое решение слышатся в письме Я. Шиффа, которое он написал в редакцию парижской газеты «*La Tribune Juive*»: «*Очевидно,* — писал он, — *что если мы не поможем тем элементам, которые так героически борются сегодня в России, чтобы победить силы анархии и беспорядка, утвердившиеся сегодня в качестве русского правительства, и если мы не поспособствуем установлению вместо этих сил подлинно демократического правительства, которое одно сможет спасти Россию, нынешний режим, который не может быть вечным, будет заменен реакционной властью, такой же недопустимой, как и Романовы, чье самодержавие принесло русскому народу столько нищеты и страданий*».[2]

---

[1] *Пархомовский М.* Указ. соч. С. 248.
[2] La Tribune Juive. 1921. № 63.

27 июля 1935 года нарком НКВД Г.Г. Ягода передал Генеральному Секретарю ЦК ВКП (б) И.В. Сталину следующую секретную записку: «*Сов. секретно. Секретарю ЦК ВКП(б) тов. Сталину. На инвентарных складах коменданта Московского Кремля хранился в запертом виде несгораемый шкаф покойного Якова Михайловича Свердлова. Ключи от шкафа были утеряны. 26 июля с/г этот шкаф был нами вскрыт и в нем оказалось:*

1. Золотых монет царской чеканки на сумму сто восемь тысяч пятьсот двадцать пять (108 525) рублей.

2. Золотых изделий, многие из которых с драгоценными камнями, семьсот пять (705) предметов.

3. Семь чистых бланков паспортов царского образца.

4. Семь паспортов, заполненных на следующие имена:

а) Свердлова Якова Михайловича

б) Гуревич-Цецилии Ольги

в) Григорьевой Екатерины Сергеевны

г) княгини Барятинской Елены Михайловны

д) Ползикова Сергея Константиновича

е) Романюк Анны Павловны

ж) Кленочкина Ивана Григорьевича

5. Годичный паспорт на имя Горена Адама Антоновича

6. Немецкий паспорт на имя Сталь Елены.

Кроме того обнаружено кредитных царских билетов всего на семьсот пятьдесят тысяч (750 000) рублей.

Подробная опись золотым изделиям производится со специалистами. Народный комиссар внутренних дел Союза ССР (Ягода) 27 июля 1935 г. №56568».[1]

Но Бог поругаем не бывает, и 3 марта 1919 года Свердлов после возвращения из г. Орла, где по одной официальной версии он простудился, выступая на митинге, а по другой — был до смерти избит рабочими, скоропостижно умирает, причем умирает в тяжелых мучениях, в постоянном бреду. «Вторая Хазария» не состоялась.

Говоря о роли Свердлова в организации убийства Царя и его Семьи, а также в уничтожении всех Романовых, необходимо учитывать, что оно становится необходимым условием для осуществления планов мировой закулисы по захвату России. Захват власти в России виделся Свердловым и его подручными как полное уничтожение русского национального государства и построение какого-то аморфного полугосударственного образования — «второй Хазарии». Царь становился главной помехой в планах мировой закулисы, поэтому он должен был быть не просто умерщвлен, а сакрально убит, чтобы вместе с ним,

[1] Документы по русской истории// Источник. 1994. № 1. С. 4.

Божьим Помазанником и Хозяином Земли Русской, навеки умерла столь ненавистная этой мировой закулисе Святая Русь. С точки зрения Божеской Правды, с точки зрения простой человеческой морали, с точки зрения любой политической целесообразности — убийство Царской Семьи было подлым и неоправданным преступлением, но с точки зрения мировой закулисы, готовившей мировую революцию — это убийство было необходимым жертвоприношением. Вот почему в вопросе о судьбе Царской Семьи «непосвященный» Ленин действовал как революционный, но все же государственный деятель советской России, а «посвященный» Свердлов — как лидер «второй Хазарии».

Как будущий вождь «второй Хазарии» Свердлов с самого начала контролирует ситуацию вокруг Царской Семьи, шаг за шагом приближая ее гибель. Делает он это мастерски, с дьявольской ловкостью находя выходы из сложной и, казалось бы, для него безвыигрышной ситуации. Он умудряется, с одной стороны, обманывать немцев, уверяя их, что выполняет их распоряжения, обманывать Ленина, убеждая того, что он выполняет его приказы и везет Царскую Семью в Москву, между тем как вез ее в Екатеринбург, обманывать уральцев, не говоря им, что есть два взаимоисключающих постановления о месте доставки и нахождения Царя, а с другой — удерживать кого бы то ни было от преждевременного убийства Государя, следить, чтобы Царь и Его Семья были доставлены в Екатеринбург в целости и сохранности.

Уже после убийства Свердлов создает «Комиссию по расследованию убиения Императора Николая II», возглавляет которую он сам. (Кроме него в состав комиссии вошли: Сосновский, Теодорович, Смидович, Розенгольц, Розин, Владимирский-Гришвельд, Аванесов, Максимов и Митрофанов.)[1] То есть убийца расследует собственное преступление! Комиссия «нашла» убийц в лице левых эсеров, которых поспешно судили и расстреляли. В трудах Дитерихса и Вильтона утверждается, что газета «Правда» в сентябре 1919 г. сообщила, что «*революционный суд, заседавший 4/17 сентября в Перми, в помещении Совета, судил 28 человек за убийство Царя, Его Семьи и свиты, всего 11-ти человек. Среди обвиняемых 3 члена Екатеринбургского совета, Грузинов, Яхонтов, Милютин; 2 женщины, Мария Апраксина, Елизавета Миронова. Прения доказали, что жертвы погибли от пуль. Яхонтов утверждал, что он организовал убийство, главным образом с целью набросить тень на Советское правительство, так как с переходом в партию социал-демократов стал его противником... Яхонтов был приговорен к смертной казни за убийство Царя. Грузинов, Малютин, Апраксина и Миронова были признаны виновными в краже царских вещей и тоже приговорены к смерти. Приговор был приведен в исполнение на следующий день...*»

---

[1] The Rullers of Russia. Dublin, 1962.

Однако в книге Ю. Буранова и В. Хрусталева «Гибель Императорского Дома» мы находим следующий комментарий: «*Любопытно, что ни один из советских историков не видел этого материала в "Правде" и не упомянул о нем. Не видели его и мы. В чем дело?! Возможно, заграничное отделение РОСТА распространило эту информацию (или дезинформацию) со ссылкой на советский авторитетный источник. Это еще одна тайна, требующая ответа в ближайшем будущем по недоступным пока документам. Пока же определенно можем утверждать, что, по сообщениям местных газет Урала за 1919 год, "18 и 19 сентября в Пермском Революционном Трибунале рассматривалось шесть дел, из коих четыре имели широкое политическое значение". О процессе не сказано ни слова. О делах, имеющих "широкое политическое значение", можно только догадываться*».

Мариолина Дориа де Дзулиани в своей книге «*Царская Семья*» пишет: «*Семнадцатого сентября 1918 года в Перми в помещении местного Совета начался странный процесс: импровизированный суд должен был решить судьбу двадцати восьми левых эсеров, обвиняемых в убийстве всех членов Императорской Семьи и Их свиты. На скамье подсудимых оказались трое членов Екатеринбургского Совета: Грузинов, Малютин и Яхонтов. Интересная деталь: в первый и последний раз за всю историю существования "дела Романовых" слушания в суде подтвердили, что все узники Ипатьевского дома были расстреляны*».[1]

Однако итальянская журналистка вовсе не дает никаких сносок, и, возможно, в датировку Пермского процесса 1918 годом вкралась опечатка.

Поистине мировой закулисе трудно было найти человека, который бы более успешно справился с возложенной на него задачей, чем Янкель Свердлов!

Но не следует думать, что в подготовке убийства Царской Семьи Свердлов был полностью самостоятелен и действовал по собственной инициативе. Нет, он был талантливым, но все-таки только исполнителем воли определенной организации. Доказательств этой связи Свердлова с мировой закулисой очень мало, и это дает ее оппонентам возможность с ходу отвергать ее. Но тем не менее эти доказательства, хотя и малочисленные, все же имеются, и мы их приведем. Здесь же задумаемся: Свердлов фактически взял в свои руки судьбу Императора Николая II уже в апреле 1918 года, когда Яковлев вывез его из Тобольска. Почему же он не отдал приказа убить его тогда, «по дороге», чего так «страшился» Яковлев? И.Ф. Плотников пытается нас убедить, что такое намерение у Свердлова было, но мы уже постарались доказать всю его несостоятельность. Почему Свердлов не убил Царскую Семью сразу, как только она вся была сосредоточена в Екатеринбурге? Почему убийство было произведено именно в ночь с 16 на 17 июля, а не днем раньше или позже? Вывод,

[1] *Дзулиани М. Д. де.* Царская Семья. М., 1991. С. 167.

который напрашивается, очевиден: Свердлов ждал чьего-то приказа, и этот приказ поступил. Царская Семья должна была пасть именно в точную дату: в ночь с 16 на 17 июля 1918 года.

Яков Шифф и тайные каббалистические организации

Участие американского миллионера Якова Шиффа в убийстве Царской Семьи до сих пор считается спорным. Многими разговоры об участии в Екатеринбургском злодеянии Шиффа вообще считаются антисемитскими, что является полным абсурдом. Почему можно сколько угодно говорить об участии в убийстве Янкеля Свердлова, Янкеля Юровского, Шаи Голощекина, Пинхуса Войкова, Георгия Сафарова, Исаи Радзинского, которые, как известно, были евреями, и это ни у кого не вызывает возражений, но как только мы затрагиваем фамилию Шиффа, начинаются крики об антисемитизме? Наверное потому, что расследование участия этого человека в убийстве Царской Семьи может вывести на факты присутствия в этом преступлении мощной интернациональной силы, наследники которой до сегодняшнего дня не желают, чтобы было известно не только об ее участии в далеких событиях 1918 года, но и о ее существовании вообще. Между тем беспристрастное исследование участия этой интернациональной силы, частью которой был Яков Шифф, неминуемо приведет нас к выводу, что эта сила сыграла в убийстве Царской Семьи решающую роль. Мозговым центром этой интернациональной организации были тайные общества, вся духовная основа и методология которых опиралась на еврейскую Каббалу, и их вождями были ее еврейские толкователи. Но эта сила характеризуется не фактом участием евреев, а международной антихристианской направленностью и стремлением к мировому господству.

Яков Шифф — это образ собирательный, так как он стал наиболее известной фигурой этой страшной силы. Естественно, что раз он стал фигурой наиболее известной, то он и не был самой главной из них. За Шиффом стояли еще более мощные, еще более таинственные люди, о которых до сих пор до нас доходят лишь небольшие крупицы сведений. Такой фигурой, например, является Ашер Гирш Гинцберг (1856–1927), прозванный Ахад-Гаам, что в переводе с древнееврейского означает «Единый среди Народа», которого некоторые авторы считают одним из авторов «Протоколов Сионских мудрецов» и который первым выдвинул идею создания еврейских боевых отрядов «самообороны» на территории России. Ахад-Гаам родился в семье фанатичных хасидов и стал основателем организации «Любящие Сион» (Ховевей Цион), которая выступала против политического сионизма Герцля и вела с ним упорную борьбу. Главной целью сионизма Ахад-Гаам считал не создание государства Израиль, а духовное перерождение евреев в духе хасидизма, создание, прежде всего, «духовного Израиля». Ахад-Гаам, несмотря на то, что он

всегда держался в тени, был членом «Бнай Брита» и множества других тайных кабалистических организаций.

Но поговорим о Якове Шиффе. Американская еврейская энциклопедия «Юдаика» приводит следующие биографические данные о Якове Шиффе: *«Шифф Якоб Генри (1847–1920), американский финансист и филантроп. Родился во Франкфурте в Германии, происходил из выдающегося раввинского рода. Основатель этого рода Шифф Мейер Бен Якоб Ха-Коэн (1605–1648) — крупный талмудист и раввинский автор.*

Якоб Шифф получил светское и религиозное образование в местной школе, следуя за своим отцом Моисеем, который был компаньоном в банке Ротшильда.

В 18 лет Шифф эмигрировал в США, где вошел в Нью-Йорке в брокерскую фирму и стал партнером «Будге, Шифф и К°». В 1875 он женился на дочери Соломона Лейба, который был главой банковской фирмы «Кун, Лейб и К°», и вошел в эту фирму. Общим признанием выдающихся финансовых способностей Шиффа стало его избрание главой фирмы «Кун, Лейб и К°». Фирма Шиффа стала одной из двух самых влиятельных частных банковских и инвестиционных домов США, активно участвующих в быстрой индустриализации американской экономики в конце XIX — начале XX веков.

Шифф предоставлял большие займы американскому правительству, а также правительствам иностранных государств. Самым большим из них, в 200 000 000 долларов, стал заем для Японии во время русско-японской войны. Глубоко возмущенный антисемитской политикой царского режима в России, он поддерживал японцев в их успехах и восхищался ими. Последовательно отказывал в предоставлении займов для России и оказывал в этом влияние на другие банки. Оказывал поддержку русским евреям в создании и финансировании групп еврейской самообороны. Эта поддержка оказывалась Шиффом в течении всей Первой мировой войны и прекратилась только после падения царизма в 1917 году. Помогал Керенскому в предоставлении ему большого займа.

О Шиффе говорили: "Ничто еврейское не чуждо его сердцу". Испытывая гордость за свой народ и за свою многовековую веру, Шифф воспользовался своим личным благосостоянием для влияния на большинство своих единоверцев по всему миру. Он был признан ведущей фигурой в американском еврействе. Он тесно сотрудничал с Храмом Эммануила и реформаторским еврейским движением в США.

Шифф активно помогал жертвам русских погромов (1903–1905) и американским еврейским ветеранам Первой мировой войны. Он имел большое влияние на американских президентов в плане оказания ими давления на те правительства, где нарушались права евреев или евреям угрожали преследованиями.

Шифф субсидировал издание «Еврейской энциклопедии», активно помогал Американскому Красному Кресту и другим гуманитарным оргназициям».[1]

Из приведенного выше отрывка мы видим, что Шифф был потомственным талмудистом, получившим хорошее теологическое и светское образование, имел огромное финансовое и духовное влияние на широкие американские и еврейские круги, включая высшую власть США, был представлен во многих общественных организациях, включая, что для нас особенно важно, духовные еврейские общества и Американский Красный Крест. При этом наиболее выпукло в статье обозначено неприятие Шиффом России, которое доходит у него до прямой ненависти к ней. Эта ненависть, как уже сказано в статье, приобрела у Шиффа характер целенаправленной антирусской деятельности.

Часто антирусскую деятельность Шиффа пытаются объяснять, как это, например, делает «Юдаика», его негодованием по поводу «антисемитской» политики Императорского правительства и желанием помочь «угнетаемым» еврейским массам. Однако на самом деле, если даже у Шиффа и имелись подобные чувства, то не они определяли его отношение к России. К XX веку еврейский финансовый капитал стремился к мировой гегемонии. Причины этого стремления заключаются в духовных, экономических, политических аспектах, подробно останавливаться на которых не позволяют рамки настоящей работы. Укажем только, что всякая гегемония какого-то одного государства или одной группы лиц над всем миром опасна, а гегемония еврейского капитала была опасна вдвойне для христианских государств, и особенно для православной России, именно в силу того, что еврейский капитал и некоторые иудейские секты, к которым зачастую принадлежали представители этого капитала, крайне враждебны к христианству в силу опять-таки духовных и нравственных причин. Тем временем несмотря на то, что в России имелись семейства евреев-фабрикантов, Высоцкие, Поляковы, Хотимские, Хаймовичи и так далее, политика самодержавной власти, опасавшейся господства евреев и не допускавшей их к рычагам управления экономикой, не позволяла еврейскому финансовому капиталу иметь господствующие позиции в Российской империи. Между тем еврейская буржуазия, как и буржуазия русская, была амбициозной и рвалась к власти, с той лишь разницей, что русская буржуазия опиралась на свои средства, а еврейская — на средства всей мировой еврейской общины. При этом еврейская мировая буржуазия вовсе не собиралась думать о благе и процветании России: ее интересовали лишь свои собственные интересы, а эти интересы как раз и предполагали крушение Царской власти как главного гаранта могущества России. Первым предлогом для начала

[1] Encyclopedia Judaica, v. 14. P. 960–962.

активной помощи революционерам стала объявленная кампания «за предоставление всех прав евреям». Банкир Шифф заявил об этом Витте совершенно откровенно: «*Передайте Вашему Государю, что если еврейский народ не получит прав добровольно, то таковые будут вырваны при помощи революции*».[1] При этом многие авторы, в частности Солженицын, до сих верят, что Шифф и К° финансировали русскую революцию исключительно из-за того, что «*горячайше принимали к сердцу судьбы российского еврейства*».[2] Опровержением этому служит то обстоятельство, что с началом XX века русское правительство сделало очень большие послабления для евреев. В 1903 году евреям было разрешено селиться дополнительно в 158 местечках, ранее запрещенных для проживания, 6 марта министр внутренних дел В.К. Плеве приостановил циркуляром МВД выселение евреев из тех мест, где они проживали нелегально. В том же году было снято запрещение на жительство евреев в так называемой 50-верстной пограничной зоне. Опять-таки в 1903 году был принят новый Устав о паспортах, в котором расширен перечень профессий, обладатели которых, евреи, получили право жить вне черты оседлости. Несмотря на эти большие уступки в еврейском вопросе со стороны Царского правительства парижский барон Ротшильд отказал в финансовом кредите России со словами: «*Не расположен пойти на финансовую комбинацию, даже при тех послаблениях, которые русским правительством могут быть даны евреям*». Этими словами еврейский банкир дал ясно понять, что судьба и положение его соплеменников в России его абсолютно не интересуют.

То же самое касается и Я. Шиффа. Посол России в США Р.Р. Розен писал министру иностранных дел А.П. Извольскому 3/16 марта 1910 года: «*Было бы ошибочным приписывать заботы американского еврейства об улучшении участи евреев в России только естественной симпатии к соплеменникам. Тут значительную роль играют соображения совершенно эгоистического характера*».[3]

Начиная с XX века, мировой еврейский капитал начинает активное финансирование русской революции. Это финансирование касалось не только революционных партий, но и вообще всех оппозиционных и недовольных групп русского общества. Кроме того начинается активное проникновение евреев в культурную и общественную жизнь России. Даже А.И. Гучков, у которого мать была еврейкой, говорил Николаю II: «*В области печати — евреи всесильны; художественная театральная критика — в руках евреев*».[4] То же самое отмечал и писатель Андрей Белый: «*Главарями*

---

[1] *Шульгин В.В.* Что нам в них не нравится. М.: Русская книга, 1994. С. 69.
[2] *Солженицын А.И.* Двести лет вместе. М., 2000.
[3] Россия и США: дипломатические отношения 1900–1917. С. 173.
[4] *Платонов О.А.* Указ. соч. С. 97.

национальной культуры оказываются чуждые этой культуре люди. Евреи — народ иной, чуждый к задачам русской культуры». В России постепенно складывается своего рода общественное еврейское лобби, журналисты, адвокаты, критики, коммерсанты, которые в своей массе поддерживали, защищали, восхваляли, поощряли многочисленных «борцов за народное счастье».

Все это шло на фоне коренных изменений и в среде еврейского народа в целом. Капитализация русского общества не могла не коснуться еврейского населения. Началось расслоение еврейского населения России. Если старое поколение евреев было противником революционных потрясений, то новое молодое поколение горело жаждой перемен. Если старое поколение читало Тору, ходило в синагогу и чтило Закон, то молодое читало Маркса, не ходило в синагогу и смеялось над обычаями и верованиями предков. Л.Г. Прайсман пишет об Азефе: «*Как большинство евреев-революционеров своего времени, Азеф был далек от еврейства. Московский раввин Я. Мазе был в 1901 году соседом Азефа по даче в Малаховке; в своих воспоминаниях он рассказывает, что однажды получил письмо от своего земляка из Могилева с мольбой повлиять на зятя автора письма — Азефа, не желавшего сделать своему второму сыну обрезание (первому жена Азефа сделала во время одной из его многочисленных отлучек). Мазе пишет о том, как относился Азеф к иудаизму, он довольно зло издевался над обычаями, традициями, религией своего народа*».[1]

Этим расслоением немедленно воспользовались международно-финансовые еврейские круги, стремившиеся использовать еврейское население в своих целях для ниспровержения существующего в России государственного строя. При этом судьба самих рядовых евреев их интересовала мало.

В 1903 году в Кишиневе прокатились массовые беспорядки, которые вылились в столкновение местного населения с евреями, приведшие к человеческим жертвам, в своем подавляющем большинстве среди еврейского населения. Кишиневский погром начался 6 апреля 1903 года в дни двух совпадавших тогда праздников: иудейской и православной Пасхи. Кишинев был городом с преобладающим еврейским и молдавским населением. К началу XX века в Кишиневе жило 50 тысяч евреев, 50 тысяч молдаван и только 8 тысяч русских.[2] «*Главными силами погрома были молдаване*», — пишет Солженицын. Поэтому говорить, что кишиневский погром был учинен русскими, абсолютно неверно. Истинной причиной этих событий стало недовольство молдавского населения ростом успешной еврейской торговли, сопровождавшейся ростом еврейского населения в Бессарабии. «*Никакого насилия,* — пишет В.А. Кожинов, — *или*

---

[1] *Прайсман Л.Г.* Террористы и революционеры, охранники и провокаторы. М., 2001. С. 68.

[2] *Солженицын А.И.* Указ. соч.

хотя бы беззакония евреи по отношению к бессарабцам не совершали: они только умело и сплоченно занимались финасово-торговой деятельностью. Никто не мешал бессарабцам сплотиться и потеснить евреев».[1]

Жестокие беспорядки, во время которых было убито 42 человека, из них 38 евреев, ранено 456, из них только 62 христианина, безусловно, были возмутительным явлением. Власть проявила свою беспомощность: она не ожидала таких событий, а полицейских сил оказалось недостаточно, чтобы прекратить столкновения. Лишь на третий день в город были введены войска. За проявление этой беспомощности, конечно, местная власть несла всю меру ответственности. Кишиневский погром был осужден всем русским обществом. Особенно важно, что погром осудили православный иерарх епископ Антоний (Храповицкий) и святой праведный Иоанн Кронштадтский. «*Вместо праздника христианского они устроили праздник сатане»,* — писал отец Иоанн. А владыка Антоний, обличая погромщиков, говорил: «*Страшная казнь Божия постигнет тех злодеев, которые проливают кровь, родственную Богочеловеку, Его Пречистой Матери, апостолам и пророкам».*

Но как бы ни были опасны последствия погрома, то, что началось после него, было еще опаснее. Вокруг кишиневских событий началась самая настоящая антирусская истерия, сопровождаемая откровенной клеветой и небылицами, которую подняли отечественная и зарубежная пресса и общественное мнение. Клеймили «новое злодеяние царизма, сознательно им подготовленное». В лондонских синагогах обвиняли Святейший Синод в религиозной резне, резкое осуждение выразило католическое духовенство. Газеты писали об «убийстве грудных младенцев, о сотнях изнасилованных еврейских женщин» и так далее. Самые злобные нападки на русское правительство были со стороны газет, подконтрольных еврейским финансовым магнатам. Так, одна из таких американских газет писала: «*Мы обвиняем русское правительство в ответственности за кишиневскую резню. Мы заявляем, что оно по самые уши погрязло в вине за истребление людей. У его дверей, и ничьих еще, ложатся эти убийства и насилия. Пусть Бог Справедливости придет в этот мир и разделается с Россией, как Он разделался с Содомом и Гоморрой, и сметет этот рассадник чумы с лица земли».*[2]

Через шесть недель после погрома неизвестно откуда был «обнаружен» текст «секретного письма» министра внутренних дел В.К. фон Плеве к кишиневскому губернатору, где министр в ловких уклончивых выражениях советовал, что «если вдруг произойдут обширные беспорядки против евреев, то ни в коем случае эти беспорядки не подавлять силой оружия, а только увещевать». Текст этого «письма», который являлся абсолютной фальшивкой, странным образом сразу же попал в английскую газету «Таймс» и был в ней немедленно

---

[1] *Кожинов В.* Россия век XX. 1901–1991. М., 1998.

[2] *Солженицын А.И.* Указ. соч.

опубликован. Хотя на самом деле именно Плеве стремился найти компромисс с евреями. «*Еврейский вопрос для России не жизненный, но важный,* — говорил Плеве лидеру молодого сионистского движения Герцлю, — *и мы стараемся разрешить его правильным путем. Я не враг евреев. Я хотел бы поэтому сделать что-нибудь для евреев. Образование еврейского государства, вмещающего несколько миллионов евреев, было бы для нас чрезвычайно желательным. Российское правительство благожелательно относится к эмиграции сионистов в Палестину*».[1]

Кишиневским погромом воспользовался Шифф и его сторонники, которыми была организована яростная кампания по нагнетанию среди американского еврейства ненависти к России в связи с опасностью новых так называемых «погромов», якобы организуемых в отношении еврейского населения Императорским правительством. 2/15 декабря 1905 года русский посол в США барон Р.Р. Розен сообщал графу Ламсдорфу следующее: «*Милостивый государь граф Владимир Николаевич, (...) На днях известный Яков Шифф, глава весьма влиятельного банкирского дома Kuhn, Loeb & K° написал президенту письмо, в котором он умоляет его обратиться к конгрессу с посланием по поводу положения евреев в России и взять на себя инициативу соединенных представлений Императорскому Правительству всех "цивилизованных" держав*».[2]

Той же осенью 1905 года Яков Шифф «*в весьма притязательной форме*» обратился к президенту США Т. Рузвельту с требованием направить в Балтику эскадру для «*защиты русских евреев*».[3]

При этом надо сказать, что некоторые другие лидеры американского еврейства, такие как О. Страус, не разделяли экстремистских настроений Шиффа и, хотя и были обеспокоены положением дел русских евреев, старались успокоить американских евреев.

Пик антирусской деятельности Я. Шиффа пришелся на русско-японскую войну и «первую русскую революцию», когда Шифф организовал мощную поддержку японцам и еврейским боевикам в России. 5/18 мая 1904 года в донесении русского посла А.П. Кассини министру иностранных дел графу В.Н. Ламсдорфу говорилось: «*Милостивый государь Владимир Николаевич, Секретной телеграммой от 24 апреля я имел честь донести Вашему Сиятельству об открытии банкирским домом Kuhn, Loeb & K° в Нью-Йорке подписки на японский заем. Заем заключен на семь лет с правом, предоставляющим японскому правительству конвертировать его через 3 года из 6-ти годовых, под обеспечение таможенными доходами и под условием первенства перед всеми другими долговыми обязательствами Японии.*

---

[1] *Солженицын А.И.* Указ. соч.

[2] Россия и США: дипломатические отношения 1900–1917. С. 291.

[3] Там же. С. 292.

Как Вашему Сиятельству известно, выпущенный в Нью-Йорке японский заем составляет половину займа, поместить который взял на себя английский синдикат, в состав которого входят Hongkong and Schanghai Banking Corporation и Parr's Bank & Ltd. Из всей суммы в 50 миллионов долларов 25 выпускается в Лондоне, другие же 25 поручено выпустить в Америке упомянутому выше банкирскому дому Kuhn, Loeb & K°, которому, насколько мне удалось узнать, содействует в этом предприятии и другой нью-йоркский дом Шиффа. Оба эти банка находятся в руках евреев и принадлежат к разряду солидных учреждений».[1]

Посол Р.Р. Розен — А.П. Извольскому 3/16 марта 1910 года: «*Мне кажется своевременным представить на благоусмотрение Вашего Высокопревосходительства характеристику тех лиц и мотивов, ими руководивших, на которых, по моему мнению, лежит ответственность за враждебную России политику Соединенных Штатов последнего десятилетия и, следовательно, в значительной степени косвенная ответственность за решимость Японии вступить с Россией в открытую борьбу. Лицами этими я считаю покойного статс-секретаря Хэя, г-на Якова Шиффа и президента Рузвельта. (...)*

На первый план выступает личность г-на Якова Шиффа, фанатического ненавистника России. По собственному его признанию, которое мы теперь имеем в статье его органа "The New York Times", он был организатором финансовой операции, доставившей Японии возможность вступить в вооруженную борьбу с Россией. Он также вместе с весьма искусными японскими агентами, пользуясь неограниченным влиянием еврейства на американскую печать, был вдохновителем той кампании прессы, которая сумела вселить в общественном мнении Америки убеждение в том, что великая Россия собирается напасть на маленькую Японию и что рыцарски бескорыстная Япония вынуждена взяться за оружие, чтобы отстоять свое самое существование и вместе с тем независимость Кореи и Китайской империи. Чтобы г. Шифф, с которым я хотя малознаком, но который мне известен как чрезвычайно умный человек, мог когда-нибудь поверить подобным басням, я, конечно, не думаю. Не думаю также, чтобы он мог ожидать особенных коммерческих выгод для Америки от вытеснения России с Манчжурии и замены ее Японией, которая, а никак не Россия, является действительно опасным конкурентом для американской промышленности и торговли. Следовательно, истинных мотивов, побудивших его принять на себя руководящую роль в американской антирусской политике, следует искать в ином направлении. ***Как глава американского еврейства г. Шифф более, чем другие вожди этого племени в Нью-Йорке, как напр. Исаак Селигман и Оскар Страус, проникнут чувствами фанатической, не знающей никаких пределов ненависти к России,***

[1] Россия и США: дипломатические отношения 1900–1917. С. 57–58.

нанести удары которой всякими доступными ему средствами он считает своей священной обязанностью. В этих видах он не только финансировал японскую войну, но и участвовал вместе с другими богатыми евреями в финансировании русской революции, причем, несмотря на его несомненный ум, он серьезно убежден в том, что русская государственность находится на краю гибели и ждет только последнего толчка, чтобы развалиться».[1] (Выделено нами – *П.М.*)

Здесь необходимо сказать, что к началу XX века США становятся главным центром мировой закулисы, тайных орденов и всевозможных лож, а также центром мирового кабализма. Столица мирового масонства и оккультизма город Чарльстон, специально построенный на 33° северной широты, по аналогии с 33 высшей масонской степенью, хранила и хранит в себе немало тайн. Есть сведения, что в главном масонском храме Чарльстона находится статуя идола тамплиеров Бафомета.

В другом американском городе Нью-Йорке 12 ноября 1843 года двенадцатью евреями-кабалистами был учрежден тайный орден, известный под названием «Бнай Брит», что в переводе с иврита означает «Сыны Завета», или «Владыки Завета». Главной целью этого ордена стала организация и подготовка всемирной революции в духе Каббалы. Для этого было необходимо подчинить себе как можно большее число еврейских организаций и взять под свой контроль вообще все мировое еврейство. В уставе ордена так и говорилось: «*Орден Бнай Брит берет на себя миссию объединять израилитов с целью осуществления их высших интересов, так же как и общечеловеческих, а также для того, чтобы развивать и поднимать нравственные качества еврейского народа и в духе его верования внушать самые чистые принципы филантропии, чести и патриотизма, чтобы содействовать наукам и искусствам, помогать в их нуждах беднякам и всем нуждающимся, посещать и поддерживать больных, приходить на помощь жертвам преследований, давать защиту и предоставлять помощь вдовам и сиротам, основывая свою деятельность на принципах гуманизма в самом широком смысле этого слова*».[2]

Из всего этого высокопарного текста главным является первый абзац, говорящий «*об объединении всех израилитов с целью осуществления их высших интересов*». Разумеется, под высшими интересами понимались интересы небольшой кучки «посвященных» кабалистов, а не еврейского народа в целом.

Уже к началу XX века «Бнай Брит» превратился в могущественную организацию, которая имела 40 отделений и 40 тысяч членов по всему миру.[3]

---

[1] Там же. С. 171–173.

[2] Черная сотня. № 47–48.

[3] *Платонов О. А.* Тайна Беззакония.

Выпускалась газета ордена «Менора» (по-еврейски семисвечник). «*О настоящем характере деятельности "Бнай-Брита" можно судить по тому, что многие его отделения присвоили себе название "Ложа Маймонида". Маймонид, один из самых одиозных иудаистских лидеров — был идеологом еврейской исключительности и избранности, установления мирового господства и уничтожения все непокорных неиудеев, прежде всего христиан*».[1]

Для характеристики сущности учений Маймонида достаточно привести его высказывание о христианах: «*Предателей Израиля*, — учил он, — *и отступников, как Иисус Назарей и его последователи, заповедовано убивать рукой и толкать в ров гибели*».[2]

Кроме «Бнай Брита» в США существовало несколько схожих еврейских организаций: «Свободные сыны Израиля» (число членов на 1907 год — 10 920), «Агават Израэль» (16 963 члена), «Сыны Иегуды» (19 000 членов), «Сыны Веньямина» (20 336 членов), «Брит Абрагам» (55 957 членов) и другие. Характер этих организаций был весьма схож с «Бнай Бритом», и он был далек от прежнего иудаизма. Таким образом, к началу XX века кабалистические еврейские организации достигли в США, да и в Европе, большой силы.

Этому также способствовало то обстоятельство, что почти все вожди таких организаций были по совместительству крупными финансистами и банкирами. В 1906 году Яков Шифф создает в США «Американский Еврейский Комитет», который объединил большое количество мелких еврейских организаций. «АЕК» работал в тесном сотрудничестве с «Бнай Бритом» и фактически являлся его филиалом, так как тот же Шифф входил в состав правления «Бнай Брита».

Главной целью «Бнай Брита» является превращение еврейского населения в боевую организацию, в которой все члены должны быть готовы к войне за мировое господство «Бнай Брита». Для этого «Бнай Бритом» уничтожается еврейская традиционная после изгнания из Палестины кагальная организация жизни, которая заменяется подчинением ордену. «*Поскольку евреи*, — говорилось в одной масонской книге по истории ордена, — *родившиеся в США, становились слишком американизированными и недостаточно еврейскими, еврейская община оказалась неспособной их интегрировать. Это и привело, в конце концов, к созданию "Бнай Брита", который создал необходимые структуры, заменив централизацию кагала и синагоги, существовавшую до того среди евреев Нью-Йорка*».[3]

Заметим: синагога и кагал, то есть традиционные национальные структуры евреев, позволявшие им сохраняться именно как народу, были заме-

[1] Там же.
[2] *Бостунич Г.* Правда о сионских протоколах. Митровица, 1921. С. 22.
[3] http://www.voskres.ru.

нены по существу антинациональными структурами «Бнай Брита». В этой связи и сам иудаизм в его так называемом ортодоксальном виде был не нужен кабалистам.

Таким образом, шла постепенная работа по превращению евреев из народа, со своими обычаями, языком, традициями и так далее, в новую общность людей, объединенных человеконенавистнической кабалистической, а по сути сатанинской идеологией и ненавистью к общему врагу. Те евреи, которые не желали становиться рабами этой идеологии, должны были быть уничтожены точно так же, как и другие «гойские» «бунтари».

Целью «Бнай Брита» было объединение под своей эгидой всего мирового еврейства для осуществления мировой революции. В Европе это сделать было несложно, так как ее еврейское население было не очень большим и к тому же существовала огромная сеть всяких дополнительных контролирующих организаций в виде масонских лож и так далее. Европейское еврейство в своей массе сильно оторвалось от своих корней и представляло прекрасный материал для кабалистической мировой революции. Кроме того в правительствах Франции, Англии и даже Германии большую роль играли ставленники мировых заговорщиков. Министр иностранных дел Англии А. Бальфур прямо обращался к Л. Ротшильду с поддержкой его планов от имени английского правительства. 11 февраля 1917 года он писал в своем письме к Ротшильду: «*Дорогой барон Ротшильд, Я чрезвычайно рад передать Вам от имени Правительства Его Величества нижеследующее выражение сочувствия еврейскому сионистскому движению, которое было предложено Кабинету и им одобрено*».[1]

Совсем по-другому складывались дела в России. Россия обладала самым большим еврейским населением. В XIX — начале XX века в России наблюдался поступательный рост еврейского населения. За 100 лет (с 1815 по 1915) число евреев увеличилось в 6 раз. За тот же период общее число народонаселения всей России увеличилось всего в 4 раза. Прирост населения обоего пола, исповедывающего иудаизм, в отношении к другим вероисповеданиям в Империи с 1870 по 1897 год составил 85,5 %, тогда как прирост православного населения равнялся всего 45,5%.[2] За тот же период еврейское население выросло с 2 797 тыс. человек (в 1870) до 5 189 тыс. человек (в 1897). В России со времен Екатерины Великой (с 1791 года) в отношении части еврейского населения действовала черта оседлости, то есть ограничение для евреев в местожительстве. Черта оседлости была вызвана прежде всего экономическими соображениями. Царское правительство на примере Европы было прекрасно осведомлено, что еврейство быстро проникает во все сферы экономической жизни государства, и стремилось этого проникновения не допустить.

---

[1] *Боголюбов Н.* Указ. соч. С. 73.

[2] *Маркс А.Ф.* Указ. соч. Вкладка № 6.

Само еврейское сообщество к началу XX века было неоднородно. Необходимо отметить, и это нам представляется чрезвычайно важным обстоятельством, что Россия была почти единственной страной, в гораздо меньшей степени ею была Австро-Венгрия, на территории которой жил ***трудящийся еврейский народ.*** То есть, в отличие от Франции, Германии и особенно США, где евреи занимались в основном ростовщичеством и бизнесом или работали в сфере умственного труда, в России жили миллионы евреев, которые говорили только на идиш, плохо знали русский язык, пели еврейские песни, имели самобытную еврейскую культуру, а самое главное, трудились в поте лица своего. Сотни тысяч евреев были сапожниками, кожевниками, мелкими ремесленниками, жестянщиками, скорняками. В России даже было свое немногочисленное еврейское крестьянство. Именно этому простому еврейскому люду посвящено творчество Шолом-Алейхема. Черта оседлости была своеобразной защитной стеной для сохранения этноса, и неслучайно именно в черте оседлости возникает национальная современная еврейская литература, которая при всем своеобразии испытывает также и благотворное влияние русской культуры. Простые евреи, селившиеся в черте оседлости, создавали свои местечки и гетто, которые жили своей обособленной жизнью и в то же время тесным образом общались с коренным русским населением. Никакой особой вражды между русскими и евреями вплоть до начала XX века не было, хотя, конечно, эксцессы случались.

О положении русского еврейства в дореволюционной России прекрасно писал еврейский эмигрантский мыслитель И.М. Бикерман. Здесь следует сказать, что Бикерман, ортодоксальный еврей, еврейский националист в хорошем смысле слова, был ненавидим своими соплеменниками-интернационалистами именно за его любовь к России. При этом еще раз подчеркнем: Бикерман был далек от христианства и всю жизнь жил по Торе и Талмуду. Но именно потому, что он любил еврейский народ, а не бредовые идеи еврейского мирового господства, он не мог не видеть, что евреи как этнос лучшего всего сохранялись в России. Но дадим слово самому Бикерману: «*В Царской России жило больше половины еврейского народа; за пределами ее пребывали либо незначительные осколки еврейства, как в Италии, Франции, Англии, Германии, либо ответвления от русского еврейства, как ныне значительная уже еврейская община в Северной Америке; лишь в старой Австрии имелся еще крупный еврейский массив. Естественно поэтому, что еврейская история ближайших к нам поколений была по преимуществу историей русского еврейства. Западные евреи были богаче, влиятельнее, стояли впереди нас по культурному уровню, но жизненная сила еврейства была в России. И эта сила росла и крепла вместе с расцветом Русской империи. Во время продолжительной, двухвековой агонии Польши, с распадом которой евреи оказались под скипетром Русского Царя, еврейство обнищало, морально опустилось и, застыв в средневековом обличии, далеко отстало от Европы. Только с присоединением областей, населенных евреями, к*

России началась тут новая жизнь, началось возрождение. Еврейское население быстро увеличилось в числе, так что могло даже выселить многолюднейшую колонию за океан; в руках евреев накопились капиталы, вырос значительно средний слой, поднимался все больше материальный уровень и широких низов. Рядом усилий русское еврейство преодолело или, по крайней мере, все больше преодолевало вынесенную из Польши грязь физическую и духовную, все больше распространилась в среде еврейства европейская образованность, мы все больше приобщались к общеевропейской и русской культуре, и так далеко мы ушли в этом направлении, столько духовных сил накопили, что могли позволить себе роскошь иметь литературу на трех языках. Все это вопреки черте оседлости, процентной норме и всяким другим ограничениям. Только евнух видит в полицейском страже демиурга истории, и параграф закона заменяет ему судьбу. Живая жизнь не такова. Вопреки многочисленным недостаткам строя и в особенности административного механизма, Империя крепла, русский народ рос и богател, русская культура развивалась вглубь и ширь. Увеличивалось в то же время в своем значении и в своей мощи и русское еврейство. В этом параллельном росте и процветании сказалась тесная связь между судьбой русского еврейства и судьбами России».[1]

Так мыслил истинный еврейский патриот, который являлся также и великим патриотом России. И в этом Бикерман был не одинок. Вот слова другого еврея, Д.С. Пасманика, сказанные им в самый разгар большевистского господства: «*Судьба русского еврейства неразрывно связаны с судьбой России; надо спасать Россию, если мы хотим спасти еврейство*».[2] Заметим, как точно понял Пасманик, какую смертельную опасность несет в том числе и для еврейского народа мировая кабалистическая революция.

Эта революция нужна была мировой закулисе, ведущей силой которой были тайные общества. Для успеха их революции было необходимо не только сокрушить Царскую Россию, но и коренным образом изменить еврейский народ, проживающий в ней. Для этого им было необходимо стравить евреев и русских, создать представление о России как о стране постоянных убийств и насилий по отношению к евреям. Для этого в России из молодых еврейских фанатиков создаются боевые отряды, предназначенные для выполнения чудовищных планов мировой закулисы. Финансировались эти отряды Яковом Шиффом и рядом других американо-еврейских банкиров. Одновременно ими же проводилась пропагандистская антирусская кампания. Любой эксцесс, любое столкновение евреев с христианами, даже на бытовой почве, преподносились в подконтрольной еврейству печати как целенаправленное сознательное действие Царского правительства. Мы уже писали, как была преподнесена в Америке обществу кишиневская

---

[1] Россия и евреи. Сборник первый. Берлин, 1924. С. 83–85.
[2] Там же. С. 217.

трагедия. Судьба русских евреев волновала кабалистскую секту мало, русские евреи должны были быть «пушечным мясом» их революции.

Между тем до Царя доходили сведения о том, что американские евреи ведут на территории России антиправительственную деятельность, подготавливают революцию. По имеющейся версии, незадолго до 1905 года русской разведке удалось достать стенограмму встречи пяти американских миллиардеров-евреев, которая состоялась в США. На этой встрече было решено оказать мощную финансовую помощь революции и уничтожить династию Романовых. При этом было решено истратить на революцию в России миллиард долларов и **пожертвовать пятью миллионами евреев**, чтобы вызвать революцию в России. Деньги были даны Исааком Мортимером, Шустером, Руном, Леви и Я. Шиффом. Эти средства должны были служить для пропаганды, а массовые убийства евреев — возбудить мировую прессу против Царского правительства. До русского Двора дошли сведения об этом деле. Император Николай II потребовал присланные из Вашингтона документы, но они пропали.[1]

Заметим, «бнайбритовцы» были готовы уничтожить 5 млн евреев для достижения их кабалистической революции!

Николай II был информирован об участии еврейского капитала в разжигании революции и без этих документов. При этом Николай II пытался войти в переговоры с лидерами еврейского международного капитала по поводу возможного соглашения о прекращении этой поддержки. По поручению верховной власти министр финансов Витте через некоего Г.А. Виленкина, женатого на родственнице Шиффов, вышел на самого председателя Американского еврейского комитета Я. Шиффа. Но предложение отказаться от финансовой поддержки революционеров Шифф категорически отверг, сказав, что «*дело зашло слишком далеко, и вообще, о мире с Романовыми не может быть и речи*».[2]

Подобным же провалом закончились попытки Витте договориться с Ротшильдами.

Тогда Государь попытался предотвратить проникновение еврейских агитаторов из-за границы на территорию России. Все евреи, приезжающие из-за границы, должны были проходить особый паспортный контроль, чтобы облегчить наблюдение за их деятельностью. Охранному отделению было известно, что большинство из них являются профессиональными революционерами.

Начавшаяся не без помощи американо-еврейских кабалистов так называемая «первая русская революция» получила мощное финансовое вливание от еврейских кругов США.

---

[1] Русские масоны в эмиграции. Париж, 1942. С. 13–14.
[2] *Хереш* Э. Николай II. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. С. 144.

«Финансовые отношения можно поддерживать только с цивилизованными странами», — заявил Я. Шифф.

Другой еврейский банкир, Лейб, говорил: «*Собирайте фонд, чтобы посылать в Россию оружие! Пусть лавина эта катится по всем Соединенным Штатам! Подлую Россию, которая стояла на коленях перед японцами, мы заставим встать на колени. Собирайте деньги, деньги могут это сделать!*»[1]

И еврейские банкиры собирали. По данным лондонской еврейской хроники, сумма собранных на революцию денег составила: германские евреи — 115 000 фунтов стерлингов (1 150 000 рублей), английские — 149 341, американские — 240 000, французские и австрийские — 370 000.[2]

На эти деньги в России финансируются все крупные революционные партии, в первую очередь эсеры, чье руководство полностью состояло из евреев, а так же еврейская революционная партия «Бунд». Кроме того на деньги Шиффа начинают создаваться «еврейские отряды самообороны», которые на самом деле являются группами боевиков.

29 августа 1903 года еврейские боевики Гомеля устроили самую настоящую резню христианского населения, напав на него на базарной площади. Очевидцы рассказывают, что, настигая русских, евреи били их нещадно, били стариков, били женщин и даже детей.[3] Потерпевшими были исключительно русские, то есть произошел самый настоящий русский погром, устроенный еврейскими экстремистами, которые, в первую очередь, представляли собой молодое поколение евреев.

Активное втягивание еврейской молодежи в революцию вызывало резкое неприятие у старшего и среднего поколения евреев. «*Многие евреи*, — пишет Анна Гейфман, — *особенно старики, были очень недовольны молодыми еврейскими экстремистами, чья террористическая деятельность приводила к погромам: "Они стреляют, а нас бьют..."*»

Во время гомельских событий было несколько случаев, когда старые евреи пытались помешать бесчинству своей молодежи. Так, раввин Маянц спас от разъяренной толпы русского офицера, тот же раввин Маянц и доктор Залкинд обратились к еврейским молодым экстремистам с призывом прекратить бесчинства. Как говорил Шульгину во время событий 1905 года один старый еврей: «*Ваше благородие! И что же мы можем сделать? Разве они хотят нас слушать? Ваше благородие! Вы знаете, это чистое несчастье. Приходят ко мне в дом... Кто? Мальчишки. Говорят: «Давай»... И я мушу (вынужден) дать... Они говорят — «самооборона». И мы даем на самооборона. Так ви знаете, ваше благородие, что они сделали, эти сволочи в Демиевке? Эта «са-*

---

[1] *Фроянов И.Я.* Октябрь семнадцатого. СПб., 1997. С. 68.
[2] *Хлыстаков Э.* Босиком среди гадюк. М., 1992. С.13.
[3] *Солженицын А.И.* Указ. соч.

мооборона»? Штрелили эти паршивые мальчишки, штрелили и убегли...Они таки убегли, а мы таки остались... Они стреляли, а нас бьют... Мальчишки паршивые! «Самооборона»!!! Ваше благородие, как их можно удержать? Я — старый еврей. Я хожу в синагогу. Я имею Бога в сердце. А эти мальчишки! Он себе хватает бомбу, идет — убивает. На тебе — он тебе революцию делает».[1]

Отринув веру своих отцов, молодое поколение евреев так же, как и молодое поколение русских, активно вступало в революционное движение. Только в отличие от русских, которые пылали ненавистью лишь к самодержавию, евреи-революционеры ненавидели все, что связано с Россией, ее культурой и самобытностью, полагая, что именно в этом лежит главная причина их многочисленных бед. При этом, отказавшись от иудаизма и его нравственно-этических норм, еврейские радикалы сохранили его дух нетерпимости и беспощадности к врагам. Как верно пишет Анна Гейфман: «*На деле, разрывая все видимые связи с религией, еврейские радикалы совершали чисто внешнюю подмену понятий, просто приспособляя традиционное мессианское мировоззрение к новой исторической ситуации и современным интеллектуальным нормам*».[2]

В результате этой адской подмены из еврейской среды выделился целый ряд радикальных экстремистов, «людей нового типа», которым были чужды все нормы человеческой морали. Имена их главных представителей хорошо известны сегодня: Гершуни, Рысс, Ротенберг, Свердлов, Троцкий, Зиновьев, Урицкий, Землячка, Бела Кун (Коэн) и другие. Они принадлежали к разным партиям и течениям, но были едины в одном — полному презрению к человеческой жизни, к духовным ценностям людей, независимо от их национальности, всеохватывающей ненавистью к Богу. В жилах этих людей текла еврейская кровь, но в них самих не было ничего собственно еврейского, как, впрочем, ничего национального. Это были винтики огромной инфернальной машины, управление которой находилось в далеком Нью-Йорке.

Крах революции 1905 года нанес сильнейший удар по планам Шиффа и всей мировой закулисы. «Пройти по еврейским трупам» к свержению монархии не удалось. Последующие годы стабильности и расцвета русской экономики, которые благодатно отразились на жизни всех народов Российской Империи, включая и евреев, делало эту революцию все более несбыточной. Между тем и в самих США среди евреев начинает намечаться определенное расслоение. Америка стала центром массовой еврейской эмиграции со всего света, в том числе и из России. Приезжающие евреи далеко не всегда стремились попасть под власть еврейских финансовых магнатов с их глобальными амби-

---

[1] *Шульгин В.В.* Дни. 1920. М.: Современник, 1989. С. 109.
[2] *Гейфман А.* Революционный террор в России. 1894–1917. М., 1997. С. 49.

циями. Отношение приезжающих евреев к России также не было столь враждебным, как у Шиффа.

В этих условиях Шифф продолжает, как только возможно, наносить вред Царской России. В 1911 году Шифф потребовал от президента США Тафта разорвать очень выгодный для Америки торговый договор с Россией. Поскольку президент отказался выполнять требование Шиффа, последний вступил с ним в открытую борьбу, и в конце концов добился своего.

Незадолго до войны Шифф требует от Императорского правительства провести внутри России реформы в пользу евреев. В случае невыполнения этих требований Шифф грозил России «*разными последствиями*».

Мировой закулисе был необходим новый кровавый катаклизм, который бы дал ей возможность взорвать старый мир.

Начавшаяся в 1914 году Мировая война была во многом подготовлена кабалистами.

Между тем среди рядовых русских евреев отношение к этой войне было неоднозначным. Часть евреев, находившаяся под влиянием революционно-еврейской пропаганды, была настроена резко против России и ждала от ее поражения улучшения своего положения. Другая встретила войну с большим подъемом, всячески выражая свои верноподданнические и патриотические чувства.

Однако начавшаяся война, неудачи 1915 года и неоправданные репрессии против мирного еврейского населения со стороны Великого Князя Николая Николаевича привели к тому, что русское еврейство начало все более склоняться в сторону революции. Особенно пагубно сказались на отношении евреев к русской власти массовые их выселения Великим Князем в глубь России под предлогом отдельных случаев шпионажа в пользу немцев.

Этими ошибками русской Ставки образца лета 1915 года воспользовались немцы, которые начали всячески выставлять себя защитниками еврейских прав. В этом они нашли общий язык с Шиффом. Между германскими правящими кругами и американскими еврейскими воротилами установилась негласная договоренность о взаимопомощи, хотя каждый преследовал при этом свою выгоду. Как верно пишет О.А. Платонов: «*Яков Шифф был русофоб и германофил, сторонник германского агрессивного курса. Во время войны он заработал большие деньги, снабжая немцев стратегическими ресурсами из Америки*».[1]

В 1915 году крупнейший американский автомобильный магнат Г. Форд направился на корабле к правительствам разных воюющих государств с целью убедить их в безумии продолжающейся войны. «*Я*

---

[1] *Платонов О.А.* Терновый венец России.

знаю, — говорил Форд, — *что эту войну развязали еврейские банкиры Германии. Сами евреи убедили меня в том, что имеется прямая связь между международным еврейством и войной».*[1]

Как следует из «Юдаики», в течение всего дофевральского периода участия России в Мировой войне Шифф активно финансирует революционеров в России и заграницей. В 1916 г. «Бнай Брит» приступил непосредственно к организации подготовки революции в России. На состоявшемся в Нью-Йорке собрании «Бнай Брита» Яков Шифф избирается президентом «Сионистского движения в России». На самом деле к движению сионизма, которое основал сторонник переселения всех евреев в Палестину и создания там еврейского государства Герцль, организация, возглавляемая Шиффом, имела лишь опосредованное отношение. Прикрываясь сионистской вывеской, Шифф стремился организовать еврейские террористические отряды, призванные стать тараном по захвату кабалистами России.

13 января 1917 г. в США прибыл Троцкий и сразу же получил американский паспорт. В то же время Троцкий посетил Якова Шиффа. Здесь следует сказать, что Троцкий и Шифф находились то ли в родственных отношениях, то ли в свойстве. По одним сведениям, Троцкий был племянником американо-еврейского банкира А.Л. Животовского[2], родственника Шиффа, по другим — дочерью Животовского была жена Троцкого.

Шифф и Троцкий обсудили уроки русской смуты 1905 года и сделали необходимые выводы из неудачной попытки свергнуть Царя.

На этот раз было решено поставить дело на качественно иной уровень. В Нью-Йорке под руководством Троцкого из евреев, населявших кварталы этого города, были созданы вооруженные отряды боевиков для засылки в Россию. Эти отряды финансировал Шифф. Полевые учения еврейских боевиков имели место на частной территории «Стандард Ойл Компани» в Нью Джерси, принадлежавшей другому члену «Бнай Брита» Рокфеллеру. Когда боевики были достаточно натасканы для проведения военных действий, троцкисты покинули Соединенные Штаты, снабженные 20 млн долларов золотом, которые Яков Шифф им предоставил.[3]

К слову сказать, «Бнай Брит» предоставлял большевикам своих боевиков и после Октябрьской революции. Так, издававшаяся в Нью-Йорке «Еврейская трибуна» 29 декабря 1922 года напечатала статью некоего Гурвича, касающуюся отрядов самообороны, сформированных еврейским населением в России под покровительством советской власти. Гурвич сообщал: «*Даже после того, как советское правительство справилось со всеми свои-*

---

[1] *Пруссаков В.* Оккультный мессия и его рейх. М.: Молодая гвардия, 1992. С. 208.

[2] *Саттон Э.* Указ. соч. С. 35.

[3] http://catholiquedu.free.fr.

ми врагами и заняло Украину, оно не сумело сделать свой авторитет непрекаемым или даже устойчивым; действия его сильно затрудняются повстанцами-крестьянами и бандитами. По этим мотивам более даже, чем из гуманитарных соображений, советское правительство нашло выгодным для себя заручиться поддержкой одной части населения, а именно евреев, посредством организации отрядов еврейской самообороны и снабжения их оружием. Евреи помогли уничтожить бандитов, действительно оказали помощь правительству в деле подавления беспокойных элементов и восстановления порядка на Украине».[1]

По сведениям американских газет, количество бойцов еврейских отрядов достигало на 1922 год 500 000 человек.[2]

С крушением русской монархии и с приходом к власти правительства Керенского «Бнай Брит» достиг большого влияния в Петрограде. В русской столице торжественно был открыт всероссийский сионистский конгресс, а правительство Керенского спешило заверить международное еврейство в своей полной к нему лояльности. И тем не менее это до конца не устраивало кабалистов. Несмотря на всю свою лояльность Временное правительство официально все же называлось русским национальным правительством, а православие, хотя и было сведено до уровня рядовой религии, все же не было ни преследуемо, ни повержено.

Захватнические планы кабалистской мировой закулисы требовали нанести России новый сокрушающий удар, от которого она бы уже никогда не оправилась. Само имя ее должно было навсегда исчезнуть с карты мира. Именно для этого в Россию были снаряжены сотни подготовленных Шиффом боевиков, возглавляемые эмиссарами «Бнай Брита» во главе с Троцким. Их цель была одна: смести ничтожное Временное правительство с его масонской шелухой, а заодно и само понятие русской государственности, с ее символами, атрибутами и традициями. Примечательно, что, посылая своих боевиков в Россию, «Бнай Брит» и не думал скрывать своих истинных планов по отношению к ней. Еврейский американский писатель Р. Брайнин встретился с Троцким в Нью-Йорке незадолго до его отъезда в Россию в 1917 году. После большевистского переворота Брайнин писал: «*Если Троцкий и его еврейские друзья, возглавляющие ныне русское правительство, разрушат Россию, то это будет местью еврейского народа по отношению к его вчерашним мучителям и угнетателям, преследователям и палачам. Собака заслужила палку*».[3]

---

[1] Еврейская трибуна. 1922. 29 декабря.

[2] Высший монархический совет. Еженедельник. 1923, 1 января.

[3] *Пруссаков В.* Указ. соч. С. 221.

Обратим внимание на сравнение России с собакой. По Каббале, собака — это синоним всего нечистого, отвергнутого. В истории с цареубийством мы не раз будем встречаться с присутствием образа собаки.

Ненависть к России естественно сочеталась у Шиффа и его сподвижников с ненавистью к Русскому Царю и конкретно к Императору Николаю II. Он были особенно ненавистен кабалистам, так как не шел ни на какие компромиссы со своей совестью во имя сиюминутных выгод, предлагаемых ему, в том числе и американскими евреями. В отличие от всех правительств мира, русский Царь превыше всего ставил верность Христу и не соглашался на те шаги, которые, по его мнению, сделали бы из него богоотступника. Россия Николая II, таким образом, представляла собой для мировой закулисы единственную силу, способную реально противодействовать и более того — не допустить планов ее мирового господства.

Император Николай Александрович очень хорошо понимал эти устремления столпов мирового еврейства. Он понимал, что за пресловутыми криками о даровании «равноправия» русским евреям стоит не забота о них, а стремление подорвать Россию изнутри и устроить в ней революцию. Государь заботился обо всех свои подданных, в том числе и о евреях. Ему приходилось отстаивать самобытность евреев от главарей американского кабализма.

Именно поэтому Государь отказывался удовлетворять американо-еврейские требования. В 1903 году президент США Т. Рузвельт подготовил совместно с главой международного еврейского ордена «Бнай Брит» Л. Леви письмо протеста русскому Царю по поводу Кишиневского погрома. Это письмо было передано через секретаря США Дж. Хэя вместе с петицией, подписанной 30 тысячами членов «Бнай Брита». Император Николай II отказался принять эту делегацию.

При этом Государь совершенно терпимо относился к простым евреям, подчеркивая при встрече с ними, впрочем, как и с любыми подданными-иноверцами, уважение к их традициям. Убийца Царя Я. Юровский вспоминал, что в детстве он наблюдал проезд тогда еще Наследника Цесаревича Николая Александровича при возвращении его из кругосветного путешествия, через город Томск в 1891 году: «*Наследника в Томск, то есть последний перегон, вез один содержатель постоялого двора — еврей, который на тройке вороных и примчал Наследника в город. Вызвало тогда немало разговоров, что Наследник решился ехать на еврейских лошадях и еврей сам же управлял этой тройкой. Тогда же рассказывали, что Наследник попробовал приготовленный еврейский пряник и другие кушанья*».[1]

В начале XX века батумские евреи не имели своей синагоги. Все обращения к губернатору Кутаиси были тщетными: губернатор неизменно от-

[1] Источник. 1993. № 10. 1993. С. 108.

казывал им в разрешении строить синагогу. Тогда батумские евреи напрямую обратились к Императору Николаю II и получили от него Высочайшее разрешение на это строительство.[1]

Николай II никогда не оставался глух к справедливым просьбам евреев. Того же мнения придерживалась и Императрица Александра Федоровна. 6/18 апреля 1916 года она посылает Николаю II в Ставку письмо следующего содержания: «*Посылаю тебе прошение одного из раненых. (...) Он — еврей, жил 10 лет в Америке. Он был ранен и потерял левую руку в Карпатах. Рана хорошо зажила, но он страшно страдает нравственно, так как в августе должен выписаться и потеряет тогда право на жительство в обеих столицах или каком-либо другом большом городе. Он живет в городе только благодаря особому разрешению, данному ему на один год бывшим министром внутренних дел. А он мог бы выйти на работу в большом городе. 10 лет тому назад он уехал в Соединенные Штаты, чтоб иметь возможность стать полезным членом общества, насколько позволят его способности, что очень трудно здесь для еврея, которому всюду мешают ограничительные законы. Будучи в Америке, он не забыл России и очень страдал от тоски по родине, и как только началась война, он примчался сюда, чтобы поступить в солдаты и защищать свою родину. Теперь, потеряв руку на службе в нашей армии и получив георгиевскую медаль, он желал бы остаться здесь и иметь право жить, где хочет, в России — право, которого не имеют евреи*».[2]

Резолюция Императора на этом прошение раненного еврея была следующая: «*Разрешить повсеместное проживание*».

В разрешении еврейского вопроса Царь, как и во всем, оставался верен голосу своей совести, а не политической выгоде. Незадолго до революции Государь сказал генералу В.П. Никольскому: «*Я знаю, что положение очень тревожное. Мне советовали распустить Государственную Думу и издать два указа: о принудительном отчуждении земель крупных и средних собственников и второй о равноправии евреев. Но я на это пойти не могу: насильственное уничтожение средней и крупной собственности я считаю несправедливым, а саму меру государству невыгодной. Против почти полного равноправия евреям я лично ничего не имею против, но вопрос этот народной совести. Я никогда не решу земельного и еврейского вопросов единолично, хотя это было бы полезно для меня. Дела эти должны быть разрешены при участии представителей от народа.*

---

[1] http://www.jdc.jrg.il/fsu.

[2] *Платонов О.А.* Николай II в секретной переписке. С.423–424, 426.

(...) Мы все должны думать не обо мне лично, а о России. Только бы Господь ее сохранил!»[1]

Примечательно, что Император Николай II тесно увязывал земельный и еврейский вопросы. При этом он действовал как в интересах русского, так и, как это показало будущее, еврейского народов. Сохраняя ограничения на местожительство евреев, Николай II, как ни парадоксально это может звучать, способствовал сохранению еврейского самобытного этноса, что не могло не вызывать сильнейшего раздражения авторов мировой революции.

Понятно, что в планах мировой закулисы убийство Царя стояло на первом месте. Но для кабалистов уже не были достаточны смерть Николая II в результате террористического акта или даже простое убийство его после свержения. Это должна была быть смерть особая, которая завершила бы собой процесс уничтожения христианской России и открыла наступление эры «нового мирового порядка».

Таким образом, можно констатировать, что в начале XX века религиозно-сектантская кабалистическая организация, имеющая давние и глубокие оккультные знания и традиции, представленная такими обществами, как «Бнай Брит», «Совет трехсот» и другими, используя свои огромные финансовые возможности, добилась решающего влияния на правительства целого ряда европейских стран, а в США фактически стала силой, во многом определяющей их внешнюю политику. Целью этой силы было изменение всего мирового порядка, уничтожение христианской цивилизации и захват в свои руки всех природных и материальных богатств мира.

Можно считать доказанным, что эта сила во многом руководила и русскими революционерами, в особенности большевистским правительством в первые годы его существования.

Если учесть, что вожди этой силы придавали особое значение Каббале и всякого рода кабалистическим ритуалам, то решающее участие ее в организации убийства русского Царя и его Семьи не вызывает никакого удивления.

Косвенным доказательством участия этой силы в организации Екатеринбургского злодеяния служит связь вождей большевизма: Ленина, Свердлова, Троцкого с ее представителями: Шиффом, Варбургами, Ротшильдами и другими.

Другим косвенным доказательством участия Шиффа в решении участи Царской Семьи является «попытка» ее спасения, предпринятая еще летом 1917 года со стороны тайной американской миссии, субсидированной банковским до-

[1] Памяти Царственных Мучеников. Сборник статей, посвященных памяти Императора Николая II и Его Семьи. София: Общество почитателей памяти Государя Императора Николая II и Его Семьи, 1930. С. 86.

мом Шиффа.[1] Все это очень напоминает «расследование» убийства Царской Семьи, организованное Свердловым!

Но кроме этого существуют и другие весьма важные доказательства. Первым и самым главным из них является информация, содержащаяся в статье «Кто убил Царскую Семью?», напечатанной в газете «Царский Вестник», издававшейся в Белграде. Эта статья неоднократно упоминалась в различных трудах, но текста при этом не приводилось. Мы приведем здесь основную часть этого текста, непосредственно касающуюся рассматриваемого нами вопроса: «*Когда большевики и местный Совдеп при приближении белых вынуждены были спешно покинуть Екатеринбург, то впопыхах они оставили на телеграфе телеграфные ленты зашифрованных переговоров по прямому проводу между евреем Свердловым (Москва) и Янкелем Юровским (Екатеринбург).*

Ленты эти вместе с другими следственными материалами попали в руки следователя по особо важным делам Н.А. Соколова, проводившего следствие об убийстве Царской Семьи по приказанию адмирала Колчака.

Расшифровать эти ленты Н.А. Соколову удалось лишь в 1922 году в Париже при помощи специалиста по разборке шифров.

Среди этих телеграфных лент оказались ленты исключительной важности, касающиеся именно убийства Царской Семьи. Содержание их было следующее.

Свердлов вызывает к аппарату Юровского, сообщает ему, что на его донесении в Америку об опасности захвата Царской Семьи белогвардейцами или немцами последовал приказ, подписанный Шиффом, о “необходимости ликвидировать всю Семью”. Приказ этот был передан в Москву через Американскую миссию, находившуюся тогда в Вологде, равно как через нее передавались в Америку и донесения Свердлова. Свердлов подчеркивал в своем разговоре по прямому проводу, что никому другому, кроме Свердлова, обо всем этом неизвестно и что он в таком же порядке передает приказание “свыше” ему, Юровскому, для исполнения.

Юровский, по-видимому, не решался сразу привести в исполнение этот приказ. На следующий день он вызывает к аппарату Свердлова и высказывает мнение о необходимости убийства лишь Главы Семьи, последнюю же он предлагал эвакуировать.

Свердлов снова категорически подтверждает приказание убить всю Семью, выполнение этого приказа ставит под личную ответственность Юровского.

Последний на следующий день выполняет приказ, донеся Свердлову по прямому проводу об убийстве всей Семьи. После этого Свердлов сообщил об этом ЦИКу, поставив последний перед свершившимся фактом.

---

[1] Русская Жизнь. Сан-Франциско. 1970, 15 декабря.

Все эти данные, не вошедшие в книгу Соколова об убийстве Царской Семьи, были лично сообщены Соколовым в октябре 1924 года, то есть за месяц до внезапной своей смерти, его другу, знавшему его еще как гимназиста Пензенской гимназии. Этот личный друг Соколова видел и оригинальные ленты, и их расшифрованный текст. Соколов, как можно видеть из его писем своему другу, считал себя "обреченным" человеком, поэтому он и просил своего друга прибыть к нему во Францию, чтобы передать ему лично факты и документы чрезвычайной важности. Доверять почте этот материал Соколов не решался, так как письма его по большей части по назначению не доходили.

Кроме того Соколов просил своего друга ехать с ним в Америку к Форду, куда последний звал его как главного свидетеля по делу, возбужденному им против банковского дома "Кун, Лейб и К°". (...) Как известно, Соколовым были опубликованы частично следственные материалы об убийстве Царской Семьи. Русское и французское издания не вполне идентичны.

Полное опубликование следственных материалов оказалось для Соколова невозможным, так как издательства не соглашались на их опубликование, очевидно, опасаясь неприятностей со стороны еврейского союза».[1]

Исследователь О.А. Платонов установил личности и автора статьи, и упоминаемого в ней друга Соколова. Автором оказался доктор К.Н. Финс, а другом — А. Шиншин.[2]

Таким образом, изложенное в статье приобретает черты подлинных событий. Кроме того в книге израильского историка М. Хейфеца приводится рассказ А. Акимова, которого автор именует охранником Ленина. «*Я.М. Свердлов,* — рассказывал Акимов, — *послал меня отнести телеграмму на телеграф, который помещался тогда на Мясницкой улице. И сказал: "Поосторожнее отправляй". Это означало, что обратно надо было принести не только копию телеграммы, но и саму ленту. Ленту мне телеграфист не отдавал, тогда я вынул револьвер и стал угрожать телеграфисту. Получив от него ленту, я ушел. Пока шел до Кремля, Ленин уже узнал о моем поступке. Когда пришел, секретарь Ленина мне говорит: "Тебя вызывает Ильич, иди, он тебе сейчас намоет холку»*.[3]

В этом отрывке много неясного. Во-первых, если охранник был ленинский, то почему указания ему давал Свердлов? Во-вторых, почему телеграфист не хотел отдавать телеграфные ленты и Акимову пришлось трясти наганом? В-третьих, если Ленин, как считает Хейфец, был в курсе отправки телеграммы, то почему он «намылил холку» Акимову, который в

---

[1] Царский Вестник. № 672. 1939, 27 февраля. С. 2.

[2] *Платонов О.А.* История цареубийства. С. 293.

[3] *Хейфец М.* Цареубийство в 1918 году. Версия преступления фальсифицированного следствия. М., 1992. С. 212.

точности выполнил указания Свердлова? Хейфец считает, что, так как телеграмма содержала приказ об уничтожении Романовых и была написана на «условном языке», то Ленин не хотел, чтобы о ней знали служащие. Но это же полный абсурд! Если Ленин и Свердлов действовали заодно, то как же Ленин не смог проконтролировать действия Свердлова и не убедиться, что тот сам сходил на телеграф? А сам Свердлов, он что, не был сведущ в конспирации, чтобы не знать таких элементарных вещей? Нет, нам представляется, что Свердлов действительно передавал телеграмму об уничтожении Царской Семьи на условном языке, скорее всего ту самую телеграмму с приказом Шиффа, но передавал он ее через своего агента, возможно, им завербованного в окружении Ленина, передавал втайне от Ленина и этим объясняется и незаконная угроза оружием со стороны Акимова, и ленинский гнев, когда он узнал, что какую-то телеграмму послали в Екатеринбург без его уведомления.

Так же полностью соответствуют действительности, и мы об этом обязательно еще скажем, сведения о различиях в русском и французском изданиях книги Н.А. Соколова именно в вопросе ритуального характера убийства Царской Семьи. Известно также, что на французское издательство «Plon», первым издавшее книгу Соколова, оказывалось мощное давление с целью не допустить этого издания. Причем людьми, непосредственно приходившими к издателю и угрожавшими ему неприятностями, были Милюков и князь Львов. Также верно, что Соколов собирался в США на процесс Форд против Шиффа, где он должен был стать главным свидетелем против последнего.

Абсолютно истинными являются сведения о нахождении в Вологде американской миссии, в которую входили бывший посол США в России Френсис, глава американской миссии Красного Креста Робинсон и другие.

Наконец, есть несколько интересных телеграмм агента французской военной миссии с сообщением об убийстве Царской Семьи. Анализ этих никогда ранее не публиковавшихся телеграмм будет дан в части, касающейся непосредственно самого злодеяния. В конце одной из них имеется такая приписка: «*Телеграмма послана в Париж и сообщена в Вашингтон для информации*».[1]

Любопытный вопрос: для чего французский военный агент посылает копию телеграммы не в Лондон, не в Рим, не хотя бы представителям всех союзных держав, а именно в Вашингтон?

В статье есть несколько неточностей и недоговоренностей, которые, впрочем, совершенно непринципиальны и не противоречат изложенным фактам. Надо помнить, что статью автор писал со слов человека, который, в свою очередь, получил эту бесценную информацию из уст непосредственного участни-

---

[1] Les Archives de l'Armée de Terre, 17. № 604–606.

ка и руководителя расследования Соколова. К этим неточностям относятся слова о том, что Свердлов сообщил на заседании ВЦИК известие о гибели всей Семьи, тогда как на самом деле было сообщено только об убийстве одного Государя. Кроме того непонятно, каким образом Соколов получил эти шифровки? Вряд ли большевики просто оставили бы их на телеграфе. Вполне возможно, их обнаружение стало результатом операции сотрудников русских спецслужб. Скептики, конечно, могут возразить, что отсутствие подлинников этих шифровок свидетельствует о том, что их никогда не существовало. Но это совершенно несерьезный аргумент. Во-первых, из находок Соколова пропало множество вещественных доказательств, как-то: найденный на руднике человеческий палец, пенсне, образцы костей «крупного млекопитающего» и так далее. Однако никто не сомневается в их действительном существовании. Во-вторых, все свидетельства об убийстве Царской Семьи и уничтожении трупов нам известны по показаниям или воспоминаниям убийц, однако никто, за исключением совершенно несведущих либо недобросовестных людей, не ставит под сомнение факт самого убийства.

Другими словами, мы **можем с полным основанием считать, что американский финансовый магнат миллиардер Яков Шифф, действуя по заданию тайного кабалистического общества, членом которого он был, дал указание своим ставленникам в большевистском правительстве России, а именно Янкелю Мовшевичу Свердлову, совершить убийство всей Царской Семьи в ночь с 16 на 17 июля 1918 года.**

Мы убеждены, что в этом выводе нет ничего «антисемитского» или направленного против еврейского народа, так как не евреи как народ совершали Екатеринбургское злодеяние, а кабалистическая секта, во главе которой стояли люди еврейской национальности. Эта принципиальная разница должна быть, наконец, осознана как русскими православными людьми, так и евреями. Да, кабалистское учение имеет давние еврейские корни, да, главарями всемирной кабалистической секты были евреи, да, в ее рядах были тысячи еврейских боевиков, но все это не отменяет того факта, что характер и этой секты, и совершенного ею убийства был кабалистический, а не еврейский национальный.

Так, безумием было бы считать, что причиной появления христианства стали евреи. Однако при этом христианство при своем зарождении вобрало в себя и иудейскую культуру, и Моисеево учение, а среди первых христиан были почти одни иудеи. Но Господь пришел спасти весь мир, все человечество, а не одних только евреев.

Точно так же и все сатанинские и оккультные организации, ордена и секты имеют основанием еврейскую Каббалу. Но только безумец будет считать, что сатана порожден евреями. Дьявол, в противоположность Богу, хочет погибели всех людей без исключения, не деля их на классы и национальности.

Это полностью подтверждается и кабалистическим характером революции в России.

В первую очередь об этом свидетельствует символика мировой закулисы, пришедшей к власти в России и совершившей убийство Царской Семьи. В ней нет ничего еврейского, зато все кабалистическое. Как известно, символом еврейского народа, символом иудаизма является вовсе не шестиконечная звезда, как думают многие, а семисвечник, то есть менора. Об этом прямо пишет раввин Адин Эвен Исраэль (Штейзальц): «*Подлинно еврейским символом во все века была Менора — храмовый светильник; кроме того, она является и своего рода опознавательным знаком. Если на древнем захоронении обнаруживалось изображение Меноры, это однозначно свидетельствовало о том, что захоронение — еврейское. Шестиконечная звезда (гексаграмма), в отличие от Меноры, стала еврейским символом сравнительно недавно, и широкое ее распространение объясняется стремлением евреев найти простой символ для иудаизма, подобный принятым у других религий. Таким образом, использование гексаграммы в качестве еврейского символа было обусловлено отнюдь не ее внутренним содержанием, но сугубо внешними причинами. (...) Шестиконечная звезда так или иначе была включена в символику Каббалы: два наложенные друг на друга треугольника рассматриваются в качестве наглядного кабалистического символа — сфирот*».[1]

Тем более кабалистическим символом является пентаграмма (пятиконечная звезда), которая, в сущности, является символом сатаны, и изображалась на идоле-чудовище тамплиеров Бафомете. Именно пентаграмма стала главным символом победившей в России революции. Характерно, что первый проект мавзолея Ленина представлял из себя огромное здание, по внешнему виду очень похожее на русский православный храм, купола которого вместо крестов были украшены перевернутыми пентаграммами — особо откровенным сатанинским знаком.[2]

Исследователь Е.И. Конюшенко пишет: *«Как это ни странно покажется, но меньше всего пентаграмма Троцкого связана с ортодоксальным иудейством, несмотря на еврейское происхождение наркомвоенмора. /../ Как революционер Троцкий не еврей, а член особой всемирной организации, цель деятельности которой заключалась в разрушении всех традиционных (классовых, эксплуататорских — в марксистской терминологии) обществ и установлении нового революционного мирового порядка. Точно так же по этой причине нельзя считать русским Ленина, а Дзержинского — поляком.*

При таких глобальных устремлениях Закон Моисея коммунисту Троцкому (как и всякому другому коммунисту) мог только мешать в его рево-

---

[1] http://jewish.ru.

[2] *Збарский И.* Объект № 1. М.: Вагриус, 2000. илл. вкл.

люционной практике. Некоторые евреи-сионисты (т. е. националисты, мечтавшие в начале 20 века о возрождении еврейского государства на земле Палестины) решительно предостерегали евреев от участия в русской революции. Однако мудрый совет не пошел впрок, и множество евреев-большевиков сгорели в огне ими же разожженного революционного костра. Если бы российские евреи были более увлечены не революционно-утопической (негативной), а национальной, сионистской (позитивной) идеей, судьба России, мира и самого еврейства в 20 веке сложились бы гораздо более благополучно».[1]

При этом надо помнить, что отношение еврейских большевистских вождей к религиозному еврейству было подчас откровенно враждебным. В 20-30 годы всякая культурная деятельность евреев на иврите (это национальный и культовый язык евреев, на котором написан Ветхий Завет) преследовалась новой властью. Иврит был объявлен «буржуазным» языком, закрывались синагоги[2].

Евреи-традиционалисты в обращении Национального Совета евреев Сибири и Урала к адмиралу Колчаку заявляли следующее: «*Евреи, принимающие участие в большевистском движении и в разорении Государства, — это отбросы еврейского народа, и еврейский народ в целом отбрасывает с негодованием всякую ответственность, которую враги его пытаются возложить на него*».[3]

Примечательно, что отношение к убийству Императора Николая II внушительной части евреев, даже либерально и антимонархически настроенных, но не связанных с кабалистской сектой, также было негативным. Так, С. Поляков во французском издании газеты «La tribune Juive » от 6 февраля 1920 года писал: «*Царь Николай не был другом евреев, и евреи не были друзьями Царя Николая. При Царе Николае евреи были преследуемы, и они приветствовали его свержение. Но мы можем сказать, что убийство Царя, превратившегося из всемогущего самодержца, кем он являлся, в несчастного пленника толпы, есть дикое, постыдное и зверское преступление. Оно вызвало среди евреев, не подверженных большевицкой заразе, те же самые чувства, что и в среде антибольшевистски настроенных русских людей*».[4]

Как известно, основным вариантом расшифрованной кабалистической надписи на стене комнаты в Ипатьевском доме, где была убита Царская Семья, является надпись: «*Здесь по приказу тайных сил Царь принесен в жертву для разрушения государства. Об этом извещаются все народы*».

---

[1] *Конюшенко Е.И.* Большевизм и Россия. //http://infolio.asf.ru

[2] *Членов М.А.* Евреи. Народы России. М., 1994. С. 156.

[3] История «белой» Сибири. Кемерово, 1995. С. 57.

[4] La Tribune Juive, 6 février. 1920. P. 2.

Заметим, что в надписи не сказано, что убийство совершается по приказу еврейских сил, но именно тайных, сатанинских. Точно так же, как сама надпись не была сделана на иврите, но при помощи кабалистической символики.

Евреи как народ несут такую же ответственность за убийство Царской Семьи Свердловым, Шиффом, Голощекиным и Юровским, как и русские, предавшие своего природного Царя в руки этих убийц. В случае с Императором Николаем II повторялась евангельская ситуация, когда Сын Божий был отдан на расправу римлянам иудейскими первосвященниками при одобрительных криках народа, обращенных к прокуратору Понтию Пилату: «*Распни Его! Кровь Его на нас и на детях наших!*» Безусловно, две тысячи лет назад, как и в 1918 году, к расправе призывал не весь иудейский народ, а самые «активные» поборники веры. Вина же иудейского народа заключалась в равнодушном молчании его большинства, и за это равнодушное молчание еврейский народ все 2000 лет после Христа претерпевает тяжкие страдания. Через почти две тысячи лет вина за подобное равнодушие большинства ляжет на русский народ, и одному Господу известно, сколь долго еще продлятся его страдания.

Конечно, все вышеуказанное не снимает большую долю ответственности за Екатеринбургское злодеяние с еврейского сообщества в целом. Надо сказать, что добросовестные и объективные еврейские исследователи этого не отрицают. Так, А.С. Кац в своей книге «Евреи. Христианство. Россия» пишет: «*Евреи-большевики, Свердлов, Голощекин, Юровский были первыми скрипками в ансамбле убийц последнего русского Царя. Найдутся евреи, которые скажут: "Мы столько страдали, нас громили, убивали и притесняли две тысячи лет, и мы же должны каяться?!" Что тут можно возразить? Только лишь то, что страдания не дают права на вечную правоту. Испытания на правоту не выдержал ни один народ, ни одно государство, ни одна философия. В кровавом XX веке оказалось, что быть народом Книги легче, чем быть народом Совести. Иначе бы евреи выдвинули не Троцкого, Зиновьева и Ягоду, а пророков, подобных Иеремии, Исайе и Даниилу, которые вразумили бы евреев, а заодно и неевреев, не буйствовать, не убивать, не красть и т. д.*»[1]

В силу духовных и исторических причин евреи-кабалисты сыграли главную роль в убийстве Помазанника Божия и Его Семьи. Но они представляли не еврейский народ, а силы вселенского Зла, а Зло, как и Добро, интернационально. В Екатеринбургском злодеянии еврейским кабалистам помогали прямо и косвенно французские и английские масоны, германские политики, американские финансисты, русские рас-

[1] *Кац А.С.* Евреи, Христианство, Россия. М., 1997.

кольники, русские революционеры. Все они были связаны друг с другом служением Злу. В 1793 году этими же силами Зла был убит французский король-христианин Людовик XVI. Среди его убийц евреев практически не было, но тайное общество якобинцев опиралось на сатанинскую идеологию альбигойцев и тамплиеров. Можно не сомневаться, что если бы Царская Семья попала в руки какой-нибудь сатанинской русской секты типа хлыстов, скопцов, или молокан, она была бы убита точно таким же способом, ибо у сатаны имя — Легион.

Сталин

Мы рассмотрели три наиболее часто упоминаемые в деле о цареубийстве исторические фигуры. Так как роль этих людей, Ленина, Свердлова и Шиффа, в Екатеринбургском злодеянии представляется нам наиболее интересной, мы не стали касаться роли в нем других лиц революционной власти и их заграничных покровителей. Почему же мы, не касаясь личностей ни Дзержинского, ни Троцкого, ни Зиновьева, которые были близки к лагерю Свердлова, вдруг уделяем внимание человеку, чье имя никак не связано с цареубийством?

Ответ на этот вопрос кроется в значении личности И.В. Сталина для русской истории. Для подавляющего большинства русского народа, независимо от его отношения к сталинской деятельности в целом и неприятия многими всех тех ужасов, которые творились при Сталине и именем Сталина, Сталин является человеком, приведшим Россию к победе над опаснейшим врагом, над силой, носившей откровенно антихристианский, антирусский характер и не скрывавшей этого. Мы имеем в виду здесь не только гитлеровский нацизм, но и троцкистский военный коммунизм. Сталин навсегда останется в русской истории как человек, вновь собравший огромную страну, фактически восстановивший патриаршество и поднявший тост за здоровье русского народа. Сталин не только субъективно, но и еще больше объективно стал своеобразной защитной реакцией русского народа на сатанинскую революцию. Вместо отвратительного, бесовского образа деятелей «железной ленинской гвардии» русский народ создал образ Верховного Вождя в белом кителе и золотых погонах, спокойного и мудрого, то есть образ, напоминавший ему образ Божьего Помазанника. При этом совершенно нелепо представлять, как это делает, к примеру, М. Назаров, при всем к нему уважении, будто Сталин лишь играл в народного вождя, оставаясь при этом большевиком. Подобная мысль сама по себе не может быть признанной вполне православной. Если Сталин был христоненавистником, то и народ был ему подстать. Но Бог не мог дать такую Победу над таким врагом христоненавистникам.

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий I (Симанский) в своей речи, посвященной памяти Сталина, сказал: «*Великого Вождя нашего*

народа, Иосифа Виссарионовича Сталина, не стало. Упразднилась сила великая, нравственная, общественная: сила, в которой народ наш ощущал собственную силу, которою он руководился в своих созидательных трудах и предприятиях, которою он утешался в течение многих лет. (...) Мы же, собравшиеся для молитвы о нем, не можем пройти молчанием его всегда благожелательного, участливого отношения к нашим церковным нуждам. Ни один вопрос, с которым бы мы к нему ни обращались, не был им отвергнут; он удовлетворял все наши просьбы. И много доброго и полезного, благодаря его высокому авторитету, сделано для нашей Церкви нашим Правительством. Память о нем для нас незабвенна, и наша Русская Православная Церковь, оплакивая его уход от нас, провожает его в последний путь, "в путь всея земли", горячей молитвой. (...) Молитва, преисполненная любви христианской, доходит до Бога. (...) Нашему возлюбленному и незабвенному Иосифу Виссарионовичу мы молитвенно, с глубокой, горячей любовью возглашаем Вечную Память».[1]

Исходя из всего вышеизложенного, для нас принципиально важно знать, принимал ли Сталин участие в организации убийства Царской Семьи? Потому что, если он принимал такое участие, значит он был связан со злейшими врагами Христа и России, а потому не мог быть ни «Богоданным вождем», «ни нравственной силой», что, в свою очередь, означало бы, что Церковь наша устами своего Патриарха взяла на себя тяжкий грех и обманула народ. Вот почему мы обязаны рассмотреть вопрос: участвовал ли Сталин в Екатеринбургском злодеянии?

Казалось бы, этот вопрос ясен с самого начала: Сталин не мог участвовать в подготовке убийства, так как, во-первых, он не относился к сторонникам Свердлова и даже, как мы упоминали, был с ним в натянутых отношениях, а во-вторых, начиная с 4 июня 1918 года Сталин не находился в Москве. 4 июня по приказу Ленина он в качестве руководителя продовольственного дела на юге России выезжает в Царицын для налаживания поставок хлеба в Москву и Петроград. 6 июня Сталин приезжает в Царицын и телеграфирует Ленину о мерах по налаживанию транспорта. В период с 6 июня по 12 сентября Сталин безвылазно находится в Царицыне, обороняя город от частей генерала Краснова и руководя поставками продовольствия в столицы. 10 июля 1918 года он пишет Ленину прямо-таки гневное письмо с резкими словами о поведении Троцкого: «*Если Троцкий*, — пишет он, — *будет не задумываясь раздавать направо и налево мандаты (...) членам французской миссии (заслуживающим ареста), то можно с уверенность сказать, что через месяц у нас все развалится на северном Кавказе, и этот край окончательно потеряем. С Троцким происходит то же самое, что с Антоновым в одно время. Вдолбите ему в голову, что без ведома местных людей назначений делать не следует, что иначе*

---

[1] Журнал Московской Патриархии. № 4. 1953. С. 3.

получается скандал для Советской власти. (...) Для пользы дела мне необходимы военные полномочия. Я уже писал об этом, но ответа не получил. Очень хорошо. В таком случае я буду сам, без формальностей свергать тех командармов и комиссаров, которые губят дело. Так мне подсказывают интересы дела и, конечно, отсутствие бумажки со стороны Троцкого меня не остановит».[1]

17 июля 1918 года, в день убийства Царской Семьи, Сталин телеграфирует Ленину о результатах своей поездки по Царицынскому фронту.[2]

В тот же день 17-го июля Сталин пишет письмо Г.К. Орджоникидзе о прорыве железнодорожного сообщения, просит обеспечить Царицын радиостанцией большой мощности и так далее. Интересно, что Сталин сообщает о мятеже левых эсеров и предательстве Муравьева, то есть о событиях, происшедших до убийства Царской Семьи. Видимо, до Сталина известия об этих событиях в полной мере дошли только к 17 июля. Причем из текста письма видно, что информация о московских событиях стала известна Сталину в искаженном виде с чужих слов. Так, он пишет: «*Эсеры, желая втянуть Россию в войну, убили Мирбаха. Убийцы расстреляны. /.../ Муравьев, желая поддержать авантюру левых эсеров, сделал попытку открыть фронт чехословакам и двинуть войска на Москву и Питер. Попытка не удалась, Муравьев застрелился*».[3]

Как известно, убийца Мирбаха Блюмкин расстрелян не был, а Муравьев не застрелился, а был расстрелян. Вспомним, что Сталин был не рядовым советским служащим, а наркомом. Тем не менее он был недостаточно осведомлен о текущих событиях. Не представляет сомнений, что если бы Сталин знал о свершившемся убийстве Императора Николая II, он не преминул бы сообщить об этом Орджоникидзе. Но он этого не сделал.

Как видим, Сталин был обеспокоен совсем иными проблемами, чем организация убийства Царской Семьи. Примечательно, что он полон негодования по отношению к Троцкому, одному из ставленников кабалистической закулисы. Кстати, любопытный вопрос, какой французской миссии Троцкий выдавал мандаты и зачем? Ведь Франция в то время официально была противником большевиков.

Несмотря на, казалось бы, очевидность неучастия Сталина в убийстве Царской Семьи, И.Ф. Плотников пытается утверждать обратное. Какие же доказательства приводит он для подтверждения сталинского соучастия? «*О причастности к делу Сталина,* — пишет он, — *свидетельствует телеграмма Б.В. Дидковского в органы власти в Пермь от 3 апреля*

---

[1] *Сталин И.В.* Соч. Т.4. М., 1947. С. 120–121.

[2] Там же. С. 450.

[3] *Сталин И.В.* Соч. Т. 17. Тверь: Научно-издательская компания «Северная корона», 2004. С. 65–66.

1918 г., в которой говорится о его с Лениным распоряжении относительно охраны великих князей, упоминание об участии его (Сталина) в деле при формировании и посылке в Тобольск отряда Я.М. Свикке (Родионова), наконец, сообщение об этом Беседовского со ссылкой на беседу с П.Л. Войковым».[1]

Из этого текста И.Ф. Плотникова совершенно непонятно, о чем идет речь, и как все вышеприведенное доказывает участие Сталина в цареубийстве. Поэтому мы попробуем в двух словах проанализировать источники, на которых опирается И.Ф. Плотников в этом отрывке.

Итак, что это за телеграмма Дидковского Ленину по поводу «охраны великих князей» и какое отношение к ней имеет Сталин? Речь идет о телеграмме заместителя председателя Уральского облсовета Дидковского, посланной из Екатеринбурга в Пермь 3 апреля 1918 года: «*Пермь. Губсовдеп. Копия председателю Совдепа. Копия Губчека Лукоянову.*

Прошу оказать содействие скорейшей отправке сегодня баронов под охраной в Вятку. Еще раз распоряжение Ленина, Сталина. Отвечайте телеграфом. Также прошу прийти сегодня в среду к одиннадцати вечера местного времени. Заместитель председателя Уральского облсовета Дидковский».[2]

Под «баронами», по утверждению Ю. Буранова и В. Хрусталева, имелись в виду Великий Князь Сергей Михайлович, князь Иоанн, Константин и Игорь Константиновичи и князь В.П. Палей, сын Великого Князя Павла Александровича, которые были высланы из Петрограда сначала в Вятку, а затем в Алапаевск, где они и были впоследствии убиты.

Какое отношение имеет приведенная выше телеграмма к убийству Царской Семьи и роли в нем Сталина, когда речь идет о высылке Великих Князей из Петрограда в Вятку? Ответ очевиден — никакого. Да, очевидно, что все представители Дома Романовых были убиты одной и той же рукой и по одному сценарию. Но это вовсе не означает, что все большевистское руководство было причастно к этому плану. Кстати, возникает законный вопрос: почему вдруг в деле, связанном с членами Императорской фамилии, появляется имя Сталина, который больше никаким образом в нем не участвует? Короче говоря, историю возникновения этой телеграммы и ее причины следует тщательно изучать. Но, опять-таки, к убийству Царской Семьи в Екатеринбурге в ночь с 16 на 17 июля 1918 года она не имеет никакого отношения. И.Ф. Плотников приводит ее только потому, что убежден в совершенно ложной, по нашему мне-

---

[1] *Плотников И.Ф.* Указ. соч. С. 265.

[2] *Буранов Ю., Хрусталев В.* Гибель императорского дома. 1917–1919 гг. М.: Прогресс, 1992. С. 280.

нию, версии, что уничтожение Царского Рода осуществлялось всем советским руководством.

Вторым «доказательством» участия Сталина в организации Екатеринбургского злодеяния И.Ф. Плотников считает его роль при формировании и посылке в Тобольск отряда Я.М. Свикке. Этот факт И.Ф. Плотников заимствовал из книги израильского историка М. Хейфеца «*Цареубийство в 1918 году*».[1]

Вообще И.Ф. Плотников на протяжении всего своего труда постоянно, иногда справедливо, а иногда и нет, критикует Хейфеца, утверждая, что тот пользуется «непроверенными слухами и домыслами». Но вот почему-то приводимому Хейфецом факту, что Сталин участвовал в организации отряда Свикке в Тобольск, И.Ф. Плотников верит безусловно. Между тем нет никаких документов, свидетельствующих о том, что Сталин каким-то образом связывался со Свикке либо принимал у него какие-либо отчеты и так далее, как впрочем, у нас нет никаких доказательств, кроме сомнительного высказывания Хейфеца, что Сталин принимал какое-либо участие в организации отряда Свикке (Родионова).

Остается третье доказательство И.Ф. Плотникова — свидетельства Беседовского.

Вначале два слова о том, кто такой Беседовский. Григорий Зиновьевич Беседовский родился в 1896 году в Полтаве в еврейской семье. Учился во Франции в электротехническом и аграрном институтах. С 1912 до 1917 был связан с анархистами, неоднократно арестовывался. С 1917 примкнул к партии левых эсеров. После мятежа левых эсеров в Москве в РСФСР их партия была запрещена, но на Украине она продолжала действовать вплоть до августа 1920, когда она объединилась с большевиками. Вплоть до этого объединения Беседовский был секретарем Полтавского губернского ЦК левых эсеров, председателем губернских лесного комитета и железнодорожного комитета. В августе 1920 года он был назначен председателем Полтавского губернского совета народного хозяйства, с 1921 был членом ЦИК Украины.

В 1921 был переведен в наркоминдел Украины и назначен консулом, затем поверенным в делах в Австрии. С 1922 — секретарь украинской миссии в Польше, с 1923 по октябрь 1925 — советник посольства СССР в Польше, где полпредом был один из цареубийц П.Л. Войков. В 1926 г. назначался неофициальным (из-за отсутствия дипломатических отношений) советским дипломатическим представителем в США, но в визе ему было отказано. В 1926–1927 был советником советского посольства в Японии. С 1927 — советник советского посольства во Франции. Отрицательно относясь к свертыванию НЭПа, попытался организовать без согласования с ЦК

[1] *Хейфец М.* Указ. соч.

и правительством экономические переговоры с Англией (о возможности финансирования английским капиталом индустриализацию СССР), из-за чего был отозван в СССР. Опасаясь репрессий, 3 октября 1929 г. бежал из посольства (перелез через стену) и попросил политического убежища во Франции.

В эмиграции издавал газету «Борьба», пытался организовать «партию невозвращенцев». Автор мемуаров «*На пути к термидору*» (1931) и книги «*Сталин — человек из стали*» (1932) на французском языке, которая, по-существу, является пересказом мемуаров. Подозревался в связях с ОГПУ, с нацистской разведкой. В годы Второй мировой войны был арестован гестапо в связи с участием в Сопротивлении, позднее подозревался в связях с советской разведкой. Отличался крайним авантюризмом и мошенничеством. Под различными псевдонимами издал серию «мемуаров», будто бы принадлежавших различным советским деятелям, в том числе «Дневники Литвинова». В последние годы жил на Ривьере. Умер в 1948 или 1951 году.

Для того, чтобы понять всю «серьезность» доказательств Беседовского приведем отрывок из его книги «*Сталин — человек из стали*», касающейся цареубийства: «*После 5-го Всероссийского Съезда Советов (4-го июля), после гибели германского посла графа Мирбаха, убитого 6 июля по приказу партии социалистов-революционеров в качестве протеста против Брест-Литовского мира, после ареста главных членов оппозиции и подавления на улицах Москвы и Петрограда последних противников диктатуры большевистской партии, Центральный Комитет постановил уничтожить всех своих других врагов, начав с армий легитимистов, состоявших из офицеров-монархистов, на Урале и в южных провинциях. Военная операция была поручена Троцкому, который спешно организовал Красную Армию, насчитывающую сегодня 1 500 000 человек. На Сталина, который сумел доказать свою способность действовать, была возложена политическая часть этой программы. Его план сложился просто. Монархисты не проявляли особого пыла к борьбе, так как они сохраняли надежду освободить Царя и Царевича, заключенных в доме Ипатьева в Екатеринбурге. Находясь на свободе, Николай II передал бы трон своему сыну, в пользу которого он отрекся, и, чтобы этот трон завоевать, встал бы во главе примерно 400 000 человек, которые воевали по приказам Краснова, Деникина и Врангеля. Кто знает, что бы делало тогда бы население, уже уставшее от гражданской войны?*

Ленин и Троцкий высказывали мнение, что нужно передать охрану Царской Семьи в руки матросов и рабочих Петрограда.

— Петроград слишком близко к границе, — возразил Сталин. — Впрочем, это только отодвигает опасность. До тех пор, пока царь жив, эмигранты и белые войска нас не оставят в покое. Напротив, исчезно-

вение Николая и Алексея нанесет царистскому сопротивлению моральный удар, от которого они не смогут оправиться.

Так же убеждали члены Конвента 1793 года, которые голосовали за смерть Людовика XVI.

Против убийства Царя были эмигранты, белые генералы, а также Ленин и Троцкий и сам германский генштаб, который был готов немедленно взъесться на большевиков, если они тронут Царицу, германскую принцессу.

Ба! Нужно было поставить большевистских руководителей и немцев пред свершившимся фактом. Так, по воле "Человека из стали", участь императорской семьи была решена».[1]

У любого мало-мальски грамотного человека, я уже не говорю специалиста, приведенная выше галиматья ничего, кроме недоумения, вызвать не может. Чего стоит эта непонятная армия «*легитимистов, состоявшая из офицеров-монархистов, которыми руководили Деникин, Краснов и Врангель*», и во главе которой должен был стать Николай II?! Это при том, что в белых армиях даже признание в монархизме считалось зазорным! А это трогательное объединение Ленина, Троцкого, белых генералов, ориентировавшихся, кроме Краснова, на Антанту, и германского генштаба в стремлении спасти Царскую Семью от расправы? Полной фантазией является утверждение Беседовского, что белые не воевали до тех пор, пока была надежда освободить Царя и Цесаревича. Всем известно, что вооруженную борьбу с большевиками начали «демократические» элементы, а не монархисты. Беседовский настолько уверен в своей лжи, что даже не утруждает себя привести ее в соответствие с историческими фактами. Так, мы уже писали, что Сталин не мог произносить всех тех речей, какие ему приписывает Беседовский, потому что в тот момент он был в Царицыне. Цель Беседовского ясна, как белый лист бумаги: свалить «все грехи Израиля» на Сталина и обелить в глазах западного сообщества Троцкого. Не будем забывать, что шел 1932 год, время напряженной борьбы Сталина с троцкистско-зиновьевской оппозицией. Для обосновавшегося за рубежом Троцкого такая книга была как никогда кстати. Он с радостью ухватывается за нее и, тактично забыв о своем участии вот всех кровавых преступлениях большевистского режима, цитирует лживые писания Беседовского в своих сочинениях.

В своей книге «На путях к термидору» Беседовский лжет так же, как и в предыдущем творении, но, так как это сочинение писалось по-русски и предназначалось для русскоязычных читателей, то он был вынужден придавать этой лжи хоть какое-то подобие реальности. Ведь рус-

---

[1] *Bessedovski Grégoire*. Staline. L'homme d'acier. Paris, 1932. P. 185–187.

ский читатель, не понаслышке знакомый с реальными событиями, не стал бы глотать всю ту нелепицу, которая была предназначена для французов.

Любопытно, что творчество Беседовского слово в слово было повторено Троцким: «*По словам того же Беседовского,* — пишет Троцкий, — *"цареубийство было делом рук Сталина. Ленин и Троцкий стояли за то, чтобы держать Царскую Семью в Петербурге, а Сталин опасался, что, пока жив Николай II, он будет притягивать белогвардейцев". 12 июля 1918 г. Сталин сговорился со Свердловым, обычным председателем съезда Советов. 14 июля он посвятил в свой план Голощекина, который 15 июля шифрованной телеграммой известил комиссара Белобородова, который вел наблюдение за Царской Семьей, о намерениях Сталина и Свердлова. 16 июля Белобородов телеграфировал в Москву, что через три дня Екатеринбург должен пасть. Голощекин повидал Свердлова, Свердлов Сталина. Положив в карман донесение Белобородова, Сталин сказал: "Царь никоим образом не может быть выдан белогвардейцам". "Эти слова были равносильны смертному приговору", — пишет Беседовский*».[1]

Поразительно, что если Беседовскому его ложь хоть как-то простительна, все-таки он не был фигурой первой величины в советском руководстве, то Троцкий, ее с удовольствием повторяющий, лишний раз подтверждает свой облик «иудушки», человека абсолютно аморального, не брезгующего для достижения своих целей никакими средствами, в данном случае клеветой и фальсификацией. Ведь кому-кому, а ему, находившемуся в июле 1918 года в советской столице, было отлично известно, что ни 12-го, ни 14-го, ни 16-го, ни 17-го июля Сталина в Москве не было, а значит, никаких встреч со Свердловым он проводить не мог и никаких телеграмм никуда не посылал.

То, что Беседовский и Троцкий лгут, понимали даже антисоветски и антисталински настроенные люди. Так Ю.Г. Фельштинский в своей статье «Троцкий и убийство Царской Семьи» писал: «*Троцкий, высланный за пределы СССР, оставался верен делу фальсификации истории послереволюционной России. Все он знал. В биографии Сталина он пытался свалить ответственность на Свердлова и Сталина, обходя при этом вопрос о роли Ленина и своей собственной. И здесь он снова лгал наполовину. Сталин к убийству Императорской семьи причастен не был, а Свердлов был*».[2]

Далее, Беседовский пишет, что свои сведения о цареубийстве он почерпнул от Войкова, в бытность его послом в Польше. И.Ф. Плотников, который безоговорочно считает доказательством свидетельства Беседовского, когда речь идет об участии Сталина в подготовке цареубийства, по-

---

[1] *Троцкий Л.* Дневники и письма. *Беседовский Г.* На путях к термидору. М., 1997.
[2] Русская мысль. La pensée Russe. № 358. 1985, 2 августа.

чему-то не относит к таковым показания Войкова об уничтожении тел Царственных Мучеников, о *«громадной кровавой массе человеческих обрубков»*, которые большевики разрубали острыми топорами, обливали бензином и жгли. Естественно, такое свидетельство невыгодно И.Ф. Плотникову, так как он верит в подлинность «екатеринбургских останков».

Мы кратко рассмотрели все три «доказательства» И.Ф. Плотникова, касающиеся участия Сталина в цареубийстве. Нет нужды их подробно опровергать, и так полностью ясна их несостоятельность.

Все остальное, что нам известно на сегодняшний день, вся логика поступков Сталина свидетельствуют о его непричастности к убийству Царской Семьи.

Во-первых, Сталин методично уничтожил, или репрессировал, практически всех главных исполнителей злодеяния. Был расстрелян родной брат Свердлова — Вениамин, неоднократно арестовывался сын Свердлова — Андрей. Удар ледоруба настиг Троцкого в далекой Мексике. В полном забвении умер Юровский, которого, по многим свидетельствам, от энкэвэдэшной пули спасла лишь тяжелая форма язвы желудка. Но любимая дочь Юровского Римма была репрессирована и долгое время находилась в концлагере. В 1952 году был арестован сын Юровского — Александр, который пробыл в СИЗО Бутырской тюрьмы с мая 1952 по март 1953 года. По всей видимости, от расстрела его спасла только смерть Сталина.

Были расстреляны: Зиновьев, Голощекин, Сафаров, Белобородов, Дидковский, Мрачковский, Уфимцев. Репрессированы: Родзинский, Парамонов, Чуцкаев.

В 1939 году, сразу после смерти Юровского, из Музея Революции, по личному распоряжению Сталина был убран наган, из которого, по словам Юровского, им был убит Император Николай II.

Во-вторых, у нас есть и прямые свидетельства того, что Сталин открещивался от цареубийства. Писатель Чуев пишет: «*От Е.Я. Джугашвили я узнал, что в 1922 году, когда Сталин и Орджоникидзе приезжали в Грузию, к Сталину подошла его мать и спросила: "Сынок, на твоих руках нет Царской крови?" "Вот тебе крест, истинно нет!" — ответил Сталин и на глазах у всех перекрестился*».[1]

Конечно, можно обвинить Сталина в лицемерии, сказать, что Чуев пользуется непроверенным источником, а Е.Я. Джугашвили тем самым хотел выгородить деда, но если И.Ф. Плотников, не задумываясь, берет на веру слова Молотова в пересказе Чуева о причастности Ленина к убийству Царской Семьи, то почему мы не можем использовать высказывания того же Чуева как доказательство непричастности к этому убийству Сталина?

---

[1] *Чуев Ф.* Указ. соч. С. 245.

Почему, если И.Ф. Плотников считает достоверными воспоминания С. Берия, в которых он, со слов своего отца, пишет, что приказ об убийстве Царской Семьи давал Ленин, то мы не можем привести слова того же Серго Берия о непричастности Сталина? А он писал: «*Сталин, насколько я слышал, не поддержал это решение. Разговоры, помню, были такие: самого Царя, может и следовало в такой обстановке расстрелять, но уж остальных, включая детей, абсолютно никакой необходимости казнить не было. Во всяком случае, Сталин, так считал*».[1]

Мы совершенно не уверены, что Сталин считал так, как пишет С. Берия, но факт, что этот отрывок из книги сына знаменитого наркома, противоречащий генеральной линии И.Ф. Плотникова, последний не считает нужным даже упоминать.

Объективные данные свидетельствуют: Сталин не участвовал и не мог участвовать в организации Екатеринбургского злодеяния, ибо он не был человеком мировой закулисы, не был подлинным соратником ни Троцкого, ни Свердлова. Убийство Царской Семьи являлось актом не политическим и исходило не из реальной угрозы режиму, оно стало невиданным кровавым культовым жертвоприношением, по типу жертвоприношений Ассиро-Вавилонии или ацтеков, с целью разрушения Русского государства. О том, что Царская Семья будет убита, знали в советском руководстве от силы два-три человека, и в этот узкий круг не входил Сталин.

Сталин по свойствам своей личности был чужд всякого рода оккультным наукам и кровавым ритуалам. Он был человек-практик, политик-реалист, а точки зрения политического здравого смысла убийство Царской Семьи было чистым безумием.

---

[1] *Берия С.* Указ. соч. С. 314.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЕКАТЕРИНБУРГСКАЯ ГОЛГОФА

Глава 1
«Только видим кресты на куполах церквей...» Царская Семья в Ипатьевском доме

Император Николай II, Императрица Александра Федоровна, Великая Княжна Мария Николаевна и их свита в доме Ипатьева

30-го апреля 1918 года, в самом начале Страстной Недели и одновременно в канун вальпургиевой ночи, Император Николай II, Императрица Александра Федоровна, Великая Княжна Мария Николаевна и сопровождавшие их лица, кроме князя В.А. Долгорукова, немедленно отправленного большевиками в тюрьму, переступили порог дома инженера Н.Н. Ипатьева в Екатеринбурге. За день до этого, 29-го апреля, Ипатьев передал ключи от дома председателю Исполкома С.Е. Чуцкаеву. Примечательно, что тюремщики заранее объявили Государю, что его помещают именно в дом Ипатьева, так как Николай II записал в своем дневнике, что они со станции поехали в «*приготовленный для нас дом — Ипатьева*».[1]

Дом Ипатьева, расположенный на углу Вознесенского проспекта и Вознесенского переулка, был окружен длинным дощатым трехметровым забором, который был сооружен незадолго до прибытия в город Царской Четы. Позже позади этого забора был построен второй, так что они оба образовывали двойное окружение Ипатьевского дома, полностью скрывая от посторонних глаз все, что там происходило.

При входе в дом к Августейшим Узниками обратился Белобородов: «*По постановлению Президиума Всероссийского Центрального исполнительного Комитета Совета рабочих, крестьянских и казачьих депутатов бывший император Николай Александрович Романов со своей семьей будет находиться в Екатеринбурге, здесь, в этом доме, впредь до суда над ним, Романовым. Комендантом дома Уральский Совет назначил Александра Дмитриевича Авдеева — вот он перед вами. Имеются ли в данную минуту заявления, жалобы или вопросы? Нет. Если впредь будут, обращайтесь с ними в Совет через посредство коменданта Авдеева или его помощника Украинцева. А теперь граждане Романовы могут*

[1] Дневники Императора Николая II. С. 675.

располагаться в доме по своему усмотрению, как им покажется удобней. В их распоряжение отводится большая часть второго этажа».[1]

После этих слов Белобородов удалился. Сегодня мы не можем, конечно, утверждать, что Белобородов выразился именно так, как написано выше, так как все большевистские тюремщики писали свои мемуары уже намного позже описываемых событий, а потому зачастую давали волю полету своей фантазии, мешая подлинные факты с домыслами, а то и с откровенной ложью. Но вполне возможно, что Белобородов сказал нечто похожее на приведенный выше отрывок.

Император Николай II, Императрица Александра Федоровна, Великая Княжна Мария Николаевна и их свита, Чемодуров, Боткин, Седнев и Демидова, расположились на втором этаже Ипатьевского дома. «*Дом хороший, чистый*, — записал в своем дневнике Николай II в день приезда. — *Нам были отведены четыре большие комнаты: спальня угловая, рядом столовая с окнами в садик и с видом на низменную часть города и, наконец, просторная зала с аркой без дверей. Долго не могли раскладывать своих вещей, так как комиссар, комендант и караульный офицер все не успевали приступить к осмотру сундуков. А осмотр потом был подобный таможенному, такой строгий, вплоть до последнего пузырька походной аптечки Аликс. Это меня взорвало, и я резко высказал свое мнение комиссару».*[2]

Т.И. Чемодуров вспоминал об этом эпизоде: «*Как только Государь, Государыня и Мария Николаевна прибыли в дом, их тотчас же подвергли тщательному и грубому обыску; обыск производили некий Б.В. Дидковский и Авдеев — комендант дома, послужившего местом заключения. Один из производивших обыск выхватил ридикюль из рук Государыни и вызвал этим замечание Государя: "До сих пор я имел дело с честными и порядочными людьми". На это замечание Дидковский резко ответил: "Прошу не забывать, что вы находитесь под следствием и арестом"».*[3]

Авдеев, со свойственной ему убогостью мысли и воображения, описал эпизод с обыском в «красках», нимало не заботясь об их соответствии действительности: «*После того, как Романовы были размещены и заявили тов. Белобородову, что у них никаких к нему вопросов и претензий нет, он вышел из дома. Остались мы с Дидковским и произвели осмотр вещей, взятых им и его спутниками из Тобольска, так как при выезде из Тобольска осмотра не производилось, для чего предложено было привезенные чемоданы оставить в коридоре. Когда мы предложили предъявить для осмотра ручные саквояжи, Александра Федоровна начала протестовать на ломанном русском языке, — оказывается, быв. царица русская и го-*

---

[1] *Зайцев Г.* Указ. соч. С. 21.

[2] Дневники Императора Николая II. С. 675.

[3] Гибель Царской Семьи. С. 61–62.

ворить-то по-русски не умела. И доктор Боткин объяснял нам ее протест. Она кричала: "Истефательство ... Хосподин Керенский..." и еще что-то. По объяснениям Боткина это означало, что она указывала на Керенского, как на образец вежливости, а наш осмотр считала издевательством. Николай Романов молчал. Мы пригласили его присутствовать при осмотре, хотя он пытался заменить себя доктором Боткиным. При осмотре саквояжа Александры Федоровны она сама пожелала присутствовать, и как раз оказалось, что в ее саквояже заложены под всякими принадлежностями туалета и косметики фотографический карманный аппарат и подробная точная карта Екатеринбурга. С фотографическим аппаратом она никак не хотела расстаться. Тут она что-то говорила по-английски, явно не совсем лестное для нас, так как доктор Боткин перестал нам даже переводить».[1]

Мы привели этот отрывок Авдеева, чтобы лишний раз продемонстрировать, насколько можно доверять воспоминаниям большевиков. Ведь у Авдеева что ни слово, то ложь, причем ложь примитивная.

Во-первых, Императрица Александра Федоровна, по многочисленным воспоминаниям, говорила на хорошем, правильном русском языке, с легким иностранным произношением. В отличие от полуграмотного Авдеева, Императрица знала в совершенстве не только современный русский язык, но и свободно владела церковно-славянским, который выучила самостоятельно и из Тобольска иногда писала на нем Вырубовой.

Во-вторых, Авдеев, который естественно не знал ни одного иностранного языка, говоря о характере акцента, с которым якобы говорила Царица, сам же и выдает свое невежество. Дело в том, что замена русских звуков «в» и «г» на «ф» и «х» свойственна для немецкого акцента. Между тем, Авдеев пишет, что Императрица говорила по-английски. Ясно, что Авдеев, который много раз слышал, что Государыня была «немкой», и, может быть, имел представление о характере немецкого акцента, решил приписать этот акцент Царице.

В-третьих, Авдеев сознательно отводит в тень присутствие Императора, делая его безучастным наблюдателем сцены досмотра, хотя на самом деле все обстояло с точностью до наоборот. При этом Авдеев преследует единственную цель — в очередной раз изобразить Николая II ничтожным, слабым человеком, находящимся под полным влиянием жены.

Наконец, наиболее курьезной нелепостью Авдеева представляется эпизод с фотоаппаратом и планом Екатеринбурга. Ясно, что этот план никогда не мог быть спрятан у Государыни по той простой причине, что ни она, ни кто-либо из Царской Семьи не знал, что их везут в Екатеринбург. Таким образом, этот план мог оказаться в саквояже Императрицы, только

---

[1] Последние дни Романовых. С. 91–92.

если бы Авдеев сам положил его туда, но так как понятно, что Авдеев до этого додуматься не мог, то весь эпизод с фотоаппаратом и планом является просто выдумкой комиссара.

Таким образом, Авдеев, который стремился в очередной раз опорочить Царя и Царицу, лишний раз подтвердил свою сущность — сущность негодяя.

Примечательно, что в дневнике Императрицы вышеприведенная Авдеевым версия обыска нашла отражение в одной единственной фразе: «*Новая охрана и офицер, и другие гражданские лица просмотрели весь наш багаж*».[1]

Царская Чета и Великая Княжна расположились в спальне, А.С. Демидова — в столовой, Е.С. Боткин, Т.И. Чемодуров и И.С. Седнев — в зале.

Великая Княжна Мария Николаевна писала 4/17 мая 1918 года З.С. Толстой: «*Устроились пока хорошо. Домик маленький, но чистый, жаль, что в городе, потом сад совсем маленький. Когда приедут другие, не знаю, как мы устроимся, комнат не очень много. Я живу с Папой и Мамой в одной, где и проводим почти целый день*».[2]

Г.Б. Зайцев приводит отрывок еще одного письма, авторство которого он приписывает Великой Княжне Марии Николаевне, написанного из Ипатьевского дома Великой Княжне Ольге Николаевне в Тобольск: «*Пишу тебе, сидя у Папы на койке. Мама еще лежит, т. к. очень устала и сердце... Спали мы втроем в белой уютной комнате с четырьмя большими окнами. Солнце светит так, как у нас в зале. Открыта форточка, и слышно чириканье птичек. Электр. конка. В общем тихо. Живем в нижнем этаже, кругом деревянный забор, только видим кресты на куполах церквей, стоящих на площади*».[3]

Г.Б. Зайцев находит в этом письме две неточности, которым не может дать объяснения. Первая относится к словам Великой Княжны об «электрической конке», то есть трамвае, тогда как трамвай был пущен в Екатеринбурге только в 1929 году. Вторая неточность касается месторасположения комнат проживания Царской Семьи. Великая Княжна почему-то пишет о первом этаже, хотя общеизвестно, что Царская Семья жила на втором этаже.

Объяснить происхождение этих неточностей довольно сложно, так как Г.Б. Зайцев не дает сносок на цитируемые источники, а ни в «Русской Летописи», ни «В письмах святых Царственных Мучеников из заточения» этого письма Великой Княжны Марии Николаевны нет.

---

[1] Последние дневники императрицы Александры Федоровны. С. 199.
[2] Письма святых Царственных Мучеников из заточения. С. 313.
[3] *Зайцев Г.Б.* Указ. соч. С. 25.

Все же представляется, что недоразумение с этажами объяснить можно следующим образом: Великая Княжна могла считать этажи не по русской, а по западной традиции. А по ней русский первый этаж называется по-французски «rez-de-chaussйe», тогда как русский второй этаж считается первым.

Между тем, летом 2003 года фонд «Обретение», возглавляемый А.Н. Авдониным, опубликовал найденные, по словам Авдонина, неопубликованные письма Царской Семьи из Екатеринбурга в Тобольск. При этом А.Н. Авдонин пишет: «*Недавно при любезной помощи С.В. Мироненко и О.В. Маринина удалось обнаружить в Государственном Архиве Российской Федерации (ГАРФ) до сих пор невостребованные исследователями три письма узников дома Ипатьева, адресованные Великой Княжне Ольге Николаевне в Тобольск*».[1]

Однако цитирование в 1998 году данного письма Г.Б. Зайцевым входит в явное противоречие с утверждением А.Н. Авдонина, что опубликованные письма были недавно обнаружены в ГАРФ, до того «невостребованные исследователями». Совершенно очевидно, что раз Зайцев цитировал письмо «Марии Николаевны» за пять лет до опубликования его Авдониным, то о существовании этого документа было известно уже давно.

Авдонин приводит несколько писем, в том числе и цитируемое выше, которое Г.Б. Зайцев выдает за письмо Великой Княжны Марии Николаевны. А.Н. Авдонин же утверждает, что это письмо коллективное, оно состояло из четырех частей и было написано «*тремя узниками дома Ипатьева — Романовыми*».[2] Письмо довольно необычное, ибо не имеет аналогов в переписке членов Царской Семьи. Обычно все свои письма члены Семьи писали и подписывали лично. Это же письмо почему-то начала писать Великая Княжна Мария Николаевна, подписала Государыня, продолжил Государь, а закончила опять-таки Великая Княжна Мария Николаевна. Скорее всего, это объясняется тем, что первая часть была написана Великой Княжной под диктовку Императрицы, которая по какой-либо причине не хотела или не могла писать сама. Таким образом, первую часть письма следует, безусловно, считать письмом Императрицы Александры Федоровны, а не Великой Княжны Марии Николаевны.

Как бы там ни было, ниже мы можем привести письмо Императрицы Александры Федоровны своей старшей дочери полностью: «*Екатеринбург, 18/1 апр. 1918 г. Христос Воскресе! Мысленно три раза Тебя целую, Ольга моя дорогая, и поздравляю со светлым праздником. Надеюсь, праздник проведете тихо. Поздравь всех наших. Пишу Тебе, сидя у Папы на койке. Мама еще лежит, т.к. очень устала и сердце. Спали мы втроем в белой уютной*

[1] Восьмые Романовские чтения. Екатеринбург, 2004. С. 126.
[2] Там же. С. 134.

комнате, с четырьмя большими окнами. Солнце светит, как у нас в зале. Открыта форточка, и слышно чириканье птичек, элект. конка, в общем тихо. Утром прошла манифестация: 1-е мая. Слышали музыку. Живем в нижнем этаже, кругом деревянный забор, только видим кресты на куполах церквей, стоящих на площади. Нюта спит в столовой, а в большой гостиной Евг. Серг., Седнев и Чемодуров. Князя пока не пустили, не понимаю почему, очень за него обидно. Спят они на койках, кот. вчера принесли им и караулу. Владельцы дома — Ипатьевы. Горячо целую и благословляю + Тебя мою Душку любимую. Твоя старая Мама».[1]

Это письмо, помимо бытовых деталей, интересно еще и тем, что Государыня в письме тоже указывает на дом как на собственность Ипатьевых.

Начались серые екатеринбургские будни — Екатеринбургская Голгофа Царской Семьи. Войдя в дом, Государыня поставила на одном из оконных косяков свой любимый знак гамматического креста, более известного под названием «посолони», или «свастики», и сделала надпись: «*17/30 апреля 1918 года*».

Что представлял собой город Екатеринбург, когда в него прибыла Царская Семья?

Екатеринбург был Пермским губернским городом, расположившимся на берегу реки Исеть, которая в самом городе образует большой пруд, придающий городскому пейзажу особую красоту. Основанный Петром Великим как завод-крепость против нападений башкир и названный в честь императрицы Екатерины I, город имел важное экономическое и военное значение. С 1860 года в Екатеринбурге было сосредоточено управление всеми уральскими горными казенными заводами. В Екатеринбурге насчитывалось 340 промышленных заводов, золотосплавочная лаборатория, гранильная фабрика.

Екатеринбург, как и Тобольск, был местом массовых ссылок старообрядцев-раскольников. «*Раскольники,* — пишет энциклопедия Южакова, — *сотнями селились в Екатеринбурге*».[2] То обстоятельство, что плененная Царская Семья была вновь направлена в подобный раскольничий центр, не может являться простым совпадением.

К 1914 году Екатеринбург превратился в один из красивейших городов Урала. Полностью освещенный электричеством, с прямыми проспектами и улицами, осененный куполами 12 православных церквей, имеющий огромный, по тогдашним меркам, изумительный по красоте оперный театр, Екатеринбург более походил на губернский город, чем Пермь. При этом Екатеринбург был своеобразным городом, мало похожим на другие уральские города. Большие красивые каменные дома и даже дворцовые ан-

---

[1] Восьмые Романовские чтения. С. 131–133.
[2] Большая энциклопедия / под ред Южакова С.Н. Т. 9. СПб., 1902. С.165.

самбли, как, например, знаменитые Харитоновские палаты, соседствовали с маленькими деревянными домиками, особнячками и лавочками, которые своей своеобразной красотой ничем не уступали каменным соседям. На территории города находилось два православных монастыря, монахини одного из них, Ново-Тихвинского девичьего, напрямую будут соприкасаться с Царственными Узниками. В городе имелись, кроме православных храмов, один римо-католический костел, одна старообрядческая церковь, одна мечеть и еврейская синагога.

Злодейство 17 июля 1918 года наложило на город неизгладимый отпечаток. Само имя города надолго было стерто с карты России и заменено именем одного из главных организаторов цареубийства. Фактически вместе со своим историческим названием исчез и сам Екатеринбург. Тяжелый молот большевистской диктатуры полностью разрушил неповторимый облик города. Вместо изумительных маленьких домов, усадебок, особнячков появились чудовищные серые безвкусные казарменные постройки. Причем в Екатеринбурге они отличаются особенным уродством. Затерявшиеся среди этих уродов остатки старого города еще больше подчеркивают весь ужас происшедшего с этим некогда прекрасным городом.

На 1918 год в Екатеринбурге насчитывалось немногим более 80 000 обитателей. Война 1914 года изменила город и в особенности его население. Несмотря на то что многие екатеринбуржцы были призваны на фронт, в городе оставалось много мужчин-рабочих, так как работа на заводах, особенно на Верх-Исетском заводе, давала освобождение от воинской службы. Разумеется, как и во всех войнах, на фронт в основном уходили лучшие, а худшие, трусы, уголовники и «шкурники», пытались спрятаться от фронта на заводах и фабриках. Когда фронт развалился, то Екатеринбург захлестнула волна дезертиров. Кроме того Екатеринбург к 1918 году был наводнен военнопленными немцами и австрийцами, а также китайцам, приехавшими в город на заработки.

В результате под воздействием этих процессов население города менялось не в лучшую сторону, а вместе с ним менялся и город. Особенно эти процессы ускорились с приходом революции. Член французской военной миссии лейтенант Пьер Паскаль, находившийся в Екатеринбурге в мае–июне 1918 года, так описал его: «*Около 2-х часов прибыли в Екатеринбург. Множество пленных австрийцев и даже немцев. Город — деревня. Несколько заводов. Много китайцев, солдат и рабочих. Никаких удобств, ни обывателей, ни ресторанов. Кинотеатры*».[1]

К 1918 году Екатеринбург становится столицей «Красного Урала». Это объясняется в первую очередь тем, что, как мы уже писали, в городе были

---

[1] *Pascal Pierre*. Mon journal de Russie. 1916-1918. Paris, L'Age d'Homme, 1975. P. 289–290.

очень сильны позиции Свердлова. Фактически все первые люди большевистского уральского руководства были свердловскими ставленниками. Наводнившая город революционная чернь, руководимая присланными из Москвы большевистскими вожаками, сеяла в городе смерть и разбой. Постоянные экспроприации, всяческие насилия и расстрелы, чинимые над мирными жителями, сделались обычным явлением в жизни города 1918 года. Кроме того Екатеринбург был охвачен уголовным террором.

Но в этот же самый момент в этой цитадели Свердлова, столице «Красного Урала», спокойно уживалась бывшая Николаевская Академия Генерального штаба, переименованная в Военную Академию Рабочей и Крестьянской Красной Армии. В марте 1918 года эта Академия по приказу Троцкого была эвакуирована из Петрограда в Екатеринбург. Всего она насчитывала около 300 офицеров. Вообще нахождение этой Академии в Екатеринбурге, по верному замечанию И Ф. Плотникова, «*по времени почти полностью совпало с пребыванием там семьи Романовых, ее гибелью*».[1]

Насколько это «совпадение» случайно — до сегодняшнего дня сказать трудно. Но остается фактом, что слушатели Академии не предприняли ни одной реальной попытки не только освободить Царскую Семью, что, может быть, было и невозможно, но и хоть как-то облегчить ее жизнь в заточении.

Между тем жизнь в Ипатьевском доме с первых же дней приняла совершенно иной, чем в Царском Селе и Тобольске, характер. С первого же дня оказалось, что, несмотря на то, что «дом хороший, чистый», он был плохо подготовлен к приезду жильцов. В доме не работали канализация и водопровод. Об этом имеются записи в дневниках как Императора Николая II, так и Императрицы Александры Федоровны. В дневнике Царя отмечается: «*Хотелось вымыться в отличной ванне, но водопровод не действовал, а воду в бочке не могли привезти. Это скучно, так как чувство чистоплотности у меня страдало*».[2]

Дневник Царицы: «*Канализация не работает*».[3]

Если учесть, что у екатеринбургского совдепа было достаточно времени, чтобы устранить неисправности,[4] и если вспомнить, что въезд в губернаторский дом в Тобольске сопровождался такими же бытовыми проблемами, то можно сделать вывод, что характер этих «неисправностей» был искусственным, то есть они специально были созданы властями перед въездом в дом Царской Семьи.

[1] *Плотников И.Ф.* Указ. соч. С. 127.
[2] Дневники Императора Николая II. С. 676.
[3] Последние дневники Императрицы Александры Федоровны. С. 199.
[4] К слову сказать, возникновение этих неисправностей тоже довольно странно, так как дом Ипатьева до размещения в нем Царственных Узников был жилой.

Смысл этих действий может быть объяснен лишь одним: продолжением издевательств над Царской Семьей. Эти издевательства выражались также и в том, что для того, чтобы посетить ванную комнату и уборную, члены Царской Семьи должны были проходить мимо часового караульного помещения.

Царская Чета была доставлена в Екатеринбург в разгар нового праздника «Первомая», официально праздника «Освобожденного Труда», который по времени совпадал с вальпургиевой ночью. По своему характеру новый «праздник» сильно смахивал на последнюю. Улицы и площади города оглашались революционными песнями и ночью светились от многочисленных иллюминаций, кинематографы были переполнены, в них шли митинги-концерты.[1] Разнузданные толпы откровенного хулиганья, осененные дьявольскими пентаграммами, преследовали людей «паразитических классов», в пьяном угаре глумились над верой и священнослужителями. Невольно на ум приходят слова одного поэта той эпохи, хорошо подметившего суть происходившего:

Я увидел: на ветках расселися бесы
И, кривляясь, галдели про черные мессы:
На ветвях ликовало вселенское зло:
— Наше царство пришло!
Наше царство пришло!

Конечно, звуки Первомая долетали и до окон Ипатьевского дома. Словно отвечая на эти звериные рыки вырвавшегося на свободу «труда», Царская Чета ежедневно читала Евангелия, ведь шла Страстная Неделя. Императрица Александра Федоровна отмечала в своем дневнике: «*Н. читал нам в течение дня Евангелие. (...) С Н. и Е.С. обменялись мнениями о прочитанной 12-й главе Евангелия*».[2]

Сам Государь так же писал о своем чтении Евангелия: «*По утрам и вечерам Св. Евангелие вслух в спальне*».[3]

Наконец, наступил праздник Светлого Воскресения Господня — последняя Пасха в жизни Царской Семьи. В Великую Субботу в Ипатьевский дом в первый раз был допущен священник и дьякон. В 20 часов началась заутреня. «*Большое было утешение помолиться хоть в такой обстановке и услышать "Христос Воскресе"*, — писал Николай II в дневнике. — *Утром похристосовались между собой и за чаем ели кулич и красные яйца, пасхи не могли достать*».[4]

---

[1] *Зайцев Г.Б.* Указ. соч. С. 25–26.
[2] Последние дневники Императрицы Александры Федоровны. С. 215.
[3] Дневники Императора Николая II. С. 684.
[4] Дневники Императора Николая II. С. 693.

Чемодуров свидетельствовал, что праздник Пасхи для Царственных Узников был омрачен хамским поведением Авдеева, который «*пришел, отрезал большие куски*» от маленького кулича и съел. Однако в этом, как и в прочих свидетельствах Чемодурова следует делать скидку на его болезненное состояние. Как верно писал Г.Б. Зайцев, нельзя отрезать «*большие куски от маленького кулича*».

В целом же режим в «Доме особого назначения» был откровенно тюремный.

Из инструкции команде Дома Особого Назначения по охране Царской Семьи: «*Комендант должен иметь в виду, что Николай Романов и его семья являются советскими арестантами, поэтому в месте его содержания устанавливается соответствующий режим.*

Этому режиму подвергаются: а) сам б. царь и его семья, б) и те лица, которые изъявят свое желание разделить с ним его положение.

С момента перехода лиц в веденье областного Совета всякое свободное сообщение их с волей прекращается. Прекращается точно так же и свободное сношение с Романовыми каких бы то ни было лиц, находящихся на свободе.

В обращении с заключенными комендант должен быть, безусловно, вежливым.

Разговоры с заключенными могут быть только следующего содержания: 1) принятие от них всевозможных устных заявлений; 2) объявления и приказания облсовета; 3) разъяснения, которые они попросят по поводу режима; 4) о доставке провизии, кушаний и необходимых предметов; 5) об оказании медицинской помощи.

Никакие разговоры на общеполитические темы с кем бы то ни было из заключенных не допускаются.

Комендант строго следит, чтобы конвойные не позволяли себе, безусловно, никаких замечаний по адресу заключенных в их присутствии.

Заключенные не имеют права говорить с конвойными. Если такие попытки с их стороны будут делаться, конвойный должен отвечать, что разговаривать не разрешается. Со своей стороны, конвойные не имеют права заводить разговоры с заключенными.

Как общее правило, никакие свидания посторонних лиц с заключенными не допускаются. Однако, если такое свидание было разрешено, оно должно быть выражено письменно за подписями президиума облсовета и должно быть подтверждено по телефону и лично.

При разрешении свидания в письменном разрешении указывается точно, с кем именно разрешено свидание и его продолжительность. При свиданиях обязательно присутствует комендант, который следит, чтобы пришедшими не было передано заключенным что-либо неразрешенное. При попытке сделать такую передачу комендант прекращает свидание. При

свиданиях в разговоре должен употребляться только тот язык, который понимает комендант. При попытках говорить на каком-либо другом языке комендант прекращает свидание».[1]

В другой инструкции коменданту Дома Особого Назначения говорилось: «*Прогулки заключенных разрешаются ежедневно на срок, указываемый обл. Советом. На прогулку выходят все вместе. Перед тем, как вывести заключенных на прогулку, комендант дает приказание усилить караул на месте прогулки расстановкой постовых во все углы прогульного двора, а также на балконе.*

Комендант старается по возможности не назначать постоянного времени начала прогулки и изменять это время в пределах от 12 до 4 часов дня.

Вся переписка, которая ведется заключенными, просматривается лицом, специально уполномоченным на это президиумом областного Совета.

Письма и телеграммы, которые отправляют заключенные, они передают коменданту, а последний отправляет их тому лицу, на которое возложен просмотр переписки.

Комендант следит, чтобы не было попыток со стороны заключенных обойти эти правила посредством передачи писем для отправки их на волю караульными лицами, имеющими место пребывания в Доме Особого Назначения.

Комендант предупреждает заключенных, что если таковые попытки будут обнаружены и доказаны — они лишаются права переписки.

В письмах употребляется только русский, французский и немецкий языки».[2]

Как же соблюдались эти инструкции охраной Дома Особого Назначения? Т.И. Чемодуров свидетельствует: «*В Ипатьевском доме режим был установлен крайне тяжелый, и отношение охраны прямо возмутительное, но Государь, Государыня и Великая Княжна Мария Николаевна относились ко всему происходившему по наружности спокойно и как бы не замечали окружающих лиц и их поступков. День проходил обычно так: утром вся семья пила чай; к чаю подавался черный хлеб, оставшийся от вчерашнего дня; часа в 2 обед, который присылали уже готовым из местного Совета Р. Д.; обед состоял из мясного супа и жаркого; на второе чаще всего подавались котлеты. Так как ни столового белья, ни столового сервиза с собой мы не взяли, а здесь нам ничего не выдали, то обедали на непокрытом скатертью столе; тарелки и вообще сервировка стола была крайне бедная; за стол садились все вместе, согласно приказанию Государя; случалось, что на семь человек обедающих подавалось только пять ложек. К ужину подавались те же блюда, что и к обеду. Прогулка по саду разреша-*

---

[1] *Алексеев В.В.* Указ. соч. С. 85.

[2] Там же. С. 86–87.

лась только 1 раз в день, в течение 10–15 минут; во время прогулки весь сад оцеплялся караулом; иногда я обращался к кому-либо из конвойных с малозначащим вопросом, не имеющим отношение к порядкам, но или не получал никакого ответа, или получал в ответ грубое замечание. Ни Государь, ни кто-либо из членов его Семьи лично никаких разговоров с комендантом дома или иными "начальствующими" лицами из представителей советской власти не вели, а всякие обращения и заявления делались через меня или через проф. Боткина».[1]

Показания Чемодурова, в целом верно рисующие картину, тем не менее, судя по другим источникам, несколько сгущают краски в плане качества пищи и поведения охраны. Скорее всего, это было вызвано крайне болезненным состоянием духа Чемодурова. Напомним, что этот пожилой шестидесятидевятилетний человек, пройдя через большевистскую тюрьму и узнав о гибели всей Царской Семьи, находился на грани потери рассудка. Потрясение было для него столь тяжелым, что через год после своего освобождения он скончался (в 1919 году).

В дневнике Государя по поводу качества еды нет никаких особых претензий. Наоборот, в его дневниковых записях от 24 апреля/7 мая и 4/17 мая можно встретить такие слова: «*Еда была отличная и поспевала вовремя*» и «*Еда была обильная, как все это время, и поспевала в свое время*».[2]

В дневниках Императрица также не жалуется на плохое качество еды. Конечно, здесь надо учитывать, что Государь с Государыней были люди крайне выдержанные и непритязательные. Но, думается, если только их дневники в цитируемых отрывках не фальсифицированы, они не стали бы говорить о хорошем качестве еды и об ее обильности, если бы дело обстояло с точностью наоборот.

Еду готовили в одной из гостиничных кухмистерских Екатеринбурга, которой ведал некий Виленский, друг Голощекина.[3] Пища доставлялась в Ипатьевский дом в холодном виде, после чего она разогревалась на кухне и подавалась к столу. Позднее, когда в Ипатьевский дом был доставлен повар И.М. Харитонов, еду стали готовить непосредственно в самом доме.

Очень часто привоз еды задерживался, отчего обедали с опозданием. В дневнике Царицы несколько раз упоминается об этом.

С самых же первых дней отношение властей к Заключенным в Ипатьевском доме приняло издевательский и грубый характер. Режим содержания Царственных Узников становился день ото дня тяжелее.

---

[1] Гибель Царской Семьи, материалы следствия. С. 62.
[2] Дневники Императора Николая II. С. 677, 679.
[3] *Вильтон Р.* Указ. соч. С.

Четыре раза в неделю Дидковский лично обходил Царские комнаты. Двери ни в одну из них не запирались, поэтому для Дидковского не составляло никакого труда входить в них. «*Дидковский,* — показывал Чемодуров, — *не менее четырех раз в неделю производил контроль, обходя все комнаты, занятые Государевой Семьей; проходил он всегда в обществе одного-двух штатских лиц (каждый раз все новых) и как был, в шапке и колошах, входил в комнаты, не спрашивая разрешения. При этих посещениях Государь, Государыня и Великая Княжна Мария Николаевна занимались своими делами, не отрывая головы от книги или работы, как бы не замечая появления посторонних лиц*».[1]

27 апреля/10 мая 1918 года большевики производят у Царской Четы и всех находившихся в Ипатьевском доме лиц опись и изъятие имеющихся у них денежных средств. Делалось это с одной лишь целью: подчеркнуть в очередной раз, что Царь и Царица находятся в заключении. «*После чая опять приехал "лупоглазый"*, — записал Государь в своем дневнике, — *и спрашивал каждого из нас, сколько у кого денег? Затем он попросил записать точно цифры и взял с собой лишние деньги от людей для хранения у казначея Областного Совета! Пренеприятная история!*»[2]

В данном случае Государь переживал за бывших с ним людей, так как ни у него, ни у Государыни денег с собой не было. Об этом прямо писала в Тобольск Великая Княжна Мария Николаевна: «*Только что были члены областного комитета и спросили каждого из нас, сколько кто имеет с собой денег. Мы должны были расписаться. Т. к. Вы знаете, что у Папа и Мама с собой нет ни копейки, то они подписали ничего, а я 16 р. 17 к., которые Анастасия дала мне на дорогу. У остальных все деньги взяли в комитет на хранение, оставили каждому понемногу, — выдали им расписки. Предупреждают, что мы не гарантированы от обысков. Кто мог бы подумать, что после 14 месяцев заключения так с нами обращаются*».[3]

Примечательно, что накануне в Москве Свердлов на заседании ВЦИК бессовестно лгал о том, что у Царя «*изъято 80 тыс. рублей*»![4]

2/15 мая в комнатах Царской Семьи и ее окружения были закрашены все окна. Император Николай II отметил в дневнике: «*Применение "тюремного режима" продолжалось и выразилось тем, что утром старый маляр закрасил все наши окна во всех комнатах известью. Стало похоже на туман, кот. смотрится в окна*».[5]

---

[1] Гибель Царской Семьи, материалы следствия. С. 62.
[2] Дневники Императора Николая II. С. 678.
[3] *Буранов Ю.А., Хрусталев В.М.* Указ. соч. С. 242.
[4] *Зайцев Г.Б.* Указ. соч. С. 39.
[5] Дневники Императора Николая II. С. 678.

В этот же день охранник Ипатьевского дома записал в журнал дежурств: «*После перемены караула были найдены во дворе ножи 12 шт.*».[1] Запомним этот эпизод.

6/19 мая Императору Николаю II исполнилось 50 лет. «*Дожил до 50 лет, даже самому странно!*» — записал Царь в свой дневник.[2] В 11 $^1/_2$ утра в Ипатьевском доме был отслужен благодарственный молебен, ставший самым лучшим подарком плененному Государю. В конце молебна, как обычно, пропелись «Многая Лета!» Императору Николаю II оставалось жить 58 дней.

Все первые дни пребывания Царской Четы в Екатеринбурге были ознаменованы ее беспокойством за оставшихся в Тобольске Детей, в особенности за здоровье Наследника Цесаревича, и ожиданием их приезда.

19 апреля/2 мая 1918 года Императрица Александра Федоровна писала в Тобольск доктору В.Н. Деревенко, спрашивая о здоровье Наследника: «*Может ли уже наступать на ноги? Как силы, аппетит, самочувствие? Лежит ли на балконе? Все хочется знать*».[3]

Узнав о том, что Дети собираются в дорогу, Государыня благословляет их письмом от 28 апреля/11 мая 1918 года: «*Благослови Господь ваш путь и да сохранит он вас от всякого зла. Ужасно хочется знать, кто вас будет сопровождать. Нежные мысли и молитвы вас окружают. Только чтобы скорее быть опять вместе. Крепко вас целую, милые, дорогие мои и благословляю +. Сердечный привет всем и остающимся тоже. Надеюсь, Алексей себя крепче опять чувствует и что дорога не будет его слишком утомлять. Мама*».[4]

Прибытие в Екатеринбург Наследника Цесаревича Алексея Николаевича, Великих Княжон Ольги, Татьяны и Анастасии Николаевны и сопровождающих лиц

Остававшиеся в Тобольске Царские Дети и сопровождавшие их лица выехали в Екатеринбург на следующий день после дня рождения Государя 7/20 мая 1918 года. Тот же пароход «Русь», что доставил Царскую Семью в августе 1917 года в Тобольск, взял курс на Тюмень.

Конвоиры вели себя на пароходе разнуздано. Камердинер А.А. Волков вспоминал: «*Во время пути солдаты вели себя крайне недисциплинированно: стреляли с парохода птиц и просто — куда попало. Стреляли не только из ружей, но и из пулеметов. Родионов распорядился закрыть на ночь На-*

[1] *Алексеев В.* Указ. соч. С. 87.
[2] Дневники Императора Николая II. С. 679.
[3] Письма Святых Царственных Мучеников из заточения. С. 312.
[4] *Буранов Ю.А., Хрусталев В.М.* Указ. соч. С. 242.

следника в каюте вместе с Нагорным. Великих Княжон оставил в покое. Нагорный резко противоречил Родионову, спорил с ним».[1]

А.А. Теглева показывала: «*Родионов запретил Княжнам запирать на ночь Их каюты, а Алексея Николаевича с Нагорным он запер с наружи замком. Нагорный устроил ему скандал и ругался: "Какое нахальство! Больной ребенок! Нельзя в уборную выйти!" Он вообще держал себя смело с Родионовым, и свою будущую судьбу Нагорный предсказал сам себе. Потом, когда мы приехали в Екатеринбург, он мне говорил: "Меня они, наверное, убьют. Вы посмотрите, рожи-то, рожи-то у них какие! У одного Родионова чего стоит! Ну, пусть убивают, а все-таки я им хоть одному-двоим, а наколочу морды сам!"* »[2]

Нагорный был особо ненавистен Хохрякову, который, также будучи матросом, видел в нем образ воина, сохранившего верность долгу и присяге, а потому бывшего для Хохрякова как бы молчаливым обвинением. Хотя в то же самое время Хохряков по отношению к Детям держал себя вполне достойно и, по воспоминаниям Е.Н. Эрсберг, «*понравился Алексею Николаевичу*».

8/21 мая пароход прибыл в Тюмень, где Царские Дети и их сопровождающие пересели в поезд. Детей, графиню Гендрикову, Шнейдер, графиню Буксгевден, Нагорного и Волкова поместили в классный вагон, остальных — в теплушку.

Рано утром 10/23 мая ночью поезд прибыл в Екатеринбург. Однако уже 22 мая в книге записей дежурств по Дому Особого Назначения появляются следующие строки дежурного: «*22 мая. Прибыли в Дом Особого Назначения семья Романовых из (4) человек: Ольга Николаевна, Татьяна Николаевна, Анастасия Николаевна, Алексей Николаевич и с ними повар Иван Михайлович Харитонов, мальчик Леонид Иванович Седнев*».[3]

Получается, что в ДОНе ожидали прибытия Детей 22 мая и были осведомлены о точном и поименном списке прислуги, которую надлежало оставить в Ипатьевском доме с Царской Семьей.

После долгой перегонки с места на место поезд остановился в тогдашнем ближайшем пригороде Екатеринбурга, скорее всего там же, где были высажены Император и Императрица. От большевиков поезд с Детьми встречал все тот же Заславский и, скорее всего, С.В. Мрачковский.[4] Всем пассажиром классного вагона было приказано выйти из поезда. Остальные продолжали оставаться в теплушке. Великая Княжна Татьяна Николаевна та-

---

[1] *Волков А.А.* Указ. соч. С. 84.
[2] Россiйскiй Архивъ. С. 128–129.
[3] *Алексеев В.* Указ. соч. С. 88.
[4] Участие последнего убедительно доказывает И.Ф. Плотников на страницах своей книги.

щила тяжелый чемодан. Рядом шел красноармеец с пустыми руками. Нагорный хотел помочь Великой Княжне, но грубый окрик часового не дал ему сделать этого.

К составу были поданы извозчики. В первом разместились Великая Княжна Ольга Николаевна и Заславский, на втором — Наследник Цесаревич Алексей Николаевич и Хохряков, на третьем — Великие Княжны Татьяна и Анастасия Николаевны. Их немедленно отвезли в Ипатьевский дом.

Затем Заславский и Мрачковский вернулись и усадили в экипаж графиню Гендрикову, графа Татищева и Шнейдер. Камердинер Трупп, повар Харитонов, лакей Седнев, его племянник маленький Л. Седнев, матрос Нагорный, камердинер Волков и лакей Трупп были размещены в другие экипажи.

Раздалась команда, и экипажи двинулись в направлении центра Екатеринбурга. Почти все сидевшие в них Узники двигались навстречу своей смерти.

В Ипатьевском доме тем временем первоначально была размещена лишь часть прислуги. Император Николай II записал в свой дневник: «*из всех прибывших с ними* (то есть с Детьми – *П. М.*) *впустили только повара Харитонова и племянника Седнева*».[1] Трупп и Нагорный попали к Царской Семье только 24 мая. Где же они провели целую ночь с 23 на 24 мая?

Здесь мы сталкиваемся с новой загадкой. В своих показаниях Е.Н. Эрсберг показывает, что на момент своего прибытия в Екатеринбург, она уже знала, что «*Трупп едет сменять Чемодурова*».[2]

Между тем Император Николай II о решении сменить Чемодурова записал в дневник только 11/24 мая: «*Решил отпустить старика Чемодурова для отдыха и вместо него взять на время Труппа*».[3]

Сам Т.И. Чемодуров сообщил следствию следующее: «*Еще в Тобольске я начал прихварывать, а в Екатеринбурге мне стало еще хуже; видя мое недомогание, Государь просил проф. Боткина осмотреть меня и затем приказал мне уехать в отпуск к жене моей, оставшейся в Тобольске, впредь до того, как мои силы восстановятся. В конце апреля (по старому стилю) о желании Государя отпустить меня было сообщено коменданту Авдееву; должен сказать, что на мое место предположено было выписать камердинера из Царского Села, но Авдеев передал ответ, что камердинер будет назначен из тех, которые приедут из Тобольска вместе с остальными членами Государевой Семьи. <...> 9/22 мая прибыли в Екатеринбург и остальные члены Государевой Семьи. <...> При мне*

[1] Дневники Императора Николая II. С. 680.
[2] Россiйскiй Архивъ. С. 143.
[3] Дневники Императора Николая II. С. 680.

из числа служителей вместе с Царскими Детьми прибыли в дом старший повар Иван Михайлович Харитонов и помощник повара, мальчик Леонид Ив. Седнев, племянник И.Д. Седнева. Остальных прибывших с Семьей лиц я не видел».[1]

Странно, если Государь принял решение о замене Чемодурова в конце апреля и разговаривал об этом с Авдеевым, то почему в апрельских дневниковых записях об этом нет ни слова? Из показаний Чемодурова также видно, что решение взять в качестве камердинера Труппа была принято не Царем, а его тюремщиками. Почему же пунктуальный Николай II ни слова не говорит об этом, а пишет о выборе Труппа как о своем решении и только 11/24 мая?

Непонятно также, почему, если охрана Ипатьевского дома знала заранее, что Трупп должен сменить Чемодурова, первого допустили в дом спустя сутки, а не сразу?

Камердинер А.А. Волков вспоминал, что с вокзала его, Татищева, Гендрикову, Шнейдер, Харитонова, Нагорного, Труппа и маленького Седнева на разных экипажах повезли в неизвестном ему направлении и возле какого-то дома экипажи остановились. «*Дом этот,* — пишет Волков, — *был обнесен высоким забором. Это обстоятельство навело меня на мысль о том, что здесь заключена Царская Семья. Я ехал на переднем экипаже, один. Подъехали к дому, чего-то ожидаем. Никто из него не выходит и не приглашает сходить. Высадили только Харитонова и Седнева. Всех остальных повезли куда-то дальше*».[2]

Волоков вскоре выяснил, куда его привезли: это была екатеринбургская тюрьма. Здесь он провел два с лишним месяца, пока не был отправлен в Пермь, где чудом избежал расстрела.

Вместе с Волковым в тюрьме оказались граф Татищев, графиня Гендрикова, Шнейдер. На следующий день туда же был доставлен из Ипатьевского дома и Чемодуров. Но матроса Нагорного и лакея Труппа в тюрьме не было. Где же они находились?

Примечательно, что и комендант Дома Особого Назначения Авдеев не сообщает ничего существенного по этому событию: «*Вместе с указанными членами семьи в дом были допущены повар Харитонов, его помощник, мальчик-поваренок, слуги Седнев и Трупп, и на несколько дней матрос Нагорный*».[3]

Интересно, что Авдеев ни словом не обмолвился о том, что Николай II просил его о замене Чемодурова на Труппа, но при этом сообщает, что Нагорный был допущен в дом «*на несколько дней*». Почему на несколько

---

[1] Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 63.
[2] *Волков А.А.* Указ. соч. С. 85.
[3] Последние дни Романовых. С. 96.

дней? Зачем вообще допускали его в дом, если знали, что через «несколько дней» его оттуда заберут и вместе с Седневым расстреляют в июне 1918 года?

Наконец, весьма странным является характер записей в книге дежурств охраны по Дому Особого Назначения. Записи в журнале велись по новому стилю с 13 мая по 12 июля 1918 года. Велись они четко и аккуратно день за днем. Только в двух местах люди, которые вели дневник, сбились. Это произошло после записей 25 и 31 мая, то есть предположительного времени прибытия Нагорного и Труппа в дом Ипатьева и увоза из него Нагорного и Седнева. Записи, касающиеся прибытия Нагорного и Труппа, идут неожиданно после 31 мая и помечены числом 24 мая. Вот их текст: «*24 мая. Нагорный Клементий Григорьев в Доме Особого Назначения при быв. царе Николае Романове, служащий при Алексее Николаевиче, 32 года, имеет при себе деньги четыреста восемьдесят девять (489) рублей.*

24 мая. Трупп Алексей Егорович в Дом Особого Назначения прибыл из Тобольска совм. с семьей б. царя, лакей, 61 год. Имеет при себе деньги сто четыре рубля (104) руб. Найдено при обыске 310 рублей (триста десять)».[1]

Почему запись в журнале за 24 мая появляется после 31-го? Здесь может быть несколько вариантов: 1) люди, стоявшие в карауле и ведшие журнал за 24 мая, забыли внести в журнал сведения о двух новых прибывших и сделали это через несколько дней, 2) кто-то запретил караульным вносить записи о прибытии Нагорного и Труппа за 24 мая и приказал им это сделать это позднее, наконец, 3) Нагорный и Трупп прибыли в Ипатьевский дом не 24 мая, а позже — не ранее 31 мая, но кто-то приказал караульным произвести запись, отметив ее 24 маем.

Безусловно, караульные, которые столь тщательно вели журнал, не могли оставить без внимания прибытие двух новых узников. Вспомним так же, что и Чемодуров показывал, что ни Труппа, ни Нагорного он 24 мая в Ипатьевском доме не видел. Однако он их видеть и не мог, так как покинул Ипатьевский дом до их появления. Правда, камердинер Волков в своих показаниях следствию от 23 августа 1919 года утверждал, что «*Чемодуров говорил, что 10 мая в дом Ипатьева был привезен Нагорный и должен был вместо него привезен Трупп*».[2]

Получается, что Нагорный был привезен раньше Труппа, и Чемодуров успел его увидеть, а Труппа — нет. Причем произошло этого 10/23 мая, а не 11/24-го.

Но из дневников Императора Николая II и Императрицы Александры Федоровны следует, что Нагорный и Трупп были доставлены в Ипатьев-

---

[1] *Алексеев В.* Указ. соч. С. 88.

[2] Гибель Царской Семьи, материалы следствия. С. 452.

ский дом вместе. Николай II писал: «*Только вечером дали ему* (т. е. А.Е. Труппу – *П.М.*) *войти и Нагорному, и полтора часа их допрашивали и обыскивали у коменданта в комнате*».[1]

То же самое отражено и в дневниках Императрицы: «*11 (24) май. Чемодуров ушел, так как плохо себя чувствовал. Его совершенно раздели и обыскали, прежде чем он ушел из дома. После ужина пришли Нагорный и Трупп — два часа допрашивали и обыскивали*».[2]

Казалось бы появление Нагорного и Труппа 24 мая полностью доказано Августейшими дневниками. Но тем не менее имеются документы, противоречащие им. Это все тот же журнал дежурств по ДОНу. 28 мая один караульный при сдаче поста другому оставил следующую запись: «*Находящихся в Доме Особ. Назначения лиц в количестве 12 человек сдал*».[3]

На 28 мая 1918 года в доме Ипатьева, если исходить из того, что Нагорный и Трупп прибыли в него 24 мая, находилось не 12, а 14 человек: 1. Император Николай II, 2. Императрица Александра Федоровна, 3. Цесаревич Алексей Николаевич, 4. Великая Княжна Ольга Николаевна, 5. Великая Княжна Татьяна Николаевна, 6. Великая Княжна Мария Николаевна, 7. Великая Княжна Анастасия Николаевна, 8. Боткин, 9. Трупп, 10. Нагорный, 11. Харитонов, 12. Седнев, 13. Л. Седнев, 14. Демидова.

Итак, получается 14 человек. Хотя И.Ф. Плотников почему-то пишет: «*23–24 мая в доме оказались еще 4 члена Семьи Романовых, а также Харитонов, Л. Седнев, Нагорный и Трупп, заменивший Чемодурова. Всего оказалось 12 человек — 7 членов Семьи Романовых и 5 бывших придворных*».[4]

Как-то странно считает И.Ф. Плотников! Он почему-то упоминает Л. Седнева, но не упоминает его дядю И. Седнева, который, после Боткина и Демидовой, и является 7-м «бывшим придворным».

Но если мы исключим из этого списка Нагорного и Труппа, как прибывших в Ипатьевский дом позднее 24 мая, то все становится на свои места и запись караульного точно отражает число заключенных на 28 мая: 12 человек.

Ситуация вокруг даты вывоза из Ипатьевского дома Нагорного и Седнева не менее запутана. Император Николай II в своих дневниках пишет следующее: «*14 мая. Понедельник. После чаю Седнева и Нагорного вызвали для допроса в обл. совет. <...> Часовой под нашими окнами выстрелил в наш дом, потому что ему показалось, будто кто-то шевелится у ок-*

---

[1] Дневники Императора Николая II. С. 680.

[2] Последние дневники Императрицы Александры Федоровны. С. 221.

[3] *Алексеев В.* Указ. соч. С. 88.

[4] *Плотников И.Ф.* Указ. соч. С. 86.

на (после 10 час. вечера) — по-моему, просто баловался с винтовкой, как всегда часовые делают».[1]

Вместо «вызова на допрос» Нагорный и Седнев были помещены в тюрьму и вскоре расстреляны.

14 мая по Юлианскому календарю соответствовало в 1918 году 27 мая по Григорианскому. Если мы обратимся к записям в журнале охраны, то обнаружим, что запись от 27 мая в журнале отсутствует, а эпизод с часовым в журнале приводится в записи от 3 июня: «*На посту № 9 часовой Добрынин нечаянно выстрелил, ставя затвор на предохранитель, пуля прошла в потолок и застряла, не причинив никакого вреда*».[2]

Таким образом, между дневником Царя и журналом караульных имеются существенные разночтения. Вполне возможно, что дневники Государя и Государыни были тонко фальсифицированы, в том смысле, что была изменена точная дата прибытия Нагорного и Труппа. Но здесь возникает вопрос: а зачем и кому понадобилась столь изощренная фальсификация в таком, на первый взгляд, несущественном моменте? В самом деле, какая разница, когда прибыли Нагорный и Трупп в Ипатьевский дом? Попробуем ответить на этот вопрос несколько позднее. Здесь же только скажем: главная причина во всей этих пертурбациях заключалась в цифре 12.

Вся остальная свита и прислуга, прибывшая из Тобольска в Екатеринбург, к Царской Семье допущена не была. Родионов, обращаясь к Эрсберг, сказал: «*Ну, через полчаса и ваша судьба решится, только ничего страшного не бойтесь*». Действительно, через некоторое время оставшимся было заявлено, что они не имеют права оставаться в Екатеринбурге и должны покинуть город. Примечательно, что слова Родионова, сказанные Эрсберг, полностью совпадают с его же словами, сказанные Татьяне Боткиной еще в Тобольске в пересказе ее брата Глеба, смысл которых заключался в том, что никому лишнему в Екатеринбург проехать не дадут и что они дальше екатеринбургского вокзала не двинутся.

Между тем в Ипатьевском доме произошла долгожданная встреча Родителей и Детей. «*Утром нам в течение одного часа,* — записал Государь в дневник 10/23 мая, — *последовательно объявили, что дети в нескольких часах от города, затем, что они проехали на станцию и, наконец, что они прибыли к дому, что их поезд стоял здесь около 2 час. ночи! Огромная радость была увидеть их снова и обнять после четырех недельной разлуки и неопределенности. Взаимным расспросам и ответам не*

[1] Дневники Императора Николая II. С. 681.
[2] *Алексеев В.* Указ. соч. С. 89.

было конца. Много они, бедные, претерпели нравственного страдания и в Тобольске, и в течение трехдневного пути».[1]

По дороге Наследник Цесаревич ушиб колено, и у него начались сильные боли. Царь писал в дневнике, что Наследник «*всю ночь сильно страдал и мешал нам спать*».

Вообще состояние здоровья Наследника Цесаревича Алексея Николаевича в Екатеринбурге начало ухудшаться: сказывалось отсутствие необходимого медицинского ухода и нехватка свежего воздуха, так как прогулки были не каждодневными и непродолжительными. Кроме того, к Наследнику не был допущен Пьер Жильяр, который умел облегчать страдания Цесаревича. Вся тяжесть ухода за тяжело больным ребенком легла на плечи престарелого доктора Боткина и дядьку Нагорного.

Обеспокоенный состоянием здоровья Наследника, доктор Боткин написал в Екатеринбургский исполком следующее письмо: «*Как врач, уже в течение десяти лет наблюдающий за здоровьем семьи Романовых, находящейся в настоящее время в ведении исполнительного комитета, вообще и, в частности, Алексея Николаевича, обращаюсь к Вам, г-н Председатель, со следующей усерднейшей просьбой. Алексей Николаевич подвержен страданиям суставов под влиянием ушибов, совершенно неизбежных у мальчиков его возраста, сопровождающимися выпотеванием в них жидкости и жесточайшими вследствие этого болями. День и ночь в таких случаях мальчик так невыразимо страдает, что никто из ближайших родных его, не говоря уже о хронически больной сердцем матери его, не жалеющей себя для него, не в силах долго выдерживать ухода за ним. Моих угасающих сил тоже не хватает*».[2]

Боткин просил власти допустить Жильяра в Ипатьевский дом, чтобы он мог помочь ему в уходе за больным Наследником. На письме Боткина была наложена резолюция Авдеева: «*Просмотрев настоящую просьбу доктора Боткина, считаю, что из этих слуг один является лишним, т.е. дети все являются взрослыми и могут следить за больным, а потому предлагаю председателю областкома немедля поставить на вид этим зарвавшимся господам ихнее положение*».[3]

Белобородов согласился с авдеевской резолюцией: большевики не только не позволили Жильяру соединиться с Царской Семьей, но и навсегда забрали от нее Нагорного.

Привезенные из Тобольска кровати по «странным» обстоятельствам не привезли с вокзала в Ипатьевский дом, а бывших в доме постелей не хватало на всех Узников, и поэтому Великие Княжны были вынуждены спать

---

[1] Дневники Императора Николая II. С. 680.
[2] *Крылов А.* Последний лейб-медик. М., 1998. С. 123.
[3] *Кузнецов В.В.* Тайна пятой печати. СПб.: Сатисъ, 2002. С. 518.

первые ночи на полу. 13/26 мая Николай II и Авдеев осматривали содержимое привезенных из Тобольска сундуков. Вскоре со стороны охраны началось расхищение этого содержимого.

Глава 2
Охрана Дома Особого Назначения

Имеется довольно распространенное мнение, что состав и характер охраны «Дома Особого Назначения» при коменданте Авдееве и коменданте Юровском резко отличались. Авдеев де и его люди стали сочувствовать Царской Семье и поэтому большевистские власти заменили его на хладнокровного палача Юровского. Однако, как мы увидим ниже, это не совсем так, и состав охраны начинал меняться еще при Авдееве, хотя коренного отличия между «авдеевским» составом охраны и составом «Юровского» не было вплоть до самого убийства. Совершенно новые люди появляются в самом преддверии 17 июля.

Комендант Авдеев

Александр Дмитриевич Авдеев родился близ Челябинска в 1887 году в семье старателя. Получил профессию слесаря. В 1912 году примкнул к большевикам и был участником их подрывной деятельности. Однако сам Авдеев ничего выдающегося из себя не представлял и мог быть только посредственным исполнителем. Следователь Соколов дал меткую характеристику Авдееву: «*Авдеев — самый яркий представитель отбросов рабочей среды: типичный митинговый крикун, крайне бестолковый, глубоко невежественный, пьяница и вор*».[1]

Перед большевистским переворотом Авдеев работал на фабрике Злоказова. Как только большевики взяли власть, Авдеев лично отвез хозяина в тюрьму и стал главным заправилой на его фабрике. Собственно говоря, именно возможность безнаказанного присвоения чужого имущества, вседозволенность и упоение внешними проявлениями власти и были главной причиной, приведшей Авдеева в стан большевиков. Один из рабочих злоказовской фабрики А. Якимов, которому следствием Соколова было предъявлено обвинение в соучастии в убийстве Царской Семьи, рассказывал об Авдееве: «*Авдеев был большевик самый настоящий. Он считал, что настоящую хорошую жизнь дали они, большевики. Он много раз говорил, что большевики уничтожили богачей-буржуев, отняли власть у Нико-*

[1] *Соколов Н.А.* Убийство Царской Семьи. С. 158.

лая "кровавого" и т.п. Постоянно он терся в городе с заправилами из областного совета».[1]

Рвение Авдеева было замечено, и екатеринбургское большевистское руководство решило привлечь его к вывозу Царя из Тобольска. Однако при этом он рассматривался исключительно как исполнитель и подчиненный Яковлева. Яковлев много писал о том, как Авдеев пытался ему противодействовать, мешал и так далее. Однако объективные источники рисуют несколько иную картину. Авдеев был трусоват, и, попав в такую опасную со всех точек зрения историю, как вывоз Царя из Тобольска, пытался изо всех сил угодить Яковлеву. Вспомним, что Яковлев в телеграмме Свердлову, говоря об опасности оставления Царя в руках екатеринбуржцев, опирается на аналогичное мнение Гусева и Авдеева. Последний не понимал вообще сути происходящего: куда везут Царя, зачем, с какой целью? Вполне возможно, что в голове Авдеева мелькала мысль о том, что Императора везут вернуть ему престол. Доходившие до него слухи лишь подтверждали подобные догадки. В этой ситуации Авдеев, безусловно, вел себя по меньшей мере осторожно по отношению к Царю и Царице.

Но зато в Екатеринбурге, когда выяснилось, что никто восстанавливать Николая II на престоле не собирается, а наоборот он и его Семья будут содержаться в Екатеринбурге как арестанты, Авдеев принял на себя личину революционера. Однако опять-таки эта личина одевалась на революционных митингах и пьянках с рабочими-охранниками, а в стенах Ипатьевского дома Авдеев был трусовато-нейтрален. Осложняя, как только возможно, жизнь Царской Семьи, Авдеев одновременно старался на всякий случай особо не обострять отношений с Узникам дома Ипатьева. «*Александр Дмитриевич Авдеев,* — показывал Чемодуров, — *человек лет 35–40, блондин с маленькими усами и бритой бородой; одет был в рубаху защитного цвета, шаровары, высокие сапоги и носил при себе казацкую шашку; почти постоянно он был пьян или навеселе; не могу сказать, чтобы он лично оскорблял или стеснял Государя и членов его Семьи, но в тоже время и не шел навстречу, в смысле удовлетворения тех или иных нужд домашнего обихода»*.[2]

Когда Авдеев был окончательно назначен комендантом Дома Особого Назначения, то помощником он назначил своего друга по Злоказовской фабрике рабочего А.М. Мошкина.

Как относился комендант Авдеев к заключенной Царской Семье? Безусловно, сведения о том, что пьяный Авдеев во время обеда ударил Государя по лицу локтем, лез своей ложкой ему в тарелку, что он пьяный вваливался в комнаты Царя и Царицы, пытался сорвать крестик с шеи На-

---

[1] *Соколов Н.А.* Убийство Царской Семьи. С. 159.
[2] Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 62.

следника Цесаревича, следует считать большим преувеличением. Все эти свидетельства основываются на словах Чемодурова, который при этом, как мы видели выше, одновременно утверждал, что Авдеев лично не стеснял и не оскорблял Государя.

Из дневниковых записей Николая II видно, что его отношения с Авдеевым были спокойно-нейтральными. Как верно пишет С.П. Мельгунов: «*Авдеев, занимавший крайнюю революционную позицию в воспоминаниях, в действительности придерживался тактики компромисса*».[1]

Когда Император узнал, что Авдеева сменил Юровский по причине краж царского имущества, Николай II записал в дневник: «*Жаль Авдеева, но он виноват в том, что не удержал своих людей от воровства из сундуков в сарае*».[2]

Безусловно, если бы Авдеев допускал в отношении Государя и членов его Семьи описанные выше выходки, то Император никогда бы не высказал сожаления в его адрес.

Но внешняя «нейтральность» Авдеева в отношении Царской Семьи вовсе не означает, что первый комендант Ипатьевского дома сочувствовал ей. Нет, Авдеев изо всех сил старался воплощать в жизнь «тюремный режим», постоянно выступал на митингах и собраниях, где настраивал рабочих против Царя. «*Про Царя,* — показывал на допросе обвиняемый А.А. Якимов, — *он тогда говорил со злобой. Он ругал его, как только мог, и называл не иначе, как "кровавый", "кровопийца". <...> Вообще он говорил то, что везде говорили большевики. Из его слов можно было понять, что за эту его заслугу перед революцией, т. е. за то, что он не допустил Яковлева увезти Царя, его и назначили комендантом Дома Особого Назначения. И, как видно было, этим своим назначением Авдеев был очень доволен. Он был такой радостный, когда говорил на митинге рабочим: "Я вас всех свожу в дом и покажу вам Царя". Если, бывало, в отсутствии Авдеева кто-нибудь из Царской Семьи обращался с какой-либо просьбой к Мошкину, тот всегда говорил, что надо подождать возвращения Авдеева. Когда же Авдеев приходил и Мошкин передавал ему просьбу, у Авдеева был ответ: "Ну их к черту!" Возвращаясь из комнат, где жила Царская Семья, Авдеев, бывало, говорил, что его просили о чем-либо, а он отказал. Он об этом радостно говорил. Например, я помню, его просили разрешить открывать окна, и он, рассказывая об этом, говорил, что он отказал в этой просьбе*».[3]

Примечательно, однако, что, постоянно высказывая свою ненависть к Царю, Авдеев продолжал оставаться тем, кем он был: серым недалеким

---

[1] *Мельгунов С.П.* Судьба Императора Николая II после отречения. С. 376.
[2] Дневники Императора Николая II. С. 683.
[3] *Соколов Н.А.* Убийство Царской Семьи. С. 160.

человеком, и эти качества выдавали его с головой. Главной радостью Авдеева было не то обстоятельство, что Царь арестован, а то, что именно он, простой рабочий Авдеев, поставлен его стеречь. Авдеев упивался своей властью над Николаем II именно как над Царем. При этом он продолжал воспринимать его как Царя: «*Я вас всех свожу в дом и покажу вам Царя*».

Обвиняемый Якимов свидетельствовал: «*Авдеев был пьяница, грубый и неразвитый, душа у него была недобрая. Авдеев любил пьянство и пил всегда, где только можно было. Пил он дрожжевую гущу, которую доставал на Злоказовском заводе. С ними пили и его приближенные. Пил он и здесь, в доме Ипатьева. Когда последние переселились в дом Ипатьева, они стали воровать Царские вещи*».[1]

Как была сформирована охрана Дома Особого Назначения? Этот вопрос казалось бы довольно широко освещен в имеющейся по делу об убийстве Царской Семьи литературе. Но это касается в основном периода, начавшегося приблизительно во второй половине мая 1918 года, когда были сформированы отряды из сысертских и злоказовских рабочих. А кто же охранял Царскую Семью до этого? И.Ф. Плотников пишет: «*Первоначально, в спешке, Ш.И. Голощекину и А.Г. Белобородову не удалось сформировать постоянной охраны дома и на дежурство в распоряжение коменданта направлялись различные группы красноармейцев гарнизона*».[2]

Мы еще не раз позволим себе усомниться в «спешке» Голощекина и Белобородова. Но не вызывает сомнения то обстоятельство, что состав и характер первой охраны Ипатьевского дома резко отличался от последующих. Белобородов указывал, что «*в карауле стояли какие-то прапорщики, которых пришлось через несколько часов сменить*».

Охранник из числа сысерстких рабочих М. Летемин на допросе показал: «*До нашего прибытия в Екатеринбург дом Ипатьева охранялся, кажется, красноармейцами, но их почему-то признали негодными для охраны*».[3]

Странно, почему Голощекину понадобилось заменять дисциплинированные регулярные части Красной Армии на ораву люмпенов, не обладающую никакими навыками несения караульной службы?

Частичный ответ на этот вопрос может дать характер «красноармейской» охраны, несшей службу по охране Дома Особого Назначения в первые недели мая 1918 года. В дневнике за 25 апреля/8 мая Императора Николая II мы находим весьма интересные строки: «*Сегодня заступил караул, оригинальный и по свойству, и по одежде. В составе его было несколько бывших офицеров, и большинство солдат были латыши, одетые в раз-*

[1] Гибель Царской Семьи Материалы следствия. С. 336.
[2] *Плотников И.Ф.* Указ. соч. С. 88.
[3] Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 108.

ные куртки, со всевозможными головными уборами. Офицеры стояли на часах с шашками при себе и с винтовками. Когда мы вышли гулять, все свободные солдаты тоже пришли в садик смотреть на нас; они разговаривали по-своему, ходили и возились между собой. До обеда я долго разговаривал с бывшим офицером, уроженцем Забайкалья; он рассказывал о многом интересном, так же как и маленький караульный начальник, стоявший тут же; этот был родом из Риги».[1]

Обратим внимание: свергнутого Царя охраняют бывшие офицеры Императорской армии и латышские стрелки! Мы помним инструкцию по ДОНу, запрещающую караульным вступать в какие-либо переговоры с Заключенными, а здесь бывшие офицеры не только отвечают на вопросы свергнутого Императора, но и ведут с ним часовую беседу в самых предупредительных тонах! Очевидно, что этот караул не мог быть караулом Голощекина или Белобородова. Это был караул, с которым они, при определенных обстоятельствах, были вынуждены мириться. Примечательно, что этот караул нес службу в доме Ипатьева до 2/15 мая, состоял из бывших фронтовиков и был неизменно, по словам Царя, предупредительным. 2/15 мая этот отряд был полностью заменен, и Николай II пишет в своем дневнике: «*Ни одного лишнего солдата в саду не было. Караульный начальник с нами не разговаривал, т.к. все время кто-нибудь из комиссаров находился в саду и следил за нами, за ним и часовыми!*»[2]

Отметим, что 2/15 мая стало днем резкого ухудшения режима содержания Царской Семьи: окна в доме были замазаны белой краской, их было запрещено открывать для проветривания, а прогулки были сокращены на час.

Примечательно, что в те дни большевистское руководство Екатеринбурга мало доверяет Авдееву, осуществляет постоянные инспекции Ипатьевского дома, а сам Авдеев вовсе не является полновластным комендантом ДОНа, коменданты сменяются один за другим вплоть до середины мая. Так, 11 мая временным комендантом ДОНа приказом Белобородова был назначен А.А. Бабич, который однако по непонятным причинам так и не вступил в должность.[3] Лишь во второй половине мая Авдеев становится постоянным комендантом Дома Особого Назначения и начинает набирать свою команду.[4]

Все это не может не привести к выводу, что отсутствие с первых дней постоянной охраны ДОНа было вызвано не «спешкой» Голощекина и Белоборо-

---

[1] Дневники Императора Николая II. С. 677.
[2] Там же. С. 678.
[3] *Авдонин А.Н.* Дело жизни судебного следователя Николая Соколова. Екатеринбург, 2000. С. 79.
[4] *Плотников И.Ф.* Указ. соч. С. 91.

дова, а тем, что имелись какие-то обстоятельства, не дававшие им поставить сразу же своих людей. В чем могли заключаться эти обстоятельства? Первое, что приходит на ум, это то, что отряд из бывших офицеров и дисциплинированных латышей предназначался для немцев, в том случае, если бы они решили провести проверку содержания Царской Семьи. Когда же надобность в этом отпала, и стало ясно, что немцы готовы дать большевикам «карт-бланш», Голощекин и Белобородов, выполняя указание Свердлова, полностью заменяют охрану Ипатьевского дома.

Новый состав охраны набирался Мрачковским и Авдеевым. Охрана была набрана Мрачковским из рабочих Сысерсткого завода (30 человек) и Авдеевым из рабочих злоказовской фабрики (16 человек). Охрана делилась на внешнюю и внутреннюю. Внешнюю охрану ДОНа несли сысертские рабочие, внутреннюю — злоказовские. Соколов писал о характере этих рабочих: «*Фабрика братьев Злоказовых работала во время войны на оборону: изготовляла снаряды. Работа на фабрике избавляла от фронта. Сюда шел самый опасный элемент, преступный по типу: дезертир. Он сразу всплыл на поверхность в дни смуты, а после большевистского переворота создал его живую силу*».[1]

Многие из этих рабочих имели уголовное прошлое. Так, охранник Иван Клещев был с детских лет замечен в кражах, охранник Михаил Летемин был осужден за растление малолетней девочки.

Главной причиной, по которой рабочие фабрики пошли в охрану ДОНа, без сомнения стало высокое денежное довольствие. «*Главная цель*, — показывал Якимов, — *у них, как я думаю, была в деньгах. За пребывание в Доме Особого Назначения они получали особое содержание из расчета 400 рублей в месяц за вычетом кормовых. Кроме того они и на фабрике получали жалование как состоящие в фабричном комитете или деловом совете*».[2]

Первоначально, в первые дни прибытия Царя, Царицы и Великой Княжны Марии Николаевны, охрана находилась вместе с ними на втором этаже. Потом ее перевели вниз, на первый этаж, а затем для нее был выделен находившийся напротив дом Попова. На нижнем этаже осталась только комендантская, а затем Юровский поместил туда же уже им набранную внутреннюю охрану.

Отношение внутренней и внешней охраны к арестованной Царской Семье было разным. Если внешняя охрана в целом не выходила за рамки приличия, а со стороны некоторых охранников даже ощущалось сочувствие к Царской Семье, то внутренняя являла себя во всей «революционной красе». Стены дома были испещрены нецензурными надписями, карауль-

---

[1] *Соколов Н.А.* Убийство Царской Семьи. С. 158.
[2] Там же. С. 160.

ные часто злоупотребляли спиртным и горланили революционные песни. Один из внутренних постов был установлен рядом с уборной, поэтому Узники, направляясь в уборную, были вынуждены видеть стоящего рядом часового. Особенно это было тяжело для Великих Княжон, в отношении которых охранники иногда отпускали скабрезные шутки. Особенно безобразничал Вениамин (Файка) Сафонов. Обвиняемый Ф.П. Проскуряков показывал: «*Файка Сафонов стал сильно безобразничать. Уборная в доме была одна, куда ходила вся Царская Семья. Вот около этой уборной Файка стал писать разные нехорошие слова. Андрей Стрекотин в нижних комнатах начал разные безобразные изображения рисовать. В этом принимал участие и Беломолин: смеялся и учил Стрекотина, как лучше надо рисовать*».[1]

Но чем больше авдеевская охрана соприкасалась с Царственными Узниками, тем более у многих из ее числа просыпалась совесть и сочувствие к ним. Как показывал обвиняемый Якимов: «*Я никогда, ни одного раза не говорил ни с Царем, ни с кем-либо из его Семьи. Я с ними только встречался. Встречи были молчаливые. Однако эти молчаливые встречи с ними не прошли для меня бесследно. У меня создалось в душе представление от них ото всех. <...> От моих прежних мыслей про Царя, с какими я шел в охрану, ничего не осталось. Как я их своими глазами поглядел несколько раз, я стал душой к ним относится совсем по-другому: мне стало их жалко. Часовые к б. Государю относились хорошо, жалеючи, некоторое даже говорили, что напрасно человека томят*».[2]

В. Криворотов приводит в своей книге следующий эпизод: «*Государыня с сыном и Леней Седневым осталась внизу во дворе почти час. Алексей чувствовал себя почти совсем хорошо. Один из солдат внешней охраны, стоявший постовым перед калиткой во дворе, оглянулся кругом, поставил свою винтовку и несколько раз помог Наследнику подняться из коляски на ноги и шагнуть несколько шагов. Когда на лестнице послышались шаги, он быстро подхватил мальчика на руки, посадил его в коляску и, схватив винтовку, стал, как ни в чем не бывало у калитки: "Спасибо, солдатик! Бог вам этого не забудет!", — тихо проронила Царица*».[3]

Безусловно, что подобное сочувствие и внутреннее ощущение своего участия в черном и постыдном деле посещали не только рабочих-охранников, но и их начальство в лице Авдеева и Мошкина. Однажды после обеда А.Е. Трупп протянул Государю пакетик с табаком со словами: «*Ваше Величество, этот табак дал мне Мошкин для Вас. Он*

[1] Гибель Царской Семьи, материалы следствия. С. 275.
[2] *Соколов Н.А.* Убийство Царской Семьи. С. 180.
[3] *Криворотов В.* Указ. соч. С. 192.

сказал мне, что эта передача из монастыря и что о ней для Вас просил Авдеев».

Николай II на это сказал Труппу: «*Передайте, Трупп, от меня обоим большое спасибо и мою радость, что они оба нашли, наконец, самих себя*».[1]

Вышесказанное подтверждается показаниями послушниц Новотихвинского монастыря Антонины (Трикиной А.В.) и Марии (Крохаловой М.Л.). Трикина на допросе показала: «*Как-то сам Авдеев сказал нам, что Император нуждается в табаке и просит прислать ему табак. Так он и сказал тогда — "Император". Мы и табаку доставали и носили*».[2]

Показания Крохаловой: «*Мы стали носить сливки, сливочное масло, редис, огурцы, ботвинью, разные печенья, иногда мясо, колбасу, хлеб. Все это брал у нас или Авдеев или его помощник. Очень хорошо к нам Авдеев и его помощник относились*».[3]

Несмотря на свою революционную «сознательность» Авдеев и его внутренняя охрана с каждым днем становились все менее и менее надежными для Свердлова и Голощекина и тем более непригодными для подготовляемого последними убийства Царской Семьи. Неслучайно, как утверждает И.Ф. Плотников, по свидетельствам близких Авдеева, тот, узнав об убийстве Царской Семьи, сокрушался.[4] Юровский в 1934 году в беседе со старыми большевиками рассказывал: «*Насколько разложение дошло далеко, показывает следующий случай: Авдеев, обращаясь к Николаю называет его — Николай Александрович. Тот ему предлагает папиросу, Авдеев берет, оба закуривают и это сразу показало мне "простоту нравов"*».[5] Именно этой «*простотой нравов*», установившейся между Царем и Авдеевым, в первую очередь и объясняется замена Авдеева и его команды на Юровского и его людей. «*Нет сомнений*, — пишет Н.А. Соколов, — *общение с Царем и его Семьей что-то пробудило в пьяной душе Авдеева и его товарищей. Это было замечено. Их выгнали, а все остальных отстранили от внутренней охраны*».[6]

Комендант Юровский

Официальной причиной снятия Авдеева и Мошкина стали «их моральное разложение», выразившееся в пьянстве и воровстве царских вещей. Сам Юровский говорил об этом: «*Мое назначение комендантом в Дом Особо-*

---

[1] *Криворотов В.* Указ. соч. С. 205.
[2] Гибель Царской Семьи, материалы следствия. С. 392.
[3] Там же. С. 393.
[4] *Плотников И.Ф.* Указ. соч. С. 91.
[5] Россиійскій Архивъ. С. 423.
[6] *Соколов Н.А.* Убийство Царской Семьи. С. 180.

го Назначения было вызвано, как я думаю, во-первых, разложением коменданта, ближайших помощников, что не могло не сказаться и сказалось на охране внешней и внутренней в особенности. Проявилось разложение в пьянстве, растаскивании вещей и т.д., а отсюда — ослабление нужной бдительности. Авдеев и другие были арестованы и преданы суду, потом решили, чтобы люди искупили вину на фронте рядовыми бойцами (кара ожидалась вначале очень суровая в отношении их)».[1]

Однако выше мы уже убедились, насколько эта причина была надуманной. Обвиняемый Ф. Проскуряков вообще заявил на допросе, что борьбу с кражами будто бы начал сам Авдеев: «*Приблизительно в самых последних числах июня или в первых числах июля месяца Авдеев арестовал Мошкина за то, что он украл что-то из царских вещей, кажется, какой-то золотой крестик».*[2]

Тем не менее очевидно, что Авдеев и Мошкин были сняты Белобородовым по приказанию из Москвы. Немедленно после смещения бывшего коменданта и его помощника в Москву полетела следующая телеграмма: «*Москва. Председателю ЦИК Свердлову для Голощекина. Сыромолотов как раз поехал для организации дела согласно указаниям центра. Опасения напрасны. Авдеев сменен его помощник Мошкин арестован вместо Авдеева Юровский внутренний караул весь сменен заменяется другими. Белобородов».*[3]

Напомним, что 4 июля (по так называемому «новому стилю») 1918 года Голощекин находился в Москве, официально для участия в работе Всероссийского Съезда Советов. На самом деле именно тогда он совместно со Свердловым активно добивается согласия Ленина на убийство Царской Семьи и, получив от того отказ, в свою очередь, получает от Свердлова тайные указания об организации злодеяния.

В 1993 году в Москве вышла книга «Расследование цареубийства». Написали ее два заслуженных юриста РФ В.И. Прищеп и А.Н. Александров. В этой книге два заслуженных российских юриста как могут разносят методы и профессионализм русского следователя Н.А. Соколова. Он де был и политически предвзят, и не знал советской действительности, и не умел искать улики. Следует сказать, что уничижительное отношение к Соколову свойственно всем открывателям «Екатеринбургских останков». Действительно, что это был за следователь, что месяцами напролет копал землю возле Ганиной Ямы, а посмотреть под мостик из шпал не додумался!

---

[1] РГАСПИ, ф. 588. Оп. 3с, д.10 (Совещание старых большевиков по вопросу пребывания Романовых на Урале).
[2] Гибель Царской Семьи, материалы следствия. С. 272.
[3] *Прищеп В.И., Александров А.Н.* Расследование цареубийства. Секретные документы. М., 1993. С. 206.

Тем не менее мы все-таки послушаем, что думал по поводу телеграммы в Москву следователь Соколов, а потом выслушаем комментарии Прищепа с Александровым и сами сделаем вывод, настолько ли Соколов не знал советской действительности, а заодно установим, насколько добросовестны российские заслуженные юристы.

Вот что пишет по поводу телеграммы Соколов: «*Когда Яков Юровский внедрился в дом Ипатьева, Шая Голощекин отсутствовал из Екатеринбурга. Он в это время находился в Москве и жил на квартире у Свердлова.*

Но Белобородов в тот же день сообщил ему телеграфно о происшедшей в доме Ипатьева перемене. Телеграмма Белобородова имела следующее содержание: Москва. Председателю ЦИК Свердлову для Голощекина. Авдеев сменен его помощник Мошкин арестован вместо Авдеева Юровский внутренний караул весь сменен заменяется другими. Белобородов».[1]

Как мы видим, Соколов опускает первую часть телеграммы и пишет в сноске: «*Первая часть телеграммы не имеет значения для дела. Точно установлено, что в ней идет речь о вывозе денег из Екатеринбурга в Пермь, куда для этой цели и ездил комиссар финансов Сыромолотов*».

Теперь послушаем, что пишут Прищеп с Александровым. Они приводят текст телеграммы полностью, с упоминанием поездки Сыромолотова в Пермь, то есть приводят и ту часть телеграммы, которая у Соколова опущена, а затем делают следующие выводы: «*Плохо знавший советскую действительность Соколов посчитал такое написание адреса* (Москва. Председателю ЦИК Свердлову, для Голощекина – *П.М.*) *доказательством проживания Голощекина на квартире у Свердлова. На самом деле направление телеграммы делегату съезда через председателя исполнительного комитета совершенно естественно.*

Перейдем к содержанию телеграммы. Причина поиска в ней затаенного смысла советскими исследователями новейшего времени понятна. За долгие годы двойной морали они привыкли искать подлинное содержание между строк официальных документов. Но почему следователь Соколов тоже видел в тексте больше, чем он означал? Да потому, что в его глазах большевики были агентурной сетью Германии, а в такой сети решение любого вопроса принадлежало бы не агентам на местах, а центральной резидентуре. Профессиональный следственный и судебный подход прагматичнее политического. Текст телеграммы следует читать и понимать в простом буквальном смысле слова. Первая часть телеграммы однозначно относилась к проблемам Петроградской городской казны, запасов золота и платины, вывезенных в Пермь. Ими занимались от Уралсовета комиссар финансов Сыромолотов, от Совнаркома — его секретарь Горбунов. Вторая часть телеграммы сообщает адресату решения: — вопроса об Авдееве: заменен; — о сменившем его

[1] *Соколов Н.А.* Убийство Царской Семьи. С. 306.

конкретном человеке: Юровский; — о мерах, принятых к Мошкину: арестован; — о личном составе караула: весь сменен. Причем подразумевалось не простое изменение списка караульных внутренних постов из общего состава команды рабочих-охранников, а направление совершенно новых людей. Отсюда употребление в телеграмме несколько необычной фразы "внутренний караул весь сменен заменяется другими". Именно так Белобородов поступил и фактически. Для Свердлова, которому не могли быть понятны эти местные детали, телеграмма ничего не объясняла. Она предназначалась Голощекину. А для последнего информация достаточна при одном условии, если он перед отъездом в Москву оставил Белобородову записку с соответствующими вопросами».[1]

Итак, попеняв Соколову на незнание советской действительности и поучив его, что такое следственный профессионализм, заслуженные юристы РФ решили продемонстрировать читателю образцы последнего. Что из этого получилось, видно невооруженным глазом.

Во-первых, Соколов нигде не пишет, что сведения о том, что Голощекин жил в Москве на квартире Свердлова, он почерпнул из заголовка телеграммы. Он просто пишет, что Голощекин «*жил на квартире у Свердлова*». Кстати, во многих источниках упоминается тот факт, что после убийства Царской Семьи Голощекин поехал в Москву и жил там на квартире Свердлова. Почему же, если Голощекин жил на дому у Свердлова в конце июля 1918 года, то он не мог у него жить в начале июля? Далее, общеизвестно, что Свердлов и Голощекин были близкими друзьями. И.Ф. Плотников пишет: «*Свердлов и Голощекин чрезвычайно сблизились, стали друзьями на всю жизнь*».[2]

Известный публицист В.Л. Бурцев показывал: «*И Свердлова и Голощекина я знаю лично. Между собой они в близких отношениях и на "ты"*».[3]

Что же странного и невозможного в том, что один закадычный друг гостил у другого?

Во-вторых, совершенно неубедительны слова Прищепа и Александрова о том, что телеграмма предназначалась только Голощекину, а имя Свердлова упоминалось в ней просто так, для соблюдения субординации. Не надо забывать, что телеграмма была послана Голощекину не как делегату съезда, а как фактическому первому лицу Екатеринбурга. В ней докладывалось выполнение важных поручений, которые Голощекин отдал местным властям накануне отъезда в Москву. Не вызывает никаких сомнений, что сам Голощекин накануне отъезда получил соответствующие приказы из Москвы и по поводу денежных перевозок, и по поводу смены охранной команды Дома Особого Назначения.

---

[1] *Прищеп В.И., Александров А. Н.*, Указ. соч. С. 207.
[2] *Плотников И.Ф.* Указ. соч. С. 448.
[3] Россiйскiй Архивъ. С. 224.

Напомним, что в Москве Голощекин — и это доказывается целым рядом свидетельств — несколько раз подолгу обсуждал со Свердловым участь Царской Семьи и поддерживал в разговоре с Лениным именно свердловскую линию на ее убийство. Поэтому полной нелепостью звучат слова Прищепа и Александрова, что «*Свердлову не могли быть понятны местные детали, и телеграмма ничего не объясняла*». Кто пишет подобные вещи, тот демонстрирует полное непонимание или сознательное искажение роли Свердлова в убийстве Царской Семьи. Свердлов был главным в России организатором Екатеринбургского злодеяния, и как организатору такого сложного преступления ему было интересно все до мельчайших подробностей, тем более состав и руководство караульной команды. Если учесть, что Свердлов лично знал Юровского, то не вызывает ни малейших сомнений, что назначение последнего не могло пройти мимо председателя ВЦИК. Заголовок телеграммы как раз говорит о том, что телеграмма предназначалась как для Свердлова, так и для Голощекина. Просто лишнее упоминание Свердлова в контексте организуемого убийства Царской Семьи было тому не на руку.

Наиболее нелепым пассажем заслуженных юристов РФ является обвинение Соколова в том, что тот «*видел в тексте больше, чем он означал*». На самом деле Прищеп с Александровым либо не читали книгу Соколова, либо сознательно вводят неискушенного читателя в заблуждение. Со стороны это выглядит как полный абсурд: Соколов приводит из телеграммы лишь отрывок, касающейся смены охраны в Ипатьевском доме, удаляет все, что касается поездки Сыромолотова, и открытым текстом пишет, что эта часть к делу не относится, а заслуженные юристы Прищеп и Александров педантично учат покойного следователя: «*Текст телеграммы нужно читать и понимать в простом буквальном смысле. Первая часть телеграммы однозначно относится к проблемам Петроградской городской ссудной казны*» и т. д. Но именно так и понимал ее Соколов, и именно это он и пишет в своей книге! Вот уж действительно профессиональный подход прагматичнее политического!

Но вернемся в Ипатьевский дом, в котором черной тенью появился Юровский.

Янкель Хаимович (или, как он называл себя по-русски, Яков Михайлович) Юровский, согласно лично им заполненным анкетным данным, родился в 1878 году в г. Томске. Все, что связано с жизнью этого человека, полно неясности. С одной стороны, Ленин назвал его «надежнейшим коммунистом», а с другой — в советское время очень не любили говорить и писать о Юровском. Кроме бездарной повести Я.Л. Резника «Чекист», о Янкеле Юровском нет ни одной книги, ни одной его биографии. Имя Юровского не упоминается ни в одной советской энциклопедии, даже в энциклопедии «Гражданской войны и интервенции в СССР», хотя упоминания о его дочери — Римме Юровской, главе уральского комсомола, есть почти в каждой советской справочной книге. Надо сказать, что

как ранее, так и сейчас определенные силы, с одной стороны, пытаются представить Юровского этаким серым безграмотным исполнителем решений Уральского Совета, а с другой, наоборот, приписывают Юровскому решающую роль в Екатеринбургском злодеянии. Как в первом, так и во втором случае эти попытки призваны скрыть истинных организаторов убийства Царской Семьи. Иногда эти попытки приобретают абсурдный характер. Так, например, некоторые зарубежные исследователи отрицают еврейство Юровского! Вот что пишет один из них, Р. Масси, когда ведет речь о национальности убийц Царской Семьи: «*Пятеро из них, как и Юровский, были русские, шестеро — латышами*».[1] Но еще дальше в фальсификации жизни Юровского пошли американские историки Г. Кинг и П. Вильсон. Они сочинили целую жизнь Юровского, которого авторы причисляют … к «православным антисемитам»! Вот что пишут Кинг и Вильсон: «*Большинство исследователей приходят к выводу, что Юровские были евреи. Это мнение отвечало интересам белых и монархистов, которое утверждали, что большевики в подавляющем большинстве были евреями — этими традиционными козлами отпущения в России, которых принято считать виновниками всех бед. /…/ Так, еще Роберт Вильтон писал о "Янкеле Юровском, сыне крещеного еврея". Это намеренное изменение Вильтоном имени Юровского с христианского "Яков" на еврейское "Янкель" свидетельствует как о личном антисемитизме Вильтона, так и о его склонности фабриковать информацию. /…/ Известная мемуаристка Марина Грей (кстати, дочь белого генерала Деникина) не только повторяет утверждение Вильтона, но и развивает его, называя убийцу царя в своей книге о Юровском "Янкель Хаимович". Это история, по всей видимости, получила всеобщее признание, поскольку Соколов в своей книге "Enquette judicaire sur l'Assasinat de la Famille Imperiale Russe"*[2] *ссылается на показания, полученные непосредственно от старшего брата Юровского, Леонтия, который сообщает, что дед Юровского был раввином в Польше. Однако, как показало исследование данного вопроса, это заявление нельзя признать окончательным*».[3]

Далее авторы живописуют, как «*Леонтий Михайлович Юровский*» был постоянно пытаем белыми и под этими пытками был вынужден сочинить историю о своем дедушке раввине. Затем авторы делают вывод из своего «исследования»: «*Семья Юровских считала себя членами Русской Православной Церкви, а сам Юровский в молодые годы нередко грешил антисемитизмом, превосходя в этом большинство этнических русских и нередко пользуясь поддержкой Церкви*».[4]

---

[1] *Масси Р.-К.* Романовы: последняя глава. Смоленск: Русич, 1997. С. 10.
[2] Из этой фразы трудно понять, о чем идет речь. По всей видимости, о книге следователя Н.А. Соколова на французском языке.
[3] *Кинг Г., Вильсон П.* Романовы: судьба царской династии. М.: Эксмо, 2005. С. 950–952.
[4] *Кинг Г., Вильсон П.* Указ. соч. С. 952.

Вышеприведенный отрывок американских историков является откровенной ложью, которая поражает своей примитивностью. Авторы не утруждают себя не только никакими доказательствами, но даже попыткой приблизиться к точному цитированию первоисточников. Приведем главные вехи лжи Кинга и Вильсона.

1. Элементарным невежеством является утверждение, что будто «Яков» это имя христианское, а «Янкель» — еврейское. «Яков» такое же христианское имя, как и иудейское, которое звучит по древне-еврейски, как «Яаков». Имя же «Янкель» является формой имени «Яаков» на идише.[1] Кстати, следователь Соколов всюду называет Юровского Яковым, а не Янкелем. Вообще Соколов очень осторожно относился к определению национальности екатеринбургских преступников, и даже когда многое указывало на еврейство того или иного из них, следователь неизменно писал: «его национальность мне не известна». Но вот о Юровском Соколов четко написал «еврей».

2. У Юровского не было никакого брата Леонтия, а был брат Лейба.

3. Совершено непонятно, из какого это «исследования вопроса» стало ясно, что Юровский был «антисемитом», которого поддерживала Русская Православная Церковь.

4. Если авторы считают Юровского «русским антисемитом», то что означают их слова, будто в этом антисемитизме Юровский превосходил «этнических русских»? Каким же «русским» был тогда Юровский?

Разоблачать ложь американских авторов можно было бы долго, но право же она того не стоит, так как шита белыми нитками и призвана еще раз оклеветать и русских монархистов, и русскую Церковь, и в целом Русский Народ. Лучшим опровержением этой лжи служит анкета 1933 года самого Я. Юровского, в которой на вопрос о своей национальной принадлежности бывший комендант Дома Особого Назначения ответил четко и недвусмысленно: «еврей».[2]

Но в чем нельзя не согласиться с Кингом и Вильсоном, так это в том, что «*происхождение семьи Юровского окружено покровом тайны*».[3]

Первым звеном в этой цепи неясностей является место рождения Юровского. Так, например, О.А. Платонов пишет, что Юровский родился в городе Каинске. В этом он повторяет сведения, приводимые следователем Соколовым: «*Яков Михайлович Юровский — мещанин г. Каинска Томской губернии, еврей, родился в 1878 году*».[4]

При этом Соколов делает сноску, что сведения о личности Юровского основаны на точных данных: на показаниях его матери Энты Моисеевны,

---

[1] См. о еврейских именах исследования крупнейшего израильского филолога преподавателя Тель-Авивского университета доктора Баруха Подольского.

[2] Россiйскiй Архивъ. С. 415.

[3] *Кинг Г., Вильсон П.* Указ. соч. С. 950.

[4] *Соколов Н.А.* Убийство Царской Семьи. С. 170.

допрошенной агентом Алексеевым 27 июня 1919 года в Екатеринбурге, и двух его братьев. Между тем, сам Юровский упорно и в анкетах и мемуарах указывает местом своего рождения г. Томск. «*Родился я в Сибири, в городе Томске, в 1878 году*», — пишет Юровский в своей автобиографии в 1933 году.[1]

Но в деле о вступлении Я.М. Юровского в общество старых большевиков имеется справка, что Юровский происходит из мещан города Каинска.[2]

Генерал Дитерихс в своей книге так же указывает на Томск, как на место рождения Юровского: «*Юровский Янкель Хаимович, родился в Томске в 1878 году*».[3]

В своих воспоминаниях, написанных в 1922 году, Юровский пишет о своем жительстве в Томске: «*Это было давно… В далекой Сибири в городе Томске в 1886–87 году <…> Мы жили на "Песках", так называлось предместье, которое ежегодно во время половодья затоплялось. Мы занимали в подвальном этаже небольшую квартирку в доме Дондо*».[4]

Судя по отдельным деталям, упоминаемым Юровским, можно сделать вывод, что перед нами действительно житель Томска. Хотя, впрочем, Юровский мог родиться и в Каинске и потом переехать с родителями в Томск. Вообще непонятно, почему Юровский должен был скрывать свое рождение в Каинске? Город Каинск находится в 524 верстах от Томска. На 1893 год в нем насчитывалось всего 160 278 человек, из них евреев около двух тысяч.[5] По общероссийским меркам евреев в Каинске было много, его даже называли «сибирским Иерусалимом». В основном евреи Каинска занимались торговлей. Тем же занимался и отец Юровского, Хаим, который в молодости за кражу был сослан в Сибирь.

Кстати, именно коммерческо-торговый характер еврейской деятельности в Каинске, в том числе и его отца, мог быть причиной того, что Юровский после революции перенес свое рождение в Томск, где имелся свой пролетариат. Неслучайно, что и род занятий своего отца в Томске Юровский определяет, как «стекольщик».

Но, впрочем, это только догадки, и вполне возможно, Юровский родился в Томске, а не в Каинске. Упорное желание Платонова видеть Юровского родившимся в Каинске объясняется красноречивым названием города, которое в свете палачества Юровского выглядит особенно символично. Но дело в том, что г. Каинск к библейскому Каину никакого отно-

---

[1] РГАСПИ, ед. хр. 2232, оп.1.
[2] Там же.
[3] *Дитерихс М.К.* Указ. соч. Т. 1. С. 295.
[4] Источник. № 10. 1993. 1993. С. 108.
[5] Энциклопедия Брокгауза и Ефрона. Т.26. С. 940.

шения не имеет: название города пошло от названия реки Каинка, которое, в свою очередь, происходит от местного наречия.

Фамилия «Юровский» весьма распространена в Сибири, так же, как и ее местная форма «Юровских». К слову сказать, Янкель Юровский иногда называл себя именно Юровских, а его потомок, живущий в настоящее время на Урале, зовется В.Б. Юровских. Соколов приводит в своей книге следующую телеграмму Юровского: «*Мною забыт в Доме Особого Назначения бумажник деньгами около двух тысяч прошу первым попутчиком прислать Трифонову для меня Юровских*».[1] Соколов делает следующий вывод по поводу этой подписи: «*"Юровских" — не подпись. В тексте телеграммы пропущено уже раз употребляемое слово: "для"*».[2]

Однако думается, что в данном случае Соколов ошибается: «Юровских» — это все же подпись, сибирская форма фамилии Юровского.

Кем были родители и предки Юровского? Сведения о семье Юровского и о его происхождении весьма скудны. Сам Юровский пишет, что его отец быль стекольщиком, Соколов уверяет — простым уголовным преступником. Но последнее звучит у Соколова не очень убедительно, так как он пишет, что Хаим Юровский совершил кражу и был сослан в Сибирь. Во-первых, единичное совершение кражи еще не означает, что человек на всю жизнь становится уголовником. А судя по тому, что Хаим Юровский жил в Сибири давно, то, скорее всего, он совершил кражу в молодости. Во-вторых, судя по всему, больше кражами не занимался и должен был чем-то зарабатывать себе на жизнь.

Уверения Янкеля Юровского, что отец был простым стекольщиком, а жили они «очень бедно», весьма напоминает рассказы другого Янкеля, Свердлова, о своем бедном детстве, хотя известно, что это было далеко не так.

Генерал Дитерихс дает следующие сведения о роде занятий родителей Юровского: «*Родители его,* — пишет генерал, — *Хаим Ицкович Юровский и мать Энта Моисеевна, занимались торговлей железом, старьем и другим хламом*».[3]

О предках Юровского известно еще меньше. Из книги Соколова явствует, что дед Юровского, Ицка, был из Полтавской губернии, а О.А. Платонов совершенно безо всяких доказательств и ссылок на источники пишет, что Юровский был внуком раввина. Последнее обстоятельство было бы для нас чрезвычайно важно в свете изуверского кабалистического характера Екатеринбургского злодеяния, вот почему Платонов весьма сильно вредит делу установления ритуального характера убийства Царской Семьи

---

[1] *Соколов Н.А.* Убийство Царской Семьи. С. 317
[2] Там же. С. 317.
[3] *Дитерихс М.К.* Указ. соч. Т. 1. С. 295.

тем, что не приводит ссылок на цитируемые источники. Брат Юровского, Э.-Х. Юровский, допрошенный Н.А. Соколовым, рассказал о своей семье следующее: «*Дедушка мой проживал где-то в Полтавской губернии. Его звали Ицка. Отец мой — Хаим Ицкович, мать Энта Моисеевна, урожденная Варшавская. Давно отец был выслан в Сибирь. Он был сюда сослан по приговору, вероятно, какого-либо суда, потому что сослали его за кражу. Он был сослан в г. Каинск, но здесь он жил очень недолго и переселился в г. Томск*».[1]

Весьма запутанными являются сведениями и о жене Якова Юровского. В материалах белого следствия она проходит как Моня Янкелева, или Мария Яковлевна. Об этом свидетельствуют и показания брата Юровского, Э. Юровского: «*В 1891* — показывал он — *Янкель призывался в г. Каинске. Там он познакомился со своей будущей женой. Его жена Маня Янкелевна жила тогда в г. Каинске и была замужем за каким-то коммерсантом. Фамилии его я не знаю. Она развелась с мужем и вышла за Янкеля. Это было приблизительно в 1904 году*».[2]

Но И.Ф. Цветков, ссылаясь на фонды Центрального Военно-Морского архива в Гатчине, а конкретно на фонд А.Я. Юровского, указывает, что жену Я.М. Юровского звали С. А. Юровская, урожденная Каганер.[3] Цветков приводит годы жизни С. А. Каганер (1875–1933). Цветков пишет, что у четы Юровских было трое детей: Римма, Александр и Евгений. Это совпадает со следующим документом белого следствия:

«*Копия Секретно. Господину Члену Екатеринбургского Окружного Суда И.А. Сергееву. От агента Екатеринбургского Управления Уголовного розыска...*

С представленным поручением от 26 ноября за № 49 по делу об убийстве б. Императора Николая II-го сообщаю Вам, что по собранным мною сведениям оказалось следующее: в отношении личности Юровского, коменданта дома Ипатьева, где находилась Царская Семья, 40 лет, еврей-мещанин г. Каинска, Томской губернии, по ремеслу часовой мастер, содержал электрофотографию в г. Екатеринбурге и проживал в течение 5-ти последних лет в г. Екатеринбурге по 1-ой Береговой ул. дом № 6. Семья у него состоит из жены Марии Яковлевны 36 лет, евангелического-реформаторского исповедания, и детей: дочери Ребекки и сыновей Александра 18 л. и Евгения 13 л., а также матери Энты Моисеевны Юровской, 61 г. еврейки. Все семейство Юровского, за исключением матери его, выбыло с ним.

[1] РГАСПИ, ф. 588. Оп. 3, д.7.

[2] Там же.

[3] Следует сказать несколько слов о фамилии Каганер. Из иудаистских источников установлено, что русифицированные еврейские фамилии Коган, Каганов, Каганович, Каганер происходят от дервне-еврейского слова «Kohen» (священник).

Мать Юровского осталась в г. Екатеринбурге и находится в настоящее время в тюрьме (№ 2, 12/25 декабря 1918 г.)».[1]

Таким образом, получается, что Мария Яковлевна и С.А. Каганер — одно и тоже лицо. Но если верить Цветкову, Каганер родилась в 1875 году, когда как Мария Яковлевна, которой, исходя из приведенной выше справки, в 1918 году было 36 лет, родилась в 1882 году.

То же касается и дат рождений детей Юровского. Его сын, Александр Яковлевич, в советское время был крупным военным чином (инженер-контр-адмирал). Дата его рождения известна: 1904 год. То есть в 1918 году ему никак не могло быть 18 лет. Второй сын, Евгений Яковлевич, родился в 1903 году, и ему также в 1918 году не могло быть 13 лет.

Юровский женился в 1904 году. Его возлюбленная, Маня Янкелева, была замужем за каким-то «другом» Юровского, отбывавшим уголовное наказание за какое-то преступление. Юровский влюбился в жену друга. Видимо, его мучили угрызения совести, так как он написал письмо Льву Толстому, датированное 1903 годом, в котором спрашивал у писателя совета, что ему делать, если он любит жену друга, находящегося в ссылке? Лев Толстой отвечал Юровскому в своем духе: «*Милостивый государь Яков Михайлович! Я думаю, что человек, вступивший в плотскую связь с женщиной, не может и не должен оставлять ее, тем более, когда есть или может быть ребенок. Думаю тоже, что во всех нравственных вопросах человек должен руководствоваться только тем, что он по совести, т.е. перед Богом должен делать. И поэтому в вашем деле советую поступить так, как бы Вы поступили, если бы знали, что завтра должны умереть. Желаю вам всего хорошего, самое лучшее, что может быть для человека, это то, чтобы поступать по-Божьи. Лев Толстой, 1903 год*».[2]

В результате Юровский женился на М. Янкелевой в 1904 и удочерил ее дочь Римму.

Если верить воспоминаниям самого Юровского, то его отец был очень далек от революционного движения. Юровский пишет: «*Лет 15–16-ти однажды в праздничный день, сидя за обедом, в нашей семье поднялся вопрос о царях. Отец был довольно строгий и не терпел возражений со стороны детей. Он восхвалял Николая Первого, что тот, дескать, дубинкой умел народ учить. Я не выдержал и вступил в спор, что ничего хорошего в Николае не было, и уж ежели было что хорошее, так это в Александре Втором: крестьян освободил и не такой грубый, рассказывают, каким был Николай.*

Отец не выдержал. Пустил в меня вилкой. Я ушел и целых два дня дома не был».[3]

---

[1] *Вильтон Р.* Указ. соч. С. 38.

[2] Новое Время. № 27. 12 июля 1998. С. 29.

[3] Источник. № 10. 1993. С. 109.

Маленький Янкель фактически не получил никакого образования, кроме двух классов религиозной еврейской школы «Талматейро». Утверждают, что до конца своих дней он был малограмотным и писал по-русски с ошибками. Но в пользу этого утверждения говорит лишь одно письмо Юровского доктору Архипову. Все остальные анкеты и автобиография Юровского написаны на вполне хорошем и грамотном русском языке. Есть сведения, что Юровский владел немецким и, наверняка, идиш, так как в его семье говорили на этом еврейском диалекте. В 8 лет Янкеля послали работать на дрожжевой завод, потом к портному. Затем, когда Юровскому исполнилось 11 лет, его отдали по контракту в часовой магазин, и он с 13 до 17 лет работал в Тюмени у часового мастера. Затем он работал подмастерьем в Тобольске, Томске и Екатеринодаре.

Имеются сведения, что в том же 1898 году Юровский отбывал наказание в Томске за «неосторожное убийство».[1] Обстоятельства этого дела неизвестны. Сам Юровский не пишет ни слова об этом.

С юных лет Юровский отличался практичным цепким умом, жесткостью, любовью к наживе и презрением к людям, даже близким. Отношения у него в семье были непростыми. Его брат Эле-Мейер рассказывал представителям следствия: «*Он у нас считался в семье самым умным, а я человек рабочий. То, что он считался у нас самым умным, меня от него и отталкивало. Только могу сказать, что человек он с характером*».[2]

Другой брат — Лейба давал Янкелю следующую характеристику: «*Характер у Янкеля вспыльчивый, настойчивый. Я учился у него часовому делу и знаю его характер: он любит угнетать людей*».[3]

Жена еще одного брата Эле Лея: «*Янкеля, брата мужа, я, конечно, знала. Мы никогда с ним не были близки. Мы с ним разные люди: он перешел из иудейства в лютеранство, я — еврейка-фанатичка. Я его не любила: он был всегда мне несимпатичен. Он по характеру деспот. Он страшно настойчивый человек. Его выражение было: "Кто не с нами, тот против нас". Он эксплуататор. Он эксплуатировал моего мужа, своего брата*».[4]

Однако при этом Юровского нельзя назвать человеком, лишенным семейных чувств. Поспешно покидая в июле 1918 года Екатеринбург, он пишет письмо доктору Архипову, остававшемуся в городе и критически относившемуся к большевикам: «*Кенсорин Сергеевич, в случае моего отъезда на фронт я во имя наших с Вами отнош. надеюсь не откажете моей старой маме в со-*

---

[1] *Плотников И.Ф.* Статья Юровский Я.М. /Уральская Историческая Энциклопедия.

[2] *Соколов Н.А.* Убийство Царской Семьи. С. 171.

[3] Там же. С. 171.

[4] *Соколов Н.А.* Убийство Царской Семьи. С. 172.

действии в случае преследований ее только за то, что она моя мать. Вы конечно панимаете что о моем местопребывании она ничего знать не будет уж только по томучто и я этого не знаю, но и в том случае еслиб я это знал то разумеется этого ей не сказал бы просто для чистоты ея совести наслучай еслиб ее допрашивали. Я обращаюсь к Вам еще и потому что вы строгий в своих принципах даже при условии гражданской войны и при условии когда вы будете у власти. Я имею все основания полагать что вы с Вашими принципами останетесь в одиночестве но всеж Вы съумеете оказать влияние на то чтоб моя мать которая совершенно не разделяла моих взглядов виновная следовательно только в том что родила меня, а также в том, что любила меня. Я значить на случай падения власти советов в Екатер. дать ей приют на время возможного погрома или предупредить и самый разгром квартиры принимая внимание что я не продавал дела чтоб не остав. служ. без работы которые очень и очень далеки от большевизма. Это может быть предсмертное письмо надеюсь ято не ошибусь обращ. к вам. Я.М. Юровск...»[1] (Полностью сохраняется орфография автора).

Семья Хаима и Энты Юровских состояла из 7 сыновей и 1 дочери.

Э.Х. Юровский рассказывал на допросе о некоторых из них: «*Брат Пейсах имел в Томске мастерскую портяжную и в 1910–1911 годах уехал в Америку с женой Эстер. Уехал он туда из-за заработка. Брат Борис участвовал в войне с Германией и сейчас находится там в плену. Сестра Перл живет в Америке с братом Пейсахом*».[2]

«*Двое сыновей и дочь,* — пишет генерал Дитерихс, — *жили в Америке*».[3]

Эта фраза представляется нам весьма важной, так как снова в биографии очередного цареубийцы прослеживается связь с Америкой, то есть с США. Мы помним, что именно США, а точнее американские еврейские круги, были главным мозговым и финансовым штабом как русской революции, так и войны лично с Императором Николаем II.

В связи с этим весьма примечательно то обстоятельство, что в 1904 году Юровский женится на Моне Янкелевой, а не позднее 1905 года уезжает заграницу. Соколов пишет, что Юровский «*во время первой смуты почему-то уехал в Германию и год жил в Берлине*».[4]

Однако Дитерихс пишет, что Юровский уехал не в Германию, а в Америку: «*Янкель Юровский, младший из сыновей, тоже долгое время жил в Америке и перед возвращением в Россию принял лютеранство*».[5]

Между тем другой брат Юровского, Л.Х. Юровский, на следствии белых указал другие годы нахождения Юровского заграницей: «*В 190–*

[1] *Дитерихс М.К.* Указ. соч. Т. 1. С. 192.
[2] РГАСПИ, ф. 588. Оп.3, д. 7.
[3] *Дитерихс М.К.* Указ. соч. Т. 1. С. 295.
[4] *Соколов Н.А.* Убийство Царской Семьи. С. 171.
[5] *Дитерихс М.К.* Указ. соч. Т. 1. С. 295.

1903 годах, — рассказывал он, — *я это хорошо помню, Янкель уезжал в Германию вместе со своей гражданской женой Маней, на которой он женился уже по возвращении из Германии*».[1]

Здесь начинается новый запутанный этап в жизни Юровского. В своей анкете 1933 года Юровский указывает на 1905 год как на время вступления в большевистскую партию и ни о какой поездке зарубеж не упоминает. «*В августе 1905 года, работая в городе Томске,* — пишет Юровский в своей биографии, — *оформил свою принадлежность к РСДРП. В качестве рядового члена партии выполнял технические работы: хранение, распространение нелегальной литературы, изготовление паспортов, печати для паспортов и организаций, приискание квартир. Имел явочную квартиру у себя*».[2]

Кроме того в 1904 году в г. Батуме у Юровского родился сын Александр. Новая загадка: что делал Юровский или его жена в Батуме? Сам Юровский нигде ни словом не писал о пребывании в Батуме, но его брат Лейба в 1919 году свидетельствовал: «*Янкель вернулся из Германии не прямо в Томск, а был где-то на Кавказе, оттуда возвратился в Томск*».

Юровский утверждал, что принимал участие в революции 1905 года как большевистский агитатор. Об этой его деятельности ничего толком не известно, но в 1905–07 годах на Урале действовал некий эсеровский боевик по фамилии Юровский. Его личность установить до сих пор не удалось, но то, что этот Юровский играл заметную роль в революционном бандитизме, — бесспорно. Ижевская организация, которую возглавлял Юровский, насчитывала 250–300 человек.[3]

Между тем известно, что в 1912 году Юровский писал «господину товарищу министра внутренних дел» из Екатеринбурга прошение, где доказывал свою полную непричастность к революционным делам и просил его вернуть обратно на место жительство в Томск.[4]

И.Ф. Плотников в биографической справке о Юровском пишет: «*Вступил в РСДРП(б) 1905 году. Участвовал в революционной работе, террористических актах и экспроприациях. Несколько лет находился в эмиграции. После одного из арестов был выслан в административную ссылку в Екатеринбург, где и познакомился с Я.М. Свердловым*».[5]

Из этой информации непонятно, когда же Юровский был в эмиграции. Получается, что после «первой русской революции». Но это не совпадает с другими фактами, так как известно, что Юровский вернулся в Томск в 1906 году и вплоть до 1911 года пребывал там, организовав в доме купца Д. Шадрина на перекрестке Почтамтской улицы и Подгорного переулка

---

[1] РГАСПИ, ф. 588. Оп. 3, д. 7.
[2] Россиійскій Архивъ. С. 417.
[3] Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Июнь 1907–февраль 1917 г. Т. 2. М.: РОССПЭН, 2001. С. 76.
[4] РГАСПИ, ф. 17. Оп.100, д. 19769.
[5] *Плотников И.Ф.* Указ. соч. С. 484.

свою ювелирную и часовую мастерскую. А в 1911 году по непонятным причинам Юровский продает свое дело за полцены и уезжает в Екатеринбург.

Получается, что Юровский не мог «долгие годы» жить в эмиграции, и прав Соколов, говоря, что Юровский жил заграницей только год. Сам Юровский только в одной анкете начале 30-х годов указал, что был в Германии.[1]

Но в анкете 1933 года Юровский на вопрос: «*Были ли в эмиграции, где, с какого по какое время. Причины эмиграции*» ответил лаконично: «*Нет*».[2]

Значит, Юровский не воспринимал свой отъезд заграницу как эмиграцию, и более того, не хотел, чтобы это предавалось огласке.

Нам пока неизвестно точное время пребывания Юровского заграницей, но то, что такое пребывание было, не вызывает сомнений. Скорее всего Юровский был как в Америке, так и в Германии. Просто о пребывании в Соединенных Штатах Юровский полностью умалчивал, а о Германии кое-где нехотя упоминал. В пользу того, что Юровский был в США, говорит то, что в Америке у него было двое братьев и сестра. Но есть еще одно чрезвычайно важное обстоятельство, говорящее в пользу пребывания Юровского в Америке. Юровский был тесно знаком со Свердловым, который неоднократно бывал в Сибири, и в частности, в Томске. Их отношения окутаны полным мраком, но то, что Свердлов, приехав в Екатеринбург после Февральской революции, остановился не у кого-нибудь, а именно у Юровского, говорит о многом. Нельзя исключать того предположения, что Юровский был направлен в США именно Свердловым, направлен не просто так, а с какой-то миссией к Шиффу и К°, у которых он прошел необходимый инструктаж и был снабжен деньгами. Кстати, не исключено, что и в Германии Юровский был по заданию Шиффа или для встречи с Варбургами. Прекрасно знал Юровский и другого видного большевика — Ф.Э. Дзержинского. В. Малкин пишет, что Юровский был с главой ВЧК «*в неформальных отношениях*».[3] После участия в Екатеринбургском злодеянии Юровский не раз привлекался Свердловым и Дзержинским в качестве организатора профессиональных убийств. В частности, именно Юровскому была поручена ликвидация Ф. Каплан, тело которой должно было быть, по словам Свердлова, «уничтожено без следа».

Юровский вернулся из-за границы богатым человеком, открыв свою ювелирную мастерскую. «*Можно думать,* — пишет Соколов, — *что его заграничная поездка дала ему некоторые средства. Его брат Лейба говорил: "Он был уже богат. Его товар в магазине стоил по тому времени тысяч десять"*».[4]

---

[1] РГАСПИ, ф. 17. Оп.100, д. 19769.
[2] РГАСПИ, ф.124, ед. хр. 2232.
[3] Новое Время. №27. 1998, 12 июля. С. 31.
[4] *Соколов Н.А.* Убийство Царской Семьи. С. 171.

Дела у Юровского шли хорошо. Вообще Юровский был преуспевающий делец, и в нем не было ничего пролетарского и революционного. Эти задатки преуспевающего дельца Юровский перенес и в свою деятельность в ВЧК. Дитерихс верно пишет о Юровском: «*Если заглянуть в домашнюю жизнь Янкеля Юровского, то становится совершенно ясным, что он не имел по своему существу ничего общего с теми социалистическими и коммунистическими принципами, с которыми выступал он и остальные ему подобные главари. <…> Буржуй по существу, он вел свое хозяйство, как вел его 20 лет перед этим, с определенной тенденцией к наживе капитала*».[1]

Как мы уже говорили, в 1911 году Юровский продает свое дело и уезжает в Екатеринбург, где открывает фотоателье. Причины поспешного отъезда Юровского в Екатеринбург достаточно туманны. Сам Юровский в советское время указывал, что он был выслан в Екатеринбург за революционную деятельность; с другой стороны, до революции он отрицал свою причастность к революционерам. Скорее всего в этой темной истории был замешан Свердлов, с которым Юровский якобы познакомился именно в 1912 году, а на самом деле, думается, что намного раньше, и вполне вероятно, что в Екатеринбурге он выполнял его задание.

Когда началась Первая мировая война, Юровский был призван на военную службу и зачислен в 108-й запасной батальон. Он умудрился поступить в школу фельдшеров и тем самым избежать отправки на фронт. В школе Юровский познакомился с доктором К.С. Архиповым, с тем самым, которому он написал письмо перед своим бегством из Екатеринбурга в июле 1918 года, в котором просил защитить свою мать. Этот доктор Архипов благоволил к Юровскому, несмотря на то, что по политическим вопросам они имели разногласия и много спорили, и даже разрешил ему жить на частной квартире, хотя все остальные военнослужащие жили в казармах.

После февральского переворота Юровский принялся вести активную революционную пропаганду, которая, в основном, сводилась к лживым подстрекательствам солдат против местной администрации лазарета. Однако, будучи разоблаченным во лжи, Юровский покидает Екатеринбург и уезжает из города, в который он вернулся незадолго до большевистского переворота. Где он был все это время, неизвестно. Но уже упомянутый нами факт, что Свердлов во время своего приезда в Екатеринбург жил у Юровского на квартире, и последующее взаимодействие Свердлова с Юровским заставляют предположить, что Юровский был членом свердловской команды, установившей на большевистском Урале свое господство.

Октябрьский переворот сделал из Юровского одного из главарей новой власти на Урале. Мы уже видели, как Юровский, член Коллегии Уральской Облче-

---

[1] *Дитерихс М.К.* Указ. соч. Т. 1. С. 297.

ка, совместно с Хохряковым и другими боевиками участвует в обысках и грабежах мирного екатеринбургского населения. В то же самое время Юровский лично отдает приказы о массовых убийствах так называемых «эксплуататоров», в числе которых зачастую были и люди самого простого происхождения, чем-либо не угодившие или опасные новой власти. Сотни загубленных жизней были на совести Юровского и его палачей из ЧК.

Людей арестовывали по самому ничтожному доносу и часто направляли на принудительные работы, так как профессиональных работников не хватало, да и идти на работу к большевикам особо никто не стремился. В последующем именно эти принудительные работники оставят немало свидетельств о поведении уральских чекистов накануне, в день и после убийства Царской Семьи.

Итак, на момент доставления Царской Семьи в Екатеринбург Янкель Юровский был председателем следственной комиссии Уральского Областного Ревтрибунала, товарищем комиссара юстиции, членом Коллегии Областной Чрезвычайной Комиссии, заведующим охраной города.

4 июля 1918 года Юровский был назначен комендантом Дома Особого Назначения. Но впервые его зловещая фигура появилась в доме Ипатьева раньше, 13/26 мая 1918 года. По этому поводу читаем в дневнике Государя: «*Как все последние дни, В.Н. Деревенко приходил осматривать Алексея; сегодня его сопровождал черный господин, в кот. мы признали врача*».[1]

Из показаний доктора Деревенко становится понятно, почему Государь принял «черного господина» за медика: «*С убийцей Государя Императора Юровским*, — показывал свидетель Деревенко, — *я встретился в г. Екатеринбурге в июне месяце 1918 года, в доме Ипатьева, где находилась Царская Семья. Там я был как личный врач Наследника Алексея Николаевича, у которого состоял безотлучно с 1912 года, бывши почетным лейб-хирургом Императорского двора. С Семьей я был в Тобольске, с которой я уехал вместе в г. Екатеринбург. В Екатеринбурге я как личный врач посещал больного Наследника очень часто, с разрешения, конечно, коменданта Авдеева. Проходил в покой к больному всегда, безусловно, под конвоем.*

В одно из посещений, зашедши в комнату, я увидел сидящего около окна субъекта в черной тужурке, с бородой клинчиком, черной, черные усы и волнистые (...) зачесанные назад волосы, черными глазами, полным скуластым лицом, чистым, без особенных примет, плотного телосложения, широкие плечи, короткой шеей, голос чистый баритон, медленный, с большим апломбом, с чувством своего достоинства, который вместе со мной и Авдеевым пришел к больному. Осмотревши больного, Юровский,

---

[1] Дневники Императора Николая II. С. 680.

увидев на ноге Наследника опухоль, предложил мне наложить гипсовую повязку и обнаружил этим знание свое медицины.

При нашем входе сидевший тут же Государь встал. Юровский, осмотрев больного, повернулся к столу, остановился, заложив руки в карманы, и начал рассматривать находящееся на столе. После этого все мы вышли.

При выходе я спросил Авдеева: "Что это за господин?" Последний ответил: "Это Юровский". Какую роль он играл, он не сказал, но я знал, что Юровский играл очень важную роль».[1]

Изменился ли режим охраны в Ипатьевском доме с приходом в него Юровского? Улучшилось или ухудшилось в связи с этим положение Царской Семьи?

Как мы помним, Юровский появился в Доме Особого Назначения под предлогом смены авдеевской команды, которая запятнала себя воровством. Сегодня нам уже доподлинно известно, что эта причина была ложной и что на самом деле приход Юровского означал начало организации Екатеринбургского злодеяния. При этом пьянство и воровство Авдеева, Мошкина и особенно внутренней охраны были опасны Юровскому и его хозяевам из Москвы не сами по себе и не потому, что они ухудшали жизнь Царственным Узникам, а из-за того, что Авдеев и его люди не подходили организаторам убийства не только в качестве исполнителей, но даже соучастников предстоящего преступления. Мнивший себя чрезвычайно важной фигурой, Авдеев был в прямом смысле слова изгнан вон истинными хозяевами положения. Хорошо об этом писал следователь Н.А. Соколов: «*Что означала эта перемена? Чувство лодыря, соблазна легкого труда и небывалая по тем временам его оплата привели в дом Ипатьева пьяного слесаря от локомобиля и его пьяную ватагу. По своему круглому невежеству эти распропагандированные отбросы из среды русского народа, вероятно, сами себя считали крупными фигурами в доме Ипатьева. Они не сами пришли сюда. Их сюда посадили, а затем в нужную минуту выгнали*».[2]

Первое, что сделал Юровский и его помощник Никулин, это сменили внутреннюю охрану. Обвиняемый Якимов показывал: «*Юровский тогда же* (в первый день прибытия в дом Ипатьева в качестве коменданта) *спрашивал Медведева, кто несет охрану внутри дома. (...) Узнав, что внутреннюю охрану несут эти самые "привилегированные" из партии Авдеева, Юровский сказал: "Пока несите охрану на этих постах вы, а потом я потребую к себе людей на эти посты из Чрезвычайной Комиссии". (...) Действительно, через несколько дней люди из Чрезвычайной следственной комиссии прибыли в дом Ипатьева. Их было десять человек. Их имущество привозилось на лошади. Чья это была лошадь, кто был кучер, не знаю. Но только всем тогда было*

---

[1] Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 471–472.
[2] *Соколов Н.А.* Убийство Царской Семьи. С. 169.

известно, что прибыли все эти люди из чрезвычайки, из Американской гостиницы».[1]

Мы еще коснемся национальности и особенностей этой новой внутренней охраны, которую Медведев, Якимов и Проскуряков называли «латышами». Здесь следует отметить, что прибытие этой новой охраны вначале было воспринято и Царской Семьей как реакция властей на хищения их имущества. Это видно из дневниковых записей Государя. 21 июня/4июля он пишет: «*Сегодня произошла смена комендантов — во время обеда пришли Белобородов и др. и объявил, что вместо Авдеева назначается тот, кот. мы принимали за доктора — Юровский. Днем до чая он со своим помощником составляли опись золотым вещам — нашим и детей; большую часть (кольца, браслеты и пр.) они взяли с собой. Объяснили тем, что случилась неприятная история в нашем доме, упомянули о пропаже наших предметов. Так что убеждение, о кот. я писал 28 мая, подтвердилось. Жаль Авдеева, но он виноват в том, что не удержал своих людей от воровства из сундуков в сарае*».[2]

23 июня/6 июля Николай II записывает: «*Вчера комендант Юровский принес ящичек со всеми взятыми драгоценностями, просил проверить содержимое и при нас запечатал его, оставив у нас на хранение. Юровский и его помощник начинают понимать, какого рода люди окружали и охраняли нас, обворовывая нас.*

Не говоря об имуществе — они даже удерживали себе большую часть из приносимых припасов из женского монастыря. Только теперь, после новой перемены, мы узнали об этом, пот. что все количество провизии стало попадать на кухню».[3]

То же самое мы читаем в дневнике Императрицы Александры Федоровны: «*21 (4 июля) июнь. Во время обеда пришел пред. обл. ком. с какими-то людьми, Авдеева сменили, и у нас теперь новый комендант (который однажды приходил и осматривал ногу у Бэби, а в другой раз — проверял наши комнаты) с молодым помощником, который выглядит прилично, в то время как другие — вульгарные и неприятные. Вся наша внутренняя охрана уехала (возможно, выяснилось, что они воровали наши вещи из сарая)*».[4]

Однако истинные намерения Юровского были совершенно далеки от стремления сберечь имущество Царской Семьи. Совсем наоборот, в своих поступках Юровский руководствовался облегчением для себя задачи присвоения этого имущества после того как Царская Семья будет убита. Вдумаемся в смысл поступков Юровского: он заставляет Узников отдать все их золотые вещи и прячет их в коробку, а эту самую коробку отдает на хранение Государю.

---

[1] Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 336.
[2] Дневники Императора Николая II. С. 683.
[3] Там же.
[4] Последние дневники Императрицы Александры Федоровны. С. 252.

Со стороны, можно подумать, что Юровский поступает так из благородных устремлений. Но на самом деле комендант Дома Особого Назначения думает только о сохранности ювелирных изделий (в которых он, как мы помним, знал толк). В самом деле, кто сохранит вещи лучше, нежели их собственные владельцы? Отдай Юровский коробку с драгоценностями кому-либо из охраны или даже из людей ЧК, и ему пришлось бы постоянно волноваться об их сохранности, а здесь он был уверен: золото никуда не пропадет, оно находится в одном и том же месте, и когда Царская Семья будет убита, он сможет спокойно его целиком забрать. Но даже при этом Юровский не отказывает себе в низменном удовольствии унизить Царя и Царицу. Николай II пишет, что Юровский «*приходит в спальню проверять целость печати на коробке и заглядывает в открытое окно*».[1]

Императрица Александра Федоровна пишет в своем дневнике: «*Коменд. пришел с нашими драгоценностями, запечатал их при нас и оставил их на нашем столе; будет приходить каждый день и проверять, не распечатали ли мы пакет*».[2]

Сам Юровский об изъятии им Царского золота писал следующее: «*При ознакомлении с арестованными мне бросились в глаза ценности, которые находились на руках как у Николая, так и его семьи и у прислуживающих: у повара Харитонова, лакея Труппа, а также у врача Боткина и фрейлины Демидовой. (…) Считая, что оставлять ценности на руках небезопасно, так как это может соблазнить того или другого из охраны, я решил на свой страх и риск ценности, находящиеся на руках, отобрать. Для этого я пригласил с собой помощника коменданта тов. Никулина, поручил ему переписать эти ценности; Николай, а также дети, громко свое неудовольствие не выражали. Он только просил оставить часы Алексею, так как без них ему будет скучно. Александра Федоровна же выражала громко свое неудовольствие, когда я хотел снять с ее руки золотой браслет, который был одет и закреплен на руке и который без помощи инструмента снять было невозможно. Она заявила, что 20 лет носит этот браслет на руке и теперь посягают на то, чтобы его снять. Принимая во внимание, что такие же браслеты были и у дочерей, и что эти браслеты особой ценности не представляют, их оставил. Переписав все эти вещи, я попросил шкатулку, которую мне Николай дал, сложил туда вещи, опечатал комендантской печатью и передал на хранение самому Николаю. Когда я приходил на проверку, которую я установил, Николай предъявлял мне шкатулку и говорил: "Ваша шкатулка цела"* ».[3]

---

[1] Дневники Императора Николая II. С. 684.

[2] Последние дневники Императрицы Александры Федоровны. С. 254.

[3] Источник. № 10. 1993. С. 109.

В этих своих воспоминаниях Юровский, по большевистскому обыкновению, лжет. Он хочет представить, что идея изъятия личных золотых вещей принадлежала ему и что он действовал самостоятельно, в обход официальной власти. В этой лжи Юровского прослеживается все та же общая линия Свердлова о создании мифа непричастности центральной и самодеятельности местной властей. В данном случае Юровский объясняет свои действия опасениями, что кто-либо из охраны может посягнуть на золото. При этом через две недели он хладнокровно снимет с убитых людей то золото, которое он так «благородно» оставил на руках Императрицы и Дочерей, и положит в ту самую шкатулку, которую он так же «благородно» оставил на хранение Государю.

Не вызывает никаких сомнений, что все эта история с изъятием личных ювелирных изделий была приказана Юровскому к исполнению из Москвы, в преддверии готовящегося убийства Царской Семьи. Изъятие драгоценностей **было первым этапом подготовки к Екатеринбургскому злодеянию.**

Изменилась ли при Юровском жизнь Царской Семьи к лучшему? На этот вопрос можно однозначно ответить отрицательно. Более того, жизнь Царя и его Семьи ухудшилась. Сам Юровский вспоминал, что приношения Ново-Тихвинского женского монастыря, разрешенные Авдеевым, он решил прекратить, разрешив доставлять только молоко. По этому поводу к нему обращались доктор Боткин и повар Харитонов с просьбой возобновить доставку в дом Ипатьева мяса, яиц, масла и так далее. На это Юровский отвечал, что «*нужно привыкать жить не по-царски, а по-арестантски*».[1] Эти слова Юровского подтверждаются показаниями послушниц Ново-Тихвинского монастыря Антонины и Марии, которые показали на следствии, что при Юровском они стали «*носить только одно молоко*».[2]

Но все же ухудшение жизни при Юровском заключалось не столько в бытовых ограничениях, сколько в той изощренной и мучительной духовной атмосфере, какая установилась для Узников. Уже будучи допрошенными следствием Соколова, некоторые из охранников пытались изобразить дело так, что с приходом Юровского начались пьянки, дебоши и всяческие притеснения Царской Семьи, которых якобы при Авдееве не было. Так обвиняемый Ф. Проскуряков показывал: «*Был уволен и сам Авдеев. Вместо него заступил в начальники Юровский. (...) Помощником его был Никулин. (...) Про порядки в доме и про отношение к Государю и к его семейству со стороны начальства и охраны я могу по сущей совести объяснить следующее. Авдеев был простой рабочий, мало развитой. Бывал он и пьянень-*

---

[1] Там же. С. 110.
[2] Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 392–393.

кий иногда. Но ни он сам, ни охранники при нем ничем, как есть, Царской Семьи не обижали и не утесняли. Юровский с Никулиным держали себя самих совсем по-другому. При них Царской Семье было хуже. Оба они выпивали у себя в комендантской, и Юровский и Никулин. Бывало, напьются в комендантской, и начнется у них пение. Никулин мог на пианино играть — в комендантской оно стояло. Вот, бывало, Никулин играет, а Юровский свои "шары" (глаза) нальет, и начнут оба орать: "Отречемся от старого мира, отряхнем его прах с наших ног. Нам не нужно златого кумира, ненавистен нам царский чертог" и т.д. Или, бывало, все поют: "Вы жертвою пали в борьбе роковой". Мошкин тоже позволял себе иногда петь эти песни, но всегда в отсутствие Авдеева, и Авдеев этого не знал. А эти не стеснялись. При Авдееве никогда женщины не ходили к нам в дом. А Никулин имел, должно быть, любовницу, и она постоянно к нему шаталась, оставаясь у него после ухода Юровского. (...) Также и богослужения при Юровском стали совершаться реже. Ну, и охранники при Юровском стали себя вести много хуже ».[1]

При оценке этих показаний Проскурякова следует помнить, что он сам был из охраны Авдеева, а поэтому вполне понятно его стремление всячески обелить последнего и очернить Юровского. Проскуряков явно пытается выходки Авдеева приписать Юровскому. Сравним показания Проскурякова о поведении Юровского и Никулина с показаниями Якимова о поведении Авдеева: «*Раз Авдеев напился до того пьяный, что свалился в одной из нижних комнат дома. (...) Пьяные, они шумели в комендантской комнате, орали, спали вповалку, кто где хотел, и разводили грязь. Пели они песни, которые, конечно, не могли быть приятны для Царя. Пели они все "Вы жертвою пали в борьбе роковой", "Отречемся от старого мира", "Дружно, товарищи, в ногу"* ».[2]

Что же касается порядка, установленного в Доме Особого Назначения, то Якимов свидетельствовал: «*При Юровском мы все были отшиты от дома. В комендантской уже не приходилось задерживаться, как это бывало при Авдееве. Придешь, бывало, по звонку (в дом Попова из комендантской звонок был проведен), прикажет что-нибудь — и уходи. Собственно, нам, разводящим, не приходилось по звонку ходить. По звонку вызывался Медведев, а через него уже нас звали.*

Около Юровского был Никулин. Медведев тоже "примазывался" к нему, близки были все эти "латыши" из чрезвычайки. Поэтому я не могу Вам описать, как Юровский в душе относился к Царю. Авдеев все-таки был для нас ближе, потому что он был свой брат-рабочий и был у нас на виду, а Юровский держал себя как начальник и нас отстранял от дома. А

[1] Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 275.
[2] Там же. С. 339.

вот, что могу только отметить. Он, как дом принял, сейчас же пулеметный пост на чердаке поставил, как я уже говорил. ***Пьяные безобразия он прекратил. Никогда я его пьяного или выпившего не видел»***.[1] (Выделено нами – *П.М.*)

Опровергаются Якимовым показания Проскурякова и в части любовных похождений Никулина в комендантской Ипатьевского дома: «*К Никулину ходила из чрезвычайки Сивелева,* ***но она не допускалась в комендантскую***».[2] Это же подтверждается показаниями П.И. Морозовой, официантки Американской гостиницы, где размещалась ЧК. Морозова показывала: «*В № 1 у нас жил некоторое время исполнявший обязанности казначея молодой человек по фамилии Никулин, полный, шатен, на вид ему лет 25. В конце июня он куда-то от нас переехал. Он сожительствовал с молоденькой дамочкой, полненькой блондинкой. Фамилия этой дамы — не то Сивелева, не то Савельева. Уехав из гостиницы, Никулин* ***приходил иногда*** *к своей сожительнице ночевать*».[3]

Аналогичные показания дала и горничная вышеназванной гостиницы А.Н. Швейкина.

Что же касается богослужений, то и они при Юровском не были сокращены. Судя по дневниковым записям Государя, при Авдееве богослужения в Ипатьевском доме были проведены три раза: 21 апреля, 20 мая и 10 июня по так называемому «старому стилю». Однако по показаниям отца Иоанна Сторожева явствует, что между 20 мая и 10 июня была совершена отцом Мелединым еще одна служба, о которой почему-то Государь в своем дневнике не упоминает. Получается, что службы проходили в Ипатьевском доме примерно один раз в месяц. При Юровском последняя служба для Царской Семьи была отслужена за два дня до гибели — 1/14 июля 1918 года. Так как Юровский пробыл в качестве коменданта Ипатьевского дома всего 12 дней, то говорить об уменьшении случаев богослужений не приходится.

И тем не менее можно с уверенностью сказать, что жизнь Царской Семьи при Юровском стала мучительнее, тяжелее. В чем же заключались эти мучения? Они заключались именно в той зловеще-деловой атмосфере, какую привнес в Ипатьевский дом Юровский. Царская Семья не могла не чувствовать, что в отношении нее готовится что-то ужасное и именно этой подготовкой вызваны деловитость и спокойствие Юровского. «*Наша жизнь нисколько не изменилась при Юровском*», — записал Государь в свой дневник 25 июня/8 июля 1918 года. Но она изменилась — внешне незначительно, но тем не менее явно и определенно.

---

[1] Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 339–340.
[2] Там же. С. 340.
[3] Там же. С. 165.

Леденящее дыхание смерти все сильнее ощущалось в Доме Особого Назначения. Спокойный и хладнокровный Юровский делает все, чтобы сломить дух Заключенных. 28 июня/11 июля на окно комнаты, где проживали Император и Императрица, без предупреждения устанавливают тяжелую решетку. Юровский никак не объясняет этот шаг. «*Этот тип нам нравится все меньше и меньше*», — пишет в тот же день о Юровском в своем дневнике Николай II. До убийства остается пять дней.

Глава 3
Последние недели и подготовка к убийству

«Пошли нам, Господи, терпенье...»

Нам никогда не дано почувствовать, осознать, понять, как Они жили свои последние дни в мрачном Ипатьевском доме, что Они чувствовали, о чем думали. Но не вызывает никакого сомнения тот факт, что эти последние дни были венцом Их мученичества и венцом Их подвига. Не в силах человеческих даже представить те душевные страдания, какие переживал Государь. Он не мог не понимать, не осознавать, не предвидеть, что смерть неумолимо приближается к Нему и к Его Семье. Он понимал это еще во время царскосельского заключения, когда сказал отцу Афанасию Беляеву: «*Я решил, что если это нужно для блага Родины, я готов на все. Семью мою жаль!*»[1]

Эти слова «*Семью мою жаль*», произнесенные Государем по свидетельству священника со слезами на глазах, ложатся тяжким обвинением на плечи не только палачей, не только народа русского, но и на все человечество.

Что должен был чувствовать Государь, оставленный и преданный всеми, кроме горстки слуг, не могущий ожидать ниоткуда никакой помощи, никакой надежды на спасение, на руках которого была жена, больной подросток-сын, юные дочери? Какие муки должен был претерпевать Он, глава Семейства, понимая, что всех Их могут убить, и бессильный при этом что-либо предпринять?

«*И никто не вступился за Него. Ни венценосные родственники, ни те "истинно русские" люди, что сумели довести Царя до падения, себя же привести вовремя в безопасность. Николай II не бежал и никого не предал. Он ни перед кем не виновен. Пред Ним же виновата вся Россия*» (Эмиль Борман).[2]

Но еще более тяжкими, чем предчувствие приближающейся мученической кончины, были страдания Государя за судьбы Родины. Даже там, в Ипатьевском доме, Он продолжал постоянно думать и страдать за Россию. Есть серьезные основания полагать, что к Императору Николаю II

---

[1] Великие Святые. «Он всех простил...». Император Николай II. Церковь о Царской Семье. СПб., 2002. С. 145.

[2] *Борман Э.* Николай II. Сон-легенда к Троицкому дню. б/г. С. 23–27.

в Ипатьевский дом прибывали посланцы Германии с предложениями немедленного освобождения в обмен на сделку с ними. Свидетель, старший-унтер-офицер В.В. Голицын, 2 октября 1919 года показал на следствии: «*В январе месяце этого года, когда пала Пермь, я встретился в городе Екатеринбурге с поручиком Прасловым. (...) Поручик Праслов говорил, (...) что служил в каком-то большевистском учреждении и остался в Перми при взятии ее. Праслов мне передавал, что с комиссаром того учреждения, в котором он служил, у него был разговор про жизнь Августейшей семьи в Екатеринбурге. Комиссар этот говорил Праслову, что в Екатеринбург приезжал к Государю от немцев какой-то генерал граф Эйдман и предлагал Государю подписать мир с немцами. Государь ответил ему отказом, и тот заявил ему, что в противном случае он будет убит. Государь ответил ему, что он готов отдать жизнь за благо Родины*».[1]

В который раз перед Царем вставал выбор: личного человеческого счастья и долга Помазанника Божьего. И каждый раз Царь выбирал последнее. Император Николай II до конца оставался не только русским патриотом, не только русским Царем, но и последним, в прямом смысле слова, христианским монархом всемирного масштаба. Никогда еще так, как в екатеринбургском заключении, Его верность Христу-Спасителю ни была столь явной.

Здесь нельзя не вспомнить видение, бывшее одному Валаамскому старцу за несколько дней до Русско-Японской войны. Старцу явился ангел, показавший ему многое, что произойдет в ближайшем будущем. Среди прочих видений старец увидел высокую белую стену, по которой сверху донизу текла кровь. Рядом с этой стеной стояло четыре человека и чуть далее, отдельно от них, пятый. Четверо надсмехались над пятым, порицали его. Этот пятый протянул к ним руку, но в этот момент появившееся в воздухе лезвие порезало руку, и кровь полилась по руке и на землю. Тогда ангел сказал старцу:

— Не удивляйся сему. Не простая это рука, но Царская, а кровь эта — всего народа льется через Царскую руку.

Тогда, — писал старец, — обернулся стоявший отдельно муж, и я узнал в нем Императора Николая II-го. Он обратился к стоявшим четырем человекам, прося помощи у них. Но они, видя это, начали смеяться над ним, говоря:

— Проси помощи у Христа своего, и мы посмотрим, какую помощь Он подаст тебе.

Тогда Государь Император поднял свои обагренные кровию руки и произнес:

---

[1] Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 472.

— Господи Иисусе Христе, Сыне Единородный в Троице славимый, Ты дал мне царствовати и видишь, как меня за имя Твое порицают, дай мне помощь.

В этот момент опускается белый холст, и невидимо кем перевязывается его рука. И стало очень радостным лице Государя Императора, а стоявшие четыре человека весьма устыдились. Двое из них протянули руки Государю Императору весьма ласково и дружелюбно, а двое обратились в сторону и повернулись к нему спиной. Но Государь не обратил на них внимание. Четыре эти человека не единичные личности, а целые страны, народы, которые именуют себя друзьями русского народа.

Потом перед Государем открылись две дороги: одна ведущая в огромный тенистый сад, а другая — освещаемая жгучим солнцем. И как бы предоставлено ему было, по которой из них ему идти. Когда Государь стал подходить к первой тенистой дороге, которая вела в сад, из него вышло несколько черных людей и, поклонившись ему, стали просить, чтобы он пошел по этой дороге. Государь, однако, не обратил внимания на кланяющихся людей и пошел по солнечной дороге. Тогда Юноша повернулся лицем к нему, и я увидел у него такое радостное и светлое лицо. Я спросил тогда:

— Что такое это значит?

Юноша ответил:

— Не один я радуюсь, но и все сонмы ангелов небесных сорадуются сему. Предложение сие было о помрачении веры Царю, но есть определение Божие, что не может быть на русском престоле омраченный верою Царь. Царь не обратил даже внимания на тех, которые предлагали сие. Поэтому и радуются все сонмы ангелов небесных, радуются о пути, которым он пошел, то есть о солнечном. Хотя тяжел он, но он правый».[1]

Это видение как нельзя лучше объясняет суть духовного подвига Императора Николая II, отказавшегося идти тенистым, внешне легким, но обманным, антихристовым путем и выбравшего тяжкий, но спасительный путь мученичества за Христа и Россию.

Идя сознательно этим путем, Император Николай II явил собой пример величайшего смирения и христианского прощения ближнего. Его слова, переданные всему миру, что только любовь спасет мир, были не просто словами, но провиденьем будущего.

Такое же христианское смирение являла собой и Семья Государя. Приближающуюся смерть понимала Государыня, понимали и Дети.

Великая Княжна Татьяна Николаевна в одной книге, читанной ею в Екатеринбурге, подчеркнула следующие слова: «*Верующие в Господа Ии-*

---

[1] Царь Николай II и новые мученики: пророчества, чудеса, открытия и молитвы. Документы. М., 2000. С. 83–85.

суса Христа шли на смерть, как на праздник, становясь перед неизбежной смертью, сохраняли то же самое дивное спокойствие духа, которое не оставляло их ни на минуту. Они шли спокойно навстречу смерти потому, что надеялись вступить в иную, духовную жизнь, открывающуюся для человека за гробом».[1]

«Если будут убивать, то хоть бы не мучили», — эти слова 13-летнего Наследника Цесаревича являются живым свидетельством осознания Семьей приближающего мученического конца.

Заключенные в душные комнаты Ипатьевского дома, окруженные злобными надсмотрщиками, каждый день ожидая смерти, Они ни разу не возроптали, ни разу не сказали ни единого худого слова в чей-либо адрес. В ответ на грубость, злобу и издевательства Они пели духовные распевы, добрые русские песни, читали Евангелие, молились.

Обвиняемый Якимов показывал: *«Они иногда пели. Мне приходилось слышать духовные песнопения. Пели они Херувимскую Песнь. Но пели они и какую-то светскую песню. Слов ее я не разбирал, а мотив ее был грустный. Это был мотив песни "Умер бедняга в больнице военной". Слышались мне одни женские голоса, мужских ни разу не слышал».*[2]

Их духовное настроение лучше всего отображает стихотворение поэта Бехтеева, переписанное Великой Княжной Ольгой Николаевной еще в Тобольске:

Пошли нам, Господи, терпенье
В годину бурных, мрачных дней
Сносить народное гоненье
И пытки наших палачей.
Дай силы нам, о, Боже Правый,
Злодейства ближнего прощать
И крест тяжелый и кровавый
С Твоею кротостью встречать.
И в дни мятежного волненья,
Когда ограбят нас враги,
Терпеть позор и униженья,
Христос Спаситель, помоги!
Владыка міра, Бог вселенной!
Благослови молитвой нас
И дай покой душе смиренной
В невыносимый смертный час…

---

[1] Россия перед вторым пришествием. Материалы к очерку русской эсхатологии: в 2 т. Т. 2. М., 1998. С. 167.
[2] *Соколов Н.А.* Убийство Царской Семьи. С. 167.

И у преддверия могилы
Вдохни в уста Твоих рабов
Нечеловеческие силы
Молиться кротко за врагов![1]

Какое поразительное великое смирение, какое благородство души, силу духа являла міру эта Семья! «*Предоставленная себе, изолированная от внешнего міра, подвергнутая аресту, Царская Семья обнаружила силу христианского духа необыкновенную. Сияние шло от этих исполненных любви и смирения людей, и нужно было действительно утратить сам облик человеческий, чтобы, приблизившись к ним, не проникнуться к ним симпатией и почтением*» (архимандрит Константин).[2]

Между тем в Ипатьевском доме все больше ощущалось приближение смерти. Австрийский военнопленный, перешедший на службу к большевикам и бывший, по его словам, в карауле Дома Особого Назначения в июле 1918 года, И. Мейер, уверял, что за несколько дней до убийства доктор Боткин был приглашен в революционный штаб, где ему было заявлено следующее: «*Слушайте, доктор, революционный штаб решил вас отпустить на свободу. Вы врач и желаете помочь страдающим людям. Для этого вы имеете у нас достаточно возможностей. Вы можете в Москве взять управление больницей или открыть собственную практику. Мы вам дадим даже рекомендации, так что никто не сможет иметь что-нибудь против вас.*

Доктор Боткин молчал. Он смотрел на сидящих перед ним людей, не мог побороть известного недоверия к ним. Казалось, что он почуял западню. Маклаванский продолжал убедительно:

— Поймите нас, пожалуйста, правильно. Будущее Романовых выглядит несколько мрачно.

Казалось, что доктор начинал медленно понимать. Его взор переходил с одного на другого. Медленно, почти запинаясь, решился на ответ:

— Мне кажется, что я вас правильно понял, господа. Но, видите ли, я дал Царю мое честное слово оставаться при нем до тех пор, пока он жив. Для человека моего положения невозможно не сдержать такого слова. Я также не могу оставить Наследника одного. Как я могу это совместить со своей совестью? Вы все же должны это понять. (…) Если Россия гибнет, могу и я погибнуть. Но ни в коем случае не оставлю Царя! (…)Меня радует, что еще есть люди, которые озабочены моей личной судьбой. Я вас благодарю за то, что вы мне идете навстречу. Но по-

---

[1] *Бехтеев С.С.* Грядущее. Стихотворения. СПб., 2002. С.97.

[2] *Константин (Зайцев), архимандрит.* Указ. соч. С. 476.

могите этой несчастной семье! Вы сделаете хорошее дело. Там, в том доме, цветут великие души России, которые облиты грязью политиков. Я благодарю вас, господа, но я остаюсь с Царем!

Боткин встал. Его рост превышал всех.

— Мы сожалеем, доктор, — сказал Мебиус. — В таком случае поезжайте опять назад. Вы еще можете передумать».[1]

Здесь следует сказать, что доверять Мейеру надо весьма осторожно. В его мемуарах много неточностей, а порой и явного несоответствия с реальными событиями. Посещение Боткиным революционных властей не подтверждается более никакими документами. В дневнике Императрицы Боткин часто упоминается в связи с тяжелыми почечными коликами, которыми тот страдал, особенно в Екатеринбурге. При этом Императрица Александра Федоровна вела свой дневник очень подробно, отображая в нем любые важные события дня. Если бы Боткина вызвали куда-нибудь из Ипатьевского дома, то, конечно, Государыня или Государь обязательно написали бы об этом в своих дневниках. Но тем не менее в воспоминаниях Мейера, скорее всего, имеются отголоски подлинного разговора с Боткиным. Этот разговор мог состояться непосредственно в Ипатьевском доме, во время одного из посещений его комиссарами. Для них переговорить с Боткиным не представляло большого труда, так как доктор был посредником между Царской Семьей и большевистскими властями. В пользу того, что подобный разговор имел место, говорит начатое и неоконченное письмо Боткина «другу Саше», которое Боткин начал писать незадолго до смерти: «*Дорогой мой, добрый друг Саша, делаю последнюю попытку писания настоящего письма, по крайней мере, отсюда, хотя эта оговорка, по-моему, совершенно излишняя: не думаю, чтобы мне суждено было когда-нибудь откуда-нибудь еще писать, мое добровольное заточение здесь настолько же временем не ограничено, насколько ограничено земное существование. В сущности, я умер — умер для своих детей, для друзей, для дела. Я умер, но еще не похоронен, или заживо погребен, как хочешь, последствия почти тождественны*».[2]

Последние недели земной жизни Царской Семьи проходили в обычном для екатеринбургского периода режиме: редкие прогулки, чтение книг, вечерний чай и карты. Император Николай II писал в своем дневнике от 9/12 июня: «*По письменной просьбе Боткина нам разрешили полуторачасовые прогулки*».[3]

---

[1] Как погибла Царская Семья. Свидетельство очевидца И.П. Мейера. Пер. с нем. М., 1990. С. 17–18.

[2] *Крылов А.* Последний лейб-медик. М.: Белый берег, 1998. С. 103.

[3] Дневники Императора Николая II. С. 683.

Однако в «Книге записей дежурств» не имеется никаких указаний ни на письменное заявление Боткина, ни на то, что прогулка Царской Семьи была больше обычной. При этом в «Книге дежурств» четко фиксировались все письменные и устные обращения и заявления доктора Боткина, а также все изменения режима содержания. Между тем о прогулках 9-го и 12-го июня в «Книге» сказано лишь следующее: «*Обычная прогулка семьи Романовых*».[1]

В те летние дни в Екатеринбурге стояла жара. В Ипатьевском доме, с наглухо закрытыми окнами, становилось невыносимо душно. Государь обратился с просьбой открыть окна для проветривания, в чем ему было отказано.

В Екатеринбурге состояние здоровья Узников Ипатьевского дома резко ухудшилось. Цесаревич постоянно болел, его мучили боли в колене, следствие его тяжелой болезни — гемофилии. Фактически с редкими периодами улучшения Наследник страдал все время пребывания в Екатеринбурге и практически не мог самостоятельно ходить. На прогулки Государь его выносил на руках.

Нервное перенапряжение сказалось и на железном здоровье Императора Николая II. Если в Тобольске мы не найдем практически ни одного упоминания о недомогании Императора, то в Екатеринбурге такие упоминания встречаются довольно часто. 22 мая/5 июня Николай II записывает в дневник: «*У меня болели ноги и поясница, и спал плохо*»; 23 мая/6 июня: «*У меня самочувствие было кислое*»; 24 мая/7 июня: «*Весь день страдал болями от геморроидальных шишек, поэтому ложился на кровать*»; 25 мая/8 июня: «*День рождения дорогой Аликс провел в кровати с сильными болями в ногах и в др. местах!*» В «Книге дежурств» также имеются отметки о плохом самочувствии Императора Николая II: «*7 июня. По заявлению доктора Боткина, вследствие расширения вен, заболел Николай Романов и с утра не вставал с постели, где его и кормили*».

Императрица Александра Федоровна в своих дневниках жалуется на свои обычные недомогания: мигрени и боли в сердце.

Постоянно страдал почечными коликами доктор Боткин. Приступы болезни становились для него все мучительнее. 10/23 июня Николай II отмечал в дневнике: «*Евгений Сергеевич заболел почками и очень страдал*». Об этом же пишет и Государыня в своем дневнике: «*Пошла с Татьяной к Е.С., у которого были колики почек, и она ему сделала инъекцию морфия. Страдает очень сильно*».

Начиная с 4/17 июня, пищу для Царской Семьи стал готовить повар Харитонов непосредственно в доме Ипатьева. «*Со вчерашнего дня*, — писал в своем дневнике Государь 5/18 июня, — *Харитонов готовит нам еду,*

---

[1] *Алексеев В.* Указ. соч. С. 90.

провизию приносят раз в два дня. Дочери учатся у него готовить и по вечерам месят муку, а по утрам пекут и хлеб! Недурно!»[1]

По роковому стечению обстоятельств почти все члены Царской Семьи встретили в Екатеринбурге свой последний день рождения. 6/19 мая Императору Николаю II исполнилось 50 лет, 25мая/8 июня Императрице Александре Федоровне — 46 лет, 29 мая/12 июня Великой Княжне Татьяне Николаевне — 21 год, 5/18 июня Великой Княжне Анастасии Николаевне — 17 лет, 14/27 июня Великой Княжне Марии Николаевне — 19 лет. Четыре месяца не дожила до своего 23-летия Великая Княжна Ольга Николаевна (3/16 ноября), и 27 дней не дожил до своего 14-летия Наследник Цесаревич Великий Князь Алексей Николаевич (30 июля/13 августа).

Между тем как рука палача готовилась вписать точные даты предстоящего злодеяния, в Ипатьевском доме происходили события, исполненные глубокого трагизма. 1/14 июля 1918 года, за два дня до убийства, состоялось последнее богослужение в жизни Царской Семьи. Была отслужена обедница. Служил настоятель Екатерининского собора отец Иоанн Сторожев, и прежде чем дать описание этой последней службы Царской Семьи, следует сказать несколько слов об отце Иоанне. Иван Владимирович Сторожев стал священником в 1917 году, после февральской революции. До этого он окончил юридический факультет Киевского университета, работал в Екатеринбурге присяжным поверенным, товарищем прокурора, адвокатом. Февральскую революции Сторожев встретил сочувственно и даже работал в городской милиции. То, что Иван Сторожев не был монархистом, видно даже из той лексики, которую он применяет по отношению к Царской Семье. В своих показаниях, он ни разу не назвал Императора Николая II Государем или Его Величеством, а исключительно «Николаем Александровичем», Государыню — «Александрой Федоровной», Великих Княжон — «Дочерьми», Наследника Цесаревича — «Алексеем Николаевичем».

Но, пожалуй, самое странное в биографии Сторожева — это его близкие товарищеские отношения с неким С.Я. Смарагдовым. Этот Смарагдов, будучи аспирантом одной из Духовных Академий, приехал на богомолье в Оптину Пустынь. Там он самочинно наложил на себя тяжелый пост и днем и ночью проводил время в молитве, не оставляя времени на сон и отдых. По этому поводу он имел разговор с оптинскими старцами, которые предупредили молодого человека об опасности такого чрезмерного рвения и сказали, что он может повредиться и впасть в прелесть. Тем не менее Смарагдов продолжал делать по-своему, и вскоре у него случился острый психоз, и он стал опасен для окружающих. В связи с этим Смарагдов

---

[1] Дневники Императора Николая II. С. 683.

был помещен в монастырскую больницу, где двери запирались на ключ, а на окнах были тяжелые решетки. Однажды, во время литургии во Введенском храме, незадолго до таинства Евхаристии, в церковь вошел абсолютно голый человек, который важно прошел к Царским Вратам, отвесил троекратный поклон, перекрестился, и вдруг резко распахнул Врата, ворвался в алтарь, сбросил с престола Святое Евангелие, крест и, вскочив на престол, поднял вверх руки, символизируя, по словам оптинских старцев, «того, кто в последние времена воссядет на мировой престол», то есть Антихриста. Этим человеком оказался Смарагдов. По словам присутствующих монахов, на них при этом напал такой столбняк, что они не могли сдвинуться с места. Наконец несколько молодых и сильных монахов попытались задержать Смарагдова, но тот оказал яростное сопротивление, отшвырнув их от себя, причем одного из монахов он чуть не убил, запустив в него тяжелым крестом с мощами. Когда, наконец, его задержали, то на вопрос, помнит ли он, что он делал, Смарагдов ответил, что да, он все отлично помнит. По его словам, когда он находился запертым в своей комнате, он услышал голос, который повелел ему это совершить, и «*горе бы мне, если бы я не повиновался этому повелению*». Голос сказал Смарагдову: «*Иди скорее, торопись, а то будет поздно*». После чего Смарагдов выломал железную решетку, вырвался на свободу и совершил святотатство.[1]

Помещенный в психиатрическую больницу, Смарагдов тем не менее очень быстро пришел в себя и стал полностью вменяемым человеком. Вскоре он покинул больницу, перебрался в Екатеринбург и одно время занимался адвокатурой, где и познакомился с другим адвокатом — Иваном Сторожевым. Между ними завязалась тесная дружба. Примечательно, что и Смарагдов, и Сторожев примерно в одно и то же время, то есть накануне и сразу после февральского переворота, приняли священнический сан. После Октябрьского переворота Смарагдов стал известен как один из ярых разорителей храмов и монастырей, а Сторожев тем, что, по настоянию Юровского, совершил последнюю церковную службу в жизни Царской Семьи.

1/14 июля отец Иоанн Сторожев служил обедницу в Доме Особого Назначения второй раз. В первый раз это было 20 мая/2 июня, когда комиссаром еще был Авдеев. Тогда о. Иоанн обратил внимание на бросающийся в глаза болезненный вид Наследника Цесаревича, который был «*бледен до такой степени, что казался прозрачным*». Государь был одет в гимнастерку защитного цвета без погон, с орденом Св. Георгия на груди. «*Николай Александрович*, — вспоминал Сторожев, — *произвел на меня впечатление своей твердой походкой, своим спокойствием и особенно своей манерой при-*

---

[1] Россия перед вторым пришествием. Т.1. С. 377–378.

стально и твердо смотреть в глаза. Никакой утомленности или следов душевного угнетения в нем я не приметил. Показалось мне, что у него в бороде едва заметны седые волосы. <...> Что всегда особенно останавливало мое внимание, это та исключительная, я прямо скажу, почтительность к носимому мною священному сану, с которой отдавали каждый раз поклон все члены семьи Романовых в ответ на мое молчаливое им приветствие при входе в зал и затем по окончании богослужения».[1]

1/14 июля о. Иоанн оказался в Ипатьевском доме второй раз. Сторожев показывал на следствии, что, как он узнал накануне 30 июня/ 13 июля, в этот день обедницу там должен был служить другой священник, отец Анатолий Меледин, и он уже об этом предупрежден комендантом, последнего Сторожев называет «*известным своей жесткостью неким Юровским, бывшим военным фельдшером*». Поэтому о. Иоанн собирался служить литургию в Екатерининском соборе. Однако часов в 8 утра 14 июля к нему на квартиру постучали. Отворив дверь, Сторожев увидел солдата, который уже приходил к нему 2 июня с требованием явиться в дом Ипатьева для службы там обедницы. На это раз солдат повторил то же самое требование, заявив, что священника комендант «требует» в дом Ипатьева, чтобы служить обедницу. На возражение Сторожева, что должен служить о. Анатолий, солдат ответил: «*Меледин отменен, за вами прислано*». Далее о. Иоанн вспоминает, что, когда он и дьякон Буймиров вошли в комендантскую ДОНа, то Юровский им сказал: «*Обождите здесь, а потом будете служить обедницу*». Сторожев переспросил: «*Обедню или обедницу?*» «*Он написал: обедницу*», — ответил Юровский.[2]

Прервем ненадолго воспоминания о. Иоанна Сторожева и посмотрим, при каких обстоятельствах произошла замена Меледина Сторожевым. Обвиняемый Якимов показывал на допросе: «*В субботу 13 июля, позвал меня к себе Юровский и велел мне позвать "которого-нибудь священника". Он меня сначала спросил, какие священники служат. Я ему назвал о. Меледина и о. Сторожева. Тогда он мне велел позвать которого-нибудь. Тогда он, Меледин, жил поближе (Водочная, 168), то я тогда же в субботу вечером его и позвал. Вечером же я и сказал Юровскому, что Меледина я позвал, назвав его по фамилии. Я сказал ему, что позвал о. Меледина. Тогда Юровский меня спросил: "Это который живет на Водочной, где доктор Чренавин проживает?" Я сказал, что именно так. Тогда Юровский меня послал к Меледину сказать ему, чтобы он не приходил: "Пойди и скажи Меледину, что обедницы не будет: отменена. А спросит, кто отменил, так скажи, что они сами отменили, а не я. Вместо Меледина позови Сторожева". Но я что же, пошел к Меледину и говорю: "Так и так, обед-*

---

[1] Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 97.
[2] Там же. С. 98.

ницы не будет". Он меня спросил: "Почему?" Я сказал, как велел Юровский, что они сами отменили. Тут же я пошел к Сторожеву и позвал его. Что это означало, что не захотел Юровский Мелединa, а пожелал Сторожева, не знаю».[1]

И.Ф. Плотников сообщает весьма любопытные сведения о последней обеднице в Ипатьевском доме. «*По своей ли инициативе или по решению Голощекина, верхов, но Юровский в тот же день 14-го июля, в воскресный день организовал для заключенных ДОНа,* ***без их просьбы****,* (выделено нами – *П. М.*) *богослужение — обедницу».*[2]

Получается довольно любопытная картина: Юровский по своей инициативе, зная о скором убийстве всей Семьи, организует богослужение в Ипатьевском доме, настаивая именно на обеднице, а не на обедне, то есть полной литургии, а также на том, что эту обедницу должен отслужить именно о. Иоанн Сторожев. При этом Юровский не хочет, чтобы была предана огласке его роль в замене Меледина на Сторожева. Что же стоит за этими таинственными мероприятиями Юровского? Прежде всего зачем ему понадобилось организовывать богослужение для обреченных людей и почему им была выбрана именно обедница? Сострадание и богобоязненность Юровского как причину подобных его действий мы отметаем сразу. В действиях коменданта Дома Особого Назначения была какая-то своя зловещая логика. Первое, что вызывает вопрос: почему Юровский так настаивал именно на обеднице? И.Ф. Плотников по-своему пытается объяснить это обстоятельство: «*Обедница, в отличие от обедни, или литургии (главной и важнейшей службы), если говорить об основном, кратковременна, не требует особых приготовлений и церковных принадлежностей, является лишь ее некоторым подобием. Юровский спешил, экономил время. С 14-го июля цареубийство стало делом решенным».*[3]

Если бы И.Ф. Плотников обратился к православной справочной литературе, то он бы дал грамотное, а не свое определение обедницы. Вообще обедница — это название разговорное, правильное ее название — «Изобразительны». Православный словарь так определяет понятие Изобразительных: «*Изобразительны — общественное богослужение, совершаемое после шестого или девятого часов вместо литургии, если последняя не совершается по каким либо причинам. Изобразительны являются также составной частью литургии Иоанна Златоуста и литургии Василия Великого. Чин изобразительных состоит из благословения, начала обычного, великой ектении, песни догматического содержания «Единородный Сыне», пения блаженны, чтения Апостола и Евангелия, сугубой ектении,*

[1] Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 340.

[2] *Плотников И.Ф.* Указ. соч. С. 167.

[3] Там же. С. 168.

Символа веры, просительной ектении, молитвы «Отче наш», тропарей и кондаков, отпуста. В просторечии изобразительны называют обедницей».[1]

Итак, как видно из приведенной выше выдержки из Православного словаря, обедница вовсе не так уж кратковременна, хотя, конечно, и короче литургии, она является ее частью и заключает в себе практически все ее этапы, кроме одного, но самого главного. Здесь мы дадим слово отцу Иоанну Сторожеву: «*Чинопоследование обедницы обычно служится в войсках, когда по той или иной причине нельзя совершить литургию. По своему составу богослужение это сходно с последованием литургии, но значительно короче его, так как за обедницей* ***не совершается таинства Евхаристии***».[2] (Выделено нами – *П. М.*)

Вот главное отличие обедницы от литургии! В обеднице нет таинства Евхаристии! То есть нет самого главного события, во имя которого и совершается литургия — Святого Причастия Крови и Тела Христовых. Вот чего не мог допустить Юровский и его хозяева. Их сатанинский дух подспудно страшился этого всепобеждающего христианского Таинства. Поэтому экономия времени не играла здесь никакой роли. Лишние полчаса для Юровского не имели бы решающего значения, тем более, что при первом богослужении при Авдееве 2 июня, когда никто никуда не спешил, Сторожев тоже служил обедницу, а не литургию!

Примечательно, что сам Юровский в своих поздних воспоминаниях, пишет, что им была разрешена для Царской Семьи церковная служба, которую он именует «обедней», а не «обедницей».[3] Представить себе, что Юровский путал эти понятия, нельзя, так как в 1918 году, как мы видели, он настаивал именно на обеднице, а не на обедне.

Но здесь встают два других вопроса: зачем Юровскому вообще понадобилось это богослужение и почему им так настойчиво был выбран для его проведения именно о. Иоанн Сторожев? Думается, на эти вопросы мы не скоро получим ответы, если получим их вообще. Но невольно возникает мысль, а не было ли Юровскому известно что-нибудь о прошлом о. Иоанна Сторожева, что сближало его с ним, делая его предпочтительнее в совершении задуманного комендантом Ипатьевского дома, и была ли случайна связь Сторожева с бесноватым Смарагдовым?

Сам Сторожев, если отбросить все его негативные оценки Юровского, которые основывались не на личном опыте, а на имеющейся репутации Юровского как крайне жестокого человека и, безусловно, также на всех обстоятельствах свершившегося злодеяния и роли в нем Юровско-

---

[1] Православный словарь.
[2] Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 95.
[3] Источник. № 10. 1993. С. 111.

го, а также на том, что Сторожев допрашивался белым следствием, утверждал, что Юровский общался с ним предельно корректно и даже заботливо. «*Юровский,* — говорил Сторожев, — *держал себя безо всякого вызова и вообще был корректен с нами*».[1]

Когда обедница закончилась, то Юровский проявил заботу о Сторожеве, который незадолго до этого болел плевритом, закрыл окно и даже предложил ему не выходить на улицу, обождать немного, чтобы не простудиться. И со стороны Сторожева чувствуется почти заискивающее отношение к Юровскому.

Конечно, важнейшими для нас являются свидетельства о. Иоанна Сторожева о последнем богомолье Царской Семьи. Вот его воспоминания: «*Юровский пригласил нас в зал для служения. Вперед в зал прошел я, затем диакон и Юровский. Одновременно из двери, ведущей во внутренние комнаты, вышел Николай Александрович с двумя дочерьми, но которыми именно, я не успел разглядеть. Мне показалось, что Юровский спросил Николая Александровича: "Что, у вас все собрались?" (поручиться, что именно так он выразился — я не могу). Николай Александрович ответил твердо: "Да — все".*

Впереди, за аркой, уже находилась Александра Федоровна с двумя дочерьми и Алексеем Николаевичем, который сидел в кресле-каталке, одетый в куртку, как мне показалось, с матросским воротником. Он был бледен, но уже не так, как при первом моем служении, вообще выглядел бодрее. Более бодрый вид имела и Александра Федоровна, одетая в то же платье, как и 20 мая ст. ст. Что касается Николая Александровича, то на нем был такой же костюм, что и в первый раз. Только я не могу ясно себе представить, был ли на этот раз на груди его Георгиевский крест. Татьяна Николаевна, Ольга Николаевна, Анастасия Николаевна и Мария Николаевна были одеты в черные юбки и белые кофточки. Волосы у них на голове (помнится, у всех одинаково) подросли, и теперь доходили сзади до уровня плеч.

Мне показалось, что как Николай Александрович, так и все его дочерни на этот раз были — я не скажу, в угнетении духа, — но все же производили впечатление как бы утомленных. Члены семьи Романовых и на этот раз разместились во время богослужения так же, как и 20 мая ст. ст. Только теперь кресло Александры Федоровны стояло рядом с креслом Алексея Николаевича — дальше от арки, несколько позади его. Позади Алексея Николаевича стали Татьяна Николаевна (она потом подкатила его кресло, когда после службы они прикладывались ко кресту), Ольга Николаевна и, кажется (я не запомнил, которая именно), Мария Николаевна.

---

[1] Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 99.

Анастасия Николаевна стояла около Николая Александровича, занявшего обычное место у правой от арки стены.

За аркой, в зале, стояли доктор Боткин, девушка и трое слуг: один высокого роста, другой низенький и полный (мне показалось, что он крестился, складывая руку, как принято в католической церкви),[1] *и третий, молодой мальчик. В зале, у того же дальнего угольного окна, стоял Юровский. Больше за богослужением в этих комнатах никого не было.*

Стол с иконами, обычно расположенными, стоял на своем месте: в комнате за аркой. Впереди стола, ближе к переднему углу, поставлен был большой цветок, и мне казалось, что среди ветвей его помещена икона, именуемая "Нерукотворный Спас", обычного письма, без ризы.

По-прежнему на столе находились те же образки-складни, иконы "Знамения Пресвятой Богородицы", "Достойно есть" и справа, бо0льших в сравнении с другими размеров, писанная масляными красками, без ризы, икона святителя Иоанна Тобольского. <...> Став на свое место, мы с диаконом начали последование обедницы. По чину обедницы положено в определенном месте прочесть молитвословие "Со святыми упокой". Почему-то на этот раз диакон, вместо прочтения, запел эту молитву, стал петь и я, несколько смущенный таким отступлением от устава. Но, едва мы запели, как я услышал, что стоявшие позади нас члены семьи Романовых опустились на колени, и здесь вдруг ясно ощутил я то высокое духовное утешение, которое дает разделенная молитва.

Еще в большей степени дано было пережить это, когда в конце богослужения я прочел молитву к Богоматери, где в высоко поэтических, трогательных словах выражается мольба страждущего человека поддержать его среди скорбей, дать ему силы достойно нести ниспосланный от Бога крест.

После богослужения все приложились к св. Кресту, причем Николаю Александровичу и Александре Федоровне о. диакон вручил по просфоре. (Согласие Юровского было заблаговременно дано.) Когда я выходил и шел очень близко от бывших великих княжон, мне послышались едва уловимые слова: "Благодарю". Не думаю, чтобы это мне только показалось».[2]

Вдумаемся в смысл этих показаний Сторожева: в этот день, 14 июля 1918 года, за три дня до убийства, Царская Семья была отпета заживо. Возникают справедливые вопросы: почему диакон нарушил устав обедницы, но самое главное, почему о. Иоанн никак не выразил своего отноше-

---

[1] Сторожев явно путает: креститься по-католически мог только А.Е. Трупп, который был римо-католического вероисповедания, а «низеньким и полным» мог быть только повар Харитонов, который был православным. – *П. М.*

[2] Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 100.

ния к этому нарушению? Не были ли причины его, этого нарушения, ему и диакону известны заранее? В связи с этим нельзя не согласиться с Г.Б. Зайцевым: *«Почему отец протоиерей не задал вопрос диакону о нарушении устава? Почему диакон стал отпевать живых? Не мог Сторожев не сказать об этом, а вот не сказал!»*[1]

Но для тех людей, кого отпевали заживо, причины это отпевания не играли никакой роли. Все они, и Государь, и Государыня, и Августейшие Дети, и верные слуги каким-то сверхъестественным чувством поняли в тот момент, что это последнее в их жизни богослужение, что им не суждено получить после смерти христианского чина прощания. Поэтому такой отрадой для них было услышать дивные слова погребального песнопения, что для каждого христианина звучат радостью и надеждой и которые саму смерть делают не падением в пропасть отчаяния и ужаса, но возвращением в Небесное Отечество, в тихую гавань Христовой любви: *«Со святыми упокой, Христе, души раб Твоих, идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь безконечная»*.

Подготовка к злодеянию

Нравственная чистота поднимала Царскую Семью на недосягаемую высоту, и все усилия ее тюремщиков сломить дух ее были тщетны. Между тем, готовя злодеяние, враг понимал, что ему необходимы хоть какие-нибудь объяснения грядущего убийства. Так появляется известная «переписка» «офицера» с «жильцами Ипатьевского дома», сочиненная чекистом И.И. Родзинским и членом Уральского Совета П.Л. Войковым (Вайнером). Эта «переписка», которую якобы вела с большевистскими главарями Великая Княжна Ольга Николаевна по поручению своего Отца, объясняется большинством исследователей как попытка большевиков организовать провокацию, подбив Узников к побегу, с тем, чтобы Их при этом побеге физически уничтожить. Однако подобный вывод представляется нам совершенно неубедительным. Не надо забывать, что убийство Царской Семьи планировалось тщательно, основательно, без всякой спешки, в определенный час, в определенное время и определенным способом. Никаких экспромтов, никакой самодеятельности в подготовке и осуществлении этого злодеяния не допускалось. Поэтому ни в каких вариантах с «побегом» большевики не нуждались, не говоря уже о том, что такой вариант намного сложнее по исполнению, чем убийство в подвале. Зачем же тогда большевики организовывали эту «переписку»? Здесь возникает другой вопрос: а имела ли место эта переписка? Ведь никто не проводил почерковедческую экспертизу ответного «письма» «Ольги Николаев-

---

[1] *Зайцев Г.Б.* Указ. соч. С. 151.

ны» «офицеру», и утверждать, что имеющееся письмо является ответом кого-нибудь из членов Царской Семьи, мы не можем. Наоборот, в стиле и в духе письма «из дома Ипатьева» имеется множество моментов, заставляющих нас серьезно задуматься о его принадлежности Узникам.

Вся история с так называемой «перепиской» полна неясностей и противоречий. Во-первых, сегодня общеизвестно, что письмо было написано Родзинским под диктовку Войкова на французском языке. Сам Родзинский рассказывал об этом в 1964 году так: «***Вопрос Родзинскому***: *Расскажите нам о записке красными чернилами, в архиве перепутали, так сказать, подлинные вещи.* ***Родзинский:*** *А-а, которую я вел с Николаем переписку. Да, вот, кстати говоря, в архиве, несомненно, я думаю, что документ, я не знаю, где все это показывают, в музее Революции, видимо, там, видимо, есть два письма, мною написанные на французском языке с подписью (иностранный язык). Русский офицер. Красными чернилами писали, писали мы, так это решено было. Это было за несколько дней еще до того, до, конечно, всех этих событий, на всякий случай так решили, так затеять переписку такого порядка, что группа офицеров, вот насчет того, что приближается освобождение, так что сориентировали, чтобы они были, готовились по этим письмам. Это, видите ли, тут преследовались две цели. С одной стороны, чтобы документы о том, что готовились, по тому времени надо было, потому что черт-те в случае... Для истории по тому времени, на какой-то отрезок, видимо, и нужно было доказательства того, что готовилось похищение. Ну а сейчас что же толковать, действительно документы существуют. Надо сказать, что никакого похищения не готовилось, видимо, соответствующие круги были бы очень рады, если бы эти оказались среди них. Но, видимо, занимались другим, не столько теми поисками царской фамилии, сколько организацией контрреволюции...* ***Вопрос:*** *Можно еще простой один вопрос о записке, скажите, а имели отношение к этой записке Белобородов и Павел Лазаревич?* ***Родзинский:*** *А-а, имели, да это имели. Я забыл об этом сказать. Письма эти писались не то, чтобы я писал письма. Не так дело было. Так, собирались мы обычно, Белобородов, Войков и я. Я от Уральской областной ЧК. Причем Войков был продовольственным комиссаром областным. Вот решили, что надо такое-то письмо выпустить. Текст составлялся тут же, придумывали текст с тем, чтобы вызвать их на ответы. Войков по-французски диктовал, а я писал, записывал, так что почерк там мой в этих документах. Вот и второй раз, по-моему, два письма тоже передавали через одного во внутренней охране. Там две были линии охраны. Так вот этот стоял во внутренней, там два забора стояло, так во внутренней через одного товарища там специально ему поручили, так он передавал.* ***Вопрос:*** *Ага, это он передал царице, или...* ***Родзинский:*** *По-моему, ей, царице, там хозяйка была царица.* ***Вопрос:*** *Письма*

какие-нибудь оттуда были или нет? ***Родзинский:*** *Я сейчас не припомню, во всяком случае нет, оттуда нет, нет оттуда не было писем никаких.* ***Вопрос:*** *Примерно за сколько дней были эти письма?* ***Ответ:*** *За недельку, видимо, до этого, за недельку-полторы»*.[1]

Первое, что бросается в глаза, так это бессвязность, полу-бредовость рассказа Родзинского. Такое впечатление, что он либо совершенно не знает, о чем рассказывает, либо безумно боится задаваемых ему вопросов. Тем не менее из этого текста мы можем сделать три вывода: 1) письма писались максимум за две недели до убийства Царской Семьи, 2) текст писем был написан на французском языке самим Родзинским под диктовку Войкова, 3) **никаких ответов на эти письма из дома Ипатьева не поступало.** Последнее обстоятельство представляется нам чрезвычайно важным, так как опровергает принадлежность «ответа» от Заключенных Ипатьевского дома.

При этом еще один весьма показательный штрих: сначала Родзинский говорит о «переписке, которую он вел с Николаем», а потом выясняется, что никаких ответов из Ипатьевского дома не приходило. Что же это за «переписка», которая проводится только в одном направлении? И как Родзинский, не получая никаких ответов, делал вывод, что он «вел переписку с Николаем»?

Однако это не единственное противоречие в истории с «перепиской». В 1989 году в журнале «Родина» Г.Т. Рябов опубликовал статью «Мы принуждены вас расстрелять», ставшую первым звеном в огромной дезинформации 90-х годов XX века вокруг обстоятельств гибели Царской Семьи. Касаясь «переписки» «офицера» и Узников дома Ипатьева, Рябов впервые, как было объявлено, опубликовал эту «переписку» в подлиннике. В своей статье 1989 года Рябов ни слова не говорит о том, что письмо «офицера» было написано по-французски. Наоборот, он издевается над малограмотностью «офицера». Вот отрывок из этого письма с комментариями Рябова: «*С помощью Божьей и вашим хладнокровием мы надеемся приуспеть (орфографическая ошибка, нужно «е», а не «и» — Г.Р.) без всякого риска. Нужно непременно, чтобы одно из ваших окон было отклеено, чтобы вы могли его открыть в нужный момент. То, что маленький царевич не может ходить, осложняет дело, но мы предвидели это, и я не думаю, что это будет слишком большим затруднением. Напишите, если нужно два лица, чтобы его несли на руках, или кто-нибудь из вас может это сделать. Возможно ли усыпить маленького на один или два часа, в случае, если вы будете знать заранее точный час. Это доктор должен сказать свое мнение (синтаксис именно такой — Г.Р.), но в случае надобности мы сможем снабдить телегой, или другие для этого средства. Не беспокой-*

---

[1] *Алексеев В.* Указ. соч. С. 134–135.

тесь: никакая попытка не будет сделана без совершенной уверенности результата. Перед Богом, перед историей и нашей совестью мы вам даем торжественно это обещание. Один офицер».[1]

Заметим, Рябов дает это письмо в качестве подлинника и ни слова не говорит о том, что оно было написано по-французски. Упоминание о французском языке появляется у Рябова, когда он пишет об ответе из Дома Особого Назначения. Рябов отмечает, что ответное письмо, возможно, написано одной из дочерей Государя на французском языке, а затем переведено большевиками в 1919 году и опубликовано с существенными купюрами в «Известиях». При этом Буранов и Хрусталев в своей первой книге «Гибель императорского дома», ссылаясь на Рябова, пишут: «*Купюры были произведены для того, чтобы у читателей создалось впечатление: автор письма — Николай II*».[2]

Таким образом, в своей статье Рябов привел не подлинники, а, по меньшей мере, два искаженных и фальсифицированных документа, так как мы знаем, что письмо «офицера» было написано по-французски. Возникает вопрос: зачем это сделал Рябов? Первое, что приходит на ум, что он взял оба письма из «Известий» в переводе и не знал о хранящихся в архивах подлинниках на французском языке. Но это невозможно, так как Рябов пишет о письме «офицера» как о подлиннике, а о письме «Великой Княжны» как о подправленном большевиками варианте «Известий». Отсюда следует, что Рябов прекрасно знал, что первое письмо является переводом с французского, а посему орфографические ошибки свидетельствуют о безграмотности переводчика, а не автора.

В своей книге «Как это было» Рябов посвящает несколько страниц «переписке». Здесь уже Рябов прямо пишет о том, что он знал о существовавшей «переписке» между Узниками дома Ипатьева и «офицером», которая велась на французском языке. Рябов знал об этой «переписке» из книги генерала Дитерихса, который цитирует «Известия» от 3 апреля 1919 года. «*Перевод с французского*, — пишет Рябов, — *(именно на этом языке шла переписка) сделан вполне вразумительно, все предельно ясно. Упоминаю об этом обстоятельстве только для того, чтобы читатель заинтересованный и внимательный чуть позже сравнил этот газетный текст с подлинным, сделанным переводчиком по горячим следам сразу*».[3]

Тут надо сразу оговориться, что Дитерихс упоминает не «Известия», а «Вечерние Советские Известия», которых генерал в руках не держал, а слышал информацию о «переписке» по радио Москва — Буда-

---

[1] Родина. 1989. № 4–5.

[2] *Буранов Ю.А., Хрусталев В.М.* Гибель императорского дома. С. 245.

[3] *Рябов Г.* Как это было. Романовы: сокрытие тел, поиск, последствия. М.: Политбюро, 1998. С. 106.

пешт.[1] То, что генерал Дитерихс был вынужден использовать такой сомнительный источник, как большевистское радио, понятно: другого у него не было, но вот почему Рябов не удосужился обратиться в архивы и цитировать письма по подлиннику — непонятно. Кстати, никто из исследователей не дает ссылки на эти самые «Советские Вечерние Известия», и весьма сомнительно, существовала ли вообще такая газета.

Таким образом, получается, что приводимое в статье 1989 года письмо является каким-то переводом, сделанным неизвестно с чего каким-то переводчиком и почему-то в поспешности. Приводимый Рябовым в его книге 1998 года документ мало отличается от образца 1989. Он только удобочитаемый. Так, например, когда речь идет о транспортировке Наследника Цесаревича, вместо просто «усыпить», как это было написано в статье 1989 года, появляется: *«на время усыпить "маленького" каким-нибудь наркотиком»* и т. д.

Зачем Рябову понадобилось приводить этот новый, исправленный и подчищенный стилистически текст? Ответ на этот вопрос очевиден. Рябов и целый ряд его единомышленников, точно так же, как и большевики в 1919 году, стараются доказать, что переписка шла между большевиками, с одной стороны, и Императором Николаем II через одну из Дочерей — с другой. Рябов так и называет «письмо» якобы из Ипатьевского дома: ответом Государя. Буранов и Хрусталев также пишут: *«Романовы не замедлили с ответом»*. А екатеринбургский исследователь Зайцев, потомок русских эмигрантов, считающий себя русским интеллигентом, пишет так: *«Письмо было начертано на бумажной пробке бутылки с молоком, и* ***ошалевший*** *(выделено нами — П.М.) от возможной свободы император пишет ответ»*.[2]

Таким образом, мысль Рябова и Зайцева понятна: большевики написали письмо, а «ошалевший» Император на эту провокацию сразу же и купился. Но, прочитав письмо «офицера» в том виде, в каком оно появилось у Рябова в 1989 году, любой мало-мальски думающий человек поймет, что Николай II не мог поверить той абракадабре, какую приводит Рябов. Понятно, что Царь никогда бы не стал вести никакую переписку с человеком, написавшим подобное письмо. В 1989 году, когда подавляющее число советских людей, даже ученых, не имело никакого представления о Царской теме, подобный вариант письма мог бы проскочить, но в 1998 году, в год захоронения так называемых «царских останков», один из их «отрывателей», Рябов, понимал, что народ стал более грамотный и в первый вариант письма уже не поверит. Понадобился новый перевод письма «офицера», и он не заставил себя долго ждать. Но Рябов, безусловно,

---

[1] *Дитерихс М.К.* Указ. соч. Т. 1. С. 56.
[2] *Зайцев Г.* Указ. соч. С. 109.

человек неглупый, понимал также, что даже второй вариант «письма» малоубедителен. Об этой неубедительности как самих писем «офицера», так и так называемых «ответов Романовых» на них хорошо писал генерал Дитерихс. Дитерихс приводит множество доказательств фальсификации всех писем. Русский офицер не будет обращаться к своему Государю просто на «Вы» без титула, он не будет называть Цесаревича — просто царевичем, он не мог называть Наследника интимным именем «маленький», употребляемым только членами самой Семьи, русский офицер не будет заканчивать свое письмо высокопарными и пустыми словами «о Боге, истории и совести», не предлагая никаких конкретных способов побега. Но еще большее недоумение вызывают так называемые «ответы» Царя. Вот первый из них: «*Второе окно от угла, выходящее на площадь, стоит открыто уже два дня и даже по ночам. Окна 7-е и 8-е около главного входа, тоже выходящие на площадь, точно так же всегда открыты. Комната занята комендантом и его помощниками, которые составляют в данный момент внутреннюю охрану. Их 13 человек, вооруженных ружьями, револьверами и бомбами. Ни в одной двери, за исключением нашей, нет ключей. Комендант и его помощники входят к нам, когда хотят. Дежурный делает обход дома ночью 2 раза в час, и мы слышим, как он под нашими окнами бряцает оружием. На балконе стоит один пулемет, а под балконом другой, на случай тревоги. Не забудьте, что с нами будет доктор, горничная и маленький кухонный мальчик. Было бы низко с нашей стороны (хотя они ни в коем случае нас не затруднят) оставить их тут после того, как они добровольно последовали за нами в изгнание. Напротив наших окон по той стороне улицы помещается стража в маленьком домике. Она состоит из 50 человек. Все ключи № 9 находятся у коменданта, который с нами обращается хорошо. Во всяком случае, известите нас, когда представится возможность, и ответьте, можем ли мы взять с собой наших людей. Перед входом всегда стоит автомобиль. От каждого сторожевого поста проведен звонок к коменданту и провода в помещение охраны и другие пункты. Если наши люди останутся, то можно ли быть уверенным, что с ними ничего не случится?*»

Здесь мы дадим слово Дитерихсу: «*Из окон комнат через забор можно было видеть только узенькую полосу неба. О том, что дом, где жила наружная охрана, был маленький, могли знать видевшие его, но не Государь, который за заборами ничего не видел. О том, что от сторожевых постов, кроме звонков к коменданту, были проведены провода в помещение охраны и "другие пункты", могли знать их проводившие и дежурившие на постах; но не Государь, которому даже постов не было видно. Никакой сигнализации с проводами для сторожевых постов в действительности и не было, а*

был проведен только один звонок от часового у парадного входа в переднюю дома Ипатьева.

Вокруг дома Ипатьева стояли часовые от караула и, как отличный службист, Государь никогда не назвал бы их сторожевыми постами, что по уставу имеет совершенно другое значение. Внутренняя охрана помещалась в нижнем этаже, а не в комнате коменданта; в комнате коменданта помещался только помощник, а Авдеев и Юровский утром приходили, а вечером уходили на свои квартиры. Дежурные два раза в час по ночам не обходили, да специальных дежурных и не было. Были разводящие, дежурившие по неделям, разводящие смены каждые 4 часа. О каких ключах, и для какой цели говорит Государь и что это за ключ № 9? Сам же Государь говорит, что двери не запираются. А мог ли Государь забыть, что спасению с Ними подлежат не только Боткин, Демидова и Седнев, а еще Харитонов и Трупп? Забыли о них, вероятно, те, кто в Москве сочинял эти документы».[1]

Здесь к сказанному Дитерихсом хочется добавить, что совершенно невозможно себе представить, чтобы такой умный и проницательный человек, каким являлся Император Николай II, стал бы так откровенно и подробно отвечать совершенно ему не известному «офицеру». При этом примечательно, что в ответных лже-царских письмах несколько раз с положительной стороны упоминаются комендант и его окружение.

Рябов понимал, что доказательства Дитерихса о подложности писем убийственно-очевидны и что любому умеющему мыслить человеку понятно, что письма подложные. Тогда Рябов прибегает к способу, столь любимому современными последователями Свердлова и Юровского: к уничижению деятельности следствия Соколова. В данном случае Рябов обвиняет Дитерихса в слепой ненависти и недомыслии. «*Генерал сомневается,* — панибратски пишет Рябов, — *и, забегая вперед, согласимся с ним, правильно делает. Только вот доводы Михаил Константинович приводит, мягко говоря, малосостоятельные. Генералу бы вдуматься, поразмыслить, но... ненависть переполняет. Святая и вполне понятная ненависть к разорителям и убийцам. Эта ненависть сводит возражения практически на нет*».[2]

Мы только что могли ознакомиться с аргументами генерала Дитерихса. Где в них ненависть, где отсутствие вдумчивости? Все обстоит с точностью наоборот: это Рябов пытается спрятать свои ляпы, прикрыв их обвинениями Дитерихса в некомпетентности и предвзятости. В качестве доказательств этих некомпетентности и предвзятости Рябов приводит очередной вариант перевода писем, еще более подчищенных и исправленных. Вот эти варианты, убеждает нас Рябов, и есть подлинники. Но, во-первых,

---

[1] *Дитерихс М.К.* Указ. соч. Т. 1. С. 58–59.
[2] *Рябов Г.* Указ. соч. С. 108–109.

Дитерихс критиковал только тот вариант, какой был ему известен, а во-вторых, кто же поверит господину Рябову, постоянно меняющему тексты писем по мере выявления все новых фактов, разоблачающих их фальшивость?! Примечательно при этом, что Рябов, и в этом он весьма напоминает фальсификатора, не называет источников, откуда он берет эти тексты. А то немногое, что он пишет, говорит само за себя: «*Предо мною лежал конверт голубовато-серой бумаги размером 10 х 8 см., взрезанной (срезанный) сбоку, на конверте надпись красными чернилами, крупно: «ПИСЬМА». И еще один конверт голубоватой бумаги, 11 х 7 см, разорванный по длинной стороне, с карандашной надписью справа: “La zurveillance fur noux and Jnente toujouka suztuit a cuxe deleutre ____”*».[1]

Пусть господин Рябов объяснит читателю, на каком языке написан этот абсурд, и что он значит?

И.Ф. Плотников в своей книге приводит, опять-таки без ссылок на какой-либо источник, фотокопии писем «офицера» и «ответа из Ипатьевского дома».

Точные сведения о «переписке» приводит В.М. Хрусталев в своих комментариях к дневнику Императрицы Александры Федоровны. Приводя перевод писем, Хрусталев, между прочим, пишет: «*Цитируется рабочий перевод, сделанный позднее чекистами; его текст размещен на самих письмах или на подклеенных к ним листах. Впоследствии эти письма выдавались большевиками за свидетельство подготовки контрреволюционерами побега Николая II, в связи с чем он был расстрелян. Их фрагменты в качестве доказательств были позднее опубликованы в ряде центральных газет*».[2]

Хрусталев, к сожалению, не указывает, какие центральные газеты опубликовали эти фрагменты.

Рябов, вслед за фальсификатором Касвиновым, без всяких доказательств пишет, что письма передавал Царской Семье доктор В.Н. Деревенко, хотя в приводимой им же «переписке» говорится об одном солдате из внутренней охраны, завербованном ЧК. То же самое рассказывал и Родзинский в 1964 году. Сам Деревенко в своем «*Жизнеописании*» *утверждал: «Не могло быть и речи о приватных разговорах с членами б. царской семьи или кем-либо из заключенных и о передаче им или получении от них писем и записок. Нарушение строгих правил, о которых я был поставлен в известность, грозило смертью, и я, имея на руках жену, мать и ребенка, не мог думать, да и не желал нарушать*».[3]

---

[1] Там же.
[2] Последние дневники Императрицы Александры Федоровны. С. 242.
[3] *Рябов Г.* Указ. соч. С. 114.

Нет никаких оснований не верить Деревенко. Между тем мысль о том, что доктор был завербованный агент ВЧК, продолжает назойливо навязываться обществу. Вот и А.Н. Авдонин в своей книге о следователе Соколове без всяких доказательств пишет, что письма «офицера» «*передавал в Царскую Семью не кто-нибудь, а В.Н. Деревенко — врач Наследника*».[1]

При этом не надо забывать, что Авдеев ничего не знал о провокациях ЧК и в случае проверки банок с молоком мог бы обнаружить записку и тем самым сломать своему начальству всю игру.

Имеются существенные противоречия и в датах поступления писем в Ипатьевский дом. Так, согласно заключениям И.Ф. Плотникова, Г.Б. Зайцева и других исследователей, первое письмо от «офицера» поступило в Дом Особого Назначения в июне, в период с 16 по 27, то есть примерно за месяц до убийства. Примечательно, что, согласно записям в караульном журнале, 16 июня Деревенко допущен в дом не был. Между тем как Родзинский говорил, что переписка велась с Ипатьевским домом за «недельку, недельку-полторы» до убийства. Как же так, сам автор фальшивой переписки не помнил, когда он писал свои письма? Здесь конечно, можно было бы применить любимое слово И.Ф. Плотникова — «запамятовал». Дескать, престарелый Родзинский в 1964 году мог ошибиться на целый месяц, мог забыть, кто передавал письма Царской Семье, мог забыть об ответах из Ипатьевского дома и так далее. Но тогда встает вопрос: как можно вообще доверять показаниям такого маразматика? Между тем именно показания Родзинского и других большевистских заправил Екатеринбурга, к которым слово «запамятовал» можно применять десятки раз, являются главными «доказательствами» официальной версии сокрытия и уничтожения тел Царственных Мучеников.

Есть еще одно интересное обстоятельство, касающееся «переписки». Как мы помним, радио сообщило о публикации в «Вечерних Известиях» в апреле 1919 года, то есть почти сразу же после смерти Свердлова. Надо сказать, что смерть Свердлова привела к пересмотру некоторых его решений. В частности, Ленин выступил с критикой политики «расказачивания». Кроме того ленинским руководством были предприняты определенные шаги к внешнему изменению еврейского характера Советской власти: во главе ВЦИК был поставлен русский крестьянин М.И. Калинин, была несколько смягчена антирелигиозная пропаганда. То есть определенным образом Ленин пытался отмежеваться от действий Свердлова. Конечно, это был не более чем тактический шаг, вызванный стремлением одержать победу в Гражданской войне, но тем не менее отрицать эти изменения невозможно. В этой связи, безусловно, для Ленина было важно, чтобы Екатеринбургское злодеяние не было связано с его именем или именем со-

[1] *Авдонин А.Н.* Дело жизни судебного следователя Николая Соколова. С. 14.

ветского руководства, тем более что исход противостояния с белыми был еще далеко не ясен, и, тем более что правительство Колчака вело тщательное расследование убийства Царской Семьи. В связи с этим ложь Свердлова о своеволии уральцев подходила как нельзя кстати. Но эта ложь требовала доказательств, и в качестве таковых и могла быть состряпана «переписка» между «офицером» и «Царской Семьей». Причем, состряпана она могла быть в 1919 году, уже после убийства Царской Семьи, и преследовала задачу «доказательства» самостоятельного решения уральских большевиков в деле уничтожения Императора Николая II. Эта «переписка» могла быть призвана убедить общественное мнение в нескольких ложных утверждениях: 1) того, что существовал заговор с целью похищения Императора, 2) что Император сам отказался от такого похищения и 3) что существует вероятность того, что кто-нибудь из Царской Семьи мог спастись.

Эти, казалось бы, взаимоисключающие утверждения на самом деле работали в одном направлении. Ведь если существовал «заговор» с целью похищения Николая II, то, значит, решение Уральского Совета было оправдано; с другой стороны, если Император сам отказался от побега или помощи какого-нибудь иностранного государства или влиятельной группы лиц, значит опять-таки в своей участи виновен он сам, так как отказался от реальной возможности спастись. Наконец, если существовал «заговор» и Император отказался от побега, то это вовсе не означает, что другие члены Царской Семьи не могли воспользоваться этим предложением. Это, в свою очередь, давало прекрасную почву для появления всевозможных лже-Анастасий, лже-Алексеев и так далее.

Интересно, что, по некоторым данным, могильник под мостиком из шпал, который ныне признан Государственной Комиссией местом сокрытия тел расстрелянной Царской Семьи, был создан большевиками в 1919–1920 годах. Таким образом, и «переписка», и «могильник» могли быть звеньями одной цепи в деле дезинформации общественного мнения и направления белого следствия по ложному пути.

Хотя не исключено, что фальшивая «переписка» была написана в 1918 году и предназначалась для немцев по тем же самым соображениям, какие были изложены выше.

В связи с этим требует особого исследования запись в дневнике Императора Николая II от 14/27 июня 1918 года: «*Провели тревожную ночь и бодрствовали одетые*.... (отточие в документе – *П.М.*) *Все это произошло от того, что на днях мы получили два письма, одно за другим, в кот. нам сообщали, чтобы мы приготовились быть похищенными каки-*

ми-то преданными людьми! Но дни проходили, и ничего не случилось, а ожидание и неуверенность были очень мучительны».[1]

Эта запись представляется весьма странной. Во-первых, что означает это отточие в документе? Не скрывает ли оно другой, вымаранный из дневников текст? Во-вторых, странно, что Император Николай II, до 14-го июня не проронивший ни слова по поводу «писем», вдруг столь подробно заговорил о них. Если он до 14 июня соблюдал конспирацию и боялся, что из его дневников станет известно о планах освободителей, то почему 14-го он перестал соблюдать эту конспирацию? Если же он был уверен, что его дневники недоступны для чужого взора, то почему он не сделал отметку о «письмах» сразу же по их получении? Можно представить, что 14-го июня Государь разочаровался в возможностях «преданных людей» и решил, что запись о предполагаемом похищении уже не сможет им повредить. Но это, опять-таки, выглядит совершенно неправдоподобно: ведь, как следует из дневниковой записи, Государь получил «письма» «на днях» и, значит, мог ожидать получения и других писем, которых, как нас пытаются уверить, он получил еще, по крайней мере, два. Почему же он так быстро разочаровался в возможностях «освободителей»? В-третьих, и это самое важное: ни в первом, ни во втором письме «офицера» нет ни слова о конкретном дне и часе побега, речь вообще идет не о побеге, а самое большое о его подготовке, а большей частью вообще о его возможности или невозможности. Так, во втором письме «офицер» пишет: «*Надеемся гораздо раньше воскресенья вам указать детальный план операции. (….) С помощью веревки, специально сделанной для этого, вы спуститесь через окошко, где вас будут ждать внизу, остальное нетрудно, средства передвижения не в недостатке и прикрытие хорошо, как никогда. Важность вопроса — это спустить маленького, возможно ли, отвечайте, обдумывая хорошо. Во всяком случае, это отец, мать и сын, которые первые спускаются, дочери потом, доктор им следует. Отвечайте, если это возможно, по вашему мнению, и если вы можете сделать веревку, употребляя уже данную вам. Препроводить веревку очень трудно в данный момент. Офицер*».

Как видим, ни о какой конкретике речи в письме «офицера» не идет. Уже не говоря о том, что план с «веревкой» настолько абсурден, что ни один серьезный человек на него никогда бы не пошел. А Николай II, судя по дневнику, не только пошел, но и вся Семья сидела ночью одетая и ждала. А собственно, чего она ждала? Если следовать письму «офицера», Царская Семья должна была не ждать неизвестно чего, а вязать веревку, о чем просил Царя «офицер». Но самое поразительное, что в ответ на второе письмо офицера «из Ипатьевского дома» приходит письмо, суть которого: «*мы не*

[1] Дневники Императора Николая II. С. 683.

хотим и не можем бежать, мы можем только быть похищенными силой». А в дневнике Царь «пишет»: «*Дни проходили, и ничего не случилось, а ожидание и неуверенность были очень мучительны*». Получается полный абсурд: в письмах «офицера» не содержится никаких конкретных планов освобождения, в ответах «Царской Семьи» имеется только описание обстоятельств и условий их заключения и категорический отказ быть похищенными силой, а в то же время Царь «пишет» в дневнике, что он и его Семья провели всю ночь одетыми, ожидая освобождения «*преданными людьми*»! Этот абсурд может быть объяснен только одним: запись в дневнике Государя фальсифицирована, так как она была призвана «документально» подтвердить такую же фальсифицированную «переписку».

При этом примечательно, что в дневнике Государыни нет ни одного упоминания о том, чтобы она либо кто-нибудь из Семьи провели бессонную ночь одетыми.

Зато сведения об этом мы встречаем у такого «правдивого» свидетеля, как М. Медведев (Кудрин): «*Белобородовым, Войковым и чекистом Родзинским было составлено от имени русской офицерской организации письмо, в котором сообщалось о скором падении Екатеринбурга и предполагалось подготовиться к побегу ночью определенного дня. Записку, переведенную на французский язык Войковым и переписанную набело красными чернилами красивым почерком Исая Родзинского, через одного из солдат охраны передали царице. Ответ не заставил себя долго ждать. Сочинили и послали второе письмо. Наблюдение за комнатами показало, что две или три ночи семья Романовых провела одетыми — готовность к побегу была полной. Юровский доложил об этом Совету Урала*».[1]

Сравним этот рассказ Медведева с рассказом Родзинского и обратим внимание, как они путаются в собственной лжи. Если бы Родзинский и Медведев являлись бы обвиняемыми и их рассказы были бы показаниями, то для установления истины потребовалось бы проведение между ними очной ставки. Но так как рассказы Родзинского и Медведева проходили в кабинете ЦК КПСС среди «старых партийных товарищей», а более конкретно в обществе А.Н. Яковлева, то сравнивать эти рассказы приходится нам. Во-первых, Медведев лжет об «определенном дне побега», о котором якобы речь шла в письмах «офицера». Мы уже видели, что ничего подобного в письмах не было. Во-вторых, Медведев говорит, что «ответ не заставил себя долго ждать», а Родзинский утверждает, что никаких ответов из Ипатьевского дома не было. В-третьих, совершенно невероятно, чтобы

---

[1] *Алексеев В.* Указ. соч. С. 122.

солдат охраны передавал Государыне какие-то письма.[1] Кроме того что все общение с Узниками шло через Боткина, охране категорически было запрещено общаться с членами Царской Семьи, и если бы вдруг солдат внутренней охраны попробовал бы передать Императрице подобное письмо, то это немедленно бы вызвало подозрение у Государыни. В-четвертых, совершенно непонятно, каким образом ночью было установлено наблюдение за членами Царской Семьи и как было установлено, что они сидели одетыми? Они, что же, сидели с включенным светом перед окнами для того, чтобы товарищ Медведев мог их хорошо разглядеть? А если свет был выключен, как Медведев определил, что они были одетыми, да еще «две или три ночи»? Этот пассаж Медведева очень похож на так называемую «запись» в дневнике Государя. Такое впечатление, что и Родзинского, и Медведева заранее проинструктировали, что и как говорить. Родзинскому, который, видимо, находился в плохой физической форме, этот спектакль давался с трудом, и его ведущий, А.Н. Яковлев, постоянно подсказывал ему правильные ответы. Отсюда и происходит такое косноязычие Родзинского. Впрочем, может быть, и наоборот, Родзинский своим косноязычием и неопределенными ответами проявил вполне уместную осторожность. Примечательно, что из троих расспрошенных А.Н. Яковлевым людей (Родзинского, Медведева и Никулина) последние двое умерли почти сразу после беседы: Медведев в 1964, а Никулин — в 1965 году. И лишь Родзинский дожил до 1987 года.

Время пребывания Царской Семьи в Ипатьевском доме было отмечено целым рядом таинственных происшествий, связанных с огнестрельным оружием и боеприпасами. Так, 1 июня в «Книге дежурств» появляется запись: «*Около часа дня поступило заявление повара Харитонова о том, что что-то лежит на шкафу в комнате, где помещались раньше Седнев и Нагорный, по приходе моем туда оказалось, что на указанном Харитоновым шкафу лежат восемь заряженных бомб,* <...> *которые по приносе в дежурную комнату были разряжены. При дальнейшем расспросе гр. гр. Харитонова и Труппа выяснилось: ввиду кладки каменщиками новой плиты в комнате, где помещались Харитонов и Трупп, ими была занята рядом стоящая свободная комната, то он, Харитонов, желая очистить пыль в комнате, обнаружил лежащие на шкафу бомбы и заявил в дежурную комнату, о чем мной было сообщено коменданту Дома Особого Назначения тов. Авдееву, а им, в свою очередь, председателю областного Совета товарищу Белобородову*».[2]

---

[1] Вполне возможно, что осознание всей нелепости с передачей Царице «писем» солдатом внутренней охраны, побудило Рябова выдвинуть версию об чекистском «агенте» докторе Деревенко.

[2] *Алексеев В.* Указ. соч. С. 88–89.

Как «бомбы», то есть, говоря современным языком, ручные гранаты, смогли попасть в дом Ипатьева? Нет никакого сомнения, что случайно они там оказаться не могли, ибо дом перед вселением туда Царской Семьи, естественно, тщательно проверялся. Таким образом, гранаты были положены на шкаф одной из комнат Ипатьевского дома либо в сам приезд в Екатеринбург Царя и Царицы, либо уже во время их пребывания в ДОНе. Непонятно также, о какой комнате идет речь, ибо согласно целому ряду свидетельств, повар Харитонов и лакей Трупп жили на кухне дома Ипатьева, здесь же речь идет о какой-то свободной комнате. Вполне возможно, что эта свободная комната была подсобным кухонным помещением. Тем не менее, природа появления ручных гранат на шкафу этой комнаты непонятна. Понятно, что это была какая-то большевистская провокация, но в чем была ее суть, до сих пор неясно.

Но случай с «бомбами» был не единственным. 3 июня в «Книге дежурств» появляется следующая запись: «*На посту № 9 часовой Добрынин нечаянно выстрелил, ставя затвор на предохранитель, пуля прошла в потолок и застряла, не причинив никакого вреда*».[1]

Свидетель В.Я. Буйвид на допросе показал, что однажды летом из Ипатьевского дома «*была нечаянно выброшена красноармейцами в сад с балкона воспламенившаяся ручная граната*».[2]

Если вспомнить, что 14/27 мая часовой выстрелил в сторону окна Ипатьевского дома, о чем имеется запись в дневнике Государя, то применение огнестрельного оружия приобретает характер последовательных действий. Цель этой последовательности продолжает оставаться таинственной, несмотря на то, что существует множество версий, вплоть до того, что она заключалась в попытках убить Царскую Семью.

Не менее таинственными представляются события, происшедшие в доме Ипатьева в конце мая 1918 года. 28 мая/11 июня Николай II записывает в свой дневник: «*Тюремщики стараются не говорить с нами, как будто им не по себе, и чувствуется как бы тревога или опасение чего-то у них! Непонятно!*»

31мая/13 июня в дневнике Государя появляется следующая запись: «*Пришел Авдеев и долго разговаривал с Евг. Серг. По его словам, он и областной совет опасаются выступлений анархистов и поэтому, может быть, нам предстоит скорый отъезд, вероятно — в Москву! Он просил подготовиться к отбытию. Немедленно начали укладываться, но тихо, чтобы не привлекать внимания чинов караула, по особой просьбе Авдеева. Около 11 час. вечера он вернулся и сказал, что еще останемся несколько дней. Поэтому и на 1-е июня мы остались по-бивачному, ничего не раскла-*

---

[1] Там же.
[2] Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 80.

дывая. Наконец, после ужина Авдеев, слегка навеселе, объявил Боткину, что анархисты схвачены и что опасность миновала и наш отъезд отменен! После всех приготовлений даже скучно стало!»[1]

Действительно ли опасения Авдеева были вызваны существованием анархического мятежа? Начнем с того, что так называемый «анархический мятеж» имел место 31 мая/13 июня, а непонятные действия тюремщиков в отношении Царской Семьи начались 28 мая/11 июня, то есть за два дня до этого. Во-вторых, сам «мятеж» заключался в том, что ночью 31 мая/13 июня Павел Хохряков арестовал в гостинице «Пале-Рояль» двух подозрительных постояльцев, один из которых оказал вооруженное сопротивление. Позже выяснилось, что арестованные были членами партии анархистов. В ответ на арест своих товарищей анархисты днем 13 июня открыто выступили против большевиков, требуя освобождения соратников. Анархисты захватили здание Коммерческого собрания. К этому зданию был выдвинут небольшой отряд Хохрякова, который подогнал к Коммерческому собранию пушку и потребовал от анархистов сложить оружие, что последние, после некоторого раздумья, и сделали без единого выстрела. При этом никаких требований в отношении Царской Семьи анархисты не выдвигали. Таким образом, Авдеев, убеждая Царя, что предполагаемый увоз Царской Семьи из Екатеринбурга вызван действиями анархистов, по обыкновению лгал.

Но что же скрывалось за действиями тюремщиков? Определенные предположения об этом можно допускать, если проанализировать общую обстановку вокруг членов Дома Романовых, которая создавалась большевиками в те дни. 30 мая/12 июня, то есть именно в разгар «непонятных действий» тюремщиков, в Перми был похищен и убит Великий Князь Михаил Александрович и трое лиц из его свиты. В тот же день в «Книге дежурств» появляется следующая запись: «*Был принят доктор Деревенко, который заявил, что в городе ходят слухи, будто бы Алексей Романов убит и схоронен сегодня ночью*».[2]

Заметим, что «непонятные» действия тюремщиков происходят на фоне реального и вымышленного убийств двух наиболее возможных претендентов на престол. К этому следует добавить, что Авдеев называл возможным пунктом увоза Царской Семьи — Москву. Устранение и распространение услухов об устранении Наследников престола, а также упоминание Москвы заставляют нас задуматься о том, а не были ли «непонятные действия» тюремщиков отображением внутрипартийной борьбы, которая развернулась среди большевистского руководства в отношении судьбы Царской Семьи? Отправка в Москву могла вновь обозначать линию Мирбаха и Ленина, а убийство Вели-

---

[1] Дневники Императора Николая II. С. 682.
[2] *Алексеев В.* Указ. соч.

кого Князя и слухи об убийстве Цесаревича — линию Свердлова. При этом ситуация могла начать развиваться по сценарию немцев, требовавших вывоза Царя в Москву; кстати, они могли также требовать вывоза туда же и Великого Князя Михаила Александровича, — а закончиться победой линии Свердлова.

То, что описываемые выше события были связаны с внутрипартийными разногласиями среди большевиков и вмешательством в эти разногласия немцев, подтверждается усилением внимания к Узникам Ипатьевского дома как со стороны немцев, так и со стороны части советского руководства. Как мы помним, именно в этот период Ипатьевский дом по личному поручению Ленина посещает Берзин, и именно в этот период все больше ощущается германская заинтересованность в судьбе свергнутого Царя и его Семьи. 19 июня 1918 года королева эллинов Ольга, находясь в Германии, имела в Берлине встречу с женой наследника германского престола принцессой Цецилией. Последняя в разговоре с королевой Ольгой сказала, что *«Царь заявил, что он ни при каких обстоятельствах не желает быть спасенным немцами. Эта его позиция удручает германского императора, который проводит бессонные ночи, переживая за судьбу Романовых»*.[1]

А. Саммерс и Т. Мангольд в своей книге приводят письмо английского консула в Женеве министру иностранных дел Великобритании от 17 июля 1918 года, то есть дня убийства Царской Семьи, который сообщал о визите к нему двух русских монархистов. *«Кажется, что герцог Лейхтенбергский, кузен бывшего царя, месяц тому назад был в Берлине. Он теперь возвратился в Россию. Вероятно, немцы вошли в контакт с царем и предложили ему свою помощь, от которой он прежде отказывался. Берлин рассматривает возможность похитить царя и его семью, затем отправить их в Германию»*.[2]

Безусловно, к труду Саммерса и Мангольда следует относиться с большой долей скепсиса. Однако следует признать, что при всей абсурдности выводов, которые делают в своей книге авторы (они полагают, что большая часть Царской Семьи была спасена), ими был собран весьма интересный материал, который приоткрывает нам занавес над истинной ролью немцев в судьбе Царской Семьи. Мы помним, что 5 июля 1918 года германский дипломат граф Альвенслебен уверял русских монархистов, что в период с 16 по 17 июля распространится ложный слух о гибели Императора, но чтобы они, монархисты, этому слуху не верили. Как мы видели, в тот же день, о котором говорил Альвенслебен, то есть 17 июля 1918 года, английское консульство в Швейцарии получает аналогичную информа-

---

[1] *Summers A., Mangold T.* Op. cit. P. 284.
[2] Там же. P. 285.

цию, правда, весьма неуверенную, исходящую опять-таки от русских монархистов, о том, что немцы готовят план по похищению Царской Семьи из Екатеринбурга. Но, как мы знаем, именно в этот день, 17 июля, Царская Семья была убита. Таким образом, совокупность фактов позволяет нам сделать следующий вывод: скорее всего, действительно у немцев существовал план освобождения Царской Семьи. При этом германское руководство исходило только из одной прагматической точки зрения: Царская Семья была нужна им, так как с ее убийством немцы теряли единственную легальную силу, которую они могли противопоставить как большевикам, так и Антанте и с помощью которой они надеялись контролировать Россию. Вполне вероятно, что часть большевистского руководства собиралась выполнить приказы немцев относительно Царской Семьи, но другая часть большевиков, о сущности которой мы уже говорили, стремилась во что бы то ни стало Царскую Семью уничтожить. В связи с этим последние весьма тонко ввели немцев в заблуждение, открыв им подлинную дату намечаемого убийства, выдав ее за дату вывоза Царской Семьи из Екатеринбурга, сообщив при этом, что для успокоения умов будет объявлено о расстреле Императора Николая II. Тем самым немцы были введены в полное заблуждение и, сами того не подозревая, начали играть под большевитскую дудку, распространяя ложную информацию о спасении Николая II и его Семьи. В свою очередь многие русские монархисты, которые были не в состоянии принять ужасную весть об убийстве всей Императорской Семьи, где только могли, с радостью распространяли ложь о ее спасении. Эта ложь была весьма выгодна для большевиков и по сегодняшний день продолжает быть полезной для их духовных и политических наследников. Поэтому всевозможные саммерсы и мангольды, как и десятки отечественных мифотворцев о «чудесном спасении» всей Царской Семьи или отдельных ее членов, являются вольными или невольными пособниками Лжи.

Но здесь следует сказать, что за судьбой Царской Семьи пристально следили не только немцы, но и представители Антанты, и летом 1918 года в их донесениях неизменно присутствует как тема вывоза Царя из Екатеринбурга, так и гибели членов Царской Семьи. Так, 17 июня 1918 года, то есть за месяц до убийства Царской Семьи, американский консул в Москве Пул телеграфировал Государственному Секретарю США в Вашингтон: «*Москва 17 июня 1918 года. Не подтверждаются слухи о том, что большевики вывезли Царя и его брата Михаила из Екатеринбурга и что Царевич мертв*».[1]

---

[1] Papers relating to the foreign relations of the United States. 1918 Russia. Washington, 1932, volume 2. P. 215.

Обратим внимание: Великий Князь Михаил Александрович никогда не содержался в Екатеринбурге, а к 17 июня, то есть ко дню отправки американской телеграммы, он был уже мертв. Но примечательно еще и другое: дата отправки телеграммы и ее текст по времени совпадают с разговорами Авдеева о возможной скорой отправке Царской Семьи в Москву и с записью в «Книге дежурств» о слухах о гибели Наследника Цесаревича! Таким образом, слова Авдеева о предполагаемом вывозе Царской Семьи из Екатеринбурга не были просто ложью, но отражали какие-то реальные события, происходившие вокруг дома Ипатьева.

7 июля 1918 года из Екатеринбурга в Москву отправляется еще одна телеграмма: «*Французскому консулу. Москва. Приехал Екатеринбург. Пока живу Английском Консульстве. Слухи о Романовых ложны. Бояр*».[1]

Кем был этот таинственный «Бояр»? Что делал он в Екатеринбурге, чье задание выполнял? О каких слухах он сообщал в Москву за 10 дней до злодеяния, до сих пор остается тайной. Но с большой долей вероятности можно предположить, что слухи эти касались все того же убийства Царской Семьи. Это подтверждает и Н. Росс. В своих комментариях к изданным материалам следствия Соколова он пишет: «*К. Бояр — живописный псевдоним французского агента, посланного в Екатеринбург представителями Франции в Москве, обеспокоенными слухами о судьбе Царской Семьи*».[2]

Таким образом, летом 1918 года слухи об убийстве Царской Семьи усиленно проверялись немцами, Лениным, американцами, французами и англичанами. Отсюда можно сделать вывод, что раз эти слухи активно проверялись, значит, вышеназванные силы были осведомлены о реальной возможности убийства и относились к этой возможности серьезно.

С другой стороны, можно с большой долей уверенности сказать, что большинство представителей германской, английской, французской правящих элит, да и большевистского руководства, были уверены, что убийства Царской Семьи, по крайней мере, в ближайшее время, не будет и что все разговоры об этом являются слухами. Можно быть полностью уверенным в том, что и большинство членов Уральского Совета также не знали о готовящемся убийстве. О том, что убийство будет совершено, причем совершенно именно в ночь с 16 на 17 июля 1918 года, знала очень небольшая группа людей, которую в большевистском руководстве представлял Свердлов, та самая, которая и была инициатором и автором дезинформа-

---

[1] Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 216. Alexandrov V. Op. cit. Илл. вкл. с фотографией этой телеграммы.

[2] Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 593.

ции. Распространение слухов об убийстве Царской Семьи было выгодно именно этой группе, так как она действовала по принципу известной притчи «Осторожно, волки!» Неоднократными опровержениями «слухов» об убийстве Государя и Цесаревича эта группа добилась того, что когда убийство всей Царской Семьи было на самом деле осуществлено, многими сообщение об этом было воспринято как очередная «утка».

О том, что планы убийства были известны организаторам преступления заранее и что дата убийства до самого последнего момента ими скрывалась, говорит найденный следствием Соколова текст объявления Уральского Совета об убийстве Императора Николая II, составленный большевиками в июле 1918 года. В протоколе осмотра этого объявления в качестве вещественного доказательства, проведенного 25 марта 1919 года, говорится: «*Первоначальный текст, не имевший поправок, был таков: "В виду приближения контрреволюционных банд к красной столице Урала и в виду того, что коронованному палачу удастся избежать народного суда (раскрыт заговор белогвардейцев с целью похищения бывшего царя), Президиум Ур. Обл. Сов. Раб. Кр-н Кр. Арм. Депутатов Урала, исполняя волю революции, постановил расстрелять бывшего царя Николая Романова, виновного в бесчисленных кровавых насилиях над русским народом. В ночь с 16 на 17 июля приговор этот приведен в исполнение <...>". При изучении текста этого предложения замечается следующее. Первоначально, видимо, в обеих этих двухзначных цифрах "16" и "17" черным карандашом были написаны только одни "1" (занимающие в этих двухзначных числах места десятков). Цифры же "6" и "7", видимо, не были написаны совсем. По крайней мере, они не замечаются ни простым глазом, ни чрез лупу. Для них человек, писавший текст черным карандашом, оставил в тексте пустое место. Затем пустые места были заполнены написанием цифр "6" и "7", но эти цифры написаны уже не карандашом, а красными чернилами, коими также обведены и изображения единиц "1" в обоих числах по карандашному тексту. После этого эти цифры "16" и "17" были зачеркнуты черными чернилами и вместо них наверху написаны слова: "шестнадцатого", "семнадцатое"*».[1]

То есть тот человек, который составлял этот текст, получил точную дату убийства непосредственно в самый его канун, хотя о том, что преступление произойдет до 20-го июля, ему было известно заранее.

Когда же началась подготовка к убийству Царской Семьи? Ответ на этот вопрос является очень запутанным и неясным, как и все, что связано с Екатеринбургским злодеянием. Убийцы и их пособники сделали все, чтобы как можно успешнее запутать следы, к этому надо также прибавить путаницу и расхождения в показаниях свидетелей. Поэтому мы с

[1] Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 263.

большой осторожностью попытаемся восстановить картину подготовки к преступлению.

П.М. Быков в своей книге уверял, что это произошло 12 июля, когда Голощекин вернулся из Москвы в Екатеринбург. «*По приезде из Москвы Голощекина,* — писал Быков, — *числа 12 июля, было созвано собрание Областного Совета, на котором был заслушан доклад об отношении центральной власти к расстрелу Романовых. Областной Совет признал, что суда, как это было намечено Москвой, организовать уже не удастся. <...> В связи с этим Областной Совет решил Романовых расстрелять, не ожидая суда над ними*».[1]

Однако Быков лжет. Во-первых, Голощекин вернулся в Екатеринбург не 12-го, а 14-го июля. Во-вторых, судя по всему, никакого заседания Областного Совета 12-го июля не было. Комиссар здравоохранения, член Уральского Совета Н.А. Сакович, допрошенный белым следствием, заявил, что никакого обсуждения судьбы Царской Семьи при нем в июле 1918 года не было. А ведь Сакович был не последним человеком в Уральском Совете! И.Ф. Плотников уверяет, что решение об убийстве Царской Семьи было привезено Голощекиным из Москвы 14-го июля. Но, утверждая это, Плотников входит в противоречие с самим собой, да еще и приводимые им доказательства весьма сомнительны. Плотников пишет, что «*в окружении Голощекина и его сподвижников имелся тайный агент спецслужб антибольшевистского движения*».[2]

Такой вывод Плотников делает из секретного рапорта субинспектора уголовного розыска М. Талашманова, который докладывал начальнику Екатеринбургского уголовного розыска: «*Доношу Вам, что сего числа мною получены агентурные сведения о бывшей Царской Семье*».[3]

Для человека, имеющего представления об оперативной работе, из этих слов понятно, что агентурные сведения, о которых говорит субинспектор, это действительно сведения, полученные от агента, но вовсе не обязательно, что агент был внедрен в окружение Голощекина. Агент мог эти сведения почерпнуть от кого-то и передать сотруднику уголовного розыска. При этом надо учесть, что любое агентурное донесение несет на себе отпечаток личности агента, степени его добросовестности, интеллектуального уровня, умения анализировать полученную информацию. Любая информация, полученная оперативным путем, то есть от агента, должна тщательно проверяться оперативным сотрудником и получить подтверждение или опровержение из других источников. Иначе оперативный сотрудник будет

---

[1] *Быков П.М.* Указ. соч. С. 89.

[2] *Плотников И.Ф.* Указ. соч. С. 66.
Интересно, какие «спецслужбы» И.Ф. Плотников имеет в виду?

[3] Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 66.

руководствоваться в своих действиях непроверенной информацией, а то и дезинформацией. С другой стороны, оперативный сотрудник обязан получать от своего агента любые сообщения, так как в них может оказаться полезная информация, и затем самостоятельно их анализировать. При этом информация, стекающаяся к оперативному сотруднику, может быть самой разнообразной, противоречивой и даже абсурдной. В качестве примера подобных агентурных сообщений приведем один секретный рапорт того же М. Талашманова: «*В дополнение к рапорту моему от 22 сего августа мною сего числа получены агентурные сведения следующие: Жена красноармейца Ивана Гущина, который в настоящее время скрывается, а таковая проживает по Крестовоздвиженской улице в д. № 30, стоя с неизвестным молодым человеком, спорили между собой. Молодой человек говорил: "Что я утвердительно знаю, что бывш. Царь расстрелян и увезен к Шартажу", но Гущина ему возражала и говорила: "Что вы не спорьте, я лучше вашего знаю, мне говорил мой муж, что бывшего Царя в ночь на 17 июля шофер на автомобиле увез живым на вокзал и что его отправили в Пермь и оттуда его намерены были передать в руки Германии"*».[1]

Понятно, что если подобные агентурные сообщения начать воспринимать как доказательства, полученные от «внедренных агентов антибольшевистских спецслужб», то зайти можно очень далеко, правда, совершенно в другую сторону от истины.

Кстати, применительно к уголовному розыску белых, который вел расследование убийства Царской Семьи, его сотрудники пользовались непроверенной информацией сплошь и рядом, порою чрезвычайно путая следствие, направляя его по ложному пути. Между прочим, руководитель уголовного розыска А.Ф. Кирста, по непонятным и весьма сомнительным причинам, всячески поддерживал мысль о том, что Царская Семья не была убита, а отправлена в Пермь. В связи с этим он вопреки здравому смыслу отвлекал большие силы на проверку этой ложной версии и мешал следствию. В конце концов, он был отстранен от занимаемой должности и даже арестован за фальсификацию материалов дела. Многие считали его, и не безосновательно, агентом большевиков. Поэтому к полученным оперативным сведениям колчаковского уголовного розыска следует относиться с большой долей недоверия.

Тем более это вероятно, если исходить из той информации, которая была сообщена Талашманову: «*Числа около 15-го июля с. г. в одно из воскресений в лесу была компания гулявших, которая состояла из нижепоименованных лиц: 1) военный комиссар Голощекин, 2) его помощник Анучин, 3) жилищный комиссар Жилинский, 4) Уфимцев, 5) Броницкий, 6) Сафаров, 7) Желтов и 8) фамилию установить не представилось возможным. Все были с девицами. Будучи в веселом настроении, горячо обсуждали вопрос, как поступить с*

---

[1] Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 67.

бывш. Государем Императором и его Семьею. Причем Голощекин и Анучин, Жилинский и Сафаров категорически заявляли, что нужно все семейство расстрелять. Другие же, как-то Уфимцев, Броницкий, Желтов и фамилию которого установить не удалось, шли против и высказывались, что Царя убивать не надо и его не за что, а нужно расстрелять Царицу, так как во всем этом деле виновата она. Причем, не докончив этот разговор, разошлись по лесу гулять».[1]

Сообщение более чем сомнительное. Странно, чтобы Голощекин и Сафаров в обществе «девиц» и посторонних лиц, находясь в лесу, обсуждали такое сверхсекретное мероприятие, как убийство Царской Семьи. Похоже, что этот разговор был передан агентом со слов одной из «девиц», и что в нем истинно, а что ложно, разобрать очень трудно. Разговор, даже если он был таковым, каким его передали сотруднику уголовного розыска, явно несерьезен. Во всяком случае, данное сообщение никаким образом не доказывает того, что 14-го июля уже было принято решение об убийстве Царской Семьи. Тем не менее, И.Ф. Плотников считает приведенный выше разговор доказательством последнего: «*Можно заключить, что гуляли они в связи с возвращением Голощекина и обсуждали вопрос, за разрешением которого он ездил в Москву. Предметом этого разговора была Семья Романовых; Голощекин, конечно же, не мог сказать, тем более в присутствии "девиц", агента-человека своего круга, что вопрос уже решен однозначно. Среди гуляющих не было и не могло быть Юровского. По прибытии утром 14-го июля, в воскресенье, Голощекин, по-видимому, сказал тому о решении, принятом в Москве, и отдал распоряжение подготовить все для казни, которая совершится в ближайшие дни*».[2]

Таким образом, Плотников утверждает, что никакого обсуждения в Уральском Совете не было, а Голощекин уже привез из Москвы готовое решение, о котором он сообщил узкому кругу лиц, в частности Юровскому, и тот принялся осуществлять подготовку к преступлению. Однако на другой странице своей книге Плотников неожиданно делает вывод: «*По возвращении из Москвы Ш.И. Голощекина, поздно вечером 14-го июля состоялось заседание узкого круга большевистских лидеров Урала, представлявших обком РКП(б), президиум облсовета и Военно-Революционный Комитет. На нем было принято постановление об уничтожении всех членов Семьи Николая II и других заключенных дома Ипатьева. Утром 15-го оно было доведено до коменданта ДОНа, других причастных к делу лиц.*

---

[1] Там же.

[2] *Плотников И.Ф.* Указ. соч. С. 167.

(Нельзя исключать, что, как принято было в большевистских верхах, и уральские лидеры письменно свои решения не оформляли)».[1]

Ясно, что Плотников противоречит сам себе. Если Голощекин все знал заранее, если он знал, что убийство дело решенное, то зачем ему понадобилось устраивать какое-то обсуждение предстоящего преступления? Затем, если в первом отрывке Плотников говорит, что Голощекин сообщил Юровскому о готовящемся убийстве утром 14-го и поручил ему начать подготовку к его осуществлению, то во втором отрывке Плотников утверждает, что приказ начать подготовку к убийству Голощекин отдал Юровскому только утром 15-го июля. Понятно, что делать выводы, основываясь на таких «доказательствах», невозможно.

Юровский, выступая на совещании старых большевиков, сообщил о начале подготовки к убийству следующее: «*Примерно 10-го, 11-го июля мне Филипп (Голощекин) сказал, что Николая нужно будет ликвидировать, что к этому надо готовиться. <...> 15-го утром приехал Филипп (Голощекин) и сказал, что завтра надо дело ликвидировать*».[2]

Это заявление Юровского лживо. Общеизвестно, что Голощекин с конца июня и до 14-го июля находился в Москве и никак не мог говорить Юровскому о предстоящей «ликвидации» Царя ни 10-го, ни 11-го июля.

Медведев (Кудрин) уверяет, что окончательное решение об убийстве было принято 16-го июля. Вообще Кудрин был беззастенчивым лгуном, и, говоря о принятии решения об убийстве 16-го июля, он выдумывает о заседании в этот день Уральского Совета в неполном составе, который, дескать, и решал судьбу Царской Семьи. Не обладая выдающимся умом, Кудрин сам не замечает, как его ложь шита белыми нитками. Так, Кудрин пишет, что Уральский Совет заседал в неполном составе, т.е. он был настолько секретным, что на него не пригласили всех членов Совета, а вот члена коллегии ОблЧК Медведева почему-то сочли нужным на это совещание позвать, да он еще на этом совещании позволял себе возражать Юровскому! Понятно, что Кудрин ни на каком совещании не был. Тем не менее, свидетельство Кудрина интересно в том, что он указывает именно на 16-е июля как на дату окончательного решения об убийстве Царской Семьи, т.е. это говорит о том, что Кудрину стало известно о подготовке убийства именно 16-го июля.

О 16-м июля как о дате принятия решения говорит и Г.П. Никулин: «*Состояние наше было очень тяжелое. Мы с Юровским ждали какого-нибудь конца. Мы понимали, конечно, что какой-нибудь конец должен наступить. И вот в одно прекрасное время... да, утром 16-го июля Юровский мне говорит: "Ну, сынок, меня вызывают туда, в президи-*

---

[1] Там же. С.199.

[2] *Алексеев В.* Указ. соч. С. 108.

ум исполкома к Белобородову, я поеду, ты тут оставайся" . И так часика через три-четыре он возвращается и говорит: "Ну, решено. Сегодня в ночь...Сейчас город объявляется на осадном положении, уже сейчас же. В эту ночь мы должны провести ликвидацию... должны ликвидировать всех"».[1]

Это свидетельство Никулина, пропитанное, как и свидетельство Кудрина, ложью, интересно одним: датой 16-го июля — как времени окончательного решения.

Таким образом, мы имеем множество свидетельств, что приказ об убийстве Царской Семьи был передан в Екатеринбург лишь 16-го июля 1918 года, т.е. за сутки до убийства.

Но здесь возникает законный вопрос: каким образом за такое короткое время можно было не только подготовится к убийству, но и выбрать место уничтожения трупов и разработать мероприятия по заметанию следов преступления? Понятно, что все это сделать за такой короткий срок — невозможно.

В связи с этим имеются свидетельства, что Юровский появлялся в урочище «Четыре Брата» и на площадке возле открытой шахты, то есть там, где уничтожались тела Царской Семьи и ее приближенных, за несколько дней до 17 июля. Так, крестьянин деревни Коптяки М.А. Волокитин показал на следствии: «*Я хорошо помню, что в первых числах июля месяца я шел той дорогой, что идет из Коптяков. На этой дороге я встретил трех всадников, ехавших верхами в седлах. Два из них были мадьяры. Они были в австрийской солдатской одежде. Третий был Юровский, которого я хорошо знал. В руках у Юровского я видел простой плотничий топор. Встреча эта произошла у нас в 4 дня. Ехали они, направлялись к переезду № 184 (к Коптякам). Юровский еще перекинулся со мной несколькими словами, спросил меня, много ли ягод. Я не могу припомнить, какого именно числа произошла эта моя встреча с Юровским, но я убежден, что это было еще тогда, когда я не слышал об убийстве Государя Императора, и незадолго до того дня, когда большевики объявили об этом официально в газетах*».[2]

Эти показания Волокитина подтверждаются показаниями горного техника И.А. Фесенко. Фесенко показал следствию, что он в урочище «Четырех Братьев» по заданию Верх-Исетского завода занимался разведкой местонахождения руд посредством рытья шуфтов. При нем находилось несколько человек рабочих, преимущественно жителей Верх-Исетского завода. 11 июля 1918 года он, Фесенко, ради забавы сделал надпись химическим карандашом на одной из берез: «*11 июля 1918 г. горный техник*

[1] Там же. С. 132.
[2] *Соколов Н.А.* Указ. соч.

Фесенко». Позже эта береза со следами копоти будет обнаружена следствием прямо на площадке возле открытой шахты. Однажды во время работ в местности «Четырех Братьев» он увидел ехавших верхом комиссара Юровского и с ним каких-то двух людей, один из которых был пленным австрийцем. Юровского Фесенко знал, так как, по его словам, тот был известным человеком в городе, а про второго бывшие с ним рабочие сказали, что это был Ермаков. Было это около 17 часов, а точной даты Фесенко не помнил, но уверял, что это было либо около 11-го июля, *«или после этого числа, (...) но только знает, что именно в те числа».*[1]

То есть, исходя из слов Фесенко, речь идет о ближайших к 11 июля днях, либо 9–10-го, либо 12–13-го. Встретясь с Фесенко, Юровский спросил его, чем он здесь занимается. Фесенко ему ответил, что занимается разведкой руд. Тогда Юровский его спросил, можно ли будет проехать по этой дороге на Коптяки и далее на автомобиле-грузовике и при этом объяснил ему, что им надо будет провезти 500 пудов хлеба (т. е. 8 тыс. 190 кг.). Фесенко ответил, что проехать можно, так как дорога хорошая. Ответил он им просто так, не думая, так как дорога на самом деле была плохая. Проехав в сторону Коптяков, Юровский и Ермаков вскоре вернулись, а австрийца с ними уже не было.

И.Ф. Плотников полагает, что и в показаниях Волокитина, и в показаниях Фесенко описывается одна и та же встреча с Юровским. *«Н.А. Соколов,* — пишет он, — *заключил, что речь идет о двух поездках Юровского в смежные дни — 14 и 15 июля сначала в поисках дороги, пути проезда к шахте (второе показание), а на следующий день — уже по известному ему пути. Могло быть и так, но с нашей точки зрения, скорее всего речь идет об одной и той же поездке Юровского. Человеку, в те дни очень занятому подготовкой убийства, вряд ли надо было дважды осматривать шахту и путь к ней от железнодорожного разъезда. Расхождение же в показаниях — несущественны. Допрос проводился спустя год, летом 1919 года, свидетели что-то могли запамятовать».*[2]

Мы были бы готовы согласиться с И.Ф. Плотниковым и с его очередным «запамятованием», но все обстоит не так просто. Имеются сведения, что Юровский был в урочище «Четырех Братьев» не до убийства, а после — 17 июля. И хотя мы также склоняемся к мнению, что Юровский готовил место для сокрытия следов преступления загодя, мы не можем, в силу объективности, игнорировать эти показания, как делает это И.Ф. Плотников.

Когда Юровский и Ермаков уезжали в сторону города, им встретилась местная жительница М.В. Ускова, возвращавшаяся к себе на дачу. Она со-

---

[1] Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 331.
[2] *Плотников И.Ф.* Указ. соч. С. 273.

общила Фесенко, что в городе паника и что красные доживают последние дни. Допрошенный муж Усковой, И.В. Усков, показал следующее: будучи домовладельцем г. Екатеринбурга и опасаясь большевиков, он скрывался от них на покосах в 25 верстах от Екатеринбурга на железнодорожной станции Исеть. Его временами тайком навещала жена М.В. Ускова, которая привозила ему пищу. 15-го июля 1918 года Усков вернулся к себе домой и обнаружил, что его вызывают повесткой в ЧК, находившуюся в Американской гостинице. Причем дата вызова на повестке значилась 12 июля. Не зная, являться ли ему в ЧК или нет, Усков обратился за советом к своим знакомым из советского комиссариата по снабжению, и те ему сказали, что пока являться в ЧК не надо, а пусть он через день, то есть 17-го июля, пришлет свою жену к ним за ответом. Усков так и сделал и, попросив жену явиться через день к своим знакомым из комиссариата по снабжению, уехал опять на станцию Исеть.

Через день, 17-го июля, М.В. Ускова явилась в комиссариат по снабжению и увидела там страшный переполох, шум и беготню. Ей стало понятно, что у большевиков происходит что-то неладное. Знакомые мужа ей подтвердили, что город эвакуируется и что ее мужу являться в ЧК не надо. Когда Ускова вышла на улицу, то увидела, что на столбах расклеены обращения советской власти о том, что город эвакуируется. Обрадовавшись, Ускова поехала сообщить об этом мужу на станцию Исеть. Проехав Верх-Исетский завод, она встретила двух конных людей, которые ей не были знакомы. Они направлялись от Коптяков в сторону Верх-Исетского завода. Один из них спросил кучера Усковой, можно ли проехать по дороге на Коптяки на автомобиле, на что тот ответил, что нельзя, так как дорога очень плохая. Там же, неподалеку от места встречи с двумя незнакомцами, она увидела знакомого ей техника Фесенко, который занимался земляными работами. Фесенко сказал Усковой, что проехавшие только что люди — большевистские комиссары: Юровский, фамилию другого она забыла. Проехав далее, Ускова увидела еще одного неизвестного человека, которого она приняла за латыша, направлявшегося также в сторону Верх-Исетского завода.

Съездив к мужу на станцию Исеть, она провела там все 18-е июля, а рано утром 19-го июля поехала обратно в Екатеринбург через деревню Коптяки и Верх-Исетский завод. В Коптяках ее предупредили далее не ездить, так как около дороги стоит красноармейская застава и никого не пускает в город. Несмотря на это, Ускова поехала в сторону Верх-Исетского завода и, не встретив никакой охраны, благополучно добралась до Екатеринбурга. При этом Ускова обратила внимание, что дорога починена и на ней заметны следы проезжавшего автомобиля. Рассказ Усковой был пересказан следствию ее мужем и затем полностью подтвержден самой Усковой. При этом Ускова, ссылаясь на свое неумение определяться по местности, не

смогла точно указать на место встречи с Юровским, отметив только, что это было за Верх-Исетским заводом.[1]

Таким образом, в показаниях Фесенко и Усковых имеются большие противоречия в определении даты встречи с Юровским и его спутниками. По Фесенко, эта встреча была до 17 июля, по Усковым, именно 17-го.

Эти противоречия приводят нас к очередной загадке. По логике вещей встреча Юровского с Фесенко, а также с Усковой должна была произойти до 17-го июля, ибо 17-го уже были выставлены красноармейские посты, не пускающие никого в зону уничтожения тел Царственных Мучеников. Следователь Н.А. Соколов прямо пишет об этом: «*Ранним утром 17 июля было прекращено движение по коптяковской дороге*».[2]

Таким образом, ни Фесенко, ни Ускова не смогли бы проехать к «Четырем Братьям», не наткнувшись на вооруженные посты красноармейцев, которые бы не пустили их дальше. Кроме того, по всем свидетельствам и воспоминаниям соучастников преступления, тела убитых в доме Ипатьева были вывезены к открытой шахте сразу же после убийства, ночью 17-го июля. Если это допустить, то получается, что Фесенко работал возле открытой шахты, когда в ней или возле нее были спрятаны тела убиенных и сжигалась их одежда, и мимо этой же шахты проезжала Ускова. Этого, конечно, не могло быть ни при каких обстоятельствах. Отсюда напрашивается вывод, что Фесенко прав, и неправильную дату называют Усковы.

С другой стороны, Усковы приводят конкретные факты и обстоятельства, указывающие на то, что все происходящее имело место 17-го июля. Но какие конкретные доказательства приводят они при этом? Первое, это повестка, написанная на имя Ускова чекистами на 12 июля. Следствие утверждает, что ее Усков ему предъявил, но сама она в деле отсутствует. Сама по себе повестка никак не доказывает, что встреча Усковой и Юровского на старой коптяковской дороге имела место 17-го июля, так как, по показаниям самого Ускова, он получил эту повестку только 15-го июля. Все это проверить невозможно. Но вот описание Усковой Екатеринбурга заслуживает внимания. Ускова утверждает, что видела 17-го июля расклеенные по городу листовки, где большевики объявляли об эвакуации города. «*В среду 17-го июля*, — показывал ее муж, — *когда она вышла из комиссариата к себе домой, то уже увидала на столбах в улицах города вывешенные объявления советской власти о том, что город эвакуируется, и таким образом окончательно убедилась, что большевики оставляют город. Событие это Усков также хорошо запомнил, что это было в среду 17 июля нов. стиля*».[3]

---

[1] Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 248–250.
[2] *Соколов Н.А.* Убийство Царской Семьи. С. 251.
[3] Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 249.

Последнее утверждение Ускова довольно странно, так как он, по его же словам, 17-го июля отсиживался в Исети и никак не мог знать о расклеенных в Екатеринбурге листовках. Но, кроме того, имеются еще более серьезные сомнения в правильности показаний Усковых. Дело в том, что объявления об угрозе Екатеринбургу появились лишь 18-го июля 1918 года. 18-го июля Областной Совет опубликовал обращение к горожанам, в котором говорилось: «*Не будем скрывать от вас, что Екатеринбургу грозит удар от чехословацких банд*».[1]

Таким образом, 17-го июля Ускова не могла видеть афиши на столбах Екатеринбурга, а значит, она и ее муж вольно или невольно ошибались, когда указывали на 17-е июля как на дату встречи с Юровским и Фесенко. Мы не будем разбирать причину этой ошибки, была ли она вызвана сознательной ложью или невольным заблуждением. Важно другое: встреча Усковой с Юровским, его спутниками и Фесенко была не 17-го июля. Не могла она произойти и 18-го июля, если предположить, что Ускова ошиблась и посетила Екатеринбург 18-го числа, когда действительно были расклеены афиши с объявлением об эвакуации города, так как 18-го июля в коптяковском лесу полным ходом шло уничтожение тел убитых в доме Ипатьева, и весь лес был оцеплен красными.

Но возможно еще и другое предположение. В 1919 году Ускова могла перепутать даты: 12-го и 18-го июля. Дело в том, что 12-го июля был издан приказ красного командования войскам Северо-Уральского-Сибирского фронта, который начинался словами: «Враг у ворот!» (Чехи стояли в 50 км от Екатеринбурга.) Этот приказ был широко известен в городе и, возможно, расклеен на столбах. Не исключено, что Ускова перепутала приказ войскам от 12-го июля и объявление большевиков о сдаче города.

Таким образом, мы можем быть уверены, что Юровский был в урочище «Четырех Братьев» по крайней мере, за два-три дня до убийства, и был неоднократно, что означает, что подготовка к злодеянию шла полным ходом уже 11–12 июля, то есть еще до возвращения Голощекина в Екатеринбург. Но здесь следует сказать еще два слово о Фесенко. Возможно, его работы возле Открытой шахты носили не такой уж невинный характер. Быков в своей книге пишет, что когда после убийства тела убитой Царской Семьи и ее слуг были привезены к Открытой шахте, то их «*временно сложили в один из шурфов, а на следующий*

[1] *Зайцев Г.Б.* Указ. соч. С. 186.

день приступили к уничтожению».[1] Не тот ли это был шурф, который копал Фесенко, и так ли уж случайна была его встреча с Юровским?[2]

Итак, 12 июля подготовка к екатеринбургскому злодеянию уже шла полным ходом. Но первые его приготовления имели место уже 6 июля, когда Юровский отобрал все драгоценности у Царской Семьи и сложил их в отдельный ящик. Свидетель М.В. Томашевский показал на следствии, что в начале июля 1918 года уездный комиссар финансов Н.К. Чуфаров сообщил ему, Томашевскому, «*что большевиками решено в случае эвакуации Екатеринбурга убить или всех заключенных в доме Ипатьева, или лишь троих из них, а именно Отрекшегося Императора, Супругу его и Сына. Чуфаров выразился дословно так: "Если чехословаки идут освобождать Николая, то они ошибутся в расчетах: нами решено расстрелять Николая, но в руки контрреволюционеров не отдавать"*».[3]

Эти показания Томашевского довольно спорные, так как из его допроса непонятно, с какой стати Чуфаров делился с ним секретной информацией? Тем более что, судя по показаниям Томашевского, откровенничали с ним не только Чуфаров, но и другие большевистские руководители. Но тем не менее, какие-то отголоски реальных разговоров в показаниях Томашевского имеются. Так же, как они имеются в показаниях кучера А.К. Елькина, который возил Юровского по городу. Однажды Елькин, ожидая Юровского у дома Ипатьева, слышал, как трое красноармейцев в разговоре между собой сказали такую фразу: «*Мы Николку убьем за то, что он нас четыре года мучил*».[4]

Конечно, подобные показания не могут служить прямыми доказательствами подготовки к убийству, но они свидетельствует, по крайней мере, о том, что Юровский создавал в Доме Особого Назначения такую морально-психологическую атмосферу, которая бы смягчила неминуемый психологический шок охраны при известии о свершившемся преступлении.

Общий анализ всего происходившего вокруг Царской Семьи в екатеринбургский период позволяет сделать вывод, что **убийство Императора Николая II и его близких предполагалось определенными силами изначально, с первых же дней заключения в доме Ипатьева.** В решающую заключительную стадию подготовка к убийству Царской Семьи вступила в начале июля 1918 года. Но что же послужило отправной точкой для этой подготовки? Долгое время официальная советская

---

[1] *Быков П.М.* Указ. соч. С. 90.

[2] К сожалению, в деле нет допросов ни рабочих, которые работали вместе с Фесенко, ни тех, кто поручил ему копать шурф в коптяковском лесу, а их показания были бы чрезвычайно интересны.

[3] *Прищеп В.И., Александров А.Н.* Указ. соч. С. 184.

[4] Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 85.

историография ссылалась на пресловутое «постановление Уральского Совета», которое, дескать, и приговорило к смерти Царскую Семью. При этом никто никогда этого постановления в глаза не видел, в руках не держал, не считая таких явных фальшивок, как «документы» австрийца Мейера. Разбирать всерьез очередную «сенсационную» находку драматурга Э.С. Радзинского, которому какой-то читатель прислал очередной «нигде не публиковавшийся документ», который на поверку оказывается искаженным текстом большевистской листовки от 21 июля с сообщением об убийстве Государя, мы не будем за полной бесполезностью. Здесь мы полностью согласны с И.Ф. Плотниковым: *«“Находка” автора* (т.е. Радзинского — *П.М.*) *ничего не стоит. Это не есть принятый документ. Это — один из материалов дезинформации»*.[1]

Но вот с дальнейшим выводом И.Ф. Плотникова мы никак не можем согласиться: «*Заседание, действительно принявшее решение, а может быть, и документ — постановление о казни, состоялось вечером 14 июля, было узким по составу, партийно-большевистским (с участием уральских партийных боссов, занимавших также руководящие советские посты). Конечно же, постановление, будь оно письменным или устным, <…> было более чем лаконичным: “Ликвидировать бывшего царя Николая Романова и его семью, а также находившихся при нем служащих”. Публиковать документ было нельзя и потому, что в нем речь шла о казни всех узников дома Ипатьева, а не только Николая II, и потому, что его принимал не официальный, не конституционный, а партийный (и то — в узком составе) орган, и потому, что в нем не содержалось абсолютно никаких мотивов отмеченного преступления, его обоснований. Это сочли мелочью, был уже поздний вечер, часть участников заседания, в том числе и Голощекин, вернулись с пикника (с девицами), сочинять не стали, а очевидно сразу же или чуть позднее поручили это сделать кому-то из своего круга. И вообще надлежало сочинить бумагу (проект), которая после согласования с Москвой была выдана за постановление, причем, заметьте, без даты, а то дотошные екатеринбуржцы из состава исполкома или президиума облсовета, из числа тех же левых эсеров или беспартийных будут расспрашивать друг друга и руководство, каким это образом они не были извещены и приглашены на заседание, где оно состоялось и кто все-таки на нем присутствовал*».[2]

Приведенный выше отрывок крайне неубедителен. Почему Плотников уверен в том, что заседание имело место вечером 14-го июля? Мы помним, что Быков утверждал, что заседание имело место 12-го июля, Кудрин и Никулин — 16-го, а Мейер, который по большому счету никаким свидетелем

---

[1] *Плотников И.Ф.* Указ. соч. С. 242.

[2] Там же.

не является, указывает на 7 июля. Но Плотников останавливается именно на 14-ом, исходя из того, что в этот день приехал Голощекин с приказом из Москвы. А теперь подумаем: зачем Голощекину был нужен весь этот маскарад с заседанием, даже не в полном составе, Облсовета, если он уже имел однозначный приказ об убийстве Царской Семьи и ему, Голощекину, нужно было провести убийство как можно быстрее и бесшумнее? Зачем ему нужны были какие-то речи, обсуждения, которые невольно бы возникли при заседании Совета? При этом не будем забывать, что, по нашему убеждению, решение об убийстве поддерживалось в Москве лично Свердловым и его ставленниками. Они были вынуждены держать свои планы в тайне даже от своих товарищей по партии. По нашему глубокому убеждению, не только в Москве, но и в Уральском Комитете были люди, которые, по разным причинам, были против убийства Царской Семьи. Вспомним также и о Берзине, которому Ленин лично поручил контролировать ситуацию вокруг Ипатьевского дома. При таких обстоятельствах проводить какие-то заседания со стороны Голощекина было бы не только бессмысленным, но и вредным. О предстоящем убийстве могло стать известно его противникам в Москве, и оно могло бы и не состояться. Тем более, зачем нужно было принимать какие-то постановления, тем более устные? Честно говоря, вообще непонятно, что такое «устное постановление»? Государственная власть не знает такого понятия. Зато его знает преступный мир. Только называется такое «устное постановление» по-другому — «предварительный сговор группы лиц».

Такой сговор назвать «документом» никак нельзя, как нельзя его и опубликовать, так как его просто-напросто не существует. Совершенно несерьезно выглядит утверждение И.Ф. Плотникова о том, что документ не был составлен, так как Голощекин со товарищами вернулись поздно с пикника (с девицами). Ему вторит и Г.Б. Зайцев: «*Вот так, сначала по-деловому обсудили в чрезвычайке, а потом на природе с выпивкой и закуской обсудили вопрос со своими приятельницами и между делом осмотрели местность*»[1].

Вообще представлять таких бестий, как Свердлов, Голощекин, Юровский и иже с ними как пошлых гуляк и пьяниц, настолько несерьезно, настолько не соответствует духу того времени и этих людей, что просто диву даешься, как серьезные люди могут писать подобные вещи! Еще раз подчеркнем, речь шла о чудовищном, невиданном в истории человечества злодеянии — убийстве Помазанника Божьего, Самодержавного Русского Царя и его Семьи. Те, кто готовил это убийство, прекрасно понимали все его последствия для мировой истории и для судеб России, они в высшей степени серьезно и ответственно готовились к нему. При этом глупо

[1] *Зайцев Г.Б.* Указ. соч. С. 152.

было бы отрицать наличие у этих людей своего рода преступного таланта, силы злой воли, организаторских способностей. Представить себе, чтобы эти люди на свежем воздухе, в пьяном виде, с «девицами», так, между прочим, обсуждали детали такого сверхсекретного дела, да еще выбирали место уничтожения трупов, значит не иметь никакого представления о характере злодеяния 1918 года и характере злодеев, сводить величайшее преступление в истории человечества к обычной уголовщине. Все разговоры о пьянстве Юровского, о гулянках Голощекина и прочем вздоре следует отнести к восприятию этих людей через призму сегодняшнего дня, где пьянство и безответственность стали нормами жизни.

Вся логика событий июльских дней 1918 года говорит нам о том, что никакого заседания и никакого постановления не было. Они были сочинены уже после кровавых событий, чтобы лишний раз доказать, что решение принималось на местном уровне и придать хоть какое-то подобие законности злодеянию. Более того, мы уверены, что, несмотря на то, что убийство готовилось с начала июля, точная его дата скрывалась Свердловым от всех, в том числе и от Голощекина, до последнего момента. Впрочем, не исключено, что и сам Свердлов узнал о ней в последние два дня перед 17-м июля. Скорее всего, приехав из Москвы в Екатеринбург 14-го июля, Голощекин получил секретное задание Свердлова быть предельно готовым к убийству, но точная дата убийства не была указана. Об этом свидетельствуют и вписанные задним числом цифры в текст проекта объявления об убийстве Государя.

Что же тогда было? Скорее всего, дело обстояло следующим образом. Вернувшись в Екатеринбург, Голощекин встретился с очень небольшим кругом лиц, может быть, даже и одним Юровским, и передал ему тайный приказ Свердлова быть готовым к убийству в самое ближайшее время. Может быть, при этом речь шла только об убийстве Императора Николая II. Точная дата должна была быть сообщена Свердловым дополнительно. Это наше предположение подтверждается словами А.Г. Белобородова, переданными Л. Норд: «*Вернувшись, Голощекин привез от Свердлова устное распоряжение: "Романовы должны оставаться в Екатеринбурге под усиленной охраной. Перевоз их в другое место несвоевременен, а выпуск за границу совершенно исключен. Это было бы угрозой революции, так как реакционеры не замедлят уговорить Царя или кого-нибудь другого из Семьи возглавить контрреволюционное наступление. Есть также угроза, сказал Свердлов, что, пользуясь несознательностью народа и его симпатиями к Алексею, вопреки отречению, могут объявить Царем, и это даст им крупный шанс на успех. В силу этого режим Романовых должен быть такой, который сделает все попытки к их освобождению невозможными. А в критический момент они все должны тайно и бесследно исчезнуть"*.

Слово "исчезнуть", Голощекин пояснил: "быть ликвидированными"».[1]

До всех остальных членов Уральского Совета было доведено не решение Центра убить Царскую Семью, а требование Ленина вывезти и ее в Москву «для суда». Скорее всего, между Лениным и Голощекиным был оговорен и срок этого вывоза. Об этом свидетельствует и посланная через Зиновьева в Петрограде телеграмма на имя Ленина и Свердлова, что «*установленного с Филиппом суда по военным обстоятельствам ждать не можем*». Не случайно Свердлов в присутствии Ленина громко сказал Голощекину: «*Так и передай товарищам, ВЦИК официальной санкции на расстрел не дает*». Естественно, что Голощекин не мог объявить всем членам Уральского Совета, среди которых были и сторонники Ленина, что существует тайный приказ Свердлова об убийстве Царской Семьи. Последнее означало бы открыто противопоставить себя приказам Ленина. Не случайно Белобородов после убийства боялся, что «*В.И. Ленин привлечет его к ответственности за самоуправство с расстрелом Романовых без санкции ВЦИК*», на самом деле читай без его, Ленина, санкции.[2]

Тем не менее уже 15-го июля Юровский готовился к преступлению. Об этом свидетельствуют показания послушницы Ново-Тихвинского женского монастыря Антонины (Трикиной): «*2 июля Юровский нам приказал принести на следующий день полсотни яиц и четверть молока, и яйца велел упаковать в корзину*».[3]

Г.Б. Зайцев считает, что «*это уже пошло на харчи убийцам, и следователь найдет скорлупу от этих яиц около Ганиной Ямы*».[4] В следующей части нашего труда мы постараемся доказать, что эти яйца действительно были нужны убийцам, но к «харчам» они не имели никакого отношения.

16-го июля произошло еще одно событие, которое, несомненно, являлось подготовкой к злодеянию: из Ипатьевского дома был забран племянник к тому времени уже расстрелянного большевиками И.Д. Седнева — Леонид. По поводу даты перевода Л.И. Седнева в дом Попова имеются разночтения в исторических документах. Так, обвиняемый Якимов в своих показаниях заявил: «*15 июля в понедельник у нас в нашей казарме в доме Попова появился мальчик, который жил при Царской Семье и катал в коляске Наследника. Я тогда же обратил на это внимание. Вероятно, и другие охранники также на это обратили внимание. Однако никто не знал, что это означает, почему к нам перевели мальчика*».[5]

---

[1] Русская мысль. № 348. 1951, 25 мая.
[2] *Алексеев В.* Указ. соч. С. 130.
[3] Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 392.
[4] *Зайцев Г.Б.* Указ. соч. С. 154.
[5] Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 340.

В то же время в дневнике Императрицы Александры Федоровны за 16 июля мы читаем: «*8 часов. Ужин. Совершенно неожиданно Лику Седнева отправили навестить дядю, и он сбежал. Хотелось бы знать, правда ли это и увидим ли мы когда-нибудь этого мальчика!*»[1]

Обвиняемый Медведев также указывает на 16 июля как на дату перевода младшего Седнева в дом охраны: «*Вечером 16-го июля я вступил в дежурство,* — показывал он. — <...> *Должен Вам сказать, что находившийся в доме мальчик-поваренок с утра, по распоряжению Юровского, был переведен в помещение караульной команды (дом Попова)*».[2]

В «Записке Юровского» снова появляются разночтения: «*В шесть часов* (16 июля – *П.М.*), — пишет «Юровский», — *увезли мальчика (Л. Седнева), что очень обеспокоило Романовых и их людей. Приходил доктор Боткин спросить, чем это было вызвано. Было объяснено, что дядя мальчика, который был арестован, потом сбежал, теперь вернулся и хочет видеть племянника*».[3]

«Записка Юровского» входит в противоречие с рассказом Юровского 1 февраля 1934 года перед «старыми большевиками» Свердловска. Если в «Записке» Юровский говорит о шести часах вечера, то в «рассказе» перевод Л. Седнева переносится на утро 16 июля: «*16-го утром,* — говорил Юровский, — *я отправил под предлогом свидания с приехавшим в Свердловск дядей мальчика-поваренка Седнева*».[4]

Медведев (Кудрин) вновь указывает на отправку Л. Седнева вечером 16-го июля. Решение об этом Кудрин переносит на мифическое заседание Уральского Совета. Якобы на этом «заседании» «*Яков Юровский предлагает сделать снисхождение для мальчика.*

— Какого? Наследника? Я — против! — возражаю я.

— Да, нет, Михаил, кухонного мальчика Леню Седнева нужно увести. Поваренка-то за что... Он играл с Алексеем».[5]

Несмотря на имеющиеся разночтения, с большой долей вероятности можно утверждать, что увод Л. Седнева состоялся все-таки вечером 16-го июля. Но самое главное для нас, и разночтений в этом нет ни у кого, мальчик был уведен по решению Юровского. «*Сделано это было, безусловно, по приказанию Юровского*», — свидетельствует Якимов.[6] С Якимовым согласны Войков, Медведев, Медведев (Кудрин), автор «Записки Юровского» и сам Юровский. Объясняется это его решение вопросами гуманности.

---

[1] Последние дневники Императрицы Александры Федоровны. С. 264.
[2] Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 161.
[3] *Алексеев В.* Указ. соч. С. 109.
[4] Там же.
[5] Там же.
[6] Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 340.

Однако на самом деле к гуманности Юровского увод Л. Седнева не имеет никакого отношения. Сам Юровский в своих воспоминаниях дает нам исключительно важное свидетельство о причинах увода Л. Седнева. При этом обратим внимание, что в этих воспоминаниях Юровский — в который раз — расходится в определении времени увода поваренка. «*16 июля 1918 года,* — пишет он, — *часа в 2 днем, ко мне в дом приехал товарищ Филипп и передал постановление Исполнительного Комитета о том, чтобы казнить Николая, причем было указано, что мальчика Седнева нужно убрать*».[1]

Таким образом, приказ об уводе Седнева был передан Юровскому Голощекиным, и исходил этот приказ от Исполкома, только непонятно, от ВЦИКа или Уральского Исполнительного Комитета. Но от последнего наверняка такого постановления быть не могло по причинам, о которых мы уже говорили, и получается, что Голощекин получил этот приказ из Москвы, то есть от Свердлова. Довольно странная забота Свердлова, Голощекина и Юровского о безвестном мальчике-поваренке Л. Седневе!

16-го июля, как говорится в пресловутой «Записке Юровского», «*была получена телеграмма из Перми на условном языке, содержащая приказ об истреблении Романовых. 16-го в шесть часов вечера Филипп Г-н предписал привести приговор в исполнение*».[2]

Здесь необходимо вспомнить об уже упоминаемом нами свидетельстве о найденных телеграфных лентах с тайными переговорами Свердлова и Юровского. Мы помним, что, согласно им, Свердлов вызвал к аппарату Юровского и, сообщив ему, что на его, Свердлова, донесение в Америку об опасности захвата Царской Семьи белогвардейцами или немцами последовал приказ, подписанный Шиффом, о «необходимости ликвидировать всю Семью». Приказ этот был передан в Москву через Американскую миссию, находившуюся тогда в Вологде, равно как через нее передавались в Америку и донесения Свердлова. Свердлов подчеркивал в своем разговоре по прямому проводу, что никому другому, кроме Свердлова, обо всем этом не известно и что он в таком же порядке передает приказание «свыше» ему, Юровскому, для исполнения. Думается, однако, что кроме Юровского об этих переговорах знал, конечно, и Голощекин.

Наверняка, говоря о «телеграмме на условном языке», которая, к слову сказать, до сих пор не найдена, автор «Записки Юровского» имел в виду переговоры со Свердловым.

В пользу этого свидетельствуют также и показания о. Иоанна Сторожева, что когда он прибыл в Ипатьевский дом для проведения богослужения, то обратил внимание, что через окно комендантской шло

---

[1] Источник. 1993. № 10. 1993. С. 111.
[2] Там же.

очень много проволочных проводов. Причем, ранее, когда он первый раз был в Ипатьевском доме в июне, этих проводов не было.[1] Таким образом, Юровский мог связываться с Москвой прямо из дома Ипатьева.

Вполне возможно, что истребление сразу всей Семьи было неожиданностью для Юровского, так как в противном случае необходимое количество серной кислоты для уничтожения трупов было бы припасено заранее. Тогда же в Екатеринбург прибыла специальная команда из Москвы. Именно она, а не Юровский, должна была руководить как последними этапами подготовки злодеяния, так и его осуществлением.

Последний день — 3/16 июля 1918 года

Как провела последний день своей земной жизни Царская Семья? Благодаря имеющимся документам мы постараемся воспроизвести его по возможности точно. Конечно, точность эта весьма условна, так как, во-первых, документы не могут исчерпывающе раскрыть все событие, какие-то детали, моменты могут остаться за скобками, а во-вторых, у нас нет уверенности, что существующие сегодня основные документы, раскрывающие жизнь Царской Семьи, а именно дневники Императора и Императрицы, не подверглись частичной фальсификации и купюрам. Так, например, дневник Государя обрывается 30 июня/12 июлем следующей записью: «*30 июня. Суббота. Алексей принял первую ванну после Тобольска; колено его поправляется, но совершенно разогнуть его он не может. Погода теплая и приятная. Вестей извне никаких не имеем*».[2]

Если учесть, что Император Николай II вел свой дневник регулярно, а перерывы в нем были незначительны, то невольно закрадывается сомнение, куда пропали четыре дня?

Тем не менее есть факты, которые мы можем точно установить. Таким бесспорным фактом можно считать то, что в последний раз Царскую Семью посторонние лица видели живой 15-го июля. Свидетельница М.Г. Стародумова показала на следствии, что 15-го июля она и другая работница, В.О. Дрогина, 15-го июля мыли полы в Ипатьевском доме. «*От профессионального строительного союза 15-го июля нового стиля, в понедельник, мы были посланы в Ипатьевский дом, где заключен был Государь Император и его семья, мыть полы. Полы мы мыли наверху дома Ипатьева и внизу. Государь и его семья: Государыня, 4 великих княжны, Наследник, доктор, старик князь, камердинер, лакей в очках, мальчик и женщина молодая были наверху, и семья играла в карты. Здесь Юровский сидел на стуле против Наследника и разговаривал с ним, причем Юровский*

[1] Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 98.
[2] Дневники Императора Николая II. М., 1991.

был вежлив, но нам Юровский не позволял разговаривать с Царской Семьей, которая была весела, княжны смеялись, и грусти заметно не было. Моя полы, мы заметили, что караул состоит из каких-то нерусских людей, все они были молодые, причем когда мы спустились мыть полы вниз, то заметили, что этот караул жил внизу, так как там стояли их кровати, причем внизу мы всех комнат не мыли, так как там были другие женщины».[1]

В этих показаниях есть два любопытных момента: то, что Стародумова указывает на присутствующего в доме какого-то «старика-князя», и то, что караул состоял уже не из русских людей, то есть он был уже сменен Юровским. По поводу «старика-князя» соображения могут быть только такие, что Стародумова приняла за такового кого-то из присутствующих, либо из числа свиты, либо из тех, кто был с Юровским. Гораздо более интересными представляются нам сведения о нерусском карауле, но об этом позже.

Утро 16-го июля выдалось пасмурным, но позже выглянуло солнце, в последний раз для Царской Семьи. День начался как обычно. Утром, как всегда, пришел Юровский и принес яйца, якобы для Наследника. Примерно с 15 до 16 часов дня состоялась прогулка Государя, Наследника Цесаревича и Великих Княжон, кроме Ольги Николаевны, в садике Ипатьевского дома. Обвиняемый Летемин показал: «*16 июля я дежурил на посту № 3* (внутри ограды двора – *П.М.*) *с 4-х часов дня до 8 часов вечера и помню, что, как только я вышел на дежурство, б. Царь и его Семья возвращались с прогулки. Ничего особенного я в этот раз не заметил*».[2]

Обвиняемый Якимов: «*Последний раз я видел Царя и дочерей 16 июля. Они гуляли в саду часа в четыре дня. Видел ли я в этот раз Наследника, не помню. Царицы я не видел. Она тогда не гуляла*».[3]

Пока Император Николай II и его Дети совершали прогулку, Императрица и Великая Княжна Ольга Николаевна, по словам Государыни, «готовили наши лекарства». Что это может означать, не совсем понятно, но, возможно, это означало прятанье драгоценностей. (Вспомним показания Теглевой о том, что Государыня писала в Тобольск о подготовке «аптеки», т.е. драгоценностей, к отправке).

После прогулки Великая Княжна Татьяна Николаевна читала Императрице Александре Федоровне Библию, а именно книги Пророков Амоса и

---

[1] Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 82.
[2] Там же. С. 109.
[3] Там же. С. 340.

Авдия. В книге Пророка Амоса Господь говорит: «*Не пощажу его, ибо он пережег кости царя Едомского в известь*».[1]

В 20 часов вечера Царская Семья и ее свита сели ужинать. После ужина Император и Императрица по обыкновению играли в карточную игру — безик. В 22 $^1/_2$ Семья легла спать. Кудрин уверяет, что Узники дома Ипатьева заснули очень поздно — за полночь. Их, якобы, очень взволновал увод поваренка. Но большинство соучастников преступления, утверждают, что к 12 часам ночи все Приговоренные уже спали.

В начале ночи Их разбудили, и Они встретили смерть. Обстоятельства, при которых она произошла, до сих пор покрыты черной завесой тайны. Но к Царской Семье все это не имеет уже никакого отношения. В ту июльскую ночь 17 июля 1918 года Она не просто прияла смерть, но совершила Подвиг во имя Христа, во имя России и во имя всего человечества. Подвиг этот сияет немеркнущим светом в темной ночи нынешнего апостасийного века, возвещая всему миру, что «не зло победит зло, а только Любовь».

---

[1] Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. В русском переводе. СПб.: Сатисъ, 2002. С. 1070.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ЕКАТЕРИНБУРГСКОЕ ЗЛОДЕЯНИЕ

Глава 1
Версии мотивов преступления

Убийство Царской Семьи, помимо своей духовной сути, с чисто юридической точки зрения, являлось уголовным преступлением, и как всякое преступление оно включало в себя все его компоненты. С одной стороны, убивали Божьего Помазанника Императора Николая II, Императрицу Александру Федоровну, Наследника Цесаревича, Великих Княжон, а с другой — просто людей, семью. Эти две стороны, духовная и юридическая, Екатеринбургского злодеяния неразрывно связаны между собой. Изучая одну из них, мы невольно изучаем и другую. Более того, изучение криминалистической стороны злодеяния раскрывает нам тайны его духовной стороны, и наоборот. Поэтому мы просим прощения у читателя, что немного наскучим ему некоторыми понятиями из уголовного права. Нам это представляется совершенно необходимым, так как нам предстоит ответить на следующие вопросы.

1. Почему Император Николай II и его Семья были убиты?
2. Каким способом они были убиты?
3. Кем они были убиты?
4. Какие цели преследовались убийцами при совершении преступления?

Понятно, что на сегодняшний день мы не в состоянии дать исчерпывающие ответы на все поставленные вопросы. Также мы не можем считать полностью доказанными те или иные наши предположения, выдвигаемые в этой книге. Надо помнить, что убийство Царской Семьи является одним из самых таинственных и зловещих преступлений мировой истории. Недаром один из соучастников злодеяния, П.Л. Войков, злорадно сказал: «*Мир никогда не узнает, что мы с ними сделали*». Казалось бы, на сегодняшний день эти слова Войкова опровергнуты как следствием Н.А. Соколова, так и расследованием российской следственной группы, проведенным в 1990-х годах XX века, когда близ Екатеринбурга был найден могильник с останками людей, которых Государственная Комиссия Правительства РФ признала за останки Царской Семьи. Но, сразу оговоримся, нас не до конца удовлетворяют выводы об обстоятельствах и целях убийства Царской Семьи ни белого следствия Соколова, ни тем более выводы российской следственной группы. Мы говорим «тем более», так как следствие Соколова было классическим следствием — с осмотром места происшествия, допросами свидетелей, привлечением обвиняемых, экспертизами и так далее. Российская следственная группа в основном занималась изучением архивов и найденных останков, что, разумеется, не то же самое, что классическое следст-

вие. Тем более что следствие Соколова длилось годами и никогда не было закончено, поэтому все его выводы были предварительными и отражены не в обвинительном заключении, а в книге «Убийство Царской Семьи». Здесь надо сказать, что многие свои выводы и предположения Соколов в своей книге не раскрыл, так как они могли, по его мнению, повредить следствию или не были достаточно доказаны. Только один вывод Соколов считал бесспорным, и в этом с ним соглашаются и Правительственная комиссия РФ, и все здравомыслящие люди: ночью 17-го июля 1918 года в доме Ипатьева была убита вся Царская Семья и Ее свита.

Но, когда речь касается обстоятельств убийства, его способов и орудий, а также непосредственных исполнителей злодеяния, то в показаниях обвиняемых и в воспоминаниях соучастников преступления появляется масса противоречий и разногласий, порой взаимоисключающих. Эти противоречия не могли быть отслежены Соколовым ввиду того, что ему были неизвестны позднейшие документы и воспоминания. Причины, почему на эти противоречия не обратило внимание российское следствие, остаются для нас непонятными.

Между тем эти противоречия дают возможность разного рода увлекающимся или недобросовестным авторам, а то и просто проходимцам, спекулировать на теме убийства Царской Семьи, утверждая, что ее убийство было инсценировано, а сама она якобы спаслась.

Между тем установление точных обстоятельств, причин и целей екатеринбургского злодеяния является не праздным занятием «частного детектива», но насущной необходимостью для русского народа, так как от определения характера этого преступления зависит правильное понимание и сути произошедшего с Россией в XX веке, и сути Подвига Царской Семьи.

Современный закон определяет преступление как общественно опасное деяние, запрещенное уголовным законом под угрозой наказания, совершенное виновно (или с умыслом). Уголовное уложение дореволюционной России определяло преступление как деяние, воспрещенное законом под страхом наказания.

Преступление может быть особо тяжким, тяжким, средней тяжести, небольшой тяжести.

Главным признаком преступления является умысел на его совершение, а сам умысел есть наиболее распространенная форма вины. Без умысла, без виновности преступления быть не может. При раскрытии преступления одной из главных задач следователя является правильное определение умысла, на что было направлено преступление. От правильного определения умысла во многом зависит успех раскрытия самого преступления.

Внешняя часть преступного поведения относится к объективной стороне преступления, а внутренняя, психическая часть — к субъективной.

Осознанное внутреннее побуждение, обусловленное определенными потребностями и интересами человека, вызывающее у него решимость действовать, называется мотивом преступления, а психологическое представление лица о желаемом результате, к достижению которого он стремится, совершая конкретное преступление, — целью преступления.

Общественная опасность преступления в значительной мере определяется опасностью преступной цели. Мотив и цель преступления могут являться обстоятельствами, которые, не меняя квалификацию преступления, смягчают или отягчают ответственность при назначении наказания.[1]

При расследовании преступления следователь должен осмотреть место происшествия, установить, имело ли место событие преступления, т.е. само преступление; если оно имело место, то выяснить обстоятельства, при которых произошло преступление, установить потерпевших, установить круг и личности подозреваемых, установить их причастность к совершению преступления, собрать доказательства, изобличающие их вину, предъявить им обвинение, выяснить мотивы, цели, способы и орудия преступления, составить обвинительное заключение и направить дело в суд. Если преступление было совершено по предварительному сговору группой лиц, следователю необходимо установить и доказать факт этого сговора и определить лиц, в этом сговоре участвовавших.

Для возбуждения уголовного дела по факту умышленного убийства достаточно наличие следующих обстоятельств: 1) обнаружение трупа с признаками насильственной смерти (или его частей); 2) исчезновение человека при наличии признаков, указывающих на возможность его убийства; 2) заявления лиц, ставших очевидцами, участниками или потерпевшими (не считая погибшего лица), об имевшем место преступлении, в т.ч. явка с повинной самого преступника и его соучастников, и т.д.

До революции закон, рассматривая преступления, совершенные группой лиц, выделял: 1) зачинщиков, т.е. лиц, «*которые, умыслив содеянное преступление, согласили на то других, и те, которые управляли действиями при совершении преступления или же первыми к тому приступили*», 2) сообщников — лиц, которые «*согласились с зачинщиками или другими виновными совершить совокупными силами или действиями предумышленное преступление*», 3) подговорщиков или подстрекателей — лиц, которые, не участвуя сами в совершении преступления, «*употребляли просьбы, убеждения, или подкуп и обещание выгод, или обольщения и обманы, или же принуждение и угрозы, дабы склонить к оному других*», 4) пособников — лиц, «*которые, не участвуя сами в самом совершении преступления, но из ко-*

[1] Уголовное Право. Общая часть. Учебник. М.: Новый Юрист, 1997.

рыстных или иных личных видов, помогали или обязались помогать умыслившим оное».[1]

Самым первым неотложным следственным действием, которое может проводиться еще до возбуждения уголовного дела, является осмотр места происшествия. Именно осмотр места происшествия дает самую первую и, как правило, самую важную информацию о совершенном преступлении.

Поэтому по логике вещей, начиная изучение обстоятельств Екатеринбургского злодеяния, мы должны были бы начать с осмотра места происшествия, то есть Ипатьевского дома. Но так как все-таки наш труд не криминалистическое расследование, а историческое, мы начнем его с изучения версий мотивов, которые могли бы стать причиной убийства Царской Семьи, учитывая то обстоятельство, что сам факт ее убийства абсолютно доказан и неоспорим.

Версия № 1. Убийство было совершено большевиками из-за приближения к Екатеринбургу войск чехов и Комуча и из-за опасения большевиков, что Император Николай II может стать знаменем для белых

Долгое время эта версия причин убийства Царской Семьи была главной и единственной официальной советской версией. Она сводилась к тому, что Уральский Совет самолично был вынужден принять решение об убийстве Царской Семьи, так как город Екатеринбург находился в критическом положении, в осаде, к нему со всех сторон рвался враг, внутри зрели белогвардейские заговоры с целью освобождения Царя, и в случае такого освобождения Царская Семья могла бы стать знаменем для контрреволюции, которая только и грезила о восстановлении монархии. Так как никаких других версий не допускалось, то различные советские «исследователи» на разные лады повторяли ее, выдавая за исторические исследования. Типичным образцом такого «исследователя» был Касвинов. В своих пресловутых «23-х ступенях вниз» он писал: «*На угрозу прорыва белых в Екатеринбург уральские рабочие реагировали просто и понятно — по законам революционной логики. Именно потому, что белые стремились во что бы то ни стало захватить царя, уральские рабочие решили ни под каким видом его не отдавать. На этой канве событий и разыгрывается драма семьи Романовых. За приземистым особнячком на косогоре разливается гигантское, на полнеба зарево войны не на жизнь, а на смерть, охватившее Россию от края и до края. Залетают и падают искры и за двойной дощатый забор, где содержатся бывший император, императрица и где стоят на своих постах, сжимая в руках винтовки, караульные революции — сысертские слесари и верхисетские молото-*

[1] Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1911.

бойцы. На что же в сложившихся обстоятельствах могли еще рассчитывать эти бывшие? Все на то же, что и года полтора тому назад: на бегство при содействии иностранных держав. Ждут своего часа таящиеся в Екатеринбурге враги и ненавистники народной власти. Еще весной вслед за царской семьей они перебазировались из Сибири на Урал, многие из них обосновались по соседству с домом Ипатьева. Сплачиваются и вооружаются, готовятся к выступлению вооруженные группы. Одни чекистами раскрыты и обезврежены, другие в подполье продолжают точить ножи. В нескольких сотнях шагов от дома Ипатьева расположена эвакуированная из Петрограда еще летом 1917 года Академия Генерального Штаба, представляющая собой дисциплинированную, хорошо вооруженную, из опытных офицеров боевую силу, готовую действовать в любой момент. Зафиксированы несколько попыток антантовских офицеров проникнуть в Ипатьевский дом <...> А тут еще набежала в Екатеринбург многочисленная императорская родня, в том числе группа великих князей, ранее высланных из Петрограда в Вятку. Они притаились в городе и подключились к участию в заговорщических кружках, интригуя и подстрекая».[1]

Приведенные выше строки являют собой, говоря булгаковским языком, пример «классического вранья. Поздравляю вас, господин соврамши!» Особенно умиляют строки о «набежавшей в Екатеринбург многочисленной императорской родне». Это речь идет о великих князьях Сергее Михайловиче, Иоанне, Константине и Игоре Константиновичах, князе Владимире Палее, великой княгине Елизавете Федоровне, сербской княгине (королевне), а не «королеве», как безграмотно пишет Касвинов, Елене Петровне, которые были сосланы большевиками в Екатеринбург, а затем почти все, кроме Елены Петровны, зверски убиты. Касвинов, живописуя ужасную атмосферу заговоров с целью освобождения Царской Семьи, не смог назвать ни одного конкретного факта, ни одного имени, ни одной организации, только каких-то безличных офицеров, «точивших ножи». (Немного напоминает «Тараканище» К. Чуковского). Понятна причина, по которой Касвинов не может этого сделать: таких организаций и заговорщиков попросту не было. Не менее лживыми являются утверждения Касвинова, что «белые во что бы то ни стало» пытались освободить Царскую Семью.

Для начала нам надо разобраться, что это были за «белые». Часто приходится читать, что это были колчаковцы. Так, Медведев (Кудрин) писал: «*Об оставлении царя белым армиям адмирала Колчака не могло быть и речи — такая "милость" ставила под реальную угрозу существование молодой Республики Советов, окруженной кольцом вражеских армий. Враждебно настроенный к большевикам, которых он после Брестского мира считал предателями интересов России, Николай II стал бы знаменем*

---

[1] *Касвинов М.К.* Указ. соч. С. 376–378.

контрреволюционных сил вне и внутри Советской республики. Адмирал Колчак, используя вековую веру в добрые намерения царей, смог бы привлечь на свою сторону сибирское крестьянство. Весть о "спасении" царя удесятерила бы силы озлобленного кулачества в губерниях Советской России».[1]

Другой соучастник убийства, Ермаков, тоже сообщал о колчаковцах в выступлении перед студентами в 1940 году: «*Колчак,* — рассказывал он, — *собрав вокруг себя всю кулацкую белогвардейщину, опираясь на кулацкие слои крестьянства Западной Сибири, повел наступление прямо на Екатеринбург».*[2]

Большевистско-масонский писатель Мстиславский (Масловский) тоже живописал наступление на Екатеринбург Колчака: «*Наступление Колчака и бунт чехословаков, приведший к захвату Екатеринбурга белыми, обратил этот тыл во фронт. Советской власти пришлось сделать из этого соответствующие выводы. Поскольку Николай и другие могли быть использованы в затеянной Колчаком и чехословаками монархической игре и поскольку игра эта вновь подымала вопрос о царизме, царистский вопрос был разрешен для России раз навсегда той твердой рукой, которой решает свои дела революция: в ночь с 16 на 17 июля расстреляна была, по постановлению Екатеринбургского Совета, вся бывшая царская фамилия».*[3]

В наши дни о «колчаковцах» уже пишет православный исследователь О.А. Платонов. Доказывая, что белые не стремились освободить Царскую Семью, он пишет: «*Вожди Белого движения, и Колчак в частности, не ставили своей задачей освобождение Царя».*[4]

Здесь необходимо отметить, что все разговоры о Колчаке и «колчаковцах» являются элементарным историческим невежеством. В июле 1918 года ни «колчаковцы», ни сам адмирал Колчак никоим образом не могли стремиться спасти Царскую Семью по очень простой причине: летом 1918 года Колчака не было в России, он появился в Омске только в сентябре 1918 года, а в момент убийства Царской Семьи находился в Харбине. 6 июня, то есть за месяц и 10 дней до убийства Царской Семьи, Колчак, под впечатлением от разложения среди русского офицерства, осевшего в Харбине, собирался ехать в Месопотамию, поступить на службу к англичанам и там бить большевиков и турок.[5]

Какие же силы действовали против большевиков на Урале летом 1918 года? Одним из первых борьбу с большевиками начал атаман Оренбург-

---

[1] *Алексеев В.* Указ. соч. С. 120.
[2] Часовой. 1950, июль. С. 13.
[3] *Мстиславский С.* Гибель царизма. С. 133.
[4] *Платонов О.А.* История цареубийства. С. 229.
[5] *Будберг А., барон.* Дневник. М.: Молодая гвардия, 1990. С. 194.

ского казачества полковник А.И. Дутов. В годы Первой мировой войны Дутов командовал 1-м Оренбургским казачьим полком. До большевистского переворота Дутов был полностью лоялен к Временному правительству и даже был назначен Керенским главноуполномоченным Временного Правительства по продовольственному делу в Оренбургской губернии и Тургайской области с полномочиями министра. Дутов находился еще в Петрограде, когда пришло известие о большевистском перевороте. Большевиков атаман не признал и, объявив о борьбе с ними, выехал к своему полку. 5 октября 1917 года Дутов избирается атаманом Оренбургского казачества. 15 ноября 1917 года Дутов арестовал членов Оренбургского совета и Военно-революционного комитета и полностью овладел Оренбургом. В том же Оренбурге Дутов, из которого красная пропаганда упорно делала ярого монархиста, создает «Комитет спасения революции», в который вошли представители разных партий, в том числе и явно социалистических.[1] Внешняя враждебность к большевикам не мешала Дутову до конца декабря 1917 года соблюдать нейтралитет: поезда из подбольшевистской Самары шли в подбольшевистский Ташкент через дутовский Оренбург. К январю 1918 года отряды Дутова полностью контролировали Оренбургскую область. Но ненадолго.

Большевики направили против дутовцев значительные силы из Самары, Екатеринбурга, Перми, Уфы, Бузулука, Москвы, Петрограда. Между тем у оренбургских казаков наблюдалась усталость от войны, тяготение к миру. Казаки расходились по домам. Крестьяне в своей массе не поддерживали Дутова. Нерусские народности, кроме башкир, симпатизировали красным. В войсках Дутова началось брожение, и к моменту большевистского наступления у атамана было не более 1500 человек, которых явно не хватало для борьбы с окружавшими Оренбург большевиками. 18 /31 января 1918 Оренбург был сдан красным. Дутов и его сторонники ушли в Верхнеуральск для того, чтобы там продолжить борьбу. Однако в марте 1918 г. сдали и Верхнеуральск. После этого дутовское «правительство» расположилось в станице Краснинской, где в апреле попало в окружение. От плена Дутова спас только стремительный прорыв окружения и уход в Тургайские степи. Красные преследовали дутовцев вплоть до границы Тургайской области, возле которой прекратили погоню. Дутов с войсковым «правительством» обосновался в Тургае. В связи с ростом антибольшевистского повстанческого движения на территории войска решено было вернуться. 3-го июля повстанцами был взят Оренбург, а 7-го июля в него торжественно въехали правительство и атаман. В середине июля А.И. Дутов находился в Самаре, где вошел в состав Комуча.

---

[1] *Суетов Л.А.* Белое дело. Часть 1. СПб., 2000. С. 55.

Таким образом, Дутов никогда не представлял особой опасности для Советской власти и тем более никогда не угрожал Екатеринбургу. Заметим, что это не Дутов начал первым военные действия против большевиков, а наоборот, это большевики напали на Дутова, который был в десятки раз слабее их. По словам Быкова, «*выступившие в начале зимы дутовские казачьи банды были разбиты силами партизанских отрядов уральских рабочих*».[1]

Кроме того, Дутов представлял собой типичный образец «белого» генерала, то есть человека, настроенного в лучшем случае на «непредрешенчество», а в худшем — на республиканский образ правления. Ждать от такого генерала стремления «во что бы то ни стало» спасти Царскую Семью было нелепо.

Между тем, имя Дутова постоянно фигурирует в списке тех, кто «во что бы то ни стало хотел освободить Царскую Семью» и якобы был близок к этой цели. «*Дело обернулось так,* — пишет Касвинов, — *что из Екатеринбурга Романовым даже легче было бы ускользнуть, чем из Тобольска. Там, в случае бегства, им пришлось бы преодолевать тысячи верст; тут же по отличным, густо разветвленным путям до белочехов и дутовцев рукой подать*».[2]

В данном случае Касвинов допускает историческую безграмотность: дело в том, что к началу июля 1918 года разницы между «белочехами» и дутовцами не было никакой — они были частью одной силы, во главе которой стоял так называемый Комитет членов Учредительного собрания (Комуч). Дутов полностью признал власть Комуча и был им произведен в генерал-лейтенанты. Теперь посмотрим, так ли уж стремились видеть в своих рядах «улизнувшую» из Екатеринбурга Царскую Семью члены Комуча, так ли уж стремились они к ее спасению.

К весне 1918 года в высшем командовании союзников по Антанте сложился общий план свержения большевистского режима, который воспринимался ими как прогерманский, и установления над Россией своего контроля. Для этого предусматривалось начать крупное наступление, начиная с Дальнего Востока и до Москвы. При этом интересы России учитывались меньше всего. Все антибольшевистские силы подчинялись французскому генералу М. Жанену. Начать было решено с японской интервенции, которая бы опиралась на антисоветские элементы внутри России. Сам генерал Жанен писал в своих мемуарах: «*Мне было рекомендовано приложить все усилия для организации самой широкой японской интервенции, вплоть до Урала*».[3]

[1] *Быков П.М.* Указ. соч. С. 82.
[2] *Касвинов М.К.* Указ. соч. С. 376.
[3] *Janin, général.* Ma mission en Sibérie. 1918-1920. Paris, Payot, 1933. P. 9.

Если учесть, что к тому времени британцы высадились в Мурманске, румыны заняли Бесарабию, а японцы, французы и американцы строили планы оккупации Дальнего Востока, Сибири и Урала, то речь шла о фактическом расчленении России странами Антанты. Интересно, что за инструкциями генерал Жанен, масон высокой степени, ездил в Нью-Йорк. 5 апреля 1918 года во Владивостоке был высажен японский военный десант, и город был оккупирован. Японцев поддержали Великобритания, США, Франция, Канада, Италия. Однако, естественно, напрямую эти страны с большевиками воевать не собирались. По своему обыкновению Антанта стремилась сбросить большевиков чужими руками, использовав при этом постороннюю силу. Такая сила вскоре объявилась: это был чехословацкий корпус. В свое время Император Николай II выдвинул идею использовать против немцев австро-венгерских военнопленных славянской национальности. Император планировал создать из чехословаков отдельный корпус и направить его на фронт. Но волею судьбы этот корпус был сформирован уже при Временном правительстве. В августе 1917 года корпус состоял из двух дивизий, запасной бригады и артиллерийского дивизиона общей численностью от 39 до 45 тыс. человек.[1] Планировалось создать еще и 2-й корпус, но из-за большевистского переворота это стремление так и осталось на бумаге. Большевистский переворот внес раскол в ряды чехов. Небольшая их часть, среди которой был будущий писатель Я. Гашек, дезертировала из корпуса, но большинство продолжило нести службу. (Среди оставшихся был будущий президент Чехословакии Л. Свобода.)

Так как большевики заключили сепаратный мир с Германией, то чехословацкому корпусу пришлось отправиться в Сибирь и Владивосток, чтобы оттуда отплыть к союзникам на европейский театр военных действий. В результате долгого пути корпус растянулся по железнодорожным путям от Пензы до Владивостока.

На секретном совещании стран Антанты в Яссах (ноябрь 1917 года) представителю чехословацкого корпуса предложили план вооруженного выступления и захвата малороссийских губерний. 9 января 1918 года корпус был официально включен в состав французской армии и таким образом принят на содержание Антанты. В апреле 1918 года во французском посольстве в Москве состоялось совещание, на котором представители Антанты достигли соглашения о сроках выступления корпуса. Французский представитель при корпусе майор А. Гинэ сообщил чехословакам, что союзники решили в конце июля начать интервенцию и рассматривают чешский корпус вместе с прикомандированной к нему французской миссией в качестве авангарда войск Антанты.

---

[1] *Веселы И.* Чехи и словаки в революционной России 1917–1920 гг. М., 1965. С. 36–37.

26 марта 1918 Совнарком заключил с отделением Чехословацкого Национального Совета в России официальный договор, по которому чехословакам предоставлялось право ехать во Владивосток в качестве частных граждан. Чехословацкие части обязывались сдать оружие при проезде через Пензу. Для несения караульной службы им разрешалось оставить в каждом эшелоне 168 винтовок и 1 пулемет. Артиллерийское вооружение сдавалось полностью (в основном оно было передано красногвардейцам еще ранее).

Возможность появления на фронте чехословацкого корпуса беспокоило германское командование, и оно принялось оказывать сильнейшее давление на большевиков с целью недопущения дальнейшего продвижения его на Восток.

Воспользовавшись незначительным инцидентом между красными властями и чехословаками, большевики решили не пропускать далее корпус, объявили чехословаков «мятежниками», а личный состав корпуса приказали разоружить. В Пензу от заведующего оперативным отделом наркомата по военным делам РСФСР Аралова от 23 мая 1918 отправилась телеграмма: «*Немедленно принять срочные меры к задержке, разоружению и расформированию всех частей и эшелонов чехословацкого корпуса как остатка старой регулярной армии*».

25 мая 1918 Троцкий телеграфировал всем совдепам от Пензы до Омска: «*Посылаю в тыл чехословацким эшелонам надежные силы, которым поручено проучить мятежников. Ни один вагон с чехословаками не должен продвинуться на восток*».

Однако, несмотря на незначительность повода для подобных действий большевиков в отношении корпуса, истинными их причинами была информированность германского командования о связях руководства корпуса с Антантой. Достаточно сказать, что формальным командиром корпуса был объявлен Т. Массарик, политик, всецело ориентированный на Францию и Антанту, абсолютно гражданский человек, масон, находившийся тогда в Париже. Его назначение имело чисто политический подтекст.

Естественно, что чехословаки отказались разоружаться, тем более что среди них упорно распространялись слухи о том, что все они будут расстреляны большевиками. Так как у чехов фактически не было своего командования, самым старшим командиром был капитан Р. Гайда, то ими командовали младшие офицеры. Многие русские офицеры Чехословацкого корпуса по приказу большевиков покинули корпус еще до отправки его на Дальний Восток. Однако начальником штаба корпуса и командиром самой крупной Восточной группы был русский генерал М.К. Дитерихс.

Отказ чехов разоружаться был немедленно поддержан Антантой. Для выполнения ее планов Чехословацкий корпус получил значительные денежные

средства, большие партии оружия и боеприпасов. Выступление корпуса предполагалось координировать с нарождающимся «белым» движением. В первоначальные планы руководства Антанты входили захват Великой Сибирской железной дороги и осуществление контроля над наиболее важными районами Сибири и Поволжья. Дальнейшие планы Антанты состояли в том, чтобы установить контакт с англо-французскими войсками, действующими на Севере, и, объединившись, повести наступление на центральные районы России.[1]

В мае-июне 1918 года чехословацкий корпус осуществляет захват ряда крупных городов на востоке страны. В руках Антанты оказываются Челябинск, Новониколаевск, Пенза, Сызрань, Уфа, Самара, Омск. Однако при этом следует учесть, что большевики всюду обладали перевесом над чехами. Так, во время сражения под Самарой 16-ти тысячам легко вооруженных чехословаков противостояло 65 тысяч красных при 350 орудиях. Тем не менее Самара была взята чехами. Этому, конечно, способствовало то обстоятельство, что против большевиков уже подымались народные восстания, в том числе на Невьянском и Рудянском заводах. Кроме того к выступлению чехов примыкает множество русских офицеров, рабочих, крестьян — всех, кто был недоволен большевистской властью.

При поддержке и согласии Антанты в захваченных районах формируются два белых правительства: 8 июня в Самаре — Комитет членов Учредительного собрания (Комуч), 23 июня в Омске — Временное сибирское правительство. Одновременно формируются так называемая «Народная Армия Комуча», которой командовал подполковник Н.А. Галкин, и Сибирская армия под командованием генерал-майора А.Н. Гришина-Алмазова.

Главную роль было суждено сыграть Комучу. Первоначально Комуч состоял из пяти эсеров, членов распущенного большевиками Учредительного собрания (В.К. Вольский — председатель, И.М. Брушвит, П.Д. Климушкин, Б.К. Фортунатов, И.П. Нестеров). Впоследствии комитет пополнился прибывшими в Самару членами Учредительного собрания, главным образом эсерами. «*В начале мая 1918 года*, — писал генерал А.И. Деникин, — *собрался 8-й совет партии социал-революционеров, на котором постановлено было перейти к открытой борьбе с советской властью. Социал-революционеры воспользовались широко восстанием чехословаков. И, когда бригада Чечека 8 июля овладела Самарой, было объявлено, что власть переходит к Комитету членов Учредительного собрания ("Комуч"). Демократический покров, популярный еще в русской общественности, прикрывал новую дик-*

---

[1] *Иванов А.В.* К вопросу о причинах антисоветского выступления чехословацкого корпуса в 1918 году // Белая армия. Белое дело: Истор. научно-популярный альманах. Екатеринбург, 1997. № 4. С. 7–24.

татуру — партии социал-революционеров, безраздельно овладевших властью».[1]

Органом управления был Совет управляющих ведомствами во главе с Е.Ф. Роговским. Комуч объявил себя верховной властью, временно действующей от имени Учредительного собрания. Комуч декларировал восстановление демократических свобод: был установлен 8-часовой рабочий день, разрешен созыв рабочих конференций и крестьянских съездов, сохранялись фабзавкомы и профсоюзы. Был создан так называемый Совет рабочих депутатов. Комуч отменил декреты Советской власти, возвратил фабрики, заводы и банки их прежним владельцам, объявил свободу частной торговли, восстановил земства, городские думы. Как признавал генерал П.П. Петров, в Комуче царили порядки «*времен Керенского*».[2]

По своей сути Комуч был органом власти эсеров, то есть таких же лютых врагов Царя, как и большевики. Их мятеж против большевиков был вызван не принципиальными идеологическими разногласиями, а самой примитивной борьбой за власть. Большевики ее делить ни с кем не хотели, значит, ее нужно было у них забрать силой. Методы же у главарей Комуча были такими же, как и у большевиков. Вот, например, как действовал «борец за свободу» эсер Б. Фортунатов: «*С отрядом Каппеля,* — вспоминал белый офицер В. Воропаев, — *всегда следовал член Учредительного собрания Б.К. Фортунатов. Официально он считался членом Самарского военного штаба, в то же время выполняя успешно обязанности рядового бойца-разведчика. Сравнительно молодой (лет тридцати), он был энергичным и совершенно бесстрашным человеком. Ему как-то на моих глазах удалось захватить в овраге четырех красноармейцев. Спокойно сказал всегда следовавшему за ним черкесу «Дуко». Тот, не задумываясь, моментально по очереди пристрелил этих четырех пленников. Случайно я все это видел и потом вечером, когда мы отдыхали, спросил его, почему он приказал Дуко пристрелить красногвардейцев. Приказ — пленных не расстреливать. Он равнодушно ответил: «Но ведь был бой!»*»[3]

Видимо, Воропаев считал «совершенным бесстрашием» расстрел беспомощных и сдавшихся в плен людей, но мы не можем не назвать это «бесстрашие» свойством преступной натуры эсеровского боевика Фортунатова.

Надо сказать, что участники Комуча как политики были довольно трусоваты и политические споры предпочитали вести за столами и кафедрами. Они, безусловно, никогда бы не выступили против большевиков, если бы не два обстоятельства: восстание чехов и покровительство ему со сто-

---

[1] *Деникин А.И.* Указ. соч.

[2] 1918 год на Востоке России. М.: Центрополиграф, 2003. С. 41.

[3] 1918 год на Востоке России. С. 57.

роны Антанты. Чешские штыки и западные деньги должны были свергнуть большевиков и отдать власть Комучу. Попав в зависимость от Антанты, Комуч был ее верным ставленником. Таким образом, состав и партийная принадлежность руководителей Комуча не оставляет никаких сомнений в их **не просто равнодушии к свергнутому Императору Николаю II и его Семье, но и в прямо враждебном к ним отношении**. Никаких планов освобождения, а тем более восстановления на престоле Государя или кого-либо из его Семьи у эсеровских главарей Комуча быть не могло и не было. В связи с этим весьма характерны воспоминания Э. Диля, который после освобождения Екатеринбурга армией Комуча и чехами в июле 1918 года был послан военными кругами для перевоза архивных материалов, касающихся Царской Семьи, в Томск. В Екатеринбурге Диль был представлен офицеру контрразведки мичману Х., который помогал следователю И.А. Сергееву расследовать дело об убийстве Царской Семьи. «*Прежде всего оказалось*, — пишет Диль, — *что он — убежденный с.-р.* (эсер – *П.М.*) *и гораздо больше интересовался перипетиями образования Сибирского Правительства, чем розысками по делу об убийстве*».[1]

Но чешским восстанием и Комучем воспользовались множество русских людей, уже успевших с лихвой познать все прелести большевизма, которые не преминули присоединиться к этому антибольшевистскому движению. Среди них было немало офицеров, в том числе и монархистов. Однако они не только не составляли большинства в так называемой «Народной Армии» Комуча, но и не имели в ней никакого влияния. Вот как вспоминал образ армии Комуча генерал Сахаров: «*В Бузулуке я увидел первый полк новой народной армии. Без погон, со щитком наподобие чешского на правом рукаве, почему-то с георгиевской ленточкой вместо кокарды на фуражке. Вид полутоварищеский*».[2]

И вот эти «полутоварищи», ведомые февральскими антантовскими заговорщиками и руководимые эсеровскими боевиками, якобы собирались, как нас пытаются уверить разные быковы, родзинские, юровские и касвиновы, «во что бы то ни стало» освободить Царскую Семью и изо всех сил «рвались» для этого к Екатеринбургу!

Барон Будберг писал о солдатах «Народной Армии»: «*Мне кажется, что большинство из них лишь случайно не на красной стороне: кому не пришлось по случайно сложившейся обстановке, а кто по привычке шарахнулся на свою, оказавшуюся белой, сторону*».[3]

Но многие из тех, кто называл себя монархистами, также не походили на людей, стремящихся спасти Государя и Царскую Семью. Скорее,

---

[1] АРР. Т. 18. С. 294.
[2] *Сахаров К.В.* Указ. соч. С. 10.
[3] *Будберг А.* Указ. соч. С. 176.

они грезили о восстановлении монархии и своих привилегий, строили на этом свои амбициозные планы. При этом никакого понимания апокалиптичности переживаемого момента, того, что так остро чувствовали Государь и Государыня, у этих людей не было и в помине. Мечты о предстоящей кровавой мести пронизывали все настроения этих людей. По дневниковым записям Будберга: «*Вечер провел в компании в лице трех полковников, которые очень много говорили, жаждали мести, вторжения в Россию и истребления серых шинелей; бахвалились, что сами берутся уничтожать по нескольку десятков товарищей за прием, "собственноручно пуская им пули в живот". Печально то, что такие глупые и бахвальные излияния показывают чаяния и глубину понимания уже не зеленой молодежи, а трех штаб-офицеров, имеющих за собой побольше десятка лет кадровой службы. Какое-то помешательство на идее реванша скорого и жестокого, отожествляемого со спасением России. Только уроды неспособны понять того, что стряслось с Россией в прошлом году. <...> Орловцы по прибытии на станцию Эхо ознаменовали сие грандиозным пьянством с битьем посуды и оранием "Боже, Царя храни"; как это глупо и неуместно; истинные монархисты должны понимать, что всякое открытое выступление — это лишний шип в тот терновый венец, который несет сейчас вся Царская Семья*».[1]

Конечно, среди воинов «Народной Армии» были и истинные монархисты, настоящие патриоты России. Но их было ничтожно мало.

Интересно, что и чехословацкий корпус относился к большевикам отнюдь не так враждебно, как это принято думать. Все тот же Будберг писал, что «*чехи выгнали большевиков, но затем объявили, что они не враги народу и что если и арестовали большевистских главарей, то только для того, чтобы избавить их от расправы. Разрешенные чехами похороны большевиков, убитых во время переворота во Владивостоке, обратились в крупную пробольшевистскую демонстрацию*».[2]

Очевидно, что освобождение Царской Семьи и ее присутствие на территории, контролируемой Комучем и Антантой, было для последних событием крайне нежелательным и создавало для них множество проблем. Во-первых, нечего и говорить, что эсеры, верховодившие в Комуче, являлись врагами Императора Николая II. Его появление у них делало эсеровское положение весьма двусмысленным. Кроме того появление Царя и Наследника в расположении действующей армии, в которой было немало казаков и крестьян, легко могло придать всему движению монархический характер, сильно бы укрепило позиции немногочисленных монархистов, что неминуемо означало бы свержение эсеровского «сибирского правительства» Комуча. Во-вторых, осво-

---

[1] Там же. С.177, 194.
[2] *Будберг А.* Указ. соч. С. 205.

бождение Царской Семьи из большевистского плена было крайне невыгодно союзникам по Антанте. Им, приложившим немалые усилия для свержения Царя в феврале 1917 года, пришлось бы либо вновь признавать его Императором, либо разрешить его вновь арестовать, только теперь уже эсерам, так как последние были правопреемниками Временного правительства Керенского, которое в свое время арестовало Царскую Семью и содержало ее под стражей. Восстановление же независимой русской монархии, особенно в лице Николая II, было совершенно недопустимо для стран Антанты. Оставался еще один вариант: предоставить Царской Семье убежище в одной из стран-союзниц, но мы уже видели, как эти страны были «готовы» к такому шагу.

Как ни странно это может прозвучать, но с политической точки зрения освобождение Царской Семьи было более опасно для эсеровского Комуча, чем для большевиков. Большевики были и так на грани катастрофы, и кто бы их сверг, Царь или Комуч, для большевиков, в общем-то, было все равно, даже, как мы видели, им было предпочтительнее восстановление монархии, чем неокеренщины. К тому же они знали, что Государь не будет стремиться к власти и занимать престол и не даст этого сделать своему Сыну в условиях братоубийственной войны, когда восстановление монархии станет причиной еще большего раскола страны.

Для Комуча же и его Антантовских покровителей смерть Царя, безусловно, была предпочтительней, чем его освобождение.

Таким образом, главное советское объяснение мотива убийства Императора Николая II и его Семьи опасностью их освобождения чехословаками и «белогвардейцами» является сознательной ложью.

Версия № 2. Убийство Царской Семьи было совершено из-за существования «белогвардейского заговора» в самом Екатеринбурге

Не менее лживой является большевистская версия о том, что Царская Семья была убита по причине того, что в Екатеринбурге существовал «белогвардейский» заговор с целью ее освобождения. Собственно говоря, эта ложь настолько шита белыми нитками, что ее можно было бы всерьез не обсуждать, но ради объективности изложения мы ее коснемся. Впервые о заговоре было сообщено в телеграфном сообщении исполкома Уралоблсовета председателю Совнаркома Ленину и председателю ВЦИК Свердлову. «*Ввиду приближения неприятеля к Екатеринбургу*, — говорилось в этом сообщении, — *и раскрытия Чрезвычайной комиссией большого белогвардейского заговора, имевшего целью похищение бывшего царя и его семьи, <...> по постановлению прези-*

диума областного Совета в ночь на шестнадцатое июля расстрелян Николай Романов».[1]

Затем это сообщение о заговоре повторил на заседании Совнаркома Свердлов. «*Из Екатеринбурга получено сообщение о том, что, по постановлению Уральского областного Совета там расстрелян бывший царь Николай Романов. Как установлено, он хотел бежать*».[2]

Свердлов на заседании Совнаркома прямо не сказал, что план «побега» Царя возник в результате заговора, это должно было слушателям быть понятным и так, но вот уже в официальном извещении о расстреле Императора Николая II говорилось: «*Раскрыт заговор белогвардейцев, пытавшихся похитить его* (т. е. Царя – *П.М.*), *и найдены компрометирующие документы, которые будут опубликованы*».

Естественно, никакие «документы» никогда опубликованы не были. Но так как идею заговора нужно было как-то документально поддерживать, большевистские главари и их пособники в течение десятилетий занимались прямой дезинформацией и фальсификацией на эту тему.

Вначале это была кровавая демагогия, образцом которой явился Г. Сафаров. 23-го июля 1918 года он писал в «Уральском рабочем»: «*Империалисты обеих враждующих коалиций вполне доказали на деле, что они сознательно стремятся к восстановлению монархии в России и им нужна была коронованная голова, нужен палач "Божиею Милостию". Вокруг Николая все время плелись искусные сети заговоров. При переезде из Тобольска в Екатеринбург был открыт один из них. Другой был раскрыт перед самой казнью Николая. Участники последнего заговора свои надежды на освобождение убийцы рабочих и крестьян из рабоче-крестьянского плена определенно связывали с надеждами на занятие красной столицы Урала чехословацкими — белогвардейскими погромщиками*».[3]

Сафаров не утруждал себя доказательствами. Естественно, он не называл ни имен заговорщиков, не название их организаций, если не считать упоминания «*вдовствующей разбойницы Марии Федоровны*», которую Сафаров, не моргнув глазом, поместил «*под крылышко Скоропадского*», в то время как в действительности Вдовствующая Императрица Мария Федоровна находилась в заточении в Крыму, Великого Князя Михаила Александровича, убитого чекистами за месяц с лишним до Царской Семьи, и «*палача по убеждению*» генерала Алексеева, того самого, который сыграл роковую роль в февральские дни 1917 года во Пскове.

Однако время шло, и большевистским властям требовалась какая-то более изощренная ложь. Тем более что заграницей уже вышла книга Н.А. Соко-

---

[1] *Алексеев В.* Указ. соч. С. 104.

[2] Прожектор. №29. 1928. С. 26.

[3] Последние дни Романовых. С. 169.

лова, разоблачающая большевистских убийц. Вот тогда-то и появилось на свет сочинение Быкова. Вначале Быков ограничивается общими рассуждениями о существовании «заговора». Он пишет, что в город стали «*стекаться в большом количестве монархисты, начиная с полупомешанных барынь, графинь и баронесс разного рода, вплоть до монашек, духовенства и представителей иностранных держав*».[1] Также, указывает нам Быков, в Екатеринбурге оказалось много Великих Князей, которые на квартирах екатеринбургской буржуазии «*создавали тайную организацию для освобождения Романовых*». Видимо почувствовав, что подобных доказательств недостаточно и что читатель может подумать, что «гроза и гордость революции» ЧК боялась «полупомешанных барынь, графинь и баронесс разного рода, вплоть до монашек», Быков решает привести главный аргумент в пользу существования заговора и ... вытаскивает на белый свет «переписку офицера с Николаем II», написанную на самом деле Родзинским и Войковым. Это сейчас нам известно, что эту «переписку» состряпали в ЧК, а тогда неискушенный читатель мог в нее и поверить. Странно, что большевики так долго не предъявляли ее для общего ознакомления. Ведь для большевиков эта фальсификация имела большое значение — хоть как-то оправдывала убийство Царя в глазах мирового сообщества. Последнее лишний раз говорит в пользу нашего предположения, что «переписка» была сфальсифицирована после убийства Царской Семьи.

С легкой быковской руки фальшивая «переписка» пошла гулять по множеству книг, статей, романов большевистской России как главное «доказательство» существования «заговора» с целью освобождения Императора Николая II из екатеринбургского заточения.

Но все-таки до такой бесстыжей фальсификации, до какой опустился Касвинов, пожалуй, не опускался никто. Касвинов не только привел «переписку» в качестве доказательства, но и указал на ее автора — «белогвардейского полковника И.И. Сидорова», который, по словам Касвинова, прибыл в Екатеринбург «*со специальной миссией — скоординировать подготовку нападения на дом Ипатьева*».[2] Доктор Деревенко (его Касвинов опять-таки в силу своей исторической безграмотности называет «Деревенько) «*взял на себя выполнение его поручений*».[3]

После этого Касвинов со спокойной совестью пишет, что все письма Царю писал Сидоров.

Что касается Сидорова, то человек под такой фамилией действительно существовал. Он появился в Екатеринбурге в мае 1918 года и назвался Иваном Ивановичем Сидоровым. Явившись в Екатеринбург, Сидоров встретился

---

[1] *Быков П.М.* Указ. соч. С. 83.
[2] *Касвинов М.К.* Указ. соч. С. 381.
[3] Там же. С. 381.

с епископом Григорием, у которого открыто сказал: «*Мне необходимо установить связь с Царем. Не можете ли вы мне помочь в этом?*» Епископ ему ответил, что не может, так как не имеет с Царем никакой связи. Но затем сказал, что можно попробовать установить связь с Государем через посылку ему провизии из женского монастыря.[1]

Сидоров отправился в Ново-Тихвинский монастырь и в разговоре с монахиней Августиной также открыто завел разговор о Царской Семье. Он говорил, что Царской Семье угрожает опасность и что надо сделать все, чтобы ей помочь. Августина указала ему на доктора Деревенко как на человека, который может ему помочь в этом. Сидоров встречался с Деревенко.[2] Сам Деревенко, неоднократно арестовывавшийся ГПУ и, в конце концов, убитый в заключении, показывал на допросе: «*Что касается Сидорова, то ко мне действительно явился крестьянин (или человек, одетый под крестьянина), назвавший себя Ив. Ив. Сидоровым, который узнав о том, что Алексей болен и что он нуждается в усиленном питании, взялся организовать доставку молока и прочих пищевых продуктов в Дом Ос. Назн., что он и выполнил, но на этом наше с ним знакомство и кончилось, и лишь позднее от сестер милосердия того лазарета, в котором я служил в Екатеринбурге, я узнал, что Сидоров не деревенский обыватель, а генерал*».[3]

Примечательно, что в разговоре с монахиней Сидоров тоже, как бы между прочим, проговорился, сказав «у нас при дворе», а своего спутника называл «адъютантом». Все это очень похоже на большевистскую провокацию. Если «переписка офицера» имела место действительно до убийства Царской Семьи, то нет сомнений, что Сидоров был одним из участников ее доставки в дом Ипатьева. Хотя вполне возможно, что Сидоров был посланцем немцев, которые вели свое наблюдение за Царской Семьей. Во всяком случае, Сидоров действовал совершенно открыто, никого не боялся. Генерал Дитерихс прямо пишет, что Сидоров имел связи с германскими и большевистскими властями. И.Ф. Плотников согласен с Дитерихсом, когда пишет о Сидорове: «*Никаким генералом, посланцем для руководства заговором он не являлся. Кстати о нем было известно и чекистам, не нашедшим в его действиях ничего опасного*».[4]

Таким образом, скорее всего, Сидоров был агентом ЧК, проверявшим степень поддержки Царской Семьи со стороны влиятельных лиц города или собиравшимся втереться в доверие к Царской Семье с целью какой-нибудь провокации.

---

[1] Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 388.
[2] Там же. С. 390.
[3] Последние дни Романовых. С. 146.
[4] *Плотников И.Ф.* Указ. соч. С. 116.

Что же касается реальных заговоров, то чекисты были хорошо осведомлены, что не существует ни одной серьезной организации, ни одного серьезного человека, военного или гражданского, кто бы мог реально организовать подобные заговоры. Чтобы судить о серьезности и реальности «заговоров», достаточно ознакомиться с показаниями 26-летнего гвардейского капитана Д.А. Малиновского, который прибыл в Екатеринбург как член «заговорщической» организации генерала Шульгина. «*Этой организацией,* — показывал Малиновский Соколову, — *я был отправлен в первых числах мая месяца в г. Екатеринбург для выяснения условий, в которых находится здесь Августейшая Семья, ознакомления по этому вопросу нашей организации и принятия мер к облегчению участи Августейшей Семьи вплоть до увоза Ее отсюда*».[1]

Заметим стразу, Малиновский приехал без какого-либо плана, без связи, без возможностей, без необходимых знакомств. Сам факт посылки молодого офицера, не сведущего в конспиративной и разведывательной деятельности, говорит о «серьезности» планов организации, его пославшей. Задачи Малиновского также изначально непонятны: он должен и выяснять условия, в которых содержится Царская Семья, и ознакомлять об этих условиях свою организацию, и готовить увоз Царской Семьи из Екатеринбурга.

Дальнейшие действия Малиновского выдают в нем совершеннейшего непрофессионала как «заговорщика». «*Я поступил на старший курс Академии Генерального Штаба, находившейся тогда в Екатеринбурге. Разобравшись несколько в окружающих меня людях, я сошелся (...) с капитаном Ярцовым, капитаном Ахвердовым, капитаном Делинсгаузеном и капитаном Гершельманом. Я поделился с ними своей задачей. Мы решили узнать как следует те условия, в которых содержалась здесь в Ипатьевском доме Августейшая Семья, а в дальнейшем действовать так, как позволят нам обстоятельства. Получали мы сведения эти, как могли*».[2]

Можно быть уверенным, что с того момента, как Малиновский «несколько разобрался в окружавших его людях», рассказал им о своей задаче и стал изучать вместе с ними, «как мог», обстановку в Ипатьевском доме, полная информация об этом «заговоре» появилась в ЧК. Без сомнения, все дальнейшие действия Малиновского строго контролировались и направлялись этим ведомством. «*Мать капитана Ахвердова,* — продолжает Малиновский, — *познакомилась поближе с доктором Деревенко и узнавала от него, что было можно. Деревенко, допускавшийся время от времени к Августейшей Семье, дал ей план квартиры верхнего этажа дома Ипатьева. Я не знаю, собственно, кто его начертил. Может быть,*

[1] Россійскій Архивъ. С. 79.
[2] Россійскій Архивъ. С. 79.

чертил его Деревенко, может быть, сама Ахвердова со слов Деревенко, а может быть, и Делинсгаузен. Я же его получил от последнего».[1]

Таким образом, «заговорщик» Малиновский даже не поинтересовался, откуда появился у него план Ипатьевского дома, то есть того объекта, который, по идее, он должен был знать «назубок», если он действительно собирался освобождать Царскую Семью. У Малиновского даже не возникло мысли: а что если этот план был нарисован в ЧК, а что если это была дезинформация, провокация, ловушка? (Собственно говоря, скорее всего, так оно и было.)

Из дальнейших показаний Малиновского выясняется, что он даже точно не знал, кто жил в Доме Особого Назначения; так, он говорит, что «*Чемодуров, Боткин, повар и лакей все помещались в комнате с аркой*», хотя хорошо известно, что Чемодуров к тому времени уже помещался в тюрьме.

Но Малиновского планы дома волновали меньше, чем *«душевное состояние Августейшей Семьи»*. По-человечески, Малиновского, конечно, понять можно, но с точки зрения заговора «душевное состояние» похищаемых должно играть второстепенную роль. Тем не менее, Малиновский посылает регулярные доклады в Петроград, в пославшую его организацию, но ответа ему «*ни разу прислано не было и не было выслано ни единой копейки денег*».

Не имея никакой другой возможности помочь Царской Семье, Малиновский стал посылать ей через Ахвердову сахар, кулич к пасхе и так далее.

В тоже время Малиновский продолжал грезить об «увозе» Царской Семьи. «*Главное же, на что рассчитывала наша пятерка*, — рассказывает Малиновский, — *это был предполагаемый наш увоз Августейшей Семьи. Я бы сказал, что у нас было два плана, две цели. Мы должны были иметь группу таких людей, которые бы во всякую минуту, на случай изгнания большевиков, могли бы занять дом Ипатьева и охранять благополучие Семьи. Другой план был дерзкого нападения на дом Ипатьева и увоз Семьи. Обсуждая эти планы, пятерка посвятила в него семь еще человек, офицеров нашей же академии. Это были: капитан Дурасов, капитан Семчевский, капитан Мягков, капитан Баумгарден, капитан Дубинин, ротмистр Бартенев; седьмого я забыл. Этот план держался нами в полном секрете, и я думаю, что большевикам он никоим образом известен не мог быть*».[2]

Да, рассказать о своих секретных планах семерым малознакомым людям, имя одного из которых к тому же и забыли, и после этого быть уве-

---

[1] Там же.
[2] Россійскій Архивъ. С. 79.

ренным, что большевики ничего об этих планах не знают, могли действительно только опасные заговорщики!

В чем, собственно, заключался этот великий план, Малиновский не сообщает, но с горечью констатирует: «*Что бы мы ни предполагали сделать для спасения жизни Августейшей Семьи, требовались деньги. Их у нас не было. На помощь местных людей нельзя было рассчитывать совершенно: все было подавлено большевистским террором. Так с этим у нас ничего не вышло, с нашими планами, за отсутствием денег, и помощь Августейшей Семье, кроме посылки кулича и сахара, ни в чем еще ином не выразилась*».[1]

Вот собственно и весь «заговор»: послали в Ипатьевский дом через Деревенко при полном контроле Авдеева один раз кулич и сахар!

Другие «заговоры» были подобными же. Были собрания офицеров, на которых постоянно обсуждались возможности спасения Царской Семьи, но дальше слов их действия не выходили.

«*Эти офицеры,* — писал генерал Дитерихс, — *отличались бахвальством и чванством; шумели о своей деятельности, где могли; кричали чуть ли не на всех перекрестках, входя во все откровенности с первыми встречными и не смущаясь того, что могли быть услышаны советскими агентами и властями. Последние, как ни странно, совершенно игнорировали деятельность подобных типов, не преследовали крикливых заговорщиков, а иногда были даже в явных с ними сношениях*».[2]

Несмотря на все вышеизложенное, уже в наши дни И.Ф. Плотников пишет: «*Существовал ли все же "заговор" офицеров, ставивших целью освобождение Царской Семьи из дома Ипатьева? В общем и целом можно ответить утвердительно, но с той оговоркой, что сплоченной организации, определенно сориентированной на это, имеющей реальный план и готовой к его реализации, не было*».[3]

Здесь мы вновь становимся свидетелями странной логики И.Ф. Плотникова: эта «оговорка» об отсутствии сплоченной организации, определенно сориентированной, не имеющей реальных планов, означает отсутствие заговора как такового! «Заговор», который сводится к посылке куличей и сахара да общим рассуждениям о том, что «Августейшую Семью необходимо увезти», есть не заговор, а в лучшем случае благие намерения, а в худшем — пустая болтовня.

Один из соучастников убийства, Исай Родзинский, прямо говорил об этом: «*Надо сказать, что никакого похищения не готовилось, видимо, соответствующие круги были бы очень рады, если бы эти оказались среди*

---

[1] Там же.
[2] *Дитерихс М.К.* Указ. соч. Т. 2.
[3] *Плотников И.Ф.* Указ. соч. С. 124.

них. Но, видимо, занимались другим, не столько поисками царской фамилии, сколько организацией революции».[1]

Подобные «заговорщики» были для большевиков настоящим подарком: чем больше они кричали о своих «заговорах», тем легче было потом убийцам Царской Семьи оправдывать свое злодеяние.

Таким образом, версия о мнимом «белогвардейском заговоре» не выдерживает никакой критики и может быть совершенно однозначно отнесена к большевистской лжи.

Версия № 3. Убийство Царской Семьи было совершено из-за невозможности ее вывоза из Екатеринбурга в связи с военной обстановкой

Говоря об убийстве Царской Семьи, большевики постоянно добавляли к двум предыдущим мотивам еще и третий: вывезти Царскую Семью было невозможно из-за опасной обстановки на фронте. Кудрин, описывая якобы состоявшееся 16 июля заседание Уральского Совета, рассказывает: «*После рассказа Голощекина Сафаров спросил военкома, сколько дней, по его мнению, продержится Екатеринбург? Голощекин отвечал, что положение угрожающее — плохо вооруженные добровольческие отряды Красной армии отступают, и дня через три, максимум через пять, Екатеринбург падет. Воцарилось тягостное молчание. Каждый понимал, что эвакуировать царскую семью из города не только что в Москву, но и просто на Север означает дать монархистам давно желанную возможность для похищения царя. дом Ипатьева представлял до известной степени укрепленную точку: два высоких деревянных забора вокруг, система постов наружной и внутренней охраны из рабочих, пулеметы. Конечно, такой надежной охраны мы не могли бы обеспечить движущемуся автомобилю или экипажу, тем более за чертой города*».[2]

Для того, чтобы оценить справедливость подобных высказываний, необходимо дать краткий обзор военной ситуации под Екатеринбургом к середине июля 1918 года.

Перед угрозой чехословацкого наступления 13 июня 1918 года красное командование из разрозненных полупартизанских отрядов создало Восточный фронт. Командующим фронтом был назначен эсер М.А. Муравьев, а 14 июня был создан Северо-Урало-Сибирский фронт под командованием Р.Я. Берзина. В июне 1918 года общие красные силы на Урале насчитывали около 20 тысяч бойцов при 300 пулеметах и 30 орудиях.[3] Силы чехо-

[1] *Алексеев В.* Указ. соч. С. 135.
[2] *Алексеев В.* Указ. соч. С. 120.
[3] *Эйхе Г.Х.* Опрокинутый тыл. М., 1966. С. 363.

словаков и оренбургских казаков на тот же период насчитывали около 13 тысяч штыков и сабель, из которых в действие была введена только половина, при 14 пулеметах.[1] В. Клавинг прямо пишет, что силы Народной Армии Комуча *«были слабыми, небольшими и недостаточно обеспеченными боеприпасами»*.[2]

Таким образом, перевес был на стороне красных. Разумеется, в бой обеими сторонами были введены не все силы. В июле 1918 года общее преобладание красных еще более возросло. На 5-е июля их силы насчитывали: 16 тыс. 576 штыков и сабель, 330 пулеметов, 30 орудий, 4 бронепоезда, 11 аэропланов против 14–17 тыс. штыков и сабель, 140 пулеметов, 20 орудий, 3 бронеплатформ и 2 броневиков у белых.[3]

С точки зрения военной организации красные тоже мало уступали силам чехов и Комуча. Если в начале, в мае–июне, те проявляли большую выучку, дисциплинированность и наличие боевого опыта, чем их противник, то уже к середине июля последний достиг в этом плане больших успехов. Достаточно сказать, что, несмотря на приведенные выше Кудриным высказывания Голощекина 16 июля о том, что город вот-вот падет, красный Екатеринбург продержался еще 8 дней.

Однако в отличие от белых красное командование было раздираемо внутренними противоречиями. Начавшееся 6–7 июля восстание левых эсеров в Москве отразилось и на красном командовании. 10 июля Муравьев, вслед за эсеровским руководством, объявил войну Германии и обратился к чехословакам с призывом к общим действиям против большевиков и немцев. В его приказе чехословацкому корпусу говорилось: *«Ввиду объявления войны Германии приказываю вам повернуть эшелоны, двигающиеся на восток, и перейти в наступление к Волге и далее на западную границу. <…> На северо-уральском направлении на Екатеринбург и Пермь. Главнокомандующий армии, действующей против германцев, Муравьев»*.[4]

Однако выступление Муравьева было быстро подавлено, а сам он 11 июля расстрелян Тухачевским, который вступил во временное командование фронтом.

Между тем, белые 15–16 июля, то есть когда полным ходом шла подготовка к убийству Царской Семьи, завязли под Сысертью, которая находится в 50 км от Екатеринбурга. Вплоть до 20 июля под Сысертью шли упорные бои, и белые на этом направлении были остановлены.

---

[1] *Плотников И.Ф.* Указ. соч. С. 134.
[2] *Клавинг В.* Гражданская война в России: Белые армии. СПб., 2003. С. 84.
[3] *Плотников И.Ф.* Указ. соч. С. 134.
[4] Маршал Тухачевский. Воспоминания соратников. М.,1965. С. 42.

Тогда командование белых решило нанести удар по Екатеринбургу с юга-запада. Это им удалось только к 20-м числам июля, когда казаки и чехи захватили станцию Кузино. Лишь к 25-му июля белым удалось прорваться к Екатеринбургу. К тому времени Царская Семья была уже восемь дней как убита.

Таким образом, до 20-го июля, как правильно пишет И.Ф. Плотников, «*прямой угрозы захвата Екатеринбурга белыми не было, ближайший участок боевых действий находился почти в сотне километров. Окружения или полуокружения города не было. Все дни имелась связь с ближайшими городами, поселками и центром (с Москвой)*».[1]

Железнодорожные пути на Пермь, Нижний Тагил, Алапаевск были свободны.

О том, что ни 16-го, ни 17-го июля Екатеринбургу ничего не угрожало, говорит и вся деятельность большевиков того времени. В самой организации убийства и сокрытия его следов не было никакой особой спешки. Трупы и улики уничтожались двое суток. Не спешили бежать и убийцы. Кучер Елькин показывал на следствии, что Юровский, Войков и другие «комиссары», весь день проведя в укладывании вывозимых вещей и документов, в том числе, и из дома Ипатьева, выехали из Екатеринбурга в ночь с 19 на 20 июля, причем никакой спешки между ними замечено не было.

В то же время, примерно 19 июля, из Екатеринбурга в Пермь в обстановке строжайшей секретности был отправлен эшелон с золотом, который благополучно достиг места назначения.

Что мешало большевикам так же совершенно секретно вывезти на поезде под надежной охраной Царскую Семью 15-го, 16-го, 17-го, 18-го и даже 19-го июля? Совершенно очевидно, что ничего не мешало. Таким образом, очевидно, что невозможность эвакуации Царской Семьи, которой большевики объясняли ее убийство, является не чем иным, как очередной ложью большевистского руководства.

Мы рассмотрели три основные версии мотивов убийства Царской Семьи, тех мотивов, которые долгое время служили оправданием или, по крайней мере, объяснением Екатеринбургского злодеяния. Все остальные версии, выдвигаемые разными людьми, как правило, далекими от серьезного изучения темы, как-то убийство Царской Семьи по приказу немцев, убийство из-за личной мести Ленина за казненного брата Александра и тому подобные, не заслуживают отдельного рассмотрения как явно несерьезные. Утверждение же, что Царская Семья была убита

---

[1] *Плотников И.Ф.* Указ. соч. С. 134.

В связи с этим невольно возникает вопрос: а не было ли паническое объявление о предстоящей эвакуации города, сделанное 18-го июля уральскими большевиками, частью дезинформационной кампании в связи с убийством Царской Семьи?

большевистским руководством по политическим мотивам, нами уже рассматривалось выше и было отвергнуто как несостоятельное. Еще раз повторим: как политическая сила большевики ничего не выигрывали от убийства Царской Семьи, а только проигрывали. Проигрывали в отношениях с немцами, в глазах широких масс русского народа, европейской общественности. Эфемерное восстановление монархии являлось для большевиков гораздо меньшим злом, чем тот образ палачей и детоубийц, который навсегда закрепился за ними после убийства Царской Семьи. Даже якобинцы формально имели больше оснований для казни короля, чем большевики. (Казнь Людовика XVI была осуществлена во время гражданской войны, причем французская Белая Армия, в отличие от так называемой «белой армии» в России, шла под роялистским знаменем и открыто объявляла своей целью восстановление короля на престоле.)

Таким образом, нет ни одного рационального объяснения убийства Царской Семьи, любое из них на поверку оказывается ложным.

Глава 2
Версия ритуального убийства

Отсутствие рациональных мотивов убийства Царской Семьи заставляет нас искать мотивы иррациональные, то есть обусловленные в первую очередь не логикой, не корыстными интересами тех или иных людей или той или иной группы, а причинами духовными, в нашем случае — религиозными. Так мы подходим к теме ритуального убийства Царской Семьи.

О ритуальном характере Екатеринбургского злодеяния говорят уже давно. Одни категорично утверждают, что оно имело место, другие — не менее категорично это отрицают. Наверное, в дискуссиях и спорах по этому вопросу не было бы ничего плохого, если бы не та нетерпимость, с какой они ведутся. Как правило, без всяких аргументов и доказательств обе стороны возводят свои утверждения или отрицания в разряд догм, не подлежащих обсуждению, причем своих противников соответственно причисляют либо к «жидо-масонам», либо к «антисемитам».

Между тем изучение версии ритуального характера убийства Царской Семьи должно носить предельно вдумчивый и спокойный характер, исследовать эту версию нужно, не поддаваясь эмоциям и опираясь только на имеющиеся факты. Естественно, что в таком чрезвычайно сложном и запутанном деле, как изучение ритуального убийства, некоторые факты многим людям, особенно неискушенным в изучении религиозных и духовных вопросов, будут казаться спорными, а то и абсурдными. Но нужно помнить то, что мы говорили выше: при расследовании ритуального убийства мы имеем дело с иррациональными мотивами, а изучение этих иррациональных мотивов требует, с одной стороны, их особого христианского восприятия, а с другой — понимания духовной сути причин и действий, которой руководствовались силы, организовавшие и осуществившие это убийство.

В том, что такие духовные причины могут играть и играют огромную роль в истории политических режимов, можно убедиться на примере не только далекой, но и современной истории. Так, уже давно не является секретом, что в своих действиях вожди национал-социализма руководствовались не только политическими, экономическими, военными и другими причинами, но в первую очередь причинами духовными. А. Гитлер в свое время сказал: «*Тот, кто понимает национал-социализм лишь в политическом смысле — не понимает его совсем. Это больше, чем религия: это воля к созданию нового*

человека».[1] Эти слова не являются пустым звуком или пропагандистским лозунгом, они отражают ту тайную цель по революционному изменению человечества, которую преследовали нацисты. Вопреки общим представлениям национал-социализм был враждебен всем нациям, в том числе и германской, и всем религиям, ибо его целью было установление своего всемирного господства, замена всех идеологий — своей тайной идеологией.

Поэтому не стоит даже и говорить, что изучение версии ритуального убийства не имеет ничего общего с «антисемитизмом» и любыми примитивными формами объяснения таких страшных и сложных преступлений.

Мы должны ответить на главные вопросы: если убийство Царской Семьи было ритуальным, то какой ритуал при этом использовался, кем, с какой целью и какие мы имеем доказательства всего этого?

I. Понятие и практика ритуального убийства

Прежде всего, мы должны иметь четкое представление, что такое ритуальное убийство. Словарь русского языка объясняет слово «ритуал» следующим образом — «*совокупность обрядов, сопровождающих религиозный акт*», а «ритуальный» — «*относящийся к ритуалу, предназначенный для ритуала, связанный с выполнением ритуала*».[2]

Таким образом, ритуальное убийство — это убийство, совершенное с выполнением обрядов, сопровождающих религиозный акт.

Целью ритуального убийства является принесение человеческой жертвы божеству или духу для заключения своеобразного договора с ним о получении помощи в достижении целей, которые ставит перед собой убийца.

Совершая ритуальное убийство, убийца посредством определенных магических обрядов также пытается воздействовать на окружающую его действительность для ее изменения по своему усмотрению.

О.А. Платонов дал свое определение ритуальному убийству: «*Ритуальные убийства*, — пишет он, — *есть кровавый обряд религиозных изуверов-сатанистов, совершаемый с целью установления мистической связи с бесами и злыми духами для привлечения их на свою сторону*».

Таким образом мы видим, что ритуальное убийство всегда носит характер религиозного или магического акта, и его субъекты всегда ставят перед собой цели, находящиеся в иной плоскости, чем у обыкновенных убийц. Цели эти в первую очередь связаны не с завладением

---

[1] *Раушнинг Г.* Говорит Гитлер. Зверь из бездны. М., 1993. С. 188.
[2] Словарь современного русского литературного языка. Т. 12. М.–Л., 1961. С. 1341.

собственностью или иным имуществом жертвы, не вызваны они также и личной неприязнью к ней, хотя вышеназванное и может сопутствовать ритуальному убийству. В основе ритуального убийства лежат не обычные эмоции или корысть, а иные духовные цели, для достижения которых и необходима приносимая жертва. Одновременно, как показывает практика, ритуальное убийство совершается способом, всегда особо мучительным для жертвы, оно сопровождается обильным кровопусканием, отчленением отдельных частей ее тела и глумлением над трупом.

В этом мы сможем убедиться, рассмотрев примеры из древней и современной истории человечества.

1. Ритуальные убийства у древних народов

Ритуальные убийства известны с глубокой древности. Причиной их появления служило ложное понимание человеком природы Бога и истинной сути служения Ему. Библия учит нас, что после грехопадения Адам утратил возможность свободного общения с Создателем, а при его потомках по мере возрастания греха пропасть между Богом и человеком все более увеличивалась. Утратив способность общаться с Богом, человек все более забывал Его образ — образ Любящего и Всемилостивого Отца, а затем целые народы этот образ утратили вообще. Культ Единого Бога заменили культы многочисленных «богов», по христианской терминологии — бесов, которые внушили человеку свое виденье божества и то, как ему надо служить. Эти «боги» могли олицетворяться как в неживой или живой природе — камнях, деревьях, животных, так и в образе чудовищ. Каждый из этих многочисленных «богов» требовал себе отдельного поклонения, обещая человеку за это поклонение различные блага и избавление от напастей. Таким образом, между человеком и этими «божествами» заключался своеобразный договор. Этот договор проводился в жизнь через специально отобранных и подготовленных людей (жрецов или магов), которым «божество» открывало «знания» и давало власть над всеми остальными людьми. Для того, чтобы этот договор все время действовал, «божества» требовали принесения им жертв. У очень многих народов дохристианского периода эти жертвы были человеческие, у других — в виде животных и птиц, но всегда с пролитием крови. Кровь была необходимым условием любой жертвы. При этом с самого начала ритуального жертвоприношения во время его совершения отмечаются особое мучительство жертвы, сексуальные оргии, а также принесение в жертву самого невинного и чистого: девственниц и малолетних детей.

Кровавые жертвы различным «богам» приносились почти у всех народов: у финикийцев это был Молох, в раскаленное чрево которого кидали грудных детей, у карфагенян Кронос, у ацтеков Уицилопочтли, у ирокезов Ариэск. Очень часто и у самых различных народов ритуальные убийства

совершались при погребении усопших. Иногда количество убитых достигало огромной цифры: так, в Китае, когда умер правитель династии Цинь Шихуан, то по приказу императора на тот свет вместе с ним отправились три тысячи красавиц, не имевших детей, а все строители гробницы Шихуана были закопаны живьем. В Индии при ритуальном сожжении махараджи Винджаянагара было также сожжено три тысячи его жен и наложниц. С телом последнего раджи Танджора были сожжены две его жены. Примечательно, что их кости были смешаны с вареным рисом и съедены 12-ю жрецами.

Следует сказать, что все ритуальные человеческие жертвоприношения, по каким бы поводам они ни совершались, никогда не носили хаотичного, спонтанного характера, их целью никогда не было убийство как таковое. Каждое из этих убийств сопровождал особый ритуал, который совершал особый жрец. Жрецы обладали особым знанием, которое они получали от «богов». Эти было устное знание, передававшееся жрецами посвященным кандидатам, которых обычно отбирали и обучали еще в детстве. Потом это знание начали записывать. Особенно полно этими знаниями обладали египетские жрецы. Их знания уходили корнями в такую глубокую древность, что она не поддавалась человеческому летоисчислению. Учение жрецов Древнего Египта легло в основу каббалы и всех оккультных знаний древнего мира, а в современную эпоху — обрядов черной магии.

Единственным народом, который сохранил истинную веру в Единого Бога, был иудейский народ.[1] Богоданное учение Моисея вернуло в память и сердце человечества тот Завет, что дан был ему Богом. Этот Завет строился на 10 заповедях, которые Бог дал человеку как обязательный закон. Среди важнейших этих заповедей были заповеди «*Я Господь Бог твой, да не будет у тебя других богов пред лицем Моим, не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и в воде ниже земли. Не поклоняйся им, не служи им. Не убий*» (Исх. 20, 1–24). Таким образом, человеку запрещалось служить иным «богам» кроме Единого Бога и приносить им жертвы, а также убивать. Бог прямо указывал иудеям на недопустимость человеческого жертвоприношения и всяких магических и оккультных занятий. Когда иудеи должны были попасть в Ханаанскую землю, то Господь через Моисея предупреждал их: «*Когда ты*

[1] Безусловно, Истина была открыта и некоторым другим народам. Скорее всего, ею владели и древние персы. Во всяком случае, учение Заратустры, насколько о нем можно судить, содержало в себе многие элементы, присущие учению Моисея. Не случайно многие персы впоследствии принимали иудаизм, а первыми, кто пришел приветствовать родившегося Христа, были последователи Заратустры — огнепоклонники-волхвы (маги), которым их учитель предсказал рождение Спасителя мира. Но несмотря на это лишь древние иудеи смогли сохранить истинное учение во всей его полноте.

войдешь в землю, которую дает тебе Господь Бог твой, тогда не научись делать мерзости, какие делали народы сии: не должен находиться у тебя проводящий сына своего или дочь свою чрез огонь (т.е. приносить его в жертву — *П.М.*), *прорицатель, гадатель, ворожея, чародей, обаятель, вызывающий духов, волшебник и вопрошающий мертвых; ибо мерзок пред Господом всякий, делающий это, и за сии-то мерзости Господь Бог твой изгоняет их от лица твоего; будь непорочен пред Господом Богом твоим; ибо народы сии, которых ты изгоняешь, слушают гадателей и прорицателей, а тебе не то дал Господь Бог твой*» (Втор. 18, 9–14).

Этими заповедями Богом были безусловно запрещены человеческие жертвоприношения. Жертва Богу должна была быть в виде хлебных злаков, высушенных на огне, а также растолченных зерен.

Тем не менее по учению Моисея были разрешены и жертвоприношения животных, а точнее крупного и мелкого скота мужского или женского пола, «не имеющие порока». В книге Левит разъясняется, в каких случаях приносится жертва Богу и порядок ее приношения. В первую очередь эту жертву мог приносить только священник и только в стенах скинии (храма). Любое убийство животного вне скинии считалось тяжким грехом. Главной целью жертвоприношения было воздать славу Господу и увести людей от жертвоприношениям бесам. «*Чтобы они впредь не приносили жертв своим идолам, за которыми блудно ходят они*» (Лев. 17, 7). Согласно закону Моисея, жертвоприношение не совершалось с целью задобрить Божество и склонить его на свою сторону, а с целью искупить грех человека. Перед принесением жертвы человек должен был раскаяться в своих грехах и ошибках. Смысл древнеиудейского жертвоприношения заключался в движении к совершенствованию, единению с Всевышним. Приносящий жертву иудей ничего не просил у Бога, в отличие от идолопоклонников, а лишь стремился искупить свой грех. «*Это — жертва за грех*», — прямо говорится в книге Исхода (Исх. 29, 14). Приносимое в жертву животное как бы символизировало собой самого грешника. Кроме того жертва в древнеиудейской религии символизировала собой грядущую жертву Христа во имя спасения человечества, так как главный смысл Ветхого Завета заключается в предсказаниях пророков о грядущем Мессии — Спасителе мира.

Как происходило иудейское жертвоприношение? Для жертвоприношения выбиралось самое красивое и лучшее животное, «без порока». Священник должен был возложить руку на голову жертвы и заколоть ее возле дверей храма. Сама жертва в момент убоя не должна была проронить ни звука, чтобы не осквернять своими криками храм Божий. Поэтому убийство происходило быстро: жертве перерезалось горло. После этого другие священники кропили кровью жертвы жертвенник. Все «нечистые» внутренности жертвы — почки, сальник, курдюк, тук, клались на огонь и сжигались.

Это называлось «всесожжением». За отдельный вид грехов, например, за грехи священства, грехи всего общества Израилева и т.п., **полагалось тельца вынести *«вне стана на чистое место, где высыпается пепел»* и сжечь его огнем на дровах** (Лев. 4, 12). (Выделено нами – *П.М.*)

Моисей донес до народа Израиля еще один Божий завет — ни под каким видом не вкушать крови: «*Если кто из дома Израилева и из пришельцев, которые живут между вами, будет есть какую-нибудь кровь, то обращу лице Мое на душу того, кто будет есть кровь, и истреблю ее из народа ее; потому что душа тела в крови, и Я назначил вам ее для жертвенника, чтобы очищать души ваши, ибо кровь сия душу очищает; потому Я и сказал сынам Израилевым: ни одна душа из вас не должна есть крови, и пришлец, живущий между вами, не должен есть крови. Если кто из сынов Израилевых и из пришельцев, живущих меж вами, на ловле поймает зверя или птицу, которую можно есть, то он* ***должен дать вытечь крови ее и покрыть ее землею***» (Лев. 17, 10–13). (Выделено нами – *П.М.*)

Таким образом, мы видим, что жертвоприношение у древних иудеев кардинальным образом отличалось от языческих ритуальных жертвоприношений. Во-первых, оно не заключало в себе цели получения каких-либо материальных или иных корыстных благ от Бога, не преследовало цели «умилостивить» Бога, не сопровождалось ни убийством, ни истязанием человека, не несло в себе мучительства и для животного. Иудейское жертвоприношение животного было своего рода вынужденной мерой для недопущения поклонения идолам, которое было столь распространено в то время в падшем человечестве.

2. Культ Сатаны и сатанинские ритуальные убийства

Современная общественная мысль чаще всего связывает понятие ритуального убийства с евреями как этносом или иудеями как религией. Однако это в принципе неверно. Если мы проследим кровавый путь ритуальных убийств, то мы убедимся, что эти убийства совершались далеко не только одними евреями. Правда, здесь следует признать, что все-таки сами кровавые ритуалы, всевозможные черные мессы, инициации и жертвоприношения были привнесены в Европу кабалистами. Нет также сомнения, что все черные обряды и ритуалы являются обрядами и ритуалами практической каббалы. Но при этом необходимо помнить, что кабалисты враждебны любой религии и национальности, так как заявляют, что их знания гораздо выше этих человеческий понятий. Лидер сегодняшних кабалистов М. Лайтман жалуется: «*Еврейские ортодоксы нас преследуют. Каббала враждебна любой религии, потому что лишает ее куска хлеба*».[1]

---

[1] http://www.izvestia.ru.

Евреи как этнос также враждебны кабалистам. Тот же Лайтман пишет: «*Кто такие евреи? Нет такой нации. Генетически они ничем не отличаются от других народов. Евреи — это группа, которая была выбрана для сохранения знания до тех пор, пока не настанет время открыть его всему миру. У нас не еврейская культура. Понятия "еврейская культура" вообще не существует. А едины мы в том, что в нас существуют одинаковые духовные гены, которые заставляют нас одинаково всех к одной цели двигаться первыми, впереди всего остального человечества. А во всем остальном в нас ничего особенного нет. Мы не нация. Нет такой нации — "евреи"*».[1]

Эти установки кабалистов вызывают отторжение многих ортодоксальных раввинов. Так, раввин А.С. Шаевич сказал о хасидах, которые широко используют каббалу: «*Они, грубо говоря, секта, называйте их "машиахисты", как угодно*».[2]

Учение каббалы (от древнееврейского «kabbalah», что в переводе означает «полученное по традиции»), пришло к иудеям из Вавилонии, куда они были угнаны в плен. Каббала существенно искажает Закон Моисея, изложенное в нем учение о Едином Боге, о бессмертии души, создании мира и предназначении человека. Каббала имеет две части: теоретическую и практическую. Практическая часть каббалы предлагает реальные способы для «раскрытия скрытых сил человека» и способы управления миром. Каббала утверждает, что с ее помощью человек может вызывать ангелов и демонов и заставлять их служить ему.

Практическая каббала легла в основу любой магии, в том числе и сатанистских культов.

Будучи занесенным в Европу, учение каббалы прельстило многих христиан точно так же, как до этого оно прельстило многих иудеев. Силы, которые когда-то привили каббалу иудеям с помощью халдеев, теперь прививали ее христианам с помощью иудеев. Как верно писал неизвестный автор в предисловии к книге монаха Неофита: «*В подобном явлении ничего*

---

[1] http://www.izvestia.ru.

Как здесь не вспомнить знаменитые слова Троцкого, когда к нему явилась еврейская делегация, «состоявшая из самых древних, почтенных и мудрых старцев. Они красноречиво, как умеют только очень умные евреи, убеждали его свернуть с пути крови и насилия, доказывая цифрами и словами, что избранный народ более других страдает от политики террора. Троцкий терпеливо выслушал их, но ответ его был столь же короток, как и сух: «Вы обратились не по адресу. Частный еврейский вопрос меня совершенно не интересует. Я не еврей, а интернационалист».

Троцкому вторил Ленин: «Еврейская национальная культура, — писал он, — лозунг раввинов и буржуа, лозунг наших врагов».

[2] http://www.compromat.ru.

специфически-иудейского нет. Крайний фанатизм всегда сопровождался нравственною извращенностью, изуверством и колдовством, достаточно вспомнить древние христианские секты адамитов, каинитов и им подобных. Еще с незапамятных времен, едва ли не от Вавилона, этой колыбели магии, ведется так, что для успеха некоторых магических операций необходимо нужна кровь, и не какая-нибудь, а именно детская кровь».[1] В условиях отпавшего от Церкви папизма, в условиях все более апостасийного Запада каббала находила все больше приверженцев среди западных христиан. Появляются даже попытки создания «христианской каббалы», где Иисус Христос именуется вторым Сыном Бога, после отпавшего первого — Сатаны. Вся эта сатанинская ересь, соединенная с каббалой, в том или ином виде нашла отражение в учениях катаров, альбигойцев, тамплиеров, кадошей, иллюминатов и, наконец, масонов.

Западноевропейское христианство, будучи поражено проказой папизма, несло в себе с самого начала раскола черты духовного кризиса. Этот кризис с каждым годом развивался все больше и больше. Естественно, что он не мог не затронуть духовного облика как мирян, так и священнослужителей. Крестовые походы познакомили западных христиан, среди которых преобладали рыцари, с иудейскими и вавилонскими «мудростями». Будучи духовно слаба, невежественна и нестойка в вере, часть рыцарей пленилась содержащимися в этих «мудростях» обещаниями всемогущества и власти, а также удовольствий. Многие весьма высокопоставленные представители западноевропейской знати получили посвящение в тайные организации, цели которых были далеки от христианства. Эти тайные организации получили большое влияние в некоторых католических рыцарских орденах, например, в ордене тамплиеров, тайно поклонявшихся рогатому чудовищу Бафомету, на груди которого сиял кабалистический знак пентаграммы.

Участвовали ли при этом евреи в ритуальных убийствах? Вполне возможно. Примеров этому достаточно. Наиболее подробно они были изложены В.И. Далем в его книге о ритуальных убийствах, и игнорирование изложенных в ней фактов бессмысленно.[2] Наиболее известным делом о ритуальном убийстве, по которому обвиняемым проходил еврей, было убийство мальчика Андрея Ющинского, совершенное в Киеве 12 марта 1911 года. Убийство было совершено в усадьбе, принадлежащей еврейской хирургической клинике. Ребенок был найден мертвым с множественными колотыми ранами на теле, коих было насчитано 13, которые, однако, сами по себе не могли бы стать причиной смерти. Смерть наступила от вскрытия убийцами шейных вен.

---

[1] http://oprichnina.pycckie.com.

[2] *Даль В.И.* Записка о ритуальных убийствах. СПб., 1913.

По убийству Ющинского был привлечен некий М. Бейлис. На его защиту поднялась целая плеяда людей, которая, говоря современной терминологией, почиталась в то время «индикатором совести». Среди них были адвокат Н.П. Карабческий и писатель В.Г. Короленко. В результате Бейлис был оправдан судом присяжных «за недосказанностью улик», а дело было прекращено. Вся «мыслящая» Россия ликовала, она очень волновалась за судьбу Бейлиса и была совершенно равнодушна к тому, что изуверское убийство ребенка осталось безнаказанным.

Между тем изуверские убийства христианских детей вызывали ненависть к евреям среди всех христианских народов, что приводило часто к избиению ни в чем не повинного еврейского населения. В то же время вожди еврейства, раввины, большинство которых, и в этом нет сомнения, не имели никакого отношения к убийствам детей, вместо того чтобы отмежеваться от бесспорных фактов участия некоторых евреев в злодействах, категорически отрицали любое такое участие евреев в преступлениях.

В 1911 году в России вышло заявление подписанное 800 раввинами, в котором говорилось: «*С возмущением и негодованием мы отвергаем обвинение в существовании среди евреев секты или отдельных лиц, употребляющих христианскую кровь для ритуальных целей. Еврейский закон, во всем его объеме, неизменный и неделимый, не имеет разновидностей.*

В еврействе нет сект, еврейская религия не дает и не могла дать почвы для кровавого изуверства. Хасиды, как и противоположные им мискаиды, не составляют секты».[1]

Чрезвычайно объективный Л.А. Тихомиров приводит слова одного еврея, А. Алексеева, перешедшего в христианство, человека, по утверждению Тихомирова, удивительно порядочного и искреннего. Алексеев категорически уверял, что «*евреи никогда не употребляли и не употребляют крови христианских детей для религиозных целей, и если я, 70 лет старец, лгу — то да судит меня Господь в день Страшного суда. Аминь*».[2]

Мы верим, что Алексеев был искренен в своих словах, мы верим, что он не знал ни одного еврея, употребляющего кровь христианских младенцев, что он никогда не знал о существовании такого ритуала, мы полностью согласны с ним, что евреи как народ невиновны в этих преступлениях. Но это вовсе не означает того, что изуверы из еврейской секты никогда не существовали и не совершали своих злодеяний.

«*Пусть господа защитники,* — писал Г. Бостунич, — *оставят детские возражения, утверждающие, что если какому-нибудь бедному шапочнику из Гомеля или часовщику из Балты действительно (охотно верю)*

---

[1] Заявление раввинов России. СПб., 1911. С. 4.

[2] *Тихомиров Л.А.* Религиозно-философские вопросы истории. М., 1997. С. 352.

неизвестно о существовании тайной еврейской организации, то такой организации нет».[1]

Мыслящая часть христианского мира понимала, что обвинять в изуверстве весь еврейский народ неверно и несправедливо. В.И. Даль, пытаясь определить, кто же из евреев совершает ритуальные убийства, писал: «*Рассмотрев весь этот ряд ужасных случаев и возмущающих душу происшествий, частично доказанных исторически и юридически, обвинение жидов в мученическом умерщвлении к Пасхе христианских младенцев невозможно считать призраком и суеверием, а должно убедиться, что обвинение это основательно, как равно и общее мнение о употреблении ими крови сих мучеников для каких-то таинственных чар... Никто, конечно, не будет оспаривать, что в странах, где евреи терпимы, время от времени находимы были трупы младенцев, всегда в одном и том же искаженном виде или, по крайней мере, с подобными знаками насилия и смерти... Тут не одно убийство, а преднамеренное мученическое истязание невинного младенца и, следовательно, или наслаждение этими муками, или особенная цель, с ними соединенная... Откуда эти одинаковым образом и умышленно искаженные трупы невинных ребят? Почему находят их там только, где есть жиды? Почему это всегда дети христиан? И, наконец, почему случаи эти всегда бывали исключительно во время или около самой Пасхи?.. Изуверский обряд этот не только не принадлежит всем вообще евреям, но даже, без всякого сомнения, весьма немногим известен. Он существует только в секте хасидов, или хасидым — как это объяснено выше — секте самой упорной, фанатической, признающей один только Талмуд и раввинские книги и отрекшейся, так сказать, от Ветхого Завета; но и тут составляет он большую тайну, может быть, не всем им известен и, по крайней мере, конечно, не всеми хасидами и не всегда исполняется; не подлежит, однако же, никакому сомнению, что он никогда не исчезал вовсе со времени распространения христианства и что поныне появляются от времени до времени между жидами фанатики и кабалистические знахари, которые с этою двоякою целью посягают на мученическое убиение христианского младенца и употребляют кровь его с мистически-религиозною и мнимо-волшебною целью. Польша и Западные губернии наши, служащие со времен средних веков убежищем закоренелого и невежественного жидовства, представляют и поныне самое большое число примеров подобного изуверства, особенно губерния Витебская, где секта хасидов значительно распространилась*».[2]

Таким образом, Даль подчеркивал, что убийствами занимаются далеко не все евреи, а именно секта хасидов. Утверждение это голословное и бездоказательное: Даль не приводит в поддержку этого утверждения никаких фактов.

---

[1] *Бостунич Г.* Правда о сионских протоколах. Митровица, 1921. С. 6.

[2] *Даль В.И.* Указ. соч. С.

Таких фактов, что все хасиды или даже их руководство при всей враждебности последних к христианству причастны к убийству христианских младенцев, нет и по сегодняшний день.

Безусловно, что некоторые евреи принимали участие в ритуальных убийствах христианских детей, безусловно, также, что все эти убийства несли в себе черты ритуала, окрашенного в талмудо-иудейские тона и имели кабалистические корни. Но это не означает, что эти еврейские изуверы принадлежали к так называемому ортодоксальному иудаизму или даже хасидизму, что они выполняли ритуалы именно хасидов или иного направления в иудаизме.

Истинными виновниками ритуальных убийств являлись не столько иудейские фанатики, будь они хасиды или ортодоксы, а сила гораздо страшнее и могущественнее, чем они. Более того, сила эта была заинтересована в том, чтобы все воспринимали эти убийства как дело рук исключительно евреев.

Участие евреев в этих убийствах объяснялось не тем, что они принадлежали к еврейскому этносу, и не тем, что этого от них требовали законы иудейской религии, а тем, что они принадлежали к определенному изуверскому сообществу, определенной изуверской секте, к которой примыкали и многие «христиане».

В связи с этим совершенно справедливыми представляются нам слова Императора Николая Павловича, сказанные им по вопросу об участии евреев в ритуальных убийствах: «*По моему мнению, между евреев существуют, вероятно, изуверы или раскольники, которые христианскую кровь считают нужною для своих обрядов. Сие тем более возможным казаться может, что, к несчастью, и среди нас, христиан, существуют иногда такие секты, которые не мене ужасны и непонятны, например, сожигальщики и самоубийцы. Словом не думаю отнюдь, чтобы обычай сей мог быть общим евреям, не отвергаю, однако, чтобы среди них не могли быть столь же ужасные изуверы, как и между нас, христиан*».[1]

То обстоятельство, что наибольшее число ритуальных убийств, ставших известными, были совершены евреями, или евреи подозревались в их совершении, вовсе не означает, что больше их никто не совершал. Просто те случаи, где подозреваемые или виновные были евреями, становились широко известными общественности, вначале из-за стремления лишний раз обвинить именно евреев, а затем из-за стремления во что бы то ни стало именно их оправдать. Но вот что интересно: за 19 лет до процесса Бейлиса, в 1892 году, в России прошел еще один процесс о ритуальном убийстве, о котором почти забыли и который редко, в отличие от Бейлиса, вспоминают. Между тем речь шла вовсе не о евреях. 6 мая 1892 года в селе Старый Мултан Удмуртии был

---

[1] *Бостунич Г.* Указ. соч. С. 14.

найден убитым православный крестьянин Матюнин. При этом труп был обезглавлен, обескровлен, с вырезанными внутренностями. По обвинению в совершении настоящего преступления была задержана группа крестьян-удмуртов, которых называли тогда «вотяками». В ходе следствия были добыты неопровержимые доказательства того, что эта группа 4 мая 1892 года, напоив Матюнина допьяна, подвесила его, нанесла ему множественные колото-резанные раны, вскрыла ему брюшную полость, извлекла оттуда внутренности и кровь «*для употребления их вовнутрь*».

Налицо были все признаки ритуального убийства. Как вы думаете, кто был защитником у этих изуверов-вотяков, кто называл официальное следствие «полицейской фальшивкой», кто с пеной у рта доказывал «варварство русской полиции»? Все те же В.Г. Короленко и Н.П. Карабчевский. Именно их стараниями дело было замято и прекращено. До сих пор принято называть Короленко и Карабчевского «совестью России», мы же их назовем тем, чем они были — адвокатами дьявола.

Нет никаких сомнений, что между убийствами христианских младенцев и убийством Матюнина есть прямая параллель. Между тем в одном случае в убийствах были замешаны евреи, в другом вотяки, но почерк преступления от этого не менялся. Можно не сомневаться, что существуют сотни подобных же ритуальных убийств, где ни евреи, ни вотяки не принимали участия, а почерк убийц будет одинаков.

Примеры, когда ритуальные убийства совершались выходцами не просто из христианской среды, но из высшего европейского дворянства, имеются в большом количестве, достаточно только привести пример соратника Жанны д'Арк маршала Жиль-де-Лаваля, барона де Ретца, во время черных месс в поисках философского камня умертвившего 800 детей.[1]

И в наши дни ритуальные убийства имеют широкое распространение и всегда носят сатанинский характер. (Наиболее известные случаи в России: убийство ритуальным сатанинским ножом на Православную Пасху трех монахов Оптиной Пустыни, убийство подростками-сатанистами их шестнадцатилетнего православного одноклассника, убийство сектантом-кришнаитом иеромонаха, совершенное в храме, причем убийца отчленил священнику голову и положил ее на алтарь, убийство ритуальным сатанинским ножом 17-летней девушки и т.д.)

Множество подобных примеров можно встретить в Европе и в США.

Ритуальные сатанинские убийства стали такой реальной опасностью, что сотрудники полиции со всей Европы собрались в Гааге на однодневную конференцию, посвященную расследованиям ритуальных убийств.

---

[1] *Нечволодов А.* Сказание о Русской земле. СПб., 1913. Ч.3. С. 91.

Мы видим, что, несмотря на различные национальные особенности этих преступлений, их почерк остается одинаков во всем мире и все эти преступления носят признаки культа Сатаны.

Культ Сатаны приобрел большие размеры в конце XIX века. При этом сатанизм был всегда неразрывно связан с символикой и обрядами практической каббалы. Каббала становится настольной книгой Блаватской, Папюса, Гурджиева, Кроули. Крупнейший сатанист А. Кроули в своей книге «Каббала Алистера Кроули» описал Каббалу не как «*малопонятное учение евреев, а как стройную философскую систему европейского типа, основанную на числах*».[1] При этом он впервые полностью открыто опубликовал методы ее практического применения.

Современные сатанисты считают, что в начале XX века «*наметилось сближение науки и магии. Дело шло к легализации сатанизма*»[2].

Сегодня сатанизм представляет собой крайне опасную, реальную силу, с которой приходится все более и более считаться. Эта сила уже не может восприниматься как некая «страшилка» или народный фольклор. Независимо от того, как воспринимают происхождение этой силы, с позиций духовных или же материалистических, она существует и с каждым днем все более дает о себе знать. В свое время президент США Р. Рейган официально признал сатанизм равноправной религией американского народа, сегодня это происходит в Великобритании. Первые признаки эпидемии сатанизма намечаются и у нас в России.

В предисловии к книге «Люди погибели», труда, написанного в соавторстве профессора психиатрии, сотрудника правоохранительных органов и православного священнослужителя, говорится: «*Надо сказать, что в жизнь нашего общества сатанизм вошел достаточно прочно. На сегодняшний день приходится говорить о сатанистах как о некоей вполне реальной силе: они объединены в жестко структурированные организации, имеющие, как правило, разветвленную сеть местных отделений, ведут активную вербовку сторонников, издают и распространяют книги и периодику, пропагандирующие сатанизм. Известно, что сатанисты располагают различными видами оружия, как холодного, так и огнестрельного, и, судя по реальным фактам, вполне серьезно относятся к возможности проведения масштабных террористических актов, направленных, в первую очередь, против Русской Православной Церкви*».[3]

Сатанизм может быть явным и законспирированным, он включил в себя сотни различных ересей, сект и тайных обществ — имя им Легион. Часто внешне эти ереси и общества отличаются друг от друга и даже как буд-

---

[1] *Кроули А.* 777. Каббала Алистера Кроули. М., 2003.
[2] http://blacklig.ru.
[3] Люди погибели. Сатанизм в России: попытка анализа. М., 2000. С. 4.

то входят в противоречие друг с другом. Представители некоторых из них могут даже говорить о том, что они верят в Бога, борются с сатаной и так далее. Другие уверяют, что в их учениях нет места для Бога и дьявола, отрицают их существование, заверяют, что их главная цель — возвращения к первобытному Хаосу. Но эти различия являются чисто внешними, а утверждения — ложными. Согласно святоотеческому учению, мы помним, что дьявол может являться в образе ангела и даже Бога. «Спрашивай духа: откуда ты?» — учат нас святые отцы. Главной отличительной чертой всех этих обществ и ересей, является неприятие истинного Христа, Его Учения, Церкви. Ненависть ко Христу-Спасителю переполняет сатанистов, является основой всей их деятельности. Главными и постоянно повторяющимися словами черной мессы является восклицание: «*Назорей умер!*». В этом сатанисты полностью единодушны с высшим масонством и кабализмом.

Но эта главная сущность сатанизма, которая присуща всем тайным обществам и тоталитарным сектам, открывается только для избранных, достигших определенной степени посвящения. И лишь в некоторых из них, явных сатанинских организациях, поклонение злу декларируется открыто. Сатанинские сообщества достигли в XX веке большого влияния на политику и власть. Они невидимо стоят за революциями, войнами и катаклизмами ушедшего столетия, стоят они и за самыми ужасными и громкими его преступлениями. Это не предположения и фантазии — это реальность. У нас нет возможности в рамках настоящего труда подробно рассматривать тему сатанизма во власти. В качестве одного лишь примера мы предоставим слово современным сатанистам, которые рассказывают о своих методах проникновения в политические и общественные движения.

Одна из крупнейших современных сатанинских организаций, имеющая глубокие корни, ONA (Order of Nine Angles — Орден Девяти Углов) рассказывает о том, как ее адепты проникали в политические движения современности. Речь идет о молодой девушке: «*Она искала и нашла уже существующую группу и была инициирована. Она изучала учение, предпринимала герметические работы и участвовала в церемониальных ритуалах. Через несколько месяцев она предприняла Ритуал Степени Внешнего Адепта, после чего она начала получать опыт, исполняя определенные роли. Первая роль, которую она выбрала, была роль соблазнительной зловещей ведьмы. У нее было много забав, соблазняя и манипулируя, исследуя свою сексуальность — садизм, sapphism, оргии. Через 6 месяцев она почувствовала, что училась достаточно и двинулась дальше, к созданию собственного Храма, в котором играла роль Хозяйки. Она вербовала членов, совершала церемониальные ритуалы, обучала, инициировала и т.д. Она изучила много техник манипуляции, развила навыки во всех формах магии. Через год она решила, что извлекла достаточно из своей роли. По совету человека, который вел ее прежде,* ***она присоединяется к экстремистской политической группировке и играет роль ре-***

волюционного активиста (как Свердлов, Троцкий – *П.М.*). *Она переносит и совершает насилие сама, была несколько раз арестована. Она приобретает в пределах этого нового* ***мира репутацию жесткого фанатика.*** *Постепенно она вовлекается в подпольную работу весьма сомнительного характера и обучается вооруженной революционной войне. Она посещает товарищей в других странах и участвует в нескольких операциях, в одной из которых убивает человека.* ***Конечно, она выбрала жертву согласно сатанинским принципам, но заставила ее товарищей думать, что это было совершено из-за ее революционных убеждений*** (читатель может оценить, как это похоже на убийство Царской Семьи – *П.М.*). *Через несколько месяцев она отходит от подпольной работы и от своих политических обязательств. Она делает все так, чтобы это показалось правдоподобным ее товарищами. Затем она предпринимает Ритуал Степени Внутреннего Адепта, после чего уезжает заграницу, внешне весьма респектабельная. Постепенно в профессии, которую она выбрала (с помощью старых товарищей ее революционных дней), она получает возможность тонкого влияния. Тайно она обучает и ведет двух учеников по пути сатанизма. Те, кто ничего не знает о ее прошлом и ее секретной преданности сатанизму, уважают ее и даже немного боятся из-за ее уникального, сильного характера. Она собирает вокруг себя маленький круг (главным образом, молодых людей, некоторые из которых являются ее любовниками) и общедоступно воспитывает их, как и должна Сатанинская Хозяйка. Они, конечно, ничего не знают о ее тайной жизни, если она не желает этого. Так она ведет нескольких из них, возможно, оттачивая на них свои черты характера и таланты*».[1] (Все подчеркивания наши – *П.М.*)

Не правда ли, как это похоже на нашу революционную действительность, на деятельность тех, кто руководил сатанинской революцией в России, и как после этого становятся понятными чудовищные по жестокости случаи массовых убийств, совершенные большевиками и нацистами? Не приходится удивляться, что многие руководители революционных движений были близки к сатанизму. Карл Маркс писал «сатанинские стихи», русские народовольцы называли свои организации «Адом», «Черным переделом» и т.п., Петрашевский глумился над иконами, Троцкий *«внимательно изучал исследования о бесах или демонах, об их князьях, дьяволе и об их темном бесовском царстве»*.[2]

Все сатанинские организации строятся по принципу масонских лож, где есть новички, инициированные, адепты (внутренние и внешние), сатанинские мастера (хозяйки), гранд-мастер или великая госпожа. О последних сатанисты говорят: «*Мастер или Госпожа будут еще чем-то естест-*

---

[1] http://ofabys.ru.
[2] *Емельянов Ю.* Троцкий. Мифы и личность. М.: Вече, 2003. С. 122.

венным. То есть обладающими индивидуальным характером и спонтанными из-за этого. И, конечно, все еще людьми. Гранд Мастер (или Великая Госпожа) уже вне этого и почти необъяснимы».[1] То есть, выражаясь проще, демоническое в них вытеснило всякую человеческую индивидуальность.

Эти «гранд-мастера» и «великие госпожи» являются главными посредниками между сатанинскими силами и человеческим миром, именно они направляют и организовывают деятельность всех разрушительных организаций мира. Эти сущности, назвать их людьми уже не поворачивается язык, наднациональны.

Какие цели ставит перед собой сатанизм? Главной и единственной целью сатанизма является уничтожение Божьего мироздания, недопущение Второго Пришествия Господа Иисуса Христа, уничтожение христианства, уничтожение человечества вообще, погружение мира в «первобытный Хаос», победа сатаны над Богом, торжество не Божьей Любви, а сатанинской ненависти. Утверждая это, мы вроде как входим в противоречие с тем, что заявляют сами сатанисты, ибо они говорят, что их цель «освобождение человека из-под рабства религии», полное открытие его личности и возможностей, но при этом добавляют, что это все произойдет при возвращении в первобытный Хаос. Но, как известно, в первобытном Хаосе не было человека. Таким образом, чтобы вернуться в первобытный Хаос нужно вначале уничтожить человека. Сначала духовно, оторвав его от Бога, разрушив все авторитеты, государства, общества, семьи, церкви, разрешив ему удовлетворять самые низменные желания, впоследствии убивать, погрузив его в тьму наркотиков, пьянства, виртуального безумия — а затем и физического, так как вышеназванное духовное разложение неминуемо ведет к физической гибели.

Сатанизм, вопреки всем уверениям сатанистов, есть настоящая религия — религия ненависти и зла, религия сатаны. А то, что вкладывают в понятие «сатанизм» ее пешки — рядовые сатанисты, верят ли они или нет в существование дьявола — абсолютно не волнует их инфернальных хозяев, ибо, в конечном счете, рядовые адепты их религии должны быть уничтожены, как и все остальные люди.

Для осуществления своих целей по уничтожению Божьего мироздания сатанисты сначала должны захватить и полностью подчинить себе человеческое общество и уничтожить христианство, что мы сейчас и наблюдаем. В современном мире пропаганда сатанизма в литературе, театре, кинематографе и главное телевидении и виртуальных играх достигла колоссальных размеров.

---

[1] http://iriney.vinchi.ru.

Важнейшим оружием сатанистов является магия, а важнейшим элементом магии — человеческое жертвоприношение. Ниже на нескольких примерах мы рассмотрим, какие особенности имеют жертвоприношения у сатанистов и можно ли их назвать кабалистическими.

Начнем с того, что, как мы уже говорили, кабалистическая символика играет заметную роль у сатанистов. Главными символами сатанизма является пентаграмма (чаще перевернутая) и шестиконечная звезда, вернее два соединенных треугольника как бы в зеркальном отображении. Последний знак у сатанистов называется гексаграмма. Вот, что пишут о ней сами сатанисты: «*Гексаграмма Пирамиды эгрегора Тьмы. Используется для медитации. Нужно начертить этот символ на полу и сидеть в центральном треугольнике*».[1]

Обычно треугольник с поднятой вершиной окрашивают в черные цвета, а опущенный вниз — в белый. Это обозначает ниспровержение Бога и возвышение дьявола.

Однако следует учесть, что сатанистов в каббале интересует только ее практическая часть, то есть — магия. Ее философскую часть они официально игнорируют, а некоторые даже презирают. Мы глубоко убеждены, что сатанизм в своем стремлении к мировому господству использует и подчиняет себе всех, кто по тем или иным причинам может быть ему полезен. Главный критерий для заключения союза с сатанистами — ненависть ко Христу-Спасителю. Так в сети сатанизма попадали тамплиеры, масоны, всевозможные оккультисты и прочие. По нашему мнению, то же самое произошло и с кабалистами-иудеями. Отринув Христа и объявив Ему войну, они неминуемо должны были отринуть и учение Моисея, а отринув учение Моисея в его первозданном виде, они в борьбе с христианством неминуемо воспользовались полученном от халдеев учением, где магия, колдовство и так далее допускались и поощрялись. Кабалисты-иудеи, которые наиболее погрузились в магические знания, в своей ненависти ко Христу неминуемо становились служителями не Иеговы, а сатаны. Эти кабалисты-иудеи и их потомки, безусловно, составляют элиту современного сатанизма, но было бы глубокой и наивной ошибкой считать, что только в них сатанизм и заключается. Еще более глубокой ошибкой было бы полагать, что все современные иудеи, в том числе и раввины, — сатанисты. Конечно, это не так, и далеко не так. Сатанизм интернационален, и то, что он окрашен в кабалистические цвета, не делает его «еврейским». Вспомним, что иудеи получили каббалу от халдеев, те от египтян, египтяне от еще более древней жреческой касты. Следы сатанизма видны и в скандинавских рунах, и в магическом алфавите кельтов, и в тайнописи майя. Но было бы безумием считать шведов или мексиканцев сатанистами.

---

[1] http://ofabys.ru.

Поэтому нелепо считать, что сатанисты являются обязательно каббалистами, в том смысле, что они руководствуются всей каббалой как основой для своей деятельности. Мы убеждены, что Свердлова, Юровского и даже, возможно, Якова Шиффа мало волновала заумная книга Зоара, которую сами кабалисты трактуют по-разному, зато их волновало, как с помощью магических приемов каббалы получить власть над миром. Свердлов, Троцкий, Юровский и иже с ними, по нашему глубокому убеждению, получили инициацию не столько в каббалу, столько в сатанизм, и их участие в революционной партии большевиков объяснялось теми же причинами, что и в случае примера с девушкой-сатанисткой из «Девяти Углов». При этом власть нужна сатанистам не сама по себе, а для достижения их высшей цели — наступления царства зла, полной осатанелости людей. «*Власть,* — утверждают руководители сатанинской секты «Орден Храма Сатаны» (OTS), — *не цель сама по себе для сатаниста, является ли это властью над отдельным индивидуумом или властью над империей, охватывающей континенты. Власть, то есть способность сделать так, чтобы другие следовали за вашим собственным желанием, является просто средством для достижения второй сатанинской цели — свободы действия. Это кажется эгоистичным отношением, и это так... Если огромное большинство населения — массы — могут быть превращены в эффективный инструмент, чтобы обслуживать цели сатанинского мага, то пусть будет так. Фактически сатанист делает это для их же пользы...*"[1]

Для каких же целей сатанисты осуществляют свои человеческие жертвоприношения? Сами сатанисты уверяют, что они необходимы для так называемой «Зловещей диалектики», то есть сатанинской стратегии. Их главное предназначение:

«а) использование черной магии для изменения людей/события в значительном масштабе;

б) чтобы получить контроль и влияние;

в) использование сатанинских форм (люди, влияние и т.д.), чтобы произвести/вызвать изменения».[2]

Сатанинская организация ONA дополняет эти предназначения:

«Смысл жертвоприношения следующий: 1. Жертва расценивается как дар Князю Тьмы. Этот дар, однако, иногда предлагается Темной Богине, невесте нашего Князя. 2. Человеческое жертвоприношение — мощная магия. Ритуальная смерть индивидуума делает две вещи: это освобождает энергию, которая может быть направлена или запасена, например, в кристалле, и это привлекает темные силы или сущности. 3. Акт помогает саморазви-

[1] http://iriney.vinchi.ru.
[2] http://iriney.vinchi.ru.

тию участников и способствует эволюции, усиливая жизни индивидуумов. 4. Устраняет возможные помехи развитию сатанизма. 5. Вовлеченность всего храма в планирование, выбор жертвы, репетиции испытаний сплачивает участников и (в самом акте) повязывает их кровью».[1]

Кто становится жертвой сатанистов? Сатанисты отвечают: «*Сначала выбирается жертва, чье устранение активно принесет пользу целям сатанистов. Кандидатами могут быть ревностные Назаряне* (т.е. христиане – *П.М.*), *делающие попытки подорвать установленные сатанинские группы или Ордена, политики, чьи действия вредят духу сатанизма, и те, чье удаление поможет зловещей диалектике /или улучшит человеческий род».*[2]

Сказано предельно ясно и подтверждается всеми известными случаями этих преступлений. Но иногда жертвами сатанистов становятся и свои единоверцы, которые по тем или иным причинам оказываются опасными секте.

Как проходят сатанинские жертвоприношения? Сатанисты сообщают: «*Жертвоприношение имеет две формы: 1) в течение ритуала; 2) практическими средствами (например, убийство, "несчастный случай") без каких-либо магических атрибутов. Если выбрана вторая форма, то ритуал жертвоприношения может быть еще предпринят с "символическим" изображением жертвы (например, нареченная именем жертвы восковая статуэтка).*

Фактическое исполнение акта жертвоприношения независимо от того, совершается ли оно в течение ритуала или иначе, ***должно быть тщательно запланировано и сделано обдуманно.*** *Это планирование подразумевает, что даже если жертвоприношение произошло в течение ритуала,* ***это не будет замечено как сатанинский акт.*** *Сегодня и в недавнем прошлом большинство жертвоприношений относится ко второму типу, и рассматриваются другими (например, полицией) как «немотивированные преступления».*[3] (Выделено нами – *П.М.*)

Сами жертвоприношения происходят по уже знакомому нам сценарию, хотя частности могут отличаться у разных сатанинских сект. Но есть важные детали, которые соблюдаются всеми сатанистами. 1. Убийство жертвы происходит не в храме, а там, где она содержалась. 2. Ритуал жертвоприношения начинается в полночь, но само убийство происходит позднее. 3. Убийство происходит в канун большого христианского праздника, или наоборот — сатанинского праздника. 4. Убийство совершается ритуальным ножом или, во всяком случае, с использованием такого ножа

---

[1] http://iriney.vinchi.ru.
[2] http://iriney.vinchi.ru.
[3] http://iriney.vinchi.ru.

и обильным кровопусканием. «*Кровь убитого*, — объясняют сатанисты, — *используется для помазывания паствы и приготовления священных пирогов,* ***которые съедаются на следующем собрании. Ранее голова убитого сохранялась в храме на день и ночь и показывалась новым инициированным»*** (выделено нами – *П.М.*).[1] 5. После убийства «*труп расчленяется, внутренности вынимаются, сердце и мозги съедаются учителем, менее ценные органы раздаются остальным сатанистам в зависимости от их места в иерархии.* ***Останки вывозятся в лес, обливаются бензином и сжигаются, а затем закапываются. Документы убитого тоже сжигаются, а деньги идут в общак»***[2] (выделено нами – *П.М.*) 6. Ритуал проходит многоступенчато, по мере развития «черной мессы» возрастает его таинственность и засекреченность. На самых последних этапах остаются лишь самые посвященные в культ сатаны члены секты. Один из сатанистов, пойманный на преступлении, рассказывал врачу-психиатру, исследовавшему его, что на «черной мессе» *«все распределено по ступеням, и мне самого таинственного не показали»*.[3] 7. Ритуальное сатанинское убийство, как и все ритуалы сатанистов, всегда сопряжено с глумлением над Именем Иисуса Христа и Его Церкви, которые в том числе заключаются в копировании с точностью до наоборот Божественной Литургии и принесения Бескровной Жертвы.

Ритуальные убийства сатанистов могут иметь национальные особенности в зависимости от той страны и того народа, к каким принадлежат исполнители этих убийств. Иногда в этих ритуалах встречаются элементы той или иной религии, какая присуща этим странам и народам, но, как и в случае с Православием, они имеют противоположное им значение. **То есть сатанизм, хотя главным врагом у него и является христианство, глумится над всеми религиями, обращая все их заветы в прямую противоположность**. Так, христианство учит любви, смирению и прощению, а сатанисты — ненависти, гордыне и мести; иудаизм Моисея запрещает колдовство, половые извращения, вкушения крови — сатанисты все это возводят в культ; буддизм учит ценить и любить все живое, не причинять боли животным — сатанисты мучают и убивают их.

Мы дали краткое описание ритуальных убийств, которые имели место в разные эпохи и среди разных народов. Теперь мы перейдем к подробному рассмотрению Екатеринбургского злодеяния в свете всего вышеизложенного.

---

[1] http://ofabys.ru.

[2] Люди погибели. С. 60.

[3] Там же. С. 68.

II. Екатеринбургское злодеяние в свете ритуального убийства

1. Поводы для рассмотрения версии о ритуальном убийстве Царской Семьи

Поводами для возникновения версии о ритуальном убийстве Царской Семьи явились следующие обстоятельства: 1) найденная следователем Н.А. Соколовым на стене комнаты Ипатьевского дома, где произошло убийство Царской Семьи, надпись из четырех знаков, определенная специалистами по древней тайнописи как кабалистическая и расшифрованная ими как извещение народов об убийстве Государя Николая II тайными силами, 2) найденная следователем Соколовым на стене комнаты Ипатьевского дома, где произошло убийство, надпись на немецком языке, представляющая собой отрывок из стихотворения Гейне, в котором речь шла о царе Валтасаре, оскорбившем Иегову и умерщвленным за это оскорбление, 3) показания свидетелей по уголовному делу о том, что ими были замечены возле Ипатьевского дома и возле места уничтожения тел Царской Семьи люди, похожие на раввинов, с «черными, как смоль, бородами» 4) версия об отчленении голов Императора Николая II, Императрицы Александры Федоровны и, возможно, Наследника Цесаревича Алексея Николаевича и увоза их большевиками в неизвестном направлении, 5) иные обстоятельства, свидетельства и факты.

При всей значимости приведенных выше обстоятельств сами по себе они не являются прямыми доказательствами того, что убийство Царской Семьи было ритуальным, так как напрямую к самому убийству не относятся. Для того чтобы выяснить, насколько, разумеется, это возможно, являлось ли убийство Царской Семьи ритуальным, мы должны провести анализ события преступления, его места, личностей его исполнителей, каким методом оно было совершено и сравнить все это с имеющейся практикой ритуальных убийств. А для этого надо провести сравнительный анализ всех имеющихся показаний и воспоминаний тех, кто принимал или соучаствовал в совершении этого преступления.

Во время работы Правительственной Комиссии по захоронению найденных под Екатеринбургом останков, которые она признала за останки Царской Семьи, председателю этой комиссии со стороны епископата Русской Православной Церкви, среди прочих, был задан вопрос: «*Являлось ли убийство Царской Семьи ритуальным?*». Ответ, впрочем, вполне предсказуемый, был дан старшим прокурором-криминалистом Главного следственного управления Генеральной прокуратуры РФ В.Н. Соловьевым. Соловьев заявил, что ни одно законодательство мира не знает такого понятия, как ритуальное убийство. Не было его даже в «*фашистской Герма-*

нии, где евреи преследовались повсеместно». Таким образом, Соловьев изначально связал вопрос о ритуальном убийстве с евреями, априори считая, что совершить его могли только иудеи. Исходя из этого положения, Соловьев заявил, что *«иудаизм подчеркнуто отрицательно относится к употреблению крови»*.[1] Все свои дальнейшие «исследования» ритуального характера убийства Соловьев построил вокруг доказательства невиновности в этом преступлении именно евреев.

При этом Соловьев привел несколько фактов из древней истории, в которых доказывался сам факт существования ритуального человеческого жертвоприношения. Кроме того, Соловьеву как криминалисту с большим опытом расследования именно умышленных убийств, не могли быть неизвестны, хотя бы из официальной прессы, случаи ритуальных убийств. Изначально запутавшись в собственных высказываниях и пойдя по неверному пути сведения ритуального убийства к делу рук именно евреев как национальности или евреев как иудеев, Соловьев привел те условия, при которых должно было бы совершаться еврейское ритуальное убийство: «*Для ритуальных действий*, — пишет он, — *характерны их строгая последовательность, повторяемость, сакральный смысл, они приурочены к определенным датам. Итак, если свести воедино различные упоминания о "ритуальных убийствах", то они должны, по-видимому, обладать следующими признаками:*

1) совершения убийства только евреями, фанатичными членами иудейских сект;

2) время совершения убийства связано с иудейскими праздниками (пасхой или праздником Пурим);

3) убийство преимущественно младенцев;

4) обязательное использование крови убитых в ритуальных целях (для приготовления мацы и др.);

5) обязательное использование при убийстве и при получении крови острых режущих предметов (В.И. Далем и другими авторами не зафиксировано ни одного случая убийства с помощью огнестрельного оружия)».[2]

Руководствуясь исключительно книгой В.И. Даля (имена «других авторов» не приводятся) Соловьев изначально пошел по ложному, с нашей точки зрения, пути, взяв за основу лишь описываемые у Даля случаи ритуального убийства христианских младенцев и совершенно не исследовав обстоятельства, при которых совершались и совершаются сатанинские ритуальные убийства. Совершенно не подвергнув исследованию и анализу показания и воспо-

---

[1] Покаяние. Материалы Правительственной комиссии по изучению вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением останков Российского Императора Николая II и членов его семьи. М.: Выбор, 1998. С. 242.

[2] Покаяние. С. 253.

минания соучастников убийства, приняв их безоговорочно, Соловьев начисто отмел как несерьезные утверждения Энеля о кабалистической надписи на стене дома Ипатьева и сделал вывод, что «*суммируя изученные данные, можно прийти к выводу о том, что решение о расстреле семьи последнего российского Императора Николая II, членов его семьи, а также посмертные манипуляции с телами погибших не имеют признаков так называемого "ритуального убийства" и напрямую связаны с политическими и организационными вопросами, прежде всего в деятельности Президиума Уралсовета и УралоблЧК*».[1]

На наш взгляд, никакого — ни исторического, ни криминалистического изучения официальной большевистской версии убийства Царской Семьи Соловьевым проведено не было, а без такого изучения утверждать, что убийство не носило ритуального характера, нельзя. Но Соловьев должным образом даже не исследовал те признаки ритуального убийства, которые сам он и выдвинул. Если Соловьев все же провел бы подобное исследование, сопоставил обозначенные им признаки с обстоятельствами убийства Царской Семьи, то он бы увидел поразительное их совпадение.

Но так как Соловьев этого не сделал, то нам придется самим провести сравнение всех имеющих значение обстоятельств убийства Царской Семьи с имеющимися признаками ритуального убийства. Однако мы не будем ограничиваться лишь книгой Даля, в которой описываются ритуальные убийства, произведенные изуверами из еврейской среды, а будем руководствоваться всей совокупностью известных нам случаев ритуальных убийств.

Исходя из возможного предположения, что Царская Семья была убита ритуально и исходя из уже известных нам обстоятельств, при которых совершаются ритуальные убийства независимо от того, какой национальности были убийцы, нам представляется необходимым подвергнуть анализу:

а) место убийства;

б) день и время убийства;

в) как произошло убийство (сравнить показания и воспоминания соучастников);

г) способы убийства (применение огнестрельного и холодного оружия);

д) личности убийц; присутствие при убийстве и при уничтожении тел убиенных духовных лиц, совершавших ритуал;

е) кабалистическую надпись на стене комнаты Дома Ипатьева;

ж) сакральность убийства;

з) выводы следствия Н. А. Соколова об уничтожении трупов и отчленении голов убиенных.

[1] Там же. С. 260.

Надеемся, что проведенный анализ позволит нам хоть немного приподнять занавес над таинственным и столь важным вопросом ритуального убийства Царской Семьи.

2. Место убийства Царской Семьи: Ипатьевский дом — Дом Особого Назначения

Первый вопрос, который возникает в связи с местом убийства Царской Семьи: почему местом ее заключения был выбран Ипатьевский дом? Большевики утверждали, что это место было выбрано потому, что дом-де стоял на отшибе и представлял собою хорошо укрепленный, хорошо контролируемый объект. То же самое писал брат владельца дома В.Н. Ипатьев: «*Дом брата находился на большой Вознесенской площади и был угловым, а поэтому его легко можно было изолировать от других жилых помещений. Все эти обстоятельства и послужили основанием, почему он был выбран для убийства царя и всей его семьи*».[1]

Однако эти утверждения недостаточно убедительны. Тот, кто бывал в Екатеринбурге, хорошо знает, что Ипатьевский дом находился на пересечении Вознесенского проспекта (сейчас он обзывается проспектом Карла Либкнехта) и Вознесенского переулка на склоне Вознесенской горки. В этом месте Вознесенский проспект идет вниз, под гору. Дом Ипатьева был построен с учетом рельефа западного, наиболее крутого склона Вознесенской горки. Главный фасад, обращенный на Вознесенский проспект, имел один этаж, западный фасад, выходивший в усадебный сад — два этажа. Вследствие такой структуры образовался подвальный объем, углублявшийся в склон горы своей восточной частью.

Так было и в 1918 году, причем тогда этот спуск был еще круче, после сноса дома его срыли, и Ипатьевский дом частично находился ниже проспекта. Ипатьевский дом был построен на самом склоне Вознесенской горки, а на ее вершине находились и сейчас находятся Харитоновские палаты и Вознесенская церковь.

С вершины Вознесенской горки открывался прекрасный вид на Ипатьевский дом и его сад. Фактически оттуда можно было наблюдать за Домом Особого Назначения. Еще лучший обзор был с колокольни церкви. Во дворце Расторгуевых-Харитоновых размещался Горный Институт, туда свободно могли приходить разные люди, среди которых могли быть и участники предполагаемого освобождения Царской Семьи.

С точки зрения большевиков, гораздо логичнее было бы поместить Царскую Семью в тюрьму. Для этого надо было освободить какое-нибудь

---

[1] *Ипатьев В.Н.* Жизнь одного химика. Воспоминания. Т. 2. Нью-Йорк, 1945. С. 38.

крыло этой тюрьмы, провести косметический ремонт помещений и можно быть спокойным, что Царская Семья никуда не денется за железными запорами. Кроме того можно было освободить здание, где помещалось тюремное начальство, в крайнем случае можно было найти особняк, более приспособленный для роли тюрьмы. Видимо, заранее предвидя подобные вопросы, А.Г. Белобородов в своих воспоминаниях писал: «*Одно время мы даже предполагали поселить Николая в тюрьме. Вместе с т. Голощекиным, кажется, два раза ездили осматривать Екатеринбургскую тюрьму и арестный дом, наметили даже к освобождению один из небольших тюремных корпусов. В конце концов, наш выбор остановился на особняке Ипатьева*».[1]

Причины этого выбора Белобородов не объясняет. Ведь с большевистской точки зрения выбранный особняк мало соответствовал требованиям изолированной тюрьмы. Конечно, у него было два преимущества: обособленность от других зданий, наличие в нем телефонной связи и удачного для тюремщиков расположения комнат. Но Ипатьевский дом — кроме того, что он хорошо просматривался с вершины Вознесенской горки — находился почти на окраине города, недалеко от него был вокзал Екатеринбург-I, а также дорога, идущая в загородном направлении. В случае организации побега Царской Семьи расположение Ипатьевского дома было бы весьма выгодно для потенциальных заговорщиков. Уйти от преследования из дома Ипатьева им было бы гораздо легче, чем, скажем, из центра города, где узкие улицы легко перекрывались отрядами ЧК.

Все это наводит на мысль, что причина выбора Ипатьевского дома в качестве места заключения и последующего убийства Царской Семьи заключалась не только в месторасположении дома, а в чем-то ином. Для этого надо посмотреть историю места, где расположен Ипатьевский дом, и его собственную историю до мая 1918 года, когда в него были заключены Царь и Царица.

До 1735 года Вознесенская горка была покрыта хвойным уральским лесом. Никаких построек на ней не было. В 60-е годы XVIII века на западном склоне горы, то есть на том самом месте, где находился Ипатьевский дом, по прошениям жителей Мельковской слободы была выстроена деревянная церковь Вознесения Господня, которая просуществовала здесь до 1808 года. Эта церковь была построена на месте когда-то существовавшего чудского капища.[2] Чудское племя славилось своими человеческими жертвоприношениями. Недаром в представлениях секты бажовцев уральская чудь несла в себе «сакральные знания» и была связана с шамбалой.

---

[1] *Платонов О.А.* История цареубийства. С. 276.
[2] http://www.romanov-center.ural.

То есть на месте Ипатьевского дома ранее существовало языческое капище, где языческим «богам» приносили в жертву людей, а затем храм Божий, на алтаре которого приносилась Бескровная Жертва.

Возле церкви был погост, православное кладбище, и после того как церковь за ветхостью была разобрана, на ее месте была поставлена памятная часовня во имя Спасителя. Она хорошо видна на старых фотографиях Ипатьевского дома.

Примечательно и другое: до революции в Харитоновском доме находился старообрядческий храм, так как купцы Расторгуевы-Харитоновы были старообрядцами. К какому направлению старообрядчества они относились — неизвестно.[1] Есть основания считать, что они принадлежали к какой-то изуверской секте, так как еще при жизни первого владельца дворца, Л.И. Расторгуева, о дворце ходила дурная слава. *«Дом жил тихой скрытой жизнью, где-то в глубинных казематах глохли крики "супротивцев", по подземным путям в тайные молельни приходили наставники уральского старообрядчества, теми же путями они выходили в глухие дальние углы сада и никем не замеченные растекались по темным грязным улицам Екатеринбурга»,* — пишут современные екатеринбургские краеведы.[2] Знаменитый владелец дворца, зять Расторгуева, П.Я. Харитонов, был обвинен в массовом убийстве рабочих и сослан в Финляндию в 1837 году.

Особняк, который известен на весь мир как Ипатьевский дом, был построен в первой половине 1880-х годов по заказу статского советника И.И. Редикорцева. Редикорцев был владельцем двух публичных домов, один из которых помещался в «Ипатьевском доме». В особняке имели место разнузданные сексуальные оргии, в том числе гомосексуальные, участником которых был сам владелец дома. В помещении, где в 1918 году размещалась комендантская Юровского, подписывались особые клиентские договоры.[3] В 1899 году на Редикорцева подали в суд кредиторы, так как он отказывался платить по векселям. Суммы, фигурировавшие в платежных документах, были огромные — 3–5 тысяч рублей.

Чтобы расплатиться по векселям, Редикорцеву пришлось продать дом купцу, известному золотопромышленнику Шаравьеву. Скандальная известность стала причиной смерти Редикорцева, который скончался от сердечного приступа.

Шаравьев, второй владелец дома, был обвинен в мошенничестве. Судебные тяжбы требовали больших расходов, и Шаравьев продал дом. Кому? На этот вопрос до сих пор нет точного ответа. Распространено

---

[1] Церковь. М. № 13. 1909, 29 марта. С. 458.

[2] http://e-burg2003.narod.ru.

[3] http://www.channel4.ru.

мнение, что дом был сразу продан военному инженеру-строителю Н.Н. Ипатьеву, и произошла эта продажа в 1908 году. С.В. Фомин пишет, что в торгово-промышленном справочнике на 1912 год отмечается: «*Ипатьев Н.Н. — живет на Вознесенском проспекте, 49*», т.е. в Ипатьевском доме.[1] Однако и о времени покупки, и о самом Ипатьеве, и его семье надо сказать особо.

Николай Николаевич Ипатьев родился в 1869 году в семье известного в Москве архитектора Н.А. Ипатьева. У Ипатьева был старший брат Владимир Николаевич Ипатьев, крупный химик, создатель химической оборонной промышленности Российской империи.

Когда Николаю Ипатьеву было три года, его родители разошлись, и большое влияние на их воспитание оказывал брат отца Д.А. Ипатьев. Как вспоминал В.Н. Ипатьев: «*Он был нашим лучшим другом*». При этом «*дядя Митя не верил в Бога и не ходил в церковь*».[2]

В 1880 году А.Д. Ипатьева, которая к тому времени носила фамилию второго мужа Чугаева, скончалась в возрасте 32-х лет от туберкулеза гортани и легких. Обоих своих сыновей отец определил в кадетский корпус. В дальнейшем Владимир поступил в Михайловское артиллерийское училище, а Николай — в Николаевское инженерное училище, одно из лучших военных заведений России. В 1888 году Н.Н. Ипатьев успешно закончил училище и был направлен подпоручиком в инженерные войска, а затем поступил в Николаевскую Инженерную Академию. Однако обучение в ней было прервано в 1891 году скоропостижной смертью отца. После устройства семейных имущественных дел Ипатьев продолжил обучение в Академии и в 1894 году закончил ее по первому разряду. Направленный в звании инженер-поручика на строительство железнодорожных магистралей, Ипатьев преимущественно занимался прокладкой железнодорожных магистралей на Урале и в Сибири. За образцовое выполнение работ Ипатьев был внесен в список наиболее отличившихся офицеров. В 1904 году Н.Н. Ипатьев женился на М.Ф. Гельцер, московской актрисе из семьи еврейских театралов. В то же время Ипатьев подает в отставку, но продолжает строить железнодорожные пути. Так как участком его деятельности становятся окрестности Екатеринбурга, он оседает в этом городе и покупает известный особняк. Однако не все в его карьере было безоблачно. Незадолго перед революцией судебные власти начинают подозревать Ипатьева в мошенничестве, и, возможно, лишь революция спасла его от судебного разбирательства.

---

[1] И даны будут жене два крыла. Сборник к 50-летию Сергея Фомина. М.: Паломник, 2000. С. 362.

[2] *Ипатьев В.Н.* Указ. соч. Т.1. С. 9.

В.Н. Ипатьев сделал еще более блистательную карьеру, чем его брат. Будучи талантливым химиком, он во время Первой мировой войны по приказу Царя становится фактическим руководителем химической военной промышленности России. Именно под руководством В.Н. Ипатьева русская химическая промышленность делает большие успехи, налаживается выпуск химического оружия. Однако, будучи хорошим химиком, Ипатьев не был таким же верноподданным. Его книга «*Жизнь одного химика*», написанная в США в 40-х годах, полна плохо скрытой неприязни к Государю Николаю II. Ипатьев повторяет все расхожие сплетни и домыслы про Царскую Семью, которые были модны тогда в общественных и либеральных кругах. Естественно, что сам Ипатьев не мог быть свидетелем того, о чем он писал, и все, им написанное, было пересказом с чужих слов. Не может также не удивить, что после революции В.Н. Ипатьев продолжал делать успешную карьеру. Причем это относится как к периоду Временного правительства, так и к большевикам. Его ценил Керенский, еще больше Ленин, Троцкий и Сталин. Ипатьев вспоминает, что не было ни одной его просьбы, которую бы советская власть не выполнила. Сам Ипатьев пытается объяснить это тем, что в нем нуждались как в хорошем химике. Но достаточно вспомнить, сколько талантливых ученых дореволюционной поры было загублено большевиками, чтобы усомниться в справедливости этих слов. Весьма загадочен и отъезд Ипатьева за границу. Л. Сонин пишет, что Ипатьев уехал заграницу, спасаясь от неминуемого ареста, которого он избежал «чудом». На самом деле это неправда. Ипатьев вспоминает, что он спокойно выехал из Советской России в 1930 году в командировку, хотя он заранее знал, что назад не вернется. Примечательно, что в получении виз ему явно содействовало ОГПУ и даже, как намекает Ипатьев, чуть ли не сам Сталин. После того, как Ипатьев не вернулся в СССР, никто из его оставшихся детей не пострадал. Правда, его сын Владимир публично отрекся от своего отца в 1936 году, но тем более таинственной представляется фраза В.Н. Ипатьева, сказанная перед отъездом жене: «*Волноваться нечего, дети устроены*».

Если учесть, что у его брата Н.Н. Ипатьева отношения с большевиками были тоже весьма терпимыми, то все вышеизложенное перестает казаться простым совпадением. Л. Сонин пишет об отношении братьев Ипатьевых к революциям 1917 года: «*Как и все в России либерально настроенные интеллигенты, Николай Ипатьев, как и его старший брат, воспринял отречение государя с облегчением — это был знак надежды. И сразу стал сотрудничать с новой властью. Октябрьский переворот, по воспоминаниям краеведа В.К. Некрасова, он тоже встретил довольно спокойно, в надежде продолжить свою работу путейца*».[1]

---

[1] http://www.romanov-center.ural.

Э. Якубовский добавляет к этому весьма любопытные подробности: «*Из всех действующих лиц екатеринбургской трагедии Н.Н. Ипатьев не знал лишь царскую семью и сопровождавших ее лиц. С остальными не просто знаком, лично с ними работал, вот почему мы можем утверждать, что в его доме бывали те, кто решал судьбу узников*».[1]

Когда в Екатеринбурге образовался Комитет Общественной безопасности, то Н.Н. Ипатьев вошел в его исполнительную секцию. Кроме Ипатьева в исполнительной секции разные должности занимали: эсер А. Кощеев, анархист П. Жебелев, кадет А. Ардашев (двоюродный брат Ленина), большевики А. Парамонов, С. Мрачковский, П. Быков и Я. Юровский.[2] Знал хорошо Ипатьев и П. Войкова.

Что связывало военного инженера, капитана в отставке Ипатьева со злейшими врагами Царя и будущими его убийцами? Ясно, что эти отношения никак не были связаны с профессиональной деятельностью Ипатьева.

Летом 1917 года В.Н. Ипатьев посетил Ипатьевский дом, который тогда не носил такого названия. Произошло это при следующих обстоятельствах: «*В начале лета 1917 года*, — пишет В.Н. Ипатьев в своих мемуарах, — *на Динамитном Заводе около города Кыштыма произошел взрыв, который разрушил большую часть завода. Временное Правительство послало комиссию под моим председательством выяснить причину этого взрыва. Мне эта поездка не особенно улыбалась, так как передвижение по железным дорогам в то время уже представляло большие затруднения. Но, с другой стороны, мне было очень приятно повидаться с братом Николаем, который жил в Екатеринбурге в своем доме и уже давно звал меня посетить его и познакомиться с его деятельностью. Доехал я до Екатеринбурга довольно благополучно. <...> В Екатеринбурге я провел в доме брата около двух дней. Его двухэтажный дом являлся одним из лучших особняков в городе; нижний этаж, в котором нижний край окон приходился почти на уровень земли, был занят под контору для строительных железнодорожных работ, которые брат производил в качестве подрядчика. Я подробно осмотрел все помещения дома, постройки и небольшой тенистый сад, в котором было приятно прогуляться и посидеть*».[3]

Давайте проанализируем этот отрывок из воспоминаний В.Н. Ипатьева. Он уверяет, что его Временное правительство послало его во главе комиссии расследовать причину взрыва на Кыштымском заводе, который разрушил большую часть здания завода. Назначение именно В.Н. Ипатьева главой этой комиссии представляется немного странным, так как комиссии было необходимо установить наличие злого умысла в имевшем место взрыве. По логике вещей комиссию должен был возглавлять правительст-

[1] *Якубовский Э.* Расстрел в подвале. Екатеринбург, 1998. С. 88.
[2] Там же. С. 89.
[3] *Ипатьев В.Н.* Указ. соч. С. 38.

венный военный чиновник, скорее из правоохранительной системы, чем узкий специалист по химической промышленности. Но не будем заострять на этом внимание. Итак, В.Н. Ипатьев во главе комиссии выезжает в Кыштым и по дороге останавливается в Екатеринбурге у своего брата. В.Н. Ипатьев пишет, что ему было «приятно повидать своего брата Николая», который давно его звал в гости. В Екатеринбурге В.Н. Ипатьев проводит два дня. Возникает два вопроса: 1) где в этот момент были другие члены комиссии и 2) почему В.Н. Ипатьев не поехал в Кыштым сразу? На первый вопрос ответ понятен: комиссия отправилась на Кыштымский завод, пока ее председатель отдыхал в Екатеринбурге и наслаждался покоем и уютом Ипатьевского особняка. Как же так? Произошло чрезвычайное происшествие, может быть, диверсия, грозящая обороноспособности страны, причем во время войны, в правительстве должны ожидать немедленного ответа о причинах взрыва, а председатель комиссии вместо кропотливой работы задерживается у брата в Екатеринбурге, при том что от Екатеринбурга до Кыштыма около 200 верст. Из воспоминаний В.Н. Ипатьева становится понятно, что Кыштым он посетил после Екатеринбурга, когда уже было совершенно ясно, что «*взрыв на Кыштымском динамитном заводе произошел вследствие сохранения в чанах промывных вод, которые содержали следы нитроглицерина и никакого злого умысла не было обнаружено*».[1]

Из воспоминаний Ипатьева видно, что этот вывод был сделан без него, а сам он, прибыв, наконец, в Кыштым, в основном занимался тем, что выступал на митингах перед рабочими и рассказывал им, какое счастливое время наступило после свержения Царской власти.

Таким образом, создается впечатление, что для В.Н. Ипатьева более важным делом было посещение Екатеринбурга, чем Кыштыма. Зачем же В.Н. Ипатьев ездил в Екатеринбург? В.Н. Ипатьев утверждает, что ездил повидать брата, который его давно приглашал в свой дом. Но вот тут-то и наступает самый интересный момент. Дело в том, что Н.Н. Ипатьев на допросе показал следователю И.А. Сергееву: «*Я, Николай Николаевич Ипатьев, 50 лет, капитан инженерных войск в отставке, православный, не судился, живу в городе Екатеринбурге, по Вознесенскому проспекту, в собственном доме, **купленном мною в 1918 году у И.Г. Шаравьева***» (выделено нами – *П.М.*).[2]

То же самое говорится и в комментариях Н. Росса: «*Дом был куплен Ипатьевым лишь в начале 1918 года*».[3]

[1] *Ипатьев В.Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 40.
[2] *Прищеп В.И., Александров А.Н.* Указ. соч. С. 12.
[3] Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 567.

Получается, что Н.Н. Ипатьев не мог летом 1917 года приглашать своего брата В.Н. Ипатьева приехать к нему в Екатеринбург, а сам В.Н. Ипатьев не мог гостить в особняке на Вознесенском проспекте!

Но тогда что же означают сведения в справочнике «Весь Екатеринбург» за 1912 год, где прямо говорится, что Ипатьев живет в доме на Вознесенском проспекте?

Между тем в протоколе осмотра дома Ипатьева, произведенного в начале августа 1918 года следователем А. Наметкиным говорится: «*Судебный следователь Екатеринбургского окружного суда по важнейшим делам, в присутствии понятых, производил осмотр* ***квартиры Ипатьева в доме Поппель*** *на углу Вознесенского проспекта и Вознесенского переулка в гор. Екатеринбурге*» (выделено нами – *П.М.*).[1]

В.И. Прищеп и А.Н. Александров дают следующие объяснения по этому поводу: «*Н.Н. Ипатьев на допросе у Сергеева рассказал, что купил в том (1918) году дом у Шараевьева. Освободив его для временного содержания царской семьи, он попросил свою родственницу Евгению Федоровну Поппель известить его о возможности возвратиться из с. Курьинского* (где Ипатьев проживал в мае–августе 1918 года – *П.М.*) *в город*».[2]

Но почему говорится о «*квартире Ипатьева в доме Поппель*», если дом принадлежал Н.Н. Ипатьеву с 1908 года? В том-то и дело, что, по всей видимости, в 1908 или 1909 году дом у Шаравьева снимала или купила родственница Ипатьева или его жены, Е.Ф. Поппель, а Ипатьев до 1918 года мог только иногда в нем проживать. Сведения в справочнике «Весь Екатеринбург» говорится, что Ипатьев «*живет в доме на Вознесенском проспекте»,* но не говорится, что он ему принадлежит! Но, как выясняется, Ипатьев в этом доме если и жил, то очень мало, в основном он жил за городом, но часто в будущем ДОНе бывал. Причем вместе с ним в этом доме после революции бывали видные уральские большевики, в том числе и Янкель Юровский. Что делал Ипатьев в доме своей родственницы неизвестно, но остается фактом, что в сознании горожан особняк на Вознесенском проспекте не был «Ипатьевским домом»: его называли «домом Поппель» или реже «домом Шаравьева». Между тем когда Царская Семья была доставлена в Екатеринбург, ей с самого начала объявили, что ее привезли **в дом Ипатьева!**

Недоумение вызывают и обстоятельства приобретения дома Н.Н. Ипатьевым, который вдруг приобрел его в начале 1918 года за огромную по тем временам сумму — 6 000 рублей! Здесь необходимо напомнить, что время было смутное, будущее неопределенным, и совершать подобную дорогостоящую покупку было делом крайне безрассуд-

[1] Там же. С. 35.

[2] *Прищеп В.И., Александров А.Н.* Указ. соч. С. 12.

ным. Но даже после приобретения дома, Ипатьев опять-таки в доме не жил, он, по его словам, лишь «расставил в нем мебель» на верхнем этаже, а нижний сдал «*для помещения конторы, агентства по черным металлам*».[1] Позже были установлено и название этой фирмы: «Макшеев и Голландский». Здесь необходимо отметить, что Ф.Ф. Макшеев был инженером путей сообщения и состоял в масонских ложах «Космос», «Астрея» и «Гермес». Хорошо знал таких эсеров и кадетов как Н.Д. Авксентьев, Н.В. Чайковский (которые, к слову сказать, в 1918 году были во власти «Сибирского правительства» и Комуча) Л.Д. Кандаурова, а также Б.В. Савинкова.[2] Точных сведений о Голландском на сегодняшний день не имеется, но по всей вероятности, он был русским евреем. Скорее всего именно это обстоятельство дало возможность некоторым исследователям предположить, что в подвальной комнате, где была убита Царская Семья, размещалась еврейская хасидская синагога.[3] Предположение это никакими убедительными доказательствами не подкреплено. Тем не менее есть показания обвиняемых по делу убийства Царской Семьи, которые говорили, что во время очистки комнаты, где произошло убийство, от крови, кровавые опилки собирали и кидали в подпол («в подполье»). Подполье было осмотрено И.А. Сергеевым в августе 1918 года, но ничего особенного он там не обнаружил.

В 1928 году в Праге, давая интервью газете «Сегодня», Н.Н. Ипатьев рассказал, «*что уже десять лет тому назад его мучила болезнь сердца, и что поэтому он весну 1918 года проводил на курорте в 120 верстах от Екатеринбурга. В екатеринбургском же доме жили* ***знакомые Ипатьева из Петрограда***» (выделено нами — *П.М.*)[4].

Что это были за знакомые, Ипатьев не сообщает, но из его интервью становится известно, что распоряжение от советских властей о выселении из дома получили именно эти знакомые, а они, в свою очередь, уведомили о предстоящем выселении Ипатьева. Интересно, что после убийства Царской Семьи Ипатьев был извещен о возможности вернуться в особняк другой своей родственницей, Поппель, которая послала ему телеграмму: «*Жилец уехал*».[5] Примечательно, что слово «*жильцы*», по отношению к Царской Семье, использовали в своей корреспонденции исключительно большевики.

---

1 Там же. С. 13.

2 *Платонов О.А.* Терновый венец России. История масонства. 1731–1995. М., 1995. С. 347.

3 *Козлов Н.* Священная война. Б. м. и б. г. С. 44.

4 *Волков А.А.* Указ. соч. С. 126.

5 *Прищеп В.И., Александров А.Н.* Указ. соч. С. 13.

Говоря о принадлежащем ему доме, Н.Н. Ипатьев сообщил еще одну любопытную деталь: «*Мой дом, как его называли Ипатьевский, был построен в семидесятых годах прошлого столетия. И за все это время ни один мертвый не был из него вынесен. Никто в нем не умирал! Какая суровая ирония судьбы… Через пятьдесят лет в нем сразу было убито 11 человек. Сразу из него тайно вынесли 11* ***оскверненных***[1] *убийцами тел!*» (выделено нами – *П.М.*).[2]

Это обстоятельство, отсутствие мертвых тел в доме за всю его историю, по мнению С.В. Фомина, наводит мысль на иудео-кабалистический характер совершенного обряда, так как, по его словам, «*только для иудеев имеет обрядовое значение, находился ли ты под одним кровом с умершим или умирал кто-либо в твоем доме*».[3]

Таким образом, можно с полной уверенностью говорить о том, что особняк на Вознесенском проспекте стал «Домом Ипатьева» исключительно перед самым приездом Царской Семьи в Екатеринбург, что дом этот никогда не был в полном смысле домом Ипатьева, что он использовался им в основном с коммерческой целью. Итак, весьма маловероятно, чтобы Н.Н. Ипатьев «давно звал» своего брата посетить его именно в особняке на Вознесенском проспекте. Тем не менее В.Н.Ипатьев подробно и весьма внимательно осмотрел весь дом, в том числе комнату, где впоследствии произошло убийство Царской Семьи.

Из всего вышеприведенного невольно напрашиваются два предположения. Первое: не рассматривался ли будущий дом Ипатьева в качестве пристанища Царской Семьи уже Временным правительством, и не в этом ли заключалась цель поездки в Екатеринбург В.Н. Ипатьева летом 1917 года? Второе: не приобрел ли Н.Н. Ипатьев в 1918 году особняк на Вознесенском проспекте по чьей-то указке, и не было ли это приобретение сделано с одной лишь целью: присвоить Дому Особого Назначения имя Ипатьева?

Символичность придания ДОНу названия «Ипатьевского» уже неоднократно отмечалась многими авторами: в 1613 году в Ипатьевском монастыре был избран на царство первый Царь из Дома Романовых Михаил Феодорович, в Ипатьевском доме Екатеринбурга — убит последний Царь из Дома Романовых Николай Александрович. Но кроме этой параллели существует еще и другая: в Ипатьевской летописи подробно излагались обстоятельства убийства «первого царя» — Великого Князя Андрея Боголюбского.

---

[1] Это слово в устах Ипатьева весьма любопытно: откуда он знал, что тела убитых были осквернены, и что он вкладывал в это слово?

[2] *Волков А.А.* Указ. соч. С. 127.

[3] И даны будут Жене два крыла. С. 363.

С прибытием в Екатеринбург Царской Семьи Ипатьевскому дому было присвоено второе название — Дом Особого Назначения. Таким «особым назначением» могло быть только предстоящее убийство Царской Семьи. Готовящие свое преступление убийцы как бы изначально давали знать, что здесь, в особняке на Вознесенском проспекте, готовится акт «особого назначения», а именно — уничтожение Царствующей династии, которая вышла из стен Ипатьевского монастыря.

Говоря об Ипатьевском доме, невозможно не сказать еще об одной важной параллели. Как известно, вокруг Ипатьевского дома был сооружен двойной забор, который был высотой три с лишним метра. Зачем большевикам понадобился этот забор? Во-первых, естественно, для того, чтобы скрыть от посторонних глаз все, что будет за этим забором происходить. Во-вторых, чтобы создать у Царственных Узников ощущение полной изоляции, оторванности от окружающего мира, подавленности и отчаяния. И здесь необходимо сказать, что Ипатьевский дом и его история имеют своих предшественников. 13 августа 1792 года революционные власти Франции заключили семью короля Людовика XVI в старинный замок Тампль, который к тому времени уже находился на территории Парижа. Слово "temple" в переводе с французского означает «храм». До 1314 года это действительно был храм и одновременно замок ордена тамплиеров, того самого зловещего ордена храмовников, руководство которого было изобличено в дьяволопоклонстве и прочих мерзостях. Последний магистр ордена Яков де Моле, отказавшийся покаяться, был по постановлению королевского суда сожжен на костре, а король Филипп IV Красивый запретил орден тамплиеров на всей территории Франции. Перед смертью Моле проклял короля Филиппа IV и всю королевскую династию Капетингов, предсказав возмездие ее потомкам. В 1792 году потомок Капетингов Людовик XVI и вся его семья были доставлены именно в большую башню Тампля, которая стала их темницей. Самое примечательное то, что все окна комнат, где содержались члены королевской семьи, а также бойницы крепостной стены, по которой было разрешено прогуливаться заключенным, **были закрыты железными перекладинами («жалюзи») и плетеньями из дерева так, что королевская семья не могла увидеть ничего происходящего вне стен замка, а она сама, в свою очередь, не была доступна взорам прохожих**.[1]

Совпадение с заборами Ипатьевского дома налицо. Но дело не только и не столько в самом заборе, а в той скрытой мести, которая явно видна в обоих случаях, разделенных между собой более чем столетием.

Интересны слова одного из ведущих деятелей масонства, сказанные за несколько лет до революции: «*Как и Людовик XVI, Николай несет ответст-*

---

[1] *Dumontier M.* Sur les pas des Templiers à Paris et en Ile-de-France. Paris, 1979. P. 107.

*венность за своих предков, организовавших строй. Он более чем символ, он — олицетворение существующих порядков, **искупительная жертва** всех ошибок и преступлений»*[1] (выделено нами — *П.М.*).

Но на этом совпадения между Ипатьевским домом и Тамплем не заканчиваются. Как известно, Ипатьевский дом в 1977 году[2] по постановлению центральной советской власти был варварски снесен, причем так, что не осталось даже его фундамента. (Видимо, у дома было, что поведать потомкам о злодеянии). То же самое произошло и с Тамплем. В 1811 году по приказу Наполеона большая башня Тампля, где содержалась королевская семья, была снесена до основания.[3]

Подводя итоги всего вышеизложенного, мы можем позволить себе сделать следующие выводы.

1. Особняк на углу Вознесенского проспекта и Вознесенского переулка был выбран революционерами для заключения и убийства Царской Семьи неслучайно.
2. Выбор был сделан до весны 1918 года, возможно даже еще до прихода большевиков к власти.
3. Решающей причиной для такого выбора стали, помимо прочих бытовых условий (наличие телефона, современного оборудования, добротной постройки и т.д.), определенные особенности этого дома, связанные с историей его месторасположения (место прежнего капища и православного алтаря, освященная земля бывшего кладбища и т.д.), историей его прежних владельцев (наличие притона, в котором совершались особо мерзкие грехи), а также личность Н.Н. Ипатьева и связи его и его близких с масонско-революционными силами России.
4. Дому сознательно было присвоено название «Ипатьевского» и он сразу был объявлен Домом Особого Назначения. «Дом Ипатьева» как понятие был искусственно создан и внедрен в сознание целых поколений.

---

[1] *Назаров М.* Вождю Третьего Рима. С. 215.

[2] В день Тезоименитства Наследника Цесаревича Алексея Николаевича.

[3] Следует отметить и другие совпадения между мученичеством Николая II и Людовика XVI. Последними словами короля-мученика на эшафоте были: «Я умираю невиновным. Молю Бога, чтобы моя кровь не пала на Францию», а королева Мария-Антуанетта накануне казни писала своей золовке: «Я умираю католичкой, в той вере, в какую окрестили меня мои родители. Я прощаю своих врагов за то зло, которое они мне причинили». Сравните эти высказывания с высказываниями Государя и Государыни. Однако между парижским и екатеринбургским злодеяниями имеются сходства и иного порядка: не так давно были «найдены» останки (сердце) замученного якобинцами дофина Людовика, сына Людовика XVI. Проведенный анализ ДНК «убедительно доказал» причастность найденных останков убитому принцу. Не правда ли, похоже на историю с «Екатеринбургскими останками»?

Тем самым изначально извещалось о предстоящем убийстве Царской Семьи и о том, что это убийство будет носить характер мести Царскому Дому Романовых.

3. Дата Екатеринбургского злодеяния — 4/17 июля 1918 года

Как мы помним, В.Н. Соловьев утверждал, что ритуальное убийство, если бы оно существовало, должно быть совершено обязательно в канун большого еврейского праздника. Отрицая ритуальное убийство, Соловьев тем самым дает понять, что такого праздника в канун злодеяния не было. Ниже мы рассмотрим, так ли обстояло дело, но вначале поговорим о другом.

В нашем повествовании мы стремимся доказать не столько иудейский характер Екатеринбургского злодеяния, сколько — богоборческий. Поэтому мы прежде всего поговорим о дате убийства Царской Семьи. Как известно, оно произошло 4-го июля по Юлианскому календарю, что соответствует 17-му по Григорианскому. В этот день Православная Церковь отмечает день Святого Благоверного Великого Князя Андрея Юрьевича Боголюбского. Великий Князь Андрей Боголюбский был, по меткому выражению архимандрита Константина (Зайцева), «*если не по имени, то по существу, по замыслу первым русским Царем! Мученической смертью погиб и этот Венценосец, головою своей заплатил за то, что чуть ли не четырьмя столетиями шел он впереди своего века. И вот, в тот самый день, когда Церковью поминается блаженная память причтенного к лику святых Монарха-мученика, бывшего предтечею идеи Православного Царства Российского, падает жертвой за ту же идею — последний Русский Царь. Сомкнулись цепи времени!*».[1]

Великий Князь Андрей Боголюбский одним из первых понял необходимость создания единого Православного царства во главе с православным государем. Им был предпринят ряд политических и экономических шагов в этом направлении: в Киеве, Рязани, Смоленске и Новгороде уже сидели ставленники Князя, Владимир был его вотчиной. Оставалось несколько шагов, и Русская земля была бы объединена под скипетром Великого Государя. При этом вся его деятельность опиралась на православную веру. Князь доставил в свою столицу Владимир икону Пресвятой Богородицы, которая по преданию была написана самим евангелистом Лукой и которая получила название Владимирской. Кроме того Андрей Боголюбский строил множество храмов (среди них церковь Покрова на Нерли и Успенский собор во Владимире), сократил пиры, охоты, часто молился. Во Владимир прибывало много купцов, среди них было много иудеев и язычников. Искренняя любовь, неподдельное ве-

---

[1] *Константин (Зайцев), архимандрит.* Чудо русской истории. М., 2000. С. 476–477.

личие и горячая молитва Великого Князя производили такое впечатление на приезжающих, что было много случаев перехода иудеев и язычников в христианство. Митрополит Иоанн (Снычев) писал, цитируя летопись: «*Бывало, придет гость какой из Царьграда, или латинянин, даже поганин какой есть придет, Князь сейчас же скажет: поведите его в церковь, в ризницу, пусть видит истинное христианство и крестится; так и случалось: болгары и жиды, и всякая погань* (т. е. язычники — *П.М.), видя славу Божию и украшение церковное, крестились*».[1]

Верность Христу и проповедническая деятельность Великого Князя стали одной из причин организации против него заговора. (Хотя, конечно, были и другие важные причины: например, страх боярства потерять совсем свое участие во власти, их страх перед зарождающимся самодержавием Князя Андрея и так далее.) Организатором заговора был боярин Яким Кучко. В свое время между отцом Кучки Степаном и отцом Князя Андрея Боголюбского Князем Юрием Долгоруким, основателем Москвы, имело место жесткое противостояние, в результате которого Кучко был вынужден покориться. В чем же была суть этого столкновения? Исследователь Ю. Воробьевский убедительно доказывает, что главная причина этого противостояния была религиозная. Дело в том, что, по мнению Воробьевского, и в этом с ним соглашается московский историк Г.Я. Мокеев, население Москвы, и особенно ее знать, до прихода в нее Юрия Долгорукова были в основном язычниками. Об этом свидетельствует тот факт, что Князь Юрий Владимирович перенес в Москву многие киевские названия, связанные с крещением киевлян Князем Владимиром Святым (Турова божница в Киеве — Турыгино в Москве, холм с церковью Илии Пророка в Киеве — Киевец-град с храмом Илии в Москве, киевский проток Черторый, где крестили киевлян — одноименный ручей в Москве и так далее).[2] То есть Юрий Долгорукий повторил в Москве деяние своего великого предка в Киеве.

По всей вероятности, сопротивление этому было со стороны языческой знати сильное, и крещение некоторые из них приняли лишь внешне. Как бы там ни было, сыновья Степана Кучки приняли активное участие в заговоре против сына Князя Юрия — Князя Андрея.

Убийство было совершено в канун большого православного праздника — дня святых Апостолов Петра и Павла, в субботу, то есть в шаббат. «*Некоторые нюансы поведения и действий убийц накануне и во время злодеяния,* — пишет петербургский историк Ю.В. Кривошеев, — *дают возможность предположить существования каких-то элементов ритуального убийства*».[3]

---

[1] *Воробьевский Ю.* Путь в апокалипсис. Точка омега. М., 1999. С. 11.
[2] *Воробьевский Ю.* Указ. соч. С. 14.
[3] *Кривошеев Ю.В.* Гибель Андрея Боголюбского. СПб., 2003. С. 81.

В 1174 году толпа из двадцати убийц под предводительством Кучки ворвались в спальню к Князю. Среди них было два иудея Офрем Моизич и Амбал Ясин, ключник Князя. Накануне убийства Амбал выкрал княжеский меч. Андрей Боголюбский защищался голыми руками, раненный он укрылся от убийц в лестничной нише. По кровавым следам злоумышленники нашли его там и убили. Первым удар нанес Кучко, отсекая Князю правую руку. «*Именно правая рука (наряду с головой, волосами, костями, кровью), в том числе и у евреев, являлась местом сосредоточия жизненной силы*» (Ю. В. Кривошеев).[1] Князю было нанесено множество рубленых и особенно колотых ран, вызвавших обильную кровопотерю. Среди прочих ран Андрею Боголюбскому был нанесен удар копьем под ребро, что не может не вызвать аналогии с таким же ударом копья в Тело Спасителя.

Как гласит церковное предание, последние слова Андрея Боголюбского были: «*Господи, в руки Твои передаю дух мой*». Обнаженное тело Князя выбросили в огород, оно двое суток лежало непогребенным. Верный слуга Великого Князя Кузьма хотел перенести тело своего господина в церковь, но пьяные слуги не захотели отпирать двери, и тело Андрея осталось лежать на паперти, пока ни прибыл игумен Арсений и не совершил панихиду по убиенному. Между тем убийцы приступили к трапезе, которая, по мнению ряда исследователей, носила ритуальный характер, с зажиганием огня, что у иудеев предшествует шаббату. Одновременно началось разграбление княжеской казны и сокровищ.

Убийцы боялись мести со стороны владимирцев за убийство Андрея Боголюбского, но те приняли известие о его убийстве спокойно. Обрадованные этим равнодушием, сторонники заговорщиков принялись убивать княжеских людей и служащих. Примечательно, что, несмотря на то, что в убийстве участвовали два еврея, летопись не только не винит всех евреев за убийство Андрея Боголюбского, но пишет: «*и Болгаре, и Жидове и вся погань видевше славу Божию плачуть по тебе*».[2] Причем плачут сильнее, чем непосредственное княжеское окружение.[3]

В убийстве Великого Князя Андрея Боголюбского прослеживается общность с убийством Царя Николая II. Вообще существует какая-то мистическая связь между Андреем Боголюбским и Николаем II. 16 мая 1913 года Император Николай Александрович и его Семья побывали в Боголюбове. Государь прикладывался к Боголюбской иконе и с благоговением осмотрел место убиения Андрея Боголюбского.

Как пишет Воробьевский: «*Спустя столетия после смерти князя Андрея словно восстали тени иноверца Амбала и язычника, изменника Якима*

---

[1] *Кривошеев Ю.В.* Указ. соч. С. 85.
[2] Славяноведение. 1994. №3. С. 34.
[3] *Кривошеев Ю.В.* Указ. соч. С. 79.

Кучко. Дата убийства Николая II точно совпала со днем убийства Андрея Боголюбского. Цареубийцы XX века сочли, что в день смерти первого русского царя уничтожат последнего».[1]

Интересно и еще одно совпадение: в 30-е годы XX века богоборческая власть несколько раз извлекала мощи св. блг. Великого Князя Андрея Боголюбского и исследовала их на предмет «идентификации». Как и в случае с «Екатеринбургскими останками», шли подробные «изучения» черепа, костяка, мышечной ткани. Интересно, что экспертизе фактически было навязано заключение о том, что у Князя была отрублена левая, а не правая рука.[2]

Таким образом, нет сомнений в том, что убийство Царской Семьи в день памяти святого Великого Князя Андрея Боголюбского было не случайностью, но сознательной и продуманной акцией преступников. Это поведение убийц не может иметь под собой никакой материальной основы, и может быть объяснено лишь духовными причинами. Убийцы явно стремились к тому, чтобы убийство Самодержца Императора Николая II совпало с днем убийства фактического самодержца Великого Князя Андрея Боголюбского и тем самым на мистическом уровне привело бы к гибели все Православное Самодержавное Русское Царство. **То есть выбор дня памяти Андрея Боголюбского для убийства Царской Семьи являлся частью ритуала этого убийства.**

Не менее интересен выбор даты и с другой стороны. День убийства был кануном 18 июля 1918 года. По иудейскому календарю эта дата соответствовала 9 ава 5678 года. В этот день иудеи отмечают «День памяти и скорби» (Тиша-бэ-Ав), так как в этот день были разрушены два иерусалимских храма — первый и второй. Для каждого верующего иудея «*день 9 ава выделяется среди всех дней в году своим горестным, скорбным обликом. На протяжении трех недель между 17 тамуза и 9 ава принято соблюдать обычаи траура: в эти дни не женятся, не стригутся и не бреются, с начала месяца не едят мяса и не пьют вина, а 9 ава постятся целые сутки: не едят, не пьют, не моются, не надевают кожаной обуви*».[3]

Но 9 ава является не только днем «печали и скорби», но также и потенциальным праздником, так как иудеи верят, что будет построен третий храм, в котором воссядет мессия. «*Этот день*, — учат раввины, — *имеет потенциал праздника, и в будущем он станет праздничным днем. До захо-*

---

[1] *Воробьевский Ю.* Указ. соч. С. 13.
В 2001 году в монастырском соборе Боголюбова чудесным образом проявилась фреска с изображением Императора Николая II, Цесаревича Алексея и Императрицы Александры Федоровны, замироточила икона Царя-Мученика// Русский Дом. 2001. № 7. С. 17.
[2] *Кривошеев Ю.В.* Указ. соч. С. 179.
[3] По материалам еврейского сайта http://www.prazdnik.ru.

да солнца устраивают “Сеуда Мафсе’кет” (“разделяющую трапезу”), которая в будни состоит из одного блюда. Три человека не едят вместе, чтобы не объединяться для совместной молитвы после еды. ***Есть обычай съедать яйцо (знак траура), которое обмакивают в пепел; его едят на низком сидении. Трапезу в любом случае надо закончить до захода солнца»*** (выделено нами — *П.М.*).[1]

Яйцо в траурном еврейском обряде имеет большое символическое значение: «*Крутое яйцо имеет и другую символику: как яйцо твердеет по мере варки, так и человек, и весь еврейский народ, должен становиться тверже от испытаний, посылаемых ему, и не сдаваться перед лицом горя*».[2]

Теперь мы немного отвлечемся от исследования даты убийства и вспомним о разговоре, который состоялся между Юровским и монахинями Ново-Тихвинского монастыря накануне убийства, 15-го июля 1918 года. Как мы помним, Юровский попросил монахинь принести в дом Ипатьева 16-го июля полсотни яиц, что монахини и сделали. Мы уже писали, что большинство исследователей считают, что эти яйца пошли на «харчи» Юровскому и тем, кто уничтожал тела. Но очевидно, что пятидесяти яиц для питания в течение дня взрослых здоровых мужчин мало, тем более, что в коптяковском лесу вместе с оцеплением было много народа. Если бы Юровский заботился о питании, то он бы попросил монахинь принести мяса, хлеба, картошки и так далее, тем более что все это монахини прежде уже носили Царской Семье, и просьба Юровского не была бы странной. Но Юровский попросил только полсотни яиц и четверть молока. Куда пошло молоко неизвестно, но яйца вначале попали в Царскую Семью, так как Государыня записала в своем дневнике, что «*комендант наконец, через неделю принес яйца для Бэби*». Но ясно, что Цесаревич не успел ими воспользоваться, так как через несколько часов был убит со всей Семьей.

Итак, яйца не были предназначены ни для нужд Цесаревича, ни для питания убийц. Между тем у нас есть неоспоримые доказательства того, что их использовали на месте расчленения и сожжения тел Царственных Мучеников. Летом 1919 года следователь Н.А. Соколов, проводя осмотр места происшествия у старого рудника, обнаружил на глиняной площадке недалеко от кострища «*вблизи пня под листьями и травой яичную скорлупу*».[3]

Таким образом, получается, что кто-то ночью, с 17-го на 18-е июля, так как по воспоминаниям злодеев уничтожение тел Царской Семьи началось именно в это время, недалеко от огромного костра, на котором сжигались

---

[1] По материалам иудейского религиозного сайта http://www.machanaim.org.

[2] По материалам сайта еврейского культурно-религиозного центра «Маханаим» http://www.machanaim.org.

[3] Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 364.

тела убиенных, на пне ел яйца. Перед нами встает картина точного соблюдения дня «памяти и скорби»: употребление яиц, пепел, низкое сиденье (пень) и проведение ритуальной трапезы до наступления суток.

Заметим, что день «памяти и скорби» — нетрадиционный иудейский праздник. Его не было в доталмудический период. В секте иудейских сатанистов он мог легко выродиться и в «день мести», тем более что по учению святых отцов в третьем храме воссядет Антихрист. Кстати, с этим соглашаются и многие раввины, с той лишь разницей, что они считают Антихриста Машиахом, то есть Мессией. Так, главный раввин Ростова-на-Дону Э. Каплун в интервью ростовской газете заявил: «*Мы верим, что придет Машиах и построит Третий Храм в Иерусалиме. Надеемся дожить до того времени, о котором сказано у пророков*».[1]

При этом следует заметить, что подобные искажения нашли место и в традиционных иудейских праздниках в той их части, когда дело касается принесения жертвы. О том, что нововведения в приношении жертвы исказили суть иудаизма, говорят и некоторые раввины. Так, например, приношение в жертву петуха или курицы в день Йом-Кипура, называемый «капарот» (очищение), вызывает у части иудейских авторитетов отторжение как обычай, не соответствующий Торе. Так, рабби Рамбан видел в «капарот» неиудейский обычай, и даже в «Шулхан Арухе» сказано: «*А то, что накануне Йом-Кипура некоторые совершают "капарот", следовало бы запретить*».[2]

Как же происходит этот ритуал «капарот»? Лицо, приносящее в жертву петуха или курицу, вращает их над головой и говорит три раза: «*Это — замена мне, это — вместо меня, это — мой выкуп! Пусть уделом этого петуха станет смерть, а моим уделом — благополучная долгая жизнь и мир!*».[3]

А теперь сравним этот обряд с одной американской открыткой, которая ходила, в том числе и по России, в 1905–07 годах. На этой открытке был изображен человек в черном, похожий на раввина. В левой руке он держал раскрытую книгу, а в правой жертвенного петуха, голову которого заменяла голова Императора Николая II. На открытке имелась фраза на иврите: «*Да будет это моим искуплением, да будет это моей заменой, да будет это моей искупительной жертвой*».[4]

Таким образом, как нам представляется, день 4/17 июля был выбран убийцами Царской Семьи неслучайно: с одной стороны, уничтожение Царского Дома Романовых именно 17-го июля, в день памяти св. блгв. Великого Князя

[1] Южный-Федеральный. № 6 (13). 2001, 20 февраля.
[2] По материалам хасидского сайта http://www.chassidus.ru.
[3] Там же.
[4] *Платонов О.А.* История цареубийства. С. 184.

Андрея Боголюбского, означал гибель Русского Православного Царства, а с другой — Царская Семья как бы приносилась в жертву во имя будущего властелина третьего храма, то есть Антихриста.

Вполне возможно, что неслучайно был выбран изуверами и год убийства: 1918. Дело в том, что число 18 является суммой трех шестерок, так называемого «числа зверя» (6+6+6=18). Конечно, это может быть простой случайностью. Но если вспомнить слова Государя, сказанные им во время покушения на его жизнь в 1905, *«до 18 года я ничего не боюсь»*, а также то, что Император Николай II был 18 по счету Царем Дома Романовых,[1] то приходится по меньшей мере усомниться в этой случайности.

4. Увод Леонида Седнева из Ипатьевского дома — прообраз «козла отпущения»?

Большой загадкой является увод поваренка Леонида Седнева из Ипатьевского дома накануне убийства. В чем была причина этого действия большевиков? Нам упорно внушают, что это было сделано по приказу Юровского якобы по причине проснувшейся у него гуманности. «*Кухонного мальчика Леню Седнева нужно увести. Поваренка-то за что… Он играл с Алексеем*», — якобы говорил Юровский. То есть, «за что» 14-го летнего больного ребенка, юных девушек, совершенно посторонних врача, повара, комнатную девушку и лакея, Юровскому было понятно, а вот Седнева стало жалко. То, что эти объяснения так же фальшивы, как и лживы, видно невооруженным глазом. Если чувство жалости и было присуще Юровскому, то, во всяком случае, оно не играло в его деятельности никакой роли. Если бы Юровский исходил из нецелесообразности убийства поваренка именно как ни в чем не повинного случайного заложника ситуации, то логично было бы эти соображения распространить и на всю свиту Царской Семьи. Чем отличались от Седнева Боткин, Трупп, Харитонов, Демидова, Седнев-старший, Нагорный? По логике Юровского их тоже надо было бы отпустить, но их всех убили. Причем Нагорного и Седнева-старшего намного раньше Узников дома Ипатьева.

Совершенно понятно, что все разговоры о «гуманности» Юровского являются ложью. Ничего подобного Юровский, естественно, не говорил, да и, как мы видели, решение об уводе Седнева принималось не Юровским, а инстанцией гораздо более высокой, не исключено, что самим Свердловым.

---

[1] Приводим царствующих государей из Дома Романовых: 1) Михаил Феодорович, 2) Алексей Михайлович, 3) Феодор Алексеевич, 4) Иоанн Алексеевич, 5) Петр Великий, 6) Екатерина I, 7) Петр II, 8) Анна Иоанновна, 9) Иоанн Антонович, 10) Елизавета Петровна, 11) Петр III, 12) Екатерина II, 13) Павел I, 14) Александр I, 15) Николай I, 16) Александр II, 17) Александр III, 18) Николай II.

Почему вдруг высокие лица большевистского ареопага так заинтересовались судьбой царского поваренка?

Можно конечно долго гадать по этому поводу, выдвигая разные предположения, но среди них нельзя не обратить внимание на один ритуал, который удивительным образом похож на то, что случилось с младшим Седневым.

В Библии приводится повеление Господне Моисею: «*И из общества сынов Израилевых пусть возьмет из стада коз двух козлов в жертву за грех. И возьмет двух козлов и поставит их пред лицем Господа у входа скинии собрания, и бросит Аарон об обоих козлах жребий; один жребий для Господа, а другой жребий для отпущения, и приведет Аарон козла, на которого вышел жребий для Господа, и принесет его в жертву за грех, а козла, на которого вышел жребий для отпущения, поставит живого перед Господом, чтобы совершить над ним очищение и отослать его в пустыню для отпущения (и чтобы он понес на себе их беззакония в землю непроходимую)... и приведет он живого козла, и возложит Аарон обе руки на голову живого козла, и исповедует над ним все беззакония сынов Израилевых и все преступления их, и все грехи их и возложит их на голову козла, и отошлет с нарочным человеком в пустыню: и понесет козел на себе все беззакония их в землю непроходимую, и пустит он козла в пустыню. И тот, кто отводил козла для отпущения, должен вымыть одежды свои, омыть тело свое водою, и потом может войти в стан*» (Лев. 16,5–26).

Господь повелел через Моисея совершать отпущение козла в пустыню, полагая на него грехи народа Израилева, что имело силу прообразовательную по отношению к таинству Божественного искупления. Это принесение козла в жертву было более образным, чем реальным действием. Двумя этими животными наглядно преообразовывалась искупительная для людей жертва Христова, по силе которой грехи и вины снимаются с верных, устраняются и исчезают.[1]

Таким образом, в Ветхом Завете четко говорилось, что только один козел приносился в жертву Яхве.

Однако в талмудической и кабалистической литературе суть обряда «козла отпущения» коренным образом изменилась. Появляются утверждения, что козел приносился в жертву демону пустыни Азазелу. В XIII веке рабби Моисей бен Намен объяснял, что «*Господь приказывал нам посылать козла в Йом Киппур господину, владения которого лежат в пустынных местах. Эманация его власти несет разрушение и гибель. Он связан с планетой Марс и доля его среди животных — козел. Демоны входят в его владения и называются в Библии сейрим (козлы). Этим господином пус-*

[1] Энциклопедия Брокгауза и Ефрона. Т. 1. СПб.–Лейпциг, 1890. С. 202.

тынь, которому посылался козел, был Азазел, «звезда, упавшая с небес», глава Сторожей в Первой книге Еноха. Связанный с Марсом, он обучил людей изготовлению оружия и был заточен Богом в пустыню до Судного дня, когда ему предстояло быть брошенным в геенну огненную».[1]

Нетрудно догадаться, что речь идет о сатане. Другие источники талмудической литературы прямо отождествляли Азазела и сатану, иногда можно встретить упоминания о заточенных на «горе мрака» павших ангелах, у которых царь Соломон учился тайному познанию и чьи имена — Azza и Azza'el — несомненно связаны с именем Азазела. В каббале он также считался одним из наиболее могущественных демонов.

Таким образом, по каббалистам получалось, что Бог приказывал воздавать жертву сатане! Собственно, ничего нет удивительного, что подобные высказывания встречаются у кабалистов, с их расплывчатыми понятиями о роли сатаны в мироздании. Явное несоответствие с текстом Ветхого Завета талмудисты объясняли просто: они говорили, что имя Азазела в книге Левит было заменено на слово «отпущение». Неудивительно, что в черной магии имя Азазела играет весьма существенную роль.

Примечательно, что, согласно талмудистам, отпускаемого козла, которого по утверждению тех же талмудистов приносили в жертву Азазелу, убивали тоже, его сбрасывали со скалы, что противоречит как тексту книги Левит, так и завещанному Богом способу принесения жертвы — закалыванию.[2]

Однако «отпущению» и закалыванию двух козлов предшествовал длительный подготовительный ритуал, продлжавшийся двенадцать дней. На двенадцатый день для всесожжения в жертву за грех требовалось 12 козлов, причем один из них «отпускался», то есть убивался через некоторое время.

Теперь сравним этот ветхозаветный ритуал с убийством Царской Семьи: Юровский пробыл в Ипатьевском доме 12 дней, на 12-й день должно быть убито 12 человек, но накануне самого убийства один из них (Л. Седнев) был отпущен и убит спустя десятилетие.

Кроме того в уводе Седнева нельзя не заметить аналогии с 11 апостолами Христа и Его предателем Иудой Искариотом, который накануне предания Спасителя на муки покинул Тайную Вечерю.

Принимая во внимание, что никаких логичных объяснений увода из Ипатьевского дома поваренка Леонида Седнева не существует, а также тот факт, что позже, в 20-х годах, он был расстрелян ГПУ, можно предположить, что увод поваренка был вызван соблюдением искаженного чернокнижием древнего иу-

---

[1] *Носенко Е.Э.* Восточная демонология: От народных верований к литературе. М.: Наследие, 1998. С. 214–257.

[2] The Jewish Encyclopedia, New York: Funk and Wagnalls, 1906–1910, v. 2. P. 367.

дейского обряда «козла отпущения», и таковым «козлом отпущения» являлся мальчик Леня Седнев.

5. Обстоятельства убийства Царской Семьи

Как погибла Царская Семья? Казалось бы на этот вопрос уже имеется убедительный ответ: в ночь с 16-е на 17-е июля 1918 года она была убита в полуподвальном помещении Ипатьевского дома посредством огнестрельного и холодного оружия, с нанесением множественных огнестрельных и ножевых ранений, несовместимых с жизнью. К этому выводу пришел и следователь Н.А. Соколов, и Правительственная Комиссия, возглавляемая Б.Е. Немцовым, это подтверждается всеми показаниями и воспоминаниями убийц Царской Семьи. Однако при внимательном исследовании этого вопроса становится ясно, что далеко не все обстоятельства убийства полностью установлены и доказаны. Начнем с того, что следствие Соколова так и не было завершено. Поэтому все его выводы, за исключением установления самого факта убийства Царской Семьи, носили предварительный характер. Соколову в силу объективных причин не удалось допросить не только ни одного лица, виновного в организации преступления, но даже ни одного организатора его исполнения. Из лиц, которым было предъявлено Соколовым обвинение, лишь один Медведев признался в непосредственном присутствии на месте преступления в момент его совершения. Соколов был лишен возможности сравнить показания Медведева с показаниями других участников убийства. Осмотр места преступления, полуподвальной комнаты Ипатьевского дома, который, казалось бы, полностью подтверждал показания Медведева, на самом деле свидетельствовал лишь о том, что в этом помещении произошло преступление, что здесь было убито несколько человек и что здесь применялось огнестрельное оружие. Но так как ни один непосредственный участник убийства задержан и допрошен следствием не был (Медведев отрицал свое участие в убийстве), то Соколов не имел возможности произвести следственный эксперимент, который бы выявил и доказал обстоятельства убийства. Поэтому выводы Соколова об обстоятельствах, методах и способе убийства Царской Семьи остаются весьма условными, что хорошо понимал и он сам.

Заявления же участников преступления, сделанные ими в разные годы после убийства в Советской России и за рубежом, являются просто сомнительными. Любой юрист знает, что доказательствами по уголовному делу являются показания, добытые следственным путем, в рамках возбужденного уголовного дела, при соблюдении всех норм действующего законодательства. Но даже такие показания обвиняемых требуют дополнительной проверки: проводятся очные ставки, опознания, следственные эксперименты (проверка показаний на месте), выемки, обыски и так далее. Все остальные признания, рас-

сказы, упоминания тех или иных лиц о совершении ими или кем-то уголовного преступления, сделанные вне рамок уголовного дела, ни показаниями, ни тем более доказательствами в юридическом смысле не являются и имеют лишь значение исторического документа, если речь идет об общественно-важном историческом явлении, которое требует серьезного научного анализа. Причины такого подхода понятны. Рассказы лиц о совершенном преступлении не в рамках уголовного дела могут быть вызваны причинами, далекими от правосудия: бахвальством, желанием оклеветать кого-нибудь, стремлением скрыть правду, просто больной фантазией, наконец. Это напрямую касается и рассказов лиц, принимавших участие в убийстве Царской Семьи или выдававших себя за них. Необходимо помнить, что Юровский, Ермаков, Войков, Белобородов, Кудрин, Никулин, Родзинский, Быков и другие повествовали об обстоятельствах убийства и о своем участии в нем в спокойной обстановке, безо всякого внешнего принуждения, не утруждая себя доказательствами и в условиях, когда содеянное ими воспринималось как революционный подвиг. Кроме того до сих пор остаются темными причины, по которым эти люди делали свои признания.

Таким образом, у нас имеются показания обвиняемых по уголовному делу, отобранные следователем Соколовым, и воспоминания лиц, которые заявили о своей причастности к убийству Царской Семьи.

Теперь сравним эти показания и воспоминания и посмотрим, к каким выводам мы придем.

Показания обвиняемых

Следствие в рамках возбужденного 30 июля (по ст. ст.) 1918 года уголовного дела по факту убийства Императора Николая II, Императрицы Александры Федоровны, Наследника Цесаревича Алексея Николаевича, Великих Княжон Ольги, Татьяны, Марии, Анастасии Николаевн, доктора Е.С. Боткина, комнатной девушки А.С. Демидовой, лакея А.Е. Труппа и повара И.М. Харитонова привлекло к уголовной ответственности и допросило в качестве обвиняемых следующих лиц: 1) П.С. Медведева, бывшего начальника охраны Дома Особого Назначения, 2) Ф.П. Проскурякова, бывшего охранника Дома Особого Назначения, 3) А.А. Якимова, бывшего разводящего Дома Особого Назначения, 4) Н.А. Соковича, бывшего заведующего отделом здравоохранения Уральского областного совета.

Из всех вышеназванных лиц лишь П. С. Медведев признался что находился на месте убийства в момент его совершения. Вот его показания:

«*Вечером 16-го июля я вступил в дежурство, и комендант Юровский часу в 8-м того же вечера приказал мне отобрать в команде и принести*

ему все револьверы системы Наган. У стоявших на постах и у некоторых других я отобрал револьверы, всего 12 штук, и принес в канцелярию коменданта. Тогда Юровский объявил мне: "Сегодня придется всех расстрелять. Предупреди команду, чтобы не тревожились, если услышат выстрелы". Я догадался, что Юровский говорит о расстреле всей Царской семьи и живших при ней доктора и слуг, но не спросил, когда и кем было постановлено о расстреле. Должен Вам сказать, что находившийся в доме мальчик-поваренок с утра, по распоряжению Юровского, был переведен в помещение караульной команды (дом Попова). В нижнем этаже дома Ипатьева находились латыши из "латышской коммуны", поселившиеся тут после вступления Юровского в должность коменданта. Было их человек 10. Никого из них я по фамилии не знаю. Часов в 10 вечера я предупредил команду, согласно распоряжению Юровского, чтобы они не беспокоились, если услышат выстрелы. О том, что предстоит расстрел Царской семьи, я сказал Ивану Старкову. Кто именно из состава команды находился тогда на постах — я положительно не помню и назвать не могу. Не могу также припомнить, у кого я отобрал револьверы.

Часов в 12 ночи Юровский разбудил Царскую Семью. Объявил ли он им, для чего он их беспокоит и куда должны пойти — не знаю. Утверждаю, что в комнаты, где находилась Царская семья, заходил именно Юровский. Ни мне, ни Константину Добрынину поручения разбудить спавших Юровский не давал. Приблизительно через час вся Царская семья, доктор, служанка и двое слуг встали, умылись и оделись. Еще прежде чем Юровский пошел будить Царскую семью, в дом Ипатьева приехали из Чрезвычайки два члена: один, как оказалось впоследствии, Петр Ермаков, а другой — неизвестный мне по имени и фамилии, высокого роста, белокурый, с маленькими усиками, лет 25–26. Валентина Сахарова я знаю, но это был не он, а кто-то другой. Часу во втором ночи вышли из своих комнат Царь, Царица, четыре царских дочери, служанка, доктор, повар и лакей. Наследника Царь нес на руках. Государь и Наследник были одеты в гимнастерки, на головах фуражки. Государыня и дочери были в платьях, без верхней одежды с непокрытыми головами. Впереди шел Государь с Наследником, за ними — Царица, дочери и остальные. Сопровождал их Юровский, его помощник и указанные мною два члена Чрезвычайной комиссии. Я также находился тут.

При мне никто из членов Царской семьи никаких вопросов никому не предлагал. Не было также ни слез, ни рыданий. Спустившись по лестнице, ведущей из второй прихожей в нижний этаж, вышли во двор, а оттуда, через вторую дверь (считая от ворот) во внутренние помещения нижнего этажа. Дорогу указывал Юровский. Привели их в угловую комнату нижнего этажа, смежную с опечатанной кладовой. Юровский велел подать стулья: его помощник принес три стула. Один стул был дан Госуда-

рыне, другой — Государю, третий — Наследнику. Государыня села у той стены, где окно, ближе к заднему столбу арки. За ней встали три дочери (я их всех очень хорошо знаю в лицо, так как каждый почти день видел их на прогулке, но не знаю хорошенько, как звали каждую из них). Наследник и Государь сели рядом, почти посередине комнаты. За стулом Наследника встал доктор Боткин. Служанка (как ее зовут — не знаю, высокого роста женщина) встала у левого косяка двери, ведущей в опечатанную кладовую. С ней встала одна из царских дочерей (четвертая). Двое слуг встали в левом от входа углу, у стены, смежной с кладовой.

У служанки была с собой в руках подушка. Маленькие подушечки были принесены с собою и царскими дочерьми. Одну из подушечек положили на сиденье стула Государыни, другую — на сиденье стула Наследника. Видимо, все догадывались о предстоящей им участи, но никто не издал ни звука. Одновременно в ту же комнату вошли 11 человек: Юровский, его помощник, два члена Чрезвычайной комиссии и семь человек латышей. Юровский выслал меня, сказав: "Сходи на улицу, нет ли там кого, и не будут ли слышны звуки выстрелов?". Я вышел в огороженный большим забором двор и, не выходя на улицу, услышал звуки выстрелов. Тотчас же вернулся в дом (прошло всего 2–3 минуты времени) и, зайдя в ту комнату, где был произведен расстрел, увидел, что все члены Царской семьи: Царь, Царица, четыре дочери и Наследник уже лежат на полу с многочисленными ранами на телах. Кровь текла потоками. Были уже убиты доктор, служанка и двое слуг. При моем появлении Наследник был еще жив — стонал. К нему подошел Юровский и два или три раза выстрелил в него в упор. Наследник затих. Картина убийства, запах и вид крови вызвали во мне тошноту. Перед убийством Юровский роздал всем наганы, дал револьвер и мне, но я, повторяю, в расстреле не участвовал. У Юровского, кроме нагана, был маузер.

По окончании убийства Юровский послал меня в команду за людьми, чтобы смыть кровь в комнате. По дороге в дом Попова мне попали бегущие навстречу разводящие Иван Старков и Константин Добрынин. Последний из них спросил меня: "Застрелили ли Николая II? – Смотри, чтобы вместо него кого другого не застрелили: тебе отвечать придется". Я ответил, что Николай II и вся его семья убиты. Из команды я привел человек 12–15, но кого именно — совершенно не помню, и ни одного имени назвать Вам не могу. Приведенные мною люди сначала занялись переноской трупов убитых на поданный к парадному подъезду грузовой автомобиль. Трупы выносили на носилках, сделанных из простыней, натянутых на оглобли, взятые от стоящих во дворе саней. Сложенные в автомобиль трупы завернули в кусок солдатского сукна, взятый из маленькой кладовой, находящейся в сенях нижнего этажа. Шофером автомобиля был злоказовский рабочий Люханов. На грузовик сели Петр Ермаков и

другой член Чрезвычайной комиссии и увезли трупы. В каком направлении они поехали и куда дели трупы, не знаю. Кровь в комнате и во дворе замыли и все привели в порядок. В три часа ночи все было окончено, и Юровский ушел к себе в канцелярию, а я — к себе в команду. Я не видел и не слышал, чтобы Юровский вычитывал Царю какую-нибудь бумагу». [1]

Не будем пока подробно анализировать показания Медведева. Отметим лишь некоторые странности в его рассказе.

1. Медведев проявляет странную забывчивость. Он, начальник охраны Дома Особого Назначения, не может вспомнить ни одной фамилии тех, кто стоял 17 июля 1918 года на постах, ни одной фамилии, у кого отобрал наганы, ни одной фамилии членов команды, кто производил зачистку комнаты от крови. Лишь в конце допроса, после вопроса следователя, Медведев вспомнил фамилии Никулина и Стрекотина, но похоже, что он просто ухватился за полученную от следователя информацию.

2. Непонятно, где находился Медведев в течение всего времени, непосредственно предшествующего убийству. Когда, по его словам, Юровский разбудил Царскую Семью, он, Медведев, «тоже находился тут». «Тут» — это где? Рядом с Юровским, в комендантской? Далее, Медведев показывает, что во время следования Семьи с верхнего этажа в нижний Юровский указывал ей дорогу. Получается, что Медведев следовал за ним. По пришествии в комнату, где должно было произойти убийство, Юровский опять присутствует вместе с Царской Семьей и там же находится Медведев, он слышит, как Юровский велит принести три стула. Но когда все приговоренные расположились в комнате, то «одновременно в комнату вошли 11 человек» во главе с Юровским. Во-первых, непонятно «одновременно» с чем, а во-вторых, получается, что Юровский куда-то выходил из комнаты, раз он туда вошел обратно вместе с командой. Когда Юровский вышел из комнаты, зачем и кто в ней оставался вместе с приговоренными, Медведев не сообщает.

3. Непонятна информация о том, в чем были одеты члены Царской Семьи. Почему-то у Государя и Наследника были надеты на голову фуражки, а Императрица и дочери были в платьях без головных уборов.

4. Непонятно, когда Юровский сказал Медведеву, чтобы тот пошел на улицу послушать, не слышны ли выстрелы. Если в тот момент, когда он вошел с другими убийцами, то Семья этого не слышать не могла, что явно не входило в планы Юровского.

Теперь посмотрим, что показали другие обвиняемые и как их показания соответствовали показаниям Медведева.

Обвиняемый Ф.П. Проскуряков на допросе его следователем Соколовым показал, что все, что ему известно об убийстве Царской Семьи, он

---

[1] Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 161–162.

знает со слов Медведева. Между тем, однако, в том, что якобы рассказывал ему Медведев, и в том, что говорил на допросе сам Медведев, имеются существенные разногласия. Вот показания Проскурякова: «*Во вторник утром (т.е. 16-го июля 1918 года – П.М.), когда я стоял на посту, я сам видел, что Юровский пришел в дом часов в 8 утра. После него, спустя несколько времени, в дом прибыли Белобородов с пузатым. Это я сам видел. Как я уже говорил, я тогда ушел с поста в 10 часов утра. Медведев же сказывал мне, что они втроем, т. е. Юровский, Белобородов и этот пузатый, спустя несколько времени поехали кататься на автомобиле. Дома в это время оставался Никулин. Перед вечером они трое вернулись. Значит, вернулись Юровский, Белобородов и этот пузатый. Вечером Юровский сказал Медведеву, что Царская семья ночью будет расстреляна и приказал ему предупредить об этом рабочих и отобрать у постовых револьверы. Вот этого я толком понять не могу. Правда это была или нет, я этого доподлинно не знаю, потому что никого из рабочих об этом я спросить не догадался, отбирал ли на самом деле у них Медведев револьверы. Для чего это нужно было, я сам не понимаю: по словам Медведева, расстреливали Царскую семью латыши, а они все имели наганы. Я тогда еще не знал, что Юровский еврей. Может быть, он, руководитель этого дела, и латышей для этого нагнал, не надеясь на нас, на русских? Может быть, он для этого и захотел постовых русских рабочих обезоружить? Пашка Медведев приказание Юровского в точности выполнил: револьверы отобрал, передал их Юровскому, а команду предупредил о расстреле Царской семьи часов в 11 вечера*».

Прервем ненадолго показания Проскурякова. Этот эпизод с отбиранием револьвером действительно весьма странен. И странен он не тем, что Юровский приказал отобрать у русской охраны оружие, что вполне логично и объясняется страхом Юровского перед возможностью вооруженного сопротивления русских убийству их Царя, а тем, что Юровский, отбирая револьверы, велит Медведеву заранее предупредить охрану о предстоящем убийстве Царской Семьи. Если бы Юровский опасался вооруженного сопротивления со стороны русских охранников, то он должен был отобрать у них оружие под любым предлогом и скрывать подготовку убийства до самого последнего момента. Он мог бы объяснить охране, что будут производиться ночные стрельбы или что-нибудь в этом роде. Наконец, он мог бы вообще убрать русскую охрану, полностью заменив ее на «латышей». Но Юровский действует так, как будто бы он специально хочет осложнить осуществление убийства. Он сначала провоцирует русскую охрану отбиранием у нее оружия и сообщением о предстоящем убийстве Царской Семьи, а потом, как показывал Медведев, перед самым расстрелом велит выдать ей обратно оружие. Между тем мы знаем, что Юровский был скрытным и хорошим организатором. Его действия не мог-

ли быть спонтанными и необдуманными. В связи с этим представляется, что в этом эпизоде с отбиранием оружия есть какие-то недоговоренности, неясности, какая-то ложь. Тем более что никто из обвиняемых не вспомнил о том, что Медведев у кого-нибудь отбирал наганы, и не слышал об этом. Но продолжим показания Проскурякова:

«*В 12 часов ночи Юровский стал будить Царскую семью, потребовав, чтобы они все оделись и сошли в нижние комнаты. По словам Медведева, Юровский будто бы такие объяснения привел Царской семье: ночь будет "опасная", т.е. как я понимаю, он им сказал, в верхнем этаже будет находиться опасно на случай, может быть, стрельбы на улицах, и поэтому потребовал, чтобы они все сошли вниз. Они требование Медведева исполнили и сошли в нижние комнаты в сопровождении Юровского, Никулина, Белобородова и этого курчавого, пузатого. Здесь были сам Государь, Государыня, Наследник, все четыре дочери, доктор, лакей, горничная и повар. Всех их привели в ту самую комнату, где в стенах на полу было много следов пуль. Встали они в два ряда и немного углом вдоль не одной, а двух стен. Ни про какие стулья при этом Пашка мне не сказывал. Сам Юровский стал читать им какую-то бумагу. Государь не дослышал и спросил Юровского: "Что?" А он, по словам Пашки, поднял руку с револьвером и ответил Государю, показывая ему револьвер: "Вот что". И будто бы добавил: "Ваши родственники не велят Вам больше жить". Что означали эти слова, я не понимаю. Хотя я не понимаю этих слов, но я не спросил у Медведева никаких объяснений этим непонятным словам. Я не могу также точно удостоверить, что именно так мне передавал слова Юровского Пашка. Может быть, Юровский и по-другому сказал Государю: "Ваш род не должен больше жить". Пожалуй, что так оно и будет.*

Хорошо я еще помню, что, передавая мне про бумагу, которую Юровский вычитывал Государю, он назвал ее, эту бумагу, "протоколом". Именно так ее назвал Пашка. Это я хорошо помню. Как только Юровский сказал, он, Белобородов, пузатый, Никулин, Медведев и все латыши (их было по словам Пашки, 10, а не 11 человек) выстрелили все сначала в Государя, а потом уже начали стрелять во всех остальных. Все они пали мертвыми на пол. Пашка сам мне рассказывал, что он выпустил две-три пули в Государя и в других лиц, кого они расстреливали. Показываю сущую правду. Ничего вовсе он мне не говорил, что он будто бы сам не стрелял, а выходил слушать выстрелы наружу: это он врет. Ничего он мне также не говорил ни про подушку, ни про то, что семья Царская сидела на стульях, когда ее расстреливали».[1]

---

[1] Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 277.

Итак, рассказ Медведева Проскурякову, если только он имел место, вносит существенные отличия в показания Медведева, данные им Соколову. Во-первых, участие в убийстве, оказывается, принимали вместе с Юровским, Белобородов, Никулин, «пузатый» (по всей видимости, Голощекин) и сам Медведев, а также 10 «латышей». Как мы помним, в показаниях Медведева речь идет о Юровском, Никулине, двух членах Чрезвычайно комиссии и 7 «латышах». Можно было бы подумать, что Медведев, не зная их фамилий, под двумя членами ЧК имеет в виду Белобородова и Голощекина, но в своих показаниях он говорит, что, когда он пришел на следующее утро после убийства в комендантскую, то застал там «*Белобородова, Голощекина и Ивана Старкова*». То есть Медведев хорошо знал Белобородова и Голощекина в лицо.

Во-вторых, совершенно исчезает информация о стульях, о том, что Царь, Наследник и Государыня в момент убийства сидели на стульях, принесенных по приказу Юровского.

В-третьих, изменяется картина убийства: все стреляют сначала в Государя, а потом в остальных, при этом все убиваемые умирают сразу, никого не достреливают, тогда как в показаниях Медведева Юровский тремя выстрелами убил раненого Цесаревича.

В-четвертых, Медведев непосредственно присутствует при расстреле, никуда не выходит и даже стреляет в Государя, тогда как в показаниях — Медведев участия в убийстве не принимает.

В-пятых, Медведев слышал, как Юровский зачитывал Императору Николаю II какую-то бумагу, которую он называет «протоколом», тогда как в показаниях Медведев ничего о чтении «протокола» не говорит.

У нас есть еще один косвенный рассказ Медведева об обстоятельствах убийства Царской Семьи, переданный его женой М.Д. Медведевой в объяснении сотруднику уголовного розыска и на допросе следователем И.А. Сергеевым. В своем объяснении Медведева сообщила: «*19 июля с. г. я приехала в гор. Екатеринбург навестить своего мужа. Подъехав к дому, где был заключен б. Государь Император, удивилась тому, что дом этот стоял почти без охраны, почему, заехав к мужу в казарму и встретившись с ним, спросила его, что означает такое малое количество постов с теми, что были прежде, и мой муж Павел Медведев рассказал мне:*

"Теперь излишне охранять дом, потому что Царя там нет, он и вся его семья убиты. Произошло это так: в 2 часа ночи 17 июля разбудили всю семью Государя и его самого, а также и всю его прислугу и его приближенных. Они встали, умылись, оделись и их всех свели вниз в комнату, где они стали полукругом. Всего их было 12 человек. Против них тоже выстроилось 12 каких-то нездешних людей — не заводских, а приезжих. Государю и его семье прочли бумагу, в которой говорилось, что революция погибает, и они должны погибнуть, после чего прислуга Государя стала охать и кричать, но все стоявшие начали расстреливать приведенных

сверху, и вскоре б. Государь Император, б. Государыня Императрица, Наследник и все великие княжны, прислуга и приближенные, в количестве 12 человек были мертвы"».[1]

В этом объяснении Медведевой есть очень важные моменты, которых мы коснемся позже. Здесь же отметим, что в рассказе Медведева своей жене появляется странная деталь. Почему-то количество убиваемых достигает 12 человек, также как и количество убийц. Кроме того, находит подтверждение то, что в убийстве участие принимали «чужие», а также то, что Государю зачитывали какую-то бумагу.

Более подробно Медведева сообщила о рассказе мужа следователю Сергееву: «*Павел Медведев рассказал мне о том, как было совершено убийство Царя и его семьи. По словам Павла, ночью часа в 2 ему велено было разбудить Государя, Государыню, всех царских детей, приближенных и слуг. Павел послал для этого Константина Степановича Добрынина. Все разбуженные встали, умылись, оделись и были сведены в нижний этаж, где их поместили в одну комнату. Здесь вычитали им бумагу, в которой было сказано: "Революция погибает, должны погибнуть и Вы". После этого в них начали стрелять и всех до одного убили. Стрелял и мой муж. Он говорил, что из сысертских принимал участие в расстреле только он один, остальные же были не "наши", т.е. не нашего завода, а русские или не русские — этого мне объяснено не было. Стрелявших тоже было 12 человек. Стреляли не из ружей, а из револьверов: так, по крайней мере, объяснял мне муж. Рассказывал мне муж все это совершенно спокойно*».[2]

В этом рассказе Медведевой, мы вновь наблюдаем новые сведения, привнесенные ее мужем П.С. Медведевым в картину убийства. Совершенно куда-то исчезает Юровский, его место занимает сам Медведев, Царскую Семью будит отсутствующий в предыдущих показаниях Добрынин. Количество убитых и убийц по-прежнему сохраняется по 12 человек, а не 11 — как в дальнейших показаниях. Таким образом, каждое сообщение, исходившее из уст Медведева, в чем-то обязательно противоречило предыдущему.

Этих противоречий становится еще больше в других показаниях обвиняемых. Обвиняемый А.А. Якимов заявил следствию, что участия в расстреле Царской Семьи не принимал, так как в ночь с 16-го на 17-е июля сменился с дежурства и ушел спать в казарму. В 4 часа утра он был разбужен охранником Клещевым. «*Он говорил взволновано: "Ребята, вставайте! Новость скажу. Идите в ту комнату!" Мы встали и пошли в соседнюю комнату, где было больше народа, почему нас и звал туда Клещев. Я помню, что все указанные мною лица были тогда в этих комнатах,*

[1] Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 76.
[2] Там же. С. 115.

кроме Корзухина и Пелегова. Были они в это время дома, не помню. Помню, был еще Путилов.

Когда мы собрались все, Клещев сказал: "Сегодня расстреляли Царя". Все мы стали спрашивать, как же это произошло, и Клещев, Дерябин, Лесников и Брусьянин рассказали нам следующее. Главным образом рассказывали Клещев с Дерябиным, взаимно дополняя друг друга. Говорили и Лесников с Брусьяниным, что видели сами. Рассказ сводился к следующему.

В 2 часа ночи к ним на посты приходили Медведев с Добрыниным и предупреждали их, что им в эту ночь придется стоять дольше 2 часов ночи, потому что в эту ночь будут расстреливать Царя. Получив такое предупреждение, Клещев и Дерябин подошли к окнам: Клещев к окну прихожей нижнего этажа, окно в ней, обращенное в сад, как раз находилось против дверей из прихожей в комнату, где произошло убийство. Дерябин же к окну, которое имеется в этой комнате и выходит на Вознесенский переулок.

В скором времени — это было все, по их словам, в первом часу ночи, считая по старому времени, или в третьем часу по новому времени, которое большевики перевели тогда на два часа вперед — в нижние комнаты вошли люди и шли в комнату нижнего этажа. Это шествие наблюдал именно Клещев, так как ему из сада через окно это было видно. Шли они, безусловно, со двора через дверь сеней.

Впереди шли Юровский и Никулин. За ними шли Государь, Государыня и дочери: Ольга, Татьяна, Мария, Анастасия, а также Боткин, Демидова, Трупп и повар Харитонов. Наследника нес на руках сам Государь. Сзади шел Медведев и "латыши", т.е. десять человек, которые жили в нижних комнатах и которые были выписаны Юровским из чрезвычайки. Из них двое русских были с винтовками.

Когда они все были введены в комнату, они разместились так: посредине комнаты стоял Царь, рядом с ним на стуле сидел Наследник по правую руку от Царя, а справа от Наследника стоял доктор Боткин. Все трое, т.е. Царь, Наследник и Боткин были лицом к двери из этой комнаты.

Сзади них у стены, которая отделяет комнату от комнаты (дверь которой была опечатана и заперта; там хранились какие-то вещи), стали Царица с дочерьми. Я вижу предъявленный Вами фотографический снимок этой комнаты, где произошло убийство их. Царица с дочерьми и стояла между аркой и дверью в опечатанную комнату, как раз вот тут, где, как видно на снимке, стена исковырена. В одну сторону от Царицы с дочерьми стали в углу повар с лакеем, а в другую сторону от них, также в углу, встала Демидова. А в какую именно сторону, в правую или левую, встали повар с лакеем, и в какую встала Демидова, не знаю.

В комнате, вправо от входа в нее, находился Юровский. Слева от него, как раз против двери из этой комнаты, где произошло убийство, в прихожую

стоял Никулин. Рядом с ним в комнате же стояла часть "латышей". "Латыши" находились и в самой двери. Сзади них стоял Медведев.

Такое расположение названных лиц я описываю со слов Клещева и Дерябина. Они дополняли друг друга. Клещеву не видно было Юровского. Дерябин видел через окно, что Юровский что-то говорил, маша рукой. Он видел, вероятно, часть его фигуры, а главным образом руку Юровского. Что именно говорил Юровский, Дерябин не мог передать. Он говорил, что ему не слышно было его слов. Клещев же положительно утверждал, что слова Юровского он слышал. Он говорил — я это хорошо помню — что Юровский так сказал Царю: "Николай Александрович, Ваши родственники старались Вас спасти, но этого им не пришлось. И мы принуждены Вас сами расстрелять".

Тут же, в ту же минуту за словами Юровского, раздалось несколько выстрелов. Стреляли исключительно из револьверов. Ни Клещев, ни Дерябин, как я помню, не говорили, что стрелял Юровский, т.е. они про него не говорили совсем, стрелял он или же нет. Им, как мне думается, этого не видно было, судя по положению Юровского в комнате. Никулин же им хорошо был виден. Они оба говорили, что он стрелял. Кроме Никулина стреляли некоторые из "латышей". Стрельба, как я уже сказал, происходила исключительно из револьверов. Из винтовок никто не стрелял.

Вслед за первыми же выстрелами раздался, как они говорили, женский "визг", крик нескольких женских голосов. Расстреливаемые стали падать один за другим. Первым пал, как они говорили, Царь, за ним Наследник. Демидова же, вероятно, металась. Она, как они оба говорили, закрывалась подушкой. Была ли она ранена или нет пулями, но только была она приколота штыками одним или двумя русскими из чрезвычайки.

Когда все они лежали, их стали осматривать и некоторых из них достреливать и докалывать. Но из лиц Царской семьи, я помню, они называли одну только Анастасию как приколотую штыками.

<...> Кто-то принес, надо думать, из верхних комнат, несколько простынь. Убитых стали завертывать в эти простыни и выносить во двор через те же комнаты, через которые их вели на казнь. Со двора их выносили в автомобиль, стоявший за воротами дома в пространстве между фасадом дома, где парадное крыльцо в верхний этаж, и наружным забором: здесь обычно и стояли автомобили.

Это уже видели Лесников с Брусьяниным. Как их выносили со двора, то есть через ворота или же через калитку, не было разговора. Всех их перенесли в грузовой автомобиль и сложили всех в один.

Из кладовой было взято сукно. Его разложили в автомобиле, на него положили трупы сверху и закрыли этим же сукном. Шофером на этом автомобиле был Сергей Люханов. Именно его называли и Брусьянов, и Лесников. Автомобиль с трупами Люханов повел в ворота, которые

выходили на Вознесенский переулок, и далее вниз по Вознесенскому переулку, мимо дома Попова. Вместе с трупами уехал сам Юровский и человека три "латыша", но русских "латышей" или не русских — не знаю: не допытывался.

Когда трупы были уже унесены из дома, тогда двое из "латышей" — молодой в очках и другой молодой, лет 22, блондин — стали метелками заметать кровь. Говорили Клещев с Дерябиным, что кровь с опилками куда-то выкидывалась. В какое-то, как я понял, подполье в самом доме, но я хорошо этого не помню. Рассказы Клещева, Дерябина, Брусьянина и Лесникова были столь похожи на правду, и сами они были так всем виденным ими поражены и потрясены, что и тени сомнения ни у кого не было, кто их слушал, что они говорили правду. Особенно был расстроен этим Дерябин, а также и Брусьянин. Дерябин прямо ругался за такое дело и называл убийц "мясниками". Он говорил про них с отвращением. Брусьянин не мог вынести этой картины, когда покойников стали вытаскивать в белых простынях и класть в автомобиль: он убежал со своего поста на задний двор.

<…> Я Вам говорю сущую правду. Ничего ни я, ни другие наши злоказовские рабочие, которые слушали рассказ, с вчера не знали о предстоящем убийстве. К нам в казарму Медведев с вечера не приходил и ничего про это не рассказывал. И никто из нас не ходил убирать кровь в комнате после убийства. О том, чтобы Медведев перед убийством брал у кого-либо револьверы, я ни от кого не слышал»[1]

Обозначим главные расхождения между рассказом Клещева—Дерябина с показаниями Медведева.

1. В рассказе Клещева и Дерябина полностью отсутствуют сведения, что Медведев отбирал у команды револьверы. Не подтверждает их и Якимов.

2. Клещев и Дерябин рассказывали, что Медведев сообщил им около 2 часов ночи, что предстоит убийство Царской Семьи, чего нет в показаниях Медведева.

3. Описывая движение Царской Семьи к комнате, где произошло убийство, Клещев и Дерябин говорят, что вместе с Юровским был Никулин, чего нет в показаниях Медведева.

4. В рассказе Клещева и Дерябина говорится о том, что, когда Царская Семья вошла в комнату убийства, то там был стул, на который сел Наследник. Между тем как Медведев показывал, что было три стула, на которые сели Государь, Наследник и Государыня, и что эти стулья принесли по приказу Юровского.

---

[1] Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 341–342.

5. У Медведева Государь, Императрица и Наследник Цесаревич сидят в момент убийства на стуле, а у Клещева с Дерябиным Царь и Царица стоят, а Цесаревич — сидит.

6. В рассказе Клещева и Дерябина среди убийц появляются два человека с винтовками, чего нет в показаниях Медведева.

7. Ни Клещев, ни Дерябин не упомянули в своем рассказе, что Медведев выходил на улицу за несколько мгновений до убийства, хотя сам Медведев об этом рассказывал. При этом Клещев и Дерябин, если исходить из их рассказа, не могли не видеть Медведева.

8. Клещев и Дерябин утверждали, что Наследник Цесаревич был убит сразу же, а Великая Княжна Анастасия Николаевна была добита штыками, тогда как Медведев утверждал, что Юровский несколькими выстрелами добил именно Наследника, про штыки Медведев не говорил вообще ни слова.

9. Клещев и Дерябин утверждали, что тела убиенных были завернуты в простыни, которые были принесены с верхнего этажа, а Медведев показывал, что трупы выносили на носилках, сделанных из простыней, натянутых на оглобли саней.

10. Клещев и Дерябин утверждали, что кровь в комнате убирали какие-то два человека из "латышей", а Медведев говорил, что он для этого вызвал из команды несколько человек.

К вышеизложенному необходимо добавить, что до допроса следователем Соколовым Якимов непосредственно после убийства уже сообщил о гибели Царской Семьи своей сестре К.А. Агафоновой (урожденной Якимовой). Агафонова была допрошена следователем И.А. Сергеевым, вот ее показания: «*Не помню теперь, какого именно числа в июле месяце, брат Анатолий часу в 11 утра пришел ко мне и сообщил, что он уедет на вокзал, а оттуда в Пермь. Вид у брата был измученный, и он очень взволновался. Заметив это, я спросила: "Что ты волнуешься, что с тобой, может быть, Николая отправили?" В ответ на это брат попросил закрыть дверь на кухню и, волнуясь, сообщил мне, что минувшей ночью Николай Романов, вся его семья, доктор, фрейлина и лакей были убиты. По словам брата, присутствовавшего при казни, злодеяние было выполнено таким способом: часу в третьем ночи (т.е. по нашему времени — в первом часу, так как тогда часовые стрелки были переведены на два часа вперед) всех заключенных в доме лиц разбудили и попросили их сойти вниз. Здесь им сообщили, что скоро в Екатеринбург придет враг и что поэтому они должны быть убиты. Вслед за этими словами последовали залпы, Государь и Наследник были убиты сразу, все же остальные были только ранены, и поэтому их пришлось пристреливать, докалывать штыками и добивать прикладами. Особенно много возни было с фрейлиной, она все бегала и защищалась подушками, на теле ее оказалось 32 раны. Княжна*

Анастасия притворилась мертвой, и ее также добили штыками и прикладами. Сцены расстрела были так ужасны, что брат, по его словам, несколько раз выходил на улицу, чтобы освежиться. Кто именно участвовал в расстреле, брат не говорил. Помню, что он упоминал о каких-то латышах и говорил, что стреляли не красноармейцы, а какие-то главные, приехавшие из совета. Этих главных было пять человек».[1]

Этот рассказ Якимова в пересказе его сестры весьма интересен, так как сильно расходится и с показаниями Медведева, и с рассказом Клещева и Дерябина, который сам Якимов привел при допросе его Соколовым. Коренным образом меняется роль Якимова в злодеянии. Из рассказа Агафоновой получается, что он был как минимум его свидетелем, если не участником. Тогда логично сделать вывод, что Якимов, с целью отвести свое участие в убийстве, мог придумать весь рассказ Клещева и Дерябина, дабы объяснить следователю, откуда он мог узнать об убийстве. Это кажется правдоподобным, так как слова Клещева, что он через закрытое окно слышал, о чем говорил Юровский, весьма малоправдоподобны. Но при дальнейшем сопоставлении показаний Якимова и показаний Агафоновой ситуация представляется более сложной и запутанной. Якимов сообщал Агафоновой детали, которые не совпадали с его пересказом слов Клещева и Дерябина. Так, он сообщил, что, когда Царскую Семью отвели в полуподвальную комнату, ей сообщили, что в Екатеринбург придет враг и что поэтому они должны быть убиты. Кто сообщил, Якимов Агафоновой не рассказывал. В «рассказе Клещева—Дерябина» Якимов говорит, что Царской Семье сказали следующую фразу: «*Николай Александрович, Ваши родственники старались Вас спасти, но этого им не пришлось. И мы принуждены Вас сами расстрелять*». При этом он четко говорит, что эти слова были сказаны Юровским. В рассказе Агафоновой присутствуют детали убийства. Например, о том, что Демидовой было нанесено 32 раны, что Великая Княжна Анастасия **притворилась** мертвой и ее добили штыками. Между тем как у Клещева-Дерябина говорится просто, что Демидова, **вероятно**, металась, а Великую Княжну Анастасию **докололи** штыками. Имеются существенные различия и в описании количества убийц, и в том, кто именно принимал участие в убийстве. Так, в рассказе Агафоновой Якимов утверждает, что убивали не красноармейцы, а какие-то **главные, приехавшие из совета**, которых было пять человек. В рассказе же Клещева—Дерябина утверждается, что стрелял точно **Никулин и несколько "латышей"**. Если Якимов присутствовал при расстреле, то зачем ему понадобилось менять свои показания? Положим, что, умолчав о точном количестве нанесенных ран Демидовой, об обстоятельствах убийства Великой Княжны Анастасии Николаевны, он стремился избежать излишней де-

---

[1] Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 121.

тализации, которая могла бы выдать его участие в убийстве. Но совершенно непонятно, зачем ему понадобилось умалчивать о «пяти главных из совета» и о Никулине? Что это давало Якимову? Ровным счетом ничего. Наоборот, если бы он повторил то, что он говорил Агафоновой про участие «старших» и о Никулине, он тем самым косвенно выгораживал бы охранников Ипатьевского дома, в числе которых был и он сам. Упоминание же русских из Чрезвычайки, которые закололи Великую Княжну, да непонятных «латышей» только могли вызвать подозрение у следователя в его неискренности, что кстати и произошло. Соколов, у которого был на руках протокол допроса Агафоновой, начал расспрашивать Якимова о некоторых расхождениях между только что полученными от него показаниями и разговором с сестрой. Якимов категорически отрицал, что сказал сестре о своем участии в убийстве, заявив, что, по-видимому, сестра сделала об этом ошибочное заключение из-за его внешнего крайне расстроенного вида. Якимов заявил, что все, что он сообщил это — рассказ с чужих слов. Якимов также заявил, что количество нанесенных Демидовой ран было не 32, а только 30, как ему об этом сообщил Дерябин. На самом деле, как мы видели из пересказа Якимовым слов Клещева—Дерябина, ни о каких ранах те Якимову не сообщали. Между тем, кто бы ни являлся первоисточником сведений о количестве ран, нанесенных Демидовой, они, эти сведения, представляются весьма странными. Для того, чтобы с такой точностью установить количество причиненных Демидовой ранений, надо было внимательно рассматривать тело либо самому сознательно наносить эти удары. Из рассказа Клещева–Дерябина и из рассказа Агафоновой видно, что ни Клещев, ни Дерябин, ни сам Якимов ни внимательно осматривать тело, ни наносить удары не могли; первые — потому что находились вне комнаты убийства, а второй — из-за того, что непосредственного участия в этом убийстве не принимал. Получается, что либо Якимов солгал в обоих случаях, и в разговоре с сестрой, и на допросе следователя, либо он действительно услышал о ранах с чужих слов, либо он мог сам примерно сосчитать эти раны, но уже только **после убийства**. Последнее нам представляется наиболее вероятным.

Еще одни показания охранника М.И. Летемина: «*16-го июля я дежурил на посту № 3 с 4-х часов дня до 8 часов вечера (у калитки внутри двора) и помню, что, как только я вышел на дежурство, б. Царь и его семья возвращались с прогулки; ничего особенного я в этот раз не заметил.*

17-го июля я пришел на дежурство в 8 часов утра; предварительно я зашел в казарму и здесь увидел мальчика, состоявшего в услужении при царской семье (Леонида Седнева). Появление мальчика меня очень удивило, и я спросил: "Почто он здесь?" (почему он здесь). На это один из товарищей — Андрей Стрекотин, к которому я обратился с вопросом, только махнул рукой и, отведя меня в сторону, сообщил мне, что минувшей но-

чью убиты Царь, Царица, вся их семья, доктор, повар, лакей и состоявшая при царской семье женщина.

По словам Стрекотина, он в ту же ночь находился на пулеметном посту в большой комнате нижнего этажа и видел, как в его смену (а он должен был дежурить с 12 часов ночи до 4 часов утра) сверху привели вниз Царя, Царицу, всех царских детей, доктора, двоих служителей и женщину и всех их доставили в ту комнату, которая сообщается с кладовой.

Стрекотин мне объяснил, что на его глазах комендант Юровский вычитал бумагу и сказал: "Жизнь ваша кончена". Царь не расслышал и переспросил Юровского, а Царица и одна из царских дочерей перекрестились.

В это время Юровский выстрелил в Царя и убил его на месте, а затем стали стрелять латыши и разводящий Павел Медведев.

Из рассказа Стрекотина я понял, что убиты были решительно все. Сколько было выстрелов произведено во время расстрела, не знаю, не спрашивал.

Нет, припоминаю, что в разговоре заметил Стрекотину: "Пуль ведь много должно оставаться в комнате", и Стрекотин мне ответил: "Почто много? Вон, служившая у Царицы женщина закрылась от выстрела подушкой, поди, в подушке пуль много застряло"».[1]

В этих показаниях вновь появляется Юровский как главный убийца, которому помогает Медведев, новое толкование слов Юровского, сказанных им Государю, и так далее.

Мы могли бы приводить еще много расхождений и разногласий между показаниями обвиняемых. Но вместо этого приведем показания свидетельские, а именно Е.И. Старковой, матери разводящего Ипатьевского дома И.А. Старкова. Вот что она показала: «*Мой сын Иван Андреев Старков был красноармейцем, охранявшим, в числе других, в г. Екатеринбурге дом бывшего Государя Императора. Накануне взятия г. Екатеринбурга мой сын Иван пришел домой, где рассказал, что в ночь, когда исчезла семья Государя Императора (он сам и его приближенные), им комендантом дома, где был заключен б. Государь Император, приказано было* ***на дежурство не приходить****. Ночью поздно он видел в окно, как из Дома Особого Назначения, где был до того Государь и вся его семья, выехали два автомобиля очень больших и куда-то уехали. На утро той ночи в доме, который они окарауливали, уже из б. Царской семьи и ее приближенных никого не было, причем в дом, где содержался Государь, им никому ходить было не велено*».[2]

---

[1] Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 132.

[2] Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 77.

А теперь вспомним, что Медведев рассказывал, как Старков после убийства его спрашивал: «Убили ли Николая II?» Кто же лжет из них, Медведев или мать Старкова?

Но вот еще одно показание — В.О. Дрягиной, которая вместе с Марией Стародумовой и двумя другими женщинами мыла пол 2/15 июля 1918 года в доме Ипатьева. Тогда им за мытье полов не дали денег, и 7/20 июля Дрягина и Стародумова пришли к дому Попова, где размещалась охрана ДОНа, чтобы получить свои деньги. «*Караульного начальника Медведева тут не оказалось*, — показывала Дрягина. — *Стражи сказали, что он уехал домой в Сысерть и на днях будет. Когда мы вышли из казармы, как раз подъехал на паре лошадей Медведев. Я сказала: "Нам Вас-то и надо". Медведев был порядочно выпивши и, войдя в казарму, сказал: "Товарищи извините, я в веселом духе — был у родных". После этого он скинул с себя сумку и хотел идти в дом Ипатьева, но ему сказали, что там никого нет. "Как нет?", — спросил Медведев. "Так все уехали", — ответили ему. После этого Медведев спросил про Юровского и получил ответ, что и Юровский уехал. Про Государя и его Семью Медведев не спрашивал, но из приведенного мною разговора я поняла, что Медведев спрашивал про Царя и его Семью. Так ли я поняла, как было на самом деле — не знаю*».[1]

Показания Дрягиной в целом подтвердила Стародумова, правда, у нее есть одно дополнение, она уверяет, что встреча с Медведевым имела место не 20, а 19 июля: «*В субботу 19 июля пошли мы к караульному начальнику Медведеву и, подойдя к дому Попова, где жил караул, застали там несколько красноармейцев, которые собирались уезжать и укладывали вещи. В это время на тройке крестьянских лошадей подъехал пьяный караульный начальник Медведев и спросил укладывающихся красноармейцев, что они делают, и узнав, что они торопятся как можно скорее выехать на фронт, спросил, указывая на Ипатьевский дом: "Пойдемте, я пойду к Юровскому". Но красноармейцы ответили, что дом закупорен и там никого нет, тогда Медведев спросил: "А они?" "Они, — сказали красноармейцы, — уехали все на Пермь". Караул, который в этот день дежурил у Государя, был, судя по разговору, немцы или австрийцы, одеты были в форменную одежду, но чисто, красиво*».[2]

Кто были эти красноармейцы, говорившие по-немецки и одетые «чисто, красиво»? Откуда приехал Медведев, почему он не знал, что Ипатьевский дом уже пуст? Из показаний двух женщин выходит, что Медведев не знал про убийство, что его не было в доме Ипатьева ночью 17-го июля. С другой стороны, есть множество свидетельств, да и сам Медведев указывают на то, что он там был. Более того, жена Медведева в своих пока-

---

[1] *Прищеп В.И., Александров А.Н.* Указ. соч. С. 210.
[2] Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 82.

заниях утверждала, что она в начале июля, 19-го числа, пришла из Сысерти в Екатеринбург, так как ее вызвал муж. Значит, Медведева не было в Сысерти, и он был в Екатеринбурге. Но вот что интересно, пока она ждала мужа, он ходил к начальству, в доме Попова, она задала вопрос Ивану Старкову: «*Почему постов-то мало занято? Где Государь у вас?*» На что Старков ей ответил: «Увезли». Заметим, что этот ответ совпадает с ответом красноармейцев Медведеву: «уехали на Пермь». В тот же день Медведев дома рассказал жене, что Царская Семья вся убита.

Что стоит за этими явными разночтениями и разногласиями? Только одно: желание во что бы то ни стало скрыть правду. Мы уверены, что ни Медведев, ни Якимов, ни Старков, ни Стрекотин не убивали Царскую Семью, более того — они не знали даже истинной картины того, что произошло в доме Ипатьева. Но тем не менее в ту ночь некоторые из них стали свидетелями чего-то такого ужасного, что этот ужас от увиденного не позволял им об этом говорить, и они упорно повторяли кем-то сочиненную версию преступления, путаясь при этом в показаниях, забывая важные детали и противореча сами себе.

Свояк Якимова показал на следствии: «*Часов в шесть вечера в тот же день Якимов пришел к нам проститься; вид его меня прямо поразил: лицо осунувшееся, зрачки расширены, нижняя губа во время разговора трясется; взглянув на шурина, ясно было, что Анатолий за минувшую ночь пережил и перечувствовал что-то ужасное, потрясающее*».

Кстати, Соколов почувствовал, что в своих показаниях обвиняемые чего-то не договаривают. Следователь хотел сам лично передопросить Медведева, но тот внезапно умер в тюрьме при таинственных обстоятельствах. Та же самая участь постигла и Соковича, человека, чья роль в уничтожении трупов не была последней и которого почему-то по этим обстоятельствам не допросили ни Наметкин, ни Сергеев.

Примечательно, что почти все обвиняемые так или иначе очень быстро сошли в могилу. Медведев в пермской тюрьме, а Якимов расстрелян в 1929 году. В парижском сборнике «Двуглавый орел» по этому поводу появилось следующее сообщение: «*Казнь одного из свидетелей цареубийства. В Екатеринбурге расстрелян обвиненный в выдаче служебной тайны бывший солдат Якимов. Якимов состоял ранее в составе большевицкой стражи, которая стерегла в Екатеринбурге мученически там погибшую Царскую Семью*».[1]

Воспоминания участников преступления

---

[1] Двуглавый орел. № 25. 15 (28) февраля 1929. С. 123.

Если показания обвиняемых содержат в себе множество противоречий, то воспоминания участников преступления просто из них состоят. Это понятно: первые давали показания по свежим следам, практически сразу после преступления, максимум через год. Вторые писали или рассказывали свои воспоминания через десять, двадцать, а то и пятьдесят лет. За это время что-то могло быть забытым, значение тех или фактов — исказиться. Этой «забывчивостью» целый ряд авторов и пытаются объяснить все вопиющие противоречия воспоминаний участников преступления. Однако при внимательном изучении этих воспоминаний становится очевидным, что встречающиеся в них противоречия настолько существенны, что объяснить их одной «забывчивостью» невозможно. Особенно это касается воспоминаний главных организаторов и исполнителей убийства, таких как Юровский, Белобородов, Войков. При чтении воспоминаний этих людей создается впечатление, что каждый из них писал свое собственное виденье Екатеринбургского злодеяния. А уж воспоминания Ермакова, Кудрина, Никулина и Кабанова вообще представляются разновидностью фантастики.

Конечно, надо делать скидку на то обстоятельство, что многие из этих воспоминаний переданы нам в пересказе третьих лиц, и установить точное их авторство можно только условно. Но так как целый ряд исследователей и Правительственная Комиссия РФ пользовались этими воспоминаниями в качестве доказательств по установлению принадлежности найденных под Екатеринбургом останков Царской Семье, то и нам придется называть эти воспоминания воспоминаниями Юровского, Войкова и так далее.

Необходимо также упомянуть, что практически все воспоминания соучастников преступления, когда бы они ни создавались, были призваны закрепить большевистскую версию убийства, опровергнуть и опорочить следствие Н.А. Соколова. Этим же занимаются и сегодняшние последователи юровских и ермаковых: имя Соколова им также ненавистно, как и 85 лет назад. Создавая свою ложь об обстоятельствах убийства членов Царской Семьи и уничтожения их тел, фальсификаторы тем не менее, широко опираются на данные белого следствия. Так поступают они сейчас, так поступали они и 85 лет назад. Когда Юровский или Быков писали свои произведения, они уже хорошо знали, что известно следствию, а что — нет. Это обстоятельство позволяло им делать свою ложь более правдоподобной и убедительной. Тем не менее даже в эта ложь обнаруживает отражение реальных событий, на основании которых можно постараться хотя бы приблизительно восстановить истинную картину Екатеринбургского злодеяния.

Свидетельства Я. М. Юровского

На сегодняшний день известно два вида свидетельств Юровского об обстоятельствах убийства Царской Семьи. Первое свидетельство — это так называемая «Записка Юровского», а второе — его воспоминания. Принадлежность как первого, так и второго свидетельств авторству Юровского подвергается сегодня сомнению большим количеством исследователей, причем как верящих в подлинность «Екатеринбургских останков», так и неверящих. Некоторые исследователи утверждают, что Юровский был ознакомлен с содержанием этих вариантов «Записок», другие (например, доктор Буранов) утверждают — что главные из них были сфальсифицированы в 60-х годах сыном Юровского.[1]

«Записка Юровского» известна сегодня в трех редакциях.

1. Наиболее ранняя редакция относится к 1920 году. Она написана членом ВЦИК большевистским историком М.Н. Покровским от имени третьего лица, который назван в записке «комендантом».

2. Вторая редакция относится примерно к апрелю-маю 1922 года. Эта «Записка» якобы подписана Юровским и имеет его правку.

3. Третья редакция этой же «Записки» была изложена самим Юровским на так называемой встрече «со старыми большевиками г. Свердловска» в феврале 1934 года.

4. В различных музеях и архивах имеются копии этой «Записки».[2]

По косвенным свидетельствам известно, что существовал еще один вариант этой «Записки», написанный Юровским непосредственно после возвращения в Москву из Екатеринбурга после убийства. Содержание этого варианта, так же как и его местонахождение, до сих пор остаются неизвестными.

В настоящем труде мы не будем касаться ни авторства этих «Записок», ни истории их написания. В них нас интересует только описание убийства в Ипатьевском доме и то, насколько оно правдоподобно.

В «Записке Юровского» от 1922 года дается следующее описание убийства Царской Семьи: «*Грузовик в 12 часов не пришел, пришел только в $^{1}/_{2}$ второго. Это отсрочило приведение приказа в исполнение. Тем временем были сделаны все приготовления; отобраны 12 человек (в т. ч. 6 латыше) с наганами, которые должны были привести приговор в исполнение. 2 латышей отказались стрелять в девиц. Когда приехал автомобиль, все спали. Разбудили Боткина, а он всех остальных. Объяснение было дано такое: "ввиду того, что в городе неспокойно, необходимо перевести семью Р-х из верхнего этажа в нижний". Одевались с $^{1}/_{2}$ часа. Внизу была выбрана комната с деревянной оштукатуренной перегородкой (чтобы избе-*

---

[1] Невское время. № 36. 1998, 27 февраля, а также http://www.romanov-center.ural.

[2] Царское дело и екатеринбургские останки. Материалы международной научной конференции. СПб., 1998. С. 192.

жать рикошетов); из нее была вынесена вся мебель. Команда была наготове в соседней комнате. Р-вы ни о чем не догадывались. Ком. отправился за ними лично, один и свел их по лестнице в нижнюю комнату. Ник. нес Алексея, остальные несли с собой подушечки и разные мелкие вещи.

Войдя в пустую комнату, А.Ф. спросила: "Что же, и стула нет? Разве и сесть нельзя?" Ком. велел внести два стула. Ник. посадил на один А-я, на другой села А.Ф. Остальным ком. велел стать в ряд. Когда стали, позвали команду. Когда вошла команда, ком сказал Р-вым, что ввиду того, что их родственники продолжают наступление на советскую Россию, уралисполком постановил их расстрелять. Николай повернулся спиной к команде, лицом к семье, потом, как бы опомнившись, обернулся к коменданту с вопросом: "Что? что?" Ком. наскоро повторил и приказал команде готовиться. Команде заранее было указано, кому в кого стрелять, и приказано целить прямо в сердце, чтобы избежать большого количества крови и покончить скорее. Николай больше ничего не произнес, опять обернувшись к семье, другие произнесли несколько несвязных восклицаний, все длилось несколько секунд. Затем началась стрельба, продолжавшаяся две-три минуты. Ник. был убит самим ком-ом наповал, затем сразу же умерли А.Ф. и люди Р-х (всего было расстреляно 12 человек: Н-ай, А.Ф., четыре дочери, Татьяна, Ольга, Мария и Анастасия, д-р Боткин, лакей Трупп, повар Тихомиров (так!), еще повар и фрейлина, фамилию которой я забыл). А-й, три из его сестер, фрейлина и Боткин были еще живы. Их пришлось пристреливать. Это удивило ком-та, т.к. целили прямо в сердце, удивительно было и то, что пули от наганов отскакивали от чего-то рикошетом и, как град, прыгали по комнате. Когда одну из девиц пытались доколоть штыком, то штык не мог пробить корсажа».[1]

Чем отличаются или в чем совпадают сведения, приведенные в «Записке Юровского», и показания обвиняемых по уголовному делу?

1. В «Записке» говорится о 12 убийцах и 12 жертвах, что совпадает с самым первым рассказом Медведева, переданного его женой, и расходится с показаниями Медведева следователю, где он утверждал об 11 убитых. Последнее снова наводит нас на размышления о том, а не были ли показания Медведева повторением чьих-то слов, которые были ему навязаны в качестве версии убийства в приказном порядке? Что же касается «Записки», то поразительно, что один из главных организаторов убийства, Юровский, не только не знал точного количества жертв, но и путал их фамилии. Мыслимо ли, чтобы Юровский мог назвать Харитонова — «Тихо-

[1] РГАСПИ, ф. 588. Оп. 3с, д. 9. (Статья М.Н. Покровского о расстреле семьи Романовых.)

мировым», прибавить к убитым несуществовашего второго повара, а Демидову назвать «фрейлиной», да еще забыть ее фамилию? Конечно, нет!

2. В «Записке» опять пропадают упомянутые в других показаниях фамилии Никулина, Ермакова, Белобородова, Голощекина — остается один Юровский. При этом непонятно, кто пошел будить доктора Боткина? В «Записке» говорится «разбудили». Кто же это был? По «Записке» выходит, что не Юровский, так как после того, как кто-то разбудил Боткина, «комендант отправился за ними лично, один, и свел их по лестнице в нижнюю комнату». Кстати, время, которое «Записка» отводит Царской Семье на то, чтобы одеться, умыться и выйти в коридор исключительно маленькое: 15 минут. (Медведев, как мы помним, говорил, что Царская Семья собиралась около часа.)

3. В «Записке» совершенно не упоминаются соучастники Юровского в убийстве. Так же нет и упоминания «латышей».

4. В «Записке» полностью отсутствуют сведения об отбирании Юровским оружия у охраны, что утверждалось Медведевым.

5. Снова меняется количество стульев, на которых якобы сидели члены Царской Семьи. По «Записке», стулья были принесены по приказу Юровского из-за просьбы Императрицы Александры Федоровны, приводится даже ее вопрос по этому поводу. Стульев, по «Записке», было два — один для Цесаревича, другой — для Императрицы. Николай II, по «Записке», стоял рядом с сидящем сыном. Напомним, Медведев говорил о трех стульях, на которых сидели Царь, Цесаревич и Государыня, Якимов о двух, что практически совпадает с «Запиской», а Проскуряков вообще отрицал их наличие.

6. В «Записке» исчезает чтение «протокола» о расстреле, которое было в показаниях Якимова. Оно заменяется словами Юровского о том, что расстрел производится по решению Уралсовета.

7. Меняется число тех, кого убийцы добивали. Если Медведев говорит только о Наследнике, дострелянном Юровским, Великой Княжне Анастасии Николаевне, доколотой штыками, и Демидовой, которую тоже добили штыками, то по Юровскому пристреливать пришлось «*А-я, трех из его сестер, фрейлину и Боткина*». О добивании штыками «Записка» вообще ничего не говорит, и вдруг в конце появляются сведения, что «*одну из девиц пытались проткнуть штыком*».

Рассказ Юровского «на совещании старых большевиков в г. Свердловске» в целом ряде мест полностью противоречит «Записке». Вот как описывается в рассказе убийство Царской Семьи:

«*Приготовил 12 наганов, распределил, кто кого будет расстреливать. <...> Часов в 11-ть вечера 16-го я собрал снова людей, раздал наганы и объявил, что скоро мы должны приступить к ликвидации арестованных. Павла Медведева предупредил о тщательной проверке караула*

снаружи и внутри, о том, чтобы он и разводящий все время наблюдали сами в районе дома и дома, где помещалась наружная охрана, и чтобы держали связь со мной. И, что уже только в последний момент, когда все будет готово к расстрелу, предупредить как часовых всех, так и остальную часть команды, что если из дома будут слышны выстрелы, чтобы не беспокоились и не выходили из помещения и что уже если что особенно будет беспокоить, то дать знать мне через установленную связь.

Только в половине второго явился грузовик, время лишнего ожидания не могло уже не содействовать некоторой тревожности ожидания вообще, а главное, что ночи-то короткие. Только по прибытии или после телефонных звонков, что выехали, я пошел будить арестованных.

Боткин спал в ближайшей от входа комнате, он вышел, спросил, в чем дело, я ему сказал, что нужно сейчас же разбудить всех, т.к. в городе тревожно и им оставаться здесь вверху опасно, и что я их переведу в другое место. Сборы заняли много времени, примерно минут 40. Когда семья оделась, я повел их в заранее намеченную комнату, внизу дома. Этот план мы, очевидно, продумали с т. Никулиным (тут надо сказать, что не подумали своевременно о том, что окна шум пропустят, и второе — что стенка, у которой будут поставлены расстреливаемые — каменная и, наконец, третье — чего нельзя было предусмотреть, это то, что стрельба примет беспорядочный характер). Этого последнего не должно было быть потому, что каждый будет расстреливать одного человека и, что все, следовательно, будет в полном порядке. Причины последнего, т.е. безалаберной стрельбы, выяснились позже. Хотя я их предупредил через Боткина, что им с собой брать ничего не надо, они однако набрали какую-то разную мелочь, подушки, сумочки и т.д. и, кажется, маленькую собачку.

Спустившись в комнату (тут при входе в комнату справа очень широкое, чуть не во всю стену окно), я им предложил встать по стенке. Очевидно, они еще в этот момент ничего себе не представляли, что их ожидает. Александра Федоровна сказала: “Здесь даже стульев нет”. Алексея нес на руках Николай. Он с ним так и стоял в комнате. Тогда я велел принести пару стульев, на одном из которых по правой стороне от входа к окну села Александра Федоровна. Рядом с ней, по направлению к левой стороне от входа, встали дочери и Демидова. Тут посадили рядом на кресле Алексея, за ним шли доктор Боткин, повар и другие, а Николай остался стоять против Алексея. Одновременно я распорядился, чтобы спустились люди, и велел, чтобы все были готовы и чтобы каждый, когда будет подана команда, был на своем месте. Николай, посадив Алексея, встал так, что собою его загородил. Сидел Алексей в левом от входа углу комнаты, и я тут же, насколько я помню, сказал Николаю примерно сле-

дующее, что его царственные родственники и близкие как в стране, так и заграницей, пытались его освободить, а что Совет рабочих депутатов постановил их расстрелять. Он спросил: «Что?» и повернулся лицом к Алексею, я в это время в него выстрелил и убил наповал. Он так и не успел повернуться лицом к нам, чтобы получить ответ. Тут вместо порядка началась беспорядочная стрельба. Комната, хотя и очень маленькая, все, однако, могли бы войти в комнату и провести расстрел в порядке. Но многие, очевидно, стреляли через порог, т.к. стенка каменная, то пули стали летать рикошетом, причем пальба усилилась, когда поднялся крик расстреливаемых. Мне с большим трудом удалось стрельбу приостановить. Пуля кого-то из стрелявших сзади прожужжала мимо моей головы. <…> Когда стрельбу приостановили, то оказалось, что дочери, Александра Федоровна и, кажется, фрейлина Демидова, а также Алексей, были живы. Я подумал, что они попадали со страху или, может быть, намеренно, и потому еще живы. Тогда приступили достреливать (чтобы было поменьше крови, я заранее предложил стрелять в область сердца). Алексей так и остался сидеть окаменевши, я его пристрелил. А в дочерей стреляли, но ничего не выходило, тогда Ермаков пустил в ход штык, и это не помогло, тогда их пристрелили, стреляя в голову».[1]

Невооруженным глазом видно, что «Рассказ» весьма отличается от «Записки», а в ряде случаев прямо ей противоречит.

1. В «Рассказе» появляется информация о раздаче наганов. Правда, ни о каком отнятии оружия у караула речи не идет. Юровский просто раздает наганы. Кому раздавались наганы, в «Рассказе» не указывается.

2. В «Рассказе» утверждается, что Медведев был отослан изначально Юровским из Ипатьевского дома, чтобы проверять обстановку вокруг дома и дома Попова. При этом Юровский утверждает, что приказал Медведеву предупредить внешнюю и внутреннюю охрану о том, что будут слышны выстрелы, только непосредственно перед убийством, напрямую не говоря ей о причине этих выстрелов. Медведев, а также Клещев утверждали, что это было сделано с самого начала. Только непонятно, как Медведев, который находился вне дома, мог бы узнать о начале убийства? Сведения, приводимые в «Рассказе», о том, что Медведев не находился в доме в момент убийства частично подтверждают показания самого Медведева, отрицавшего свое участие в убийстве.

3. В «Рассказе» меняется время, которое понадобилось Царской Семье на сборы. Если в «Записке» оно было 15 минут, то в «Рассказе» — 40.

4. В «Рассказе», как и в «Записке» отсутствуют имена подельников Юровского, в том числе нет ни слова о «латышах». Только вдруг в са-

---

[1] РГАСПИ, ф. 5888. Оп.3, д. 10. (Совещание старых большевиков по вопросу пребывания Романовых на Урале.)

мом конце описания убийства неизвестно откуда появляется Ермаков, у которого в руках был непонятно откуда взявшийся штык (или винтовка со штыком?). Также Юровский после описания убийства упоминает, что возле дома в момент убийства находился Голощекин, «*который ходил все время вблизи дома, немало, вероятно, беспокоившись, как тут все произойдет*».

5. Описание южной стены расстрельной комнаты в «Записке» и «Рассказе» диаметрально противоположны. Так, в «Записке» говорится «*внизу была выбрана комната,* ***с деревянной оштукатуренной перегородкой (чтобы избежать рикошетов)»,*** а в «Рассказе»: «*тут надо сказать, что не подумали своевременно о том, что стенка, у которой буду поставлены расстреливаемые —* ***каменная.<...> т.к. стенка каменная, то пули стали летать рикошетом»*** (выделено нами — *П.М.*).

6. В «Рассказе» особенно выделяется беспорядочность стрельбы, а также то, что часть стрелявших находилась вне комнаты.

7. Сведения об убитых наповал и о количестве раненых и добитых в «Рассказе» также отличаются от «Записки». В «Записке» говорится: «*Ник. был убит самим ком-ом наповал, затем сразу же умерли А.Ф. и люди Р-х. А-й, три из его сестер, фрейлина и Боткин были еще живы. Их пришлось пристреливать*». В «Рассказе»: «*Когда стрельбу приостановили, то оказалось, что дочери, Александра Федоровна и, кажется, фрейлина Демидова, а также Алексей были живы*».

Теперь перед нами следующее свидетельство Юровского — его воспоминания. Как увидим, в них вновь появляются новые подробности.

«*Ввиду угрожающей обстановки развязка ускорилась. Развязка возлагалась на меня, а ликвидация на одного из товарищей. 16 июля 1918 года часа в 2 днем ко мне приехал товарищ Филипп и передал постановление Исполнительного Комитета о том, чтобы казнить Николая. Что ночью приедет товарищ, который скажет пароль "трубочист", которому нужно отдать трупы, которые он похоронит и ликвидирует дело. <...> Я призвал к себе начальника отряда товарища Павла Медведева из Сысертского завода и других и сказал им, чтобы они в случае тревоги ждали до тех пор, пока не получат условного специального сигнала. Вызвав внутреннюю охрану, которая предназначалась для расстрела Николая и его семьи, я распределил роли и указал кто кого должен застрелить. Я снабдил их револьверами системы "Наган". Когда я распределил роли, латыши сказали, чтобы я избавил их от обязанности стрелять в девиц, так как они этого сделать не смогут. Тогда я решил за лучшее окончательно освободить этих товарищей в расстреле как людей, неспособных выполнить революционный долг в самый решительный момент. Выполнив все соответствующие поручения, мы ждали, когда приедет "трубочист". Однако ни в 12, ни в 1 час ночи "трубочист" не являлся, а время*

шло. Ночи короткие. Я думал, что сегодня не приедут. Однако в 1 $^{1}/_{2}$ постучали. Это приехал "трубочист". Я пошел в помещение, разбудил доктора Боткина и сказал ему, что необходимо всем спешно одеться, так как в городе неспокойно, и я вынужден их перевезти в более безопасное место. В 2 часа я перевел конвой в нижнее помещение. Велел расположиться в известном порядке. Сам-один повел вниз семью. Николай нес Алексея на руках. Остальные, кто с подушкой в руках, кто с другими вещами, мы спустились в нижнее помещение в особую очищенную заранее комнату. Александра Федоровна попросила стул. Николай попросил для Алексея стул. Я распорядился, чтобы стулья принесли. Александра Федоровна села. Алексей также. Я предложил всем встать. Все встали и, заняв всю стену и одну из боковых стен. Комната была очень маленькая. Николай стоял спиной ко мне. Я объявил: Исполнительный Комитет Советов рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов Урала постановил их расстрелять. Николай повернулся и спросил. Я повторил приказ и скомандовал: "Стрелять". Первый выстрелил я и наповал убил Николая. Пальба длилась очень долго, и несмотря на мои надежды, что деревянная стенка не даст рикошета, пули от нее отскакивали. Мне долго не удавалось остановить стрельбу, принявшую безалаберный характер. Но когда наконец мне удалось остановить, я увидел, что многие еще живы. Например, доктор Боткин лежал, опершись локтем правой руки, как бы в позе отдыхающего, револьверным выстрелом я с ним покончил, Алексей, Татьяна, Анастасия и Ольга тоже были живы. Жива была еще и Демидова. Тов. Ермаков хотел окончить дело штыком. Но однако это не удавалось. Я вынужден был поочередно расстреливать каждого».[1]

Что же узнаем мы об убийстве из этих воспоминаний?

1. Юровский подтверждает присутствие Павла Медведева в доме Ипатьева в ночь на 17 июля. При этом опять никаких сведений об отбирании наганов у охраны нет.

2. Из воспоминаний выясняется, что, оказывается, убийство было возложено на внутреннюю охрану, которая, по-видимому, состояла из латышей. Сведения о «латышах» приводятся в воспоминаниях Юровского впервые.

3. Выясняется, что Юровский разместил будущих убийц в расстрельной комнате еще до того, как там появилась Царская Семья. До этого этих сведений у него не было.

4. В воспоминаниях меняется месторасположение Государя. Если из «Рассказа» становится понятно, что Государь стоял лицом к Юровскому, так как он не мог слушать последнего, повернувшись к нему спиной, то в

---

[1] Источник. № 10. 1993. С. 111–112.

воспоминаниях Николай II стоял, именно повернувшись спиной к убийцам.

5. Вновь меняется характер материала южной стенки. Как и в «Записке», Юровский вновь говорит, что она была деревянной, но тем не менее пули от нее рикошетили.

6. В который раз у Юровского меняется число выживших после первых залпов. Сравним: «Записка» — выжили Наследник, три Великие Княжны, Демидова и Боткин; «Рассказ» — Великие Княжны, Императрица, Демидова и Наследник; Воспоминания — Боткин, Наследник, Великие Княжны Ольга, Татьяна и Анастасия, Демидова.

Таким образом, анализ воспоминаний Юровского наводит нас на мысль, что они либо написаны разными людьми, либо человеком, совершенно не владевшим знанием обстоятельств преступления, либо человеком или людьми, сознательно фальсифицирующими событие. А вполне возможно, что к «свидетельствам Юровского» можно отнести все три вышеназванные соображения.

Свидетельства А.Г. Белобородова

«Русский рабочий» Белобородов, чье участие в убийстве Царской Семьи долгое время определялось как главное, в своих воспоминаниях самого убийства не коснулся. Однако в 1951 году в эмигрантской газете «Русская мысль» появилась статья некой Л. Норд под названием «Исповедь Белобородова». Если верить этой статье, Белобородов поделился в 20-е годы с Норд подробностями убийства Царской Семьи. Произошло это в помещении бывшего Александровского дворца в Царском Селе, превращенного большевиками в музей, где Норд работала в качестве эксперта-искусствоведа. Один раз вечером, когда все экскурсанты уже покинули дворец, Норд зашла в дворцовую церковь. В ней никого не было, свет был выключен. Помещение церкви было перегорожено ширмами. Норд была одета в белую шаль и белые мягкие туфли, предназначенные для того, чтобы не испортить паркета. Полумрак церкви, вся ее обстановка вызвали у Норд размышления о превратности человеческой судьбы. «*Чьи-то шаги оторвали меня от дум. Не видя вошедшего, слышала, что он остановился неподалеку. Оставаться за ширмой было неудобно. Я вышла. Одновременно раздался дикий вопль. Какой-то мужчина рухнул на колени, спрятав лицо в руках. На крики приближали научный сотрудник музея и сторожа. Когда мужчину поднимали под руки, он, не открывая зажмуренных глаз, бормотал:*

— Она, она.. Я видел ее…

Открыв наконец глаза, он взглянул в мою сторону. На лице его появился такой страх, что он невольно передался и мне. Подавшись назад, я ощутила на спине мурашки.

— Вы видите ее? — снова крикнул он. — Это она, Романова!

— Кто?? Романова?? — изумленно переспросил научный сотрудник. — Что Вы, товарищ Белобородов. Это наша сотрудница... — и подойдя к двери, он повернул выключатель. Яркий свет залил церковь, прогнав сумерки.

При имени цареубийцы, я почувствовала, что кровь, отхлынув от сердца, оставила его ледяным.

Мы смотрели друг на друга с разными чувствами, но не могли отвести взгляда. Глаза Белобородова были еще белыми и расширенными от страха. Он молчал, его сотрясала дрожь. Теперь мне было понятно, что в сумерках из-за моей длинной белой шали и мягких белых туфель, которые я надевала во дворце, чтобы не портить паркет, он принял меня за привидение. По пути к дворцовой канцелярии Белобородов оглядывался по сторонам и просил, чтобы зажигали свет. Идя последней, я гасила его. Упав в кресло, Белобородов попросил пить, но, сделав большой глоток воды, поставил стакан на стол. Сообразив, что вода — не напиток для чекиста, научный сотрудник послал сторожа за водкой. Тот быстро вернулся с литровой бутылкой. Одобрительно кивнув головой, Белобородов выплеснул воду в окно и налил стакан до краев. Выпив его, он провел рукой по лицу, как будто что-то сгонял с него. Я смотрела на его съежившуюся, с втянутой в плечи головой, фигуру, на незначительное, жалкое теперь лицо, и мне просто не верилось, что этот человек мог выносить приговор Царской Семьей и позже возглавлять наркомат.

По-видимому, Белобородов сам сознавал, как он жалок, и прилагал все усилия справиться с собой. Но это ему не удавалось. Обегал нас взглядом, неверной рукой наливал водку и пил ее жадно, как воду. Постепенно его лицо приняло нормальный оттенок, и он перестал дергать плечами, как в ознобе. Взглянув исподлобья на меня, смущенно усмехнулся и сказал:

— Нечего сказать, наделал я переполоха.

Расчет на то, что он скоро уйдет, не оправдался. Может, чтобы сгладить впечатление о происшедшем, Белобородов задержал и меня, и Р. Втягивая нас в разговор, заставил выпить водки и, угостив сторожа, послал его еще за литром.

— Только это и помогает, — кивнул он головой на принесенную водку. — Нервы окончательно сдали. Чем дальше, тем хуже. Лечился у аллопатов, гомеопатов. Гипноз тоже не подействовал. Дошел до галлюцинаций. Жена гонит меня из спальни, бужу ее криками и пугаю.

— Давно это у Вас? — из вежливости спросила я.

— О, да! С Гражданской войны. Ведь сколько пережить пришлось. Один расстрел чего стоил.

Взглянув на нас и, может быть, прочитав что-то на наших лицах, он вдруг пришел в возбуждение.

— Знаю, что вы думаете, — крикнул, ударив по ручке кресла, Белобородов, — зверь, расстрелял не только Царя, но и детей. Мне это не раз и в лицо говорили. Теперь у всех ручки чистые, только у меня в крови, — и он снова задергал плечами и головой.

— Скажите, товарищ Белобородов, — прервал неловкое молчание Р. — Одно время ходили слухи, что части Семьи удалось бежать?

— Это неправда, — глухо, не поднимая головы ответил тот. — Расстреляны все. Даже лейб-медик Боткин, фрейлина Демидова, включая монашку и поваренка, которые прислуживали Семье. Их пришлось ликвидировать как ненужных свидетелей. Если вам интересно, я могу рассказать, почему и как это произошло. <…>

Ликвидация великих князей, находившихся в Алапаевске, была возложена на Войкова. Ответственность за выполнение приговора над Николаем Вторым и его Семьей падала на меня и Юровского.

Готовясь к расстрелу, который должен был произойти к ночи, мы достали одеяла, чтобы завернуть в них тела расстрелянных, незаметно от часового перенести их в машины. Трупы мы решили бросить в старую шахту, называвшуюся Ганиной Ямой. Не доверяя никому, решили сократить число участников расстрела до пяти, чтобы избежать лишних свидетелей. В тот вечер все часовые были сняты в доме и убраны посты со двора. Оставили лишь один караул за забором, на улице. Когда Романовым предложили под предлогом опасности от артиллерийского обстрела спуститься в подвал, они начали спокойно собираться и разместились на принесенных туда стульях.

Тут выяснилось, что в плане расстрела мы не учли мелкой, но досадной детали: подвал был освещен маленькой и тускло горевшей от слабого накала лампочкой. И она висела как раз над стульями, на которых сидели приговоренные. Менять ее было некогда, да мы еще боялись, что яркий свет, пробиваясь через щели ставень окна, выходивших на улицу, привлечет любопытство часового. Юровский выскочил во двор, чтобы посмотреть, не пришел ли туда кто-нибудь из караула, и приказал завести моторы грузовиков, выхлопами которых хотели заглушить стрельбу. Когда он вернулся, посовещавшись, решили огласить приговор с нижней площадки лестницы и попросили Романовых подойти к нам поближе.

Царь с сыном подошли первыми и остановились на верхней ступени ведшей в подвал лестницы. Опершись о перила, ступенькой ниже стояла Императрица. За спиной Романовых стоял доктор Боткин, за ним, возле матери, Ольга и Татьяна. Остальные разместились у входа в подвал. Ро-

манов слушал приговор спокойно, как будто не вполне понимая его значение, потом спросил: «Так меня судит Россия?»

— Вас судим мы, революционный народ, — ответил Юровский, и чтение приговора продолжалось. Когда дошли до слов: «Вместе с бывшим Царем Николаем Александровичем Романовым расстрелу подлежат его жена Александра Федоровна Романова, его сын Алексей...», Царица, вскрикнув, бросилась к Наследнику и прижалась к нему. За ней выскочил Боткин и заслонил их собой. Тогда Юровский начал стрелять (ему, как позже он сознался, показалось, что Царица и Боткин, оттолкнув его, выскочат через черную находившуюся на площадке дверь во двор).

Первые пули попали в Боткина и Царя, они зашатались, стали падать, увлекая за собой Александру Федоровну, не выпускавшую Наследника. Тогда стали стрелять все. Получился ужас. Ольга, раненная, пыталась выбраться из-под упавших на нее. Цепляясь за них, дотянулась до отца. Охватила его, живого или мертвого, не знаю, но ее так и добили. Вместе с Наследником, тоже раненным, застрелили не отпускавшую его Царицу. Пуль не жалели. Не успевали менять только обоймы. Татьяна была буквально изрешечена пулями. Но если та, которая попала в лоб была первой, то смерть ее была легкой. Перебравшись через лежащие на ступеньках тела, добили в подвале остальных. Младшие дочери, которых прикрывала собой Демидова и монашенка, сопротивлялись. Пришлось повозиться и с поваренком. Когда несли в машину завернутую в одеяло Марию Николаевну, она оказалось еще живой и стонала. Ее положили под другие тела, так как стрелять во дворе было нельзя: часовые за забором, заглядывая в ворота, спрашивали, что была за стрельба и крики. «Все в порядке, — ответил Юровский, — я пробовал в подвале свой новый маузер и напугал дочерей Романова». Когда привезли тела в шахту, все были уже мертвые...

Вначале предполагали бросить трупы в шахту и засыпать их, но Голощекин настаивал, чтобы их сделали неузнаваемыми: «Если их найдут, народ сделает из них святыню».

Обыскав расстрелянных, мы нашли в лифчиках, корсетах и платьях Царицы и дочерей много зашитых драгоценностей. У Романова, кроме нательного креста (на цепочку которого были надеты медальон и перстень), наполненного фотографиями портсигара, запонок и часов никаких драгоценностей не обнаружили. Чтобы ускорить процесс сжигания трупов, Юровский поехал на одной машине в Екатеринбург за серной кислотой. Привез несколько баллонов и топоры, которыми рубили тела на части. Юровский снова уехал «наводить порядок» в Ипатьёвском доме. В особняке Ипатьева все следы расстрела на лестнице уничтожены, попорченная попадавшими пулями стенка заделана и покрашена в прежний цвет. Никто этого не заметил, так как мы нарочно кое-где поцарапали

ее. Следы в подвале уничтожены быть не могли из-за нехватки времени и не хотели к тому же пускать туда маляров, так как Юровский, уговорив всех молчать о расстреле на лестнице, происшедшем только по его вине, догадался испортить пулями всю стену подвала, где мы предполагали произвести расстрел».[1]

Прежде чем анализировать этот рассказ Белобородова, два слова о том, кто такая Л. Норд. В 1978 году в Париже вышла книга Лидии Норд «Маршал Тухачевский». В предисловии от издательства написано: *«Л. Норд не только была женой сослуживца и друга Тухачевского, расстрелянного вместе с маршалом в начале 1937 года, но доводилась родственницей самому Тухачевскому — она была его свояченицей. Поэтому она хорошо знала маршала, его личную жизнь, военную среду и партийную верхушку».*[2]

Из этого отрывка понятно, что Норд была не рядовым человеком в Советской России, во всяком случае она была знакома с руководящей советской верхушкой, лично знала Сталина, Орджоникидзе, Троцкого, естественно, была в близких отношениях с Тухачевским и его окружением. В связи с этим встреча Норд и Белобородова не представляется случайной. Они встречались как люди одного круга, почти идейные соратники. Нетрудно себе представить, что Норд оказалась заграницей после того, как Сталин раздавил заговор военных во главе с Тухачевским. К тому времени, когда была написана статья, Белобородов был уже 11 лет как расстрелян, и Норд могла писать все, что ей угодно. Почти наверняка все, что изложено в статье, является плодом литературной обработки самой Норд. Вся обстановка бывшей царской резиденции, церковный полумрак, Норд в белой шали, насмерть перепуганный Белобородов, бутылка водки, им опорожненная,[3] его рассказ, произнесенный замогильным голосом, наконец, постоянные муки совести, галлюцинации, которые мучили убийцу — все это напоминает плохой дамский роман. Представляется странным, чтобы Белобородов в 20-е годы за бутылкой водки рассказывал все-таки не близким ему, хотя и партийным, сотрудникам музея свои переживания, галлюцинации и т.д. Кроме того в «Исповеди Белобородова» полно грубых фактических ошибок, которые не могли быть допущены реальным Белобородовым. Так, «Исповедь Белобородова» вносит, вслед за «Запиской Юровского», в список расстрелянных никогда не существовавшую «монашку» и «поваренка», т.е. Л. Седнева, которого на самом деле задолго до убийства увели из Ипатьевского дома. Когда читаешь о том, что «монашка» сопротивлялась, а с «поваренком пришлось пово-

---

[1] Русская мысль. 1951. № 348, 25 мая.

[2] *Норд Л.* Маршал Тухачевский. Париж, 1978. С. 5.

[3] При этом Норд не забывает упомянуть, что «чекист» заставил ее тоже выпить водки: интересно, каким образом – вливал в горло?

зиться» — понимаешь, что Белобородов так же не причастен к своей «Исповеди», как Юровский к своей «Записке». Норд передала в «Русской мысли» какие-то свои общие знания об убийстве Царской Семьи. Конечно, не исключено, что она слышала что-то и от Белобородова, но нельзя ни в коем случае ручаться, что это «что-то» попало в «белобородовскую исповедь». Остается загадкой, что заставило Норд печатать эту статью: погоня за рекламой, искреннее желание поделиться своими знаниями об убийстве Царской Семьи или полученное ею от кого-то задание обрушить на головы читателя очередную дезинформацию.

Между тем, несмотря на то, что, скорее всего, Белобородов имел мало отношения к своей «Исповеди», в ней мы встречаем немало любопытных деталей. Если сравнивать «Исповедь Белобородова» с произведениями Юровского, то мы увидим между ними как сходство, так и отличия.

Во-первых, появляется любопытная информация только о пяти убийцах, которых нет у Юровского. Вспомним, что и Медведев говорил о «пяти чужих», которые и убили Царскую Семью.

Во-вторых, подтверждается информация Медведева о том, что его не было в комнате убийства в момент совершения самого преступления. Более того, «Исповедь» подтверждает и показания матери Ивана Старкова, заявлявшей, что, по словам ее сына, вся охрана в ночь убийства была удалена из Ипатьевского дома. «Исповедь» говорит об этом то же самое и в этом частично совпадает с «Запиской Юровского». Вот что говорится по этому поводу в «Исповеди»: «*Не доверяя никому, решили сократить число участников расстрела до пяти, чтобы избежать лишних свидетелей.* ***В тот вечер все часовые были сняты в доме и убраны посты со двора. Оставили лишь один караул за забором, на улице***». А вот сведения из «Записки» в ее пересказе «старым большевикам»: «*только в последний момент, когда все будет готово к расстрелу, предупредить как часовых всех, так и остальную часть команды, что если из дома будут слышны выстрелы,* ***чтобы не беспокоились и не выходили из помещения и что уже если что особенно будет беспокоить, то дать знать мне через установленную связь»***. То есть и там, и там говорится, что большая часть охраны находилась в доме Попова. Таким образом, подтверждается максимальная законспирированность преступления.

В-третьих, «Исповедь» в отличие от «Записок», сильно детализирует обстоятельства убийства. Снова появляется чтение приговоренным какого-то документа Юровским, в «Исповеди» он назван «приговором». Приводятся даже конкретные слова этого «приговора». В «Исповеди» между Николаем II и Юровским в момент чтения возникает диалог. Меняется местонахождение стрелявших и убиваемых: по «Исповеди», убийство происходит не в комнате, а на площадке лестницы, ведущей в подвал. Чрезвычайно важная деталь «Исповеди» — это свидетельство о том, что некоторые чле-

ны Царской Семьи были еще живы, когда их выносили из дома в грузовик. Причину, почему это столь важно, мы объясним позднее.

Очень важное свидетельство «Исповеди» — это сообщение о том, что Юровский уже после убийства догадался «*испортить пулями всю стену подвала, где мы предполагали произвести расстрел*».

Свидетельства П.Л. Войкова

Свидетельства одного из ведущих организаторов злодеяния Войкова дошли до нас со слов уже упоминаемого нами Г. Беседовского. Безусловно, этот источник весьма и весьма сомнителен. Тем не менее, как и в случае с «Исповедью Белобородова», Беседовский, занимавший крупные должности в советской номенклатуре 20-х–30-х годов и действительно знавший многих ведущих советских руководителей, несомненно владел определенной информацией о действиях большевиков и их злодеяниях. Другое дело что, владея этой информацией, Беседовский обращался с нею по своему усмотрению. Если для пользы дела он считал, что ее необходимо изменить в угоду обстоятельствам, он, не смущаясь, это делал, не останавливаясь перед прямой ложью. Беседовский, несомненно, был сторонником Троцкого. Сбежав из советского посольства в Париже и попросив во Франции политического убежища, Беседовский принялся со всею силой очернять Сталина и его режим. Одновременно своими «сенсациями» он зарабатывал себе на жизнь. Все это необходимо помнить, читая рассказ Войкова в пересказе Беседовского. При этом отметим, что участие Войкова в убийстве ранее никем не оговаривалось, то есть фамилия Войкова нигде не звучала. Вполне вероятно, что он был одним из «пяти чужих».

По словам Беседовского, Войков рассказал ему об убийстве Царской Семьи следующее: «*Мы решили, что казнь произойдет в доме Ипатьева, в подвале. Трупы будут отвезены на грузовиках в Коптяковский лес и там сожжены. Я приказал моему секретарю Зимину затребовать в центральной аптеке серную кислоту и бензин, чтобы ускорить и облегчить уничтожение трупов. 14 июля Юровский и я отправились в Коптяковский лес, находящийся в 20-ти километров от Екатеринбурга. Там мы выбрали две поляны, где тела должны были быть свалены в кучу наподобие бревен, и две шахты, куда должен был быть сброшен пепел и остатки. Это не представляло никакой трудности: окрестности Екатеринбурга изобилуют лесами и шахтами. Дороги — пустынны.*

Главной задачей было казнить Николая, его семью и челядь наиболее быстрым способом. Это было не так легко сделать. Охрана Ипатьевского дома состояла из ненадежных людей. Они могли проболтаться. Юровский даже предложил ликвидировать нескольких охранников, чтобы быть

уверенным в сохранении тайны. Но Белобородов категорически возражал. Это были рабочие Злоказовской фабрики. Их ликвидация могла вызвать настоящий бунт в городе.

Днем 16 июля Юровский выглядел очень нервным. Он мне предложил отправиться после обеда в Ипатьевский дом посмотреть, все ли идет там хорошо. Вечером Ермаков объявил, что все приготовления закончены. Отряд ЧК, состоящий из латышей и венгров и десяти членов районного комитета партии, должен был участвовать в казни. Мы раздали маузеры, револьверы наганы и два пулемета. Около полуночи Юровский отправился будить царя, его семью и четверых людей свиты, включая доктора Боткина. Им было сказано, что готовится нападение на дом Ипатьева и что их переводят в другое место. Пленники оставались спокойными и не чувствовали опасности. Около половины второго ночи Николай II, его семья и свита вышли из своих комнат. Ведомые Юровским, они спустились во двор, потом прошли в подвал. Юровский принес три стула, для Николая II, царицы и царевича. Доктор Боткин встал позади Царевича.

Когда все собрались, Юровский дал нам знак. Мы открыли дверь. Я должен был лично руководить огнем и приказать казнить последнего русского царя, но Юровский меня определил. Он вытащил из своего кармана бумагу и быстро прочел: "Николай Александрович! По постановлению Уральского Совета вы приговорены к смерти!"

Бывший царь перекрестился и обернулся к своей семье. В этот момент, Юровский обратился ко мне: "Вы готовы?" Я проверил мой маузер. В этот момент царь повернулся к Юровскому и принялся что-то говорить дрожащим голосом прерываемом нервными спазмами. Я услышал как Юровский сказал: "Довольно болтовни! Революция гибнет, и вы вместе с нею!" Потом он обратился к нам: "Начинайте!" Произнеся эти слова, он направил свой револьвер в сторону царя. Я в свою очередь скомандовал: "Стреляйте куда попало!"

Мы все открыли огонь и стреляли несколько минут. Подвал весь наполнился дымом и тошнотворным запахом крови. Великие княжны еще стонали. Их приходилось добивать выстрелами из револьверов. Царевич был добит Юровским. Я лично добил Николая II.

В этот момент Ермаков воскликнул: "Горничная царицы и младшая дочь Анастасия еще живы!" Два латыша-чекиста бросились добивать Анну Демидову и самую младшую из дочерей Анастасию. Лицо последней было рассечено штыком одного из латышей. Около двух часов ночи все было кончено».

Нетрудно заметить, что в основном «Рассказ Войкова» представляет собой компиляцию из показаний обвиняемых Медведева и других. Даже такие слова как «*тошнотворный запах крови*» практически полностью заим-

ствованы у Медведева. Это цитирование неудивительно: к моменту написания Беседовским своей книги уже вышел труд Н.А. Соколова, то есть Беседовскому были известны показания Медведева. Остальное было делом литературной обработки.

Но тем не менее в «Рассказе Войкова» есть детали, которых нет в книге Соколова, и вот эти-то детали и представляют собой главный интерес.

Во-первых, вслед за «Записками Юровского» и «Исповедью Белобородова» повторяются сведения о чрезвычайной засекреченности убийства. Войков даже говорит о том, что Юровский собирался расстрелять несколько охранников.

Во-вторых, появляются новые сведения об убийцах. По Войкову, ими был *«отряд ЧК, состоящий из латышей, венгров и десяти членов районного комитета партии»*. Этих подробностей нет ни у Юровского, ни у Белобородова.

В-третьих, у Войкова вдруг выясняется, что Император Николай II, которого Юровский после первого же выстрела «убил наповал», оказывается, выжил и Войкову пришлось его дострелить.

Вот, пожалуй, и все новые подробности убийства, заслуживающие внимания. В рассказе Войкова много нелепостей. Так, если он утверждает, что убийцы стремились убить Царскую Семью как можно быстрее, то зачем Юровскому понадобилось читать Государю бумагу, в которой было написано: *«Николай Александрович! По постановлению Уральского Совета вы приговорены к смерти!»* Он что, не мог сказать это своими словами? И тем более, что мог читать еще Юровский после этих строк, когда самое главное он уже произнес? Конечно, и прерывающийся спазмами голос Царя, и дерзкий ответ Юровского — призваны в рассказе Войкова-Беседовского придать преступному акту значение совершаемого революционного правосудия.

Свидетельства П.З. Ермакова

Свидетельства Ермакова, одного из самых одиозных участников преступления, дошли до нас из разных источников. Вообще Ермаков пользовался каким-то особым доверием советских властей. В тот момент, когда почти все участники злодеяния держали по поводу убийства «рот на замке» или рассказывали о нем в крайне узком кругу, Ермаков открыто рассказывал об убийстве и в выступлениях перед студентами, и на сборах партийной общественности, и даже перед иностранными журналистами. Эта кипучая откровенность Ермакова не прекратилась даже тогда, когда его старшие подельники стали один за одним уходить в мир иной и большинство — через подвалы НКВД. Уже получил

смертельную пулю Войков, умер Юровский, уже были расстреляны Белобородов, Голощекин, Мрачковский, Сафаров, Дидковский, уже был отправлен на нары в СИЗО Родзинский, а Ермаков все выступал и выступал. Его откровения перешагнули рубежи СССР, публиковались в заграничных газетах, его начинали воспринимать чуть ли не как главного цареубийцу. В наши дни Ермаков также порой выступает в качестве определенного ведущего эксперта в деле убийства Царской Семьи. Журналист А.П. Мурзин приводит рассказ Ермакова, который Мурзин называет его «предсмертной исповедью», где тот раскрывает все тайны убийства. «Исповедовался» Ермаков почему-то Мурзину в 1952 году, когда последний был студентом Уральского университета. «*К тому времени,* — сообщает нам Мурзин, — *роль Ермакова в цареубийстве уже много лет как была публично оболгана и присвоена Юровским*».[1] Все эту ложь Ермаков терпел, терпел, да, наконец, не вытерпел. Пришел к студенту Мурзину, больше идти ему, по-видимому было некуда, и попросил его помочь написать «*книгу с правдой о казни самому товарищу Сталину!*». Мурзин сразу сделал вывод: «*Кому-то эта мысль может показаться бредовой, но я и тогда подошел к ней иначе: значит, действительно человек решил исповедоваться. Уж кому-кому, а самому "товарищу Сталину" он не посмеет врать. К тому же Ермаков заявил, что тяжело болен и боится, что эта правда умрет вместе с ним*».[2] Интересно, что не испугался студент Мурзин в 1952 году помогать Ермакову писать книгу на совершенно запрещенную тему, да еще кому — самому «товарищу Сталину», не побоялся слушать его в течение 8 часов, а наоборот, к своей миссии исповедника подошел совершенно серьезно. Ермаков тем временем раскрыл Мурзину великую тайну: оказывается, всю Царскую Семью убил фактически он один! А Юровский вообще в убийстве не участвовал!

Что же рассказал Ермаков Мурзину на «исповеди»? «*Вот основные факты, сообщенные нам Ермаковым 30 марта 1952 года о расстреле Царской Семьи и ее слуг и об уничтожении и сокрытии тел убиенных. Главным палачом при расстреле был он, Ермаков, как "представитель рабочего класса" и исполнитель "народной мести". Не было никакой расстрельной "команды" мадьяр или "латышей", а был лишь один латыш по имени Ян; трупы убитых в лес отвозили Ермаков и Медведев-Кудрин, а отнюдь не Юровский; жег Ермаков трупы Николая II, Великой княжны Анастасии и Цесаревича Алексея*».[3]

---

[1] Русский вестник. № 8. 2004. С. 9.
[2] Там же.
[3] Там же.

Вот, собственно говоря, и все — и вся тайна: пришел Ермаков с латышом Яном и убил Царскую Семью, а трупы сжег. И Мурзин верит Ермакову, хотя и признает, что встреча с ним была «пристрелочной», что Ермаков рассказывал сумбурно, поправляясь и путаясь памятью, изрядно пораженной и «*дальностью событий, и возрастом, и болезнью, и обидой, и алкоголем*», да и латыша Яна в охране Ипатьевского дома не было, но это неважно.

Чем же после этого Мурзин отличается от своих оппонентов, сторонников тождественности «Екатеринбургских останков» с останками Царской Семьи? Те тоже верят безоговорочно «Записке Юровского», уверявшей, что убийство было совершено им одним, все вопиющие противоречия объясняют «слабой памятью» убийц и давностью времени.

А ведь по-существу и Мурзин, и сторонники «Записки Юровского» делают одно дело — упрощают чудовищное преступление, делают его творчеством одиночек, скрывают истинных вершителей этого злодеяния, и оправдывают тех, кто был исполнителями их воли. Со своей стороны, Мурзин, отрицая роль Юровского, обеляет его и тех, кто стоял за ним. Собственно, Мурзин в этом не оригинален. Сразу после убийства и еще очень долго упорно говорили, что Николай II убит «русским рабочим товарищем Белобородовым». Нет сомнений, что и из Ермакова пытались сделать такого же «русского рабочего», выразителя «народной мести». Этим самым обелялся Юровский и скрывался весь сатанинский смысл Екатеринбургского злодеяния. Поэтому и разрешали Ермакову выступать где попало со своими «откровениями».

Мурзин не верит в истинность «Записки Юровского», называет ее фальсификацией. Но почему мы должны безоговорочно верить «Записке Ермакова»?

Воспоминания Ермакова дошли до нас в двух вариантах. Так как за малыми исключениями они полностью совпадают с мурзинским текстом, мы не будем их цитировать, приведем лишь одну фразу, для того чтобы понять всю ее «историческую ценность». Речь идет о том, в каком тоне Ермаков беседует с Юровским. Перед тем как эту фразу процитировать, поясним читателю: в июле 1918 года Юровский был членом Уральского и Екатеринбургского советов, заместителем председателя уральской ЧК, членом военного отдела облисполкома, а Ермаков мелким карателем, занимавшимся в дни революции и Гражданской войны убийствами и разбоями на Урале. Так вот как этот каратель, по его рассказам, разговаривает с одним из большевистских уральских вождей (сохраняем полностью орфографию автора): «*Кагда было все в порядке, тогда я коменданту дома в кабинети дал постановление облостного исполнительного Комитета*

Юровскому, то он усомнился, по чему всех, но я ему сказал нада всех и разговаривать нам свами долго нечего, время мало, пора приступать».[1]

Заметим, как через безграмотное хвастовство Ермакова нас тонко подводят к одной мысли: Юровский-то был против убийства всей Семьи, это Ермаков настоял. И Мурзин, борец с «большой большевистской ложью», с воодушевлением эту самую ложь подхватывает и делает из нее «предсмертную исповедь Ермакова».

Но до нас дошли не только вышеназванные воспоминания Ермакова, благо он много выступал и раздавал интервью. О чем же рассказывал Ермаков своим слушателям?

В 1935 году американский журналист Галибуртон побывал в СССР и, в частности, в Свердловске. Там он посетил Ипатьевский дом и встретился с Ермаковым. Читатель, который застал существование даже брежневского СССР, не говоря уже про сталинский, конечно же знает, что иностранцы могли свободно разъезжать, куда хотели, по всей территории страны, могли свободно встречаться с кем угодно, не рискуя попасть под опеку всевидящего КГБ. Особенно этим отличались предвоенные тридцатые годы. Так вот, Галибуртон встретился с Ермаковым. Тот охотно рассказал ему об убийстве Царской Семьи: «*Юровский,* — говорил Ермаков Галибуртону, — *перед расстрелом категорически запретил мне и Ваганову стрелять в царя, ибо желал лично его убить. Он также взял на себя и убийство наследника. Мне пришлось убить императрицу, доктора Боткина, повара и лакея. Ваганов стрелял в великих княжон. Ольга и Татьяна лежали на полу в предсмертных муках. Две младшие великие княжны, Мария и Анастасия, лежали рядом с убитым доктором Боткиным. Царевич еще жил, и тогда Юровский добил его двумя выстрелами в голову. Когда заметили, что Анастасия еще подает признаки жизни, мы перевернули ее, и она вскрикнула. Один из красноармейцев, пришедших к этому времени в подвал, нанес ей прикладом удар по голове, и великая княжна Анастасия умолкла навеки*».[2]

Итак, вместе несуществовашего латыша Яна появляется у Ермакова вполне реальный Ваганов, такой же каратель, как и Ермаков. Кроме имени Ваганова, в целом версия Ермакова полностью совпадает с классической версией Юровского, и никакой обиды на Юровского в его речи не чувствуется.

Но интервью, данное Галибуртону, не единственное признание Ермакова. В 1940 году, за 12 лет до своей «исповеди» Мурзину, Ермаков выступал перед выпускниками Государственного университета. Один из этих выпускников через 10 лет оказался заграницей и в журнале «Часовой»

---

[1] Покаяние. С. 207.
[2] *Ипатьев В.Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 39.

описал свои впечатления от речи Ермакова в статье «Кровавая ночь России». В целом это выступление Ермакова повторяло то, что он сказал в «исповеди» Мурзину. Но есть и новшества. Ермаков приводит слова приговора, который он якобы зачитал Царской Семье. «*По словам Ермакова, в этот момент Государь, будто бы спросил: "Неужели меня осудит Россия?" Тогда царица ответила словами упрека: "Мужайся, Николенька. Ты сам — Россия. Они — враги России"* »[1].

Понятно, что все эти монологи выдуманы Ермаковым, что Государыня никогда так не разговаривала, что это не ее выражения, не ее стиль. Смысл этих ермаковских искажений понятен — «слабый» Царь, «фанатичка» Царица, «герой» Ермаков.

Но не только эти цели преследовал Ермаков своими рассказами. Как пишет автор статьи: «*В своем рассказе Ермаков неоднократно старался подчеркнуть, что он, а не кто-либо иной, является главной фигурой этого акта. Имя главного убийцы еврея Юровского им упомянуто не было. Да оно и понятно. Коммунистам выгоднее говорить, что русского царя расстреляли сами русские*».[2]

Что же, следует признать, что автор статьи в «Часовом» намного лучше понял смысл лжи Ермакова, чем журналист А.П. Мурзин.

Свидетельства М.А. Кудрина (Медведева)

Но не один Ермаков пытался присвоить себе лавры главного цареубийцы. Вместе с ним это право оспаривал другой большевистский каратель — Кудрин, носивший кличку Медведев. Вообще имя Кудрина как непосредственного соучастника убийства не вспоминает никто из организаторов преступления: ни Юровский, ни Белобородов, ни Войков. Юровский в своем рассказе перед старыми большевиками четко объясняет роль Кудрина (Медведева): «*Принимать трупы я поручил Михаилу Медведеву, это бывший чекист и в настоящее время работник ГПУ. Это он вместе с Ермаковым Петром Захаровичем должен был принять и увезти трупы*».

Хотя, конечно, Юровскому и его «Запискам» нельзя верить ни на йоту, поражает, как быстро поверили сначала партийные, а затем и демократические верхи в откровения Кудрина, сразу же восприняв их в качестве доказательств.

Между тем имя Кудрина как цареубийцы всплывает только в 60-е годы, когда в ЦК КПСС началась активная и таинственная деятельность по

[1] Часовой. 1950, июль. С. 13.
[2] Часовой. 1950, июль. С. 13.

«изучению» обстоятельств убийства Царской Семьи. По всем признакам это была организация огромной фальсификации, преследовавшей далеко идущие цели.

Вот воспоминания Кудрина: «*Юровский, Ермаков и я идем вместе в Дом Особого Назначения, поднялись на второй этаж в комендантскую комнату — здесь нас ждал чекист Григорий Петрович Никулин (ныне персональный пенсионер, живет в Москве). Закрыли дверь и долго сидели, не зная, с чего начать. Нужно было как-то скрыть от Романовых, что их ведут на расстрел. Да и где расстреливать? Кроме того, нас всего четверо, а Романовых с лейб-медиком, поваром, лакеем и горничной — 11 человек!*

Жарко. Ничего не можем придумать. Может быть, когда уснут, забросать комнаты гранатами? Не годится — грохот на весь город, еще подумают, что чехи ворвались в Екатеринбург. Юровский предложил второй вариант: зарезать всех кинжалами в постелях. Даже распределили, кому кого приканчивать. Ждем, когда уснут. Юровский несколько раз выходит к комнатам царя с царицей, великих княжон, прислуги, но все бодрствуют — кажется, они встревожены уводом поваренка.

Перевалило за полночь, стало прохладнее. Наконец во всех комнатах царской семьи погас свет, видно, уснули. Юровский вернулся в комендантскую и предложил третий вариант: посреди ночи разбудить Романовых и попросить их спуститься в комнату первого этажа под предлогом, что на дом готовится нападение анархистов и пули при перестрелке могут случайно залететь на второй этаж, где жили Романовы (царь с царицей и Алексеем — в угловой, а дочери — в соседней комнате с окнами на Вознесенский переулок). Реальной угрозы нападения анархистов в эту ночь уже не было, так как незадолго перед этим мы с Исаем Родзинским разогнали штаб анархистов в особняке инженера Железнова (бывшее Коммерческое собрание) и разоружили анархистские дружины Петра Ивановича Жебенева.

Выбрали комнату в нижнем этаже рядом с кладовой, всего одно зарешеченное окно в сторону Вознесенского переулка (второе от угла дома), обычные полосатые обои, сводчатый потолок, тусклая электролампочка под потолком. Решаем поставить во дворе снаружи дома (двор образован внешним дополнительным забором со стороны проспекта и переулка) грузовик и перед расстрелом завести мотор, чтобы шумом заглушить выстрелы в комнате. Юровский уже предупредил наружную охрану, чтобы не беспокоилась, если услышат выстрелы внутри дома; затем раздали наганы латышам внутренней охраны, — мы сочли разумным привлечь их к операции, чтобы не расстреливать одних членов семьи Романовых на глазах у других. Трое латышей отказались участвовать в расстреле. Начальник охраны Павел Спиридонович

Медведев вернул их наганы в комендантскую комнату. В отряде осталось семь человек латышей.

Далеко за полночь Яков Михайлович проходит в комнаты доктора Боткина и царя, просит одеться, умыться и быть готовыми к спуску в полуподвальное укрытие. Примерно с час Романовы приводят себя в порядок после сна, наконец — около трех часов ночи — они готовы. Юровский предлагает нам взять оставшиеся пять наганов. Петр Ермаков берет два нагана и засовывает их за пояс, по нагану берут Григорий Никулин и Павел Медведев.

Я отказываюсь, так как у меня и так два пистолета: на поясе в кобуре американский "кольт", а за поясом бельгийский "браунинг" (оба исторических пистолета — "браунинг" № 389965 и "кольт" калибра 45, правительственная модель "С" № 78517 — я сохранил до сегодняшнего дня).

Оставшийся револьвер берет сначала Юровский (у него в кобуре десятизарядный "маузер"), но затем отдает его Ермакову, и тот затыкает себе за пояс третий наган. Все мы невольно улыбаемся, глядя на его воинственный вид.

Выходим на лестничную площадку второго этажа. Юровский уходит в царские покои, затем возвращается — следом за ним гуськом идут: Николай II (он несет на руках Алексея, у мальчика несвертывание крови, он ушиб где-то ногу и не может пока ходить сам), за царем идет, шурша юбками, затянутая в корсет царица, следом четыре дочери (из них я в лицо знаю только младшую полненькую Анастасию и — постарше — Татьяну, которую по кинжальному варианту Юровского поручали мне, пока я не выспорил себе от Ермакова самого царя), за девушками идут мужчины: доктор Боткин, повар, лакей, несет белые подушки высокая горничная царицы. На лестничной площадке стоит чучело медведицы с двумя медвежатами. Почему-то все крестятся, проходя мимо чучела, перед спуском вниз. Вслед за процессией следуют по лестнице Павел Медведев, Гриша Никулин, семеро латышей (у двух из них за плечами винтовки с примкнутыми штыками), завершаем шествие мы с Ермаковым.

Когда все вошли в нижнюю комнату (в доме очень странное расположение ходов, поэтому нам пришлось сначала выйти во внутренний двор особняка, а затем опять войти в первый этаж), то оказалось, что комната очень маленькая. Юровский с Никулиным принесли три стула — последние троны приговоренной династии. На один из них, ближе к правой арке, на подушечку села царица, за ней стали три старшие дочери. Младшая, Анастасия, почему-то отошла к горничной, прислонившейся к косяку запертой двери в следующую комнату-кладовую. В середине комнаты поставили стул для наследника, правее

сел на стул Николай II, за креслом Алексея встал доктор Боткин. Повар и лакей почтительно отошли к столбу арки в левом углу комнаты и стали у стенки. Свет лампочки настолько слаб, что стоящие у противоположной закрытой двери две женские фигуры временами кажутся силуэтами, и только в руках горничной отчетливо белеют две большие подушки.

Романовы совершенно спокойны — никаких подозрений. Николай II, царица и Боткин внимательно разглядывают меня с Ермаковым, как людей новых в этом доме. Юровский отзывает Павла Медведева, и оба выходят в соседнюю комнату. Теперь слева от меня против царевича Алексея стоит Гриша Никулин, против меня — царь, справа от меня — Петр Ермаков, за ним пустое пространство, где должен встать отряд латышей.

Стремительно входит Юровский и становится рядом со мной. Царь вопросительно смотрит на него. Слышу зычный голос Якова Михайловича:

— Попрошу всех встать!

Легко, по-военному встал Николай II; зло сверкнув глазами, нехотя поднялась со стула Александра Федоровна. В комнату вошел и выстроился как раз против нее и дочерей отряд латышей: пять человек в первом ряду, и двое — с винтовками — во втором. Царица перекрестилась. Стало так тихо, что со двора через окно слышно, как тарахтит мотор грузовика. Юровский на полшага выходит вперед и обращается к царю:

— Николай Александрович! Попытки Ваших единомышленников спасти Вас не увенчались успехом! И вот, в тяжелую годину для Советской республики... — Яков Михайлович повышает голос и рукой рубит воздух: — ... на нас возложена миссия покончить с домом Романовых!

Женские крики: “Боже мой! Ах! Ох!” Николай II быстро бормочет:

— Господи, Боже мой! Господи, Боже мой! Что ж это такое?!

— А вот что такое! — говорит Юровский, вынимая из кобуры маузер.

— Так нас никуда не повезут? — спрашивает глухим голосом Боткин.

Юровский хочет ему что-то ответить, но я уже спускаю курок моего браунинга и всаживаю первую пулю в царя. Одновременно с моим вторым выстрелом раздается первый залп латышей и моих товарищей справа и слева. Юровский и Ермаков также стреляют в грудь Николая II почти в ухо. На моем пятом выстреле Николай II валится снопом на спину.

Женский визг и стоны; вижу, как падает Боткин, у стены оседает лакей и валится на колени повар. Белая подушка двинулась от двери в пра-

вый угол комнаты. В пороховом дыму от кричащей женской группы метнулась к закрытой двери женская фигура и тут же падает, сраженная выстрелами Ермакова, который палит уже из второго нагана. Слышно, как лязгают рикошетом пули от каменных столбов, летит известковая пыль. В комнате ничего не видно из-за дыма — стрельба идет уже по еле видным падающим силуэтам в правом углу. Затихли крики, но выстрелы еще грохочут — Ермаков стреляет из третьего нагана. Слышен голос Юровского:

— Стой! Прекратить огонь!

Тишина. Звенит в ушах. Кого-то из красноармейцев ранило в палец руки и в шею — то ли рикошетом, то ли в пороховом тумане латыши из второго ряда из винтовок обожгли пулями. Редеет пелена дыма и пыли. Яков Михайлович предлагает мне с Ермаковым как представителям Красной Армии засвидетельствовать смерть каждого члена царской семьи. Вдруг из правого угла комнаты, где зашевелилась подушка, женский радостный крик:

— Слава Богу! Меня Бог спас!

Шатаясь, подымается уцелевшая горничная — она прикрылась подушками, в пуху которых увязли пули. У латышей уже расстреляны все патроны, тогда двое с винтовками подходят к ней через лежащие тела и штыками прикалывают горничную. От ее предсмертного крика очнулся и часто застонал легко раненный Алексей — он лежит на стуле. К нему подходит Юровский и выпускает три последние пули из своего “маузера”. Парень затих и медленно сползает на пол к ногам отца. Мы с Ермаковым щупаем пульс у Николая — он весь изрешечен пулями, мертв. Осматриваем остальных и достреливаем из “кольта” и ермаковского нагана еще живых Татьяну и Анастасию. Теперь все бездыханны.

К Юровскому подходит начальник охраны Павел Спиридонович Медведев и докладывает, что выстрелы были слышны во дворе дома. Он привел красноармейцев внутренней охраны для переноски трупов и одеяла, на которых можно носить до автомашины. Яков Михайлович поручает мне проследить за переносом трупов и погрузкой в автомобиль. Первого на одеяло укладываем лежащего в луже крови Николая II. Красноармейцы выносят останки императора во двор. Я иду за ними. В проходной комнате вижу Павла Медведева — он смертельно бледен и его рвет, спрашиваю, не ранен ли он, но Павел молчит и машет рукой.

Около грузовика встречаю Филиппа Голощекина.

— Ты где был? — спрашиваю его.

— Гулял по площади. Слушал выстрелы. Было слышно. — Нагнулся над царем.

— Конец, говоришь, династии Романовых?! Да...

Красноармеец принес на штыке комнатную собачонку Анастасии — когда мы шли мимо двери (на лестницу во второй этаж) из-за створок раздался протяжный жалобный вой — последний салют императору Всероссийскому. Труп песика бросили рядом с царским.

— Собакам — собачья смерть! — презрительно сказал Голощекин.

Я попросил Филиппа и шофера постоять у машины, пока будут носить трупы. Кто-то приволок рулон солдатского сукна, одним концом расстелили его на опилки в кузове грузовика — на сукно стали укладывать расстрелянных».[1]

Невооруженным глазом видно, что эти так называемые «воспоминания» насквозь лживы и фактически списаны со всех известных Кудрину свидетельств с добавлением абсурдной отсебятины. Разве можно серьезно относиться к таким утверждениям Кудрина, что решение, каким способом убивать Царскую Семью, обсуждалось в ночь убийства, за несколько часов до преступления? Так не поступают даже воры, готовящие более-менее серьезную кражу. Мы уж не говорим о том, что все это вступает в полное противоречие со всеми приведенными выше свидетельствами. В ходе своих «воспоминаний» Кудрин, как и Ермаков, постоянно выпячивает свою персону. Это проявляется даже в мелочах, не относящихся к убийству. Так, Кудрин лжет, что будто бы выступление анархистов было подавлено им и Родзинским, хотя хорошо известно, что мятеж подавлял Хохряков. Кроме того Кудрин приписывает себе и первую пулю, выпущенную в Царя, и в целом ведущую, руководящую роль. Можно ли себе представить, чтобы Кудрин распоряжался или даже просил Голощекина «присмотреть за трупами» в момент их погрузки? Вопреки здравому смыслу Кудрин приписывает латышам наличие винтовок, из которых те еще и стреляют в замкнутом пространстве! Лихорадочно компилируя свои «воспоминания» из разных свидетельств, Кудрин использует и показания Павла Медведева, и «Записку» Юровского, и, по всей видимости, «Исповедь Белобородова» (это видно по описанию тусклой лампочки в комнате убийства — сведений, приводимых только у Белобородова), и, конечно, свидетельства других фальсификаторов, таких как Родзинский и Никулин. При этом Кудрин в частностях расходится с другими текстами. Так, он указывает, что трое латышей отказались принимать участие в убийстве (у Юровского отказались «стрелять в девиц» двое латышей), вместо простыней, из которых были сделаны носилки для выноса трупов (что утверждает в своих показаниях Павел Медведев), появляются одеяла, пули отскакивают от несуществовавших в комнате «каменных столбов» (у Юровского «каменная стенка») и т. д.

---

[1] РГАСПИ, ф. 588. Оп. 3с, д. 12. [Воспоминания М.А. Медведева (Кудрина) о расстреле семьи Романовых. Машинописный текст.]

«Воспоминания Кудрина» расходятся с другими свидетельствами и в описании подушки, которую якобы держала Демидова. Если ранее речь шла о «маленькой подушке», то у Кудрина она превращается в две большие подушки.

Но у Кудрина имеется ряд весьма интересных подробностей, которые свидетельствуют о том, что убийство сопровождалось глумлением над жертвами. Нам неизвестно, откуда знал об этих подробностях Кудрин. Вполне возможно, что он и наблюдал их сам. Речь идет об убийстве собаки, труп которой был брошен рядом с Царскими трупами со слова Голощекина: «Конец, говоришь, династии Романовых!» Как мы увидим, Кудрин не единственный, кто упоминает об этом.

Если обобщить «воспоминания» Кудрина, то картина получается следующей: в убийстве участвовало семь латышей, Юровский, Кудрин, Ермаков и Никулин; перед убийством Юровский своими словами объявил Царю о грядущем расстреле; стульев, по Никулину, было три (на них сидели Государь, Государыня и Цесаревич); в Государя первым выстрелил и убил его он сам, Кудрин, а не Юровский; после первых залпов не были сразу убиты: Демидова, Цесаревич Алексей, Великие Княжны Татьяна и Анастасия; тела положили на одеяла и, вынеся их из дома, погрузили в грузовик.

Свидетельства Г.П. Никулина

Свидетельства Никулина продолжают серию фальсификаций, организованных ЦК парии в 60-е годы XX века. Фактически Никулин, повторяя в основном версию Кудрина, вступает в противоречия и с Юровским, и с показаниями обвиняемых. При этом в отличие от Кудрина, который сочинял свои «воспоминания» в спокойной обстановке, в виде письма «самому товарищу Хрущеву», Никулину пришлось свои «воспоминания» излагать в виде интервью в Радиокомитете. Поэтому они изложены так косноязычно, что создается впечатление, будто их автор был несколько «не в себе» либо плохо запомнил выученный текст. Впрочем, читатель может судить об этом самостоятельно.

«Значит, это было примерно так часиков в 11 вечера, когда мы... Юровский пошел к Боткину, побудил его, они легли в одиннадцать, может быть в начале двенадцатого. Спать они ложились, конечно, рано. Побудил я его и сказал ему, что вот так и так. Мы будем, конечно, обороняться. Будьте любезны сообщить семье, чтобы они спустились. Перед тем как приступить непосредственно к расстрелу, к нам прибыли в помощь, вот, Михаил Александрович Медведев, он работал тогда в ЧК. Кажется, он был членом президиума, я не помню сейчас точно. И вот этот товарищ Ермаков, который себя довольно неприлично вел, присваивая себе после главенствующую роль, что это он все совершил, так сказать,

единолично, без всякой помощи. И когда ему задавали вопрос: “Ну, как же ты сделал?” — “Ну, просто, говорит, брал, стрелял — и все”. На самом же деле нас было исполнителей 8 человек: Юровский, Никулин, Медведев Михаил, Медведев Павел — четыре, Ермаков Петр — пять, вот я не уверен, что Кабанов Иван — шесть. И еще двоих я не помню фамилий.

Когда мы спустились в подвал, мы тоже не догадались сначала там даже стулья поставить, чтобы сесть, потому что этот был... не ходил, понимаете, Алексей, надо было его посадить. Ну, тут моментально, значит, поднесли это. Они так это, когда спустились в подвал, так это недоуменно стали переглядываться между собой, тут же внесли, значит, стулья, села, значит, Александра Федоровна, наследника посадили, и товарищ Юровский произнес такую фразу, что: “Ваши друзья наступают на Екатеринбург, и поэтому вы приговорены к смерти”. До них даже не дошло, в чем дело, потому что Николай произнес только сразу: “А!”, а в это время сразу залп наш уже — один, второй, третий. Ну, там еще кое-кто, значит, так сказать, ну, что ли, был еще не совсем окончательно убит. Ну, потом пришлось еще кое-кого дострелить...

— Помните, кто был еще не полностью мертв?

— Ну, вот была эта самая... Анастасия и эта... закрылась, вот, подушкой — Демидова. Демидова закрылась подушкой, пришлось подушку сдернуть и пристрелить ее.

— А мальчик?

— А мальчик был тут же сразу... Ну, правда, он долго ворочался, во всяком случае с ним и с мальчиком было покончено. Быстро.

Я, например, считаю, что с нашей стороны была проявлена гуманность. Я потом, когда, понимаете, воевал, вот в составе третьей армии, 29-й стрелковой дивизии, я считал, что если я попаду в плен к белым и со мной поступят таким образом, то я буду только счастлив.

Потому, что вообще с нашим братом там поступали зверски.

— Сколько вся эта операция продолжалась?

— Ну, видите, во-первых, они собирались очень долго. Почему? Я это уже потом скажу. Она продолжалась часа два. Да, часа полтора, видимо, они собирались. Потом, когда они спустились, там в течение получаса все было завершено. Во дворе стоял грузовик, приготовленный. Он, кстати, был заведен для того, чтобы создать, так сказать, условия неслышимости. Мы на одеялах трупы эти выносили в грузовик.

— Значит, туда вошли все обитатели этого..?

— Абсолютно все, все одиннадцать человек, за исключением, значит, маленького мальчика Седнева»[1].

Таким образом, из этих «воспоминаний» Никулина мало что понятно. Например, кто же все-таки разбудил Боткина, Юровский или он, Никулин? Никулин умудряется в одном тексте, буквально через строчку, сообщить об этом диаметрально противоположные сведения. Вначале он пишет: «***Юровский** пошел к Боткину, побудил его*», т.е. Боткина, а через строчку мы читаем: «*Побудил **я** его и сказал ему*». И у того, кто беседовал с Никулиным не возникло никаких вопросов по поводу этого вопиющего разночтения. А сведения касающиеся убийства Наследника? Никулина спрашивают: «*А мальчик?*», — в смысле сразу ли умер Наследник? Что же отвечает Никулин? «*А мальчик был **тут же** сразу... Ну, правда, он **долго ворочался**, во всяком случае с ним и с мальчиком было покончено*». Так сразу был убит Цесаревич или «долго ворочался»? А что означает «*с ним и с мальчиком*»? Кем был тогда этот неизвестный, кто был сразу убит с Наследником? Нам могут сказать, что Никулин был в пожилом возрасте — он умер через год после интервью. Но, во-первых, свидетельствам человека, находящегося в подобном состоянии, верить нельзя, а, во-вторых, на следующий день после Никулина в том же Радиокомитете своими «воспоминаниями» делился соучастник преступления Родзинский, который, как можно понять из его «воспоминаний», в убийстве участия не принимал, он помогал уничтожать трупы. Тем не менее стиль изложение Родзинского такой же кондовый, язык малопонятный, рассказчик постоянно противоречит самому себе. По манере повествования рассказы Родзинского удивительным образом похожи на никулинские, хотя Родзинский умер через двадцать лет после данного интервью.

По Никулину получается, что в убийстве принимали участие Юровский, он, Никулин, Кудрин (Медведев), Медведев Павел, Ермаков, предположительно Кабанов и двое, чьи фамилии он не помнит. Стульев было, повидимому, два (на них сидели Наследник и Императрица). Перед расстрелом Юровский своими словами объявил Царю о грядущем расстреле. Кто убил Императора Николая II — непонятно (безличное — «*наш залп*»). После первого залпа не были сразу убиты: Великая Княжна Анастасия Николаевна, Демидова и, возможно, Наследник.

Свидетельства М. Кабанова

---

[1] РГАСПИ, ф. 588. Оп. 3с, д. 13. (Запись беседы с Г.П. Никулиным о расстреле семьи Романовых. Машинописный текст.)

Через год после откровений Кудрина и Никулина, в 1965 году, в Радиокомитет был приглашен бывший охранник ДОНа М. Кабанов. До сих пор о нем как об одном из убийц Царской Семьи, так же как и о Кудрине, никто не вспоминал. Но в 1965 году выяснилось, что, оказывается, он тоже принимал участие в расстреле. Причем, разумеется, вслед за Ермаковым, Кудриным (Медведевым) и Никулиным Кабанов уверял, что играл в организации и проведении убийства первостепенную роль. О том, насколько все это соответствует действительности, видно уже по тому, что «организатор» преступления не помнил, когда произошло само убийство! А произошло оно, по Кабанову, не 17-го июля, как мы думали ранее, читая показания обвиняемых и множество «записок», «исповедей» и «рассказов», а — 22 июля!

«*21 июля 1918 года,* — «свидетельствует» Кабанов, — *тов. Юровский, его помощник Никулин и я стали вырабатывать план ликвидации Николая и его семьи. И было решено акцию эту произвести в той подвальной комнате, в которой помещался я со своей пулеметной командой. Для этой цели убрали из комнаты наши кровати и другую мебель.*

На время расстрела решили поставить под окнами нашей комнаты старую грузовую машину “Форд” с плохим глушителем, чтобы она в это время трескотала своим мотором, заглушая выстрелы.

В 2 часа утра 22 июля 1918 года тов. Юровский сообщил Николаю II, что в городе неспокойно, что его жизни и его семье угрожает опасность, что во избежание этого он предложил ему со всей семьей спуститься вниз. После этого, Николай II взял на руки своего сына и пошел в указанную комнату, а за ним пошли и другие члены его семьи, и другие лица, находящиеся при нем. Николай II сына посадил на приготовленный нами стул, а сам встал посереди комнаты лицом к двери.

Тов. Юровский вошел в эту комнату, встал в угол и зачитал Николаю II и его семье Постановление Уральского Областного Совета об их расстреле. Причем в этом Постановлении инкриминировалось обвинение династии Романовых за все время со стороны этой династии. После оглашения тов. Юровским Постановления Областного Совета сразу затрещал мотор грузовой машины и присутствующие при этом товарищи, сначала не входя в комнату, где находились приговоренные, начали стрелять через проем двухстворной двери.

Присутствующий здесь член, т.е. чекист Михаил Медведев, с первого выстрела застрелил насмерть Николая II.

В то же время я разрядил свой “наган” по осужденным. Результаты моих выстрелов я не знаю, т.к. вынужден был сразу же пойти на чердак, к пулемету, чтобы в случае нападения на нас (во время этой акции)враждебных нам сил в своей пулеметной комнате отражать это нападение.

Когда я вбежал на чердак — увидел, что в Горном институте, расположенном через улицу, загорелся свет. Хорошо были слышны выстрелы и вой царских собак.

Я немедленно спустился в комнату казни и сказал, что стрельба в городе очень слышна, что очень силен вой царских собак, что против нас, в Горном институте во всех окнах горит свет, но в это время, за исключением фрельны и сына Николая, все уже были мертвы.

Я рекомендовал умертвить их холодным оружием, а также умертвить трех царских собак, которые сильно выли. Четвертую собаку Джек как не производящую вой не тронули.

Затем районный врач освидетельствовал всех казненных и установил, что все они мертвы.

После этого все трупы были уложены в грузовую автомашину и покрыты белой материей. В том числе: Николай II, его жена, четыре дочери Николая, его сын, фрельна, повар, лакей, доктор и три собаки».[1]

На этом «воспоминания» Кабанова в Радиокомитете заканчиваются. Но, видимо, этих воспоминаний кому-то показалось мало, и Кабанов пишет «частное» письмо сыну Кудрина, главный смысл которого сводился к тому, что Царя убил именно Кудрин (Медведев), а не Юровский. При этом любопытно, что Кабанов как бы загодя предупреждает, что он не может назвать ни одного свидетеля расстрела. «*Обстановка была крайне напряженная,* — пишет Кабанов, — *у окраины Екатеринбурга были белые, в городе было много людей, враждебно относящихся к молодой советской власти, наши вооруженные силы были ничтожны, сам акт ликвидации Романовых в то время и в той обстановке был актом чрезвычайно ответственным, и потому у всех нас, участвующих в казни, нервы были напряжены до предела. Поэтому было невозможно думать о том, чтобы сосчитать присутствующих или запомнить их фамилии и внешность».*[2]

В этих словах Кабанова, что ни слово, то — ложь. Обстановка вокруг Екатеринбурга «крайне напряженной» не была, никаких «белых» на окраине города не было, а большевистские силы были вполне серьезными. Но удивительна не эта ложь Кабанова, а то, каким образом все эти обстоятельства, даже если бы они действительно имели место, могли бы привести к такой патологической забывчивости, что Кабанов не смог вспомнить ни фамилий, ни внешности своих подельников? И как при этой забывчивости и крайнем волнении, когда «нервы были напряжены» до предела, Кабанов умудрился точно запомнить, что Императора Николая II убил именно Кудрин (Медведев)?

---

[1] Покаяние. С. 202–204.
[2] Там же.

В своем «частном письме» Кабанов добавляет еще несколько деталей: «*Когда я слез с чердака, то увидел такую картину: две младших дочери царя, прижавшись к стенке, сидели на корточках и закрывали головы руками, а в их головы в это время стреляли. Фрельна лежала на полу еще живая. Когда я вбежал в помещение казни, я крикнул, чтобы немедленно прекратили стрельбу, а живых докололи штыками. Но к этому времени в живых осталось только Алексей и фрельна. Один из товарищей в грудь фрельны стал вонзать штык американской винтовки «Винчестер». Штык вроде кинжала, но тупой и грудь не пронзил, и фрельна ухватилась обеими руками за штык и стала кричать, но потом ее и 3 царских собак добили прикладами ружей. Правда одну из собак повесили. Смерть казненных констатировал военный врач, ему были заданы вопросы, почему Алексей после нескольких выстрелов в голову и сердце так жил, он ответил, что при такой болезни, какой болел Алексей, долго не умирают. Этим врачом был составлен акт о том, что все 11 казненных были мертвы*».[1]

Интересно все-таки была устроена память у Кабанова! «Натянутые до предела нервы» не позволили ему запомнить ни одного участника убийства, но зато он детально помнил, какой марки была американская винтовка, как выглядел прикрепленный к ней штык, какие вопросы были заданы «врачу» и т. п. Вообще нелепостей у Кабанова великое множество.

Начнем с того, что Кабанов вдруг нас уверяет, что, оказывается, в комнате, где произошел расстрел, ранее находилась его пулеметная команда и стояли «кровати» пулеметчиков и мебель. Между тем ни в одном свидетельстве не говорится ни о какой команде пулеметчиков и их размещении в расстрельной комнате. Юровский только говорит, что комнату предварительно очистили от мебели. Кроме того мы помним, что в тот день, по показаниям обвиняемых, пулеметчиком в доме Ипатьева был А. Стрекотин и его пост находился в большой комнате нижнего этажа. Поэтому совершенно непонятно, почему вдруг Кабанов в момент убийства стремглав помчался на чердак, где якобы находился пулемет. Даже если представить, что пулемет действительно там находился, то что же, Юровский не догадался бы заранее послать на чердак кого-нибудь другого, а не Кабанова, который должен был метаться по дому в момент убийства? Кабанов уверял: «*Я разрядил свой “наган” по осужденным. Результаты моих выстрелов я не знаю, т. к. вынужден был сразу же пойти на чердак, к пулемету*». Сбегав к пулемету, увидев «свет в окнах» Горного Института и услышав вой собак, Кабанов «*немедленно спустился в комнату казни*». А теперь представим себе эту картину: Кабанов дает два-три выстрела в расстреливаемых, а затем, даже не увидев, куда он попал, стремглав не-

[1] Покаяние. С. 204–205.

сется на чердак к пулемету, якобы, как он сам объясняет, чтобы занять пулеметный пост, но вместо этого тут же этот пост бросает и несется снова вниз с сообщением о вое собак. А если бы в этот момент действительно начался бы налет на дом, чем бы помогли убийцам известия о воющих собаках?

Не менее серьезное недоумение вызывает то, что увидел Кабанов с этого чердака на другой стороне улицы. А он увидел там — Горный Институт, в котором стали зажигаться огни. Свет «горел во всех окнах», хорошо был слышен «вой царских собак». Во-первых, непонятно, почему вдруг глубокой ночью в Горном Институте всюду стали «загораться огни»? Не шли же занятия в Институте круглыми сутками, да еще и при потушенном свете! Во-вторых, Кабанов пишет, что услышал вой «царских собак». Интересно, о каких собаках идет речь? Если о собаках Царской Семьи, то их в доме было две: спаниель Наследника Джой (которого Кабанов называет «Джеком»)[1] и маленькая комнатная собачка Великой Княжны Анастасии Николаевны. Последняя собачка была настолько маленькой, что не могла даже ходить, ее носили на руках. Так как Кабанов утверждает, что Джой был убит, то получается, что дикий вой, который был слышан за сотни метров от дома, издавала крохотная собачка. Но даже если каким-то образом собачка смогла так завыть, то непонятно, как Кабанов смог оценить, что этот вой хорошо слышен на улице. Ведь собаки не гуляли ночью по двору Ипатьевского дома, они, по всей вероятности находились внутри особняка. Поэтому, если бы эти собаки начали выть, то этот вой был бы слышан только в самом доме Ипатьева, максимум в саду, но ни никак не за сотни метров от дома. Потом, собак можно было поместить в подвал, и тогда бы их вой вообще был бы не услышан. Но вместо этого «собак», по Кабанову, убивают, кроме Джоя, причем одну из них — вешают. Последнее вообще непонятно: зачем нужно проводить этот садистский акт с животным, если умерщвление собак было вызвано исключительно издаваемым ими шумом?

Непонятно также, как водитель грузовика узнал, что убийство началось, и включил двигатель. Радиотелефонов и раций тогда не было, а видеть, что происходит в комнате, водитель не мог.

Но, пожалуй, самым поразительным новшеством Кабанова является неизвестно откуда появившийся врач, который констатировал смерть убитых. Видимо, этот врач был большим профессионалом, так как он открыл новое свойство гемофиликов, ни до, ни после того неизвестное медицине, а именно — «долго не умирать», даже если в их голову и сердце всадили по несколько пуль! Интересно, что этим открытием врач не преминул поделиться с убийцами.

---

[1] Кстати, так назвал Джоя охранник Летемин в 1918 году, что наводит на мысль, что Стрекотин называл собаку со слов Летемина.

По Кабанову, в убийстве принимали участие: Юровский, Кудрин, он, Кабанов и еще какие-то «товарищи», ни имен, ни национальности которых Кабанов не указывает. Причем, в чем заключалось участие Юровского — у Кабанова не понятно. Скорее можно понять так, что он вообще не стрелял в Царскую Семью. Главная роль отводится Кудрину. По Кабанову, Юровский читал приговоренным Постановление Областного Совета. Кабанов говорит, что стул был только один и на нем сидел Цесаревич Алексей. Число не сразу убитых после первых выстрелов Кабанов называет поразному: в интервью это Демидова и Цесаревич Алексей, а в «частном письме» это две Великие Княжны, Цесаревич и Демидова.

Свидетельства А.А. Стрекотина

Как мы уже писали, кроме Кабанова на роль пулеметчика претендовал еще и Стрекотин, о чем сообщил на допросе Летемин. Стрекотин рассказывал: «*В ночь с 16 на 17 июля 1918 г. я стоял на своем посту у пулемета в нижнем этаже внутри дома, при мне была винтовка с штыком. По обыкновению, нас должны были сменить в 10 часов вечера, но вот времени уже и 10 часов, а нас не сменяют, вот и 12 часов, а смены все нет.*

"Почему нас не сменяют?" — спросил я своего товарища, стоявшего на посту в саду. "Не знаю", — ответил тот.

По лестнице кто-то быстро спустился вниз, молча подошел ко мне и так же молча подал мне револьвер. "Для чего он мне?" — спросил я Медведева. – "Скоро будет расстрел", — сказал он мне и быстро удалился. Вскоре вниз спустился с Медведевым Окулов и еще кто-то, не помню. Зашли в одну из комнат и вскоре ушли обратно. Но вот вниз спустилась неизвестная для меня группа людей, человек 6–7. Окулов ввел их в комнату, в которой он только что был перед этим. Теперь я окончательно понял, что готовится расстрел, но я не мог представить — когда, где и кто будет исполнителями. Вверху послышались электрозвонки, потом шорох ходьбы людей (звонками будили царскую семью). Наконец слышу шаги людей, вниз спускалась вся семья Романовых и их приближенные. Тут же Юровский, Окулов, Медведев и Ермаков, последнего я знал по дутовскому фронту, тогда он был командиром одного из отрядов <...>

Все арестованные были одеты по обыкновению чисто и нарядно. Царь на руках несет своего сына дегенерата царевича Алексея. Царевна дочь Анастасия несет на руках маленькую курносую собачку, экс-императрица под ручку со своей старшей дочерью — Ольгой. Надо заметить, что вниз арестованных повели под предлогом якобы безопасности, т.к. будто бы Екатеринбург будет осажден войсками белых генералов. Всех их

провели в ту комнату, где немного раньше побывали Окулов с Медведевым, рядом с моим постом.

Окулов вскоре вышел обратно, проходя мимо меня, он сказал: "Для Наследника понадобилось кресло, видимо, умереть он хочет в кресле. Ну что же, пожалуйста, принесем." Когда арестованные были введены в комнату, в это время группа людей, что раньше вошла в одну из комнат, направилась к комнате, в которую только что ввели арестованных. Я пошел за ними, оставив свой пост. Они и я остановились в дверях комнаты.

Юровский коротким движением рук показывает арестованным, как и куда нужно становиться, и спокойно тихими голосом: "Пожалуйста, вы станьте сюда, а вы вот сюда, вот так в ряд". Арестованные стояли в два ряда, в первом вся царская семья, во втором — их лакеи, наследник сидел на стуле. Правофланговым в первом ряду стоял царь. В затылок ему стоял один из лакеев. Перед царем лицом к лицу стоял Юровский — держа правую руку в кармане брюк, а левой держал небольшой листок бумаги, потом он читал приговор: "Ввиду того, что чехословацкие банды угрожают красной столице Урала — Екатеринбургу, ввиду того, что коронованный палач может избежать народного суда, президиум областного совета, выполняя волю революции, постановил: бывшего царя Николая Романова, виновного в бесчисленных кровавых преступлениях перед народом — расстрелять! А потому ваша жизнь покончена!" Но не успел он докончить последнего слова, как царь громко переспросил: "Как, я не понял? Прочитайте еще раз". Юровский читал вторично, при последнем слове он моментально вытащил из кармана револьвер и выстрелил в упор в царя. Сойкало несколько голосов. Царица и дочь Ольга пытались "осенить себя крестным знаменем" (так!), но не успели.

Одновременно с выстрелом Юровского раздались выстрелы группы людей, специально призванных для этого — царь "не выдержал" единственной пули нагана, с силой упал навзничь. Свалились и остальные десять человек. По лежачим было сделано еще несколько выстрелов. Дым заслонил электрический свет и затруднял дыхание. Стрельба была прекращена, были раскрыты двери комнаты с тем, чтоб дым разошелся.

Принесли носилки, начали убирать трупы, первым был вынесен труп царя. Трупы выносили на грузовой автомобиль, находящийся во дворе, когда ложили (так!) на носилки одну из дочерей, она вскричала и закрыла лицо рукой. Живыми оказались также и другие. Стрелять было уже нельзя, при раскрытых дверях выстрелы могли быть услышаны на улице. По словам товарищей из команды, даже первые выстрелы были слышны на всех внутренних и наружных постах. Ермаков взял у меня винтовку со штыком и доколол всех, кто оказался жив. Когда были вынесены трупы и

ушла автомашина, только после этого наша смена была сменена с дежурства».[1]

Начнем с того, что эти «воспоминания» Стрекотина, хотя и похожи на изложенный Летеминым в 1918 году следствию рассказ Стрекотина, все же имеют с ним расхождения. Самое важное из них: в допросе Летемин утверждает, что Стрекотин должен был дежурить с 12 часов ночи до 4 часов утра, а в «воспоминаниях» Стрекотин говорит, что его дежурство должно было закончиться в 10 часов вечера.

Что же касается непосредственно приведенных выше «воспоминаний» Стрекотина, то первое, что мы в них встречаем нового — это фамилия Окулова. Ранее эта фамилия не упоминается соучастниками убийства. Что это был за Окулов, неизвестно, его имя не встречается в известных нам источниках. Затем Стрекотин подтверждает участие в убийстве Павла Медведева. По Стрекотину, Царскую Семью разбудили электрическими звонками, правда, при этом непонятно, кто же ей все-таки сказал спуститься вниз. А вот с обстоятельствами расстрела у Стрекотина имеется немалая путаница. Так, в начале своего рассказа Стрекотин пишет, что Медведев и Окулов зашли в одну из комнат нижнего этажа и вскоре оттуда ушли. Потом Стрекотин пишет, что в эту же комнату Окулов ввел 6–7 неизвестных людей. Далее Стрекотин пишет, что в ту же комнату была введена Царская Семья и ее свита. Из слов Стрекотина понятно, что Царская Семья и ее приближенные находились в одной комнате с неизвестными людьми. Но вдруг Стрекотин заявляет: «*Когда арестованные были введены в комнату, в это время группа людей, что раньше вошла в одну из комнат, направилась к комнате, в которую только что ввели арестованных*». Таким образом, вопреки своим собственным утверждениям, Стрекотин заявляет, что группа людей была в какой-то другой комнате и зашла в комнату, где находилась Царская Семья, сразу же после нее.

Кстати, «воспоминания» Стрекотина о комнате, где произошло убийство, опровергают утверждения Кабанова, что в расстрельной комнате располагалась пулеметная команда. Нет сомнений, что если бы это было так, то Стрекотин написал бы, что Медведев и Окулов «зашли в комнату, где располагалась наша команда». На самом деле Стрекотин просто указал, что они зашли «*в одну из комнат*». Любопытно, что Стрекотин вовсе не упоминает имя Кабанова, который, по идее, был его начальником.

Далее. Непонятно, как это Стрекотин бросил свой пулеметный пост и как его командиры, в частности Юровский, не выгнали вон, когда увидели, что Стрекотин явился в расстрельную комнату в качестве зеваки.

---

[1] Покаяние. С. 201–202.

В своем рассказе Стрекотин пишет, что Окулов отправился **за креслом** для Цесаревича. Но затем пишет, что Наследник сидел **на стуле**. Откуда же взялось это «кресло»? Ответ на этот вопрос мы можем найти в «рассказе Юровского старым большевикам Свердловска». Там Юровский рассказывает о том, что он послал принести стул Наследнику, а потом пишет: «*Тут посадили рядом* ***на кресле*** *Алексея*». Вполне вероятно, что Стрекотин либо те, кто за него составляли «воспоминания», использовали выступление Юровского и скопировали его описку в «воспоминания» Стрекотина.

По-видимому, и текст постановления Уральского Совета, который Стрекотин вкладывает в уста Юровского, был просто-напросто списан первым с официального объявления большевиков о расстреле Николая II.

Причины расхождений и противоречий в воспоминаниях соучастников убийства

По нашему мнению, главная причина противоречивости так называемых «воспоминаний» организаторов и соучастников преступления заключается в изначально поставленной перед ними задаче: скрыть истинную картину злодеяния. Что касается «воспоминаний» 20-х годов, а так же мемуаров, появившихся заграницей, то вызывает большое сомнение авторство тех людей, которым они приписываются. Скорее всего, «Записка Юровского», «Исповедь Белобородова», «Рассказ Войкова» являются коллективным творчеством нескольких людей, среди которых, вполне возможно, были и те, кто назван авторами «воспоминаний». Эти люди по тем или иным причинам стремились убедить общественность в той версии убийства, какая была им выгодна. Отсюда множественность и очевидность ошибок, противоречий и просто нелепостей. Хотя, вполне возможно, что в этих документах есть отголоски действительно имевших место событий.

Вообще следует сказать, что ложь вокруг обстоятельств убийства Царской Семьи начала распространяться с первых же часов после преступления. Главной целью этой лжи, по нашему мнению, было скрыть ритуальный характер злодеяния. При этом ложь распространялась не только со стороны большевиков, но и со стороны представителей «белых» и Антанты. Вот что доносили в Париж сотрудники французской миссии в Сибири, которой, как мы помним, руководил генерал Жанен и во многом Зиновий Свердлов летом 1918–зимой 1919 года. В телеграмме №500, высланной из Екатеринбурга в августе 1918 года военному министру Франции, сообщалось: *«Бывший Император, его жена и дети пропали ночью с 16-го на 17-е июля. Они были убиты. Николай был убит револьверными выстрелами людьми, которыми руководил человек под именем Бирон,*

стрелявшим первым. Царевич был болен, и у него на глазах были убиты Царь, мать и его сестры. Он (Цесаревич – П.М.) был убит после них револьверным выстрелом. Императрица и девушки были расстреляны, будучи перед этим по нескольку раз изнасилованы. По всей видимости, великие княжны были изнасилованы на глазах своих родителей».[1]

Интересно, откуда у французского представителя была такая подробная осведомленность в августе 1918 года? Между тем мы можем обнаружить источники этой осведомленности в материалах белого следствия. Допрошенный сотрудниками уголовного розыска студент С.И. Матиков показал: «*Месяца два времени до освобождения от большевиков г. Перми, т. е. с 5 ноября 1918 года, я проживал в г. Перми, куда прибыл из Петрограда. В Перми проживал по Оханской улице в д. №29, квартира Шиляевой.* (...) *В этой же квартире проживали помощник начальника военных сообщений 3 армии большевиков Георгий, кажется, Николаевич Бирон с женой и некто Шпилевский, тоже служащий у начальника военных сообщений. От Шпилевского я узнал, что Бирон участвовал в убийстве Николая II, почему в беседах и заводили разговоры при Бироне на тему убийства.*

Бирон в виде хвастовства рассказал, хотя от подробностей уклонялся, но сказал, что он, Бирон, принимал участие в убийстве Николая II и его семьи при следующих обстоятельствах. /.../

Накануне взятия Екатеринбурга вся прислуга и сопровождавшие Николая II, как-то: Фредерикс (кажется, Фредерикс) были взяты и удалены в тюрьму — это было днем. Затем, приблизительно в 8 ч. вечера того же дня, явились в тот дом, в котором был Николай II с семьей, в числе приблизительно восьми человек и, прежде чем войти в комнату Николая II, кинули жребий — кому кого убивать (кроме Николая II, убить которого взял на себя латыш-матрос «Пашка Берзин»),

Когда вошли в комнату, Николай II сидел за столом один и пил чай и, как видно, не подозревая о готовящемся, говорил: «Жарко, душно, выпить бы, выпить бы хорошо», а когда увидел у вошедших обнаженные револьверы, то замолчал, поняв, видимо, в чем дело, задрожал и, когда над ним матрос Берзин стал издеваться-смеяться и сказал ему, что теперь ему довольно жить, то Николай II пал на колени и стал молить о пощаде, просил, ползал плакал, а Берзин издевался, отвечая пинками и смехом. И, в заключении, Берзин из револьвера системы Кольта выстрелил в Николая II в лоб и убил наповал.

После этого убийства была приведена в ту же комнату Императрица Александра Федоровна. По виду она, как видно, была изнасилована, а если и не изнасилована, то над ней тоже издевались, но она во-

---

[1] MG, 17. № 604–606.

шла со скрещенными руками на груди и держа себя очень гордо и не проронила ни одного ни звука, ни слова. Что Государыня была изнасилована, я заключаю по тому, что, по словам Бирона, «она была обнажена и тело у нее очень красивое» (это слова Бирона). В Государыню было произведено два выстрела, и она оказалась лежащей на трупе мужа, т.е. Николая II.

По очереди были в ту же комнату приведены княжны и тоже расстреляны, причем они были так запуганы, что выглядели, по выражению Бирона, были в состоянии обалдения (так!).

Последним был приведен больной Царевич Алексей, который тоже был убит, но Бирон не мог сказать, у себя ли был убит Царевич Алексей в комнате или же был приведен в жару и бессознательном состоянии и убит в комнате, в которой были убиты его родители».[1]

Из приведенного выше отрывка понятно, что французская военная миссия черпала свою первоначальную информацию из показаний некоего студента Матикова. Несмотря на то, что очевидна подлая ложь вышеизложенного, уголовный розыск белых стал самым тщательным образом изучать показания Матикова. Однако вскоре убедился, что помощник начальника военных сообщений 3-й красной армии П.Н. Бирон никакого отношения к убийству Царской Семьи не имел, а вот «Пашка Берзин», он же Пауль Бланк, был охранником в Ипатьевском доме и, вероятнее всего, лживая версия убийства исходила от него, а не от Бирона. Независимо от того, в чьей голове родилась эта ложь, целью ее было изначально запутать следствие и вывести из-под удара истинных организаторов преступления. Странно при этом, что французская военная миссия настолько поверила этой лжи, что немедленно отправили ее в Париж как подлинную картину убийства.

Интересно, что еще в одной телеграмме французской военной миссии, копия которой была послана, как мы уже писали, в Вашингтон, отрицается предыдущая информация о сожжении трупов. Вот что говорится в телеграмме: «*Тела не были сожжены, была сожжена только одежда. Тела были брошены нагими в шахту вместе с ручными гранатами, чтобы их обезобразить*».[2]

Интересно, что в выводах Соколова нет ни слова о том, что тела нагими сбросили в шахту. Он писал о том, что тела были обнажены, расчленены и сожжены, а «*оставшиеся предметы преступники побросали в шахту, пробив в ней предварительно лед, и засыпали землей*».[3]

---

[1] Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 128.
[2] MG, 17. № 604–606.
[3] *Соколов Н.А.* Убийство Царской Семьи. С. 274.

Сведения о трупах, которые кидали в шахту, появляются лишь в «воспоминаниях» Сухотина, Медведева (Кудрина) и иных «участников» уничтожения тел Царственных Мучеников. Именно эти воспоминания стали основой для «доказательств» подлинности «Екатеринбургских останков». Получается, что основания для этих «доказательств» создавались уже в 1919 году.

Члены Правительственной Комиссии убеждали, что фальсификации этих документов быть не могло, так как они долгие годы находились в спецхране, допуск к которым был доступен единицам. Мы не будем спорить с этим утверждением по очень простой причине: оно не опровергает того обстоятельства, что эти документы могли быть изначальной сознательной фальсификацией. Какие практические цели преследовала эта фальсификация — сказать трудно, но то, что большевистский режим готовил множественные пути отступления в случае своего провала — очевидно.

Ту же цель преследовали и «воспоминания» 60-х годов. Однако у них имеются свои особенности. Если первые документы были составлены людьми, непосредственно владевшими темой убийства и безусловно обладавшими определенной информацией о ходе его проведения, то вторые — принадлежат, мы в этом глубоко уверены, людям, **никакого участия в убийстве не принимавшим.** Самое большое, в чем они могли принимать участие, так это в уборке расстрельной комнаты и доставке тел убитых к месту уничтожения. Исходя из этого им приходилось сочинять свои «воспоминания» об убийстве, рисовать его ложную картину, основываясь на известных ранее источниках и давая волю своему воображению. Примечательно, что Юровский заявлял, что все участники расстрела были «взяты» белыми и расстреляны. Как верно пишет И.Ф. Плотников, это была «*чистейшая ложь, вводящая исследователей и публицистов в заблуждение, толкающая их на предположения и домыслы*».[1] Но если Юровский своей ложью пытался скрыть истинных убийц Царской Семьи, почему его последователи в 60-х годах не могли придумать имена новых убийц?

Что стало причиной, побудившией власти спустя 47 лет создавать новую фальсифицированную картину убийства, которая оставалась секретной вплоть до недавнего времени?

Послушаем, что говорит об этом человек, которому, по его словам, была поручена организация сбора «воспоминаний» — А.Н. Яковлев. «*Совсем странное поручение,* — пишет он, — *я получил в начале 1964 года. Пригласил меня Ильичев и сказал, что Хрущев просит изучить обстоятельства расстрела семьи императора Николая II. Он дал мне письмо одного из участников расстрела, М.А. Медведева, с резолюцией Хрущева. Заметив мое недоумение, Ильичев сказал, что ты мол, историк, тебе*

[1] *Плотников И.Ф.* Указ. соч. С. 230.

и карты в руки. Карты картами, но я совершенно не представлял, что делать. Попросил Леонида Федоровича позвонить в КГБ, где, видимо, должны лежать документы, связанные с расстрелом. Он позвонил.

По размышлении, пришла на ум спасительная мысль: попытаться найти людей, участников расстрела, оставшихся в живых. Тут мне помог Медведев, автор письма, который и назвал адреса еще живых участников тех событий — Г.П. Никулина и И.И. Родзинского. Один жил в Москве, другой — в Риге. Пригласил их на беседу. Как показали последующие события, я был последним, кто официально разговаривал с участниками расстрела семьи Романовых.

Поначалу приглашенные не могли понять, зачем их вызвали в ЦК. Объяснил, что есть поручение Хрущева выяснить обстоятельства гибели царской семьи. После одной-двух встреч собеседники начали оттаивать, сообразив, что для каких-то "претензий" их вызвали бы в другое заведение. Договорились, что их рассказы будут записаны на пленку. Для этих целей я пригласил одного из сотрудников радиокомитета. Началась очень интересная работа».[1]

Итак, Яковлев четко указывает, что «очень интересная работа» началась по распоряжению высшего лица в государстве — первого секретаря ЦК Н.С. Хрущева. Причины этой внезапной заинтересованности Хрущева расстрелом Царской Семьи непонятны. Однако видно, что отношение Яковлева к своему поручению было весьма серьезным, так как им длительное время занимались высокие партийные чиновники. Интересно, что письмо Кудрина (Медведева) попало сначала в руки Хрущева и только потом было передано Яковлеву. Не являлось ли оно своеобразным образцом, которым Яковлев должен был руководствоваться в опросе других «свидетелей»? Интересно, что вызванные на беседу к Яковлеву Никулин и Родзинский были напуганы, думая, что им будут предъявлены некие «претензии». Почему они так думали, что давало к этому повод? Из текста непонятно. Затем в тексте Яковлева сказано, что Родзинский проживал в Риге. Это явная ошибка, Родзинский в Риге никогда не проживал — он постоянно жил в Москве. Возможность того, что Яковлев ошибся и имел в виду Никулина также исключается, ибо и Никулин никогда не жил в Риге, он также проживал в Москве. Но в Риге действительно жил Ян Свикке (Родионов), тот самый начальник отряда особого назначения, который вывозил Царских Детей из Тобольска в Екатеринбург. Яковлев о нем не упоминает, но эта его ошибка наталкивает нас на мысль, что и Свикке был опрашиваем в ходе «очень интересной работы». В связи с этим любопытное свидетельство имеется у М. Хейфеца.

---

[1] *Яковлев А.* Омут памяти. М.: Вагриус, 2001. С. 147–148.

«*Неожиданный материал,* — пишет Хейфец, — *опубликовала в лос-анджелесской «Панораме» журналистка Светлана Ильичева (возможно, это была перепечатка из какого-то советского издания, но ссылки на источник в газете нет). Рижанка, она встречалась, оказывается, с Родионовым, тем комиссаром, что описан в следственных документах как лицо, перевозившее из Тобольска в Екатеринбург детей Романовых и генерала Илью Татищева, в котором советские власти опознали вержболовского жандарма. Ильичева выяснила, что звали его на самом деле Яном Мартыновичем Свикке и что был он членом СДП Латвии с 1904 года. Свое спасение в “большую чистку” сей профессор “Латвийского университета” объяснял тем, что некогда “учил сына Сталина”. Он показал Ильичевой на чемодан: “Там особые документы”, но вынул из него только фотографии царя, пилившего в ссылке дрова, да записку: “Петр, выдать. Член Реввоенсовета И. Сталин”, — распоряжение о выдаче денег на расходы “отряду особого назначения”. Так неожиданно подтвердилось и наше предположение, что на первом этапе подготовки цареубийства делом действительно занимался лично товарищ Сталин».*[1]

Вывод, конечно, поражает своей логикой, но нас в первую очередь интересует не это. Во-первых, странное совпадение фамилий некой журналистки С.Н. Ильичевой и Л.Ф. Ильичева, секретаря ЦК и зав. отделом агитации и пропаганды, передавшего Яковлеву письмо Кудрина и задание Хрущева. Во-вторых, примечательно, что в «воспоминаниях» Свикке неожиданно зазвучала фамилия И.В. Сталина. В связи с этим необходимо вспомнить внутриполитическую ситуацию тех лет. Начало 60-х годов было временем, когда Хрущев во всю боролся «с культом личности Сталина», за «возвращение к ленинским нормам партийной жизни». В этой борьбе Хрущев старался все преступления большевистского режима приписать Сталину и вполне возможно, что на Сталина готовились свалить вину и за убийство Царской Семьи. Таким образом, троцкистский, по своей сути, режим Хрущева, полностью обелял своих духовных предшественников в глазах всего мира. Вполне возможно, что именно в этом и заключалась цель интервью Свикке, взятого у него Ильичевой.

Эту нашу мысль подтверждает тот же А.Н. Яковлев, который в 2003 году дал интервью журналу «Итоги» о готовящейся «политической реабилитации» Императора Николая II. В ходе интервью Яковлев, в частности, заметил: «*Мне известно, что Хрущева очень интересовало, знал ли о готовящемся расстреле Центр, Ленин*», а на вопрос журнала: «*Если бы Хрущев удержался у власти, реабилитация императора могла произойти еще в 60-х?*», Яковлев ответил: «*Бесспорно. Я убежден, что Хрущев до-*

[1] *Хейфец М.* Указ. соч. С. 318.

вел бы дело до конца. У Ильичева было такое же мнение. Никита Сергеевич за этот вопрос взялся всерьез».[1]

Насчет «реабилитации» Царя мы не уверены, но то, что готовилась какая-то акция по реабилитации большевизма — бесспорно. Интересно также и то, что в последующем Яковлев был организатором не одной подобной акции по переписыванию истории. Его имя неразрывно связано и с «обнаружением» секретных протоколов Риббентропа-Молотова, и с «находкой» «протокола Политбюро», принявшего решение о расстреле польских офицеров в Катыни.

Но кроме этого, в «воспоминаниях» Родзинского, Кудрина, Никулина и Кабанова четко прослеживается тенденция к полному переписыванию истории Екатеринбургского злодеяния. Главной линией «воспоминаний» вышеназванных лиц является всяческое преуменьшение ведущей роли Юровского в убийстве. В связи с этим представляется весьма странным, чтобы Яковлев в своей докладной записке Хрущеву мог написать следующее: «*Юровский утверждает, что в царя стрелял он сам, то же самое подтвердили и свидетели на следствии у колчаковцев*».[2]

Если Яковлев руководствовался показаниями Медведева, Никулина и Кабанова, то он должен был сделать совершенно противоположный вывод, так как все они отрицали или не оговаривали убийство Царя Юровским. Правда, справедливости ради надо сказать, что в 1964 Никулин отрицал, например, участие в убийстве И. Родзинского.[3] Вполне возможно, что Яковлев изменил текст своей докладной записки уже в наши дни.

Интересно, что в журнале «Новое Время» за июль 1998 года «показания» Медведева-Кудрина называются «фантазиями», а разоблачил эти фантазии Медведева «*эксперт ЦК КПСС Александр Николаевич Яковлев. В 1964 году он установил недостоверность, документов присланных после смерти отца в ЦК КПСС М.М. Медведевым, и направил их в архив с грифом "секретно"*».[4]

Поразительно, что ни автор этой статьи, ни организаторы захоронений «Екатеринбургских останков» в июле 1998 года не задумались над смыслом этого абзаца: ведь если показания Медведева-Кудрина были фантазиями, то кто же дает гарантию, что и показания всех остальных «участников» убийства Царской Семьи не являются такими же фантазиями, и как

---

[1] Электронная версия журнала «Итоги.Ru.»

[2] *Яковлев А.* Указ. соч. С. 149.

Эта фраза свидетельствует что А.Н. Яковлев был знаком с «запиской Юровского» уже в 60-е годы. Нам долго внушали, что этот документ был открыт то ли в конце 70-х годов киносценаристом Г. Рябовым, то ли в начале 90-х драматургом Э. Радзинским.

[3] РГАСПИ, ф. 588. Оп. 3с, д. 13.

[4] Новое Время. №27. 1998, 12 июля. С. 32.

же можно эти фантазии приводить в качестве доказательств по уголовному делу! (Имеется в виду уголовное дело 1991 г. по обнаружению останков людей в Поросенковом логу).

Кроме отрицания активной роли Юровского в убийстве, «свидетельства» 60-х годов искажают некоторые аспекты преступления. Так как из показаний обвиняемых и даже «воспоминаний» 20-х годов не были понятны некоторые вещи, а некоторые требовали уточнения, то целью никулиных и кабановых было внести те уточнения и исправления, в которых нуждался заказчик. Так, ими было разъяснено, откуда появился во время убийства штык, почему были убиты «царские» собаки, а также почему белые простыни, на которых выносились трупы убитых в Ипатьевском доме, были заменены на одеяла. Все эти аспекты, как и множество других, имели непосредственное значение для раскрытия тех обстоятельств убийства, которые заказчики фальсификации стремились во что бы то ни стало навсегда засекретить. Убийство, как и последующее уничтожение трупов, должно было предстать как убийство по исключительно политическим мотивам. Но так как к тому времени все ведущие убийцы были мертвы, то партийной верхушке понадобилось находить соучастников среднего и рядового звена и обязывать их озвучивать лживые версии своего участия в убийстве.

Но даже эти показания не дошли до нас в полном объеме. Как пишет сам А.Н. Яковлев: «*В последние годы, уже при Ельцине, вновь вспыхнул интерес к обстоятельствам расстрела семьи Романовых. Время от времени сообщалось о каких-то находках. Я не хотел вмешиваться в это дело. Мне не нравилась суета, напичканная всякими спекуляциями. Но потом стали раздражать случаи, когда цитировались в качестве новых открытий отдельные пассажи из моей записки без ссылок на источник. И уж окончательно лопнуло мое терпение, когда я услышал по телевиденью магнитофонные записи, сделанные в мае 1964 года. Они преподносились как неожиданная сенсация, но снова без ссылок. Тогда я позвонил Евгению Киселеву на НТВ, который провел со мной встречу в эфире. Я узнал там, что кто-то в архиве продает за большие деньги кусочки пленки, тщательно вырезая при этом мои вопросы, Родзинскому и Никулину. Вся компания купила пленки на два часа, а я-то записал более чем на десять часов. Где остальное?*»[1]

Таким образом, не исключено, что проделанная Яковлевым по приказу Хрущева большая работа по созданию фальсифицированных «воспоминаний» должна была стать первой ступенью в начале большого процесса по полной фальсификации Екатеринбургского злодеяния. Эта фальсификация должна была, с одной стороны, отмежевать ленинско-троцкистское руководство от цареубийства, свалив вину за него на Сталина, а, с другой — в

[1] *Яковлев А.* Указ. соч. С. 151.

корне пресечь любые изучения версии ритуального убийства Царской Семьи. Изменившиеся политические реалии в СССР, снятие Хрущева с поста руководителя парии и правительства помешали реализации этих планов. Однако не исключено, что к ним вернулись в начале 90-х годов.

6. Использование огнестрельного оружия при убийстве Царской Семьи

На сегодняшний день в качестве главного способа убийства Царской Семьи признается убийство ее огнестрельным оружием. Холодное оружие во всех свидетельствах носит характер дополнительного средства, представленного единственным штыком.

Между тем внимательный анализ использования огнестрельного оружия при убийстве Царской Семьи вызывает много вопросов.

Начнем с того, какое огнестрельное оружие применялось убийцами в ходе преступления?

П. Медведев показал, что оружием были только револьверы системы «наган» в количестве 12 штук.

В рассказе Клещева и Дерябина, в пересказе Якимова, речь идет, по-видимому, о пистолетах и точно о двух винтовках. Марок огнестрельного оружия не указывается.

В показаниях Проскурякова речь идет о револьвере Юровского, из чего стреляли другие убийцы — не указывается.

«Записка Юровского» указывает на 12 наганов, «Рассказ Юровского» — тоже на наганы, «Воспоминания Юровского» — тоже на наганы.

«Исповедь Белобородова» ни марки оружия, ни его системы не указывает, но судя по тому, что упоминаются обоймы, речь идет об автоматическом пистолете (револьвер не имеет обоймы, а имеет «барабан»).

«Рассказ Войкова», изложенный Беседовским, упоминает *«маузеры, револьверы, наганы и два пулемета»*.

«Воспоминания» Ермакова говорят о маузере и наганах.

«Воспоминания» Кудрина (Медведева) говорят о наганах. Кроме того Кудрин пишет: *«У меня два пистолета: на поясе в кобуре американский кольт, а за поясом бельгийский браунинг. Оставшийся револьвер берет сначала Юровский (у него в кобуре десятизарядный маузер), но затем отдает его Ермакову, и тот затыкает себе за пояс третий наган. Все мы невольно улыбаемся, глядя на его воинственный вид»*. Так же Кудрин указывает на использование в убийстве двух винтовок.

В «воспоминаниях» Никулин говорит: «Нас было восемь человек с автоматическим оружием». На вопрос ведущего беседу, какое оружие он

имееет в виду, Никулин поясняет, что речь идет о маузере».[1] В «воспоминаниях Кабанова» речь идет о его собственном нагане. Оружие других убийц не называется. В «Воспоминаниях» Стрекотина речь идет о нагане и винтовке, однако непонятно — стреляли из нее или нет.

Если собрать воедино все огнестрельное оружие, имевшееся у убийц, то создается впечатление, что речь шла об обороне укрепленного района от штурма противника. Между тем все эти маузеры, кольты, браунинги, винтовки — предназначались для убийства 11 безоружных людей, включая шестерых женщин и одного больного ребенка. Еще более странным выглядит непосредственно само убийство. Здесь необходимо отметить, что практически во всех «воспоминаниях» убийц постоянно проводится мысль о том, что ими при расстреле ставилось две задачи: провести убийство как можно быстрее и с наименьшим количеством крови. Между тем все действия преступников свидетельствуют об обратном.

Вообще соблюсти эти два условия — быстрого наступления смерти и малого истечения крови — при убийстве 11 человек в замкнутом пространстве, но при сохранении относительной свободы действий жертв, очень сложно, так как никто не может дать гарантии, что жертва не начнет метаться, а преступник сможет убить ее сразу и наповал. Для обеспечения соблюдения этих условий нужна либо фиксация жертвы, например, ее связывание, либо такое ее состояние, когда она до конца не подозревает о грозящей ей участи, и смерть наступает мгновенно от пулевого ранения жизненно важного органа. Как мы видели, ни одно из этих условий убийцами выполнено не было. Царская Семья и ее свита не были лишены свободы передвижения, а о том, что сейчас будет совершено их убийство, расстреливаемым было сообщено заранее Юровским, прочитавшим (сказавшим), по некоторым свидетельствам дважды, то ли «протокол», то ли «приговор», то ли известие о предстоящем расстреле.

Таким образом, Юровским изначально создал условия, при которых мгновенная смерть и небольшая кровопотеря были крайне затруднены.

При этом сочетание малой кровопотери и быстрой смерти является само по себе условием крайне затруднительным. Так, быстрая смерть, в течение 90 секунд, может наступить при повреждении бедренной артерии. Такое ранение будет всегда сопровождаться сильным кровоизлиянием.

Ранение в голову может привести как к мгновенной смерти, так и к тяжелому состоянию. По оценке судебных медиков, при ранениях лицевой части черепа выживает приблизительно до 15% раненых. Ранения в лицо

[1] РГАСПИ, ф. 588. Оп. 3с, д. 13.

обычно сопровождаются обилием крови из-за большого количества сосудов, расположенных в лицевой части черепа.[1]

При ранениях в шею (когда задета сонная артерия), смерть обычно наступает в течение 10–12 секунд и сопровождается обильным кровотечением.

Некоторые ранения в корпус тела могут вызвать обильные внутренние кровотечения, и те же ранения могут привести к внешним кровотечениям и длительному умиранию.

Поэтому было бы логично, если при организации убийства преступники пожертвовали малой кровопотерей в пользу быстрого умертвления жертвы.

Какой же способ убийства Царской Семьи был бы для ее убийц самым быстрым и оптимальным?

При заявленных убийцами условиях — небольшой комнаты и сравнительно большого для ее размеров количества расстреливаемых — наилучшим и самым быстрым способом убийства стал бы выстрел в головы жертв. Ранение головы, как показывает практика расследования заказных убийств, если даже не убивает жертву сразу, то в подавляющем количестве случаев приводит к потере сознания. При этом убийце всегда легче произвести вторичный («контрольный») выстрел в ту же часть тела. Широко известно, что в нацистских зондеркомандах широко применялся именно такой способ убийства — выстрел в затылочную часть головы.

Нам могут возразить, что там выстрелы производились по приговоренному, когда тот стоял спиной к палачу, либо находился на коленях перед ним. Но, во-первых, у Юровского и его подручных была масса способов выстрелить убиваемым в затылок. Например, разместив убийц в расстрельной комнате, под видом охраны, за спиной у убиваемых, или наоборот попросить Царскую Семью повернуться спиной к убийцам под предлогом фотографирования и так далее.

Во-вторых, даже если бы выстрелы производились не в затылочную часть головы, а в лицевую, они все равно были бы эффективными.

Но даже если убийцы произвели бы выстрелы по корпусу тела, но целенаправленно и кучно, то можно не сомневаться, что Царская Семья и ее приближенные были бы быстро убиты.

Однако, судя по свидетельствам убийц, все выглядело совсем по-другому.

Попробуем восстановить картину убийства, исходя из материалов следствия, показаний обвиняемых и воспоминаний руководителей преступления.

---

[1] *Молчанов В.И., Попов В.Л., Калмыков К.Н.* Огнестрельные повреждения и их судебно-медицинская экспертиза. Л., 1990.

Площадь комнаты, где произошло убийство, согласно ее осмотру в 1918–19 годах, равнялась 25 $м^2$, или 7 аршинам 8 вершкам по длине и 6 аршинам 4 вершкам по ширине.[1] В этой комнате в момент убийства находилось, по воспоминаниям соучастников, в среднем от 10 до 12 человек убийц и 11 жертв, всего около 22–24 человек (откровенную ложь Ермакова мы во внимание не принимаем). После первого выстрела Юровского был открыт шквальный огонь по убиваемым, причем этот огонь носил беспорядочный характер. Стреляли из всех видов имеющегося оружия, в основном из наганов, но также из маузеров, браунингов и даже винтовок. Вот как описывает характер ведения огня Юровский: «*Тут вместо порядка началась беспорядочная стрельба*». Белобородов: «*Тогда стали стрелять все. Пуль не жалели. Не успевали менять только обоймы*». Войков: «*Потом он* (Юровский – *П.М.) обратился к нам: "Начинайте!" Произнеся эти слова, он направил свой револьвер в сторону царя. Я в свою очередь скомандовал: "Стреляйте куда попало!" Мы все открыли огонь и стреляли несколько минут*». Кудрин (Медведев): «*Я спускаю курок моего браунинга и всаживаю первую пулю в царя. Одновременно с моим вторым выстрелом раздается первый залп латышей и моих товарищей справа и слева*». Кабанов: «*Я хорошо помню, что когда мы все, участвующие в казни, подошли к раскрытой двустворной двери помещения казни, то получилось три ряда стреляющих из револьверов, причем второй и третий ряды стреляли через плечи впереди стоящих исполнителей и рук, протянутых с револьверами в сторону подлежащих казни, было много*».

Поражает непродуманность и неподготовленность убийц в своих действиях. Зачем было вести такой плотный и бесцельный огонь по 11 человекам, когда достаточно было произвести три-четыре выстрела в каждого? Тем более, если убийцы стремились к быстрой и наименее кровавой экзекуции? Каким образом последнее стремление сочетается с криком Войкова: «*Стреляйте, куда попало*!»? Так может кричать главарь разбойников, попавших в засаду, но не руководитель операции, потому что любое умышленное убийство, — это пусть страшная, преступная, но операция, с замыслом, планированием, распределением ролей и т. д. Это подтверждает и Юровский, когда пишет: «*Команде заранее было указано, кому в кого стрелять, и приказано целить прямо в сердце, чтобы избежать большого количества крови и покончить скорее*».

Между тем, несмотря на эти указания, стрельба с первых же выстрелов приняла беспорядочный характер, а действия убийц поражают, в первую очередь, непрофессионализмом, словно ими были люди, в первый раз взявшие в руки оружие. Между тем мы хорошо знаем, что на самом деле все обстояло наоборот. Если под «латышами» имелись в виду действи-

[1] Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 53.

тельно латышские стрелки, то это были опытные и хорошие солдаты, прошедшие фронты Германской войны. Если же под «латышами» подразумевалась специальная карательная команда, как не без оснований считает И.Ф. Плотников, то тем более это должны были быть, говоря сегодняшним языком, профессиональные киллеры. Во всяком случае, ни первые, ни вторые не стали бы вести себя так бездарно. А убийство в подвальной комнате дома Ипатьева, если брать на веру все, что написали о нем его «участники», другим словом не назовешь.

Особенно поражает то обстоятельство, что по убиваемым было выпущено около 550 пуль![1] В этой связи примечателен диалог, который произошел между Летеминым и Стрекотиным. Летемин рассказывал, что после того, как узнал об убийстве, он спросил Стрекотина: *"Пуль ведь много должно оставаться в комнате", и Стрекотин мне ответил: "Почто много? Вон служившая у Царицы женщина закрылась от выстрела подушкой, поди, в подушке пуль много застряло"*».

Тот же Летемин показал, что 18-го июля он зашел в комнату, где был произведен расстрел, и обнаружил, «*что пол был чист. На стенках также никаких пятен я не обнаружил. В задней стене, на левой руке от входа, я заметил три дырочки глубиной с сантиметр каждая. Больше никаких следов стрельбы я не видел. Осмотр я производил уже вечером и торопился, боясь, что кто-либо из начальства заметит, что я интересуюсь этим делом. Следов пуль или штыковых ударов на полу осмотренной мною комнаты я не заметил, хотя повторяю, что осмотр я делал беглый, наспех*».[2]

Конечно, к показаниям Летемина надо относиться с большой осторожностью. Во-первых, он действительно мог многого не заметить, а во-вторых, сознательно утаить некоторые детали, особенно если он почувствовал в состоявшимся ранее допросе его Кирстой, что последний не верит в убийство Царской Семьи и полагает, что она была вывезена из Екатеринбурга. Но тем не менее совершенно сбрасывать со счетов его показания нельзя.

Но здесь следует задуматься: а могла ли быть реальной подобная картина убийства?

Из «воспоминаний» и показаний соучастников преступления выходит, что расстрел был осуществлен в течение 15 минут. Перед нами встает вопрос: возможно ли было из имевшихся видов оружия выпустить такое количество пуль за такой отрезок времени?

Для этого для начала надо проанализировать краткие характеристики того оружия, которое, по их словам, использовали убийцы.

---

[1] *Плотников И.Ф.* Указ. соч. С. 236.

[2] Гибель Царской Семьи. С. 110.

Убийцы уверяют нас, что, в основном, они использовали наганы. Следствие действительно обнаружило в расстрельной комнате в основном пули от наганов. Уже сам по себе выбор именно этого оружия для убийства Царской Семьи вызывает удивление. В основном спецчасти ВЧК в 1918 году были вооружены автоматическим пистолетом «Маузер К-96». Безусловно, для убийства маузер был удобнее нагана по своим техническим характеристикам, так как наган был лучше приспособлен для боевых действий с вооруженным противником, а не для карательных акций. (Наган имеет малую пробивную и останавливающую способность из-за тупой головки пули.)

Револьвер системы бельгийского оружейника Лео Нагана образца 1895 года состоял на вооружении русской армии перед Первой мировой войной и во время войны. В 1915 году револьвер был незначительно модифицирован. Вот основные тактико-технические характеристики револьвера «наган»:

Тактико-технические характеристики револьвера «Наган» обр. 1895 года.[1]	
Калибр	7,62 мм
Начальная скорость пули	272 м/с
Вес с барабаном без патронов	0,795 кг
Вес со снаряженным барабаном	0,880 кг
Общая длина	235 мм
Емкость барабана	7 патронов
Боевая скорострельность	7 выстр./15–20 сек

Несмотря на свои достоинства револьвер образца 1895 года был чересчур сложен. **Он медлителен при снаряжении — надо откинуть шомпол, открыть дверцу барабана, последовательно выбить стреляные гильзы и так же последовательно заполнить каморы новыми патронами.** Поэтому в чрезвычайной ситуации можно рассчитывать только на семь патронов в барабане. Еще один недостаток — малое останавливающее и пробивное действие пули. В этом повинны и малый калибр (7,62 мм), и низкая скорость.

Кроме того есть и чисто конструктивные причины, по которым выстрел из нагана требует усилий. Поэтому меткая стрельба с самовзводом возможна только в упор. Армейский наган трудно назвать карманным, ствол у него длинный, поэтому его старались всячески укорачивать, что сказы-

[1] Русский «Наган». М., 2004.

валось на прицельности стрельбы. В модели образца 1915 года снижена жесткость рамки из-за уменьшения ее толщины для размещения стойки откидного барабана. Откидывание барабана вправо менее удобно, чем влево. Острая и высоко расположенная над рукояткой спица курка **затрудняет извлечение оружия из-под одежды.** (Вспомним, как нас уверяли, что Юровский извлекал наган из кармана брюк.)

Таким образом, если бы огонь по Узникам дома Ипатьева велся исключительно из наганов, то для того, чтобы выпустить из них 500 пуль, убийцам понадобилось бы 70 с лишним «наганов» либо 700 патронов! Таким образом, каждый убийца должен был иметь при себе не менее 6 наганов либо постоянно перезаряжать один. Ни то, ни другое практически нереально. При постоянной перезарядке убийство растянулось бы минимум на час. Уже не говоря о том, что это трудно практически, такая растянутость убийства еще и опасна для самих убийц, так как успех любого преступления заключается в быстроте и надежности осуществления преступного замысла. Кроме того такая растянутость абсолютно не соответствовала ситуации, была ненужной и непрактичной, особенно если учесть уверения убийц в их стремлении сделать все быстро, «бескровно» и секретно.

Если мы рассмотрим характеристики другого оружия, которое, как нас хотят заверить, применяли убийцы, то мы получим в принципе ту же картину, что и с наганом.

Тактико-технические характеристики пистолета «Маузер К-96» обр. 1912 года	
Калибр	7,63 мм
Длина (без приклада)	290 мм
Длина ствола	140 мм
Емкость магазина	10 патронов
Начальная скорость пули	430 м/с
Скорострельность	30 выстр./мин

Автоматический пистолет «Маузер К-96» имеет несколько разновидностей, связанных с различным калибром пули. Нас интересует модель образца 1912 года, которой скорее всего могли пользоваться убийцы.

Прицел давал возможность пистолету стрелять до 1000 м, но реально дальность эффективной стрельбы «Маузера К-96» была до 200 м. Заостренная вверху мушка требовала очень хорошего глаза для прицеливания даже на средних дальностях. Масса пистолета и смещение его центра тяжести вперед требовали сильной руки, но они же способствовали более кучной стрельбе. На задней части рукоятки имелись пазы для присоединения деревянной кобуры-приклада. Патрон с бутылочной гильзой делал

пистолет достаточно мощным (с 25 м пуля 7,63-мм патрона пробивала 8 дюймовых сосновых досок), а тяжелый ствол обеспечивал не только хорошую баллистику, но и исключительно высокую живучесть оружия.

Таким образом, пистолет маузер хорошо подходил для быстрого убийства 11 человек. При его убойной силе для этого понадобилось бы две-три пули на каждого убиваемого. Однако из «воспоминаний» убийц получается, что при данном количестве выпущенных патронов им для убийства понадобилось бы 50 маузеров, либо 50 обойм с патронами. Маузер, конечно, перезаряжать было легче, чем наган, но во-первых, «воспоминания» убийц говорят только об одном-двух маузерах, а во-вторых, все равно перезарядка заняла бы достаточно времени.

Все вышеизложенное можно с уверенностью отнести к американскому кольту (браунингу) образца 1911 года. Дело в том, что эти пистолеты были детищами оружейника Д. Браунинга, а шли под маркировкой «КольтМ1911».

Тактико-технические характеристики пистолета «Кольт» обр. 1911 г.	
Калибр	11,43 мм
Масса	1,13 кг
Длина	219 мм
Длина ствола	127 мм
Начальная скорость пули	253 м/сек
Скорострельность	20 выстр./мин
Емкость магазина	7 патронов
Прицельная дальность	50 м

Но был еще «браунинг» бельгийского производства, который назывался пистолет Браунинга образца 1903 года. По словам Кудрина (Медведева), им также пользовались убийцы ночью 17-го июля. Пули, похожие на пули от «браунинга», были обнаружены следствием на месте преступления. Его основные тактико-технические характеристики следующие:

Тактико-технические характеристики пистолета «Браунинг» обр. 1903 года	
Калибр	9 мм
Длина пистолета	128 мм
Емкость магазина	7 патронов
Начальная скорость полета пули	330 м/сек

Таким образом, по свидетельствам соучастников преступления, во время убийства использовались наганы, маузеры, браунинг и винтовки. Между тем в ходе осмотра Ипатьевского дома следствием были обнаружены и извлечены из стен и пола 22 пули: одна пуля из кольта, 1 — из браунинга, 2 — из пистолета неустановленной системы и остальные из нагана. Винтовочных патронов не было не обнаружено ни одного.[1] С учетом общей цифры выпущенных пуль получается, что каждая из жертв должна была получить свыше 50 пуль!

Как мы уже говорили, такое количество пуль могло иметь место только если в момент убийства использовалось множество пистолетов и револьверов такого класса или же в ходе убийства они неоднократно перезаряжались. Последнее однако абсолютно бессмысленно, когда речь идет о расстреле 11 человек.

Кроме того есть еще одна важная причина, по которой использование такого количества оружия в замкнутом пространстве невозможно. Речь идет о рикошетах. Напомним, в 25 метровой комнате находилось 21 человек. При такой беспорядочной стрельбе и из таких мощных видов оружия, особенно из винтовок, рикошет неминуем, как и крайне велик риск гибели самих стреляющих. Этого не могли не знать те, кто готовил убийство.

В связи с этим весьма любопытно, что тема рикошета присутствует в «воспоминаниях» соучастников убийства и полностью отсутствует в показаниях обвиняемых.

Первым о нем заговорил Юровский. В «Записке Юровского» говорится: «*Внизу была выбрана комната, с деревянной оштукатуренной перегородкой (чтобы избежать рикошетов)*». Начнем с того, что это не совсем верно: дерево дает рикошет, просто он слабее, чем рикошет от каменной поверхности. При этом, пуля может застрять как в деревянной, так и в каменной стене (если последняя, к примеру, сделана из кирпича или известняка). Но уже в «рассказе Юровского» деревянная стенка превращается в каменную, а рикошета, оказывается, убийцы совсем не предвидели: «*Тут надо сказать, что не подумали своевременно о том, что окна шум пропустят, и второе — что стенка, у которой буду поставлены расстреливаемые — каменная … многие, очевидно, стреляли через порог, т.к. стенка каменная, то пули стали летать рикошетом, причем пальба усилилась, когда поднялся крик расстреливаемых. Мне с большим трудом удалось стрельбу приостановить. Пуля кого-то из стрелявших сзади прожужжала мимо моей головы, а одному не то руку, ладонь, не то палец задела и прострелила*». В «воспоминаниях Юровского» стенка вновь становится деревянной, но это не мешает ей давать большой рикошет: «*Пальба длилась очень долго и несмотря на мои надежды, что деревянная стенка*

---

[1] Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 225.

не даст рикошета, пули от нее отскакивали. Мне долго не удавалось остановить стрельбу, принявшую безалаберный характер». У Кудрина (Медведева) рикошет описан в ярких красках: «*Слышно, как лязгают рикошетом пули от каменных столбов, летит известковая пыль»*.

В чем же заключалась причина того, что соучастники преступления явно пытались подчеркнуть наличие рикошета при стрельбе в подвальной комнате, вступая порой в противоречия со своими же более ранними свидетельствами (как в случае с «деревянной стенкой» у Юровского)?

Причина этого заключалась, в первую очередь, в желании придать картине убийства правдоподобный характер согласно своей легенде. Надо четко понимать, что и «Записка Юровского», и «воспоминания» 60-х годов являлись вовсе не отчетами о проделанной работе и не воспоминаниями для истории. **Это было продолжение сокрытия следов преступления, происшедшего 17 июля 1918 года.** Безусловно, что эта работа по сокрытию следов, представленная в виде отчетов и воспоминаний, должна была увидеть свет и стать доступной широкому читателю, в том числе, а может быть, в первую очередь, за рубежом. По каким-то причинам это постоянно срывалось вплоть до 90-х годов, когда, наконец, пришло время нового этапа огромного фальсификационного мероприятия.

Заметая следы, преступники создавали свою ложную картину преступления. При ее создании они пытались согласовать описываемые ими события с объективной реальностью. Надо было дать ответы на многие вопросы, неизбежно возникшие бы при изучении их «записок» и «исповедей».

Среди этих вопросов неминуемо был бы и такой: каким образом после того, как по Царской Семье и ее свите было выпущено 550 пуль в небольшом замкнутом помещении, многие из них остались живы? Убийцам было трудно дать на это ответ, и они придумывали различные лживые объяснения. Между тем, если мы посмотрим список выживших после первых залпов лиц Царской Семьи и прислуги, то мы получим следующую картину:

Лица Царской Семьи и ее свиты, выжившие после первых залпов (по свидетельствам убийц)		
Юровский	«Записка»	Цесаревич, три Великие Княжны (имен не называется), Демидова и Боткин
	«Рассказ»	Великие Княжны (имен не называется), Императрица, Демидова и Цесаревич
	«Воспоминания»	Боткин, Цесаревич, Великие Княжны Татьяна, Анастасия и Ольга, Демидова
Белобородов		Великие Княжны Ольга, Мария и Анастасия, Демидова, «монашенка» и «поваренок»

Войков	Николай II, Цесаревич, Демидова, Великие Княжны
Ермаков (в рассказе Галибуртону)	Цесаревич и Великая Княжна Анастасия
Кудрин (Медведев)	Демидова, Цесаревич, Великие Княжны Татьяна и Анастасия
Никулин	Великая Княжна Анастасия, Демидова и, возможно, Цесаревич
Кабанов	Демидова и Цесаревич
Стрекотин	Одна из Великих Княжон (имени не называется) и «другие» (имен и фамилий не уточняется)
Медведев Павел	Цесаревич
Якимов	Демидова и Цесаревич

Таким образом, если суммировать все свидетельства, то получается, что после произведенных залпов в небольшом замкнутом пространстве в живых остались все члены Царской Семьи, Боткин и Демидова. И это при выпущенных 500 пулях! Естественно, что такая картина была совершенно невозможной, и убийцам пришлось искать более менее логичное ей объяснение. Такое объяснение было найдено в виде «бронежилетов» из драгоценных камней и золота, которые якобы были на телах убитых.

Рассказы об обнаруженных на телах убитых спрятанных чуть ли не килограммах драгоценностей начались с Юровского. В показаниях обвиняемых речь идет только о снятых драгоценностях с открытых частей тела убитых членов Царской Семьи. Так, П. Медведев свидетельствовал, что когда после убийства он вошел в комендантскую комнату, то обнаружил, что там на столах *«были разложены груды золотых и серебрянных вещей. Тут же лежали драгоценности, отобранные у Царской семьи перед расстрелом, и бывшие на них золотые вещи: браслеты, кольца, часы»*.[1]

Якимов, пересказывая рассказ Клещева с Дерябиным, показал: *«Я помню, упоминали Клещев с Дерябиным про пояса, которые тогда отстегивались у женщин. Говорили они, что в обеих подушках была найдена или были найдены шкатулочка или же несколько шкатулочек. Все найденные вещи покойных Юровский взял себе и отнес, как они говорили, наверх»*.[2]

Кудрин пишет, что после убийства Царской Семьи начались кражи, и Юровский предложил красноармейцам немедленно вернуть похищенное: *«На столе в минуту вырастает горка золотых вещей: бриллиантовые брошки,*

---

[1] Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 162.
[2] Там же. С. 342.

жемчужные ожерелья, обручальные кольца, алмазные булавки, золотые карманные часы Николая II и доктора Боткина».

Совсем по-другому выглядел этот рассказ у Юровского. Юровский представлял дело так, словно наличие спрятанных на теле убитых драгоценностей он обнаружил только возле Открытой шахты, куда тела были привезены для уничтожения. А до этого, в момент расстрела, он лишь удивлялся, почему пули не берут Великих Княжон? «*Удивительно было то,* — говорится в «Записке», — *что пули наганов отскакивали от чего-то рикошетом и, как град, прыгали по комнате. Когда одну из девиц пытались доколоть штыком, то штык не мог пробить корсажа. <...> Потом стали выносить трупы и укладывать в автомобиль. Тут начались кражи; пришлось поставить трех надежных товарищей для охраны трупов. <...> Под угрозой расстрела все похищенное было возвращено (золотые часы, портсигар с бриллиантами и т.п.)*». Таким образом, Юровский, хотя и не объясняет, что расхищали убийцы, но без труда можно понять, что речь идет о трупах Царской Семьи. При этом похищенное полностью совпадает с тем, что описал Якимов: золотые часы, портсигар и т.п., то есть вещи, которые были на виду.

Но когда Юровский приступает к описанию манипуляций с трупами, то здесь он рисует следующую картину, которая и должна объяснить «живучесть» жертв: «*Велел разложить костры. Когда стали раздевать, то обнаружилось, что на дочерях и Александре Федоровне, на последней я точно не помню, что было, то же, как на дочерях, или просто зашитые вещи. На дочерях же были лифы, так хорошо сделанные из сплошных бриллиантовых и других ценных камней, представлявших из себя не только вместилища для ценностей, но вместе с тем и защитные панцири. Вот почему ни пули, ни штык не давали результата при стрельбе и ударах штыка. Ценностей этих оказалось всего около полупуда. Жадность была так велика, что на Александре Федоровне, между прочим, был просто огромный кусок круглой золотой проволоки, загнутой в виде браслета, весом около фунта*».

Не будем пока рассуждать, насколько «достоверны» эти откровения Юровского. Подумаем лучше о том, при каких обстоятельствах эти драгоценности могли оказаться на теле убитых. Еще перед отъездом из Тобольска Великие Княжны спрятали в своей одежде зашитыми драгоценности. «*Мы,* — вспоминала Теглева, — *поступили с ними таким образом. Мы взяли несколько лифчиков из толстого полотна. Мы положили драгоценности в вату, и эту вату мы покрыли двумя лифчиками, а затем эти лифчики сшили. Таким образом, драгоценности, значит, были зашиты между двумя лифчиками, а сами они были с обеих сторон закрыты ватой. В двух парах лифчиков были зашиты драгоценности Императрицы. В одном из таких парных лифчиков было весом $4^1/_2$ фунта драгоценностей вместе с лифчиком и ватой. В другом было столько же весу. Один надела на себя*

Татьяна Николаевна, другой — Анастасия Николаевна. Здесь были зашиты бриллианты, изумруды, аметисты. Драгоценности Княжон были также зашиты в двойной лифчик и его (не знаю, сколько было в нем весу) надела на себя Ольга Николаевна. Кроме того, Они под блузки на тело одели много жемчугов».

Казалось бы, все совпадает с рассказами Юровского, но так кажется только на первый взгляд.

Драгоценности были зашиты Великими Княжнами в двойные лифчики в преддверии отъезда, то есть для того, чтобы эти драгоценности не были бы обнаружены при обыске. Разумеется, что эти лифчики предназначались только для транспортировки драгоценностей, а не для постоянного их ношения, что было просто тяжело для молодых девушек. Таким образом, одеть эти лифчики с драгоценностями в Ипатьевском доме Великие Княжны могли бы только в том случае, если бы им предстоял отъезд. Как раз именно в этом нас и стараются уверить все соучастники убийства: мол Царская Семья была сведена в подвал под предлогом предстоящего отъезда (увода) в безопасное место. Но здесь возникает ряд неувязок. Обратим внимание на описание, сделанное Павлом Медведевым — в чем была одета Царская Семья в момент убийства: «*Государь и Наследник были одеты в гимнастерки, на* ***головах фуражки****. Государыня и дочери в верхних платьях, без верхней одежды,* ***с непокрытыми головами***». (Выделено нами – *П.М.*)

Это описание свидетельствует, что Царская Семья не собиралась никуда уезжать, так как Императрица и Великие Княжны были без верхней одежды.[1] Некоторые исследователи предполагают, что Медведев просто не разбирался в женском верхнем платье и принял верхнюю одежду за платье. Но даже если это так, то в том, что у Государыни и Великих Княжон не было головных уборов, Медведев не мог ошибаться, а представить себе, чтобы Императрица Александра Федоровна и Великие Княжны вышли бы хотя бы на короткое время на улицу, а тем более отправились бы в дальний путь без дамских шляпок, — невозможно. Могут возразить, что Государь с Наследником были в головных уборах. Но фуражки — это не просто головной убор, это — часть форменной одежды. Офицер не может находиться вне помещения без форменного головного убора. Государь как кадровый военный это хорошо знал. Фуражка может также надеваться офицером и в иных официальных случаях. Так что скорее всего речи об увозе Царской Семьи не шло. Кстати, и Никулин говорит, что Семью свели в подвал под предлогом ее безопасности в связи с обороной дома, а не под предлогом пред-

---

[1] Конечно, мы не можем быть абсолютно уверены в правдивости показаний П. Медведева. Но дело в том, что это единственное описание одежды Царской Семьи в момент убийства.

стоящего отъезда. Если Царской Семье не объявляли о предстоящем отъезде, то, естественно, ни Государыня, ни Великие Княжны не стали бы надевать тяжелые «бриллиантовые» лифчики.

Теперь представим, что все-таки Царская Семья думала, что ее собираются куда-то увозить. В связи с этим вызывает большое недоумение, что она взяла с собой драгоценности и золото и не позаботилась ни об иконе Федоровской Божьей Матери, ни о лекарствах для Наследника Цесаревича. Между тем, по словам Чемодурова, икона Федоровской Божьей Матери была особо почитаема Императрицей Александрой Федоровной. «*С иконой этой Государыня никогда не расставалась и всегда имела у своего изголовья; куда бы Государыня ни отлучалась, хотя бы на короткое время, всегда брала эту икону с собой, и я не допускаю мысли, чтобы Государыня могла куда-нибудь отбыть, добровольно оставив эту икону*»[1].

Полагать, что Императрица при известии об отъезде в первую очередь позаботилась не о священной реликвии Дома Романовых, не о лекарствах для больного Сына, а о золоте и бриллиантах, — значит осознанно клеветать на Государыню.

Примечательно и другое: в списке царских вещей, переданных Юровским[2] по акту коменданту Кремля Малькову, нет тех драгоценностей (бриллиантов, золотой проволоки и так далее), которые якобы Юровский обнаружил возле Открытой шахты при уничтожении трупов. Список из золотых вещей составляет 42 предмета, который включает в себя портсигары, часы, цепочки и брошки, то есть то, что Юровский забрал еще в Ипатьевском доме.[3]

Но кроме того мы не уверены, что слово «лекарства» у Царской Семьи обозначало «драгоценности». Описывая дорогу из Тобольска в Екатеринбург, Великая Княжна Мария Николаевна в своем письме З.С. Толстой от 4/17-го марта 1918 года писала: «*Дорога была ужасная, трясло ужас как. (...) Но как ни странно, ничего стеклянного не разбилось. У нас были взяты с собой* ***лекарства*** (выделено нами — *П.М.) и это доехало благополучно*».[4]

Заметим, что Великая Княжна пишет письмо не в Тобольск, остальным членам Семьи, а в Петроград, где проживала Толстая. Несомненно, что для Толстой слово «лекарства» не могло означать «драгоценности», и поэтому весьма сомнительно, чтобы Мария Николаевна имела бы в виду именно

---

[1] Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 63.

[2] Примечательно, что подпись под актом передачи ценностей коменданту Кремля — Я. Орлов (Юровский). Зачем Юровскому понадобился этот псевдоним, непонятно. Интересно также и то, что даты передачи ценностей в актах не указана.

[3] *Алексеев В.* Указ. соч. С. 139–141.

[4] Письма Святых Царственных Мучеников из заточения. С. 313.

их. Поэтому скорее всего речь в письме шла не о драгоценностях, а именно о лекарствах.

Как же тогда относиться к показаниям Теглевой? Вопрос этот сложный, но достаточно сказать, что далеко не всему в показаниях свидетелей в деле убийства Царской Семьи можно верить.

Как бы там ни было, «панцири из бриллиантов» и «каменные пояса», бывшие якобы на Дочерях Государя, являются чудовищным преувеличением, если не прямой ложью Юровского, призванной объяснить причины длительного умерщвления Царской Семьи.

Но имеется еще одно обстоятельство, доказывающее ложь Юровского о «панцирях». Дело в том, имеется информация, что уральские большевики еще задолго до убийства знали о том, что в одежде Великих Княжон зашиты бриллианты. Сейчас трудно назвать источник этой информации. Возможно, чекистам удалось завербовать Теглеву, возможно, она кому-то проболталась, возможно, ЧК удалось расшифровать слово «лекарства», которым Императрица обозначала драгоценности, но факт остается фактом — чекисты уже знали о существовании драгоценностей в одежде Великих Княжон, когда Царские Дети выехали из Тобольска в Екатеринбург. Пихнус Войков в разговоре с Беседовским рассказал: «*Когда великие княжны прибыли вместе с Алексеем из Тобольска в Екатеринбург, чтобы присоединиться к "гражданину Романову" и его жене, нам уже передали, что на себе они имеют множество драгоценностей. Однако по их прибытии мы их не подвергли обыску. Причиной этого был постоянный страх Юровского: у него не было в охране женщин, и он не хотел, чтобы мужчины слишком близко приближались к дочерям царя. Он говорил, что все это закончится изнасилованием, а после изнасилования ни о какой дисциплине речи уже идти не может. Юровский сказал: "В один день мы заполучим все драгоценности, зашитые в их ночных рубашках и корсетах*"».

Сказано вполне определенно и ясно. Возникает вопрос: если убийцы знали, что на Великих Княжнах, возможно, будут одеты «бриллиантовые панцири», — почему они не стреляли в голову жертвам, а выпускали 550 пуль в их тела? Но если бы даже на Великих Княжнах и Императрице были бы действительно надеты лифчики с зашитыми бриллиантами, то совершенно очевидно, что град пуль, выпущенных в них, в любом случае привел бы к порче ткани лифчиков, и бриллианты неминуемо стали бы падать на пол. То есть при любых обстоятельствах убийцы заметили бы драгоценности еще в доме Ипатьева. Мы уже не говорим о том, что сами драгоценные камни от такого количества пуль могли бы деформироваться и привести к многочисленным ранениям убиваемых (особенно если по ним стреляли из винтовок). Кроме того известно, что даже бронежилет в момент попадания

пули не всегда спасает человека от смерти, которая наступает от разрыва внутренних органов, вызванных сильнейшим ударом.

Но если длительное убийство Великих Княжон убийцы смогли хоть как-то объяснить, то долгое убийство Цесаревича Алексея, Демидовой и других они объяснить не смогли. Каким образом больной подросток мог оставаться живым после нескольких выпущенных в его голову и тело пуль? А Демидова, которая приняла на себя свинцовый дождь, а затем получила 32 штыковые раны? Не в силах найти правдоподобного объяснения этому, кто-то надоумил «участников» преступления придумать врача с его объяснением, что причиной долгого умирания Наследника была гемофилия, да чудо-подушку, которой укрывалась Демидова!

Примечательно также и то обстоятельство, что углубления в стене расстрельной комнаты, которые, согласно следователю Сергееву, были оставлены пулями или каким-либо твердым острым орудием, были обнаружены большей частью на тех участках стены, которые находились на невысоком расстоянии от пола (самое высокое место равнялось 38 вершкам (1 м 71 см), а самое низкое 5 вершкам (22,5 см). В основном же эти углубления были обнаружены на расстоянии 12–16 вершков от уровня пола, то есть 54–72 см. [1]

Если учесть, что средний рост расстреливаемых был около 170 см, то получается, что убийцы стреляли в основном по нижним частям тел жертв, либо долго их достреливали. Но если следовать той картине расстрела, которую нарисовали соучастники, то после первого и беспорядочного залпа в стене должно остаться большое количество пуль, гораздо большее, чем было найдено углублений, причем, конечно, много пуль должно было остаться на уровне головы.

Вся приведенная выше картина наталкивает нас на мысль, что расстрел был искусно организованной инсценировкой. При этом невольно вспоминаются слова Белобородова о том, что Юровский с целью этой инсценировки после убийства стрелял в южную стену расстрельной комнаты.

Но при всей заманчивости и логичности такого вывода его нельзя признать полностью доказанным. Найденные следствием пули, и это было доказано экспертизами, проходили через разную толщу человеческого тела. Однако нельзя не заметить характера этого прохождения пуль. В основном пули прошли через мягкие тонкие части человеческого тела. Общую картину извлеченных пуль дает следующая таблица, составленная по материалам следствия Сергеева и Соколова и проведенных специальных баллистических экспертиз:

---

[1] Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 57.

№ пули	Система оружия	Откуда извлечена	Прохождение через человеческое тело
1	Наган	Открытая шахта	Мягкие тонкие части
2	Автоматический пистолет «Кольт»	Дом Ипатьева	Значительная толща
3	Автоматический пистолет Браунинга европейского производства	Дом Ипатьева	Задела кость
4	Пистолет американского производства	Дом Ипатьева	Значительная толща
5	Наган	Дом Ипатьева	Мягкие тонкие части
6	Пистолет неустановленного образца	Дом Ипатьева	Мягкие тонкие части
7	неустановлена	Дом Ипатьева	Значительная толща
8	Наган	Дом Ипатьева	Мягкие тонкие части
9	Наган	Дом Ипатьева	Не задела костей
10	Наган	Дом Ипатьева	Значительная толща
11	Пистолет неустановленного образца	Дом Ипатьева	Установить не представилось возможным
12	Наган	Дом Ипатьева	Установить не представилось возможным
13	Наган	Дом Ипатьева	Мягкие тонкие части
14	Наган	Дом Ипатьева	Мягкие тонкие части
15	Наган	Дом Ипатьева	Мягкие тонкие части
16	Наган	Дом Ипатьева	Мягкие тонкие части
17	Наган	Дом Ипатьева	Мягкие тонкие части
18	Наган	Дом Ипатьева	Мягкие тонкие части

Напомним, что под мягкими частями тела принято считать мускульную и жировую ткань человеческого тела, то есть не содержащую костей. Так как эксперт специально подчеркивал, что эти мягкие части еще являлись тонкими, в противовес «значительной толще», то получается, что большинство пуль в Ипатьевском доме было выпущено либо по конечностям, либо по касательной, с задеванием мускулов или жировой прослойки. Понятно, что такие ранения не могли стать причиной смерти человека. К тому же экспертиза была не в состоянии ответить на вопрос: производились ли выстрелы по живому или уже мертвому телу? Интересен также и тот факт, что из 18 пулевых отверстий, обнаруженных на стене и входной двери, только 9 носят следы замытия крови.

В.И. Прищеп и А.Н. Александров пишут по этому поводу: «*Из 18 следов выстрелов на восточной стене и двери только три-четыре соизмеримы с ростом стоящего человека. Остальные следы расположены на уровень от 22 до 90 сантиметров от пола, в том числе 9 — до 70 сантиметров. Сравнив со стандартной высотой ножек стула 40, стола — 70 сантиметров, можно предположить, что жертвы стояли на коленях либо упали на пол после первых выстрелов. Жутко моделировать обстоятельства их смерти по следам трагедии*»[1].

Следователем Сергеевым было обнаружено также в левом при входе в комнату косяке двери сквозное пулевое отверстие. Получается, что этот выстрел был произведен изнутри комнаты в сторону двери, возле которой якобы находились Никулин с «латышами».

В.И. Прищеп и А.Н. Александров считают, что это обстоятельство может объясняться тем, что «*уже после гибели царской семьи кто-то проник в дом, либо скрывался в нем во время боев за город. Он произвел из комнаты выстрел в сторону двери, а по нему с другой стороны велась стрельба из пистолетов. Возможно, все происходило иначе, но могло быть и так*».[2]

Однако такая версия представляется, хотя и вполне вероятной, но недостаточно убедительной. Несмотря на то что к показаниям обвиняемых надо относиться с большой осторожностью, все же некоторые моменты в них представляются нам в большой степени вероятными. К таким моментам относятся показания Проскурякова о том, что он увидел, войдя в расстрельную комнату для ее уборки: «*В задней комнате с решеткой в окне, которая рядом с кладовой, в стенах и в полу были удары пуль. Пуль было особенно много (не самих пуль, а отверстий от них) в одной стене, той самой, которая изображена на предъявленной Вами фотографической карточке, но были следы пуль и в других стенах*».[3]

Правда, к этим показаниям Проскурякова имеется тоже немало вопросов. По его словам, он вошел в комнату непосредственно после убийства, «*стоял как бы туман от порохового дыма, и пахло порохом*», он заметил следы от пуль и кровавые лужицы. Но совершенно ничего не сказал о стреляных гильзах, которые должны были бы валяться на полу, если бы убийцы действительно применяли автоматические пистолеты. (В отличие от револьвера, где стреляные гильзы остаются в «барабане», автоматический пистолет их выбрасывает во время стрельбы.) Проскуряков об этих гильзах не говорит ни слова, что наводит на мысль, что их там и не было. Кроме того, Проскуряков говорит

---

[1] *Прищеп В.И., Александров А.Н.* Указ. соч. С. 174.
[2] *Прищеп В.И., Александров А.Н.* Указ. соч. С. 176.
[3] Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 276.

о том, что заметил следы от пуль в других стенах. Но этих следов не обнаружило следствие! Куда могли деваться эти следы?

Нам все же представляется, что большая часть выстрелов могла быть осуществлена действительно уже после гибели Царской Семьи, но не какими-то «случайными» лицами, а самими убийцами. Скорее всего, эти выстрелы были произведены в ночь на 17 июля 1918 года или ранним утром того же дня.

Таким образом, учитывая все вышеизложенное, можно предположить, что применение огнестрельного оружия при убийстве Царской Семьи и ее свиты не соответствовало той картине преступления, в которой нас пытались уверить на протяжении десятилетий. Огнестрельное оружие было не единственным способом убийства Узников дома Ипатьева. Более того, во многом выстрелы в подвале Ипатьевского дома были призваны скрыть применение другого вида оружия, которое, вполне возможно, и явилось основным способом убийства.

7. Применение холодного оружия

Не менее запутанной является картина с применением холодного оружия при убийстве Царской Семьи и ее окружения. Судя по показаниям и «воспоминаниям» участников преступления, применение холодного оружия сводится то ли к одному, то ли к двум штыкам от винтовок, которыми закололи членов Царской Семьи и Демидову. Однако на самом деле роль холодного оружия в убийстве 17-го июля намного более важная и таинственная.

Первый раз упоминание о неких «ножах», которые могли являться и холодным оружием, появляется за два месяца до убийства, 15 мая 1918 года, когда во дворе Доме Особого Назначения во время смены караула охранниками были найдены спрятанными 12 ножей, ровно столько же, сколько в конце концов будет заключенных в Ипатьевском доме. Большинство исследователей, конечно, объясняют появление этих ножей кражами царского имущества, начавшимися со стороны охраны. Однако совершенно непонятно, зачем ворам нужно было прятать эти ножи во дворе? В качестве тайника? Но ведь гораздо легче было вынести ножи с собой, тем более что это было время комиссара Авдеева, а тот, как нас пытаются уверить, смотрел сквозь пальцы на хищения, совершаемые его подчиненными. Непонятно также, почему ножей было именно 12 и что это были за ножи: кухонные, охотничьи, перочинные? В книге записей дежурств об этом не говорится ничего.

Второй раз упоминание холодного оружия появляется в «воспоминаниях» Кудрина (Медведева), причем на этот раз именно в качестве орудия, которым предполагалось убить Царскую Семью и ее окружение. Кудрин пишет о том, что рассматривались разные варианты убийства. Среди прочих: «*Юровский предложил вариант зарезать всех кинжалами в постелях. Даже распределил, кому кого приканчивать*».[1] По воспоминаниям Кудрина, ему было поручено заколоть Великую Княжну Татьяну Николаевну. Примечательно, что, по словам Кудрина, этот «кинжальный вариант» рассматривался убийцами как основной вплоть до самого последнего момента, и только когда перевалило за полночь, Юровский якобы предложил вариант с расстрелом. Из этого отрывка воспоминаний Кудрина можно сделать вывод, что холодное оружие, а именно кинжалы, были у убийц непосредственно перед осуществлением преступления. Хотя, безусловно, полностью доверять Кудрину нельзя, вполне возможно, что в этом отрывке нашли отражение реальные сведения.

В третий раз упоминание холодного оружия мы находим в показаниях и воспоминаниях участников преступления. В них речь идет о штыках, которыми закалывали жертв. Однако в этом вопросе имеется немало путаницы.

Медведев ни слова не говорит ни о винтовках, ни о штыках. Причем об этом он не обмолвился ни в разговоре со своей женой сразу же после убийства Царской Семьи, ни в ходе допроса. Впервые упоминание о винтовках и штыках появляется в показаниях Якимова, который пересказывал рассказ Клещева и Дерябина. Те говорили, что в убийстве принимали участие двое человек из чрезвычайки, которые были вооружены винтовками с одетыми на них штыками. Описание этих винтовок и штыков в показаниях Якимова отсутствуют. Сказано только, что ими были заколоты Демидова и Великая Княжна Анастасия. В разговоре с сестрой Якимов рассказывал, что Демидовой были нанесены 32 колотые раны. В «воспоминаниях Юровского» использование штыков описано с разной степенью подробности. Так, в «Записке» Юровский просто отмечает: «*Когда одну из девиц пытались доколоть штыком, то штык не мог пробить корсажа*». Ни что это был за штык, ни откуда он взялся, Юровский в «Записке» не сообщает. В «Рассказе» об использовании штыка сказано чуть больше: «*Ермаков пустил в ход штык, и это не помогло, тогда их пристрелили, стреляя в голову*». Итак, появляется человек, который использовал штык — Ермаков, но откуда у него этот штык появился, по-прежнему непонятно. «Воспоминания» фактически повторяют «Рассказ»: «*Товарищ Ермаков хотел докончить дело штыком. Но однако это не удалось*».

В «Исповеди Белобородова» штыки не присутствуют.

---

[1] *Алексеев В.* Указ. соч. С. 123.

В рассказе Войкова говорится, что штыками орудовали «латыши», которые закололи Демидову и Великую Княжну Анастасию, причем «*лицо последней было рассечено штыком*».

Первый раз описание штыка присутствует у Кабанова: «*Один из товарищей, — рассказывал он. — в грудь фрельны стал вонзать штык американской винтовки "Винчестер"* . ***Штык вроде кинжала****, но тупой и грудь не пронзил, и фрельна схватилась обеими руками за штык и стала кричать*» (выделено нами – *П. М.*).

Стрекотин разъясняет, что винтовка со штыком была у него, и Ермаков, видя, что расстрелянные никак не могут умереть, добил их этой винтовкой.

Таким образом, из этих воспоминаний мы так и не можем сделать четкого однозначного вывода: откуда в расстрельной комнате появились штыки и для какой марки огнестрельного оружия они предназначались? Не ясно также, кто пользовался этими штыками.

Но самый первый вопрос, который остается абсолютно не ясен: зачем штыки вообще оказались в комнате для расстрела? Рассмотрим две гипотетические ситуации, связанные с объяснениями убийц, что штыками (или штыком) они были вынуждены воспользоваться из-за зашитых в одежде убиваемых Великих Княжон драгоценностей:

Первая: убийцы не знали, что в одежде Великих Княжон и Императрицы имеются зашитые драгоценности. Зачем же тогда они изначально принесли в расстрельную комнату винтовки со штыками? Ведь понятно, что винтовки применить в такой обстановке невозможно, не подвергаясь риску погибнуть самим при их применении. Совершенно непонятно также, зачем было прибегать к штыкам или штыку, когда выяснилось, что по какой-то причине часть убиваемых не погибла. Использование штыка представляет собой совсем не самый быстрый способ умерщвления. Штык — это холодное оружие. А холодное оружие не приводит к такой быстроте смертельного исхода, как при правильном использовании огнестрельного оружия, например, при выстреле в голову. Убийцам было гораздо легче выпустить в голову раненым лишних две пули, которых у них было более чем в избытке, чем возиться с штыками.

Вторая ситуация: убийцы знали о драгоценностях и принесли винтовки со штыками, уже предполагая, что их придется использовать. Но такое предположение еще более абсурдно чем первое. Если убийцы знали, что у них могут возникнуть сложности при выстрелах по корпусу тела и груди жертв, то зачем же они именно туда и стреляли? Почему сразу не нанесли выстрелы в головы, а сделали это, по словам Юровского, только после того, как неудачно попробовали применить штыки?

Ясно, что все эти доводы не выдерживают никакой критики.

Весьма интересные детали мы узнаем из осмотра места происшествия, проведенного в 1918–1919 года следователями Сергеевым и Соколовым. Сергеев, осматривая нижний этаж дома Ипатьева, отметил, что в расстрельной комнате «*на стене имеется шестнадцать углублений в толщу ее, похожие на следы проникновения пуль или на следы ударов каким-либо твердым острым орудием*»[1].

Позже Сергеев пришел к твердому выводу, что эти следы оставлены штыками или штыком, так как он обозначил эти следы надписями: «шт.», то есть «штык».

Следователь Соколов был не согласен с Сергеевым и писал: «*Некоторые пулевые удары в этой стене Сергеевым были приняты, видимо, за штыковые удары <...> Ясно видимых штыковых ударов,* — продолжал Соколов, — *нигде в комнате убийства не усматривается, но обращает внимание в этом отношении на себя арка. На расстоянии 1–1 1/2 аршина от пола, как раз на той высоте, где вырезана обшивка, на той стороне арки, которая ближе всего к правому косяку двери из комнаты убийства в кладовую (если смотреть на эту дверь из комнаты убийства), усматриваются продолговатые в 1–2 миллиметра разрывы обоев. Получается впечатление, что по этой стороне арки как будто бы скользило острие штыка*»[2].

В своей книге «Убийство Царской Семьи» Соколов добавляет сведения о еще трех ударах штыком, которые находились на той же арке: «*Под этим пулевым каналом в доске,* — пишет он, — *как раз и находится пулевой канал на штукатурке арки. На лицевой стороне доски имеются совершенно ясно видимые четыре штыковых удара. Из них три проникают всю толщу доски на 1 сантиметр, а одно наружное, проникающее в слой обоев и картона и едва углубляющееся в слой дерева: глубина последнего 3 миллиметра. Все эти штыковые удары находятся под пулевым отверстием и отстоят от него книзу на 6,75 сантиметра. Одно от другого все они в непосредственной близости*»[3].

Таким образом, вполне вероятно предположение, что кто-то пытался скрыть следы от штыковых ударов и расстрелял участок стены над ними. В связи с этим вполне вероятно, что Сергеев был прав и верно принял углубления на стене за следы штыков, которые могли быть так же, как и следы на арке, «затерты» пулевыми выстрелами.

Но возникает вопрос: а являлись ли эти следы следами именно штыков, а не другого холодного оружия? Соколов утверждал, что являлись, и доказывал это тем, что «*для точного установления происхождения этих отверстий в них осторожно вкладывалось острие штыка трехлинейной русской винтовки.*

---

[1] Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 57.

[2] Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 317.

[3] *Соколов Н. А.* Убийство Царской Семьи. С. 217.

Форма отверстий как раз совпала с формой штыка»[1]. Это любопытно, так как в показаниях соучастников нигде не приводятся свидетельства о русском штыке, зато говорится о штыке-кинжале американской винтовки «Винчестер». «*Наш отряд* — вспоминал М.А. Кудрин — *был вооружен трехлинейными "винчестерами" — виинтовками с особой конструкцией затвором и длинными плоскими штыками»*.[2]

Определение вышеуказанных следов холодного оружия как штыковых ударов именно от русской винтовки наводит на следующие соображения. Как известно, русская трехзарядная винтовка Мосина обр. 1891 года имела игольчатый граненый штык. Штыки в русской армии имели три и четыре грани (у винтовки Мосина обычно был четырехгранный штык). Несмотря на то, что с конца XIX века четырехгранный штык становится наиболее распространенным в русской армии, трехгранный продолжает свое существование. Во время русско-китайской воны 1900 года трехгранный штык широко применялся, также его можно было часто встретить на винтовках русских солдат и во время русско-японской войны. Трехгранный штык имел одну особенность: он оставлял тяжелые треугольные раны, которые очень долго и трудно заживали и часто становились причиной летального исхода для раненого.

Игольчатый штык при этом имел очень тонкое острие. Таким образом, русский штык по своей форме напоминал большой стилет. Между тем именно граненые кинжалы часто являлись в различных религиях и сектах ритуальным культовым оружием.

Так, например, во всех святилищах древнеиндийского бога Митры центральное место занимали барельеф или статуя, изображавшие Митру, держащего ритуальный трехгранный кинжал, которым он убивал жертвенного быка[3].

В индуистской религии трехгранный жертвенный кинжал под названием «Изымающий души» считался оружием Шивы Разрушителя. Из-за своей формы кинжал был неприменим в бою, но убитая им жертва, по некоторым индуистским представлениям, **не имела возможности возродиться, так как его душа была в плену у Разрушителя.**

Трехгранный кинжал Тибета, Пурту, использовался для изгнания и умерщвления «демонов». Жертвенным оружием являлся и другой трехгранный кинжал — Пхур-бу, вся рукоять которого была украшена змеями. Изуверская секта ассасинов имела своей эмблемой трехгранный стилет, увитый розой. Впоследствии европейские адепты этой секты

---

[1] Там же.

[2] РГАСПИ, ф. 588. Оп. 3с, д. 12. [Воспоминания М. А. Медведева (Кудрина) о расстреле семьи Романовых. Машинописный текст.]

[3] *Кузнецов Б.Н.* Древний Иран и Тибет. (История религии бон). М.: Евразия, 1998.

использовали такой стилет для добивания противника. Этот кинжал назывался мизерикордия («кинжал милосердия»).

В 1898 году в Женеве итальянский анархист Лукени убил супругу австро-венгерского императора Франца-Иосифа, императрицу Елизавету. Убийство было осуществлено трехгранным стилетом[1]. (Кстати, с чьей-то легкой руки трехгранный кинжал Лукени был вытеснен в общественном сознании «напильником». И только в документах той эпохи и материалах следствия осталось подлинное описание орудия убийства.)

Таким образом, мы можем предположить, что в процессе убийства Царской Семьи использовались не штыки, а какое-то иное холодное оружие, имевшее граненый клинок, подобранный так, чтобы он совпадал по форме со штыком от русской винтовки.

Независимо от того, верно это наше предположение или нет, истинно то, что во время убийства Царской Семьи убийцы активно использовали колющее холодное оружие. Причем следы применения этого холодного оружия обнаружены не только в комнате убийства. Следователь Сергеев обнаружил многочисленные следы от остроколющего орудия на двери и на стене возле зеркала вестибюля Ипатьевского дома.[2] К сожалению, Сергеев не дал подробного описания этих следов.

Принимая во внимание вышеизложенное, а также те обстоятельства, что показания преступников о применении ими огнестрельного оружия при расстреле Царской Семьи не совпадают с объективной реальностью, а сами показания полны противоречий и явной дезинформации, учитывая то, что эти же преступники не смогли убедительно объяснить причины применения ими холодного оружия (штыков), можно с определенной долей вероятности предположить, **что холодное оружие было основным орудием убийства Царской Семьи и ее окружения ночью 17 июля 1918 года.**

Мы предвидим скептические возражения читателя. Но пусть он задумается: почему явно лживая версия о 550 пулях, выпущенных по Царской Семье, после которой все ее члены в той или иной степени остались живы, принята за аксиому, и почему в таком случае предположение об убийстве холодным оружием не имеет права на существование? Тем более что сами участники преступления указывали на такой вариант убийства!

Предположение о холодном оружии как главном способе убийства Царской Семьи, при всей кажущейся на первый взгляд его нереальности, на самом деле объясняет очень многое. Если Царская Семья и ее окружение были заколоты штыками или кинжалами, то тогда становится понятно и большое истечение крови и длительное умирание жертв. Тогда становит-

---

[1] Новое Время. 1898, 31 августа.

[2] Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 36.

ся понятным, каким образом мог так долго жить Цесаревич Алексей Николаевич и почему Великая Княжна Мария Николаевна была еще жива, когда ее вынесли на носилках во двор. Становится понятно, почему на теле Демидовой было обнаружено так много колотых ран, хотя было достаточно одной пули в голову, и многое другое.

В версии убийства Царской Семьи холодным оружием нет ничего такого, что было бы невозможно осуществить убийцам летом 1918 года. Можно предположить, что Царская Семья была сведена в комнату нижнего этажа, где ей были нанесены легкие огнестрельные ранения, например, в мягкие тонкие части тела, которые лишили ее свободы передвижения, но не привели к смерти, а затем ей начали наносить колотые удары холодным оружием (штыками или кинжалами). При этом убийцы стремились к тому, чтобы смерть их жертв не была быстрой и легкой, удары наносились в разные части тела и сопровождались большим истечением крови убиваемых. После убийства по телам убитых было выпущено несколько пуль. Также множество пуль было выпущено по южной стене комнаты, где происходило убийство.[1]

Примечательно, что молва о том, что Царская Семья была убита холодным оружием, бытовала в народе уже давно. Дивеевская блаженная Мария Ивановна, как вспоминали очевидцы, «*в ночь с 4 на 5 июля 1918 года, т.е. в ночь мученической кончины Царской Семьи, страшно бушевала и кричала: "Царевен штыками! Проклятые жиды!"*[2] *Неистовствовала*

---

[1] Однако есть еще одно странное обстоятельство: белое следствие не обнаружило в Доме Ипатьева, в комнатах, где жила Царская Семья и ее свита, ни одной кровати! Все они были зачем-то вывезены большевиками. Какую тайну хранили в себе они? Невольно вспоминаются слова Кабанова о том, что Юровский хотел зарезать всех ночью в кроватях.

[2] Здесь следует сказать несколько слов о русской этимологии слова «жид». Исследователь А.А. Гатцук, занявшись происхождением слова жид, указывает, что это слово существовало в славянском языке еще задолго до знакомства славян с иудеями, т.е. слово «жид» было нарицательным, а не собственным. В этом нас убеждает не только одно существование в славянском языке корня жъд (ожидать, жаждать), но разнообразное развитие этого корня и существование таких форм, как, например, жид (ждущий, ожидающий, сильно желающий). Церковно-славянские переводы Евангелия и Послания Апостолов делали разницу между иудеями и «жидами». (Россия перед вторым пришествием. С. 400). Под последними понимались исключительно христоненавистники и убийцы пророков. Таким образом, изначально слов «жид» относилось не ко всем евреям, а только к тем, кто являлся ярым врагом Христа и Его Церкви. К «жидам» относились и неевреи, также не признававшие Христа Богом. Например, ересь жидовствующих исповедовали многие русские аристократы, в том числе и лица царского рода (в частности один из сыновей Иоанна III). Таким образом, «жидом» считался тот, кто ждал пришествие не Христа, а Антихриста. Впоследствии из-за секуляризации русского языка эти понятия стерлись, и под жидами стали понимать всех

страшно, и только потом выяснилось, о чем она кричала. Значит, она знала, кто приказывал и кто был исполнителем этого чудовищного преступления, искупление за которое до сих пор несет русский народ, допустивший это!»[1]

В 70-х годах XX века в израильском журнале «Грани» был опубликован дневник советского туриста Шалома Йосмана, посетившего Ипатьевский дом: «*Свердловск, 11 августа 1970 года. Слова старшины милиционера: «Слышал я, будто и не расстреляли их вовсе, а штыками закололи»*[2].

Конечно, версия о том, что Царская Семья была убита в основном посредством холодного оружия, нуждается в дополнительных изучениях и проверках. Но она имеет не меньшее право на жизнь, чем версия о расстреле, которую нам так долго навязывали цареубийцы.

8. Другие признаки ритуального убийства

Кабалистическая надпись

Об обнаруженных следователем Соколовым в подвальной комнате дома Ипатьева четырех таинственных знаках, которые многими признаны за кабалистическую надпись, написано довольно много. Чтобы не повторяться, мы посвятим этой надписи несколько строк, обозначав самые интересные, по нашему мнению, аспекты ее возникновения и исследования.

Следователь Сергеев, осмотрев комнату, где было совершено убийство Царской Семьи, изображения четырех знаков не обнаружил или не предал им значения, или руководствовался соображениями иного порядка, но в протокол осмотра сведений о них не занес. Это дало основание целому ряду авторов утверждать, что этой надписи не было вообще или она появилась в 1919 году. Эти утверждения не выдерживают никакой критики, так как Сергеев не нашел многого из того, что потом обнаружил Соколов, в частности, пулевые и штыковые следы. Кроме того, даже если представить, что эта надпись появилась после 1918 года, она не утрачивает своего значения, в случае если ее характер действительно носил черты черной магии и кабалистики. Какая в таком случае разница, когда появилась эта надпись? Естественно, что целая плеяда авторов, как в России, так и за рубежом, упорно отрицала принадлежность знаков к кабалистике. В творчестве

без исключения евреев, причем в XX веке это слово приобрело большей частью оскорбительное для евреев значение. Однако среди подвижников Православия оставалось правильное толкование этого слова.

[1] Россия перед вторым пришествием. С. 167.

[2] *Хейфец М.* Указ. соч. С. 285.

одного из околонаучных драматургов прозвучала даже мысль, что эта надпись являлась чьей-то «пробой пера». Если всерьез рассматривать подобные заявления, то тогда следует признать следователя Соколова и его дешифровальщиков людьми умственно отсталыми, так как они в течение долгих лет всерьез занимались раскрытием тайны росчерка пера, и тем более умственно отсталым выглядит специалист по кабалистике Энель, посвятивший раскрытию таинственной надписи целый труд. Мы уже не говорим о целом ряде православных русских историков конца XX века, среди них, безусловно, первое место занимает Л. Болотин, которые посвятили изучению надписи большие исследования. Но, слава Богу, и среди профессиональных историков начинает возобладать научный подход к «четырем знакам». Одним из первых таких историков, кто нашел в себе мужество назвать эти знаки кабалистическими, стал И.Ф. Плотников. «*Они* (эти знаки – *П.М.*) *относятся к кабалистическим, — пишет он. — Автор данных строк, занимавшийся проблемами истории масонства, его корнями, опубликовавший по ней специальную работу, видит в данных знаках сходство с таковыми в кабалистических и магических алфавитах, с тайнописью тайных обществ, весьма разнообразной. Встречающиеся в литературе заявления о том, что знаки совершенно случайны, что их просто праздно нацарапали карандашом или замывавшие после расстрела кровь в комнате охранники, или еще раньше приходившие туда, в контору Ипатьева, рабочие и т.д., вряд ли могут приниматься всерьез*»[1].

Итак, в апреле 1919 года следователь Соколов обнаружил в комнате дома Ипатьева, где произошло убийство Царской Семьи надпись на немецком языке с искаженным отрывком из поэмы Г. Гейне, какие-то цифры и четыре непонятных символа. Вот как писал об этом сам Соколов в протоколе осмотра: «*На самом краю подоконника чернилами черного цвета весьма толстыми линиями сделаны одна под другой три надписи: “24678 ру. года”, “1918 года”, “148467878 р”, а вблизи их написано такими же чернилами и тем же почерком “87888”. В расстоянии полувершка от этих надписей на обоях стены такими же черными линиями написаны какие-то знаки, имеющие следующий вид:* ».[2]

Соколов, как истинный следователь, не стал делать никаких скороспелых выводов по поводу этой надписи и предполагал начать ее тщательное изучение. Однако сделать это в России ему не удалось. Настоящие работы по изучению надписи начались только в эмиграции во Франции. В 1924

[1] *Плотников И.Ф.* Указ. соч. С. 236.

Правда, определив надпись как кабалистическую, И.Ф. Плотников почему-то заявляет, что по ней нельзя делать заключение о ритуальности Екатеринбургского убийства.

[2] Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 316.

году в парижском издательстве «Пайо» увидела свет знаменитая книга Н.А. Соколова, известная русскому читателю как «*Убийство Царской Семьи*». Но та, первая книга, была издана по-французски и называлась: «*Следствие по убийству Русской Императорской Семьи*». В этом первом издании Соколов писал о таинственной надписи: «*На той же стене я обнаружил надпись, состоящую из четырех символов и серии цифр. Несмотря на то, что существует несколько интерпретаций, смысл этой таинственной надписи до сих пор сокрыт*»[1].

Таким образом, Соколов, во-первых, прочно увязывал написанные цифры и надпись в одно целое, а во-вторых, прямо называл саму надпись «таинственной».

Любопытно, что в русском издании книги Соколова, изданной в 1925 году в Берлине в издательстве «Слово» уже после смерти следователя, приведенный выше отрывок претерпел значительные изменения. Вот как оно зазвучало в русском издании: «*На этой же южной стене я обнаружил обозначение из четырех знаков*»[2]. И все! Ни о том, что эти знаки были написаны вместе с цифрами, ни о том, что Соколов считает их таинственными, в русском издании не указывается. Остается загадкой, кто и с какой целью исправил текст покойного Н.А. Соколова.

Между тем известие о существовании кабалистической надписи вызвало среди большевистской верхушки сильное беспокойство. В связи с этим весьма любопытно то обстоятельство, что в 1934 году Юровскому, как после рассказа свердловским большевикам об убийстве Царской Семьи, был задан следующий вопрос: «*Моисеев: “По книге Соколова видно, что, где была казнь, на стенке осталась какая-то кабалистическая надпись на немецком языке и фашистский знак на окне, где жила семья”. Юровский: “Это недопустимо, не могло быть, может, это они сами написали”* »[3].

Этот вопрос некоего Моисеева и ответ на него Юровского лучше всего иллюстрируют русскую поговорку «*На воре и шапка горит*». Во-первых, Моисеев перепутал все, что только мог. Кабалистическая надпись не могла быть написана на немецком языке, это абсурд, была она написана «*не в комнате, где жила семья*», а в комнате, где ее убили, а «*фашистский знак*», который в 1918 году, естественно, таковым не воспринимался, был действительно изображен Императрицей, только не на окне, а на косяке двери второго этажа («*там, где жила семья*»). Но, во-вторых, и это самое главное, Соколов, как мы видели, нигде не

---

[1] *Sokoloff Nicolas, juge d'instruction près le tribunal d'Omsk.* Enquête judiciaire sur l'assassinat de la famille Impériale Russe. Paris, Payot, 1924. P. 213.

[2] *Соколов Н.А.* Убийство Царской Семьи. С. 218.

[3] Царское дело и Екатеринбургские останки. С. 287.

называет надпись «кабалистической»! Он лишь говорит о таинственности найденных знаков. Но большевики сами спешат окрестить ее «кабалистической»! Поражает также и ответ Юровского: «*...может, это они сами написали*». Кто это «сами»? Может быть, это белые или сама Царская Семья занимались кабалистикой? Вообще в ответе Юровского чувствуется какой-то страх, граничащий с паникой. Но именно этот ответ российский прокурорский работник В.Н. Соловьев предлагает нам как несомненное «опровержение» кабалистического смысла «четырех знаков».

Известие о появлении таинственной надписи побудило многих заняться ее расшифровкой. На сегодняшний день существует более десятка таких расшифровок, начиная от Р. Вильтона и заканчивая О.А. Платоновым, но все они в той или иной степени совпадают с наиболее научной версией находившегося в эмиграции русского ученого-лингвиста М. Скарятина, писавшего под псевдонимом «Энель». В своей книге «Жертва», вышедшей в 1925 году в Париже, Энель дает подробный лингвистический анализ «четырем знакам», основываясь на своих обширных научных знаниях. Он приходит к выводу, что эти знаки являются тройной еврейской буквой «Ламед», написанной на трех языках: древнееврейском, самаритянском и греческом («Лямбда»). Энель утверждал, что эти три языка в понятиях кабалистов являются *«достойны быть выразителями божественного откровения»*[1]. Тройное начертание «Ламеда», как утверждает Энель, сделано человеком, владевшим черной магией. Этот человек сделал надпись как бы «вверх ногами»[2]. В результате длительной работы Энель пришел к следующим выводам о сути этой надписи:

«Как совокупность нашего исследования мы приходим к заключению:

1. Убийство Царя было выполнено.

---

[1] *Энель*. Жертва. Париж, 1925.

[2] По этому поводу известный сатанист А. Кроули писал: «Помимо всех правил существуют определенные значения, **скрытые в самой форме букв еврейского алфавита**; форма отдельных букв в конце слова бывает отлична от используемой для этого финальной буквы; или бывает так, что финальная буква написана в середине слова; или некоторые буквы имеют размер больший или меньший, чем остальные буквы в манускрипте; **или буква написана вверх ногами**; или определенные слова в различных местах имеют на букву больше или меньше в сравнении с остальными местами; или существуют особенности, наблюдаемые в местоположении любой точки, или ударения; или существуют определенные выражения, которые кажутся неполными или излишними» (*Кроули А*. Каббала А. Кроули. 777).

2. Оно было выполнено слугами темных сил с целью разрушения существующего порядка, людьми, прибегающими к сверхъестественным магическим силам, происходящим от доисторической науки.

*Полное раскрытие тайного значения надписи выражается так: “**Здесь, по приказу тайных сил, Царь был принесен в жертву для разрушения Государства. О сем извещаются все народы**”».*[1]

Несмотря на то, что выводы Энеля много раз подвергались критике, никто еще до сих пор не смог их убедительно опровергнуть. Более того, имеются убедительные подтверждения выводам Энеля. Так, в книге известного американского исследователя Н. Пенника, никак не связанного с изучением темы убийства Царской Семьи, приводятся следующие данные о значении буквы «Ламед» и «Лямбда»:

«ל *Ламед является двенадцатой буквой древнееврейского алфавита и читается как "Л". Этот алфавитный знак заключает в себе качество "продвижения дел". Ламед представляет инструмент, известный как бычье стрекало или острог для принуждения и послушания рогатого скота. Аналогичные буквы имеются в древнегреческом и руническом алфавитах, где "Л" представлена "Лямбдой" и "Лагу", которые также обозначают поступление прибылей и прогресс. Ламед — это целеустремленная энергия, необходимая для начинания в любом деле, и неизбежные жертвы, которые сопутствуют любой деятельности. **Таким образом, эзотерическое значение Ламед — "жертвенность", а числовое значение — 30. Ламед означает бычье стрекало, жертвоприношение, Правосудие.***

λΛ *Лямбда связана с ростом растений и геометрическими прогрессиями в математике, которые выражают основной принцип любого органического роста. Мистически она связана с геометрической пропорцией, известной под названием Золотое Сечение. Как одиннадцатая буква греческого алфавита, Лямбда представляет собой восхождение на более высокий уровень. Математически это доказывается на примере двух прогрессий Лямбды: геометрической и арифметической, основных числовых рядов древнегреческой математики. **На более абстрактном уровне Лямбда обозначает возрастание числовых последовательностей, лежащих в основе всех физических процессов. В руническом алфавите мы находим прямое соответствие этой греческой букве — руну Лагу, которая также связана с ростом и обозначает звук «Л». Подобные характеристики свойственны и древнееврейской букве Ламед. Лямбда обозначает число 30, а в гематрии ее название дает число 78**»*[2]. (Выделено нами – *П.М.*)

Таким образом, мы видим, что выводы Энеля и современных ученых-лингвистов сходятся: «Ламед» имеет смысл жертвоприношения.

---

[1] *Энель*. Указ. соч.

[2] *Пенник Н.* Магические алфавиты. Киев: София, 1996.

В.Н. Соловьев, отвергая версию о ритуальном убийстве, писал, что выводы Энеля сильно уязвимы, так как, кроме прочего, «четыре знака» более нигде не встречаются. Однако это не так. Л. Болотин в своей работе пишет: «*Имеет смысл вспомнить сопоставление четырехзначной надписи в Ипатьевском подвале с аналогичной криптограммой, опубликованной в еврейской националистической брошюре "Лехи": 12-го февраля 1942 года в Тель-Авиве в результате столкновения между враждующими еврейскими группировками был убит глава группы "Лехи" Абрам Штерн по кличке "Яир". На месте его убийства была оставлена следующая надпись из четырех знаков, которая в еврейском прочитывается как "Некама», — что означает "месть". Любопытно, что если учесть разницу в почерках, то три из четырех знаков разительно похожи на символы Екатеринбургского графити*»[1].

Достаточно сравнить надпись в Ипатьевском доме 1918 года и надпись в Тель-Авиве 1942-го, чтобы согласиться с выводами Болотина:

1918 1942

То, что «Ламед» имеет в каббале смысл одновременно захвата, разрушения и власти, утверждают сами кабалисты. В наши дни одна весьма популярная западная певица, чрезвычайно увлекшаяся каббалой и, наверное, не случайно богохульно назвавшая себя «Мадонной», сняла видеоклип под названием «Умри, но не сейчас». В этом клипе на руке певицы вытатуированы три древнееврейские буквы, по утверждениям кабалистов означающих имя Бога, одной из которых является «Ламед». Те же буквы начертаны и на футболке «поп-звезды». Центр Каббалы, который занимается распространением кабалистической символики (находится в Лос-Анджелесе), поясняет, что «*эти три буквы дают вам* ***власть****, чтобы* ***завоевать*** *собственную личность. Просто сфокусируйте ваши глаза на буквах, затем представьте себе* ***разрушение*** *вашего эго*»[2]. (Выделено нами – *П.М.*)

Примечательно, что ортодоксальные раввины категорически выступают против и нанесения татуировок и использования иудейской символики женщиной.

С другой стороны, кабалисты также подтверждают то обстоятельство, что «Ламед» мистически связана с сердцем и человека и мирозданием. «*Ламед*, — говорится в книге «Каббала и иудейская традиция»,

---

[1] http://www.rus-sky.

[2] http://www.jewish.ru.

— есть мистический микроскоп, который позволяет нам усматривать через сердце человека бесконечное богатство Вселенной. Человеческое сердце и сам человек посредством игры неисчерпаемой инволюции взаимосвязаны так же, как микрокосмос связан и с человечеством, и с Вселенной».[1]

Таким образом, если кабалисты признают, что посредством буквы «Ламед» можно влиять на человеческое сердце, а через него и на вселенную, то логично предполагать, что такое влияние может носить и характер разрушения.

Несмотря на непреходящее значение выводов Энеля, нельзя не согласиться с мнением автора предисловия к российскому изданию «Жертвы», которая была осуществлена журналом «Опричнина». Этот автор справедливо указывал, что Энель в своей расшифровке не учитывает цифровые обозначения, которые, вполне возможно, *«являются ключом к кабалистическим знакам, и уж во всяком случае, без их расшифрования смысл надписи следует считать по меньшей мере неполным, а может быть, и вовсе неверным»*[2].

Кроме того весьма подозрительной является личность и самого Энеля. В 1993 году в Париже вышла его книга под названием «Trilogie de la Rota». В этой книге есть сведения об авторе. Вот их содержание: «*Посвященный кабалист и оккультист русского происхождения, бежавший во Францию — Энель (1883–1963) посвятил большую часть своей жизни изучению Античной мудрости и каббалы»*[3].

Таким образом, цели, которые преследовал Энель в своей книге «Жертва», могли быть очень далеки от стремления пролить свет на изуверский смысл оставленной надписи. Хотя вполне возможно, что смысл самой надписи изложен им верно. Но эта надпись могла означать лишь часть всего того смысла который был заключен в символах и цифрах на стене дома Ипатьева.

В связи с этим на определенные размышления наводит частое повторение в обнаруженных в Ипатьевском доме записях цифры 8. Между тем, эта цифра в псевдохристианской кабалистике означала имя Христа. Предоставим слово Н. Пеннику: «*Существует несколько гематрических чисел, которые связываются исключительно с Христом. Эти числа: 700 (монограмма «Хи-Ро»); 888 (*ΙΕΣΟΥΣ, *Иисус); 1480 (*ΧΡΙΣΤΩΣ, *Христос); 1998 (*ΦΥΣΙΣ ΙΕΣΟΥΣ, *природа Иисуса) и 2368 (*ΙΕΣΟΥΣΧΡΣΤΩΣ, *Иисус Христос). Эти имена часто состоят из чисел, сочетания которых символизируют божественные или кос-*

---

[1] La Caballe et la tradition judanque. Paris, 1974, p. 86.
[2] http://oprichnina.pycckiecom.
[3] *ENEL.* Trilogie de la Rota. Paris, 1993.

*мические качества. Например, число 888 (Иисус) заключает в себе Эфир и Эмпиреи (*ΑΙΘΗΡ *и* ʽΕΜΠΥΡΕΙΟΝ, *760 + 128 = 888)*»[1].

Сравним эти цифры с цифрами в Ипатьевском доме: 24678, 1918, 148467878, 87888. Как мы видим, восьмерка присутствует в каждой цифровой комбинации, а в последних двух встречаются три восьмерки, соответствующие гематрическому обозначению имени Иисуса. Таким образом, вполне возможно, надпись в Ипатьевском доме носила не только смысл оповещения о принесении Царя в жертву, но и оповещения всего мира о совершенном в доме Ипатьева открыто богоборческим актом, направленным против Спасителя.

В пользу этого утверждения говорит и то обстоятельство, что надписи были сделаны на трех языках, что очень напоминает кощунственный «перевертыш» надписи на Кресте, на котором был распят Господь.

Так же весьма важно то обстоятельство, что буква «Ламед» соответствует 12-й карте Таро — «Повешенный». Известно, что талмудическая традиция, по высказываниям некоторых раввинов, а вслед за ней и сатанинские организации, называют Христа-Спасителя — «Повешенным на кресте», тем самым выражалось их глумление над Господом[2]. Вот какие разъяснения дают по поводу этой карты современные оккультисты: «*Традиционно он носит название «Повешенный», однако возможны и другие варианты* ***(«Жертва», «Мессия», «Повешенный Бог»).*** (выделено нами – *П.М.*). *Прежде чем мы обратимся к значению данной карты, присмотримся внимательнее к изображению.*

Перед нами пустынная местность. Заходит солнце, окрашивая всю картину. И на фоне этих красок, привязанный к перекладине за ногу, висит человек. Вторая его нога согнута, так что вместе ***они образуют крест****.*

Значение этой карты понятно уже из ее названия. Основная идея данного Аркана — ***жертва.*** *Но жертва понимается здесь не как бесплодная потеря чего-то вам дорогого, а как отдача во имя приобретения еще более необходимого.*

Фигура Повешенного — одна из самых странных в колоде карт Таро. Она изображает молодого человека, подвешенного за ногу. Он жив и находится в сознании, но неподвижен и бездейственен. Мир перевернулся, и он принял естественную для данной ситуации позу. Карта является символом "стояния на голове", пресловутого переворота ценностей. Желание принять перемены, жизненную гибкость, эластичность мышления. Ноги его скрещены — символ веры, руки переплетены на груди. Заходя-

---

[1] *Пенник Н.* Указ. соч.

[2] Иисус Христос в документах истории. СПб.: Алетейя, 1999. С. 350.

щее (а может быть, восходящее) Солнце на заднем плане — символ перехода в новое состояние. Это связывает карту с обновлением и возрождением».[1]

Как видно из приводимых карт Таро, «Повешенный» в египетском, марсельском варианте и вариантах сатанистов Райдер-Уайта и А. Кроули, приобретает все более антихристианские черты, превратившись в перевернутое Распятие (у Райдера вокруг головы «Повешенного» имеется нимб).

При этом во всех вариантах нога повешенного согнута так, что образует букву «Ламед». Если мы вспомним, что «четыре знака», найденные на стене Ипатьевского дома, были написаны так же вверх ногами, то тайный смысл надписи может заключаться в объявлении вселенского переворота, наступлении новой антихристовой эры.

М.Б. Ямпольский писал, что *«гадательное значение "Повешенного" — это "приостановка жизни, изменение, переход, жертвоприношение, возрождение. Но это и падение в самые глубины перед возрождением души, символизируемым десятым арканом — "Колесо фортуны". "Повешенный" также имеет значение погружения высшего духовного начала в материальные, нижние слои. Символ такого погружения —* ***треугольник, чья вершина обращена вниз (в этом смысле "Повешенный" дублирует перевернутое дерево, растущее из высших идеальных сфер в область материального)"***[2]**.**

Приведенная выше цитата явно указывает на сатанинский смысл «Повешенного».

Конечно, тайна «четырех знаков» остается полностью нераскрытой до сих пор. Но в принципе ее полное раскрытие не столь уж важно. Главное, что в ней силы зла точно обозначали свое присутствие и причастность к совершенному преступлению. В связи с этим невозможно не согласиться с Энелем: «*Чувство страха, которое охватывает при мысли об этом оккультном действии, мучительно. Угроза надгробной надписи преследует, как очень древняя угроза, направленная против всего мира.*

Действие Зла упорно, непримиримо и скрытно. Очень редко оно раскрывается благодаря трагическому происшествию, подобному убийству Царя, но человечество, плохо или совсем не предупрежденное, поглощено своими интересами, своими вожделениями, своими удовольствиями и не придает веры предупреждающему "мене, текел, фарес".

---

[1] http://taro.by.ru/hc12.html.

[2] *Ямпольский М. Б.* Беспамятство как исток (Читая Хармса). М., 1998. С. 323.

Зло — неутомимый работник — продолжает расставлять свои сети, изменять соблазны, предназначенные для жадного и слепого человечества, и близок день, когда оно рассчитывает преградить человеку последний выход.

Но есть спасение! Оно единственное. Оно кроется не в силе оружия, не в пролитой крови, потоки коей лишь служат пищей Злу. Спасение является в виде победы в деле борьбы духа, в коей щит — это Церковь Христова, а меч — Святой Крест нашего Спасителя.

И темные силы рассеются, и Свет победит»[1].

Усекновение глав Царственных Мучеников и глумление над их телами

Оказавшись в урочище «Четыре Брата» в 20-ти верстах от города Екатеринбурга по Старой Коптяковской дороге, возле Открытой Шахты, следователь Н.А. Соколов в ходе проведенного кропотливого исследования и основываясь на добытых им и его предшественниками вещественных доказательствах, установил что на этом самом месте уничтожались тела Царской Семьи и ее приближенных. Уничтожение это, по мнению Соколова, было осуществлено посредством расчленения тел убитых, помещением фрагментов тел между бревен, поливанием их бензином и сжиганием на костре с последующим уничтожением костных останков большим количеством серной кислоты. Доказательствами этого вывода следствия для Соколова служили: обнаруженные следы больших кострищ со следами воздействия кислоты на сжигаемое в них дерево, фрагменты костных останков крупного млекопитающего, вполне возможно, человека, следы выделяемого сала в почве, отчлененный палец человека, большое количество различных деталей мужской и женской одежды, принадлежавшей Царской Семье, части принадлежавших ей икон, драгоценностей и личных вещей, подвергавшихся воздействию огня.

Таким образом, обстоятельства уничтожения тел Царской Семьи, по версии следователя Соколова, во многом совпадают с ритуальным сатанинским убийством. Во-первых, мы видим искаженный чернокнижием древнеиудейский обряд «жертвы всесожжения»: когда за грехи священства, грехи всего общества Израилева и т.п. **полагалось тельца вынести «*из стана на чистое место, где высыпается пепел*», и сжечь его огнем на дровах** (Лев. 3. 10–4. 15).

---

[1] *Энель*. Указ. соч.

Во-вторых, в манипуляциях над телами четко прослеживается откровенный ритуал сатанистов. Вспомним, что говорят современные сатанисты об этом: «***Останки вывозятся в лес, обливаются бензином и сжигаются, а затем закапываются. Документы убитого тоже сжигаются, а деньги идут в общак***»[1] (выделено нами – *П. М.*).

Но кроме этих видимых следов сатанинского ритуала при манипуляциях с телами имеется еще одно весьма таинственное обстоятельство: в своих поисках Соколов не обнаружил ни одного человеческого зуба, хотя известно, что зубы хуже всего поддаются действию огня. Соколов не оставил своего мнения о причинах этого факта, но руководивший общим ходом расследования генерал М.К. Дитерихс одним из первых выдвинул свою гипотезу отсутствия зубов на месте уничтожения трупов: «*Экспертиза установила*, — писал он, — *что находившиеся в районе шахты и шахте кусочки драгоценностей имели определенные следы отделения их от тела каким-то рубящим оружием. Остается допустить, что Исаак Голощекин и Янкель Юровский для сокрытия тел разрубали их на части. <…> На откосе котлована нашелся вязанный Государыней Императрицей шнурок от мешочка, найденного раньше вместе с разбитой иконкой, на котором он носился на шее. Шнурок был перерезан или перерублен, что могло произойти или при желании лишить тело всяких наружных признаков опознания при погребении в земле, или при отделении головы от тела для сохранения головы в спирте. <…> Найденные на "полянке врачей" листки медицинского справочника, которым мог пользоваться только врач, указывают, что операция сокрытия тел требовала присутствия врача. Помощь его могла быть нужна или при обращении работавших с кислотой или при каких-нибудь особых хирургических манипуляциях над телами. Палец, найденный в шахте, был, безусловно, отделен хирургически, совершенно чисто, по фаланге второго сустава. <…> Вся эта дикая операция порубки тел для большего удобства при сжигании, конечно, не требовала присутствия врача. Но если предварительно действительно отделялись головы у несчастных жертв Исаака Голощекина, если в таинственных трех железных бочках, увезенных потом назад в город на коробах, был спирт для заливки отделенных голов, то для этой операции нужен был именно врач. <…> Тела несчастных мучеников вытащили на глиняную площадку; туда же доставили бочку керосина, 9–10 пудов кислоты и три бочки, по-видимому, со спиртом. Прежде всего Исаак Голощекин отделил у них головы. Выше уже упоминалось о тех слухах, которые распространялись в Москве в среде советских деятелей с приездом туда после убийства Исаака Голощекина и в связи с привозом им Янкелю Свердлову каких-то тяжелых, не по объему, трех ящиков. Что в этом отношении гово-*

---

[1] Люди погибели. С. 60.

рят исследования на месте? Прежде всего найденные кусочки шейных шнурков и цепочек носят следы порезов их, что могло произойти при отделении голов от тел режущим или рубящим оружием. Далее, при операции отделения голов с тел катились порядочные по величине и весу фарфоровые иконки; их швырнули далеко в траву котлована, и в костре они не были. Наконец, зубы горят хуже всего; между тем при всей тщательности розысков нигде, ни в кострах, ни в почве, ни в засыпке шахты ***ни одного зуба не найдено.*** *По мнению комиссии, головы Членов Царской Семьи и убитых вместе с Ними приближенных были заспиртованы в трех доставленных в лес железных бочках, упакованы в деревянные ящики и отвезены Исааком Голощекиным в Москву Янкелю Свердлову в качестве безусловного подтверждения, что указания изуверов центра в точности выполнены изуверами на месте»*[1].

Таким образом, генерал Дитерихс аргументированно и четко высказал предположение о том, что головы членов Царской Семьи были отчленены убийцами и отправлены в Москву. До революции имело место отчленение голов в качестве опознания преступника или доказательства его смерти. В частности, была отчленена, заспиртована, сфотографирована и помещена в газеты для опознания голова убийцы В.К. Плеве Е. Сазонова. Отчленение голов у большевиков носило совершенно иной характер. Имеется множество случаев, когда красные власти отчленяли головы не только у убитых ими врагов, но и у мощей святых подвижников. Нередки были случаи, когда комиссары оскверняли захоронения, вытаскивали из них черепа и глумились над ними, например, играли ими в футбол. В основном это касалось останков православных священников. Наиболее известными случаями отчленения большевиками и их адептами голов у мертвых тел являются: похищение и сокрытие главы месточтимого святого старца Федора Козьмича из тобольской часовни (сама часовня была превращена в нужник), отчленение головы убитого атамана А.И. Дутова, при этом голова Дутова была похищена, отчленение головы убитого Г.С. Носаря, врага Троцкого, отчленение и доставка в большевистский центр нескольких голов главарей басмаческих банд, отчленение и доставка в Ленинград головы Тушегун-ламы. Это лишь известные нам сегодня факты. А что делалось с сотнями оскверненных мощей святых Угодников Божиих, с телами тысяч замученных священников и благочестивых мирян, не знает никто.

Но в деле об отчленении глав Царской Семьи речь идет не просто о подтверждении ее убийства. Если головы были действительно отчленены, то это отчленение может рассматриваться только в рамках единого ритуала происшедшего в Доме Особого Назначения тяжкого преступления.

---

[1] *Дитерихс М. К.* Указ. соч. Т. 1. С. 203, 246, 248, 258–259.

Здесь невольно на ум приходит то значение, которое имеет голова и ее отчленение от тела в чернокнижии. «*Отделение головы жертвы от тела, как это следует из разных авторитетных источников,* — говорится в книге Л. Болотина, — *является составной частью кабалистического ритуала, практикуемого также в низшем масонстве*»[1].

Современный сатанизм говорит о том, что голова жертвы сохраняется в сатанинском храме на день и ночь после убийства и показывается новым инициированным.

Конечно, кроме всего прочего, духовный смысл этого сатанинского обряда заключается в символическом повторении усекновения главы Иоанна Предтечи.

Что же нам известно о судьбе усеченных глав Царской Семьи? До нас дошло об этом несколько свидетельств.

Первые известия о Царских Главах приходятся на 1918–1919 годы, когда мелкие служащие Совнаркома, преимущественно из американо-еврейских эмигрантов, приехавших в Россию вместе с Троцким, готовясь, как им казалось, к неминуемому краху большевистской власти, говорили: «*Ну теперь, во всяком случае, жизнь обеспечена: поедем в Америку и будем демонстрировать в кинематографах головы Романовых*».[2]

В 1925 году фельетонист и журналист И.М. Василевский (Не-Буква) издал брошюрку под названием «*Что они пишут*?». Не-Буква представлял собой тип очередного русского либерального демагога, беспринципного и безнравственного, который служил тем, кто больше платил и вкуснее кормил. Будучи до революции горячим поклонником кадетов П.Н. Милюкова и «борцом» с Самодержавием, Не-Буква не принял Октябрьского переворота и, осыпая большевиков проклятиями, эмигрировал сначала в Константинополь, затем в Париж, а потом — в Берлин. Не-Буква был широко известен в эмигрантских кругах, первоначально оставался близок к кадетам, был лично знаком со многими общественными деятелями и писателями (Милюковым, Маклаковым, Львовым, Струве, Куприным, Брешко-Брешковским). Однако по мере того, как финансовые дела Не-Буквы шли все хуже и хуже, а его журналистские таланты оставались невостребованными, журналист стал все больше тяготеть к советской власти. Его фельетоны, очерки и рассказы, и без того левые, становятся откровенно пробольшевистскими. В 1922 году в Берлине Не-Буква выпускает брошюру «Николай II», которую иначе как пасквилем на свергнутого и к тому времени убитого Императора назвать невозмож-

---

[1] *Болотин Л.* Царское дело. Материалы к расследованию убийства Царской Семьи. М. 1996. С. 67.

[2] Легенда о Царской голове. М., 1992. С. 113.

но. Не скрывая своей радости по поводу убийства Государя, Не-Буква явно стремится выслужиться перед большевиками и подготовить почву для своего возвращения в СССР. Новые хозяева оценили усердие «кадетского» журналиста, и в 1923 году он вместе с писателем А.Н. Толстым возвращается в Советский Союз, где принимается восхвалять советскую действительность и всячески поносить своих бывших друзей. Но свою литературную деятельность в СССР Не-Буква начал с новой гнусности о Династии Романовых: в 1923 году в Петрограде выходит его книга «*Романовы. Портреты и характеристики*». Выпущенная затем в 1925 году брошюра Не-Буквы «*Что они пишут*?» претендовала стать «отповедью» писателя-возвращенца белым эмигрантам. Однако выслуживание перед большевиками не помогло Не-Букве: в 1938 году его расстреляли как врага народа.

Мы сказали несколько слов о Василевском (Не-Букве) для того, чтобы читатель понял, что сведения, которые он приводит в своей брошюре, получены из первых уст, и хотя они представлены в виде опровержения, с неизменным фельетонистским ерничаньем, тем не менее они представляют определенную историческую ценность. Итак, в своей брошюре Не-Буква приводил слова писателя Н.Н. Брешко-Брешковского, сына «бабушки русской революции» Е.К. Брешко-Брешковской, естественно, в собственном пересказе, следующего содержания: «*Юровский и Ермаков в июле 1918 года представили Президиуму ВЦИК головы казненной царской четы. Оказывается, стараниями Соколова была раскрыта тайна, будто бы большевики в первые годы революции практиковали такую форму отчетности о проделанной работе как предъявление начальству отрубленных голов. На представленные головы вышестоящие комиссары косятся недоверчиво. Но Юровский настаивает: “Каких доказательств вы еще можете требовать? Вот его императорское величество, вот ее императорское величество...” И Юровский опустил головы до земли*»[1].

Эти воспоминания Брешко-Брешковского довольно ценны, ибо его мать, «бабушка русской революции», несомненно, знала о деятельности своих «внучат»-большевиков не понаслышке (правда, писатель свою мать знал плохо, она его бросила, когда тому не было и года, но тем не менее, круг общения матери был ему знаком). Тем не менее в строках Брешко-Брешковского, если только Не-Буква их не переврал, чего совершенно исключать нельзя, есть много неясностей и неточностей. Во-первых, странно, чтобы Юровский привозил царские головы президиуму ВЦИК, читай Свердлову, совместно с Ермаковым. Ермаков был слишком мелкой сошкой, чтобы участвовать в ритуале такой важности. Скорее всего сработало постоянное упоминание Ермакова в связи с Екатеринбургским злодеяни-

---

[1] *Василевский И. М. (Не-Буква).* Что они пишут? Л., 1925. С. 29.

ем, упоминание, создавшее впечатление чуть ли не ведущей роли Ермакова в этом преступлении. Во-вторых, в книге Соколова нет ни слова о существовании особой отчетности у большевиков отрубленными головами, как и нет упоминания об отчленении Царских Глав. В-третьих, из слов Брешко-Брешковского неясно, откуда он получил эти сведения.

Следующее известное нам сообщение появилось в 1928 году в ряде немецких газет и было перепечатано на русском языке в журнале «Двуглавый Орел. Вестник Высшего Монархического Совета»[1]. Статья называлась «*Участь Царской Головы*» и была подписана неким пастором Куртом Руфенбургером, в других газетах — Куртом Ризенбургом. В статье говорилось, что «*Весть об убийстве Царской Семьи уже 18 июля достигла Берлина, но в Берлине этому не хотели дать веры. Вышло так, что 19 июля московская радиостанция перехватила направленную из Берлина в одну большую газету радиограмму, которая вопреки распространившимся слухам об убийстве Царской Семьи гласила: "Царь и его Семья живы, спасены своими сторонниками и отвезены в надежное место". Это сообщение очень встревожило Кремлевских диктаторов, и Троцкий затребовал у Белобородова неоспоримых доказательств тому, что "тиран России действительно подвергся заслуженной казни". В ответ на эту телеграмму большевицкие правители получили 26 июля 1918 г. запечатанный кожаный чемодан, в котором находилась голова убитого Царя. Нельзя было требовать более неоспоримого доказательства того, что Царь в действительности был убит. По приказанию Ленина утром 27 июля было созвано собрание главных советских вождей, которым была предъявлена екатеринбургская посылка. Было установлено, что находящаяся в кожаном чемодане в стеклянной банке голова в действительности есть голова Царя Николая II; обо всем этом был составлен протокол. Этот протокол подписали все восемь собравшихся: Ленин, Троцкий, Зиновьев, Бухарин, Дзержинский, Каменев, Калинин и Петерс. При этом исследовании Каменев возбудил вопрос, что делать дальше с главой Царя. Большинство высказалось за уничтожение. Только Зиновьев и Бухарин предложили поместить главу в спирт и сдать в музей, где и сохранить в назидание будущим поколениям. Однако это предложение было отклонено, дабы, как выразился Петерс, невежественный народ не сделал бы из нее святыню для поклонения и не возникали бы опасные брожения. Выполнение решения было возложено на Троцкого. Решено было главу Царя сжечь в Кремле в ближайшую ночь с 27 на 28 июля*»[2].

Далее в статье со слов «очевидца» повествуется, как происходил процесс сжигания головы Императора Николая II. Сожжение это якобы происходило в Кремле, в некой «пристройке», которая находилась недалеко от

[1] Двуглавый орел. № 24. Париж. 8 января 1929. С. 1145–1148.
[2] Двуглавый орел. № 24. Париж. 8 января 1929. С. 1145.

Архангельского собора. В день сожжения над Москвой была страшная гроза. Сожжение было проведено в сильно нагретой печке. Присутствовали Троцкий, Дзержинский, Бухарин, Эйдук, Смирнов, Радек с сестрой, Коллонтай, Петерс, Балабанова, Лацис, Крестинский и «очевидец». «*Я вижу*, — писал последний, — *большую стеклянную банку с красноватой жидкостью. В жидкости плавает голова Николая II. Мое потрясение так велико, что я едва могу различить знакомые черты. Но сомневаться нельзя: перед нами действительно находится глава последнего Царя Российского, неоспоримое доказательство ужасающей драмы, которая разыгралась за десять дней назад у отрогов Уральских гор. Это признают и остальные присутствующие. Бухарин и Лацис удивляются тому, что Царь так быстро поседел. И, действительно, волосы и борода были почти белые. Может быть, это было следствием последних ужасных минут перед жестокой смертью, жертвой которой он пал вместе с Супругой и любимыми Детьми; может быть, также подействовали тревоги военного времени, революции и длительное заключение.*

Троцкий потребовал от присутствующих составить протокол осмотра и всем подписаться. Это был, таким образом, второй протокол. <...> По окончании протокола присутствующие осматривали совсем близко банку и ее содержимое, а по их лицам было видно, что они себя чувствуют очень смущенными и подавленными. Бухарин пытается рассеять это настроение и пробует сказать что-нибудь с точки зрения революции ободряющее, но тотчас останавливается и замолкает. Даже хладнокровный Лацис нервно теребит пышную белокурую бородку и потупляет свои скошенные глаза к столу.

Тут Троцкий приказывает перенести сосуд к пылающей печи. Присутствующие расступаются, образовав проход примерно в десять шагов длины и два шага ширины. Последний путь главы Царя Российского! И как странно: когда руки заклятых врагов пронесли Царскую голову, все их головы сами собой склонились. Но это было только мгновение. Настоящие коммунисты не смеют показывать подавленности и чувствительности, когда перед их глазами совершается последний акт победы над их величайшим врагом. Пламя охватывает главу Царя Николая, и невыносимый запах горящего человеческого тела наполняет душную комнату»[1].

В этом свидетельстве неизвестного «очевидца», по нашему мнению, отголоски реальных событий сочетаются с литературными преувеличениями и, вполне возможно, с дезинформацией. Во-первых, из рассказа «очевидца» можно сделать вывод, что он был членом большевистской партийной верхушки, так как, несомненно, только такие люди могли быть допущены к такой секретной операции как уничтожение останков убитого Императо-

---

[1] Двуглавый орел. № 24. Париж. 8 января 1929. С. 1147.

ра. При этом по тону рассказа понятно, что «очевидец» — человек, настроенный весьма враждебно к большевикам, во всяком случае, внешне. Рассказ в таком тоне «очевидец» мог вести в том случае, если бы он порвал с большевиками. Между тем, мы не знаем ни одного примера, когда кто-либо из членов этой верхушки бежал бы на запад, во всяком случае, до утверждения Сталина у власти. Напомним, что статья была написана в 1928 году. Сам тон повествования, весьма сочувственный к Николаю II и с явным осуждением большевистского изуверства, мало походил на воспоминания видного большевика.

Во-вторых, утверждение «очевидца», что голова была доставлена большевистскому руководству как доказательство убийства Императора Николая II, весьма неубедительно. Первый вопрос, который возникает по этому поводу: почему останки были доставлены так поздно, лишь 26-го июля, то есть через 9 дней после убийства. В примечании к статье пастора К. Руфенбургера (Ризенбурга) редакция журнала «Двуглавый орел» так объясняла эту задержку: «*Если в ответ на срочный запрос Троцкого, посланный 19 июля, советские деспоты получили чемодан с "вещественным доказательством" злодеяния лишь 26 июля, то не значит ли это, что чемодан из Екатеринбурга не сразу попал в руки совнаркома? В этом непонятном замедлении с доставкой ужасного "трофея революции" не кроется ли ответ на подозрение скоропостижно скончавшегося следователя Соколова, который неоднократно высказывал предположение (основанное на ряде косвенных улик) о том, что Глава убиенного Государя была отрезана Юровским и послана в Москву для темных ритуальных издевательств. По этому предположению выходило, что сожжение тел в лесу и поливание их серной кислотой вызывалось желанием убийц скрыть факт отсутствия Главы у тела Царственного Мученика*»[1].

Однако такое объяснение не может быть признанным удовлетворительным, так как оно базируется не на выводах Соколова, а на статье Руфенбурга и свидетельствах «очевидца». Между тем весьма сомнительно, чтобы Троцкий посылал 19-го июля телеграмму с вышеприводимым текстом. Зачем Троцкому было посылать телеграмму, если все обстоятельства убийства и манипуляций с трупами были, без сомнения, оговорены заранее Свердловым и екатеринбургскими убийцами? Безусловно, что если отчленение голов имело место, то оно было также оговорено Свердловым, и Голощекин или кто-то иной отвез бы отчлененные головы немедленно туда, куда бы ему указал Свердлов. Предполагаемые ритуальные издевательства, могли быть при этом осуществлены после ознакомления Свердлова и того же Троцкого с содержимым «страшной посылки». Во всяком случае, Свердлов, главный организатор убийства Царской Семьи, должен

---

[1] Двуглавый орел. № 24. Париж. 8 января 1929. С. 1146.

был стать первым кто увидел бы в Москве голову Императора. Тем временем в рассказе «очевидца» имя Свердлова не упоминается вовсе.

Также весьма маловероятно, чтобы Царская Глава была доставлена в совнарком, то есть советское правительство. Совнарком был «сборной солянкой», куда могли входить люди, которым совершенно не надо было бы знать о страшных тайнах большевистских чернокнижников и их покровителей. К тому же, как мы могли видеть, совнарком не являлся главной движущей силой в деле убийства Царской Семьи.

Представляется также невероятным и то обстоятельство, что на сожжении присутствовали случайные люди — сестра Радека, Балабанова и т.д. Если бы такая акция имела место, то круг присутствующих при ней был бы ограничен двумя-тремя партийными вождями. Странно также, что при акции не присутствовал Свердлов. Затем не понятно, почему сожжение происходило в какой-то печке и почему голову не вынули из банки? Кто поместил банку с головой в печь? Неужели какие-то служащие? Это исключено. Делать это могли опять-таки только очень доверенные лица.

В-третьих, и это, пожалуй, самое главное, из рассказа «очевидца» вообще не понятно, зачем понадобилось уничтожать голову. Ведь, как утверждает «очевидец», большевики воспринимали голову как главное доказательство убийства Царя. Зачем же это доказательство было уничтожать? Тем более что в рассказе отмечается, что поводом к требованию Троцкого привезти голову в Москву стало известие из Берлина. А если бы немцы заявили в своих целях, что Император Николай II жив? Или, наоборот, потребовали бы доказательств его убийства? Большевики ничего не теряли, если бы, полностью засекретив банку с головой, поместили ее в какую-нибудь закрытую лабораторию. Вместо этого они, согласно «очевидцу», сожгли ее весьма странным способом, да еще в присутствии почти что посторонних лиц.

К тому же непонятно, почему в рассказе речь идет только о голове Императора Николая II. Ведь мы знаем, что немцев весьма волновала судьба Императрицы Александры Федоровны. Голова ее, по другим воспоминаниям, была так же отчленена и доставлена в Москву. Почему же «очевидец» не проронил о ней ни слова?

В связи со всем выше перечисленным, создается впечатление, что главной целью рассказа «очевидца» было донести информацию, что Царская Голова уничтожена, сожжена, и тем самым на корню обрубить все попытки ее поисков.

В то же время в рассказе приводятся детали, которые выглядят правдоподобно. Например, сведения о том, что борода на отрубленной голове была седая, находят подтверждения в показаниях священника Иоанна Сторожева, видевшего Государя за два дня до убийства, о том, что «*в бороде у Николая Александровича было много седых волос*».

Также представляют интерес сведения о том, что голова Царя была сожжена в Кремле. Если учесть, что Кремль, святыня Русского Народа, был избран богоборцами как центр своего господства, что уже само по себе несло кощунственный для православной России смысл, что именно в Кремле позже было сожжено тело Ф. Каплан, а еще позже у основания Кремля погребено мумифицированное тело Ленина, то сожжение Царской Главы именно в Кремле приобретает особое значение.

Примерно в те же годы, на которые приходится творчество Не-Буквы и откровения «очевидца», в далеком Китае появляется еще одно сведение об отчлененных головах. Мы имеем в виду роман Андрея Кочедаева «*Екатеринбургская трагедия*». Кочедаев — это скорее всего псевдоним, его настоящее имя до сих пор не известно. Однако в предисловии к роману сказано: «*Будучи в постоянных служебных отношениях с Войковым и интересуясь жизнью Романовых, автор часто беседовал с ним о заключенных, занося полученные сведения в свой дневник. Кроме Войкова, автор был знаком с комиссарами: Крестинским, Сафаровым, Сыромолотовым, Юровским, Андронниковым, П.М. Быковым и некоторыми красноармейцами, имевшими непосредственное соприкосновение с обитателями Ипатьевского дома*».[1]

Итак, перед нами по меньшей мере ближайший приближенный большевистского руководства Урала. Недавно В.И. Сахаров и В.М. Хрусталев разместили в сети Интернет большие отрывки из книги Кочедаева, снабдив их своими комментариями. При этом они почему-то называют роман Кочедаева «рукописью», «*бериевские "архивисты" по наводке одного нашего известнейшего коллекционера и знатока раритетов захватили ее в составе знаменитого Пражского архива (РЗИА), заодно посадив в лагерь всех русских хранителей-эмигрантов*»[2].

Непонятно, зачем «бериевским архивистам» понадобилось совершать захват рукописи Кочедаева, когда она была официально издана в Китае. В.И. Сахаров и В.М. Хрусталев объясняют это тем, что роман Кочедаева скрывал в себе опасную для большевиков информацию о последних днях Царской Семьи (по мнению Сахарова и Хрусталева, якобы из-за этого Кочедаев был выловлен чекистами и казнен). На самом деле роман Кочедаева насквозь наполнен ложью и клеветой на Царскую Семью, весьма схожей с дневниками «Вырубовой». Несомненно, Кочедаев был большевистским агентом, сознательно тиражирующим эту клевету и ложь о последних днях Семьи Императора Николая II. Скорее всего Кочедаев выполнял чекистское задание по сокрытию истинных обстоятельств убийства Царской

[1] *Кочедаев А.* Екатеринбургская трагедия. Роман. Тянзин (Китай), б/г. С. 1.
[2] http://archives.narod.ru.

Семьи. Причем делалось это проверенным способом: со стороны какой-нибудь «нейтральной», желательно «враждебной» большевикам силы, в частности, «эмигранта» «писателя» Кочедаева, декларировался какой-то имевший место реальный факт, который большевистскому руководству требовалось скрыть, и этот факт опровергался. Причем иногда этот факт предавался гласности впервые самими фальсификаторами. В романе Кочедаева приводятся следующие слова Юровского Войкову, якобы сказанные им после убийства Царской Семьи: «*Петр Лазаревич, нам нужно будет представить в Москву какие-нибудь доказательства, что Романовы ликвидированы. Я давно уже об этом думаю. Полагаю, что лучше всего отправить голову царя. Мне кажется, что мы должны это сделать обязательно*»[1].

По роману Кочедаева, Войков категорически отказывается от предложения Юровского, и тем самым крайне опасная для большевиков тема как бы снимается с повестки дня «независимым» «антибольшевистским» писателем.

В 1933 году на Западе появляется главное свидетельство в пользу того, что Царские Головы были действительно отчленены большевиками и увезены в неизвестном направлении. Произошло это после того, как свет увидели воспоминания французского генерала М. Жанена. Свидетельства Жанена весьма ценны и потому, что он был фактическим руководителем всех сил Антанты в Сибири и на Урале, и потому, что он был крупным масоном. Жанен в силу своего положения пользовался информацией гораздо более глубоких источников, чем Соколов и Дитерихс (в частности, информацией З. Свердлова (Пешкова). В 1920 году, когда положение колчаковских войск стало безнадежным, а сам адмирал был убит большевиками, Жанен единственный, кто оказал Соколову действенную помощь в спасении материалов следствия. Естественно, что он был в курсе этого следствия. Так вот, Жанен писал в 1933 году: ««*20 марта вечером Дитерихс вместе с Жильяром и одним из офицеров прибыли, неся с собой три тяжелых чемодана. 21 марта Дитерихс принес мне ящик с человеческими останками и еще более важными вещами. Человеческие останки насчитывали около тридцати обожженных частей костей, немного человеческого жира, вытекшего на землю, волосы, отрезанный палец, который экспертиза определила как безымянный палец Императрицы. Кроме того там были обожженные фрагменты драгоценностей, иконки, остатки одежды и ботинок, металлические части одежды, такие как пуговицы, застежки, пряжка Цесаревича, окровавленные кусочки обоев, револьверные пули, документы, фотографии и так далее.* ***Зубов не было. Головы были отчленены от тел и отправлены неизвестно ку-***

[1] *Кочедаев А.* Указ. соч. С. 234.

да назвавшимся Апфельбаумом в специальных ящиках, наполненны-х опилками»[1]. (Выделено нами – *П.М.*).

Заметим, говоря об отчленении голов, Жанен не употребляет выражений: «говорят», «по слухам», а прямо утверждает: «головы были отрезаны». Боле того — генерал детализирует, он говорит, что отчлененные головы были отправлены «*неизвестно куда в специальных ящиках с опилками*». Последнее указание весьма важно: если бы Жанен просто повторял слухи об отрезанных головах с чужих слов, он не преминул бы сообщить о «стеклянной банке со спиртом» и о том, что «головы были отправлены в Москву». Но Жанен не только сообщает принципиально новые сведения об отчлененных головах, но и указывает на того, кто эти головы увез: о некоем Апфельбауме. Как мы знаем, Апфельбаум была настоящая фамилия видного большевика Г.Е. Зиновьева. И первое, что приходит на мысль, а не приезжали ли в Екатеринбург за Царскими Головами сам Зиновьев? В принципе в этом не было бы ничего удивительного: Зиновьев — один из самых кровавых большевистских главарей, инициатор и главный руководитель массового террора в Петрограде, ближайший сподвижник Ленина и Свердлова, сменивший последнего в руководстве международным коммунистическим движением (с 1919 года — Коминтерн). В книге И.Ф. Плотникова приводится фотография Зиновьева в окружении уральских большевистских лидеров, среди которых многие организаторы Екатеринбургского злодеяния: Голощекин, Мрачковский, Сафаров. Под фотографией имеется информация, что она относится к 1919 году. Но не указано, где она была снята и по какому случаю. Безусловно, что требуется подробное изучение биографической хроники Зиновьева в 1918 году, которое может помочь пролить свет на эти темные обстоятельства.

В 1934 году бывший иеромонах, бывший чекист и сподвижник Дзержинского, бежавший на Запад и ставший баптистом, расстрига С.М. Труфанов (более известный как Илиодор) поведал американской прессе следующую информацию: «*Однажды мне надо было явиться в Кремль к Калинину, чтобы обсудить с ним вопрос о важной религиозной реформе. Когда я проходил по темному коридору, мой провожатый неожиданно открыл дверь небольшой потайной комнаты. Я вошел туда. На столе под стеклянным колпаком находилась голова Николая II. Глубокая рана была на месте его левого глаза. Я застыл на месте*»[2].

Труфанов, безусловно, был одиозной личностью, не брезговавшей никакой клеветой, ложью и подлогом. Всем известны подделанные им «письма» Императрицы Александры Федоровны Распутину, которые тот

[1] *Janin général*. 1918–1920. Ma mission en Sibérie. Paris, Payot, 1933.
[2] *Essad Bey*. Devant la Revolution. La vie et regne de Nicolas II. Paris, 1935, p. 374.

же Труфанов предлагал Государыне у него выкупить, а получив презрительный отказ, стал эти письма широко тиражировать. Конечно, и его откровениям по поводу Царской Головы полностью верить нельзя. Но все же в воспоминаниях Труфанова есть одна маленькая, но очень любопытная деталь. Вдумаемся: при каких обстоятельствах Труфанов увидел заспиртованную голову Императора Николая II? В момент, когда он прибыл в Кремль (опять-таки в Кремль!) для *«обсуждения важной религиозной реформы»*). Мы прекрасно знаем, какие «религиозные реформы» проводили в России большевики: по существу речь шла об уничтожении православия. Начало разговора об этой «реформе» было предварено, по словам Труфанова, показом ему Царской Главы. Все это напоминает некий ритуал черной магии, наподобие черной мессы, которой открыли обсуждение «религиозной реформы». Поражает при этом та натуралистичность, с которой Труфанов описывает отрезанную голову Царя, рану вместо левого глаза. Очень похоже, что в этом Труфанов не лжет. Но возникает вопрос: зачем такой темной личности, как Труфанов, понадобилось раскрывать тайны черного ордена? Ответ на это вопрос может показаться парадоксальным, но тем не менее нельзя исключать того, что рассказать об этом Труфанову приказали те самые черные силы, которые осуществляли свой обряд с Царской Главой в Московском Кремле. Дело в том, что зло нуждается в пропаганде своих дел. Оно не может вершиться только в тайне. Кабалистическая надпись в комнате убийства красноречиво говорит об этом. Заставляя Труфанова оповестить весь мир об отрезанной голове Государя, сатанисты могли стремиться заставить христианский мир ужаснуться перед их силой, внушить ему мысль о бесполезности сопротивления ей. Не случайно, что с воспоминаниями Труфанова русскую эмиграцию ознакомила не какая-нибудь крайне-правая газета, а вполне либеральные, прокадетские, основанные Милюковым «Последние новости».

Любопытно, что Ессад Бей, который привел в своей книге воспоминания Труфанова, писал далее по поводу отрезанной Царской Головы: *«Отрезанная голова был отправлена в Москву по приказу Уральского Совета проституткой Гусевой, любовницей предполагаемого убийцы. Эта поездка в сопровождении головы подорвала нервы женщины, которая была немного не в себе. Она потеряла рассудок. Зимой, с босыми ногами, она бродила по московским улицам и с криком рассказывала, что она отвезла царственную голову в город священного коронования. Она была расстреляна, и вместе с ней пропал последний след этой легенды»*[1].

Сведения о Гусевой крайне любопытны. В 1914 году проститутка Хиония Гусева, которая, кстати, была поклонницей, и, по некоторым сведениям, одно время любовницей Труфанова, в с. Покровском нанесла тяжелую

---

[1] *Essad Bey*. Op. cit. P. 374.

ножевую рану Григорию Распутину, который лишь чудом выжил. Если Хиония Гусева и проститутка, упоминаемая Бейем, — одно и то же лицо, то она не была расстреляна, так как в 20-е годы X. Гусева пыталась убить ножом Святейшего Патриарха Тихона. Хиония Гусева жила в Сибири и на Урале, поэтому вполне могла прибыть в Екатеринбург в 1918 году. Кроме того, если учесть, что в это время ее покровитель Труфанов находился в ЧК в Москве, причастность Гусевой к истории с Царской Головой кажется вполне естественной. Кроме того перевоз блудницей Гусевой Царской Головы вновь имеет ассоциации с прелюбодейкой Иродиадой и Главой Иоанна Предтечи. Тем не менее мало правдоподобно, чтобы перевоз такого секретного груза доверили полоумной проститутке, тем более если в Москву была доставлена голова и Императрицы Александры Федоровны.

Сообщения об отрезанных Царских Головах встречались в эмигрантской и заграничной прессе и публикациях еще не раз, но в основном это были перепевы Дитерихса, Соловьева и Труфанова.

Однако в наши дни тема отчлененных Царских Голов приобрела новую силу. Причем самое интересное, что новые сообщения на эту тему пришли опять-таки не от православной общественности и не от «красно-коричневых», а совершенно из другого лагеря. Одним из первых, кто заставил серьезно поверить в то, что головы Царя и Царицы были действительно отчленены, был не - кто иной, как первооткрыватель «мостика из шпал» Г.Т. Рябов. В своей книге «*Как это было*», которая вышла в издательстве с символичным названием «Политбюро», он пишет:[1] «*Андропову доложили, что некто Рябов интересовался Романовыми и даже нашел их. "Пригласите его", — распорядился Андропов. И вот я на Лубянке, в кабинете всесильного руководителя КГБ. <...> Вхожу во двор, подъезд в углу, слева, поднимаюсь на лифте. <...> Звоню, человек средних лет в штатском, плотный, с проседью, вглядывается в мое лицо.*

— Раздевайтесь. Шкаф перед вами.

Проходим в дальнюю комнату. Это добротно обставленный кабинет, стеллажи с книгами, две хорошие картины на стене. На диване, закинув нога на ногу, — он, Андропов; несколько мгновений молча вглядывается: "Я видел вашу фотографию. Непохожи. Садитесь".

Он молчит, рассматривая меня, как музейный экспонат. Молчу и я.

— Вы знаете о легенде по поводу отрезанных царских голов? Якобы Свердлов...

— Я знаю эту легенду.

Качает головой:

— Это не легенда.

---

[1] Текст приводится с сокращением.

Слегка поворачивает голову: и человек в штатском сбрасывает покрывало с чего-то возвышающегося на письменном столе. Это три банки с прозрачной жидкостью, такие я видел в музее Академии наук, в Ленинграде, в бывшей Кунсткамере. Коллекция пастора Рюйша. Детские головки.

Здесь Государь. Мягкое лицо, закрытые глаза, едва заметная гримаса страдания. Императрица. Глаза широко открыты, в них полное безразличие. У мальчика тоже открыты глаза, он славно причесан, традиционно, от едва заметного пробора — направо. Шеи у всех троих закрыты белой материей.

— А это... зачем? — говорить мне трудно.

— Отрезали ведь... — бросает Андропов равнодушно. — Нелегкое зрелище... Вы нашли место? Могилу? По нашим данным — да.

Это "да" — непререкаемо.

— Что от меня требуется? — стараюсь, чтобы голос не дрожал.

Молчит. Смотрит.

— Вы совершили тяжкое государственное преступление, — цедит он. — Вы способствовали — в потенции — свержению строя рабочих и крестьян. <...> Эти головы упакуют. Наши люди доставят их к месту, которое укажите вы. <...>

Я решаюсь.

— Зачем вам это все?

— Вы прямо спросили, и я отвечу прямо: в государстве случается всякое. Это... могила — наш общий, политический, если хотите, резерв»[1].

Обрушив на потрясенного читателя вышеприведенную информацию, Рябов в конце текста объясняет: «*Разыгралось воображение*». Вообще в книге Рябова приводится много своих зрительных галлюцинаций, которые мучили автора, видимо, с того самого момента, как он попал в Свердловск в середине 1970-х годов: то он встретил бомжа, который превратился в Николая II, то ему чудится, что его ведут на расстрел вместе с Царской Семьей. Иногда создается впечатление, что читаешь историю болезни. Но на самом деле это литературный прием Рябова, он человек весьма умный и расчетливый. Таким приемом Рябов добивается усиления производимого на читателя эффекта. А теперь задумаемся: какого же эффекта добивался Рябов, так подробно рассказывая выдуманную историю с Царскими Головами и секретным поручением Андропова? Впрочем, выдуманную ли? Ведь если бы Рябов хотел просто сказать читателю, что он не действовал по поручению КГБ, что он не подкладывал в могильник никаких черепов, а именно это и был призван сделать его рассказ о встрече с Андропо-

[1] *Рябов Г.* Указ соч. С.149–151.

вым, то было бы достаточно просто сказать об этом и доказать с помощью имеющейся аргументации. Вместо этого Рябов тщательно и подробно рассказывает о своей встрече с Андроповым, приводит мелкие детали интерьера, особенности характера и мимики шефа КГБ, его подробные слова, длинноты и паузы, весьма убедительно описывает отрезанные Царские Головы, банки, в которых они находились, белую материю, закрывавшую след горлового разреза. После этого описания у читателя остается полная убежденность, что все, что рассказал Г.Т. Рябов, было в действительности. Об истинной причине написания этого рассказа нам, конечно, может до конца поведать только сам Г.Т. Рябов, но сомнительно, чтобы он это сделал в ближайшее время.

Еще одно чрезвычайно важное сообщение об отрезанных Царских Головах появилось незадолго до захоронений «Екатеринбургских останков» в Петропавловской крепости. 27 января 1996 года в еженедельнике «Аргументы и факты» появилась статья следующего содержания: «*Как стало известно из информированного источника, буквально на днях в одном из самых секретных государственных сейфов была обнаружена опись вещей, находившихся когда-то в “ленинских комнатах” Кремля. Одним из пунктов этой описи значится: “Банка с заспиртованной головой царя Николая Второго”. Где сейчас находится отрезанная голова самодержца, пока неизвестно*»[1].

Интересно, что когда представители православной общественности обратились в редакцию еженедельника за разъяснениями, то там им ответили, что «*у них никогда подобной информации в помине не было*»[2].

С.В. Фомин полагает, что «*сотрудник “АиФ” получил информацию из источника, приближенного к начальнику охраны Б.Н. Ельцина генералу Александру Васильевичу Коржакову. Косвенным образом это предположение подтверждается тем, что в седьмом номере еженедельника за 10.02.1998 было опубликовано два материала с противоположными мнениями о возможности захоронения Екатеринбургских останков. Их авторы — А.В. Коржаков и В.В. Аксючиц. Видимо, бывший начальник охраны Б.Н. Ельцина в Екатеринбургском деле накануне президентских выборов вел свою игру, используя знакомого корреспондента для выгодной ему информационной утечки*»[3].

В 1997 году уже нами упомянутый журналист А.П. Мурзин, рассказывая об «исповеди Ермакова», передает его слова о том, что головы Царя, Царицы и Цесаревича были отчленены и увезены Войковым в неизвестном направлении.

---

[1] Аргументы и факты. №21 (62). 1996.
[2] И даны будут жене два крыла. С. 348.
[3] Там же. С. 350.

Не менее таинственной, чем история с отчлененными Царскими Головами, является история их дальнейшей судьбы. Имеются сведения, что головы были увезены в 1918 году Феликсом Дзержинским заграницу. «*Утверждают*, — писал исследователь А.М. Иванов, — *будто Дзержинский увез с собой отрубленную голову Николая II для выставления в масонском храме в Чарльстоне*».[1]

Действительно, поездка Ф.Э. Дзержинского в конце 1918 года в Швейцарию и Берлин выглядит очень странной. Официально в октябре 1918 года Дзержинский ездил проведать свою семью (жену и сына), которые находились в то время в Швейцарии и почему-то никак не могли приехать в Советскую Россию. Надо только на минуту представить себе эту ситуацию: печально известный на весь мир глава ВЧК, карательного органа непризнанного практически целым миром большевистского правительства, за головой которого охотились тысячи врагов, едет фактически один через всю Европу, чтобы проведать жену и сына! История становится еще более любопытной, когда узнаешь подробности этой поездки.

К.Т. Новгородцева, жена Янкеля Свердлова, вспоминала, что между ее мужем и Дзержинским «*была большая горячая дружба*»[2]. То ли в конце лета, то ли ранней осенью 1918 года Свердлов настоял, чтобы Дзержинский отправился в Европу. Жена Дзержинского С.С. Дзержинская, проживавшая с сыном в Берне, вспоминала, что в начале октября советский полпред Я.А. Берзин, которого она называет «*послом*», сообщил ей под большим секретом о скором предстоящем приезде мужа. На следующий день вечером она услышала под окном знакомое со времен подполья насвистывание нескольких тактов мелодии из оперы Гуно «Фауст» (интересно, уж не «сатана там правит бал» ли часом?), это был — Дзержинский[3]. Дзержинский приехал не один, с ним был ближайший подручный Свердлова, секретарь ВЦИКа В. Аванесов, тот самый, который подписывал совместно со Свердловым мандат комиссара Яковлева. Если приезд Дзержинского можно объяснить хотя бы встречей с семьей, то для чего приехал в Швейцарию Аванесов — непонятно вовсе.

Не успел Дзержинский приехать, как сразу свалился, по словам жены, от тяжелого гриппа. В результате пребывание Дзержинского в Швейцарии затянулось. Далее С.С. Дзержинская рассказывает: «*В Берне не было условий для отдыха, который был так необходим Феликсу, и мы решили поехать в Лугано. Феликс был еще очень слаб после перенесенной болезни, но счастлив и весел. В Лугано мы приехали вечером и остано-*

---

[1] *Иванов А.М.* Логика кошмара. М., 1993. С. 23.
[2] *Новгородцева К. Т.* Указ. соч.
[3] *Дзержинская С.С.* В годы великих боев. М., 1975. С. 267.

вились в гостинце на самом берегу озера с чудесным видом на него и на окружающие это озеро горы.

В Лугано мы совершали замечательные прогулки и катались на лодке»[1].

Странное все-таки дело: в России свирепствует Гражданская война, над большевистской властью висит угроза полного краха, а глава всей безопасности большевистского режима, т.е. руководитель его разведки и контрразведки, наслаждается швейцарскими курортами. Создается впечатление, что эти прогулки по швейцарским озерам и горам были прикрытием: Дзержинский чего-то или кого-то ждал. И, похоже, дождался.

«*Однажды,* — продолжает жена Дзержинского, — *произошел неприятный случай. В тот момент, когда мы на пристани в Лугано садились на лодку, тут же рядом с нами, с правой стороны, пристал пароходик, на палубе которого рядом с трапом стоял... Локкарт, английский шпион. В Советской России он занимал высокий дипломатический пост и был организатором ряда контрреволюционных заговоров против Советской власти. Незадолго до этого он был арестован в Москве, и Дзержинский руководил следствием по его делу. Как официального дипломата его не подвергли заслуженному наказанию, но выслали за пределы Советского государства.*

Феликс узнал его сразу. Об этой встрече он сказал мне, когда мы уже отплыли от пристани. Английский же шпион, к счастью, не узнал Феликса: так была изменена его внешность. Притом этому врагу даже в голову не могло прийти, что председатель ВЧК находится в Швейцарии»[2].

Однако вполне возможно, что «английский шпион» был прекрасно осведомлен о нахождении Дзержинского в Швейцарии, более того — вполне вероятно, что его встреча с ним в Лугано не была случайной. Здесь необходимо еще раз вспомнить, что Локкарт был не просто английский дипломат, но также и член тайной влиятельной масонской организации «Комитет Трехсот», штаб-квартира которой находилась в США, в Чарльстоне. Локкарт был прекрасно знаком с Шиффом, Ротшильдами, Варбургами и другими влиятельными еврейскими банкирами Америки и Германии, финансировавшими «русскую революцию». Одновременно Локкарт был близок и к большевикам, во всяком случае, к известной их части. Голландский исследователь Й. Хельзинг пишет, что через Локкарта с «Комитетом Трехсот» были связаны Ленин и Троцкий[3]. Неофициальный советский представитель в Англии М. Литвинов в рекомендательной за-

---

[1] Там же. С. 270.

[2] *Дзержинская С.С.* Указ. соч. С. 270.

[3] *Боголюбов Н.* Указ. соч. С. 49.

писке к Троцкому, называл Локкарта «*исключительно честным человеком, который понимает наше положение и симпатизирует нам*»[1].

Таким образом, встреча Локкарта и Дзержинского в Лугано вполне могла быть неслучайной.

Состоялась ли встреча Дзержинского и Локкарта в Лугано или нет, только почти сразу же после отплытия Локкарта покинул Лугано и Дзержинский. 25 октября он и Аванесов отбыли из Берна, но направились не в Советскую Россию, как это было бы логично, если Дзержинский действительно бы приезжал в Швейцарию просто проведать семью, а в Берлин, где только начиналась революция. Что делали Дзержинский с Аванесовым в Берлине, с кем встречались, с какой целью? Ответы на эти вопросы остаются окутанными глубокой тайной. Но вполне возможно, что целью приезда в Европу двух «горячих друзей» Свердлова была передача тайным организаторам Екатеринбургского злодеяния главного доказательства свершившегося преступления — отчлененных голов Царя, Царицы и Наследника.

Убийство собак

Как мы уже говорили, вместе с Царской Семьей были убиты собаки. Кудрин (Медведев) указывал, что была убита одна собака, Кабанов вспоминал, что — три, а четвертую (спаниеля Джоя) оставили живой. Между тем у Царской Семьи в Ипатьевском доме было скорее всего три собаки: бульдог по кличке Ортипо, спаниель Наследника по кличке Джой и маленькая собачка японской породы, принадлежавшая Великой Княжне Анастасии Николаевне, по кличке Джимми. Мы говорим скорее всего, так как точных сведений о количестве собак в Ипатьевском доме из объективных источников установить не удалось. В. Чеботарева, непосредственно наблюдавшая за отъездом Царской Семьи из Царского Села, писала в своем дневнике: «*Собаки Ортипо и Джой поехали*»[2].

Императрица Александра Федоровна в письме А.А. Вырубовой от 8 декабря 1917 года писала из Тобольска: «*Я утром в постели пишу, и "Jimmy" спит у меня прямо носом и мешает спать. Ортипо на ногах, теплее им так*»[3].

---

[1] *Саттон Э.* Указ. соч. С. 114.

[2] Скорбный Ангел. Царица-Мученица Александра Новая в письмах, дневниках и воспоминаниях. М.: Общество Святителя Василия Великого, 2005. С. 589.

[3] Письма Святых Царственных Мучеников из заточения. С. 141.

Великая Княжна Ольга Николаевна в письме П.В. Петрову: «*Джой, Ортипо и Джим процветают. Двух первых приходится гонять со двора, где они наслаждаются в помойной яме и едят всякую пакость*».[1]

Таким образом, можно сделать вывод, что собак, по крайней мере в Тобольске, было трое. Но вот доехали ли все три собаки до Екатеринбурга, непонятно. Мы можем точно быть уверенными о наличии двух собак: Джоя и Джимми.

Джой был обнаружен при обыске жилища М. Летемина, который признался, что после убийства из-за жалости взял собаку к себе, опасаясь, что она пропадет с голода[2]. Однако с Джоем дело обстоит непросто. Вот что писал петербургский журнал «Град Духовный» летом 2002 года: «*Джою не привелось до конца выполнить свой долг. Как писал Царевич, «у него много знакомых в городе, и поэтому он всегда убегает»*[3]. *Неуемная общительность Джоя и стала причиной того, что, когда Семья погибала в подвале ипатьевского дома, он был в очередной отлучке. Осиротев, Джой перестал быть самим собой. Он навсегда утратил не только обычную веселость, но даже инстинкт самосохранения. Известно достаточно много случаев, когда животные отказываются жить, будучи не в силах перенести смерть хозяев. Вот и Джоя нашли после прихода белых войск в доме одного из охранников Семьи, полумертвого от голода (он отказался от еды) и горя*»[4].

Труп Джимми был обнаружен и осмотрен следователем Соколовым 25 июня 1919 года в малом колодце шахты в урочище «Четыре Брата». Было установлено, что животное погибло от тяжелой травмы головы, наступившей от удара тяжелым предметом.

Что касается бульдога Ортипо, о нем нет никаких сведений.

Понять, таким образом, сколько было убито собак в Ипатьевском доме ночью 17-го июля, не представляется возможным. Но нас больше интересует не то, сколько было убито собак, а то, каким способом они были убиты и для чего.

Кудрин так описывал убийство собаки: «*Около грузовика встречаю Филиппа Голощекина.*

— Ты где был? — спрашиваю его.

— Гулял по площади. Слушал выстрелы. Было слышно. — Нагнулся над царем.

---

[1] ГАРФ, ф. 611. Оп. 11, д.66.

[2] Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 110.

[3] Архив Новейшей истории России. Скорбный путь Романовых. 1917–1918 гг. Гибель Царской Семьи. Сборник документов и материалов. М.: РОССПЭН. С.123.

[4] Град Духовный. Санкт-петербургский православный журнал. №2. 2000.

— Конец, говоришь, династии Романовых?! Да... Красноармеец принес на штыке комнатную собачонку Анастасии — когда мы шли мимо двери (на лестницу во второй этаж), из-за створок раздался протяжный жалобный вой — последний салют императору Всероссийскому. Труп песика бросили рядом с царским.

— Собакам — собачья смерть! — презрительно сказал Голощекин».

А вот как произошло убийство собак по Кабанову: «*Я рекомендовал умертвить холодным оружием трех царских собак, которые сильно выли. Четвертую собаку Джек как не производящую вой, не тронули.*

3-х царских собак добили прикладами ружей. Правда, одну из собак повесили».

Воспоминания Кудрина и Кабанова объединяет одно: особая жестокость при убийстве животных и отсутствие логики в их умертвлении. Причем оба воспоминания при всем их различии как бы дополняют друг друга, делая картину убийства собак законченным и сознательным актом. Главным смыслом этого акта является глумление. Совершенно очевидно, что труп собачки, брошенный рядом с телом убитого Государя, сопровождаемый словами Голощекина «*собакам — собачья смерть*!», есть не что иное, как глумление над убитыми в доме Ипатьева. Таким же глумлением является повешение собаки, что не могло быть вызвано никакими иными соображениями.

Умертвлением собак было отмечено не одно только убийство Царской Семьи. В ночь с 16 на 17 декабря 1916 года в Петрограде во дворе дома князя Ф.Ф. Юсупова был убит Г.Е. Распутин, тело которого было сброшено в Мойку. На месте убийства Распутина, обстоятельства которого было удивительным образом похожи на убийство Царской Семьи, во дворе юсуповского дворца была обнаружена убитая собака. Кто убил эту собаку и с какой целью — остается непонятным до сих пор, несмотря на целый ряд объяснений со стороны убийц Распутина.

После февральской революции на могиле Распутина — он был похоронен в Александровском парке Царского Села, кем-то была начертана надпись по-немецки: «*Hier ist der Hund begraben*» (Здесь похоронена собака.)[1].

Напомним, что труп Г.Е. Распутина, так же как и тела Царской Семьи, был сожжен в ночь с 10-го на 11-е марта 1917 года.

Почему же трупы именно собак были выбраны средством глумления над убитыми? У иудеев, а так же и некоторых христиан, собака почиталась за «нечистое животное». «*Собака*, — говорится в энциклопедии еврейской демонологии, — *всегда считалась у евреев нечистым, презирае-*

---

[1] Русский Вестник.

мым животным — настолько, что даже деньги, вырученные за продажу пса, нельзя было жертвовать в Храм»[1].

В каббале это представление о собаке как о нечистом животном приобрело еще более глубокий смысл. Интересное объяснением мы встречаем у английского исследователя литературы Клугер Даниэль: «*Тут уместно обратить внимание читателя на то, что символизирует собака в еврейской мистической традиции. Не менее интересно в нашем случае то символическое значение, которое придается собаке в еврейской мистике. Собака в Каббале символизирует сферу Гвура — «суровость»,* ***и рассматривается как символ неотвратимости возмездия, как символ суровости приговора***»[2]. (Выделено нами – *П.М.*)

В связи с этим примечательны строки из поэмы известного поэта-еврея 20-х годов XX века И.П. Уткина «*Повесть о рыжем Мотэле*», воспевающие свержение Императора Николая II:

Этот день был таким новым,
Молодым, как заря!
Первый раз тогда в Кишиневе
Пели не про царя…
И в сонной, скупой тиши
Пес кроворотый лаял.
И кто-то крепко сшил
Тахрихим[3] Николаю![4]

В этом стихотворении образ собаки («кроворотого пса») ясно ассоциируется с образом мщения, с возмездием Царю, так как этот пес неразрывно связан со словами «Кишинев» (местом избиения евреев в начале XX века) и саваном, то есть смертью.

Таким образом, убийство собак (или собаки) в Ипатьевском доме становится весьма похоже на часть осуществляемого ритуала. Особенно показательны в этом смысле сведения Кабанова о повешенной собаке и убийстве именно трех собак. Если мы вспомним, что букве «Ламед» в кабалистической традиции соответствует 12-я карта Таро — «Повешенный», что под повешенным в некоторой талмудической литературе подразумевался Господь Иисус Христос, что число убитых собак равнялось Божественному числу Святой Троицы — то мы придем к выводу, что убийство собак в

---

[1] http://texts.pp.ru.
[2] http://literra.websib.ru.
[3] Тахрихим *(евр.)* — саван.
[4] *Емельянов Ю.* Указ соч. С. 250.

Ипатьевском доме было призвано осквернить имя Триединого Бога и Его Помазанника.

Роль числа 12 в Екатеринбургском злодеянии

Объективное исследование обстоятельств Екатеринбургского злодеяния указывает на то, что организаторы и исполнители убийства придавали большое значение цифре «12».

Это хорошо видно из следующих обстоятельств:

1. Число заключенных в доме Ипатьева большую часть времени равнялось 12 человекам. Как только в доме появились «лишние» Седнев и Нагорный, изменившие своим присутствием количество узников, их удалили. Лишь в самый последний момент перед убийством удалением поваренка Л. Седнева число заключенных было изменено.
2. Юровский пробыл в качестве коменданта дома Ипатьева ровно 12 дней.
3. Убийство началось в 12 часов ночи.
4. По некоторым данным, убийц было 12 человек.
5. Букве «Ламед», начертанной на южной стене комнаты убийства Царской Семьи и ее приближенных, соответствует 12-я карта Таро «Повешенный».

Не вдаваясь в подробности этого обстоятельства, скажем лишь два слова о смысле и значении числа 12. Число 12 считалось ключевым во многих религиях и учениях. Оно считалось сверхсовершенным числом, символом «философского камня», законченности и божественного круга, вращающего вселенную. Двенадцатиричная структура мироздания, присутствие числа 12 во многих реалиях жизни и религиозно-духовных традициях отмечались многими исследователями[1]. В Античности оно постоянно присутствовало в мифах, применялось к «*городам, кораблям, сараям для свиней, амфорам, топорам, украшениям, одеждам*»[2]. Как указывает исследователь истории чисел и адепт учения Рерихов С.Ю. Ключников, число 12 занимает исключительно важное значение в истории разных цивилизаций: «*12 знаков Зодиака, 12 часов дня и ночи, 12 главных олимпийских богов, 12 библейских колен, 12 апостолов, 12 дней Рождества*»[3].

В христианстве число 12 сопутствует главным моментам жизни Спасителя: Христос родился в 12 часов ночи и воскрес в то же самое время, число Его апостолов также равнялось 12-ти. В Откровении святого Иоанна

---

[1] *Ключников С.Ю.* Священная наука чисел. М.: Беловодье, 2001.
[2] *Лосев А.Ф.* Миф–Число–Сущность. М. 1994.
[3] *Ключников С.Ю.* Указ. соч.

Богослова в описании Небесного Иерусалима говорится: «*Он имеет большую и высокую стену, имеет двенадцать ворот и на них двенадцать Ангелов; на воротах написаны имена двенадцати колен сынов Израилевых: с востока трое ворот, с севера трое ворот, с юга трое ворот, с запада трое ворот. Стена города имеет двенадцать оснований и на них имена двенадцати Апостолов Агнца*» (Откр. 21, 9).

Но если в христианстве число 12 является обозначением высших духовных явлений и никак не является каким-то специальным, «священным» числом (христианству чужда магия цифр, как, впрочем, и любая другая магия), то в иудаизме, а затем и в кабалистике число 12 играет важное духовно-практическое значение. Например, у иудеев наивысшей формой наказания человеку, поставившему своим поведением под удар весь народ, являлось провозглашение над ним 12-ти проклятий. С точки зрения каббалы число проклятий (12) соответствовало числу колен Израиля. Последнее, двенадцатое, «*обеспечивает сохранность Учения Единого в веках*»[1]. Двенадцать проклятий — это список неисчислимых бед, которые падут на голову нарушителя.

Как мы могли убедиться, и у сатанистов к числу 12 особое отношение: «*Ритуал жертвоприношения начинается в полночь, но само убийство происходит позднее*». Как мы видим, это полностью совпадает с обстоятельствами убийства Царской Семьи.

Таким образом, можно предположить, что сознательное использование убийцами числа 12 при подготовке и совершении преступления объяснялось чернокнижным ритуалом и было призван низвергнуть, перевернуть, изменить вселенский миропорядок, сокрушить христианство.

9. Кто убивал?

Из предыдущих глав читатель мог убедиться, что участие большинства лиц, которых принято считать исполнителями убийства Царской Семьи, является, мягко говоря, сомнительным. В лучшем случае, это были обыкновенные охранники ДОНа, лица, уничтожавшие следы преступления в доме Ипатьева, в худшем — откровенные обманщики, которых определенные силы заставили излагать лживую картину состоявшегося злодеяния. При этом надо сказать, что некоторые из тех, кого принято считать участниками убийства, отрицали свою причастность еще в 1918 году. Причем это касалось не только рядовых исполнителей типа П. Медведева, но и высших руководителей Уральского Совета. В своих показаниях большевик А.Я. Валек свидетельствовал в апреле 1919 года: «*В последних числах ноября прошлого года я по партийным делам был в Перми. Не мо-*

---

[1] По материалам хасидского сайда http://www.moshiach.ru.

гу точно припомнить, когда, где и с кем из большевиков я разговаривал об этом деле. Могу Вам сказать, что у меня в результате сложилось мнение: вся семья убита и сожжена. Был у меня по этому поводу разговор с Белобородовым. Разговор был мимолетный, совершенно поверхностный, и я не могу толком также припомнить, по какому поводу он возник. Помню, я его спросил, достоверен ли факт убийства семьи Императора? Белобородов, как бы отмахнувшись от подобной темы разговора, сказал мне приблизительно так: "Всех прикончили". Больше я не стал его расспрашивать об этом деле, так как тон его ясно показывал о нежелании продолжать на эту тему дальнейший разговор. Я его спросил, принимал ли он участие в убийстве Императора сам? Он мне сказал, что ***он в это время спал***»[1]. (Выделено нами – *П.М.*)

Следствие Соколова не поверило ни словам Медведева, ни в переданные слова Белобородова, решив, что они лгали, стремясь уйти от ответственности. Но если подобное утверждение еще можно отнести к Медведеву, то к Белобородову оно вряд ли подходит. В самом деле, зачем Белобородову в кругу своих партийных товарищей было отказываться от причастности к такому «выдающемуся», с большевистской точки зрения, событию? Правда, в некоторых показаниях имя Белобородова фигурирует в сцене убийства, но в других показаниях это его участие отрицается. То же самое касается и почти всех известных участников убийства, за исключением Юровского, который неизменно присутствует во всех показаниях.

В связи с этим возникает резонный вопрос: кто же убил Царскую Семью?

По показаниям обвиняемых становится понятно, что, вступив в должность коменданта Дома Особого Назначения, Юровский полностью сменил его внутреннюю охрану. Вот что показывал 7–11 мая 1919 года на допросе у следователя Соколова обвиняемый Якимов: «*Через несколько дней люди из Чрезвычайной следственной комиссии прибыли в дом Ипатьева. Их было 10 человек. Их имущество привозилось на лошадях. Чья это была лошадь, кто был кучером — не знаю. Но только всем тогда было известно, что прибыли все эти люди из Американской гостиницы. Из числа прибывших пятеро было нерусских, а пятеро русских. Я категорически утверждаю, что пятеро из них было именно русских людей: они, эти пятеро, все были самые русские люди, говорили по-русски. Остальные же пятеро по виду были нерусские. По-русски говорили, хотя говорили, но плохо. Хорошо я знаю, что (одному из русских) фамилия была Кабанов. Это я весьма хорошо помню и положительно это удостоверяю. Что касается остальных четырех из русских, то я не могу указать, которому из них какая принадлежит*

---

[1] Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 291.

фамилия. Но только я помню, положительно, что эти русские, кроме Кабанова, носили фамилии Ермакова, Партина и Костоусова. Указать же, который из описанных мною русских носил фамилию Ермакова, Партина и Костоусова, я не могу, но только, повторяю, они носили эти фамилии. Пятому же фамилию я забыл и не могу сказать, был ли среди них человек с фамилией Леватных. Одного же из описанных мною людей, фамилия которому Кабанов, я запомнил именно по наружности. Эти же фамилии я потому запомнил, что меня как разводящего иногда посылали или Юровский, или Никулин за кем-нибудь из них: "Позови Ермакова, позови Партина, позови Костоусова".

Всех этих прибывших из Американской гостиницы людей мы безразлично называли почему-то "латышами". Нерусских мы называли потому "латышами", что они были нерусские. Но действительно ли они были латыши, никто из нас этого не знал. Вполне возможно, что они были и не латыши, а, например, мадьяры. Среди нас же все эти десять человек, в том числе и пятеро русских, просто назывались "латышами". <...> К "латышам" Юровский относился как к равным себе»[1].

В этих показаниях Якимова много неясного и сомнительного. Странно, что он сразу не сказал, что среди прибывших людей из ВЧК был Кабанов, которого он знал по наружности. Почему ему понадобилось сначала промолчать о его прибытии? Ведь если бы Якимов точно знал, что среди прибывших был Кабанов, он бы сказал: «Прибыли 10 человек из Чрезвычайной комиссии, среди них был Кабанов». Зачем понадобилось Якимову довольно длительное время, чтобы вспомнить о присутствии Кабанова? То же самое касается и других прибывших русских, в частности, Ермакова, Партина и Костоусова. Их Якимов тоже вспоминает не сразу, спустя некоторое время, как будто кто-то подсказывает ему эти фамилии. В связи с этим любопытно сравнить показания Якимова, данные следователю Соколову, которые мы только что цитировали, и объяснения, данные Якимовым сотруднику Уголовного Розыска Алексееву 2 апреля 1919 года. Тогда в объяснении Якимов сообщил: «*Была еще внутренняя охрана, в которой состояли пять латышей и пять русских. Из латышей одного звали "Лякс", а остальных по имени и фамилии он не помнит. Из русских знает только одного Кабанова, имя и отчество его не знает,* ***а остальных совсем не знает по имени, отчеству и фамилии***» (выделено нами – *П.М.*)[2].

Таким образом, по объяснению выходит, что Якимов не знал Ермакова, Партина и Костоусова и никогда не слышал о них. Почему же он вдруг о

---

[1] Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 338.
[2] Там же. С.284.

них «вспомнил» на допросе у Соколова? Не все ясно и с Кабановым. Странно, чтобы разводящий Якимов не знал имени и отчества своего сослуживца. Что же, они не общались друг с другом? Наконец, самое любопытное, что из объяснения выходит, что и Кабанов и «латыши» были в доме Ипатьева до Юровского, так как, рассказав об их присутствии в доме Ипатьева, Якимов сообщил: «*Последнее время комендантом этого дома был еврей Юровский*».

Возвращаясь к протоколу допроса, надо также сказать, что странными звучат слова Якимова, что прибывших людей охранники из Чрезвычайки называли «латышами», независимо, были они русскими или не были. Слово «латыш» именно и служило синонимом нерусского человека, иностранца, чью национальность было трудно определить. Зачем же понадобилось Якимову и его русским товарищам называть таких же русских людей, как и они сами, «латышами»?

Вполне возможно, что поведение Якимова объяснялось состоянием психологического шока, в котором он находился. Не надо забывать, что он был свидетелем чего-то жуткого, что имело место в ночь 17 июля, что подействовало на него крайне угнетающе. Кроме того, на него давил арест, пребывание под стражей, частые изматывающие допросы. Тем более мы не можем быть уверены в том, что к нему в Уголовном Розыске не применялись методы физического и психологического воздействия. Стремление сотрудников белого Уголовного Розыска получить от Якимова показания на Кабанова, Ермакова и т.д., могло быть обусловлено как уверенностью в их виновности (показания свидетелей, оперативная информация и т.д.), так и сознательным упрощением следствия, стремлением во что бы то ни стало поскорее его завершить. Соколову приходилось кропотливо вытаскивать из Якимова признания. Но сам Якимов в этих условиях попадал в тяжелое психологическое положение: боясь ответственности за содеянное, измученный допросами Алексеева, он был вынужден на допросе у Соколова вспоминать то, что рассказал Алексееву. А так как большая часть из этих рассказов была им придумана, то Якимов путался, терялся и противоречил самому себе в своих показаниях.

Поведение Якимова довольно убедительно объяснил И.Ф. Плотников: «*Якимов, видимо, уже не владел собой <...> Фамилий русских чекистов-охранников, кроме как Кабанова, он явно не знал. Имен Костоусова и Партина он просто и слышать не мог. Они вошли в его сознание от настойчивых вопросов, их многократной повторяемости. Все эти люди оставались на ВИЗе,*[1] *в Американскую гостиницу (облчека), а затем в ДОН их не брали*».[2]

---

[1] Верхне-Исетский завод.
[2] *Плотников И.Ф.* Указ. соч. С. 223–224.

Так кто же все-таки прибыл вместе с Юровским после его заступления в должность коменданта Дома Особого Назначения? Показания обвиняемого П.С. Медведева прямо свидетельствуют, что вместе с Юровским прибыло 10 человек «латышей». «*В нижнем этаже дома Ипатьева,* — показывал он на допросе, — *находились латыши из "латышской коммуны", поселившиеся тут после вступления Юровского в должность коменданта. Было их человек 10. Никого из них я по именам не знаю*»[1].

То же самое показывал и обвиняемый Ф.П. Проскуряков: «*Спустя приблизительно неделю после назначения Юровского и Никулина нас, рабочих Сысертского завода и Злоказовской фабрики, перевели в дом Попова против дома Ипатьева, а вместо нас внизу дома Ипатьева появились латыши. Их было, приблизительно, человек 10. <...> При Юровском, со времени появления латышей, мы, рабочие, стали нести охрану исключительно наружную. Внутри дома находились исключительно латыши*»[2].

Являлись эти люди действительно латышами? До недавнего времени на этот вопрос чаще всего слышался утвердительный ответ. Большую роль в этом играл так называемый латышский «список Свикке», который появился в ходе таинственной кампании по «изучению» обстоятельств убийства Царской Семьи, затеянной по воле Хрущева в 60-х годах прошлого века. Список этот добыла все та же С. Ильичева, с которой Свикке делился о «причастности» Сталина к убийству Царской Семьи и прочими подобными «секретами». Список этот состоял из 13 в основном латышских имен, якобы участников злодеяния 17 июля. Но последние исследования этого списка, в частности, И.Ф. Плотникова, убедительно доказали, что лица из названного списка в июле 1918 года несли охрану типографии латышской газеты «Вперед», размещавшейся в железнодорожном составе возле Перми, и никакого отношения к охране дома Ипатьева не имели[3].

Весьма сомнительно, чтобы в убийстве вообще принимали участие латыши по национальности. Мы уже указывали, что примерно с 1916–17 годов «латышами» в народе было принято именовать всех иностранцев, чью национальность было тяжело установить или она была неизвестна. Сначала это было вызвано тем, что после создания русским командованием в ходе Первой мировой войны национальных латышских воинских подразделений ранее малоизвестный латышский язык стал известен широкой солдатской массе. А после того как эти подразделения стали гвардией

---

[1] Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 161.
[2] Там же. С. 273.
[3] *Плотников И.Ф.* Указ. соч. С. 215.

большевизма и принимали участие во многих его карательных акциях, имя «латыш» стало нарицательным. То есть «латыш» и «каратель, наемный убийца» стали в восприятии русского народа синонимами. При этом очень часто «латыши» вовсе не были латышами по национальности.

Но если т. н. «латыши» не были по национальности латышами, кем же они были и откуда взялись в доме Ипатьева? Ответить на этот вопрос до сих пор не представляется возможным. Может быть, это были мадьяры, может быть, немцы, может быть, австрийцы. Й. Мейер в немецкой газете называл список, сплошь состоявший из мадьяров — бойцов интернациональной бригады: Хорват, Фишер, Эдельштейн, Факете, Надь, Гринфельд, Вергази. Некоторые исследователи полагают, что это действительно список убийц Царской Семьи. Даже строили предположения, что один из венгров — Надь, впоследствии стал руководителем социалистической Венгрии, организовавшим антисоветский мятеж в 1956 году и казненным за это. Но «воспоминания» Мейера шиты такими же «белыми нитками», как «Записки Юровского», «исповеди Белобородова» и «воспоминания» Кабанова. Верить ни одному слову Мейера нельзя.

Независимо от того, какой национальности был отряд «латышей», расквартированный Юровским в верхних этажах Ипатьевского дома, у нас нет уверенности, что именно эти люди принимали непосредственное участие в убийстве Царской Семьи. Другое дело те люди, кто командовал ими и кто прибыл в дом Ипатьева прямо накануне убийства.

Вот что показал Проскуряков: «*Ни одного из латышей я назвать не могу. Все они говорили по-русски очень плохо и говорили между собой не по-русски. А один был, который с Юровским говорил не по-русски, но и не так, как говорили между собой латыши, а как-то по другому, как будто бы "по-жидовски", но точно этого сказать не могу. Утверждаю лишь, что один такой латыш был, который говорил именно с Юровским не так, как говорили между собой латыши. Из себя этот "латыш" был лет 30-ти, низенький, плотный, нос имел длинный, волосы, глаза и брови черные, уши большие, бороду брил, усы черные, средней величины, лицом смуглый. Похож был на еврея. Его не было в комнатах в то время, когда мы пришли туда со Столовым и когда убирали мы, рабочие, комнаты. Очевидно, он в числе других отвозил трупы убитых*»[1].

В хранящихся в РГАСПИ воспоминаниях Никулина имеется одна любопытная приписка, сделанная рукой сына Медведева (Кудрина) М.М. Медведевым: "*В ЧК работал Сергей Бройдо и Арнольд Биркенфельд. Он пришел в дом Ипатьева 16-го июля*".[2]

[1] Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 281.
[2] РГАСПИ, ф. 588 Оп. 3с, д. 13.

Это очень любопытная приписка. Об этих именах ранее ничего слышать не приходилось. Тем более интересна дата появления одного из названных лиц: накануне убийства Царской Семьи.

Появление в день убийства в доме Ипатьева человека весьма высокого уровня, раз он общался только с Юровским и лично отправился увозить трупы убитых, говорящего, по всей видимости на идиш («по-жидовски») и ранее не знакомого охране, представляет собой исключительный интерес. И.Ф. Плотников выводит этого человека под фамилией А.Е. Лисицына. По мнению Плотникова, Лисицын был специальным посланцем Москвы, прибывшим в Екатеринбург со специальной командой для того, чтобы руководить убийством Царской Семьи и уничтожением ее трупов. Сведения о Лисицыне Плотников почерпнул из книги И.Л. Бунича «*Быль беспредела, или Синдром Николая II*». (Другое ее название: «*Династический рок. Александр I. Николай II*»[1]).

Вообще ссылаться на книги такого «писателя-фантаста» как И. Бунич дело весьма неблагодарное и ненадежное. Сам И.Ф. Плотников тактично указывает, что «*вопрос о достоверности приводимых указанных автором документов требует дополнительной проверки*». Мы же будем менее тактичны и прямо укажем, что книга Бунича это в целом сплошная ложь, вызванная целями, весьма далекими от исторической правды. (Одним из главных выводов книги Бунича является утверждение, что Николай II и его Семья не были убиты в Ипатьевском доме.) Книга Бунича преследует одну цель: реабилитацию большевистских убийц и дезинформацию расследования Екатеринбургского злодеяния. Написанная в духе бульварного романа, да еще плохим русским языком, она по праву может занять место среди второсортной художественной литературы.

Между тем И.Ф. Плотников сообщает, что пользовался содержащимися в книге Бунича «*документальными источниками*», которые «*перекликаются с другими, в частности, хранящимися в архиве ФСБ по Свердловской области*». Непонятно, что это за «документальные источники», о которых говорит И. Ф. Плотников, так как у Бунича нет ни одной ссылки ни на один архив, ни на одну книгу, ни один журнал. Приходится гадать, то ли эти «документальные источники» Бунич действительно где-то видел, то ли ему их кто-то сообщил, а то ли он их сам выдумал. По сведениям И. Ф. Плотникова, на его запрос в Центральный архив ФСБ РФ пришел ответ, что сведениями о Лисицыне архив не располагает.

Тем не менее, несмотря на всю шаткость и крайнюю сомнительность книги Бунича как исторического источника, в ней есть некоторые любопытные вещи, которые могут являться отголосками реальных событий, имевших место в июле 1918 года. При этом надо помнить, что Бунич был фальсификатором не «из-за любви к искусству», а выполнял определен-

---

[1] *Бунич И.* Династический рок. Александр I. Николай II. СПб.–М., 2003.

ный политический заказ. Любая фальсификация, даже самая невероятная, становится более правдивой, если в нее подбросить маленькие фрагменты истинных событий. Скорее всего, это утверждение можно отнести и к творчеству Бунича.

Так, в «письме» заместителю наркома внутренних дел Я.С. Агранову Лисицын якобы писал: «*Вы знаете цели, с которыми появились в России все, начиная с Ленина и кончая мной. Эти цели не только соответствовали, но являлись почти полной противоположностью тем целям, которые ныне ставят перед страной наша партия и ее вожди. В момент нашего появления в России появились и другие группы и движения со своими задачами, что в принципе соответствовало созданию хаоса. Никто не понимал опасности входа в этот туннель*».[1]

В приведенном отрывке нас меньше всего волнует его подлинность как документа, то есть именно письма некоего Лисицына зам. наркома Агранову, в этом плане письмо почти наверняка является подделкой. Но вот слова о «создании хаоса» и об «опасности туннеля» наводят нас на предположение, что Бунич пользовался какими-то реальными источниками, причем оккультно-масонского содержания. Об этом говорят слова «хаос» и «туннель». В данном случае эти слова не являются литературными образами, а конкретными определениями, причем наверняка, в подлиннике они писались с большой буквы. Мы уже писали, что целью многих сатанинских организаций, и сейчас и сто лет тому назад, было «возвращение к Первобытному Хаосу», причем первым шагом на этом возвращении должно было стать коренное изменение человечества, уничтожение религий, государств и так далее. Также одним из символических масонских испытаний при посвящении в высшие степени являлось прохождение через «медные трубы» («туннель»). Таким образом, вполне возможно, что «Лисицын» относился к руководству какой-то тайной оккультной организации или к высокой степени масонского посвящения. Собственно, об этом пишет и И.Ф. Плотников: «*На момент 1917 года,* — пишет он, — *Лисицын мог быть не только большевиком или "околобольшевиком", но и масоном*»[2].

В книге Бунича имеется еще одно обстоятельство, которое, если его перевернуть «с ног на голову», открывает нам весьма интересные явления. В своей книге Бунич старается реабилитировать Юровского, которому приписывается письмо к Сталину, где Юровский уверяет Генерального секретаря в том, что он не убивал Царскую Семью. Письмо, естественно, приводится без каких-либо сносок. Убийство, а вернее похищение Царской Семьи в книге возлагается на некоего немецкого еврея Фокса, который прибыл со своей командой и полностью руководил всем, что происходило в Ипатьевском доме. Если

---

[1] *Бунич И.* Указ. соч. С. 276.
[2] *Плотников И.Ф.* Указ. соч. С. 236.

из рассказа Бунича отбросить всю галиматью с «похищением», то получается, что **накануне убийства в Ипатьевский дом прибыла специальная команда во главе с каким-то уполномоченным из Москвы, посвященным в оккультную (масонскую) степень, который и руководил убийством Царской Семьи.**

Это частично находит подтверждение в показаниях обвиняемых: в только что процитированных показаниях Проскурякова, в рассказах П. Медведева о пяти неизвестных лицах, принявших непосредственное участие в убийстве, и так далее.

Но был ли тот неизвестный человек, которого Проскуряков описал на допросе и которого Бунич выводит под именем Лисицына, единственным, помимо Юровского, руководителем убийства? Здесь мы обнаруживаем ряд свидетельств, которые указывают на то обстоятельство, что среди убийц были еще некто, чья роль до сих пор остается абсолютно неизвестной. Одни источники называют этого человека (этих людей) «*евреем с черной, как смоль, бородой*», другие «раввином», но общая совокупность свидетельств указывает нам на то, что это был человек определенного духовного звания.

Впервые эти сведения появляются в показаниях Е.Т. Лобановой, которая вечером 18 июля 1918 года ехала к себе на дачу в деревню Коптяки. «*Перед закатом солнца,* — вспоминала она, — *мы доехали до железнодорожной будки у переезда горнозаводской линии, где несколько незнакомых мне лиц — мужчин и женщин — сообщили нам, что дальше ехать нельзя, так как красноармейцы, стоящие впереди в нескольких саженях с грузовиком-автомобилем, не пропускают никого. Мой извозчик сказал, что у него есть пропуск, и мы проехали дальше. Проехав несколько саженей, мы увидели грузовик-автомобиль, и около него стоял какой-то небольшой бочонок. По другую сторону автомобиля сидел пожилой человек в солдатской форме; тут же появились двое других солдат, молодых. Двое последних подбежали к нам и крикнули, что дальше ехать нельзя. Мой извозчик показал пропуск, но разрешения на проезд красноармейцы не дали. Мы вернулись к будке и стали обсуждать, что нам делать. В это время из города приехал легкий автомобиль, в котором сидели 6–7 человек. Кажется, все они были в солдатской форме и молодые, за исключением одного,* ***походившего на еврея, с черной, как смоль, бородой и усами.*** <…> *Один из этих мужчин назвал себя Московским, но ни тот ни другой мне совершенно неизвестны*»[1]. (Выделено нами – *П.М.*)

В литературе можно встретить предположения, что этим человеком («с черными как смоль усами и бородой») был Юровский. Однако это крайне маловероятно, так как Лобанова указывает, что тот, кого она

[1] Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 33.

встретила, был ей совершенно неизвестен, между тем как Юровского хорошо знали в Екатеринбурге, он был широко известным деятелем.

Тем более что показания Лобановой о встрече с неизвестным не являются единственными

Другой очевидец, коллежский асессор Сретенский, доносил следователю Соколову, что жители Верх-Исетского завода Федор и Афанасья Карлуковы рассказывали, что 18 июля находились на Старой Копятковской дороге, так как имели покос возле урочища «Четыре Брата». «*Когда Семен и Афанасья Карлуковы пошли на покос утром в четверг (18 чис.), не доходя расстояния двух верст до Четырех Братьев, в узком месте дороги навстречу им попал грузовой автомобиль; на нем сидели три или четыре красноармейца, они везли две или три бочки с железными обручами, черные, из-под сала или керосина. Карлуковы отошли еще с четверть версты — попал им навстречу второй легковой автомобиль "с шарами" (фонарями), на нем сидело три или четыре красноармейца. Прошли еще с полверсты приблизительно, где из леса на дорогу вышли известные Карлуковым красноармейцы Ермаков и Ваганов, причем Ваганов не приказал дальше проходить, пригрозив в случае ослушания застрелить их. Карлуковы воротились домой.*

В пятницу утром Карлуковы опять пошли на покос приблизительно в том же месте, где накануне встретились два автомобиля, и в этот день встретился легковой автомобиль "с шарами". На нем сидели четыре или пять красноармейцев. Затем Карлуковы прошли Четырех Братьев, и в полверсте от того места в лесу, на поворотке-тропе с покоса Костоусова, в лесочке стоял фаэтон с кучером на гнедой лошади. ***Около экипажа стояли два господина, солидные, с черными усами, в черных шляпах, в черных накидках. В руках одного господина был белый сверток длинною в поларшина, как будто из скатерти.*** *Эти два господина, увидев Карлуковых, сели в экипаж и уехали по направлению к В.-Исетску*»[1]. (Выделено нами – *П.М.*)

Внешний вид «двух господ», которых встретили Карлуковы, весьма напоминает иудейских (хасидских) раввинов (черные шляпы, черные накидки (это могли быть талиты (талесы), набрасывающиеся на плечи во время богослужения). Любопытно однако, что в отличие от Лобановой Карлуковы не отмечают «*черной, как смоль, бороды*». Но они говорят про усы, и можно предположить, что эти слова подразумевали и бороду, либо Карлуковы, а может, и Сретенский, просто не придали ей значения.

Особое внимание следует обратить на длинный белый сверток в руках неизвестных. Как пишет Е.Э. Носенко: «*К талмудической эпохе восходит также предписание надевать белую одежду (kittel). Белый цвет у древ-*

---

[1] Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 347.

них евреев нес двойную семантическую нагрузку – это был цвет ритуальной чистоты, праведности и одновременно траура, напоминания о смерти»[1].

В иудейской религии есть особый ритуал, когда во время молитвы в определенные моменты мужчины покрывают голову особой тканью, называемой «талит». Ткань эта белого цвета. Этот ритуал происходит несколько раз в году и по большим праздникам. Покрывать свою голову талитом могут только иудеи из колена коэнов, то есть потомков людей, зажигавших в иудейском Храме священный огонь. Иудеи считают, что только они могут общаться с Богом[2].

Так же в белый саван (плащаницу) у иудеев помещалось тело умершего, в том числе и Честное Тело Христа после распятия.

Как мы помним, 18 июля был траурным днем в иудейском календаре (Тиша-бэ-Ав). В данном случае два «неизвестных господина» в черных накидках и с белыми свитками в руках могли быть духовными лицами какого-то культа, осуществлявшими некий ритуал на месте манипуляций и уничтожения трупов Царской Семьи. Здесь невольно вспоминается то обстоятельство, что тела убитых в доме Ипатьева были завернуты в белые простыни, обстоятельство, которое было отмечено многими обвиняемыми и которое затем задним числом подменялось в «воспоминаниях» соучастников преступления на «одеяла» и «сукно».

К слову сказать, горный техник Фесенко примерно в эти же дни видел на Старой Копятковской дороге богатую на вид карету, которая была «*черной, глухой, со стеклянными дверцами*». Людей, сидевших в карете, Фесенко не заметил[3]. Вполне возможно, что фаэтон, который видели Карлуковы, и карета, которую видел Фесенко, были одним и тем же транспортным средством.

Имя некоего таинственного «товарища», который должен был приехать в Ипатьевский дом с окончательный приказом приступить к убийству и которому следовало передать трупы убитых для их уничтожения, фигурирует и в «Записке Юровского». При этом показательно, что паролем у этого неизвестного было слово «трубочист». Слово это, в общем контексте происшедшего 17 июля, звучит особо зловеще. Из «Записки Юровского» можно сделать вывод, что если таинственный человек должен привести окончательный приказ об убийстве Царской Семьи и ее приближенных, и именно он должен был забрать и уничто-

---

[1] *Носенко. Е.Э.* Вот праздники Бога. Историко-генетическое исследование еврейских праздников. М., 2001.

[2] http://fotoclub.ru.

[3] Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 332.

жить их трупы, то вполне вероятно, что именно этот человек и руководил убийством. Вполне возможно также, что он приехал не один.

Наконец, И.Ф. Плотников объединяет этого таинственного человека, предположительно духовного лица, с мифическим Лисицыным. Последнему Плотников приписывает и написание кабалистической и немецкой надписи в комнате убийства. «*Не он ли, Лисицын,* — пишет И.Ф. Плотников, — *сделал в комнате убийства, в ее углу, близ двери, карандашом надпись из баллады "Валтасар", написанной Г. Гейне на широко известный библейский сюжет?*»[1].

Если суммировать все имеющиеся показания и воспоминания соучастников преступления, то можно с большей долей вероятности предположить, что вышеназванные лица, за исключением Юровского, являлись именно **соучастниками**, а не прямыми исполнителями преступления. Впрочем, и вокруг имени Юровского тоже достаточно тайн. Мы уже упоминали о якобы существующем письме Юровского Сталину, которое цитировал Бунич. Письма этого никто не видел, кроме, по-видимому, самого Бунича, а потому мы о нем подробно говорить не будем. Но кроме этого письма вокруг имени Юровского имеется какая-то тайна. Мы помним всю ту путаницу в датах жизни Юровского, всю ту неразбериху с его женой, детьми, выездами заграницу и так далее. Не менее загадочной представляется жизнь Юровского после злодеяния. Мы уже писали, что, приехав в Москву и привезя драгоценности убитой Царской Семьи, Юровский всюду подписывается «Яков Орлов». Непонятна причина, по которой Юровский вдруг взял себе этот псевдоним. Ведь еще недавно он открыто называл себя настоящей фамилией «Юровский». Но еще более любопытным является то обстоятельство, что последующие материалы расследования по делу Ф. Каплан Юровский подписывал, наряду со своей подлинной фамилией, неизменным «Я. Орлов»! В этой связи журнал «Новое Время» удачно приводит отрывок стихотворения М. Светлова, написанного им в 1927 году:

Пей, товарищ Орлов,
Председатель Чека.
Пусть нахмурилось небо,
Тревогу тая, —
Эти звезды разбиты
Ударом штыка,
Эта ночь беспощадна,
Как подпись твоя[2].

---

[1] *Плотников И.Ф.* Указ. соч. С. 235.

[2] *Светлов М.* Стихи. Россия – Родина моя. Библиотечка русской советской поэзии в пятидесяти книжках. М.: Худлит, 1967.

Михаил Светлов — это псевдоним Мойши Шейнкмана, а вот кто скрывается под псевдонимом «товарища Орлова, председателя ЧК»? И какая ночь, какие звезды, разбитые штыком, имел в виду этот певец заплечных дел мастеров?

Вызывает недоумение также и то обстоятельство, что Юровский за все свои заслуги перед большевистским режимом не только никогда не был на первых ролях, не только не пользовался «славой» «убийцы тирана», как этого следовало бы ожидать, но, наоборот, до самой своей смерти оставался в тени. Последним местом работы этого человека был Московский часовой завод. Незадолго до своей смерти Яков Юровский в июле 1938 года писал своим сыновьям Александру и Евгению, что ему скоро минет 60 лет, а он «*почти ничего не рассказал о себе*».[1]

Что же так хотел рассказать о себе своим детям съедаемый болезнью Юровский? Впрочем, болезнь ли стала причиной его смерти? В. Малкин утверждает, что Юровского тихо убрали по приказу Сталина. Одной из причин этого могла быть осведомленность Юровского о том, что не он был главным организатором и палачом Царской Семьи.

Екатеринбургское злодеяние было осуществлено посторонней силой профессиональных убийц, прибывших в Екатеринбург извне, при участии Юровского и, возможно, Голощекина и Войкова. Прибывшие убийцы и вышеназванные главари уральских большевиков были объединены какой-то одной организацией и имели общих руководителей. Эти убийцы были руководимы и направляемы неким духовным лицом, этот человек, вполне возможно, и являлся руководителем убийства. На эту силу было возложено не только убийство Царской Семьи, но и уничтожение останков.

10. Обстоятельства убийства Царской Семьи и ее приближенных ночью 17 июля 1918 года в доме Ипатьева

Что же произошло ночью 17 июля 1918 года в доме Ипатьева в г. Екатеринбурге? Конечно, то, что мы излагаем ниже, является только нашей версией, и, как всякая версия, она может быть ошибочна и поправлена вновь открывшимися обстоятельствами. Но точно так же, как и любая другая версия, она имеет право на существование, пока не будет опровергнута установленной истиной. Излагая эту версию, мы не собираемся фантазировать, как могло происходить само убийство, мы лишь строго изложим главные его моменты.

Итак, исходя из этой версии, убийство Царской Семьи было осуществлено не как обычное, но как ритуальное убийство. Целью этого ритуала

---

[1] Новое Время. №27. 1998, 12 июля. С. 32.

было окончательное уничтожение Православной России на сакральном уровне посредством убийства ее Главы и Наследника. Второй целью ритуала было изменение хода мировой истории, уничтожение ее христианской направленности. Те, кто должен был совершить этот ритуал, не были представителями ни национальных движений, ни представителями конкретных политических группировок, ни носителями традиционных религий, но являлись адептами мощной оккультной организации всемирного масштаба. Они верили, что этим ритуалом им удастся осуществить поставленные цели. Ритуал убийства носил в себе признаки различных мистико-оккультных учений, начиная с каббалы и заканчивая черной магией. После совершения убийства убийцы постарались, с одной стороны, полностью скрыть его ритуальный характер, а с другой — объявили его «всем народам».

Вечером 16 июля 1918 года в дом Ипатьева, где содержалась Царская Семья, прибыл комендант Дома Я.Х. Юровский. Он приказал к 12-ти часам ночи всей внешней охране покинуть территорию ДОНа. Возможно, были оставлены несколько постов у входа в дом. При этом начальник охраны П.С. Медведев получил приказ отобрать у них заранее оружие. Сам Медведев, может быть, находился в доме Ипатьева, может быть, в другом месте недалеко от него (в доме Попова), но, во всяком случае, он имел возможность связаться с Юровским по телефону в любой момент. В Ипатьевском доме оставалась лишь внутренняя охрана, состоявшая из людей Юровского, которых он разместил в Доме при своем вступлении в должность коменданта. Команда эта была абсолютно надежной и состояла из проверенных людей. По всей вероятности, все они были нерусскими. Задачей этой команды было соблюдение общей безопасности во время совершения ритуального убийства.

Приготовления к убийству начались около полночи, по «старому» добольшевистскому времени и около 2-х часов но «новому». Кроме Юровского в Ипатьевском доме, возможно, находились Голощекин и Войков. Примерно около 1 часа 30 минут в Ипатьевский дом прибыл посланец из Москвы, который привез с собой команду убийц. Эта команда, по всей вероятности, была небольшая, 5–7 человек. Эти люди прошли в дом, где их ждали. То обстоятельство, что они прибыли не в 12 часов ночи, как предполагалось, а позже, определялось не тем, что «Москва запаздывала с приговором», как считают многие, а тем, что такое опоздание являлось частью особого ритуала, который должен был быть осуществлен во время убийства Царской Семьи.

Около 2-х часов ночи Царскую Семью и ее свиту разбудил Юровский и под каким-то предлогом велел им спуститься в комнату нижнего этажа, где должно было совершиться убийство. Скорее всего этим предлогом был не отъезд, а пережидание какого-то опасного момента в полуподваль-

ном помещении. Для этого некоторые из Узников могли взять с собой подушки. Около 3-х часов ночи Царская Семья и ее приближенные спустились в указанную комнату. Туда же вошла группа убийц во главе с неизвестным. Помогал этой группе Юровский. Никаких посторонних лиц, в том числе и П. Медведева, в момент убийства Царской Семьи не было. После того как убийцы вошли в эту комнату, Царская Семья и ее свита были убиты. Как это произошло — покрыто мраком тайны. Но при этом, безусловно, убийство носило длительный и мучительный характер, сопровождаемый большой кровопотерей жертв. Главной целью убийц было не быстрое наступление смерти убиваемых, но их мучения. Убиваемым были нанесены огнестрельные и, главное, большей частью колотые ранения. Во время убийства выполнялся какой-то определенный ритуал, осуществляемый духовным лицом, прибывшим вместе с убийцами. Вполне возможно, что им был руководитель приезжей команды. После убийства, согласно ритуалу, тела убитых были помещены в белые простыни и вывезены в заранее выбранное место в Копятковской лесу, где они, опять-таки согласно ритуалу, подверглись глумлению и сожжению. Для сокрытия истинных обстоятельств убийства его организаторы произвели множество огнестрельных выстрелов в южную часть стены комнаты, чтобы инсценировать расстрел Царской Семьи.

После убийства для помощи в переноске трупов в грузовик Юровским были приглашены, возможно, П. Медведев и Якимов (возможно, кто-то еще из внешней охраны). Когда те спустились в комнату, где произошло убийство, пред ними предстало жуткое зрелище: весь пол и стены были залиты кровью, на полу лежали растерзанные трупы с множественными колото-резаными ранами. Когда тела стали поднимать, чтобы выносить во двор, то оказалось, что некоторые люди еще живы. Они стали приходить в себя, раздались стоны. Раненых стали тут же добивать штыками или длинными кинжалами. Последнее такое добивание случилось почти что во дворе Ипатьевского дома. То обстоятельство, что люди так долго не умирали, объясняется тем, что убийцы преследовали цель умертвить их посредством наиболее длительных мучений.

Увиденное так подействовало на Медведева и Якимова, что они находились в состоянии шока[1]. Их обуял страх. Юровский приказал им молчать об увиденном. Скорее всего тут же на месте со стороны убийц началось создание ложной картины убийства. Медведеву, Якимову и другим могли быть внушены те обстоятельства убийства, которые были выгодны убийцам. При этом Юровский мог предупредить охранников, в особенности Медведева, что в случае если они попадут в руки белым, они должны повторять то, что он им рассказал об об-

[1] Хотя, может быть, Медведева так же не было в тот день в Доме Ипатьева, и он рассказывал об обстоятельствах убийства с чужих слов.

стоятельствах убийства. При этом Юровский мог припугнуть охранников тем, что у них, у большевиков, есть «свои люди» и у белых и что в случае «предательства» их достанут и у белых. Скорее всего, это так и случилось: многие из арестованных белым следствием обвиняемых умерли при загадочных обстоятельствах в тюрьме, а Якимов был расстрелян после возвращения красных. Расчет Юровского оправдался: оказавшись в руках белого следствия, охранники повторяли внедренную в их сознание ложь. Впрочем, Юровский мало чем рисковал даже в том случае, если бы охранники начали говорить что-либо иное, чем то, что было им велено. Ведь никто из них не знал истинных обстоятельств убийства.

После победы в Гражданской войне, когда заграницей стала выходить литература, которая в значительной мере приоткрывала занавес над черным делом убийц, понадобился новый виток фальсификаций и «воспоминаний», который был призван окончательно подтвердить слова одного из организаторов убийства, Пинхуса Войкова: «*Мир никогда не узнает, что мы с ними сделали*».

Так что же это был за ритуал, который применялся в процессе убийства Царской Семьи? Что же это была за сила, которая стояла за спиной Свердлова, Юровского, неизвестного «*с черной, как смоль, бородой*»? Мы уже достаточно говорили об этом. Чтобы не повторяться, мы приведем сравнительную таблицу ритуального убийства, осуществляемого различными организациями сатанистов, и обстоятельств убийства Царской Семьи в доме Ипатьева 17 июля 1918 года:

Сатанинское ритуальное убийство	**Убийство Царской Семьи**
Жертвами ритуального убийства становятся глубоко верующие христиане, чьи действия вредят духу сатанизма, и те, чье удаление поможет сатанинской диалектике	Император Николай II был Божьим Помазанником, «Удерживающим» мир от падения в бездну зла. Он сам, Императрица, Их Дети и верные слуги были глубоко верующими христианами.
Убийство должно быть тщательно запланировано и сделано обдумано.	Убийство тщательно планировалось
Планирование подразумевает, что даже если жертвоприношение произошло в течение ритуала, это не будет замечено как сатанинский акт.	План убийства предусматривал сокрытие истинных его причин и обстоятельств.
Убийство жертвы происходит не в храме, а там, где она содержалась.	Убийство Царской Семьи было осуществлено в Ипатьевском доме, где она содержалась.

Сатанинское ритуальное убийство	**Убийство Царской Семьи**
Ритуал жертвоприношения начинается в полночь, но само убийство происходит позднее.	Подготовка к убийству Царской Семьи началась в полночь, но само убийство было осуществлено в начале 3-го ночи.
Убийство происходит в канун христианского праздника или, наоборот — сатанинского праздника.	Убийство было осуществлено в день Святого Благоверного Великого Князя Андрея Боголюбского и в канун иудейского «Дня памяти и скорби», посвященного грядущему третьему храму, в котором воссядет Машиах, в православном представлении — Антихрист.
Убийство совершается ритуальным ножом или, во всяком случае, с использованием такого ножа и обильным кровопусканием.	Убийство Царской Семьи было осуществлено при помощи холодного оружия (даже по классической версии) и с обильным кровопусканием.
Голова жертвы отчленяется и выставляется в сатанинском храме.	Имеются сведения об отчленении голов членов Царской Семьи и проведении над ними ритуальных манипуляций.
Труп жертвы расчленяется.	По версии Соколова, подтвержденной многими уликами, вещественными доказательствами и экспертизами, трупы убитых Царской Семьи и ее свиты были расчленены.
Останки вывозятся в лес, обливаются бензином и сжигаются, а затем закапываются. Документы убитого тоже сжигаются, а деньги идут в общак.	Останки Царской Семьи были вывезены в лес, расчленены, облиты бензином и сожжены. Личные вещи отправлены в единое хранилище в Москве.
Ритуальное сатанинское убийство, как и все ритуалы сатанистов, всегда сопряжено с глумлением над Именем Иисуса Христа и Его Церкви.	Наличие кабалистической надписи, главная буква которой «Ламед» совпадает с кабалистическим символом «Повешенного», который трактуется многими сатанистами как образ Христа, повешенная (распятая) собака и само убийство Божьего Помазанника свидетельствуют о том, что убийство Царской Семьи носило характер глумления над Спасителем.

Таким образом, как нам представляется, мы достаточно убедительно показали, кто являлся истинными убийцами Царской Семьи и ритуал какой религии они использовали при этом убийстве. Взошедшее солнце 17 июля 1918 года ознаменовало собой наступление нового века: века богоборчества и мамоны, время Соловков и ГУЛага, Освенцима и Дахау, Дрездена и Хиросимы, Белграда и Багдада, время эвтаназии и клонированных биороботов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эта книга никогда не может быть дописана до конца. Чем больше погружаешься в исследование той чудовищной июльской ночи, тем больше возникает загадок, мучительных вопросов, на которые нет ответов. Мрачный Ипатьевский дом, несмотря на то, что давно стерт с лица земли, попрежнему продолжает хранить свои кровавые тайны. «*Мир никогда не узнает, что мы с ними сделали*», — эти слова одного из изуверов стали заклинанием мирового зла. И это понятно: зло смертельно боится, что мир всетаки узнает, что произошло 17-го июля 1918 года в городе Екатеринбурге.

4/17 июля 1918 года от рук врагов Христовых приняла мученическую смерть Царская Семья и ее верные слуги. Царская Семья стала жертвой вселенского зла, которое спешило объявить о своей причастности к преступлению. В июле 1918 года большевистский деятель Сафаров писал в «Уральском рабочем»: «*В ночь с 16 на 17 июля по постановлению президиума Областного Совета Рабочих, Крестьянских и Красноармейских депутатов Урала расстрелян бывший царь Николай Романов. Он слишком долго жил, пользуясь милостью революции, этот коронованный убийца. Рабочие и крестьяне, поглощенные творческой работой и великой революционной борьбой, как будто не замечали его и оставляли жить до народного суда! Историей ему давно был вынесен смертный приговор. Своими преступлениями Николай Кровавый прославился на весь мир. Все свое царствование он безжалостно душил рабочих и крестьян, расстреливал и вешал их десятками и сотнями тысяч. (…)Нет больше Николая Кровавого, и рабочие и крестьяне с полным правом могут сказать своим врагам: Вы поставили ставку на императорскую голову? Она бита. Получите сдачу — одну пустую коронованную голову*».[1]

Для сравнения приведем отрывок из другой статьи от 24 июля 1918 года из издаваемого для русских войск во Франции журнала «Русский солдат-гражданин». Журнал этот издавался при поддержке «Американского Христианского Общества Молодых Людей. YMCA». Статья называлась «Смерть Николая». Вот ее текст: «*Из России пришло известие: бывший царь, бывший самодержец расстрелян в Екатеринбурге по постановлению местного Совета. В грохоте битвы, потрясающей весь мир, это известие прошло незамеченным. Газеты посвятили ему несколько строк. Кому*

[1] Последние дни Романовых. С. 167–169.

и какое дело теперь до Николая? Умер Николай, когда-то сотнями и тысячами вешавший борцов за русскую свободу, посылавший карательные экспедиции против крестьян, заливший кровью всю Россию в 1905–06 гг. (…)

Николай был расстрелян без суда красногвардейцами, расстрелян так, как когда-то по его приказу расстреливались крестьяне и рабочие. Но суд, великий суд, вся крестьянская и рабочая Россия давно осудила этого человека. И то, что он еще жил полтора года после своего ареста, казалось необъяснимым. Одни говорят, как человек Николай был не плох. Но он был не на своем месте. Возможно. Но когда от этого гибнет страна, страдает и мучается народ, разве можно оправдываться, что какая-то ничтожность стоит во главе судеб этого народа. Николай был не на своем месте. Пусть. Поэтому его и выгнали. И зато теперь-то он на своем месте. А.Р.».[1]

Не правда ли, слова большевика Сафарова и «христианина» «А.Р.» удивительным образом совпадают, как будто писались они одним и тем же человеком?

8/21 июля 1918 года, через четыре дня после убийства Царской Семьи, Патриарх Московский и Всея России Тихон после Божественной литургии в Казанском соборе сказал обращаясь к пастве: «*Мы, к скорби и стыду нашему, дожили до такого времени, когда явное нарушение заповедей Божиих уже не только не признается грехом, но оправдывается как нечто законное. На днях совершилось ужасное дело: расстрелян бывший Государь Николай Александрович... и высшее наше правительство, Исполнительный Комитет, одобрил это и признал законным. Но наша христианская совесть, руководясь словом Божиим, не может согласиться с этим. Мы должны, повинуясь учению Слова Божия, осудить это дело, иначе кровь расстрелянного падет и на нас, а не только на тех, кто совершил его... Пусть за это называют нас контрреволюционерами, пусть заточат в тюрьму, пусть нас расстреливают. Мы готовы все это претерпеть в уповании, что и к нам будут отнесены Слова Спасителя нашего: “Блаженны слышащие Слово Божие и хранящие его”* ».

Как же отозвался народ на эти слова Святителя? Народ — безмолвствовал. Но это не было тем безмолвием ужаса и осуждения кровавого убийства, которое имел в виду Пушкин в «Борисе Годунове». Это было равнодушное и трусливое безмолвие. Конечно, были те, кто искренне скорбел по убитому Государю, кто оставался ему предан даже ценою жизни. Но не они определяли тогда отношение к убитому Царю.

Марина Цветаева вспоминала об июльских днях 1918 года: «*Стоим, ждем трамвая. Дождь. И дерзкий мальчишеский петушиный вскрик: "Расстрел Николая Романова! Николай Романов расстрелян рабочим Белобородовым!" Смотрю на людей, тоже ждущих трамвая, и тоже (тоже!) слышащих. Рабочие, рваная интеллигенция, солдаты, женщины с деть-*

---

[1] Русский солдат-гражданин. 1918, 11/24 июля.

ми. Ничего! Хоть бы что! Покупают газету, проглядывают мельком, снова отворачивают глаза — куда? Да так, в пустоту...»[1]

То же самое писал граф Коковцев: «*20-го июля или около этого числа, в официальных большевистских газетах появилось известие: об убийстве Государя в ночь с 16-го на 17-ое июля в Екатеринбурге, по постановлению местного Совета солдатских и рабочих депутатов. Приводилось и имя председателя этого подлого трибунала — Белобородова.*

Говорилось тогда об убийстве одного Государя и упоминалось, что остальные члены Его семьи в безопасности.

Я не скрывал своего взгляда и говорил многим о том, что думал, и когда мы узнали, что Их увезли в Тобольск, и потом появилось известие, что на Екатеринбург двигаются чехословаки, нечего было и сомневаться в том, какая участь ожидает их.

На всех, кого мне приходилось видать в Петрограде, это известие произвело ошеломляющее впечатление: одни просто не поверили, другие молча плакали, большинство просто тупо молчало. Но на толпу, на то, что принято называть «народом» — эта весть произвела впечатление, которого я не ожидал.

В день напечатания известия я был два раза на улице, ездил в трамвае и нигде не видел ни малейшего проблеска жалости или сострадания. Известие читалось громко, с усмешками, издевательствами и самыми безжалостными комментариями...

Какое-то бессмысленное очерствение, какая-то похвальба кровожадностью. Самые отвратительные выражения: «давно бы так», «ну-ка — поцарствуй еще», «крышка Николашке», «эх, брат Романов, доплясался» — слышались кругом, от самой юной молодежи, а старшие либо отворачивались, либо безучастно молчали. Видно было, что каждый боится не то кулачной расправы, не то застенка».[2]

Но что говорить о них, простых людях, несчастных и обманутых, которых та же Цветаева называла «*малыми, слабыми, грешными и шалыми, в страшную воронку втянутыми*», если так называемая «совесть» нации, интеллигенция, соревновалась друг с другом в глумлении над убитым Самодержцем.

«*Щупленького офицерика не жаль, конечно... он давно был с мертвечинкой*», — так отозвалась об убийстве своего Царя поэтесса «Серебряного века» Зинаида Гиппиус.

Маяковский в 1928 году в стихотворении «*Император*» глумливо описывал приезд еще до революции Императора Николая II в Москву и писал, что в ландо с молодым военным «*в холеной бороде*» сидели, «*как чурки,*

---

[1] Последние новости. 1925.

[2] *Коковцев В.Н.* Из моего прошлого.

четыре дочурки», это о Великих Княжнах, к тому времени уже 10 лет как убитых.[1]

В течение года мучений заключенной Царской Семьи русская интеллигенция продолжала глумиться над ней, равнодушно внимала революционной клевете и даже порой спокойно обсуждала возможность убийства Государя. Так, писательница Тэффи в газете «Новое Слово» 26 июня 1918 года, то есть меньше чем за месяц до убийства Царской Семьи, разглагольствовала: «*Об убийстве Володарского говорить и писать будут очень много, больше чем о предполагаемом убийстве Николая Романова*».[2]

Для Тэффи, конечно, большевистский демагог Володарский тогда представлялся намного более интересной личностью, чем свергнутый Царь, слухи об убийстве которого, постоянно циркулирующие в газетах, уже успели набить оскомину.

Кстати, и Коковцев пишет: «*Сказать, что известие это* (об убийстве Государя – *П.М.*) *поразило меня своей неожиданностью, я не могу. Еще в бытность мою на Кавказе, когда мне приходилось слушать кругом меня самые определенные надежды на близкий конец большевизма, я всегда говорил по поводу перемещения Царской семьи в Тобольск, что это — начало страшного конца и что гнусная расправа с нею — только вопрос времени*».

Какое-то поразительно равнодушное отношение к Царской Семье чувствуется в этих словах! Они говорят о том, что русское общество большей своей частью смирилось с неизбежностью убийства не только своего Государя, но и его Семьи. «Бессмысленное очерствение», о котором пишет граф Коковцев, охватило Россию. Царская Семья, столь любившая русский народ, причем не какой-либо «платонической», а вполне реальной действенной любовью, была выдана своим народом в руки изуверов на поругание и мучительную смерть. «*Покинутая Царская Семья*» — это название книги корнета Маркова как нельзя лучше отражают суть преступления всех сословий русского народа перед ней, этой Семьей Императора Николая II. Подобно Спасителю во все время своего Крестного пути и восхождения на Голгофу, Царская Семья была почти всеми покинутой. Лишь горстка Верных оставалась с Ней до конца.

Император Николай II, Императрица Александра Федоровна и Августейшие Дети любили жизнь во всех ее проявлениях. Любили землю, деревья, цветы, птиц и животных. «*Il faut les laisser vivre !*»,[3] — кричал маленький Цесаревич, наблюдавший за рыбной ловлей и пораженный ви-

---

[1] *Маяковский В.В.* Император. [Стих.] // Красная новь. 1928. № 4. С.114–116.
[2] Новое Слово. № 54. 1918, 26 июня.
[3] Нужно их оставить жить! *(фр.)*

дом мучений задыхающейся без воды рыбы.[1] Добрый мальчик! В России не нашлось ни одного человека, который бы крикнул кровавому изуверу, убивавшему Тебя: « *Il faut le laisser vivre!*», который остановил бы преступную руку. Цветаева, мечущаяся, одержимая, порой богохульная и в то же время одна из самых духовно одаренных людей русской творческой элиты, уже тогда, в 1917 году, призывала:

За Голубя, за Отрока, за Сына
За Царевича младого Алексия
Помолись, церковная Россия!
Ах, ужели у тебя не хватит,
На него духовной благодати?

Но России не было дела до своего Царевича, умиравшего в подвале Ипатьевского дома. Она была занята увлекательным делом: братоубийственной войной.

Убийство Царской Семьи прошло как-то незаметно и буднично, говоря словами Патриарха Тихона, словно это было убийство какого-то разбойника. И почти никто не заметил, как с убийством Царской Семьи скрылась до срока, как Град Китеж, Святая Русь и на ее месте оказалась мертвящая Совдепия. Наступило время такого ужаса, такой безысходности, какого никогда не знавала Русь. И дело было не только в том, что страна была залита кровью, что миллионы крестьян, дворян, рабочих, священников, офицеров, служащих, гимназистов, малолетних детей были загублены, замучены, растерзаны бандой изуверов, но в том, и это главное, что с убийством Царской Семьи ушел тот дух, который и делал Россию отличной от иных стран, тот дух, который Пушкин называл «Русским Духом». Дух этот был Дух Христов, и только будучи преисполнена этим Святым Духом может быть Россия — Россией. Царская Семья, особенно Государь Николай II, была Державным воплощением этого духа. Они символизировали собой верность России Христу Спасителю и верность Ему ставили выше жизни и выше смерти. Именно за эту верность Христу ненавидели Николая II антихристы всех мастей и всего мира, именно за эту верность вели они с ним смертельный бой, именно за эту верность они замучили его и всех его близких. В этом смертельном противостоянии Царя и антихристов русское общество не было на стороне Царя. Оболваненное и жестоковыйное, оно, как и иудейский народ 2000 лет тому назад, возопило к новоявленным пилатам: «Распни Его!»

Простой народ, испытавший на себе всю тягостность большевистского ига, осознанно или неосознанно стремился вернуть себе Царя.

Вернуть Царя было мечтой и русских монархистов, оказавшихся в изгнании. Им казалось, что это так легко: провозгласить любого великого

---

[1] *Eugénie Grèce, de*. Op. cit. P. 324.

князя Императором, и Россия вновь обретет монархию. Сколько кандидатов в русские цари было явлено миру! Но все они были обречены исчезнуть. Оказалось, что вернуться к Царю своими силами — невозможно. Царь Града Китежа — Святой Руси — ушел вместе с нею в недосягаемые дали. Вернется ли Царь, вернется ли Святая Русь — ведает лишь один Господь.

Когда Царя не стало, русское общество в лице своих лучших представителей пришло в себя и стало мучительно осознавать, что оно сотворило. Царь и его Сын были убиты при попустительстве русских людей. Русский народ в целом потерял право иметь Царя. И эта трагедия космического масштаба с годами осознавалась все больше и больше. Оказалось, что только Царь и Церковь и делали Россию русской. А значит, и само общество могло быть русским только при православном Царе.

И пройдет совсем немного времени после свержения Императора, и опять-таки Цветаева в марте 1918 года с надеждой воскликнет:

Царь опять на престол взойдет,
Это свято, как пот и кровь!

Но уже через год после этих строк допишет в каком-то обреченном отчаянии: «*А Ему оставалось жить три месяца!*»

Вслед за Цветаевой Гумилев выразит саму суть происшедшего: «*Тягостен, тягостен этот позор, жить, потерявши Царя!*»

А через много лет, в эмигрантском Париже, Георгий Иванов напишет:

Эмалевый крестик в петлице
И серой тужурки сукно.
Какие прекрасные лица,
И как это было давно.
Какие прекрасные лица,
И как безнадежно бледны:
Наследник, Императрица,
Четыре Великих Княжны.

Эти два слова «прекрасные» и «безнадежно» точно рисуют ужас положения: прекрасное — безнадежно ушло.

Это ощущение невольно передавалось автору этих строк в местности у Открытой шахты под Екатеринбургом, которую принято называть Ганиной ямой. Было это в конце 90-х годов XX века. Монастыря тогда еще не было. Старая коптяковская дорога, лес, заброшенная шахта и даже растущая над ней сосна — все оставалось внешне нетронутым с черного июля 1918 года. Мне никогда не забыть, как в первый же день приезда на Ганину яму, около 12-ти часов дня, услышал я шелест крыльев. Это были два огромных, какие бывают только на Урале, иссиня-черных ворона. Они сделали круг над шахтой и приземлились на ветках высокой сосны. Они сидели навер-

ху, и казалось, что они наблюдают за мной, что им не нравится, что я пришел сюда. Посидев несколько мгновений на ветках сосны, вороны взлетели и, издав нечто похожее на карканье, улетели прочь. На следующий день эти вороны появились над шахтой снова, то же повторилось и в последний день моего приезда к Открытой шахте. Я далек был от мистики, но чувство того, что эти мрачные стражи стерегут тайну происшедшего на этом месте злодейства, не покидало меня. Казалось, что власть черных воронов над этим лесом, этой поляной и этой шахтой безраздельна.

И только крест, белый восьмиконечный православный крест, поставленный на Ганиной яме русскими людьми, придавал этому мрачному месту нечто новое и даже радостное. Этот белый Крест превращал место чудовищного преступления в величественный, тогда еще незримый, но уже явственно ощущаемый храм торжества Христовой Веры, храм великого мученичества во имя Христово.

Император Николай II и его Семья были убиты изуверами. Эти изуверы были уверены, что, убивая Царскую Семью, они навсегда убивают Святую Русь, изменяют ход истории, одерживают победу над Христом. После убийства преступники более полувека делали все, чтобы скрыть суть своего преступления, оклеветать Царскую Семью.

В своей книге архимандрит отец Рафаил (Карелин) очень точно выразил духовную суть того, что произошло в Ипатьевском доме: «В июле 1918года, в Екатеринбурге, было совершено гнусное и подлое злодеяние, которое навсегда останется черным пятном в истории человечества – это убийство Императора Николая II и его семьи. Последний православный император был убит теми богоборческими силами, которые за 19 веков до того распяли Иисуса Христа. Здесь вопрос стоит не о личностях, а о сатанинском заговоре, который, развиваясь, как раковая опухоль, захватил своими смертоносными щупальцами огромную страну».[1]

Но время в очередной раз показало все безумие и обреченность той силы, которая водила преступной рукой в ночь с 16-го на 17-е июля. С каждым годом большевистской деспотии, с каждым годом лжи и клеветы росло число жалеющих, любящих, а затем и почитающих убиенную Царскую Семью. И наоборот, чем больше славила власть преступные имена цареубийц, тем больше они предавались историей забвению. Медленно, но верно исчезают их кровавые имена с карты России, с улиц ее городов и весей. Нет, не памятник изуверам являет собой Ганина Яма, но памятник Святым Царственным Мученикам, памятник всем Верным, положившим свои души за Христа Спасителя.

---

[1] (Карелин) Рафаил, архимандрит. *О вечном и преходящем*. М. 2007

Пусть же имена Святой Царской Семьи сияют нашей многострадальной России путеводными звездами Добра и Любви во тьме нынешнего апостасийного века!

Пусть белый православный крест над мрачной Ганиной Ямой наполняет душу и сердце одним всепобеждающим чувством: «Сим Победиши!»

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

1. Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ).
2. Российский Государственный Исторический Архив (РГИА).
3. Российский Государственный Архив Социально-Политической Истории (РГАСПИ).
3. Ministère de la Guerre (MG) (Архив Армии (Франция)).
4. Ministère des Affaires étragères (MAE) (Архив Министерства Иностранных дел [Франция]).

Общая библиография

1. *Боханов А.* Николай II. М.: Молодая гвардия, ЖЗЛ, Русское слово. 1997.
2. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. СПб.: Сатисъ. 2002
3. *Болотин Л.* Царское дело. Материалы к расследованию убийства Царской Семьи. М., 1996.
4. *Буранов Ю.А., Хрусталев В.М.* Убийцы царя, уничтожение династии. М.: Тера. 1997.
5. *Буранов Ю., Хрусталев В.* Гибель императорского дома. 1917–1919 гг. М.: Прогресс. 1992.
6. *Быков П.М.* Последние дни Романовых. М.–Л., 1930.
7. *Быков П.М.* Последние дни Романовых. Свердловск, 1926.
8. В. и Л. Убийство Императора Николая II и его Семьи. Заживо погребенные. Алапаевское убийство Великих Князей. Харбин: Рассвет. 1920.
9. *Великие Святые.* «Он всех простил…». Император Николай II. Церковь о Царской Семье. СПб., 2002
10. *Вильтон Р.* Последние дни Романовых. М., 1999.
11. *Дитерихс М.К.* Убийство Царской Семьи и членов Дома Романовых на Урале: в 2 т. М., Скифы. 1991.
12. *Касвинов М. К.* Двадцать три ступени вниз. Ташкент: Узбекистон. 1990.
13. *Константин (Зайцев), архимандрит.* Чудо русской истории. М., 2000.
14. Николай Второй: венец земной и небесный. М., 1999.
15. *Ольденбург С.С.* Царствование Императора Николая II. СПб., Петрополь, 1991.

16. *Павлов Н.А.* Его Величество Государь Николай II. Париж, 1927.
17. *Пагануци П.* Правда об убийстве Царской Семьи. Нью-Йорк, 1981.
18. Памяти Царственных Мучеников. Сборник статей, посвященных памяти Императора Николая II и Его Семьи. Издание общества почитателей памяти Государя Императора Николая II и Его Семьи. София, 1930.
19. *Платонов О.А.* Николай II. СПб., 1999.
20. *Платонов О.А.* Терновый венец России. История цареубийства. М.: Энциклопедия русской цивилизации. 2001.
21. *Платонов О.А.* Убийство Царской Семьи. М.: Советская Россия. 1991.
22. *Плотников И.Ф.* Правда истории. Гибель Царской Семьи. Екатеринбург-Москва. 2003.
23. Полное собрание речей Императора Николая II. 1894–1906. СПб, 1906.
24. *Серафим (игумен).* Православный Царь-Мученик. М.: Хризостом. 1996.
25. *Соколов Н.А.* Убийство Царской Семьи. М.: Сирин. 1990.
26. *Ферро М.* Николай II. М.: Международные отношения. 1991.
27. *Хейфец М.* Цареубийство в 1918 году. Версия преступления фальсифицированного следствия. М., 1992.
28. *Хереш Э.* Николай II. Феникс, 1998.
29. Царь Николай II и новые мученики: пророчества, чудеса, открытия и молитвы. Документы. М., 2000.

Мемуары

1. 1918 года на Востоке России. М.: Центрополиграф. 2003.
2. *Александр Михайлович, великий князь*. Воспоминания, М.: Захаров-АСТ. 1999.
3. *Бажанов Б.* Воспоминания бывшего секретаря Сталина. СПб, 1992.
4. *Берия С.* Мой отец — Лаврентий Берия. М.: Современник. 1994.
5. *Беседовский Г.* На путях к термидору. М., 1997.
6. *Бьюкенен Дж.* Моя миссия в России. Воспоминания дипломата. Берлин: Обелиск. 1924.
7. *Бьюкенен Дж.* Мемуары дипломата. М.-Минск, 2001
8. Вильгельм II, император. События и образы. Берлин: Слово. 1923.
9. *Воейков В Н.,* дворцовый комендант Государя Императора. С Царем и без Царя. М., 1994.
10. *Волков А.А.* Около Царской Семьи. М, 1993.
11. *Гиппиус З.* Живые лица. Воспоминания. Тбилиси: Мерани. 1991.
12. *Ден Ю.* Подлинная Царица. Воспоминания близкой подруги Императрицы Александры Федоровны. СПб., 1999.

13. *Жевахов Н.Д.*, князь, товарищ обер-прокурора Св. Синода. Воспоминания. М., 1993.
14. *Жильяр П.* Император Николай II и его Семья. Вена, 1921.
15. *Збарский Илья.* Объект № 1. М.: Вагриус. 2000.
16. *Ипатьев В.Н.* Жизнь одного химика. Воспоминания. Нью-Йорк, 1945.
17. Как погибла Царская Семья. Свидетельство очевидца И.П. Мейера: пер. с нем. М., 1990.
18. *Керенский А.Ф.* Россия на историческом повороте. Мемуары. М., 1993.
19. *Кирилл Владимирович, великий князь.* Моя жизнь на службе России. Лики России, 1996.
20. *Ллойд-Джордж Д.* Военные мемуары. М., 1935
21. *Ломан Ю Д.* Воспоминания крестника Императрицы. Автобиографические записки. СПб., 1994.
22. *Ломоносов Ю.В.* Воспоминания о мартовской революции 1917 года. Стокгольм-Берлин, 1921.
23. Маршал Тухачевский. Воспоминания соратников. М., 1965.
24. *Мельник* (урожденная Боткина) Т. Воспоминания о Царской Семье и ее жизни до и после революции. М., 1993.
25. *Милюков П.Н.* Воспоминания. М.: ИПЛ. 1991.
26. *Мосолов А.А.*, генерал. При дворе последнего Императора. СПб.: Наука. 1992.
27. *Орбели Л. А.* Воспоминания. М.-Л., 1966.
28. *Ордовский-Танаевский Н.А.* Воспоминания: жизнеописание мое. Simbach-am-Caracas, Москва, СПб., 1948–1993.
29. Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев. Л.: Красная Газета. 1927.
30. Памятные дни. Из воспоминаний гвардейских стрелков. Таллин, 1937.
31. *Панкратов В. С.* С царем в Тобольске. Из воспоминаний. Л., 1990.
32. *Пронин В. М.* Последние дни Царской Ставки. Белград, 1930.
33. *Сахаров К. В., генерал-лейтенант.* Белая Сибирь. Внутренняя война 1918-1920. Мюнхен. 1933.
34. Страна гибнет сегодня. Воспоминания о февральской революции 1917 года. М.: Книга. 1991.
35. Фрейлина Ее Величества. Дневник и воспоминания Анны Вырубовой. М.: Советский писатель. 1991.
36. Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных. М.: Сретенский монастырь, Новая книга, Ковчег. 1999.
37. *Чуев Ф.* Молотов. Полудержавный властелин. М.: Олма-Пресс. 1999.
38. *Шульгин В.В.* Дни. 1920. М.: Современник, 1989.
39. *Эйхе Г. Х.* Опрокинутый тыл. М., 1966.
40. Яков Михайлович Свердлов. Сборник воспоминаний и статей. М., 1926.
41. *Яковлев А.* Омут памяти. М.: Вагриус, 2001.

Опубликованные документы

1. *Алексеев В.* Гибель Царской Семьи: мифы и реальность. Новые документы о трагедии на Урале. Екатеринбург, 1993.

2. Архив Новейшей истории России. Скорбный путь Романовых. Сборник документов и материалов. М.: РОССПЭН. 2001.

3. Архив Русской Революции (изд. Г. В. Гессена) М.: Терра. 1991.

4. Борьба за власть Советов в Тобольской губернии 1917-1920. Сборник документов. Свердловск, 1967.

5. *Будберг А., барон.* Дневник. М.: Молодая гвардия. 1990.

6. Гибель Царской Семьи. Материалы следствия по делу об убийстве Царской Семьи / сост. Росс Н. Мюнхен: Посев. 1987.

7. Государыня Императрица Александра Федоровна Романова. Дивный свет. Дневниковые записи, переписка, жизнеописание. М., 1999.

8. Дневник Императора Николая II. Берлин: Слово. 1923.

9. Дневник Николая Романова. Красный Архив: тт. XX–XXVI. М., 1927–1928.

10. Дневники и документы из личного архива Николая II. Минск: Харвест. 2003.

11. Дневники Императора Николая II. М.: ORBITA, 1991.

12. Заповедь Новая. Архивные материалы и исторические зарисовки к духовному портрету блаженной памяти монахини Марии — в миру Анны Александровны Танеевой (Вырубовой) / сост Рассулин Ю. Ю. М., 2003.

13. Заявление раввинов России. СПб, 1911.

14. *Леонтьев*, генерал. Открытое письмо Императору Вильгельму. Paris, 1918.

15. *Мейлунас А. Мироненко С.* Николай и Александра. Любовь и жизнь. М.: Прогресс. 1998.

16. Николай II накануне отречения от престола. Документы. Камерфурьерские журналы (декабрь 1916–февраль 1917). СПб.: Скарабей. 2001.

17. Обращение товарища Ленина к рабочим, крестьянам и солдатам Красной Армии, одобренное на заседании ВЦИК от 15 июля 1918 года. Афиша.

18. Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы: т. 2. Июнь 1907 г–февраль 1917 г. М.: РОССПЭН. 2001.

19. Переписка Вильгельма II с Николаем II. М.-Пг.: Госиздат. 1923.

20. Переписка Николая и Александры Романовых /под ред. Покровского М.Н. М.-Пг., 1923.

21. Письма Императрицы Александры Федоровны к Императору Николаю II: пер. с англ. Набокова В. Д. Берлин: Слово. 1922.

22. Письма Святых Царственных Мучеников из заточения. СПб.: Спасо-Преображенский монастырь. 1996.

23. *Платонов О. А.* Терновый венец России. Николай II в секретной переписке. М., 1996.

24. Последние дневники Императрицы Александры Федоровны Романовой. Февраль 1917 г.–16 июля 1918 г. Новосибирск: Сибирский хронограф. 1999.
25. Последние дни Романовых. Документы, материалы следствия, дневники, версии. Свердловск, 1991.
26. Правые партии. 1905–1917. Сб. документов и материалов. М., 1998.
27. *Прищеп В. И., Александров А. Н.* Расследование цареубийства. Секретные документы. М.: Российская книжная палата, Изд. центр «Юго-Запад». 1993.
28. *Соколов Н. А.* Предварительное следствие 1919–1922 гг. // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX /сост. Лыкова Л.А. М.: Студия «Тритэ» Никиты Михалкова, Российский Архив, РЦХИДНИ. 1998.
29. Россия и США: дипломатические отношения 1900–1917. Документы. М., 1999.
30. Скорбный Ангел. Царица-Мученица Александра Новая в письмах, дневниках и воспоминаниях. М.: Общество Святителя Василия Великого. 2005.
31. *Троцкий Л.* Дневники и письма. М.: Эрмитаж. 1994.
32. Убийство Царской Семьи и ее свиты. Официальные документы. Константинополь, 1920.
33. *Шаляпин Ф.И.* Литературное наследство. Письма: т.1. М., 1976.

Библиография по частям

Часть первая

1. *Авдонин А.Н.* В жерновах революции. Документальный очерк о комиссаре В.В. Яковлеве. Екатеринбург, 1995.
2. *Алексеева И.В.* Агония Сердечного Согласия. Царизм, буржуазия и их союзники по Антанте. 1914–1917. Л., 1990.
3. *Берберова Н.* Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. Russica Publishers, INC. New York, 1986.
4. *Березов П.* Свержение двуглавого орла. М.: Мысль. 1967.
5. *Блок А.* Сочинения в одном томе. М.-Л. 1946.
6. Божией Милостию Архиерей Русской Церкви. Три жизни митрополита Нестора Камчатского. М., 2002.
7. *Боханов А.Н.* Распутин. Анатомия мифа. М. 2000.
8. *Брачев В.С.* Русское масонство XVIII-XX веков. СПб.: Стома. 2000.
9. Взыскующие града. М. 1997.
10. *Винберг Ф.* Крестный путь. Корни зла. Мюнхен, 1922.
11. Гражданская война и иностранная интервенция на Урале. Свердловск, 1969.
12. *Грунт А.Я., Старцев В.И.* Петроград–Москва. Июль–ноябрь 1917. М.: ИПЛ. 1984.

13. *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль–сентябрь 1917 г. М.: Наука. 1991.
14-15. *Енсен Б.* Среди цареубийц. М., 2001.
16. И даны будут жене два крыла. Сб. к 50-летию Сергея Фомина. М.: Паломник. 2002.
17. *Иоффе Г.З.* Крах Российской монархической контрреволюции. М. 1977.
18. *Иоффе Г.З.* Революция и судьба Романовых. М. 1992
19. *Катков Г.М.* Февральская революция. Париж: ИМКА-ПРЕСС. 1984.
20. *Керенский А.Ф.* Издалека. Сборник статей. (1920–1921). Париж, 1922.
21. *Кинг Г.* Александра Федоровна. Биография. М., 2000.
22. *Кобылин В.* Анатомия измены. Император Николай II и генерал-адъютант М.В. Алексеев. Истоки антимонархического заговора. СПб.: Царское Дело. 1998.
23. *Кожинов В.В.* «Черносотенцы» и Революция. М., 1998.
24. *Криворотов В.* На страшном пути до Уральской Голгофы. Страшное иго. Мадрид, 1975.
25. *Крылов-Толстикович А.* Быть русской императрицей. М.: Гала-Пресс. 2003.
26. *Кураев Андрей, диакон.* О нашем поражении. СПб., 1999.
27. *Людендорф Э.* Мои воспоминания. 1914–1918: в 2 т. Словения, Югославия, 1921.
28. *Марков Н.* Война темных сил. /пред. Смолина М. Б. М., 2002.
29. *Марков С.В.* Покинутая Царская Семья. М., 2002.
30. *Мельгунов С.П.* Мартовские дни 1917 года. Париж, 1961.
31. *Мельгунов С.П.* На путях к дворцовому перевороту: заговоры перед революцией 1917 года. Париж: Родина. 1931.
32. *Мельгунов С.П.* Судьба Императора Николая II после отречения. Нью-Йорк: Телекс. 1991.
33. *Мстиславский С.* Гибель царизма. Л.: Прибой. 1927.
34. *Мультатули П.В.* Император Николай II во главе действующей армии и заговор генералов. Спб.: Сатисъ. 2002.
35. *Назаров М.* Вождю Третьего Рима. М.: Русская Идея. 2004.
36. *Николаев П.А.* Историческая драма в Пскове. Март 1917. Псков, 2003.
37. *Нилус С.А.* Близ есть при дверех… СПб.: Сатисъ. 2002.
38. *Пархомовский М.* Сын России, генерал Франции. Об удивительной жизни Зиновия Алексеевича Пешкова и необыкновенных людях, с которыми он встречался. М., 1989.
39. *Поздனышев С.* Немеркнущий свет. Сан-Пауло, 1949.
40. *Позднышев С.* Распни Его. Париж, б/д.
41. Рабочая революция на Урале: Эпизоды и факты. Екатеринбург, 1921
42. *Руднев В.* Правда о Царской Семье и «темных силах» / пред. Гаранина Б. Берлин, 1920.
43. *Смирнов А.Ф.* Государственная Дума Российской империи 1906–1917. Историко-правовой очерк. М.: Книга и бизнес. 1998.

44. *Соловьев О.Ф.* Обреченный альянс. М.: Мысль. 1986.
45. *Спиридович А.И.* Великая война и февральская революция (1914–1917). Минск: Харвест. 2004.
46. *Старцев В.И.* Тайны русских масонов. СПб., 2004.
47. *Столяренко М.А.* Матрос с «Зари Свободы» (о П. Д. Хохрякове). М. 1965.
48. *Троцкий Л.* История русской революции. Берлин, 1931.
49. Флот в Белой борьбе. М., 2002.
50. *Шаргунов А., протоиерей.* Православная монархия и новый мировой порядок. М., 1992.
51. *Яковлев Н.Н.* 1 августа 1914. М.: Москвитянин. 1993.

Часть вторая

1. *Боголюбов Н.* Тайные общества XX века. СПб., 1997.
2. *Бонч-Бруевич В. Д.* В.И. Ленин о художественной литературе. М., 1934.
3. *Бостунич Г.* Правда о сионских протоколах. Митровица, 1921
4. *Гейфман А.* Революционный террор в России. 1894–1917. М., 1997.
5. *Городецкий Е., Шарапов Ю.* Свердлов// ЖЗЛ. М., 1971.
6. *Дзулиани Мариолина Дориа* де. Царская Семья. М., 1991.
7. *Иванов А.М.* Логика кошмара. М., 1993.
8. *Кац А.С.* Евреи, Христианство, Россия. М., 1997.
9. *Кожинов В.В.* Россия век XX. 1901–1991. М. 1998.
10. *Латышев А.Г.* Рассекреченный Ленин. М., 1996.
11. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч.
12. *Медведев Ж.* Сталин и еврейская проблема. Новый анализ. М., 2003.
13. *Назаров М.* Тайна России. М.: Русская идея. 1999.
14. *Новгородцев П.И.* Об общественном идеале. М.: Пресса. 1991.
15. *Новгородцева К.Т.* Яков Михайлович Свердлов. М.: Молодая гвардия. 1957.
16. *Плотников И.Ф.* Двоюродные братья В.И. Ленина (Ульянова) Ардашевы и их родословная. Екатеринбург: Банк культурной информации. 2005.
17. *Подшивалов И.* Гражданская борьба на Урале. 1917–1918 гг. М., 1925.
18. *Прайсман Л.Г.* Террористы и революционеры, охранники и провокаторы. М., 2001.
19. *Пруссаков В.* Оккультный мессия и его рейх. М.: Молодая гвардия. 1992.
20. *Рид Д.* Спор о Сионе. М.: Витязь. 2000.
21. Россия и евреи. Сборник первый. Берлин, 1924.
22. Русские масоны в эмиграции. Париж, 1942.
23. *Саттон Э.* Уолл-Стрит и большевицкая революция. М.: Русская идея. 1998.
24. *Свердлов Я.М.* Избранные произведения. М., 1976.
25. *Солженицын А.И.* Двести лет вместе. М., 2000.
26. *Сталин И.В.* Соч. М.: ОГИЗ. 1947.

27. *Фельштинский Ю.Г.* Вожди в Законе. М.: Терра. 1999.
28. *Фроянов И.Я.* Октябрь семнадцатого. СПб., 1997.
29. *Хлыстаков Э.* Босиком среди гадюк. М., 1992.
30. *Штейн М.Г.* Ульяновы и Ленины. Семейные тайны. СПб.: Издательский дом «Нева». 2004.
31. *Шульгин В.В.* Что нам в них не нравится. Об антисемитизме в России. М.: Русская книга. 1994.

Часть третья

1. *Авдонин А.Н.* Дело жизни судебного следователя Николая Соколова. Екатеринбург, 2000.
2. *Бехтеев С.С.* Грядущее. Стихотворения. СПб., 2002.
3. *Борман Э.* Николай II. Сон-легенда к Троицкому дню. Б/г.
4. *Зайцев Г. Б.* Романовы в Екатеринбурге. 78 дней. Документальное исследование. Екатеринбург: Сократ. 1997.
5. *Крылов А.* Последний лейб-медик. М., 1998.
6. *Кузнецов В.В.* Тайна пятой печати. СПб.: Сатисъ. 2002.
7. Россия перед вторым пришествием. Материалы к очерку русской эсхатологии. М., 1998.
8. *Рябов Г.* Как это было. Романовы: сокрытие тел, поиск, последствия. М.: Политбюро. 1998.

Часть четвертая

1. *Бунич Игорь.* Династический рок. Александр I. Николай II. СПб–М., 2003.
2. *Василевский И. М.* (Не-Буква). Что они пишут? Л., 1925.
3. *Веселы И.* Чехи и словаки в революционной России 1917–1920 гг. М., 1965.
4. *Воробьевский Ю.* Путь в апокалипсис. Точка омега. М., 1999.
5. *Гуль Р.* Дзержинский. Начало террора. М., 1991.
6. *Даль В.* И. Записка о ритуальных убийствах. СПб., 1913.
7. *Дзержинская С.С.* В годы великих боев. М., 1975
8. *Емельянов Ю.* Троцкий. Мифы и личность. М.: Вече. 2003.
9. И даны были жене два крыла. Сборник к 50-летию Сергея Фомина. М. «Паломник», 2000.
10. Иисус Христос в документах истории. Спб.: Алетейя. 1999.
11. *Клавинг В.* Гражданская война в России: Белые армии. СПб., 2003.
12. *Ключников С. Ю.* Священная наука чисел. М.: Беловодье. 2001.
13. *Козлов Н.* Священная война. Б. м. и б. г.
14. *Кочедаев А.* Екатеринбургская трагедия. Роман. Тянзин, Китай. Б/г.
15. *Кривошеев Ю. В.* Гибель Андрея Боголюбского. СПб., 2003.
16. *Кроули А.* 777. Каббала Алистера Кроули. М., 2003.
17. *Кузнецов Б. Н.* Древний Иран и Тибет. История религии бон. М.: Евразия. 1998.
18. Легенда о Царской голове. М., 1992.

19. *Лосев А. Ф.* Миф–Число–Сущность. М., 1994.
20. Люди погибели. Сатанизм в России: попытка анализа. М., 2000.
21. *Нечволодов А.* Сказание о Русской земле. СПб., 1913.
22. *Норд Л.* Маршал Тухачевский. Париж, 1978.
23. *Носенко Е. Э.* Вот праздники Бога... Историко-генетическое исследование еврейских праздников. М., 2001.
24. *Носенко Е. Э.* Восточная демонология: От народных верований к литературе. М.: «Наследие», 1998.
25. *Пенник Н.* Магические алфавиты. Киев, «София», 1996.
26. *Раушнинг Герман.* Говорит Гитлер. Зверь из бездны. М., 1993.
27. Русский «Наган». М., 2004.
28. *Суетов Л. А.* Белое дело. Часть 1. СПб, 2000.
29. *Тихомиров Л. А.* Религиозно-философские вопросы истории. М., 1997.
30. *Энель.* Жертва. Париж, 1925.
31. *Якубовский Эдуард.* Расстрел в подвале. Екатеринбург, 1998.
32. *Ямпольский М. Б.* Беспамятство как исток (Читая Хармса). М., 1998

Издания на иностранных языках

1. *Alexandrov (V.)* La fin des Romanovs. Paris: Edition Alsatia. 1968.
2. *Benkendorf P.* Last Days at Tsarskoe Selo. London, 1927.
3. *Bessedovski Grégoire.* Staline. L'homme d'acier. Paris, 1932.
4. *Botkin Gleb.* Grandeur et Misere des Romanovs. Paris: Edition siècle. 1932.
5. *Bulygin P.* The murder of the Romanovs. New York, 1935.
6. *Buxhoeveden (S.)* The Life and Tragedy of Alexandra Feodorovna. Londres, 1928.
7. Carrère d'Encausse Héléne, de l'Académie française. Nicolas II. La transition interrompue. Une biographie politique. Paris: Hachette. 1996.
8. *Catinot-Crost (L.)* La Tsarine Martyre. Derniere Imperatrice de Russie. Anglet: Atlantica. 2001.
9. Die Ermordung des Zaren Nicolaus II und seiner Famillie. Leipzig: Drei-Sonnen-Verlag.
10. *Dumontier (M.)* Sur les pas des Templiers à Paris et en Ile-de-France. Paris, 1979.
11. *Essad Bey.* Devant la Revolution. La vie et le regne de Nicolas II. Paris, 1935.
12. *Essad Bey.* Nicolaus II. Glanz und Untergang des letzten Zaren. Berlin, 1934.
13. *Galitzine Véra, princesse.* Réminiscences d'une émigrée (1865-1920). Paris: Plon. 1925.
14. *Gilliard (P.).* Le Tragique destin de Nicolas II et de sa famille. Paris: Payot, 1929.
15. *Grèce (E.)* de. Le Tsarévitch enfant martyr. Avec son journal inédit. Paris, Perrin, 1990.

16. *Grey (M.)* Enquête sur le massacre des Romanov. Vérités et Légendes. Paris, Perrin, 1987.
17. *Grunwald (C. de).* Le Tsar Nicolas II, Paris, Berger-Levrault, 1965.
18. *Jacoby (J.)* Le Tsar Nicolas II et la révolution. Paris, 1931.
19. *Janin (M.),* général. Ma mission en Sibérie. 1918-1920. Paris, Payot, 1933.
20. Kerenski (A.) La Vérité sur le massacre des Romanov. Paris: Payot. 1936.
21. La Caballe et la tradition judaïque. Paris, 1974.
22. *Lasies (J.)* La tragédie sibérienne. Paris, 1920.
23. Les discours de Guillaume II pendant la guerre. Paris, 1918.
24. *Lorrain (P.)* La nuit de l'Oural. L'assassinat des Romanov. Paris: Bartillat. 1996.
25. *Loupan (V.)* Nicolas II. Le saint tsar. Paris, Les Syrtes, 2001.
26. *Marie de Russie* (grande-duchesse). Education d'une princesse. Paris, 1931.
27. *Netchvolodov (A.)* L'Empereur Nicolas II et les juifs. Paris, 1924.
28. *Noulens (J.)* Mon Ambassade en Russie soviétique 1917–1919. Paris: Plon. 1933.
29. Papers relating to the foreign relations of the United States. 1918 Russia. Washington, 1932, volume 2.
30. *Pascal (P.)* Mon journal de Russie. 1916–1918. Paris: L'Age d'Homme. 1975.
31. Rémarques de la délégation allemande au suget du rapport de la commission des gouvernements alliés et associés sur les ressponsabilités des auteurs de la guerre. S/D.
32. *Robien (L. de)*, Ambassadeur de France. Journal d'un diplomate en Russie. 1917-1918. Paris: Edition Albin Michel. 1967.
33. Ross Nicolas. La mort du dernier tsar. La fin d'un mystère? Paris, L'Age d'Homme. 2001.
34. *Saint-Pierre (M. de*). Le Drame des Romanov. 2 volume. Paris: Robert Laffon. 1969.
35. Sokoloff Nicolas, juge d'instruction près le tribunal d'Omsk. Enquête judiciaire sur l'assassinat de la famille Impériale Russe. Paris: Payot. 1924.
36. *Speransky (V.)* La Maison à destination spéciale. Paris: Ferenzi. 1929.
37. *Summers (Anthony), Mangold (Tom).* Le dossier Romanov Albin Michel. Paris, 1980.
38. The Rullers of Russia. Dublin, 1962.
39. *Troyat (H.),* de l'Académie française. Nicolas II. Le dernier tsar. Paris: Flammarion. 1991.

Периодические издания

Газеты

1. Южный-Федеральный. №6 (13). 2001, 20 февраля.
2. La Tribune Juive, 6 février 1920 (на фр. языке).
3. Аргументы и факты. №21 (62). 1996.

4. Версия. № 29. 2003 г.
5. Вечерний Свердловск. 1987, 3 августа.
6. Дуэль. 2003, 28 октября.
7. Еврейская трибуна. 1922, 29 декабря.
8. Ленинское знамя. 1989, 12 ноября.
9. Литературная Россия. № 11. 2002, март .
10. Наша Страна. № 119. 1952, март.
11. НГ Религии. 2004, 12 мая.
12. Невское время. № 36. 1998, 27 февраля.
13. Новое Время. 1898, 31 августа.
14. Русская Жизнь. Сан-Франциско. 1970, 15 декабря.
15. Русская мысль. № 348. 1951, 25 мая.
16. Русская мысль. № 440. 1952.
17. Русская мысль. La pensйe Russe. № 358. 1985, 2 августа.
18. Русский вестник. № 8. 2004.
19. Секретные материалы 20 века. Международная газета. № 21 (123). 2003. № 440.
20. Секретные материалы. № 4 (74); 5 (75). 2002.
21. Царский Вестник. № 25. 1929, 17 февраля.
22. Царский Вестник. № 27. 1929.
23. Царь-Колокол. № 1. 1990.
24. Царь-Колокол. № 1. 1990.
25. Черная сотня. № 47–48. 2000.
26. Возрождение. № 4131. Некролог Н. Н. Ипатьева. 1938, 13 мая.
27. Русская мысль. №348. 1951, 25 мая.

Журналы

28. L'assiete au beurre. Paris, 1905, (на фр. языке).
29. Вопросы истории. №9. 1971.
30. Двуглавый орел. Вестник Высшего Монархического совета. Париж. 1922-1929.
31. Известия ЦК КПСС. № 5. 1989.
32. Источник. Документы русской истории. Приложение к российскому историко-публицистическому журналу «Родина». 1993–2001.
33. Красная Нива. № 31. 1927.
34. Красная новь. 1928. № 5.
35. Кубань. № 2. 1991.
36. Летопись революции, 1923.
37. Мегаполис. № 6 (359). 2004, 11–17 февраля.
38. Минувшее. 1991.
39. Московский журнал. № 10. 2003.
40. Московской Патриархии. № 4.1953.
41. Нива. № 19. 1917.
42. Новая Юность. №4 (43). 2000.
43. Новое Время. №27. 1998, 12 июля.
44. Отечественная история. № 2. 1993.
45. Прожектор. 1928. №29.
46. Родина. 1989. №4–5.
47. Русская Летопись. Париж, 1922–1925.
48. Русский Дом. № 11. 2004.

49. Русский Дом. № 4. 2002.
50. Славяноведение. №3.1994.
51. Часовой. 1950, июль.
52. Эхо планеты. № 24. 1998.
53. Белая армия. Белое дело: Ист. научно-популярный альманах. № 4. Екатеринбург, 1997.
54. Церковь. №13. М.,1909, 29 марта.

Материалы научных конференций и симпозиумов

1. Покаяние. Материалы Правительственной комиссии по изучению вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением останков Российского Императора Николая II и членов его семьи. М.: Выбор. 1998.
2. Правда о Екатеринбургской трагедии. Сборник статей. М., 1998.
3. Романовские чтения. Посвященные восстановлению и увековечению памяти о Романовых. Администрация Свердловской области, Свердловский областной краеведческий музей, Региональный общественный фонд «Обретение». Екатеринбург 1997–2004 гг.
4. Царское дело и екатеринбургские останки. Материалы международной научной конференции. СПб., 1998.

Справочная литература

1. Who's who in France. Recueil de notices biographiques 1955-1956, Paris.
2. Encyclopedia Judaica.
3. The Jewish Encyclopedia, New York: Funk and Wagnalls, 1906–1910.
4. Энциклопедический словарь/ под ред. Брокгауза Ф.А. и Ефрона И.А. СПб.–Лейпциг, 1890–1904.
5. Большая Энциклопедия/ под ред. Южакова С. Н. СПб., 1900–1905.
6. Словарь современного русского литературного языка. М.–Л., 1961.

Специальная литература

1. *Молчанов В.И., Попов В.Л., Калмыков К.Н.* Огнестрельные повреждения и их судебно-медицинская экспертиза. Л. 1990.
2. Уголовное Право. Общая часть. Учебник. М.: Новый Юрист. 1997.
3. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1911.

Интерактивные материалы

1. *Болотин Л.* Черная банда. Кто является наследником цареубийц сегодня? // http://oprichnina.pycckie.com.

2. Вознесенская горка в Екатеринбурге. //http://e-burg2003.narod.ru.

3. Еврейский культурно-религиозный центр «Маханаим» //http://www. machanaim.org.

4. Интервью с главным раввином России А. Шаевичем //http://www. compromat.ru.

5. Интервью с профессором, князем А.П. Щербатовым // http://www. romanov-center.ural.org.

6. Иудейский религиозный сайт //http://www.machanaim.org.

7. Иудейский сайт, посвященный вере, жизни, быту, культуре и праздникам еврейского народа //http://www.prazdnik.ru.

8. Книги монаха Неофита //http://oprichnina.pycckie.com.

9. Подлог //http://www.blagoslovenie.ru.

10. Православный портал Святого Иринея по изучению и борьбе с тоталитарными и сатанинскими сектами //http://iriney.vinchi.ru.

11. Предсказание. Интервью с кабалистом Михаэлем Лайтманом //http:// izvestia.ru.

12. Сатанинский сайт //http://ofabys.ru.

13. Сатанинский сайт по истории дьявопоклонства //http://blacklig.ru.

14. *Степанов А.* «Кругом измена и трусость, и обман...». У Императора Николая II был план предотвращения революции 1917 года. //http://www.rusk.ru.

15. Хасидский сайт //http://www.chassidus.ru.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть вторая
Организаторы убийства Царской Семьи: кто они?

Часть третья
Екатеринбургская Голгофа

Часть четвертая
Екатеринбургское злодеяние

Библиография

П.В. Мультатули
Свидетельствуя о Христе до смерти...
Екатеринбургское злодеяние 1918 г.: новое расследование

Издание третье, исправленное и дополненное

Издатель – фонд «Русский предприниматель» (Екатеринбург)

Макет ООО ТЦ «ФОРУМ»

Подписано в печать 21.05.2008.
Формат 70×100$^{1}/_{16}$. Бумага для ВХИ. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 64,5. Тираж 5000 экз. Заказ № 386.

Отпечатано в соответствии
с качеством предоставленного оригинал-макета
в ОАО «ИПП «Уральский рабочий»
620041, ГСП-148, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.
http://www.uralprint.ru e-mail:book@uralprint.ru

МУЛЬТАТУЛИ Пётр Валентинович родился 17-го ноября 1969 года в городе Ленинграде. В 1991 году закончил Государственный Педагогический Университет им. А.И. Герцена по специальности история и правоведение. Служил в органах МВД в должности следователя и оперуполномоченного уголовного розыска.

Прадед П.В. Мультатули, повар Иван Михайлович Харитонов, мученически погиб вместе с Царской Семьёй в Ипатьевском Доме.

Темой исторических исследований Мультатули является личность Императора Николая II, которую считает ключевой для понимания новейшей русской истории.

Мультатули — автор четырёх книг: «Забытая война. Россия и Германия в Первой мировой войне»; «Господи, благослови решение мое...» Император Николай II во главе действующей армии и заговор генералов»; «Строго посещает Господь нас гневом Своим...» Император Николай II и революция 1905-1907 годов»; «Свидетельствуя о Христе до смерти... Екатеринбургское злодеяние 1918 года: новое расследование».

С 2007 года живёт и работает в Москве.

П.В. Мультатули

СВИДЕТЕЛЬСТВУЯ О ХРИСТЕ ДО СМЕРТИ...